

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 05929351 8

1941

1941

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

LXIV.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ. ХУДОЖЕСТВЪ. ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

*Ἐμοὶ δὲ τί αἰσχρὸν, τοὺς ἑτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτι γινῶναι μῆτι ποιῆσαι: Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγονόμοις οὐχ ἠμίαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Soerat. apud Xenophont. iv. 8. 9.

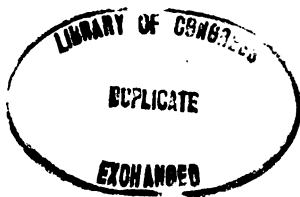
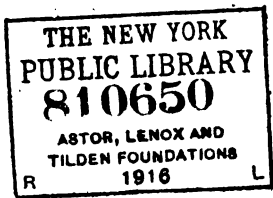
ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

64

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
заглавіе издательства. Санктпетербургъ, 1844 года, апрѣля 30 дня.

Ценсоръ С. Кутерга.
Ценсоръ А. Никитенко.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

=

ИЗЪ АЛЬБОМА ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ СУШКОВОЙ.

=

ЧЕРНООКОЙ.

=

Вблизи тебя, до этихъ поръ,
Я не слыхалъ въ груди огня;
Встрѣчалъ ли твой волшебный взоръ —
Не билось сердце у меня,
И пламень черныхъ сихъ очей,
Который вѣчно, можетъ-быть,
Останется въ груди моей,
Не могъ меня воспламенить.
Къ чему жъ разлуки первый звукъ
Меня заставлялъ тренетать?
Онъ не предвѣстникъ долгихъ мукъ.
Я не люблю! зачѣмъ скрывать?
Однако же, хоть день, хоть часъ
Желалъ бы дольше здѣсь пробывать
Чтобъ блескомъ этихъ чудныхъ глазъ
Тревогу мыслей усмирить.

1830.

БЛАГОДАРИЮ!

Благодарю!.... Вчера мое признание
И стихъ мой, ты безъ смѣху приняла,
Хоть ты страстей моихъ не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

Въ другомъ кругу ты увидѣла плѣса,
Твой чудный взоръ и острота рѣчей
Останутся на вѣкъ въ душѣ моей,
Но не хочу, чтобы ты мнѣ сказала:

Благодарю!

Я бъ не желалъ умножить въ цвѣтѣхъ лѣтъ
Печальную толпу твоихъ рабовъ,
И отъ тебя услышать, вместо словъ
Язвительной, жестокой укоризны:

Благодарю!

О, пусть холодность мнѣ твой взоръ покажетъ,
Пускай убьетъ надежды и мечты,
И все, что въ сердцѣхъ возродила ты!
Душа моя тебе тогда лишь скажетъ:

Благодарю!

1830.

ВЪ АЛЬБОМѢ.

(ПОДРАЖАЕТЕ ВАЙРОЛЕЖИ.)

Нѣтъ, я не требую вниманья
На грустный бредъ души моей,
Тапть отъ всѣхъ мой желанья
Привыкъ ужъ я съ давнишнихъ дней.

Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтобъ здѣсь чрезъ много скучныхъ лѣтъ

Отъ жизни крапкой, не вытекающей,
Какой-нибудь остался следъ

Быть-можетъ, нѣкогда случится,
Что всѣ страницы пробѣжавъ,
На эту взоръ вашъ устремится
И вы промолвите: «онъ правъ».

Быть-можетъ, долго стихъ унылой
Вашъ взглядъ удержитъ надъ собой,
Какъ близъ дороги столбовой
Прищельца памятникъ могилы.

1830.

СТАНСЪ

Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ,
Хоть ~~взглядъ~~ судьбы ~~моей~~
Померкнула съ ~~длинными~~ поръ,
А съ ней и думъ дуншихъ дней.
Слеза, которая не разъ
Рвалась блеснуть передъ тобой,
Ужъ не придетъ, — какъ прошлый часъ
На слѣхъ подосланный судьбой.
Надъ мною посмѣялась ты,
И я презрѣнъ отвѣчалъ,
Съ тѣхъ поръ сердечной вустой
Я ужъ ни чѣмъ не замѣнял!
Ничто не сблизитъ больше насъ,
Ничто мнѣ не отдастъ покой,
И сердце шепчетъ каждый часъ:
«Я не могу любить другой!»
Я жертвовалъ другимъ страстямъ,
Но если первыя мечты

Служить не могутъ снова намъ,
 То чѣмъ же ихъ замѣнишь ты?
 Чѣмъ ты украсишь жизнь мою,
 Когда ужъ обратила въ прахъ,
 Мои надежды въ семъ краю,
 .....

1830.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ.

=

Я видалъ иногда, какъ ночная звѣзда
 Въ зеркальномъ заливѣ блеститъ,
 Какъ трепещетъ въ струяхъ и серебряный прахъ,
 Отъ нея равсѣшался, бѣжитъ.

Но поймать ты не лѣстись, и ловить берегись:
 Обманчивы лучъ и волна!
 Мракъ тѣни твоей только ляжетъ на ней,
 Отойдешь—и заблещетъ она!

Свѣтлой радости такъ, безпокойный призракъ
 Насъ манитъ подъ хладною мглой;
 Ты къ нему—онъ шутя убѣжитъ отъ тебя
 Ты обмануть—онъ вновь предъ тобой!

1830.

М. ДЕРЖАВИНЪ.

**ДВА ИВАНА,
ДВА СТЕЩАНУЧА,
ДВА КОСТЫЛЬКОВА.**

=

РОМАНЪ.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Провинція.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ РОМАНЪ И ВЪ ПРОВИНЦІЮ.

=

Я вамъ не скажу, высокопочтенный читатель, ни имени губерніи, ни прозванія провинціи, въ которыхъ начался мой романъ: зачѣмъ обременять память вашу географическими свѣдѣніями, которыя теперь уже не свѣдѣнія? Довольно вамъ вѣдать, что романъ мой родился ни въ Москвѣ, ни въ новомъ Питербургѣ, а въ глубинѣ Россіи, въ густомъ лѣсу, раскинутомъ на пространствѣ многихъ квадратныхъ верстъ. Опушка лѣсу примыкала съ сѣверной стороны къ городскому выгону; большая дорога желтой змѣей вилась по всему выгону и подымалась на неболь-

но наказывалъ молчаніе. Всѣ проводники, то есть: кучера и челядинцы съ благоговѣніемъ поглядывали на арапникъ, и хранили глубокое безмолвіе. Только и слышанъ былъ стукъ колесъ да копытъ, при медленномъ движеніи поѣзда; весьма незначительный; за поѣздомъ, также шестерка тащила большую бричку, затлнутую полотномъ; за нею на четырехъ трѣйкахъ ѣхала челядь, везли чемоданы, сундуки и прочая. Крики со всѣхъ сторонъ: Маланья Ивановна, Маланья Ивановна! раздались въ лѣсу именно въ то время, когда кוליмага бережно спускалась въ огромную яму, разлитую поперекъ всей дороги, такъ, что парень съ арапникомъ, долженъ былъ проходить въ бродъ, что онъ и началъ исполнять вмѣстѣ съ лошадью весьма совѣтливо и осторожно. Но едва раздались крики, какъ изъ кוליмаги послышался женскій голосъ:

— Что тамъ такое? Городъ, что ли? А я тебѣ, болванъ, говорила: ѣхать шагомъ. И поспать не дали!...

Крики въ лѣсу продолжались.... Запавѣска въ кוליмагѣ отдернулась; и оттуда выглянула голова повзвѣнная платкомъ, и грознаго виду.

— Что тамъ такое? черти. Ну, я здѣсь; что надо?

Но грозное и румяное лицо въ-мгнуту поблѣднѣло, когда путешественница замѣтила, что голоса неслись изъ лѣсу.

— Лѣшіе! вскрикнула она—и спряталась, и задернула запавѣску, и окутала голову въ подушки и перины, которыми кוליмага была преисполнена. Въ бричкѣ произошла та же сцена, съ небольшими перемѣнами; молотко на-скоро отпачнулось; въ отверстіе выглянула голова такого же объема и виду; по голосу только можно было узнать, что въ бричкѣ пребывалъ мужчина.

— Что за шумъ! заревѣлъ путешественникъ. Дамъ я вамъ воеводскій сонъ тревожить!

Но въ то же мгновеніе, замѣтивъ откуда голоса, воевода поблѣднѣлъ и затрясся всѣмъ тѣломъ.....

Семенъ, Вуколя, Евлампій, Андрей, Марфа, Палашка, творите молитвы, то лѣшіе!

И воевода сталъ креститься обѣими руками.... Лѣшіе! закричало множество голосовъ; посыпались нещадные и неисчетные удары кучерскихъ плетей; лошади понеслись

во всю мочь; паренъ съ арапникомъ, вида, что его оставляютъ на жертву всему сборищу гѣбшихъ, съ отчаянья вскочилъ на желѣзную ножку брички и ухватился обѣими руками за полотно; оно рвалось въ рукахъ его; онъ хватался за обручи; и тѣ не выдержали; въ ужасѣ онъ уцѣпился за воеводу; а тотъ зажмурясь кричалъ во все горло:

— Отпусти душу на покаянъ! Со всей провинціи ни алтына не возьму, ни ложки патоки; ужъ тогда меня кушай, какъ взятку возьму.... Ой, душить, душить! Помогите!

Напрасно! Каждый думалъ о себѣ, даже лошади неслись, или лучше сказать несли воеводскій поѣздъ, съ курьерскою быстротою. Три или четыре версты, оставшіяся до города, проскакали во весь опоръ и какъ вкопанныя остановились передъ постоялымъ дворомъ, сапая и поматывая ушами. Не успѣли путешественники очнуться, какъ уже цѣлая провинція, то есть, весь городъ окружилъ поѣздъ. Осмѣляясь открыть глаза, воевода съ ужасомъ увидѣлъ, что за ноги его всё-еще держался гайдукъ Семенъ.

— Плетей! закричалъ воевода. Такъ это ты вздумалъ гѣбшаго показывать.... Это что! Мы въ провинціи! Въѣхали безъ трезвону, безъ церемоніи! Вотъ я тебя! Вставай!

И воевода давай тузить Семена, къ общему удовольствію всей провинціальной публики. Громкій смѣхъ стлался по всей площади и привелъ воеводу въ неистовство; онъ успѣлъ какъ-то освободить ноги изъ окованныхъ рукъ Семена, всталъ, но какъ всю бричку наполняли перины, то воевода, качаясь на пуховой каедрѣ, возгласилъ тако:

— Смирно! Дамъ я вамъ смѣяться надъ вашимъ воеводой!

Горожане оробѣли; смолкли; одни пустились бѣжать; другіе, ближайшіе къ сценѣ, повалились въ грязь на колѣни, и низменно кланяясь, жалобно вопили: — Прощенья просимъ, государь воевода; опознались, батюшка, отецъ нашъ родимый!

— Тѣ-то же! сказалъ воевода, ободрясь и подбоченясь. По домамъ! А кто въ четверть часа не будетъ сидѣть дома, или будетъ сидѣть дома, да учнетъ глазѣть въ окошко — весьма будетъ оштрафованъ. По рублю съ рыла! По домамъ!...

И площадь опустѣла. Провожая бѣгущихъ взорами и довольною усмѣшкой, воевода вышолъ изъ брички и подошелъ къ колымагѣ.

— Меланья Ивановна! сказалъ онъ тихо.

— Пришла моя бѣда! шептала воеводица: подбирается.

— Меланья Ивановна, да не бойтесь ничего, это я, вашъ супругъ и сожитель, Максимъ Ивановичъ....

— Да ужъ если бы ты былъ Максимъ, такъ не я, а ты бы меня боялся; а ты не Максимъ, ты извѣстно кто....

— А кто же я, Меланья Ивановна?...

— Да я никогда богомерзкихъ словъ не говорю и не говорю; а если и случилось какъ ни есть сказать испутое слово, такъ безъ умыслу, видитъ Богъ, безъ всякаго намеренія.

— Кто объ этомъ говоритъ; вы такіе благодушные...

— Видишь, видишь, какъ подмасливается! Благодушная не благодушная, а такая, какъ и всѣ грѣшныя Еввины мучки.

— Такъ подымайтесь, Меланья Ивановна, пока никого на площади нѣтъ.

— А ты меня и скушаешь....

— Гдѣ мнѣ! И лѣшій подавится. Да перестаньте же бояться; надо приниматься за воеводство; а скоро и солнце взойдетъ. Съ этими словами воевода собственноручно—отдернулъ занавѣску и Меланья Ивановна, всплеснувъ руками, приподнялась на перинахъ:

— Батюшки свѣты! Точно! Ты! Максимъ Ивановичъ! Ты, Буруновъ, осьмаго класса! воевода!... а это наша провинція, чтò ли? Это наши улицы?

— Наши, матушка Меланья Ивановна! Только подымайся проворнѣе. Любопытство заперъ я на замкѣ, окна имъ замазалъ воеводскимъ словомъ, да этотъ порокъ, матушка, пожалуй въ трубу выгѣзеть.... Такъ поторопись, пока никого нѣтъ!

— Да какъ же я поторопюсь? Вѣдь ты знаешь, что я ноги разула; жару боялась, а чулки и башмаки Паланка еще на томъ постояломъ дворѣ, гдѣ ночевали, съ собой увезла. Поди-ка, кликни Паланку....

Пока Меланья Ивановна обувалась, и справляла остатъ

ной свой дорожный парадъ, Максимъ Ивановичъ пошелъ на постоялый дворъ языка добыть: спрашивая гдѣ земская контора, гдѣ воеводскій домъ. По счастью хоромы, предназначенныя для жительства воеводы, были блиско и стояли вдусть; нѣсколько щеговъ, и поѣздъ сталъ разгружаться. Всѣ сундуки, узлы, костюмы, котлы, перфины, подушки, хомуты, слодовѣ всѣ вещи, видянтельно съ Меланьей Ивановной и челядницами, развѣстались въ осьми такъ называемыя чистыя покоякъ и въ полномъ смыслѣ нечистыя кухни, мойбики, сѣняхъ, каюморкахъ, и другихъ разнаго роду и званія шкафовкакъ. Чистыя покоя отъ нечистыхъ отличались тѣмъ, что въ чистыхъ были окна не шире, но безъ стеколъ; печи на деревянныхъ ножкахъ, и стѣны нѣкогда обиты бумагой съ узорами; на эти провинціальныя обои повсемѣстно были проточены жомашными напѣвкомыми; отклевался и при малѣйшемъ дуновеніи вѣтру, имѣвшаго свободный входъ въ воеводскія хоромы со всѣхъ сторонъ, производил гармоническій шумъ, подобно тому, когда глубокой осенью изъ сухихъ листьевъ стелеть зимъ постельку и ворчитъ неумолчно. Замокъ у дверей, петель у оконъ, дверецъ и задюнокъ у печекъ, не было. Глядя на эти хоромы, можно было подумать, что тутъ давнымъ-давно не жилали люди. Но это не поразжало пріѣзжихъ; одинъ только Максимъ Ивановичъ поглядывалъ на раны въ дверяхъ и окнахъ и лукаво улыбался. Меланья Ивановна суетилась; ходила вездѣ и вперидъ во всѣмъ комнатамъ и съ важно-стью рѣшала: гдѣ быть спальнѣ, гдѣ столовой, гдѣ дѣтской....

— Да зачѣмъ же дѣтская? спросилъ Максимъ Ивановичъ.

— Какъ зачѣмъ?

— Да вѣдь у насъ нѣтъ дѣтей!

— Все одно. А дѣтская пускай будетъ. Такъ и у нашего воеводы было: я ужъ все высмотрѣла. Точь-въ-точь такой же порядокъ будетъ и у меня.

— Да зачѣмъ же матушка, когда дѣтей....

— Перестанешь ли ты умничать! Вотъ ты одна рассерди меня, дитяну дѣтей завиду, мать ушейи собѣ убаву; ин-

ему да прику будетъ на три лева. Каждый сверчокъ вней свой шестокъ; ты управляйся съ провинціей, радѣй е хочешь, а хозяйство—мое дѣло. Для бумажныхъ дѣлъ вотъ тебѣ канурка; окро есть, чего больше; а въ хоромы не вступайся. Вотъ ты бы лучше послалъ за комиссаромъ; поинишь, какъ Анна Екимовна за тобой посылала; наказалъ бы ему какой ни есть рухляди поднести; на первый случай хотѣ бы кровать для меня; а ты ночь проспшишь и на лежанкѣ да велѣшь бы перекуску какую сладить. Не трахнешь же въ своей провинціи на зарочню.

— Охънешь, и водочка....

— Ну ужъ, на первыхъ порахъ тебѣ бы встеречься. Подвѣтять, что лакомна, вѣботе денегъ, стануть харчами отдѣльваться. За водкой-то можно бы и Семена послать; пусть возьметъ на алтынъ, будто для себя....

— Дѣло, жена! Люблю разумную рѣчь. Эй, Семень! Подди-ка, возьми косулю; да прежде въ земскую контору зайдя, да въ сѣняхъ такъ и гаркни:—Его высокоблагородіе ось-мага класса воевода Максимъ Ивановичъ спрашиваетъ изволятъ къ себѣ земскаго комиссара зѣвшаго уѣзда.

Не прошло и десяти минутъ, какъ на дворѣ послышался споръ между голосами, все батоваго разряду....

— Помилуйте, Иванъ Петровичъ, его высокоблагородіе изволило меня кликать....

— Поди ты, Оумка! пусть, я старше, мнѣ и гтти прежде. Чанъ чина почитай....

— Но вы можете погубить меня; могутъ принять за непослушаніе....

— То-то же, Оумка! Слушаться! Посторонись.

И по тесовому крыльцу закрипѣли тяжкіе шаги тучной персоны. Какъ черная туча своей громовой музыкой наводитъ страхъ и трепеть, такъ гелось и походка тучной персоны; заставила Максима Исаиовича невольно застѣнуться и направить рѣдкіе волосы на головѣ, которая къ досадѣ воеводы блистала наготовю, а оба парика были подъ спудомъ, въ неизвѣстныхъ ему сундукахъ. Никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій нельзя уже было сдѣлать, потому что пер-сона въ зеленомъ кафтанѣ и преогромномъ парикѣ, при-

гнувшись въ дверяхъ, бережно вступила въ комнату и остановилась у порогу.

— Что тебѣ, батюшка, надо? спросила Меланья Ивановна.

Но Максимъ Ивановичъ перебилъ:

— Не путайся, жена, не въ свое дѣло; это уже мое хозяйство; подлежитъ моему начальству. Ну-ка, батюшка, кто ты и что тебѣ надобно?

— Такой-то провинціи, такой-то губерніи, земскій камериръ, то есть надзиратель за сборами, пришелъ по силѣ Генеральнаго Регламента главы XXIV «о complimentахъ,» господину воеводѣ, яко президенту моему, честь отдать и респектъ учинить....

— Апробуе! съ важностью отвѣчалъ воевода и съ самодовольствіемъ посмотрѣлъ на Меланью Ивановну....

— Да что, батюшка надзиратель! И я рада твоему знакомству; да видишь, посадить-то не на чемъ; развѣ на сундукъ; да боюсь, чтобы тучности твоей не приключилось какого ущерба....

— Ха, ха, ха, ха, раздался густой басъ камерира. Изволите шутить! Мы и стоимъ; ноги не отымутся. Да и совѣстно безпокойство вамъ наносить въ такое время. Не прикажутъ ли чего ваши высокоблагородія, а что до другаго чего, можно отложить и на завтра....

— Противу порядку, батюшка, противу порядку! Порядокъ душа всякой дирекціи и долженъ быть вездѣ, даже въ вещахъ самыхъ ординарныхъ. Откладываетъ недѣзи и не указано. Наставь, гдѣ бы мнѣ тутъ у васъ въ провинціи на скорую руку кровать испкупить.....

— Двухспальную или простую?

— Простую, батюшка, закричала Меланья Ивановна: не до прихотей теперь....

— Фигурную или ординарную?

— Простую, говорятъ тебѣ....

— Деревянную или желѣзную? Я видѣлъ въ госпиталѣ....

— Деревянную! закричала Меланья Ивановна пуще прежняго; но неустрашимый камериръ-продолжалъ:

— На веревкахъ или на доскахъ?

— На веревкахъ!

— Такой вѣтъ!

— Ну, такъ на дскахъ.

— И такой нѣтъ въ продажѣ; военные комиссары всѣ вкушали, а я вамъ пришлю мою запасную.... У меня двѣ, гучности ради: одна ломается; впрочемъ я имѣю подозрѣніе на Егорку. Большой мошенникъ! Есть толстакъ и не имѣя чета, а всё подъ ними кровати цѣлы.... Впрочемъ я и съку Егорку, какъ слѣдуетъ. По два раза въ недѣлю; коли незначто, такъ въ запасъ; да онъ свое наверстаеть; всегда счеты очиститъ, да еще въ долгъ наплутуетъ. Вотъ онъ кровать принесетъ. Извольте только на рожу взглянуть. Сами увѣритесь, что я еще съ нимъ обращаюсь милостиво, балую....

— Хорошо, батюшка, хорошо, прервала Меланья Иванова. Съ своимъ добромъ, какъ знаешь, управляйся, только кровать пришли. Почитай смерклося.

— Жду указа!

— Апробую! Ступай, батюшка, а завтра по регламенту прошу въ присутствіе ровно въ шесть часовъ....

— Слушаю-сь! счастливо оставаться.

И ретируясь, въ законной позиціи изъ комнаты, камериръ наступилъ на тощую и длинную фигуру, стоявшую за дверью....

— Извини, Лукичъ! пробурчалъ камериръ, и крыльцо омятъ заскрипѣло.... На его мѣсто вступила въ комнату тощая фигура и не разгибаясь остановилась у порогу.

— Ну, а ты что?

— Земскій секретарь, ваше высокородіе! — хотя и бабомъ, но мягкимъ и сладкимъ, произнесла тощая фигура...

— А такъ это ты уекъ воеводу? А?

— Ваше высокородіе, вѣроятно, въ губерніи слухъ такой забрали, а въ губерніяхъ во всѣхъ, отъ потопа, насчетъ провинцій имѣютъ неблаговидное мнѣніе, а отъ тѣхъ же провинцій питаются. А дѣло простое, то есть, не то чтобы простое, весьма сложное, и запутанное, но резолюція была бы аккуратная и благосклонная, когда бы воевода Семенъ Семеновичъ учинилъ по изустному меморіалу моему и послалъ бы въ губернію надлежащія акциденціи: штукъ десять осетровъ, да другой рыбы съ полдюжины подволь, да изъ денежнаго малую-толину. Не во-

слушался, на правоту понадеялся, и, съ жеманскою сказанью, сложилъ шею...

— Конечно, акциденція не взятка; акциденція — это отъ дѣль позволенные доходы. Иначе не чѣмъ прокормиться.

— Совершенно не чѣмъ, — выше высокородіе! Котъ бы на przykładъ и вашу дѣль; положивъ, что дрова и сѣчь отпусаются; для прислуги есть сторожа; для стола — дѣль вотчины; да жалованье самое мизирное. Я, право, смотрю на васъ и плачу. Какъ это вы, Максимъ Ивановичъ, проживете? Прощенія просить за фамильярность....

— Безъ чиновъ, безъ чиновъ! Какъ тебя зовутъ?...

— Извольте Лукичомъ кликать! По-отечески, ваше высокородіе. Радъ вамъ какъ отцу родному служить, по-неже благодущіе у васъ на лицѣ четкими литерами прописано. Не взыщите....

И Лукичъ бросился, обнялъ воеводу и, подѣловавъ въ пуговицу, которая, въ объемъ стараго пятака, защищала самое сердце воеводы.

— Въ сердце, въ сердце! продолжалъ Лукичъ съ жаромъ, отступая: Знаю, знаю, какое тяжкое испытаніе падеть на сіе сердце — и плачу. То есть не должность, а плотина, а по сторонамъ бездны кипиція. И губернію удовольствуй, и воинскимъ командамъ угоди, и фискала умасли, и своихъ не обидь!

— Братецъ, Лукичъ! прервалъ воевода съ самодовольною улыбкою; дѣла-то мы смыслимъ; дѣла не боясь и не бѣгаемъ. Въ губерніи, братецъ, земскимъ комиссаромъ быть не то, что въ провинціи, а паче въ уѣздѣ. У васъ тутъ только и начальства, что воевода, а тамъ, братецъ, и губернаторъ и разные чины. Всѣ на комиссарскихъ плечахъ и снать и ходить. Выносимъ всѣхъ; пора самому на чужой спинѣ отдохнуть....

Лукичъ почтительно согнулся, какъ-будто изъявляя совершенную готовность на требованіе воеводы, а Максимъ Ивановичъ продолжалъ:

— Такъ сидишь же, Лукичъ, дергать уже остро: Не сой обѣспитъ, а тогда и назови и есть хочешь, а дѣ

осмотрѣться на успѣлъ. Что же ты, Меланья Ивановна, не по-хосейничаски? Послала бы искупить балычка, икорни, осетрины, того-другаго. Не голодному же спать идти....

— Достанешь теперь ночью! Какъ-разъ, видишь; почти-тай собѣтъ свержлось.... Семь и дороги не найдеть, а Марю послать нельзя: обверуетъ....

— Не извольте приходите въ безпокойство. Дѣло дѣржливое — и мой долгъ распоряженіе одѣлать, покоянку бѣдность моя позволяетъ.... Сейчасъ все ляжетъ....

Лукичъ въ двери, а на крылецѣ я началъ на него Оомка, о которомъ была уже рѣчь.

— Какъ равнѣностыдно, Степанъ Лукичъ, говорилъ Оомка: у бѣлаго пеловѣна хлѣбъ стѣмать! Развѣ ваше дѣло воеводу продовольствовать? За чѣмъ вы въ чужія сани садитесь?

Но видя, что Лукичъ, не слушая его, улодитъ постыпнѣ съ воеводскаго двора, и боясь, чтобы другіе не перебили у него опять очереди, Оомка оправдася и вступилъ на аудіенцію.

— Что тебѣ надобно?... спросилъ воевода.

— Оома, Ильинъ, сынъ Галунчиковъ, земскій его величества комиссаръ такой-то провинціи и уѣзда, имѣю честь, счастье и великую радость проинвестить себя персонально на высоконачальническое ваше высокородіе благоусмотрѣніе....

— Э, батюшка, вскрикнула Меланья Ивановна: этотъ молодецъ по моей части. А снороку я знаю; Анна Ивановна всему научила... Ну-ка, Галунчиковъ, какой у тебя перидокъ? А? Воевода въ провинціи; ошмилія безъ свѣчей сидитъ; изъ оконъ дуетъ; двери безъ замковъ....

— Воры, ваше высокородіе! Тати ночные и дневные! Съ ножами разбой чинятъ по большимъ дорогамъ, по всему уѣзду; у меня мало команды; пока управлюсь въ уѣздъ, провинцію разграбить; одному неусыпному моему вкривительству надобно отложить тѣ обстоятельства, что донинѣ пожаромъ городу еще не учинилось гореніе. Что же принадлежитъ до свѣчъ, то тотчасъ будутъ; не оставлено сегодня, что нумера не обывадитъ....

— Да хоть полнула, батюшка, на первый разъ....

— Слушаю-съ... И комиссаръ хотѣлъ уже идти.

— Погоди, погоди, батюшка! закричала опять Меланья Ивановна, а лошадей-то овса и сѣна откуда я возьму?...

— Отложите попеченіе! Ваше высокоблагородіе! Вы люди опытные. Ваше продовольствіе лежитъ на мнѣ, по долгу совѣсти, и я сейчасъ сбѣгаю за овсомъ и сѣномъ....

— Постой, постой! А челядь-то?... На кухню ни пельна, а запасъ холодный весь съѣли; такіе прожоры....

— И челяди заткнемъ глотку... бѣгу....

— Постой, батюшка! сказалъ воевода. У меня есть ящики; что ихъ кормить понапрасно; ты съ ними рассчитайся и расплатись, а деньги-то у меня подъ снудомъ. Пекуда....

— Вполнѣ чувствую благодаренія вашего высококордія! Мигомъ все исполнено будетъ. Только позвольте въ контору сбѣгать....

Галунчиковъ ушелъ и вмѣсто его заступила цѣлая толпа чиновниковъ. Впереди стояли рентмейстеръ и мостовой надзиратель; далѣе тѣснились судьи, магистратскіе чины, земскій писарь и комиссары. Отъ коллегіальной аудіенціи воевода не предвидѣлъ никакой пользы, почему, назвавши въ какомъ часу гдѣ завтра будетъ, съ ласкою отпустилъ чиновниковъ. Съ одного крыльца уходили гости, съ другаго на кухню конторскіе сторожѣ таскали балыки, бочечки и разное съѣстное на холодный ужинъ для Меланьи Ивановны. По волшебному мановенію Галунчикова появился въ гостинной столъ довольно порядочный и два кресла, обитыя кожей и мѣдными гвоздиками. Воевода, не долго думая принялся за трапезу; и не успѣлъ проглотить двухъ трехъ кусковъ рыбы, какъ-вдругъ изъ-за креселъ вытянулись двѣ руки; въ одной флага, въ другой чарка. Настояйка забурчала, чарка наполнялась и тутъ только воевода успѣлъ замѣтить, что этамъ пріятнымъ сюрпризомъ онъ былъ одолженъ обязательной предупредительности своего секретаря.

— А, Лукичъ! Спасибо!...

— Не цей, Максимъ! вскрикнула Меланья Ивановна, да поздно.

— Въ самомъ дѣлѣ, напрасно пилъ! — сказалъ воевода отдавая чарку: только кажется настойка желудочная, самая здоровая....

— Кто эту настойку пьетъ, никогда боленъ не былъ, отъчалъ секретарь....

— А если такъ, подай-ка еще!

— Не давай! закричала Меланья Ивановна. Отойди ты, бражникъ этакой, съ соблазномъ! Поставь настойку на окнѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ поставь на окнѣ, прибавилъ воевода: а самъ поди-тка сюда, расскажи, что ни есть про нашу провинцію. Хороши ли помѣщики?...

— Отмѣнный народецъ, тароватый, веселый, живетъ-себѣ, знаете, спустивши рукава; подъ руку то и дѣло попадаетъ; охотники не на животъ, а на-смерть. Да указецъ-то стѣснителенъ....

— О звѣроловствѣ что ли?

— Именно!

— А развѣ и наша провинція подъ указомъ?

— Подъ указомъ! Воевода Семень Семеновичъ, не соблюдая казеннаго интересу, изволилъ-было господамъ сенату доношеніе сочинить, о дозволеніи охоты въ нѣкоторыхъ дачахъ....

— Это зачѣмъ?

— И я то же говорилъ....

— Эхъ, Семень Семеновичъ! Плохъ братецъ! Золотую гору хотѣлъ изъ рукъ выпустить. Ну, и что жъ доношеніе?....

— Какъ-то не послалось!

— Твои штуки, Лукичъ, твои штуки! Чай на почтѣ пролежало, пока не смѣнили воеводу.... Умно, Лукичъ! Только вѣдь я не хитеръ; на-прямки скажу: меня такъ не проведешь. Будешь служить честно — моя рука за тобою; восторону не гляди, на двухъ стульяхъ не садись: ушибешься. Писну въ губернію; въ кандалы закують. Понялъ?

— Ваше высокородіе, кто же вамъ служить честно не будетъ, когда вы такіе ласковые, откровенные, съ слугами съ своимъ по-отечески изволите обращаться; а Семень Семеновичъ.... Сами согласитесь, что хотѣлъ и себя и

встѣхъ насъ разорить. Если еста по нашей провинціи слушанней братіи доходящъ какою, такъ только изъ того узнаю. Здѣшній провинціальный фискаль Митюшкинъ, человекъ сабѣ тихій, любить и дѣлать и нить доминанія настойки; домосѣдъ; въ присутствіи никуды не заглядывасть; такъ доносить некому.

— Ну, знаешь, Лукичъ, звѣря-то не люди. Провинція наша не степь же бесплодная. По вѣдомостямъ доберутся....

— А справки на что? Эхъ, ваше высокородіе, и по вѣдомостямъ-то у насъ хорошій учетъ: кто по-бѣднѣе, тотъ на службу ступай; а кто по-богаче, то все-равно, слушаетъ царству: чиновныхъ людей кормить.

Воевода сладостно улыбнулся и протянулъ Лукичу руку....

— Вижу, что ты золото, сказалъ Максимъ Ивановичъ. Намъ съ тобой тутъ житье будетъ, просто. Ну, а много ли богачей?....

— Да что; кормовыхъ-то не очень много; можетъ-быть наберется десять, не больше, то есть такихъ, что за ними по пяти, по шести сотенъ дворовъ естъ. Изъ нихъ только двое на службѣ, потому-де, что въ родствѣ съ петербургскимъ генералитетомъ, а прочіе, подъ кровомъ земской конторы, на своихъ дачахъ пробавляются, кто чѣмъ похочетъ. Вотъ Анкудиновъ, тотъ дальній, почитаю на концѣ провинціи. Тотъ большія рыбныя довли на откупъ держитъ; вкусная рыба, коли ваше высокородіе изволиши обратитъ вниманіе....

— Хороша рыба, знатная....

— Вотъ Семеркины. Ихъ трое братьевъ. Охотники на пушнаго звѣря, а людей битъ не любятъ. По-человѣчески, жаль ихъ на войну посылать; еще застрѣдятъ, чего добраго; отъ Шведовъ добраго не жди; а имѣнье перейдетъ къ дядѣ ихъ, а дядя во всей губерніи — первый скряга. Хороше ребята! Съ нихъ много доходу; на всю провинцію придется по тысячѣ рублей съ души, кромѣ разнаго снабдѣнья въ натурѣ. — Костыльковъ! Ну, ужъ этакого, чай, на едемъ свѣтъ другаго нѣтъ. Молодъ, холостъ; Меланья Ивановна у него всегды домогъ заправляетъ...

— Меланья Ивановна! воскликнули и взошла в его
дверь.

— Истинно такъ! Меланья Ивановна! Была Меланья,
просто; при родителяхъ Ивана Степаныча въ дѣвичьей
жили и прѣла; а послѣ ихъ смерти Меланьей Ивановной
стала. Бой, не баба! Стучала она Ивана Степановича съ
зѣрянкой и другой охоты; нынче то и дѣло грибы соби-
рала. Нынче, перодъ самыя важныя вѣздаюгъ, валиду-
тала она надъ всѣми. Изъ насъ, провинныхъ, также какъ
кто на грибахъ были; потому что дачи костыльковскія
сейчасъ за выгономъ городскимъ, на большой дорогѣ. Хо-
дили, ходили; она и притаясь, будто пропала.—Окликать!
Не тутъ-то было! Меланья Ивановна! — всѣ глотку де-
рутъ....

— Стой! закричалъ воевода: такъ это не дѣшье!

— Кто тамъ!

— Такъ это дрянная Меланья надъ нами изволила
баваться! Подать сюда Ивана Степаныча Костылькова!
Ону же и вѣтчикъ! Противу царскаго указа ослушавши!
По его милости я въ провинцію безъ трезвону вѣтчикъ!
Возоръ такой перенеси! Дамъ я ему—грибы! Подавши его
сюда!

— Ваше высокородіе!

— Молчать! А вы чего смотрите? По большаго дѣла
такое безчинство! Зарады на вѣтчикъ! Возоръ я
мѣ! Ступай, виши указъ Костылькову, чтобы завтра
дѣлать часовъ быть въ контору; носылай чутъ срѣтисъ.

— Ваше высокородіе!

— Ничего и слушать не хочу. Ступай! Вумагу изготавь.
Посель.... Выведу я лѣшихъ....

— А какъ указать изволите послать, съ комиссаромъ
или безъ онаго съ однимъ сторожемъ?

— Съ комиссаромъ. Больше за подводу заплачу. Ты
жея хотѣлъ пугнуть, да не удалось; вотъ я тебя шутю....

— А какъ изволите указать: съ росейскою, или кому
быть въ провинцію съ тѣмъ же комиссаромъ....

— Съ комиссаромъ! Да что ты сталъ спрашивать?
Ступай! Спать хочу. Вотъ только естину, такъ и вѣсину.
Ступай!....

Секретарь, хотя и съ неудовольствіемъ, однако жъ повиновался; согнулся, выползъ, плюнулъ на двери и ушелъ. Энинъ и земскій комиссаръ, который занимался внутреннимъ устройствомъ спальни, кухни и конюшни, откланялся и ушелъ.... Воевода и Меланья Ивановна, на помощь, обстоятельно, сколько душъ угодно, отдѣлали Костылькова и уснули. Провинція стихла. Черезъ часъ послѣ того, городская тишина была нарушена стукомъ колесъ и колыть; но быстрые кони умчались и безмолвія ночи до самой зари уже ничто не прерывало. На то провинція!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ночной гость.

На небольшомъ пригоркѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ красивыми рощицами, стоялъ барскій дворъ. Длинные, длинныя хоромы въ одно жильѣ занимали гребень холма и глядѣлись въ прудъ, какъ чопорный старикъ въ зеркало; кругомъ чинно стояли службы, амбары и другія хозяйственныя строенія. Лунная ночь обливала серебромъ своимъ красивую усадьбу. Видъ ея былъ еще краше, живѣе отъ огней, которые свѣтились во всѣхъ окнахъ. На дворѣ не было замѣтно никакого движенія; тишина глубокая прерываема была, и то шарѣдка, стукомъ ночнаго сторожа въ деревянную доску; зато въ хоромахъ было шумно и весело. За длиннымъ столомъ сидѣло человекъ десять разнаго виду и званія; богатыя чаши и стопы, забытки дѣдовскихъ временъ, переходили изъ рукъ въ руки, и, само собою разумѣется, не пустыя. Президентъ или хозяинъ сидѣлъ въ глубокихъ креслахъ. Стеганный халатъ, перетянутый въ поясѣ, обнаруживалъ его стройность, а шапочка съ золотымъ кутасикомъ придавала красивому лицу видъ истинно марціальный, тѣмъ болѣе, что черныя какъ смоль усы широкою полосою стлались надъ пурпурными устами и сильно оттѣняли бѣлизну лица.

— Ну, Малашка, ступай спать, сказалъ онъ: мы тутъ еще вокаляжемъ.

— Полно бражничать! отвѣчала молодая дѣвушка, откровенно и шивовидная, разодѣтая въ парчу, янтари и бисеры:

— Добро еще окна цѣлы! Чай, завтра опять придется посылать въ городъ за стекольщикомъ!

— Не огорчайтесь, Меланья Ивановна! протяжно, почти прешла тощая фигура съ обритою бородой, въ длинномъ сюртукѣ нѣмецкаго покроя. — Окна — что такое? — Стекло, хрупкій материалъ; не мы, вѣтеръ выбьетъ, какъ онъ и учинилъ вчерашней ночи!

— Знаемъ мы, какой вѣтеръ! Чай у тебя отъ вѣтру всѣ пальцы порѣзаны. Шелъ бы ты въ городъ мальчишекъ своихъ учить.

— Выучатся! Успѣютъ! Не велика мудрость! Какъ придетъ время и охота жениться, въ недѣлю смѣкнутъ.

— А развѣ безъ твоей питербурхской мудрости ужъ и жениться нельзя? спросилъ краснощекій толстякъ съ красивой бородой.

— Вашей куческой братиѣ — можно. На что вамъ грамота; цифирь у васъ на пальцахъ. Торговый народецъ глазами считаетъ. А городовыхъ дворянъ безъ моего вѣдома и дозволенія и вѣнчать не стануть. На то есть указъ.

— Да вотъ, можетъ-быть, новаго воеводу пришлютъ, сказалъ молодой человекъ, съ виду ровесникъ хозяину.

Мы должны остановиться на этомъ лицѣ и заняться имъ нѣсколько подробнѣе. Хозяинъ, какъ мы замѣтили изъ собственныхъ словъ его, титуловался Иванъ Степанычъ — ровесникъ его былъ также Иванъ Степанычъ, почему въ своемъ кругу его звали, просто, Степанычъ. Происхожденія онъ былъ неизвѣстнаго; явился Богъ знаетъ откуда: съ хозяиномъ встрѣтился на охотѣ; пристагъ какъ собаченка; приласкался; и вотъ уже безъ мала годъ проживаетъ въ Костыльковкѣ, будто дома, на всемъ на готовомъ; донашиваетъ старое барское платье. Ему было лѣтъ двадцать вѣтъ, шесть, какъ и хозяину; собой хоть и не былъ онъ красавцемъ, какъ Иванъ Степанычъ, однако же былъ очень недурной мужчина, а по доброму лицу и веселому характеру отменно нравился всему женскому полу во всей Костыльковкѣ, и по сосѣдству. Не ждите отъ этого лица ничего оригинальнаго. Увѣряю васъ, что онъ былъ похожъ на тысячу вашихъ знакомцевъ, про которыхъ вы вспоминаете только при свиданіи, и если бы вамъ не при-

велось съ ними умильство, на Вы и забавля о ихъ аудированіи. Иванъ Степановичъ также бы самовласть о Степановичѣ, если бы тутъ не умилъ естественное неоподѣланъ о себѣ. Во все время разговора, онъ преусердно ѣлъ и пилъ, и веселился только на одну минуточку, какъ-будто съ умысломъ жевать только подантъ подъ огонь масла. И мѣтко, нечего сказать: Иванъ Степановичъ привадухался и накурчался; гости также, каждый по-своему, зафранали свои тайныя внутреннія енасенія значительными иными; одинъ только Степановичъ, окинувъ ихъ всѣхъ дозволеннымъ взглядомъ, принялся за иваѣлку.

— Ого токъ, знаете! сказалъ краешечекій кучекъ: все-да, конечно, не того, то есть, не губернатора, однако же и того, то есть, въ провинціи всё-таки онъ тоже, что въ губерніи губернаторъ. И то правда, купечество указомъ вѣдать не всеподанъ, а бурмистрамъ. Мы у царя отръзанный лемотъ, особъ-статья, какъ изволить говорить Степанъ Лукичъ, да ужъ у этихъ у всеподъ такое усердіе: и о томъ радѣють, о чемъ имъ и радѣть не указано; на-жется и особъ-статья, а гдѣ такого взять кучка, который бы въ всеподской канцеляріи не побывалъ съ подарочкомъ? Нѣтъ, батюшка, нынче чудесъ не стало. И ужъ знаете, того, право лучше, когда всепода въ купечество самъ мѣшивается. Меньше расходу; а то вотъ Семейъ Семейичъ и не мѣшался, такъ Степанъ Лукичъ со всею чело-дѣмъ насъ въ руки принялъ. Сторожакамъ приходилось мѣ-няться. И кого-то еще принимаютъ! Наша провинція большо прибыточна: выманять ее у губернатора люди быва-ли, а добруму не упадетъ... Охъ, охъ!...

И кучекъ усладилъ горечь размышленийъ царей доброго шоду.

— То-то вы, негодень! отозвался блѣдный, кожнкой куч-чина въ военномъ кафтанѣ: послужилъ бы съ-наше! Нарѣ-вѣдился бы со Шведами да съ Туркани, тогда бы на во-воду и на саначе губернатора не сморѣян бы съ санасомъ. Сказала бы по своимъ удабанъ, да и стѣпановичъ его чѣмъ не Шеллѣю.

— Ну, ужъ ты олушка, сказалъ всеподъ, обратно зыган-дуть на всеподъ: но съ бы творить, да и бы сморѣянъ.

Объ одной рукой влохал петуха. Не то ружья, вожжей отъ рысака не чѣмъ взять; а не оторви у тебя Шведъ руки, не видалъ бы и ты своей усадьбы какъ ушей своихъ. Положимъ вотъ такъ, коть на одинъ нашъ уѣздъ. Много ли позитивныхъ въ домахъ осталось? Я, да ты, а то куда ни глянь, прикащики дѣлами заправляютъ, крестьянъ разорвать, а господа только и дѣло шлохъ изъ Питербурха увезли: подавай денегъ. Ужъ если убытчиться, такъ лучше дома. Такъ я придумалъ и вотъ уже чай десять смотрю дворянскихъ и въ Питербурхъ и въ Москвѣ было: ни одного не видалъ и себя на петуху не показывалъ. При трехъ воеводахъ усидѣлъ въ своемъ гавадѣ. Да вотъ Богъ дастъ и съ четвертымъ сладить.

— Иванъ Степанычъ! какъ не сладить! произошла на расхвѣзъ тощая фигура: дакъ бы только Богъ, чтобъ воевода жилъ по-нѣмецки, да жему нибѣль, да дѣтокъ; вы— жему, и— дѣтокъ всякому добру научить.... Ужъ эту петуху гласить ариометина, что дважды два четыре.

— Ну, Малашка, ступай спать! сказалъ хозяинъ, съ улыбкой поправляя свою шапочку: видишь, ученый человекъ завирается: у него съ языка всякое соскочить, такъ лучше бы тебѣ не слушать....

— Пора и тебѣ пономаря этого согнать со двора; да спать улечься....

— А вотъ допьемъ и располземся! Ступай, ступай!

— Не жалуетъ она тебѣ, Вороненко! продолжалъ хозяинъ, обращаясь къ ученому: видно ты ей чѣмъ ни есть васылать....

— Живщина—темный народъ. Ни счету, ни грамоты ей не надо. Что подарить—сосчитаетъ, а кому свиданье обѣщать, такъ языкъ у нихъ тише мухи прожужжать сумѣетъ.

Хозяину не понравилась философія ученаго мужа. Онъ уже собирался принять его по-своему, какъ-вдругъ раздался отдаленный звукъ тележки; ближе, ближе, колеса застучали на дворѣ и затихли у крыльца....

— Кто бы это? спросилъ хозяинъ, но отвѣтъ былъ уже за лавою. Ойва Иванъ Гаафичиковъ съ необыкновенною

развязностию протянулъ обѣ руки, одну къ Ивану Степанычу, другую къ Степанычу и возгласилъ:

— Здорово, ребята, молодцы-удальцы; давайте-ка перекусить: мой ужинъ воеводиха съѣла!

— Воеводиха? вскрикнули всѣ, не исключая и Степаныча.

— Собственноустно и собственноручно. Золото, не начальство! Чуть на порогъ, руки такъ и протянули; будто податной сборъ. Ахъ, послушай, Иванъ Степанычъ, воеводиха говорила, чтобы по молочной части никакого изъяну не было, такъ потрудись, пожалуйста, завтра поставить ко мнѣ масла, да сыровъ, да тамъ кое-чего, что придумаешь. А въ провинціи, надо сказать, катавасія! Воевода — былъ въ губерніи земскимъ, такъ продувной, стало-быть; нашъ братъ; набилъ руку. Всякаго добра съ нимъ не мало; на семи подводкахъ пріѣхалъ, опричь колымажнаго снаряду. Знаешь ли, Иванъ Степанычъ, у тебя заводецъ знатный; лошади рослыя, статныя; не знаю какъ намъ завтра выгнать на своихъ лошадяхъ; боюсь, чтобы воевода не обидѣлся. Ты, знаешь, поздравь воеводу четверкой, право!...

— Было бы за что! Не постояимъ!

— Да ужъ есть за что! Еще онъ и въ городъ не въѣхалъ, а ты, Иванъ Степанычъ, уже и провинился.

— Я!

— Да ужъ никто, какъ ты. Лукичъ всегда какъ начнетъ болтать, такъ до бѣды и доболтается..... Поди, расскажи, что ты грибы собиралъ.....

— Я! Да ему-то до моихъ грибовъ что за дѣло?

— До грибовъ-то ему дѣла нѣтъ, да зачѣмъ парни твои по лѣсу Меланью Ивановну кликали? Воеводиха тоже Меланья Ивановна. Обидѣлась.

— Да развѣ одна на свѣтѣ Меланья, одна Ивановна!

— Не о томъ рѣчь. Много, много ихъ, больше чѣмъ надо, да она взяла въ голову, будто лѣшіе ее кликають; а какъ узнала, что грибы собирали, что она въ дурахъ, такъ поднялась такая сумятица, что самъ Лукичъ не устоялъ..... Велѣно тебя завтра поставить въ воеводскую канцелярію къ отвѣту..... Вотъ, Иванъ Степанычъ, теперь говори, что хочешь, про Галунчикова, а Галунчиковъ

для тебя ночи не спать: чуть только уложилъ господъ воеводъ, гей, костыльковскую тройку! Какъ друга дать въ обиду? Валяй и — вотъ я на мѣстѣ, обо всемъ тебѣ донесъ, перехвачу вотъ индюшки, того-сего, проглочу на живую нитку пивца, медку, наливочки и костыльковская тройка, унеси ты мое горе, опять въ провинцію. Не-равѣнь часть, проснется, спросить; да что тутъ десять верстъ; лошади знатныя. Право, пошли ему четверку — съ поздравленіемъ, коли хочешь я тебѣ и письмоцо напишу.....

— Да помилуй, онъ меня не знаетъ!

— Какъ не знаетъ! Лукичъ-баба проболтался и про то знаешь, и про другое. Ужъ я же Лукичу завтра намою голову. Воевода такъ и реветъ..... Нѣтъ ли, братецъ, наливочки? Степанычъ всю высуслилъ..... Такъ и реветъ: подайте сюда нѣтчика!... Готовъ, братецъ, мошну. Это звѣрь, не воевода. То есть, съ-разу съ меня сдулъ разнымъ товаромъ и наличными больше полсотни..... Вотъ наливка, такъ наливка. Чай воевода отродясь такой не пилъ. Не мѣшало бы такъ, знаешь, на пробу дюжинку другую ему послать..... Ты вотъ на насъ пеняешь. Что мы? Страхъ того не стѣбитъ, что мы беремъ. Право! Ну, Иванъ Степанычъ, такъ прикажешь ли письмоцо черкнуть?

— Черкни себѣ, пожалуй!

— Такъ вели сюда снрядъ подать.... Гей! Сидоръ-грамотѣй, подай-ко перышко и лоскутокъ бумаги, я начерню, а Сидоръ къ завтраму перебѣлнить; вотъ гляди, Сидоръ, сюда. Вотъ тутъ, знаешь, по-выше, подъ самыми облаками такъ и луи:

«Ваше высокородіе

Высокородный государь воевода!»

А потомъ чуть не на самомъ концѣ листа, дуй:

«Вся провинція имѣла честь ознакомиться о вождѣльномъ прибыггii персоны вашего высокородія. Первымъ долгомъ каждаго благороднаго человекъ произвести себя на благоусмотрѣніе вашего высокородія и просить о исходатайствованіи для себя вашей протекціи. Въ твердомъ упованіи на милости ваши, осмѣливаюсь засвидѣтельствовать достоверно и не-ложно, что я всегда пребуду вашимъ истиннымъ покровителемъ и покорнѣйшимъ рабомъ, до

скончанія живота моего. А на первый случай, и то скорости ради, имѣю честь и совершенное счастье препроводить четверку рысистыхъ лошадей собственной мануфактуры, двухъ кабановъ также изъ костыльковскихъ фабрикъ, полдюжины телятъ.....

— Что бы еще? Ниши:

«Прочая живность послѣдуетъ за предъидущемою въ надлежащемъ порядкѣ и уваженіи, съ коимъ навсегда останусь, буду и пребуду долговѣчно и неизмѣнно нашего высоко-родія»....

Тутъ, братъ, Сидоръ, опять расчеркнись вотъ такими интерами:

«Высокородный господинъ воевода
подлѣшій рабъ
Иванъ Костыльковъ».

— Важно! то есть, воевода писемомъ не начитается, на акциденціи не посмотрится; остынеть, замерзнетъ отъ удовольствія. Три дни взятокъ брать не будетъ; все будетъ лошадокъ гладить. А нѣтъ ли заморскаго?

— Было! съ грустью отвѣчалъ Костыльковъ, глядя на черновое письмо, которое засыхало на столѣ.

— Да слышь! Вѣрно, Степанычъ высуслилъ! Экая глотка. Скажи пожадуй, зачѣмъ ты его держишь! Вѣдь отъ него, право, всей нашей провинціальной чинности ущербъ... Да, кстати! Поди-ка сюда, Степанычъ, намъ надо съ тобою тайность нѣкоторую ограничить....

И комиссаръ увелъ за руку Степаныча въ другую комнату.

— Послушай, Степанычъ, вѣдь ты не нашего уѣзда.....

— Нашего, Ильичъ, нашего. Съ чего ты это взялъ? Миѣ вчера еще говорилъ фискаль Митюшкинъ, что ты плутовать. Я на дыбы. Ты знаешь, ужъ если я за кого вступлюсь, такъ только держись.

— Спасибо, спасибо, Степанычъ! Да видишь, нельзя миѣ было не спросить тебя: воевода приказалъ подать ему штаты всякого чину и званія людямъ. А у тебя никакого вѣду.....

— Полюбо, Ильичъ! Будто не ты выдаешь аттестации. Миѣ Митюшкинъ вчера хотѣлъ выдать билетъ, взялъ къ

себѣ въ помощники. Да я видѣ знаю по-большому много другаго. Не нужно. Ильичъ выдастъ. Оно будетъ сармалннѣе.....

— Конечно, конечно..... Да какъ же я тебѣ выдамъ билетъ, когда я не знаю, кто ты вѣ откуда?....

— Те есть бѣда, когда ты, Ильичъ, лишнее выпьешь! Гдѣ такую несешь, что, право, умному человѣку олунать стыдно. Вотъ мой видѣ, а ты только подними.

— Давай, пожалуй; да, любезный, какъ же я поидишу? Мы тамъ nero оставили. Развѣ Сидора кликнуть? Нѣтъ, ты лучше завтра заходи въ канцелярнѣе.....

— Пожалуй; котаги, мнѣ завтра и въ провинцію нужно...

— А что?

— Да тамъ Митюшкинъ просилъ объ дѣльцѣ; такъ я уже прежде къ тебѣ, а потомъ къ Митюшкину. Знаешь ли, этотъ фискаль предобрый человекъ. Я иъ нему имѣю большое уваженіе, а ты.....

— Душевное, и совершенную аттенцію, и всякое высокопочтаніе. То есть, чистѣйшій, благороднѣйшій, великосерднй, однимъ словомъ, большой человекъ....

— Какъ мнѣ это прнятно! Вотъ я ему завтра слово въ слово твои рѣчи передамъ.....

— То есть, я смазалъ только генералнѣе. А въ глубинѣ его душевной благости, смиренномудрнѣе, и всякой воинской и гражданской доблести — прикладной человекъ.

— Прнятно, ужасно прнятно! Онъ расплачется, какъ я ему рассказывать стану..... Да, Ильичъ, у меня къ тебѣ есть просьба.....

— Не по-прнятельски, Степаннчъ, право не по-прнятельски. И ты молчнннѣе! Вздутъ ли кого, въискать ли принадлежность или что — всегда готовъ услужить прнятелю. Это мол регула съ малолѣтства.....

— Пустое дѣло, да мнѣ совѣстно просить у тебѣ. И такъ я ему дорого стою. А на-дѣлкъ прнннннѣе, тотчасъ отдамъ..... Тридцать рублей.....

— Тридцать рублей! Ильичъ почесался, и отвѣчалъ на ухо Степаннчу:—Завтра, завтра, душа моя! завтра, чаетельно, будетъ доходець при ауднннннѣе и при другнннѣе слушальхъ; а теперь, право, не при деньгахъ.....

— Жаль! Завтра будетъ поздно, сказалъ Степанычъ значительно.

— Что ты этимъ хочешь сказать? Для кого поздно?

— Для меня и для тебя.....

— Послушай, Степанычъ! Обиняки—черствый сухарь: аубы сломаешь, а не раскусишь. Нельзя ли по-фамиллярнѣе?

— Да что ты мнѣ, братъ или сестра?... Ты себѣ Ильичъ, а себѣ Степанычъ! Мы должны другъ дружки бояться; ты вотъ меня видомъ пугаешь; а я себѣ свое на умѣ. Такъ ужъ какая тутъ дружба! Какъ пришла до денегъ, ты первый на попятный дворъ.....

— Да полно, Степанычъ! Вотъ тебѣ, на, пятнадцать рублей сполна! Чего ты отъ меня хочешь? Больше нѣтъ, хоть зарѣжь. Наличность воеводокинъ ямщикамъ ровдалъ!

— Спасибо, Ильичъ! Ты мнѣ помогъ на половину, а я тебѣ помогу на половину, какъ вернусь изъ Питербурха!

— Изъ Питербурха!

— Такъ указано, Ильичъ! Завтра ты мнѣ выдашь видъ, послѣ завтра прощай; но, братъ, зато увидимся скоро и ты будешь радъ моему прѣваду. Не бойся никого, Ильичъ! Я за тебя!

И не дожидаясь дальнѣйшаго объясненія, Степанычъ вышелъ изъ комнаты. Ома Ильичъ стоялъ на мѣстѣ будто вкопанный, оторопѣвъ и разинувъ ротъ.

— Что за чортъ? наконецъ пробормоталъ онъ: кто онъ? Не станеть же онъ задарма говорить такимъ страшнымъ маниромъ. Кто онъ? А? Митюшкинъ честитъ его; видно ему извѣстно кто эта птица. А? За что я ему далъ денегъ? За что? Поди, не будь у него тайной власти..... Тыфу ты къ чорту, какая притча!.... Я всегда на него имѣлъ подозрѣнїе..... Вотъ тебѣ, Ома Ильичъ, и смѣтка. Чего зѣваль? Надо было съ самаго начала принять молодца въ руки, а теперь — поздно! А все это Иванъ Степанычъ! Не тронь, оставь, что тебѣ за дѣло, цыпленокъ..... А онъ поди какимъ коршуномъ когти разтопѣрилъ!

Размышленія Галунчикова были прерваны боемъ часовъ. Куранты фальшиво и бесконечно зыграли двѣнадцать. Ома Ильичъ ударилъ себя по лбу и бросился въ столовую. Тамъ краснощекий купецъ и военный чинно и

спирно дремали въ креслахъ, и храпѣли довольно гармонически. Хозяинъ сидѣлъ въ томъ же положеніи, но не спалъ, а думалъ крѣпкую думу. Степаныча и ученаго не было въ столовой....

— Гдѣ моя голова? сказалъ Галунчиковъ, шаря въ потъмахъ по окнамъ и стульямъ, потому что нагорѣвшія свѣчи очень слабо освѣщали столовую. Вотъ засидѣлся. Пѣтухи глотку дерутъ, воевода того гляди подымется, а я-то гдѣ? А?... Прощай, Иванъ Степанычъ: не забудь про посылочку, а тамъ все пойдетъ на ладъ... Прощай!

— Все будетъ по-твѣдому, Фома Ильичъ! отвѣчалъ хозяинъ печально, провожая Галунчикова: только мнѣ что-то этотъ воевода не нравится....

— Слюбится, братецъ! У насъ, братецъ, посади хоть самого сатану на воеводство, коли не по-нашему, шею сломаемъ... Всей чиновности на переکورъ не пойдешь! Уходитъ; будетъ шелковый.

— Да ужъ и насъ потеревить....

— Нельзя безъ этого, любезный: чинъ чина почитай; тѣнь и свѣтъ держится. Прощай!

И костыльковская тройка унесла комиссара. Луна скрылась; небо заволокло тучами; стало крѣпко темно; а дорога какъ только вышла изъ плетней усадьбы, заухабилась; то яма, то колея глубокая; то лужа большая. Нельзя было ѣхать, и комиссаръ громко сталъ проклинать и Костылькова, и Костыльковку, и воеводу, и свою услужливость, и кучера, и тройку, и такъ далѣе. По очереди добрался онъ и до Степаныча. Огромная лужа съ ямистымъ дномъ огласилась проклятіями на Степаныча. Телѣжка медленно съ боку на бокъ переваливалась, а Галунчиковъ возглашалъ: — Бродяга! Чортъ его знаетъ кто онъ, а что мошенникъ, Степанычъ, такъ это у него въ глазахъ написано. Ухъ! Вотъ я тебя по этой лужѣ часика два повозилъ бы!

— Гляди, самъ изъ нея прежде сухъ выйди! раздался звучный голосъ челоуѣка, который съ товарищемъ стоялъ на другомъ краю лужи. Галунчиковъ обмеръ отъ ужасу. Черныя тѣни торчали передъ его носомъ. Дуло ружья у одного изъ нихъ явственно рисовалось на горизонтѣ динною чертою. Бѣжать не куда. А времена были яменно та-

ня, что не только въ чистомъ полѣ, въ деревняхъ и селахъ не было безопасности отъ разбойниковъ. Хотя по нѣкоторымъ поводамъ Галунчиковъ былъ во всемъ убѣдѣ единственный человекъ, который не боялся воровъ, да съ перваго взгляду онъ не могъ угадать изъ какаго убѣда пожаловала нежданная встрѣча, и, ухвативъ лицика за воротникъ, не зналъ на что рѣшиться. Отянулъ онъ на Костыльковку; далече: за лѣсомъ не видно; не улыциать; — одно спасеніе — бѣжать. Первый кустъ въ темнотѣ представлялъ болѣе безопасности, нежели телѣжка съ лошади, которыя могли только выползти прямо на страшныхъ гостей. У страху глаза велики, говоритъ пословица; кусты, торчавшіе за гостями, показались Галунчикову шайкой, которая ждетъ только приказанія, чтобы броситься на него; и Галунчиковъ, не много думая, прыгъ изъ телѣжки прямо въ лужу. Лицикъ съ облучка за нимъ. Грязь разлетѣлась брызгами и усѣяла пятнами все платье Галунчикова, но онъ не обращалъ на все на это никакого вниманія. Шагъ да шагъ, прыгъ да прыгъ, словно цапай кака, въ кусты, и давай пробираться цѣликомъ по полю въ ту сторону, гдѣ, по его мнѣнію, не было неприятеля. Лошади, какъ только спрыгнули сѣдоки, тронулись съ мѣста, а гости и захватили ихъ подъ уздцы, провожая бѣглецовъ громкимъ смѣхомъ.

— Ну, Степаньчъ! сказалъ товарищъ ночнаго гостя: вѣдь это Галунчиковъ.

— Тише, Вороненко! По-моему надо еще по-шибче на него прикрикнуть. Пусть бѣжитъ. Его дѣло, а не наше, вѣшкомъ ходить: наѣздился на чужой счетъ; вотъ ны теперь на его коникахъ прокатимся; садись на облучокъ!

— А ты за барина, что ли?

— Ты, братъ, Пахомьчъ, своихъ школьничковъ спрашивай! Садись!

Усѣлись и поплелись шагкомъ по дорогѣ въ городъ. Степаньчъ сѣлъ себѣ баринкомъ, а Пахомьчъ держалъ только вожжи; костыльковская тройка сама знала дорогу; гдѣ по-ровнѣе рысцой, гдѣ лужи да рытвины, шагомъ, а между-тѣмъ затѣялась бесѣда. Нѣкоторыя части ея не излѣшны и въ нашей исторіи.

— Если бы, продолжалъ Пахомычъ, не такая штука хищная, такъ можно бы и намъ пожитья. Ужасъ не то, что сказано, а на воротахъ приговоренъ; тако гласитъ: что если кто на кого въ томъ донесетъ его царскому величеству, такъ имѣние того нѣтъчана и всѣкіе помѣтки отданы будутъ доносителю....

— Рассказывай, Пахомычъ! Гдѣ таки за то, что донесъ, сейчасъ тебѣ пять сотенъ дворовъ отдадутъ.

— Да вотъ я же тебѣ говорю; вернулся ны съ грабень; я глажу на воротахъ бумага прилепена. Кто тутъ былъ? Губернскіе комиссары, говорятъ, проѣзжали; на дворъ не зашли, указъ прибили къ воротамъ и поѣхали дальше на Будимовку. Что тутъ ему на воротахъ торчатъ? сказалъ Иванъ Степанычъ. Позовите-ка Сидора. Пускай его уберетъ, да припрядетъ.—Нельзя, Иванъ Степанычъ, не можно! Въ Питербурхѣ одинъ генералъ и бодринъ большаго роду изволилъ съ своихъ воротъ указъ снять, такъ государь ему такъ голову взмылъ, что онъ на воротахъ кивотъ для указовъ повѣсилъ. Нѣтъ, батюшка, Иванъ Степанычъ! Пускай себѣ торчитъ, а ты вотъ что учини: прикажи на столбѣ надъ самымъ указомъ жолобокъ продолжать, да и вели раза два три въ день, что цвѣтокъ садовой, поливать съ верху; литеры расплзутся, помелѣются, прогниетъ папиръ, тогда и поны не разберуть.—Такъ займись же ты этимъ, Пахомычъ, коли хочешь вкусно ужинать.—Всѣ и пошли на дворъ, а я и давай жолобокъ мастерить, да указъ читать. Найзустъ помню. Зовутъ на омуръ въ Москву и въ Питербурхъ всѣхъ, и царедворцевъ, и дворянъ, и офицеровъ; быть всѣмъ къ октябрю; а кто не поѣдетъ, а ты донесешь, все твое! Указъ стрѣгій, божь великой поманки.... Донеси! Много бы охотниковъ явилось. Чего лучше! Подашь челобитную, да и сталъ себѣ богачомъ, да поди, справься съ провинціальною челядью; ябдники сами отъ перваго до послѣдняго, а тебя же ябдникомъ сдѣлаютъ. Вотъ если бы государь проѣзжалъ, или такая знатная персона, дѣло иное; или поѣхать самому въ Питербурхъ, да царю челомъ бить, еще лучше, а такъ—только въ омуръ залѣзешь. изъ него же не выйдешь....

— И, правду сказать, Пахомычъ, подлое дѣло на своего брата доносить....

— Какое же тутъ братство, Стенанычъ: я себѣ не изъ шалютства; меня изъ матросскихъ дѣтей взяли въ математическую школу; обстригли, грамотѣ и цѣюри научили, да и послали въ провинцію науку держать, какъ другихъ посылаютъ держать управу. Мѣсто доходное, правда: безъ моего свидѣтельства и жениться нельзя. Выучу имъ-рекъ подписывать, даютъ иной разъ полтину, а коли для свадебнаго случая, такъ и пять рублей. Все оно такъ. Да вѣдь все это сборщина, не вѣршій доходъ, а на комъ бы котѣлось, на той жениться не мочно. Такъ не отладутъ, выжунить нельзя.... Гм....

— А что, Пахомычъ. Вѣдь я чай жениться тебѣ не пристойно?

— Это почему?....

— Да, видишь, рожа у тебя совсѣмъ не свадебная; носъ такой не трезвой....

— Носъ, какъ носъ, носишь отъ очковъ. Шутка ли по четыре часа невстужно на немъ очки сидятъ, а мужичка будь маленько по-лучше чорта, слобится первой красавицѣ....

— Полно, такъ ли, Пахомычъ! Да миѣ до твоей невѣсты дѣла нѣтъ, у меня своя есть.

— Ой-ли?

— Да, и знатная невѣста, да надо грамотѣ выучиться. Ты миѣ, Пахомычъ, завтра же указку, да псалтирь. Я, видишь, для того съ тобой и въ городъ пошелъ; для того тайкомъ и Костыльковку бросилъ; проклялъ бы меня Иванъ Стенанычъ, если бѣ свѣдалъ зачѣмъ въ городъ иду. Ну, Пахомычъ, а скоро ли меня грамотѣ научишь?

— А что дань?

— Послушай, Пахомычъ: если ты будешь со мною такъ говорить, право, разсержусь.

— За что?

— Какъ за что? Ученый человекъ, а такой алтынникъ! Меня протопопъ хотѣлъ даромъ учить, у себя на дому держать даромъ; да не захотѣлъ я огласки. А у тебя я проживу такъ тихо, невидимо....

— У меня?

— Да, у тебя! Не прихотливъ я, Пахомычъ; меду нѣтъ — я и водку пью; нѣтъ кормленой индѣйки — кашлуномъ закушу; нѣтъ перины — на сѣнникѣ просплю. Тебѣ большого прихода не будетъ, за то честь какая....

— Какая жъ тутъ честь!

— Ахъ, ты, счетчикъ поганый! Такъ ты этого не умѣешь принять за честь? А? Вотъ я тебя научу счету; не досчитаешься и до десяти куламовъ, будешь въ лужѣ лезать! Надо ваму братю въ ошоны рукавицы принять. Постой! я на тебя знаю кому пожаловаться. Стунай вонъ изъ телѣжки! Вонъ!

— Вотъ ты какой, Степанычъ! Съ тобой уже и пошутить нельзя.

— Отъ чего нельзя! Да ты самъ знаешь, что ты не изъ шляхетства. Глушь я, что осерчалъ на холопа этакого.

— Вотъ, видишь, Степанычъ, ты трогаешь меня за амбицію.

— Будетъ тебѣ амбиція! Дамъ тебѣ шутки шутить! Я тебѣ не мальчикъ. Погоняй лошадей проворнѣе. Свѣтаетъ. Найду я себѣ избу по-лучше твоей школьной кануры....

— Степанычъ!...

— Не умаслишь.... Погоди!

— Степанычъ! Изъ гроша размолвка....

— Не я виновать, не я и каяться буду...

— Степанычъ! въ три недѣли всему научу....

— Въ недѣлю, такъ пожалуй, прошу тебя....

— Въ двѣ недѣли....

— Въ одну!...

— Степанычъ! Нельзя! Можно бы, да вѣдь ты не ученикъ, нельзя тебя за уши драть, розгами свѣчь, даже линейкой по рукамъ....

— Всѣ-равно! Я тебя буду за уши драть, пока не выучишь!

— Да что тебѣ за охота пришла учиться! Я знаю, что такое наука. То есть, это мерзость послѣдняя; если бы отъ нея барышей не было, вотъ-те Христось нарочно бы все забылъ. Тоска такая!

— Не умничай, Пахомычъ! Тебя не спрашиваютъ объ

этомъ. Въ недѣлю поставь мнѣ все на лицо; а если я въ недѣлю не буду грамотѣй, такъ ужъ я знаю, что сдѣлаю....

— Ужъ добраго отъ тебя не жди. Всеконечно какой-нибудь чортовъ проектъ....

— Что это за огни, Пахомычъ, у монастыря?

— Гдѣ? Въ самомъ дѣлѣ, люди съ фонарями ходятъ.

— Побѣдай проверити!

И Пахомыча приударилъ; дорога, подымаясь на возвышенность, становилась все глаже, да глаже; версты за двѣ до провинци, стоялъ монастырь. Шляхъ стѣны ограда, обѣшенныя развѣсистыми деревьями, закрывали внутрення вѣдана монастыря; черезъ дорогу — монастырская гостинница. У воротъ ея стояла не колымага, но парета, хорошаго, новѣйшаго фасону, и бѣжала монастырскихъ служекъ хлопотали около переданнаго экипажа и износики прикиривали, взойдетъ ли она въ сарай или лучше свезти на крытый дворъ гостинницы.

— Господи, Владыко, живота моего! свезать елужка, брешеть на весь шесть. Не взойдетъ!

— Не велика и бѣда, отвѣчалъ усатый паренъ въ шапкѣ изъ сѣрыхъ смушекъ: и на дворъ постоитъ. Мы долго здѣсь сидѣть не будемъ; дни два, три, да и дальше. Вотъ ужъ почитай девять мѣсяцевъ въ дорогѣ....

Служки примѣтно обрадовались извѣстію и окружили усатаго парня. Въ это самое время Степанычъ и Пахомычъ подъѣхали къ монастырской гостинницѣ, приотставили лошадей, и невольно сдѣлались соучастниками общаго разговора.

— Кто это тамъ? спросилъ Степанычъ, не подымаясь съ телѣжки.

— Протоиерей Пронутій, отвѣчалъ паренъ, приотставъ и приложивъ къ шапкѣ руку.

— Кто такой?

— Протоиерей Пронутій, терновскій дьяконъ монастыря Пронутій, повторилъ паренъ; но Степанычъ глядя на удивленіемъ то на него, то на Пахомыча, а Пахомычъ толково пожималъ плечами.

— Что такое? Этакое чина я не слыживаю, да и не выговаривать съ разу....

— И не мудрено, кормилец! Я солдатъ, за увѣщанъ въ отставку, всякихъ турецкихъ и шведскихъ словъ не слыхался и за моремъ и въ полку, а какъ попался въ дорожные къ его высокопреподобію, да какъ сказанъ мнѣ титулъ, такъ, батюшка, дней десять ломалъ языкъ, пока на ладъ пошло. *Прото* еще ничего, слово простое; *протопопъ*, съ того же пошло, да потомъ *инъ*,—день училъ—*къ*, два дня—*зиторъ* то же безъ мала день; но одиночѣ еще туда сюда, а заравъ всѣ, бѣда, такъ и перепутаются. Ну, да Богъ помогъ; одолѣлъ-таки.

— Да какаѣ же его должности?

— Большая! Онъ надъ всѣми архіереями по всему царству надсмотрщикъ. Во все можетъ войти и вмѣшаться. На то ему власть дана и титулъ такой выдуманъ....

— Право?... сказалъ Степаньчъ съ выраженіемъ особеннаго любопытства и соскочилъ съ тележки: — За чѣмъ же онъ сюда пожаловалъ?

— Обѣздомъ. По всему царству теперь онъ съотря ведетъ, да свою команду ставитъ. Тамъ указано, чѣмъ быть ему наибольшимъ, а подъ нимъ въ каждой провинціи поменьше, а подъ тѣми еще поменьше. То есть, онъ генералъ, а тамъ штабъ, а тамъ уже оберъ идутъ.

— А долго пробудетъ?

— Про то онъ знаетъ. Въ другихъ монастыряхъ верою чуетъ и увидитъ, а въ иныхъ по два, по три дня сидитъ. Были и такіе, что больше недѣли пробаивались.

— А что же монастырь, въ то онъ не мѣняется?...

— Итъ, онъ не таковскій! Онъ и въ чужой монастырь съ своимъ улазомъ лѣзетъ. Экъ, какъ онъ, вотъ же ушелъ по провинціи, — воеводу принялъ въ руки, воеводу гонимую гонимую почтѣй чаетъ, да потомъ съѣлъ, перо помылъ — подѣлалъ, да къ государю чуть не княгу написалъ. Чѣмъ уже воевода теперь не на воеводство. Мы, батюшка, люди стрѣты, зла не терпимъ; про то и государю известна; и на то и жалуютъ....

Монастырскій колоколъ разогналъ соборъ инокъ. Служки, какъ тараканы распозлакъ и поглотилъ. Слово

нычъ вскочилъ на телѣжку; Пахомычъ приударилъ костьюльковскую тройку. Было уже свѣтло; но путешественники приѣхали въ городъ, когда еще всѣ спали. Бросили и телѣжку и лошадей у воротъ комиссара, и отправились въ монастырскую школу, гдѣ проживалъ и владычествовалъ Пахомычъ.

— Ну, ка! сказалъ Степанычъ, ставя свое ружье въ уголъ обители Вороненко.—Гдѣ твой псалтирь? Подавай-на сюда грамоту.

— Какъ, Степанычъ, и не поспавши!...

— У кого мысль въ голову зайдетъ, отвѣчалъ Степанычъ съ примѣтнымъ одушевленіемъ: такъ оттуда сонъ ее не выживетъ.

— Да у меня нѣтъ мысли, Степанычъ....

— Знаю. Да у меня есть. Говорятъ тебѣ, подавай сюда грамоту....

— Гражданскую?

— Да ужъ не военную! Та сама придетъ. Ну же, поворачивайся....

— Отродясь не видалъ такого прилежнаго ученика! Надо, Степанычъ, тебѣ прежде азбуку....

— Не хочу азбуку, подавай грамоту, цѣликомъ!

— Чтò ты съ нимъ будешь дѣлать! Ну, садись, а я пошлю моей книжки. Куда она завалилась? Ужъ не стащила ли Ороевша.... И пона Пахомычъ шарилъ по всѣмъ угламъ, искусно не находя книги, которая весьма чинно лежала на столѣ передъ самымъ носомъ собесѣдниковъ, солнце поднялось; улицы оживились; раздались колокола; всѣ примѣтно свѣшили въ соборъ, куда прежде всего долженъ былъ явиться воевода, и оттуда уже, съ благословенія духовенства, приступить къ обозрѣнію провинціи.

— Счастливъ ты! сказалъ Степанычъ: иелья, присту-титъ церемоніи. Многое можно подвѣтить. Ложись спать, да только смотри, Пахомычъ. После обѣдни и ты в гра-мота будте готовы оба, да перекусить чего-нибудь также не помѣшаетъ. Слышишь!

— Слышу и слушаю! отвѣчалъ Пахомычъ, кланяясь въ слѣдъ несвѣдущему гостю.

— Тьфу къ чорту! сказалъ онъ бросившись на лежанку: кто онъ, откуда? Какой у него, право, резонъ? Какъ онъ сибѣтъ! Я, братъ, не посмотрю, что у тебя косая въ плечахъ, да прямая въ длину. Я, братъ, изъ тебя сдѣлаю треугольникъ. Видишь, съ указомъ, будто старшій! Вотъ я тебя!

Пахомычъ зѣвнулъ.

— Что-то ты и на Меланью Ивановну изкоса поглядывашь.... А Меланья Ивановна.... Голубушка....

Пахомычъ заснулъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МИТЮШКИНЪ И ПЕРВЫЕ ЕГО ПОДВИГИ.

Два земскіе комиссара меньшей статьи, которые того ради и назывались просто комиссарами, чинно стояли на паперти и пропускали въ соборъ только провинціальную чиновность. Подлый народъ, какъ тогда называли чернь, стоялъ толпами на площади и зѣвалъ на ту сторону, откуда ожидали воеводу. Степанычъ легко пробрался къ паперти, но далѣе не могъ пройти. Комиссары не знали его, и хотя по одеждѣ принимали за дворянина и даже царедворца, но всё-таки въ соборъ не пропускали.

— Гдѣ земскій комиссаръ, гдѣ Юма Ильичъ? спросилъ онъ съ выраженіемъ нетерпѣнія и негодованія:—позовите его сюда.

— Не бывалъ еще! отвѣчалъ комиссаръ, безпокойно поглядывая на Степаныча: такой страхъ, право, если овозмодеетъ; тройка воротилась, да безъ сѣдоковъ. Не ушибся ли! Чай ямщикъ былъ хмѣлень....

— А чай и самъ былъ на-веселъ....

— Статься-можетъ. По-человѣчески.

— Такъ пустите же меня въ соборъ....

— Не указано. Вотъ пріѣдетъ Юма Ильичъ, какъ ему угодно, а до него, кромѣ чиновности съ женами и домоладцами, никому сегодня нельзя и Богу молиться....

— Посмотримъ! съ гордостью сказалъ Степанычъ, взглянувъ на толпу, изъ которой выплзалъ Митюшкинъ, въ полу-военномъ нарядѣ.

— Иванъ Степановичъ! Всеявляющую Митюшкинъ еще не-далеки ты ли это? А у меня до тебя есть дѣльцо. Пои-деши-ка въ соборъ. Пока служба, рассудить...

Монахи-сѣбры отскочили отъ дверей и Степановичъ про-шелъ въ соборъ за Митюшкинныиъ, лунинъ улыбаясь. При-нявъ и возвративъ привѣтствія всей чиновности, Митюш-кинъ удалился въ уголъ церкви и сѣзаятъ на-ухъ Степа-новичу:

— Эхъ, Иванъ Степановичъ! Чувствую мудрость твою! Ты у меня золото, не совѣтникъ. Выручи меня, батюшка, изъ бѣды.

— Что такое, Прохоръ Семеновичъ?

— Отъ губернскаго—головомытіе черезъ почту получе-но, съ надлежащими угрозами. Умудри насъ, Господи, и по-милуй! Миѣ ли увѣчному ратнику Божию одолѣть полчище нечестивыхъ! Есть тутъ между нами какой-то злѣи не-видимый. Губернскому на насъ наговариваютъ. Тормозить оиъ меня, корить лжностью и вразумностью и тумолящемъ навывають...

— За что?

— Поди, спроси, за чтѣ? Пишетъ страсти такіа и все по секретности, что у меня голова кругомъ пошла. Вотъ, заходи послѣ церемоніи. Ахнешь!

— Идетъ!

— Вдетъ!

— Шестуется! раздалось извнѣ и внутри собора. Прото-іерей съ духовенствомъ, взявъ въ руки крестъ, побѣди-шилъ на встрѣчу восводѣ. Обѣ половинны дверей раство-рились и въ соборъ вступилъ высокій, статный монахъ, въ сопровожденіи игумена ближняго монастыря и еще одного незнакомаго никому монаха. Преклонилъ передъ крестомъ, въ дрожащихъ рукахъ протоіерей, Паспутій — то былъ именно самъ протоинвизиторъ; — скромно и медленно по-шелъ въ алтарь; все духовенство невольно за нимъ абсѣ-довало. Никто и не замѣтилъ, какъ велѣдъ за нимъ вступилъ въ соборъ Максимъ Ивановичъ съ Мелашей Названной и въ сопровожденіи Луничя. Всѣ дотогѣ ото-рваны неожиданныиъ приближеніемъ Паспутія, что не зна-ли что говорить, что дѣлать. Одинъ только Степановичъ не

потерялъ присутствія духа; пошелъ въ алтарь; перепре-
стился на престолъ и съ приличнымъ благоговѣнiемъ про-
изнесъ: Воевода изволилъ пожаловать! Протоіерей поспѣ-
шилъ на встрѣчу, все пришло въ порядокъ и началась ли-
тургія. Пашутіи все время оставался въ алтарѣ и вытѣзалъ
только къ молебствію. Увидѣвъ его, воевода извѣнчала
въ лицѣ и едва могъ поддержать свою важность. По окон-
ченіи молебствія, Пашутіи подошелъ къ воеводѣ и сире-
силь сухо:—Давно ли прѣехалъ?

— Вчера лишь!

— Теперь у тебя больше власти и больше отвѣту. Ты
чай не устроился и пустыми посѣщеніями стѣснять тебя
не стану. Благоволи къ нашей честной братин. Ближній
дѣшній монастырь—прикладный. Будь ему защитой и по-
кровомъ. О другихъ монастыряхъ твоей провинціи, буде
нужно, напишу. Да будетъ съ тобою и со всѣми вами бла-
гословеніе Господне!

Протонквизиторъ благословилъ воеводу и всѣхъ пред-
стоящихъ—и уѣхалъ. Воевода всё-еще стоялъ на томъ
же мѣстѣ, будто кипяткомъ его обварило. Чиновность
сложилась въ такую же позицію. Меланья Ивановна нѣ-
сколько разъ дергала его за руку; наконецъ дернула такъ
сильно, что воевода чуть не потерялъ баланса; но это и
спасло его: онъ пришелъ въ себя; принужденно улыбнул-
ся. Чиновность также улыбнулась. Онъ собирался что-то
сказать, чиновность слушать.... На счастье подошелъ про-
тоіерей и просилъ зайти къ нему на завтракъ. Веселіе при
этомъ слухѣ вполне возстановилось. Шествіе открылъ
воевода съ Меланьей Ивановной. На дорогѣ столкнул-
ся они съ Галунчиковымъ, который только-что вѣзѣ-
халъ на лѣстницу и такъ занѣхался, что едва могъ про-
говорить слово.

— А! завонилъ воевода: такъ-то ты исполняешь свое
должностъ! Протонквизиторъ въ провинціи, а воевода ни-
чего и не знаетъ! А?

— И, батюшка, по твоей милости до обѣденъ проголодала
се всѣми людьми и лошадыи, сказала Меланья Ивановна
лоти и тихо, но весьма выразительно и; для большей дѣлѣ

ствительности своихъ словъ, показала Галунчикову скатый кулакъ....

— Вотъ, давайте видѣть, ваши высокоблагородія....

— Послѣ, послѣ, перебилъ воевода: стану я изъ-за этакой, какъ ты, драни, возмущать живота моего благополучіе. Пошелъ прочь. Жди меня у канцеляріи....

— Ваше высокоблагородіе! сказалъ Галунчиковъ съ чувствомъ: интересъ вашъ увлекъ меня въ нѣкоторое нераположеніе ваше, чѣмъ премное огорчительство и прискорбіе совѣмъ меня пренсполняетъ.... И не дожидаясь реплики, нагнулся и скороговоркой прошепталъ на ухо воеводѣ:— Лошади, коровы, телята, бараны, козы, курицы, индюшки, гуси, всякая живность. Цѣлый обозъ! Не пристойно чинить пріемъ казеннымъ вещамъ у канцеляріи....

— Ну, такъ ступай ко мнѣ на домъ и тамъ тебѣ арестъ, впердь до усмотрѣнія!... сказалъ воевода громко, нимало не измѣняя гнѣвнаго виду. Галунчиковъ преклонился и уклонился. Шествіе прошло мимо. Вся чиновность послѣдовала за воеводой; Митюшкинъ также повернулъ-было на церковный дворъ, да Степанычъ удержалъ его.

— Куда это вы, Прохоръ Семенычъ?

— Какъ куда! Богатѣйшій завтракъ! Три дни ѣсть не захочется....

— Охъ! Животолюбіе — тяжкій грѣхъ, Прохоръ Семенычъ. Прожора на томъ свѣтѣ за каждый день по ступлѣтъ голодать будетъ. Да еще на глазахъ у всѣхъ, у этихъ нечестивцовъ, что и спятъ и видятъ, какъ бы ябедою и всяческою клеветою изжить изъ среды своей богобоязливаго мужа.

Митюшкинъ со слезами поглядѣлъ на церковный дворъ и просительно сказалъ:— Душа, Степанычъ! Ломтикъ осетринки, кусочикъ стерляди, да балычка стружекъ пять шесть—и закаюсь, и бѣгомъ къ тебѣ прибѣгу....

— Ну, ступайте, коли хотите потерять и душу, и мѣсто. Только ужъ и между нами все кончено. Мое дѣло сторуна. Я ужъ ни слова не скажу....

— Да послушай, Степанычъ! Я только взгляну какъ у чего столъ убранъ; такъ ли какъ на храмовомъ праздни-

къ.... Право, только взгляну.... Ну, что ж ты молчишь? Можно?

— Нельзя!

— Почему нельзя?

— Потому что воевода новый и самъ протониквизиторъ въ провинціи.

— Да развѣ я монахъ, что ли? Ну, да нечего дѣлать; пойдёмъ, Степанычъ!

— Куда?

— Домой!

И Степанычъ проворно пошелъ по улицѣ, стараясь какъ-можно скорѣе отвести Митюшкина отъ соблазнительной приманки....

— Ну, что же къ вамъ пишетъ губернской? спросилъ Степанычъ, будто такъ-себѣ, между прочимъ....

— Вотъ этакая, братецъ, стерлядь! вмѣстѣ торговали. Я вчера съ отцомъ Иваномъ нарочно на лодкѣ къ дальнему лову ѣздилъ, будетъ ужъ такъ о полуночи. Онъ вѣдаетъ, что я на рыбу знатокъ.

— Попадетесь вы съ этой рыбой сами въ неводъ; не вышугаетесь.

— А что?....

— А то, что самоловами ловить не указано, а у васъ и домъ-то на рѣкѣ, и самоловы на дворѣ.

— А гдѣ такой указъ?...

— То-то и есть, что вы за рыбою, указовъ не читаете. Галунчиковъ уже объ этомъ поговаривалъ.

— А что же онъ говорилъ?

— Да что я за пересказчикъ такой! Стану я доносить, что про васъ по всей провинціи въ трубы кричать....

— А что кричать?

— Да что вы трусь....

— Я трусь?....

— Вы....

— Да я въ семи сраженіяхъ изувѣченъ; у меня раны по всему тѣлу, что веснушки; у меня въ аттестатѣ лишній листъ пошелъ на регистръ ранамъ; я двухъ Турковъ одной пушкой убилъ. Я трусь! Подавай-ка мнѣ пушку, пу-

свой выходитъ, посмотримъ. Въ артиллеріи гнать нечего.

— Что вы прожора.....

— Прожора! Развѣ моя вина, что въ мой желудокъ противъ другаго вчетверо больше входитъ? Лошадь еще больше ѣсть, такъ ужъ и прожора! Завидно, не бойсь.... Ну, что тамъ еще?

— Что вы пьяница!

— Ну, братъ, это говоритъ аптекарь, потому что Нѣмецъ; потому что придешь къ нему, такъ жаль стаканчика, наперстокъ портъ. Я вѣдь не какой Нѣмецъ, я рускій человѣкъ. Крѣпкая натура требуетъ и напитковъ крѣпкихъ, а у меня же и раны.... Только-то?

— Говорятъ, что вы своего дѣла не знаете....

— Ахъ, ты, Степанычъ, Степанычъ! Да кто же его и знаетъ? Подумай ты самъ, какъ его знать? Одному научиться, а ужъ другое готово. Вѣдь на старости память, что сѣтка: мелочей не удержитъ, а у меня же и раны.

— Ну, такъ и говорятъ, когда болецъ, самъ заѣшь служить, чужое мѣсто занимаетъ!

— Отъ чего же оно чужое, когда оно мое?

— Да не ваше, Прохоръ Семенычъ, совсѣмъ не ваше!

— Да что ты это, Степанычъ!

— Ваше мѣсто такое, чтобы за порядкомъ смотрѣть, чтобы всѣ свое дѣло дѣлали, питербуржскіе указы исполняли, чтобы казнѣ не было изъяну, а вы.... Погодите! Будетъ вамъ за дворянъ.

— Да что ты, развѣ читалъ писаніе отъ губернскаго?

— Да что мнѣ читать? Я самъ по себѣ знаю, что такъ, а что не такъ. Вотъ, чего дальше, хоть бы домъ нашъ, и тотъ, посмотрите, на углу углу мѣсто стоитъ противъ указу. Пьяный ночью заѣшитъ....

— А ты и это знаешь?....

— Какъ не знать?....

— Только право, Степанычъ, всего разъ и случилось, какъ воеводу провожали....

— Пускай и разъ, а этотъ разъ по городу прогулдся, такъ стало больше сотни. И бѣдность-то какая у насъ въ домъ! Вѣтхость, неопрятность, и прескверно, Прохоръ Се-

меньше, право, прескверно. Водкой не въѣшь кривизнѣмъ захватить.

— Отвори окно, Степанъ! Теперь вѣтря въ самой карѣ; я вконецъ дѣлалъ, такъ духъ остался. Не хочешь ли отвѣдать?

— Пожалуй! отвѣчалъ Степанъ; да прежде покажи-ка, что тамъ губернской властью!

— На, читай, а я пока обѣгаю за палаткой. Палатка съ утра на перемену ушла; правду сказать, что за разтракъ у пона. Стерлядь-то, стерлядь! Господи, Боже мой, нѣтъ за стерлядь! Не боюсь соблаву нишаго, ну а что, если бы такую рыбку, да въ великой постъ немазали! На устоялъ бы, право, не устоялъ.

— Не разберу, Прохоръ Соманычъ, свѣдѣно написано. Возьмите-ка очки, да прочтите!

— Зарис окошко, неравно услышать невѣстницы; возрадуется вѣло. Слушай!

«Понеже въ пунктѣ второмъ о должности фискала напечатано, что долженствуетъ онъ во всѣхъ безгласныхъ дѣлахъ и всякихъ преступленіяхъ, какова бы они имени ни были, доносить, а въ губерніи вѣдомо учинилось, что въ вашей провинціи проживаютъ многіе дворяне и царедворцы не у дѣлъ, которые на службѣ и ни у какихъ дѣлъ не были, и поманвою воеводы и другихъ чиновъ по вѣдомостямъ прописаны, а въ губерніи по справкамъ оказалось, что тѣ прописные по регистрамъ нѣтъ ни въ провинціи проживаютъ и ты, Прохоръ Митюшкинъ, о томъ навѣстель; чести же и правды ради о томъ не демасшишь, и виноватыхъ на судъ не позывасишь и не обвиняешь; тунеядствуешь токмо и жалованье царское безъ пользы тратишь. Того-для навѣсть ты, Прохоръ Митюшкинъ, уважь сей получа въ повожденіи твоемъ весьма исправиться и въ нѣрадныхъ оправдаться черезъ отысканіе злодѣйствъ по всей провинціи нѣтъ ни въ настоящѣ, чтобы къ отъѣзду по указу въ Москву или въ сенатъ нестыжно явился. Будя же не являясь, то быть тебѣ, Прохору Митюшкину, въ отвѣтъ, за что весьма полагать будешь разсудному штрафу».

— Все?

— А развѣ мало?

— Вздоръ, пустяки. Не надъ чѣмъ и голову ломать.

— Ваня, душоночка моя, красавчикъ ты мой, растолкуй!

— Да въ томъ бѣды никакой, что растолкую, да послушаешься ли?

— Какъ отца роднаго, только вразуми!

— А вотъ ты теперь, какъ есть, ступай къ воеводѣ и скажи ему безъ обиняковъ послѣ титула: сказано, дворянамъ и царедворцамъ на Москвѣ и тамъ гдѣ-то еще....

— Въ сенатѣ.

— Ну, въ сенатѣ, смотри къ октябрю. Такъ я милости твоей или какой тамъ титуль....

— Вашему высокоблагородію....

— Ну, вашему высокоблагородію и доношу, что въ провинціи нашей проживаютъ нѣтчики, которые отъ многихъ смотровъ укрывались. Такъ по должности моей прошу и настаиваю тѣхъ нѣтчиковъ наблюсти и на смотри выслать, о чемъ прошу мое доношеніе или что тамъ....

— Протестъ.

— Ну, протестъ, на бумагѣ принять и въ книги какія тамъ....

— Въ протоколы....

— Ну, въ книги протоколы записать, того-для, чтобы начальству моему о усердіи и радѣніи Прохора Митюшкина было извѣстно и вѣдомо.....

— Ангелъ ты, мой! Умница! Право, ступай въ службу: будешь по малой мѣрѣ воеводой!

— Воеводой! сказалъ Степанычъ горько усмѣхнувшись: Не знаешь ты моей тоски-кручины.... Дивно это, Прехоръ Семешычъ, отъ чего у много есть и родъ и прозвище, и хоромы, и деньги, и дворы, и крестьяне, и.... а у другаго — одна душа и та безъ прозвища.

— Что ты это городишь, мой другъ? Я отъ тебя такихъ печальныхъ рѣчей никогда не слышалъ....

— Да и то жалѣю, что эти сболталъ. Когда-нибудь на покоѣ расскажу я вамъ былъ небывалую, безприкладную, а теперь ступайте къ воеводѣ....

— Да надо же, любезный, протестъ состряпать. Ужъ пусть лучше завтра....

— А завтра—опять завтра до того дня, какъ губерискій пришесть за вами сторожей, да подводу....

— Душа ты моя, да какъ же я къ нему на тощахъ пойду!....

— Только на тощахъ и справитесь; а ужъ какъ всѣ наливки перепробуете, ни языкъ, ни рука не повернется....

— Слабенькія, Степанычъ! Вотъ коли хочешь отвѣдася....

— Какъ вернетесь отъ воеводы, тогда пожалуй.... Ну, ступайте же, теперь самое время.

Митюшкинъ на разные лады отнѣкивался и выпрашивался; но неумолимый Степанычъ поставилъ на своемъ: со словъ его написана бумага и Митюшкинъ, бережно уложивъ ее за пазуху выступилъ въ походъ. Степанычъ проводилъ его до большой улицы, персонально, до воеводскаго крыльца глазами и тогда уже отправился къ Пахомычу.

Воевода былъ уже дома; видно Меланья Ивановна имѣла за нимъ на завтракѣ тщательное наблюденіе, потому что Максимъ Ивановичъ былъ свѣжъ и бодръ, какъ-будто и не завтракалъ. Лукичъ и Галунчиковъ чинно стояли у дверей, а у креселъ Меланьи Ивановны на плохомъ стулѣ сидѣлъ Иванъ Степанычъ Костыльковъ; самая веселая, пріятная бесѣда шла какъ по бархату; Меланья Ивановна болтала безъ умолку....

— Ужъ я тебѣ говорю, Иванъ Степанычъ: удружилъ всѣмъ, а пуще лошадками. И въ губерніи такихъ не видала. А что ты про службу толкуешь, такъ ужъ Максимъ на все дуракъ, а на эти дѣла первый знахарь. Сиди себѣ у него, что за печкой. Вѣдь это легко сказать: всѣхъ дворянъ на службу сошлешь, съ кѣмъ-то самъ жить будешь? Этакъ не провинція, а степь будетъ. Ну, что, Максимъ Ивановичъ, что же ты молчишь?....

— Да, матушка, моиѣ словамъ нѣтъ мѣста!

— Поди ты, грубиянъ этакой! То есть, Иванъ Степанычъ, не приведи Богъ, что отъ него терплю. Словечка не дастъ сказать; вотъ только съ гостями и отведу душу; а то, право, монастырь, не жизнь. И скажи пожалуй, ты, этакой чудовый парень, а въ деревнѣ живешь, одинъ одинокоекъ какъ перстъ. Сирота ты моя, круглая! Господи

Боже мой, и на службу несчастного горемыку! Мало у них служивыхъ людей, что ли? Помню я, какъ протчетъ Шреда шли на Украину; право, думала что ужъ на сѣверъ больше и людей не осталось; то есть, сто полковъ; что видимо — не-видимо... Не вѣди, Иванъ Степанычъ! Право, и безъ тебя тамъ много.

— И радъ бы съ такими добрыми людьми хлѣбъ соль водить, да вотъ какъ Максимъ Иванычъ укажетъ....

— Да что его слушать! Да и что онъ? Ну, говори же, Максимъ, на-прямки..... Чего брови цасунилъ....

— Вотъ мое честное шляхетское слово, что не шрей видѣ никто тебя не потревожитъ, сказалъ воевода: только гляди же, самъ не попадайся! Ну, Лукичъ, и ты, Бонча, ступайте себѣ домой; пока не нужно. Теперь мы одни. Иванъ Степанычъ; сегодня пересматривалъ я указы, что безъ меня пришелъ: есть одинъ строгій, новый смотръ объявленъ. Высланъ къ Москвѣ для того смотра стольникъ Степанъ Колычевъ. Все это не бѣда; слава, только не попадайся ты на глаза отцу Пафнутію. И не его дѣло, конечно, да къ царскому интересу больно радѣтеленъ. Я ужъ послалъ къ ближнему монастырю комиссара наблюдать когда онъ изъ нашего сосѣдства снимется. Какъ служилъ я въ губерніи, такъ по долгу службы провожалъ я его до рубежа провинціи, наслушался я всякихъ наставленій. Гражданскій чинъ, будто свои книги знаетъ. И то не такъ, и то противъ указу. Только и могъ оборониться, что все на губернское начальство сваливалъ. Кажется, перѣбралъ.... Такъ ужъ сдѣлай дружбу, Иванъ Степанычъ, до отъѣзда отца Пафнутія сиди въ своей усальбѣ чинно; вѣркомъ не лези; никакого поледанья не чини, да и протѣжихъ, Богъ тебѣ прости, не пугай на дорожѣ. Ну, а увидеть, мы его благополучное отшествіе у тебя отчитаемъ, а ты пока готовь дѣла-празднество.... Вотъ еще я хотѣлъ сказать тебѣ, что у тебя проживаетъ какой-то....

Но рѣчь воеводы была прервана Галушинымъ; онъ вѣшалъ веселъ на переменю и не то гика, не то гронка говорилъ:— Чортъ несетъ Мятюшкина!....

то Меланья Ивановна, сказала тарованно воеводѣ: воструилъ, привелъ на часокъ Иванъ Степанычъ!

— Поди ко мнѣ, кормилецъ ты мой родной, поди сюда. Самъ отецъ Пашутій у меня тебя не отъщипетъ.

Митюшкинъ, если бѣ хотѣлъ, то могъ бы еще увидать каблукъ сапога Костылькова; но ему было не до того: онъ дрожалъ какъ листъ и въ душѣ проклиналъ Степаныча, возбудившаго въ немъ неумѣстную, по его мнѣнію, энергію. Воевода въ свою очередь не могъ замѣтить замѣшательства Митюшкина, потому что ему самому было не ловко отъ присутствія лица, которое, находясь внѣ его власти, во всякое время могло надѣлать ему хлопотъ и непріятностей.... Митюшкинъ остановился посреди комнаты и откашливался; воевода, пригнувшись, ожидалъ начала интересному разговору....

— Ваше высокоблагородіе....

— Что прикажете, Прохоръ Семенычъ?

— Что? Ничего. Такъ-себѣ, безъ малѣйшаго повода....

— Не благоугодно ли присѣсть?

— Признательно сказать, сидѣть лучше, чѣмъ стоять....

— Конечно, Прохоръ Семенычъ, конечно: ноги не затекутъ....

— Вотъ я поэтому и на завтракахъ не бываю; глупая привычка стѣя кушать....

— Да что же худаго-то въ завтракъ, Прохоръ Семенычъ? Вѣдь и у архіереевъ и у митрополитовъ завтраки бывають: обычай....

— Святой обычай! се надокомъ сказала Митюшкинъ, прикурясь: А какова была стерлядка, ваше высокоблагородіе?

— Которая?

— Позвольте, ваше высокоблагородіе, ужъ признаюсь, я отъ вѣся этого не ожидалъ. Кажется, я не ведалъ никакого рѣшю....

— Извините, Прохоръ Семенычъ, я вѣдь прелегъ, въ ротъ не влезъ....

— Подите! Вы только дуракомъ прикидываетесь. Да стерлядь, можетъ-быть, вы охотникъ не до стерлядей, а до баранины, телятины и дичи....

— Прохоръ Семенычъ, чинъ, мѣсто и званіе мое не позволяютъ мнѣ передать столь обидливыхъ вываженій.

— Прекрасно, вы обидѣли меня, а сами обижаетесь!

— Я? васъ? Да вотъ Ѳомка Галунчиковъ свидѣтель, что я васъ ни чѣмъ, ни словомъ, ни помышленіемъ не обидѣлъ.

— Такъ вы меня не обидѣли?... Вы замѣтили и ростъ и другія статьи стерляди? А? замѣтили! Я говорю статьи: потому, что стерлядь величиною была чуть не съ лошадь.

— Да что вы ко мнѣ привязываетесь? Вѣдь не пѣшкомъ же мнѣ ходить? Купилъ, не одну, а четырехъ, а которую изъ нихъ стерлядью зовутъ, такъ не мое дѣло, знать не знаю! А деньги заплатилъ наличныя, вотъ Ѳомка видѣлъ....

— Самъ отсчитывалъ....

— Галунчиковъ — лжесвидѣтель; не вѣрьте ему, ваше высокоблагородіе. Онъ плутъ и лгунъ. Сами подумайте, трусь ли я? Вотъ мой аттестатъ, благо при мнѣ случился. Извольте читать списокъ моимъ ранамъ, такъ послѣ этого судите, трусь ли я? Прожора? Нѣтъ, тотъ не прожора, кто могъ быть у отца протоіерея на завтракъ, и не пошелъ по собственной охотѣ. Улика на лицо. Какой же я прожора?... Пьяница? Теперь уже за полдень, а у меня во рту ничего не было, а что я дѣло знаю и смыслю, такъ вотъ мой протестъ. Прошу принять и въ книги записать.

— Какой протестъ?

— Въ силу послѣдняго указа, противъ нѣтчиковъ. Счастливо оставаться; а Галунчиковъ лжесвидѣтель; не извольте ему вѣрять; онъ и противъ вашего высокоблагородія всякую небывальщину рассказывать будетъ. Это змѣя подколодная.... Прощенья просимъ!

И Митюшкинъ вышелъ изъ комнаты. На крыльцѣ сталъ обтирать потъ, крупными каплями унизавшій чело Прохора Семьича.

— Тьфу къ чорту! сказалъ онъ, спускаясь съ тесовой лѣстницы. Какъ это претрудно служить по гражданской части! Противъ крѣпости легче устоять, чѣмъ противъ такого воеводы. Нечестивцы! Отряхаю прахъ съ сапоговъ моихъ. Нога моя не будетъ на твоёмъ порогѣ.

И Митюшкинъ пошелъ довольно скоро, сколько ему поз-

воляла тучность. Дома забылъ всё тягости службы, услаждав горечь трудовъ сладостію новосозданной вишневки....

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДВАДЦАТОЕ АВГУСТА.

На прекрасномъ обширномъ дворѣ у длинныхъ хоромъ костыльковскихъ, шелъ сельскій шумный праздникъ. Баринъ справлялъ «дожинки»^{*}; дѣвушки красиво разубранныя, заплетаясь въ длинную вереницу, пѣли пѣсни; молодежь мужескаго пола, раздѣлялась на нѣсколько партій, играла въ городки и свайку, дезертёры, удосужась, подбѣгали къ женскимъ кругамъ, но оттуда съ визгомъ отгоняло ихъ Еввино племя; старики у водочной кладовой тянули хлѣбное и растягивались, гдѣ кому случилось; раздавалась и скрипица, но до нея мало было и охотниковъ и охотницъ; только старухи нѣкоторое время занимались музыкой; но вино уже обращалось въ слезы и жидкіе звуки скрипицы заглушались визгливыми голосами растроганныхъ бабъ, поминавшихъ бывшее и бывшихъ своихъ любимцовъ. А у кого ихъ не было, плакали объ баринѣ; или объ Малашкѣ; или о сгорѣвшей недавно мельницѣ: черный трупъ ея еще торчалъ на пригоркѣ. Наряденъ былъ праздникъ, нечего сказать; платье на всѣхъ было праздничное; дѣвушки и молодки были увѣшаны бусами разнаго роду; разноцвѣтные платки придавали всей картинѣ азіятскую пестроту; прекрасный вечеръ благопріятствовалъ веселью. Да и какъ не веселиться, когда самъ баринъ игралъ въ городки, съ отборной дружиной молодыхъ парней, а назначенныя для барскаго угощенія три молоденькія деревенскія граціи то и дѣло подносили ему прохлажденіе—крѣпкій медъ—съ прикуской, съ свѣжимъ пламеннымъ поцѣлуемъ. Не забудьте, пировала только одна волость, а такихъ какъ эта, было у Ивана Степаныча пять или шесть. Дожинки распредѣлены были въ очередь. Сегодня въ Костыльковкѣ, черезъ три дни въ Будимовкѣ и такъ далѣе. Празднества Цереры при дворѣ Ивана Степаныча предпочитались

^{*} Есть русскія губерніи, въ которыхъ праздникъ окончанія жатвы называется, какъ и у Западныхъ Славянъ, дожинками.

всѣмъ другимъ торжествамъ. Онъ ожидалъ ихъ съ ка-
кимъ-то инхорадочнымъ трепетомъ. Дождался, и въ буи-
номъ разгулѣ купался какъ въ морѣ. На эти празднества
не приглашались ни гости, ни городская чиновность: не-
когда тутъ было Ивану Степанычу ухаживать за ними; у
него и такъ было черезъ-чуръ много дѣла. Были наслаж-
денія, которыми Костыльковъ не любилъ ни съ кѣмъ дѣ-
литься; но были и такіе люди, которыхъ онъ любилъ ви-
дѣть на дожинкахъ: это — тѣзка Степанычъ и Пахомычъ.
Въ этотъ разъ, какъ и обыкновенно о Степанычѣ, онъ и
не вспомнилъ, но о Пахомычѣ онъ сталъ заботиться еще
съ утра и первое распоряженіе этого торжественнаго дня
было отправленіе въ городъ подводы за Пахомычемъ. Хо-
тя картины праздника давно уже увлекли расчетливое вни-
маніе Костылькова; хотя онъ уже разрѣшилъ нѣсколько
важныхъ вопросовъ; хотя наконецъ приближалась пора
выбрать царицу дожинокъ, которую до будущихъ дожи-
нокъ всѣ величали маткой, но именно послѣдняя церемо-
нія и затрудняла Ивана Степаныча. Тутъ Пахомычъ и
его краснорѣчіе были необходимы. Вотъ почему въ са-
момъ разгарѣ игры и веселія, онъ часто поглядывалъ на
дорогу и сквозь зубы ворчалъ разныя слова, неудобныя
для печати. Въ одинъ изъ этихъ разовъ Иванъ Степанычъ
воскликнулъ: ѣдетъ!! ѣдетъ!! На встрѣчу Пахомычу! И
вся волость шумною толпою съ дубинами, съ музыкой,
пѣснями и пляской двинулась со двора на улицу, въ кото-
рой за постройками и плетнями нельзя уже было видѣть
подводы Пахомыча. Желая потѣшить гостя неожиданною
встрѣчею, Иванъ Степанычъ наказалъ всѣмъ замолчать и
притаится у плетней. Стукъ колесъ приближался; между
плетней усадьбы показались лошади; по сигналу гурьба
завопила, музыка и пѣсни загремѣли, поднялись и закру-
жились въ воздухѣ дубины и шапки; испуганныя лошади
взбѣспались и между тѣсныхъ рядовъ зрителей, къ общему
изумленію, пронеслась шестерка дюжихъ коней, за нею не-
виданная карета. — Поселяне съ крикомъ отхлынули; самъ
Костыльковъ отскочилъ, да не ловко и повалился въ гряз-
ный ровъ. Кучера потерялся, не могли управлять взбѣ-
шенныхъ лошадей; у самыхъ воротъ карета зацѣпилась

колёса за дряхлый столб; передняя часть хода свернулась; лошади уткнулись в ограду и остановились; но при этом повороте дышло, также прѣскользнувъ между переднихъ лошадей, ударило въ столб и сломалось. Иванъ Степанычъ ужасно взбѣсился, какъ смѣютъ въ такой праздникъ черезъ усадьбу вѣдуть посторонніе люди. Онъ даже и не подумалъ, что грязь обезобразила его праздное платье; едва испочилъ, выхватилъ у перваго встрѣчнаго дубину и бросился съ цѣлой гурьбой за каретой; но прѣбѣжалъ на мѣсто въ самое то время, когда изъ кареты выходилъ отецъ Пафнутій, поддерживаемый знакомымъ намъ ученомъ. Кривоногъ былъ костыльковскій медъ; великъ гнѣвъ Ивана Степаныча, но встрѣча была страшнѣе всего этого. Живъ будто вышибло; онъ съ ужасомъ остановился на срединѣ улицы и безмысленно глядѣлъ на грознаго іеромонаха.

— Что, никого не ушибло? спросилъ Пафнутій.

— Богъ миловалъ, всё цѣлы! отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Во истинну, Богъ помиловалъ! Что у васъ тутъ за сходбище?

— Дожинки, честной отецъ! Барскіе дожинки, не то что прикашицкіе!

— А гдѣ же баринъ?

— А вотъ милости твоей кланяется.

И въ самомъ дѣлѣ Костыльковъ съ перенугу, ни съ того ни съ сего давай кланяться....

— А это твой дворъ и твои хоромы?....

— Его, честной отецъ, и всё мы его; и другія вѣности, то же его....

— Не откажи, господниъ помѣщикъ, въ гостеприимствѣ, пока повозку наладятъ....

Костыльковъ только кланялся. Пафнутій, взявши его за плечико, медленно пошелъ къ хоромамъ.

— Это что, былъ самъ прощенталъ Костыльковъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Сидоръ, Сидоръ, гдѣ ты, Сидоръ? Чистый охобени! Проворнѣй!....

Сидоръ со всѣмъ ногъ бросился въ хоромы.

— Эй, братцы! кликнулъ усачъ: нѣтъ ли у васъ дышла, али нѣтъ ли плотника?

— Подайте дышло! закричалъ Костыльковъ: авось отъ старыхъ колымагъ придется. Скорѣе уѣдетъ. Эй, Евдокимъ! Гони всю гурьбу въ садъ, нусть тамъ поспѣять смырно; а уѣдетъ, мы свое наверстаемъ.... Чтò въ самомъ дѣлѣ, будто ужъ я и у себя не хозяинъ....

Костыльковъ надѣлъ чистый охабень, оравшись и пошелъ въ хоромы довольно бодро. Въ первой же налатѣ нашелъ онъ отца Пафутія, спокойно сидѣвшаго въ креслахъ; старикъ глядѣлъ на заходящее солнце и по лицу его казалось, что никакая мысль не возмущала его душевнаго покою. Но когда вошелъ Костыльковъ, брови Пафутія нахмурились, глаза заблестали.

— Не осердись, господинъ помѣщикъ, что я нарушилъ твой праздникъ. Понадобилось мнѣ въ губернію; подумалъ: проселкомъ ближе, и поѣхалъ. Да вотъ стало дальше....

— Дышло сейчасъ будетъ готово.

— Только дышло? Спасибо. Я думалъ, что вся повозка изломалась. А какъ тебя зовутъ?

— Иваномъ.

— А прозвище?

— Прозвище? Да на что тебѣ прозвище?

— Пригодится не для меня, такъ для тебя....

— А вотъ, кажется, дышло готово. Приладили. Надо самому присмотрѣть. Извини, честной отецъ....

— Не трудись! У тебя рабочихъ рукъ довольно. Ты лучше со мной побесѣдуй. Скажи, пожалуйста, такой молодець, а не на службѣ!

— Былъ всё боленъ.... Вотъ теперь объявленъ смотръ, такъ пойду; на-послѣдяхъ тѣшусь....

— Богопротивная потѣха, Иванъ! Пожали дары Божіе, поблагодарили Господа, поуселились на отдыхъ, да зачѣмъ пьянство, зачѣмъ буйство, зачѣмъ живеты своихъ людей и проѣзжахъ странниковъ, подводитъ подъ обѣду, отъ нея же охраняетъ рука Божія? Недостойно все это, Иванъ, ни твоего рѣду, ни званія. Богъ проститъ тебя, Иванъ, если покаешься; Богъ накажетъ строго, если усто-

ишь въ грѣхѣ. Вотъ теперь сладил. Прощай! Проводи меня съ миромъ и любовію. Люди твои не должны ни слышать, ни видѣть чѣмъ я взыскалъ твою грѣховность. —Смотри же, исправься, Иванъ! Пойдемъ!....

Почтительно, очень почтительно проводилъ Костыльковъ отца Пафнутія до кареты, очень низко поклонился, но не могъ взглянуть ни на что, ни на кого, пока не убѣдился, что Пафнутій уѣхалъ.

— Меду! закричалъ онъ прыгая какъ ребенокъ: а гдѣ мои ненаглядныя? Въ саду, что ли? Ну, пустилъ я козла въ огородъ! Яблоки и груши, прощайте! Такъ и есть! Этотъ мерзавецъ Филька чуть только упаровитъ, что некому приглядѣть, ужъ возлѣ груши. Плетей! Чтѣ, поймаешь за ухо; погоди-ка; отобью я у тебя охоту отъ лакомства.... Плетей!

Несчастный Филька пищалъ, пойманный за ухо невозможною и дюжею рукою Костылькова. Сидоръ уже приближался съ арашникомъ, какъ-вдругъ двѣ дѣвушки закричали: — Пахомычъ ѣдетъ! Пахомычъ ѣдетъ! И Филька брошень. Гурьба двинулась къ воротамъ саду, но Иванъ Степанычъ стоялъ тамъ въ видѣ колосса родоссаго и громогласно кричалъ:

— Стой! Стой! Какъ пріѣдетъ, тогда ужъ зададимъ трезвону, а то еще пожалуи, того гляди....

Костыльковъ запнулся. Но на этотъ разъ не было ошибки. — Поджарая пара разъѣздныхъ лошадей рысцой втащила телѣгу на дворъ; въ ней сидѣло двое; легко догадаться кто именно: Пахомычъ и Степанычъ. Тогда всѣ смѣло бросились изъ саду, съ гамомъ, крикомъ, музыкой и пѣснями: — Пахомычъ! Пахомычъ! кричали веселые парни. — Степанычъ! шептали красныя дѣвушки.

— Такъ-то ты отъ своей должности бѣгаешь! закричалъ Костыльковъ, схвативъ Пахомыча за сюртукъ и потрясалъ весьма живописно....

— Не я, а должность отъ меня бѣгаетъ.

— Благо, что не опоздалъ, а то бѣ мы тебя въ пруду до-смерти закунали!

— Милости твоей всякое благодарствіе.

— Гдѣ ты это пропадалъ, почитай, три недѣли?

— Гдѣ?

И Пахомычъ посмотрѣлъ на Степаныча, но, встрѣтивъ его гнѣвный взглядъ, продолжалъ защищаться:

— А гдѣ же мнѣ пронадать? Училъ ребятнишекъ, да ничего не зашибъ: такіе все были ученики. Только самъ изубыточился.

— Полно, Иванъ Степанычъ, его разспрашивать; известно, что онъ дѣлалъ, училъ мальчишекъ, да нянествовалъ; такъ ужъ откуда ему алтынъ восторону отложить. А что, тѣзка! Солнце ложится; подь сумерки Пахомычъ не разберетъ и матки; на него нынче курчя слѣнота находить. Что сова ночью, то онъ днемъ.

— Правда твоя, Степанычъ, и я-то умался. Пора приниматься за матку. Гей, красныя, становитесь въ кружокъ!

Дѣвушки, особенно, которыя по-моложе, весьма неохотно собирались въ кружокъ; а Костыльковъ въ это время читалъ Пахомычу краткую инструкцію.

— Ты знаешь Грушу Сергѣеву?....

— Дѣвчонку, что по веснѣ у тебя огородъ помола?

— Посмотрѣлъ бы ты, какъ поднялась эта дѣвчонка и распустилась цвѣткомъ махровымъ. Да ужъ не время тебѣ толковать. Грушу! смотри, не ошибись, Грушу! Него заправду ослѣпишь....

— Грушу, такъ Грушу! Но-мнѣ все-равно.... Да что-то нынче мало дѣвушекъ.

— И тѣ не охотой пришли! сказалъ кто-то и спрятался въ толпѣ молодыхъ парней.

— Что же вы! Становитесь! Сидоры! Поди-ка по саду, да выгони лѣнявыхъ! Провориѣ!

Съ крикомъ и визгомъ, нѣтъ со слезами выскакивали изъ саду милостивыя вѣтчицы и, отирая слезы прозрачными руками, становились въ-круговую. Пахомычу поднесли огромную чару меду. Онъ подносилъ чару къ устамъ каждой по очереди, чуть та хотѣла хлѣбнуть, онъ проворно отнималъ чару и отпивалъ самъ, да такъ усердно, что на третьемъ номерѣ не стало матеріалу. Подлили. Вторая чара продержалась до десятого номера. Третья вошла еще тише....

— Ну-ка!... сказалъ онъ поднося чару къ милويدной поселеникѣ, которая закрылась отъ него объѣми руками и отвернулась: не отпѣкивайся. Сладокъ медъ. Ну, что же ты рыло-то воротишь? Насильно милъ не будешь. А что закрылась, такъ не велика бѣда, я только погадаю, тотчасъ смѣкну кто ты, какъ тебя зовутъ и чѣмъ тебѣ быть на бѣломъ свѣтѣ....

— Гадай, гадай, Пахомычъ! раздалось со всѣхъ сторонъ. Голосъ Костылькова былъ сильнѣе прочихъ.... Дѣвушка хотѣла бѣжать; сестрицы придержали за полы, а Пахомычъ выпилъ чару до-гла, поставилъ на землю, перевернулся кубаремъ, будто колесо какое или мячъ, вскочилъ, выпрямился, закрутился на одной ногѣ и произнесъ торжественно: — Была ты сирота бездомная; на хлѣбахъ у добрыхъ Сергѣевыхъ; была ты Груша, какъ и всѣ Груши; быть тебѣ Аграфеной, маткой дожинокъ.

— Никогда! никогда! воскликнула дѣвушка, рванулась изъ всея мочи и пустилась бѣжать въ садъ благимъ-матомъ.

— Лови! закричалъ Костыльковъ и всѣ бросились въ садъ. Но Груша, видя, что ей нѣтъ исходу изъ барскаго саду, какъ серна взбѣжала на плотъ, стоявшій на пруду, перекрестилась, дикииъ, пронзительнымъ голосомъ закричала: «Прощайте!» и, бултыхъ въ воду. Ребенокъ, она думала, что эта дрянная сажалка — море-окиянъ. Конечно, вода покрыла ее съ головой; утонуть можно было, но для этого требовалось искусство, знаніе своего дѣла. И лодки не отвязывали. Трое, не раздѣваясь соскочили въ прудъ и вынули изъ воды Грушу, будто изъ ящика. Правда, она лишилась чувствъ, но не захлебнулась, не задохлась. Самобійцу отнесли въ барскія хоромы. Костыльковъ проводилъ ее и скоро вышелъ на дворъ въ совершенномъ спокойствіи.—Спасибо, ребята! Потѣшили вы меня сегодня знатно. За Грушу не бойтесь. Выспитесь и все пройдетъ. А вы себя-стунайте! Сидоръ, по чаркѣ на дорогу, кому вина, кому пива, кому меду, какъ кто пожелаетъ!

— Благодарствуемъ, кормилецъ! закричало нѣсколько человекъ и тогда безъ пѣсень, тихо, грустно, стала расходиться.

— Сидоръ! продолжалъ Костыльковъ: возьми-ка ты и Пахомыча къ себѣ. Напой, накорми! Сослужилъ онъ службу свою знатно.

Пахомычъ поклонился и пошелъ за Сидоромъ. Одинъ только Степанычъ остался на опустѣломъ дворѣ и въ этотъ разъ не заблагоразсудилъ напоминать о себѣ. Онъ пошелъ въ садъ, куда черезъ пять минутъ явилась и Меланья: вѣроятно, въ общей сумятицѣ они успѣли условиться....

— Ну, душа моя! спросила шопотомъ Меланья: не видать ли кого? Того гляди подъ липой запряталась какая дѣвушка, или пьяный заснулъ умаявшись. Видишь, Степанычъ! Повѣрила я тебѣ, пришла, но гляди, только подумаешь меня обидѣть, не пожалѣю себя, закричу во все горло. Люди еще не улеглись. Говори, что ты мнѣ хотѣлъ сказать и отпусти меня съ мпромъ....

— Бѣдная, бѣдная Маша! Сказать ли ей.... Нѣтъ, погоди, скажи ты лучше мнѣ: любишь ли ты Костылькова?

— Любила....

— А теперь?....

— А теперь жалѣю. Право, сердце надрывается, какъ гляжу на все на это. Хмѣль до добра не доведетъ. Сегодня чуть не убили монаха....

— Какого монаха?

— Пробѣжалъ тутъ какой-то, въ такой повозкѣ, что и старики не видали, шестерикомъ....

— Пафнутій!

— Кажется, его слуга такъ клкалъ.

— Такъ онъ былъ здѣсь?

— Не по охотѣ. Съ пьяныхъ глазъ приняли его за Пахомыча и....

И Меланья по-своему рассказала происшествіе. Съ жадностью, съ какимъ-то наслажденіемъ слушалъ Степанычъ ея рассказъ.... Прерывалъ его только словами: «знатно, любо» и тому подобными восклицаніями. Когда Меланья кончила, Степанычъ взялъ ее за руку и весьма значительно повторилъ вопросъ:— Скажи, милая, скажи безъ обиняковъ, любишь ли ты Костылькова? Спра-

ниваю не для себя. Ты меня любить не можешь. Жаль тебѣ будетъ съ нимъ разстаться или нѣтъ?

— Нѣтъ, простодушно отвѣчала Меланья: нѣтъ! только куда же мнѣ дѣться?

— Какъ куда? замужъ, за добраго человѣка!

— Ужъ не за тебя ли, Степанычъ? Пожалуй, я не прочь, да какъ это уладить? Вѣдь онъ меня не изъ любви, а изъ своего норову отъ себя не отпуститъ.... Привыкъ.

— Мало ли чего, отвыкнетъ!.... Пстой, Малаша! Помнишь ли ты отца?

— Нѣтъ.

— А матушку?

— Нѣтъ! Только и знаю, что меня покойная Костылькова у своихъ воротъ подобрала. Отреклись отъ меня отецъ и мать. Никогда объ нихъ ни слуху, ни духу; подросла я; какъ себя помню, стала мнѣ плохая жизнь....

Малаша заплакала. Степанычъ былъ какъ на угольяхъ. Ему примѣтно хотѣлось что-то рассказать ей, но благоразуміе или другія причины его удерживали....

— Что плакать, Малаша! Богъ милостивъ, сказалъ онъ. Въ голосѣ его такъ много было нѣжности и состраданія, что Малаша невольно спросила:

— Степанычъ, что съ тобой?

— Ничего! Прощай! Если можешь, захворай, Малаша, такимъ недугомъ, чтобы Костыльковъ не искалъ твоей бесѣды.... Понимаешь ли?—Въ постель не ложись, даромъ только истомишься, а знаешь, будто зубы болятъ. Придетъ, а ты охай, хныкай, онъ и убѣжитъ отъ тебя. Бабій вой тому сносенъ, кто въ душѣ свою бабу носитъ. Понимаешь ли? А я, пока, буду мое дѣло стряпать.... Прощай, Малаша! Ступай! Становится свѣжо! Мнѣ твое здоровье дороже своего. Прощай! Ступай съ Богомъ, спи спокойно, а я ужъ за тебѣ и молиться и расплачиваться буду.... Что ты такъ странно смотришь на меня? Развѣ не вѣришь?....

— Вѣрю, добрый человѣкъ, вѣрю, а моему столбняку не дивись! я такихъ рѣчей еще не слыхала....

— Не то еще услышишь. Только завтра же притворись больною.

— Притворюсь. Степанычъ. притворюсь. Что ни ска-

жешь, все будетъ по-твоему; сердце мнѣ говоритъ, что ты мнѣ худаго не хочешь....

— И говорить правду, Послушай, Малаша.....

Но стукъ колесъ возвѣстилъ о пріѣздѣ поздняго гостя. Малаша пожала руку Степанычу и пустилась садомъ скорѣе въ свою комнату, а Степанычъ подошелъ къ крыльцу преспокойно; изъ-дали онъ распозналъ костыльковскую тройку; въ столовой нашель Галунчикова, который кричалъ Сидору:

— Коли спать, разбуди и зови. Дѣло важности перваго рангу, дѣло государственное. А, здравствуй, Степанычъ: какъ это тебя вездѣ встрѣтишь? Крылышки, что ли? Что же ты ко мнѣ за видомъ не приходилъ въ городъ?....

— Не нужно. Свой старый отыскался. Ну, а ты съ добрыми вѣстями?....

— Я, братецъ, съ дурными самъ не ѣзжу, на то, братецъ, у меня есть подкомандные комиссары и штатные инвалиды. Да что онъ въ самомъ дѣлѣ нейдетъ! Иванъ Степанычъ! Иванъ Степанычъ! Я вѣдь не въ гости пріѣхалъ.

— Провались ты, ненасытная крыса! кричалъ Костыльковъ въ бѣшенствѣ и вскочилъ въ столовую въ шелковомъ халатѣ.—Вонъ отсюда, обираю этакой! Вонъ, говорятъ тебѣ, нето дубьемъ проводимъ. Что это, право! Сапоговъ не успѣлъ сбросить; ночью всегда чортъ принесеть. Точно филинъ какой! Чего хочешь! Сидоръ, засади ему каплуна въ горло; стопу меду на голову вылей и вытолкай.....

Галунчиковъ отъ удивленія выросъ почти вдвое, такъ, что длинная его фигура почти достигла полотнянаго потолка, а голова пудрилась даромъ столѣтнею пылью. Онъ смотрѣлъ то на Ивана Степаныча, то просто на Степаныча, и даже на Сидора, и не могъ придумать ни одной приличной для такого случая фразы.

— И правду сказать, подхватилъ Степанычъ: пора бы тебѣ, Галунчиковъ, и честь знать. Ночью всегда зачешется; забражничаешь, другихъ въ соблазнъ введешь. Вѣдь ночью спать хочется.....

— Да и какъ еще! съ досадою сказалъ Костыльковъ: не на-животъ, а на-смерть. Чучело этакое! Совѣсть спать не даетъ. Словно чортъ въ аду мечется.—Днемъ воеводу надуваетъ, а ночью кармацы. Точно тать ночью....

— Точно разбойникъ на большой дорогѣ! прикинулъ Степанычъ.

Галунчиковъ доросалъ уже до потолка вплотную.

— Ну, ужъ прѣхалъ, такъ говори, что́ корысть твоя сочинила?

— Пафнутій уѣхалъ! заревѣлъ Галунчиковъ громовымъ голосомъ, желая поразить Костылькова внезапною радостью....

— Пошелъ ты съ своимъ Пафнутіемъ! Видали мы и тебя и Пафнутія.

— Оба не въ пору гости.

— Ужъ точно не въ пору, а нуще этотъ домовой; подарилъ дураку тройку на свою голову; колесить по ночамъ; радъ, что лошадки завелись. Ну, Пафнутій уѣхалъ, уѣзжай же и ты по-добру, по-здорову. Ну, чего стоишь, видно еще есть новость?....

— Завтра воевода со всею чиновностью будетъ въ Костыльковку!... уже завопилъ Галунчиковъ и эта рѣчь возымѣла свое дѣйствіе. Костыльковъ поправилъ свой халатъ, какъ-будто воевода былъ уже на порогѣ. Хмѣль, который дотога сильно дѣйствовалъ въ распаленномъ тѣлѣ, охладился. Костыльковъ потеръ себя по лбу и сказалъ про себя: Ну, мало одного, цѣлый полкъ грабителей: этотъ только передовой. Проклятый день!....

— Двадцатое августа! сказалъ Степанычъ, заслышавшій послѣднее восклицаніе.

— Такъ что́ жъ, что двадцатое августа?

— Ничего. Я только говорю, что двадцатое сегодня, а завтра будетъ двадцать-первое. Воевода долго гостить не будетъ; день, два, и уѣдетъ. На дожинки въ Будимовку поспѣемъ, а нельзя же не принять воеводы; а что мы съ тобою погорячились противъ Галунчикова, такъ мы же свои братья, сочтемся, и самъ онъ виноватъ. Спросилъ бы, можно ли видѣть Ивана Степаныча; ему бы и сказали: нельзя, ступайте къ Степанычу; мы бы съ нимъ и

переговорили и все было бы на порядкѣ. А то вскочилъ, пашумѣлъ, накричалъ; бери себѣ, пожалуй, не жалѣюгь, да соблюдай благочиніе....

— Да, да, соблюдай благочиніе....

— Ну, вотъ теперь и самъ видишь, что повелъ себя глупо. Стоишь какъ обваренный; не мы же виноваты! Кайся, Ильичъ! Ужъ тутъ нечего! Кланяйся Ивану Степанычу, проси прощенія. Воевода теперь панъ. Тебя заурядъ честимъ, а нужды въ тебѣ никакой нѣтъ, развѣ для посылковъ. Кланяйся, полно важничать, а нето, братецъ, сами согнемъ. Пяти сотенъ не пожалѣемъ; такъ и скрючимъ....

— Тысячу рублей!....

— Батюшка, Иванъ Степанычъ! поблѣднѣвъ, съ трудомъ прошепталъ Галунчиковъ:—За что это! Что я вамъ сдѣлалъ....

— Ужъ не твое дѣло объ этомъ спрашивать! перебилъ Степанычъ: кланяйся и проси прощенія, да и пойдешь ко мнѣ. Ужъ коли Ивану Степанычу некогда, такъ я за него!

— Вотъ ужъ по-пріятельски, такъ по-пріятельски!

— Что это! Плевая службишка! Ну, Иванъ Степанычъ, простите Ильича. Можетъ-быть, онъ и отъ усердія.

— Право, отъ усердія, ей Богу отъ усердія....

— Не бойсь, вѣримъ! Иванъ Степанычъ простилъ тебя: видишь, смѣется. Пойдемъ. Простите, Иванъ Степанычъ, будьте покойны, спите-себѣ, а мы съ нимъ и закусимъ и перетолкуемъ...

— Прощай, мой другъ! Вижу, что я не ошибся въ тебѣ! Прощай, Галунчиковъ.... Впередъ...

— Въ послѣдній разъ, Иванъ Степанычъ, право, ей Богу, въ послѣдній разъ. Прощенія прошамъ! Покойной ночи....

Но Костыльковъ не слушалъ Галунчикова, онъ не ушелъ, а убѣжалъ изъ столовой, а Степанычъ безъ церемоніи взялъ за руку Галунчикова и повелъ за собою въ отдаленный покой, назначенный для пріѣзда Степаныча.

— Послушай, Степанычъ!... сказалъ Галунчиковъ, когда они вошли въ комнату: зачѣмъ ты такую глупую мысль

вбиваешь въ голову Костылькову? Вѣдь для воеводы, конечно, Иванъ Степаньчъ дороже меня....

— Во-первыхъ, Галунчиковъ: это ты говоришь, что глупая мысль, а Ивану Степаньчу нравится. Во-вторыхъ, не изволь меня кликать Степаньчемъ, а нето, я тебя отучу отъ такой фамильярности....

— Да что вы сегодня, болдно много выпили, что ли?

— Послушай, Галунчикъ! Повторяю тебѣ, говори со мной уважительно. Изволь меня называть полнымъ именемъ: вѣдь не я, а ты изъ подлаго народа, не честнымъ промысломъ до комиссарства допозлъ. Былъ ты при старомъ комиссарѣ мальчишкой, безъ обуви по улицамъ бѣгалъ, грамотѣ училъ тебя дьячокъ. Сдѣлалъ изъ тебя комиссаръ писаря, потомъ комиссара меньшей статьи, нотоу за большое воровство ты въ земскіе попалъ.

— Кто тебѣ, Степаньчъ....

— Опять Степаньчъ!....

— Кто вамъ, Иванъ Степаньчъ, такого вздору нагородилъ?....

— Покойникъ!

Галунчиковъ въ ужасѣ соскочилъ со стула.

— Ты ужъ думалъ: умеръ, такъ и концы въ воду. А? А хочешь ли, вотъ только скажу семь завѣтныхъ словъ, покойникъ самъ сюда войдетъ и все расскажетъ.... Хочешь?

— Сгинь, пронади, нечистая сила. Съ нами Богъ, да расточатся....

— Хочешь?

— Не надо! Иванъ Степаньчъ! Не надо! Вѣдь ты на меня напраслину взводишь; все это дѣло учинилъ старый земскій.

— А ты только хоронилъ несчастнаго? А? При томъ комиссарѣ — покойникъ жилъ-себѣ лѣтъ десять, а при тебѣ в году не прожилъ....

— Такъ Степану Федоровичу было угодно.... въ лихорадкѣ отвѣчалъ Галунчиковъ: и то сказать, умеръ себѣ во своей, а не по моей волѣ. Я его не душилъ....

— А домучилъ. Ну, да теперь все прошло, минуло, за-

былось; садись, Фомка, и рассказывай, гдѣ была эта усадьба?

— Теперь тамъ есть корчма или кружало, да пустой домъ объ одномъ жильѣ; когда бываетъ большой лодъ, такъ туда ѣздить, въ томъ домѣ жить. Лѣтомъ еще жить можно; а зимой снѣгъ въ комнаты пробирается; а другое строеніе щѣловоальники на топливо истрасходовали. Да поедумайте, Иванъ Степанычъ: что вы надо мной слѣдствіе производите, допросъ снимаете? Такъ покажите указъ.

— Хочешь слѣдствіи, изволь будетъ и слѣдствіе.

— Не надо, Иванъ Степанычъ, не надо.

— Ну, не надо, такъ рассказывай безъ допросу. Кто теперь въ томъ домѣ живетъ?

— Никто. Хотѣли чинить два или три года тому назадъ, да какая-то ворожея отсовѣтовала. Говоритъ, отъ того дома бѣда будетъ. Да и въ усадьбѣ-то надобности никакой нѣтъ, а поля-то, батюшка, поля, все пшеничнымъ; да лѣсъ десятинъ триста, дерево къ дереву на подборъ, вонъ гдѣ соблазнъ. Глупо сдѣлалъ Степанъ Федоровичъ: ему бы кѹпить; дешевле бы обошлось.

— Ну, что объ этомъ говорить! Сталось, прошло, минуло, забылось.

— Отъ чего же вы объ этомъ домѣ изволите меня допрашивать?

— Я? И не думалъ. Такъ пришлось къ слову, а мнѣ что до вашихъ плутней. Мое дѣло сторона.... А воевода завтра съ воеводиной будетъ....

— Какъ же-съ! Меланья Ивановна безъ себя въ такой дальній путь Максима Иваныча не отпустить....

— Какъ же намъ принять ихъ? Ты, Фомка, къ этому дѣлу привыченъ. Рассказывай!

— Во-первыхъ, то есть сначала, завтракъ въ часовъ десять....

— Да развѣ такъ рано пожалуютъ? ..

— Для передовыхъ....

— А кто же эти передовые?

— По церемоніалу назначено ѣхать съ утра Лукичу и рентамейстеру при двухъ комиссарахъ; потомъ камериру и

старшему бурмистру тоже при двухъ комиссарахъ; а ужъ за ними при четырехъ комиссарахъ и мостовомъ надзирателѣ воеводскій поѣздъ.

— Комиссары—это твоя челядь, Ѳомка; ихъ можно въ банѣ угощать.

— О, помилуйте, Иванъ Степанычъ! Гдѣ угодно,—лишь бы угощать....

— Тѣхъ четырехъ, да воеводу съ восводихой въ хоромахъ разиѣстить; только надо опростать то отдѣленіе гдѣ Маланья Ивановна живетъ....

— А Маланья Ивановна куда же дѣнется?...

— Да нельзя же ей оставаться при восводихѣ. На глаза не должна показываться; женскій полъ весь изъ хоромъ прочь; во-первыхъ, потому что Ивану Степанычу надо за восводихой приударить.

— Такъ, такъ, Степанычъ: экая ушница!...

— Опять!

— Не буду, право не буду, ей Богу не буду; съ привычки обмолвился.

— А во-вторыхъ, ты знаешь Лукича? лакомка; мы его въ дураки и посадимъ. Духу женскаго не будетъ. Монастырь, да и полно....

— Иванъ Степанычъ! Благодаритель! Утрите ему носъ. Онъ у меня не одну отбилъ.

— Ну, такъ за дѣло, Ѳомка! Ступай на конюшню. Вели парой повозку заложить, что на помочахъ, да по пути клякни Сидора. Знаю, что ты проголодался. И мнѣ что-то ѣсть хочется.

Галунчиковъ побѣждалъ для исполненія данныхъ порученій. Вскорѣ явился и Сидоръ. Инструкція была довольно обширна. Сонный Сидоръ съ трудомъ могъ упомянуть ея подробности; однако же упомянулъ и все явлось, и въ комнатѣ Степаныча и въ повозкѣ, назначенной для особенной цѣли. Галунчиковъ пожиралъ съ жадностью холодныя блюда; Степанычъ отговаривался позднею порою, и тѣмъ, что ключи у Костылькова, и поилъ Ильича, вмѣсто меду, настойками и наливками. Сильныя ощущенія испытанныя въ этотъ день Галунчиковымъ, помогли хмѣлю; онъ не успѣлъ пресытиться, какъ уже вапцлся и опяньтъ

совершенно. Степанычъ съ помощью Сидора бросилъ его на свою кровать, погасилъ свѣчу и вышелъ въ садъ. Къ удивленію, въ окнахъ Меланьи онъ увидѣлъ свѣтъ черезъ круглыя прорѣзы въ ставняхъ; бережно отодвинувъ ставню, онъ увидѣлъ, что Меланья стоитъ посерединѣ комнаты на колѣняхъ, присѣвъ на ноги; руки и голова ея были опущены; видно было, что она послѣ молитвы забылась, или упавъ въ забытіи передъ иконой, не могла уже и молиться. Легонько постучалъ онъ въ окно. Меланья вздрогнула и даже вскрикнула.—Это я, Степанычъ: не бойся, Малаша.

Малаша съ принудитною радостью отворила окно:—Что ты хочешь сказать? спросила она съ любопытствомъ.

—Добрыя вѣсти, добрыя вѣсти, Малаша! Я теперь во всемъ домѣ хозяйинъ. Костыльковъ мнѣ передалъ начало. Завтра будутъ такіе гости, что тебѣ не пристойно оставаться въ Костыльковкѣ; да для нихъ же надо припасти и мѣсто для ночлегу. Такъ я тебя отвезу на старую усадьбу, гдѣ ты и проживешь на покой; долго, можетъ-быть до сватъбы. Будешь сама себѣ хозяйкой; а Костылькову столько будетъ дѣла, что онъ про тебя и не вспомнитъ.

—Степанычъ! Степанычъ! Богъ тебя послалъ мнѣ, горемычной.

—Вотъ ужъ въ этомъ ты не ошиблась, другъ мой! Одѣнься-ка по-теплѣе. Завяжи въ узелъ нѣсколько подушекъ, и изъ платья, что по-нужнѣе и подай ихъ сюда. Я уложу въ повозку. Съ тобой поѣдетъ старуха Никитична для послугъ и разговору. Въ повозкѣ есть и сѣстное, на первый случай, и свѣчи, и медъ, и пиво; долго ждать меня не будешь; да и не даль же какая ни есть: верстъ шести не будетъ. Ну, душа моя, въ походъ!

Все было исполнено по приказу Степаныча и повозка съ дорогой клажей отправилась въ путь. Степанычъ напутствовалъ ихъ крестнымъ знаменіемъ и отеръ слезу тайную, потому что въ темнотѣ ночи никто не могъ ся и видѣть. Къ утру весь женскій полъ со всѣхъ отдѣленій кухонныхъ, кучерскихъ и другихъ былъ собранъ и высланъ въ Будичовку, къ примѣтному удовольствію мужей,

отцовъ и братьевъ, которые, узнавъ о прїѣздѣ городскихъ гостей, понимали и похваляли предусмотрительную распорядительность Степаныча. На дворѣ еще отъ стараго порядку, заведеннаго Марьей Савишной Костыльковой, подъ навѣсомъ болтался колоколъ. При покойницѣ, онъ сзывалъ челядь къ урочнымъ работамъ и трапезѣ. При Иванѣ Степанычѣ обычай этотъ былъ преданъ забвенію, потому что часто не въ-попадъ нарушалъ спокойствіе хозяина. Но въ это утро, едва солнце поднялось на высоту семи часовъ, Степанычъ собственноручно и бойко сталъ звонить. Челядь сбѣжалась и окружила его; но онъ всё продолжалъ бить въ колоколъ, пока на крыльцѣ не показалась фигура Костылькова въ шелковомъ халатѣ. Тогда Степанычъ сказалъ дворнѣ: — Ждать меня здѣсь! и самъ бросился съ рапортомъ къ хозяину.

— Что это значитъ? кричалъ тотъ съ крыльца.

— А вотъ что! отвѣчалъ Степанычъ спокойно. Пожадите сюда. Гости чуть-чуть не на дворѣ. Я знаю вашу привычку; коли полюбится, вы иной разъ пробавляетесь до обѣда и наслаждаетесь медовымъ сномъ; а эти грабители въ десять часовъ ужъ будутъ ходить по всѣмъ вашимъ хоромамъ, кричать: «Иванъ Степанычъ, Иванъ Степанычъ, пора завтракать»: Такъ лучше нашъ сонъ отложить до завтра, а теперь изготавиться къ предстоящей бѣдѣ. Слушайте, Иванъ Степанычъ, вотъ какъ я распорядился и вотъ почему.

Степанычъ прежде излагалъ поводы каждой мѣры, а потомъ уже доносилъ объ ея исполненіи и привелъ Костылькова въ совершенный восторгъ.

— Другъ ты мой, заступникъ, спаситель!.. и то и другое.

— Все это вздоръ, отвѣчалъ Степанычъ покойно: это службишка дрянная. Я хотѣлъ только знать, одобряете ли вы мои дѣла или нѣтъ. А если одобряете, такъ ступайте себѣ спать. Можете еще часъ другой понѣжиться, а въ девять колоколъ будетъ звать всѣхъ на службу: тогда уже и начальникъ явится на мѣсто!

— Явлюсь, тѣзка! явлюсь! Послалъ же мнѣ Богъ этого друга! Прощай!

Два часа въ хлопотахъ и приготовленіяхъ промелькнули

что двѣ минуты и колоколъ загремѣлъ. На этотъ разъ и Пахомычъ проснулся.

— Орефьевна! закричалъ онъ въ просонкахъ: подай сапоги, не замѣчая того, что онъ во всей одеждѣ позволялъ преспокойно лежать на прилавкѣ въ сборной набѣ. Замѣтя ошибку, онъ выбѣжалъ на дворъ и столкнулся съ Галунчиковымъ, который въ безпорядочномъ видѣ также бѣжалъ по двору и кричалъ: — Опоздалъ! Плетей! Уже къ обѣднѣ звонять.... И зашпунлся, примѣтивъ какой пономарь и на какой колокольніѣ звонить что есть силы.

— Довольно, довольно, Степанычъ, закричалъ Костыльковъ садясь на крыльцѣ, какъ проконсулъ на провинціалномъ судилищѣ. Главные чины: Степанычъ, Галунчиковъ и Пахомычъ подошли къ нему; всѣ распоряженія Степаныча еще разъ удостоились самой лестной похвалы и одобренія, но удостовѣреніе чего Костыльковъ подалъ ему свертокъ съ рублями. Степанычъ призадумался, но только на одно мгновеніе, взялъ деньги, спряталъ въ карманъ, и сказалъ хладнокровно:—Пригодятся на расходы, теперь же ихъ будетъ не мало. Ну, Иванъ Степанычъ, одѣвайтесь теперь по-наряднѣе; да еще мнѣ надо вамъ словечко сказать. Пойдемте... Оомка, и ты, Пахомычъ, подождите насъ здѣсь!

Ушли.

— Это онъ васъ, Оома Ильичъ, такъ величаетъ? спросилъ Пахомычъ, лукаво.

— Шалунъ! Я люблю его, что онъ всякому въ начальство лѣзетъ. Право, люблю. Шутить, такъ шутить. Удамой молодецъ.

— Плохія шутки, Оома Ильичъ! Эта птица высокаго полету; ужъ если не соколъ, такъ самый лучшій коршунъ. Вамъ-то ничего; вы себѣ комиссаръ, а я его, какъ огня, боюсь. То есть, если бы я вамъ сказалъ, что онъ сдѣлалъ, такъ вы бы присѣли.

— А что такое?

— Не велѣтъ говорить!

— А ты знаешь, и не доносишь!...

— Да въ этомъ никакой вины нѣтъ. Это ваче заслуга остраго ума чудодѣйствіе, притча въ лицахъ....

— Послушай, Пахомычъ, да вѣдь если ты не разсуджешь, такъ я тебя въ городѣ приму въ руки....

— По-миѣ пожалуй! Не моя секретность, а его, такъ я у него спросится долженъ....

— Не надо, Пахомычъ, не надо! Не просятъ. Само окажется.

— Конечно. Шла въ мѣшкѣ не утаишь. Идутъ!

— Да что вы о такихъ пустякахъ заботитесь, сказали Степанычъ выходя на крыльцо съ Костыльковымъ: Я все предвидѣлъ. Таратайку!

Таратайка подѣхала.

— Ну, Оомка, и ты, Пахомычъ, сюда! Пойдемъ!

— Куда прикажете? спросилъ Галунчиковъ, слѣдуя за Степанычемъ въ хоромы.

— Много знать будешь, скоро состарѣешься. Вотъ посидите здѣсь на замкѣ, пока вернусь, да толкуйте съ Пахомычемъ о суетѣ міра. Только если ты, прибавилъ онъ шопотомъ на-ухо Пахомычу: про вчерашнее хоть слово болтнешь, будешь битъ по пятамъ нещадно.

Замѣкъ щелкнулъ, Степанычъ ушелъ, таратайка ушла и Степанычъ выпустилъ затворниковъ.

— Ну, Галунчиковъ, теперь ты воленъ! Поѣзжай на встрѣчу воеводѣ, жди его у бѣлой харчевни или у монастыря.

— А Лукичъ будетъ безъ меня завтракать?

— Завтраку не будетъ!

— Какъ, не будетъ?

— Я отдумалъ. Непристойно подчиненнымъ быть больше начальника. Ты имъ скажи, что коли котятъ, милости просимъ, а ихъ всюю кучерамъ на качеляхъ покачать, или на лодкѣ повозить, а съѣстнаго или питьянаго, кромѣ воды ничего не дамъ.

— Да ты погубишь Ивана Степаныча: знаешь ли, если Лукичъ осерчаетъ, такъ и воевода не поможетъ. Нѣтъ усердія говорю.

— Говори себѣ, пожалуй, да только миѣ слушать некогда. Дебайкай лучше на встрѣчу, а то даремъ дожидаться....

Ну, какъ себѣ тамъ хочешь, прощай. Эй, Сидоръ! Пойдемъ для воеводы жильё сочинять. Пока Иванъ Степанычъ воротится, все должно быть готово. Пахомычъ, ты безотлучно изволь быть при мнѣ; рукъ мало, а дѣла пронасть. Возьми-ка, Пахомычъ, этотъ столъ, да тащи за Сидоромъ на воеводскую половину.

— Да развѣ я....

— Чтò, развѣ ты не холопъ? Дрова у сосѣдей собственноручно воруюшь, да къ себѣ таскаешь: самъ видѣлъ; а тутъ, видишь какая бѣморучка! Гей, живѣй за работу....

— Да помиуйте, Иванъ Степанычъ, сказалъ Галуничковъ: право я съ такою инструкціей не посмѣю высокородной чиновности и носу показать; да и поздно; чай они теперь уже Старый Яръ миновали; подъ самой Костыльковкой....

— Тѣмъ лучше!

— Какъ, тѣмъ лучше?

— А тѣмъ лучше, что у меня рукъ мало; прѣдутъ; помогутъ воеводскую половину убирать, а ты, Фомка, можешь сейчасъ приниматься. Вотъ кресло, тащи; для отдыха его высокородію.... Ну, ну, не отпѣкивайся. Не для меня, для своего же начальства. Черезъ этотъ переулокъ кресло не пройдетъ, тащи его черезъ дворъ, а я тебѣ двери отпирать буду.

Галуничковъ повиновался. Кректя вытащилъ оное тяжелое кресло; кое-какъ сползъ съ крыльца, но едва пошелъ дворомъ, какъ въ ворота въѣхала щегольская таратайка парой; Лукичъ собственноручно руководилъ красныхъ рысаковъ, а товарищъ его, рентмейстеръ Бузе, спокойно курилъ табакъ изъ коротенькаго чубука и съ веселою миною глядѣлъ въ оба на красивое устройство усадьбы. Какъ увидѣлъ ихъ Галуничковъ, уронилъ кресло, повернулся и по невольному какому-то чувству собственнаго достоинства усѣлся въ тѣ же кресла и протянулъ ноги.

— Это чтò? спросилъ Лукичъ съ хохотомъ. Кто это тебя ружьёмъ всякую таскать заставилъ?

— А вотъ мы сѣвшими убирать воеводскую половину;

не можете ли и вы, Степанъ Лукичъ? проговорилъ съ обыкновеннымъ хладнокровіемъ Степанычъ.

Лукичъ, чуть не померъ со смѣху: — Экой шутникъ! Нашелъ себя тяглыхъ, ха-ха-ха! Какъ думаешь, Нѣмецъ, гдѣ шутка знатная?...

— Я думаю.... сталъ говорить рентмейстеръ Бузе: Я думаю.... я полагаю... что это большой шутка...

— Ну ужъ, господа, навинтите, а мнѣ право не до шутокъ; вотъ на-те, Степанъ Лукичъ, возьмите этотъ ящичекъ для Меланьи Ивановны: нельзя же безъ этого ящика....

— Что тутъ?

— Посуда! Да полноте, пожалуйста, несите, говорятъ вамъ, вотъ, за Сидоромъ.... Фомка, что же ты сидишь? Придешь воевода, ты же будешь виновать... А вы, Карлъ Карлычъ, вотъ извольте зеркало: можете глядѣться до-рогой.

И на рукахъ у Бузе очутилось зеркало, довольно большое и тяжелое....

— Что ты, съ ума сошелъ! кричалъ Лукичъ: да я хочу завтракать, а не мерскую рухлядь таскать...

— Завтракать! Надо прежде заработать! Не для меня, для своего же начальства трудитесь; изъ уваженія къ Меланьѣ Ивановнѣ, чтобъ не обидѣлась; ну, вотъ и я возьму корзинку съ плодами. Въ походъ, ступай!

И Степанычъ толкнулъ Бузе, Бузе Лукича, Лукичъ Ильича и процессія двинулась. Иванъ Степанычъ въ это время вѣзжалъ на дворъ и не могъ понять, что бы означала эта церемонія. Таратайку приняли; Костыльковъ пошелъ къ трудящимся и спросилъ: — Что вы тутъ дѣлаете?

— Завтракаемъ! отвѣчалъ Степанычъ, толкая Бузе; Бузе Лукича, Лукичъ Ильича, который уже проходилъ въ воротахъ воеводской половины.

— Право, брошу!... кричалъ Лукичъ: руки отдавило.....

— Такъ заплатишь! замѣтилъ Степанычъ: заплатишь Меланья Ивановна по ея выскородія оцѣнкѣ...

И Бузе наконецъ пришелъ на воеводскую половину.

— Ну, теперь, сказалъ Степанычъ, входя за ними вмѣстѣ съ Костыльковымъ: какъ вы думаете, честные госпо-

да? Кажется, все на порядки.... Спасибо! Чемъ теперь васъ занять, куда повара справится?...

— Какъ? загревать Лукичъ, терять всякое терпѣніе: такъ и завтракъ не готовъ? Галушниковъ, а ты что тутъ дѣлалъ?...

— Я докладывалъ Ивану Степанычу, то есть, не Ивану Степанычу, потому что имя некогда было, а Степанычу Ивану, но Степанычъ Иванъ, то есть Иванъ Степанычъ, не Иванъ Степанычъ, а другой Иванъ Степанычъ....

— Что ты тутъ врешь?

— Убей меня Богъ, если вру.... И врать никогда не буду, и вамъ не совѣтую, Степанъ Лукичъ..... Съ душевнымъ въсконочтаніемъ имѣю честь быть ваминъ, Степанъ Лукичъ, и ваминъ, Иванъ Степанычъ, и ваминъ также, Степанычъ Иванъ — надѣвшишь работы Ома Галушниковъ.

И съ этими словами комиссаръ въ два прыжка выскочилъ изъ комнаты.....

— Что съ нимъ? съ изумленіемъ спросилъ Лукичъ.

— Что есть съ нимъ случалось? класокренно пропоснлъ Бузе.

— Шутникъ! Точь-въ-точь вы, Степанъ Лукичъ, когда докладываете всевоздакъ комиссарскіе рапорты объ умершихъ. При такомъ случаѣ шутка важнѣй помощникъ!

Лукичъ вытаращилъ глаза и смотрѣлъ на Степаныча такъ неподвижно, будто голову его изъ дерева выдолбили. Но Степанычъ, какъ-будто не обращая на него никакого вниманія, сказалъ Бузе:

— Карлъ Карлычъ! Вы опять свою длинную трубу прилаживаете. Такъ ужъ я долженъ вамъ сказать вперёдъ, что у насъ въ комнатахъ богопротивныхъ вельемъ курить нельзя. Меланья Ивановна и Максимъ Ивановичъ, какъ слышать смрадъ такой — я въ хоромы не войдутъ. Ужъ если хотите, такъ на заднемъ дворѣ.

— А гдѣ у васъ есть задній дворъ?....

— Пахомычъ, проводи! Чемъ-то васъ занять, Степанъ Лукичъ? право не придумаю. Нашъ монастырь теперь не то что бывало..... Вы, кажется, любите на сивелдѣхъ кататься?....

Лукичъ хотя и очень былъ пораженъ неумѣстнымъ вѣмѣчаніемъ Степаныча, но пріятныя воспоминанія о качеляхъ изгладили минутное впечатлѣніе. Лукичъ улыбнулся.

— Конечно, сказалъ онъ лукаво: при воеводѣ оно было бы неумѣстно, а наче при воеводахъ. Такъ ужъ лучше тебѣ....

— Такъ ступайте же въ садъ, а я пошлю кому васъ покачать.....

— То есть, просто, разумъ первой статьи у Степаныча. А я уже и дорогою думалъ: зачѣмъ ты, Лукичъ, и серѣжки и платочки захватилъ, чай къ качелямъ и подойти не удастся..... Такъ я иду, Степанычъ.....

— Ступайте, ступайте! Вы дорогу знаете. Ну, Иванъ Степанычъ! Растасовалъ я эту чиновность. Не знаю, какъ удастся съ остальными.

— Да что ты затѣваешь, Степанычъ?

— А то, чтобы васъ высвободить изъ-подъ этихъ Татаръ. Съѣдутся, каждый хозяйничаетъ. Пусть по нашей дудкѣ пляшутъ, коли вы деньги платимъ. Приѣдетъ воевода, вы, батюшка, Иванъ Степанычъ, возьмите его на стөрону и скажите ему на-прямки: — Послушайте, Максимъ Ивановичъ, будемъ откровенны: что вамъ за охота, съ этими уродами дѣлаться? Стоятъ они мнѣ дорого, нажились отъ меня довольно. Возьмите вы меня подъ свое персональное начало. Вся провинція въ годъ обходится мнѣ въ тысячу рублей.....

— Какое, въ тысячу!....

— Знаю, да такъ говорить надо. Возьмите, Максимъ Ивановичъ, полторы тысячи, да ужъ одни, чтобы я этихъ грабителей не зналъ, и не видѣлъ.

— Да сможетъ ли онъ безъ нихъ?

— Э! не беспокойтесь, это не Семёнъ Семенычъ; онъ просидитъ на воеводствѣ до втораго пришествія. Ни пикнуть!.... Пусть онъ ихъ удовольствуетъ съ другихъ иштыней, а съ насъ никто не могъ взять ни копейки. Указы пусть носятъ равсильный, а ихъ, чтобы и духу не было....

— Каждое твое слово, Степанычъ, рубля стоитъ. Но позволь мнѣ и тебя спросить; вотъ ужъ сколько живемъ вмѣстѣ, спросить не приходилось. Теперь, когда сердце

мое такъ и легло къ тебѣ, право, не въ-терпѣжь знать: кто ты?....

— Бѣдный дворянинъ.....

— Дворянинъ! Вотъ не даромъ же сердце чуло, что не изъ подлыхъ. Обними меня, Степанычъ, прости.....

— Да ты чѣмъ виновать? Въ бѣдности и горяхъ моихъ другіе виновны; ихъ нѣтъ уже на этомъ свѣтѣ; ниу отвѣтчиковъ.....

— Да какъ же ты ихъ найдешь, когда перемерли?

— О! Я такой истецъ, что и мертвецамъ не дамъ покою. Но что объ этомъ толковать! У доли своя вода и своя дорога. Ни сманишь, ни своротишь. Вотъ ужъ солнце прямо въ темя бьетъ, сейчасъ пожалуютъ: будьте наготовѣ..... Ахъ, Боже мой, и забылъ про Лукича..... Евдокимъ!... крикнулъ Степанычъ выходя съ Костыльковымъ на крыльцо у воеводской половины. По знаку его двое молодыхъ конюховъ бросились въ садъ, вскочили на качели, на которыхъ Лукичъ дремалъ въ пріятномъ ожиданіи и въ два мига садъ огласился взвизгами Лукича. Онъ былъ большой охотникъ до качель, да при другихъ обстоятельствахъ и не любилъ забираться слишкомъ высоко. Крики его возбудили опасенія Галунчикова....

— Боже мой! Степанъ Лукичъ подъ небесами! Помогите!

— Не мѣшайся, Оомка, не въ свое дѣло!

— Да какъ же провинція будетъ безъ земскаго секретаря?

— Врешь, Оомка! земскій секретарь больно за дѣлами насидѣлся; пылью пропало; пусть провѣтрится.....

— Я только докладываю, и прошу, чтобы всякой отвѣтъ....

— Падетъ на тебя, Галунчиковъ!

— За что?

— За то, что ты не удержалъ ихъ отъ раняго приѣзду, какъ я тебѣ наказывалъ.—Ну, Иванъ Степанычъ, по моему расчету, кажется, теперь воевода долженъ быть близко: не поѣхать ли намъ на встрѣчу? Таратайку! Галунчиковъ, садись за кучера.....

— Я? Земскій комиссаръ!...

— Да, земскій комиссаръ, только не забудь за какое дѣло.... Садись!

И къ особенному удивленію Костылькова Галунчиковъ повиновался. Не успѣли они выѣхать изъ усадьбы, какъ у рощи показалась воеводская колымага, влекомая четырьмя костыльковскими рысаками и сопровождаемая пятью всадниками; то были мостовой надзиратель и комиссары. Колымага остановилась при встрѣчѣ съ таратайкой. Занавѣска отдернулась.

— Здравія и благоденствія желаемъ вашимъ высокоблагородіямъ! какъ-будто условьясь сказали оба Степаныча.

— Здравствуй, мой ненаглядный! заговорила Меланья Ивановна: Максимъ Ивановичъ всю дорогу спалъ, всё ему Костыльковка снилась; проспалъ бы до самыхъ воротъ, если бы по пути пресмѣшная окказія не приключилась.

— А что такое?

— Да, просто, умора. То есть, у меня отъ смѣху бока заболѣли. Такъ разсмѣшилъ, что даже Максимъ проснулся. Я вамъ говорю, что такого лицедрѣнія не скоро случится видѣть. Сначала, признаюсь, оторопѣла; слышу кто-то стонетъ; я со страху двумя пальцами за китайку; гляжу черезъ щелку, поглядѣла, да такъ и покатиалась. Ну гдѣ таки этакой тушѣ на одноколкѣ ѣздить, самому править, подумайте, право! Поступилъ противу церемоніалу, не захотѣлъ съ бурмистромъ ѣхать. Въ одноколкѣ! Ахъ онъ, печка этакая! Говорить: самъ Великій Государь въ одноколкѣ ѣздить! Да то Государь! Ахъ ты, Господи! Какъ вспомню, смѣхъ до слезъ прошибаетъ. Провалился, батюшка, провалился!...

И воеводиха залилась звонкимъ хохотомъ.

— Кто провалился?

— Высадилъ и дно и сидѣнье!...!

И еще смѣхъ.

— Матушка, Меланья Ивановна, утѣшьте: кто такой?

— Камериръ нашъ, Андрей Кононовичъ!...

И тутъ ужъ никто не выдержалъ; всѣ захохотали, даже Максимъ Ивановичъ ослабился.

— Да гдѣ же онъ?...

— Торчатъ, батюшка, на дорогѣ въ своей одноколкѣ.

було въ хомутѣ: ни выйти, ни вышолзти. Максимъ мой было-разжалобился, хотѣлъ выгрузать Андрея Кононовича. Хорошо, что я тутъ случилась. Чтѣ ты это, Максимъ, глупость такую затѣваешь? Безъ мала чаеъ провозимся; въ Костыльковку овоздаемъ; Иванъ Степанычъ обидется....

— Помилуйте!

— Да ужъ я знаю, что ты такой добрый, да мы должны твою доброту уважить. За Кдмонычемъ можно съ усадьбы послать. Ба! Кто это у васъ за ямщика?

— Да вотъ, шутникъ Ильичъ прїѣзду вашего ради развеселился, сказалъ Степанычъ, потрениавъ по плечу блѣднаго Галунчикова.

— Видно, съ-позаранку хлѣбнулъ, замѣтилъ воевода.

— Нѣтъ, Максимъ Ивановичъ, съ вечера, перебилъ Степанычъ: — Теперь не прикажете ли путь-дорогу указывать?...

— Мы на всей хозяйской волѣ, отвѣчала Меланья Ивановна, и поѣздъ тронулся.

— Это чтѣ? спросилъ Максимъ Ивановичъ, проѣзжая между строеиъ усадьбы. Кажется у скотнаго двора нашъ рентмейстеръ Бузе....

— Онъ, грѣховодникъ. Отъ него всегда коготью такую цахметъ. Вотъ ужъ можно сказать правду, что теперь онъ на своемъ мѣстѣ....

Дверцы отперъ Степанычъ и съ Иваномъ Степанычемъ чуть не на рукахъ вынесъ Меланью Ивановну, потомъ Максима Ивановича. Какъ-только воеводство было поставлено на крыльцо, крики изъ саду поразили слухъ ихъ: — Батюшка, воевода! Помилуй!

— Чтѣ это?

— Степанъ Лукичъ — страстный до качелей охотникъ, подхватилъ Степанычъ и махнулъ рукою конюхамъ.

— Слышалъ, слышалъ! съ улыбкой сказалъ воевода. Меланья Ивановна, кто это намъ рассказываетъ?

— Подно, Максимъ Ивановичъ, какъ тебѣ не стыдно говорить объ этакихъ забавахъ? Самъ видишь, что конюхи его тѣшиди....

Иванъ съ одной стороны, съ другой Бузе, съ третьей

Галуничковъ, всѣ шли къ крыльцу съ подовальными мидями. Степановичъ успѣлъ что-то щипнуть Сидору и толкнуть Костылькова. Иванъ Степановичъ подавъ руку Мелья Ивановичъ, и всѣ отправились въ столовую, гдѣ огромный столъ трещалъ подъ разнаго роду и виду блюдами; фляги разныхъ сортовъ и въ чагачѣ своей и въ степной натурѣ красовались не хуже серебра и золота. Ароматъ отъ аствъ шелъ такой, что Максиму Ивановичу чуть не слѣзлось дурно. При этомъ очаровательномъ ароматѣ, которое для многихъ краше всѣхъ швейцарскихъ и подольскихъ видовъ, даже Лукничъ забылъ свое воздушное путешествіе, Бузе трубку, Галуничковъ многія свои герести и части. Какое-то удивительное безмолвіе произошло между собесѣдниками; ноги у нихъ подкосились, почва всѣ опустились въ кресла и, не глядя другъ на друга, какъ-будто условясь, стали обѣдать.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЧЕБЪЛЪ.

Откупали, но еще допивали. Степановичъ умѣлъ такъ ловко распорядиться, что Иванъ Степановичъ раздѣлилъ или отграничилъ собою Маноша Ивановича отъ Мелья Иванова; самъ же гофмейстеръ, не садясь, обходилъ столъ и подливалъ вина и меду безостановочно. Такъ какъ Мелья Иванова была за границей, то и не удивительно, что муженѣкъ натянулся добропорядочно и впротиву посланца, *in vino veritas*, дгаль и хваталъ на-пропалую. Вотъ что удивительно; Римляне были бойкіе пьяницы, а сочинили такой невѣрный афоризмъ. Есть люди самые правдивые, а подъ-гулькомъ врутъ и на себя и на другихъ; есть хитрецы, а послѣ доброй чашки гроггу готовы проболтать государственныя тайны, если бы таковыя за ними случились; есть наконецъ и такіе, у которыхъ и на-топикъ и послѣ обѣда не добьются словечка правды. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и воевода Максимъ Ивановичъ. Онъ рассказывалъ между прочимъ, что былъ съ губернаторомъ въ Персін, что у нихъ обѣдалъ шахъ, что они пили русскаго хмѣльнаго квасу, такъ шахъ, откупивъ откупъ, сталъ на колѣнахъ и речею Христу, просить

подарить ему, что осталось въ кушнѣ; что съ-тѣхъ-поръ при каждомъ посольствѣ въ Персію посылаютъ небольшой погребъ, съ крышей, землянымъ поломъ и пескомъ, совершенно готовый и наполненный кушнями съ хвѣльнымъ квасомъ.

— Этотъ погребокъ, продолжалъ воевода, какъ привезутъ на мѣсто, тотчасъ пошлютъ за снѣгомъ, и зарюютъ погребокъ въ снѣгъ аршина на два. И знаете ли, вотъ какъ я второй разъ ѣздилъ къ шаху, такъ тотъ квасъ лучше нашего....

Въ такихъ пріятныхъ разговорахъ, поливаемыхъ крѣпкими русскими и заморскими напитками, время себѣ плелось; вставать и не думали. Только одна Меланья Ивановна стала жаловаться на продолжительность транзея.

— Пусть ихъ бражничаютъ, душа моя, Иванъ Степанычъ, сказала она умильно поглядывая на хозяина: а мнѣ бы хотѣлось отдохнуть, прилечь....

— Позвольте проводить....

— Да ужъ въ такомъ дворцѣ безъ проводника, того гляди, заплутасясь.

И Меланья Ивановна не безъ труда и не безъ помощи поднималась съ кресель и поддерживаемая Иваномъ Степанычемъ, какъ утка, съ боку на бокъ переваливалась, отчалила изъ столовой....

— Я для васъ, Меланья Ивановна, и особые покои сварила. Но вкусу ли только придутся?

— У тебя мнѣ все по вкусу... Экое удобство, подумалъ! И зеркало, и постель какая, и цвѣты и плоды, и воздухъ какой.... Вѣкъ бы тутъ осталась....

— А кто же вамъ жѣнасть? Живите себѣ сколько душе угодно....

— Охъ! Нельзя, Иванъ Степанычъ, нельзя! Сердце бы то.... да грѣшно оставлять сожителя; а онъ же безъ меня въ три дни полетитъ съ восточства. Съ-обща, батюшка, съ-обща взяли мы это воеводство, по старой ко мнѣ губернаторской пріязни..... Такъ съ-обща шло ужъ и править. Тутъ я ему позволяю бражничать, всё свое; сейчасъ цѣтъ, а въ провинціи—опаси Господи! Сто глазъ, сто надоброкошечъ — Сидишь же ты возлѣ меня, Иванъ Степанычъ, что

ты меня дичишься. Вѣдь я же не укушу тебя. Вотъ такъ, красавецъ ты мой, а право, красавецъ. Сколько тебѣ лѣтъ, душенька?...

Иванъ Степанычъ сидѣлъ какъ на иголкахъ, но очень хорошо понималъ, что размова съ воеводкой гораздо опаснѣе, чѣмъ съ воеводой и придумывалъ, какъ бы благовиднѣе вынырнуть изъ предстоявшей бѣды. Будь на его мѣстѣ Степанычъ, дѣло бы уладилось, но Степанычъ былъ далеко, на ратномъ ногѣ съ противниками сильными и могучими. Степанычъ самъ изумлялся гигантскимъ силою неприятелей. Измученный безсонницей, разными мыслями, предположеніями и, наконецъ, благородными напѣтками, Степанычъ самъ чувствовалъ, какъ хмѣлѣлъ постоянно больше и больше. Присутствіе памяти его не оставляло; однако же онъ рѣшился воспользоваться ея померкающимъ свѣтомъ; онъ бережно вынулъ изъ кармана пукъ бумагъ и улучивъ мгновение, когда никто не смотрѣлъ на него, засунулъ ихъ за пазуху, плотно застегнулъ всѣ петлицы шинюна, и сколько могъ плотнѣе затянулъ поясъ. Тогда спокойно предался судьбѣ своей и заснулъ сномъ крѣпкимъ. Молодость! Ей довольно часу, чтобы собрать силы, разбросанныя втеченіи двухъ сутокъ. И точно, не прошло и часу, какъ Степанычъ встрепенулся будто птица съ утреннимъ появленіемъ зари. Ему стало такъ свѣжо; бодрость будто искра пробѣжала по всѣмъ жиламъ, жилкамъ и жилочкамъ. Онъ взглянулъ на собесѣдниковъ. Всѣ и все было въ прежнемъ порядкѣ: воевода только побагровѣлъ, а впрочемъ ничего, говорилъ безъ умолку; прочіе также озарились какъ-то вечернимъ образомъ, но также ничего, слушали безъ-устали; одинъ только Бузе почти дремалъ и держалъ въ зубахъ черенокъ ножа вмѣсто трубки. Даже Галунчиковъ, нестучая за обѣдомъ съ нѣкоторою методою, хотя и спалъ, но то однимъ глазомъ, то другимъ, въ очередь. По комиссарской привычкѣ глаза у Галунчикова были какъ лапы у гуся: одинъ всегда былъ въ запасъ, другой на-сторожѣ. Но картина эта въ то же мгновение разрушилась, потому что вошелъ Иванъ Степанычъ въ странномъ расположеніи духа, съ примѣтной досадою, безъ всякаго чиноположенія бросился въ кресла

и шарахнул по-чужаком: — Меду! Вѣтъ проскулилъ: Бузо, уронить мѣтъ, проскула, чтобы поднять, потерялъ равновѣсїе и свалился, воевода хотѣлъ поднять его мѣтъ по-крайней-мѣрѣ освободить свои ноги изъ-подъ гнета, и так-же не удержалъ балансу; усердіе къ воеводѣ ушлома закинулъ въ паденїи Лукича, Галуничева и Пахомыча. Степанычъ скорѣе замуралом притворился озабоченн. Иванъ Степанычъ вскопчилъ съ мѣста, чтобы позвать людей, но въ самыя дѣрзхъ столкнулся съ тучной фигурой Митюшкина, который, увидѣвъ неподъемную картину, подвинулъ руки свои гаръ и воскликнулъ съ горестію:

— О, бедна нечестїа!

Есть такіе бараны тевора, которыхъ не забудетъ ни большая, ни самая тупая память. Голосъ Митюшкина былъ именно этого бараньяго свойства. Распростертая чиновность оживилась отъ этого восклицанїя и хотя не безъ труда, поднялась однако же съ помощію хозяина и заняла законныя мѣста. Степанычъ, замѣтивъ гостя, положилъ руки и голову на столъ, такъ чтобы нельзя было распознать его. Митюшкинъ всё-еще стоялъ въ дѣрзхъ и не зналъ на что рѣшиться. Пахомычъ, какъ человекъ менѣе зависимый отъ Митюшкина, оправаясь, сказалъ съ обычнымъ лукавствомъ:

— Вотъ, Прохоръ Семенычъ: зрите убо, како потребляются дары Божїе. Отъ двухъ аршинной стерляди — остался костистый хребетъ, и цаки реку: все п вся въ сибѣсть человекку.... А вы обѣдали, Прохоръ Семенычъ?...

— Нѣтъ! отвѣчалъ Митюшкинъ, запинаясь и облизываясь: то есть обѣдалъ, да очень давно, то есть поутру, въ самыя поддѣнь, и то не плотно: зной большой былъ....

— Такъ не хотите ли прохладиться? спросилъ хозяинъ. Холоднаго маршанаго, холоднаго велочки, холоднаго меду. Все холоднаго, право, холоднаго.... Вотъ начемте съ этого завѣтнаго меду. Сто вины марш; всякая вода изъ него вымерзала... Просимъ огнушеть!...

— Митюшкинъ, прикуривъ прохладить руку, на Степаныча поднялъ голову и сказалъ какъ-будто къ просителю:

— А, Прокоръ Семеновъ! И вы здѣсь! Чтѣ такъ поздно?

Рука Митюшкина опустилась; лицо приняло кисло-горькое выраженіе...

— За дѣломъ, батюшка Иванъ Степанычъ!

— За дѣломъ, ну, такъ не пейте, а если можно дѣло завтра отложить, такъ выкушайте на здоровье....

— Можно, можно, право, можно; ореху еще довольно....

— Ну, такъ кушайте, и мы за ваше здоровье выпьемъ....

— За здоровье Прохора Семеновъ, — закричалъ всѣ съ особеннымъ удовольствіемъ.

— Рады стараться, отвѣчалъ онъ кланаясь всѣмъ, въ томъ числѣ и Сидору, который съ занасомъ сдѣлалъ владѣть въ комнату.

— Только знаете, Прокоръ Семеновъ: уголокъ лучше денегъ, сказалъ вначетельно Степанычъ; мы тутъ собрались не dlatego, чтобы объ дѣлахъ говорить, а чтобы покутить, повеселиться, отъ дѣла отдохнуть. Такъ у насъ такой законъ сталъ: кто про дѣло заикнется, нѣтъ за круглаго стола вонъ, на помозку и до-свѣдѣн....

— Именно такъ! утвердилъ всеобщо.

— Придичию законъ! Пренудный! Столько умныхъ головъ гаупрети не выдумаютъ.

— Ну, такъ садитесь же на мое мѣсто, а я озабочусь о вашемъ угощеніи....

— Истинный другъ! сказалъ Митюшкинъ.

— Ужъ чтѣ правда, то правда! Истинный другъ, потерялъ Костылыковъ.

— Постоите, Прокоръ Семеновъ! сказалъ Степанычъ, выходя въ ореху: одному вѣтъ не такъ вкусно. Вотъ и те-варинъ для васъ и по васъ....

Всѣ взглянули въ окно и не могли удержаться отъ смѣху. Нѣра дюжины воловъ на широкой телѣгѣ тащили мимо самыхъ оконъ огромную тушу каменира. Онъ сидѣлъ на многихъ перинахъ подобно римскому триумфатору; нагоняли шель всалъ пѣшкомъ; а за колесницей двое слугъ вели лошадей каменира съ несчастною однокол-кой.

— На волахъ!! Андрей Кононовичъ на волахъ! воскликнулъ воевода.

— Лошади, сказалъ Степанычъ, для поѣзда Андрея Кононовича оказались не годны. Такъ я и послалъ воловъ. Оно не такъ спѣшно, да надежно и для людей большаго объема покойно....

Въ дверяхъ показалась туча или камериръ, что въ существѣ было рѣшительно одно и то же.

— Съ прїѣздомъ, Андрей Кононовичъ! Съ прїѣздомъ!

— Если это не мерзавецъ Егорка подпилить и динище и сѣдалище, жалобно возгласилъ камериръ: такъ я позволю себѣ учинить торговую казнь. Будто я одинъ нѣсколько дорожень! Другіе же ѣздить въ одноколкахъ: Это онъ, этакое!.... Вотъ я вамъ завтра пришлю его на смотръ. Только на рожу взглянете, сейчасъ скажете: мошенникъ. Какъ объявлено было намъ вчера повѣсткой отъ вашего высокоблагородія, чтобъ быть къ обѣду въ Кестыльковку для извѣстнаго высшему начальству интереса, я, какъ прочелъ повѣстку, и думаю-себѣ: А что если интересъ продолжится дольше суточного термину; а можетъ-быть и дольше. Имѣніе большое. До шести тысячъ разнаго назешаго сбора. Могутъ случиться прошоны. А Егорку я давно не сѣкъ. Онъ тутъ безъ меня неотгнѣнно напроказничаетъ. Лучше я его высѣку въ запасъ, покойнѣе поѣду — высѣкъ, а тутъ въ веретѣ отъ бѣлой харчевни и притча. Вижу, что мало посѣкъ, да поздно.... Ну, ужъ впрочемъ, такъ наверстаю: я не обѣдалъ одинъ день, не будетъ Егорка обѣдать мѣсяцъ....

— Да полно, Андрей Кононовичъ! перебилъ его Митюшкинъ: и не обѣдали, а такъ мало о жизни своей думаете! Я вотъ и обѣдалъ, да боюсь умереть съ-голоду. Топшота такая, право. Надо мнѣ по-чѣще выѣзжать. Можно будетъ обѣденное время въ день до трехъ разъ довести. Да садитесь же, Андрей Кононовичъ, что вы стоите?

— Слушаю съ подобающей аттенціей....

— Вы не слушайте, а кушайте!

— Слушаю — и кушаю, — сказалъ Андрей Кононовичъ, и, проглотивъ чарку водки, усѣлся насупротивъ Митюшкина. Усердіе ихъ возбуждало соревнованіе и въ прочіяхъ.

Сидоръ приказалъ подать ужинъ.—Иванъ Степаньичъ пошелъ звать Меланью Ивановну къ столу, но нечаянно почему взялъ съ собой и Степаньича.... Остановясь у дверей, оба въ одинъ голосъ произнесли:—Меланья Ивановна, извольте почитать?

— Нѣтъ, ужъ не изволю. Давно проснулась. Валюсь себѣ: такъ приятно подумать иногда кое о чемъ. А что у васъ тамъ?

— Пожалуйте кушать!

— Сладостное житіе! Рай земной! Только и слышнень про удовольствіе!....

— Бараній бокъ простынетъ, сказалъ Степаньичъ.

— Съ кашей?!

— Съ кашей!

— Иду, иду! Вотъ только обуюсь. Экое угощеніе! Краюшекъ солнца еще на лицо, а ужъ зовутъ къ ужину.... А что мой Максимъ?

— Слава Богу, не расшибся....

— А развѣ упалъ?....

— Нѣтъ, повалился.

— Зюзя этакая! Точно чернало колодезное: знай наливать. И никого чужаго не было?....

— Только Митюшкинъ.

— Митюшкинъ! Какъ же ты не усмотрѣлъ, Иванъ Степаньичъ?...

— Да меня тамъ не было....

Воеводица приумолкла.

— Да не бойтесь, Меланья Ивановна, сказалъ Степаньичъ: мы ужъ приняли Митюшкина въ руки. Вотъ ужъ онъ упадетъ, а не свалится. Только вы ужъ, Меланья Ивановна, не отходите отъ Максима Иваныча, пока здѣсь Митюшкинъ....

Костыльковъ пожалъ руку Степаньичу, а тотъ продолжалъ:

— Насъ Максимъ Ивановичъ не слушается. Ну, и воевода....

— Я воевода! закричала Меланья Ивановна, выходя изъ опочивальни: Экой дуракъ, на часокъ отъ него отойти нельзя! Гдѣ онъ?....

— На мѣстѣ....

— На мѣстѣ! кричала воеводиха уже въ столовой: на мѣстѣ! Это вы съ полуночи бражничаете?...

— Шереставьте, Меланья Ивановна, при Митюшкинѣ, сказалъ ей на-ухо Степанычъ: наблюдайте за нимъ въ тишиночку....

И Меланья Ивановна угомонилась; даже стала весьма ласкова, когда Митюшкинъ ей поклонился; вполне разве-селась, увидавъ камерира и пиръ закипѣлъ; помялось вино заморское, шереметилась съ разноцвѣтными медаши; ночной пиръ достигъ до полуночи. Истекло двѣнадцать обѣденныхъ часовъ; первый заснулъ хозяинъ, за нимъ всѣ гости; Меланью Ивановну провелъ до опечивальни Степанычъ и откланявшись у порогу, пошелъ кликнуть къ ея услугамъ Палажку, которая пріѣхала съ господани на заняткахъ больнаги.

— Ну, Сидоръ, сказалъ Степанычъ: погаси ты бережно свѣчи; запри столовую, ворота; вели спустить собакъ и ложись спать.

— А вы, Иванъ Степанычъ?

— Я? Мнѣ что-то не хочется; виднѣшь, подымается луна; сяду на Орлика, да погарчую въ частомъ полѣ; заглану въ Будимовку: что тамъ дѣлается; накажу какъ готовитъ дожники....

— Велите, Иванъ Степанычъ, дожники-то отложить.

— А что?

— Да я отъ ямщика воеводскаго свѣдалъ, что господа на недѣлю переколовали....

Степанычъ покачалъ сомнительно головою и пошелъ на конюшни, приказавъ еще разъ Сидору гасить свѣчи, запереть ворота и прочая.

Луна поднялась величественно. Читатели мои, вѣрно, въ болышомъ затрудненіи, не зная мѣстности моего романа. Позвольте, будетъ и опредѣлительная мѣстность; будетъ все; а пока любуйтесь этой остротельной картиной красивыхъ холмовъ, увѣнчанныхъ золотыми пирамидами свѣжкихъ сноповъ. Стоги сѣна недвижимыми слонами торчали на обширныхъ лугахъ; рѣчки, какъ серебряныя змѣи извивались въ разныхъ направленіяхъ; ища: чирокъ

ли воды, а по дорогѣ парѣдка только красовались рожицы; сквозь чащу ихъ краснѣлъ завадь солнца; роса увлажкала воздухъ обильно, и обѣдала прекрасный дѣнь. И вся эта непрерывная картина благословеннаго края была зашита, затонлена серебромъ луны, величаво озарившей окрестность. Тишина ночи была прерываема только редкими стукомъ некончаныхъ копытъ Орника. И какой это стукъ! Самъ далеко одна его слышалъ. Но вотъ холмы, постепенно уменьшаясь, покатились внизъ по пригнѣтой одоности. Тесьма дѣсу постоянно болѣе и болѣе терла свою сплюснутую массу, и вершины деревъ вырѣзала изъ горизонтѣ ластовые удары; дорога какъ стружка колесилъ въ дѣсу; Орникъ по ней; ноги его на дещаной почвѣ стали не слышны. Вотъ и дѣсу. Сквозь крѣску, враныло прорубленную, можно было замѣтить, что этотъ дѣсу въперечникѣ имѣлъ не меньше версты. Орникъ бѣжалъ, бѣжалъ и приостановился; подилъ уши, и опять нацѣлѣ въ нуть покойно и ровню. Стенанычъ оглянулся; въ степоракѣ горѣлъ оставленный путниками огонь. Сердце у него ёкнуло на странный ладъ и какос-то невольное круство заставило его поспѣшить. Онъ только замѣдлу къ лѣтней и Орникъ шалѣтъ въ такомъ шибкой рыска, что лной собакѣ не удалось бы обогнать его на рыскаль. Варсы какъ небывало; дѣсу будто убѣжалъ. Величественная широкая рѣка словно спала въ мягкомъ песчаномъ ложѣ; берега были не ровны; мѣстами скалы торчали черными волжанами надъ зеркальной красавицей; мѣстами одоности берега покрыты были бѣлою какъ стѣгъ нечеловѣка драною, на которой не было видно и признаку приближенія... Дорога разбѣгалась въ разныя стороны. Главнѣйшій путь шалъ прямо къ рѣкѣ; прѣтя дорожки и дорожки шѣлись къ главнѣйшимъ возвышенностямъ берега. Стенанычъ легко было выбрать себѣ дорогу, потому что круство съ постоянны доромъ было на виду; на нимъ въ шагахъ трехъ, чѣтырехъ стѣтъ шибко было различить длинное, прядынное стрѣлье, неосираженное и дряхлос, которое по этому убѣду называлось Старою Усадьбою. У постоянаго дѣра стоялъ обѣсъ; въ ошникѣ блистали огни. Какъ конна подошелъ Орникъ къ широму крыльцу постоянаго дѣра, «Сво-

паньичъ вошелъ въ избу, снялъ шапку, перекрестился на темную, едва замѣтную, мѣдную икону съ дверцами, и, поклонясь на три стороны, сказалъ своимъ звучнымъ, сильнымъ голосомъ:—Хлѣбъ да соль, ребята!

— Спасибо! произнесло нѣсколько хриплыхъ голосовъ: Милости просимъ.

Одного взгляду на сотрапезниковъ довольно было, чтобы убѣдиться, что это радуніе слишкомъ корыстно. Есть люди, у которыхъ на лицахъ написанъ ихъ промыселъ. Рыжія бороды, сѣрые, плутоватыя глаза, усмѣшка адская, широкія плеча, сквернословіе: все это признаки необыкновенныя ремесла, которое въ эти времена было еще въ большой модѣ. Конечно, эти времена были на исходѣ. Строгія мѣры правительства, искусство и расторопность сыщиковъ крѣпко по-уменьшили зло, но наша провинція не могла еще похвалиться усилками гражданственности въ этомъ отношеніи, и собственно по тому, что рѣка давала всѣ способы быстрого укрывательства отъ преслѣдованій. По сю сторону былъ театръ дѣйствій разбойниковъ, по ту сторону ихъ притоны. Съ перваго взгляду, Степаньичъ угадалъ, что бѣдная половина сотрапезниковъ были—гости съ той стороны. Душа его затрепетала при мысли въ какое сосѣдство отослалъ онъ Малану. Опасность была на лицо. Обстоятельства требовали рѣшительныхъ и скорыхъ мѣръ. «Хозяинъ!» крикнулъ онъ повелительно. Изъ-за общаго стола неохотно выноль малорослый, тощій старикъ; видъ его нѣсколько успокоилъ Степаньича: «Что? Не бывала еще команда?» продолжалъ Степаньичъ, и за столомъ примѣтно стало сильное движеніе.

— Незнаемо, кормилецъ, что ты башь! Нашъ кутокъ (уголъ) на большомъ пути. Много ѣдятъ всякого... Про кого ты спрашиваешь?

— Про солдатовъ и драгуновъ царскихъ. Я изъ провинціи посланъ; сказано: стануть на ночь у Старой Усадьбы, али сядуть въ засаду у пристани. Такъ, видно, тамъ. Гдѣ тутъ у васъ пристань?...

— Какая пристань? говорилъ старикъ; но уже ничто ему не слушалъ. «Гости съ той стороны!» за шепки, да

благими матомъ изъ общей избы; зашевелились подводы; закрипѣли колеса и потянулись къ рѣкѣ. Степанычъ внимательно слѣдовалъ за всѣми движеніями гостей и радовался счастливой выдумкѣ. Старпкъ не обращалъ вниманія на бѣгство половины своихъ гостей... Пока они уходили, онъ бормоталъ:—Какая тутъ пристань? Пристани тутъ никакой нѣтъ. Пристань есть, да версть десятокъ отселѣ, по рѣкѣ. Тамъ есть и ярмонка, а у насъ пристани никакой нѣтъ. Былъ перевозъ. Плоть ходилъ. Да за Костылькова разорили; а пристани нѣтъ. Зачѣмъ тутъ пристань? Причаловъ много: гдѣ хочешь съ лодкой подойдешь; а перевозъ былъ. Плоть ходилъ; да теперя нѣту; и пристани нѣтъ. Зачѣмъ тутъ пристань? А можетъ учюгъ, гдѣ рыбзкъ; такъ то не пристань, то рыбный промыселъ. А пристани нѣтъ....

Онъ бы еще разсуждалъ о пристани, да отъѣздъ телѣгъ измѣнилъ и голосъ и видъ и рѣчь старца. Онъ повернулся къ иконѣ, положилъ земной поклонъ, и выпрямился.— Господи! помиловалъ ты меня грѣшнаго!

— А что? спросилъ Степанычъ.

— Ничего. Свое дѣло, баринъ. Нынче времячко плохое. Одинъ воръ отъ другаго бѣжить. Стало всѣмъ тѣсно. Не хочешь ли, баринъ, чего? Такъ приказывай. Пѣтухи поюгъ. Господа купцы отъѣдаютъ, такъ и спать полагутъ, ая въ путь поѣдутъ; а я дворъ на запоръ. Только повѣщу, да и залагу...

— Нѣтъ, хозяинъ! Мы-то ужъ до утра останемся, сказалъ одинъ изъ гостей: Смѣкаемъ, какіе гости у тебя были. Богъ помиловалъ. Коммиссаръ ихъ напугалъ, а то бы мы на ярмарку безъ товаровъ, пѣшкомъ пришли. Такъ потрудись, хозяинъ, введи телѣги на дворъ, да ворота на замокъ; чай не придутъ....

— Придутъ, не придутъ, сказала старуха, входя въ избу: а что были, такъ были. Ты, Ермоланчъ, нето, что я. Ты своихъ-то гостей не остерегъ; а я своихъ жильцовъ въ овражекъ свела; тамъ они просидѣли не мало; пока не уѣхали. Теперъ спать улеглись. Молодая-то промерзла больно. Дай Богъ, чтобы смогла. Дай-ка, Ермоланчъ, крючокъ.

Я ей къ утру желудочной изготовляю; на-тощакъ дамъ; какъ рукой трясучку снять.

— На, Евдокимовна, чистой или съ подмывею?...

— Чистой, Ермолаичъ: я ужъ сама чего нужно подмываю. Вотъ тебѣ и деньги.

Пока Ермолаичъ отмѣривалъ водку, Степанычъ съ любезнѣйствомъ разсматривалъ старуху. Морщины обратили лицо ея въ ветхій грибокъ; она стояла согнувшись и опиралась на суковатую палку, а въ другой рукѣ держала стеклянную кружку, какими нивали бархатное пиво за барешки столами. На головѣ у старухи былъ повязанъ красивый когда-то, теперь черный платокъ; родъ волушубка неизвѣстнаго жѣху наброшенъ на плеча и прилегнуть подъ самой бородой; дальнѣйшаго костюма нельзя было видѣть. Несмотря на ветхость и бабы и ея одежды, все въ ней было какъ-то ладно; и старинное платье обратно и старое лицо весело и покойно.

— Спасибо, Ермолаичъ. Прощай!

— Прощай, Евдокимовна! Заходи почаще завтра, погляди ты сынишку...

— А что?

— Да вотъ съ часъ времени, не больше, заснулъ... Старуха моя совсѣмъ намалалась: мальчикъ цѣлый день вопилъ...

— Пустое дѣло, Ермолаичъ! Право, пустое! Что задрема разной дрянью поить; отъ этого здоровья не прибудеть. А заснулъ, такъ значитъ и недугъ заснулъ; уйдетъ соль, уйдетъ и немочь. А зайти, зайду... Прощай!

— Спасибо, Евдокимовна, Бугъ съ тобою. Я проведу тебя.

— И я, сказалъ Степанычъ.

Старуха взглянула на него сомнительно и спросила:

— А ты за чѣмъ?...

— Коммиссарское дѣло за всѣмъ приглядѣть.

— Клапался тебѣ твоёй коммиссарской чести, да прощенья просить...

Степанычу далъ дорогу и онъ подошелъ къ своему Орляку...

— Что это у тебя за гости, Ермоланчъ? Гляди, не съ той ли стороны.

— Не бойся, Еммокимовна... Люди хорошіе. Вотъ въ это лѣто третій разъ проѣдомъ. Ничего за ними не выдашь. Честные плательщики, покойные постояльцы.

— Тѣ-то же; гляди. Прощай!

И старуха поделалась къ старымъ хоромамъ, а Ермоланчъ принялся вводить на дворъ купеческія подводы.

— Что это за баба? спросилъ Степаньичъ, отвязывая Орлика.

— Декарка, баринъ-комиссаръ, лекарка; и всякую немочь знаетъ, и подѣ-часъ такое скажетъ, что сбудется будто сонъ какой. Добрая такая.

— А откуда жъ она?

— А Богъ ее вѣдаетъ. Я ужъ тутъ ее на Старой Усадь-бѣ засталъ.

— Ты развѣ здѣсь недавно?

— Не то, чтобъ и давно, а годовъ десятокъ будетъ....

— И ты уже засталъ ее здѣсь?...

— Да какъ же не застать, когда она, почитай, тутъ родилась...

Степаньичъ больше не расспрашивалъ. Спѣшнее пошелъ обѣ за старухой; Орликъ тянулся за нимъ. Но какъ ни близко шелъ Степаньичъ, не достигъ и пол-пути, старуха исчезла за хоромами. Привыкая къ дереву поодаль своего добраго спутника, Степаньичъ обошелъ кругомъ хоромы; у трехъ крылецъ приелунивался; все тихо какъ въ могилѣ. Постучаться, можно перепугать Машу; она же, какъ можно было угадать изъ рассказовъ старухи, продрогла, скрываясь въ оврагѣ отъ разбойниковъ. Къ больше всего шумѣлъ былъ покой. Если бы можно было вызвать старуху или Никитичну, да какъ узнать гдѣ именно та, гдѣ другая? Дождаться утра, когда встанутъ? Но такъ можно обзавестись въ Костыльковку, гдѣ присутствіе ея такъ необходимо. Уѣхать назадъ сейчасъ? Но кто поручится, что разбойники не разставили тайныхъ соглядатаевъ, что не вернутся ночью на постоялый дворъ за нущами и товарами ихъ; что не захватятъ Машу? Ко всему этому привыкшавалось и еще какое-то чудство, которое удерживало

его у старыѣхъ хоромъ. Ему казалось будто они ему давно знакомы; особенно видъ рѣки, скалъ и песковъ, сходствовалъ съ видомъ, который въ головѣ его перѣдко сочиняло воображеніе или повторяла память. Съ тайной грустью, въ которой однако же переливалась сладкая капля, усѣлся Степанычъ, на кучѣ соломы, набросанной подъ деревомъ, вѣроятно, для дневныхъ отдыховъ старухи. Усѣлся и задумался, задумался, да не на долго. Изъ глубины лѣсу шелъ къ нему высокій, статный человѣкъ; Степанычъ глядѣлъ на него въ оба и не могъ понять откуда появился неожиданный гость въ такую пору, въ такой хорошей одждѣ, съ такимъ добрымъ и ласковымъ лицомъ. Онъ подошелъ прямо къ Степанычу, безъ чиновъ сѣлъ возлѣ него на соломѣ, взялъ его за руку и сказалъ знакомымъ голосомъ:

— Послушай! Ты хочешь все испортить! Дѣлай свое дѣло, какъ задумалъ, а ей зачѣмъ знать нашу тайну? По малой мѣрѣ не теперь, а когда выйдетъ замужъ. Дай мнѣ слово, что не скажешь.

— Клянусь, что будетъ по-твоему, только скажи кто ты.

— Удивительно! И ты не узналъ меня? Не мудрено. Я больно перемѣнился. Морозъ землю, бѣда голову снѣгомъ покрываетъ. Ты зналъ меня въ самой порѣ, когда я говоромъ съ одного разу убилъ этого проклятаго медвѣдя.

Степанычъ вздрогнулъ. Собесѣдникъ продолжалъ...

— Звѣрь растянулся.... А эти мерзавцы хотѣли у меня отнять добычу.... Но ты меня не помнишь. Ты не можешь меня помнить, тѣмъ менѣе узнать.... Вотъ, погляди, еще не сошли съ моихъ рукъ знаки веревокъ; вотъ еще у меня въ карманѣ то зѣлье... Я не допилъ..

Съ крикомъ упалъ Степанычъ на соломѣ и чувства оставили его.

Проснулся. Солнце и Малаша глядѣли ему въ глаза. Евдокимовна и Никитична бесѣдовали въ сторонкѣ, а Малаша сидѣла возлѣ Степаныча на соломѣ и, казалось, только и ждала его пробужденія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ВЪ КОСТЫЛЬКОВКѢ.

Было еще больно рано, когда по красивому двору костыльковской усадьбы, конюхъ проваживалъ Орлика, облитого пѣной. На усадьбѣ еще всѣ спали, и свои и гости; Степаньчъ стоялъ посреди двора и, въ раздумьи, не зналъ на что рѣшиться. Будить ли, или дать имъ выспаться? Выспатся, еще пожалуй будутъ умны; но Митюшкинъ, если не выспится, будетъ глупъ. И такъ плохо, и такъ не хорошо. Вдругъ изъ-за рощи показалась толпа людей разношерстныхъ и разнородныхъ; тамъ были и драгуны и солдаты и мужварье, вооруженное дубинами и топорами; почти всѣ—пѣшіе, но были и всадники. Впереди вѣхалъ офицеръ въ зеленомъ мундирѣ съ желтыми выпушками и окладкой, и по наружности былъ предводителемъ арміи. Завидя Костыльковку—армія грянула пѣсню, и Степаньчъ по какому-то невольному чувству вышелъ на улицу имъ на встрѣчу.

— Ба! закричалъ офицеръ: Ванька Острякъ! Ты какъ сюда попалъ?

— Не нарочно, ваше благородіе! Богъ меня сюда направилъ.

— Радъ тебя видѣть, очень радъ, право; а что, братъ, Ваня, по старой привычкѣ, чай поднесешь чего выпить, чего перекусить? Ты, вѣрно, и здѣсь по съѣстной части, какъ въ губерніи.

— Куда, батюшка, ваше благородіе! Неволя пляшетъ, неволя скачетъ, неволя пѣсеньки поетъ. Укажутъ — половой, велютъ — конюхъ, пожалуютъ — дворянинъ; между людей все на бумагѣ: у нихъ не въ душѣ — родъ, не въ сердцѣ—звание, все на бумагѣ; бумажка есть—и всѣ вѣрятъ...

— Э, да ты, Ваня, что-то по иному нынче шутишь. Я, братъ, загадокъ не жалую. Голову сломаешь, а не смѣкнешь.... Говори на-прямки...

— Не надо, а будетъ надо, скажу. Куда путь держишь?

— Да ужъ извѣстно куда: наше житье теперь по лѣсамъ, да по оврагамъ; ищемъ....

— Жаль, что вчера ты не былъ на Старой Усадьбѣ.

— А что?

— Нашатырь бы.

— Что ты говоришь?

— Были, ..., да я разогналъ,

— Зачѣмъ же ты ихъ разогналъ? Вотъ я тебя везу сейчасъ подъ арестъ взять; зачѣмъ ты не донесъ?

— За тѣмъ, что некому было. Да, видишь, теперь тебѣ и доношу; и еще тебѣ скажу, что тамъ у нихъ причалъ; въ кружалѣ—привалъ; командѣ укрыться есть гдѣ: а тебѣ готовое жилье; половину хоромъ тебѣ отдамъ, коли хочешь.

— Ты?

— Я.

— Да ты что? Прикащикъ, что ли?

— Подымай выше,

— У барина въ чести и милости?

— Подымай выше,

— Да что же ты?

— Хозяинъ!

— Ты, Ваня, не забудь: мы съ тобой не въ харчевнѣ; я теперь не на гульбѣ какой, а на царской службѣ. Ты мнѣ воровъ подавай: гдѣ ихъ видѣлъ?

— Послушай, честной офицеръ! Слѣзь-ка съ коня; пойдешь погуляемъ по саду. Я тебѣ кое-какія диковинки рая скажу; ахнешь; а ты роду хорошаго; души еще лучше; такъ тебѣ слова мои не противны будутъ; команда пока поотдохнетъ; на усадьбѣ люди медымутся, — наюрмятъ. Тогда ступай въ путь: недалеко; до ночи два часа успеешь надъ рѣкою....

Офицеру полюбилось предложеніе, онъ слѣзъ съ лошади и ушелъ съ Степанычемъ въ садъ. Офицеръ былъ лѣтъ тридцати пяти, хорошо сложенъ, недуренъ лицомъ, только перохъ и долицо маленько его и привлекли и приковали. Недолго тянулась прогулка. Выхода изъ саду, офицеръ то и дѣло кричалъ:

— Вотъ гдѣ веры, вотъ кого ловить надо! Нѣтъ, Иванъ Степанычъ, я ужъ за тебя по-братски честую....

— Объ томъ только и прошу, Самая Родина, чтобы ты въ это дѣло не вмешивался; все возвратишь; да-и-и мо-

шаръ, такъ помоги мнѣ какъ я снизывалъ; а бѣгъ, такъ лучше убрались по-снорѣ со всей твоей командой.

— Изволь, изволь, быть по-твоему. Верю команду, я становлюсь во фронтъ. Маршъ!

— Маршъ!

И Степанычъ ударилъ въ колоколъ; долго въ этотъ разъ пришлось ему звонить; дворня, и та съ трудомъ собралась на зовъ Степаныча; а чиновность и пушками разбудить было трудно. Примѣчая недѣйствительность мѣры, Степанычъ оказалъ:

— Семенъ Романычъ, есть у тебя барабанъ?

— Два!

— Прикажи вонъ подъ этими окнами приударить!

И барабаны загремѣли, и колоколъ звучнѣе загудѣлъ. Но изъ всей чиновности проснулся только одинъ Митюшкинъ и выскочилъ на крыльцо. По знаку Степаныча, барабаны смолкли. Онъ самъ подошелъ къ крыльцу.

— Что? неужто спать? спросилъ онъ; но Митюшкинъ вѣсто отбѣту самъ спрашивалъ:

— Что? Турки? Татары? Шведы? А? Что?....

— Свои, свои, Прохоръ Семенычъ, не онасайся! Скажи лучше: нами спать?

— Не видалъ....

— Такъ поглядимъ!

Степанычъ возвратился изъ хоромъ съ довольною милой, взявъ за руку Митюшкина, потомъ офицера и потащилъ обоихъ въ садъ, наказавъ людямъ идти по своимъ мѣстамъ; но господъ не будить. Хотя тайна, казалось не могла выйти наружу, но Степанычъ не вспомнилъ о предателѣ или, лучше сказать, о предательницѣ. Уже звонокъ разогналъ сонъ Меланьи Ивановны и навелъ на нее недоумѣнiе; но барабанный бой привелъ ее въ страхъ неоплауемый. Ужасы войны въ страшной картинѣ представились ея воображенiю; а главное, что на этой войнѣ могъ случиться генералъ: безъ генераловъ же какая война, а генералъ старше губернатора; хотя можетъ быть и моложе губернатора. Притѣмъ же военная дисциплина не то что гражданская. Тамъ можно найти денежную или вслѣбствительную путю къ оправданiю, но тутъ вѣтки

гладки; тутъ улыбка на лицо: воевода захваченъ въ рас-
плохъ; а военные люди ктому нетерпѣливы; у нихъ какъ-
нарочно сбоку—шпага, а въ рукѣ трость; кого не нужно
рѣзать, такъ пожалуй тростью, а это посрамить воевод-
скій санъ, дойдетъ до губерніи....

И съ какою быстротою неслись эти мысли, съ такою же
скоростью обувалась и одѣвалась Меланья Ивановна. Вспо-
тѣла, запыхалась, однако же кое-какъ окончила туалетъ
и бросилась въ столовую, гдѣ уже, отложивъ всякую обы-
чайность всторону, тузила въ затылокъ, то мужа, то
Лукича, то Галунчикова, причемъ досталось заурядъ и
камериру и Бузе и Пахомычу и невзначай даже Костыль-
кову. — Мѣра Меланья Ивановны была дѣйствительнѣе и
колокола и барабановъ... Всѣ проснулись и съ ужасомъ
спрашивали другъ у друга что случилось....

— Слава тебѣ, Господи, кричала Меланья Ивановна: что
еще ничего не случилось; сейчасъ будетъ сюда генералъ.

— Какой генералъ?

— Какой бы ни былъ, а всё генералъ. Война въ Ко-
стольковкѣ. Набатъ, барабаны, а вы спите! Я, право, вы-
билась изъ силъ; за всѣмъ сама смотрю; того гляди при-
дется самой резолюціи писать. Поглядите, на кого вы по-
хожи; а ужъ ты, зюзя этаксѣй! Ступай за мною, я тебя при-
чешу; а эти какъ-себѣ хотятъ, а подъ судомъ будутъ!

Галунчиковъ, Степанъ Лукичъ, и даже камериръ по-
блѣднѣли. Одинъ Бузе при этихъ словахъ приосамился и
сказалъ съ важностью:

— Какой судъ! Ни какой судъ не есть!....

— Военный, батюшки свѣты! воскликнула Меланья Ива-
новна, взглянувъ въ окошко.

— Подъ военный судъ! защищалъ Галунчиковъ: того и
гляди шипцрутеномъ....

— Или аркебузируютъ, дрожа произнесъ Лукичъ, блѣд-
ный какъ полотно....

Воевода, влекомый за руку могучей сувругой и не по-
нимаая, что вокругъ него происходитъ, также терялъ бо-
дрость; Пахомычъ, не причастный грѣхамъ граждан-
скимъ, потому что грѣхи его принадлежали къ категоріи
ученыхъ, поглядѣвъ въ окно и присѣлъ на полъ....

— Что тамъ? спросили почти всё.

— Пушми! съ трепетомъ произнесъ Пахомычъ: жерда ихъ направлены въ насъ. Сейчасъ пальцы будутъ.

И всё, ни кого не исключая, последовали примеру Пахомыча и присѣли. Это снало Степаныча. Возвращался изъ саду съ товарищами, онъ приказалъ барабанить, а самъ врицался за колоколь. При первыхъ ударахъ въ барабанъ, многіе вскрикнули, полагая, что открыли каньнаду; въ то же время двери отворились, и въ столовую вошелъ оондеръ съ Митюшкинымъ.

— Вотъ тебѣ разъ! громко сказалъ Пахомычъ: темеръ начинается арестованіе.

— Что это, честные господа! спросилъ оондеръ, осматривая коллекцію добровольныхъ карликовъ. Въ какую вы это игру играете?

— Въ грибки, ваше сіятельство, въ грибки! поднимаясь отвѣчалъ Пахомычъ....

— Не слыхалъ. Какая же это игра? Я не знаю.

— И мы не вѣдаемъ, сказалъ воевода, подымаясь. Хотѣлъ Пахомычъ научить....!

Мало-но-малу и всё въспрямились, только одинъ Галунчиковъ, стоялъ какъ коромысло надъ колодеземъ, сохраняя съ трудомъ равновѣсіе.

— А гдѣ кованнъ? спросилъ оондеръ.

Всѣ чиновничьи руки, въ томъ числѣ и Меланья Ивановны, вытянулись и увавали на Костылькова.

— Прощенья просимъ, что сонъ ванъ потревожили. Дѣло не наше: такъ указано; команда то и значить, что она подъ командой....

— Совершенно справедливо, ваше-сіятельство, сказалъ Лукнчъ.

— Суная истина, — подхватилъ Галунчиковъ.

— Святая правда, произнесъ воевода, а камериръ утвердилъ положеніе значительнымъ:— Гмъ!

— Ну, темеръ не знаю, къ чему приступить прежде, продолжалъ оондеръ: къ пицѣ или къ дѣлу. Правду сказать, ѣсть смерно хочется....

— Чего ты зѣваешь? сказала Меланья Ивановна Костылькову, который стоялъ неподвижно, будто на него

столбнякъ нашелъ. Между-тѣмъ Луицъ уже почистилъ кресла и подвинулъ ихъ къ оециору; другіе вскипъ оживились, кто уватился за тарелку, кто за новую бутылку.... Мостымаковъ, побужденный возводихой, отправился за сафетными и нитейными припасами.

— Ну, господа! сказалъ оециоръ, сѣвъ въ кресла: велика тебѣ нѣтъ; можно переболить кое о чемъ. Глядите, чтобы за потворство богатѣицъ цальчишкамъ не откутить Богу и Государю. Насъ-то, гольмирей, вы не жалѣете. А вотъ такіе развратники вамъ по сердцу и по рукѣ. Такъ вотъ смотрите же, чтобы воля начальства была безпрекословно исполнена. Питербурхъ далече; пометь сподать; тогда онъ самъ по-себѣ, а вы сами по-себѣ будете въ откутъ. Ну, Прехоръ Семеновичъ, объявляйте приказаніе, мое дѣло — исполнительное....

Митюшкинъ ободрился, вытупилъ впередъ и возгласилъ:—Губернское начальство.... (Митюшкинъ поперхнулся: желаетъ, нѣтъ не желаетъ, а указало.... (Митюшкинъ вслютилъ и сталъ утираться).... указало, всѣхъ нѣтчиковъ, сколько ихъ ни ѣсть выслать на смотра, перваго сентября.... То есть, перваго сентября изъ уѣзда.... а кого, тѣмъ приложена пензионная табель....

— А кто ослушается, перебилъ оециоръ: то нѣтъ возвода обратиться къ военнымъ командамъ.... Поняли? Ну, теперь позвольте покушать.... Праве, ѣсть оверть-хочется. Прощайте! Стушайте, да потолкуйте, какъ бы получше исполнить порученіе. Остается только надѣла.

Въ столовой остались только Митюшкинъ да оециоръ; прочіе выползли на крыльцо, оттуда чуть на бѣгомъ бросились въ садъ, и открыли совѣтъ въ бесѣдѣ. Цакомычъ, пользуясь общемою смутою, отправился на задній дворъ. Мостымаковъ, завидя бѣготу провинціальной чиновности, устранился за мезу, но на порогѣ встрѣтилъ его умасный пріемъ:

— Вѣки! кричала возводиха: спрячься, гдѣ-нибудь въ лѣсу; только скажи мнѣ, гдѣ ты будешь; ужъ я объ тебѣ радѣть буду; теперь лѣто, отъ стужи не провалено. Печинуть, докинуть, да и уйдути, а какъ тебѣ Максимъ вырешитъ.

— Матушка....

— Молчи! Не умничать! Хоть весь уйдешь, всю провинцию отдашь въ солдаты, а Ивана Степаныча не можешь. Убью!

— Убьешь? Вѣрю, вѣрю! Сдержишь слово, да вѣдь неси самого подъ судъ....

— Да что! Иванъ Степанычъ, бѣднякъ какой, что ли? выручить....

— Нельзя, Меланья Ивановна, сказалъ съ важностью Лукинъ.

— Что нельзя?

— Ни какъ нельзя! Я про Ивана Степановича ничего не говорю; пока насъ слушался да уважалъ, десять смотрю прошло, ни на одинъ не потревожили, а какъ сталъ земскихъ секретарей на начальныхъ качать....

— Да вѣдь не я....

— А земскихъ комиссаровъ всякою вздорною бранью поносить, застаивать на батраковъ ружья въ таскать, на шприговъ править....

— Да равнѣ я?...

— Камерировъ на водахъ везить....

— Господи, Боже мой, да вѣдь не я, Степанычъ....

— Ну, такъ пусть Степанычъ и выручаетъ.

— И выручить... сказалъ Степанычъ, входя въ бесѣдку, къ общему неудовольствію, въ исключеніи чести воеводской.

— Другъ мой! сказалъ Костылыновъ, увидавъ Степаныча: пришла бѣда не минуемая; приехали на моей командѣ; велѣтъ на службу силой везть....

— Кто?

— А вѣтъ вѣтъ чертовъ сынъ Митюшкинъ, съ этимъ, кто его знаетъ....

— Ну, а ты что? Съ чиновной челядью возмѣлся, какъ будто она тебѣ вечеръ помочь можетъ! Пришла пора, она, видишь, и заважничала. Да ужъ такъ написано, что кто больно смѣется сегодня, тотъ больно будетъ плакать завтра; кто плачетъ сегодня, завтра утѣшится. Водоръ, Иванъ Степанычъ, пустяки! Плюнь! Дѣло алтына не стоитъ. Дай лопыта два, три: пусть только губернскаго начальства изъ провинціи уйдеть.

— Губернаторъ въ провинціи! воскликнула Меланья Ивановна.

— Пока жьтъ, а къ вечеру неотгьбно будетъ, отвѣчала покаянно и утвердительно Степанычъ, и Меланья Ивановна, всплеснувъ радостно руками, заговорила:

— Это онъ меня, голубчикъ, навѣстить хочетъ! Со-скучился, старичокъ мой почтеннѣйшій: ну, теперь не бойся, Иванъ Степанычъ! Теперь есть защитникъ и покровитель твоей молодости! Колымагу! Скорѣ колымагу! Бѣда, какъ никого въ провинціи не застанеть....

Удивительное дѣло! Никто и не спрашивалъ, откуда пришла вѣсть, кто писалъ, кто говорилъ; всѣ бѣгали, суетились, сбили съ ногъ конюховъ; нѣкоторыхъ кучеровъ едва отыскали, потому что никто не ожидалъ такого скорого отъѣзду. Прежде всѣхъ уѣхалъ Галунчиковъ, котораго предусмотрительная воеводиха выслала на границу для встрѣчи губернатора; камерира отправили на доброй костыльковской тройкѣ; Лукичъ уже сидѣлъ на своей таратайкѣ и въ нетерпѣннн ругалъ Бузе, который забѣжалъ на кухню, закурить на дорогу трубку; но вотъ, подобно пароходу, понеслась и таратайка. Подали и колымагу; на запяткахъ уже сидѣла Палашка, а въ колымагѣ воевода; одна Меланья Ивановна пребавлялась еще въ бесѣдкѣ.

— Не бойся, душа моя, говорила она Костылькову: дура я, что ли? Позволю у себя отнять такого парня! Не бойся; поставлю на своемъ. Сказала и слѣлаю. Ты только умасли Митюшкина и этого военнаго. Степанычъ поможетъ. Я ужъ смѣлаю, что это послѣ тебя, первый человекъ.... А ты, душа моя, не бойся; у меня и на комиссарствѣ, дворяне по моей волѣ дома себѣ проживали, а ужъ на воеводствѣ.... Ну, да говорятъ тебѣ не бойся! Прощай!

Послѣ трогательнаго прощанія и воеводиха усѣлась въ колымагу; во все время прощалась взорами; оба Степаныча проводили колымагу до воротъ и оставшись одни, по-смотрѣли другъ на друга значительно.

— Ну, сказалъ Костыльковъ: слава Богу, уѣхали!

— Не радуйся! замѣтилъ сухо Степанычъ: главные — не уѣхали и отъ этихъ ни взятной, ни хмѣлю не ослѣзешься.

Костыльковъ поблѣдѣлъ.

— Жаль мнѣ тебя, Иванъ Степанычъ! Ты точно такъ какъ я, за другихъ терпишь, за другихъ расшачиваешься.

— За кого, за другихъ?

— Когда-нибудь и это узнаешь! Семь дней сроку. Посмотрю, поворожу, авось придумаю....

— Другъ мой!

— Я другъ твой! Конечно, Иванъ Степанычъ, и отцы наши друзьями были!

— Отцы наши?...

— И это когда-нибудь узнаешь....

Лицо Степанычу измѣнило; звѣрская улыбка пробѣжала по устамъ и пропала, будто зарница, безъ грома. Костыльковъ, пораженный непонятнымъ для него чувствомъ, глядѣлъ на него бессмысленно, ожидая дальнѣйшаго объясненія; но тотъ не замѣчалъ Костылькова. Утопая въ соображеніяхъ, онъ безпрестанно мѣнялся въ лицѣ; наконецъ какъ-будто догадался что ему дѣлать; лицо просіяло; онъ вздохнулъ отрадно и сказалъ Костылькову:

— Иванъ Степанычъ! Разогналъ я всю провинцію, разогоню и этихъ вороновъ. Ступай себѣ къ Грушѣ или къ Малашѣ. Ну, говори правду, Иванъ Степанычъ: къ кому больше сердце тянется: къ Грушѣ или къ Малашѣ?

— Къ Грушѣ, Степанычъ, къ Грушѣ! Надоѣла мнѣ эта ворона; точь-въ-точь Митюшкинъ она для меня; взгляну на нее, точно поперекъ слышу. Къ Грушѣ, къ Грушѣ!....

И радость и досада заиграли на устахъ Степаныча.

— Ну, такъ ступай же ты къ своей Грушѣ, а я примусь за гостей.

— Такъ я могу ѣхать въ Будимовку?...

— Долженъ!

— О, Степанычъ! Теперь я вижу, что отцы наши были друзьями.....

— Нето еще увидишь! Прощай!

Костыльковъ, какъ ребенокъ, радовался позволенію; чуть не самъ запрягалъ таратайку; то и дѣло оглядывался: не идутъ ли отмѣнить приказаніе и ужъ за плетнями усадьбы вздохнулъ свободно, когда лошади могли пуститься во всю рысь.... Степанычъ изъ окна наблюдалъ за Костыль-

ковымъ, и на всѣ вопросы офицера, который, скончивъ трапезу, сканчивалъ медъ и вино, не отвѣчалъ ни слова. Митюшкинъ не дѣлалъ никакихъ вопросовъ, потому что сѣвши въ провинцію, а передъ нимъ еще оставался каплувъ съ начинкою и какое-то диковинное блюдо, которое онъ изотвѣдалъ до послѣдней крошки, а всѣ не зналъ ниъ чего оно состряпано. Наконецъ и каплувъ исчезъ.

— Ну, теперь, пора и вамъ, Прохоръ Семенычъ! Вотъ сегодня вы показали, что трусомъ никогда не были! Молодецъ! Просто, молодецъ! Семень Романовичъ, вы такъ и въ губерніи рассказываете!

— А, что? Плохо не бойсь я ихъ припугнулъ, а регистра-то штъ! сказалъ съ довольнымъ видомъ Митюшкинъ.

— Въ томъ-то и молодечество, Прохоръ Семенычъ! То есть, какъ Семень Романовичъ въ губерніи рассказываетъ: вотъ, подумаютъ, молодецъ.

— Семень Романовичъ, только ужъ про регистръ ничего не упоминайте. Право, только для васъ такую ложь отпустилъ. Самъ по-себѣ ни за что бы....

— Да неужайте же, Прохоръ Семенычъ! Вы должны почти первый къ губернатору явиться....

— А вотъ сейчасъ, моя умница! Нѣтъ ли вища?

— Нѣтъ! Всеюда все выпили....

— Экая лакомка! такъ хоть медку....

— Камериръ....

— Такъ и зналъ! Вѣчна промятая! Право, я съ вищъ служить не могу. Какъ угодно начальству, или я, или онъ вонъ изъ провинціи.... Такъ ужъ наливочки....

— Лукичъ, Ильичъ!..

— Знаю. Знаю. Пявки! Нечестивцы! Имъ вина а меду не давай. Придется настояшь покончить....

— Пахомычъ....

— Чтѣ? И настойку выпили! Пьяницы! Прожоры! А еще другихъ людей своимъ порбкомъ облыгаютъ.

— И облыгутъ передъ губернаторомъ, если околдуете. Право, неужайте! Вотъ оляго и лошади готовы!

И наблау на-великую удалоу Степанычу въпровести Митюшкина, увидить на колозу и отпрасить!..

— Ну, Семень Романьичъ! Не знаю какъ благодарить! Все идетъ по-моему. Не будь васъ, Митюшкина бы заго-
нали, запутался бы,—мнѣ не ловко; подали бы ему круж-
ку съ пѣнистымъ, даже хотъ съ пѣннымъ и концы въ во-
ду.... Разогналъ я ихъ. Будутъ ждать дня три четыре;
губернаторъ не прѣдетъ; примутся за старое ремесло; то-
гда—я оиать попрошу вашей помощи.

— Хорошо, Иванъ Степаньичъ, только ужъ во второй
разъ не ручаюсь; кого ни есть изъ этихъ злодѣевъ, а по-
колотить надо; вѣдь это все отъявленные; вѣдь они изъ
алтына продадутъ брата, сестру....

— Ахъ, Семень Романьичъ, гдѣ женщина замѣшается,
тамъ и честной не устоитъ....

— Вздоръ! Честный — вездѣ честный!

— Полно, такъ ли?

— За другихъ только дуракъ ручается; а умъ про себя
скажу: запри меня на замокъ съ первой распрасавицей;
будто съ сестрой буду жить....

— Полно, такъ ли?

— Ей Богъ!

— Вѣрю, вѣрю! Ну-те, Семень Романьичъ, пора и намѣ
въ походъ.

— А людей накормили?

— Накормили....

— Сколько слѣдуетъ?

— Да что вы это, неужто деньги станемъ брать?

— А неужто я себѣ ихъ въ карманъ положу. Денегъ
царскія....

— Ну, такъ вы и покажите такъ по книгамъ: въ Ко-
стыльковкѣ даромъ накормили, такъ и деньги на лица....

— И то правда! Ну, такъ въ походъ! А до рѣки далеже?

— Ходьбой часа два....

— Такъ не опоздаемъ! Въ походъ!

Вышан. Ударили въ барабаны. Команда собралась и
выступили въ походъ. Степаньичъ на Орликѣ вѣхалъ въ
офицера; армія шла въ почтительномъ разстояніи отъ
шля окрестность пѣсками....

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

гости съ той стороны.

Степанычъ предупредилъ команду. На Старой Усадьбѣ никто не ожидалъ, что онъ прїѣдетъ опять такъ скоро. и потому настала радость великая. Больше другихъ обрадовалась Евдокимовна. До прїѣзду Степаныча, она частенько поглядывала то на отлогіе, пустынные, покрытые мелкимъ кустарникомъ берега рѣки по ту сторону, то на солнце, которое, перекачавъ черезъ полуденную черту, стало тускнеть. Кто вѣритъ колдуньямъ? Я, пожалуй, и вѣрилъ бы, да не смѣю: вѣкъ не велить; но въ тѣ времена вѣрилъ, и Евдокимовна была колдуньей. Свойство ли предвидѣнья было то или чары, неизвѣстно, только Евдокимовна встрѣтила Степаныча загадочною рѣчью:

— Солнце заходитъ! Ты за него! А гости будутъ....

— Угадала, Евдокимовна, будутъ гости знатные, добрые слуги царскіе. Рай мой, Малаша! Просторны твои хоромы, а начальнику надо пристанище дать....

— Э, батюшка! радостно перебила Евдокимовна: бывали и у насъ пиры, бывало веселіе; много мѣстилось гостей въ барскихъ хоромахъ. Тридцать покоевъ, батюшка; семь выходовъ; три крыльца крытыя; такъ есть гдѣ раскинуться. Помню я послѣдній пиръ передъ самой охотой; Степанъ Петровичъ почитай всю ночь съ гостями пѣсни пѣлъ, а на бабьей нашей половинѣ ничего и слышно не было. Такъ мы, женской полъ, на своемъ концѣ и остаемся; а царскимъ людямъ хоть всѣ хоромы отдай....

— Ладно! Ну, а ты, моя Малаша, не забудь, пойдешь за помѣщицу, слышишь....

— Я? Да какъ же я?....

— Да такъ же, за помѣщицу, да и кончено. Нельзя же тебѣ отъ него врататься....

— Батюшки-свѣты! Солдаты.... убьютъ, застрѣлятъ....

— Какой вздоръ! Идутъ они на твою защиту; благо, съ тобой и платье есть по-наряднѣе; поди-тка, душа моя; на бѣлыя плечики накинь душегрѣю, да выходи на встрѣчу честному командиру.... Полю, не чинись, Малаша. Помни, что я тебѣ зла не желаю. Все что ни говорю, что ни дѣлаю, толкъ есть. Ну, ступай!

— Да, какъ же я, право, вѣдь я по-помѣщичьему и говорить не умѣю; осмѣетъ еще....

— Полно же, говорю тебѣ, вонъ и они....

— Ахъ ты, Господи, срамъ какой!

И Малаша убѣжала, но Степанычъ пошелъ за ней, умѣлъ уговорить, умаслить, и Малаша какъ на угольяхъ уже стояла на крыльцѣ и не смѣла взглянуть на гостей....

— Вотъ, Семенъ Романычъ, здѣшняя барыня!... сталъ говорить Степанычъ, не обращая вниманія на то, что Мелаша то и дѣло дергала его за рукавъ: — Не полюби, гляди, бѣдной сироты! (Малаша закрылась обѣими руками, да и Романычъ какъ-то смѣшался.) Не бери въ полонъ вдовьяго сердца. Ты птица перелетная; улетишь къ другой веснѣ, а эта завянетъ. Позволяю вамъ всякую бесѣду, и трапезу, и рѣчь, только любиться нельзя!

— Видно, Иванъ Степанычъ, за самимъ грѣшкя....

— Водятся....

— Чтò это, право?... запищала Малаша сквозь слезы: — Не выдержу!

— Полно, полно, Меланья Ивановна! Мы съ тобой свои, чтò намъ чиниться; ну, хозяйюшка, проводи-ка гостя, покажи ему, гдѣ его покон....

— А я почему знаю! Я сама не во всѣхъ была.

— Не изволь трудиться, хозяйюшка. Мы народъ ратный. Надъ нами Божій шатеръ: помѣстимся; а покою твоего не потревожимъ. Видно, ты царскихъ слугъ не жалуетъ?...

— Боюсь....

— Это отъ чего?....

— Да Иванъ Степанычъ частенько рассказывалъ, будто они такіе строгіе....

— Пугаль, я пугаль, перебилъ Степанычъ: дѣвушекъ, чтò ребятъ отъ грѣха страшать надо. Ну, такъ, Евдокимовна, ты отворяй, а мы всѣ за тобой командира провожать будемъ.

— Да чтò ты, Иванъ Степанычъ, обо мнѣ хлопчешь. Прилягу гдѣ-нибудь на призбѣ и ладно; нынче дѣло лѣтнее; не о томъ теперь забота: надо людей рассадить; погода чтò-то хмурится; быть бурѣ; надо ихъ укрыть отъ

нездоровы, а зловѣи чаще всего подъ громъ небесный творятъ страшныя дѣла....

— И не старъ; я видно присмотрѣлся, — сказала старуха: будетъ ночью буря; будутъ и гости; забота на небѣ, загудитъ на рѣкѣ, вѣтры чуть не хватаютъ до маковки чернаго бугра, а нѣтъ тутъ-то и раздолье. Пѣсни поютъ, безбожники, на ладьяхъ и по рѣкѣ и по затокамъ такъ и разгуливаютъ; утомятся: къ нашему кружалу пристанутъ, почитай до-гла все выпьютъ, денегъ не заплатятъ и опять подъ бурю. И хмель ихъ не беретъ!

— А гдѣ же у нихъ тутъ причалы?

— Всѣ знаю, батюшка, коли хочешь; укажу....

И Евдокимовна повела Романыча къ рѣкѣ; невольнѣ пошла за ними и Степанычъ, и Малаша, и Никитична, и команда. Всѣ распорядились сдѣланы; сѣли въ засады; кашевары отправились въ лѣсъ купно закладывать; обозъ и лошадей увели также въ лѣсъ, а главныя дѣйствующія лица уѣхали подѣ гнѣию десятка прекрасныхъ многолѣтнихъ липъ, осѣнявшихъ черныи бугоръ, или скалу, торчавшую надъ самой рѣкою. Видѣ было истинно восхитительнымъ. На западѣ собирались тучи и уносили предель чуждаго вечера. Собесѣдники и собесѣдницы скоро освоились; искренность и непринужденность оживили рѣчь. Евдокимовна болтала больше всѣхъ, и больше всего о временахъ былыхъ Старой Усадьбы.

— Тутъ, вотъ гдѣ мы сидимъ, кончался плодовой садъ; я говорю, что групи съ Малашину голову были; вѣтъ, вдоль по тому берегу отъ того мѣста, гдѣ шестъ торчитъ, до большаго булыжника, была барская пристань и рыбный ловъ. Вотъ ужъ уѣхали подѣ-часъ, и больше съ огнемъ: жаровни зажгутъ и по надѣ рѣкою поставятъ по всей пристани; а сами-то поставятъ съ острогами, да баграми. Потѣха!... А пуще всѣхъ на рыбной ловлѣ священникъ Никита умѣлъ заправлять....

Степанычъ вздрогнулъ.

— Видишь! Гдѣ-то онъ теперь? Любилъ онъ Степана Петровича какъ сына роднаго...

— А гдѣ же онъ живъ?

— А вотъ, если видишь, подѣ лѣвомъ торѣ: тамъ и

церковь стояла. Какъ стало на усадьбѣ пусто, гости съ той стороны пришли, пожаръ такой затѣли, все погорѣло; диво какъ уцѣлѣли хоромы. Въ тотъ пожаръ я пчелъ всѣхъ выкурило; и пчельникъ Антонъ гдѣ жилъ, и та изба погорѣла. Только хоромы, а то все, все на золу пошло; а кружало и дворъ, это уже за Костылькова, ради барышей построили. И люди куда дѣвались! Помню я этотъ день, какъ отецъ Никита завѣзжалъ, нивѣсть откуда. Пріѣхалъ. Гдѣ бумаги? Говорю: былъ тутъ Антонъ пчельникъ съ Лукой садовникомъ; что могли забрали, ограбили и ушли, окаянные! — Ну, это не худо.... сказалъ отецъ Никита. А гдѣ Антонъ? — А кто его знаетъ; были тутъ занимъ изъ Костыльковки сыщики, меня допрашивали, гдѣ Антонъ? Стащилъ онъ тамъ что-то и ушелъ.... Послѣ того много прошло годовъ. Ни про Антона, ни про Никиту ничего не слыхала.

— Антона уже нѣтъ на свѣтѣ! со вдовою сказалъ Степанычъ.

Евдокимовна вскочила....

— Гдѣ ты знавалъ Антона?....

— Какъ не знать! Добрый былъ старикъ; покойному пошнѣяку былъ преданъ безъ лести. Умеръ Антонъ: старость одолѣла; а всѣ покойнику своему баряну до смерти служилъ.

— А гдѣ же онъ умеръ?

— Далече. Въ большомъ селѣ государевомъ, подь самое Московское огородничалъ; нажилъ себѣ достатокъ честный, да не вкушалъ плода трудовъ своихъ.... Померъ....

— Давно ли?....

— Годъ съ хвостикомъ. На Макиавсевъ.

— И ты зналъ его?....

— Что это? обшивъ рукою глаза, спросилъ Степанычъ: стадо не стадо; люди не люди, тамъ между кустовъ пробираются.

— Гости, радостно перебила Евдокимовна, удерживая Романыча, который уже хотѣлъ вскочить и пойти къ своей командѣ, расположенной въ засадахъ. — Нѣтъ, Семенъ Романычъ, не трагайся съ мѣста; прислонись луч-

ше къ липѣ: зорки эти коршуны; ползуть къ своимъ лодкамъ, чтобы ихъ съ нагорной стороны не подмѣтили. Какъ доползуть до камышей, тутъ ужъ ихъ и птица не засмотритъ, а они все видятъ; выглядятъ все что на берегу дѣлается, да и ударятъ подь шумокъ. Буря на носу; гости на глазахъ, такъ ужъ пока не смеркнется мужскому полу и шевельнуться нельзя, сейчасъ подмѣтатъ; а Меланья съ Никитичной пускай падутъ въ хоромы....

— Ну, а ты, Евдокимовна?

— Мое дѣло ратное. Пойду къ кашеварамъ, да скажу, чтобы огни зашли; да прилегли. Потомъ буду тебѣ помогать; а какъ, увидишь....

И Евдокимовна увела Меланью съ Никитичной, а Романычъ съ Степанычемъ недвижно сидѣли у липы и продолжали тихо бесѣдовать.

— Иванъ Степанычъ! сказалъ офицеръ: правду сказать, поставилъ ты меня между двухъ огней. Съ той стороны — разбойники, съ этой — хозяйка....

— А что?....

— Больно хороша Малаша! Не будь она твоей любовишкой....

— Ошибаешься, Семень Романычъ! Не моя она любовь....

— Право?....

— Спи спокойно, Семень Романычъ! Гости уже въ камышахъ. Полюбилъ я Малашу не по-твоему. Какъ отдал мнѣ въ руки мои бумаги, когда сказали гдѣ и кого я долженъ искать, чтобы тѣ бумаги прочелъ и меня наставлялъ какъ и что дѣлать, пришелъ я въ Костыльковку, втерся въ милость къ хозяину, полюбилъ его любовью Меланью....

— Что ты говоришь, такъ она?....

— Была жертвой дурнаго воспитанія костыльковскихъ хоромъ; выросла съ дворовыми дѣвчонками между швей и чулоклетницъ; по-мѣому, на черной работѣ подвлялась до весны своей. Я захотѣлъ вырвать ее изъ рукъ Костылькова, жениться; а ты знаешь, для женитьбы нынче нужна грамота; я выучился читать и писать; прочелъ самъ мои бумаги—и потерялъ Малашу навѣки....

— Это почему?

— Она-сестра моя!....

— Что ты говоришь? ...

— Клянусь тебѣ всѣмъ, что ни есть святаго на этомъ свѣтѣ, что говорю правду. Я былъ половинойъ въ Москвѣ, она швеей; меня спасло горе, ее погубило. Но, Семень Романычъ, сорвалась у меня съ языка тайна великая. Не продай меня! Не должна она знать, кто она, пока не будетъ замужемъ. Такъ угодно батюшкѣ....

— Помилуй, Иванъ Степанычъ: да вѣдь отецъ твой умеръ.

— И какъ еще! Не приведи Господи! Будетъ время, все расскажу, а теперь позволю промолчать. Бумаги мои хороши только для меня. Но для сестры ихъ недостаточно. Костыльковъ, да еще съ помощью этихъ злодѣевъ, можетъ отстоять мою сестру, какъ свое добро—и въ-конецъ осрамить домъ нашъ. Я уже все передумалъ. Надо взять хитростью. Если мой замыселъ удастся, тогда будетъ легче пристроить Малашу. Приданое соберется не малое: Костыльковъ что-нибудь подарить; я ей дамъ два большіе огорода подъ Москвой; оброку съ нихъ за два ста. Прищучу женишка изъ бѣдныхъ дворянъ; вымаячу ей волю; тогда сниму свою личину; тогда пусть умру, а кто на лицо, тотъ самъ отвѣтитъ, а кого нѣтъ, за того пусть расплатятся дѣти.... Семень Романычъ, тоска меня истомила; больно одному носить тайну. Сказать я тебѣ много. Мило тебя, не продай несчастнаго!

— Какъ тебѣ не стыдно, Иванъ Степанычъ! Вотъ моя рука, и смолчу, и гдѣ нужно постою за тебя.... Скажи, что я могу сдѣлать?....

— Много, много можешь, Семень Романычъ! Охрани мою сестру и отъ разбойниковъ и отъ вора Костылькова, если ему вспадетъ на умъ взять отсюда Малашу.

— Не увидитъ какъ ушей своихъ!....

— Не то, Семень Романычъ: пока силой ничего не сдѣлаешь; право и законники на его сторонѣ. Такъ хитростью...

— Что же надо дѣлать?....

— А вотъ что....

И примѣтивъ что къ нимъ идетъ Евдокимовна, Степанычъ шопотомъ досказалъ свое намѣреніе....

— Завтра же, — сказал громко Романьичъ: завтра же за работу!

— Не бѣда, что кричите, сказала подонедшая Едлокимова: а бѣда, что руками разводите.... Ну, да стало темнѣе отъ грозы; авось не подиѣтять.... И солнце на закатѣ; и, кажется, лодки уже спущены; за дѣломъ, насъ и не увидятъ. Я сказала тремъ людямъ, чтобы обезъ снарядили телѣгъ въ десять, да и подѣхали бы въ постоедому, будто купцы; знаешь, для приману. Гости завидятъ, такъ не раздѣлятся, а цѣлой шайкой къ кружалу выстятся. Та засада, что у старой пристани, пусть сейчасъ ухватится за лодки, чуть они на бугоръ войдутъ; а потомъ уже по сметку и всѣ засады, словно невадь, пусть кружатъ идутъ; надо ихъ дѣ-гла шаломить; нета, корни останутся. Вотъ теперь я и обойду всѣ засады, и отъ тебя наказъ разнесу, а ты посиди маленько; видишь, шкъ камышей-носсы отъ лодокъ торчатъ. Оборони Богъ, чтобы не перецугаты! Ну, Богъ помонь, надо сѣвшать.

И Едлокимова перенинула на плечо поремьсло съ ведрами, пошла къ рѣкѣ. Не успѣла она перемолвить съ засадою у пристани, какъ сильныя порывы вѣтру, правѣстниці бури, взломовали покойное теченіе рѣки; раскаты грома становились громче и громче — и буря разразилась. Противной дождь закрылъ противоположный берегъ густымъ покрываломъ. Стенанычъ и Романьичъ бесомасно могли оставить черный бугоръ и бросились съ уведомленіемъ, къ разнымъ отдѣленіямъ команды. Стенанычъ заблагодарсудилъ занять для себя мѣсто по-ближе къ театру предстоявшаго дѣйствія и на обломкахъ старой пристани присѣлъ въ камышѣ. Буря свирѣпѣла; дождь прешель; но громъ гремѣлъ безъ умолку; валы съ сѣдыми гривами бросались на берегъ съ буйною радостью. Радались и бѣны страшныя, вскрики безумнаго веселья, и, мѣшаясь съ шумомъ бури производили невольный ужасъ. Молнія освѣщала путь гостей. Окрестность будто умерла, только при блескѣ молнія можно было замѣтить на черномъ бугрѣ тѣнь женщины, которая съ какимъ-то священнымъ величіемъ, воздѣвъ руки къ небу, не-видимому, творила таинствую молитву.

— Ой! Пропал! Господи! утонуло! кричалъ кто-то.

Голосъ звать неказала Стопаньичу слишкомъ знакомымъ; но когда лодка, откуда крикъ раздался, была очень близко, въ темнотѣ однако же невозможно было различить лица. Лодка ударилась въ обломки пристани; багоръ уцѣпился въ бревно; откуда выскочило нѣсколько человѣкъ....

— Ну, вотъ и на мѣстѣ! сказалъ кто-то грубымъ голосомъ: выходи!

— А захѣтъ я выйду!—ревался опять тотъ же знакомый голосъ. Я свое дѣло вѣдалъ. Навелъ васъ на добычу.... Только ницте и обращайтесь сокровища земныя, того для, что какъ увидишь ее, то колесницу иренисполнили великимъ серебромъ и kleинодами. Мнѣ объявилъ покойно о томъ кондуктъ Вакило; а онъ самъ влягалъ весь грузъ собственноручно.... Ну, придите же въ путь, а я пробуду на стражѣ у лодки....

— Итти—пойдемъ! Да еще не всѣ! Чай мы нервые! Описки волной вѣшится: солезныя знакомы! Ему только бы съ вѣтромъ перевѣдываться, а корысть изъ рукъ и уйти. Свиснуть развѣ, да старуха закуеть. Чортъ ее знаетъ, сколько лѣтъ въ глаза ее не видалъ; а знаю, что тутъ. Вѣдьна проклятая, а вчера никто какъ она подослала этого мелодна, что распугалъ Опискицовъ. Дурачьё! Надо было и его съ собой залучить. Ну, да сегодня не отдѣлается.

— Ну, а если она и за-правду вѣдьна!

— Молчи, трусь! Ужъ если поймано, право, тебя на ней женю....

— Э, Коновъ, такъ ты такой! Називъ на томъ мы по рукамъ ударили?

— Да что мнѣ въ твоёмъ Меланьѣ; и тебя, пожалуй, на обѣихъ женю. Ну, вотъ и Опискицы, и Сивичи... Видишь, какъ дружно.

Въ самомъ дѣдѣ, къ той же пристани въ разныхъ мѣстахъ причалило нѣсколько лодокъ; больше сотни дюжины удаляющъ соскочили на плоть и съ необычайнымъ шумомъ пробирались по мосткамъ на берегъ, какъ козлы сдѣнные въ нѣстахъ имъ совершенно невѣстныхъ. У лодки осталось нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и

знакомца Степаныча. Съ трудомъ могъ усидѣть въ заса-
дѣ Степанычъ и выскочилъ бы прежде времени, если бы
ратные люди, опытные въ дѣлѣ, не удержали его. Когда
вѣтеръ доносилъ уже несвязные звуки, обрывки веселыхъ
рѣчей шумной толпы, тогда только команда тихо поплыла
въ бродъ къ лодкамъ, минуя деревянный путь, который
легко могъ нагнѣвить ихъ надежданъ. Нѣкоторые нырну-
ли въ воду и пробрались на глубину, гдѣ нѣтъ воды было
на горѣ; другіе выждавъ и пригнѣта, что на водѣ уже по-
казались головы товарищей, проворно вкочили на пласть
и бросились на сторожей....

— Молчать! Нето зарѣжу! закричалъ кто-то и съ лег-
кимъ вскрикомъ сторожа должны были сдаться предше-
ствуемъ могли ошумитися. Въ ближайшую лодку склонилъ
Степанычъ, и въ рукахъ его запылали кто-то....

— Молчи, Пахомычъ! У меня нѣтъ нота, да я ведущу
тебя какъ курицу.... Что, узналъ ты нота?...

— Не узналъ, право не узналъ, убой меня богъ, самъ
узналъ.....

— Такъ узнаешь! веревку!

— Смирно, нето зарѣжу! сказалъ кто-то: чего такъ
горланите! Кто связанъ, того мечи въ лодку; кто не свя-
занъ, того вяжи, да не шумѣть, а кто ликнетъ, въ рѣку.
Смирно!

И въ величайшей тишинѣ сторожа улеглись на лодкахъ;
половина команды заняла мѣста гребцовъ.

— Держись, на баграхъ! сказалъ начальникъ: а мы пой-
демъ своей дорожкой.

Едва онъ успѣлъ это выговорить, какъ послыша-
лись крики и стукъ оружія. «Отчаливай!» закричалъ на-
чальникъ. И лодки унесло волной, а остальная половина
команды, снявъ тѣсные мостки, черезъ которые разбой-
ники должны были бѣжать къ лодкамъ, раздѣлилась на
двѣ части и засѣла по сторонамъ. На черномъ бугрѣ по-
казался огонь. Упавшій вѣтеръ былъ еще довольно си-
ленъ, чтобы поднать пламя; всталъ огонь большой и ости-
гилъ бѣгство разбойниковъ къ лодкамъ, команда полукру-
гомъ сходилась, и болѣе и болѣе стѣсняла шайку.

— Нѣтъ лодокъ! зарѣжу! закричалъ Кокошъ и въ отчаяніи

ружьяхъ заблестала ошкура. Но при свѣтѣ огня, который больше и больше кормил Евдокимовна и Никитична сухой соломой, всѣ лица были очень хорошо видны; раздакъ выстрѣлъ изъ артебуза и Коношъ опрокинулся.

— Сдавайся! раздалось со всѣхъ сторонъ, и только двое не были схвачены; легкие плывцы, они удружили иттиовеніе, бросились въ рѣку; но съ лодокъ притѣнили ихъ бѣгство и они ушли отъ казни подводною смертью. Лодки не безъ труда, на призывъ начальнаго воротились нъ пристани.

— Забирай воровъ, ступай къ допросу, лодки приважи. Проворнѣе! Поворачивайся! кричалъ начальныи.

— Нѣтъ, Пахомычъ, ты мой, я тебя не отдамъ!

— Не выдавай, Иванъ Степанычъ: вѣчно за тебя Бога буду молить, не выдавай; и съ ногами, и съ руками твои. Чортъ попуталъ; очи ясныя Меланьи Ивановны дуръ навели; не буду, не буду....

— Это я и безъ тебя знаю! говорилъ Степанычъ, таща Пахомыча съ лодки за ноги.

— Ой, задохнусь! Ионилуй!

Степанычъ распуталъ ему ноги, и потащелъ за шиворотъ къ хоромамъ.

— Не туда, не туда! закричали солдаты: въ кружало! Тамъ судъ....

Едва Степанычъ съ Пахомычемъ переступили порогъ большой избы, какъ всѣ разбойники указали на Вороненку и въ одинъ голосъ закричали:—Вотъ онъ!

— Не я. Убей меня Богъ, не я!

— Мы увидимъ, кто. Подайте его сюда....

— Не подавайте, братцы! Не подавайте! Онъ меня убьетъ, съестъ, замучитъ....

— Ну, признавайся!

— Признабсь....

— Въ чемъ жь ты признабсьол?

— Во всемъ!

— Да что это за болванъ таковой?

— Это, Семень Романычъ, городской школяръ, Пахомычъ; большой до женскаго полу омотникъ.

Всѣ замолчали, даже разбойники не удержались отъ

успѣшны. Такъ жила Покровская, особенно въ это время, но согласовалась съ объявленной охотой. Стрельбы продолжалась. Полюбилась ему Медвѣда, Сказала она въ Костыльковскѣ, что Медвѣда на Старой Усадьбѣ, была женой, съ одной только бабой; замъ-то она и крутъ и плакъ; она и сварила гостей изъ-за рѣки.

— Ну, чѣмъ же ты молвишь. Покровская?

— Истинно такъ, право такъ, но силъ неперечесть. Какъ твоей фондерской милости угодно. Ты едешь женскій полъ, вѣрно, жаловать изволишь, такъ и поймешь, какъ бѣсу и работы не было со мною; несутель разумъ, попуталь дуну, только ноги и сварила....

— А кто же у васъ старшій?

— Подстрѣлили. Комочъ рысей сварила дарила начало.

— А много ли насъ всѣхъ?...

— Да будетъ за сотню.

— Евсей, перечти всѣхъ; спутай ея ноги и за руки идь двое, а другую руку къ носу; а изъ и да утра держать не стану; къ утру къ часу десятому въ провинцію поволаю; а тамъ ужъ не наше дѣло. Ну, а изъ той старости много еще осталась?

— То другіе, не наши.

— А дружокъ-то много?...

— А кто ихъ считаль!

— И! сказала Евдокимовна, взвали въ бабу: съ рыбьяго притону должно быть ста и больше удалывать, на лебидицати лодкахъ: перечитте. Какъ всѣ, такъ всѣ, а нѣтъ такъ остались на гнѣздѣ.

— Сто четыре, сказалъ Евсей.

— Да двухъ утопили....

— Да проводникъ....

— Да одного подстрѣлили....

— Ну, такъ и всѣ, перебила Евдокимовна. Благодаренье Богу, всѣ; теперь будетъ малымъ дружокъ смирно, пока на рыбій притонъ другіе охотники не переберутся.

— Ну, Евсей, такъ въ походъ; мой ливъ проголодался, да истомился.

— Маленько, ваше благодаріе!

— Ев, извини, комочъ на черкѣ волна на-моя съуть!

— Вада стараться, ваше благородіе.

— Только, Евсей, долго не пробавляться! Закусить путь-дорогой усвишься. Послушай, Иванъ Степанычъ, пойдемъ; я долженъ проститься....

И оба пошли къ хоремамъ....

— Иванъ Степанычъ! Служба моя здѣсь кончена; не могу остаться, не могу и разстаться; забирай сестру; идемъ въ городъ....

— Нѣтъ! Богъ съ тобой! Ступай куда тебя служба зоветъ; храни мою тайну; а я самъ пор-какъ буду управиться... Не поезду сестры въ городъ: отнимутъ, обезчестятъ, оболгутъ.... Нѣтъ, знаю я городскихъ воровъ.

— А я на что?

— Эхъ, Семенъ Романычъ, и тебя обнесутъ.

— Авось сестра твоя будетъ ушита....

И безъ спору Романычъ съ Степанычемъ вошелъ въ дѣмичью, гдѣ Никитична рассказывала Меланью какъ происходило брашеніе.

— Спасибо, Меланья Ивановна, сказалъ Романычъ: спасибо за гостепримство. Жаль, что не могу остаться: служба гонитъ. Хотѣлъ бы, чтобы и ты за мной пошла; да нѣтъ повода. Вотъ если бы ты была моей женой....

Меланья вдрогнула и кивельно бросилась къ Степанычу, который не менѣе ея былъ удивленъ рѣченіемъ офицера.

Романычъ, потупивъ голову, продолжалъ:

— Насильно милъ не будешь, говоритъ пословица, а я такъ хочу попытаться не вретъ ли пословица. Завтра я буду въ Костыльковкѣ и женихомъ и сватомъ....

Никитична едва успѣла подхватить Меланью: она бы непременно упала, потому что Степанычъ забывъ объ ней и съ открытыми объятіями бросился къ жениху.

— Другъ мой, братъ, ты не шутишь?

— Самъ я такой же бѣдный дворянинъ, какъ и вы. Миѣ жены не выѣтъ лучше, а богаче не надо. Прощай! Будь у Меланьи Ивановны менѣе заступникомъ и ходатаемъ.

Степанычъ не могъ вымолвить слова; слезы лились ручьемъ; Романычъ молча обнялъ его и за дверьми уже сквозилъ:

— Степанычъ! Завтра, до свиданья въ Костыльковкѣ!

Степанычъ хотѣлъ бѣжать за ними, но Меланья собрала всѣ свои силы и удержала его за руку. Голосомъ, прерывающимся отъ сильнаго волненія, начала она:

— Клянусь Богомъ....

— Постой, не клянись, Маланя! Не клянись противу милости Божіей....

— Такъ-то ты любилъ меня?

— Люблю, какъ любилъ! Больше жизни своей....

— И готовъ уступить....

— Батюшка! Разрѣши свой завѣтъ; онъ уже исполнился! Не обманетъ Романьичъ.... Маланя, Маланя! Слушай, Маланя! Слушай, Никитича! А, добро пожаловать! Слушай и ты, Евдокимовна! Меланья, ты, не Ивановна, ты какъ и я, Меланья Степановна, ты сестра моя!...

— Батюшки свѣты! воскликнула Евдокимовна, но Маланя отъ изумленія не могла выговорить ни слова. Степанычъ продолжалъ съ возрастающимъ жаромъ:

— Нашъ отецъ, несчастный отецъ, былъ дворникъ Степанъ Петровичъ Полосков.... Маланя! и я и ты, мы родились въ этикъ херомахъ!...

И заливаясь слезами онъ обнялъ сестру, которая еще пуще оторопѣла. А Евдокимовна невольно упала на колѣни и водѣвъ руки къ небу просіяла священнымъ восторгомъ. Никитича крестилась.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ СРАЖЕНІЕ.

Въ Костыльковкѣ была смута велия. Съ утра еще Степанычъ привезъ вѣсть о нападеніи гостей, о сраженіи, плѣненіи и о прочемъ. Далъ на-скоро знать въ Будимовку, и Костыльковъ къ полудню прибылъ съ большою дворней, вооруженной топорами и дреколями. Костыльковка, по близости къ рѣкѣ была всегда въ болшей опасности, чѣмъ Будимовка. Степанычъ же умѣлъ увѣрить хозяина, что какъ поймака имѣла мѣсто на земляхъ костыльковскихъ, то гости не преминутъ отомстить за товарищей Красивой Усадьбѣ.

— Знаете, Иванъ Степанычъ, и этотъ командеръ военный, что былъ, умалъ, не человекъ....

— А что, душа моя, Степанычъ, скажи мнѣ, что ты забылъ?

— Да какъ же: захватилъ меня въ полонъ; хотѣлъ послать прямо въ Москву на смотръ; говоритъ: ты нѣтчикъ, да и полно. Кажется мнѣ, что онъ не только за ворами смотреть, а и еще....

— Очень можетъ быть. Вчера слышалъ ты, какъ онъ, говорить, за Митюшкина вступался....

— То-то же! Спасибо ворахъ, а то бы я не ушелъ. А на Старой-то Усадьбѣ, Боже ты мой, какъ расхозяйничался, присталъ къ Мелашѣ Степановнѣ....

— Ивановнѣ....

— Виновать, Ивановнѣ, такъ турусы на колесахъ и подпускаетъ...

— Ахъ онъ, каторжный! Я не посмотрю, что онъ военный; скрючу; моего добра не замай. Солдатъ этакой....

— То есть я вамъ говорю, вотъ такъ и разсыпается мелкии бѣсомъ....

— Губа не дура, да руки коротки....

— Ваша правда, Иванъ Степанычъ! Да и то не ложь, что если онъ себѣ задумаетъ, такъ можетъ намъ много неприятнаго сочинить...

— Да что онъ можетъ?

— Да у него военная сила.

— А у меня нѣтъ, что ли?

— Не пойдете же съ нимъ тягаться; вѣдь вы знаете, за это чѣмъ разыскать могутъ. За такое — и воевода не поможетъ. Засудятъ; всехъ помѣстій не хватитъ.

Костыльковъ призадумался.

— То-то и есть. Ничего не надо дѣлать очертя голову. Всюду оглядывайся.

— Такъ что же мнѣ? Неужто Малашку ему отдать, такъ, ни съ того, ни съ сего; здорово живешь...

— Кто объ этомъ говорить!

— А знаешь, не припрятать ли намъ ее въ другое мѣсто?

— А если хуже раздразимъ; нѣтъ, Иванъ Степанычъ, никому лучше лаской. Авось не воротится....

Но въ то же самое время вбѣжалъ Сидоръ и объявилъ, что военная команда идетъ....

— Вотъ тебѣ развѣ! сказали оба Степаныча въ одно слово.

— Ну-те, глядите же, Иванъ Степанычъ! Самое первое: труса не правдновать. Будто ни кого и ни чего не боитесь, я ужъ знаю что мнѣ дѣлать. Ну-те, ну-те! Пожалуйста, ободритесь! Вы же хотѣли съ нимъ по-своему переиждаться, а вотъ теперь колѣнки и дрожатъ. Конечно, онъ можетъ васъ захватить и послать съ проводниками прямо въ Москву: въ этомъ онъ ни на кого не посмотритъ, а вы сдѣлайте какъ-будто рады, будто сами идете, а между-тѣмъ ласкайте, подчивайте и уладится. А, конечно, можетъ, весьма можетъ васъ взять подъ караулъ, на то онъ и посланъ. Да вы только не бойтесь, Иванъ Степанычъ, пожалуйста не бойтесь....

— Послушай, Степанычъ, не лучше ли мнѣ въ лѣсу на время спрятаться? А? Сказать только Сидору, гдѣ я буду....

— Бога вы не боитесь! Вѣдь ужъ какъ поймають, конечно; тогда не послушаютъ ничего, ни начтѣ не посмотрятъ; и срамъ-то какой!... Да и какъ на Сидора понадеяться? Вѣдь онъ же безъ васъ будетъ всемъ заправлять; ему и съ руки....

— Идетъ!

— Идетъ! Смотрите же, не бойтесь! Вонъ видите, сколько у него ратныхъ людей; именно для того, что въ случаѣ обыскъ можно дѣлать.... Ну! Крѣпитесь, Иванъ Степанычъ, это ужъ онъ....

И дѣйствительно, вошелъ Романычъ, весь въ мылѣ; обожженный солнцемъ, истомленный трудами, безсонницей и душевными ощущеніями.

— Здравія желаю, честные господа, сказалъ онъ: а, любезный, и ты здѣсь?

— Здѣсь, Семень Романычъ, прѣзжая проститься и ѣду на службу, отвѣчалъ Степанычъ.

— Хорошо, хорошо, любезный, а все-таки я тебѣ проводничковъ пожалуйю: нынче по дорогамъ не безопасно. Шалить.

— Покорно благодарю; да передъ отъѣздомъ не забуду сить и намъ, если милость хозяйская....

— Эй, Сидоръ! закусить!

— Отъ чего же не закусить! одно дѣло сострипалось; за другое можно и послѣ приняться. Коли позволите, и я бы съ вами перекусилъ.

— Много чести, Семенъ Романычъ....

— Много чести, повторилъ Костыльковъ и ободрился: Садитесь, Семенъ Романычъ, садитесь! Какъ это вы ушибаете! Вѣдь вы ловите и воровъ и вѣтчиковъ?

— А тебѣ какое дѣло? громко сказала Романычъ: про то я знаю. У меня инструкція въ карманѣ, такъ ужь ошибки не будетъ. Благо, что регистръ сегодня въ промициѣ добытъ. Теперь у меня все пойдетъ безъ задержки, какъ по маслу. А, вотъ и закуска. Присядемъ.

Присѣли, закусили, разговорились. Романычъ; хотя и не любилъ притвориться, однако же вѣдь себя очень исправно; говорилъ загадками и всегда въ-попадъ; поселилъ въ Костыльковѣ уже не опасеніе, а полное убѣжденіе въ томъ, что ему, Романычу, поручено по списку собрать всѣхъ дворянъ съ уѣзда и препроводить прямо въ Москву подъ военнымъ охраненіемъ и сдать на руки столѣнику Степану Колычечу.

— Послушай, Иванъ Степанычъ! сказалъ Романычъ значительно, поставивъ чару по-дальше отъ себя, какъ-будто не желая болѣе заниматься завтрашними дѣлами. — Скажи-ка ты мнѣ, какъ пройти по-ближе къ Анкудинову и къ Семеркинымъ; послѣ тебя, только они и остались на своихъ пятакахъ. Ты вотъ не уйдешь, не побѣжишь, ты не такой; а они, пожалуй еще, спрячутся. Не хотѣлось бы мнѣ съ пустыми руками на Москву прійти.

Эта выходка, хотя и ожидавшая, поразила Костылькова того, что онъ не зналъ что дѣлать, что говорить; а языкъ между-тѣмъ во рту болтается; звуки вырываются изъ устъ; Степанычъ посвѣщилъ на выручку....

— Да что вы это, Семенъ Романычъ, къ нашей братѣ пристаёте то съ боку, то съ рыла, да не вплотную. Вы бы скажи, что вамъ нужно, да и кончено....

— Будетъ, братецъ, кончено. Поглядишь какъ знатно все уладится. Пожалуй, вѣдь я не такой; я отъ Костылькова отстаю бы съ разу, кабы онъ не ломался, да отдалъ бы мнѣ съ жены Малану....

— Надуешь, Семенъ Романычъ! перебилъ Степанычъ: право надуешь. Малашу возьмешь, а не отвяжешься.

— Вотъ тебѣ моя рука; отдастъ Малашу, на его глазахъ въ Будимовкѣ обвѣнчаюсь. И свадьбы справлять у васъ не буду, заберу жену, да на-прямки такъ и помарширую на Анкудинова. Нето отъ него, и отъ тебя отстану. Чортъ васъ поберц: пробавляйтесь какъ знаете. Не цапелъ—ну, и концы въ воду. Ну, что жъ? По-рукамъ?

— Какъ изволите, Иванъ Степанычъ! Вѣдь по-мѣому дѣло-то дешево обойдется, а ужъ послѣ военнаго обыску до другаго смотрю, никто васъ не потревожить. Ну, что жъ, Иванъ Степанычъ, какъ укажете?....

— Я.... того.... какъ ты думаешь, Степанычъ.... такъ и твори.... а я.... мое дѣло сиротское.... только мнѣ и помощи и совѣта, что ты.... Я не знаю какъ это дѣло и уладить....

— Очень просто, Иванъ Степанычъ! Вотъ посмотрите, какъ мы все уладимъ; надо бумагу....

— Бумага готова, мнѣ въ провинціи писаря откололи за двѣ гривны.... Ты только подпишись....

— Да какъ же я подпишусь, когда я писать не умѣю?

— И это вздоръ! сказалъ Степанычъ, вышелъ и воротился съ чернильницей и перомъ; перо омочилъ въ чернилахъ, воткнулъ его въ руку Костылькову; сжалъ его пальцы въ своей рукѣ и повелъ по бумагѣ костыльковскую подпись....

— Вотъ и подписались, а еще говорили, что писать не умѣете. Видите, что значитъ добрая воля. Ну, теперь прикажите винца подать....

Но Костылькова бросило изъ огня да въ полымя; онъ съ изумленіемъ глядѣлъ на Степаныча, за которымъ никакъ не подозрѣвалъ грамотности. Изъ столбняка онъ былъ выведенъ рѣчью Романыча, который прочитавъ подпись, сказалъ: ну, теперь все кончено! Прощайте, ребята: гуляйте себѣ на волѣ, пока другой коршунъ захватитъ. Прощайте....

Сказано, сдѣлано. Романычъ ушелъ, сѣлъ на коня и команда тронулась въ путь на Старую Усадьбу. Молча сидѣли оба Степаныча, молча черезъ окно проводили

глазами гостей. Первый вздохнул Степанычъ. Костыльковъ со вздохомъ протянулъ ему руку; тотъ пожалъ ее и опять вздохнулъ.

— Ну, что, Степанычъ!

— Ничего. Жаль Малаши....

— Жаль! да утѣшимся....

— И что она теперь будетъ? Жила въ холѣ и въ довольствѣ, а выйдетъ замужъ за бѣдняка. Вы бы, Иванъ Степанычъ, пожаловали ей приданое какое.

— Ну, ужъ ты умный человекъ, а врешь такія глупости! Я боюсь, не захватила ли она чего съ собою; надо бы послать Сидора, да велѣть обобрать. Я подарилъ Малашу, а не вещи....

— Гдѣ Сидору, Иванъ Степанычъ! Позвольте ужъ мнѣ... сказалъ Степанычъ, съ трудомъ скрывая негодованіе....

— Спасибо! Только не мѣшкой: надо обогнать команду; возьми удалую тройку и проворнѣе въ путь....

— Эй! Велите заложить тройку! Кто тамъ? Сидоръ!

— Сидоръ, вели ермолаевскую тройку заложить въ легковую телѣжку, да живо....

— Послушайте, Иванъ Степанычъ, и у меня до васъ есть просьба.

— Другъ ты мой, говори только....

— До времени нужно мнѣ денжонокъ сотни двѣ.

— Да на что тебѣ такая пропасть денегъ?...

— Надо въ провинціи изъ суда выкупить наслѣдство...

— А велико ли?....

— Порядочное.

— А далеко ли?....

— По сосѣдству....

— Право?

— Ей Богу....

— А съ какой же стороны?....

— Отъ рѣки....

— Да гдѣ же это?....

— Право, я теперь еще и самъ докладно не знаю, а въ судѣ безъ денегъ, ничего не покажутъ.

— Да всё-таки двухъ сотенъ много; рублей тридцать, пожалуй....

— Право, надо двѣ сотни. Ужъ вы знаете, что я не попрошайка; первый разъ у васъ прошу; а отдамъ съ лихвою.

— А что дашь?

— Да какъ желаете....

— А на долго?....

— Да мѣсяца на три....

— Ну, такъ по пяти рублей со ста будетъ не обидно....

— Иванъ Степанычъ!

— Да что ты, душа моя, хочешь: меня провинція въ духъ разорлетъ. Право доходовъ скоро хватать не будетъ; такъ ужъ если и други и недруги разорять меня станутъ, на комъ мнѣ поправиться? Вѣдь и то подумай, безъ всякаго залога даю; честности твоей вѣрю; благо ты письменный, ты мнѣ при Сидорѣ и писни, что взято и на когда, знаешь, больше для памяти.. .

— Пожалуй, извольте.

— Лошади готовы! сказалъ вошедшій Сидоръ.

— Ну, поѣзжай, а мы съ Сидоромъ тебѣ приготовимъ и деньгу и бумагу....

— Батюшка, Иванъ Степанычъ! да мнѣ теперь же нужны деньги....

— Да вѣдь ты не въ провинцію ѣдешь? Поѣзжай, поѣзжай, опоздаешь.

Не оставалось никакого извороту. Степанычъ, больно опечаленный, уѣхалъ.

— Не зналъ я за тобой этого талану! такъ рассуждалъ онъ дорѣгой. Ну, да всё-равно. Завтра не за горами.... Догоню я Малашу; передамъ ей деньги и пускай себѣ обзаводятся; а я за дѣло.... за тяжкое дѣло! Не найду я отца Никиты и все пропало. И бумаги мои не помогутъ. Ну, да Богъ милостивъ.

Желая скрыть передъ Костыльковымъ внимательство свое въ дѣла Меланьи, Степанычъ проселками проѣхалъ на Старую Усадьбу; Ермолая и лошадей оставилъ на постояломъ дворѣ, а самъ пошелъ къ Малашѣ. Затрепетала несчастная, увидѣвъ брата; но онъ умѣлъ ее успокоить; объявивъ ей о послѣднемъ поступкѣ Костылькова. Съ недонованіемъ стала Меланья собирать разную дрянъ, вото-

рую Костыльковъ считалъ своею собственностію, все это Евдокимовна отнесла къ Ермолаю, между-тѣмъ подошла команда и Меланья хотя и робко, но уже не безъ радости встрѣтила своего жениха. Сборы были коротки. До ближняго села, въ которомъ была церковь, добрались они уже ночью; подняли пономаря, священника; обвинчались и Степанычъ простился съ сестрой и затемъ на-долго. Условились по-возможности давать о себѣ знать на Старую Усадьбу Евдокимовнѣ. Разстались съ надеждою на Бога....

О, съ какими чувствами летѣлъ Степанычъ въ Костыльковку! Сестра уже спасена; теперь онъ могъ жить на волѣ; погибнуть, платя ужасный долгъ. О своей погибелн ему нечего было беспокоиться: онъ жилъ для сестры и для неупокосной тѣни отца. Онъ уже рассчитывалъ, какъ онъ разбудитъ Костылькова, какъ получить деньги, какъ отошлетъ ихъ сей же часъ къ Евдокимовнѣ, какъ самъ полетитъ въ провинцію, подыметъ изъ-подъ спуда мертвыя дѣла и дастъ имъ жизнь в.... Но мечты его были прерваны. Онъ уже вѣзжалъ на костыльковскій дворъ. У крыльца стояла колымага; въ окнахъ свѣтъ; гости; тѣмъ лучше, при свидѣтеляхъ безопаснѣе дѣйствовать съ такими людьми какъ Костыльковъ. Безъ доклада онъ вошелъ въ столовую комнату. И какъ это, право, удивительно бываетъ на бѣломъ свѣтѣ: носишь мысль, голубяшь ее, живешь ею; обдумываешь какъ отдалить малѣйшія препятствія къ ея исполненію; все готово.... Вдругъ — и дорогая мысль изгнана, извержена изъ памяти; труды и ухищренія позабыты безъ сожалѣнія; другая мысль заняла мѣсто прежней; она поглощаетъ такую же дѣятельность, требуетъ большихъ жертвъ и лишеній — и можетъ-быть наканунѣ исполненія третій замыселъ разрушить все многосложное зданіе, чтобы на развалинахъ его построятся самому изъ другихъ матеріаловъ. И что забавнѣе всего: во всѣ три раза цѣль одна и та же.

Костыльковъ, блѣдный, растрепанный, стоялъ на колѣняхъ передъ воеводой, который хотя и сидѣлъ, но весь ма беспокойно, съ примѣтной досадой.... Заявля Степаныча, оба примѣтно ободрались :

— Спасай меня! кричалъ ему на встрѣчу Костыльковъ: вразуми, наставь!

— Что такое?

— Ахъ, любезный! сказалъ воевода: дернула его легкая дурачиться на большой дорогѣ! Протоинквизиторъ....

— Отецъ Пафутій?

— Ужъ точно по-отечески поступилъ; нечего сказать; прѣехалъ въ губернію и передалъ губернатору каковъ молодецъ и чѣмъ пробавляется въ уѣздѣ. На-бѣду случись тамъ самъ стольникъ Кольчевъ, главный сборщикъ. Указъ какъ дернули, такъ у меня лихорадка чуть зубовъ не вышибла. Поставить Костылькова на смотръ въ Москву на Захарынъ день, а нето, быть мнѣ безъ воеводства подь строгимъ отвѣтомъ; и прочая. Всего страху, что тамъ написано—не перескажешь. Ну, Степанычъ, что тутъ дѣлать....

— Степанычъ, душа моя, говори, что тутъ дѣлать?....

— Эхъ, батюшка, Иванъ Степанычъ, у всякаго своя бѣда есть, а до чужой нѣтъ дѣла. Вспомните, просилъ я денегъ; чужая бѣда....

— Вотъ деньги, вотъ, на, бери, только научи, что намъ дѣлать....

— Маловато! сказалъ Степанычъ пересчитывая деньги.

— Ты сколько же просилъ?

— Двѣ сотни....

— А тутъ сколько?

— Одинъ сорокъ....

— Это Сидоръ ошибся.... Вотъ, на, возьми золотомъ....

— Спасибо, да мнѣ теперь и этого мало.

— Что же ты хочешь, душу изъ меня вытянуть?

— Что мнѣ въ ней, душу не душу, а еще сотню....

— Что же будетъ тогда?

— Ничего. Ты себѣ поѣдешь на службу, а я мой долгъ пришлю въ Москву или въ Питербурхъ, куда укажешь, пригодятся....

— Провалясь ты, окаанный!

— Спасибо....

— Да полно ссориться, перервалъ воевода: тутъ надо

умы сложить и съ-обща передумать, нѣтъ ли какого исходу....

— Думайте себѣ о чемъ хотите, а я буду думать о деньгахъ....

— Экой жадный какой! сказалъ Костыльковъ, чуть не со слезами.

— Да полно же ссориться! опять началъ воевода. Дѣло не шуточное; я упряталъ бы тебя въ Москву къ собственному ущербу; воеводство стѣбитъ тебя, да есть домашняя причина.... И знаешь, вотъ мнѣ сдается было бы не глупо. Отца Пафнутія на Москвѣ нѣтъ, чай и не скоро будетъ; потомъ пошлютъ тебя въ Питербурхъ; пока онъ туда прїѣдетъ, тебя въ полки отправятъ — и концы въ воду; по спискамъ показанъ; на смотру былъ — никто и слова не скажетъ....

— Ну, такъ что?

— А вотъ что, тебя ни въ Москвѣ, ни въ Питербурхѣ никто не знаетъ: пошли за себя кого другаго. Пусть лягнется на смотръ, пусть послужитъ годокъ, два; потомъ пусть себѣ увѣчые какое учинить, да и на покой въ Костыльковку.... Ты его и за увѣчые, и за службу награди, да и живи-себѣ на покой. Въ рукахъ у тебя квитанція—и никто ужъ не привяжется; а тотъ годъ другой нетокомо въ губерніи, въ провинціи никто знать не будетъ, что ты себѣ въ деревнѣ пробавляешься; ужъ если указъ какой земскій или другая нужда будетъ, никто изъ нашихъ чиновниковъ къ тебѣ не поѣдетъ, все самъ буду справлять, будто ты мнѣ надзоръ за помѣстьями поручилъ; тотъ кто за тебя поѣдетъ, того мы Костыльковымъ снарядимъ, и бумаги ему такія выдадимъ, а тебѣ дадимъ видѣ, будто ты прикащикъ того Костылькова, опять никто не привяжется....

— Отецъ родной! Разпремудро, да кого послать?...

Лицо Степаныча, при этихъ словахъ Костылькова, вспыхнуло; онъ едва могъ скрыть волненіе; едва не задохся отъ мысли, которая въ одно мгновеніе вытиснула изъ души его всѣ прежніе разсчеты и наполнила все существо его собою....

— То-то, отецъ воевода, сказалъ онъ смиренно: замыселъ истинно мудрый, да исполненіе трудновато. Холопа нель-

зя послать; изъ городскихъ людей тоже; а нашей братьи бѣдныхъ дворянъ во всей губерніи вольныхъ не на службу и десятка не насчитаешь. Трудно... Трудно...

— Что трудно? Была бы только добрая воля; вотъ, пригвѣрно ты, Степанычъ, въ большихъ городахъ лучше бы самага Костылькова справился....

— Я? да, что вы это, батюшка, Максимъ Ивановичъ. Полно-те! что вы, какъ это можно!

Костыльковъ глядѣлъ умильно на Степаныча, а воевода продолжалъ:

— Ужъ я знаю Ивана Степаныча; онъ бы не востоялъ ни на чемъ, наградилъ бы тебя щедро всякимъ добромъ, хуторъ бы пожаловалъ....

— Право?

— Отъ чего же и нѣтъ? Степанычъ! Служба службѣ ровня. Скажи, что хочешь, ударимъ по рукамъ и отправимся....

— И отправимся, Степанычъ, баринномъ, годка два баринномъ себѣ-живи....

— Того-то я и боюсь, еще, чего добраго, привыкну, выслужусь, въ чины выйду; вотъ тебѣ и разъ. Отдавай потомъ званіе другому; а не отдать, нельзя: докажутъ; мнѣ и достанется. Плохо; нѣтъ, страшно! Да еще тутъ кто поручится, наткнется случай, выйдетъ наружу; вамъ-то ничего, при одномъ власть, при другомъ богатство, а я одинъ въ дураки и сяду.

— Да, ужъ ты за насъ не опасайся. Общій интересъ — все дѣло въ секретности держать: ухитримся. Да и кто будетъ доискиваться, когда списки будутъ очищены, ни одного нѣтчика не будетъ въ недомкахъ. Ну, Степанычъ, сдавайся!

— Ну, что, душа моя, другъ Степанычъ, сдавайся!

— По-мнѣ пожалуй, да что же дашь за такую службу?....

— Ай-да, Степанычъ! Экой добрый, расцѣловалъ бы....

— Что дашь? Вотъ, пусть Максимъ Ивановичъ назначаетъ....

— По совѣсти назначаю, никого не обижу. Во-первыхъ,

содержаніе какъ прилично Костылькову; лошадей штукъ десять, повозки двѣ три для выѣзду; сѣделъ два, одно парное, другое повседневное. (Словыхъ шесть сотень, карманныхъ столько же; да на насѣть дому и челмам, страшно же, да дѣвоти про случай: двѣ тысячи!....

— Двѣ тысячи!

— Маловато, Максимъ Ивановичъ!

— Поди ты, видно въ большихъ городахъ не жилашь. За-гавва довольно; это годовою окладъ, а награду ужъ ты объявляй....

— Да, помилуй, отецъ воевода, и такъ ты меня до-глы разорвешь. Вѣдь двѣ тысячи....

— Полно, полно, Иванъ Степанычъ: мы твои доходы не хуже твоего знаемъ. Двѣ тысячи! Эхъ молодецъ, тутъ еще и десятой доли твоего приходу нѣтъ....

— Да, вѣдь по-миѣ, Иванъ Степанычъ, какъ водится; я ѣду не за себя, а за тебя. Вѣдь, примѣрно сказать, тѣло мое только тамъ будетъ для обману; а жить будешь ты, не я. Миѣ и двухъ алтынъ на день довольно, а тебѣ щелья, стыдно. Вѣдь я и стыдиться не за себя буду, а за тебя; нѣтъ всё-равно. Содержаніе—какое хочешь назначь, такъ и жить буду....

— Да, будто если Костыльковъ, такъ ужъ и скрагой быть не можетъ; ты принишься алтынникомъ, скупцомъ, живи затворникомъ....

— Пожалуй....

— Нѣтъ, нельзя, Иванъ Степанычъ! Этакъ ничего не обманешь; стануть обнюхивать, по слѣдамъ добарутся; тогда тебѣ служба дорого обойдется. Нѣтъ, какъ сказать, такъ тому и быть. И не думай умничать....

— А миѣ про содержаніе тоже всё-равно, а вотъ про награду такъ дѣло иное; я долженъ отъ наслѣдства дочетай на два года отказать, дѣла оставить....

— Да что тамъ твои дѣла! Чай за всѣ двѣ сотни возьмишь....

— Нѣтъ, и двухъ тысячъ мало. Да что долго толковать; такъ и быть, ѣду, да вотъ вы, Максимъ Ивановичъ, будьте свидѣтелемъ. Двѣ тысячи! Половину впередъ — и тогда извольте....

— Разбойникъ! Да ты подумай....

— Я ужъ подумалъ и сказалъ свое, а тамъ какъ угодно...

— Да что же вы это, Максимъ Ивановичъ, какой вы воевода, позволете притѣснять и грабить....

— Ну, тутъ моей власти нѣтъ, дѣло полюбовное и помѣму Степанычъ лишняго не запрашиваетъ. Неси ему тысячу и за дѣло.

— Степанычъ, другъ мой, душа, голубчикъ, возьми пять сотъ! Остальные какъ воротисься. Право, наличныхъ нѣтъ....

— Не могу....

— Ну, мнѣ пора ѣхать. Есть еще дѣляшка. Кончайте скорѣе....

— Степанычъ, возьми шесть....

— Не могу....

— Подавись же ты, окаянный! И Костыльковъ вынесъ груду золота:—На!

Степанычъ сосчиталъ и пронесъ хладнокровно:

— Тутъ не всѣ. Только восемь сотъ....

— А двѣсти, что прежде далъ?...

— А! Пожалуй, такъ и тѣ идутъ не въ долгъ, а въ уплату. Такъ согласенъ.

— Насилу-то уладили, сказалъ воевода: слава Богу! Ну, теперь извольте такъ поступать. Снаряди Степаныча въ дорогу, и отправляй сегодня же, коли можно, но только безъ людей: продадутъ, коли снюхаютъ. А онъ себѣ принайметъ. Пусть онъ тебя обождетъ на Старой Усадьбѣ. А завтра ты прѣзжай въ провинцію то же одинъ, явись въ канцелярію, получишь для Степаныча видъ въ присутствіи, а для себя у Меланьи Ивановны; потомъ простишь-ся со мной, съ чиновниками, а паче съ Митюшкинымъ, отправишь молебствіе въ соборъ—и уѣдешь со слезами и плачемъ на службу. На Старой Усадьбѣ отдашь свой видъ Степанычу и концы въ воду....

И все сбилось по слову воеводы Максима Ивановича Бурунова.

И. КУКОЛЬНИКЪ.

=

II.

ИНОСТРАНЦАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

АРИСТИДЪ ФРОАССАРЪ,

МОЛОДОЙ ФРАНУЗЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Романъ господина Леона Гозлана.

Дѣйствіе происходитъ въ 1835 году, въ Парижѣ. Дѣйствующія лица обыватели предметія Сентъ-Оноре. Главный герой нашъ, Аристидъ Фроассаръ, молодъ (ему только двадцать три года) и не дурень собою. Но, для большей ясности дѣла, надобно прежде всего познакомить васъ съ его почтеннымъ родителемъ.

Жанъ-Каскаре Фроассаръ былъ въ 1793 году публичнымъ обвинителемъ. Однажды онъ обвинилъ маркиза де-Нёвилетта въ томъ, что тотъ знатнаго происхожденія, богатъ, носитъ нанудренный парикъ, одѣвается чистенько и раздражаетъ добрый парижскій народъ. Чтобы отразить этотъ страшный ударъ, Нёвилеттъ бросилъ парикъ, и нарядился въ карманьолку, костюмъ тогдашнихъ республиканцевъ. Прекрасно. Но Фроассаръ не унялся. Онъ обвинилъ Нёвилетта въ томъ, что тотъ человекъ подозрительный. Этого было слишкомъ достаточно, чтобы снести голову на

эпифотъ, и бѣдному Нѣвилетту, конечно, не миновать бы плахи, если бѣ Фроассару не вздумалось сдѣлать ему слѣдующаго безобиднаго предложенія.

— Мы оба молоды, сказалъ онъ, оба женаты; если природа пошлетъ тебѣ дочь, а мнѣ сына, мы ихъ женимъ. Согласенъ?

Какъ не согласиться? Ударилъ по-рукамъ.

— Теперь, не бойся ничего. Смастери только дочь.

Отчего же Фроассару пришелъ въ голову такой хитрый планъ? Оттого, что Фроассаръ былъ себѣ на умѣ. Онъ зналъ, что революціи производятся въ пользу воровъ, потомъ достаются въ руки другимъ ворами, по-смысливше и по-благоразумише первыхъ. Первые—воры храбрые; вторые—воры охранители. Спросите исторію, и увидите, что это всегда такъ бываетъ: Фроассаръ говоритъ самъ себѣ:—Все это такъ прекрасно, что должно скоро кончиться: такъ чтобы Нѣвилетты послѣ съ насъ не взыскивали, надобно какъ-нибудь притянуть ихъ къ себѣ.

Но отчего же Нѣвилеттъ согласился на такую сдѣлку? Во-первыхъ, оттого, что не согласиться было нельзя. Правда, природа не торопилась, послала ему дочь только въ 1829 году, то есть, во времена имперіи; но тогда еще и не думали возвращать дворянамъ имѣній, отнятыхъ у нихъ во время революціи. Слѣдственно Нѣвилетту, которому вѣтъ было нечего, все-таки не мѣшало породниться съ Фроассаромъ, который присвоилъ себѣ все его имѣніе. А Фроассаръ опять разсудилъ:—Все это должно скоро кончиться. Императорское правленіе возвратило намъ богослуженіе, возвратило даже множество и тайныхъ вещей, которыхъ у насъ никогда не бывало. Кто знаетъ? можетъ быть, оно возвратитъ намъ и Бурбоновъ: все-таки не мѣшаетъ притянуть Нѣвилеттовъ къ себѣ.

И рѣшено было женить Аристеда Фроассара на Аделинѣ де-Нѣвилеттъ, какъ-скоро они достигнутъ совершеннолѣтія.

Достигнувъ совершеннолѣтія, Аристедъ Фроассаръ тотчасъ занялъ десять тысячъ франковъ и далъ вексель въ пятьдесятъ тысячъ. Изъ этихъ десяти тысячъ онъ принужденъ былъ дать тысячу тому, кто свелъ его съ

рестовидномъ, да принять еще въ счетъ остальной суммы ручнаго льва, который заводскому былъ не нуженъ. Ручной левъ пошелъ въ двухъ тысячахъ. Фроассаръ взялъ шесть тысячъ, съѣлъ въ Фіанръ, посадилъ подлѣ себя ручнаго льва, заѣхалъ за школьнымъ своимъ пріителемъ Божаней, и многими другими товарищами, и отправился съ ними въ Мёдонъ.

Въ Мёдонѣ Аристида и его пріителей ожидали осемь сигурантокъ съ разныхъ театровъ; всѣ онѣ были въ ростомахъ женщинъ Новаго Свѣта, когда Колонбъ открылъ его.

Но не хотите ли познакомиться съ достопочтенными пріителами Фроассара? Вотъ они. Первый изъ нихъ молодой человѣкъ лѣтъ осемнадцати, бѣленькой и свѣженькой, какъ молоденькая дѣвушка; съ голубыми глазами, съ прекрасными руками. Ему не было другаго имени кромѣ—Послѣдняя Гитара. Вотъ почему. Онъ разсудилъ, что на свѣтѣ есть только одинъ инструментъ, съ которымъ можно пристойно выражать любовь свою къ женщинѣ: не горбиться какъ когда играешь на скрипкѣ, не дуть и не пѣвать съ страшными гримасами въ дырку какой-то палки—какъ играя на флейтѣ, и не поворачиваясь къ своей любезной спиною, какъ игралъ на фортепиано. И этотъ-то инструментъ поднятъ! Разсудивъ такимъ образомъ, даровитый юноша рѣшился возстановить гитару и въ такое время, когда о ней никто и не думалъ, онъ издавалъ подлѣ своимъ именемъ романы съ аккомпанементомъ гитары, въ которыхъ и слова и музыка—все было его сочиненіе. Успѣхи его были тщетны, но тѣмъ не менше дѣлаютъ величайшую честь твердости его характера.

Второй пріитель былъ Божаней прекрасный юноша, блѣдный какъ смерть. Ему было только девятнадцать лѣтъ, но никому и въ голову не приходило, чтобы ему когда-нибудь стукнуло двадцать. Однако жъ онъ надѣялся прожить еще годъ, или лучше сказать двѣнадцать мѣсяцевъ: онъ считалъ только мѣсяцами. Семнадцати лѣтъ отъ-роду онъ получилъ послѣ отца большое наследство и въ два года прожилъ уже двѣ трети своего капитала, то есть двѣсти тысячъ. Черезъ годъ желудокъ его уже не варилъ,

легкія были повреждены. Врачи рѣшили, что ему не возможно оставаться въ-живыхъ. Черезъ два года они назначили ему прожить еще годъ, если онъ будетъ вести себя по-прежнему и пять лѣтъ, если онъ будетъ наблюдать величайшую умѣренность. Божансі избралъ первое и распорядился такимъ образомъ, чтобы денегъ его стало ровно на годъ.

Третьяго пріятеля Аристидѣ Фроассара, звали Ласервоазомъ. Этотъ былъ скульпторъ, хотя, правда, никто никогда не видывалъ ни памятника, ни статуи, ни даже просто медалиона работы Ласервоаза. Но зато онъ судилъ отважно и Аристидъ былъ твердо убѣжденъ въ его отличныхъ дарованіяхъ по части скульптуры. Но мы еще будемъ имѣть случай познакомиться и съ этимъ и съ другими пріятелями Фроассара.

Пообѣдавъ порядкомъ, друзья велѣли подать себѣ бумаги, перьевъ, сорокъ свѣчъ и вывѣску трактира. Все это тотчасъ было принесено. За деньги трактирщикъ подастъ вамъ все что угодно. На вывѣскѣ изображенъ былъ золотой левъ. Настоящій левъ лежалъ подъ столомъ и по временамъ глоталъ кусочки мяса, фунтовъ въ пять, шесть.

Божансі, Фроассаръ и Ласервоазъ написали циркуляръ ко всѣмъ окрестнымъ жителямъ, съ приглашеніемъ собраться у дверей трактира «Золотаго льва» посмотреть настоящаго льва, котораго тунисскій бей прислалъ въ подарокъ Карлу Десятому, но тотъ его не принялъ, потому что некуда дѣвать. Поэтому левъ возвращался въ Африку съ двумя охотниками, которые его поймали и невольниками, которые его провожали во Францію. Начало въ десять часовъ.

Подъ конецъ обѣду Фроассаръ дотого развеселился, что напилъ льва шампанскимъ. Потомъ татуировалъ себя, пріятелей и пріятельницъ, за неимѣніемъ другихъ красивыхъ матеріаловъ, земляникою, а на скатерти нарисовалъ огромнаго льва съ подписью:

ПРИСЛАНЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ

КАРЛУ ДЕСЯТОМУ

бесемъ тунискимъ.

Наконецъ, ровно въ десять часовъ всѣ обыватели Мёдона собрались вокругъ трактира. Окна, освѣщенные ста шестидесятью салными огарками, открылись, скатерть была распушена въ видѣ вывѣски, и артисты, обоюга пола, въ легкомъ костюмѣ дикарей, явились на балконѣ. Въ чинномъ народонаселеніи Мёдона послышался ропотъ негодованія, и вслѣдъ за нимъ раздася крикъ ужасу. Да и было изъ чего кричать. Шампанское, котораго царь звѣрей изволилъ напиться въ первый разъ въ жизни, начало дѣйствовать: ручной левъ принялся реветъ и скакать какъ левъ дикій, перебилъ стаканы и бутылки, являлся испуганнымъ зрителямъ то подъ потолокомъ, то на балконѣ, какъ-будто хотѣлъ пожрать все народонаселеніе Мёдона купно съ меромъ. Теперь левъ какъ-будто показывалъ тѣхъ, которые затѣяли-было его показывать; а тѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ, не знали въ которую сторону бѣжать. Наконецъ, прыгая и кидаясь во всѣ стороны, левъ какъ-то просунулъ голову сквозь рѣшетку балкона и увязъ. Этотъ чудесный случай спасъ жизнь Фроассару и гостямъ его. Они выбѣжали на площадь, которая уже опустѣла, и пустились въ Парижъ. Преслѣдовать ихъ никто и не думалъ: всякой прятался куда могъ по-дальше.

Ложась спать, часа въ три утра, Фроассаръ сказалъ самъ себѣ: — Славно мы сегодня покутили!

Черезъ три мѣсяца послѣ этого происшествія, Фроассара благополучно отвели въ тюрьму за долги, потому что отецъ не захотѣлъ платить по его векселю въ пятьдесятъ тысячъ франковъ.

Два мѣсяца сидѣлъ онъ въ тюрьмѣ смирно и безпрерывно работалъ: день и ночь писалъ. Приготовивъ около двухъ томовъ, онъ попросилъ отца заѣхать къ нему.

— Я знаю, батюшка, сказалъ Аристидъ съ самымъ смиреннымъ видомъ: я очень знаю, что вы имѣете полную причину быть недовольнымъ мною; но вотъ сочиненіе, которое, я надѣюсь, пріобрѣтетъ мнѣ и прощеніе и свободу.

— Чтобы тебѣ освободиться изъ тюрьмы, нужны не сочиненія, а деньги, отвѣчалъ отецъ.

— Да эта книга деньги, чистымъ деньгамъ, возражалъ Ари-

стать. Я уже уступилъ свою рукопись одному книгопродавцу за тридцать тысячъ франковъ.

— Тридцать тысячъ франковъ! вскричалъ старикъ. Да что жъ это такое ты написалъ!

— Не угодно ли намъ взять съ собою отрывокъ; прочтете на досугъ.

Дома старикъ прочелъ слѣдующее:

ЗАПИСКИ ОТЦА МОЕГО, БЫВШАГО ПУБЛИЧНЫМЪ ОБВИНЕННЫМЪ
ВЪ 1793 ГОДУ.

«Первая женщина, которую обобралъ отецъ мой, была».....

Старикъ не сталъ дальше читать. На другой день Аристидъ былъ вынужденъ изъ тюрьмы, свободный отъ всѣхъ долговъ и вполнѣ готовый надѣлать новыхъ.

Каскаре Фреасеаръ сталъ разсуждать, что ему дѣлать со своимъ не совсемъ возлюбленнымъ сыномъ Аристомъ. Отдать его на какую-нибудь купеческую контору: ходить не станеть; опредѣлить въ военную службу: убѣжить. Тамъ же на что онъ не годится: надобно его женить.

Впрочемъ, старикъ ошибался насчетъ своего сына. Аристидъ дѣйствительно ни на что не годился и женить его не мѣшало; но онъ былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный. Лѣнивъ онъ былъ ужасно, но зато имѣлъ прекрасныя способности и выучивался чрезвычайно легко и скоро. Не-гречески онъ зналъ превосходно, но изучивъ вѣсь Иліады, тотчасъ драгъ ее на сигары; латынь была ему ни по чемъ; французскую литературу онъ перечиталъ всю, начиная съ шестнадцатаго столѣтія; а потомъ продалъ всѣ свои книги на вѣсь, лавочнику. Сверхъ-того онъ превосходно зналъ множество вещей, которыхъ не многіе знаютъ. Напримеръ, онъ прекрасно вырѣзывалъ изъ пробки релъсаные планы, превосходно чеканилъ, набивалъ чулки какъ самый опытный пренараторъ, дѣлалъ соусъ-покусы какъ-нельзя лучше. Сверхъ-того онъ мастерски окуривалъ пенковыя трубки; зналъ къ какой кантінерской всего лучше варить кофе, въ какое время дня разогрѣтыя кофеинки всего лучше его приготавливать; въ какомъ мѣсяцѣ устраивать вечеръ въ саду, ка-

ной рубашкѣ получастъ свѣжія сардели двѣнадцатую часамъ раньше своихъ собратій. При такихъ обширныхъ и разнообразныхъ походахъ, ятъ, конечно, мѣсть считаться чуждымъ замѣчательнымъ; но на дѣло, дѣйствительно, не годился, потому что былъ лѣнивъ, боснеченъ и до крайности вѣтренъ.

Мы уже упоминали о маркизѣ Нѣвилеттѣ. Разоренный французскою революціею въ лицѣ Жана-Клода Фроассара и возмущенный на островѣ Сентъ-Доминго, маркизъ требовалъ отъ правительства вознагражденія, какъ эмигрантъ и какъ колонистъ, въ то время, когда палаты назначили огромныя суммы на вознагражденіе тѣмъ и другимъ. Какъ колонистъ, онъ имѣлъ пять сотъ тысячъ франковъ убытку, какъ эмигрантъ дѣлился по-крайней-мѣрѣ милліона; но протекція у него никакой не было, и правительство назначило ему полторы тысячи франковъ единовременно, съ уплатою въ три срока.

Нѣвилеттъ былъ чрезвычайно входемъ на Генриха Четырнадцатого, и на вечернѣ жона всегда заставляла его становиться боконъ къ стѣнѣ, чтобы показать на тѣни его преслѣ. Добрый маркизъ былъ на все готовъ. Онъ имѣлъ глубокое уваженіе къ женщинамъ вообще и къ женѣ своей въ-особенности, и умеръ бы на шѣстѣ, а не сказалъ бы даждь:—Я усталъ носить вашу собачку. Онъ не блисталъ умомъ, но имѣлъ много здраваго смысла и очень хорошо понималъ, что повиноваться гораздо легче чѣмъ повелѣвать и потому слушался жонны съ покорностію благоговѣннаго дитяти.

Однажды старикъ Фроассаръ спросилъ маркиза Нѣвилетта:—А что, вы и теперь согласны выдать свою дочку за моего сына?

— Согласенъ: я далъ слово, когда она еще не родилась.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ старикъ террористъ, вотъ что я даю сыну: сто тысячъ франковъ чистаганомъ; мой замокъ Вертѣми; мое помѣстье ла-Гренулиѣръ; мой лѣсъ въ Сентъ-Уранѣ и мой докъ въ предмѣстьѣ Сентъ-Опоре. А вы что даете за дочерью?

— То же самое что вы.

Невозможно было остроумнѣе и вѣжливѣе сказать: ми-

лостивый государь, вы воръ. Эти слова подѣйствовали на Фроассара, какъ старое вино: онъ ошалѣлъ.

Старикъ Фроассаръ смотрѣлъ такимъ же добрымъ какъ и маркизь; но кромѣ этого ни въ чемъ не походилъ на ловкаго, стариннаго дворянина; напротивъ, онъ былъ также дурень и щедунень, какъ его прежніе образцы и покровители Робеспіеръ и Маря; но участвовалъ въ революціи не изъ честолюбія какъ они, а просто изъ трусости и корыстолюбія. Онъ отправлялъ другихъ на эшафотъ, для того, чтобы самому не попасть подъ гильотину. Прибравъ къ рукамъ имѣніе маркиза, онъ понялъ всю важность права собственности и сталъ бояться, чтобы его самого не обобрали. Времена ужасу настали для него тогда, когда все во Франціи успокоилось. Трусость сдѣлала его сначала тигромъ, а потомъ овцой. Теперь онъ добивался только того, какъ бы проселить добрымъ малымъ, спокойнымъ гражданиномъ и человѣкомъ богобоязненнымъ. По временамъ онъ посылалъ своему приходскому священнику деньги для бѣдныхъ отъ неизвестнаго, но однако жъ такъ, чтобы всѣ знали, что это онъ; нерѣдко также дѣлалъ вклады въ церковь; однимъ словомъ, позволялъ себѣ всѣ маленькія добрыя дѣла, которыя могли доставить ему хорошую репутацію. Конечно, всего бы лучше было возвратитъ маркизу Нёвилетту имѣнія, деньги, драгоценности, которыя онъ отнялъ у него въ девяносто-третьемъ году; но на это старикъ никакъ не рѣшался. Въ душѣ его происходила безпрерывная борьба между желаніемъ сохранить то чѣмъ онъ уже привыкъ владѣть и еще большимъ желаніемъ, не возвратитъ свое пріобрѣтеніе, а придать ему законный видъ. Эта безпрерывная борьба привлекала его къ ногамъ его жертвы и вотъ почему онъ, чтобы покончить съ нею, возымѣлъ смѣлое, но впрочемъ удобоисполнимое намѣреніе женить сына на его дочери.

Описывать Аделины дѣ-Нёвилеттъ мы не станемъ, потому что она была очень хороша: предоставлемъ каждому нарисовать ея портретъ по своему вкусу. Отецъ и мать съ трогательнымъ самоотверженіемъ подвергали себя многимъ лишеніямъ, чтобы только дать милой своей дочери самое блестящее воспитаніе; маркиза каждый голъ

предлагала что-нибудь изъ своихъ кружевъ и блондъ, маркизъ сбывалъ съ рукъ одинъ за другимъ свои придворныя кастаны съ брилліантовыми пуговицами, чтобъ было чѣмъ платить учителямъ исторіи, географіи, рисованія, танцованія и особенно музыки. Милая дѣвушка вполнѣ вознаграждала ихъ за эти помертвованія: она была утѣшениемъ своихъ престарѣлыхъ родителей.

Когда дѣло о женитьбѣ было слажено, Фроассаръ пустился отыскивать сына. На квартирѣ Аристида ему сказали: — Дома нѣтъ.

— Дома нѣтъ? Да теперь только семь часовъ: куда же онъ могъ такъ рано уѣхать?

— Не знаю. Вотъ ужъ три мѣсяца, какъ онъ нанялъ эту квартиру, а мы его еще ни разу не видали. Нѣтъ ли его на другой квартирѣ, у Рульского въѣзда: самый послѣдній домъ у заставы.

Старикъ пустился на другой конецъ города, отыскалъ указанный домъ и спросилъ не тутъ ли мосьё Фроассаръ?

— Мосьё Фроассаръ? закричали придверникъ и придверница: этотъ мосьё, безпутный гуляка, кто его знаетъ гдѣ онъ шляется!

— Вы меня пугаете, сказалъ старикъ: вѣдь онъ мой сынъ.

— О, если вы его батюшка, такъ это дѣло другое: а я было-подумалъ, что вы какой-нибудь кредиторъ. Чтобы отвадить этихъ докучаль ходить сюда, мы ругаемъ мосьё Фроассара на чемъ свѣтъ стоитъ: онъ намъ платитъ за это по два су въ день. Мы ужъ многихъ такъ напугали этимъ, что они отчаялись получить свои деньги и совсѣмъ перестали ходить. Вы изволите видѣть, что мы не даромъ съ него деньги беремъ и ужъ мы надѣемся, что вы потрудитесь сказать ему, что мы усердно хлопочемъ для его милости....

— Хорошо молодецъ! подумалъ Фроассаръ. Не дома ли онъ, спросилъ потомъ старикъ: онъ, вѣрно, еще спитъ.

— Вамъ можно сказать, отвѣчалъ придверникъ: днемъ мосьё Аристидъ здѣсь рѣдко бываетъ, а ночуетъ обыкновенно въ Пассажѣ Панорамъ, лѣстница S, у мадамъ Сентъ-Сабинь. Спросите только Юпитера.

Фроассаръ помахалъ плечами и отиралился въ Пассажъ Нантеръ: пошелъ по лестницѣ Б въ верхній этажъ, держуль за руку кляутика, привѣшанную къ стурку ось волокозачина. Дверь открыла молоденькая женщина. Она была закутана въ желтую молниилую шаль, изъ-подъ которой выглядывало розовенькое плечико. По этому плечику не трудно было угадать и лѣта и правы мадамъ де Сентъ-Сабинъ.

— Не адѣсь ли Юпитеръ? спросилъ съ досадою Фроассаръ.

— Вы, вѣрно, пришли за деньгами за сапоги?

— Нѣтъ....

— Такъ, вѣрно, за послѣднюю порзнику вина?

— Совсѣмъ нѣтъ....

— А, да, помню, помню, вы принесли ему жараную дикую козу....

— Я отецъ его.

— Вы отецъ Юпитера? Очень рада съ вами познакомиться. Но сына вашего адѣсь нѣтъ: онъ долженъ быть въ кофейной «Золотаго вѣнка», на бульварѣ, здѣсь недалеко.

— Благодарю васъ....

Фроассаръ вошелъ въ кофейню «Золотаго вѣнка» и не увидалъ сына. Однако жъ Арстидъ былъ тамъ; но окруженъ пріятелями, такъ что отецъ сначала не захѣтилъ его. Потомъ однако жъ онъ пробрался сквозь облака табачнаго дыму, мимо пятнадцати или двадцати столовъ и ему удалось усѣсться подлѣ сына. Арстидъ игралъ въ домино.

— Нельзя ли тебѣ выйти на минуточку?

— Ахъ, это вы, батюшка? Теперь ни какъ не могу: мы играемъ на-ничуть. Я выигралъ уже пятьдесятъ завтраковъ. Но всё-равно; говорите: я слушаю.

— Адѣсь-то?

— Почему жъ нѣтъ?.... И продолжая играть, Арстидъ сказалъ: — *Три и балла.*

— Мнѣ надобно поговорить съ тобою объ очень важномъ дѣлѣ.

— Тѣмъ лучше. Важнѣе дѣла нельзя откладывать.

— Да хочешь ты выйти или нѣтъ?

— Три и три.... Нельзя ли вамъ подождать пока партія кончится?

— А долго ли вы еще будете играть?

— Часовъ до двухъ.

— А тебѣ еще только осшы! Дѣло идетъ о твоей женитьбѣ, а ты хочешь....

— Вы хотите, а я ровно ничего не хочу. *Домино!*

— Я назначилъ свадьбу черезъ мѣсяць. У меня есть на это свои причины. Но при такомъ шумѣ невозможно говорить.

— Да я очень хорошо ценю: вы говорите, что черезъ мѣсяць мнѣ надобно жениться на мадамъ де-Нэвилеттъ.

— Ну да. Такъ надобно же тебѣ побывать у нихъ.

— Побываемъ. Три и пять.

— Надобно намъ выѣхать съѣздить, чтобы приготовить подарки для твоей невесты.

— Съѣзжаемъ. *Домино!*

— Но это еще не вер.... Ты ведешь себя....

— Батюшка.... Не мѣшайте мнѣ.... Я по вашей милости проигралъ.

— Этуго домъ на самомъ концѣ Рудьскаго предмѣстья....

— Мальчишъ! Рюмку ликеру.... Не прикажете ли, батюшка?....

— Я вижу, что ты никогда не исправился, а твоя невеста вродѣ заслуживаетъ уваженія....

— Если вы ее любите, такъ посоветуйте ей не выходить за меня.

Этуго советъ былъ советъ не по-сердцу старику Фроассару и потому онъ не хотѣлъ рассориться съ сыномъ и продолжалъ разговаривать о свадьбѣ за столомъ въ покойной, посреди трубокъ и рюмокъ ликеру.

— Когда же мы поѣдемъ къ Нэвилеттамъ?

— Черезъ двѣ недѣли, отвѣчалъ Аристанъ, швырнувъ домино на полъ.

— Батюшка, сказалъ онъ: если бъ вы были мой другъ, я бы бросилъ вамъ эту рюмку въ лицо, потому что я проигралъ по вашей милости; но такъ какъ вы мой отецъ, то я вѣнью ее за ваше здоровье и попрошу васъ заплатить.

Прошло съ-тѣхъ-порѣ двѣ недѣли, а Фроассаръ нигдѣ не могъ отыскать своего любезнаго сынка. Въ отчаяніи, не зная что дѣлать, онъ на пятнадцатый день отправился, къ Нёвилеттамъ и извинился, что сыночекъ не пріѣхалъ съ нимъ, прибавивъ, что впрочемъ, онъ, вѣроятно, скоро будетъ. А самъ между-тѣмъ думалъ: — Негодяй гдѣ-нибудь играетъ въ домино. Не удастся мнѣ устроить этой свадьбы!

На этотъ торжественный случай и въ воспоминанье прежнихъ счастливыхъ дней, маркизъ Нёвилеттъ напудрился, маркиза нарядилась, какъ одѣвались при дворѣ Маріи Антоанетты, и старикъ очень безвзвонился о томъ, что подумаетъ объ этомъ бывший публичный обвинитель. Бѣднякъ никакъ не могъ увѣрить себя, что времена ужасовъ прошли и что при Наполеонѣ никто уже не рисковалъ положить голову на плаху за то, что одѣлся по-старинному. Онъ не спускалъ глазъ съ Фроассара, а тотъ, замѣтивъ это, вообразилъ, что маркизъ нашелъ въ его костюмѣ что-нибудь такое, что досталось ему по праву не наслѣдства, а по праву завоеванія, и оба другъ друга боялись. А къ несчастію, на Фроассарѣ дѣйствительно была жабо, кисейный вышитый платокъ и рубашка, которыя до революціи принадлежали Нёвилетту. И между соперниками завязался слѣдующій разговоръ:

— Вы не разсердитесь, любезнѣйшій мосьё Фроассаръ: что я въ такой торжественный день принарядился немножко по-старинному и напудрился? Этого хотѣлось моей женѣ, дочери....

— Э, помилуйте, почтеннѣйшій маркизъ: пудра идетъ къ вамъ какъ-нельзя лучше. Да и за что жъ мнѣ сердиться, когда я самъ сегодня одѣлъ, по ошибкѣ, платокъ, который, можетъ-быть, знакомъ вамъ....

А кончики платка съ вензелемъ маркиза, разстилались по красному жилету Фроассара.

— Не помню.... сказалъ Нёвилеттъ. Это очень мило, хоть бы маркизу.

Онъ узналъ свой галстухъ, подумалъ Фроассаръ: скоро узнаетъ и свою рубашку. А маркизъ со своей стороны ду-

маль: — На пудру онъ не обращаетъ вниманія, но кажется его сердятъ мой придворный кафтанъ и моя шпага.

— Впрочемъ, сказалъ маркизъ, стоить ли сердиться другъ на друга за то, что мы, вспомнивъ старое, одѣлись, какъ одѣвались въ наше время.

— Сердиться за такую бездѣлицу! О, времена, когда это считалось преступленіемъ, прошли.

— Не правда ли, совсѣмъ прошли? сказалъ маркизъ съ радостію, но еще не безъ опасенія.

— По-крайней-мѣрѣ, надобно надѣяться.

Между-тѣмъ Фроассаръ думалъ: «Какъ онъ дорожить своимъ придворнымъ костюмомъ! Онъ всё-еще аристократъ». А маркизъ говорилъ самъ себѣ: «Нарядился въ красный жилетъ: онъ всё-еще революціонеръ».

Пока эта сцена происходила между стариками, Аделина думала вдругъ о двухъ вещахъ, хотя Лейбницъ и утверждаетъ, будто о двухъ вещахъ въ одно время думать нельзя. Она никогда не видала Аристида, не видывала и брачной корзинки, и потому правой стороной мозга думала: — Каковъ-то онъ собою? Будетъ ли онъ любить меня? Понравится ли онъ мнѣ? — А лѣвой: Чтѣ-то будетъ въ свадебной корзинкѣ? Ахъ, если бы жемчужное ожерелье! Сколько нѣтъ перчатокъ кладутъ туда?

Между-тѣмъ время проходило, а мосье Аристидъ всё-еще не являлся. Маркизъ и маркиза удивлялись и начинали сердиться; старикъ Фроассаръ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Вдругъ позвонили.

Лакей принесъ шпатулку изъ сандаловаго дерева, обитую серебромъ. — Отъ мосье Аристида Фроассара, сказалъ онъ.

Свадебная корзина была не корзина: первое нарушеніе прихотливыхъ обычаевъ. Фроассаръ поднялъ крышку и оттуда послышалась прелестная музыка. Не дурно! Но Боже мой, чтѣ это такое? Два билліардныхъ шара! Старикъ побѣдѣлъ. Будетъ и домино, подумалъ Фроассаръ: сгубить онъ меня, окажись!

Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на шары, но вдругъ Аделина схватила ихъ и развернула. Въ одномъ была воаль, вышитая такъ превосходно, и по такому прелестному ри-

суну, что маркиза — а она знала толкъ въ этихъ божествахъ — ахнула отъ удивленія. Въ уголку было вышито крошечными литерами: «Рисовано Аристидомъ Фроассаромъ для маркизель Аделины де-Нёвиллеттъ».

Сердце Аделины радостно забилось.

Въ другомъ шарѣ былъ браслетъ; достойный воали. Цѣпочку его составляли головки удивительной работы, и каждая изъ нихъ была портретомъ какой-нибудь знаменитой въ древности женщины. На сернуарѣ было вырѣзано: «Чеканено Аристидомъ Фроассаромъ для маркизель Аделины де-Нёвиллеттъ».

— Онь чрезвычайно милъ, вскричала Аделина, бросясь въ объятія матери, а та сказала мужу несмотря на то, что тутъ былъ старикъ Фроассаръ: — Онь хоть и нѣтъ простыкъ, а это хоть бы маркизу.

Далѣ въ шарикѣ были обыкновенныя вещи, бриллиантовья убрания, шаль, батистовыя платки, тюловое платье, и прочя, а на самомъ днѣ книжечка, завернутая въ желковую бумагу. Маркиза передала ее тотчасъ Аделинѣ и та прочла на заглавномъ листѣ:

«Тридцать шесть наперобъ дѣлать пуншъ, книга, написанная, написанная и переплетенная Аристидомъ Фроассаромъ, всего въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ подаренъ маркизель Аделинѣ де-Нёвиллеттъ, а другой отданъ на сохраненіе въ Голландскую Аббатство».

Прочіе подарки Аристеда такъ понравились Аделинѣ и ея родителямъ, что этотъ только разсѣялись, а не рассердчались ихъ. Притомъ книжка была прелестна: настоящая тинотрафеевая игрушка. Вообще свадебная корзинка Аристеда чрезвычайно понравилась всѣмъ. Одна только была: отъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещей нестерпиво ведало табакомъ.

Снова раздался звонокъ. Явился Аристедъ Фроассаръ. Послѣ обыкновенныхъ прѣзентовъ, маркиза повела его въ другую комнату, чтобы поговорить съ нимъ наединѣ.

— Вы знаете, мосье Фроассаръ, сказала она: что наша фамилія самого знатнаго происхожденія и играла при прежней монархіи весьма важную роль. Я говорю это не въ обиду Вамъ; а чтобы показать, какъ вы должны уважать

нашу дочь. Она настоящая сокровище. Благодаря ей имени, хотя она впередъ и будетъ носить вашу фамилию, вы можете вступить въ свѣтъ, предоставленный одной знатности и въ который одно ваше богатство, какъ оно ни велико, не доставило бы вамъ доступа. По милости моей дочери вы будете такъ хорошо приняты. Если бы не такія времена, то мы, конечно, выдали бы Аделину не иначе, какъ за дворянина, но несчастное наше положеніе заставляетъ насъ быть скромными и жертвовать нашей славой ея счастію. Вы сдѣлаете ее счастливою, потому что она имѣетъ полное право на это: воспитана она такъ, что хоть бы вы были за принцемъ. Она, конечно, будетъ любить васъ, будетъ обходиться съ вами какъ съ равнымъ, но вы, вѣрно, сами не забудете, что, по рожденію, вы несравненно ниже ея. Не заставляйте ее заниматься хозяйствомъ: это было бы унижительно. Прекрасныя, дворянскія ручки созданы не для того, чтобы исправлять работу слугъ. Любите ее почтительно и тогда мы не будемъ жалѣть, что отдали ее за васъ.

Маркиза перестала говорить. Аристидъ отвѣчалъ:

— А позвольте спросить, маркиза, умѣетъ ли ваша дочь катать чучки?

Маркиза съ гордымъ видомъ встала и вышла изъ комнаты.

Фроассаръ принялся разсуждать. — По всему кажется, говорилъ онъ самъ себѣ, что когда вступаешь въ законный бракъ, то женишься не на женѣ своей, а на тещѣ. Такимъ образомъ, если я женюсь на Аделинѣ, то буду покорнымъ мужемъ ея маменьки. Хорошо! Зато, если жена меня разсердитъ, я примусь за тещу; если я буду несчастливъ съ женою — прогоню тещу. Прекрасно! Если у меня будетъ ребенокъ, кормить его должна теща!

— Не женись, сказалъ онъ заключеніе; всталъ, взялъ шляпу и хотѣлъ уйти, но—дверь была заперта. Маркиза, забывшись, повернула ключъ въ замкъ. Сначала онъ думалъ, что за нимъ скоро придутъ; но прошло полчаса, прошелъ часъ: никто не явился; онъ принялся стучать во всю мочь; но эта комната была далеко отъ другихъ и стукъ его никто не слышалъ. Прошло два часа, было уже

около полуночи: Аристиду надоѣло сидѣть взаперти. Онъ выглянулъ въ окно: внизу былъ садъ, но соскочить нельзя: слишкомъ высоко. Ксчастію, близко окна была труба отъ дождеваго жолуба; онъ спустился по ней на землю, потомъ ввѣлъ на заборъ, соскочилъ на другую сторону и попалъ прямо въ середину ночнаго дозора. Его схватили. — Попался, молодецъ! Мы тебя давно караулили. Въ тюрьму! закричали полицейскіе.

— Ты только воръ? спросилъ унтеръ-офицеръ, командиръ дозора.

— А развѣ этого мало? отвѣчалъ Фроассаръ.

— Ты, можетъ-быть, и убійца. Нѣтъ ли у тебя на платьѣ крови? Есть.

— Это моя кровь. Я повредилъ себѣ руку, спускаясь изъ окна въ садъ.

— Кого ты убилъ?

— Скуку сидѣть два часа взаперти.

— Зачѣмъ ты бѣжалъ?

— Чтобы не жениться на мадмоазель де-Нѣвидеттъ, одной изъ самыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ во всемъ Парижѣ, но у которой, по несчастію, есть мать.

— Онъ прикидывается сумасшедшимъ, замѣтилъ унтеръ-офицеръ. Ведите въ полицію.

Въ полночь, лѣтомъ, Парижъ еще не спитъ; многіе возвращались еще изъ театровъ. Вокругъ дозора собралась толпа зѣвакъ и всѣ толковали. — Онъ такъ и глядитъ какъ торжникомъ! говорилъ одинъ, указывая на Фроассара. — Онъ, вѣрно, кого-нибудь убилъ, сказалъ другой. — Да чуть ли не онъ укралъ у меня вчера часы, прибавилъ третій. — Помилуйте, господа, сказалъ четвертый, вы видите, что онъ въ бѣломъ галстукѣ, въ черномъ фракѣ и въ башмакахъ. Кто же ходитъ въ бальномъ костюмѣ на воровской промышлѣ? Гораздо вѣроятнѣе, что онъ былъ на любовномъ свиданіи. Вотъ тутъ, въ этомъ окнѣ, гдѣ свѣтится лампа, я часто видѣлъ очень хорошенькую женщину. Я здѣсь недалеко живу и часто прохожу. Стоитъ только спросить въ этомъ домѣ, знаютъ ли его тамъ.

Толпа разсудила, что этотъ говоритъ дѣло. Сержантъ согласился съ толпою и повелъ Фроассара въ домъ, отку-

да отъ сѣжалъ.... Маркиза два часа не могла прійти въ себя отъ ужасу послѣ разговора съ Аристидомъ. Наконецъ она сошла въ гостиную и сказала:—Я не хочу, чтобъ дочь моя была за мосьё Фроасс ромъ. Но гдѣ же онъ? Я уже часа два назадъ ушла отъ него....

— Два часа? Да гдѣ же онъ? Сюда онъ не приходилъ.

Пошли отъискивать. Раздался звонокъ. Это сержантъ привелъ Фроассара. За нимъ шла толпа народу.

— Знаете ли вы этого господина? спросилъ сержантъ.

— Знаемъ, отвѣчали маркизъ и маркиза.

— Не укралъ ли у васъ чего-нибудь?

— Отчего вы это спрашиваете?

— Мы думаемъ, что этотъ господинъ у васъ что-нибудь стянулъ. Мы схватили его, когда онъ соскочилъ со стѣны вашего саду.

— Я не знаю, сказала маркиза: что ему вздумалось выскочить въ окно, когда онъ могъ уйти черезъ дверь, но онъ точно былъ здѣсь.

Въ толгѣ послышался смѣхъ.

— У васъ есть дочка? спросилъ сержантъ.

— Есть.

— Молоденькая?

— Что это за вопросы?

— Хорошенькая?

— Я удивляюсь....

— Пустите его, сказалъ сержантъ, обращаясь къ своимъ солдатамъ. Это не воръ.

Въ толгѣ, которая пришла за дозоромъ, начались хохотъ, шутки, обидныя предположенія; эти люди жили, большою частію, по сосѣдству. Сержантъ ушелъ. Маркиза въ отчаяніи воротилась въ гостиную. Аделина была тамъ и все слышала. Аристидъ попалъ въ какое несприятное положеніе поставилъ ее своимъ опрометчивымъ поступкомъ. Онъ подошелъ прямо къ ней и сказалъ:—Послѣ этого вамъ не остается больше ничего дѣлать, какъ выйти за меня.

Теперь маркиза де-Нёвиллеттъ уже и не думала сопротивляться. Черезъ педѣлю женихъ и невѣста, родители ихъ,

родственники родителей и приятели родственниковъ торжественно отправились въ контору мера.

Въ старинномъ, великолѣпномъ домѣ маркиза де-Нёвиллетта, сдѣлавшагося со времени революціи, достояніемъ Каскаре-Фроассара, было на улицу два полукруглыхъ флигеля, или лучше сказать павильона, а между ними ворота. Въ одномъ изъ этихъ павильоновъ жилъ привратникъ, другой занималъ жилецъ, о которомъ даже самъ привратникъ зналъ только то, что его зовутъ Вильярсаль.

Когда свадебный поѣздъ отправился въ контору мера, придверникъ Тюрбо стоялъ у дверей своей квартиры, а жилецъ противоположнаго павильона выглянулъ въ окно. Аделина де-Нёвиллеттъ и ея мать сидѣли въ старинномъ открытомъ ландо, такомъ высокомъ, что жилецъ могъ бы изъ окна дотронуться рукою до головки прекрасной невѣсты. Въ эту минуту глаза ихъ встрѣтились. Аделина была такъ хороша, что Вильярсаль вскрикнулъ отъ удивленія, а она, замѣтивъ это, покраснѣла.

Какъ-скоро кареты повернули за уголъ, молодой жилецъ павильона сбѣжалъ съ лѣстницы и обращаясь къ привратнику спросилъ:

— Скажите, ради Бога, кто это?

— Какъ, вы не знаете? Это нашъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не этотъ....

— А, такъ отецъ нашего хозяина.

— Я не объ немъ васъ спрашиваю.

— А, такъ это мать нашей хозяйки.

— Да я хочу знать кто эта молоденькая дама.

— Молоденькая? А, такъ это наша будущая хозяйка. Теперь она еще надмозель Аделина де-Нёвиллеттъ, а черезъ несколько часовъ будетъ мадамъ Фроассаръ.

— Такъ она выходитъ замужъ?

— Что же тутъ мудренаго? Вѣдь и матушка ваша была замужемъ.

— Спасибо, любезный другъ.

— Ну, теперь опять мѣсяца три его не увидишь, сказалъ привратникъ, когда Вильярсаль ушелъ.

И действительно, этотъ молодой человекъ выходилъ очень рѣдко. Онъ почти непрерывно, день и ночь раба-

галь, а кушанье припослалъ ему изъ сосѣдняго графства, его слуга, маленькій негръ.

Конторы меромъ въ Парижѣ очень не великолѣпны и передъ меромъ, какъ передъ закономъ, всѣ равны: герцоги и простолюдины, богатые и бѣдные, банкиры и ветошники, во ожиданіи мера, сидятъ на простыхъ деревянныхъ лавкахъ, прислонившись къ голой стѣнѣ. Но счастье все украшаетъ. Обыкновенно никто и не замѣчаетъ этой бѣдности убранства. Счастливымъ все кажется прекраснымъ. Тутъ, напримѣръ, никто и не замѣтилъ, что у мера цось красный и раздвоенный какъ у охотничей собаки. Напротивъ, маркизь де-Певилеттъ говорилъ:—Какой почтенный видъ у мера! а маркиза прибавила:—Онъ, вѣрно, какой-нибудь старинный дворянинъ! Адельна охотно бы обняла его, какъ отца. Только на Фроассара онъ произвелъ совсѣмъ другое дѣйствіе.

— Я знаю этого молодца! сказалъ про себя Аристидъ: назустъ знаю! Смерть-подошла онъ мнѣ. Какъ бы онъ не узналъ меня!

Аристидъ попробовалъ-было стать къ нему бокомъ, но невозможно: надо подать руку невестѣ. Онъ думалъ-было притвориться, будто вдругъ заболѣли зубы и закрыть поллица платкомъ: платокъ его остался въ шляпѣ. Дѣлать нечего: онъ потушилъ глаза, какъ школьникъ, когда хотять, чтобы ихъ не замѣтили и подошелъ къ возвышенному креслу, на которомъ сидѣлъ меръ. Тотъ принялъ официальную физиономію и торжественно началъ обыкновенную фразу:

— Дѣти мои, счастливый и священный союзъ, который вы заключаете....

Тутъ меръ поднялъ глаза, узналъ Фроассара и остановился.

— Узналъ, злодѣи! подумалъ Аристидъ.

— Счастливый и священный союзъ, который вы заключаете....

Меръ опять остановился. Вторая остановка была такъ продолжительна, что другія пары, которыя ожидали своей очереди заключить союзъ счастливый и священный, начали

— Счастливыи и священный союзъ, который вы заключаете....

— Да, чортъ возьми! вскричалъ Аристидъ, но такъ, что слышалъ одинъ меръ: изъ того, что вы поставили мнѣ пѣкогда на полторы тысячи сапоговъ и я вамъ не заплатилъ, еще не слѣдуетъ, чтобы вы не должны были вѣнчать меня.

Меръ былъ сапожникъ. Онъ вздохнулъ и проговорилъ скороговоркой, какъ школьникъ, который хочетъ проворѣе отдышаться отъ уроку:

— Счастливыи и священный союзъ, который вы заключаете, возлагаетъ на васъ важныя и пріятныя обязанности. Вы должны любить и поддерживать жену; а вы должны повсюду слѣдовать за своимъ мужемъ. Именемъ закона соединяю васъ.

Аделина, ничего не замѣтивъ, поклонилась. Аристидъ сказалъ меру:

— Пришлите завтра вашъ счетъ. Последняя пара никуда не годилась: товаръ былъ скверный.

Изъ конторы мера повобрачные отправились въ церковь и приняли пасторское благословеніе, оттуда воротились домой, и гости усадились вокругъ стола, уставленнаго серебромъ, хрусталемъ, и свѣчами. Герцогъ Октавій де-Вильярсазль, облокотившись на окно своей комнаты, горестно поглядывалъ на нихъ, сквозь освѣщенныя окна залы и взоры его остановились на Аделинѣ, царицѣ пиршества. Полюбить дѣвушку и притомъ своей первой любовью, въ тотъ самый день когда эта дѣвушка выходитъ замужъ, значитъ начать жизнь сердца бурей. Онъ мучился горестію, отчаяніемъ, ревностію, какъ-будто зналъ и любилъ Аделину съ самаго младенчества и не могъ помѣшать ей кинуться въ объятія другаго. Онъ терзался какъ-будто ему изменили. Если Аделина улыбалась, слушая что вокругъ нея говорили, Октавій сердился: ему было досадно зачѣмъ она улыбается не ему, а другимъ. Ему казалось, что всѣ эти жадныя взгляды, весь этотъ гастрономическій шумъ вокругъ нея, оскверняютъ ея чистое существо. О, если бъ я зналъ се прежде! говорилъ онъ самъ себѣ. Можетъ быть, она бы меня любила! Быть любимымъ

ош! О, какое блаженство! Но теперь она черезъ нѣсколь-
ко часовъ будетъ мадамъ Фроассаръ, женою моего хозяи-
на и будетъ знать меня только по тому, что я исправно
плачу шесть сотъ франковъ за квартиру.

Квартира Вильяреала была убрана съ изящнымъ вку-
сомъ молодого человѣка, образованнаго и богатаго. Мы
уже говорили, что онъ жилъ въ павильонѣ у верэты. Подъ
самымъ окномъ его кабинета пачиналась стѣна, которая
поддерживала терассу сада; тутъ обыкновенно стояли вазы
съ цвѣтами. Но для бѣднаго молодого человѣка это былъ
запрещенный плодъ: жилецъ, платящій шесть сотъ фран-
ковъ за квартиру, не имѣетъ никакого права ходить въ хо-
зяйскій садъ, хоть бы для того только, чтобы полюбовать-
ся цвѣтами, которыхъ у богачей такъ много, но на которые
они и не смотрятъ. Стѣна обгибала полукругомъ часть
двора, примыкала къ главному корпусу и окапчивалась у
балкона спальни Аделины, такъ что она могла прямо
изъ своей комнаты спуститься въ садъ. Но возвратимся
къ пирующимъ.

Изъ трехъ сотъ человѣкъ, сидѣвшихъ за столомъ,
двѣсти были уже пьяны или по-крайней-мѣрѣ пѣ-веселы.
Божанси, которому по расчету медиковъ оставалось
жить только полгода, ѣлъ и пилъ за потерю здоровья;
Ласервоазъ говорилъ всякой вздоръ о скульптурѣ
какому-то толстяку, который, судя по его фзіономіи,
никогда многого не понималъ, а въ концѣ обѣда и того
меньше; Последняя Гитара придирается къ каждому сло-
ву и дѣлалъ изъ него куплеты. Маркиза де-Н влетѣтъ
подтрунивала надъ Фроассаромъ, который на-радостяхъ
также подгулялъ и заставила старика реснубшканца кри-
чать: да здравствуетъ король!

Во Франціи новобрачные обыкновенно уходятъ въ свою
комнату во время танцевъ, такъ что никто этого и не замѣ-
чаетъ. Аристидъ нарушилъ это обыкновеніе: онъ ушелъ
еще во время десерту. Впрочемъ, гости были бѣльшесю
частію въ такомъ положеніи, что не замѣтили этого. Но
несчастный Вильяреаль все видѣлъ. Онъ видѣлъ какъ Аде-
лина встала, какъ Аристидъ украдкой пошелъ за нею,
какъ свѣтъ переходилъ изъ комнаты въ комнату и дѣлѣ тѣ-

ни рисовались на занавѣсахъ, то одного, то другаго окнѣ какъ, наконецъ, свѣтъ и обѣ тѣни остановились въ спальнѣ новобрачныхъ.... Холодъ пробѣжалъ по жиламъ Октавіи и онъ едва не лишился чувствъ. Первою его мыслью было бѣжать, бѣжать изъ дому, изъ Парижа, бѣжать навсегда. Но потомъ онъ остался, хотя страдалъ нестерпиво. Человѣкъ всегда какъ-бы съ удовольствіемъ смотритъ на прощаль, которая открылась подъ его погами, на пламя, которое пожирало домъ его. Черезъ пол-минуты, не больше, одна изъ тѣней, очевидно тѣнь молодого, вдругъ вышла изъ спальни, прошла назадъ по всемъ комнатамъ и снова явилась въ залѣ. Октавій не ошибся: Аристидъ дѣйствительно воротился, но уже не въ прежнемъ костюмѣ, а въ бумажномъ колпакѣ, персидскомъ халатѣ и бархатныхъ туфляхъ. Маркиза де-Невлеттъ всплеснула руками отъ ужасу:—Что это значитъ? Гдѣ же дочь моя? вскричала она.

— Въ постели, отвѣчалъ хладнокровно Аристидъ. Потомъ взялъ кресла, выдвинулъ ихъ на середину комнаты, и сѣлъ, собираясь говорить.

— Я открылъ, сказалъ онъ, что такое любовь....

Дѣвушки покраснѣли, услышавъ, что человѣкъ въ шляпкѣ говоритъ о такомъ щекотливомъ предметѣ; вдовушки улыбнулись.

— Негодяй, сказала вполголоса маркиза.....

— Рельефно, удивительно рельефно! вскричалъ Ласервоузъ.

— Я открылъ что такое любовь, съ важностію продолжалъ Аристидъ. Знаете ли что это такое? Страшное любопытство; больше ничего. Если бы женщины закрывали носъ, намъ бы страхъ хотѣлось видѣть ихъ носъ, мы бы изъяснились въ любви къ ихъ носу, мы бы со слезами вымаливали позволеніе поцѣловать кончикъ ихъ носу. И все только по тому, что онѣ пряталъ бы носъ. Ясно, что мы любимъ въ женскихъ только то, что онѣ скрываютъ отъ нашего любопытства. Поэтому любовь есть не что иное какъ неопредѣленное, безпредѣльное любопытство.—Но вотъ почему я говорю вамъ это въ персидскомъ халатѣ, въ бумажномъ колпакѣ и въ бархатныхъ туфляхъ.

Если мнѣ суждено быть тѣмъ, чѣмъ былъ дожъ Корнаро....

— Негодяй! сказала маркиза, уже по-громче.

— Если такова судьба моя, то подвергнуть меня этой участи можетъ только одинъ изъ васъ, друзья мои. Здѣсь всѣ, съ которыми я, по всей вѣроятности, проведу всю жизнь, или по-крайней-мѣрѣ всю свою молодость. — Слѣдственно, если мнѣ суждено испытать участь Марино Фалиеро, то будущій счастливый обожатель жены моей — между вами.

— Удивительно рельефно! сказалъ Ласервоазъ.

— Негодяй! закричала маркиза де-Нѣвилеттъ. Вы знакій человекъ, неучъ, мужикъ, однимъ словомъ, Фроассаръ, когда вы осмѣливаетесь при людяхъ говорить такія мерзости о женѣ своей. — Маркизь, накажите этого мерзавца!

Маркизь спалъ.

— Маленька-голубушка, ваша рѣчь впереди: я еще не кончалъ, сказалъ Аристидъ. — Чтобы избавиться отъ этой неприятности, продолжалъ онъ съ важнымъ видомъ: я думаю, всего лучше будетъ удовлетворить ваше любопытство. Поэтому я покажу вамъ жену, точнѣе говоря, какъ если бы она была Діана или Юнона.... Она довольно хороша для этого.... Поидемте, господа.

Фроассаръ всталъ, взялъ подсвѣчникъ и хотѣлъ уже идти; но маркиза де-Нѣвилеттъ пустила ему другой подсвѣчникъ въ голову. Тутъ съ обѣихъ сторонъ посыпались брань и ругательства отъ тѣщи на зятя, отъ зятя на тѣщу. Гости, чтобы не присутствовать при этой фамильной сценѣ, убрались одинъ за другимъ, не дожидаясь даже бала. Старикъ Фроассаръ ушелъ изъ церквы, сказавъ про себя: — Поведеніе Аристида еще болѣе убѣждаетъ меня въ необходимости воспитанія національнаго и глубоко религіознаго.

Какъ-скоро всѣ разошлись, Аристидъ кликнулъ человека и сказалъ: — Подай холодной говядины, и трубокъ.

Октавій съ удивленіемъ увидѣлъ, что гости разбѣжались, а потомъ слуги поставили на столъ огромный кусокъ говядины, и тарелки съ табакомъ и трубками. Вокругъ стола сидѣли только Аристидъ, Ласервоазъ, Бо-

жанси и Последняя Гитара. Вильярреалу совсѣмъ не хотѣлось спать и потому онъ рѣшился остаться у окна до конца этой сцены. Пробылъ часъ, пробыло два часа, а пріятели всѣ-еще играли въ карты, пили лкеры и курили. А между тѣмъ ночная лампа всё озарила окно спальни своимъ слабымъ свѣтомъ. Неужели она одна тамъ, и что она думаетъ о поведеніи мужа? говорилъ самъ себѣ Октавій. Ее, вѣрно, обманули! Невозможно, чтобы дѣвушка такая прекрасная, такая благородная, добровольно рѣшилась провести всю жизнь съ распутнымъ негодяемъ, который въ первую ночь послѣ свадьбы играетъ въ карты и пьетъ. Бѣдняжка! Она, вѣрно, жертва бѣдности своихъ родителей. Но не лучше ли всю жизнь терпѣть бѣдность, чѣмъ быть принужденной прикасаться своими губками къ губамъ негодяя, отъ котораго несетъ табакомъ и водкой. Что можетъ сравниться съ этимъ мученіемъ? А она такъ прекрасна! На лицѣ ея написано благородство знатнаго происхожденія, фззіономія ея дышетъ неспорочностію дѣвушки воспитанной нѣжпыми и попечительными родителями. Это, вѣрно, одна изъ тѣхъ ужасныхъ браковъ, или лучше сказать гнусныхъ торговъ, которыхъ такъ много бываетъ въ Парижѣ. А я бы служилъ ей на колѣняхъ, уважалъ бы, боготворилъ, обожалъ ее! Несчастный, съ которымъ ее соединили, какъ-будто считасть себя недостойнымъ обладать ею. Но можетъ-быть, скоро онъ вспомнить объ ней.... О, это ужасно! Нѣтъ, нѣтъ, эта женщина создана не для него. Онъ ее купилъ, укралъ, отнял у меня...

Разсуждая такимъ образомъ, Вильярреаль дотога разгорячилъ свое воображеніе, что самъ почти не зная что дѣлаетъ, вылезъ изъ окна на стѣну сада и, подвергаясь опасности сломить себѣ шею, дошелъ по стѣнѣ до балкона спальни Аделины.

Дверь была заперта, но какъ-скоро онъ дотронулся до замка, изнутри отперли и кто-то сказалъ: «Я думала, что вы прійдете съ той стороны.» Увидѣвъ, что это не мужъ, Аделина вскрикнула и поблѣднѣла какъ смерть.

— Боже мой! Что это!

— Успокойтесь, ради Бога успокойтесь.... я сейчасъ вамъ скажу....

— Кто вы? Чего вы хотите? Чтò вамъ пужно?

Говоря эти отрывистыя слова, Аделина закутывалась въ свой пеньюаръ: ей было холодно.

— Но говорите же, кто вы? Зачѣмъ вы пришли?

— Я видѣлъ васъ сегодня въ первый разъ, когда вы вѣхали въ церковь.... Я живу здѣсь, въ павильонѣ вашего дому.... Вы возвратились.... Я всё смотрѣлъ на васъ черезъ окно.... Я съ ума сошелъ.... Я видѣлъ, какъ гости ваши въ испугѣ разбѣжались.... вы остались одни въ своей комнатѣ.... вашъ мужъ играетъ въ карты.... Я ужъ говорилъ вамъ, что я съ ума сошелъ.... О, да! Я люблю васъ....

Разстроенное лицо Октавіа еще яснѣе словъ выражало состояніе души его.

Никогда еще женщина не бывала въ такомъ странномъ положеніи: слышать объясненіе въ любви, въ первую ночь послѣ свадьбы, въ двухъ шагахъ отъ мужа, когда онъ каждую минуту могъ прійти! Аделина отъ страху не могла выговорить ни слова и черныя прекрасныя глаза ея, выражавшіе ужасъ, безпреставно переходили съ блѣднаго лица Октавіа на дверь, черезъ которую могъ войти Аристидъ.

— Знаю, я много виноватъ передъ вами, говорилъ Октавіи прерывающимся голосомъ: но вы можете тотчасъ наказать меня: вскрикните, позвоните и я въ ту же минуту буду окруженъ, схваченъ, можетъ-быть, убитъ вашимъ мужемъ и его пріятелями. Я это знаю.... но я люблю васъ. Пусть они придутъ; я не стану защищаться.

— Но чего же вы хотите отъ меня?....

— Ничего.... я не знаю даже какимъ образомъ здѣсь очутился, какъ я сюда попалъ.....

— Такъ уйдите же, ради Бога.... вы, вѣрно, не захотите, чтобы я умерла со стыда?.... Чтò онъ подумаетъ, если теперь вдругъ взойдетъ?....

— Да, да, я уйду. .. это было бы ужасно, если бъ онъ вдругъ взошелъ.... О, зачѣмъ вы не меня ждете!

Онъ стоялъ у дверей въ садъ и, вѣрно, въ душѣ намѣревался исполнить просьбу Аделины, но вмѣсто-того машинально сдѣлавъ два шага впередъ, схватилъ на креслахъ

свадебное платье Аделины, прижималъ его къ груди, къ губамъ и плакалъ.

Страсть—огонь: она вся вокругъ себя зажигаетъ. Аделина уже не сердилась на Октавія; ей жаль было его. Она всё-еще съ ужасомъ поглядывала на дверь, но потомъ кротко смотрѣла на того, который говорилъ съ нею такъ, какъ до того никто еще не говорилъ, смотрѣла на нея такъ, какъ никто еще до того не смотрѣлъ.

— Еще разъ прошу васъ, сказала она съ невыразимою кротостію: уйдите, ради Бога, уйдите!....

— Уйду, но скажите мнѣ, что вы меня прощаете....

— Да, да.... только ступайте по-скорѣе!

— Прощайте.... и навсегда. Я въ эту же ночь выйду изъ дому.... изъ Парижа.

Октавій закрылъ лицо обѣими руками и слезы его текли изъ-подъ пальцевъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ сказалъ съ спокойствіемъ отчаянія:— Меня зовутъ герцогомъ Вильяреалемъ; если вы когда-нибудь вспомните объ этомъ имени, то по-крайней-мѣрѣ оно не будетъ пятномъ въ нашемъ воспоминаніи. Прощайте! Прощайте.

Октавій упалъ на колѣна и судорожно прижался губами къ подушкѣ, на которой стояли попки Аделины.

— Идутъ! вскричала Аделина: это мужъ мой! Бѣгите, ради Бога, бѣгите!

Въ испугѣ она нагнулась къ нему и лобъ ея встрѣтился съ губами Вильяреала. Опъ застоналъ.

Дверь отворилась и вошелъ Аристидъ.... Вильяреала уже не было.

— Двѣнадцать трубокъ! сказалъ Аристидъ входя и выколачивая трубку о мраморъ каминна: двѣнадцать трубокъ въ первую ночь свадьбы! Не дурно. А что, не прикорнуть ли намъ, моя милая? прибавилъ опъ, ударивъ Аделину по плечу и потягиваясь.... Мнѣ что-то спать хочется.... А тебѣ?

Въ эту минуту послышался стукъ воротъ, которыя затворились, разбудивъ эхо во всѣхъ углахъ двора.

— Кто бы это могъ тебѣ выѣхать? сказалъ Аристидъ: Божевыи. Дасеріоазъ. Носльгидд Гитара ситъ полъ.

столомъ. А впрочемъ намъ какал надобность! Покойной ночи всему свѣту.

Онъ задулъ лампу.

— Въ контору дилижансовъ, сказалъ Октавій де-Вильяреаль кучеру кабриолета, въ который сѣлъ на ближней площади.

На другой день въ двѣнадцать часовъ, по старинному обычаю, вся домашняя прислуга введена была въ спальню молодой, которая сидѣла между мужемъ, матерью и отцомъ. Каждый изъ людей поздравлялъ барыню и подносилъ ей букетъ. Когда очередь дошла до Тюрбо, важнѣйшаго изъ этихъ посѣтителей, онъ сказалъ:

— Я, сударыня, привратникъ и надѣюсь, что ни разу не запоздаю отворить ворота, когда вы изволите прѣхать домой ночью.

— Кстати, Тюрбо, сказалъ Аристидъ: кто это уходилъ ночью часа въ три? Мнѣ послышалось, что ворота затворились.

— Точно такъ; это ушелъ молодой жилецъ, который занимается у насъ павильонъ. Тогда точно было часа три. Только онъ не ушелъ, а, видно, уѣхалъ совсѣмъ, потому что послѣ я нашелъ у себя на столѣ подлѣ форточки, которая всегда отворена, полтораста франковъ за три мѣсяца, и сорокъ франковъ мнѣ.

Аделина слушала внимательно и только тутъ увѣрилась, что все бывшее съ нею ночью, не сонъ.

— Жалко его, продолжалъ придверникъ: квартера-то, правду сказать, небольшая, да жилецъ славный. Ума не приложу, что съ нимъ это случилось. Ничего не сказалъ мнѣ; да и мебели тутъ. А видно, онъ не воротится. Прикажете отдавать квартиру?

— Ты съ ума сошелъ, сказалъ Фроассаръ: вѣдь онъ не отказался отъ квартиры, такъ она за нимъ. Не правда ли, Аделина?

— Я не знаю, право.... какъ это дѣлается.... но я то же думаю.... лучше подождать.

— Кто жь этотъ жилецъ? спросила маркиза де-Невилеттъ. Ты говоришь, молодой человекъ? Вѣрно, какой-нибудь бѣднякъ, который разорился на биржѣ?

— О, онъ прекрасный молодой человекъ, отвѣчала мадамъ Тюрбб, жена придверника; тихой, смиренный, учтивый, да такой хорошенькой! Въ полгода онъ, кажется, ни разу не приходилъ домой позже одиннадцати часовъ. И онъ совсѣмъ не бѣденъ: у него весь сервизъ серебряный. О, мослѣ Вильярсаль, напротивъ, очень богатый человекъ.

— Вильярсаль! вскричала маркиза: да это одна изъ самыхъ знатныхъ фамилій въ Португаліи. Жаль, что мы съ нимъ не познакомились.

— Спасибо тебѣ, любезный другъ, за букетъ и твои желанія, береги насъ хорошеенько, сказала Аделина, которую этотъ разговоръ очень интересовалъ и вмѣстѣ приводилъ въ смущеніе.

Придверникъ и жена его раскланялись и хотѣли уйти, но садовникъ, которому, видно, наскучило молчать, оставилъ ихъ.

— Нечего сказать, хорошо ты бережешь домъ, Тюрбб: по почамъ у меня дернъ мнутъ и вазы разбиваютъ.

— Чтò ты это городишь? Чтò у тебя такое случилось?

— Да вотъ недалеже какъ нынче почью, воръ прошелъ по всей стѣнѣ, до самой спальни барыни: слѣды и теперь еще видны — да опрокинулъ и разбилъ вазу.

— Голову даю на отсѣченье, что ночью никто не входилъ къ намъ! вскричалъ Тюрбб.

— Да чтò мнѣ въ твоей головѣ-то; будь она луковица, такъ не чтò, пригодилась бы.

— Вѣрно, кто-нибудь изъ гостей гулялъ по саду, сказалъ Фроассаръ. Полноте объ этомъ толковать.

— Такъ, видно, онъ какъ-нибудь поранилъ себя: тамъ гдѣ разбита ваза, на землѣ много крови.

— Хорошо, хорошо, прощайте, сказалъ Аристидъ, которому этотъ продолжительный приемъ надоѣлъ.

Слуги разошлись, Аделина отдохнула. Она была блѣдна какъ смерть.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ чужакъ Аристидъ передѣлалъ свой домъ и превратилъ его изъ барскаго прекраснаго дома въ ресторацію. Столовая была убрана по образцу какой-то кофейной; въ большой гостиной поставлены были

белліаръ. Надъ дверями всѣхъ комнатъ написано: Здѣсь можно курить. И какую жизнь онъ повелъ!

— Милая моя, сказалъ онъ Аделинѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы: «весна моеї жизни» какъ говорятъ поэты, была ужасно несносна: я во всемъ пужался; и теперь намѣренъ вознаградить себя за прежнія лишенія. Хочешь ли ты повеселиться вмѣстѣ со мною? Если бѣ я былъ артистъ, обо мнѣ бы говорили: — Онъ мечтатель, думаетъ только о своемъ искусствѣ, а о бѣдной женѣ и не заботится. Будь я купецъ, добрые люди твердили бы: — Бѣдняжка! Мужу только бы наживать деньги, а отъ жены доходу нѣтъ, такъ онъ объ пей и не думаетъ. Но, благодаря Бога, занятій у меня никакихъ нѣтъ, а удовольствія я люблю всѣ до одного. Хочешь со мною веселиться? — я очень радъ; не хочешь, такъ живи себѣ какъ знаешь.

Кроткая Аделина ему не протпворѣчила и онъ устроилъ все по-своему; одинъ день у нихъ былъ обѣдъ, на другой вечеръ. Съ пяти часовъ пополудни и до трехъ утра у нихъ всегда были гости. Весельчакъ принуждалъ своего бѣднаго тестя и свою бранчивую тѣщу, сидѣть за столомъ по пяти часовъ сряду и пить на-пропалую; за десертомъ онъ заставлялъ старика Нѣвилетта пѣть куплеты, а старухѣ надѣвалъ по-тихонько на голову цвѣточныя вѣнки. Свобода въ домѣ царствовала такая, что наконецъ однажды Аделина сказала ему:

— Мнѣ надобно поговорить съ тобою, Аристидъ.

— Поговоримъ, моя милая.

— Мы ведемъ такую жизнь.....

— Постой, дай мнѣ закурить сигару: ты, можеть-быть, долго будешь говорить.

— Мы ведемъ такую жизнь, повторила Аделина....

— А кому до этого какая надобность?

— Эти ежедневные обѣды.....

— А развѣ они не хороши? Поварь у насъ, кажется, прекрасный.

— Эти вечера.....

— Да будто у насъ не весело? Музыка, танцы, ужинъ....

— Да я те то хотѣла сказать. Ты меня не понимаешь.

— Не понимаю.

— Эти молодые люди, которые всегда у нас быва-
ютъ.....

— Все такіе же весельчаки какъ я.

— Они иногда..... позволяютъ себѣ.....

— Разбить стулъ, зеркало? Это не бѣда,

— Иногда они мнѣ говорятъ такія вещи.....

— Смѣйся надъ ними, моя милая, или притворишься буд-
то не слышишь.

— Иные даже признавались мнѣ въ любви....

— Право?

— И это тебя не удивляетъ? ...

— Удивляло бы, если бъ ты не была такая хорошенькая,
а теперь нисколько.

— Одинъ даже былъ такъ дерзокъ, что написалъ ко
мнѣ и просилъ свиданія....

— Не говори мнѣ кто это, ради Бога не говори: мнѣ
хочется угадать.

— Помилуй, да ты почти радъ этому?

— Радъ какъ-нельзя больше.

Аделина покраснѣла и опустила голову.

— Милая ты моя, да мнѣ этого-то и хотѣлось: мнѣ
всегда хотѣлось жены, которая бы тревожила меня какъ
любовника, не давала бы мнѣ задремать въ тяжеломъ,
снотворномъ блаженствѣ законнаго супружества. Теперь я
буду присматривать, угадывать. Да притомъ отъ этого за
мною больше стануть ухаживать. Одинъ влюбился, такъ
влюбятся и десять и все они будутъ притворяться моими
друзьями, а мнѣ то и на руку....

— А если въ свѣтъ стануть говорить, что у меня есть
любовникъ? сказала Аделина поднимая голову.

— Э, ты еще не знаешь свѣта: онъ гораздо щедрѣе. Ста-
нуть говорить, что у тебя десять любовниковъ.

— Но мое доброе имя, твое....

Аристинъ вынулъ изъ рта сигару, принялся дѣловато
объ руки жены и потомъ сказалъ: — Лишь бы только ты
меня одного любила, а мнѣніемъ свѣта я дорожу столько
же какъ табачнымъ пепломъ.

— Это ужасно, подумала Аделина, и девочке вспоми-

да, что Октавій Вильярсаль совсѣмъ не такъ говорилъ съ нею въ первую ночь брака: въ словахъ того была страсть, нѣжность, обожаніе, которое ставитъ предметъ своего поклоненія выше всего на свѣтѣ.

Октавій де-Вильярсаль не возвращался съ-тѣхъ-поръ какъ уѣхалъ въ первую ночь свадьбы Аделины; но за нѣсколько дней до срока онъ прислалъ деньги за квартиру еще за три мѣсяца впередъ и сверхъ-того сорокъ франковъ придвернику Тюрбѣ. Этотъ великодушный поступокъ сдѣлался предметомъ разговоровъ всей дворни и, наконецъ, дошелъ до ушей Аделины.

Однажды, когда она сидѣла утромъ у камина и читала, Тюрбѣ пришелъ сказать, что ночью сорвало вѣтромъ много черепицъ и что надобно поправить кровлю. Аделина велѣла послать за кровельщиками и Тюрбѣ, пользуясь случаемъ, сталъ жаловаться, что вообще весь домъ въ большомъ запустѣніи, что никто за нимъ не смотритъ, никто о немъ не заботится. Это былъ одинъ изъ многочисленныхъ недостатковъ Фроассара: лѣность, безпечность.

— Чтѣ дѣлать, сказала Аделина: мужу некогда объ этомъ позаботиться; онъ полагается на батюшку, на меня.....

— Такъ негодно ли вамъ, сударыня, пройтись со мною по дому и посмотреть что надобно поправить?

Принявъ на себя порученіе, котораго Аристидъ никогда не давалъ ей, Аделина принуждена была идти хозяйничать. Она все осмотрѣла и восхищала старика Тюрбѣ своей распорядительностью.

— Не забыли ли мы чего? спросила она наконецъ.

— Кажется ничего, сударыня.

— Ты, кажется, говорилъ, что въ павильонѣ тоже что-то испорчено.

— Ахъ, да, въ павильонѣ, гдѣ жилъ герцогъ Вильярсаль. Вотъ прекрасный молодой человѣкъ, сударыня! Счастливая будетъ дѣвушка, которая за него выйдетъ! Красавчикъ, умница, богачъ, да такой тихій, порядочный. Надобно только посмотреть его квартиру. Тамъ тоже, сударыня, всѣ черепицы снесены.

— Да, можетъ-быть, и стекла разбиты.

— Ахъ, да, можетъ-статься; я и не посмотрѣлъ, а вѣдь этакъ дождикъ можетъ испортить его прекрасныя ковры и мебели. Словко вамъ черезъ дворъ идти, а то бы я попросилъ васъ сходить туда, чтобы распорядиться о починкахъ.

— Ничего, я пойду, отвѣчала Аделина. Хозяева должны заботиться о жильцахъ.

Она накинула на плеча шаль и на цыпочкахъ прошла черезъ дверь.— Вотъ ужъ хозяйка, такъ хозяйка, не то что муженскъ, думалъ Тюрбб, пня за нею.

Сердце Аделины сильно забилося, когда она вошла въ квартиру Вильяреала, богатую, прекрасную, гдѣ все было запечатлѣно самымъ изящнымъ вкусомъ, дышало тишиною и порядкомъ. Этотъ хозяйственный смотръ оставилъ въ душѣ ея чувство печальное.

Однажды вечеромъ, когда пріятеля Аристида разошлись, онъ сидѣлъ за столомъ, допивалъ пуншу и отъ нечего дѣлать принялся разсуждать о неровности распредѣленій богатствъ и о другихъ важныхъ предметахъ. Пуншу оставалось уже немного: идеи Фроасгара свивались, развивались, перепутывались и разрѣшились слѣдующимъ заключеніемъ: что въ нынѣшнемъ положеніи Франціи бѣдвяку не остается ничего кромѣ надежды, что единственную надежду на обогащеніе представляли ему игорныя дома, что палата децутатовъ очень дурно сдѣлала; запретить игорныя дома и что, слѣдственно, для общей пользы бѣдныхъ людей, и сверхъ-того своею собственною, всего лучше открыть у себя тайный игорный домъ. Съ этой идеей заснулъ онъ на столѣ подлѣ доптой чашки пуншу, съ нею же на другой день и проснулся. Не любя откладывать дѣла въ долгій ящикъ, онъ тотчасъ собралъ семейный совѣтъ, состоявшій изъ жены его, тестя и тещи, и открылъ засѣданіе слѣдующими словами:

— Здѣсь играютъ!

— Это чтъ значитъ? спросила маркиза.

Аделина вздохнула: она догадалась, что мужъ придумалъ какую-нибудь новую шалость.

— Здѣсь играютъ въ рулетку, продолжалъ Аристидъ. Вы знаете, или не знаете, что публичныя игорныя дома,

во распоряженію правительства, закрыты. Мой домъ завтра же открывается для гонимыхъ игроковъ.

— Такъ вашъ домъ будетъ разбойничьимъ гнѣздомъ?

— Разбойничать здѣсь никто не станетъ, маменька-голубушка, а будутъ забавляться, обогащая насъ. Результаты гѣрны; поговоримъ о средствахъ исполненія. Мнѣ нужна ваша помощь, а главное твоя, Аделина.

— Чтобъ мы стали помогать вамъ въ такой мерзости! вскричала маркиза. И ты слушаешь все это хладнокровно! продолжала она, обращаясь къ мужу.

Маркизь безъ причины никогда не сердился, да не всегда сердился, когда и была причина. Притомъ онъ со-всѣмъ не ненавидѣлъ своего негодля-зятя: онъ самъ былъ вѣкогда молодъ.—Позволь, моя милая, сказалъ онъ: прежде всего надобно хорошенько узнать что такое задумалъ Аристидъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, сказалъ Фроассаръ. Закрывъ публичные игорные дома, правительство лишилось осьми или десяти милліоновъ франковъ въ годъ. Мы подберемъ эти милліоны, которые оно такъ безразсудно бросаетъ. Нѣтъ ничего легче. Рулетка, четыре банкира, въ томъ числѣ мы съ вами, маркизь, вотъ и всё-тутъ. Когда правительство объ этомъ узнаетъ, мы будемъ уже милліонщиками.

— Маркизь будетъ банкиромъ рулетки! Да и ему прежде глаза выпарапаю! вскричала маркиза.

— Да и вы будете банкиршей, маменька-голубушка, въ дамской залѣ.

— Я! Я! Я! Нѣтъ, это уже слишкомъ! Пойдемъ, Аделина. Маркизь, возьми мою муфту и иди за нами.

Фроассаръ остановилъ Аделину. Она была въ отчаяніи отъ этой домашней сцены.

— Перестань, Аристидъ, брось эти затѣи, сказала она: ты видишь, матушка не хочетъ.

Маркиза однако жъ воротилась.—Какую же роль назначете вы ей въ этой гнусной комедіи? сказала она, указывая на Аделину.

— Роль хорошенькой женщины.

— Это что значитъ?

Т. LXIV. — Отд. II.

— Когда вы были молоды, мамейна-голубушка, даво уже....

— Да, вашъ отецъ содержалъ тогда трактиръ.

— Извините, ресторацію.

— Харчевню.

— Ресторацию. Когда вы были молоды, маменька, и васъ старались выдать замужъ, развѣ васъ не показывали молодымъ людямъ въ возможно-лучшемъ видѣ? Развѣ не выставляли пѣ на-показъ вашихъ плечиковъ, вашихъ ручекъ, вашихъ ножекъ? Развѣ васъ не заставляли пѣть и плясать для нихъ?

— Да вѣдь женѣ вашей не замужъ выходить.

— Нѣтъ, но для чего родители ваши выставляли васъ такимъ образомъ? Для общей, вашей и ихъ, пользы. И я тоже хочу, чтобы для общей пользы жена моя своей красотой, умомъ, любезностью, привлекала сюда игроковъ, которые должны омплюионить насъ.

— Ужась! Ужась! вскричала маркиза: онъ хочетъ торговать женою!

Она бросилась обнимать дочь и обѣ плакала.

— Я терпѣть не могу трагедій, сказалъ Фроассаръ. Вы теперь точно Клеменстра и Ифигенія. Ну, пожалуй, я буду Агемемнономъ, и воля моя должна исполниться. Что вы тутъ вздоръ толкуете! Я хочу только сдѣлать изъ жены прекрасную картину, полезное украшеніе для моего дому. Вотъ и все. Тутъ нѣтъ ничего постыднаго..... Я готовлю вамъ всемъ и богатства и удовольствія, а вы хотите побить меня каменіемъ! Не слушайся матери, продолжалъ онъ трепая Аделинну по щекамъ: я забочусь только о твоёмъ счастьи. Я буду одѣвать тебя какъ куколку; всякой день будетъ причесывать тебя парикмахеръ; всякую недѣлю будетъ у насъ великолѣпный балъ. Я уже купилъ тебѣ двадцать прекраснѣйшихъ матерій на платья, а завтра принесутъ тебѣ четыре полныхъ брилліантовыхъ украшеній.

— Это стыдъ, срамъ, кричала маркиза; я не хочу ни минуты дольше оставаться въ этомъ разбойничьемъ вертепѣ..... я буду жамоваться министрамъ, государю.....

— Принуждать васъ я не намѣренъ, отвѣчалъ Аристидъ

съ величайшимъ хладнопробіемъ: не хотѣте жить въ счастіи и довольствіи, такъ развѣдемся полюбовно, и дѣлю кончено; наймите опять себѣ коминтку въ пятомъ этажѣ и возвратитесь къ благородной нищетѣ своей. Аделина, вѣрно собою разуживается, останется со мною.

Чтобы устроить игорный домъ на большую ногу, купить новую мебель, удвоить число слугъ, устроить ихъ жалованье и вести роскошную жизнь не-крайней-мѣрѣ полгода, до-тѣхъ-поръ пока будутъ барышни, если только они когда-нибудь будутъ — Аристидъ принужденъ былъ занять сто десять тысячъ франковъ, но за такіе проценты, что къ сроку отдачи сума выросла до полутораста тысячъ. Онъ забылъ только одно, впрочемъ довольно важное обстоятельство: чтобы выигрывать у другихъ, держать банкъ, надобно самому имѣть много денегъ.

Чтобы пополюнить этотъ недостатокъ, онъ снова обратился къ почтенному своему родителю и послалъ ему еще отрывокъ изъ своего творенія, который начинался слѣдующими словами:

ЗАПИСКИ ОТЦА МОЕГО, БЫВШАГО ПУБЛИЧНЫМЪ ОБВИНИТЕЛЕМЪ
ВЪ 1793 ГОДУ.

«Первыми жертвами отца моего въ двенадцато-третьемъ году были графъ ... и все его семейство, которыхъ бнѣ, безъ всякой вины съ ихъ стороны, отправили сначала въ тюрьму, а потомъ за шассетъ»....

— Хорошо, прибавлять старикъ Фроассаръ и вынулъ изъ портфеля сорокъ тысячныхъ билетовъ французскаго банка.

Съ времени послѣднаго своего разговору съ Аристидомъ, маркиза и маркиза Н. вилеттъ не покидали своей Аделины, а между-тѣмъ Фроассаръ устраивалъ дѣла свои и женился, давъ первую дочь. Въ девять часовъ вечера она прекраснаго дому открывалась пѣстожи, кареты; одна за другою стали подѣзжать къ крыльцу. Въ залѣ безпрерывно раздавался голосъ жакоа, который докладывалъ: Маркиза и маркиза де-Кабестеръ! графъ и графиня де-Фремаданъ! баронъ Гауль-Миллеръ! фонъ Миллеръ! Гауль-баронесса де-Радиккофанд!

При этихъ громкихъ именахъ, маркиза де-Нёвиллеттъ подняла голову и сказала:

— Господи, Боже мой, послушай маркизь: да вѣдь это всё знатные люди.

Первый вечеръ былъ великолѣпнѣе; второй еще богаче; только кто-то въ разсѣянности унесъ серебряный подвѣчникъ. Но это не бѣда. Третій вечеръ принесъ Фроассару десять тысячъ барыша. Въ четвертый случилось непріятное происшествіе: у принца Лагорскаго нашли въ карманѣ фальшивыя карты. Въ пятнадцатый вечеръ Фроассаръ получилъ триста сорокъ пять тысячъ франковъ.

Какъ добрый малой, онъ не забывалъ друзей и въ счастья....—Докторѣ говорятъ, что ты можешь прожить еще съ полгода, а денегъ останется у тебя только на три мѣсяца, сказалъ онъ пріятелю своему, Божансі:—перѣѣжай ко мнѣ, наслаждайся всѣми возможными удовольствіями, такъ, можеть, умрешь и черезъ два мѣсяца.

Послѣдней Гитарѣ онъ далъ денегъ на напечатаніе его музыкальныхъ твореній и Парижъ былъ въ нѣсколько дней наводненъ романсами и ноктюрнами съ акомпаниментомъ гитары. Но какъ это не продавалось, то Фроассаръ скупилъ всѣ экземпляры, и восхищенный музыкантъ сдѣлалъ второе изданіе.

Ласервоазу онъ заказалъ надгробный памятникъ отцу своему, хотя тотъ былъ еще живъ, и далъ ему за просекъ десять тысячъ франковъ. Аделина, маркизь и маркиза Нёвиллеттъ, разумѣется, плавали въ роскоши. Но

На счастье прочно

Всякъ надежду кинь,

говорила одна пѣсня и справедливость этой аксіомы оправдалась на Фроассарѣ. Второй мѣсяцъ былъ уже не таковъ, какъ первый. Въ первыя двѣ недѣли Фроассаръ проигралъ осемьдесятъ тысячъ и у него украли тридцать три серебряныхъ прибора. Въ другія двѣ недѣли онъ проигралъ еще сто тридцать тысячъ. Наконецъ однажды вечеромъ, передъ нимъ лежали грудой деньги, вырученныя утромъ за женнины брилліанты и шестьдесятъ тысячъ выигранныхъ и онъ начиналъ уже надѣяться, что вознаградитъ всѣ свои потери. Вдругъ въ комнатахъ поднялись

тревога; многіе бросились отъ столовъ къ окнамъ, какъ-будто совсѣмъ и не играли; другіе принялись кидать въ каминъ карты; иные съ быстротою молніи схватили деньги свои и чужія, какія попались: эти со страху грабили. Причиною всей этой суматохи было то, что въ комнаты вошли прокуроръ, съ префектомъ полиціи и нѣсколькими полицейскими комиссарами, а у всѣхъ дверей были разставлены часовые.

Деньги, оставшіяся на столѣ, въ томъ числѣ и шестьдесятъ тысячъ составляшіе банкъ, были конфискованы; нѣкоторые игроки были тотчасъ взяты подъ стражу и Фроассаръ, Аделина, маркизъ и маркиза Нёвилеттъ, какъ содержатели потаеннаго игорнаго дому, были бы отведены въ тюрьму, если бъ не явился избавитель, — герцогъ де-Вильяреаль. Онъ объявилъ свое имя и взялъ обвиненныхъ на поруки.

— Такъ это все были воры и мошенники! сказала маркиза Аристиду, когда всѣ они немного успокоились послѣ тревоги. Вы заставили меня принимать мошенниковъ, вы сдѣлали маркиза де-Нёвилеттъ банкометомъ мошенниковъ, а дочь мою царицею дому, въ которомъ собирались одни мошенники! Да что же вы-то послѣ этого....

— Признайтесь, однако жъ, маменька-голубушка, что въ эти два мѣсяца вы повеселились какъ-нельзя лучше...

— Да развѣ я знала, что это всё воры и мошенники?

— Да вѣдь и я не зналъ навѣрное. Впрочемъ надобно признаться, что въ наше время только между этими людьми и найдешь веселость и остроуміе. Въ высшихъ обществахъ только о политикѣ; въ книгахъ видишь только усилія и ображенія, часто безплоднаго и слогъ, часто очень посредственный. Скука вездѣ.

— Вамъ не миновать эшафота! сказала маркиза въ отгыть на этотъ парадоксъ.

— Если я буду повѣшенъ, такъ заранѣе знаю кто станетъ тянуть веревку. Зятевъ губять всегда тѣщи.

Но кто же этотъ Вильяреаль, съ которымъ мы во второй разъ встрѣчаемся? Въ роковую ночь, когда герцогъ въ первый разъ видѣлся съ Аделиною, онъ уѣхалъ въ Испанію.

сабоиъ и тамъ вскорѣ получилъ огромное наследство послѣ отца, которому принадлежали лучшія алмазныя копи въ Бразиліи. Если бы счастье измѣрялось каратами, какъ алмазы, то на землѣ не было бы человека счастливѣе герцога Октавія де-Вильяреала, потому что милліоновъ у него было несчетное множество, но онъ ими не щедрымъ дорожилъ и уважалъ только свое знатное происхождение и свои титулы.

Отецъ его былъ чрезвычайно скупъ и при жизни старика, герцога Октавіи получалъ только по двѣ тысячи франковъ въ мѣсяцъ. Разумѣется, что съ такимъ недостаточнымъ содержаніемъ, живя въ Парижѣ, ему невозможно было блистать въ аристократическомъ кругу; но въ дипломатическихъ гостиныхъ онъ пользовался большимъ уваженіемъ, потому что очень хорошо звалъ дѣла европейской политики и пользовался при своемъ дворѣ такою довѣренностію, что его считали какъ-бы семейнымъ посланникомъ.

Мы уже говорили, что онъ страстно влюбился въ Аделину въ первый же разъ какъ глаза ихъ встрѣтились. Это случается и не съ милліонерами, но съ ними чаще. Страсть его не погасла и въ отдаленіи. Послѣ смерти отца, проживъ нѣсколько времени въ Лиссабонѣ, онъ отправился въ Парижъ, намѣреваясь прожить тамъ хотя самую часть своихъ огромныхъ доходовъ. Онъ по-прежнему остановился въ своемъ маленькомъ павильонѣ для торго, чтобы какъ-можно чаще видѣть Аделину и. .... И больше ничего. Лишь бы только видѣть ее. Этого для него было уже довольно. Не успѣлъ онъ переодѣться послѣ дороги, какъ узналъ, что у Фроассара инция. Пользуясь своею извѣстностію и обширнымъ знакомствомъ, онъ избавилъ Аделину и родныхъ ея отъ тюрьмы и, не ожидая благодарности, удалился въ свой уголокъ. Маркизь и маркиза де-Нёвилеттъ постичь не могли, по какому чуду этотъ молодой человекъ явился такъ кстати, чтобы спасти ихъ и кто этотъ таинственный избавитель; а Фроассаръ, встряхнувшись, сказалъ самъ себѣ:—Было изъ чего пугаться! Въ жизни всегда такъ: чуть только поскользнешься, — кто-нибудь тебя и подхватитъ.

— Боже мой! какое несчастіе, что онъ видѣлъ нашъ срамъ! говорила сама себѣ бѣдная Аделъна.

На другой день утромъ, Аристидъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и разсуждалъ самъ съ собою.

— Правду сказать, ударъ былъ порядочный, но унывать еще не изъ чего, говорилъ онъ. Какой же генералъ не проигрывалъ сраженія! А приди эти полицейскіе только часомъ по-позже, у меня было бы сто тысячъ въ барышахъ. Нечего дѣлать. Надобно начинать снова.....

Размышленія его были прерваны камердинеромъ, который подалъ ему бумагу.

— Это что такое?

— Счетъ отъ обойщика: десять тысячъ франковъ.

— Хорошо, пусть пойдетъ въ другой разъ..... Я не такъ взялся за дѣло. Не надобно было дѣлать огласки..... Я самъ, по своей неосторожности, возбуждѣлъ подозрѣнія полиціи.....

Слуга подалъ еще бумагу и сказалъ:—Счетъ поставщика съѣстныхъ припасовъ, Шеве: пять тысячъ чѣтыреста семьдесятъ два франка.

— Пусть придетъ въ другое время: теперь мнѣ некогда съ нимъ разсчитываться..... Надо было по-осмотрительнѣе выбирать гостей..... не давать обѣдовъ..... — Слуга опять пришелъ.—Еще что?

— Счетъ бриллиантника; двадцать три тысячи франковъ, сорокъ сантимовъ.....

— Пусть оставитъ счетъ..... Впередъ я буду распорядиться совсѣмъ иначе. Это хорошій урокъ для меня. Во-первыхъ.....

Камердинеръ опять явился.

— Неужто опять счетъ?

— Точно такъ-съ.

— Эти люди какъ-будто оговорились. Они, видно, думаютъ, что я со вчерашняго дня ужасно разбогатѣлъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Они знаютъ, что вы изволили разориться.

— Этотъ человекъ, видно, служилъ у какого-нибудь древняго философа, сказалъ вполголоса Фроассаръ.

Никакъ нѣтъ-съ, а у нихъ всесельныхъ агентовъ...

— Которые тоже играли въ рулетку?

— Нѣтъ-съ, въ публичныя фонды.

Дня черезъ три Фроассаръ сказалъ женѣ: — Ну что, моя милая, не посчастливилось намъ намедни. Надобно утѣшиться. Впрочемъ я легко сношу свое несчастіе, потому что у меня есть съ кѣмъ раздѣлить горе.

Это тронуло Аделину. Она подумала, что мужъ намѣренъ исправиться и ласково протянула къ нему руку.

— Ты у меня добрая женщина, сказалъ Фроассаръ. Ты не проклинаешь меня, какъ твоя матушка. Вотъ Фурія-то!

— Не сердись на нея, мой другъ: она женщина стараго времени, привыкла къ порядочному поведенію, не понимаетъ шалостей молодого человѣка и ни какъ не вѣритъ, чтобы можно было исправиться. Она не знаетъ, что у тебя доброе сердце, что ты любишь меня искренно.....

— Да если бъ я не любилъ бы тебя, такъ и не дѣлалъ бы этого. Чего я хотѣлъ? Чего хочу и теперь? Чтобы домъ нашъ не былъ тюрьмою. Хочу жить хорошо, чтобы и другимъ вокругъ меня было хорошо. Если первый дебютъ мой былъ неудаченъ, такъ это еще не бѣда. Актерамъ даютъ по три дебюта. Ты на меня не сердись?

— Нѣтъ, мой милый; но впередъ надобно бы жить иначе.

— Дѣло въ томъ, что иначе ты не можешь быть счастлива. Повѣрь мнѣ, я знаю тебя лучше чѣмъ ты сама.

— Развѣ не пріятно было бы жить скромно, въ небольшомъ кругу добрыхъ знакомыхъ?....

— Да ты, видно, не знаешь, какъ ты была обворожительно хороша посреди всѣхъ этихъ женщинъ, изъ которыхъ ни одна не стояла твоего мизинца!

— Я должна была наряжаться, казаться веселою, любезничать. Ты самъ этого требовалъ.

— Положимъ, что ты танцевала по-неволь; но если бъ ты знала какъ ты восхитительно танцуешь! Ты любезничала по-неволь, но есть ли на свѣтѣ женщина любезнѣе тебя! Ты....

— Полно, мой милый; мы не должны больше думать объ этой жизни: ты видишь какія непріятности она намъ надѣлала.

— Наше несчастіе загладить не мудрено.

— Конечно, можно, благоразумными средствами.....

— Да, тѣмъ же самыми....

— Какъ, неужели ты хочешь опять?....

— Объ этомъ мы поговоримъ послѣ; но послушай.....

— Позволь, мой другъ, я хотѣла тебѣ напомнить. Мы много обязаны герцогу Вильярреалу: надобно бы поблагодарить его....

— Конечно: я за этимъ и пришелъ къ тебѣ. Хотѣлъ спросить тебя, чтобы ты сама сходила къ нему....

— Я!

— Что жъ тутъ удивительнаго? Женщина, особенно молоденькая, всегда обработаетъ эти вещи гораздо лучше мужчины.....

— О, нѣтъ, это не годится..... не прилично.... Герцогу самому это, вѣрно, показалось бы страннымъ..... непристойнымъ.....

— Э, помилуй! ему гораздо пріятнѣе будетъ видѣть тебя, чѣмъ меня.

— О нѣтъ, я не пойду, не могу, ни зачѣмъ на свѣтъ..... Лучше и не говори объ этомъ.

— Какъ хочешь. Я самъ схожу. Правда, это разстроиваетъ всѣ мои планы; но что дѣлать! Ты бы это дѣло устроила нѣжиѣе, деликатнѣе, а у меня оно пойдетъ скорѣе. Я ему скажу, чтобы онъ, какъ добрый сосѣдь, приходилъ къ намъ обѣдать, когда вздумается, считалъ бы нашъ домъ своимъ собственнымъ; что ты, такъ же какъ и я, желаешь, чтобы онъ былъ нашимъ самымъ короткимъ пріателемъ, нашимъ другомъ.....

— Помилуй, ради Бога! Ты не думаешь о послѣдствіяхъ такой фамильярности. О, нѣтъ, нѣтъ, чѣмъ это дѣлать, ужъ лучше прослать неучтивымъ, казаться неблагодарнымъ.

— И, право, не понимаю что съ тобою. Ты не хочешь сама сходить къ Вильярреалу, поблагодарить его, и меня не пускаешь.....

Само собою разумѣется, что Аделина не могла объяснить Аристиду тайныхъ причинъ борьбы, которая происходила въ это время въ ея душѣ. Ей казалось, что позволить

мужу идти къ герцогу, значило бы заставить его играть роль самую навкую, а идти самой.... ей!

— Рѣшился же на что-нибудь, оказалъ Фроссеръ: время не терпитъ, потому что если я не пойду къ Вильяреалу, то принужденъ буду объявить себя банкротомъ — я совершенно разорился, — или продать нашъ домъ.

— Продать домъ! когда матушка въ такъ дорожить, когда здѣсь родилась и она и ея мать и мать ея матери! Продать домъ! Да бабушка умереть съ-горя: онъ чуть не умеръ съ радости, когда переѣхалъ сюда. Она въ домъ нашей свадьбы. О, нѣтъ, это было бы ужасно! Но какимъ же образомъ герцогъ Вильяреаль можетъ помочь намъ?

— А вотъ какимъ. Я теперь долженъ около трехъ сотъ тысячъ франковъ и рѣшительно не знаю гдѣ взять денегъ. Взаимы никто мнѣ не дастъ ни подъ закладъ дома, ни подъ закладъ помѣстья, потому что на томъ и на другомъ уже есть ипотeki. Вильяреаль богатъ какъ чертъ.... Не пугайся: я вѣдь не обокрасть его хочу. У него есть алмазные копи. Онъ дастъ деньги взаимы государямъ. Я это знаю. Я знаю также, что онъ ищетъ въ этой части города богатой квартиры. Въ-мѣсто того, чтобы купить бѣдной домъ, что не легко; я, во-крайней-мѣрѣ, не знаю ни одного, который бы продавался здѣсь по-близости; въ-мѣсто того, чтобы нанять этажъ, что въ его положеніи какъ-то стыдно, пусть онъ купитъ.... Слушай во вниманіемъ, Аделина. Когда ты пойдешь благодарить его, предложи ему отъ моего имени просто купить бель-этажъ съ конюшнями, сараемъ, садомъ и обѣими павильонами. Онъ можетъ говорить тогда, что домъ его; а домъ будетъ тоже и нашъ, потому что мы станемъ жить здѣсь же, только въ третьемъ этажѣ. Тамъ и тепло и сухо, да и видъ оттуда прекрасный. Продай ему бель-этажъ и притомъ за триста тысячъ и мы спасены. Теперь тебѣ уже нечего бояться идти къ нему. Ты пойденъ уже не благодарить, а предложить ему сдѣлку, выгодную и для него и для насъ.

Сердце Аделины всё-еще билось нерѣшительностію. Дичится дома, въ которомъ родилась ея мать и довести мужа до банкротства, или идти къ Вильяреалу....

... Если ты не согласишься, то я пойду къ герцогу. Она

съ благородной преданностью судьбѣ своей и съ горестію, которая наполнила глаза ея слезами.... Но только обдумать ты это?... Не боишься ли ты?... Точно ли ты этого непременно хочешь?

— Если бѣ ты меня точно любила, такъ давно бы уже сходила и воротилась.

— Ну, такъ я иду.

И она отправилась.

Воротившись въ свой павильонъ, молодой герцогъ де-Вильярваль былъ счастливъ, какъ водолазъ, который поднялся на поверхность воды: онъ снова видитъ и небо, и солнце, и землю, и себя самого. Онъ былъ снова въ Парижѣ въ домѣ той, образъ которой повсюду его преслѣдовалъ, и двинулся опять на прежнее мѣсто. Октавій принадлежалъ къ холодной, лакированной школѣ дипломатовъ, но онъ еще не заглушилъ въ душѣ своей криковъ молодости и громкаго гнѣва страстей. Онъ заперъ дверь, спустилъ занавѣсы, надѣлъ туфли и усѣвшись у каминна, въ большихъ креслахъ, принялся мечтать.

— Я опять въ ея домѣ! говорилъ онъ самъ себѣ. Бѣдная, воздвигательная Аделица! И замужемъ за такимъ негодяемъ! Какъ она должна страдать! Какъ она была блѣдна, иссушена! Кому она вѣрила свое горе? Кто осушилъ ея слезы? Какое счастье, что мнѣ удалось хоть что-нибудь для нея сдѣлать!

Разсуждая самъ съ собою, онъ блуждалъ глазами отъ куска огонька каминна къ запертымъ дверямъ, съ потолка, въ живо освѣщеннаго расписными фонарями и, на коверъ, изнепренный фантастическими арабесками. На коврѣ что-то блестяло и три раза этотъ предметъ, озаренный лучомъ отъ каминна, попадался ему на глаза. Онъ всталъ, чтобы посмотреть что это такое: то была булавка. Улыбка жалости мелькнула на лицѣ его.

— Что жъ я надѣялся пойти? подумалъ онъ. Однако жъ это не обыкновенная булавка: головка гораздо меньше.... Я видѣлъ такія булавки на туалетѣ маркизы Сантадеръ. Это англійская булавка; прежде въ Парижѣ такихъ не бывало. Но откуда же взялась она? Булавка женская.... чья же?..

Можетъ-быть, мадамъ Тюрбò, жены придверника.... Быть не можетъ: мадамъ Тюрбò, по-крайней-мѣрѣ шестьдесятъ лѣтъ; у нея, вѣрно, нѣтъ такихъ булавокъ. Кто жъ это былъ здѣсь?....

Вильяреаль позвонилъ. Негръ Пампа тотчасъ явился.

— Позови сюда Тюрбò.

— Неужели мнѣ спросить придверника не его ли эта булавка? подумалъ потомъ Октавій. И призывать его для этого ночью!

Тюрбò какъ-будто за дверьми стоялъ: онъ явился тотчасъ.

— Какъ мы рады, герцогъ, что вы изволили воротиться!

— Любезный Тюрбò, я не могъ привезти вамъ изъ Лиссабона апельсиновъ; но вотъ вамъ десять тамошнихъ золотыхъ монетъ: ихъ легче держать чѣмъ апельсины. Я нашелъ здѣсь все въ большомъ порядкѣ: благодарю васъ.

— Это моя обязанность, герцогъ, смотрѣть за вашей квартирой; но мнѣ помогала своими совѣтами одна молоденькая и хорошенькая дама: сама мадамъ Фроассаръ.....

Вильяреаль вскочилъ, подбѣжалъ къ своему бюро, и положилъ булавку въ бархатный футляръ, въ которомъ былъ портретъ его матери.

— Я пойду благодарить мадамъ Фроассаръ, за ея попечительность о своихъ жильцахъ. Прощайте, любезный Тюрбò. Извините, что я васъ побезпокоилъ.

— Она была здѣсь! О! теперь этотъ павильонъ мой! Хоть бы мнѣ пришлось заплатить за него миллионъ. Пока я живъ, никому не жить въ немъ, кромѣ меня; да и послѣ меня никто не долженъ занимать его.

Мадамъ Фроассаръ шла къ Вильяреалу, Вильяреаль шелъ къ мадамъ Фроассаръ: они встрѣтились на лѣстницѣ; оба нѣсколько минутъ смотрѣли другъ на друга и не могли выговорить ни слова.

— Я шелъ къ вамъ, какъ постоялецъ, просить объ одномъ одолженіи, сказалъ наконецъ Вильяреаль; но вы идете со двора....

Аделина съ трудомъ удержалась; чуть не сказала:—А я шла къ вамъ.

— Мнѣ нѣтъ большой надобности ѣхать со двора, сказавъ она и я очень рада видѣть у себя человѣка, которому мы съ мужемъ такъ много обязаны.

Они пошли въ гостиную. Аделина сѣла на софѣ; Октавій противъ нея на стулѣ.

— Идя сюда, сказалъ онъ, я хотѣлъ просить васъ только объ одномъ одолженіи, а теперь долженъ просить еще милости: не забывайте о ничтожной услугѣ, которую я случайно имѣлъ счастье оказать вамъ. Могу ли я надѣяться, что вы сдѣлаете мнѣ эту милость?

— И одолженіе то же.

— Позвольте. Чтобъ вамъ не раскаяться послѣ!

— Я увѣрена, что вы не будете требовать ничего такого, на что бы мужъ мой не могъ согласиться.

— Вы знаете, что я вашъ жилецъ....

— Да, и вы, вѣрно, хотите отказаться отъ своей квартиры: она такъ мала, такъ безпокойна....

— О, нѣтъ, нѣтъ, напротивъ. Я можетъ-быть, скоро куплю себѣ домъ, чтобы принимать тѣхъ, у кого самъ бываю; но я прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе, оставить мою квартиру за мною. Я всякой день буду проводить по нѣсколько часовъ въ павильонѣ, гдѣ провелъ самыя тревожныя.... самыя счастливыя минуты моей жизни.

— Я думаю, что Аристидъ охотно на это согласится. Вы, вѣрно, хотите заключить контрактъ на два, на три года?

— Навсегда!

— Навсегда? Я плохо знаю законы, но, кажется, безсрочныхъ контрактовъ нельзя заключать.

— Ваша правда. Въ такомъ случаѣ мы заключимъ контрактъ на девяносто девять лѣтъ. Это позволено.

— Развѣ вы надѣетесь прожить девяносто девять лѣтъ? сказала смѣясь Аделина.

— Нѣтъ, но я не хочу чтобы кто-нибудь жилъ въ немъ кромѣ меня.

— Да вамъ дешевле было бы купить этотъ павильонъ, если онъ вамъ такъ нравится.

— А развѣ его продали бы?

— Быть-можетъ.... Кажется.... Да, точно, мужъ мой какъ-то говорилъ, что хотѣлъ бы продать его; но....

И она остановилась.

— Вы не договорили.... Нѣтъ ли какого затрудненія?

— Есть, и большое... Мужъ мой, поминется, хотѣлъ продать вмѣстѣ оба павильона, бель-этажъ и службы.

— Тѣмъ лучше, я покупаю все! вскричалъ Вильяреаль, и не подумавъ о томъ, какъ странно продавать или покупать часть дома.

— Я скажу объ этомъ мужу.

— Но если вы хотите продать бель-этажъ, такъ вы сами выйдете отсюда?

— Выгнать отсюда! О, нѣтъ, никогда!

— О, и я тоже! Но какъ же вы сдѣлаетесь? Развѣ вы будете мои жильцами?

— Не жильцами, но сособами: мы возьмемъ себѣ третій этажъ.

Тутъ Вильяреаль все понялъ.

— Такъ дѣло кончено? сказалъ онъ протягивая руку. У насъ торги всегда заключаются такимъ образомъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ еще, герцогъ: вы не знаете цѣны.

— Знаю. Я дамъ что мосье Фроассаръ назначитъ. Постарайтесь только нынче вечеромъ увѣдомить меня сколько я долженъ заплатить, и завтра вы получите деньги въ банкъ. Теперь кончено?

Онъ протянулъ руку и Аделина позволила ему взять свою ручку.

— Я бы осмѣлился поцѣловать вашу ручку, сказалъ онъ, если бы передъ тѣмъ только рисковалъ за васъ жизнью; но я говорилъ о деньгахъ, а это не дворянское дѣло; такъ поцѣловать не смѣю.

Онъ пожалъ ей руку по-английски и уходя улыбался съ улыбкою: — Я буду смиреннымъ сособомъ, безпокойте меня не стану.

— О, Боже мой! благодарю тебя, вскричала Аделина, когда онъ ушелъ: я спасла мужа отъ разоренія и краснѣю отъ нечего.

Узнавъ, что торгъ конченъ по его желанію, Фроассаръ, не говоря ни слова, схватилъ жену, провальсировалъ съ нею три раза вокругъ залы, потомъ подошелъ къ Аделинѣ и

всирьдаль: — Ты легка какъ перушко, а за тебя можно дать горю золота.

На другой день онъ получилъ триста пятьдесятъ тысячъ франковъ, и, разумеется, не заплатилъ ни одному изъ своихъ кредиторовъ. Вильфреаль купилъ и все что было въ квартирѣ Фроассара. Переехавшись туда, онъ замѣтилъ, что не знаяши купилъ эраровскій флигель, арфу, двѣнадцать миниатюръ мадамъ Мирбель и другихъ знаменитыхъ живописцевъ, птичникъ, библіотеку съ полными изданіями твореній Виктора Гюго, Ламартина и Вальзака. Онъ тотчасъ догадался, что все это принадлежитъ не Аристиду, но Аделинѣ, и что ей, вѣрно, было жаль расстаться съ своими вещами. Онъ велѣлъ снести все это наверхъ и написалъ къ Аделинѣ:

«Вы забыли въ своей прежней квартирѣ разныя вещи, которыхъ я не могу купить, потому что имъ нѣтъ цѣны. Позвольте же мнѣ возвратить ихъ вамъ.»

Это было такъ просто и прекрасно, что испугало Аделину: — Зачѣмъ мы не продали ему всего дома и не уѣхали тотчасъ отсюда! подумала она.

—

Въ тридцатыхъ годахъ во Франціи свирѣствовала лихорадка спекуляціи. Этой болѣзью заразился и Фроассаръ. У него всякой день собиралось множество народу: днемъ составляли проекты компаній и всѣхъ возможныхъ предпріятій, сочиняли условія, объявленія, модели акцій; ночью пили. Онъ набралъ акцій всѣхъ сортовъ, видовъ и цвѣтовъ. Сначала онъ большею частію сильно поднялся, инья до баснословной цѣны. Люди осторожные и трусы стали сбывать свои акціи: отважные и ловѣрчивые оставляли ихъ у себя, надѣясь на огромныя барыши. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Фроассаръ. Но между-тѣмъ деньги его почти всѣ вышли; онъ не могъ уже принимать у себя и принужденъ былъ обѣдать въ трактирахъ; обѣдалъ сначала въ лучшихъ ресторанахъ, потомъ все спускался ниже и ниже. Мало-по-малу онъ принялъ нравы и обычаи людей, которые проводятъ всю жизнь въ трактирахъ: шляпу носилъ на-бекрень, гбо-ралъ трюмо и совѣтъ пересталъ нить бѣду. Не успѣ

всего то, что онъ вездѣ таскалъ съ собою и жену; а по вечерамъ возилъ ее въ водевильные театры и возвращался домой въ фіакръ.—Въ фіакрѣ говорилъ про себя Тюрбѣ отворяя ворота: плохо; фіакръ всему конецъ.

Иногда Аристидъ отъ скуки ходилъ послѣ обѣда съ своей собакой, Фениксомъ, гулять въ Булонскій Лѣсъ. Однажды, какъ собака плавала въ Сенѣ, ему тоже вздумалось выкупаться. Онъ раздѣлся и бросился въ воду. Аристидъ очень хорошо плавалъ и забавлялся игра въ водѣ съ своей собакой. Вдругъ, приподнявъ голову, онъ увидѣлъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ скинулъ съ себя платье, остановился фіакръ; оттуда вышли четыре чelовѣка и, но-видимому, со вниманіемъ смотрѣли на него. Потомъ двое изъ нихъ раздѣлись и бросились въ воду.

— Это видно, любители, подумалъ Фроассаръ: хорошо, мы поплаваемъ вчетверомъ взапуски. Они, однако жъ, не дурно плаваютъ.

Между-тѣмъ неизвѣстныя приблизились къ нему, поинтересовались одинъ слѣва, другой справа и поздоровались, называя его по имени.

— Ба, да они меня знаютъ! подумалъ Фроассаръ. Да и я ихъ гдѣ-то видѣлъ, только никакъ не могу припомнить гдѣ именно.

— Вы очень хорошо плаваете, мосьё Фроассаръ, сказалъ одинъ изъ нихъ.

— И вы тоже, господа.

— А что? ваша собака кусается.

— Никогда. Она слишкомъ умна.

Страшно, подумалъ Фроассаръ: тутъ что-то недоброе; эти люди что-нибудь замышляютъ противъ меня.

Двое, оставшіеся на берегу, внимательно наблюдали за ними.

— Ай, ай, плохо, подумалъ Фроассаръ, вдругъ вспомнивъ фюзіономію своихъ незваныхъ товарищей: я эти рожи уже три дня вездѣ встрѣчаю. Это должны быть пристава коммерческаго суда. Видно, на меня подали ко взысканію и они хотятъ схватить меня.

Въ ту же минуту онъ нырнулъ, чтобы вынырнуть какъ можно по-дальше и выбраться на другой берегъ. Но на дѣлѣ

онъ увидѣлъ—тѣхъ же самыхъ приставовъ. Онъ поднялся на воду: они вслѣдъ за нимъ.

— Вы ныряете какъ-нельзя лучше, сказалъ одинъ изъ нихъ.

— И вы то же, господа, отвѣчалъ Аристидъ.

— А долго вы обыкновенно купаетесь?

— До самой ночи.

По французскимъ законамъ подь стражу брать можно только днесь, пока не смерклось. Двое приставовъ, которые оставались на берегу, видя, что дѣло затягивается и ночь приближается, тоже раздѣлись и бросились въ воду. Увернуться было уже невозможно. Аристидъ легъ на спину и безъ сопротивленія, безъ спору отдался въ руки приставовъ. Тѣ притащили его къ берегу, на-скоро одѣли, посадили въ фіакръ и отвезли въ тюрьму Клишй.

Не успѣлъ онъ еще оглядѣться въ свосей жилищѣ, какъ получилъ отъ другихъ заключенныхъ пятнадцать приглашеній на обѣды и ужины, и тотчасъ отправился на первый изъ нихъ.

На другой день, проснувшись очень поздно, онъ сказалъ самъ себѣ:

— Надобно сегодня же написать къ моей милой Аделинѣ, что я въ Клишй.

На третій день онъ подумалъ: — Непремѣнно надобно написать моей милой Аделинѣ, что я въ Клишй,

На четвертый: — Я забылъ вчера написать моей милой Аделинѣ, что я въ Клишй.

На пятый: — Кажется, я уже писалъ моей милой Аделинѣ, что я въ Клишй.

Начиная съ шестаго дня Аристидъ былъ твердо увѣренъ, что писалъ своей милой Аделинѣ, что онъ въ Клишй.

Въ тотъ самый день какъ Аристида посадили въ тюрьму, кто-то утонулъ въ Сенѣ около того же мѣста гдѣ Фроассеръ купался; къ несчастію, приставы, на-скоро одѣвадъ своего плѣнника, накинули на него только пальто; куртку забыли на берегу, а онъ думалъ, что куртку положили въ фіакръ. Въ куртку были у него бумажникъ и визитныя карточки. Ясно, что Фроассеръ утонулъ. Такъ всѣ и думаютъ.

малю. Въ первый день герцога де-Вильярваль нанесли въ Аделинѣ письмо, въ которомъ излагала свое сомнительное объ ея потерѣ. На другой день заходила узнать о заговорахъ и оставилъ визитный билетъ; на третій заходилъ опять къ его приваду: много говорилъ о прекрасныхъ достоинствахъ покойнаго; на четвертый день говорилъ больше о себѣ, чѣмъ о покойникѣ; на пятый только о себѣ, хотя въ глубинѣ сердца Адельана совсѣмъ не такъ старалась забыть Фроассара, какъ всѣ ее окружающіе и особенно герцога Вильярваль. Черезъ нѣсколько дней Октавій узналъ отъ нея, что намѣренъ просить руки ея, какъ скоро герцогу понятеея. Адельана потребовала мѣсяць сроку на размышленіе и принуждена была позволять ему приходитъ всякой день.

Однажды герцогу показывала ей планы и фасады новыхъ замковъ въ Португаліи и своихъ помѣстій, и съ восторгомъ говорилъ о томъ, какъ имъ приятно будетъ жить вдвоемъ въ этихъ великолѣпныхъ домахъ, гулять вдвоемъ по этимъ садамъ, по этимъ померанцовымъ рощамъ.... Вдругъ человекъ молалъ Аделинѣ письмо; она взглянула и поблѣднѣла: рука была Фроассара.

«Милая моя, говорилъ Аристидъ, я не помню хорошенько, писалъ ли я къ тебѣ съ-тѣхъ-поръ, какъ я здѣсь, въ тюрьмѣ за долги. Какъ бы то ни было, пришли мнѣ дикую козу (если взять у Шюв), семь фунтовъ трюфелей, двѣнадцать бутылокъ лагитта 1837, и какъ-можно больше ликеровъ. Я могъ бы на другой же день выйти отсюда, продавъ нѣсколько акцій; но съ-тѣхъ-поръ, какъ я здѣсь, право, не успѣлъ еще и подумать о своей свободѣ. Впрочемъ, чертъ шиблю я буду въ твоихъ объятіяхъ, потому что до-тѣхъ-пора надѣюсь отплатить всѣмъ моимъ любезнымъ товарищамъ въ несчастіи, отъ дами за обѣды, которые они давали мнѣ. Я вырѣзалъ на моихъ окладахъ твое имя. Не обнимай за меня твоей матушки.

Твой вѣрный мужъ Аристидъ».

Аристидъ былъ совершенно спокоенъ: онъ былъ твердо убѣжденъ, что у него всегда подъ руками два вѣрные средства выйти изъ тюрьмы: написать къ отцу или продать акціи. Онъ снова отправилъ къ отцу отрывокъ изъ своихъ Записокъ, который уже два раза выкупали его изъ бѣды. Но прошелъ день, прошли два, три дня; отидъ

ту не было. Наконецъ пришло какое-то духовное и боязлие. Аристократу духовное зашпанило, который отецъ его, на смертномъ одрѣ, отгараилъ все свое земное имущество въ пользу церкви. Фроловъ написалъ къ Аделинѣ, чтобы она продала акціи: ты отъвѣчала, что нѣтъ нѣтъ на берегъ, потому что онъ ужасно упики. Плохо. Однако же Аристократъ не унывалъ и написалъ женѣ: «Продай Вильгельма третій этажъ; мы можемъ жить въ мезонинѣ. Съ тобой и хижина покажется мнѣ расмъ». Черезъ нѣсколько дней съѣздила въ три туръмы и послала съ женою, чтобы и женою въ три малюпки помноталъ на чердакѣ. Мужъ представлялъ себѣ каково было жить въ такой обстановкѣ людямъ, привыкшимъ къ роскоши. Притомъ въ Кюндѣ Аристократъ спускался еще нѣсколькимъ градусамъ ниже. Онъ связался съ актерами, которыхъ публика не помнла; онъ жидовничалъ безъ выжаровъ, съ скульпторами въ родѣ Лисерво-заго навивался съ ними каждый день. По утрамъ онъ игралъ на трубѣ, иногда вавосемъ съ Вожанскъ, который не только не умиралъ, но растолстѣлъ ужасно и, по предписанію врачей, упражнялся въ втрѣ на этомъ инструментѣ, чтобы хоть немножко похудѣть. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Бѣдная Аделина плакала и увядала какъ цвѣтокъ; маркиза бранилась съ утра до ночи; маркизъ вадѣлалъ и маршлалъ. Вильгельмъ бѣсился.

Наконецъ однажды, ночью, герцогъ услышалъ въ мезонинѣ страшный шумъ, еще страшнѣе обыкновеннаго. Онъ вышелъ на лестницу и услышалъ, что Фроловъ кричалъ полнымъ голосомъ:

— Да, да, говорятъ вамъ; что эта прекраснѣйшая въ свѣтѣ операція. Дѣлали же люди акціи на рудники, которые не существуютъ; на лѣса еще въ сѣмяхъ; почему мы не разыграть въ лотерею жену мою, которая прекрасна, остроумна и дѣйствительно существуетъ!

— Жену! вскричала маркиза.

— Меня! сказала съ негодованіемъ Аделина.

— Да, да, тебя; ты лучше всѣхъ золотыхъ рудниковъ на свѣтѣ. Сто билетовъ по тысячѣ франковъ. Кто жѣ не возьметъ билета? Завтра же напечатано объявленіе въ газетахъ.

— Я убьюсь, сказала Аделина.

— Нѣтъ, прежде я тебя убью, вскричала маркиза и бросилась на Фроассера въ погоню.

Этотъ съездило протрезвило Аристиде. Онъ скривилъ губы и сказалъ владимировно: — Мамзель-глубушка, вы слишкомъ потерялись, я не высказалъ еще гласно-го условія: кто выиграетъ Аделину, тотъ обзаводится женою и насъ. Кто жъ послѣ этого не откажется отъ маркиза?

Маркизъ до-тѣхъ-поръ молчалъ; но тутъ, когда сталъ опираться на плечо его, онъ не вытерпѣлъ: сила тучно и сказалъ: — Мерзавецъ, ты не стойшь, чтобъ тебя ударить въ плечо рукой.

И онъ вынулъ тучно такъ жѣтко, что она линула Фроассеру прямо въ лицо.

Правда послѣдствія, Вильярваль съ женою бросились на вертѣ; на встрѣчу ему обѣжали влн, лучше сказать, съ-тѣмъ съ лѣстницы три челоуѣка, крича: — Спасите! Спасите насъ!

— Успокойтесь, Аделина, сказалъ онъ, заирая за него двери: теперь вы въ безопасности; вы у меня въ домѣ и никто....

Аделина была въ обморокѣ. Старикъ маркизъ и маркиза въ ужаснѣйшемъ положеніи. Уже долго спустя Вильярваль узналъ, что Аристидъ, послѣ отчаяннаго воступа маркиза, скривилъ хлысть и избилъ ихъ всѣхъ, въ томъ числѣ и несчастную Аделину.

Герцогу распорядился такъ, какъ-будто Аделина, маркиза и маркизъ были хозяева въ его домѣ, а онъ гость. Впрочемъ оно и было почти такъ, потому что онъ на другой же день подарилъ свой домъ Аделинѣ. Съ горестію видя, до какой степени здоровье ея расстроено гнуснымъ обхожденіемъ съ нею мужа, герцогу уговаривалъ ее превести лѣто въ Лиссабонѣ. При всей своей утонченной вѣжливости, онъ, по твердости своего характера, приобрѣлъ такое вліяніе на Аделину, что она ни въ чемъ не могла отказать ему. Маркиза охотно соглашалась на эту поѣздку и сама уговаривала дочь; но прежде хотѣла непременно развести ее съ мужемъ. Адвокатъ, котораго

она пригласила на свиданіе, объяснять, что это невозможно безъ согласія Фроассара. «Если бы, говорилъ онъ, вы потребовали развода въ первые дни послѣ сцены, о которой вы говорите, то согласіе мосье Фроассара было бы не нужно: ихъ развели бы за дурное обхожденіе мужа съ женою; но теперь поздно».

— Да отчего жъ?

— Извините: я долженъ говорить откровенно. Оттого, что дочка ваша съ-тѣхъ-поръ живетъ въ домѣ чужаго человека.

— Но она живетъ тутъ съ отцомъ и матерью.

— Знаю; но всё же мосье Фроассаръ можетъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и обвинить жену въ нарушеніи супружескихъ обязанностей, и тогда пострадаетъ не онъ, а она.

Маркиза тщетно обращалась къ другимъ адвокатамъ: всё говорили то же самое. Убѣдившись наконецъ въ этой печальной истинѣ, она отыскала Фроассара, который тотчасъ послѣ своей исторіи съ женой и родными, переехалъ на другую квартиру, нѣсколько разъ писалъ къ нему, старался разными хитростями, исторгнуть у него согласіе на разводъ; но тотъ былъ хитрѣе ея, и никакъ не соглашался. Она дошла до того, что намѣкала ему, что Аделина очень дружна съ Вильяреалемъ. Аристократъ притворился будто не вѣритъ этому. Наконецъ она рѣшилась на поступокъ, къ которому, можетъ-быть, она одна и была способна: вздумала стыдомъ, публичной огласкою поведенія Аделины, принудить Фроассара развестись съ нею. Въ одну изъ своихъ бессонныхъ ночей, она составила подробный планъ заговору, въ которомъ была единственныи дѣйствующимъ лицомъ, и на другой же день принялась за исполненіе. Утромъ она завела съ герцогомъ разговоръ о красотѣ окрестностей Лиссабона и Париза, затронула его національное самолюбіе, утверждала, что по близости португальской столицы не можетъ быть ничего подобнаго Сентъ-Жермену и уговорила его обѣдать тамъ въ день отъѣзда изъ Париза, пригласивъ и своихъ знакомыхъ. Какъ-скоро смеркось, — она отпра-

васъ. Вспомните въ публицистическомъ журнале въ (какомъ-то) городе и прочитайте статью съ слѣдующимъ письмомъ:

«Дюбезный Аристидъ. Не старайся угадать кто къ тебѣ пишетъ; не лишай себя сюрприза. Потерпи до поведѣльника. Въ поведѣльникъ, въ шесть часовъ, въ Сенъ-Жерменъ, въ павильонъ Генриха Четвертаго на терасѣ, ждутъ тебя прекрасный обѣдъ и женщина, которую ты вѣкогда обожалъ. Если ты не будешь, и подумаю что у тебя дѣтъ унынъ-де-сердце, я дамъ тебѣ аппетиту».

«Твоя навсегда».

Потомъ подозвала комиссіонера, отдала ему письмо и сказала:—Обойди всѣ трактиры въ Пале-Рояль, спрашивай вездѣ носъ Аристидъ Фроассара. Онъ гдѣ-нибудь тамъ. Отдай ему это письмо. Если будетъ спрашивать отъ кого, скажи, что отъ молоденькой, блонкурной дамы, которая выходила изъ кареты. Вотъ тебѣ осемь франковъ.

Комиссіонеръ побѣжалъ.

Потомъ маркиза отправилась въ литографію и велѣла налитографировать слѣдующій циркуляръ въ числѣ двадцати экземпляровъ.

«Дюбезный другъ,

«Ты, вѣрно слышалъ, что я самъ себя выгналъ изъ дому, потому что мнѣ надоѣло жить съ Нивилеттан, матерью, отцомъ, и ихъ дочерью, Адельною Нивилеттъ, но мужъ Фроассаръ. Это, конечно, для тебя не новость; но вотъ что ново: благоволи пожаловать въ поведѣльникъ, въ павильонъ Генриха Четвертаго на Сенъ-Жерменской терасѣ, на большой обѣдъ, который я даю другу моей жены. До свиданія».

«Аристидъ Фроассаръ».

«Эти письма она разослала къ Божанси, Ласервоту, Песадней Гитеръ, и нѣсколькимъ другимъ пріятелямъ Аристиды, которыхъ слишкомъ хорошо знала. Потомъ вернулась домой, потирая съ радости руки».

«Наконецъ великій день наступилъ. Еще не было и двухъ часовъ, какъ потерявшая жарнива уже торбила Адельну и Вильярма, чтобы они скорѣе одѣлись, брали старика мужа, который брлся беззаконно. Въ три часа она отправилась въ путь, въ половинѣ нитато была уже въ Сенъ-Жерменъ, и рожа въ пять часовъ была въ Сенъ-Жерменъ».

и фрескованъ павильонъ; который стоитъ надъ Сеною и владычествуетъ надъ всѣми окрестностями. За столомъ было много лишакъ приборовъ; но никто не обратилъ на это вниманія. Маркиза сѣла въ срединѣ, по правую ея руку маркизъ, по лѣвую Аделина и Вильярреаль. Пріятель, все, болѣею частію, земаючи Октавіа, помѣстился гдѣ случилось.

У пріятелей Фроассара не было такихъ экипажей какъ у Вильярреала и его знакомыхъ; бѣдняки ѣхали въ омни-бусахъ и потому не мудрено, что они четвертью часа опоздали. Какъ бы то ни было, въ началѣ шестаго они добрались до трактира на терасѣ, спросили гдѣ обѣдъ, заказанный Фроассаромъ, и лакей, по приказанію маркизы, сказалъ имъ: — Пожалуйте: въ большой залъ.

— Въ большой залъ! Каково! — Эй, Фроассаръ! кричали они взбѣгая по лѣстницѣ. — Фроассаръ! — Да здравствуетъ Фроассаръ и его шампанское! — Сюда Фроассаръ! — Фроассаръ или смерть!

Добѣжавъ до дверей большой залы, они остановились и замолкли. Пятнадцать или двадцать человекъ, чинныхъ, важныхъ, стояли за столомъ: они всѣ встали, услышавъ на лѣстницѣ крики. Тѣ и другіе одни на другихъ поглядывали, не понимая что это значить. Изумленные пріятель Фроассара то подавались впередъ, то отступали, а въ четырехъ шагахъ отъ нихъ гости Вильярреала спрашивали другъ друга глазами, не знаетъ ли кто что это за набѣгъ. Ласервазъ, Божанси и Послѣдняя Гитара, зная и маркизу и Вильярреала, хотѣли-было уже извиниться и уйти, но маркиза сказала: — Если вы, господа, приглашены мосье Фроассаромъ, то прошу садиться: мѣста довольно.

Пріятель Вильярреала, люди благовоспитанные, скрыли свое удивленіе и усѣлись снова, какъ-скоро маркиза привала новоприбывшихъ подъ свое покровительство. Вильярреаль былъ въ отчаяніи; Аделина едва удерживалась отъ слезъ: оба догадывались, что это пронашло не случайно. Утоливъ первый голодъ и первую жажду, пріятель Фроассара приободрились и начали вполголоса разговаривать между собою

— Странное дѣло! — Я ровно ничего не понимаю. — И я то же. — Онъ приглашалъ насъ въ Сенъ-Жерменъ, въ павильонъ Генриха Четвертаго. — Здѣсь и есть. — Мы тутъ. — А его нѣтъ. — Онъ писалъ намъ, что дастъ обѣдъ «другу» своей жены. — Вотъ и жена его. — Вотъ и «другъ». — А его нѣтъ. — Ужъ не подшутилъ ли онъ надъ нами? — Быть не можетъ! Да отчего жъ его нѣтъ здѣсь?

Маркиза, замѣтивъ смущеніе своихъ жертвъ, сказала: — Вы ничего не кушаете, господа. Человѣкъ, вина!

— Прошу покорно! Какая она нынче учтивая! — А бывало, у зятя, и слова намъ не скажетъ! говорили пріятели Фроассаръ. — Знаете что, господа? Вѣдь мы попались въ западню, сказалъ Божанси. — Какъ такъ? — Насъ приглашалъ не Фроассаръ. — А письмо-то? — Письмо писалъ не онъ. — Да кто же? — Тѣща его. — Это къ чему? — Чтобъ мы были свидѣтелями незавиднаго состоянія его семейныхъ дѣлъ и послѣ пересказали ему. — Быть-можетъ. Такъ значитъ онъ не будетъ. — Да вотъ и онъ, сказалъ Ласервоазъ.

— Фроассаръ! Мосье Фроассаръ!

Фроассаръ вошелъ въ залу. Аделина опустила голову. Вильярреаль подумалъ, что это свиданіе можетъ кончиться только однимъ образомъ, но какъ оскорбленный былъ не онъ, то онъ рѣшился ждать вызова. Маркиза была въ восторгѣ и думала: — Черезъ десять минутъ онъ согласится на разводъ. Прекрасно! Порохъ подоженъ.

Аристидъ, увидѣвъ это разнородное собраніе, тотчасъ все понялъ. Онъ подбѣжалъ къ тѣщѣ, ласково поздоровался съ нею, съ тестемъ, съ женою, вѣжливо поклонился герцогу и сѣлъ на концѣ стола.

— Извините, господа, что я немножко опоздалъ, сказалъ онъ. Я пришелъ пѣшкомъ.

— Пять лѣтъ пѣшкомъ! сказала маркиза.

— Пѣшкомъ. По приказанію доктора. Я нынче ужасно толстѣю. Вѣрно, отъ огорченій.

— Чудо что за молодець! сказалъ вполголоса Ласервоазъ.

— Такъ вы, вѣрно, вышли изъ Парижа въ двѣнадцать часовъ? продолжала смѣясь маркиза.

— Въ двѣнадцать безъ пяти минутъ.

— Чтò новаго въ Парижѣ, съ-тѣхъ-поръ какъ мы отуда выѣхали?

— Очень много.

— Но сенъ-жерменскія новости, я думаю, для васъ по крайней-мѣрѣ поразительнѣе парижскихъ?

— Чтò же здѣсь новаго?

— Да развѣ вы не видите? Вы знаете герцога?

— Знаю и уважаю. Тутъ нѣтъ ничего новаго для меня.

— А ваши пріятели?

— Удовольствіе видѣть ихъ для меня всегда ново, но лица совсѣмъ нѣтъ.

— И для васъ это не ново, не странно, что здѣсь собрались и ваши пріятели, и эти господа, несомкомые ни имъ, ни вамъ, да что здѣсь и вы сами, и мы, и....

— Все это очень естественно, потому что вы все приготовили.

— Я!

— Конечно. Не герцогъ же: онъ слишкомъ хорошо знаетъ приличія, чтобы прибѣгать къ чужой рукѣ, когда приглашаетъ кого-нибудь къ своему столу.

— Я ничего не писалъ, сказалъ герцогъ.

— Я бы готовъ былъ поручиться за это, отвѣчалъ Фроассаръ.

— Если это я, такъ нечего и обвинять другихъ, сказала маркиза.

Эта первая стычка, происходившая впрочемъ чрезвычайно учтиво, показала всѣмъ, что пріятели Фроассара вѣдали на этотъ обѣдъ не случайно. А они, убѣдившись, что и Фроассаръ тоже привлеченъ въ западню и что это не можетъ кончиться иначе какъ дуэлью, начинали сердиться и собирались защищать его. Аделаида терпѣла настоящую пытку. Нетерпѣливая маркиза тотчасъ начала оплать нападеніе.

— Если москъ Фроассару такъ пріятно, что онъ встрѣтился съ герцогомъ Вильяршемъ, то надобно его направить. Господа, продолжала она, обращайтесь къ пріятелямъ Аристиды: вышлите за его здоровьемъ. Человѣкъ, то-кайского!

— Токайского! закричали Фроассара.

Прителем Артезида выжили за доброе Фроассара съ энтузиазмомъ, гости Вильареала съ принужденной выжливостью, а онъ самъ не дотрогивался до рюмки. Этотъ оригинальнѣйшій тогъ изъяснилъ расположение пріятелей Фроассара. Видя, что онъ не только не сердится за насмѣшки тѣщи, но и самъ помогаетъ ей, они воображали, что ему только тогъ и дѣлается, чтобы шутили надъ его страннымъ положеніемъ въ отношеніи къ жевѣ. Они бѣли въ восхищеніи. Фроассару драться!... Фи, это слишкомъ обыкновенно. Восвѣргъ ихъ, поддерживаемый шампанскимъ и венгерскимъ, началъ проявляться громко; они старались жемироваться и разворулись.

— Вотъ теперь-то ты коронь, Фроассаръ! сказалъ громко Ласервоазъ. Все это удивительно реально.

— Молодецъ Фроассаръ! — Мы тебя любимъ. — Уважаемъ! кричали другіе.

Все это чрезвычайно удивляло знатныхъ, свѣтскихъ людей, которые пріятельски Вильареаль.

— Что это за люди? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Вѣроятно, знакомые маркизы, отбѣчалъ другой.

— Да, наши знакомые, сказала маркиза улыбаясь это.

— А тогъ, что пріятель послѣ всѣхъ? То же найдъ знакомый?

— Нѣтъ, этотъ мой зять.

— Да, я имѣю честь быть зятемъ почтеннѣйшей маркизы, сказалъ Фроассаръ; пріятельски кивая ей головою.

— Шути, шути, подумала маркиза, посмотримъ чѣмъ кончатся.

— Но въ такомъ случаѣ; говорили шепотомъ пріятели Вильареала: чѣмъ и мужъ и тогъ, кто отбилъ у него жену. Что-то будетъ!

— Фроассаръ, сказалъ скульпторъ Ласервоазъ: ты, на свои глаза, велишь какъ Вандомская колонна, дивный памятникъ владычества — курнаго вкусу; но позволь мнѣ заметить, что ты грубо ошибае; когда въ первую ночь своей свадьбы говорилъ о томъ; .. Да, во-первыхъ, поминишь ты первую ночь своей свадьбы?

— Какъ-нельзя лучше. Помните, мамаша?

— Наслыу-то добрались! подумала маркиза.

— После ужина, продолжала Ласервезъ, получившій, какъ и въ тотъ день, о которомъ говорили: послѣ ужина мы ѣли холодную говядину.

— И пилъ ромъ, сказалъ Вомансъ.

— И курили до самаго утра, прибавилъ Фрассаръ.

— Точно такъ. Ты пришелъ въ шмафоркѣ въ залу, гдѣ были всѣ гости и сказалъ: Господа, я открылъ что такое любовь. Любовь не что иное какъ любопытство.

— Я это сказалъ?

— Говорилъ! Говорилъ! закричали приятели.

— Ну, такъ я говорилъ очень умно: это прекраснѣйшее, самое вѣрное опредѣленіе любви.

— Ты сказалъ еще: Если мнѣ суждено невѣдать участка Марино Фалиеро или дожа Корнаро, то виновникомъ этого долженъ быть кто-нибудь изъ васъ, друзья мои. Тамъ что-бы въ-разъ вымечить васъ отъ любовничества, которое могло бы имѣть для меня неприятныя послѣдствія, я избралъ показать вамъ жену мою, какъ она есть. Пойдемте въ спальню.

— Прекрасно! вскричалъ Фрассаръ.

— Прекрасно, слова нѣтъ, продолжала Ласервезъ, но ты не угадалъ: нашелся человекъ любовничѣе насъ!

Слезы полились изъ глазъ Аделины. Вильгельмъ былъ въ отчаяніи, но говорилъ самъ себѣ: — И онъ не пошевелится! Но когда онъ молчитъ, я не имѣю права за нея затрунаться.

— Я и не обвиняю никого изъ васъ, сказала Фрассаръ съ величайшимъ хладнокровіемъ: я никого не обвиняю.... Ссылаюсь на жену.

Аделина встала и шатаясь, вышла изъ комнаты. Герцогъ ее душилъ. Герцогъ тоже всталъ, подошелъ къ Ласервезу и сказалъ: — Не забудьте, милостивый государь, что вы у меня въ гостяхъ.

— У насъ? Очень радъ.

— Такъ вы должны уважить меня, которые почтили меня своимъ посѣщеніемъ; а вы говорите такія вещи, что вамъ даже принужденъ были выйти изъ комнаты.

— Что жъ я скажеть?

— Что она имѣетъ незаконную связь.

— Да я для васъ и приглашаю сюда. Вотъ письмо, въ которомъ меня зовутъ обѣдать съ «другомъ» супруги нашего Фроассара.

Прочитавъ циркуляръ маркизы, Вирьяреаль взглянулъ на Фроассара съ выраженіемъ глубочайшаго презрѣнія. Тотъ, какъ бы отвѣчая на мысль его, сказалъ:—Это не я писалъ.

— Если не вы, отвѣчалъ герцогъ, такъ не угодно ли вамъ вмѣстѣ со мною развѣскачь кто это сдѣлалъ и тогда...

— Что жъ тогда?

— Кажется вы бы сами должны знать, что вамъ тогда остается дѣлать, сказалъ герцогъ выходя изъ комнаты.

— Боже мой! Боже мой! Ничто его не трогаетъ, ни инсинуации, ни оскорбленія, подумала маркиза. Неужели всѣ труды мои будутъ напрасны, неужели ничто на свѣтѣ не заставитъ его требовать разводу. Господа, сказала она вслухъ: если бы кто-нибудь при васъ осмѣлился оскорбить жену вашу, что бы вы сдѣлали?

— Я бы убилъ этого подлеца, сказалъ кто-то.

— Смигите, месье Фроассаръ? вскричала маркиза.

— Слышу, мадамъ.

— Это гдѣ васъ называютъ подлецомъ?

— Не думаю.

Онъ взялъ со стола ножъ и кинулъ его съ такою изумительною, кастильскою ловкостью, что ножъ потонулъ въ рану окна, отрывая на пути ледонъ велось того, кто это говорилъ.

— Я не объ васъ говорилъ, сказалъ тотъ, а объ оскорбителѣ.

— Въ такомъ случаѣ я беру свой ножъ назадъ, отвѣчалъ Фроассаръ.

— Оскорбленный такой же низкій человѣкъ, какъ и оскорбитель, если онъ терпитъ обиду, сказала маркиза.

— Кто же здѣсь оскорбленный? спросилъ хладнокровно Фроассаръ.

Маркиза отвѣчала ему только презрительнымъ взгля-

мать и продолжала, обращаясь къ гостямъ:—Дочь моя, по своему происхожденію и воспитанію, должна бы была выйти за человѣка знатнаго, богатаго, хорошаго поведенія и особенно за человѣка, который умѣлъ бы оцѣнить ее. Она вышла за мосье Фроссара.

— Мы вѣнчались въ церкви Вознесенія, прибавилъ Фроссаръ.

— Я не въ состояніи выразить сколько мы терпѣли съ-тѣхъ-вѣрь отъ гнуснаго разврата этого господина. Онъ куритъ.....

— Свой собственный табакъ, прибавилъ Ариетидъ.

— Играетъ.....

— Въ домино.

— Разорилъ насъ.....

— Промогавъ свое имѣніе.

— Онъ дождалъ до того, что приблилъ мою несчастную мать и теперь удивляется, что она отдалась подъ защиту человѣка благороднаго, добраго, прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ.

— Я, удивляюсь?

— Онъ сердится.

— Нисколько.

— Говоритъ всѣмъ и каждому, что у жены его незаконная связь.

— Отъ-роду никому не говорилъ.

— Грохотятъ позвать насъ въ судъ и тамъ очернить жену свою.

— Да я противъ нея ровно ничего не имѣю.

— Хочетъ требовать разводу.

— И не думаю....

— Коее готовъ, сказалъ лакей.

Всѣ встали изъ-за стола.

— Проклятый человѣкъ! вскричала маркиза, вставая послѣ всѣхъ: онъ ни отчего не краснѣетъ, ничѣмъ не оскорбляется. Конечно, я отказываюсь отъ борьбы съ нимъ, сказала она, бросая съ досадою салфетку и ух оидя въ другую комнату.

Герцогъ, Адельна и Нѣвлетты тотчасъ воротились въ

Парижъ. На дворѣ дома: намъ, свеклю, уже въспротивилася сама
наши.

— Черезъ десять дней мы будемъ въ Лиссабонѣ, отъ насъ
вердога.

— К чему же такое множество экипажей, спрешено
Аделаида, выйдутъ въ одинъ день: кареты и два экипажа!
И что это за женщины?

— Это все ваша свита, отвѣчалъ герцогъ. Тутъ ваша
лектриса, ваша компаньонка, ваши горничныя, пивен; въ
другихъ каретахъ вашъ докторъ, вашъ секретарь, управ-
тель, мси камердинеры, повара и разныя другія слуги.
Проще этого намъ путешествовать невозможно.

Вошелъ человекъ и обращаясь къ Аделинѣ, сказалъ: —
Ваша свѣтлость, кареты готовы.

Маркизь и маркиза уже сидѣли на мягкихъ подушкахъ
своей кареты; герцогъ и Аделина сѣли въ коляску, и
побѣдъ тронулся.

Аделина никогда не въѣзжала изъ Парижа и потому до-
рогою ее все удивляло и восхищало.

— Посмотрите, какъ это хорошо, говорила она: прекрас-
ный лугъ, овцы, козы.....

— Не купить ли?

— О нѣтъ, мой другъ, нѣтъ; но поглядите какой пре-
лестный замъкъ на уединенномъ холмѣ! Какъ счастлива
должна быть женщина, которой онъ принадлежитъ!

— Это счастье не мудрено приобрести и вамъ, если толь-
ко замокъ согласится продать. Мы завернемъ туда.
кучеры! кучеры!

— Боже мой, неужели же я ничего не могу пожелать,
чтобы вы мнѣ сейчасъ не подарили?

— Конечно, отвѣчалъ герцогъ съ легкой улыбкой: въ
нашемъ званіи женщина должна имѣть все чего бы ни по-
желала.

— Такъ въ вашемъ званіи женщина не можетъ изъяс-
лять никакихъ желаній?

— Отчасти такъ, моя милая: у насъ предполагается, что
женщинѣ нечего желать на землѣ, если только мужъ ея
не скрага.

— Конечно, сказала Аделина, покраснѣвъ.

На станціи карету, но обыкновенно, сѣружили нищія.

— Ничь ли у васъ мелочи? сказала Аделина. Жалко смотрѣть на этихъ бѣдныхъ людей.

— Мелочи? повторилъ съ удивленіемъ герцогъ.

— Да, мѣди.

— Мѣди!

— Ну, да, подать нищимъ.

— Такъ раздайте имъ что боть въ этомъ кошелекѣ; сказала герцогъ, подавая ей прекрасный кошелекъ.

— Но тутъ только золото

— Я могу дать вамъ только то, что у меня есть, отвѣчала герцогъ съ улыбкою, въ которой было что-то тѣлостное, какъ снисходительность.

— Нечего дѣлать, сказала Аделина съ нѣкоторою досадою, и начала раздавать нищимъ золотыя монеты. Ей долго удивились, что пустились ѡбжать какъ-будто съ ума сошла, или украли эти деньги.

— Довольны вы ихъ счастьемъ? спросилъ герцогъ.

— Если бъ я ихъ дала по пяти су, они бы поблагодарили меня, отвѣчала Аделина; но двадцать франковъ для нихъ капиталъ и они уже благодарны какъ бѣлочки. Такъ у васъ ничь мелкой монеты?

— Милая моя, сказала герцогъ съ тою же снисходительностію: вы такъ ужны,—зачѣмъ же вы притворяетесь будто этого не знаете? Мы не держимъ другихъ денегъ кромѣ золота, точно такъ какъ не носимъ другихъ пальто кромѣ батистовыхъ и другихъ перчатокъ кромѣ бѣлыхъ. Это отличаетъ насъ отъ другихъ людей. Между монетою, которая перебивала уже Богъ знаетъ въ какихъ рукахъ, можно имѣть людей, которые ходятъ безъ перчатокъ, а объ мѣди я уже не говорю. Золото наша монета; какъ гербъ наша вывѣска. Я бы очень благодаренъ былъ вамъ, если бы вы впередъ дѣлали, какъ я, не доверялись ни до какой другой монеты кромѣ золотой.

— Какъ же имъ впередъ подавать милостыню?

— Поручите это вашимъ людямъ, или дѣлайте такъ какъ сегодня.

Аделина вдохнула и премолачала. На станціи, поймавъ герцагу, она вдругъ вскрикнула.

— Что съ вами? спросилъ герцогъ въ испугѣ.

— Ничего. Ногу что-то больно. Вѣрно, неловко сѣла.

Потомъ, когда они снова поѣхали, въ коляску съ ними сѣлъ кто-то третій.

— Это вашъ докторъ, Аделина, сказалъ герцогъ: гонимая, докторъ Виженскій, лейбъ-медикъ ея величества, моею августѣйшей государыни.

По неотступнымъ просьбамъ герцога, Аделина принуждена была нѣсколько дней принимать какія-то микроскопическія зернышки и докторъ ѣхалъ съ ними во всю дорогу. Онъ дотога надѣлалъ Аделинѣ, что это совершенно разстроило ея слабыя нервы и она точно захворала, когда они сѣли въ Гаврѣ на пароходъ. Но чтобы избавиться отъ несноснаго доктора, она скрывала свою болѣзнь, не соблюдала діеты, улыбалась, когда готова была плакать, и оставалась на палубѣ, когда ей слѣдовало бы сѣдѣть закутавшись въ каютѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что она пріѣхала въ Лиссабонъ совсѣмъ больная, и недѣли двѣ не могла выходить. Герцога видала она только за завтракомъ и обѣдомъ; отца и мать португальскій этикетъ не позволялъ ей принимать во время болѣзни, и они жили во флоридѣ, совершенно отдѣльномъ отъ главнаго дому. Такимъ образомъ она оставалась почти всегда одна въ великолѣпныхъ покояхъ герцогскаго дворца и скучала немилосердно, такъ, что наконецъ впала въ меланхолію. Герцогъ по-прежнему былъ влюбленъ въ нея когда они оставались одни, но при людяхъ онъ соблюдалъ величайшую важность; чинность его со дня на день увеличивалась, и это огорчало Аделину.

— Другъ мой, сказала она однажды: теперь мнѣ лучше, гораздо лучше и я думаю, что если бъ я погуляла немножко, то совершенно оправилась бы.

— Какъ я радъ, что ты это сама говоришь, сказалъ герцогъ: я боялся спросить тебя, чтобы ты не притворилась здоровою для того, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе.

— Такъ пустьмся гулять. Мнѣ стѣтъ только надѣть шляпку и перчатки. Сегодня мы осмотримъ ваши гульбища, которыя по-ближе; завтра купеческій кварталъ; послѣ завтра портъ; тамъ церкви, памятники... И какъ мнѣ все-

ю будетъ! Все это для меня ново; притомъ мы будемъ вмѣстѣ любоваться вашимъ прекраснымъ Лиссабономъ. Такъ пойдемъ же.

— Позволь, моя милая. Какъ же ты хочешь гулять: пѣшкомъ или въ каретѣ?

— О, ради Бога, не къ каретѣ! Мы десять дней пробыли на морѣ; потомъ вотъ уже двѣ недѣли какъ я сижу дома: почти мѣсяцъ безъ движенія! Мнѣ надобно походить, подышать свѣжимъ воздухомъ, какъ бывало мы, въ Парижѣ, ходили въ Тюльрійскій Садъ и въ Елисейскія Поля.

— Ты не знаешь, моя милая, сказалъ герцогъ съ принужденною улыбкою: у насъ въ Лиссабонѣ порядочные люди никогда не ходятъ пѣшкомъ. Показаться намъ съ тобою на улицѣ, значило бы нарушить всѣ приличія; весь городъ заговорилъ бы объ этомъ.

— Такъ я не могу походить пѣшкомъ?

— Чтò дѣлать, моя милая, сказалъ герцогъ, цѣлуя ея руку:—Мы рабы древнихъ обычаевъ, нравовъ, освященныхъ вѣками.....

— Если такъ, поѣдемъ въ каретѣ; я не хочу нарушать вашихъ обычаевъ. Притомъ, я всегда готова дѣлать чтò тебѣ угодно.

Аделина хотѣла-было уже позвонить горничную, но герцогъ во второй разъ остановилъ ее.

— Я говорилъ тебѣ, моя милая, что наша августѣйшая королева въ своемъ загородномъ дворцѣ Чинтрѣ. А когда королевы нѣтъ въ городѣ, то предполагается, что и все высшее дворянство тамъ, гдѣ ея величество. Поэтому намъ днемъ никакъ нельзя показываться на улицѣ.

— А долго ли королева пробудетъ еще въ Чинтрѣ?

— Мѣсяца два. Тебѣ скучно будетъ, моя милая?....

— Съ тобою мнѣ никогда не скучно. Но согласись, что въ Парижѣ гораздо свободнѣе, гораздо веселѣе. Идешь и ѣдешь, когда хочешь, куда хочешь, и никто не находитъ этого неприличнымъ, никто не обращаетъ на это вниманія.

— Дѣло въ томъ, моя милая, что Франція нынче страна не аристократическая, какъ была прежде. Франція республика, которая отдаетъ Тюльри внаймы королю на болѣе или менѣе продолжительное время. Но оставимъ это.

милая моя, и лучше подумаемъ о томъ, какъ бы вознагра-
дить тебя за скуку нашей уединенной жизни. Черезъ мѣсяцъ
я дамъ обѣдъ; мы пригласимъ всю нашу португальскую
знать. Давно пора познакомить ихъ съ моею женою....

— Съ твоею женою! сказала Аделина покраснѣвъ.

— Если бѣ ты и точно была жена моя, я не могъ бы лю-
бить тебя больше теперешняго. Притомъ я всею говорю,
что въ Парижѣ женился. Но вотъ въ чемъ дѣло, моя ми-
ленькая герцогиня. Перековеркать имя одного изъ этихъ
грандовъ значило бы оскорбить все дворянство. Такъ
постарайся выучить хорошенько ихъ имена и прозванія,
чтобы показать имъ какъ ты высоко цѣнишь историче-
скія имена и знатность роду.

— Такъ дай же мнѣ списокъ этихъ именъ.

— Вотъ онъ, сказалъ Вильярсаль, вынимая изъ карма-
на длинный списокъ. И онъ началъ читать: — Графъ Ма-
скареньдасъ де Санъ-Виченте да Бепра; — маркизъ Бальза-
мао де Голетта; — маркиза Гвимазаисъ де Монфорте де
Рю Ливре; — графиня Алафозъ де Вилья Вальга де Ро-
дао; — герцогиня Торьесъ д'Иданга а Нова и....

— О, Боже мой, да я никогда этого не запомню, да мнѣ
и не выговорить всѣхъ этихъ именъ!....

— А ихъ еще двѣсти, моя милая. Какъ же быть? Вѣдь
дѣло въ томъ, что если ты ихъ не будешь знать, то мнѣ
невозможно дать обѣдъ.... Такъ притворись больною и я
стану всею говорить, что ты не принимаешь, потому что
лежишь въ постели....

— Лежу въ постели? Такъ мнѣ опять два мѣсяца сидѣть
въ комнатѣ! Давай списокъ, черезъ мѣсяцъ я буду знать
его наизусть.

— Ты мила какъ-нельзя больше, сказалъ Вильярсаль,
цѣлуя ее въ лобъ: ты скоро будешь герцогиня во всей фор-
мѣ. Что дѣлать! Мы должны знать всѣ эти вещи, которыя
у васъ въ Парижѣ считаются пустяками. Уничтожь эти пу-
стяки и дворянство не существуетъ. Ты удивляешься,
что эти имена такъ длинны? А ты не знаешь моего
имени?

— Октавій де-Вильярсаль.

— О, это только частица моего имени. **Фамилія**

Бразилкамъ Боргесъ Кастельо Пинто Корруче Маъсаро
де-Вилья-Реаль.

Но оставимъ Аделину въ Лиссабонѣ и поглядимъ, что дѣлаетъ Фроассаръ въ Парижѣ. Однажды онъ пришелъ съ своими пріятелями въ ростовщичку Малаэстру и сказалъ: — Ты видишь передъ собою, любезный Малаэстра, четверку молодыхъ людей, которыхъ кошелеки пусты какъ вывезенное пространство.

Клавдій Малаэстра посмотрѣлъ заперта ли дверь, въ которую только-что ушли его жена и дѣти, заперта ли его бюро; потомъ сѣлъ на свое мѣсто и сказалъ: — Вамъ надо денегъ? Да у кого нынче есть деньги? Притомъ я ужъ вамъ много передавалъ.

— Да вѣдь мы тебѣ отдали.

— Съ большимъ трудомъ. Но и теперь еще должны ....

— Двѣ-то тысячи франковъ? Эго бездѣлка. Перенеси ихъ въ новый счетъ.... Ну, да хорошо, поставь вмѣсто двухъ, четыре тысячи и дай намъ тысячу франковъ. Мы дадимъ тебѣ вексель за общимъ нашимъ подписаніемъ. А вѣдь наши подписи — золото.

— Лучше бы какое-нибудь другое обезпеченіе. Впрочемъ, это все равно: у меня денегъ нѣтъ.

— Не забудь, что у меня отецъ богатый человекъ и что послѣ него у меня будетъ тридцать тысячъ доходу.

— Да, послѣ него.

— А я тебѣ скажу по-секрету: вчера онъ былъ очень боленъ.

— Очень жаль. Впрочемъ, я вамъ говорю, что у меня денегъ нѣтъ.

— Божанси записался въ адвокаты и на дняхъ говоритъ первую свою рѣчь въ королевскомъ судѣ.

— Прекрасно; но у меня денегъ нѣтъ.

— Денегъ нѣтъ, да денегъ нѣтъ, только и наладимъ! Да вѣдь говорятъ тебѣ, что намъ нужно только тысячу франковъ.

— А у меня и ста франковъ нѣтъ.

Ласервоэль всталъ и хотѣлъ было идти; но Фроассаръ остановилъ его.

— Ну, послушай, Маластръ, сказалъ онъ: ты не хочешь дать намъ четверымъ тысячи франковъ; такъ дай мнѣ одному четыре тысячи.

— Приходите завтра одни: мы поговоримъ.

— Чтò за чудеса! сказалъ Ласервоазъ уходя: не хотѣлъ дать тысячи франковъ, а теперь дастъ четыре.

— Очень не мудроно: дать четыре тысячи одному, у котораго отецъ богатый человекъ, гораздо вѣрнѣе, чѣмъ тысячу четверымъ, у которыхъ ничего нѣтъ.

На другой день, на разсвѣтѣ, Маластръ отправился со двора; дошелъ до улицы des Mauvais Garçons, одной изъ самыхъ старыхъ и самыхъ грязныхъ въ Парижѣ; добрался до стараго, закопченнаго домика и постучалъ кольцомъ въ дверь. Стукъ разбудилъ собаку, собака разбудила человека, человекъ отворилъ дверь. — Ахъ, это ты, Маластръ!

— Я, любезный Жирофлакъ.

— Поди въ гостиную.

Гостиная Жирофлака походила на магазинъ рѣдкостей, или старую кладовую, въ которой вѣтеръ все перемѣшалъ. На веревкахъ висѣли платья, богатые шпаги, драгоценные пистолеты, на полу стояла коллекція чучель, львы, тигры, гиены, чакалки. Само собою разумѣется, что все это оставлено было въ закладъ. Жирофлакъ поглядѣлъ, гдѣ бы посадить пріятеля, и не нашелъ ничего кромѣ медвѣдя.

— Сидемъ тутъ, сказалъ онъ: это добрый товаръ, я дамъ, такъ, бездѣлку, подъ закладъ этого медвѣдя. Ну, скажи-ка ты мнѣ, какимъ вѣтромъ тебя принесло?

— Какой у тебя славный надгробный памятникъ! сказалъ Маластръ, указывая въ уголь.

— Да, это одинъ молодецъ хотѣлъ увѣковѣчить свою горестъ, поставить великолѣпный памятникъ на могилѣ своей любезной, какой-то мамзель де Сенъ-Балу, какъ известно изъ надписи; да денжонокъ не хватило: видишь, все мраморъ, да бронза. Такъ, что ему ѣсть было нечего. Онъ и оставилъ мнѣ памятникъ въ закладъ. Я дамъ всего только пять сотъ франковъ. Продамъ на вѣсь. Авось заручу.

— Какъ не выручить! Послушай, Жирофлакъ, мнѣ надобно четыре тысячи франковъ.

— Возьми монхъ львовъ; а наличныхъ нѣтъ. Или, пожалуй, возьми двѣсти сѣделъ.

— Мнѣ надобно четыре тысячи франковъ. Черезъ полгода я отдамъ тебѣ пять тысячъ. Хочешь?

— Тысячу-то на четыре тысячи въ полгода? Нѣтъ, давай двѣ.

— Да я самъ получу только тысячу барыша.

— Толкуй! Знаю я тебя! Ты получишь и всѣ четыре.

Маластръ всталъ и хотѣлъ уйти.

— Ну, вотъ, ужъ и разсердился! сказалъ Жирофлакъ. Ну, дай двѣ тысячи, такъ я отдамъ тебѣ въ-добавокъ и памятникъ и коллекцію чучель. Прелесть, что за чучель! Вѣдь словно живые!

— Ну, ну, давай деньги.

Жирофлакъ выбѣжалъ на улицу. На паперти сосѣдней церкви сидѣлъ нищій, слѣпой, калѣка, оборванный, грязный, отвратительный и плаксивымъ голосомъ говорилъ богатой богомолкѣ, которая проходила мимо него: — Подайте, Христа ради!

Жирофлакъ ударилъ его по плечу. Нищій понялъ, всталъ и пошелъ за нимъ въ церковь. Онъ сталъ за толстымъ столбомъ и Жирофлакъ сказалъ: — Мнѣ надобно четыре тысячи франковъ на полгода.

— А что мнѣ будетъ за мои молитвы?

— Двѣсти франковъ, золотомъ, монетами повенькими, свѣтленькими какъ твои глаза, хоть ты и притворяешься слѣпымъ.

— Маловато. Развѣ пять сотъ.

— Прошу покорно! Пять сотъ франковъ за полгода!

— Ну, да рѣшайся, Жирофлакъ. Вѣдь ты у меня время отнимаешь: я бы ужъ теперь получалъ три или четыре су.

— Ну, ну, хорошо, только половинцу я тебѣ отдамъ деньгами, а половину парнками:—у меня ихъ на двѣсти пятьдесятъ франковъ.

— Пожалуй. Только новые ли?

— Конечно. Они остались у насъ одного сенатора.

— Ну, ужъ такъ и быть; для тебя только, Жирофлакъ. Подожди; сейчасъ принесу.

— Ступай скорѣй.

Ниццй пошелъ; но вдругъ воротился. — А дашь дескъ су, за то, что продержалъ меня такъ долго? Вѣдь я, право, въ это время больше бы получилъ.

— Экой лакомка! сказалъ Жирофлакъ. Ну, хорошо, ступай, только скорѣй.

Четыре тысячи дошли до Фроассара слѣдующимъ образомъ: Жирофлакъ далъ за нихъ нищему пять сотъ франковъ; Малластръ Жирофлаку двѣ тысячи; Фроассаръ Малластру четыре. То есть, онъ получилъ четыре тысячи, а далъ вексель въ осемь.

Но нельзя же занимать всякой дещ; не дадутъ. А деньги у Фроассара какъ-то не уживались. Чтѣ дѣлать? Чтѣ прокормиться, да не только прокормиться, а чтобы весело пожить? Надобно, какъ говорится, подняться на сферы. Къ счастью умъ у Фроассара былъ свѣтлый, свѣтливый, изобрѣтательный. Однажды онъ шелъ по улицѣ и видитъ: идетъ оппозиціонный депутатъ; мимо ѣдетъ карета съ гербами. Карета забрызгала депутата грязью.

— Неучъ! Негодяй! закричалъ депутатъ. Чванится своей знатностью и брызжетъ грязью въ людей, которые вдесятеро лучше его!

Свѣтлая мысль блеснула въ головѣ Фроассара.

— Отчего, подумалъ онъ, депутатъ обругалъ знатнаго? Оттого, что онъ самъ не знатный. Будь онъ знатный, онъ просто бы обтерся и не сказалъ ни слова. Его мучитъ зависть. А вѣдь въ Парижѣ такихъ людей сотни тысячъ. Если съ ихъ всѣхъ сдѣлать знатными? Если бѣ я, Аристандъ Фроассаръ, сдѣлалъ ихъ всѣхъ знатными? Я знаю геральдику лучше чѣмъ кто-нибудь.... Въ улицу Гренель! закричалъ онъ своимъ сапогамъ, и сапоги понесли его въ улицу Гренель.

Фроассаръ вошелъ на дворъ одного великолѣпнаго отеля. — А чтѣ, сказалъ онъ женѣ придверника: у васъ бѣзъэтажъ порядочный?

— Порядочный? Великолѣпный! Въ немъ бѣзъэтажъ гребъ и граблей.

- А сколько комнатъ?
 — Четыре на дворъ, четыре въ садъ. Коюшня на четыре стояла.
 — Мало.
 — Вы человекъ семейный?
 — Да, только жена и дѣти мои еще не прѣехали. Коюшня мала.
 — Такъ у васъ вѣрно, нѣсколько экипажей?
 — Только они всѣ съ женой. Ну, да нечего дѣлать. Я беру вашу квартиру. Снимите билетъ.

Дня черезъ три послѣ этого во всѣхъ журналахъ явилось слѣдующее объявленіе.

СПРАВОЧНОЕ МѢСТО ФРАНЦУЗСКАГО ДВОРЯНСТВА,
 содержащее

КАВАЛЕРОВЪ ДЕ СЕНТЬ-КРОА,

членамъ разныхъ орденовъ, военныхъ и духовныхъ.

Въ улицѣ Гренель, № 78.

Прежде всего Аристидъ выставилъ на каждой двери надпись: Приемная. — Зала совѣта. — Кабинетъ кавалера де Сентъ-Кроа. — Канцелярія. — Архивъ. — Касса.

Черезъ нѣсколько дней Фроассаръ пришелъ въ свою великолѣпную квартиру и привелъ съ собою какого-то господина, и комиссіонера. Господинъ былъ весь въ черномъ; комиссіонеръ несъ столъ и нѣсколько книгъ старыхъ законченныхъ бумагъ. Господинъ въ черномъ платьѣ былъ извѣстный намъ музыкантъ Послѣдняя Гитара; онъ взялся играть роль лакея, канцелярскаго чиновника и секретаря. Законченныя бумаги составляли архивъ Справочнаго мѣста.

Аристидъ разослалъ по городу великолѣпное объявленіе, написанное хитро, кудряво и непонятно. Яснаго въ немъ было только то, что Справочное мѣсто учреждаетъ ся для доставленія дворянамъ свѣдѣній о ихъ предкахъ, ихъ прежнихъ владѣніяхъ, и прочая, каковыя свѣдѣнія заимствуются изъ документовъ хранящихся въ архивѣ Справочнаго мѣста; что при заведеніи состоитъ б. д. и т. д.; и что записывающіеся платятъ впередъ по осьмидесяти франковъ въ годъ.

Дело было совсемъ не въ томъ, что сказано въ объяв-

ленин; но мы это сейчас увидимъ изъ слѣдующаго разговора кавалера де Сентъ-Кроа съ однимъ посѣтителемъ.

— Кавалеръ де Сентъ-Кроа дома?

— Пожалуйте въ кабинетъ, отвѣчалъ Послѣдняя Гитара.

Посѣтитель былъ очень блазрукъ. Онъ почти ощупью пробрался въ довольно темный кабинетъ хозяина.

— Вы кавалеръ де Сентъ-Кроа?

— Я, къ вашимъ услугамъ. Прошу покорно садиться.

Фроассаръ отступилъ на два шага: посѣтитель былъ отецъ его.

— Я имѣю причины полагать, кавалеръ, сказалъ старикъ, что я происхожу изъ дворянскаго роду; но ближайшіе предки мои не заботились о своемъ дворянствѣ; а я рѣшился возстановить свои права.

— И очень хорошо дѣлаете, отвѣчалъ Аристидъ, измѣняя свой голосъ.

— Не умѣю вамъ сказать, въ какое время родъ нашъ получилъ дворянское достоинство.

— Происхожденіе вашего роду теряется во мракъ времениъ.

— Именно такъ; но я хотѣлъ бы вывести его изъ этого мраку, чтобы жениться на одной знатной дамѣ, а главное, признаюсь вамъ откровенно, чтобы меня не считали отцомъ одного негодая, мотыги, повѣсы, который срываетъ меня.

— Нѣтъ ничего легче. Какъ васъ зовутъ?

— Жанъ-Каскаре-Фроассаръ.

— Ай, ай! Имена не дворянскія! Нужды нѣтъ. Мы половину отбросимъ, а изъ остальнаго что-нибудь сдѣлаемъ. Гдѣ жили ваши предки?

— Въ Греноблѣ.

— Прекрасно. Такъ вы Бретонецъ. Васъ прежде звали не Каскаре, а Каскаруэ. Имя ваше измѣнилось когда предки ваши переселились изъ Бретани въ Дофинѣ; но впередъ смѣло подписывайтесь Каскаруэ де Каскаруэ, и вы будете знатны, какъ извѣстныя Бретанскія фамиліи Керкабу, Керкамарекъ, Керкангуръ и прочая. Чѣмъ вы хотите быть? Кавалеромъ? Это не душно, отъдается прелесть

нѣтъ. Можно бы барономъ, но это уже слишкомъ обратитъ на васъ вниманіе; маркизомъ еще хуже; кавалеромъ всего лучше. Попробуемъ. Вы пріѣзжаете въ какой-нибудь домъ. Лакей докладываетъ: — Кавалеръ Каскаруэ де Каскаруэ! Хорошо. Вамъ пишутъ. Попробуемъ.

И Аристидъ написалъ

Кавалеру Каскаруэ
де Каскаруэ.

— Очень красиво. Вы скончались. Попробуемъ. Въ газетахъ напечатано :

Еще одинъ знаменитый родъ прекратился. Къ общему сожалѣнію вчера скончался послѣ продолжительной болѣзни, на шестьдесятъ семь лѣтъ своей жизни, кавалеръ Каскаруэ де Каскаруэ, послѣдній потомокъ этой знаменитой фамиліи. Миръ праху твоему, добродѣтельный человѣкъ!

— Прекрасно! Такъ вы кавалеръ Каскаруэ де Каскаруэ. Честь мнѣю поздравить.

— Покорно благодарю. Но гдѣ же доказательства моего дворянства? документы?

— Сейчасъ будутъ. Съ какого времени должно начинаться ваше дворянство?

— Съ Людовика Святаго.

— О нѣтъ; это невозможно. Довольно съ Генриха Четвертаго.... Малага! Малага! — Это мой секретарь, сказалъ Фроассаръ: онъ то же дворянинъ, потомокъ Сида этого имени.

— Я знаю только вино малагу, отвѣчалъ старикъ Фроассаръ.

— Малага! Мнѣ надобно письмо Генриха Четвертаго къ предку кавалера Каскаруэ де Каскаруэ, сказалъ Аристидъ. Послѣдней Гитаръ, указывая на отца.

— Очень хорошо, кавалеръ.

— Коротенькое и выразительное. На его манеръ. Письмо писано послѣ сраженія при Дре.

— Слушаю.

Малага ушелъ, а кавалеръ Сентъ-Крѳъ занялся составленіемъ герба кавалера Каскаруэ де Каскаруэ. Помѣстилъ въ него двѣ двѣсти. Старикъ просилъ малага ли прибавитъ. — Ну, такъ и быть, прибавитъ третью, съ двѣстами:

«Есть и четвертый.» Четвертый левъ вы, вашъ батюшка, вашъ дѣдушка и такъ дагѣе. Въ нашемъ родѣ всегда были львы. Пока они толковали о гербѣ, Последняя Гитара принесъ письмо Генриха Четвертаго. Генрихъ писалъ следующее:

«Моему вѣрному Каскару де Каскару.»

«Я зналъ, что ты храбръ; но не зналъ, что ты храбро меня.»

«Обищу тебя въ Парижѣ.»

«Твой кароль,

ГЕНРИХЪ.»

— Прекрасно! сказала Арстидъ: съ этими вы знаете Фогановъ и Монморанси. Малага, перонини, востелли и приложи печать. Теперь дѣло наше кончено. У васъ дворянское имя, титулъ, предки ваши владѣли поимѣстемъ и одинъ изъ нихъ былъ любимцемъ Генриха Четвертаго.

— Сколько жъ я вамъ долженъ, кавалеръ?

— Двадцать тысячъ франковъ.

— Двадцать тысячъ франковъ! вскричалъ старикъ, уронивъ очки.

— Меньше нельзя, дражайшій паненька.

Старикъ Фроассаръ отскочилъ: — Какъ, это ты, негодяи! Такъ вотъ ты на что пустился!

— А вы-то, паненька? Но какъ бы то ни было, пришлите мнѣ двадцать тысячъ франковъ; не то, я всѣмъ расскажу, что документы у васъ подложные. Понадеясь, паненька!

— А я скажу, что ты ихъ и изготовилъ. Понадеясь, сынокъ!

Отецъ и сынъ съ удивленіемъ посмотрѣли другъ на друга. Сынъ захохоталъ, отецъ разсердился и ушелъ.

Дѣло не пошло. Черезъ мѣсяцъ «Справочное и все» было закрыто. Арстидъ и Последняя Гитара ѣзжали.

Оставшіеся третій или четвертый разъ безъ кура хлѣба и безъ пристанища, Арстидъ глубоко размышлялъ о томъ, чѣмъ ему занять свой умъ, чтобы питать тело, и не одно свое, а и тѣлеса троихъ друзей своихъ, потому что безъ него они бы пропали.

Остатки. Они восторжествуютъ. Гитара — въ — — — — —

съ какого-нибудь герцога, сверженнаго съ престола, до лакея безъ мѣста. Имъ попался на встрѣчу одинъ изъ ихъ шлохившихъ товарищей, Граньё, человекъ презыдительно невротизма: Вазевоориэльъ. Они рассказали ему свое горе. Онъ съ душою кахотель, услышавъ о повѣдѣннй выдумѣ Арветида, и наконецъ сказаъ:

— Такъ вамъ вѣтъ нечаго, братцы?

— Ничаго.

— Прекрасно. Вы очень кстати мнѣ попались: я только что задумалъ проектъ великолѣпный,...

— Въ твои проекты великолѣпны; но это малѣйшнй изъ недостатковъ, сказаъ Ласервоайъ.

— Увидишь, отвѣчалъ Граньё. Я принимаю васъ всѣхъ въ товарищи. Но здѣсь нельзя объ этомъ говорить; нынче идеи крадутъ какъ платки изъ кармана.

Прятеляи ушли въ уединенную аллею и усѣлись.

— Ты хотѣлъ извлечь пользу изъ людскаго самолюбнй, сказаъ Граньё, обращаясь къ Фроассару. Извини, любезный другъ; но это очень старо. Я намѣренъ извлечь пользу изъ другаго чувства, которое гораздо доходитѣе, когда его поприжмешь. Это чувство—близнь; оно тѣмъ хорошо, что никогда не проходитъ: люди всегда боятея. Понимаете?

— Нисколько.

— Мы будемъ издавать журналъ.

Всѣ захохотали.

— Журналъ! Вотъ новость-то! сказаъ Ласервоайъ. Когда журналы, которые существуютъ уже по двадцати лѣтъ, не покрываютъ издержекъ. Да притомъ для этого нужна бездѣлка, которая у насъ врядъ-ли найдется. Во-первыхъ, сто тысячъ франковъ обезпеченнй; потомъ триста или четыреста тысячъ на уплату за штемпель, редакцню и печатаннй..... Ай де-Граньё! Какой же это будетъ журналъ, политическнй, литературный?....

— Нравственнй.

— Нравственнй журналъ! Удивительно рельефно! Дай обвиню тебя, Граньё!

— Нашъ журналъ не будетъ нападать ни на недостатки; ни на пороки, ни на преступленнй, отвѣчалъ хладнокровно Граньё.

— Да что жь онъ будетъ дѣлать?

— Пойдемте со мною, такъ узнаете.

Пріятели отираивились за своимъ предводителемъ въ одно изъ тѣхъ предмѣстій, которыя были настоящимъ предместьемъ Парижа. Мѣсто, куда Граньё повелъ своихъ бывшихъ товарищей, называлось *Boulle-Rouge*. Передъ входомъ на этотъ дворъ былъ родъ пруда, какіе дѣлаютъ для утокъ; разливался по-немного, прудъ захватилъ и троттуары. На дворѣ, въ болотѣ, стояли безъ всякаго порядка домишки или, лучше сказать, шалаши. Тутъ была типографія, въ которой Граньё намѣревался печатать свой журналъ; типографія, разумѣется, незаконная. Впрочемъ, въ Буль-Ружъ и кромѣ-того было много незаконнаго.

— Куда это ты насъ ведешь? спросилъ Аристидъ.

— Пришли, отвѣчалъ Граньё. Это мы! громко сказалъ онъ, входя въ какую-то трущобу, гдѣ видѣлся типографическій станокъ. Къ нимъ подошелъ какой-то отвратительный урокъ съ краснымъ носомъ. Въ зубахъ у него торчала коротенькая трубка.

— Я не прошу васъ садиться, сказалъ онъ.....

— Не мудрено: не на чѣмъ, замѣтилъ Ласервоазъ.

— Но мы можемъ поговорить стоя.

— Эги господа, сказалъ Граньё, наши сотрудники, люди съ большими дарованіями: мосьё Фроассаръ, капиталистъ. Онъ намъ будетъ очень полезенъ, потому что долго жилъ въ большомъ свѣтѣ и знаетъ кого можно заставить *попичать*.

— Что это значить: попичать? спросилъ Последняя Гитара.

Граньё и типографщикъ взглянули другъ на друга и презрительно улыбнулись.— Вотъ мосьё Ласервоазъ, артистъ, скульпторъ гениальный, и не понятый. Онъ втопчетъ въ грязь всю свою собратью, которая засѣла въ институтъ, забрала въ свои руки всѣ заказы и разжила на счетъ молодыхъ художниковъ. У него весь институтъ *замкнутъ*. Вотъ этотъ—отличный артистъ. Ты, вѣрно, слыхивалъ о Последней Гитарѣ. Онъ беретъ на свою долю дирекцію театровъ, актеровъ, актрисъ и составляетъ *пичать*

каждаго изъ нихъ кто не подпишется на двадцать экземпляровъ нашего журнала.

Аристидъ и его пріятели думали, что попали въ пещеру Сивиллы, такъ все это казалось имъ таинственнымъ и загадочнымъ.

— Божансі, продолжалъ Граньё, будетъ принимать вмѣстѣ со мною тѣхъ, которые станутъ приходить, чтобы потребовать какихъ-нибудь объясненій или просить о поправкѣ.

— Придумалъ ли ты заглавіе? спросилъ типографщикъ.

— Да, «Чистилище,» отвѣчалъ Граньё. Покуда не видишь, сди въ Чистилищѣ; пропущалъ, ступай въ Рай; не хочешь видѣть, такъ отправляйся въ Адъ.

— Очень хорошо, сказалъ типографщикъ. Такъ первую страничку можно пустить на станокъ. Эй, Ла-Жониссъ, закричалъ онъ, обращаясь къ батырщику: похоронные билеты кончимъ въ другой разъ, а теперь надобно пристаться за журналъ.

— Да скажешь ли ты намъ, наконецъ, что это за журналъ? спросилъ Аристидъ.

— А вотъ что. Въ Парижѣ, какъ вамъ извѣстно, есть люди богатые, есть и бѣдные; къ послѣднимъ, тоже, какъ вамъ извѣстно, принадлежимъ и мы. Чтобы возстановить, по-возможности, равновѣсіе, въ послѣднее время придумывали множество средствъ, но всѣ они никуда не годятся или ведутъ къ цѣли слишкомъ медленно; а мы хотимъ быть богатыми не когда-нибудь, а нынче же, теперь. Богатый, продолжалъ Граньё, на лицѣ котораго блистала улыбка злодѣя въ родѣ Ласснера: богатый не боится оружія грабителя, но онъ боится печатнаго листа, который называется журналомъ. Погрози журналъ вывести на слѣжую воду всѣ его мерзости и при этомъ назвать его по имени: онъ поблѣднѣетъ, задрожитъ, повалится на свой носогубъ, откроетъ его. .. а мы тутъ-какъ-тутъ, чтобы взять что слѣдуешь. Печатный листокъ имѣетъ величайшее вліяніе и на дѣльца, котораго спекуляціи не совѣмъ чисты; и на чиновника, который въ семейномъ кругу ведетъ жизнь не примѣрную, и на актрису, которой слова въ нашихъ рукахъ. Слова убиваютъ, а у каждого

человек есть слово, которымъ его можно убить. И мы будемъ замахиваться на него этимъ словомъ, пока онъ не выкунитъ своего вражескаго грѣха. Посмотрите на этого ирраціи поддаль: съ нѣкоторой легкостью, съ неустрашимостію, съ постоянствомъ, мы можемъ превратить его въ ирраціи дворецъ.

Грань замолчалъ. Аристидъ и другие его были пораженны удивленіемъ и ужасомъ: такое гнусное предпріятіе ихъ пугало. Дѣло въ томъ, что они были шалунки, пошлы, люди безпорядочные, но большаго ничего.

Грань замѣтилъ ихъ нерѣшительность и сказалъ: — Это предпріятіе совсѣмъ не постыдное, какъ вы, камешки, думаете. Мы будемъ исправлять, для своей собственной пользы, нравственность богачей: вотъ и все. Какъ, вы постыдитесь выманить двадцать пять лундоровъ у богача? Журналъ нашъ до того исправитъ общество, что современемъ не будетъ ни злоупотребленій, ни плутни, ни бѣдныхъ....

— Бѣдняками будутъ одни богачи, замѣтилъ Ласервоазъ.

— Корректурa первой полосы, сказалъ типографикъ; приготовьте по-скорѣе оригиналу для второй полосы.

— Сейчасъ, отвѣчалъ Грань. Ну, господа, за работу. По десяти строкъ на брата. Отдѣлайте кого хотите, да только безъ жалости; надобно, чгобы первый ударъ былъ какъ-можно сильнѣе. А ты, сказалъ онъ обращаясь къ типографщику: закажи намъ хорошій ужинъ въ сосѣдней рестораціи. Намъ пятеро. Такъ двадцать дюжинъ устрицъ, въ томъ числѣ четыре дюжины остендскихъ, морскаго рака, пару цыплятъ съ трюфелями, холодный паштетъ изъ дичины, жареную рыбу, кампотъ à la Conde, три бутылки бордосскаго, три бутылки стараго бургонскаго, и двѣ бутылки шампанскаго во льду. Мы будемъ ужинать, какъ-скоро кончимъ журналъ.

— Да кто жъ заплатитъ за этотъ роскошный ужинъ? вскричалъ Фроассаръ.

— Никто, отвѣчалъ Грань. Содержатель этой рестораціи три раза объявлялъ себя банкротомъ: сначала въ Бордо, потомъ въ Нантъ, потомъ въ Руанъ. Да десертъ

темъ я ему скажу; пришлите завтра счетъ въ типографію, что въ Буль-Ружъ.

— Ну, такъ ты заплатишь?

— И не думаю. Завтра онъ еще не успеетъ прислать счета; какъ уже получить нашу журналъ, а въ немъ вотъ что сказано: «Содержатель рестораціи въ Монмартрскомъ предмѣстіи Ч^о, человекъ чрезвычайно искусный въ своемъ дѣлѣ и у него вы всегда найдете что вамъ угодно. Въ владѣніяхъ его никогда не бываетъ недостатка когда надобно приготовить хорошаго обѣда на сколько бы человекъ то ни было». Онъ тотчасъ пойметъ тайное значеніе слова банкротства, напечатаннаго курсивомъ, и послѣ того и не подумаетъ прислать намъ своего счета. Но за работу, господа, за работу!

Пріятели благоговѣли передъ этимъ геніемъ зла, и дружно принялись за работу. Часа въ три утра типографщикъ положилъ передъ ними на столъ корректуру новорожденнаго журнала. Онъ начинался слѣдующимъ введеніемъ:

Мы не вѣримъ ни чьему таланту, ни чьей честности и говоримъ это во всеуслышаніе. Безъ зависти, безъ ненависти мы признаемъ, что неискренность и недобросовѣстность повсюду царствуютъ; прослужу торжествуютъ. Когда ни одинъ журналъ не осмѣливается сорвать личины со столькихъ плутовъ, отступниковъ, лицемеровъ, мы, молодые люди, которыхъ жизнь еще ничѣмъ не запятана, смѣясь признаемъ за это дѣло. Мы не станемъ намѣкать, а будемъ называть виновныхъ по именамъ. Трещайте, обманщики, вальсующіеся вальсующимъ ритманомъ: васъ ждетъ Чистилище; рѣшите сами, надобно ли вамъ откупиться отъ мукъ, которыя васъ ожидаютъ. Но чѣмъ же они могутъ откупиться? Исправленіемъ, возвращеніемъ того, что они похитили, и особенно, принявъ софты нашей редакціи, брѣя которой состоитъ искусный злокачѣль.

— Но, сказалъ Фроассаръ, въ Парижѣ вѣдь не одни дуры и дураки; никто не повѣритъ этому объявленію.

— А намъ какая надобность отвѣчать Гранъ? Довольно раздѣ, когда на другихъ нападаютъ...

— А какъ на нихъ нападутъ?

— Такъ они запишатъ какъ гѣ, надъ которыми они прежде смѣялись, а намъ только то и нужно. Посмотримъ теперь вторую статью; она тоже моя.

БЮГРАФІЯ ПАРІЖСКИХЪ БАНКИРОВЪ.

ЖАНЪ БЕРИ...

«Знаменитый банкиръ Жанъ Бері... сынъ разношника. Онъ родился въ Альзасѣ и съ раннихъ лѣтъ выказывалъ самымъ порочнымъ наклонностямъ. Еще ребенкомъ онъ нѣсколько разъ поджигалъ рѣчи и скирды сѣна. Впослѣдствіи, во времена республики, сдѣлавшись главнымъ поставщикомъ фуражу для арміи, онъ сѣна не жегъ, а напротивъ, берегъ его до того, что однажды мы проиграли сраженіе, потому что истощенныя лошади наши не въ состояніи были идти какой-нибудь разъ въ атаку. Обоготившись воровствомъ, онъ поселился въ Парижѣ и женился на дочери одного эмигранта, у котораго прежде купилъ все имѣніе за кусокъ хлѣба. Отъ этого брака у него родилось два сына; одинъ изъ нихъ теперь управляетъ его конторою, а другой онъ сдѣлалъ страпчинѣ, чтобъ было кому даромъ хлопотать по дѣламъ процессамъ. Къ этому надобно прибавить, что отецъ его чуть-ли не умеръ съ голоду, а мать живетъ тысячу двумя стами франковъ пенсіона, который судъ приговорилъ его производить ей. И этотъ-то человѣкъ, покрытый грязью, дурной гражданинъ, дурной сынъ, почти отцеубійца, грабитель, осмѣливается просить довѣренности своихъ согражданъ и добивается мѣста депутата одного изъ сѣверныхъ департаментовъ!»

Фроассаръ ужаснулся: — Но полно правда ли все это? спросилъ онъ.

— А мнѣ какая надобность! Пусть обвиненный самъ доказываетъ, что это не правда.

— Но онъ потянетъ тебя въ судъ.

— Невозможно. Имя его не вполне выставлено: какъ же ему принять все это на свой счетъ?

— Позволь сдѣлать тебѣ еще одно замѣчаніе, продолжалъ Аристидъ. Какъ же ты хочешь, чтобы этотъ человѣкъ старался задобрить тебя, когда ты уничтожаешь его съ перваго разу, когда ты уже высказалъ объ немъ все, что только можно сказать?

— Само собою разумѣется, что этотъ уже не станетъ платить; зато вся его братья, банкиры, запищатъ во всю мочь. Ты увидишь, завтра же частныя секретари всѣхъ этихъ милліонниковъ явятся къ намъ для переговоровъ. Для этого подъ статью и сдѣлано примѣчаніе.

«Въ слѣдующихъ нумерахъ помѣщены будутъ бюграфіи банкировъ О... , Г... , З... , Ф...».

Статьи, написанныя сотрудниками Гранъ, оказались куда не годными. Онъ продиктовалъ имъ нѣсколько статей

объ актрисахъ, объ одномъ сапожникѣ, шляпникѣ, мебельникѣ. — Такимъ образомъ, господа, сказалъ онъ заключеніе, у насъ будутъ новыя шляпы, сапоги, мебели и мы заплатимъ за нихъ то же, что за ужинъ, которымъ сейчасъ полакомимся.

Въ третьемъ часу журналъ былъ набранъ и отпечатанъ въ числѣ полутора ста экземпляровъ. Больше было не нужно, потому что подписчиковъ у Граньё не было, и онъ нѣмнѣе разослать экземпляры своей газеты только тѣмъ, до кого дѣло касалось. И есть люди, не только слабые, но и сильные духомъ, которые не боятся ни пули, ни псаги, а между-тѣмъ страшатся ничтожнаго, безвѣстнаго листка!

— Ну, господа, сказалъ наконецъ Граньё: сегодня вы ничего не сдѣлали. Впрочемъ, я не виню васъ: нельзя же въ одну ночь выучиться журнальному ремеслу. Сдѣлайте по-крайней-мѣрѣ хоть что-нибудь: сложите газету и напишите адреса для разсылки по городской почтѣ; а я между-тѣмъ пойду, посмотрю, готовъ ли ужинъ.

Граньё ушелъ; наборщикъ, батырщикъ, и ученикъ ихъ, утомившись, заснули; Фроассаръ и пріатели его остались одни.

— Признаюсь вамъ, господа, сказалъ Аристидъ: я бы лучше согласился воровать, чѣмъ заниматься такимъ ремесломъ.

— И я тоже—и я тоже, отозвались Ласервоэзъ, Божансі и Последняя Гитара.

— Я очень голоденъ, продолжалъ Аристидъ: но я бы охотнѣе съѣлъ свою тѣщу, чѣмъ ужинъ Граньё, купленный такой цѣною.

— Уйдемъ, сказала Божансі.

— Уйдемъ, отвѣчалъ Ласервоэзъ; но чтобы гнусный ужинъ Граньё не удался, я уничтожаю все изданіе: кладу всѣ полтора ста экземпляровъ въ карманъ.

— А чтобы онъ не могъ сдѣлать втораго изданія, исправленнаго и умноженнаго, сказалъ Фроассаръ, то я разсыплю всѣ формы.

Уничтоживъ такимъ образомъ газету Граньё въ самомъ изданіи, пріатели разошлись. Что дѣлалъ съ-тѣхъ-поръ

Фроассаръ, чѣмъ онъ въ Парижѣ кормился—исторія не говорить; но мы еще съ нимъ встрѣтимся.

Триста, или четыреста знаменитыхъ Португальцевъ обоего пола, которыхъ имена Аделина наконецъ выучила, разѣхались около полудня. Оставшись одна съ Вильярелемъ, она сказала:

— Надѣюсь, что ты доволенъ мною. Кажется, я хорошо вытвердила всѣ эти имена?

— Какъ-нельзя лучше, моя милая.

— Я дѣлала все что могла, чтобы занять твоихъ гостей. Любезничала, играла, пѣла и, кажется, не дурно?

— Прекрасно.

— Что съ тобою? Ты какъ-будто недоволенъ?

— О, нѣтъ, моя милая, но....

— Что же такое?

— Я скажу тебѣ откровенно, потому что, живя въ Лиссабонѣ, надобно это знать, чтобы не нарушать приличій. Въ знатныхъ домахъ у насъ женщины воспитываются совсѣмъ не такъ, какъ во Франціи. Въ Парижѣ женщины самая знатная любезничаютъ, кокетничаютъ наравнѣ со всякою свѣтскою женщиною. Здѣсь совсѣмъ не то. У насъ играть на фортепьяно, цѣтъ, танцовать, одними словами, блистать въ обществѣ, предоставляется.... извини.... актерсамъ.

— Актрисамъ! Такъ когда я всѣми силами старалась занимать твоихъ гостей, расшевелить эти камни, я была въ глазахъ ихъ, да и твоихъ, актрисой!... Жаль, что ты мнѣ этого прежде не указалъ. Но не безпокойся, съ этого поръ я сдѣлаюсь настоящей Португалькой....

— Ты напрасно сердисься, Аделина: могу ли я изменить обычай, которые существуютъ полторы тысячъ лѣтъ! Я виновата только въ томъ, что ошибся: я думалъ, что здѣсь ты будешь счастливѣе чѣмъ въ Парижѣ....

Въ это самое время человекъ принесъ на золотомъ блюдѣ письмо: — Ваша свѣтлость изволили быть съ гостями, когда его принесли, сказалъ онъ, подавая письмо герцогу.

Вильярель хотѣлъ-было разломать печать, но вдругъ

остановился и сказалъ: — Что это я дѣлаю! Письмо къ тебѣ, Аделина.

— Ко мнѣ?

— Да. И письмо здѣсь, въ Лиссабонѣ. Кто же это можетъ писать къ тебѣ? Кажется здѣсь, кромѣ меня никто тебя не знаетъ.

— Не понимаю, отъ кого оно можетъ быть, сказала Аделина; но блѣдность ея показывала, что она говоритъ неправду: она узнала руку.

— Что это значитъ? Вы поблѣднѣли, дрожите. Хотите бы я знать отчего это письмо такъ смущаетъ васъ?

— Оно не можетъ смущать меня, потому что я его еще и не читала.

— Такъ прочтите же!

— Вы приказываете?....

— Я прошу....

— Письмо ко мнѣ, такъ я прочту его когда мнѣ вздумается.

— Такъ вы знаете отъ кого оно?

— Развѣ въ Лиссабонѣ обычай, чтобы мужчины читали письма, адресованныя не къ нимъ?

— Извините. Прощайте, сказалъ герцогъ, цѣлуя руку Аделины, и повѣрьте, что я совсѣмъ не хочу знать что въ этомъ письмѣ.

— И я то же, сказала Аделина, поднесла письмо къ свѣчу и сожгла.

Вильярреаль обнялъ ее и, смѣясь, сказалъ: — Мы, право, настоящіе дѣти: споримся изъ всякихъ пустяковъ.

Они разошлись.

— А какъ я его просила, чтобы онъ не писалъ ко мнѣ!

Вильярреаль смеялся зубами, когда вошелъ въ свою комнату. — Она не прочла письма, потому что знаетъ что въ немъ можетъ быть, говорилъ онъ. О! если она мнѣ напишетъ!

Мы уже говорили, что во время болѣзни Аделины, ей не дозволено было никого принимать; потому, когда она выздоровѣла, отцу и матери позволялось иногда приходить

къ ней завтракать. Однажды они сидѣли у ней и маркиза сказала:—А что, Аделина, не пора ли позавтракать?

Аделина позвонила. Въ ту жь минуту явился слуга.

— Велите подать завтракать, сказала она.

— Мое дѣло, ваша свѣтлость, докладывать о прибывающихъ, и больше ничего, сказалъ слуга.

— Хорошо.

Человѣкъ ушелъ.

— Что такое онъ говорить? спросила маркиза.

— Что это не его дѣло и что о завтракъ я должна приказывать другому человѣку.

— Это очень важно, конечно, сказала маркиза: но, правду тебѣ сказать, всѣ эти церемоніи мнѣ ужасно надоѣли. Счастлива ли ты, по-крайней-мѣрѣ?

— Вы видите: я живу въ роскоши.

— Правду сказать, ты живешь какъ королева.

— Говорятъ, что и у королевы нѣтъ такихъ богатыхъ покоевъ.

— Но столъ у нихъ ужасный, — сказалъ старикъ маркизъ. Все съ индѣйскимъ перцемъ: огонь да и только. Ночью я только и дѣлаю, что пью. Днемъ произвожу въ желудкѣ пожаръ, а ночью его заливаю.

— Да, это правда, сказала маркиза: а позавтракать всѣ-таки не мѣшало бы.

Аделина позвонила. Явился другой слуга.

— Половина перваго, сказала она: велите намъ дать завтракать.

— Извините, ваша свѣтлость, я имѣю честь носить вашу шляпѣ, а вы, вѣрно по ошибкѣ, изволите приказывать мнѣ то, что составляетъ обязанность камердинера.

— Этоть что говорить? То же отказывается? спросила маркиза.

— Да, онъ говорить, что это не его дѣло.

— Послушай, однако жъ, Аделина, вѣдь это право известно, сказала маркиза.

— Что дѣлать, маменька: въ каждой землѣ свой обычай.

— Земля, говорятъ, богатая и прекрасная, сказалъ старикъ маркизъ: а порядочнаго табаку нѣтъ. Посмотри-ка, моя милая, какую мерзость я принужденъ нюхать. То-ли дѣло у насъ въ Парижѣ! Бывало, Фроассаръ приносилъ мнѣ всегда самый лучший виргинскій табакъ.... Надо отдать ему справедливость.

— Ты, кажется, начинаешь ужъ жалѣть о Фроассарѣ? сказала маркиза. Это не человѣкъ, а чудовище! Гдѣ-то онъ теперь?... Однако жъ, моя милая, дашь ли ты намъ позавтракать?

Аделина дернула за ручку третьяго звонка. Явился егеръ.

— Скоро часъ, а намъ не подаютъ завтракать, сказала она.

— Ваша свѣтлость изволили послать куда-то камердинера, такъ главный поваръ и не получалъ приказанія подавать завтракъ.

— Ну, такъ скажи ему, чтобъ онъ далъ намъ завтракать, да подай самъ, сказала Аделина съ досадою.

— Мое дѣло, отвѣчалъ егеръ, обидѣвшись: ѣздить за каретой вашей свѣтлости. Въ кухню ходитъ не моя обязанность, а о-ффиціанты меня не слушаются.

Егеръ ушелъ.

— И этотъ отказывается? вскричала маркиза;— да помилуй, ради Бога, неужели ты не умѣешь приказывать?

— Приказывать и просить, маменька, здѣсь ровно ничего не значить. Здѣсь всѣмъ управляетъ этикетъ.

— Это опять напоминаетъ мнѣ Фроассара, сказалъ старикъ Нѣвилеттъ: бывало, у него, захотѣлъ поѣсть: тотчасъ все готово; даже и въ послѣднее время, только скажешь, сядемъ въ фіакръ и пустимся куда-нибудь въ ресторацію, да и ѣдимъ-то безъ перцу.

— Фроассаръ чудовище, объ этомъ ни слова, отвѣчала маркиза, однако жъ въ немъ было много хорошаго, и, правду сказать, въ Парижѣ мы жили гораздо веселѣе чѣмъ здѣсь. Вѣдь не съ кѣмъ поговорить; не съ кѣмъ въ карты поиграть; сидишь цѣлый вечеръ сложивъ руки. А ты что дѣлаешь по вечерамъ. Аделина? Вѣрно. въ театрѣ ѣздишь

— Здесь спектакли бывают только зимою и дворняество
в театръ въ театрѣ тогда только; когда тамъ бываетъ коро-
лева:

— А Фроассаръ, бывало, ввзвалъ насъ въ театръ два раза
въ недѣлю, даже и тогда, когда мы ссорились, замѣтила
Маркиза.

— Вы, я вижу, очень скучаете здѣсь, сказала Аделина:
А постараюсь уговорить герцога воротиться въ Парижъ;
но только развѣ мѣсяца черезъ три: прежде никакъ нельзя.

— Постарайся, моя милая; а до-тѣхъ-поръ всё-таки не
худо бы позавтракать.

Аделина отчаянно позвонила. Наконецъ явился камер-
динеръ.

— Я съ двѣнадцати часовъ не добыюсъ завтраку, сказа-
ла Аделина: тебя не было дома, такъ никто не хочетъ по-
дать. Это несносно! Ступай скорѣе.

— Извините, ваша свѣтлость, главный поваръ не полу-
чилъ во-время приказанія подавать завтракъ, такъ онъ
думалъ, что вы сегодня не позволите завтракать и теперь
уже ничего нѣтъ.

— Нѣтъ, это уже слишкомъ! вскричала маркиза Нессе-
леттъ; пойдемъ, маркизъ, пойдемъ, Аделина, купимъ пи-
рожковъ у перваго пирожника, который намъ попадетъ,
и по-крайней-мѣрѣ позавтракаемъ.

— Не могу, маменька: въ Лиссабонѣ герцогиня не по-
даетъ нѣшкомъ.

— Ну, такъ вели подать карету.

— И въ каретѣ не ѣздить, когда королевы нѣтъ въ го-
родѣ. Этому требуетъ этикетъ.

— Да какъ же они выѣзжаютъ? На воздушныхъ шарахъ
то ли?

— Никакъ не выѣзжаютъ.

— Ну, ужъ мнѣ этотъ этикетъ! вскричала маркиза. Ахъ,
мой бѣдная Аделина, я не смѣю сказать что у меня на
умѣ, но.....

Старики ушли, покачивая головами; Аделина опустила
голову и вздохнула.

Если бы Видьяреаль былъ челоуѣкъ не воспитанный, онъ

бы осьшалъ Аделину упреками, но онъ былъ герцогъ, чловѣкъ гордый, да притомъ онъ имѣлъ противъ нея только подозрѣнія: надобно было развѣдать, разузнать. Черезъ нѣсколько дней послѣ размовки съ нею, онъ пришелъ въ ея комнату и сказалъ:—Наша всемплоствѣйшая государыня возвратилась вчера вечеромъ въ городъ, моя милая. Извини, что я до-сихъ-поръ тебя такъ мучилъ. Что дѣлать, въ нашемъ званіи, необходимо повиноваться этикету. Но теперь, карета и коляска всегда будутъ къ твоимъ услугамъ: можешь ѣздить куда тебѣ угодно, гулять, въ гости, приглашать къ себѣ гостей..... Да, кстати, мнѣ давно надобно было подумать о довольно серьезной вещи, которая касается до тебя. Конечно, о смерти думать намъ еще рано; но кто знаетъ, что случится. Надобно же, чтобы послѣ меня ты не осталась безъ ничего. Вчера я положилъ на твое имя въ Вѣнскій банкъ два милліона....

Аделина съ восторгомъ воспользовалась позволеніемъ выѣзжать; она по цѣлымъ днямъ гуляла. Не мудрено: молоденькая женщина, Француженка, Парижанка, просидѣла два мѣсяца взаперти! Но герцогъ, давъ ей, по-видимому, полную волю, между-тѣмъ окружилъ ее шпионами; за ней безпрестанно присматривали, на гуляньѣ, у знакомыхъ, дома, вездѣ. Но шпионы, какъ извѣстно, народъ не вѣрный: какъ-разъ измѣнятъ, въ надеждѣ получить больше, или по-крайней-мѣрѣ поживиться отъ обѣихъ сторонъ. Такъ случилось и тутъ: одинъ изъ людей, подкупленныхъ герцогомъ, сообщалъ обо всемъ Аделинѣ. Это ее ужасно поразило: видѣть во всякомъ врага, ожидать отъ всякаго доносу, показалось ей нестерпимымъ, но особенно огорчало ея, что Вильярсаль не имѣетъ болѣе довѣренности къ ней. Она перестала выѣзжать, не принимала никого, кромѣ отца и матери, а чтобы словъ ея не перетолковывали въ дурную сторону, она почти ни съ кѣмъ, кромѣ нихъ, не говорила. Удивляясь этой переизмѣнѣ, герцогъ, по временамъ заставлялъ ее выѣзжать, но всегда дѣлалъ это съ такою вѣдливостью, что отказаться было невозможно, хотя эти выѣзды были настоящею мукою для Аделины, потому что она понимала для чего Вильярсаль это дѣлаетъ.

Онажды, какъ онъ шелъ на ея половину, камерлаицеръ

вбѣжалъ въ его комнату и донесъ, что самъ собственными глазами видѣлъ, какъ Аделина спрятала въ бюро связку писемъ, штукъ около тридцати; что онъ уже пробовалъ отпереть бюро, но никакъ не могъ.

— Хорошо, сказалъ хладнокровно герцогъ, давая счастливому шпиону полный кошелекъ золота: нынче вечеромъ, мы уѣдемъ со двора; изломай бюро, достань письма, потомъ зажги; занавѣски, ковры, мебель загорятся; пусть горятъ: успѣютъ потушить, а тамъ ужъ не твое дѣло.

Сдѣлавъ эти распоряженія, герцогъ пошелъ къ Аделинѣ. Къ ея комнатамъ вела стеклянная галерея, которая выходила въ садъ, потому что весь домъ былъ окруженъ садомъ. Погруженный въ свои размышленія, Вильяреаль шелъ ошустивъ голову и вдругъ у самыхъ дверей первой изъ комнатъ Аделины, онъ, въ изумленіи остановился: ему послышался разговоръ двухъ голосовъ. Дверь была двойная и потому нельзя было разобрать что говорятъ, но было слышно, что одинъ голосъ мужской. Кто бы это могъ быть? Герцогъ дотронулся до замка: дверь заперта! А этого никогда прежде не бывало. Вильяреаль приложилъ ухо къ дверямъ и сталъ прислушиваться. Въ комнатѣ Аделины хохотали. Въ себя отъ ярости, герцогъ схватился было за ручку звонка, какъ-вдругъ послышались звуки фортепіано и флейты.

— О! я узнаю кто тамъ, сказалъ самъ себѣ герцогъ: выйти иначе какъ черезъ эту дверь невозможно. Я подожду.

Между-тѣмъ музыка продолжалась: играли все прелестные мотивы Обера и Адама, составлявшіе часть воспоминаній изъ дѣтства Аделины. Наконецъ она дотога развеселилась, что начала пѣть, чего не дѣлала съ-тѣхъ-поръ, какъ не-впопадъ вздумала повеселить гостей своимъ пѣніемъ.

Это взорвало Вильяреала. Онъ позвонилъ..... Никто не откликнулся, потому что игра на фортепіано прекратилась, но слышались звуки флейты..... да танцы.... Что жъ это значитъ? Что онъ играетъ на флейтѣ, а Аделина, обнимая его, заисвруеть съ нимъ..... Это такая семейная-

ность!.... Вильреаль началъ звонить, стучать во всю ночь и готовъ былъ выломать дверь..... Все утихло.

Герцогъ продолжалъ звонить, крича по временамъ: — Отвори..... Да отвори же..... Я слышу, что у тебя кто-то есть!.... Отвори, и то я вамъ выломать дверь.

Наконецъ Аделина сама отперла.

— Я думалъ, что вы совсѣмъ не хотите пустить меня, а кажется я довольно громко звонилъ, сказалъ Вильреаль.

— Изъ другихъ комнатъ плохо слышно, отвѣчала Аделина.

— Вы очень взволнованы.....

— Оттого, что вы меня напугали.....

Аделина старалась было задержать его въ первой комнатѣ, но онъ пошелъ прямо въ ея спальню.

— Вы здѣсь! вскричалъ онъ съ величайшимъ удивленіемъ, увидѣвъ маркиза и маркизу Нёвилеттъ.

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣчала старуха, присѣдая.

Аделина стояла у окна и обрывала листья дерева, котораго вѣтви доходили до верхнихъ стеколъ. Вильреаль какъ тигръ, поводилъ глазами по всей комнатѣ. Никого чужаго не было.

— Маркиза, сказалъ онъ, помолчавъ нѣсколько времени: я увѣренъ, что вы не въ состояніи давать вашей дочери дурныхъ совѣтовъ.

— Любезный герцогъ, отвѣчала бойкая старуха: Аделина не всегда поступала по моимъ совѣтамъ. Одно въ ея поведеніи мнѣ не нравилось и дѣлалось противъ моей воли; другое мнѣ очень пріятно, но совѣтовать этого я не могла. Такъ вы напрасно меня хвалите.

— Какъ бы то ни было, я увѣренъ, что вы не можете одобрить того, что здѣсь происходило.....

— Что такое?

— Вы напрасно притворяетесь: я самъ слышалъ музыку.

— А развѣ бѣдной Аделинѣ нельзя уже и музыкой заниматься? Послушайте, герцогъ, кстати я ужъ выскажу вамъ всю правду. Вы настоящій тиранъ: не пускаете ея, бѣдняжку, со двора, не позволяете ей гулять ни пѣшкомъ ни въ каретѣ, а когда, наконецъ, выпустите изъ кляткн, такъ окружаете шпионами.....

— Маршса!

— Развѣ это не правда?

Не отвѣчая ей, герцогъ сталъ покатъ по всѣмъ комнатамъ, за мебелью, вездѣ. Не спрятался ли кто-нибудь.

— Кажется, намъ нечего здѣсь дѣлать; сказала маркиза.

— Я васъ не удерживаю, отвѣчалъ герцогъ.

Мы не станемъ описывать сцены, которая происходила между герцогомъ и Аделиною. Онъ ничего не нашелъ; она поклялась, что не измѣняла ему, но не хотѣла сказать кто тутъ былъ. Онъ ушелъ-было, но потомъ воротился и сказалъ: — Я совсѣмъ забылъ: я не затѣмъ приходилъ къ вамъ, чтобъ быть свидѣтелемъ сцены, которой не ожидалъ. Мы ѣдемъ сегодня на балъ къ герцогу Кадавалю.

— На балъ?.... Мы съ вами?....

— Да. Свѣтъ не долженъ знать, что здѣсь случилось. Намъ будутъ ждать, и отказаться невозможно. Я требую отъ васъ этой жертвы.

— Если вамъ непременно угодно.

Уходя, герцогъ холодно поцѣловалъ руку Аделины. Она побѣжала за нимъ и удержала его.

— А если вынче вечеромъ меня не будетъ на свѣтѣ?....

— Если васъ не будетъ на свѣтѣ?.... Такъ вы не повѣдете со мною.

— Прощайте, герцогъ.

Ни на одной королевѣ въ день ея свадьбы не бывало столько бриллиантовъ, какъ на Аделинѣ въ этотъ вечеръ: убранство ея цѣнило въ три милліона. Она, бѣдная, едва дышала отъ тяжести всѣхъ этихъ камней и жемчугу. Однако жъ герцогъ заставлялъ ее танцевать, чтобы удобнѣе наблюдать за нею; но не замѣтилъ ничего подозрительнаго. Наконецъ Аделину атакировалъ одинъ молодой Испанецъ, который только-что приѣхалъ въ Лиссабонъ. Молодой человекъ былъ красавецъ и Вильяреалу тотчасъ пришло въ голову, что это и долженъ быть любовникъ Аделины. Онъ не спускалъ съ нихъ глазъ; наблюдалъ съ всѣхъ сторонъ, потому что ихъ видно было во всѣхъ переклакахъ; но не замѣтилъ ни взгляду, ни тайнаго пожатія руки, которыя бы обличили ихъ тайну.

Танецъ дочился. Велъ свою даму къ ея мѣсту, Испанецъ сказалъ ей нѣсколько словъ. Аделина поблѣднѣла и остановилась. Вильяреаль приподнялся на своихъ креслахъ. Молодой человекъ сказалъ еще нѣсколько словъ: Аделина упада въ обморокъ. Поднялся шумъ; началась суматоха. Вильяреаль подбѣжалъ къ Испанцу и тотъ, какъ бы отвѣчая на вопросъ, котораго герцогъ не успѣлъ еще слышать, сказалъ:

— Я не говорилъ ничего такого, отчего бы можно было упасть въ обморокъ. Я только спросилъ, здѣсь ли ея мужъ, мосьё Фроассаръ.

Онъ еще недоговорилъ, какъ Вильяреаль, взбѣшенный тѣмъ, что онъ вывелъ наружу его тайну передъ всѣми этими знатными, которымъ герцогъ выдавалъ Аделину за жену свою, далъ ему пощечину. Испанецъ бросился на своего противника, но ихъ розняли и дуэль тутъ же была назначена.

Вильяреаль увезъ Аделину, Испанецъ уѣхалъ и все мало-по-малу пришло въ прежній порядокъ. Только женщины торжествовали при мысли, что эта Парижанка, которая затѣмѣвала ихъ и красотою, и богатствомъ, и любезностью, не будетъ болѣе являться въ большомъ свѣтѣ.

Письма, украденныя у Аделины, по приказанію герцога, ничего ему не показали, хотя тутъ было нѣсколько ея опытовъ. Письма неизвѣстнаго корреспондента, который, разумѣется, не подписывалъ своего имени, были писаны частію въ Парижѣ, частію уже въ Лиссабонѣ. Вильяреаль увидалъ изъ нихъ только то, какъ тягостна была для Аделины неволя, въ которой она жила.

Готовясь къ дуэли, онъ написалъ къ Аделинѣ письмо, осыпая ее упреками, впрочемъ, съ тою вѣжливостію, которую считалъ необходимою принадлежностію знатнаго происхожденія, и заключеніе говорилъ:

«Теперь я пишу вамъ только объ одной милости: уважайте мосьё Лиссабона сегодня же, нынче вечеромъ, если можно и раньше, но не какъ визитница, а какъ женщина, которая около году носила мое имя. Вы будете богаты, чтобы ослѣпить тѣхъ, которые вздумали бы уважать васъ. Вотъ все, что я могу желать вамъ, покаяная навсегда и

васъ и Португалію. Я ѣду въ Бразилію. Между нами будетъ цѣлый Океанъ, но не это одно будетъ раздѣлять насъ.

Прощайте навсегда.»

Запечатавъ письмо, Октавій отправился съ двумя пріятелями за городъ. Испанецъ со своими секундантами былъ уже тамъ.

— Позвольте мнѣ спросить ваше имя, сказалъ Вильяреаль, подходя къ нему.

— Тарифа де-Сантандеръ.

— Вы дворянинъ?

— Старинный.

— Очень хорошо.

— Теперь позвольте и мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ: за что вы меня оскорбили?

— Вы отбили у меня любовницу.

— Если бы она меня любила, то я отбилъ бы не любовницу у васъ, а жену у москѣ Фроассара.

— Вы ждете.

— Зачѣмъ мнѣ гнать, особенно теперь? Теперь-то бы и похвастаться побѣдою, чтобы забѣсить васъ. Новое ваше оскорбленіе не стѣитъ перваго, такъ оно не въ счетъ, а за первое мы сейчасъ расквитаемся.

Онъ обнажилъ шпагу.

— Позвольте, сказалъ Вильяреаль.

— Пора кончить: сегодня ужасно жарко.

— Не вы ли писали эти письма?

— Эти письма? сказалъ Сантандеръ, разсматривая ихъ: я не довольно хорошо знаю по-французски, чтобы писать такъ. Ясно, что у васъ есть соперникъ; только не я. Очень жаль, что я долженъ помѣшать вамъ раздѣлаться съ нимъ.

— Поклянитесь, что это не вы....

— Я ужъ вамъ говорилъ, что сегодня очень жарко.

— Такъ прошу васъ извинить меня, сказалъ Вильяреаль громко, чтобы всѣ секунданты слышали.

Онъ обнажилъ шпагу. Черезъ нѣсколько минутъ несчастный Сантандеръ получилъ страшную рану въ горло, и упалъ, сказавъ:

— Если я когда-нибудь оправлюсь, то во всю жизнь буду помнить удовольствіе испанской жизни.

Несомнѣнъ потому несчастнаго не стало: кровь его задушила. Вильярéalъ былъ въ отчаяніи, что убилъ человѣка, который ничего ему не сдѣлалъ. Воротившись домой, онъ узналъ, что Адельнна уже уѣхала, поручивъ камердинеру отдать ему всѣ вещи, которыя она отъ него получила, шкатулку съ деньгами и письмо. Она писала:

«Вашу вѣсть я беру, что для меня есть священнаго и драгоценнаго на землѣ: я не любила никого кромѣ мужа и васъ.

Адельнна де-Швиллеттъ.

Несчастная дуэль и это письмо дотога поразили Вильярéalа, что у него сдѣлался приливъ крови къ головѣ; онъ два мѣсяца пролежалъ въ постели, и потомъ еще нѣсколько мѣсяцевъ не могъ оправиться. Между-тѣмъ онъ мучился угрызеніями совѣсти, что такъ неосмотрительно обвинилъ Адельнну. Онъ всякой день перечитывалъ письма, которыя у нея похитилъ, и она, то казалась ему виновницею, то совершенно невинною; но вся прежняя страсть къ ней снова запылала въ его сердцѣ. Выздоровѣвъ наконецъ, онъ пустился ее отыскивать. Уже почти годъ прошелъ съ-тѣхъ-поръ какъ она уѣхала съ отцомъ и матерью и онъ не зналъ гдѣ они поселились. Обѣздалъ Португалію, Испанію, Италію, Вильярéalъ прибылъ наконецъ въ Парижъ. Сладостныя и вмѣстѣ горькія воспоминанія прошедшаго привлекли его въ предмѣстіе Сентъ-Оноре, къ тому павильону, гдѣ онъ нѣкогда жилъ. Онъ подошелъ къ воротамъ.

— Кого надо? спросилъ молодой придверникъ.

— Не здѣсь ли живетъ.... Онъ не могъ говорить.

— Да кто? Говорите же.

— Не здѣсь ли живетъ.... герцога де-Вильярéalъ?

— Нѣтъ, онъ умеръ въ Америкѣ.

— Умеръ въ Америкѣ! повторилъ Вильярéalъ, печально улыбувшись. А москѣ Фроассаръ? спросилъ онъ.

— Ужъ лѣтъ шесть какъ на кладбищѣ.

— Москѣ Фроассаръ умеръ!

— Не молодой-то, а старикъ, кавалеръ Фроассаръ.

— А гдѣ же живетъ Аристидъ Фроассаръ?

— А я почемъ знаю!

— Что там спрашиваетъ мосье Фраассера? закричалъ Тюрбб, сходя съ лѣстницы навальона.... Воше мой! Что это? Да это нашъ добрый герцогъ!

И Тюрбб, внявъ себя отъ радости, принялся обнимать Вильяреала. Словоохотливый старикъ разказалъ ему, между прочимъ, что Аристидъ, какъ вѣроятно, живетъ близъ Пасси, въ маленькомъ домикѣ, который достался ему тамъ послѣ отца.

Пространство между Парижемъ и Пасси, мѣстоположеніе живописное, было въ то время занято загородными домиками и трактирами, гдѣ лѣтомъ всегда бывало много народу. Тутъ, на одномъ довольно высокомъ холмѣ, стояла дача, красивый двухъ этажный домъ, совершенно отдѣльный отъ другихъ жилищъ. Внизу, вокругъ холма были только трактиры и рыбацкія хижины. Подъ вечеръ Вильяреалъ, оставивъ экипажъ свой на большой дорогѣ, взбирался по тропинкѣ на холмъ; прошелъ сначала черезъ виноградникъ, потомъ черезъ плодовый садъ и добрался наконецъ до послѣдняго ряду яблонь, стоявшаго шагахъ въ сорока отъ дому. Было уже почти совсѣмъ темно и потому никто его не замѣтилъ, а шаговъ его по мягкой землѣ было не слышно.

Въ нижнемъ этажѣ этого хорошенькаго домика три двери, выходящія на крыльцо, были отворены. Вильяреалъ видѣлъ, что въ комнату, въ которую вели эти двери, сидѣло нѣсколько человекъ; но лицъ ему нельзя было различить. Эти люди ужинали, и между-тѣмъ болтали безъ умолку, хохотали, подавали другъ другу черезъ столъ руки. Вообще по формѣ было замѣтно, что имъ очень весело. Въ верхней части стола должны были сидѣть еще два или три человека, но ихъ было невидно за стѣною, а Вильяреалъ, притаившись подъ ябланыю, болелъ тронуться съ мѣста, чтобы его не замѣтили. Но ему непремѣнно хотѣлось послушать что тамъ говорятъ. Онъ пробрался потихонько къ забору, потомъ, идя вдоль него, поравнялся съ домомъ; наконецъ, пользуясь его тѣнью, подирался къ тѣмной двери и усѣлся на каменныхъ ступенькахъ, сжавшись какъ-можно больше, облокотившись на колѣна и положивъ голову на руки.

— Твоя воля, другъ я моя, говоритъ Ариетидъ Фроассаръ, по-видимому обещивая какой-то рассказъ: вотъ какъ добрался я наконецъ до Лиссабона. Много вытерпѣлъ я въ слухъ странствованійхъ, но меня поддерживала мысль увидѣть снова вотъ эту красотку.

Вильяреаль вздрогнулъ. Забывшись, онъ нагнулся, чтобы посмотреть въ дверь.... Раздался странный лай....

— Кушъ, Фениксъ, кушъ! сказалъ Фроассаръ: это кто-нибудь идетъ прямо черезъ поле.

— Можеть-быть это нищій, сказалъ голось, отъ котораго у Вильяреала всѣ жилки задрожали: я пойду, по-дамъ ему....

— Сиди, моя милая, каніе здѣсь нищіе! Нищіе водятся только въ Португаліи. Тамъ только и есть что нищіе, монахи, да гордая знать.... Кушъ, Фениксъ.... Въ Лиссабонѣ мнѣ пришлось больно плохо, сказалъ Ариетидъ, продолжая рассказъ свой. Однажды, недѣли черезъ двѣ по прѣѣдѣ, я, по обыкновенію, цѣлый день бродилъ по городу, воротился домой; и тутъ только вспомнилъ, что я въ этотъ день не завтракалъ, не обѣдалъ и не ужиналъ— по весьма простой причинѣ, потому что не на что было. Я привезъ съ собою кое-какія вещицы, но всѣ онѣ уже были заложены въ лиссабонскомъ ломбардѣ. Фениксъ всегда ходилъ туда со мною и хорошо помнилъ, что послѣ того мы всегда заходили въ сосѣдній трактиръ и вмѣстѣ обѣдали....

— А въ это самое время, какъ онъ ходилъ по цѣлымъ днямъ по городу; она сидѣла взаперти: ее, бѣдняжку, двѣ недѣли не выпускали изъ дому, сказалъ женскій не молодой голосъ.

— О, если бы я могъ ее увидѣть! подумалъ Вильяреаль: если это маркиза Невилеттъ, то мнѣ и сомнѣваться не рѣчь чѣмъ.... Но нѣтъ, нѣтъ, быть не можетъ.... Адезиза, та, которая была герцогиню Вильяреаль, та, которая меня любила, не можетъ быть здѣсь....

— На другой день мы съ Фениксомъ были жестоко голодны. Особъ я не думалъ, но я видѣлъ, что онъ, бѣднякъ, совсемъ ослабѣлъ. А что мнѣ было дѣлать? У меня осталась только золотая цѣпочка, но съ этимъ мнѣ тяжело

было разстаться тѣмъ съ жизнью, потому что она, моя душечка, часто носила эту цѣпочку на шеѣ....

Тутъ послышались звуки поцѣлуевъ.... Голова Вильяреала откинулась назадъ и стукнулась о стѣну. Онъ даже не почувствовалъ боли и остался въ этомъ положеніи.

— Кушъ, Фениксъ! закричалъ Фроассаръ.... Да, я забылъ вамъ сказать: однажды, какъ мы бродили вдвоемъ по городу, Фениксъ попалъ на слѣды какой-то кареты по грязи, привязался къ нимъ, долго бѣжалъ по этигъ слѣдамъ, радостно помахивая хвостомъ и весело поглядывая на меня. Наконецъ слѣды довели насъ до паромъ на Таго и тутъ пропали. Фениксъ печально поджалъ хвостъ и воротился. Ясно было, что карета ѣхала на дачу за рѣкою. Въ тотъ день какъ мы голодали, я наконецъ сжался надъ Фениксомъ и скрѣпя сердце, оторвалъ кусокъ моей драгоценной цѣпочки; заложилъ его въ ломбардъ и мы прожили еще съ недѣлю. Наконецъ я заложилъ послѣдній кусокъ цѣпочки и деньги прожилъ. Чтò мнѣ оставалось дѣлать? Просить милостыни? Въ Лиссабонѣ не подаютъ никому кромѣ монаховъ. Утошиться? Я рѣшился утошиться и пошелъ къ Таго. Дорѣгой я замѣтилъ, что Феникса нѣтъ со мной. Я сталъ искать его, искалъ долго; наконецъ мнѣ сказали, что онъ побѣжалъ къ одному большому дому: то былъ ломбардъ. Я туда; вхожу въ ту палату гдѣ закладываютъ вещи: Фениксъ мой стоитъ между народомъ у рѣшетки, положивъ обѣ лапки на прилавокъ. Онъ столько разъ ходилъ туда со мною, что теперь одинъ пришелъ за деньгами. Признаюсь, я со слезами обнялъ мою умную собаку, рассказалъ окружающимъ все дѣло; всѣ были тронуты; но денегъ, разумѣется намъ не дали. Всѣ-таки надо было тошиться....

— Если бъ мои триста тысячъ были еще у меня, я бы построилъ твоему Фениксу мраморную кануру съ зеркалами въ золотыхъ рамахъ, сказалъ Божансъ.

— Я воздвигну ему памятникъ, сказалъ Ласерноазъ.

— Я напишу въ честь ему романсъ, сказалъ Послѣдняя Гитара.

— Большая ему надобность до всѣхъ этихъ вочестей! сказалъ Фроассаръ. Посмотрите, она, моя милая, ласкаетъ своего прежняго воспитанника: вотъ это онъ понимаетъ. ~~Пешая~~ мы дойти. Выбирая по-лучше мѣсто, мы дошли на парому. Фениксъ мой, опять напалъ на слѣды кареты, запрыгалъ, замахады хвостомъ и побѣжалъ назадъ въ городъ, не отводя морды отъ земли. Это показалось мнѣ страннымъ. Утопиться успѣю еще и завтра; подумала я, и пошелъ за пивъ. Шли, шли мы: онъ всё обнюхивалъ слѣды, то терялъ ихъ, то опять находилъ; я наблюдалъ за всѣми его движеніями. Наконецъ слѣды привели насъ къ воротамъ большаго и прекраснаго дому. Ворота были заперты. Да хоть бы и не заперты, какъ мнѣ было войти въ такой великолѣпный домъ? Я былъ весь оборванъ: лакеи вытолкали бы меня, конюхи прогнали бы арапниками. Мнѣ пришло въ голову, что господа, вѣрно, живутъ въ тѣхъ комнатахъ, которыя выходятъ въ садъ, чтобы быть по-дальше отъ уличнаго шума. Я пошелъ вдоль стѣны вокругъ дома. Было уже поздно. На противоположной сторонѣ въ одномъ окнѣ свѣтился огонекъ. Вы знаете, что я не охотникъ долго думать: вскарабкался на стѣну и спрыгнулъ въ садъ, прямо на дернъ. Подхожу подъ самое окно.... Вдругъ слышу, отдергиваютъ занавѣску, открываютъ окно, изъ окна выставляется хорошенькая головка.... Аристинъ! Аделина!.... Въ-минуту я былъ уже на деревѣ, которое расло возлѣ самаго окна, сталъ на толстую вѣтвь, началъ качаться такъ, что концы вѣтви касались до поддонка.... Она, моя голубушка, въ ужасѣ протянула ко мнѣ ручку и я вскочилъ въ комнату.... О, какая это была ночь! Я валялся у ногъ моей Аделины, плакалъ, рыдалъ, мы калялись въ своихъ проступкахъ, просили другъ у друга прощенія, омыли свои прегрѣшенія слезами.... И больше ничего, братцы, право ничего. Послѣ-того мы видѣлись почти всякую ночь, но жили какъ братъ съ сестрою. Потомъ, однажды я забрался къ ней ужъ и днемъ, а тутъ-то насъ и поймали. Вы уже знаете, какъ это случилось. Мы уѣхали изъ Лиссабона въ тотъ самый день, какъ безумный герцогъ дрался съ нашимъ знакомымъ, Сантандеромъ.

— Однако жъ ужъ одиннадцать часовъ; забытъ ли маркизъ.

— То есть, пора спать? сказала маркиза.

Всѣ встали. Последняя Гитара свѣлъ за фортепиано и вокругъ стола понесся веселый галопъ. Такъ всегда кончался день у этихъ счастливицевъ; такъ кончается и теперь, потому что всѣ они еще живы.

А Вильяреаль? Богъ съ нимъ. Впрочемъ мы, можетъ быть, современемъ узнаемъ что съ нимъ случилось.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

КАРДИНАЛЪ РИШЛЁ.

==

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ.

=

Чтобы удержаться на своемъ мѣстѣ осьмнадцать лѣтъ, чтобы управлять судьбами Франціи столь продолжительное время, кардиналу Ришлё надобно было съ одной стороны избѣгнуть участи маршала Анкерсаго и убѣдить монарха, что подобныя преступленія уже не возможны; съ другой владѣть настояннею, если не сердцемъ, то по крайней мѣрѣ умомъ государя и сдѣлать владычество свое справедливымъ съ безопасностію монарха и даже съ счастіемъ монархіи. И то и другое исполнѣ удалось кардиналу.

Въ отношеніи къ привязанностямъ, Людовикъ Тринадцатый. — Отд. III.

патый былъ самый непостоянный, самый прихотливый человекъ. Было время когда Марія Медичи совершенно владѣла сердцемъ своего сына и между-тѣмъ она кончила жизнь на землѣ чужой. Де-Люинъ, Баррада, Шомбергъ, Сентъ-Симонъ, Бассомпьеръ, Сентъ Маръ, одинъ за другимъ пользовались и довѣренностию и дружбою короля, но это не предохранило ихъ отъ паденія, даже отъ смертной казни. Онъ любилъ, впрочемъ любовью вялой, безжизненной, остроумныхъ женщинъ, кроткихъ и нѣжныхъ дѣвушекъ, и эти связи разрывались у него безъ усилія, безъ борьбы, не оставляя даже по себѣ пустоты въ его сердцѣ. Таковъ былъ государь, надъ которымъ кардиналу необходимо было господствовать и которому суждено было прикрывать своей королевской порфирною министра, ненавидимаго и знатными и народомъ.

Казалось, что между этими двумя человекѣми, чьихъ судьба соединила неразрывно, не было ничего общаго; всякой видѣлъ почему они должны были взаимно отталкиваться, но не легко было постигнуть что ихъ такъ тѣсно сближало. Современники этого рѣшительно не понимали, да и въ самомъ Людовикѣ идеи государя часто боролись съ чувствами человекѣ. Повсюду, при всякомъ случаѣ, въ разговорахъ съ матерью, съ мадамозель де-Лафайеттъ, съ своими любимцами, онъ открыто выражалъ свое отвращеніе къ кардиналу, не скрываясь говорилъ о томъ, какъ тяжело ему покоряться непреклонной волѣ, деспотическому характеру Ришліе, и между-тѣмъ онъ могъ бы однимъ словомъ свергнуть съ себя это нестерпимое иго. Отчего же онъ не произнесъ этого слова, отчего списалъ владычество, на которое непрерывно жаловался?

Эта странность объясняется характеромъ и политическимъ положеніемъ Людовика Тринадцатаго. Врожденное расположеніе, усиленное еще обстоятельствами, сдѣлало его чрезвычайно недоувѣрчивымъ; онъ зналъ, что слабости его здоровья возбуждаютъ въ его семействѣ преступныя надежды, что народъ не уважаетъ его, потому что не видитъ въ немъ важнѣйшаго качества государя — душевной силы. Онъ не вѣрилъ ни материнской любви Маріи

Медичи, ни дѣжности своей супруги, ни вѣрности брата, ни преданности знатныхъ и народа. Первымъ дѣйствіемъ его по принятіи верховной власти было изгнаніе Маріи Медичи изъ Лувра и потому онъ всегда боялся ее какъ женщины оскорбленной и честолюбивой. Анна Австрійская, осужденная холодностію своего супруга на безплодіе, по-видимому, вѣчное, была въ глазахъ его—олицетвореніемъ Испаніи и политики враждебной. Гастонъ Орлеанскій, любимецъ матери, а можетъ-быть и жены, предполагаемый наследникъ трона и брачнаго ложа его, зачинщикъ всѣхъ заговоровъ, сообщникъ и надежда чужеземцевъ, являлся ему во все его царствованіе врагомъ и политическимъ и семейнымъ. Тронъ былъ окруженъ ятежными принцами и знатными, которые для исполненія своихъ замысловъ примыкали то къ вдовствующей королеви, то къ Гастону Орлеанскому, соединялись то съ Испанією, то съ гугенотами, и склонили головы передъ закономъ тогда только, когда надъ ними заевистъла сѣкира палача.

Вспоминая о прошедшемъ или размышляя о будущемъ, Людовикъ Тринадцатый повсюду находилъ причины опасеній и недодѣрчивости. Посреди Франціи существовало народонаселеніе независимое и враждебное, прикрытое законами и обезопасенное собственными крѣпостями; Испанія и Римская Имперія соединенными силами угрожали границамъ и подкупали придворныхъ. Но нашелся человекъ, который смѣло, спокойно пошелъ на встрѣчу всѣмъ этимъ опасностямъ, готовъ былъ жертвовать жизнію, защищая королевскую власть въ борьбѣ съ принцами, обѣщавъ утвердить монархическую власть внутри государства, возвысить Францію въ сношеніяхъ съ другими державами и уничтожить вѣковое преобладаніе Испаніи. Этотъ человекъ былъ Ришліе. Запятанный, въ первое время своего управленія государствомъ, кровію двухъ знатныхъ, Шалле и Буттвиля, казненныхъ по его повелѣнію, неутомимый защитель верховной власти, потрясаемой заговорами, и общественаго порядка, нарушаемаго дуэлями, онъ изрылъ бѣду между собой и высшимъ дворянствомъ, и не только въ собственному расположенію, но и по необходимости,

сдѣлался защитникомъ всѣхъ королевскихъ правъ, поборникомъ единства власти. Обязанный своимъ возвышеніемъ милости вдовствующей королевы, онъ отдѣлился отъ всего разлагасію въ политическихъ мнѣніяхъ. Сдѣлавшись, для утвержденія своего кредита, неумолимымъ гонителемъ своей благодѣлательницы, онъ изгналъ ее изъ Франціи и тѣмъ принудилъ къ сообщничеству во всѣхъ замыслахъ противъ сына. Такимъ образомъ онъ сдѣлался высшимъ выраженіемъ монархической и національной силы въ борьбѣ съ иностранцами.

Между ними и Марією Медичи была прегрѣда неодолимая; Гастонъ безиременно дѣлалъ замыслы на швейцарскаго кардинала, единственнаго приближеннаго Рикшліе была королевская власть; единственною его надеждою являлось герцогство Немандкльмъ и Марією Медичи, и Анною Австрійскою; и Гастонемъ Орлеанскимъ, онъ существовалъ только во вѣвѣ Людовика Тринадцатаго. Умирая король, или лишись престола, и голова Рикшліе тотчасъ пала бы, несмотря даже на кардинальскую шапку, которою была прикрыта. Мятежники прежде всего потребовали бы его головы; а Марія и Гастонъ съ радостью сдѣлали бы изъ эту уступку. Судьба его тѣсно была соединена съ судьбою Людовика Тринадцатаго, безопасность одного зависѣла отъ безопасности другаго: мудро ли же, что король по рѣшался удалить отъ себя человека, который хотѣлъ и могъ хотѣть только его пользы, и одинъ былъ въ состояніи удержать власть, которую мятежники легко вырвали бы изъ слабыхъ рукъ Людовика?

Льва и умовіе власти уничтожили прежнюю гибкость характера Рикшліе: владычество его сдѣлалось повелительнымъ, львинымъ надмѣннымъ, требованія возвышались вмѣстѣ съ могуществомъ. Но онъ усѣвлялъ во всѣхъ, даже въ самыхъ отважныхъ своихъ предпріятіяхъ, и блистательные подвиги скрывали отъ глазъ свѣта неприятности, которыми онъ дѣлалъ королю; онъ ревниво слѣдилъ за всѣми поступками Людовика, онъ вышѣдывалъ даже самыя сокровенныя тайны его домашней жизни, но зато развитіемъ своихъ

обширныхъ плановъ тѣшилъ страсть короля: къ войнѣ, и его ненависть къ австрійскому дому.

Объяснивъ причины долговременнаго владычества Ришліе, окинемъ быстрымъ взглядомъ дѣйстви е его во внутреннемъ управленіи государствомъ и въ-отношеніи къ иностраннымъ державамъ.

Истинный государственный человекъ необходимо долженъ обладать двумя способностями, по-видимому, противоположными: умъ его долженъ постоянно стремиться къ одной, неизмѣнной идеѣ, а между-тѣмъ въ достиженіи своей цѣли онъ долженъ умѣть иногда уступать обстоятельствамъ, даже иногда противнымъ его плану, но такъ, чтобы эти частныя уклоненія не измѣняли общаго направленія однажды предназначеннаго пути: встрѣчая препятствія, которыхъ преодолѣть невозможно, онъ долженъ обходить ихъ. Ришліе въ полнейшѣйшѣй степени обладалъ этими искусствами.

Георгій Четвертый искалъ въ Англіи, Голландіи, Швейцаріи и мелкихъ имперскихъ владѣніяхъ опоры противъ замысловъ австрійскаго дому. Теперь это было необходимо тѣмъ когда-нибудь, и потому Ришліе придерживался той же политики, но придавалъ ей еще болѣе развитія. Въ Германіи императоръ Фердинандъ Второй торжествовалъ надъ усиліями протестантовъ, которымъ недоставало единодушія. Испанія все болѣе и болѣе пріобрѣтала господства въ Италіи; она овладѣла ущельями Вальтелина, которымъ, по прежнимъ конвенціямъ, считался нейтральнымъ и былъ зашищенъ папскими войсками. Внутри государства повсюду гремяла гроза, которая бушевала во все десять лѣтъ регентства. При дворѣ были непрерывныя смуты; въ королевской семьѣ царствовали раздоръ и взаимная ненависть: ландекскіе и сентонжскіе реформатъ и Гордые граждане ла-рошельскіе сдѣлались надменнѣе чѣмъ когда-нибудь, и предводители гугенотовъ, братья де-Рогацъ, уже не скрывали своей надежды основать независимое государство.

Въ началѣ 1625, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи кардинала Ришліе въ управленіе министерствомъ,

новое возстаніе протестантовъ еще болѣе убѣдило его въ томъ, что Франція не можетъ быть спокойною, пока протестанты сохранять, кромѣ свободы вѣроисповѣданія, которой онъ никогда не отрицалъ, преимуществъ административныхъ и военныхъ, несовмѣстныхъ съ добрымъ управленіемъ. Герцогъ Субизскій овладѣлъ Сабль-д'Олоннемъ. Преслѣдуемый королевскими войсками, онъ укрылся въ Ла-Рошелю; вооружилъ нѣсколько большихъ судовъ и множество шлюпокъ, вошелъ въ портъ Блаве и тамъ овладѣлъ шестью королевскими кораблями; укрѣпился на островѣ Ре и дѣлалъ высадки на окрестные берега, чтобы усилить свой флотъ и поправить финансы. Въ то же время герцогъ Роганскій возмутилъ Монтобанъ, и пожаръ, втайнѣ раздуваемый Испанією, грозилъ охватить всѣ южныя провинціи.

Много власти надъ собою надобно было имѣть Ришелье, чтобы не употребить тотчасъ силы и не привести въ исполненіе плана, который онъ давно замыслилъ. Война съ Италіей ведена была съ успѣхами переменными, исходъ ея былъ еще такъ невѣренъ, что онъ чувствовалъ необходимость выждать событія и уступить обстоятельствамъ. Англія, гдѣ бракосочетаніе Карла Перваго съ Генриеттою-Марією, возбудило въ пуританахъ сильное негодованіе, готова была расторгнуть союзъ съ Францією, который Ришелье дорожилъ. Боккингэмъ, ненавидимый народомъ и парламентомъ, надѣялся, что предпринявъ экспедицію въ пользу французскихъ протестантовъ, ему удастся отвратить бурю, которая скоплась надъ его головою. Кардиналъ видѣлъ, что неблагоразумно было бы подвергаться вмѣстѣ непріязни и Великобританіи и Испаніи, и онъ имѣлъ столько силы надъ королемъ и надъ самимъ собою, что отложилъ наказаніе протестантовъ до заключенія мира съ Испанією.

Испанскій кабинетъ полагалъ, что Франція посидѣвши заключить миръ съ протестантами для того, чтобы обратитъ всѣ свои силы противъ Италіи. Реформаты, съ своей стороны, думали, что кардиналъ посидѣвши устроитъ италіянскія дѣла для того, чтобы съ болѣею силою дѣй-

ствовать противъ нихъ. Это убѣжденіе сдѣлало испанскаго министра Оливареса сговорчивѣе, а протестантовъ умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ. Ришліе искусно этимъ воспользовался и самъ говоритъ въ своихъ Запискахъ, какъ обыкновенно, въ третьемъ лицѣ: «ловкимъ своимъ поведеніемъ онъ заставилъ гугенотовъ согласиться на миръ изъ опасенія, что Франція примирится съ Италіею, а Испанію, заключить миръ изъ опасенія, чтобы правительство не прекратило своихъ распрій съ протестантами».

По муссонскому договору Вальтеллинь, возвращенъ, былъ Граувальденцамъ, старшимъ союзникамъ Франціи, и Испанцы лишились возможности проникать въ Италію черезъ ущелья, обладаія которыми они такъ усильно добивались.

Реформаты со своей стороны заключили миръ на условія справедливыхъ и умѣренныхъ. Тоаръ промчалъ Су-база съ острова Ре; а Теминъ, тѣсно обложивъ Ла-Рошель, заставилъ жителей этого города желать примиренія съ королемъ. Управление городомъ предоставлено было муниципалитету, но въ Ла-Рошель назначенъ былъ комиссаръ для наблюденія за исполненіемъ условій договора, и для охраненія правъ короны. Ла-Рошельцамъ запрещено было имѣть военные корабли и предписано наблюдать въ отношеніи къ торговлѣ правила, существующія въ другихъ частяхъ государства. Они обязались выдать церковныя имущества, которыми незаконно овладѣли и не стѣснять католическихъ жителей въ отправленіи богослуженія.

Миръ внутренній и внѣшній продолжался два года. Ришліе дѣятельно воспользовался этимъ короткимъ отдохновеніемъ.

Боннетабль Ледагьеръ умеръ, и кардиналъ посѣдѣшилъ уничтожить это званіе, которое доставляло въ арміи тому, кто носилъ его, власть равную королевской или даже и будущую. Онъ отнималъ также званіе великаго-адмирала, которое во флотѣ соотвѣтствовало званію констабля въ арміи. Герцогъ Монморанси, который занималъ его, отказался отъ своего мѣста и получилъ въ вознагражденіе за

то миллионъ двѣсти тысячъ франковъ. Сверхъ-того Ришліё учредилъ главное управленіе торговлею и мореплаваніемъ и присоединилъ его къ своему министерству. Такимъ образомъ онъ сосредоточилъ въ рукахъ своихъ все управленіе морскими силами и возвратилъ коронѣ, то есть самому себѣ, право жаловать морскіе чины и раздавать мѣста по морской части, потому что это право принадлежало великому адмиралу.

Въ «Политическомъ Завѣщаніи» Ришліё изложено много здравыхъ и великихъ идей о распространеніи французскаго судоходства, расширеніи торговли и оживленіи промышленности. Само собою разумѣется, что Ришліё не могъ быть приверженцемъ свободной торговли, потому что эта идея въ его время еще не родилась, но мысли его о свободѣ морей показываютъ, какое вліяніе имѣло и тогда уже ученіе голландской школы, объ этомъ предметѣ на европейское народное право. Главною мыслию его было уменьшить привозъ иностранныхъ товаровъ и обратить вниманіе Французовъ на тѣ естественныя произведенія и мануфактурныя продукты, которыми бы они могли замѣнить ихъ. Доказывая необходимость усилить флотъ и обильная средства, необходимыя для достиженія этой цѣли, онъ же не менѣе занимался и финансами, сильно возставалъ противъ уменьшенія процентовъ государственнаго долга, пересматривалъ все подати и налоги, предлагая отменить многія изъ нихъ, потому что они вредятъ промышленности; но онъ считалъ необходимымъ сохранить продажность тѣхъ должностей, потому что это доставляло правительству большія суммы.

Въ это время снова ревностно занялись колонизаціею Канады, составилась Сенъ-Домингская колонія, большія экспедиціи въ Индію получили пособія отъ правительства. Во всѣхъ портахъ Леванта учреждены были консулы, а Дегё (Deshayes) отправленъ въ Россію; съ маррарійскими владѣніями заключены были договоры. Составилась компанія для прорытія каналовъ, осушенія болотъ, воздѣлыванія земель, укрѣпленія береговъ рѣкъ. Все показывало важность, которую приобреталя средній классъ и

усплія министра противопоставить могущество капиталовъ могуществу поземельнаго владѣнія, у котораго онъ старался отнять политическую власть. Въ то же время Ришелье повсюду учреждалъ администрацію, приводя ее въ непосредственное сношеніе съ министерствомъ, и противопоставляя правителямъ провинцій и главнымъ судамъ.

При собраніи почетныхъ гражданъ (*les notables*), происходившемъ въ Парижѣ въ 1627 году, министръ заставилъ ихъ принять мѣру, которая еще прямо шла къ его неизмѣнной цѣли. Агенты его побудили собраніе требовать, чтобы всѣ крѣпости, которыя признаны будутъ не нужными для обороны государства отъ виѣшнихъ непріятелей, были скрыты, чтобы избавить правительство отъ огромныхъ и бесполезныхъ расходовъ. Самъ министръ оставался всторонѣ. Знатные, и въ главѣ ихъ герцогъ де-Гвизъ, правитель Прованса, подняли страшный крикъ, услышавъ объ этомъ предложеніи; но собраніе настаивало съ такою живостію, и мѣры были такъ хорошо приняты, что, утверждая предложеніе собранія, король, по-видимому, уступалъ единодушному желанію своего народа.

Самъ Ришелье сдѣлалъ тому же собранію другое предложеніе, которое, конечно, не дѣлаетъ ему чести, потому что оно было неискренно. Онъ предлагалъ отменить строгія наказанія, назначенныя древними законами за государственную измену и наказывать преступниковъ при вторичномъ преступленіи только лишеніемъ званій и должностей. Это предложеніе было отвергнуто собраніемъ. Само собою разумѣется, что это была недостойная дилгерность, потому что эшафотъ еще дымился кровью несчастнаго Шалё, казненнаго по повелѣнію грознаго кардинала.

При одномъ изъ безчисленныхъ заговоровъ, въ которыхъ принималъ участіе Гастонъ Орлеанскій, кардиналъ поручилъ молодому Шалё, наследнику знаменитаго Перигорскаго дому, выискать намѣренія заговорщиковъ, притворившись ихъ сообщникомъ. Шалё принялъ дѣйствительное участіе въ заговорѣ. Со времени Генриха Четвертаго не было примѣру, чтобы судѣбный приговоръ былъ подписанъ надъ знатымъ, который вмѣшался въ дѣло, гдѣ

начальникомъ былъ принцъ королевскаго дому. Но времена перемѣнились и Шалъ былъ публично казненъ. Принцы Вандомскіе, также участвовавшіе въ заговорѣ, были приглашены дружески ко двору, но тамъ ихъ схватили и заключили въ тюрьму. Но кардиналъ не рѣшился казнить ихъ, потому что они были побочные братья короля, а Ришліе, вѣрный своей монархической идеѣ, всегда уважалъ королевскую кровь. Кровь аристократическую напротивъ, онъ проливалъ съ жадностію, и съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ казнить одного изъ знатнѣйшихъ лицъ во Франціи. Дуэли были строго запрещены, но на этотъ законъ обращали такъ мало вниманія, что въ Парижѣ всякой день происходили поединки на улицахъ, на публичныхъ гульбищахъ, даже на дворѣ королевскаго дворца. Графъ Монморанси-Буттвиль двадцать два раза участвовалъ въ дуэляхъ и никогда за это не пострадалъ. Наконецъ онъ устроилъ дуэль вчетверомъ: съ одной стороны были Буттвиль и родственникъ его Дешапель, съ другой маркизъ де-Бѣвронъ и графъ де-Бюсси. Они дрались днемъ, на площади. По обыкновенію, ихъ отдали подъ судъ и они были совершенно спокойны, въ твердой увѣренности, что это кончится, какъ всегда, ничѣмъ. Но кардиналъ подалъ королю записку, въ которой доказывалъ, что законы не будутъ имѣть никакой силы, пока правительство не докажетъ, что преступника не могутъ спасти ни знатность, ни сильныя связи, ни богатство, и Монморанси былъ обезглавленъ рукою палача.

Такой образъ все принимало новый видъ и общество переходное, котораго элементы бродили въ анархическомъ хаосѣ, начинало приходить въ порядокъ подъ вліяніемъ власти сильной по единству своихъ плановъ, обширности замысловъ и строгости въ наказаціяхъ. Казнь Монморанси распространила ужасъ между знатыми, прдала кардинаду еще больше силы и это дало ему возможность снова обратиться къ проектамъ, которые онъ принужденъ былъ отложить на время, въ исполненію которыхъ дѣлательно готовился.

Протестанты снова начали волноваться. Въ Англіи пуритане еще съ большою силою возставали противъ Карла

Перваго, и французская принцесса, Генриетта-Марія, подверглась оскорбленію. Вопреки постановленіямъ свадебнаго договора, католическій дворъ этой принцессы распустилъ и она принуждена была окружить себя одними протестантами. Субизъ былъ въ Лондонѣ и раздувалъ протестантскія страсти республиканскаго парламента и фанатическія проповѣдниковъ. Союзъ съ Англіею былъ необходимъ кардиналу для того, чтобы успѣшнѣе противодействовать испанскому двору; но французскій король, глава католическаго міра, не могъ не потребовать удовлетворенія за такое нарушеніе договора и шокнуть французскую принцессу въ рукавъ протестантовъ: иначе нравственное вліяніе Франціи совершенно ушло бы. Требованіе сдѣлано было въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ и, можетъ-быть, не безъ намѣренія. Въ Англіи не обратили на него никакого вниманія и герцогъ Боклингемскій сдѣлалъ высадку на островъ Ре, чтобы начать крестовый походъ противъ католиковъ, къ которому французскіе протестанты уже давно приглашали англійскаго короля. Изъ англійскихъ гаваней вышелъ огромный флотъ. Ришелье съ изумительной быстротою успѣшилъ на помощь къ жителямъ острова Ре, и попытка Англичанъ не удалась, по неспособности ихъ предводителя. Между тѣмъ внимательство Англіи произвело на реформатовъ обыкновенное свое дѣйствіе. Гугеноты повсюду стали собираться, и жители Ла-Рошелли, возбуждаемые честолюбивою матерью герцога Роганскаго, готовились противопоставить королевскимъ войскамъ отчаянное сопротивленіе. Такимъ образомъ религиозный вопросъ, возбужденный сто лѣтъ назадъ Лютеромъ и Кальвиномъ, и вопросъ общественный, порожденный надевіемъ на естественную іерархію и образованіемъ общества новаго, должны были рѣшиться на мѣстѣ, въ присутствіи флотовъ англійскаго и испанскаго, которые, властвуя въ океанѣ, были однако жъ простыми свидѣтелями этой рѣшительной борьбы.

Въ Завѣсахъ Ришелье есть превосходное изображеніе тогдашняго положенія Европы и опасностей, угрожавшихъ Франціи. Англія подняла оружіе противъ Франціи и готовилась къ страшнымъ усліямъ. Голландія, тревожимая

духомъ сражѣны, настремалась отклониться отъ Франціи. Императоръ, съ помощью герцога Лотарингскаго, собирался атаковать Вердѣнъ. Герцогъ Савойскій угрожалъ Бургундіи. На Венецію также нельзя было надѣяться, потому что тамъ завела сила герцогини Реганская. Оставалась одна Испанія; но она соблюдала нейтралитетъ, очевидно не добровольный. Эта католическая держава, конечно, не осмѣлилась бы присоединиться къ противникамъ Франціи, пока борьба сохранила бы релігіозный характеръ, который придавали ей возстаніе гугенотовъ и вѣрнопольскіе англійскіе пуританъ; но этотъ характеръ легко могъ измѣниться и тогда война сдѣлалась бы чисто политической. Гастонъ Орлеанскій былъ ослѣпленъ оружіемъ въ рукахъ недомысливыхъ и чужеземцевъ и одна только его вѣрность дѣлала его честолюбіе не опаснымъ. Другой принцъ королевскаго дому, графъ Соассонскій, покинулъ Францію и также могъ послужить страшнымъ оружіемъ. Правда, чтобы помочь королю въ войнѣ съ еретиками, Испанія предложила заключить союзъ и уничтожить испанскій флотъ противъ Англій, которая незадолго передъ тѣмъ ее обскорбила; но по медленности ея приготовленій, по условіямъ, на которыхъ она предлагала дѣйствительное содѣйствіе, ясно было, что она дѣйствуетъ не чистосердечно. Поэтому Рашліе совѣтовалъ королю не довѣрять Эскуріалу и наблюдать за ея эскадрою, которая тогда не безвредовала у французскихъ береговъ. Несмотря на все это, по его мнѣнію, слѣдовало выказывать величайшую доброту къ Испаніи, чтобы компрометировать ее въ глазахъ Европы.

Открытія, сдѣланныя впоследствии, доказываютъ прощупательность кардинала. Изъ документовъ, найденныхъ въ Сивильяскомъ архивѣ, видно, что Испанія притворилась вѣрною союзницею Франціи, дѣйствительно измѣнила ей. Тамъ найдены подлинныя депѣши Филиппа Четвертаго къ маркизу Леганьесу и къ маркизу Мирабелю, юванскому посланнику въ Мадридъ: изъ этихъ бумагъ видно, что Испанія желала, чтобы осада Ла-Рошели не удалась и даже принимала мѣры, чтобы достигнуть этого результата, въ то самое время, какъ флотъ ея получалъ приказаніе идти

во французскіе шорты, чтобы поддерживать операции, начатыя кардиналомъ Ришліе. Испанія, болѣе каръ: отъ панского двора и уважая мнѣніе католическаго міра, не рѣшалась явно пошнуть Францію въ борьбѣ ея съ еретиками и съ Великобританією, съ которою Эскуриаль самъ велъ войну. Но между-тѣмъ Испанія страшилась успѣховъ Франціи, еще болѣе чѣмъ успѣховъ протестантовъ, и вотъ почему Филиппъ Четвертый дѣйствовалъ съ такимъ лицемеріемъ.

Ришліе изображалъ опасное положеніе Франціи съ полной откровенностію, для того, чтобы поразить умъ короля; ему хотѣлось доказать необходимость употребить величайшія усилія, чтобы для спасенія Франціи взять какъ-можно скорѣе Ла-Рошель. Это сдѣлалось постоянной мыслью министра; онъ только этой мыслью жилъ, ею дышалъ. Казалось, что въ немъ родились сверхъестественныя силы. Онъ днемъ и ночью былъ на ногахъ, то въ морѣ, то на знаменитой плотнѣ, которую построилъ, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать противъ Ла-Рошели; распоряжалъ операциями арміи и флота и между-тѣмъ входилъ въ малѣйшія подробности провинцальской части и отчетности. Два раза англійскій флотъ являлся передъ Ла-Рошелью, гдѣ свирѣпствовалъ голодъ и два раза былъ отбиваемъ только-что родившимся французскимъ флотомъ. Все движеніе Европы остановилось на цѣлый годъ: такъ важны были вопросы, которые рѣшались передъ этими мощными стѣнами! Наконецъ Ришліе восторжествовалъ и Ла-Рошель пала.

Строгій до жестокости къ своимъ личнымъ непріятелямъ, Ришліе не былъ зараженъ фанатизмомъ партій и никогда не истязъ насамъ. Онъ отнялъ у Ла-Рошели права, по которымъ посреди монархіи, образовалась муниципальная республика, срылъ форты и стѣны; но и не думалъ нарушать безопасности гражданъ или препятствовать свободному отправленію ихъ богослуженія. Вообще онъ никогда не былъ противникомъ вѣротерпимости.

Востигъ Ла-Рошелю помысла кардинала славою и вѣрдано ему новую славу, но для него еще не наступило время отдыхать на своихъ лаврахъ. Ла-Рошель пала, но другіе

протестантския убійцища въ южной Франціи еще существовали и реформаты шагъ за шагомъ забирали свои окраинныя города и нагорныя крѣпости. Испанское правитель-ство воушло въ тайныя сношенія съ союзомъ гугенотскихъ городовъ, обѣщало имъ денежныя вспоможенія и всѣ возможныя пособія; посылало къ нимъ сводъ ордеравъ и само принимало въ Мадридѣ агента герцогини Роганской, которому поручено было вести переговоры объ учрежденіи въ южной Франціи федеративной ресублики. Въ Симаккаскомъ архивѣ найдено формальное условіе заключенное третьяго мая 1629 испанскимъ министерствомъ съ Клозелемъ, дворяниномъ герцога Роганскаго, который обязывался за шесть сотъ тысячъ золотыхъ дукатовъ постоянно содержать двѣнадцать тысячъ пѣхоты и столько же кавалеріи и не заключать съ французскимъ королемъ никакихъ условій безъ предварительнаго одобренія короля испанскаго. Такимъ образомъ кардиналу предстояло выдержать въ этихъ провинціяхъ еще одну, послѣднюю, борьбу, но прежде всего надобно было рѣшить вопросъ весьма важный для внѣшняго вліянія Франціи.

Герцогъ Мантуанскій скончался и тронъ его доставался по праву герцогу Невѣрскому, наследнику его въ побочной линіи. Но Испанія и Римская Имперія не хотѣли допустить къ престолу принца изъ дому Гонзагскаго, который, по своимъ выгодамъ, всегда былъ привязанъ къ Франціи. Кастильская армія тѣсно обложила Казаль и потеря этой важной крѣпости сдѣлала бы уснѣхъ Франціи весьма сомнительнымъ.

Въ Запискахъ своихъ Ришліе подробно излагаетъ планъ, которому король долженъ слѣдовать, чтобы упрочить могущество свое внутри государства и усилить свое внѣшнее вліяніе.

«Выгоды государства, говоритъ онъ, дѣлятся на два главные разряда: внутренніи и внѣшніи.

«Въ-отношеніи къ первымъ необходимо прежде всего довершить покореніе еретиковъ, взять Кастръ, Намъ, Монтобанъ, и всѣ прочіе укрѣпленные города въ Лангдокъ, Рууръ и Гюеннѣ, потомъ Седанъ и Ажанъ.

«Надобно скрыть всѣ крѣпости непограничныя, не господствующія надъ теченіемъ рѣкъ, не служащія для обузданія большихъ и мятежныхъ городовъ, укрѣпить какъ-можно лучше города, расположенные по границамъ; надобно облегчить налоги и подавить сословія, которыя дѣйствуя самопроизвольно, противятся благу государства.

«Надобно, чтобы знатные и простые равно безпрекословно повиновались королю; чтобы онъ предоставилъ епископскія мѣста людямъ благоразумнымъ и способнымъ, чтобы онъ выкупилъ государственныя имущества и увеличилъ свои доходы по-крайней-мѣрѣ на-половину—средствами, которыя уже прежде были указаны.

«Въ-отношеніи къ вѣшнимъ дѣламъ надобно всегда имѣть въ виду важную цѣль: остановить уснѣхи Испаніи. Эта держава постоянно старается распространить свое владычество и расширить свои границы; а Франція, напротивъ того, должна помышлять только о томъ, чтобы укрѣпиться въ себѣ самой, и открыть себѣ двери во всѣ сосѣднія государства, чтобы въ случаѣ нужды защищать ихъ противъ властолюбія Испаніи.

«Надобно принять во вниманіе, что если бы Испаніи удалось лишитъ герцога Мавруннскаго престола, то она совершенно овладѣла бы Италіею, потому что владѣтели земель лежащихъ за Альпами, расположенные къ Франціи и не доброжелательные къ Испаніи, страшались бы ея могущества, если бъ ей удалось исполнить свое намѣреніе.....

«Я не пророкъ, говоритъ Ришліе въ заключеніе: но могу увѣрить ваше величество, что, приступивъ къ этому безъ потери времени, вы можете въ маѣ принудить Испанцевъ снять осаду Казалья, и даровать миръ Италіи; потомъ, обративъ войска свои въ Лангдокъ, покорить все и даровать миръ своимъ подданнымъ въ іюлѣ, такъ что ваше величество, какъ я надѣюсь, могли бы въ августѣ съ торжествомъ возвратиться въ Парижъ».

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Ришліе подалъ королю эту записку, Людовикъ Тринадцатый уже отправился въ Италію и кардиналъ предводительствовалъ тридцати-тысячною арміею. Герцогъ Савойскій вздумалъ изъ

влекъ пользу для себя изъ распри австрійскаго дому съ Франціею и требовалъ, чтобы ему отдали Монферратъ. Испанія готова была согласиться на это съ тѣмъ, чтобы онъ не пропускалъ французской арміи черезъ свои владѣнія. Переговоры съ Турецкимъ дворомъ не привели ни къ какому удовлетворительному результату, и потому министр-военачальникъ счелъ необходимымъ рѣшить дѣло силою. Французскія войска взяли Па-де-Сюзъ. Европа думала, что Людовикъ Тринадцатый еще находится у подошвы Альпъ, а онъ между-тѣмъ уже освободилъ Казаль, спасъ герцога Мантуанскаго и устремился съ побѣдоносною своею арміею въ Виваръ, чтобы покончить съ реформатами. Протестантскіе города и земли одинъ за другимъ падали и укрѣпленія ихъ были немедленно разрушаемы. Если въ уноеніи борьбы и побѣды были совершены нѣкоторыя жестокости, то по-крайней-мѣрѣ кардиналъ Римскій не принималъ въ нихъ никакого участія; въ-отношеніи къ протестантскому народонаселенію, онъ дѣйствовалъ съ величайшею умѣренностію; съ реформатскими пасторами обходился какъ-нельзя лучше, умѣлъ побѣдить, не уничтожая, и разстроилъ партію погуманнейшую, не доставивъ ей выгоды мученичества. Съ этой компаніи и съ 1629 года реформа потеряла во Франціи свою политическую значительность. Лишившись своихъ охранныхъ городовъ, до сохранивъ свободное отправленіе своей религіи, гугеноты не думали болѣе, ни возможности, ни желанія помогать црццамъ въ исполненіи какъ честолюбивыхъ замысловъ. Они не принимали болѣе участія въ междоусобіяхъ, и протестантизмъ, переставъ быть политической партіею, остался только религіозною сектою. Лишь отѣна надтскаго эдикта, послѣдовавшая въ 1685 году, могла придать ему снова нѣкоторую политическую важность.

Окончивъ блистательный походъ свой противъ реформатовъ, кардиналъ-генералиссимусъ возвратился къ италійской арміи, облеченный такою властью, что, по выраженію одного современника, изъ всѣхъ своихъ преимуществъ, король сохранилъ только право дечить отъ золотухи.

Взявъ Пиньероль и открывъ себѣ такимъ образомъ двери

въ Италію, Ришліе возвратился въ Парижъ, гдѣ ему угрожа ла большая опасность. Настоящія причины его раз-
ноликъ съ вдовствующею королевою неизвѣстны; впрочемъ,
до нихъ и надобности нѣтъ. Какъ бы то ни было, Марія
Медичи ревностно старалась удалить кардинала; но дѣйст-
вовала неосторожно и онъ пропикъ ся намѣреніи. Карди-
налъ видѣлъ, что эта вражда была для него очень опасна,
но онъ зналъ сколько подозрѣній противъ матери таптся
въ душѣ Людовика Тринадцатаго и потому понималъ, что,
сдѣлавъ вдовствующую королеву первою непріятельницею
короля, онъ навсегда соединитъ судьбу свою съ судьбою
Людовика.

Въ 1630 году, на возвратномъ пути изъ Италіи, король за-
хворалъ въ Лионѣ и болѣзнь его иѣкоторое время считали
смертельною. Выздоровленіе Людовика было весьма медлен-
но и Марія окружала его попеченіями, которыхъ ничтѣ не
замѣнить сыну въ болѣзни. Вокругъ него были одиѣ женщи-
ны и онѣ составили заговоръ, который могъ измѣнить
судьбу Франціи. Обѣ королевы ненавидѣли Ришліе; прип-
цесса де-Копти и герцогиня д'Эльбъ-ѳъ сердились на него за
своихъ родныхъ; канцлеръ Марильякъ и братъ его, кото-
раго кардиналъ незадолго передъ тѣмъ сдѣлалъ маршаломъ,
присоединились къ заговору, потому что имъ обѣщаны
были разныя выгоды. Король часто жаловался на властолю-
бивый характеръ Ришліе, на его гордость, деспотизмъ и
говорилъ, что министръ затѣмъваетъ собою короля. При
такомъ расположеніи его ума и при слабости тѣлесныхъ
силъ, не трудно было выпудить у него обѣщаніе пожертво-
вать кардиналомъ. Чтобы его оставили въ покоѣ, онъ
потребовалъ отерочки и вдовствующая королева согла-
силась отложить исполненіе его обѣщанія до возвращенія
въ Парижъ; но она неблагоразумно выказала свое тор-
жество. При другомъ свиданіи съ королемъ въ Версали,
она требовала какъ уплаты долга того, о чемъ сдѣлано
бы молять короля подъ предлогомъ блага государства, и
король ясно увидѣлъ, что если онъ согласится удалить
кардинала, то ему предстантъ другое рабство, еще сурѣ-
нѣе и унижательнѣе. Ришліе говорилъ о славѣ, которую
король пріобрѣлъ своими воинскими подвигами, потомъ

притворялся утомленнымъ подъ бременемъ государственной службы, умолялъ короля пожертвовать министромъ для своего семейнаго спокойствія и получилъ приказаніе остаться близъ трона, для безопасности котораго онъ былъ необходимъ. Такимъ образомъ кончился этотъ день, который былъ прозванъ «днемъ обманутыхъ», *journée des dupes*; такимъ образомъ приготовлены были всемогущество министра и опала вдовствующей королевы.

Кардиналъ тотчасъ воспользовался своей увеличившейся силою; удалилъ отъ двора всѣхъ, которыхъ считалъ своими врагами. Бассонпьеръ, тоже участвовавшій въ заговорѣ, былъ отправленъ въ Бастилію, канцлеръ Марильякъ заключенъ въ тюрьму; братъ его арестованъ въ Италіи посреди своего войска и отданъ подъ судъ по ничтожному обвиненію въ рахищеніи государственной казны. Вдовствующая королева не могла представить себѣ, до чего дойдетъ мстительность кардинала и готовность судей исполнять его волю; однако жъ она усердно ходатайствовала за маршала, но Людовикъ Тринадцатый ничего не хотѣлъ для нея сдѣлать.

Живя въ Компіеннѣ, Марія Медичи вдругъ узнала, что ее не велѣно выпускать оттуда. Полагая, что ей будетъ такъ же легко какъ прежде убѣжать и собрать армию, она завела тайныя сношенія съ коммендантомъ одного пограничнаго города и тотъ обѣщалъ принять ее въ крѣпость; но кардиналъ провѣдалъ объ этомъ и принялъ свои мѣры. Никто не мѣшалъ ей бѣжать, пробѣжать всю Францію и добраться до Ла-Канелля, но туда ее не впустили. Возвратиться было не возможно; но граница была недалеко и ей легко было укрыться въ чужихъ краяхъ. Преслѣдуемая отрядами, которые для того и были посланы, чтобы заставить ее удалиться за границу, вдовствующая королева отправилась въ Брюссель, и не воображая себѣ, что ей уже никогда не видать Франціи.

Почти такая же участь постигла и герцога Орлеанскаго. Онъ уже однажды былъ за границею и прислалъ къ королю изъ Лотарингіи ультиматумъ, въ которомъ требовалъ прибавки пенсіона и увеличенія своихъ удѣльныхъ

внѣшней. Въ 1631 году судьба матери представила ему возможность, болѣе важный поводъ къ возмущенію. Онъ тщетно старался устроить внутри государства вооруженное возстаніе и отправился въ Безансонъ со многими знатными, которые приняли его сторону. Женщины въ чужихъ краяхъ, безъ согласія короля, на принцессѣ изъ Лотарингскаго дому, онъ занялся приготовленіями къ вторженію во Францію. Вокругъ него собралось въ Брюсселѣ множество недовольныхъ и онъ сформировалъ себѣ армию изъ наемниковъ, изъ всякаго сброду, изъ людей, которые не имѣли понятія о дисциплинѣ и думали только о грабежѣ. Эти безпорочныя толпы были не опасны, но между-тѣмъ Ришліе, а съ нимъ и король, находились въ самомъ критическомъ положеніи, потому что вѣрность правителей провинцій и коммандантовъ крѣпостей была очень не надежна. Многие изъ нихъ вступили въ тайныя сношенія съ наследникомъ престола. Ришліе все это зналъ и между-тѣмъ принужденъ былъ оказывать имъ довѣренность. Герцога де-Гвизъ въ Провансѣ устроилъ значительныя морскія силы и обратился къ гугенотамъ, по тѣ, въ первый разъ, со времени существованія этой партіи, отказали ему въ содѣйствіи. Герцога д'Эпернонъ въ Гюеннѣ дѣлалъ, безъ разрѣшенія двора, значительныя наборы войскъ. Вообще изъ правителей южныхъ провинцій герцога Монморанси долѣе всѣхъ не подавалъ двору причинъ сомнѣваться въ своей вѣрности. Парламенты оказывали сопротивленіе, которое при малѣйшемъ успѣхѣ орлеанской партіи могло превратиться въ ясную вражду. Парижскій парламентъ, подъ предлогомъ нарушенія своихъ привилегій, отказался внести въ свои протоколы постановленія совѣта, которымъ приверженцы герцога Орлеанскаго объявлены были намянниками и государственными преступниками.

Все это очень естественно. Людовикъ Тринадцатый былъ очень слабъ, и всѣ думали, что онъ не долго проживетъ, а дѣтей у него не было; слѣдовательно престолъ долженъ былъ скоро перейти къ герцогу Орлеанскому. Како́й же государь не усомнился бы употребить противъ него свои силы? Како́й судья не побоялся бы принять участіе въ дѣлѣ, ставящемъ противъ себя единственному наследнику дѣла.

стола? Одному Ришліё нечего было надеть, да развѣ только его приверженцамъ и агентамъ, которыхъ онъ вывелъ изъ ничего и которые, по-необходимости, должны были пасть вмѣстѣ съ нимъ. За то эти безвѣстные люди, которыхъ онъ посадилъ и въ совѣтъ и всюду, посылалъ дипломатическими агентами ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, были ему неограниченно преданы; они служили ему и шпіонами, и комиссарами, и судьями, и въ случаѣ нужды палачами.

Маршалъ Марильякъ, который уже два года содержался подъ стражею, тщетно ждалъ, чтобы кардиналу угодно было приказать разсмотрѣть его дѣло. Онъ былъ политическій плѣнникъ и потому судьба его совершенно зависѣла отъ обстоятельствъ; а обстоятельства сдѣлались чрезвычайнаго неблагоприятными для него. Испанія готовилась поддержать Гастона Орлеанскаго и эмигранты, съ оружіемъ въ рукахъ, стояли уже на границѣ. Надобно было однимъ смѣлымъ ударомъ удержать тѣхъ, которые еще намѣревались измѣнить и однажды навсегда поссорить Людовика съ матерью. Ришліё собралъ въ собственномъ своемъ домѣ судей, которыхъ назначилъ Марильяку, и объявлялъ имъ, что государственная польза требуетъ смерти маршала. Судьи постановили приговоръ, котораго отъ нихъ требовали. Несчастный обратился къ королю съ просьбою о помилованіи; король, по настоянію министра, отказалъ, и маршалъ Марильякъ былъ публично казненъ.

Между-тѣмъ герцогъ Орлеанскій вступилъ во Францію. Маршалы де-ла-Форсъ и Шомбергъ получили приказаніе остановить наследника престола. Они были въ затруднительномъ положеніи: опасность угрожала имъ и въ будущемъ и въ настоящемъ; во будущее было еще не вѣрно, а они знали, что кардиналъ умѣетъ награждать, умѣетъ и наказывать, и потому рѣшились поддерживать дѣло, которому счастье дотолѣ благопріятствовало. Притомъ Гастонъ, съ самаго вступленія своего въ предѣлы Франціи, дѣлалъ непрерывныя погрѣшности. Наемныя войска его жгли деревни, грабили города и шли безъ всякаго порядка, какъ-будто на вѣрную побѣду. Вслѣдствіе того, чтобы

остановиться въ восточныхъ провинціяхъ и стараться склонить на свою сторону королевскую армію, Гастонъ Орлеанскій пошелъ черезъ Овернь въ Лангдокъ, чтобы воспользоваться внезапнымъ отпаденіемъ герцога Монморанси и присутствіемъ тамъ гугенотовъ. Это его и погубило. Такимъ образомъ онъ совершенно измѣнилъ характеръ своего предпріятія и изъ наследника престола, который защищалъ права свои, превратился въ обыкновеннаго предводителя мятежной партіи, и подчинилъ успѣхъ своего дѣла содѣйствію протестантовъ. Но на югѣ Франціи воспоминанія о компаніи 1629 года были еще такъ живы, дѣйствія Ришелье въ релігіозныхъ дѣлахъ были такъ искусны и благоразумны, что протестанты, несмотря на всѣ усилія мятежниковъ, остались вѣрными правительству. Правитель Лангдока, герцогъ Монморанси, созвалъ, по собственному произволу, провинціальныя штаты, чтобы убѣдить ихъ принять участіе въ возмущеніи, но это ему не удалось; потомъ самъ ѣздилъ изъ города въ городъ, чтобы забунтовать народъ, но вездѣ получалъ отказы. Наконецъ, не найдя ни гдѣ пособія, онъ рѣшился кончить дѣло битвою, искалъ смерти въ сраженіи, но получилъ нѣсколько ранъ и осталшая кровь его досталась кардиналу. Герцогъ Монморанси былъ судимъ тулузскимъ парламентомъ и казненъ. Здѣсь уже дѣйствовали не мстительность Ришелье, не попеченіе о собственной безопасности, но причины чисто политическія. Поощрить правителя, который побуждалъ штаты своей провинціи принять участіе въ возмущеніи, значило бы показать знатнымъ, что они безъ всякой опасности могутъ принимать участіе въ возстаніи принца королевской крови, который и при неудачѣ можетъ защитить ихъ. Притомъ это нанесло рѣшительный ударъ самому предводителю партіи, обезславивъ Гастона въ глазахъ его приверженцевъ, потому что сообщниковъ его казнили, а его самого простили и возвратили ему всѣ его титулы и имущества.

Казнь герцога Монморанси совершенно разстроила партію знатныхъ, точно такъ же, какъ походъ въ Лангдокъ и Виваръ довершилъ покореніе реформатовъ. Съ тѣхъ поръ Ришелье не встрѣчалъ уже никакихъ препятствій

въ невольнейн своихъ обширныхъ плановъ: ему еще недо-
во было иногда наказывать, но побѣждать было уже че-
го. Съ этого времени все вниманіе кардинала обратилось
на Европу. Правда, въ Гастономъ были и еще неудоволь-
ствія: онъ не-равъ еще пытался произвести возстаніе, но
дѣло всегда кончалось тѣмъ, что получивъ прощеніе, онъ
выдавалъ своихъ сообщниковъ и его награждали за это
деньгами. Съ изтнанной королевой производилась всеискрен-
ніе переговоры о возвращеніи ея во Францію, куда Ришліе,
конечно, не выпустилъ бы ее; любимицы короля составляли
ковни противъ министра, но все это только тревожило спо-
койствіе кардинала и не могло отвратить его отъ главной
цѣли; которую онъ предположилъ себѣ.

Заговоръ королевскаго любимица, осыпаннаго благодѣ-
тіями Людовика Тринадцатаго, и самаго Ришліе, былъ сау-
чаемъ не важнымъ въ послѣдніе дни жизни знаменитаго
кардинала. Вѣтренникъ, ослѣпленный своимъ счастьемъ,
игравшій съ королемъ, неблагодарный къ своему покрови-
телю, не могъ имѣть успѣха въ предиріятіи, которое уже
столь многими не удивилось; ему не подъ силу было бороться
съ такимъ колосомъ, какъ Ришліе. Сень-Маръ продавъ
свое отечество Непанин, вызвалъ снова Гастона на путь
лестны, на который тотъ уже такъ часто вступалъ; но все
это предиріятіе не представляло большой опасности для
Франціи. Ришліе зналъ не только о замыслахъ Сень-Мара, но
даже не принималъ мѣръ противъ него, въ твердой увѣренно-
сти, что этотъ вѣтренникъ самъ понадеется къ нему въ руки.
Кавъ Сень-Мара была, просто, мѣстью раздраженнаго са-
молюбія, потому что эта строгость не нужна была для ут-
верженія системы Ришліе, а казнь де-Ту, который лиши-
ла жизни за то только, что знавъ о заговорѣ, не донесъ о
немъ, есть отвратительное пятно на памяти кардинала.
Монархическое единство было уже основано, законы
распространены на всѣхъ подданныхъ, сословія при-
своившія себѣ власть почти неограниченную, при-
ведены въ подлежащія границы, протестантизмъ ли-
шь своего политическаго значенія, буйство знатныхъ
обуздало. Для осуществленія этого новаго порядка вещей не-
обходимо было устранить Гастона Орлеанскаго отъ де-

сѣдѣнія престола. И это пламенное желаніе Ришліе исполнилось: въ 1638 году королева сдѣлалась беременною.

Въ-отношеніи къ вѣдшимъ дѣламъ, кардиналу Ришліе предлежало совершить трудъ подобный тому, который онъ съ успѣхомъ произвелъ во Франціи: онъ преобразовалъ Францію вліяніемъ королевской власти; надобно преобразовать Европу установленіемъ политическаго равновѣсія.

Съ самаго начала шестнадцатаго столѣтія и войнъ за религію, Европа находилась въ состояніи совершеннаго безначалія. Реформа, уничтоживъ всѣ прежія права и вооруживъ всѣ интересы одинъ противъ другихъ, испровергла всѣ христіанскія учрежденія. Двѣ половины міра вели между собою войну непримиримую, Германская имперія распадалась, а между-тѣмъ, въ то же самое время, императорская власть въ Германіи непомерно усиливалась. Посреди этихъ безпримѣрныхъ тревоженій единственная нравственная сила, связывавшая между собою народы, уничтожилась: вліяніе папской власти, которое было замѣтно почти во всѣхъ международныхъ сношеніяхъ, исчезло, и это прерваніе общей жизни потрусило большую часть Европы въ хаосъ.

Изъ этого кризиса возникли однако жъ двѣ идеи, которыя произвели благотворное вліяніе на умы. Ученые старались привести въ систему историческіе факты, а политики пытались замѣнить католическое единство западной Европы, механизмомъ, который обуздывалъ бы честолюбіе точнымъ уравновѣшеніемъ всѣхъ силъ. Право народовъ сдѣлалось наукою, а политическое равновѣсіе однимъ изъ основныхъ правительственныхъ началъ.

Эта двойная попытка, при всемъ своемъ несовершенствѣ, оказала большія услуги человечеству и много содѣйствовала къ сохраненію независимости государствъ. Публицисты голландскіе, англійскіе, вѣмецкіе и шведскіе, не всегда согласные между собою, внушили однако жъ своимъ современникамъ благотворное вѣрованіе, что между народами существуетъ общая связь, основанная на правѣ, и что антагонизмъ имѣеть, такъ же какъ и гармонія, свои законы. Съ другой стороны, политическое равновѣсіе, которое предуга-

дывалъ Геприхъ Четвертый, приготовилъ Ришліе и утвердилъ впоследствии Вестфальскій договоръ, преобразовало Европу на основаніяхъ правильныхъ, хотя не прочныхъ. Конечно, это искусное уравнивошеніе не помѣшало ни завоеваніямъ Людовика Четырнадцатаго, ни распространенію предѣловъ Пруссіи, ни раздѣленію Польши; но оно доставило Европѣ средства сохранить свою независимость, и матеріальныя выгоды, конечно, не замѣнилъ, но заступилъ мѣсто правъ, изгладившихся въ совѣсти народовъ. Идея политическаго равновѣсія, несмотря на свою очевидную недостаточность, извлекла Европу изъ хаоса, произведеннаго антагонизмомъ двухъ религіозныхъ началъ. Франція обязана этой идее распространеніемъ своихъ владѣній, которое доставило ей при Людовикѣ Тринадцатомъ возможность противостоять австрійскому вліянію, а при Людовикѣ Четырнадцатомъ она же дала европейскимъ державамъ возможность остановить Францію на пути, по которому устремляло ее честолюбіе короля.

- Во всякомъ случаѣ политическое равновѣсіе было нововведеніемъ полезнымъ и Европа обязана имъ большею частью мощному генію кардинала Ришліе. Онъ все дѣлалъ для это цѣли и не дѣлалъ ничего такого, чтò бы не было необходимо нужно для ея достиженія. Какъ-скоро усмиреніе реформатовъ доставило ему возможность располагать всѣми средствами государства, онъ сталъ дѣйствовать подѣ вліяніемъ этой неизмѣнной мысли, стараясь усилить Францію, чтобы она могла удерживать Европу въ равновѣсіи и даже упоеніе успѣха не увлекло его за предѣлъ, который онъ самъ себѣ назначилъ.

Ришліе не выдумалъ анти-австрійской политики: она уже цѣльнѣй въкъ была аксіомою во Франціи. Какъ-скоро огромныя владѣнія Австріи, Испаніи и Бургундіи перешли по наследству въ одні руки, Франція должна была или разрушить этотъ колоссъ или лишиться своего мѣста въ ряду первостепенныхъ державъ. Всевѣтная монархія или по-крайней-мѣрѣ преобладаніе одного царствующаго дому, на многія столѣтія утвердилось бы въ Европѣ, если бы всеожиданное соотнвленіе не поразило въ самое сердце

имперію, которая обладала Испанією, Италією, всѣми Нидерландами и для которой, какъ-бы изъ моря, возникали новыя земли и несмѣтныя богатства. Событія, совершенно не предвидимыя, спасли Францію въ мужественной, но безразсудной борьбѣ, которую она начала съ Карломъ Пятымъ. Реформа вдругъ остановила австрійскій домъ въ стремленіи къ всецѣтной монархіи, которая послѣ релігіознаго переворота, совершившагося въ шестнадцатомъ столѣтіи, сдѣлалась невозможною.

По этому Франція, по чувству самосохраненія, должна была противиться распространенію власти римскаго императора. Францискъ Первый заботился объ этомъ такъ же какъ и Генрихъ Второй, и Бурбоны наследовали эту политику отъ послѣднихъ государей изъ дому Валоа. Всегдашнюю мыслию французскаго правительства были союзъ съ протестантами для сопротивленія императору и съ Голландією для сопротивленія Испаніи. Францискъ Первый былъ въ сношеніяхъ съ лютеранами, принадлежавшими къ Смалькальденскому союзу; Генрихъ Второй сражался дѣйствъ съ ними; Генрихъ Четвертый поддерживалъ дѣньгами возставшіе Нидерланды; Ришліе дѣлалъ то же самое, но только дѣйствовалъ въ болѣе обширныхъ раздѣлахъ и съ болѣе постояннымъ успѣхомъ.

Мы видѣли, какъ онъ вначалѣ своего министерства излагалъ свою политику и доказывалъ, что иногда надобно покоряться обстоятельствамъ, не уклоняясь однако же отъ своей главной цѣли. Такъ поступилъ онъ въ-отношеніи къ Англіи, когда дѣло шло о чести Франціи. Онъ ни сколько не усомнился объявить Англіи войну, хотя считалъ союзъ съ этой страню необходимымъ для того, чтобы успѣшить противостать Испаніи. Но потомъ, разсѣвъ флотъ Боккингэма и взявъ Ла-Рошель, кардиналъ снова вступилъ въ дружескія сношенія съ Англією, которыя были еще усилены при его преемникѣ и послѣдователѣ, кардиналѣ Мазарини.

Обезопасивъ себя съ этой стороны, и заключивъ новый договоръ съ Голландією, которой помогалъ деньгами, Ришліе воспользовался первымъ случаемъ — рас-

прею за наслѣдство мантуанскаго престола и завелъ съ Испаніей войну, которая продолжалась, съ небольшими промежутками, до самаго Пиренейскаго договора. Всегдашней мыслью его было приобрести надежныя границы и укрѣпиться вѣшними союзами, чтобы при помощи ихъ бороться съ Эскуриаломъ, котораго вліяніе распространялось въ то время на всю Европу. Онъ не мечталъ о далекихъ завоеваніяхъ, о несоразмѣрномъ распространеніи предѣловъ Франціи. Въ Запискахъ своихъ, говоря о занятіи Пивьероли, онъ нѣсколько разъ повторяетъ, что Франція не должна перебираться за Альпы и что ей нужно только имѣть нѣсколько открытыхъ дверей въ эти богатыя страны, чтобы, въ случаѣ нужды, охранять ихъ независимость. Онъ хотѣлъ приобрести Руссильонъ, Алзацию, Лотарингію, Франшъ-Конте и раздѣлить съ Голландією испанскія провинціи Нидерландовъ. Замыслы, конечно, обширныя, но, однако жъ, ни одного изъ нихъ нельзя назвать порожденіемъ безразсуднаго честолюбія.

Для достиженія этой цѣли, кардиналъ постоянно слѣдовалъ однажды предначертанному плану. Этотъ планъ состоялъ въ томъ, чтобы бороться съ Испанією, не давая однако жъ Вѣтскому двору повода вѣшаться въ борьбу и дѣлать этому двору всёвозможныя затрудненія, отлагая между-тѣмъ какъ-можно долѣе вооруженное вѣшателство Франціи въ дѣла Германіи.

Дѣйствія Ришліе во время датскаго и шведскаго періода Тридцати-лѣтней Войны были чрезвычайно благоразумны. Онъ принималъ участіе во всѣхъ переворотахъ этой войны, но участіе не явное. Сначала борьбы въ Германіи, поведеніе Франціи было нерѣшительно и робко, какъ и кабинетъ, который управлялъ тогда ея судьбами. Фердинандъ Второй, котораго богемскіе штаты объявили низложеннымъ, избравъ на его мѣсто курфюрста-палатина, привлекъ на свою сторону Баварію и Саксонію; потомъ, при помощи Испаніи, которая тогда пользовалась въ Парижѣ величайшимъ вліяніемъ, приобрѣлъ содѣйствіе Франціи противъ совѣтника, котораго права были признаны половинною имперіи. Блистательное посольство, гла-

воѣ котораго коннетабль де-Люинь назначилъ герцога Ангуглемскаго, побочнаго сына Карла Девятаго, отправилось въ Германію. Усилія его много содѣйствовали заключенію Ульмскаго договора, которымъ союзные принцы, не поддѣрживая права Фридриха на богемскій престолъ, обязались защищать его, если бѣ австрійскія войска атаковали его наследственныи палатинатъ. Извѣстно, что этотъ договоръ погубилъ палатина и вызвалъ Фердинанда на путь, на которомъ онъ испыталъ столько превратностей судьбы. Императоръ одержалъ побѣду въ Прагѣ, завоевалъ снова Богемію, а между-тѣмъ испанская армія, помогая австрійскому дому, заняла палатинатъ. Сеймъ, собравшійся въ Ратисбоннѣ, отдалъ у Фридриха всѣ его владѣнія, отдалъ ихъ герцогу баварскому и произвелъ въ преемствѣ раздѣленіи и самыхъ учрежденіяхъ имперіи такіа перемѣны, что атому великому политическому тѣлу, оставалось только тѣмъ свободы. Такія мѣры не могли не возбудить сопротивленія, но императоръ продолжалъ его и постоянно возвысилъ свои надежды въ-уровень съ своими успѣхами.

Устрашенная расширеніемъ императорской власти, Данія присоединила себе оружіе къ оружію протестантскихъ союзниковъ, но у Валленштейна и Тилли былъ тогда въ Европѣ только одинъ достойный ихъ соперникъ, а онъ еще не вошелъ на театръ войны. Лишившись десяти тысячъ солдатъ на Люттерскомъ полѣ сраженія, Христианъ Четвертый заключилъ въ Любекѣ миръ и вышелъ изъ Германіи. Этимъ заключился датскій періодъ Тридцатилѣтней Войны.

Кардиналъ Ришлѣ только слѣдилъ за этими событіями и не могъ принять въ нихъ участія, пока не упрочилъ внутренняго порядка во Франціи изложеніемъ реформатовъ, и не кончилъ мантуанскаго дѣла, въ которомъ замѣшаны были болѣе прямыя выгоды Франціи. Но когда Данія сошла съ поля битвы, Ришлѣ поручилъ барону Шарнасѣ возобновить съ шведскимъ королемъ переговоры, которые производились уже и въ предъидущемъ роду, и которые успѣхъ имѣли только теоретическій, потому что,

стараніями кардинала, непріязненные дѣйствія между Швеціею и Польшею, были прекращены.

Кардиналъ предлагалъ Швеціи денежное вспомошествованіе, готовясь между-тѣмъ въ случаѣ нужды принять болѣе дѣятельное участіе въ событіяхъ. Эти переговоры были чрезвычайно затруднительны. Надобно было не оскорбить самолюбія государя самаго надмѣннаго; еще нужнѣе было успокоить католиковъ, доказавъ имъ, что французскій король принимаетъ участіе въ дѣлѣ чисто политическомъ, оставляя вопросъ религіозный всторонѣ. Сверхъ-того переговоры съ Швеціею затруднялись еще переговорами съ нѣсколькими католическими принцами, которыхъ кардиналъ убѣждалъ отложиться отъ императора, обѣщая ручательство Франціи въ сохраненіи ихъ нейтралитета. Поэтому надобно было, чтобы Густавъ, вступая въ Германію для отищенія за протестантовъ, угнетенныхъ императоромъ, обязался уважать событія, совершившіяся подъ покровительствомъ Франціи и особенно приобрѣтенія Баваріи, если она пристунитъ къ католическому нейтралитету. Сверхъ-того Густавъ обязался исполнить и другое требованіе Франціи, уважать католическое богослуженіе вездѣ, гдѣ оно существуетъ и позволить отправленіе его даже и тамъ, гдѣ оно еще не введено.

На этихъ условіяхъ заключенъ наконецъ, тринадцатаго января 1631, договоръ, первый, котораго цѣлію было политическое преобразование Европы на основаніи всеобщаго равновѣсія. Договаривающіяся стороны торжественно объявили, что онѣ имѣютъ въ виду только упроченіе правъ членовъ священной имперіи. Но между-тѣмъ Густаву-Адольфу позволялось приобрѣсти владѣнія въ Германіи, чтобы въ случаѣ нужды удерживать императорскую власть въ извѣстныхъ предѣлахъ, а Римъ не отказывался отъ надежды воспользоваться событіями, чтобы присоединить къ Франціи Лотарингію и Альзацію.

Мы не станемъ описывать событіи знаменитаго похода Густава Адольфа отъ его Лейпцигской побѣды до Лаунгской могилы. Все это слишкомъ извѣстно. Протестанты, дѣлавшіе своего предводителя, упали духомъ; шведскіе

армія погибла при Нордлингѣ; начались отпаденія; Саксонія перешла на сторону Фердинанда и это нанесло протестантскому союзу послѣдній ударъ.

Императоръ и курфирстъ саксонскій, заключивъ въ 1634 году, въ Прагѣ, мирный договоръ, такимъ произвольнымъ образомъ раздѣлили земли имперіи, что если бы этотъ договоръ былъ принятъ членами Германскаго Сейма, то преобладаніе императорской власти было бы упрочено навсегда. Теперь наступало время замѣнить дележное вспоможеніе, которое Франція производила протестантскимъ привадамъ, содѣйствіемъ болѣе дѣятельнымъ, и французскій періодъ Тридцатилѣтней Войны долженъ былъ наконецъ начаться. Пораженіе маршала Горна и герцога Веймарскаго австрійско-испанскими войсками, произвело сильное впечатлѣніе на кардинала Ришелье и онъ рѣшился вступить въ явную борьбу съ императоромъ, съ которымъ дотолѣ сражался только чужимъ оружіемъ. Онъ представилъ королю, что если императоръ одолѣетъ всѣхъ своихъ, такъ сказать, домашнихъ враговъ, то Австрія и Испанія опрокинутся на Францію, которая, оставшись безъ союзниковъ, принуждена будетъ одна бороться съ этими двумя могущественными державами. Тотчасъ на всѣхъ границахъ начались огромныя приготовленія къ войнѣ, дипломатическіе агенты отправились во всѣ германскія владѣнія и на сѣверъ, чтобы поддержать мужество враговъ императора. Надобно было успокоить Римскій дворъ и совѣтъ націи насчетъ характера войны въ союзѣ съ протестантами противъ католиковъ: для этого съ Оксенштирпомъ заключенъ былъ договоръ, которымъ католикамъ обезпечена свобода вѣроисповѣданія; надобно было представить привапку всѣмъ честолюбцамъ: для этого съ Голландіею заключенъ союзный договоръ, по которому предположено раздѣлить между этой державою и Франціею Испанскіе Нидерланды, и начаты были переговоры о подобныхъ же конвенціяхъ съ Савоіею и второстепенными державами въ Италіи; надобно было доставить союзникамъ возможность располагать всѣми своими силами: для этого миръ между Швеціею и Польшею, при посредствѣ Франціи, продолженъ еще на двадцать

шесть лѣтъ; надобно усидкоуть на счетъ ихъ выгоды тѣхъ, которые всего ожидали отъ войны: для этого съ герцогомъ Веймарскимъ заключенъ договоръ о денежномъ вспоможеніи и самыя честолюбивыя его надежды признаны законными, если только онъ согласится ожидать исполненія ихъ отъ Франціи.

Переговоры производились въ Германіи съ тѣмъ цѣлію; не допускать, чтобы протестантскіе принципы приво-дились по одиначкѣ къ Прагскому договору, заключенному между императоромъ и герцогомъ Саксонскимъ, добитица, чтобы союзники взаимно обязались не вступать въ переговоры съ непріятелемъ иначе, какъ отъ лица всего союза, распространить и окрасить нейтральный союзъ католическихъ принцевъ, составившихся подъ покровительствомъ Франціи. Всѣ эти переговоры производились въ одно и то же время и великая дипломатическая школа, основанная кардиналомъ Ришліё и развитая впоследствии кардиналомъ Мазарини, уже соотвѣтствовала важности тогдашнихъ обстоятельствъ.

Съ такою же мудростию и дѣятельностию Ришліё управлялъ и военными операціями. Кардиналъ де-ла-Валеттъ съ молодымъ виконтомъ Тюренемъ, получилъ повелѣніе вступить съ значительнымъ корпусомъ въ Германію и идти на помощь къ Шведамъ. Но главною цѣлію Ришліё было утвердиться на Рейнѣ и такимъ образомъ произвести диверсію, столь же полезную собственно для Франціи, какъ и для союзниковъ. Тогда, имѣя въ рукахъ своихъ всѣ позиціи, которыми желалъ обладать, онъ могъ бы заключить съ императоромъ миръ какой хотѣлъ. Впрочемъ большая часть этихъ позицій уже принадлежала Людовику Тринадцатому. Герцогъ Лотарингскій, приставъ къ партіи Гастона Орлеанскаго и выдавъ за него сестру свою, былъ, какъ вассалъ, приговоренъ судомъ къ наказанію за похищеніе и обольщеніе королевской особы и французскія войска, подъ командою маршала де-ла-Форса, заняли большую часть крѣпостей его герцогства. Съ другой стороны, идя на выручку герцога Веймарскаго, которому угрожалъ Галласъ, Ришліё, подъ предлогомъ безопасности

французскихъ войскъ, потребовалъ предварительной уступки городовъ по лѣвому берегу Рейна, завоеванныхъ Шведами. Такимъ образомъ, при самомъ открытіи кампаніи, Французы уже занимали большую часть важнѣйшихъ городовъ Альзацин, за исключеніемъ только Страсбурга и Бендсельда.

Война началась вдругъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ Германіи, въ Италіи, въ Нидерландахъ, впоследствии въ Каталоніи и Руссильонѣ. Судьба не всегда благоприятствовала оружію Ришліе и самая власть его была не разъ потрясена; но между-тѣмъ при всѣхъ этихъ сложныхъ событіяхъ, съ 1636 по 1642 годъ, онъ не покинулъ ни одной изъ своихъ идей, ни одного изъ своихъ смѣлыхъ плановъ.

Темною французской дипломатіи былъ одинъ общій мирный договоръ, темною австрійской дипломатіи миръ по орденству нѣсколькихъ частныхъ договоровъ. На этихъ основаніяхъ производились всѣ переговоры съ тѣхъ, которые открыты были въ Кельнѣ въ 1636 году и до заключенія прелиминарныхъ условій въ Гамбургѣ, въ 1641. Шведы, которыхъ мнѣніе необходимо должно было имѣть сильное вліяніе на мнѣнія другихъ союзниковъ, колебались между этими двумя политиками, между желаніемъ заключить миръ съ императоромъ, если удастся получить выгодныя условія и необходимостію тѣснѣе соединиться съ Франціею, если тайные ихъ переговоры не будутъ имѣть успѣху. Поэтому они съ намѣреніемъ тянули войну, производя операціи, которыя не могли привести къ рѣшительнымъ результатамъ.

Между-тѣмъ кардиналу предлежало бороться не съ одними внѣшними врагами. Король, который, чтобы достигнуть торжества политикѣ Ришліе, изгналъ мать, поссорился съ женою, казнилъ множество знатныхъ, вдругъ въ самомъ разгарѣ войны перешелъ было на сторону противника, къ своему министру. Съ другой стороны ему угрожала, на мѣсто важная оплотность. Графъ Соассонскій, единственный изъ его противниковъ, который не лишился общаго уваженія, оставался центромъ и опорой оппозиціи въ до-

самое время, когда судьба войны не благоприятствовала французскому оружию. Графъ Соассонскій не захотѣлъ породниться съ Ришліе и хотя онъ старался всѣми силами смягчить свой отказъ, а кардиналъ старался скрыть, что оскорбился этимъ, однако же рана, нанесенная его самолюбію, была глубока и раздѣлила ихъ навсегда. Графъ съ отличіемъ командовалъ одною изъ французскихъ армій, но потомъ удаленъ отъ двора и укрылся въ Седанъ, городъ, который служилъ убѣжищемъ всѣмъ принцамъ, возстававшимъ противъ правительства. Герцогъ Булюнскій и герцогъ де-Гвизъ присоединились къ графу Соассонскому и заключили тайный договоръ съ Испаніею. Возстаніе этихъ трехъ принцевъ произвело сильную диверсію въ такое время, когда война свирѣпствовала на границахъ Франціи; но графъ Соассонскій погибъ въ сраженіи и герцогъ Булюнскій примирился съ дворомъ, что однако жъ не помѣшало ему вступить вскорѣ послѣ того въ заговоръ Сепъ-Мара, потому что безъ заговоровъ онъ жить не могъ.

Между-тѣмъ Испанія падала не подъ ударами враговъ своихъ, а вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ. Португалія отложила отъ нея, съ другой стороны провинціальныи духъ старался отдѣлать отъ испанской короны Каталонію съ Серданьею и Руссильномъ. Ришліе искусно пользовался внутреннею болѣзнію Испаніи. Между-тѣмъ какъ герцогъ Оливаресъ дѣлалъ пособія людямъ, которые возставали противъ кардинала, Ришліе наносилъ испанской монархіи ударъ въ самое сердце: онъ много содѣйствовалъ отпадению Португаліи. Каталонское народонаселеніе помогало Франціи въ завоеваніи Руссильона и герцогъ Булюнскій, чтобы выкупить жизнь свою послѣ заговора Сепъ-Мара, принужденъ былъ уступить правительству городъ Седанъ. Вообще послѣдніе два года жизни кардинала Ришліе были ознаменованы блестящими успѣхами, плодами ошибокъ его непріятелей, которыми онъ всегда умѣлъ пользоваться для достиженія двоякой своей цѣли, усиленія королевской власти внутри государства и вліянія Франціи въ ея предѣлахъ.

Наконецъ между Франціею и Римскою Имперіею заклю-

чемъ были предиминарныя условія и враждующія стороны обязались рѣшить въ Мюнстерѣ многочисленные вопросы, которые оставались нерѣшенными въ продолженіи цѣлаго столѣтія. Вестфальскій конгрессъ еще не скоро долженъ былъ даровать миръ Европѣ, но Ришліе уже и тогда, по справедливости могъ приписывать себѣ дѣло, котораго основанія положены были имъ, и котораго окончаніе передать онъ искусному преемнику, имъ самимъ избранному. Последнимъ подвигомъ знаменитаго кардинала было преобразование и независимость Германской Имперіи, подъ веручительствомъ Франціи, которая овладѣла Альзаціею.

Если бы честолюбіе не было самою неизлечимою изъ всѣхъ страстей челоуическихъ, то зрѣлище послѣднихъ лѣтъ жизни министра, передъ которымъ преклонялась вся Европа, могло бы заставить всякаго отвернуться отъ этой горькой чаши. Пока продолжалась борьба между знатными и министрами, между принцами и королями, Ришліе долженъ былъ бороться только опасностей самой битвы и въ случаѣ паденія, можетъ-быть, страшнаго приговора; но когда матери короля, которая принуждена была при всѣхъ добродѣтеляхъ выказывать нищету еврею, не осталось болѣе никакой надежды, когда знатнѣйшія лица въ монархіи были или въ тюрьмѣ или въ изгнаніи, а министерскій переворотъ съ такою быстротою ожидаемый столькими опасными, все же совершался, положеніе и образъ дѣйствій партій совершенно измѣнились. Передъ кардиналомъ были уже не непріятель, а жертвы, и попытки на убійство замѣнили борьбу, которая сдѣлалась невозможною. Сѣкиръ пала отъ чела иппокама, а политическое убійство было въ тѣ времена въ такой чести, что кардиналу Ришліе надобно принимать похвалу за то, что онъ никогда не прибѣгалъ къ этой мѣрѣ.

Ему угрожали агенты вдовствующей королевы, герцога Орлеанскаго и, наконецъ, Испаніи, которая ожидала отъ заговоровъ того, чего не могли доставить ей битвы. Несколькіе челоуки подверглись смертной казни за покушенія противъ министра. Впрочемъ число жертвъ Ришліе не такъ велико, какъ вообще полагаютъ. Въ продолженіи его

осямнадцатилѣтняго министерства произнесено сорокъ семь смертныхъ приговоровъ за преступленія противъ величества и за измѣну; но въ числѣ осужденныхъ было двѣнадцать отсутствующихъ, такъ что казнено только двадцать шесть человекъ; да сверхъ-того четыре за покушенія на жизнь кардинала.

Но сколько ложныхъ тревогъ за одно основательное опасеніе! сколько усилій, чтобы отвратить удары иногда мнимые!

Ришліѣ окружалъ себя совершенно королевскою пышностію. Стража была у него така же многочисленная, какъ у Людовика Тринадцатаго; вокругъ его двора безпрестанно наблюдала полиція, а въ приемныхъ у него было больше народу чѣмъ въ Луврѣ. Важнѣйшія въ государствѣ дѣлности были заняты или его родными, или людьми, которыхъ онъ вывелъ изъ ничтожества; одну изъ племянницъ своихъ онъ выдалъ за принца королевской крови, герцога Энгіенскаго. Никогда еще подданный не возносился такъ высоко, не похитивъ трона, но на этой-то высотѣ безрочкойство, котораго онъ прежде не зналъ, боязнь, которая въ болѣе скромномъ званіи для него не существовала, отравляли его жизнь и заставляли его трепетать за самого себя. Онъ принудилъ короля своего, большаго, переправиться черезъ Рону, чтобы посѣтить его въ Тарасконъ; его, какъ восточнаго деспота, стража несла черезъ всю Францію изъ паланкии и стѣны городовъ падали, чтобы пропустить дряхлаго триумфатора. И при всемъ блескѣ этой славы, при всеобщемъ глубокомъ униженіи враговъ, эту пыльную, думу тревожили жестокія опасенія, которыя разстроивали его здоровье. Ему было не больше пятидесяти лѣтъ, а онъ уже страдалъ всѣми немощами дряхлой старости. Это сдѣлало и безъ того строгій характеръ его, еще болѣе суровымъ. Въ этомъ періодѣ жизни кардинала совершены всѣ безполезныя жестокости, которыми омрачена его память. Душевныхъ и тѣлесныхъ страданій своихъ преодолѣть онъ не могъ, такъ хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ, чтобы все предлялось передъ его неумолимою волею. Кардиналъ де-ла-Валеттъ былъ казненъ заочно за то, что счастье измѣнило

при осадѣ Фонтарабинъ. Сенъ-Лежé четвертовали за то, что онъ выдалъ Наваррѣ; Анжю, Монгадьеръ, Дамбонъ, Сенъ-Прель, которыхъ преступленіе собственно саздало въ томъ, что они не могли или не сумѣли исполнить повелѣній кардинала, были приговорены къ смертной казни. Большой безнадежно, кардиналъ еще мучился опасеніями за будущее. Слабая жизнь Людовика Тринадцатаго, по видимому, была готова угаснуть; а если онъ умретъ, что будетъ тогда съ кардиналомъ? Возможно ли ему устоять противъ ненависти, противъ мненія, которыя такъ долго терпѣли? Конечно, Гастонъ Орлеанскій, навлекъ на себя общее презрѣніе съ-тѣхъ-поръ какъ выдалъ Сенъ-Мара и де-Ту, и бросился къ ногамъ кардинала умоляя о помилованіи, письмененно отказался отъ всѣхъ правъ своихъ и просилъ только объ одной милости, чтобы ему позволили жить какъ частному человѣку; но если бы по смерти короля онъ и не вздумалъ требовать снова правъ своихъ, то другіе принудили бы его къ этому, чтобы прикрыться его именемъ. Близкая кончина короля жестоко тревожила умирающаго министра; тысячи безразсудныхъ проектовъ ронялись въ головѣ его и на порогѣ вѣчности онъ мечталъ еще о власти.

Въ первыхъ числахъ декабря 1642, въ Парижѣ царствовало всеобщее смятеніе. Народъ толпился въ окрестностяхъ кардинальскаго дворца, во всѣхъ церквахъ производились молебствія и городъ оглашался печальными звуками колоколовъ. Разнесся слухъ, что кардиналъ Ришліе послѣ долгаго парокензма лихорадки, погрузился въ состояніе, которое не оставляло болѣе никакой надежды на выздоровленіе. Тогда вся пышность земли исчезла передъ смиреніемъ религій; гордая душа кардинала какъ-бы переродилась; шумъ и страсти свѣта въ ней вдругъ затихли и Ришліе съ радостью узналъ, что кончина его уже близка. Въ это же время скончалась въ изгнаніи мать короля, властолюбивая Марія Медичи. Онъ исповѣдался у своего духовника, епископа Шартрскаго, потомъ со слезами любви и раскаянія причастился святыхъ таинъ; былъ соборованъ, и простившись съ королемъ, который приходилъ къ нему, скончался на пятьдесятъ-осьмомъ

году своей жизни, забывая все мирское и земное, только о спасении души своей.

Ришелье умеръ, но твореніе его съ нимъ не умерло. Онъ самъ назначилъ себѣ преемника и тотъ встрѣтилъ на пути своемъ тѣ же сопротивленія, тѣхъ же непріятелей, и уже ослабленныхъ ударами, которые нанесть имъ кардиналь. Все, что нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ того происходило въ Европѣ, все это Ришелье предвидѣлъ и приготовилъ; и до самаго ниренейскаго мира, когда Изабелла преклонилась передъ Франціею, Анна Австрійская слѣдовала политикѣ министра, который былъ лучшимъ врагомъ ея. Людовикъ Четырнадцатый принялъ эту политику, какъ драгоценное даслѣдіе и пока онъ ея придерживался, завѣда ея не померкла.

==

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ЦѢЛЬ И ПОЛЬЗА ПОСТОЯННЫХЪ ВЫСТАВОКЪ ВЪ АНГЛІИ.

=

Почти всѣ европейскіе народы приняли занимательное учрежденіе Англичанъ, извѣстное у насъ нынче подъ названіемъ «выставокъ». Франція стала подражать имъ первая, въ исходѣ прошедшаго столѣтія; но она вмѣстѣ съ тѣмъ искажала сущность учрежденія, стараясь примѣнить его къ своимъ ограниченнымъ средствамъ, и мода, которой столица — Парижъ, разнесла неудачную передѣлку по всей Европѣ.

Выставки художественныхъ произведеній, въ ограниченныхъ размѣрахъ, были давно извѣстны въ Италіи. Въ Парижѣ, онѣ приняли видъ болѣе торжественный, и превратились въ періодическія празднества художествъ. Но выставки произведеній промышленности и генія изобрѣтательности — англійское обыкновеніе. Французы, желая подражать ему, стали выставлять такія произведенія промышленности, въ которыхъ есть что-нибудь художественное, ограничили предметъ исключительно фабричными издѣліями и, наконецъ, примѣромъ своимъ ввели во всеобщее

употребленіе другой родъ періодическихъ праздниковъ, чисто мануфактурныхъ, на которые промышленность наряжается въ свое бальное платье, чтобы пощеголять передъ праздною публикою, и тотчасъ скрыться.

Для зрителя здѣсь нѣтъ другаго дѣла, кромѣ простаго удовлетворенія любопытства. Для промышленника, это только—средство сдѣлать болѣе извѣстными свое имя и свое заведеніе. Но образованіе фабриканта, ремесленника, практическаго механика, работника, доставленіе имъ образцовъ и моделей къ подражаніямъ и усовершенствованіямъ предметовъ, достойныхъ наблюденія, размышленія и изученія во всякое время, вовсе не входятъ въ назначеніе этихъ мимолетныхъ и шумныхъ явленій.

Совсѣмъ не такова цѣль выставокъ произведеній изобрѣтательности въ Англіи. Онѣ тамъ постоянны, открыты во всякое время, доступны самому тщательному обзору, сравненію, изслѣдованію. Для ремесленника, работника, фабриканта, механика, это — настоящія безмолвныя академіи, въ которыхъ они могутъ просвѣтиться, образовывать свои понятія, внимательнымъ изученіемъ того, что уже сдѣлано другими, соображеніемъ употребленныхъ средствъ, сравненіемъ, приобрѣсть новыя, полезныя свѣдѣнія, присутствовать при опытахъ надъ разными механизмами и силами природы. Если Англія славится своей изобрѣтательностью, то она обязана ею именно такимъ выставкамъ, которыя служатъ гениальности частныхъ людей свѣтлымъ факеломъ и непрерывнымъ возбуждательнымъ средствомъ.

Первое мѣсто между этими чрезвычайно полезными учрежденіями занимаетъ *Выставка для нагляднаго изученія (illustration) и поощренія практическихъ наукъ.*

Тамъ выставлена огромная коллекція моделей самыхъ любопытныхъ и замѣчательныхъ изобрѣтеній и улучшеній, долженствующихъ найти приложеніе въ практическомъ производствѣ всѣхъ искусствъ и ремеслъ. Заведеніе это, столь же полезнае, какъ и занимательное, основано обществомъ, умѣвшимъ соединить вещи весьма полезныя и поучительныя съ такими, которыя могутъ занять одно любопытство. Галерея этой выставки находится въ концѣ улицы, называемой Лоузеръ-эредеъ, начинающейся отъ

улицы Страндъ, противъ галереи Аделаиды (Adelaïde-Gallery).

Это исключительно выставка произведеній генія творчества, практическаго ума, изобрѣтательности; это торжество таланта и терпѣнія. Тамъ надобно удивляться всему разнообразію замѣчательнаго дара изобрѣтательности и находчивости, свойственной человѣку; тамъ, наконецъ, можно видѣть модели важнѣйшихъ изобрѣтеній въ различныхъ положительныхъ и прикладныхъ наукахъ, въ экономическаго физикѣ, въ химіи, механикѣ, технологіи, гидравликѣ, оптикѣ, акустикѣ, музыкѣ, искусствахъ и ремеслахъ.

Этотъ истинно національный англійскій музей, основанный обществомъ, благородная цѣль котораго «наглядное изученіе и поощреніе практическихъ наукъ», — одно изъ поучительнѣйшихъ заведеній обширнаго средоточія промышленности. Оно отличается отъ всѣхъ другихъ подобнаго рода выставокъ тѣмъ, что въ немъ находятся только самыя новѣйшія изобрѣтенія, улучшенія, въ нихъ произведенныя и, наконецъ, имѣетъ еще ту драгоценную выгоду, что посреди всѣхъ этихъ замѣчательныхъ аппаратовъ, живо возбуждающихъ любопытство, можно въ незанятые часы, выслушивать, такъ-сказать, лекціи физики, химіи, оптики, механики, и прочее, и видѣть опыты, производимые на мѣстѣ, съ объясненіемъ употребленія и цѣли моделей, въ присутствіи многочисленной публики. Это преимущество, котораго нѣтъ въ другихъ подобныхъ заведеніяхъ и особенно въ такомъ огромномъ размѣрѣ. Это значитъ — на практикѣ дѣлать положительныя науки практическими, и способствовать самымъ дѣйствительнымъ и занимательнымъ образомъ успѣхамъ промышленности. Отъ опытовъ и объясненій употребленія и цѣли моделей, выставка эта дѣлается чрезвычайно любопытною и вмѣстѣ оригинальною практическою. Это сводъ положительныхъ наукъ, репертуаръ изобрѣтеній національнаго генія.

Всякій кто изобрѣлъ какой-нибудь новый инструментъ, улучшилъ старый или придумалъ новое средство, новый механизмъ, несетъ модель свою въ это заведеніе, чтобы

надъ нею произведены были опыты или для того, чтобы сдѣлать изобрѣтеніе свое извѣстнымъ.

Тамъ объяснятъ вамъ новыя открытія и изумительные результаты наблюденій, произведенныхъ съ помощію микроскопа. Тамъ передъ вашими глазами разложить атмосферическій воздухъ и приготовить газъ, по особому способу. Расположеніе комнатъ для выставки прекрасно, и разнообразіе ихъ соотвѣтствуетъ разнородности предметовъ, въ нихъ выставленныхъ; огромная зала для произведенія опытовъ, освѣщенная сверху, съ галереєю, образующею второй этажъ; бассейнъ съ фонтаномъ; около стѣнъ любопытныя модели, новые музыкальные инструменты; посреди всего этого орудіе самое некрасивое, самое разрушительное, — грозная паровая пушка Перкинса, во всѣхъ огромныхъ своихъ размѣрахъ. Многочисленная, серьезная и любопытная публика, собирается частію въ проходахъ, частію на галереѣ, также уставленной моделями; все, наконецъ, въ этомъ святилищѣ положительнаго ума, плѣняетъ (воображеніе, все привлекаетъ разсудокъ и зрѣніе наблюдателя. Въ этомъ заведеніи умѣли соединить пользу познаній въ той степени, въ какой приложеніе ихъ къ дѣлу можетъ споспѣшествовать общему благу — и глубокая тишина, осторожность, съ которою публика прохаживается между огромной коллекціей аппаратовъ и моделей, заботясь о томъ, какъ бы не разстроить, не сдвинуть чего съ мѣста, ясно доказываютъ уваженіе Англичанъ къ механическому и творческому генію своей націи.

«Большая зала опытовъ» представляетъ взорамъ посетителей волшебное зрѣлище. Каналъ или бассейнъ, находящійся посреди залы, имѣетъ семьдесятъ футовъ длины и содержитъ въ себѣ шесть тысячъ галлоновъ воды: онъ служитъ для опытовъ надъ моделями пароходовъ и для сравнительнаго дѣйствія веселъ разныхъ устройствъ. Высота бассейна равняется высотѣ обыкновеннаго стола и онъ окруженъ широкими берегами. Съ одной стороны каналъ примыкаетъ къ круглому резервуару, въ которомъ движутся маленькія модели пароходовъ, привлекающихъ взоры любопытныхъ. Безпрерывное движеніе, заставляющее поворачиваться эти пароходы безъ посторонней помощи,

основано на вновь придуманныхъ началахъ. Съ другой стороны канала находится также круглый бассейнъ съ водометомъ, ниспадающимъ въ мраморную вазу, окруженную и со вкусомъ украшенную раковинами и водяными растеніями. Водометъ помѣщенъ передъ огромнымъ зеркаломъ, отражающимъ его и производящимъ прелестный оптическій обманъ, продолжая до безконечности залу съ галереями, которыя убраны, прекрасными картинами старинныхъ классическихъ школъ, моделями статуй, зданій, башенъ, церквей и прочая. Бассейны и каналъ окружены внимательной публикой: картина богатая, занимательная и любопытная, отражающаяся въ гладкой, зеркальной поверхности воды! Наконецъ огромное зеркало, столь счастливо поставленное, повторяя движеніе, жизнь залы, дополняетъ эту чудную картину практической науки, механики, опытовъ и физиологій!

При входѣ въ заведеніе должно заплатить шеллингъ за право все видѣть и присутствовать при опытахъ, хоть съ утра до вечера: потомъ еще шеллингъ за каталогъ. Программа опытовъ означена на афишахъ, прибитыхъ у входу въ большую залу и на лѣстницахъ; по нимъ всякій узнаетъ время и порядокъ, въ которомъ будутъ производимы различныя опыты. Всему придано всевозможное разнообразіе и объясненія дѣлаются коротко и ясно, безъ излишнихъ отступленій, чтобы не утомлять публику и оставить ей довольно времени для обозрѣнія всѣхъ залъ, занимающихъ два этажа.

Заведеніе открыто съ десяти часовъ утра до шести часовъ вечера. На каждый новый предметъ посвящается не болѣе получаса объясненій. О каждомъ опытѣ возвѣщается сигналомъ, раздающимся по всему заведенію. Напримѣръ — звуки трубы, заводимой однимъ поворотомъ ключа, приглашаютъ публику собраться изъ всѣхъ залъ, чтобы присутствовать при опытахъ, которые будутъ производиться надъ музыкальнымъ инструментомъ новаго изобрѣтенія.

Вотъ образецъ программъ: Въ полдень, опыты надъ паровой пушкой и сожиганіе стали; въ половинѣ перваго, якорь лейтенанта В. Роджера; въ часъ, паровая пушка

и магнитъ изумительной силы; въ половинѣ второго, микроскопъ; въ два часа, сожиганіе безъ дыму; въ половинѣ третьяго, химическіе опыты, и такъ далѣе.

Въ 1842 году опыты надъ паровой пушкой повторялись почти черезъ каждые полчаса, и по-видимому, болѣе всѣхъ другихъ предметовъ занимали многочисленную публику. Замѣчательно, что посреди всѣхъ этихъ новыхъ изобрѣтеній, предназначенныхъ для творчества, Англичане особенно пристрастились къ чудовищной модели разрушительности. Еще замѣчательнѣе то, что возлѣ этой грозной, смертоносной машины, часто можно встрѣтить забавные механизмы: автоматовъ, канатныхъ плясунцовъ, свободно и граціозно движущихся и подражающихъ всѣмъ прыжкамъ настоящихъ акробатовъ при звукахъ оркестра, составленнаго изъ маленькихъ, смѣшныхъ автоматовъ, представляющихъ музыкантовъ.

Опыты оканчиваются аккордами музыки какого-нибудь инструмента, и, сопровождаемые этими пріятными звуками зрители идутъ во второй этажъ, гдѣ въ одной изъ залъ поставлены скамьи для отдохновенія. Между-тѣмъ прислужники закрываютъ ставни—темнота, въ которой находятся зрители, еще болѣе возбуждаетъ любопытство ихъ.... Вдругъ на бѣлой стѣнѣ является свѣтлый кругъ, имѣющій семнадцать футовъ въ діаметръ,—тутъ передъ вами открываются чудеса, жизнь и движеніе міра, невидимаго простому глазу!...

Это микроскопъ господина Кери (Cary), освѣщенный водороднымъ газомъ; въ программѣ сказано, что онъ увеличиваетъ предметы въ три милліона разъ. Весь приборъ состоитъ изъ двухъ частей: изъ одной изливается сильный свѣтъ газа, а въ другой заключается особенное устройство микроскопа съ его оптическимъ аппаратомъ. Два резервоара, наполненные сжатымъ газомъ, находятся подъ столомъ, свободно движущимся. Съ помощью простаго механизма, газъ проводится въ камеру—обскуру микроскопа, утвержденаго на столѣ: онъ производитъ на стѣнѣ ровный, неподвижный свѣтъ. Въ послѣднее время стали дѣлать дагеротипные рисунки съ помощью этого прекраснаго изобрѣтенія. Въ свѣтломъ кругу изумленный взоръ

зрителя открываетъ безчисленное множество мелкихъ животныхъ, живущихъ въ одной каплѣ воды и которыхъ прежде едва можно было рассмотретьъ въ микроскопъ; тутъ же они представляются большими, красивыми, одаренными изумительною жизненною силою, быстротою, ловкостью движеній.

Механическіе инструменты, сзывающіе зрителей на новые опыты и объясненія, чрезвычайно разнообразны, и замысловаты. Послѣ звуковъ трубы, о которой мы говорили, другой инструментъ, совершенно новаго устройства, исполняетъ цѣлый концертъ; полчаса или часъ спустя, модель новозобрѣтеннаго фортепiano особенной формы, возвѣщаетъ публикѣ о началѣ новыхъ опытовъ. Самыя блестящія музыкальныя піесы, исполняемыя автоматами, увеселяютъ публику, которая часто сама не знаетъ откуда происходятъ гармоническіе звуки, прельщающіе слухъ въ промежуткахъ, во время которыхъ разносятъ зрителямъ, наблюдателямъ и мыслителямъ прохладительныя напитки и плоды. По истеченіи каждаго получаса публика опять расходится по заламъ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаетъ предметы, живо возбуждающіе любопытство.

Между моделями, препаратами и проектами, замѣчательны: улучшенные якоря, насосъ, приводимый въ дѣйствіе самымъ движеніемъ корабля, модели кораблей, построенныхъ по новой методѣ; аппараты для очищенія морской воды, чтобы сдѣлать ее годною для питья, литографическій станокъ, дѣйствующій передъ вашими глазами, насосъ господина Рида и множество другихъ подобныхъ вещей; сверхъ-того тутъ же находятся любопытныя предметы изъ всѣхъ царствъ природы, которые, какъ новыя открытія или какъ рѣдкости, поставлены между моделями для разнообразія и для непрерывнаго возбужденія любопытства.

Должно еще упомянуть о проектѣ Рольфа Ватсона, имѣющемъ цѣлю предохраненіе кораблей отъ погруженія въ воду, помощію жѣдныхъ трубъ, герметически закрытыхъ и содержащихъ въ себѣ атмосферическій воздухъ, для уравновѣшиванія собственной тяжести корабля съ вѣсомъ всѣхъ содержимыхъ въ немъ предметовъ, которые

безъ этого прибора, потопили бы корабль въ случаѣ поврежденія: а эти трубы проведенныя вокругъ палубы и въ промежуткахъ подъ нею, поддерживаютъ массу поврежденнаго судна.

Для подробнаго описанія изумительнаго множества моделей, приборовъ и другихъ замѣчательныхъ предметовъ, находящихся на этой выставкѣ, не достало бы нѣсколькихъ томовъ. Этотъ музейъ подаетъ самую вѣрную и ясную идею объ успѣхахъ механики, этой части математическихъ наукъ, соединяющей въ себѣ знаніе и приложеніе къ дѣлу законовъ движенія и равновѣсія силъ. Это любимая наука Англичанъ.

Изъ этой галереи перейдемъ въ *Pantehnicon*. Это слово по-русски значитъ *Всеремесленная*. Это—постоянная выставка произведеній фабрикъ, мануфактуръ и ремеслъ; огромное складочное мѣсто продажныхъ вещей для обзаведенія цѣлымъ хозяйствомъ самымъ великолѣпнѣйшимъ и богатѣйшимъ обзоромъ; тутъ всякій, желающій по-скорѣе истратить деньги свои и насладиться ими, можетъ въ двадцать четыре часа обзавестись всѣмъ нужнымъ и наполнить домъ свой отъ подваловъ до чердака, отъ конюшенъ и сараевъ до роскошнѣйшихъ салоновъ. Такъ какъ все необычайное имѣетъ право быть *бешенобольшимъ*, то и Пантехниконъ принадлежитъ къ числу заведеній, куда стекаются люди всѣхъ сословій.

Онъ былъ построенъ въ 1831 году для выставки произведеній и промышленности, и состоитъ изъ двухъ частей, раздѣленныхъ улицей или провѣдомъ въ пять сотъ футовъ длины и пятьдесятъ ширины. Оба зданія имѣютъ три огромные этажа; въ одномъ—этажи поддерживаются чугунными колоннами; полы и потолки изъ желѣза, такъ что домъ совершенно безопасенъ отъ пожара. На постройку его употреблено триста тоннъ чугуна. Въ каждомъ этажѣ выставлены на продажу предметы особаго рода. Тутъ мастера могутъ изучать произведенія соперниковъ своихъ и вникать въ сокровеннѣйшія тайны своего ремесла. Это постоянная школа промышленности.

Другой домъ состоитъ изъ трехъ галерей съ роскошными магазинами и прекрасной каменной лѣстницей, веду-

щей въ бель-этажъ, гдѣ находится большой магазинъ, раздѣленный на двѣ части.

Первое зданіе замѣчательнѣе втораго, какъ по постройкѣ своей, такъ и по содержанію. Это преимущественно мѣсто сходбища туристовъ: въ немъ находятся всевозможныя дорожныя вещи со всѣми пріятностями, удобствами и комфортомъ. Тутъ экипажное отдѣленіе (the carriage department), названное такимъ образомъ хозяевами этой части Пантехникона. Оно устроено въ огромномъ размѣрѣ и весьма замысловатымъ образомъ: взорамъ посѣтителей представляются нѣсколько полокъ до самой крыши, на которыхъ разставлены экипажи и къ которымъ ведетъ особо устроенная лѣстница.

Это отдѣленіе весьма важно, потому что въ немъ собраны всѣ средства для удовлетворенія врожденной въ Англичанахъ страсти къ путешествіямъ. Тамъ можно видѣть экипажи различныхъ формъ, размѣровъ и названій; кареты, коляски, экипажи зимніе, лѣтніе, дорожныя, съ ящиками и сундуками; кабриолеты, тильбюри и прочая, и прочая; сѣдла, сбруи, возжи, хлысты, кнуты—словомъ, все, что нужно для полной упряжи. Также замѣчательны весьма замысловатыя машины, которыми взвѣшиваютъ, поднимаютъ и опускаютъ экипажи, переставляютъ ихъ съ одной полки на другую, втаскиваютъ и вытаскиваютъ, и все это безъ хлопотъ, безъ шума, скоро и легко. Вообще все дѣлается тамъ самымъ простымъ, и тѣмъ болѣе замысловатымъ образомъ, безъ малѣйшей суматохи и торопливости, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ удивительною быстротою.

Идти въ чемъ тамъ нѣтъ недостатка: все приглашаетъ васъ сѣсть въ карету, на первой, второй, третьей или даже четвертой полкѣ и покатить оттуда денежки ваши по столичной мостовой или по большимъ дорогамъ. Вы даже можете сѣсть въ карету или коляску и прогуливаться съ одной полки на другую. Записной туристъ, мучимый несноснымъ спиною, можетъ уѣхать комфортабельно въ экипажъ въ самомъ Пантехниконѣ, спуститься внизъ, гдѣ ему приведутъ лошадей и оттуда отправиться въ какой-нибудь фешенебельный портъ. Отъ Англичанина подобная выходка можетъ легко статься, и Пантехниконъ, понимая

всю важность внезапныхъ путешествій, вышннхъ принадлежностей, принялъ всѣ мѣры для удовлетворенія всевозможныхъ англійскихъ прихотей.

Въ огромномъ экипажномъ отдѣленіи находится до шести сотъ экипажей; на каждомъ выставлена цѣна; за простую легонькую городскую колясочку можно заплатить отъ пятидесяти до пяти сотъ гиней и болѣе.

Въ другой части Пантехникама вы встрѣтите всѣ удобства жизни осѣдой, весь комфортъ тихаго домашняго счастья.

Не всходя еще на красивую каменную лѣстницу, не останавливаясь еще въ проходахъ и подъ арками перваго этажа, гдѣ расположены магазины, бросьте взглядъ на длинныя, широкіе корридоры, простирающіеся отъ входа по обѣ стороны и представляющіе вамъ батареи бочекъ и бутылокъ, разставленныхъ въ самомъ симметрическомъ порядкѣ. Это тяжелая артиллерія Бахуса, занимающая подвалы зданія, наполненные винами всѣхъ сортовъ и всѣхъ странъ. Подвалы эти высоки, свѣтлы, воздухъ въ нихъ чистъ и по длинѣ ихъ можно бы сравнить съ подземными сводами *Piscina mirabilis*, резервуарами прѣсной воды для продовольствія римскаго флота, во времена Плинія, находившимися на Мизенскомъ мысѣ, близъ Неаполя. Послѣ быстраго обзора подваловъ, съ удовольствіемъ можно прогуляться подъ арками перваго этажа и оттуда перейти во второй этажъ, гдѣ взору представляется рядъ галерей, занимаемыхъ двумя магазинами, изъ которыхъ въ одномъ находится самая полная коллекція мебели между-тѣмъ какъ другой изобильно снабженъ туалетными вещами и вообще всѣми прихотями роскоши, составляющими необходимость для людей съ огромнымъ состояніемъ.

Всѣ эти прекрасныя арки, магазины въ галереяхъ и даже обширныя подвалы, освѣщены вечеромъ газомъ новаго рода, производящимъ столько же богатое, какъ и блестящее зрѣлище. Особенная галерея назначена для выставки и значительной продажи предметовъ роскоши, и для азиатскихъ рѣдкостей, получаемыхъ прямо изъ Кантона. Можете любоваться и накупить себѣ множество вещей въ

несколько часовъ и по желанію вашему ихъ доставятъ къ вамъ на домъ безъ всякой платы, не даѣе однако жъ какъ за осемь верстъ отъ Лондона.

Тамъ же между предметами, влѣблющими воображеніе или веселящими сердце, вы увидите китайскій базаръ и настоящихъ Китайцевъ. Это представители Китая въ Лондонѣ.

Съ галерей представляется взору самое волшебное зрѣлище предметовъ изящнѣйшаго вкуса, искусство отѣлки которыхъ привлекаетъ множество любопытныхъ, съ вниманіемъ разсматривающихъ вещи и восхищающихся ими.

Колоссальные размѣры, великолѣпіе, пестрота, отличаютъ Пантехниконъ; въ немъ вы встрѣтите вещи самыя простыя и вмѣстѣ съ тѣмъ замысловатѣйшія произведенія прихотей вкуса.

Нельзя выйти изъ этого замѣчательнаго заведенія, не посмотрѣвъ любопытной рѣдкости, чуда натуральной исторіи, о которомъ объявляется не менѣе чудовищными записками, напечатанными огромными буквами и прибитыми во всѣхъ корридорахъ нижняго этажа; чудо это помѣщено носерединѣ произведеній промышленности, какъ пародія на самую основу промышленности.

Изъ всѣхъ частей натуральной исторіи, Англичане преимущественно занимаются минералогіею и геологіею въ обширныхъ объемахъ ученыхъ разысканій. Это одно изъ самыхъ любимѣйшихъ ихъ занятій, особенно въ Ирландіи и Шотландіи, гдѣ сдѣлано уже столько доблѣтныхъ открытій въ отношеніи къ ископаемымъ. Но Англичане имѣютъ также страсть къ орнитологій и зоологій вообще, что доказывается множествомъ записокъ, самыхъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ животныхъ всѣхъ странъ, такъ часто встрѣчающихся въ трехъ соединенныхъ королевствахъ Великобританіи.

Въ Лондонѣ есть родъ промышленниковъ, съ успѣхомъ занимающихся обученіемъ животныхъ самымъ бестощо-мъ; они дѣлаютъ ихъ хоть не болѣе полезными, но не менѣе мѣры, болѣе занимательными, что, впрочемъ, не есть общій дѣлъ практическаго ума этой оригинальной

ящци, которая въ приложеніи познаній ищетъ только поль-
вы, изъ которой она могла бы извлечь для себя сколько
возможно болѣе выгодъ.

Такъ въ Пантехниконѣ вы увидите огромную аффишу,
напечатанную красными и черными буквами, вышиною
въ шесть дюймовъ; аффиша эта, которая сама по себѣ уже
есть замѣчательное типографическое произведеніе, объяв-
ляетъ о «штукахъ», дѣлаемыхъ однимъ изъ глупѣйшихъ
животныхъ въ мірѣ, которое показывается на ряду съ
изящѣйшими произведеніями вкуса. Это диво природы и
человѣческаго терпѣнія — гусь! Онъ показываетъ примѣ-
ры понятливости, которую никто въ продолженіи нѣсколь-
кихъ столѣтій, съ тѣхъ поръ какъ предки его Римъ спа-
сли, не умѣлъ оцѣнить. Этотъ гусь не только умѣетъ чи-
тать, но знаетъ ариметику, дѣлагетъ множество фокусовъ
и штукъ съ картами, косточками, кружками; отгадываетъ
карты, которыя врители держатъ въ рукахъ, рассчиты-
ваетъ минуты и секунды на часахъ и вполнѣ заслуживаетъ
названія разумнаго и чудеснаго; гусь этотъ тѣмъ болѣе за-
мѣчательнѣе въ скромной простотѣ своей, что во всѣхъ шту-
кахъ, ключъ его играетъ главную роль. Имъ выражается
торжество разсудка надъ глупостью, и изумляясь талантамъ
и образованію глупѣйшаго животнаго, трудно рѣшить —
постоянству ли и терпѣнію учителя или повинновенію и по-
корности ученика, должно отдать преимущество. Надобно
видѣть этого гуся, чтобы достойнымъ образомъ оцѣнить
понятливость, которой доселѣ никто и не подозрѣвалъ
въ этой тяжелой, неповоротливой птицѣ, и она, вѣрно, не
глупѣе тѣхъ Китайцевъ, которые въ Пантехниконѣ пока-
зываютъ произведенія промышленности своей родины.

Довольно замѣчательнѣе и слогъ аффиши: «Изумительнѣй-
шая птица, ученый гусь, величайшая рѣдкость когда-либо
видѣнная, единственный ученый гусь. (Most astonishing
bird, the learned goose, greatest curiosity ever witnessed,
the only learned goose ever known.)»

Ты этихъ постоянныхъ выставкамъ, къ этимъ показамъ
Промышленности и искусства, которыя многочисленны и кѣль-
ко разъ болѣе полезны публикѣ и мастерамъ, надо при-
бавить еще такія называемыя Warehouses, «Товарные до-

нѣя, которые суть вмѣстѣ базары для покупокъ и складочныя мѣста товаровъ и произведеній всѣхъ частей свѣта. Въ этихъ заведеніяхъ находятся колоссальныя массы товаровъ равнаго роду, перепродающіеся въ большомъ количествѣ въ другіе столичныя и окрестныя магазины, откуда уже расходятся по частямъ.

Въ Лондонѣ особенно замѣчательны два такіа заведенія. Это огромныя магазины Лива и Колса въ Сити, и магазинъ господина Мориссона. Эти торговые дома дѣлаютъ ежегодно коммерческіе обороты на сорокъ милліоновъ рублей. Впродолженіи нѣсколькихъ часовъ они отпускаютъ шкиперамъ огромныя тюки и выюки товаровъ, отправляемыхъ во всѣ части свѣта. Тамъ можно найти множество товаровъ бумажныхъ, шерстяныхъ, трико всѣхъ сортовъ, китайскія, индійскія, французскія шелковыя издѣлія; суровской товаръ, игрушки, зонтики, трости, перчатки — словомъ, обширнѣйшій выборъ разнообразнѣйшихъ предметовъ.

Товарные дома бываютъ въ три и четыре этажа, расположенные вокругъ обширнаго двора, и освѣщены сверху большими окнами, находящимися въ крышѣ. Укладка и разборъ тюковъ производится въ особыхъ залахъ, въ подвальномъ этажѣ, имѣющихъ сообщеніе съ улицей или магазинами посредствомъ длинныхъ спусковъ, по которымъ легко вытаскиваютъ или ввозятъ товары въ тележкахъ или на салазкахъ. Подвальные магазины освѣщены газомъ впродолженіи дѣлаго дня. Зимой заведенія эти отапливаются парами, проходящими въ большія трубы, проведенныя вокругъ всѣхъ магазиновъ.

Каждый изъ двухъ торговыхъ домовъ, о которыхъ мы упомянули, имѣетъ отъ ста тридцати до ста осмидесяти прикащиковъ, которые получаютъ отъ хозяевъ столъ и квартиру. Чтобы не прерывать дѣла внезапнымъ отсутствіемъ всѣхъ прикащиковъ, они раздѣляются на нѣсколько отдѣленій, которыя поочередно и въ часы, строго соблюдаемые, идутъ завтракать и обѣдать. Въ семь часовъ утра каждый прикащикъ уже за своимъ дѣломъ, и остается при немъ до полуночи, а въ случаѣ скорыхъ отпра-

векъ, не терпящихъ отлагательства, и до двухъ часовъ утра.

Мы представили только слабый очеркъ, слабую идею того, что можно назвать постоянными выставками произведений промышленности въ Англіи. Но каждый легко пойметъ, сколько онѣ содѣйствуютъ усовершенствованію труда и до какой степени возбуждаютъ соревнованіе трудящихся, очищая въ то же время вкусъ ихъ и образуя ихъ въ искусствѣ изобрѣтенія. Этимъ-то выставкамъ англійскіе ремесленники преимущественно обязаны тѣмъ значеніемъ дѣла и искусствомъ, которыми они отличаются передъ ремесленниками всѣхъ прочихъ націй.

Подобныя заведенія есть въ Ливерпулѣ, Манчестерѣ, и вообще во всѣхъ промышленныхъ городахъ Великобританіи.

V.

ВРЕМЯ.

=

ОПИСАНІЕ ТУРКІНКОЙ ВОЙНЫ 1828 И 1829 ГОДОВЪ. *Сочиненіе гвардіи капитана Лукьяновича, съ приложеніемъ двухъ картъ и двенадцати плановъ. Двѣ части. Спб., въ тип. Вуцарди Пруса. 1814, въ 8, стр. XIV, 360, 363, 8.*

Когда борьба Востока съ Западомъ кончилась побѣдою Востока въ Азіи, Запада въ Европѣ, начался послѣдній споръ между Европою и Азіею, дряхлой Византіи съ превозмогающею силою Оттомановъ. Византія пала. На развалинахъ царства Константинова воздвиглась луна исламизма, грозя враждою Европѣ. Два вѣка длилась непрерывная распря оттоманскаго царства съ европейскимъ Западомъ, пока на сѣверѣ, за черноморскими степями, зрѣла новая сила, которой суждено было побѣдить Оттомановъ. Въ половинѣ XVII-го вѣка сила эта сблизилась къ югу, съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, и сошлась съ оттоманскимъ царствомъ на Днѣпрѣ. Чигиринскій походъ при царѣ Теодорѣ, и два похода на Крымъ при Софіи, были вступленіемъ въ продолжительную эпопею, гдѣ являлись свои Агамемноны, Ахиллесы, и Аяксы, чуд-

ную эпопею, продолжавшуюся полтора ста лѣтъ, и кончившуюся тѣмъ, что кривая сабля Оттомана изломалась объ русскій штыкъ, и русскій орелъ съгъ отдохнуть отъ побѣдъ въ виду Царьграда.

Какой рядъ событій, битвъ, людей представляетъ лѣтопись войнъ Россіи съ Турціею! Началъ и здѣсь, какъ все начиналъ въ Россіи, Петръ Великій, началъ славно, отнялъ у Турковъ Азовъ, и двинулся къ Черному Морю. Прутская неудача показала ему еще грозныя силы Турковъ. Имѣя на рукахъ Карла Двѣнадцатаго, и прорубая дверь въ Европу, Петръ съ досадою оставилъ султана въ покоѣ, даже отдалъ ему Азовъ, но до конца жизни думалъ о Турціи, и готовился на возобновленіе спора. Россія попробовала однако жъ силы свои уже въ царствованіе императрицы Анны. Минихъ и Дасси расплатились съ Турками за Прутъ, разорили Крымъ; едва не дошли до Дуная. При императрицѣ Елисаветѣ намъ опять некогда было думать о Турціи. Довольствовались укрѣпленіемъ и заселеніемъ пограничныхъ областей, и тѣмъ, что Турція замолкла. Но императрица Екатерина поняла и увидѣла, что Россіи будетъ тѣсно, если не охолодятся стѣны дороги въ Европу Польши, и не протянуть границы на югъ на черноморское побережье. Столько же любя славу, сколько умѣла цѣнить мудрость политики, она въ одно время послала Суворова въ Польшу, Румянцева за Дунай, Долгорукова въ Крымъ, Тотлебена за Кавказъ, Орлова въ Адрианополь. Когда заключили Кучукъ-Кайнарджисскій миръ, казалось, дѣло остается вездѣ нерешеннымъ. Въ Польшѣ былъ независимый владѣтель; отъ султана не просили только нѣсколько крѣпостей, но въ самоздѣль, мы уже все и вездѣ кончили. Политика Екатерины съ Крымомъ, дѣла Потемкина въ Черноморскомъ краю, и присоединеніе Крыма, Кубани и черноморска-

го прѣбрежья къ Россіи, принадлежатъ къ восточнѣй-
шимъ собственнѣмъ вѣкамъ Екатерины: Турція окончилась,
хотѣли оружіемъ возвратитъ потеряныя и въ Очаковѣ,
въ Измаилѣ, подѣ Фокшанами и подѣ Рымниномъ
успѣли, что принадлежало возвратитъ. Неизрешимой
пугливой злоба встала въ душѣ Турковъ, вместе
съ султанскимъ предчувствіемъ, что въ одинъ годъ во-
рота Царьграда вбѣдутъ изкогда Русскіе. Россія кон-
чила между-тѣмъ дѣло съ Польшою, и съ одной сторо-
ны приключившись къ Кетину и Днѣстру, прервала
Крымъ въ восточнѣе вѣсто, и Одессу въ мѣсто торго-
ваго на Черномъ Морѣ, съ другою облокотилась въ
Азію на Закавказье, такъ, что съ двухъ сторонъ всег-
да могла обхватить Турцію. Висовой смерть была нѣко-
торъ, и потрясенная въ основаніи, медленно начала
осыпаться и распадаться имперія Оттомановъ.

Пропускаю время царствованія императора Павла,
великодушное заступившееся за Турцію и Европу,
когда чадомъ судьбы, подлиннымъ царь съ импера-
торомъ у воротъ Вены, хотѣлъ въ Клефъ и Малой
Азіи передвинуться къ Царьграду. Возвращенный сле-
домъ на берега Франціи, онъ забылъ о завоеваніи Тур-
ціи, и въ 1805 году сошелся съ Россіею на поляхъ
Голлабруна и Аустерлица. Соединяя все средства къ
ослабленію могучаго врага, онъ убѣждалъ безразсуднаго
Салтыкова Третьяго вспомогательнаго затруднительнаго
помощникомъ Россіи. Мечтая возвратитъ истери, какъ
мечтала о томъ въ 1737 году, Турція снова приключилась
за оружіе. Превосходно изложилъ намъ знаменитый
ислѣдатель царя, А. И. Дашковскій, причину востанов-
ленія войны съ Турками при императорѣ Александрѣ,
когда Малюссонъ думалъ о возможности помощи Тур-
камъ въ случаѣ вѣсто съ Александромъ прѣдлагаю
раздѣлять Турцію. Онъ не любилъ дѣлать въ коню-
шкѣ, и потому все было предостереженіе султану Царьграду.

Адрианополь, и области, какія останутся въ углу за чертою, проведенною отъ Бургаза къ Энесу. Александръ глубоко проникъ и разгадалъ мечтанія, у котораго отъ величія и утонченности кружилась голова, который въ одно время думалъ Турцію, готовился воевать съ Англичанами въ Индіи, и бралъ себя Италію и Голландію. Можеть сказать, что съ Тиллинта началось паденіе Наполеона. Уступивъ сдѣль сто оружіи, Александръ уже выигралъ надъ нимъ первую побѣду въ Эрзурутъ. Готовясь на борьбу окончательную и неизбежную, и представляя ее будущему времени, онъ оставилъ Наполеона воевать въ Испаніи, и глубокою политикою хотѣлъ укрѣпить Россію съ сѣвера и юга. Финляндія должна была оградить Петербургъ. Барета Дуная должны были сдѣлаться границею Россіи съ Турціею. Къ прискорбію Александра, ни Минелсонъ, ни Баграціонъ, ни Камарскій не поняли плана войны съ Турціею, и изувѣрное упорство Турковъ замедлило исполненіе замысловъ Александра. Уже гроза войны шумѣла съ запада. Наполеонъ опомился отъ своихъ мечтаній, а война съ Турками всё-еще продолжалась, отвлекала вниманіе и часть войскъ. Къ счастью Россіи явился Кутузовъ, и свершилъ поведеніемъ совершилъ подвигъ, не суворовскій, а кутузовскій, который новелъ за собою Бухарестскій миръ съ присоединеніемъ Бессарабіи, и только въ наше время оканчивается исполн. *Conçoit-on ces chiens, ces gredins de Turcs, qui ont eu le talent de se faire battre de la sorte! Qui aurait pu le prévoir et s'y attendre!* восклицалъ Наполеонъ, услышавъ о гибели турецкой арміи на Дунаѣ, и не предчувствуя, что роено черезъ годъ старый полководецъ русскій такъя заведетъ его въ Мясну, какъ завелъ къ Рушуку *gründete seine, Alexander-Bes.*

Несмотря на счастливое окончаніе турецкой войны, Александръ не былъ вполнѣ доволенъ Бухарестскимъ

широмъ, потому что не исполнилась любимая мысль его укрѣпить Дунаемъ русскую границу, и усмирить без-опасность Сербіи, терзаемой Турками. Но возрастающая слабость Оттомановъ, усиливавшееся распаденіе имперіи ихъ, торжество Россіи въ Европѣ, склоняли императора русскаго на чувства великодушныя. И ему ли, столь недавно бывшему свидѣтелемъ страшнаго паденія честолюбца, ему ли, примирителю народовъ, можно было начинать войну для округленія границъ? Больше — видя новыя, неожиданныя явленія въ Турціи, начало борьбы Грековъ, онъ хотѣлъ быть спасителемъ Турціи, съ тѣмъ вывести обезопася заступленіемъ своимъ участь христіанъ въ Турціи. Свирь-ное изуврство мусульмановъ, какъ будто въ пред-смертныхъ судорогахъ, страшно метило обитателямъ Молдавіи, Валахіи и Сербіи за свои потери. Свирь-ство уничижило всего больше возстаніе Грековъ. Надле-ло положить предѣлы безумію ослѣпленныхъ. Здѣсь Россію руководствовали уже не политическіе разсче-ты, но болѣе высокое чувство величія и любви къ че-ловѣчеству. Долго истощалъ Александръ средства убѣ-жденія и кротости, хотя передъ кончиною своею хотѣлъ уже наконецъ образумить Турковъ силою ору-жія. Преемникъ Благословеннаго Монарха Россіи на-слѣдовалъ кроткую, миролюбивую политику его, и около трехъ лѣтъ протекло еще, пока рѣшился Онъ напомнить Оттоманамъ, что время побѣдъ и спору уже давно прошло для нихъ.

Переговоры въ Аккерманѣ были послѣдуемы Лон-донскимъ трактатомъ 1827 года, и Наваринская битва была первымъ горькимъ урокомъ Туркамъ. Неувѣр-ство ихъ ни чему не внимало. Оскорбительное воззва-ніе мнимого преобразователя Турціи, султана Махмуда, къ народу его было отбитомъ вступленнымъ изувр-ства. «Вѣсть предѣлы великодушію, и преступитъ ихъ

воспринимать часть имени Русского, достоинство царя, и неприкосновенность права ее и славы, которую тогда монархъ Россіи, и войска его, гонимые на брань, вынуждены за пределы русскаго.

Таковы были сущность и начало последней войны съ Турціею, рѣшениа которой представляеть теперь намъ господамъ Лувьяновича. Въ двухъ выданныхъ имъ томачъ заключаются событія только 1828, а простираю года двухъ-летней войны. Слѣдуя повѣствованію его, подробно балагающаго въ военныя дѣйствія, мы изложимъ здесь примечательнѣйшія черты брани, достопамятнѣй въ многихъ отношеніяхъ.

Положено было немедленно занять Молдавію и Валахію, обложить крѣпости на Дунаѣ, идти за Дунай, и отвлечь вниманіе непріятеля дѣйствіемъ на Шумлу. Особой оградѣ должно было быть взять Анапу, послѣ чего идти на Нерменбрэний и армія сосредоточивалась у Варны. Взятіемъ этой крѣпости полагалось основанію дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіемъ, покуда что тамъ обещивалось главное продолженіе войны въ турецкія области, и ближайшее сношеніе съ Россіею. Между-тѣмъ часть войска должна была блокировать Шумлу, отдѣльный корпусъ идти въ Грүціи дѣйствовать въ Азіатской Турціи, а русская эскадра отъ флота, находящагося въ Архипелагѣ, подвергнута строгой блокадѣ Дарданеллы и Царьграда.

Численность силъ войскъ, назначенныхъ для дѣйствій въ Европейской Турціи, состояла изъ двѣнадцати тысячъ, съ тысячею сѣмью-сотами Грүціи. Герой Клястичъ и Колошка, командовавшие Виссигитойми были назначены главнокомандующими; генералъ-лейтенантъ Киселевъ начальникомъ штаба; генералъ-майоръ князь Гертснеръ, а потомъ генералъ-майоръ Беркъ, генералъ-квартирмейстеромъ; генералъ-фельдмаршалъ Дарданеллеръ начальникомъ арміи.

генералъ-маюръ Трузсонъ начальникомъ нижегородъ; генералъ-маюръ Байковъ дежурнымъ генераломъ. Начальниками корпусовъ арміи были генералы Рудзевичъ, Роттъ, Воиновъ, Бороздинъ. Съ Апрѣля 1828 года долженъ былъ выступить изъ Петербурга гвардейскій корпусъ, болѣе двадцати-пяти тысячъ человекъ, съ шестидесятью-четырьмя орудіями. Вице-адмиралъ Грейгъ и контръ-адмиралъ князь Меншиковъ назначались начальниками экспедиціи противъ Анапы. Въ Азіи отдѣльнымъ корпусомъ, около тридцати тысячъ человекъ, командовалъ графъ Паскевичъ, уже знаменитый покореніемъ Эривани, и войскою противъ Персіянъ.

Быстрое и неожиданное непріятелемъ занятіе Молдавіи и Валахіи было первымъ ружательствомъ за успѣхи. Яссы и Бухарестъ находились въ нашихъ рукахъ. Малая Валахія была прикрыта отрядомъ войскъ, и Браиловъ обложенъ. Осаду его принялъ на себя Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Вскорѣ войско русское увидѣло среди полковъ своихъ Государя Императора. Ободряемые Его вниманіемъ, войска приготовились къ переправѣ за Дунай. Добродѣльное покореніе остатковъ Запорожской Сѣчи, дологъ непримиримыхъ враговъ нашихъ, было слѣдствіемъ Монаршаго вниманія къ отверженнымъ вѣщеніи пророчества лѣтъ сынамъ Россіи.

Переправа черезъ Дунай совершена при Сатуновѣ, мая двадцать-седьмого, подъ огнемъ непріятели, вблизи Исакчи.

«Мая двадцать-седьмого, въ четыре часа утра, Государь Императоръ прибылъ къ войскамъ, собраннымъ у дунайской переправы. Мгновенно открытъ былъ огонь съ нашей батареи и флотиліи противъ непріятельскихъ укрѣпленій; дѣйствіе его было сигналомъ движенія войскъ на правый берегъ Дуная. Усиливая огонь, де-

вать орудій десятой артиллерійской бригады поставили правѣе и лѣвѣе баттарей по берегу Дуная. Двѣ бригады девятой пѣхотной дивизіи подошли къ рѣкѣ, и первая егерская бригада, генераль-маіора Курносова, на транспортныхъ судахъ, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, начала переправу. Быстрое теченіе Дуная и противный вѣтеръ чрезвычайно затрудняли движеніе судовъ. Тогда подоспѣли Запорожцы съ своими легкими лодками. При пособіи ихъ, командиръ второй бригады девятой пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ Гельвигъ, съ сто-двадцатью человекъ своей бригады, открылъ переправу. Занимъ послѣдовали, на транспортномъ суднѣ, съ небольшимъ числомъ пѣхоты начальникъ девятой пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантъ Бартоломей, и начальникъ штаба третьяго пѣхотнаго корпуса, генераль-маіоръ князь Горчаковъ 2-й. Вслѣдъ затѣмъ, при помощи Запорожцевъ, поднялся, на прочихъ транспортныхъ судахъ, генераль-маіоръ Курносовъ, съ частью своей бригады.

«Три роты втораго батальона семнадцатаго егерскаго полка первыя ступили на непріятельскій берегъ. Выходя изъ судовъ по поясъ въ воду, егери должны были переходить около версты глубокимъ болотомъ, держа ружья и сумы съ патронами надъ головою. Преодолевъ всѣ эти препятствія, они достигли луга, гдѣ немедленно начали строиться. Здѣсь непріятель стремительно атаковалъ конницею голову колонны, стараясь опрокинуть ее въ воду. Мужественный отпоръ стрѣлковъ удержалъ сильный натискъ Турковъ; три батальона быстро выстроились къ бою. Генераль отъ инфантеріи Рудзевичъ, генераль-квартирмейстеръ главнаго штаба, генераль-адъютантъ графъ Сухтеленъ, и начальникъ главнаго штаба второй арміи, генераль-адъютантъ Киселевъ, распорядили переправу войскъ въ виду Государя Императора.

« Когда всего нужнѣе было подкрѣпить войска, высаженные на непріятельскій берегъ, генераль-адъютантъ Киселевъ замѣтилъ, что сильный вѣтеръ и быстрое теченіе Дуная относили отъ настоящаго направленія третье отдѣленіе запорожскихъ лодокъ, перевозившее два батальона алексопольскаго полка. Извѣстясь отъ капитана гвардейскаго генеральнаго штаба, Вельяминова-Зернова, о другомъ, болѣе удобномъ и сухомъ мѣстѣ для высадки, онъ бросился въ одну изъ запорожскихъ лодокъ и повелъ туда упомянутое отдѣленіе Запорожцевъ. Прибывъ къ мѣсту высадки, генераль-адъютантъ Киселевъ приказалъ капитану Патаніоти подвинуть суда лѣваго фланга дунайской флотиліи болѣе впередъ и дѣйствовать по непріятелю картечью, очищая мѣстность выше и назади непріятельскаго редута. Распоряженія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Войска свободно вышли на непріятельскій берегъ, и построясь въ боевой порядокъ на сухой равнинѣ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Бартоломея, соединились съ отрядами генераловъ Гельвига и Курносова.

« Немедленно второй батальонъ семнадцатаго егерскаго полка, поддерживаемый первымъ батальономъ алексопольскаго пѣхотнаго полка, двинулся на редутъ праваго фланга непріятеля, имѣя впереди охотниковъ. Едва приблизились егери, одинъ изъ Турковъ, остававшихся въ редутѣ, взорвалъ пороховой погребъ, когда охотники ворвались въ него сквозь амбразуры. Нѣсколько человекъ нижнихъ чиновъ семнадцатаго егерскаго полка сдѣлались жертвою неустрашимости, по потеря ихъ не остановила другихъ. Они бросились на непріятельскую батарею, штыками вырвали ее изъ рукъ непріятельскихъ, и на позиціи, казавшейся недоступною, водрузили знамена русскія передъ глазами **Монарха**, окруженнаго представителями Европы. Толпа турецкой конницы устремилась на редутъ послѣ взрыву

порохового погреба, но видя его занятымъ егерями, и первый батальонъ алексопольскаго пѣхотнаго полка, стоящій подлѣ него колонною, готовую къ атакѣ, успѣшно отступила. Вскорѣ послѣ занятія редута подошли двѣ роты третьяго пионернаго батальона, и занялись вооруженіемъ редута для защиты нашей переправы и отраженія дальнѣйшаго непріятельскаго покушенія. Послѣ того высаженные на непріятельскій берегъ войска устремились впередъ, и прошли по всему ряду непріятельскихъ укрѣпленій. Устрашенные быстрою и смѣлостью движенія, Турки оставили свои батареи, бросили артиллерію и убѣжали въ лагерь на высотахъ своей позиціи.

«Войска наши продолжали переправляться. Вся девятая дивизія, двѣ бригады седьмой пѣхотной, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Ушакова, и часть осьмой пѣхотной дивизіи, быстро перевезены были на правый берегъ. Съ ними перѣхалъ командиръ третьяго корпуса генераль Рудзевичъ, кончившій переправу занятіемъ всей высоты праваго дунайскаго берега.

«Государь Императоръ переправился черезъ Дунай въ лодкѣ. Гребцами были недавно подчинившіеся Запорожцы, а рулемъ управлялъ атаманъ ихъ, Гладкой, пожалованный въ полковники русской службы. Послѣ обозрѣнія праваго берега, Государь Императоръ возвратился назадъ.

«Успѣшное сосредоточеніе значительной части войскъ на правомъ берегу, заставило Турковъ оставить лагерь свой и искать спасенія въ бѣгствѣ по дорогамъ на Тульчу, Бабадагъ и Исакчу. Такимъ образомъ въ нѣсколько часовъ, днемъ, была совершена достопамятная переправа черезъ Дунай.

«Немедленно обложили Исакчу, и другія ближайшія крѣпости. Исакча сдалась мая тридцатаго. Армія готова вступить въ пустынные страны Булгаріи. Далеко

плодое население края, съ его скуднымъ промысломъ, укрывается обыкновенно отъ нашествія неприятелей въ леса и горы. Арміи невозможно одинъ сутки продержаться въ голыхъ степяхъ болгарскихъ, если она не везетъ за собою всего нужнаго для ея существованія, начиная съ сухарей на ежедневную солдатскую дачу до угля на подковку лошади. Такое обстоятельство дѣлало необходимымъ приобретение черноморскихъ гаваней, открывающихъ свободное сообщеніе съ иными кожными портами, откуда войска должны были снабжаться не только снарядами и другими потребностями, но и продовольствіемъ. Портъ при Кюстенджиджи обращалъ въ этомъ отношеніи особенное вниманіе. Потому для направленія главныхъ къ Балканамъ дѣйствій избранъ былъ путь вблизи моря лежащій. Главными точками операционной линіи назначены на первый разъ Бабадагъ и Карасу.

«Генералъ-лейтенантъ Ридигеръ, занявъ іюня перваго Бабадагъ, гдѣ почти не встрѣтилъ сопротивленія, обратился къ крѣпости Кюстенджиджи и обложилъ ее іюня четвертаго. Почти въ то же время обложены крѣпости Тулча, Гирсова и Мачинъ отрядами генераловъ Ушакова, князя Мадатова и полковника Роговскаго. Главныя силы корпуса генерала Рудзевича, при которомъ находилась Государь Императоръ съ своею главною квартирою и главною квартирою арміи, выступили іюня третьяго изъ лагеря при Бабадагѣ, продолжали движеніе черезъ Бейдаулъ и Тахаулъ къ Траянову валу. У впадины котораго остановились іюня шестаго, при озерѣ Карасу, нѣтъ эти озера передъ фронтомъ позиціи.

При первомъ движеніи арміи за Дунай обнаружилась въ полной мѣрѣ затрудненія, какія надлежало преодолѣвать въ Булгаріи. Около пятидесяти верстъ шли войска мѣткимъ строемъ, и впереди ихъ выступ

шли на необозримыя степи, гдѣ на разстояніи семидесяти-пяти верстѣ весьма рѣдко встрѣчались ручьи, фонтаны, или колодцы. Чрезмѣрная глубина колодезей, иногда до пятидесяти и семидесяти сажень, часто не позволяла удовлетворять ими общей потребности. Турки завалили кромѣ-того многіе трупамн животныиъ и мѣшками съ мыломъ, такъ, что для добыванія воды надлежало съ большимъ трудомъ очищать колодезь, а иногда и вовсе оставлять безъ употребленія, по невозможности въ скоромъ времени сдѣлать годнымъ.

«Государь Императоръ наравнѣ со всеми раздѣлялъ труды похода и неудобства помѣщенія въ палаткахъ. Въ переходы, отъ двадцати до двадцати-пяти верстѣ и болѣе, онъ дѣлалъ верхомъ, впереди войскъ, несмотря на зной солнечный, а иногда проливной дождь. Солдаты забывали свои нужды, свою усталость, и весело и бодро шли впередъ, глядя на Царя.

«Достигнувъ Карасу, армія не могла продолжать движенія. Отдѣленіе значительныхъ силъ для покоренія крѣпостей въ тылу, ослабило главный корпусъ. Нельзя было удалиться отъ Траянова вала съ четырьмя бригадами, оставшимися на лицо. Войска остановились на позиціи при Карасу, дожидаясь постепеннаго присоединенія отрядовъ и прибытія далеко отставшихъ подвозовъ съ съѣтными припасами. На другой день по занятіи главною арміею позиціи при Карасу, Государь Императоръ получилъ извѣстіе о покореніи Браилова.»

Браиловъ сдался іюня седьмого, послѣ сильнаго бомбардированія и приступа. Наканунъ сдался Мачинъ; іюня одиннадцатаго сдалась Гирсова, іюня двенадцатого занята Кюстенджи, іюня осемнадцатаго Тулча. Наканунъ, другіе русскіе бѣглецы, и также до того непримиримые враги Россіи, остатки Некрасовскихъ казаковъ, вогорились добровольно Россіи.

Обеспечивъ тылъ арміи, двинувши въ подкрѣпленіе дѣйствующей арміи корпусъ князя Щербатова, изъ сорока тысячъ человекъ состоявшій, узнали, что непріятель сосредоточивается въ Шумль, и получивъ тогда извѣстіе о взятіи Анавы, въ ожиданіи прибытія оттуда флота къ Варнѣ, іюня двадцать-четвертаго армія выступила изъ Карасу.

Анава, мѣсто сообщенія Турковъ съ Кавказомъ, была защищаемая горами, приведшими на помощь къ ней. Особенно упоренъ былъ бой съ нами мая двадцать-седьмого, Русскіе карен выдержали всѣ губительныя атаки черкесскихъ наводниковъ. Защитники Анавы не посмѣли дожидаться штурма, и сдались, іюня двѣнадцатаго. Весь осадный корпусъ нашъ составлялъ не болѣе шести тысячъ, долженъ былъ сражаться съ горами, осаждать крѣпость, и занимать обширное пространство на палимой зноимъ, безлѣсной долинь приморской.

Де осьмага іюля продолжался походъ главной арміи къ Шумль. Непріятель сражался съ нами подъ Базарджикомъ. Недостатокъ воды былъ однимъ изъ главныхъ препятствій похода. Все кругомъ являлось пусто и было разорено непріателемъ. Іюля четвертаго заняли Праводы, самое отдаленное мѣсто на пути изъ Шумлы въ Варну — ключъ Балкановъ. Защитники Шумлы хотѣли сражаться при Буланлыкѣ, но вскорѣ уступили послѣ жаркаго боя. Стройность движеній нашихъ войскъ дѣлала это сраженіе похожимъ на маневръ.

Шумла, неприступная по ея положенію среди горъ Балканскихъ, была защищаемая 50,000 Турковъ. Мы и въраснолагали брать ее, зная, какъ безуспѣшно старался взять Шумлу Каменской въ 1810 году. Довольствовались обложеніемъ Шумлы, укрѣпленіемъ блокаднаго войска редутами, и отвлеченіемъ шумлскаго

гарнизону Турковъ отъ помощи Варны. Въ горныхъ ущельяхъ происходили здѣсь битвы жестокия. Но главное вниманіе обращалось на Варну.

Крѣпость Варна сооружена при впаденіи Чернаго Моря, у подошвы сѣверной покатости Балкановъ, въ плодородной долине Девно. «Она находится въ четырехъ—стахъ слишкомъ верстахъ отъ Цариграда, а въ семидесяти отъ Шумлы. Съ южной стороны окружаютъ Варну низменная поросль, идущая съ половиною версты расстоянія отъ отроковъ Балкановъ, пролитая въ разныхъ направленіяхъ многочисленными рукавами озера Девно. Принимая въ себя разные горные потоки и воды, изъ которыхъ значительнѣе всѣхъ рѣка Праводы, живущая начало на шумской равнинѣ за симетрійскою дорогою, озеро Девно образуется близъ селенія Гибеджи въ пятидесяти верстахъ отъ Варны, и оканчивается подъ выстрѣлами крѣпости, въ сорока саженьхъ отъ нея. Здѣсь выводитъ начало рѣчка Варна, шириною въ двадцать сажень, протекающая подъ стѣнами крѣпостнаго вала и соединяющаяся озеро Девно съ моремъ. На рѣкѣ Варнѣ устроены мельницы и хорошій каменный мостъ. Съ восточной стороны стѣны Варны омывается залвѣ Чернаго Моря, ограничивающійся съ сѣвера мысомъ Гордовымъ, а съ юга мысомъ Галатомъ; между ними, по прямой линіи, стянута до шести верстъ. Берега задвѣ не высоки, и круты, и большіе корабли могутъ приставать только въ Саломыкской бухтѣ, находящейся въ двухъ верстахъ отъ мыса Гордовы. Такимъ образомъ съ южной и восточной сторонъ Варна совершенно ограждена Блгою мѣстностию. Варійскій рейдъ, закрытый отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, самыхъ бурныхъ на Черномъ Морѣ, при хорошемъ гравіи и глубинѣ до десяти саженей, можетъ считаться удобною гаванью въ лѣтнее время. Но совершенно открыты вѣсточная и сѣверо-

восточнымъ вътрамъ, оиъ не безопасенъ зимою. Лучшее зимнее мѣсто для флота находится у сѣвернаго берега между крѣпостью и Саханлыкомъ. Линійные корабли могутъ подходить къ Варнѣ не ближе четырехъ-сотъ-пятидесяти сажень, гдѣ глубина вездѣ до осьми сажень, но далѣе она уменьшается до шести сажень. По причинѣ отмели, идущей отъ крѣпости на югъ, болѣе нежели на триста сажень, самый замокъ крѣпости можетъ быть атакованъ только фрегатами, на разстояннй неопредѣленномъ.

«Съ сѣверной стороны окрестности Варны покрыты на ружейный выстрѣль отъ крѣпостнаго рва, виноградниками и лѣсомъ фруктовыхъ деревьевъ. Начиная отъ гласиса, мѣстность нечувствительно и постепенно повышается до крутыхъ и высокихъ горъ, ограничивающихъ варнскую долину съ сѣвера и отстоящихъ отъ крѣпости на три и четыре версты. Съ западной стороны мѣстность открыта. Отъ крѣпостнаго рва тянутся волнистые, возвышенные бугры, кряжа нѣсколько каменстаго, на триста сажень разстояннемъ по шумской дорогѣ и по направленію къ озеру Дебно, а далѣе начинается мелкій кустарникъ, покрывающій долину на нѣсколько верствъ. И такъ вся крѣпость лежитъ на покостѣ, имѣющей наклонность отъ сѣверо-запада къ юго-востоку.

«Изъ Варны идутъ четыре главные дороги: на сѣверъ въ Балчикъ, на сѣверъ въ Каварну, на западъ въ Шумлу и на югъ въ Царьградъ. Есть еще три дороги, къ лиману, къ мельницамъ на рѣчкѣ Варнѣ и къ южному берегу моря на пристань.

«Воды въ крѣпости изобильно. Она получается изъ рѣчки Варны и множества колодезей и фонтановъ, имѣющихъ источники въ горахъ съ сѣверной стороны и пробеденныхъ въ городъ подземными трубами. Крѣпость въ окружности четыре съ половиною вер-

сты. Изъ нихъ полторы версты занимаетъ приморская и южная часть, до двухъ верстъ съверная и версту западная, незастроенная и образующая внутри крѣпости площадь, величиною въ половину квадратной версты, обращенную жителями въ кладбище. Строенія наиболее деревянныя, въ два этажа, на каменныхъ фундаментахъ. Церквей въ Варнѣ было три, но во время послѣдней осады одна, весьма древняя, разрушена. Мечетей десять, изъ нихъ одна по покореніи крѣпости была обращена въ церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Всѣ эти строенія каменныя и въ постройкѣ церквей видна архитектура византийская. Населеніе города простиралось до одиннадцати тысячъ человекъ; изъ нихъ было до четырехъ тысячъ христіанъ, бѣльшею частію Грековъ. Жители Варны занимались особенно садоводствомъ, отчасти земледѣліемъ, незначительною торговлею съ Царьградомъ и ремеслами для собственнаго обиходу. Гражданское и военное управленіе въ мирное время ввѣрялось двухъ-бунчужному пашѣ, или меримирану, а судебное мулѣ. Кроме-того Варна была мѣстомъ пребыванія епископа греческаго исповѣданія.

«Въ послѣднее время Варна сдѣлалась примѣчательною, какъ крѣпость, составляющая важный оборонительный пунктъ Оттоманской Имперіи, для прикрытія одной изъ главныхъ дорогъ черезъ Балканы къ Царьграду. Укрѣпленія ея въ 1828 году состояли изъ главнаго вала, длиною, считая по изгибамъ, до семи верстъ, съ четырнадцатью небольшими земляными бастіонами, и одного мостоваго укрѣпленія, прикрывавшаго каменный мостъ черезъ рѣчку Варну по царьградской дорогѣ. Почти всѣ бастіоны имѣли по одиннадцати орудій, расположенныхъ по три на фасахъ, и по одному на флангахъ и въ плечныхъ углахъ. Только одинъ приморскій бастіонъ, съ съверной стороны, имѣлъ семнадцать

орудій, изъ которыхъ одиннадцать обращено было къ морю; мостовое укрѣпленіе имѣло также семнадцать орудій. Куртины, служившія для соединенія между собою бастионовъ, были длиною въ сорокъ, семьдесятъ, сто и до ста-тридцати сажень, и назначены собственно для ружейной обороны. Отъ морскаго берега, по северной и западной сторонамъ, крѣпость была обведена ровомъ, а по берегу моря и по рѣчкѣ Варны обнесена стѣною съ валомъ и бастионами. Ровъ вообще былъ глубиною въ двѣ сажени, но съ северной стороны, начиная отъ перваго (приморскаго) до третьяго бастиона, промытый стокомъ воды, образовалъ кюветъ, глубиною, вмѣстѣ со ровомъ, до шести сажень. Ширина рва была весьма не равная, уменьшаясь по мѣстности отъ трехъ до четырнадцати сажень, но къ сторонѣ промытой водою была она отъ восемнадцати до двадцати-деяти сажень. Контръ-эскарпъ былъ выложенъ тесаннымъ камнемъ весьма чисто и прочно; наружныя крутости бастионовъ и щеки амбразуръ крѣпко были одѣты плетнемъ; внутренняя крутость обложена толстыми дубовыми брусьями, а брустверъ куртинъ обставленъ безъ всякаго промежутка толстымъ, отесаннымъ дубовымъ палисадомъ. Концы палисада, превышая гребень бруствера, хорошо прикрывали стрѣлковъ. Крѣпостной валъ былъ умеренной высоты.

«Въ крѣпости, за главнымъ валомъ, ближе къ морю, находилась старинная цитадель, состоявшая изъ двѣнадцати четырехъ-угольныхъ башенъ и высокихъ каменныхъ стѣнъ съ бойницами. Въ ней находился арсеналь, составлявшій другую большую цитадель, весьма удобную для ружейной защиты.

«Укрѣпленій Варны нельзя было назвать превосходными въ европейскомъ смыслѣ, но Турки основываютъ защиту мѣстъ не на качествахъ укрѣпленій, но на

нужности своихъ. Проводя: атакуютъ; они забираютъ каждый шагъ земли отчаянно и находятъ себе оборону въ каждомъ камнѣ, въ каждомъ брѣвнѣ каменныхъ укреплений. Осада турецкихъ крепостей дѣлается особенною начинается тамъ, гдѣ Европейцы обыкновенно полагаютъ ее нестерпимою, и съ преступною храбростью мушкетера. Несправедливо однако жъ почитать Турковъ совершенными повывадами въ военномъ дѣлѣ. После перваго появленія нашихъ войскъ, они бѣжали перужими полками укрѣпленными впереди, занимая большую часть крепости; и пользуясь буграми, постройками на высотѣхъ баттарей, въ которыхъ, вместе съ крепостными бастіонами, обстрѣливали всю истинность на дѣлѣхъ разстояніе; а для лучшей обороны этихъ укреплений стали подъ защитой ихъ лагеремъ въ крепости. На высотѣхъ по дорогѣ изъ северныхъ воротъ въ Наварру, черезъ деревню Франки, на холмахъ версты отъ крепости, они укрѣпились редутомъ. Остаточная, северная сторона крепости къ морю осталась безъ какихъ либо укреплений, потому что Турки, вероятно, ожидали атаки съ западной стороны. Вокругъ него, черезъ каменную стену параллели, обнесли она и эту часть крепости контръ-апрошами и лабиринтомъ ложелевѣтъ; составляя намъ ихъ повсюду, по всей упорной истинности, покрывая ихъ грудями своихъ труповъ; а всегда носилъ атаки въ штыки.

«Основаніе Варны относится къ глубокой древности. Древніе географы помѣщаютъ въ окрестностяхъ Варны городъ Одессосъ. Въ началѣ основанія Восточной имперіи дѣлается здѣсь известнымъ городъ подъ названіемъ Діонисіополя, а потомъ Варны. Подъ именемъ Варны во времена Византийскаго Имперіи обрѣтается большое вниманіе императоровъ, какъ одной изъ главныхъ оборонительныхъ точекъ имперіи. Находится недалеко отъ

Марашитова) (развалины негостаго виады около еолонца Давно, при заливъ, или лиманъ на югъ отъ Варны), блѣннаго сборища мѣстомъ императорскихъ войскъ при отрываніи нѣмощнѣи варваровъ съ сѣвера, Варна сдѣлалась изъ безопасной выгрузки и сохраненію военныя принадлежностей, отправляемыхъ водою изъ Царьграда.

Впродолженіи почти шести вѣковъ борьбы византійскихъ императоровъ съ болгарскими царями, Варна не разъ встрѣчается въ исторіи. Турки, утвердивъ свое владычество въ Европѣ, и ослѣдивъ Булгарію, соединили Варну однимъ изъ своихъ крѣпкихъ мѣстъ защиты. Окрестности ея знамениты побѣдою, одержанною ноября десятаго 1444 года, султаномъ Амуратомъ надъ юнымъ Владиславомъ Третьимъ, королемъ поляковъ и венгровъ. Владиславъ палъ на полѣ битвы.

Наваринская битва, потребовавшая до войны 1828 года турецкій флотъ, чрезъ неслыханнаго превосходства на нѣтъ морская черноморскія сѣль, доставила намъ побѣду на Черномъ Морѣ владычества. Армія удобна могла получить продовольствіе и безъ потребности, обладая моремъ. Можно было въ портовыхъ городахъ зѣлошари устроить госпитали и разные склады. Оперативная линія была избрана по раздраженію отъ Иаманга чрезъ Варну, изъ потому, что нѣтъ основаній прѣдпій Дунай, гдѣ устроены были крѣпости и склады военныхъ снарядовъ, гдѣ и по удобству береговой дороги для движенія арміи, прѣдпочтительнѣе перѣдъ другими путями, длиннымъ чрезъ Балкану. Варна, являясь прѣдъ того извѣстнаго флотскій операционной линіи, обращала на себя главное дѣйствіе русскій арміи въ усиліи Туркозъ изъ сѣвѣной части годаго мѣста, которое своимъ складомъ прѣдуготовило въ военнаго вѣдѣннѣи мѣстѣюней ладѣннѣи.

«Варна поручена была защитѣ вѣнгра Сарвандар, Юсуфъ-паша, одного изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ султана Махмуда въ преобразованіи Оттомановъ. Помощникомъ ему былъ избранъ любимецъ султана, вѣзиръ Ицетъ-Могаммедъ, человекъ жестокосердый и одаренный сильною волею при безпредѣльной преданности къ своему государю».

Первоначальное обложеніе Варны произведено было небольшимъ отрядомъ графа Сухтелена, который пошелъ сюда изъ Базарджика, и тридцатаго іюня явился надъ Варною. До шестаго іюля, когда пришелъ въ подкрѣпленіе къ нему отрядъ генераль-маіора Ушакова, принуждены были непрерывно отражать вылазки осаждаемыхъ, сражаясь по двѣнадцати часовъ въ сутки, и потерявъ въ шесть дней до шести-сотъ-пятидесяти-оуби челоуекъ, убитыми и ранеными. Битвы продолжались и послѣ того упорно. Въ половинѣ іюля обложили Варну съ моря, флотомъ, прибывшимъ отъ Анапы. Іюля двадцать-перваго главная армія двинулась отъ Шумлы, оставя тамъ наблюдательный корпусъ, подъ начальствомъ фельдмаршала, графа Витгенштейна. Съ двадцатаго іюля, князь Меншиковъ принялъ начальство надъ осадю Варны. Августа девятаго тамъ же рана заставила его передать обязанность графу М. С. Воронцову. Въ концѣ августа сблизился къ Варнѣ гвардейскій корпусъ. Августа двадцать-седьмаго Государь Императоръ прибылъ изъ Одессы, куда отправлялся на время, и учредилъ свое местопребываніе на дорабль Парижъ.

Однимъ изъ замѣчательныхъ событій въ осадѣ Варны было прибытіе корпуса паша Омаръ-Вриено, усердное стараніе его подать пособіе осажденнымъ, и битвы съ нимъ отдельныхъ отрядовъ генерала Бистраши и принца Евгенія Виртенбергскаго, при Галии-Гассоніи, Ларъ и Куртепѣ. Мужество Русскихъ воиновъ

Офицеры Вроне. Въ бездѣйствіи видѣлъ онъ бѣдствіе Варны, стѣсненной осадю. Но Варна не сдавалась. Тщетно предлагая неприятелю пощаду, мы рѣшились наконецъ испытать приступъ. Онъ произведенъ былъ на одинъ изъ бастіоновъ крѣпости.

«Сентября двадцать-четвертаго, вечеромъ, распоряженія къ штурму бастіона были кончены. Охотники, въ числѣ 110 человекъ, вызванные изъ тринадцатаго и четырнадцатаго егерскихъ полковъ, и изъ черноморскаго флота, ожидали съ полночи въ крѣпостномъ рву сигнала къ атакѣ. Другія войска, назначенныя участвовать въ штурмъ, размыщены были въ ближайшихъ къ бастіону траншеяхъ. Охотниками командовали: егерями тринадцатаго егерскаго полка подпоручикъ Злотницкій, а четырнадцатаго полка подпоручикъ Тихменевъ. Оба они состояли подъ начальствомъ капитана тринадцатаго егерскаго полка Докудовскаго. Матросами командовалъ флота лейтенантъ Зайцевскій. Командиру первой карабинерной роты тринадцатаго егерскаго полка, штабсъ-капитану, барону Трейдену приказано ити, со ввѣренною ему ротою (сто сорокъ человекъ) за охотниками, служба имъ ближайшимъ резервомъ. Вслѣдъ за этою ротою должны были ити сто пятьдесятъ человекъ рабочихъ, съ турами и фашинами, половина пионеровъ, половина матросовъ, подъ начальствомъ подполковника Бурмейстера, а потомъ вторая гренадерская рота лейбъ-гвардіи измайловскаго полка (двѣсти двадцать человекъ), подъ командою капитана, барона Штадтбергга. Всѣ различныя части отряда, состоявшаго изъ шестисотъ-двадцати человекъ, поручены были въ распоряженіе тринадцатаго егерскаго полка подполковника Лисецкаго. Въ резервъ назначено; кромѣ занимавшихъ траншеи, рота тринадцатаго егерскаго полка лейбъ-гвардіи измайловскаго полковъ

(действительный действительный чина), и партией (батареей) лейб-гвардейской полка (действительный действительный чина), всего воевода шестьдесят человек. Резервомъ командовалъ капитанъ-адъютантъ, полковникъ, князь Дабновъ-Ростовскій.

«Передъ разсвѣтомъ обыкновенно утихала ружейная перестрѣлка. Утомленные продолжительною осадой, Турки предавались въ то время сну, и съ нашей стороны только неутомимою дѣятельностью начальниковъ сохранялась бдительность солдатъ, занимавшихъ осадныя работы. Артиллеристы обѣихъ сторонъ, и наши бомбардирскія лодки, стоявшія на якорѣ въ значительномъ разстояніи отъ крѣпости, метали враздѣмъ бомбы большаго размѣру: оглушающимъ трескомъ прерывали оное ночное безмолвіе.

«Приготовленія къ штурму производились въ величайшей тишинѣ. Охотники, среди глубокаго мрака, осторожно взосли по изрытому ядрами и минами бастиону и ждали сигнальной ракеты. Ровно въ пять часовъ утра, по прибытіи графа Воронцова въ траншею, ракета влетѣла на воздухъ и все ожило въ траншеяхъ. Батареи наши, возвысивъ орудія, открыли неумокаемый огонь. Охотники, безъ выстрѣлу, бросились на верхъ бастиона, перекололи турецкое прикрытие, встрѣтившее ихъ залпомъ и распространяя страхъ въ гарнизонъ, съ крикомъ ура, разсыпались по крѣпости. Лейтенантъ Зайцевскій разсыпалъ цѣпь по развалинамъ, и зажегъ впереди находившіяся дома, занятые Турками. Подполковникъ Бурштейнъ, вѣдущий за нимъ, вошелъ съ рабочими и заложилъ дождевикъ на перапейкѣ бастиона. Непріятель успѣлъ уже перенести его небольшимъ рвомъ, за которымъ находились шесть орудій, и кромѣ-того еще пять, нѣсколько двинутыхъ улицъ, направленныхъ также на бастионъ. Но повзвѣвшие быстро Турки не успѣли даже на оное, и

ннѣ мнѣмъ застрѣлать. Подполковникъ Вурмейстеръ повелъ лезенуть почти до половины, когда подполковникъ Лисецкій, начальствовавшій экспедиціею, была смертельно раненъ и отрядъ остался безъ главнаго начальника. Князь Лобановъ, услышавъ первое ура нашихъ солдатъ, и узнавъ притомъ о потерѣ Лисецкаго, пошелъ на баціонъ и принялъ начальство надъ всеми штурмующими войсками.

«Увлекался храбростію, охотники ни сколько не думали о томъ, слѣдуетъ ли за ними подкрѣпленіе. Горсть удалцовъ проникла до самой середины крѣпости; отважнѣйшіе тотчасъ овладѣли четырьмя мортирами, стоявшими за валомъ, но по неимѣнію гвоздей не могли заколотить ихъ; остальные рассыпались по разнымъ направленіямъ. Отрванные наступавшимъ на ихъ гарнизономъ отъ своихъ резервовъ, многіе проложили обратный путь штыками среди многочисленнаго непріятеля, вскочили черезъ валъ и амбразуры ближайшихъ баціоновъ въ крѣпостной ровъ и достигли въ маломъ числѣ нашихъ траншей. Къ нимъ присоединилась съ самаго начала штурма большая часть шестой роты четырнадцатаго егерскаго полка, при овладѣніи турецкими окошачами лишившаяся своего ротнаго командира. Оставшись безъ начальника, она бросилась по брѣви въ крѣпость на помощь товарищамъ. Изъ другихъ, первая карабинерная рота тринадцатаго полка быстро двинулась впередъ за охотниками, принимая правый флангомъ къ куртнѣ, соединявшей угловой баціонъ съ вторымъ отъ моря баціономъ, и оставившись недалеко отъ него очистивъ все пространство отъ непріятеля, отступившаго въ безпорядкѣ. Подъ прикрытіемъ роты лейбъ-гвардіи измайловскаго полка, въ роты тринадцатаго егерскаго, оставшихся въ резервѣ, производилась работа нашихъ пионеровъ. Дѣловитѣ и бойцово-рдно скоро вырыли они довольно

глубокий ровъ, отрававший бастионъ отъ штурма, и начали обставлять его турами. Нѣсколько стоекъ ракетной роты бросали конгрвовы ракеты во внутрь Варны. Одно легкое орудіе седьмой артиллерійской бригады встали по разбитой брени на валъ.

«Увлеченный до начала штурма фальшивою дѣткою полковъ могилевскаго и герцога Веллингтона со стороны лимана къ западной части крѣпости, турецкій гарнизонъ замѣтилъ свою ошибку, обратился всѣми силами противъ занятаго нами, еще съ небольшою потерю, бастиона, отгѣснилъ первую карабинерную роту тринадцатаго полка, и осыпая бастионъ пулями, опустошалъ ряды резервовъ, прикрывавшихъ работы. Въ короткое время наши роты понесли большой уронъ. Храбро сопротивлялись онѣ натиску Турковъ, нѣсколько разъ бросались въ штыки и отгѣснили неприятеля, но должны были наконецъ уступить превосходству силъ, и были отброшены къ прежде занимаемой позиціи.

«Въ подкрѣпленіе имъ послана первая рота лейбъ-гвардіи измайловскаго полка, находившаяся у приморской баттарей въ резервъ, подъ начальствомъ капитана Эссена. Она бросилась на бастионъ, подкрѣпила вторую гренадерскую роту (повесившую значительную потерю въ людяхъ, и лишившуюся всѣхъ офицеровъ и большей части унтеръ-офицеровъ) и возстановила не на долго равенство боя. Того же полка вторая рота, приведенная между-тѣмъ отъ редута № 7-го, заступила мѣсто первой роты въ резервъ. Получивъ приказаніе, она двинулась на бастионъ подъ командою штабсъ-капитана Плаутина. Занявъ начатой здѣсь ложементъ и раздѣляя подвиги двухъ первыхъ ротъ измайловскаго полка, возвратившихся въ бастионъ, она способствовала имъ отражать многократныя покушенія неприятеля овладѣть бастиономъ.

«Къ сожалѣнію, большая часть штабъ и оберъ-офицеровъ

ранъ были убиты или ранены. Подполковникъ Лисовскій смертельно раненъ; полковники лейбъ-гвардіи князь-лессинга полка Корниловъ и Титовъ, капитанъ Эссотъ и Штадальбергъ ранены еще при началѣ дѣйствія. Оставшихся старшими, штабсъ-капитанъ Плаутинъ удерживалъ около часу натискъ непріятеля, давая время рабочимъ кончить мететой или ложементъ. Но упорство не могло быть продолжительнымъ. Безпрерывно умножавшійся непріятель тѣснилъ насъ со всехъ сторонъ, и гибельнымъ ружейнымъ огнемъ распространялъ смерть въ рядахъ. Твердо стояли они, и ничто не могло заставить ихъ уступить вѣстаго или бастіона, когда и на правомъ флангѣ, бланъ линама, охотники князевскаго и лейбъ-гвардіи семесовскаго полковъ бросились на ложементы, впереди находившіеся, вытѣснили Турковъ и овладѣли ложементами. Тогда послѣдовало приказаніе отступить. Войска оставили бастіонъ, потерявъ убитыми четырехъ офицеровъ, двѣдцать семь нижнихъ чиновъ, ранеными шестнадцать офицеровъ и двѣсти сорокъ семь нижнихъ чиновъ. Непріятель, оставшійся на бреша картечью, не дернулъ преслѣдовать далѣе въ траншею, довольствуясь возвращеніемъ бастіона.

«Хотя мы и оставили бастіонъ, но цѣль нтурма была достигнута. Турки убѣдились, что стѣны крѣпости не могутъ болѣе служить имъ защитой отъ насъ, когда съ малымъ числомъ войска овладѣли мы бастіономъ, и сдѣланный два часа держались въ немъ противъ усилій всего гарнизона. Она увидѣли немощь, что отворяя продолженіе о сдѣчь, подвергнуть неминуемому бедствію себя и нѣсколько тысячъ жителей.

Сентября двадцать-ростаго сдалась Варна, доволн не дѣль по поврежденная. «Смерть Владислава отишоралъ сдалась Государь Императоръ, возмная въ крѣпость. Вотъ нѣсколько оригинальныхъ подробностей сдѣчя:

Ночью да дивизию садыбь Сентебри, акидъ уннъ-двоннъ
 была сомкнута въ одну кривость; дадо прикрытие
 порной гвардейной пехотной бригады было оставлено
 на выдвинуто изъ лагеря. Черезъ полчаса передъ бри-
 гада стояли подъ ружьемъ, и черотъ пехоты и пехоты
 уже были на походе. Но прибытия въ лагерь графа Ве-
 раницова, немедленно поставленъ караулъ, и поминъ фран-
 цузскими бивуаками. Только что начало рассветать,
 кривою полостью Турковъ выехали изъ кривости
 и поворачивая прямо въ лагерь графа Вераницова что
 были Юсуфъ-паша съ своею свитою.

«Валадъ за прибытиемъ Юсуфъ-паша получили при-
 казанье обезоружить часть вариского гарнизону, ко-
 торая должна была вконецъ прибыть въ кривость.
 Малки лейбъ-гварды выстроились въ колонны и со-
 ставили рядъ каре, изъ двухъ полковъ и двухъ бригадъ
 сербскихъ ротъ. Тогда начали толпами выдвигаться
 изъ кривости турецкия войска, состоявшая
 партией гарнизана, подъ командою полковъ лейбъ-
 гварды вусарскаго и конно-егерскаго. Когда шли ар-
 тиллерія, предвзаявъ къ нимъ, складась съ порохомъ,
 и канонера выдвигали впередъ съ бивуаками, въ тол-
 пѣ Турковъ, стоявшихъ посреди русскаго лагеря при-
 казале сдвинуться впередъ даже обратились въ бивуаки,
 паливая, что имъ будутъ стрелять. Но они уклоня-
 лись, видя, что то была только предосторожность на
 случай некоего дивизиона съ противникомъ и т. д.»

«На другой день, сентябрь двадцать девятый отъ турковъ,
 Гусъ-паша въ Ичичевъ съ своимъ войскомъ въ лагерь графа Ве-
 раницова, издвинувъ въ войска; отставивъ за со-
 бой ружьемъ и поодравилъ изъ со стороны кривости бригады.
 Приближаясь къ Туркамъ, бивуаки свои выдвинувъ
 вконецъ, и свои рядъ оторвалъ отъ турецкаго лагеря
 и кривою полостью перешелъ къ Туркамъ. Но что турки, что
 отъ турковъ выдвинувъ вконецъ, и свои рядъ оторвалъ отъ турецкаго лагеря
 и кривою полостью перешелъ къ Туркамъ. Но что турки, что

изумляли простота обращенія, приветливость съ ними и вниманіе къ нимъ.

«Вскорѣ явился Юсуфъ-паша Сересскій, съ своею свитою. Разноцвѣтныя шубы, чалмы, конскіе уборы съ кистями и погремущками, и безпорядокъ пестрой толпы, все вмѣстѣ составляло разительную противоположность съ нашими войсками. Юсуфъ-паша обѣхалъ ряды Турковъ и приказалъ имъ сложить оружіе. Горесть, изобразившаяся на лицахъ Турковъ, и даже слезы, навернувшіяся на глазахъ многихъ изъ нихъ, показывали, какъ тягостно было имъ разстаться съ своимъ драгоценнымъ оружіемъ, но они повиновались безпрекословно.

«Сложивъ оружіе, войско Юсуфъ-паши прошло мимо нашихъ войскъ, и здѣсь обнаружилось въ какой степени Турки истощили усилія для обороны крѣпости, считаемою ими шитомъ Царьграда: всѣ они были изнурены голодомъ и болѣзнями; нѣкоторые едва держались на измученныхъ лошадяхъ и мулахъ, и не походили болѣе на смѣлыхъ турецкихъ наѣзтниковъ. Красивыя и гордыя лошади, питомицы степей аравійскихъ, едва передвигали ноги. Жадно вырывали онѣ корни виноградныхъ дозъ и ѣли дубовыя жолуди. Зажѣтивъ состраданіе наше, плѣнные обращались къ намъ толпами—одни просили хлѣба, другіе воды. Мы наперерывъ старались помогать имъ, сколько позволяли наши собственныя средства. Удовлетворить всѣхъ было невозможно, почему начальники войскъ рѣшились распорядиться о выдачѣ имъ фуража и провіанту, заготовленнаго въ лагерь графа Воронцова. Надобно было длительно знать число Турковъ. Собрали старшинъ турецкихъ, называемыхъ агами, и отправили съ ними офицера и переводчика въ палатку Юсуфъ-пашы.

«Дорогачъ-агачъ, избранный султаномъ въ защитни-

ки оплота царьградскаго, при входѣ въ ставку его русскаго офицера сидѣлъ на простомъ коврѣ, длинный, безъ сабли. На немъ была одежда турецкаго регулярнаго войска: красная феска, коричневые шальвары, куртка безъ шитья; сверхъ всего накинута была лисья шуба, крытая зеленымъ бархатомъ. Его не окружала толпа раболѣпныхъ слугъ, и только два старые воина, помня прежнюю неограниченную власть Юссуфа, сидѣли въ некоторомъ отдаленіи, молча, съ поникшими головами, какъ-будто стыдясь взглянуть на своего бывшего повелителя. Труды военные, неудачи, и можетъ-быть, страхъ гнѣву султанскаго, потеря несметныхъ сокровищъ, даже самой чести, по понятіямъ объ ней Турковъ, все провело черты глубокой горести на блѣдномъ лицѣ Юссуфа-пашы. Переводчикъ объявилъ ему о причинѣ прихода русскаго офицера. Онъ всталъ и ласково спросилъ у офицера: «Въ какомъ онъ чинѣ, гдѣ служить, и что значить серебряный знакъ, надѣтый на груди его?» Потомъ спрашивалъ у переводчика: кто онъ, откуда, и за что получилъ медаль? Наконецъ вышелъ онъ изъ палатки, и переговора съ агами, объявилъ, что секретарь его сдѣлаетъ повѣрку людямъ, и о числѣ ихъ увѣдомитъ. Турковъ, вышедшихъ изъ крѣпости съ Юссуфъ-пашею, оказалось, по собственному счету ихъ, немного болѣе шести тысячъ человекъ. Все они немедленно были удовлетворены припасами и «урражемъ».

Во все время варнской осады, фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ, находился въ затруднительномъ положеніи, отражая нападенія непріятеля малыми, остававшимися у него силами, при недостаткѣ продовольствія, болѣзняхъ и гибели лошадей.

Съ паденіемъ Варны наблюденіе Шумлы было уже бесполезно. Глубокою осенью русскія войска

образно за Дунай. Государь Императоръ отправился въ Россію отъ Варны октября втораго, а прибылъ въ Петербургъ четырнадцатаго.

Отдельными дѣлами въ 1828 году, на Дунаѣ были: блокада Силистріи, наблюденіе Журжи, и битвы въ Малой Валахія. Здѣсь блистательнымъ подвигомъ явилась побѣда при Бойлешти генерала Гейсмара, сентября четырнадцатаго.

Мы не будемъ описывать отдельныхъ дѣйствій графа Паскевича въ Азіатской Турціи: они подробно известны. Съ двѣнадцати-тысячнымъ корпусомъ, потому что за охраненіемъ Грузіи болѣе отдѣлить было невозможно, русскій полководецъ, идя непроходимыми путями, угрожаемый чумою, взялъ Карсъ, Ахалкалаки, Ахалцыхъ, разбилъ сильную турецкую армію, занялъ Хертвисъ, Анхуръ, Ардаганъ, Баязетъ, Топрахъ-Калѣ, Діадинъ. «Впродолженіи двадцати-двухъ-лѣтней, боевой жизни моей,» говорилъ графъ Паскевичъ своимъ войскамъ, «много видалъ я войскъ храбрыхъ, но болѣе васъ мужественныхъ въ сраженіи, болѣе постоянныхъ въ трудахъ—не знаю.»

Войска расположились въ Европейской Турціи на зимнія квартиры. Главная квартира была въ Яссахъ. Отряды заняли Варну, Каварну, Балчикъ, Мангалию, Базарджикъ, Праводы, Девно, Гибеджи, Исакчу, Кюстенджи, Бабадагъ, Тульчу, Краіово, Браиловъ. Гвардейскій корпусъ выступилъ на зимовку въ подольскую губернію. Зимой Турки изъ корпуса Омера-Вриора, нападали на Праводы, но были отбиты. Дѣла кампаніи 1828 года заключились нападеніемъ флота на островъ Святой Анастасіи, въ декабрь мѣсяць. Громы русскіе загремяли въ трехъ-стахъ верстахъ отъ Царьграда. Лѣтомъ они слышны были уже въ девяноста верстахъ отъ султанской столицы: августа осьмнадцатаго вѣста была здѣсь Инада десантомъ съ флота.

«Тыя кончилась кампанія, начатая двадцать-пятью апрѣля, но собственно только съ перваго юня, или дѣйствительнаго переправы черезъ Дунай. Она продолжалась четыре мѣсяца. Несмотря на губительный климатъ, чуму, неоднократно являвшуюся въ разныхъ мѣстахъ, болѣзни, и всякаго рода лишения, войска наши всюду торжествовали надъ непріателемъ. Въ столь короткое время двѣ важныя крѣпости, *Брайловъ* и *Варна*, по упорномъ и долговременной осадѣ, покорились оружію нашему. Крѣпости *Исакча*, *Тулъча*, *Мачинъ*, *Гирсого*, *Кюстанджи*, *Калафатъ* не долго сопротивлялись. Съ другой стороны покорена важная крѣпость *Алашъ*, а въ Малой Азій взято шесть крѣпостей. Занято было несколько укрѣпленныхъ лагерей и замковъ; истреблена дунайская флотилія. Во всѣхъ пятнадцати крѣпостяхъ взято тысяча триста десять брудій, съ множествомъ запасовъ разнаго роду, и около трехъ-сотъ знаменъ и бунчуковъ. Въ пленъ досталось намъ болѣе тридцати тысячъ, въ томъ числѣ семнадцать пашей.»

«Турки вездѣ сражались храбро. Бой съ ними вездѣ былъ жаркій. Въ четыре мѣсяца мы потеряли убитыми осемь генераловъ, изъ чего можно заключить о кровопролитныхъ встрѣчахъ съ Оттоманами. Пусть безпристрастно сравнятъ всѣ предшествовавшія войны Россіи съ Португою, и тогда увидятъ, что полководцы 1828 года, когда въ четыре мѣсяца войска наши въ Европѣ стали твердою ногою при сѣверной побѣдѣ *Багмановъ*, а въ Малой Азій отъ береговъ *Тура* до высотъ *Арарата*, можно смело поставить въ число блистательныхъ подвиговъ, какими украсились страницы нашей военной исторіи.»

Такова истинная и безпристрастная картина 1828 года, обезображенная несправедливыми толками иностранцевъ. Здѣсь не мѣсто опровергать эти толки, и мы предоставляемъ себѣ этотъ весьма легкій трудъ

во, выходя второй и третьей редакцией труда покойнаго Лукьяновича, въ изобрести ему: какъ по-благословенно замечено 1828 года, приложеніемъ прилагаемъ 1828 года — результаты его. Тогда можно будетъ строгѣе рассмотреть вообще образъ войны съ Турціею, какъ вообще сужденіе любителей дѣла россійскаго, какъ на этотъ предметъ Петра Великаго Миссиона, Румянцева, Суворова, Багратиона, Кашовскаго, Кутузова, Витгенштейна, Дибля и Паскевича.

Мы заключимъ благодарностью почтенному господину Лукьяновичу за трудъ его, удостоившійся лестнаго вниманія Государя Императора, и согласнаго ободренія знатоковъ дѣла. Надѣмся, что авторъ «Описанія войны 1828 и 1829 годовъ,» не замедлитъ окончаніемъ своей работы. Изъ сдѣланныхъ нами выписокъ читатели видѣли образъ изложенія автора, по простотѣ и ясности достойный своего предмету. Къ сожалѣнію, предѣлы статьи нашей не позволили намъ выписать множество драгоценныхъ подробностей, описаній мѣстности, военныхъ анекдотовъ, замѣчаній, важныхъ для военнаго человека, которыми исполнено сочиненіе господина Лукьяновича. Вслѣдствіе своего особеннаго воззрѣнія, онъ начинаетъ взглядомъ вообще на театръ войны и средства обихъ воюющихъ державъ. При каждомъ замѣчательномъ мѣстѣ, изображая военную топографію его, авторъ коротко излагаетъ для соображенія прежнія, бывшія тамъ военныя дѣйствія, начиная съ похода Румянцева. Всѣ подробности подкрѣпляются оффиціальными ссылками на акты. Въ концѣ книги приложены разные любопытные дипломатическіе документы, и подробныя росписи войскъ. Къ недостаткамъ книги можно бы причесть, помѣщенное въ началѣ, но слишкомъ краткое изложеніе политическихъ и дипломатическихъ сношеній, и вообще событій, предшествовавшихъ Турецкой

Войны, но оправданіемъ автора можетъ-быть то, что онъ обращаетъ вниманіе на главный и единственный предметъ свой — самую войну. — Изданіе книги, не только обрѣтено, но даже великолично; планы битвъ и осады отдѣланы мастерски, и, кажется, на русскую языкъ мало донынѣ было столь подробно и тщательно составленныхъ картъ, какъ приложенныя при книгѣ господина Луиановича двѣ карты театра войны въ Каролинской Турин.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОШИСЬ.

=

АПРѢЛЬ, 1844.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

СВѢДСАЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ ГОСПОЖИ МУРДЮКОВОЙ ЗА ГРАНИЦЮ, ДАТЬ Л'ОТРАЩИ. *Италія. Тамбовъ, въ тип. Journal de St. Pétersbourg, 1844, въ-8., стр. 356, съ карзинками.*

«Чтобъ зъвающій читатель

Не сказалъ: какъ финифть-эль? —

Чего, Бже, сохрани! —

Знайте же, къ се фини.»

С'est fini! Конецъ всему глинному — и книгѣ — и жизни. Бѣдливый Милосерды!... Не нѣтъ: зачѣмъ же онъ — бѣдливый? Благодарствующій въ людей, онъ ставилъ честолюбивъ герцога ниже калецбуря, почиталъ первую нотѣхою — жить честно благородно; и первымъ долгомъ — смѣяться безпрерывно надъ всѣмъ — начиная съ самого себя, — кончить веселую книгу, и съ послѣднею шуткою бросилъ перо и жизнь видѣть, какъ вещь отнынѣ вырѣдь ненужная. Не смутите, праму васъ, надъ шутками: шутка — самое серьезное дѣло на этомъ свѣтѣ. Все важное, пропадетъ: одна только шутка бессмертна. Что (осталось отъ

всей этой колоссальной Древности? что изъ нея помнить теперь человѣкъ? что повторять? — нѣсколько шутокъ, вотъ и все! нѣсколько острогъ!... И половина ихъ едва-ли удачнѣе тѣхъ, которыя Мятлевъ разсыпалъ въ своихъ произведеніяхъ, особенно въ «Курдюковой», остроумной шуткѣ въ трехъ томахъ, — въ трехъ мгновеніяхъ, — въ одной улыбкѣ. Идея этой шутки чрезвычайно счастлива: рѣдко такія оригинальныя идеи рождаются въ русской словесности, которая всегда находила удобнѣйшимъ жить чужими идеями; и — что ни говорите — «Курдюкова» привнесла Русью какъ національная шутка, какъ родная, въ высшей степени своя острота. «Курдюкова» останется на Руси народнымъ твореніемъ: такъ хорошо въ этой книгѣ схвачена и выражена самая комическая черта нашей новозданной образованности. Я не обижу памяти Мятлева истертымъ, изношеннымъ, полнявшимъ титуломъ *поэта*. Кому нынче лестно называться «поэтомъ», послѣ такихъ злоупотребленій этого слова и этого званія! послѣ такихъ пошлостей, такихъ сумасбродствъ, какими въ наше время хотѣли восстановить честь поэзии и «самъ» поэта! Нѣтъ, Мятлевъ не былъ поэтомъ: онъ не сочинялъ стиховъ, — онъ импровизировалъ ихъ, — сивалел стихами, — шутилъ речами, — и такъ и должно теперь, въ наше время, — не забывая все-таки о великой отдалкѣ и презирая малѣйшее краснорѣчіе стиходѣльцевъ. Стихъ тапалъ прощается ворадочному человѣку только съ однимъ условіемъ: когда въ стихѣ столько же толку какъ въ чистой прозѣ. Чѣмъ менѣе стихъ напоминаетъ о себѣ, тѣмъ благосклоннѣе къ нему нашъ соврѣменный слушатель. Таковы отикъ Мятлева *оу* котѣлось, чтобы стихъ его носилъ на себѣ отпечатокъ нашего ворадочнаго общества, чтобы у него были хорошия манеры, чтобы онъ былъ *сонше-й-фант*, *сонше томъ йоуемъ*, какъ проза, какъ все и все, за неключеніемъ рикъ голке одной речки, которая сама по себѣ — шутка; пошлостъ плохая шутка; страшность, причуда, но это ворадочное-ворадочная пошлостъ бабка для рождающагося остроумъ и вѣрная подруга веселости. Мятлевъ изобрѣлъ *было* даже особенный родъ чтенія отикъ стиховъ, удивительно оригинальнъ, почти неподражаемъ: онъ не читалъ ихъ, не со-

классический, но надувался; онъ, просто, говорилъ свои стихи; и всегда говорилъ наизусть, беззаботно рассказывалъ въ стихахъ, баснословия стихами; вамъ казалось, будто слышите мадамъ Курдюкову въ натурѣ, будто вы сами разговариваете съ нею, находитесь въ русскомъ обществѣ, увлекаетесь его страннымиъ говоромъ. Онъ говорилъ этими стихами по цѣлымъ часамъ, и вы никогда не увиделись ни: въ такой степени представляли они вѣрный и, следовательно, весьма конусный склонъ тону, приемы, способу выражаться и понятій нашего образованнаго общества, нашего «слова». Когда Мятловъ кончилъ, вамъ хотѣлось, чтобы онъ продолжалъ. Когда вы, потомъ, читали его стихи въ памяти, рождалось невольное ощущение нашей неумелости: вы чувствовали, что эти стихи читать тяжело, что на этотъ разъ чтение—дѣло ненатуральное, что нѣтъ надо слушать, какъ слушаютъ рассказы или басню, что ринувшись тутъ шить Мятлова, или кого-нибудь, кто безъ говорилъ вамъ этими стихами, какъ говоритъ прозой мадамъ Курдюкова, какъ говоритъ другія наши дамы,—да въ чѣмъ грѣша стихи! — какъ съ мы въ раздраженіе делаемъ не-вольное принятие вслѣдствіи говоримъ нашу неумелость прозой. Пурристамъ не нравятся эти стихи французского съ тангоскимъ; но развѣ пурристы—лиди ординарны? развѣ эта стихъ не намъ норадоуный языкъ? развѣ не мы не мадамъ Курдюковъ? Не пурристамъ исправитъ обрести: если что-либо исправить его отъ стихъ, если что-либо будетъ имѣть вліяніе на преобразование у насъ музею, на исправленіе нравъ настоящему русскому языку, токъ это Мятловъ, его «Курдюкова», его безнадежная карьера нашей образованности и ее «благовоспитанной» бодитъ. Не в думамъ, не-правильной-мѣрѣ, шифъ «слово» прикладываетъ къ языку, что, въ этомъ отношеніи, вы несправедливо: какъ языкъ развѣ не всегда «слово» французского съ тангоскимъ; что эта стихъ слышится даже какъ-то «оригиналь» литературный языкъ, «развѣ ункъ Французская» отагоетъ на языкъ! Откуда у меня такіа карьера пред-чуждѣетъ? Ункъ! а языкъ историческіа предъ-чуждѣетъ «оригиналь» языкъ: какъ мы говоримъ по-русски и какъ-то Мятловъ, какъ точно говоритъ и языкъ «оригиналь»

ніе Турки не-турецки, нинѣшніе Персіане по-персидски. Вся ихъ литература—смѣсь, не только словъ, но и цѣлыхъ фразъ, у Персіанъ, персидскихъ съ арабскими, у Турковъ турецкихъ съ арабо-персидскими; и это у нихъ почитается теперь верхомъ изящества. Ни какія усилія пуритановъ не удержали этихъ языковъ отъ направленія, которое дало имъ мѣстное «хорошее общество». Подъ игомъ греческой образованности, латинскій языкъ, в общественный и литературный, представлялъ наконецъ точно такую же смѣсь, несмотря на образцы Цицерона; да и самъ Цицеронъ нѣрѣдко былъ принуждаемъ намѣнить курину, чтобы сообразоваться со вкусомъ общества и привычками своего собственного воспитанія. Въ исторіи вероубежденій, можно набрать до десяти такихъ примѣровъ, изъ числа однихъ только извѣстнѣйшихъ. Но зачѣмъ искать дальше? Вотъ англійскій языкъ: посмотрите, что, изъ числа саксонскаго языка, сдѣлало хорошее общество, для некотораго втеченія двухъ или трехъ столѣтій французскій языкъ былъ языкомъ образованности, чувства, нѣжности и моды. Правда, есть и примѣры языковъ, освободившихся отъ нанеснаго щаблю: собственно, всего-на-всѣ есть одинъ только примѣръ, именно, нѣмецкаго языка. Еще недавно какъ при Лейбницѣ, Нѣмцы писали смѣсью нѣмецкаго съ латинскимъ; теперь они изгнали ее, и два или три небыкновенные человѣка добились даже до искусства писать настоящимъ образомъ по-нѣмцки; для прочихъ это искусство еще не существуетъ; освободясь отъ латинскихъ словъ и фразъ, они остаются еще подъ гнетомъ латинскаго порядка. Но почему удалось нѣмецкому языку вслѣдъ за-верхъ изъ омута ново-вавилонскаго смѣшенія? Единственно потому что латынь была любимымъ языкомъ однихъ только геллертеровъ, простою модою литературнаго свѣта: хорошее общество чуждалось этой мертвой смѣси; женщины никогда не принимали ея; и хорошее общество, въ предводительствѣ царя своихъ, женщины, одержавъ побѣду. Шиллера и Гёте поддержали единственно женщины, языкомъ которыхъ заговорили они, и энтузіазмъ профессоровъ заставилъ самыхъ преданныхъ латини профессоровъ молчать и замолчать. Следовательно, и это

даже единственный примѣръ освобожденія порабощеннаго языка служить, собственно, подтвержденіемъ общаго закона о конечномъ порабощеніи языковъ вкусомъ и образомъ воспитанія хорошаго общества и о безсиліи оппозиціи со стороны пуристовъ, грамматиковъ, даже образцовыхъ писателей. Миновать ли русскому языку подобной участи? Едва-ли! Если Франція удержитъ за собою еще два столѣтія нынѣшнее вліяніе свое на нашу образованность, на наши нравы и привычки, два послѣдствія, одинаково вѣроятныя, предстоятъ нашей литературѣ: или языкомъ ея слѣдается языкъ мадамъ Курдюковой, или она въѣкъ не произведетъ ничего истинно примѣчательнаго, оставаясь литературою второстепенною, едва замѣчаемою обществомъ и какъ-бы терпимою только изъ приличія. Мадамъ *de* Курдюковъ разсуждаетъ:

«Виновато... воспитанье
Де мадам! Вотъ начертанье:
 Накзустъ *л'истуаръ романъ,*
 Твердо, *жюскъ константъ,*
 Всей Европы географія,
 По-французски ортографія,
 Крошечка *аритметикъ,*
 Рисованья да... *юзикъ!*
 Съ этимъ барышня Тамбова,
 Хотъ къ вѣнцу, совѣтъ готова:
 А ужъ больше не проси!
 Особливо про *Руси!*...»

Виновато воспитанье женщинъ, спору нѣтъ: но есть ли возможность перемѣнить эту систему воспитанія? Не думаю. Двѣнадцатый годъ не потрясъ его основаній: оно, кажется, навсегда утвердилось на *Руси*.

Третья часть «Сенсаціи госпожи Курдюковой», безспорно, лучшая изъ всѣхъ трехъ: но она вышла уже послѣ см ерти автора, и оттого не совѣтъ чужда неисправностей, ко торыя вниманіе его удалило бы непремѣнно. Остроумные рисунки Тима придаютъ оригинальному разсказу особенную занимательность. Пойдемъ съ нашею путешественницей въ знаменитую трибуну Флорентинской Галлерей: :

«Вотъ дошли мы до Трибуны.
 Ла Трибуна?... ке се ке се?
 Я подумала. И всё
 Диксьонеры разобрала.
 По-напрасну! Не сыскала.
 Должно быть, сета юнъ мидель,
 Юнъ часовня, гдѣ намзель
 И дитя пустать споконно
 Мошно; все—благочестно,
 Все—величье, все—детаить.
 Говорить такъ ле бѣль смить:
 Благочестное собрание,
 Такъ святое и навацье!
 Съ этой мыслью я вхожу,
 Наумилась, и—гляжу!—
 Голая стоитъ Венера,
 А при ней два Гладьтѣра,
 Тоже каждый безъ штановъ,
 Безъ рубашки, и таковъ...
 Ну—какъ мать на свѣтъ родила!
 Я бы дочку не пустила.
 Не пустила бь и жену,
 Мужъ была бы,—антре ну —
 Просто такъ, изъ опасенья....
 Я боялась бы сравненья!
 Видь не всякой скорь Лантискъ
 Мужъ скроешь: иной старикъ,
 Косолапъ; другой—горбатый;
 Тотъ—толстякъ, а тотъ—косматый....
 Но покуда онъ одинъ, —
 Кунидовъ амъ—госнодичъ!
 Взялъ жену, я шеголаеть!
 Про другихъ жена не знаетъ;
 Отъ суируга безъ ума:
 На безлюдн и Бома
 Двораникъ! Тутъ Авлачаникъ—
 Шиникъ—Русскія—дворяники!—
 Только слыпшишь: «Акъ! ле сѣра!
 «Какъ хорошъ Гладьтѣра!
 «То ли мой Егоръ Матвѣичъ?
 «Или твой Степанъ Андренчъ? —
 «И въ полметки не пойдуть!

«*Se sans des'urody!*» И тутъ —
 Брачную терають вѣру!..
 Мужъ, покудова, Венеру
 Разбираеть: «*Кемъ жему!*
 Чтò за груди!...» А какъ жему
 Дома вечеромъ увидить,
 Сталъ равнять, — и изобидать!
 Почему же — ла *Трибуна*
 Назвали? По мнѣ, сем-юмъ
 Западнѣ!... для брачныхъ узевъ!..
 Вѣрно выдумка Французова,
Седюктёрость, куръ самѣ
 Добрыхъ жемъ *фиделитѣ!*
 «Двѣ безстыдницы Ваиоры
 Де Тицьянъ, ужъ слыше мѣры
 Обнаженныя, висятъ
 На стѣнѣ, и щецътъ взглядъ
 Отъ соблазна обороны,
 И находятъ... двѣ мадоны
 Рафаэля! Всѣ черты
 Дивной неба красоты!
 Такъ мадонны, благодатны!
 Ниъ какъ-будто напоютъ
 Свѣта козни, зло, разарать
 Обѣ такъ вотъ и гадать,
 Будто-бы зовуть отъ собора
 Въ небеса; и, чистъ душою,
 Взглянетъ только кто на ниль —
 Пылъ страстей затихнетъ змѣтъ!»

Доказательство того, что Мятлевъ, при всемъ пристрастии къ самой легкой и пересмѣшливо-шутливой формѣ, одаренъ былъ истинно поэтическою душою и сильно чувствовалъ прекрасное, служатъ эти свободные, добровольные, мгновенные переходы его отъ потѣхи, карикатуры, шутки, къ трогательному и возвышенному. Какъ много описываетъ онъ *уносите* мечты!

«*Me sans mereste*
 Фридриховскѣя невестъ.
 Такъ, по-мнѣ, бывають явней
 Тора, кнѣ, на зарѣ домашней.

Видя море, небеса,
 Горы, водопадъ, лѣса,
 Въ часъ волшебный пробужденья
 Богу гимнъ всего творенья
 Въ нихъ читаетъ, и душой
 Повторяетъ гимнъ святой,
 Отъ земнаго отдѣляясь,
 Свѣтлой вѣрой озаряясь.
 И летя въ надзвѣздный міръ,
 Гдѣ — души его кумиръ.
 Такъ бываетъ пьянъ влюбленный
 Тотъ, кто думъ откровенной,
 Всѣмъ надеждамъ, что питалъ,
 Въ первый разъ свободу далъ,
 Въ первый разъ изрекъ признанье,
 И находить.... состраданье.....
 Всѣмъ мечтавъ души отвѣтъ.....
 Такъ бываетъ пьянъ поэтъ,
 Увлекался вдохновеньемъ,
 Проникая съ дерзновеньемъ
 Будущихъ временъ туманъ.
 Такъ Христофъ Колумбъ былъ пьянъ,
 Новый Свѣтъ искать пустившись,
 И мечты своей добившись.....
 ..... *Нуркуа*
 Ниче пьяницы такъ глухи?
 Посмотрите-ка на грушны,
 Что при кабакахъ, у насъ:
 У нихъ подбитый глазъ,
 Тотъ кричитъ какъ уторбый,
 Тотъ реветъ, а тотъ, несмѣлый,
 Пробирается.... одинъ
 Отратительныя сены!
 А всей этой черемъны,
 Между нами, кто *фотифъ*?
 Вѣкъ нашъ!.... Слишкомъ *поэтифъ*!

Грустные предчувствія находилъ на чувствительную и благородную душу Мятлева впродолженіи этой третьей части столь удачно начатой и такъ хорошо выдержанной шутки. Мысль о смерти пришла ему вдругъ среди Рима, при воспоминаніи о колоссальномъ талантѣ Карла Брюллова

и о десятилетъ-давно предпринятой имъ картинѣ «Осада Пскова».

«Напримѣръ, нашъ Карлъ Брюлловъ!
Здѣсь учился: и какой!
Молодецъ! Его «Успенье»,
Что за чудное творенье!
Что за жизнь, за колоритъ!
Въ композицѣи кель меритъ!
А «Послѣдній день Помпеи»?....
Я не знаю эпопеи,
Чтобъ могла сравниться съ ней
Жаромъ, смѣлостью идей.
Ожидаемъ отъ Брюллова
Мы еще «Осады Пскова».
Ахъ! се мы воспоемъ,
Если только доживемъ!.....»

Если доживемъ!... Съ тѣмъ поръ какъ онъ вспомнилъ о картинѣ «Осада Пскова», такъ похожей на вѣчность, шутка часто стала ускользать отъ него, черныя мысли, мрачныя предчувствія нерѣдко прогоняли веселость, воображеніемъ начала овладѣвать дума, которая къ грусти—

Нѣ-хотя располагаетъ,
И душа воспоминаетъ
Мрачную, святую даль,
Гдѣ не скорби, не печаль,
Не болѣзнь, не ожиданья,
Не тѣбѣ безъ окончанья,
Послѣ скуки жизни сей,
Ожидаютъ насъ, людей.....
И помыслишь объ отвѣтѣ —
Нѣ-хотя! На бѣломъ свѣтѣ
Страсти ослѣпляютъ насъ,
Но ихъ нѣтъ въ тотъ грозный часъ,
Гдѣ предстанешь предъ Судьбою
Съ обнаженной душою.....
Ме лессонъ лез'юдѣ пудра!»

Съ мыслью о бесконечной картинѣ, вѣчности, смерти, естественно являлась Мятлеву и мысль о безсмертіи.

«Никому въ томъ нужды нѣтъ,
Да всё хочется въ потомство!»

И сверхътоже. Съ тѣмъ же оригинальнымъ дарованіемъ можно смѣло мечтать о потомствѣ. Мятлевъ не утратилъ въ Руси, какъ глубоко цуристы ни заровьтъ его въ забвеніе: онъ, шутя, вонзилъ остріе своего пера въ самое живое мясо нашей образованности, и ни какое разсужденіе не вырветъ его оттуда. Шутка вышла въ ея неизлечимую рану, и мы ввѣкъ будемъ носить ее съ собою. Она — наша народная, какъ и самая рана.

КОММЕРАЖИ. *Posaцено à ses dames. СП.-буръ, въ тѣл. Ольгина, 1844, въ-12. Съ картинками.*

Одна изъ тѣхъ забавныхъ шалостей, какія десятками импровизировалъ авторъ «Курдюковой». Многія изъ нихъ даже не записаны, и остались только въ памяти друзей Мятлева. «Коммеражки» надобно читать вмѣстѣ съ картинками Тина. Выглянувъ на живописное олицетвореніе саратовскаго эконома, читатель тотчасъ вспоминаетъ, какъ это—

Изъ глуши, изъ Саратова
Пріѣхалъ эконоиъ,
Рублики, девосятаи
Карманъ набитъ биткомъ —
Аллегри, балы, томболи,
Рубини, Блазъ и Листъ.....
Другія наши прихоти.....
Карманъ и пусть и чистъ!
И не на что отправиться
Теперь ему домой!
И даже шубы не на что
Кушитъ себѣ зимой!
Овъ, вѣрно, обанкрутится!
Какъ жить онъ будетъ такъ?
Въ казну зацодряженнаго
Не выставитъ никакъ!»

Коммеражки перебираютъ все, отъ вѣтушныхъ гребешковъ до послѣдней безхвостой кометы. Магнетизеры, естественно, занимаютъ свое законное мѣсто въ коммеражкахъ. Считъ три картинку. Коммеражки, утѣраютъ, буре

• Пришла годовая горюха
Для нашихъ дѣтенышъ!

Животный магнетизмъ полъ ихъ
 Подкапываетъ розъ.
 Ну, стоишь деревенскую
 Лишь бабу усыпить,
 Она сейчасъ пропишетъ вамъ,
 Чѣмъ мазаться, что пить!
 И столько ядѣвъ ужь фокусишь
 Набываешь магнетизмъ,
 Что дамъ всё восторженно:
 Ужасный фалатизмъ!
 Одна изъ нихъ коблится,
 Та испускаетъ стонъ,
 А эта поэтически
 Описываетъ сонъ.....
 Приѣхалъ тожъ изъ-за моря
 Французъ магнетизёръ.
 Какія штуки строитъ онъ:
 Знаешь что — профессоръ!
 Горбатыхъ, носолыжекъ, лишь
 Онъ за ночь подурнвалъ:
 Всѣ ноги вдругъ спрямилась,
 И горбъ — какъ не бывалъ!
 Какая-то есть палочка,
 И есть стаканъ воды,
 И палочку макаетъ онъ
 Все кончикомъ туды.
 А тамъ онъ ей по воздуху
 Вокругъ себя вѣдетъ,
 И какъ начнетъ рассказывать —
 Компания вся заснетъ!

Коммеражки не рассказываютъ, что это за вода и что за палочка, но лукавый обѣщокъ, котораго портретъ вытѣзаетъ на концѣ книжки изъ чернильницы, держа подъ-мышкою злой карандашъ, не оставилъ дѣла безъ надлежащаго объясненія. Однимъ словомъ, рѣдко являютя у насъ такія милыя вещицы какъ «Сенсацин госпожи Курдюковой» и «Коммеражки, посвященныя à ces dames».

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ КАБИНЕТА *Д. С. С. А....е.*
СП.-бургъ. въ тип. Сычова, 1844, въ-8., XIX и 115.

Что такое — Кабинетъ *Д. С. С. А.....е*? Не знаю. Что значитъ кабинетныя буквы *Д. С. С. А.....е*? Не знаю.

Съ какою цѣлью издано это *фантастическое* твореніе? Не знаю, не могу сказать. Какъ понять фантазію, которая сама себя не понимаетъ! На страницѣ XIX таинственныя буквы превращаются въ собственное имя, съ чиномъ и съ фамилією, и у нихъ является «небольшое имѣніе, въ рыбинскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Шекснѣ, изъ береговъ коей вылегаютъ крылатые червячки, вносятся тучею надъ водою, падаютъ на воду, гдѣ хватаютъ ихъ стерляди и становятся такъ желты какъ янтарь». Въ другомъ мѣстѣ фантастическій кабинетъ прикидывается существованностью, и говоритъ, что онъ здѣсь, въ Петербургѣ, въ домѣ «съ прекраснымъ садомъ, цвѣтниками, бесѣдками, прудикомъ и чистымъ воздухомъ»: любителей просятъ пріѣзжать, «не болѣе какъ по два вмѣстѣ, не ранѣе десяти часовъ утра, не позже семи вечера». «Фантастическое Описаніе» рассказываетъ удивительныя вещи о кабинетѣ *Д. С. С. Д.....а*. Тутъ, говоритъ оно, «есть кресло на оленьихъ рогахъ, соединенныхъ черепомъ оленя, и недавно подарили ему «еще рога, олени же, изъ которыхъ сдѣлалъ онъ столикъ». «Имѣя такъ много роговъ оленьихъ», прибавляетъ Фантастическое Описаніе, «не имѣю уже болѣе мѣста, гдѣ бы можно было помѣстить какою либо другою рода рога, и потому предупреждаю любителей доставлять рога въ другое мѣсто, туда, идя для проулокъ найдется больше закоулокъ. Есть у меня стеклянка воды, взятой Гаджесо Петромъ Лука, 1761 года, декабря 10 дня, въ рѣкѣ Юрданѣ, и подаренной мнѣ, въ Германштадтѣ, внукомъ «сказаннаго странника. Есть образъ греческаго письма на рыбѣ камбалѣ. Есть разноцвѣтный большой кирпичъ, «взятый, саратовской губерніи, въ городѣ Царевѣ. Есть три кирпича, кои въ древности Римляне устлали поклаи свои. Есть подобіе руки, которую многіе принимаютъ «за младенческую, и недостаетъ только ногтей, и это мнѣ «даръ природы, которая видитъ, что не могу платить болышой суммы художникамъ земнымъ, за ихъ искусственную работу, а нынѣ, саратовской губерніи, царевскаго уѣзда, въ селѣ Пришибѣ, родилась дѣвочка съ тридцатью «двумя пальцами, а минувшаго 1843 года, января 28, у «кшишевскаго мѣщанина родился сынъ съ тремя ногами,

снѣзъ которыхъ на одной семь пальцевъ; *сетъ у меня голова, только не ослѣпала, и я желала бы, чтобы вяткомъ ссередьлики, какого зѣвря эта голова*. Все это — фантастическое описаніе: былиль или вымысль — кто узнаеть? Должно быть — былиль!... потому что если человѣку стать камишнцать, выдумывать, то онъ, для печати, всегда выдумаетъ что-нибудь по-умнѣе. Должно быть — былиль!... И вотъ доказательство, въ прозѣ и въ стихахъ: «Есть у меня хрустальная египетская пирамида, на которой изображенъ Наполеонъ, что и подало мнѣ мысль надить въ пирамиду краснаго вина съ водою, и написать надъ нею:

«Смирися предъ Богомъ, отъ Бога вознесенъ,
И съ высоты низналъ при немъ Наполеонъ,
Облишій Египетъ весь кровію несчастныхъ,
При пирамидахъ жившихъ, и дождь себѣ подвластныхъ.
Творецъ на высотѣ тѣхъ только оставляетъ,
Не зло кто, а добро подвластнымъ доставляетъ.»

Кромѣ былиль, такихъ стиховъ никто сочинить не въ состояніи. «Когда-то», кстати прибавляетъ Описаніе, «купилъ я русскій набивной платокъ, съ изображеніемъ Наполеона, въ мундирѣ и короткой шубкѣ, и помѣстидъ его «близъ печки, для того чтобы угадывали мои къ нему «чувствованія: подражалъ ли я въ томъ нашимъ простодушнымъ, которые зимою, увидя вошедшаго къ нимъ въ домъ любимаго человѣка, прежде всего обращаютъ къ нему слово: родимый, сядь къ печкѣ, погрѣйся, али на «внать, что и намъ бывало отъ него жарко, какъ возлѣ «горичей печн.»

Эти прибаеки кетани — однѣ изъ самыхъ драгоценныхъ рѣдкостей *кабинета Д. С. С. Д.....ва*, въ которомъ рѣдкостямъ счету нѣтъ. По случаю роговъ «Фантастическое описаніе» прибавляетъ: «Не помню кто сказалъ, будто мужщина въ пятьдесятъ лѣтъ, посѣдѣлый, не въ состояніи «представить въ воображеніи своемъ *рогатаю козла съ прекрасною бародою*, да не оттого ли это, что этихъ лѣтъ «саожи не о козлахъ думаютъ, а занимаются важнѣйшими «дѣлами, а нынѣ мнѣ случилось видѣть, что иней конкрылъ «голову пятнадцати-лѣтняго мальчика. Молодые люди «любятъ поосѣваться надъ старыми мужьями, имѣющими

смелыхъ жонъ съ приятною наружностью. Конечно, они это знаютъ, что молодыя жены для удовольствія мужа принимаютъ иногда на себя обязанность эволюции *мари-кроссей*, такъ, что мужъ, сила онакойно, подстрѣливаетъ «этихъ глупостей, не умѣющихъ понимать, что ихъ эволюция только подъ выстрѣлъ правоученія», и прости. По поводу лютной мысли, что въ «Фантастическомъ описаніи» кажется, *оглинило манеръ мнѣ*, прибавляя истить доказываетъ высокую нравственность русской азбуки и развратъ французской. «Я училъ французскую азбуку,» говоритъ она: «искалъ въ ней правоученія, а въ французской, но не нашелъ его. Съ первыхъ четырехъ буквъ, а, б, с, d, нахожу, что въ переводѣ на русскій языкъ значить—«аббатъ едлаелъ»(abé edéi) худое наученіе!... а дальше говорится что-то о любви: L, M, она любима, (el est, celle aime): а, кажется, при ученіи азбуки говорить о любви, особенно двушкѣ, рано и опасно!» Впрочемъ «Фантастическое описаніе» не совсѣмъ довольно и чисто-нравственной русскою азбукою; особенно не любитъ оно буквы ъ, съ которою никакъ сладить не можетъ. «Нчему», говоритъ оно, «обременять память человѣческую, когда можно замѣнить букву Ъ буквою Е, которую легко претворить въ русскій глаголъ есть, и въ малороссійскій е, и спрягать по-русски: «Я буду ѣсть вкусно», а по-малороссійски: «Е у меня вареники»; а нѣтъ буквы Ъ ничего не спряжешь, даже и спряженияновъ. *Писавши о чело-вѣкѣ*, если вмѣсто Ъ, поставлю Е, но если этотъ чело-вѣкъ съ благородными чувствами, то останется *душо-человѣ-кскимъ*, а не *систо-человѣкомъ*, а съ противными свойствами *ското-человѣкомъ*. Если», прибавляетъ «Фантастическое описаніе», и всема кетети, «если ошибаюсь а въ «равенство» знавалъ произнаній, то о нихъ думаю; но съ прозвоненіи жизни нашей столько отрицается *сочекъ* и *занятыхъ*, что уже на бумагѣ объ нихъ и не думать: внимательный читатель и бавъ моего *замечанія* обудетъ знать гдѣ *привѣтаниваться*, гдѣ *удовольствіа*: пѣть и *скакой* на *вопросивемую* нужне *сдѣлать отвѣтъ*. *Писавши* свою *жизнь бумага*, не слыкалъ а о *корректорѣ*, и думалъ *книга* это то же *контрактурѣ*; *покупавшихъ*, *забавля-*

«еще съ своею Оливье, но когда пріятель мой растолковалъ, что каррикатура не каррикатура, рѣшился не жечь, а не считать». Есть же на свѣтѣ такія фантазіи!.. та есть, тамъ она!... потому что это — «шля уха, изъ собственной мажорной рыбы», говоритъ авторъ; «уха, приправленная учеными рецептами, а также в мундосемляхъ, и едали пошехонскіе узнаете вкусъ въ ней, надѣюсь, замѣтите, что она, скарричотомляясь была представленною въ свѣтѣ, наполненнѣйшими добрыми и злыми, умными и глупыми, благопріятельными и насмѣшливыми (изъ которыхъ Французъ Боало говорилъ, что есалъ, на всѣхъ насъ смотря, воскликнуть могъ... а что? спросите у Буала, а объ насъ Русскихъ говорятъ: «О Россій бодрастившій народъ!»), приняла совсѣмъ не тѣ свойства, какія имѣеть уха. И вотъ я перенесъ для уха многое, переступалъ даже правило не унижаться передъ людьми, просилъ знатныхъ и ученыхъ, теперь прошу васъ, *madame* (это значитъ какую-то *первую модницу нынѣшнихъ временъ*), представьте ее, гдѣ принимать будутъ. Я испыталъ даже тягосты послѣдствій: ожидать и не дожидаться, лежать на постель и не спать; какъ другіе сочинители, восходилъ на патдесятъ три ступени, съ спосодъ тягостноа нго отказу, кормился завтраками, производящими несвареніе желудка, и потому, опуская ея куху, въ опвѣнный путь, далъ ей, ухѣ, наставленіе не заслужить, чтобъ сказали объ ней, ухѣ: *что, вы, о поздніе потомки, помыслите о нашихъ днлхъ*; не открывала бы она, уха, закона всемірнаго тяготѣнія, ни кого бы она, уха, не босшонда настоятельными просьбами, и не стала *идеальна*; она, уха, по-сарбможамъ, поминла, что *тамъ идеальна* она, уха, названіе «фантастическаго оирицида», а не подражаніе Рыбло и Стерну, а собственная своя *абрициция*, и названа единственно потому, что я до какой-то днлв и довольно читалъ, но фантастическаго оирицида кабинета не случалось читать. Можетъ-быть, въ своей, въ ухѣ, имѣетъ логикъ, но не объ ней первой скажутъ, а что логикъ терпѣть не можетъ. Если не соблюденъ днлв, уха, приняла драматикъ, причины объяснены. По всему этому, не длачего ей, ухѣ, становиться по-сарабможамъ, а гдѣ дорогого среднѣю, не унижаться, не ча

«завиваться, учтивостью снискивать расположение людей съ здравьннмъ смысломъ, доброю душою, чистотою образованностью, коимъ ее и предлагаю, а чтобъ она не робѣла «смилось, для нихъ написана въ концѣ книги, а она еще «не закалилась въ бѣдахъ, и надъ нею—Охо-ко-хо!—бѣды «еще не струсилось, и растянуть ее, уху, на дубовую сла- «лейку не длаемо».

Въ концѣ книги зомлимъ отнусаюся ннснодумящее:

«Конецъ мученьямъ матери, раждающей дитя,
Конецъ и человѣку, коль смерть къ нему придетъ,
Но совѣсти мученью когда тѣхъ не бываетъ,
Отъ злобы кто людей невннныхъ огорчасть,
А также и стыду не мнеть быть конца,
Явннхъ кто всѣхъ людей для остраго слова.
Я помня то, старался благопрнстойность сохранять,
Невнннымъ чтобъ и тѣмъ къ сомнѣнью не подать,
Безъ страху оцсанью я дѣлаю конецъ,
Который, какъ извѣстно, всѣмъ дѣйствнямъ вѣнецъ!»

Литература!

БЕРНАРДЪ МОНРАТЬ, или *Перевоспитанный дикарь*. Сочиненіе Жоржъ-Сандъ (Госпожи Дюдеванъ). Переводъ съ французскаго. Сп.-бургъ, въ тип. Воробьева 1841, въ-8. Часть вторая, стр. 116.

Грязная тетрадка, которая валялась три года гдѣ-то въ типографіи и явилась теперь въ свѣтъ въ честь благополучному вскрытію небы.

ДАМСКІЙ АЛЬБОМЪ, составленный изъ отборныхъ страницъ русской поэзіи. Заимствовано у Державина, Водкина, Хемницера, Дмитріева, Жуковскаго, Озерова, Винокурова, Крылова, Лобанова, Панаева, Измайлова, Хмельницкаго, князя Вяземскаго, Глинки, Давыдова, Пушкина, Вратынскаго, Плетнева, Веневитинова, Туманскаго, Грибендова, Козлова, барона Дельвига, Языкова, Подолскаго, Шесырева, Хомякова, Теплякова, Вельтмана, Оленинина, Полежасева, Кукольника, Ободовскаго, Соколовскаго, Голубовой, Бенедиктова, графини Растропчинной, Ершова, Гребенки, Кольцова, Лермонтова, Майкова, Красова, Огарева, и другихъ извѣстныхъ поэтовъ. Съ портретомъ Лермонтова

ва, и *одеинадцатью оригинальными рисунками Е. Ковригина*. Сп.-бургъ, въ тип. Военно-учебныхъ заведеній, 1844, въ-16, стр. 184.

Она *podrida* русской поэзіи, составленная набѣгомъ на стихотворное царство, риемованное государство. Безъ выбору, безъ вкусу, безъ разсужденія, какъ въ настоящемъ набѣгѣ, захвачено арканомъ все что ни попало подъ руку и притянуто на базаръ спекуляціи на чужой умъ. Рисунки господина Ковригина совершенно *оригинальны*, такъ же какъ и портретъ Лермонтова.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЗАЙЦА. Сочиненіе Е. Гребенки. Сп.-бургъ, въ тип. Праца, 1844, въ-12., стр. 114, съ картинками

Сочиненіе.... Сочинять, по-русски, кажется, значитъ собственно — *подражать?*.... Мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, такъ кажется. Когда чихнуть въ Парижъ, въ Петербургъ и Москвѣ тотчасъ отвѣчаютъ: Здравствуйте! Это и называется — *сочинять*; напримѣръ: животныя стали «списывать самихъ себя», и у насъ животныя принимаются за кисть для изображенія своихъ персонъ. Но наши животныя, принадлежать къ другой школѣ, именно, къ школѣ изобрѣтенной у насъ *гомерической поэзіи*, къ школѣ *высокаго лирическаго смѣху*. Наши остроумные зайцы, принявъсь *сочинять* свои записки, съ первой страницы уже украшаютъ ихъ совершенно достойнымъ *Иліады и Одиссеи* эпиграфомъ: «*Очень любопытно имлть дойную корову и получать отъ нея молоко. — Да-съ, всѣ животныя очень любопытны.*» Корова, какъ вы знаете, составляетъ фундаментъ *гомеризма* и *лирическаго смѣху*. Затѣмъ поэма начинается *Цетромъ Ивановичемъ и блохами*, первую остротю всякой *гомерической поэтичности*. Потомъ *зайцъ* влюбляется въ *кошку* и знакомится съ *поросенкомъ*, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ новыхъ *Иліадъ*. Поросенокъ и его родители, особенно когда они чешутся — высшая степень *лирическаго смѣху*: здѣсь — источникъ всей поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ этой повѣсти, *поросенокъ*, для *высокаго душевнаго наслажденія читателей*, сперва *чешется о шроту*

армыи столбикъ, и тогда уже отражается въ муромскіе лѣса, посадивъ на спину себя сверчка, гдѣ встрѣчатъ журавлей, быковъ, всякихъ разныхъ скотовъ. Вся это походить на что-то, — можетъ-быть на остроуміе? — а можетъ и на скуку? — въ иносказаніяхъ не легко разберешь эти вещи, равно какъ и цѣль зайцевъ или, по-прежнему, правоученіе. Однако жъ цѣль кака-то есть. Уже на самой оберткѣ сидитъ сверчокъ, котораго скребуть ребенкомъ. Должно быть что-то такое, очень остроумное, но, сказать вамъ чисто по-гомеровски — *чортъ же его знаетъ что такое!* Толку не прикинешь! Ужасно глубоко! Авторъ обѣщаетъ записки многихъ другихъ русскихъ животныхъ, готовыхъ съ своей стороны такъ же удачно подражать французскимъ.

молодикъ на 1844 годъ. Украинскій литературный сборникъ, издаваемый И. Бедкимъ, въ пользу Харьковскаго Дѣтскаго Приюта. Сп.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1844, въ-8., стр. 250, съ картинками.

Издатель «Молодика» принялъ на себя трудъ тяжелый — издавать альманахъ въ наше время; и еще — альманахъ въ нѣсколькихъ томахъ. Но чего не совершить охота къ дѣлу и усердіе къ доброй цѣли? Прежде всего должно похвалить цѣль изданія: съ новаго года оно выходитъ въ пользу Харьковскаго Дѣтскаго Приюта. Для этого благотворительнаго назначенія, издатель «Молодика», при исполненіи, не шадитъ ни трудовъ ни издержекъ. Изъ Харькова перенесъ онъ печатанье альманаха въ Петербургъ, выхлопоталъ кучу прозы и стиховъ у здѣшнихъ и московскихъ издателей и, съ прибавкою украинскихъ запасовъ, составилъ большой, красивый томъ, съ прекрасными рисунками, съ историческими разсужденіями, со всѣми принадлежностями альманаха.

Изъ живительнымъ каплямъ этого тома «Молодика» можно отнести «Тучу», Бенедиктова, «Отплывающій пароходъ», графиня Растропчиной, «Разсчетъ», Губера, нѣсколько стиховъ Ф. Н. Глинка, переводы, изъ Барбіе и Векстера Гюго, С. Ф. Дурова. Есть также болѣе или менѣе поэтическіе остатки портретовъ Пушкина и Лермонтова.

есть нескончаемыя духовныя драмы и поэмы Соколовскаго; есть много интереснаго въ осьмидесяти стихотвореніяхъ «Молодика». Прочтемъ сцены стихотвореніе графини Растопчиной, «Отдѣвляющій паролдъ».

«Къ дальнему берегу древней, мудрой Германіи, моремъ,
Славнымъ войной и торговлей въ исторіи міра, и страшному
Повѣстью бурь, знаменитыхъ въ преданьяхъ старинныхъ и по-
выхъ,

Завтра, пріяда по волнамъ спокойнымъ, безъ помощи вѣтру,
Собственной тайною силой киша и стремяся, пойдешь ты,
Стройная диво-громада, вымыслъ и честь предъ вѣками
Нашего вѣку, пойдешь ты, мѣрно и быстро шагая,
Шагомъ гиганта, не зная препоны, ни усталы, развѣ
Въ пѣдрахъ твоихъ невидимо вспыхнетъ врагъ лютой — пожаръ,
И междоусобною бранью огонь на огонь устремится....
Но, Боже, спаси и помилуй отъ бѣдствія рѣдкаго путя твоего!
Ахъ! безъ того, отцывая, ты много сердець возволнуетъ
Грустной, тревожной заботой! Отъ несконченныхъ береговъ гордели-
выхъ

Много умчишь ты скитальцовъ, и много разлучишь любящихъ,
Кони въ вѣки, быть можетъ, не свидѣтся вновь на землѣ.
Кто за здоровьемъ отравленъ, кто по дѣламъ увлеченъ —
Всѣ они завтра на палубу ступать, просясь
Съ сѣверной нашей столицей, но—всѣ ли вернутся назадъ!»

«Туча», Бенедиктова, какъ всѣ чудныя фантазіи этого поэта, великолѣпна, горда, прекрасна, прелепа, выхвачена у природы, брошена на бумагу въ изліціи безпорядкѣ безъ намѣренія:

«Темна и громадна, грозна и могуча,
По небу несется широкая туча.
Взгляните, какъ вѣтеръ ей кудри клубитъ,
Ее перои дѣлаетъ, и — полный усилья,
Принявъ ея тяжесть на мягкія крылья,
Ее по пространству могучему мчитъ!
Ничто не смущаетъ высокаго хода:
Кругомъ безпредѣльный восторгъ и свобода,
Картина вселенной предъ нею полна,
Предъ нею открыты зѣнрыя бездны,
И рать херувимовъ, и полчища звѣзды,
И что же? взгляните на тучу: черна,

Сурова, угрюма, съ нахмуреннымъ ликомъ,
 На мѣрѣ она смотритъ въ молчаніи ликомъ,
 И душно, и грустно ей въ небѣ родномъ,
 И видъ ей, гнѣвный, исполненъ угрозы,
 Въ синицовыхъ глазахъ ея закинуты слезы,
 Межъ ребрами пламя, подъ мышцами громъ —
 Страдальца-поэта удѣлъ ей назначенъ!
 Высокъ ея путь, свободенъ, и враченъ;
 До срочнаго мига все тихо кругомъ —
 Но вотъ — встрепенулись дозрѣвшія силы,
 Брадами просѣклись огнистыя жилы,
 И въ крупныхъ аккордахъ разсыпался громъ.
 И послѣ минувшей утихнувшей бури
 Живѣе сіянье бездонной лазури,
 Свѣжѣе дубравы зеленая тѣнь,
 Душистѣй дыханье и розъ, и жасминовъ,
 И радуго гордо съ плеча перекинувъ,
 Нагнулся на западъ ликующій день.
 А туча, мзривувъ и громы, и пламя,
 Уходитъ въ лоскуткахъ, какъ ветхое знамя,
 Какъ эти святые хоругви войны,
 Избитыя въ схваткѣ послѣдняго боя,
 Какъ жалкое рубище мужа-героя,
 Изгнанника свѣтлой, родной стороны.
 И вотъ, остальнымъ разрѣшался ударомъ,
 Недземлетей туча рѣдѣющимъ народомъ,
 Пресрачна, чуть зрима для слабыхъ очей,
 И къ небу прильнувъ золотистымъ туманомъ,
 Она исчезаетъ въ отливѣ багряномъ,
 При матовомъ свѣтѣ закатныхъ лучей.

Въ «Разсчетѣ» Э. И. Губера, заключаются важное достоинство, не всегда дающееся стихамъ: есть мысль, — грустная, прискорбная, — но поэтически вѣрная. «Поэтически», разумѣется, не значить — «математически».

• Когда развертываю я
 Печальный свитокъ жизни блѣдой,
 Итогъ пустаго бытія,
 И безполезный, и безвредный,
 И мимо памяти моея
 Прейдетъ обычной чередою,

Печальный ряд печальных дней,
 Съ его томительной тшетою,
 Тогда рождается во мнѣ
 Вопросъ обиднаго сомнѣнья:
 Уже ль въ одномъ безцвѣтномъ снѣ
 Мой вѣкъ прошелъ безъ назначеня?
 Или, окованъ суетой,
 Я цѣли тайной не замѣтилъ,
 И ни единою чертой
 Духовной жизни не отмѣтилъ?
 И мнѣ благая часть дана,
 Но я надъ нею тернъ посѣялъ,
 И животворнаго зерна
 Не возрастилъ, не возлелѣялъ.
 Я своевольно надержалъ
 Мои божественныя силы,
 И нынѣ мертвый капиталъ
 Несу къ дверямъ моей могилы.
 У этой пропасти безъ дна
 Со страхомъ жизнь мою объемлю:
 Я ни единого зерна
 Не положилъ въ родную землю!
 Ничѣмъ я жизни не вознесъ,
 Ничѣмъ я жизни не украсилъ;
 Я дни мои отъ горькихъ слезъ,
 Отъ мыслей лѣнь обезопасилъ.
 Но ежели, какъ влчій сонъ,
 Мой вѣкъ и суетенъ, и мраченъ,
 Зачѣмъ, по-крайней-мѣрѣ, онъ
 Грѣхомъ могучимъ не означенъ!
 Зачѣмъ не внесъ онъ новыхъ данъ
 Въ глухую повѣсть человѣка —
 И двинулъ бы благой обманъ
 Пружины дремлющаго вѣка!
 Но, ибѣтъ! И дикъ, и теменъ онъ,
 Всѣхъ влахновеній и силы —
 Огласообразный, влчій сонъ,
 Могила жизни до могилы.

Стихъ переводовъ С. О. Дурова, имя котораго встрѣ-
 чается въ печати едва-ли не въ первый разъ, звучитъ,
 гласитъ, отчетливо. Стихотворенія на страницахъ 35—40

напоминают даже классическую отсылку, которая теперь — въ безсрочномъ отпуску у поэтовъ.

Не столько поэтичность стиха, какъ по случайному стеченію грустныхъ обстоятельствъ, нельзя не замѣтить *эпиграфъ*, написанной бѣднымъ Корсаковымъ. Онъ то же не дожидъ до окончанія «Осады Пскова»! Сколькихъ талантовъ лишилась русская словесность втеченіи семи лѣтъ! Боги уходятъ, говаривалъ Цезарь. Ищѣ въ послѣдней книжкѣ восхищались мы «Нидерландскою Антологіею» Корсакова. Вотъ и его уже не стало! Онъ писалъ эту эпиграфю, грустя о смерти милаго и убитого мблодаго человека, и не воображалъ, что на него самого уже вѣтъ холодъ могилы.

«Любимецъ ближнихъ и друзей,
Съ собой для всѣхъ восмвщій радость,
Прекрасный, какъ мечта, привѣтливый, какъ младость,
Ты звукомъ ангельскимъ пронесся надъ землею!
Но звуку младаго плавнтельная сладость,
Торясь въ дальнихъ небесахъ,
Все отзывается, по памяти, въ сердцахъ.»

Харьковскіе поэты достигли въ «Молодежь» цѣлую оуру украинской поэзіи, около пятидесяти пьесъ. Въ благодатной Украинѣ поэзия и стихи ни по чемъ: этииъ товаромъ такъ мало дорожатъ тамъ, что, кромѣ двухъ или трехъ, ни одинъ изъ поэтовъ не сказывалъ даже своего имени и, какъ члены Аркадской Академіи, все прачутя за поэтическіе псевдонимы, *Соловей Будимеровичъ*, *Фата-Моргана*, *Щербина*, или за разныя таинственныя буквы. Поютъ они какъ птички аркадскія; воспѣваютъ они чумацкія могилы, хандру, музыку, весну, судьбу, море, утопленницу, память сердца, ноготки, яворъ, все что попадетя на шахотной и на степной землѣ. Счастливые люди! Съ ними становиться боложе, рязвѣе, живѣе, и чуть-чуть не поешь самъ—

«Пойте, птички, во саду,
Разгуляться къ вамъ иду!
Пойте, птички, поити вслухъ,
Да радуетя мой духъ!»

Искусный на малороссійскомъ діалектѣ въ «Молодикѣ» только — два. За эту скудость народной новизн читатель щедро вознагражденъ новою исторіей Малороссіи. Есть за пятьдесятъ до нашего времени сочинилъ ее ивкій Титъ Ливій Запорожской Сѣчи, въ осьмидесяти четырехъ главахъ, и, написавъ на трехъ стахъ семидесяти семи страницахъ, передалъ на храненіе потомству. Рукопись донынѣ остается рукописью, «по неивнѣио способоу, до благопріятнѣйшаго случая, чтобъ снискать сему труду «покровительство и помощь любителя своей родины.» Судя по отрывку, можно желать сему труду рукописнаго покою еще на пятьдесятъ лѣтъ.

Русская проза «Молодика» украсилась прелестнымъ эпизодомъ Вальтера Скотта малороссійскаго, отрывкомъ новаго (разумѣется, историческаго) романа, пана Кузьмича. Герой Запорожской Сѣчи, Запеканка, котораго *«не взялъ камѣ»*, какъ говоритъ онъ о себѣ, рассказываетъ, какъ испугалъ и разбилъ онъ Татарѣ. Выдумка была чудная: выкопали могилу, положили въ нее какого-то дурака, и прикрыли могилу сверху. Приѣхали Татары, стали воровать. Дуракъ зажегъ кусокъ тарту, и выставилъ нѣтъ могилы. Татары испугались, закричали: *Шайтанъ, шайтанъ!* и ударились бѣжать; кавали за ними, и отбѣжали поганнѣио порядкомъ. Все это разсказано съ гомерическою ивнѣиошностью и прибавками въ родѣ слѣдующихъ: «Да, ужъ дозвольте, *дядьку, еще по царю...* Горпня торилка да и перецъ въ ней — *не взялъ ея камѣ!* — такъ и жметъ во рту! Еще *требн и зюлку зашпунуть* — у мене *тютюнецъ таки на-порядкахъ!*» Прелесть. Чистый Вальтеръ Скоттъ. Но это собственно для сыновъ Украйны. А на нашу долю «Молодикъ» даритъ *Самомотверженныхъ*, статью въ родѣ «Нашихъ» А. П. Башуцкаго, и хорошнѣио разсказъ госпожи Жуковой, «Миссіонеры».

Картинки «Молодикѣ» прекрасны. Мы говоримъ не о портретѣ Бальзака, приложенномъ въ началѣ книги, но о изображеніяхъ Малороссіянки-старухи съ дѣвучкой, и дѣвчннн съ мальчюкомъ. Онѣ парированы съ натуры кнннннн С. А. Голицыною, и неподажасмо милы. Автографка Удична. Крою того, приложено *кннннн портретѣ*

Петра Великого, пожалованнаго духовнику его, Тимофею Надаржинскому, и копія портрета Надаржинскаго: подлинникъ находится у наследниковъ.

Поправка. Только-что сказано, что къ началу «Молоди-ка» приложенъ *портретъ Бальзака*. Или у насъ рыбить въ глазахъ или это—мистификація, лирическаго смѣху ради. Всмотрѣвшись пристальнѣе, мы открыли внизу надпись: Гоголь. Право, не знаешь, чему вѣрить! Можетъ-статься, это и — портретъ знаменитаго автора «Мертвыхъ душъ»? Но, судя по живописнымъ эффектамъ картины, сходство съ Бальзакомъ — удивительное. Даже волосы острижены à la jeune France. Даже эспаньола и усы какъ у Бальзака. Даже посадка бальзаковская. Даже, кресла à la Renaissance! Нѣтъ ли тутъ ошибки?... Или, нѣтъ ли намѣренія?...

МОСКВА И МОСКВИЧИ. *Записки Богдана Ильича Бѣльскаго, издаваемые М. Н. Загоскинымъ Выходъ второй. Москва, въ тип. Степанова, 1844, въ-12., стр. 462.*

Если бы мы рѣшились когда-нибудь писать *высокимъ* слогомъ, но непременно начали бы извѣстіе о новой книгѣ М. Н. Загоскина сравненіемъ русской публики съ странникомъ, блуждающимъ въ палимыхъ зноемъ пустыняхъ арабійскихъ, выписали бы потомъ изъ Бюффона описаніе Верблюда, или Гемпльтона картину арабійской пустыни и.... Для чего же сдѣлали бы мы все это? Для того, чтобы угодить русскимъ читателямъ жаждущему страннику, а книгу М. Н. Загоскина каплѣ росы, которая прохлаждаетъ жажду его; но высокой слогъ или, если угодно, шутки—въ сторону, а въ самомъ дѣлѣ, арабійская пустыня удивительно похожа на русскую литературу, какъ господинъ Гоголь на москѣ Бальзака: странникъ — русскій читатель, зной палицій—охота читать, хорошая книга—капли росы, рѣдко, очень рѣдко прохлаждающія странника.

Вторая часть или, по названію автора, *второй выходъ* «Москвы и Москвичей», еще живѣе и разнообразнѣе перваго. Шесть рассказовъ, и пять небольшихъ статей; и въ каждомъ и въ каждой умно и ловко подхвачены, какая-нибудь рѣзкая черта эвизіоміа матушки-Москвы, какой-нибудь ея

особенный отпечатокъ; а известно, что въ Москвѣ все такъ особенно, что этого достанетъ десятка на три томовъ, не только томиковъ. Словоохотный Богданъ Ильчъ на этотъ разъ начинаетъ Петровскимъ Паркомъ и Воксаломъ, куда проѣхалъ онъ изъ Марьиной Рощи; потомъ рассказываетъ, какъ старушка матушка-Москва любитъ слухи. «Въ числѣ русскихъ старинныхъ повѣрьевъ,» говоритъ Богданъ Ильчъ, «есть одно весьма странное: нашъ простой народъ увѣренъ, что когда льютъ необыкновенной величины колоколъ, и хотятъ, чтобы работа шла успѣшно, то непременно пускаютъ въ ходъ какую-нибудь ложь, и стараются распространить ее въ народѣ. Если повѣрье справедливо, врядъ-ли гдѣ-нибудь льютъ такъ много колоколовъ, какъ въ нашей матушкѣ-Москвѣ бѣлокаменной. Говорятъ, что въ древнія времена аѳинскіе жители славились не столько своею любовью къ изящнымъ искусствамъ и философіи, какъ своею постоянною страстью, или лучше, сказать жадностью ко всѣмъ новостямъ, ложнымъ, или справедливымъ, о томъ они не заботились. Главное дѣло состояло въ томъ, чтобы услышать самому или пересказать другимъ что-нибудь новенькое. Мы, Москвичи, въ этомъ случаѣ очень походимъ на Аѳинянь. Разница только въ томъ, что они мѣнялись своими новостями на городской площади, а мы развозимъ ихъ изъ дому въ домъ. Самыя свѣжія извѣстія о производствахъ и наградахъ играютъ въ новостяхъ московскихъ главную роль. Сколько на моемъ вѣку было пережаловано въ генералы людей, которые и до-сихъ-поръ еще полковники! Сколько статскихъ совѣтниковъ пронаведенныхъ въ действительные статскіе умерли высокородными! Едва-ли она небѣ есть столько звѣздъ, сколько раздано ихъ Москвою чиновникамъ, изъ которыхъ вѣроятно, многіе и теперь еще ничего не носятъ по мундиру! Иной годъ городская молва очень щедра у насъ на чины, другой на ленты, а иногда съ необыкновеннымъ усердіемъ раздастъ графскія достоинства. Вслѣдъ за официальными новостями занимаютъ первое мѣсто новости о необыкновенныхъ случаяхъ, и къ разряду ихъ принадлежатъ неожиданныя свадьбы, похищенія, самоубійства, и затѣйливыя воров-

«ства, гдѣ воръ играетъ обыкновенно самую интересную роль, и отличнымъ образомъ проводитъ полицію. Въ Москвѣ также нрѣдко умирають внезапною смертію люди, которые въ день своихъ похоронъ, то есть, на третій день послѣ смерти, преспокойно играютъ въ вистъ или танцуютъ на какомъ-нибудь балѣ, иногда появляется около Москвы невиданный и неслыханный звѣрь, который таскаетъ изъ стада быковъ, и глотааетъ людей цѣликомъ, какъ мухъ. Разумѣется, на повѣрку выходить, что этотъ допотопный звѣрь — просто волкъ; котораго въ послѣдствіи какой-нибудь мужикъ убьетъ дубинкою, но многіе тому не вѣрятъ и шопотомъ толкуютъ между собою, что звѣрь долженъ быть упущенный изъ клѣтки тигръ или, по-крайней-мѣрѣ, необычайной величины гиена. Вообще новости самыя интересныя, и болѣе другихъ возбуждающія всеобщее участіе, бывають, трагическаго, и даже мелодраматическаго содержанія.»

Одну изъ такихъ «новостей» рассказываетъ Богданъ Ильичъ самымъ забавнымъ образомъ. Молва разошлась по Москвѣ, будто одного богача съели собаки. Подробности сплетней выведены очень мило и шуточно. Далѣе Богданъ Ильичъ описываетъ, съ приличною предмету важностью, знаменитый Московскій Англійскій Клубъ, литературный вечеръ, похождения извозчика, и, наконецъ, кощунскія сцены при рожденіи сына у Алексея Алексѣевича Пелажкова: читатели Библиотеки для Чтенія помнятъ ихъ. Въ «Смѣсѣ», или мелкихъ статьяхъ, находится остроумное сравненіе брата съ сестрою, гдѣ превосходно схвачены характеристики Москвы и Петербурга. «Дешевые товары», которые въ Обширъ Понедѣльникъ покупаетъ Москва подъ именемъ остатковъ, извѣстіе о вновь введенномъ въ Москвѣ магазинѣ русскихъ издѣлій, извѣстіе о первыхъ представленіяхъ театральныхъ, все—это любопытныя очерки московской вѣстности. Книга заключается забавнымъ споромъ двухъ пріятелей. Степанъ Степановичъ любитъ играть въ карты, а Андрей Ивановичъ любитъ читать книги. Что лучше? Тутъ введены мнѣнія Богдана Ильича о современной французской литературѣ и «Парижскихъ тайнахъ», которыхъ Богданъ Ильичъ, или Степанъ Степановичъ, или оба

знанствъ; но жалуютъ. Словомъ, новый выходъ «Москвы и Москвитинъ» такъ хороше, такъ добродушно умне, такъ безспорно правдивъ, что на послѣдней страницѣ становится досадно — считать она послѣдняя. Выходите, Михайло Николаевичъ, по-сворѣе третьимъ выходомъ: за матеріалами, кажется, у васъ дѣло не станетъ?

АНТОЛОГІЯ ИЗЪ ЖАНЪ-ПОЛЯ РИХТЕРА. *СП.-бургъ, въ мѣс. Жернаковъ, 1844, въ-8., стр. 177, съ портретомъ.*

«Да будетъ достойно оцѣненъ Русскими великій писатель почти неизвѣстный въ Россіи, по-крайней-мѣрѣ, въ русскомъ печатномъ мірѣ! Эти писанки золота, собранныя въ свѣтомъ рудникѣ, блѣдная тѣнь, недостойная великаго подлинника, можетъ-быть, возбуждать у насъ желаніе изучить подробности великаго генія Германіи, философа, натуралиста; живописца нравовъ. Пусть читатели, насыщенные французскими романами, утолятъ, возбужденную или жажду, въ новомъ изданіи, живомъ источникѣ!»

Обо сказано-то высоко и, можетъ-быть, очень умно, да невозможно не по логикѣ. Самъ переводчикъ говоритъ далѣе, что «пока не перечтете вы (то есть, пока не перечтаете, а вы совсѣмъ лишніи) всѣхъ произведеній Жанъ-Поля, вы не составите себѣ объ немъ понятія.» Неужели переводчикъ перечиталъ ихъ? Если—да, то можно поздравить его. Но если нельзя составить себѣ понятія о Жанъ-Полѣ, не перечитавъ всѣхъ его твореній, такъ къ чему же служить «Антологія», состоящая изъ нѣсколькихъ отрывковъ романовъ этого писателя: а между-тѣмъ эта антологія издается съ цѣлью—да будетъ оцѣненъ Русскими великій писатель! Авторъ антологіи того мнѣнія, что «жажду, возбужденную французскими романами, можно утолить въ сочиненіи Жанъ-Поля». Мы, по случаю романовъ господина Времеръ, обмѣлились изъяснить то же мнѣніе на-оборотъ: для русскихъ читателей, привыкшихъ къ новѣйшимъ французскимъ романамъ, въ романахъ Жанъ-Поля читать надо; и въ ничто для скринки. Прошу теперь согласить насъ съ авторомъ антологіи!

Для того чтобы «великій писатель былъ достойно оцененъ Русскими», авторъ антологіи выбираетъ изъ пятидесяти томовъ его твореній слѣдующія и слѣдующія подобныя красоты и истины—должно пѣлать, самыя красивыя и самыя истинныя изъ всѣхъ, тамъ выказывающихся:

«Дружба молодыхъ дѣвушекъ часто состоитъ лишь въ томъ что онѣ жерять другъ друга за руки, или носятъ *однакъ* (одинаковыя) влаты.

Юноша падаетъ на колѣни передъ любимой женщиной, чтобъ побдить ее, какъ пѣхота перелъ кавалерію.

Впродолженіи медоваго мѣсяца жена для своего мужа есть еще незабудка, но позже она получаетъ тѣ названія, которыя дають этому милому цвѣтку въ различныхъ странахъ, какъ, напримѣръ: мышиное ушко, лягушачій глазъ, скорпионова трава и проч.

Любовь, какъ семиксъ. Радостно смотритъ на тебѣ незнакомецъ, и его прекрасный образъ тебѣ улыбается. Но ты не понимаешь его, такъ онъ подымаетъ лапы.

«Все, что прекрасно—тихо. Такъ, лучшіе народы самыя ширмы. Тяжелая работа убиваетъ бѣдныхъ дѣтей и бѣдныхъ народовъ.»

Совершенно такъ. Кому желательно еще нѣсколько такихъ *пещинокъ золота*, и еще нѣсколько такихъ *стакановъ* изъ *чистой, жваго источника*, тотъ долженъ обратиться прямо въ кладовыя «Антологіи изъ Жанъ-Поля Рихтера», для утоленія своей «жажды» къ «злату» нѣмецкихъ романовъ.

РАЗСМОТРѢНІЕ ГОСПОДСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ ВЪ СПРЯЖЕНІЯХЪ РУССКИХЪ ГЛАГОЛОВЪ, и *Опытъ* какимъ образомъ можно бы упростить этотъ предметъ. Разсужденіе студента *врачебныхъ наукъ* при Императорскомъ Дерптскомъ Университетѣ, Карла Яухци, удостоенное философскимъ факультетомъ серебряной медаліи. Дерптъ, въ тѣмъ Г. Локманна, 1844, стр. VIII и 83.

Уже тѣмъ самымъ что доказываетъ особенное вниманіе, обращаемое нынче на изученіе русскаго языка въ дерптскомъ университетѣ, книга господина Яухци пріятное явленіе въ русской литературѣ. Но она кромѣ-того заслуживаетъ вниманія за справедливыя замѣчанія объ русскихъ спряженіяхъ, хотя вопросъ объ нихъ не рѣшенъ господномъ Яухци. Онъ слѣдовалъ системѣ господина Давгелъ

нельзя, изложенной, нѣсколько лѣтъ тому, въ одномъ изъ русскихъ журналовъ; но все это еще система, а не истина. Неужели русскимъ спряженіямъ долго еще суждено быть камнемъ преткновенія, о который разбиваются всѣ ладьи русскихъ грамматиковъ? Кажется, что эти спряженія ждутъ своего Колумба, которому не надобно ѣздить за тайною въ Америку, но просто поставить яйцо на тарелкѣ. Какъ бы то ни было, трудъ господина Лухци замѣчательнъ, и по своему ученому достоинству выходитъ изъ ряду студентскихъ диссертацій, тѣмъ болѣе, что сочинитель, медикъ *ex officio*, занимается предметомъ мимоходомъ, по особенной охотѣ. Русскій языкъ не составляетъ для него главнаго занятія, и онъ предлагаетъ опытъ свой со всею скромностью ученаго человѣка, какъ опытъ, а не какъ окончательное рѣшеніе спорнаго дѣла.

ОСНОВАНІЕ ВСЕОБЩЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, и происхожденіе русскаго языка. А. О. Готтесъ. СП.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1844, въ-8., стр. VIII и 197.

Эта книга совсѣмъ не походитъ на книгу господина Лухци. Тамъ съ недоувѣрчивостью ученаго изслѣдователя говорятъ о пустякахъ, о русскихъ глаголахъ. Здѣсь авторъ смѣло, безъ сомнѣній, безъ оглядокъ, рассказываетъ разныя великія открытія, которыя сдѣлалъ онъ самъ во всеобщей Грамматикѣ. Открытія господина Готтеса довольно важны. Первое, онъ отыскалъ, что первоначальный языкъ человѣческій былъ *греческій*, и отсюда произошелъ *словянскій*, такъ, что по языку мы приходимся теперь внуки Адаму. Все это авторъ доказываетъ множествомъ подобозвучныхъ словъ въ греческомъ и русскомъ языкахъ, словъ явныхъ и тайныхъ. Явные, на примѣръ, *бадья*, *бальзамъ*, *стидна*, и прочія; тайныя, въ которыхъ звуки перестановлены, какъ-то, греческія: *аросъ*, *колосъ*, *елко*, наши *барышъ*, *щеголь*, *влеку*. Есть множество русскихъ словъ, которыя извѣстны автору, но неизвѣстны намъ, какъ то *Ампронъ*, *ахаръ*, *баробошить*, *гурить*, *элеферить*, *милотрѣсъ* (мельникъ, работникъ на мельницѣ, въ переносномъ смыслѣ, болтунъ), *хлюя*. — Все это явно слова *греческія*! Даже *чертъ*, или какъ авторъ пишетъ, *чертъ*—природный Грекъ,

потому что пронесло отъ иерусъ, полосу на небѣ, дѣтская звезда. Второе великое открытіе автора, впрочемъ не новое, что въ русской, греческой и еврейской азбукахъ скрытъ правоучительный смыслъ. Такъ например: *еден, едголь, добро, есть, жснаете, зь.до, зь.да, роотавдъ* ютъ поучительную аподегму: «*Видать платоламу добре есть, а жснаете звы замль преданы*». Все это, конечно, чрезвычайно заглавно; но то вовсе не забавно, что авторъ называетъ себя «камнемъ квадратнымъ, набраннымъ, съ который кто станетъ вѣрвать, не постыдится, а кто «на повѣритъ ему, для тѣхъ онъ будетъ камень преткновенія и соблазна, о который расшибутся всѣ повѣрующіе словамъ его».

ОБЪЯСНЕНІЯ НА ПЕРВУЮ И ТРЕТЬЮ САТИРУ ГОРАЦІЕВУ, ПИСАННЫЯ ДЛЯ ГИМНАЗІЙ П. ТИХОНОВИЧЕМЪ, СТАРШИМЪ УЧИТЕЛЕМЪ. Харьковъ, въ тип. Унверситета, 1843, в-8., стр. 212.

Учебная книга, для спеціальнаго употребленія, составленная по хорошимъ источникамъ классической критики; весьма полезное пособіе при изученіи латинскаго языка.

КНИГА ДЛЯ ПЕРЕВОДОВЪ СЪ РУССКАГО НА НѢМЕЦКІЙ, ФРАНЦУЗСКІЙ И АНГЛІЙСКІЙ ЯЗЫКИ. С П.-бургъ, въ тип. А. Видманей Торголанъ, 1844, в-8., стр. XX и 466.

ДѢЛНО СОСТАВЛЕННЫЙ СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ И ПРОЗАИЧЕСКИХЪ ОТРЫВКОВЪ, ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ УЧЕНИКОВЪ ПЕТРОПАВЛОВСКАГО НѢМЕЦКАГО УЧИЛИЩА.

УЧЕБНИКЪ РУССКАГО ЧИСТОПИСАНІЯ, СОСТАВЛЕННЫЙ А. А. С П.-бургъ, въ тип. Ш. О. К. Визуранней Страсинъ, 1844, в-4., стр. IX и 46 и 20 таблица.

Нашъ вѣкъ—вѣкъ переворотовъ. Мы не любимъ дополнять, исправлять, передѣлывать старое. По-нашему, старое все прочь, и на его мѣсто давай все новое. Среди такого нарыву къ радикальнымъ реформамъ, могло ли уцѣлѣть старинное искусство каллиграфіи? Оно и не уцѣлѣло. Столѣтія проходили, а мы писали азы; явился Карстеръ, и всѣ азы

полетѣли вверхъ ногами; каллиграфія перестала ограничиваться форштрѣтами, но начала заниматья новою теорією искусства писать красиво, по которой всякому легко сдѣлаться *краснописцемъ* и *барзописцемъ*, какъ называли каллиграфовъ въстарину, то есть, научиться писать красиво и скоро. Французъ Госсе, помнится, дѣтъ десять тому, привѣзжалъ въ Россію и называя себя профессоромъ каллиграфіи, брался выучивать красивому письму въ десять уроковъ, за сто рублей; и въ самомъ дѣлѣ выучивалъ, по методѣ Карстера. Что жъ это за метода, и какъ по ней учиться? Дѣлающіе узнаютъ изъ вновь вышедшаго *Учебника* всю тайну краснописанія, и въ-добавокъ прочитаютъ еще преученное введеніе, гдѣ исторически изложено писанье у всѣхъ народовъ, начиная съ египетскихъ іероглифовъ.

О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ ВЪ ДУХѢ ХРИСТИАНСКАГО ВЛАГОЧЕСТИЯ. *Москва, въ тип. Семена, 1844, въ-8., стр. XII и 398.*

Мысль автора справедлива: основаніе воспитанія — религія; но гдѣ же и когда не считалась и не считается она основаніемъ педагогикѣ? Практическое приложеніе и подробности дѣла не обращаютъ на себя вниманія почтеннаго автора, а въ нихъ-то и главное. Если не всё, то большая часть замѣчаній автора полезны, но какъ соединить его теорію съ практикою?... Принимая съ признательностію софеты автора книги «О воспитаніи дѣтей», каждый отецъ, каждая мать могутъ представить ему возраженія на всякой страницѣ, и, кажется, онъ затруднится отвѣтомъ не въ одномъ мѣстѣ. Впрочемъ, доброе намѣреніе извиняетъ исполненіе.

1. БЕСѢДЫ О МНИМОМЪ СТАРООБРЯДСТВѢ. *СП.-бургъ, въ тип. П. Академіи Наука, 1844, стр. 11 и 452.*

2. ИСТИНА СВЯТОЙ СОЛОВЕЦКОЙ ОБИТЕЛИ ПРОТИВЪ НЕПРАВДЫ ЧЕЛОБИТНОЙ, НАЗЫВАЕМОЙ СОЛОВЕЦКОЙ, О ВѢРЬ. *Святой Соловецкой Обители приношеніе. СП.-бургъ, въ тип. 4. Византійск. Торговли, 1844, въ-8., стр. XI и 278.*

Во всё время существованія въ Россіи духовныя ревизоры

ли, духомъ кротости и силою слова обращавшіе отпадшихъ чадъ православной вѣры, извѣстныхъ подъ именемъ раскольниковъ, старовѣровъ и старообрядцевъ. Изданныя теперь «Бесѣды» составляютъ слова и рѣчи, говоренныя однимъ изъ краснорѣчивыхъ духовныхъ іерарховъ Россіи, въ бытность его въ олонецкой епархіи, гдѣ, какъ извѣстно, скрывается много раскольниковъ, и гдѣ существовали некогда знаменитые монастыри ихъ. Многіе изъ старовѣровъ убѣдились словами его въ истинѣ ученія православной церкви, и приобщились къ ней. Нельзя не удивляться, читая «Бесѣды» эти, какія ничтожныя причины, превратныя толкованія, явные обманы, удерживали многихъ раскольниковъ отъ сознанія. Книга о такъ называемой, *Соловецкой челобитной*, кромѣ поучительной цѣли, представляетъ еще интересъ историческій: это — важный актъ въ исторіи нашихъ раскольниковъ. Известно, что послѣ исправленія книгъ церковныхъ при патриархѣ Никонѣ, Соловецкая Обитель, увлекаемая превратными толками, сдѣлалась главнымъ пристанищемъ старообрядцевъ. Тщетно старались кротостью образумить ихъ. Старовѣры взбунтовались, отреклись отъ повиновенія власти, заперлись въ монастырѣ, и девять лѣтъ выдерживали осаду отъ царскаго войска. До начатія осады изложили они всѣ причины своего несогласія въ челобитной, посланной къ царю Алексѣю Михайловичу, въ 1688 году. Смерть и гибель отступниковъ подробно были потомъ описаны старообрядцами, въ книгѣ подъ именемъ «Исторія объ отцѣхъ и страдальцахъ соловецкихъ, иже въ настоящая времена за благочестіе и святыя церковныя законы и преданія великодушно пострадаша.» Исторію эту составилъ раскольникъ Денисовъ, одинъ изъ главныхъ учредителей расколическихъ скитовъ на рѣкѣ Выгѣ и въ поморьѣ Бѣлаго Моря. Исторія Денисова, дополненная другими, и Челобитная соловецкихъ возмутителей составляли священныя книги для старовѣровъ, были ими напечатаны, и распространились во множествѣ списковъ. Почтенный духовный іерархъ, которому обязаны мы «Бесѣдами о мнѣніи старообрядствѣ», посѣтивъ Соловецкую Обитель, рѣшился обратить орудіе раскольниковъ противъ нихъ (са-

михъ. Онъ предлагаетъ теперь Соловецкую Челобитную вполнѣ, опровергая историческими и богословскими доводами каждый пунктъ ея. доказывая невѣжество и ложь составителей челобитной, несправедливо безславящей своимъ названіемъ Соловецкую Обитель, гдѣ издревле подвизались благочестивые соборники православія, игуменствовалъ Святой Филиппъ, умеръ Авраамій Палицынъ. Хищные волки издревле овладѣли святымъ приютомъ вѣры, но онъ вскорѣ былъ очищенъ по царской волѣ, когда убѣжденья слова явились бессильными. Весьма любопытны, приложенныя въ концѣ книги извѣстія о книгахъ старообрядцевъ, и подробная опись 1378 книгъ, рукописныхъ и печатныхъ, хранящихся въ соловецкой библіотекѣ и относящихся ко временамъ до исправленія Книгъ при Никонѣ. Онѣ служатъ доказательствомъ, что споръ объ измѣненіи будто бы Никономъ смыслу Книгъ церковныхъ, былъ явною клеветою, изобрѣтенною коварствомъ и поддержанною невѣжествомъ.

1. О ПЕРЕВОДѢ МАНАССІИНОЙ ЛѢТОПИСИ НА СЛОВЕНСКИЙ ЯЗЫКЪ, по двумъ спискамъ, ватиканскому и Патриаршей Библіотеки, съ очеркомъ исторіи Болгаръ. Москва, въ тип. Семена, 1842, въ-4., стр. 183, со снимкомъ.

2. ОПИСАНІЕ ВОЙНЫ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА ПРОТИВЪ ВОЛГАРЪ И ГРЕКОВЪ ВЪ 967—971 ГОДАХЪ. Сочиненіе А. Черткова, вице-президента Московскаго Общества Исторіи и Древностей, корреспондента, и прочая. Москва, въ тип. Семена, 1843, въ-4., стр. 283, со снимками, планомъ и картинами.

Давно извѣстна была славянолюбивымъ археографамъ рукопись славянскаго перевода лѣтописи Манассія. Какъ историческій документъ, онъ не имѣетъ ни какого достоинства. Константинъ Манассія жилъ въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка, былъ плохой византійскій пѣнта, изъ сочиненій его дошли до насъ отрывки поэмы о любви Арстандра и Каллисеен, и краткая лѣтопись, или Синописисъ, въ вельпыихъ «политическихъ» стихахъ. Но важно то, что Синописисъ Манассія былъ переведенъ для болгарскаго царя, въ половинѣ четырнадцатаго вѣка, и составляетъ памятникъ сла-

византской письменности. Донынѣ известна была одна копія переводу, хранящаяся въ Ватиканской Библіотекѣ. Господи́нъ Чертковъ отыскалъ другой списокъ, въ московской Патриаршей Библіотекѣ; тщательно сличилъ оба списка; выписалъ всѣ извѣстія о болгарской исторіи, прибавилъ, сърочно, переводчикомъ или переписчикомъ, изъяснительныя къ нимъ, и составилъ изъ нихъ обстоятельную исторію **Будгаровъ**.

Другой трудъ его касается исторіи походовъ Святослава въ Бугарію. Хорошо сведены здѣсь описанія греческихъ историковъ, повѣствованіе Несторова, рассказы Лео и Карамзина.

Новато вообще найдется въ трудъ этого роду весьма немного, но надо отдать справедливость археографической добросовѣстности, и роскоши типографической, съ какими изданы обѣ книги. Авторъ принадлежитъ къ славяновосторонней школѣ изыскателей, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не соглашается съ оракулами этой школы, Шафаржникомъ и Венелинымъ, которымъ хотѣлось обратить въ славянство весь міръ; которые доказывали, что сербскіе крали были гораздо по-важнѣе Александра Македонскаго, а Гомерова Иліада далеко уступаетъ Кралодворской Лѣтописи. Общее правило — противъ *исключительно* *убѣжденія писателя* въ той или другой гипотезѣ никогда спорить не должно. Можно привести, для примѣру, нѣкоторые выводы автора. Разсматривая набѣги, или *завоеванія*, если угодно, Святослава на Дунаѣ, онъ съ убѣжденіемъ утверждаетъ, что, не побѣди Цимисхій Святослава, и не прогони съ Дуная, вся исторія Европы приняла бы иное направленіе, а именно: если бы Святославъ остался на Дунаѣ, всѣ славянскія племена слились бы въ одну державу, которая простиралась бы отъ Эльбы, Баваріи, Тироля и Италіи до Благо Моря, Камчатки и Китая. Вмѣсто *кельтской имперіи* была бы *славянская имперія*. Тогда папы не посмѣли бы много шумѣть, смиренно ѣздѣли бы въ Римъ, не было бы реформація, не было бы Крестовыхъ Походовъ, потому что славянское царство завоевало бы Иерусалимъ и Малую Азію, прогнало Сарациновъ; не доуцѣвало Оттомановъ въ Европу. Столица

славянскаго царства, была бы теперь въ Царьградѣ, а народонаселеніе царства простиралось бы до трехъ сотъ милліоновъ. Сколько милліоновъ людей сбереглось бы: такихъ, которые погибли отъ меча Монголовъ, Турковъ, и въ битвахъ за католицизмъ! И все это разрушилъ, негодный Цимвихій! Но забыто здѣсь одно обстоятельство: если ужъ надо обвинять кого въ неудачахъ и гибели Святослава, то, обвинять должно, не Цимвихія, но негоднаго и разбойника Курю. Не убей онъ Святослава, нашъ герой пришелъ бы опять на Дунай, и мечомъ своимъ перевернулъ всю исторію Европы. И вотъ какъ оправдывается исторія старинной книжки—«*Гисторія о великихъ дѣлахъ, происходящихъ отъ малыхъ причинъ!*»

Но все это не отнимаетъ ученаго достоинства у труда. Книжки, подобныя сочиненіямъ «О переводѣ Манассиндой летописи,» и «Описаніе войны Святослава,» служатъ матеріаломъ, который употребляетъ по-своему ученая критика, принимая дѣльное, отвергая мечтательное. Уваженіе къ труду всегда останется участіемъ каждаго важнаго труда, несмотря на несовершенства, которыя вездѣ присутствуютъ къ дѣламъ человѣческимъ.

ЛЕКЦІИ ПОПУЛЯРНОЙ АСТРОНОМІИ, читанныя публично, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, капитанъ-лейтенантомъ С. Зеленымъ, съ 25 ноября 1843, по 16 марта 1844. СПб.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1844, въ-8., стр. XXIV и 424.

Объ неимоверныхъ преподавательскихъ успѣхахъ этого молодаго и даровитаго ученаго, о тысячахъ людей, которые его слушали, о страсти къ звѣздамъ, которую онъ возбудилъ своимъ краснорѣчіемъ, читателямъ Летописи уже извѣстно. При громкихъ рукоплесканіяхъ пѣдой публики слушателей кончилъ С. И. Зеленой свои блистательныя чтенія, и теперь четырнадцать лекцій его составили прекрасную книгу для всеобщаго любопытства. Господинъ Зеленой вступать съ нею на славное поприще. На немъ уже трудились первые астрономы и математики нашего времени, Лагранже, Шубертъ, Джонъ Гершель, Араго, писали популярныя трактаты объ астрономіи, которыя

пользуются уваженіемъ, не только свѣтскихъ, но и ученыхъ читателей. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одной точной науки, которая бы сильнѣе воспламеняла знатока желаніемъ подѣлиться своими открытіями, свѣдѣніями и выводами съ публикою, какъ астрономія, царица всѣхъ наукъ. Господинъ Зеленой, слѣдовательно, встрѣчается здѣсь съ великими и страшными соперниками. Но онъ въ состояніи выдержать борьбу, и русскіе читатели будутъ ему благодарны, что онъ не устранился опасной встрѣчи. Предметъ такъ величественъ, книга такъ хороша и такъ занимательно написана, что мы непременно возвратимся еще разъ и къ предмету и къ книгѣ, но въ другомъ отдѣленіи.

ГАЛЬВАНИЗМЪ ВЪ ТЕХНИЧЕСКОМЪ ПРИМѢНЕНІИ, кѣмъ *Искусство гальваническимъ путемъ производитъ тины, покрываетъ мѣдью жизненные припасы и разныя вещи для сохраненія ихъ; дѣлать мѣдныя доски для гравированія; изготавлять гравюры; травить посредствомъ гальванизма, золотить, серебрить, платиновать, мѣднить, бронзировать; осаждать цинкъ, бронзу, олово, свинецъ и прочее мокрымъ и гальваническимъ способомъ; освѣщать посредствомъ гальванизма; взрывать скалы тѣмъ же способомъ; составлять электро-магнитныя телеграфы, электро-магнитныя машины, и прочая; съ объясненіемъ необходимыхъ предварительныхъ понятій о химіи и физикѣ, и съ чертежами въ текстѣ. Для любителей природы и искусства, и для технического употребленія, составилъ изъ опытовъ разныхъ ученыхъ и своихъ собственныхъ К. О. Сп.-бургъ, въ тип. *Journal de St.-Petersbourg*, 1844, въ-8., дѣль части, стр. IV, IV и 233—IV, 224 и 20.*

Сборникъ всего путнаго и пустаго, полезнаго и бесполезнаго, пракческаго и невозможнаго къ употребленію, — *rudis indigestaque moles*, — куча выхваченныхъ отовсюду статейекъ, безъ системы, безъ порядку, безъ связи. Господинъ К. О., навѣрное, гораздо искуснѣе осаждеетъ мѣдъ на стѣяринъ чѣмъ слова на бумагу. Когда онъ пускается переводить, изъ пера его струится сильнѣйшій токъ самыхъ забавныхъ недоразумѣній и промаховъ. Одного

примѣру достаточно: въ *l'Echo du monde savant* (хорошъ источникъ!) нашелъ онъ статейку объ опытахъ *monsieur Moleyns, de Sheltenham, господина Молинса, жителя города Четнема*, я дѣлаетъ себѣ преспокойно, изъ этого достойнаго Англичанина, какото-то урода подѣ франко-татарскимъ названіемъ — *Молейнсъ-де-Хельтенамъ*. Между его гальваническими открытіями въ чужихъ трудахъ довольно замѣчательно слѣдующее: «Библиотеку для Чтенія» онъ рѣшительно почитаетъ своей собственностью; заимствуя что-нибудь изъ иностранныхъ журналовъ, онъ всегда называетъ ихъ, охотно выставляетъ источники подѣ своими прекрасными переводами, но, когда въ «Библиотекѣ для Чтенія» какая-нибудь статья годится для его творенія, онъ беретъ ее безъ спросу, какъ свое добро, какъ общую добычу, перепечатываетъ безъ церемоній и благодарить считаетъ не нужнымъ. Да еще какъ перепечатываетъ: что слово то ошибка, что строчка то безсмыслица. Въ «Библиотекѣ для Чтенія» было на примѣръ сказано: «Господинъ Де-ла-Ривъ (*De la Rive*: нашъ гальванопилъ посетитъ водѣ это знаменитое въ Физикѣ имя — *господина Де-ла-Рива*) къ прибору Грова (у почтеннаго гальванопила *Грова, Grove*, превращается въ *Грове*) «примѣнилъ начала Даниелева съособа, съ маленькимъ измѣненіемъ» (вмѣсто — *измѣненіемъ*, господинъ гальванопилъ ставитъ — *примѣненіемъ* и, благодаря его искусству, читатель получаетъ фразу — *примѣнилъ съ примѣненіемъ*. Часть I. стр. 160). Съ такимъ-то вниманіемъ перепечаталъ онъ все что ему понравилось въ этомъ журналѣ. «Библиотека для Чтенія», конечно, не воспрещаетъ никому пользоваться своими статьями: можно обирать ее какъ кто умѣетъ и смыслить; но, съ другой стороны, надо сказать и то, что вѣжливость — дѣло недурное и, для обирающихъ, имѣетъ многія выгоды, которыми не должно пренебрегать. Если бы, примѣрно сказать, почтенный гальванопилъ, слѣдуя законамъ оной вѣжливости, которые несравненно лучше доказаны чѣмъ гальваническіе, счелъ за благо спросить у «Библиотеки для Чтенія» согласіи на перепечатываніе статей ея по своему усмотрѣнію, онъ можетъ-быть узналъ бы, при этомъ случаѣ, одно важное обстоятельство, а именно, что его кни-

га вовсе не нужна для практического применения; что при гальваноэлектрических работах мѣднѣй купоросъ совершенно безполезенъ; что нынѣ принятая система должна быть оставлена; что съ горстью поваренной соли и кускомъ мѣди можно производить лѣпку предметовъ втрое дешевле и въ десять разъ чище, вѣрнѣе, легче; что есть возможность гальванамъ устранить съ большою пользою изъ дѣла; что всѣ металлы, прямо, безъ предварительныхъ растворовъ, осаждаются очень удобно одни на другіе весьма простыми средствами, и тому подобное. Здѣсь, разумѣется, не прилично распространяться о такихъ вещахъ. Объ нихъ—послѣ. Здѣсь «Библиотека для Чтенія» считаетъ только долгомъ увѣрить почтеннаго гальванофила, что она ни сколько на него не сердится: напротивъ, желаетъ ему всѣхъ возможныхъ благъ отъ читателей.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ МЕЖЕВАНИЮ; основанное на переводѣ четырехъ действительныхъ инженеровъ, съ изясненіемъ необходимыхъ при томъ первоначальныхъ свѣдѣній въ геометріи, и такъже съ изясненіемъ домашняго устройства различныхъ при межеваніи употребляемыхъ инструментовъ, въ которыхъ французскія мѣры замѣнены русскими. Съ приложеніемъ трехъ таблицъ чертежей. Сочиненіе Горниля, члена разныхъ ученыхъ обществъ, въ пользу народныхъ школъ, обласкскихъ училищъ и, вообще, лицъ, не имеющихъ высшихъ математическихъ знаній. Москва, въ тип. Степанова, 1844, в-12., стр. 95, и тремя чертёжами.

На это длинное заглавію, книжка коротка. При всемъ томъ она можетъ быть съ пользою употребляема по своему предмету. Переводъ удовлетворителенъ.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

OBSERVATIONS SUR LES ÉPIDÉMIES ET L'état de l'exercice de la médecine en France par le docteur Darnovey, médecin titulaire, membre de la Société Anatomique, etc. St-Petersbourg, 1844.—Одинъ изъ нашихъ ученыхъ врачей, го-

сподвижъ Демонси, воспользовался поѣздкой своею во Францію, чтобы изучить на-мѣстѣ преподаваніе и практику медицины во Франціи, и въ этомъ небольшомъ, но дѣльномъ и хорошо написанномъ, сочиненіи излагаетъ свѣдѣнія, которыя онъ собралъ, и свои собственныя замѣчанія. Весьма желательнаго, чтобы другіе врачи наши, посѣщающіе Германію, Италію и Англію, доставляли намъ такія же хорошія и безпристрастныя оцѣнки преподаванія и практики медицины въ этихъ странахъ. Соображеніе этихъ разнородныхъ данныхъ привнесло бы многія выгоды въ настоящее время, когда рѣчь идетъ о приведеніи русскаго медицинскаго преподаванія и правилъ о достиженіи ученыхъ врачебныхъ степеней въ уровень съ потребностями науки, просвѣщенія, общества и службы. Важность предмета заставляетъ насъ посвятить особенную статью въ «Сибирь» подробностямъ, содержащимся въ любезной брошюрѣ доктора Демонси: читатель найдетъ ее подъ заглавіемъ «Преподаваніе и практика медицины во Франціи».

СТО-СЕМНАДЦАТИЛѢТНІЙ СТАРЕЦЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. *Записки о жизни В. Р. Щегловскаго. СПб., 1844.* — Этого примѣчательнаго выходца изъ временъ Петровскихъ многіе имѣли случай видѣть въ Петербургѣ. Онъ родился, когда Петербурга еще почти не существовало, въ 1736 году, въ харьковской губерніи; помнитъ пріѣздъ императрицы Елисаветы въ Кіевъ въ 1747, былъ солдатомъ въ Семилѣтнюю Войну, раненъ и взятъ въ плѣнъ подъ Кольбергомъ, освобожденъ при покореніи Берлина, находился при взятіи Бендеръ Панинымъ и при завоеваніи Крыма Долгоруковымъ, пробылъ четыре года въ турецкой неволѣ, и въ 1776 служилъ корнетомъ въ ахтырскомъ гусарскомъ полку. Около этого времени Щегловскій былъ награжденъ императрицею Екатериною; послѣ чего, онъ храбро дрался подъ Очаковымъ при Потемкинѣ и получилъ Георгіевскій крестъ. Щегловскій уже былъ капитаномъ, когда одно мгновеніе безпечности, упущеніе знатныхъ плѣнныхъ Турковъ, погубило его. Потемкинъ пощадилъ жизнь храбраго гусара, но Сибирь сдѣлалась его уделомъ. На тѣ-

десять лѣтъ прожилъ онъ въ Иркутскѣ, торгуя нюхательнымъ табакомъ, построилъ тамъ себѣ домикъ, обзавелся семьей, и въ 1839 году, за безпорочную жизнь былъ удостоенъ прощенія.

При этомъ радостномъ извѣстїи, Щегловскій рѣшился ѣхать въ Петербургъ и благодарить добраго Царя. Пятаго февраля 1843 года, Щегловскій былъ представленъ Государю Императору и милостиво принятъ Его Величествомъ. Онъ явился на парадъ въ мундиръ своего времени, нарочно сдѣланномъ для него по Высочайшему повелѣнїю вѣнчаносцаго Благодѣтеля. Старикъ изумлялъ всѣхъ своею бодростію, своими любовными разсказами, хотя память иногда измѣняла ему. Получая пенсію и пособіе на возвращеніе въ Сибирь, которая сдѣлалась его отечествомъ, Щегловскій отправился къ семейству. Многія подробности въ брошюркѣ господина Б. Ф. любопытны. На портретѣ Щегловскій изображенъ въ маіорскомъ мундирѣ девяностыхъ годовъ.

СКАЗКА О ЦАРЬ-ГОРБУНѢ И КОЛДУНѢ ЧЕРТОУХѢ. Сочиненіе И. Ф. Бенкена. СПб., 1844. — Царь Толсторылъ былъ горбать:

*« Да на носу его не мало
Рассло зрѣлось съ травой...
Но что сказать о волосахъ?
Четыре тамъ стрѣлка гуляли,
И въ дикихъ козъ стрѣляли.»*

Толсторылъ влюбился въ царевну Зорю, которая любила царя Миловида. Колдунья Чертоуха превратила Миловида въ собаку, а Зорю посадила въ яму. Собака Миловидъ съ горя бросился въ рѣку, гдѣ водяной превратилъ его въ кита, Зорю въ ерша, а Чертоуха —

*« Лихая, жадная старуха,
Набитъ желалъ требуху,
Велитъ сварить себѣ уху.»*

Она съѣдаетъ царевну, давится, и надыхаетъ. Тогда старухѣ «брюхо распластали» и, вынувъ царевну, а Миловидъ съѣлъ Толсторыла, и женился на Зорѣ. Господинъ Бенкенъ заключаетъ:

• Сказку кончить я хочу,
 Меня бранить васъ не прошу,
 Если худо сочиненье,
 Такъ прошу у васъ прощенье. •

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕЯ знаменитыхъ русскихъ писателей. СПб.-бургъ, 1844.—По свидетельству обертки, словесность и художества обязаны этой тетрадкою предприимчивости господина Бочарова. Тетрадка содержитъ въ себѣ портретъ и биографію Ломоносова, съ отрывками его одъ. Портретъ не изъ самыхъ изящныхъ. Биографія списана съ известной статьи о жизни Ломоносова, сочиненной какъ говорятъ, Шуваловымъ. Господинъ Бочаровъ уверяетъ, что Ломоносовъ создалъ у насъ лирическую поэзію, съ трюками стихами.

ГАМАЛІЯ. Сочиненіе Шевченки. СПб., 1844.—Гамалія или Гамалей былъ вмѣстѣ Ахиллъ и Аякъ запорожскій, — билъ, рѣзалъ, жарилъ Жидовъ, Турковъ, Поляковъ, — только не кушалъ своего жаркаго. Въ эпосѣ господина Шевченки описанъ походъ Гамалія на Скутари. Походъ Греновъ на Трою передъ подвигомъ Гамалія то же что Илиада передъ «Мертвыми душами»: эти подвиги и изображены поэтомъ въ стихахъ, достойныхъ героя.

1. МАЛЕНЬКІЙ ФОКУСНИКЪ. Поучительные и занимательные домашніе фокусы для дѣтей. СПб., 1844. —

2. НОВЫЯ ДѢТСКІЯ ПОЗДРАВЛЕНІЯ, въ стихахъ, съ праздниками. Подарокъ дѣтямъ и родителямъ на дни рожденія, именины, Рождество Христово, Новый Годъ и Светлое Воскресенье. Второе изданіе. СПб., 1844. — При производствѣ этихъ «поучительныхъ фокусовъ», дѣти могутъ обжечься, обвариться и обрѣзаться. При изученіи этихъ «новыхъ поздравленій» они могутъ сдѣлаться болванами.

СОЮЗЪ ЛЮВОПЫТСТВА СЪ ПОЛЬЗОЮ, или Способъ къ устройству порывовъ страстей. Вновь изобрѣтенное задание въ семидольныя карты, съ уподобительными картинками, о коихъ помѣщены краткія правоучительныя разсужденія, съ задачами, вопросами, шутками, загадками, и прочая, съ приложеніемъ картъ, труды И. В. СПб., 1844. —

«Не было, нѣтъ и не можетъ быть созданія, которое бы «не любило себя. Данное природою любить и употреблять «въ дѣло надлежитъ, но запретительно превосходить се- «бя: тянуть ноту длинную, имѣя духъ короткій, пѣть дис- «канта, имѣя голосъ толстый, поднимать тяжелое, имѣя «силу слабую, почему всякаго рода отступленіе отъ своей «натуры помяните разумно: гордостью, для различія «себялюбія естественнаго отъ патланутаго. — Завѣды «эсе цѣли на чужое? Зачѣмъ же беремъ въ расчетъ, что «если благопріятіе еще не потеряно, то съ нимъ нельзя, и «не для него, пустяться въ перокъ? Зашѣмъ, и какъ цѣлу- «демъ черное, плевало.... А! вотъ что! Поджогъ самолюбія и «словъ чрезъ то слабости! Вражье дѣйствіе, это такъ, но не- «чему наши очи такъ темны, что мы терпимъ бѣлое на «черное?

На худое — мы какъ тутъ!
 На хорошее — насъ нѣтъ!
 А кому угождаемъ? Рокамъ!
 А кого обижаетъ — себя!

Это — краткія нравоучительныя разсужденія, а вотъ за-
 гадка:

• Скелетикъ, мужъ мой, идей исполнитель,
 Дѣленія охотникъ, и строгій блюститель,
 Съ мной дружелюбно живетъ,
 Не дѣтокъ до смерти сѣчетъ.

Мы чудо веселья!
 Мы диво томленья!
 Хотимъ — утѣшаемъ!
 Хотимъ — терзаемъ!

Хотимъ — хлѣбомъ, солью питаемъ!
 Но всякому иная пища,
 Дикому богата, явную нища,
 Двойная — обильна и сладка,
 Двойная — скудна и горька.

Эта загадка значитъ — скрипку и смычокъ, Кромѣ право-
 ученій и загадокъ, книжонка украшена какими-то нарисованными уродами и обогащена вѣрными средствами га-
 дать по этимъ уродамъ. Оттого она и называется «Сонетъ
 любвицѣтства съ пользою».

ПОДРОБНАЯ ПРОВАНТСКАЯ РАСКЛАДКА, *сочиненная на восемь чинлов дней съ мѣсяца, и на чинлов людей, скломн-таемн, отъ одного до ста, зачѣмъ по полуостанавъ до тыся-случи, и наконецъ на день и на три тыщамъ. С. Пб., 1844.* — Золотая книжка для сынтанья по пальцамъ. Съ помо-щью ихъ, она въ одно мгновенію разрѣшаетъ, сколько при-ходится муки, хлѣба, сухарей, крупъ, на одного, двухъ, трехъ, девятисто человекъ, в зачѣмъ по полубриллиан до тысячки, и наконецъ на день и на три тыщамъ, на день, на два, на три, и даже на мѣсяцъ.

=

РАСШИРЕННЫЯ СЛОВАРИ.

=

— Подъ руководствомъ Департамента Морского Вѣ-домства составляется и уже приходитъ къ окончанію важное для корабельнаго и частнаго лѣсоводства сочиненіе, подъ скромнымъ названіемъ «*Лѣсной словарь*». Этотъ словарь можно назвать энциклопедіей лѣсничаго и лѣсовладѣльца. Въ важнѣйшіе предметы наложены весьма подробно и обширныхъ и дѣльныхъ статьяхъ; не менѣе важными досто-инствами достаточныя объясненія; весьма хорошее введеніе даетъ общій обзоръ ученыхъ основаній дѣла, и цѣлое со-чиненіе искусно приспособлено къ многоразличному упо-требленію: лѣсные чиновники, помѣщики, купцы тор-гующіе лѣсомъ, моряки, даже читатели морскихъ рома-новъ, могутъ прибѣгать къ нему съ пользою, потому что, между прочимъ, въ «*Лѣсномъ словаре*» находится кора-бельная номенклатура на одиннадцати языкахъ. Статья *Насѣкомыя*, столь важная для лѣсовъ, рошъ, парковъ, садовъ, обработана превосходно и заключаетъ къ себѣ всѣ нужныя наставленія. Статьи *Борьба*, *Земля*, *Корабли*.

роща, Лѣсной страхъ, Лѣсная училища; Лѣсовъ управленіе, Плеть и гонка лѣву, представляютъ свѣдѣній, новезныхъ для всякаго. Другіе предметы, не исключая даже и общихъ ученыхъ началъ, нѣбующихъ связь съ лѣсоводствомъ, наложены также коренно, ясно, отчетливо. Особенный атласъ рисунковъ придаетъ новое достоинство сочиненію. Въ основаніе «Лѣснаго словаря» приняты труды Бодральера и Гартинга; они дополнены свѣдѣніемъ, почерпнутыми у Нессля, Гудовскаго, Белена, Кёнига, Ведкина, Рейма, Гацбургга, Редига, или въ личныхъ познаніяхъ составителей словаря, применены по всѣмъ частямъ къ Россіи и къ мѣстной практикѣ, распространены, приведены въ систему и дополнены множествомъ оригинальныхъ статей. Члены департамента, господа Никольскій, Врангель, Нольде и Кленке, были редакторами этой примѣчательной книги, приносящей равную честь и имъ и управленію, по которому они служатъ ~~составителями~~: составляли статьи по части лѣснаго законодательства и администраціи лѣсовъ, двумъ другимъ, какъ ученымъ лѣсничимъ департамента, вѣрена часть лѣснаго хозяйства и вспомогательныхъ наукъ. Словарь состоитъ изъ трехъ большихъ томовъ: два первые лежатъ передъ нами; третій, вмѣстѣ съ атласомъ рисунковъ, выйдетъ втеченіи года, и тогда сочиненіе поступитъ въ продажу.

— «Основніе войны 1813 года», извѣстное сочиненіе генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Даниловскаго, вышло вторымъ изданіемъ. «Описаніе Отечественной войны 1812 года», того же писателя, давно уже напечатано третьимъ, «Описаніе войны 1814 года», вторымъ, а «Записки о 1814 и 1815 годахъ» четвертымъ изданіемъ.

— «Сокращеніе странствованій Телемаха», французскій текстъ, классное изданіе господина Эйнерлинга, для гимназій, кадетскихъ корпусовъ и пансіоновъ, явилось недавно въ пятомъ изданіи.

— «Русская Исторія съ картинатъ»: такъ называется книга, предназначенная служить дополненіемъ къ извѣстному

му всѣмъ педагогамъ, изданному господиномъ Превѣ, сокращенію «Исторіи Государства Россійскаго», подъ заглавіемъ «Живописный Карамзинъ». Текстъ составленъ извѣстнымъ дѣтскимъ поэтомъ, драматургомъ, романистомъ Б. М. Федоровымъ, и украшенъ собока литографированными картинами.

— «Грамматика русскаго языка, для Рускихъ», составленная господиномъ Половцовымъ и введенная въ военно-учебныя заведенія, достигла еще въ 1843 году осьмага изданія. Къ каждому изданію сочинитель отдѣльно прибавлялъ сдѣланныя ему замѣчанія, и поправки по замѣчаніямъ. Недовольствуясь этимъ, онъ издалъ—было отдѣльно «Опытъ руководства къ преподаванію и изученію» его грамматики. Наконецъ теперь выданъ имъ «Сводъ перваго и втораго изданій Русской грамматики для Рускихъ». Вначалѣ изложены въ видѣ таблицы, мнѣнія господъ Бутырскаго, Тальзина, Мартынова, Плакшина, Тимасва, Драницына и другихъ, о грамматикѣ господина Половцова. Затѣмъ, въ два столбца, слѣдуетъ «Сводъ» двухъ ея изданій.

— Профессоръ кievскаго университета, Э. Р. Траутшеттеръ предпринялъ изданіе на русскомъ языкѣ «Россійской Флоры», взявъ въ основаніе трудъ знаменитаго ботаника и учителя своего, К. Ф. Ледебура, «Flora Rossica». Господинъ Траутшеттеръ желаетъ доставить любителямъ растительнаго царства краткое, понятное и дешевое собраніе изображеній всѣхъ прозябающихъ въ Россіи растений. Авторъ издаетъ свою «Флору» выпусками. Первый выпускъ содержитъ въ себѣ описанія и изображенія четырехъ породъ, открытыхъ господиномъ Турчаниновымъ за Байкаломъ и на Ангарѣ, и двухъ породъ, растущихъ на Аргуни и въ горахъ Дауріи.

— При этомъ случаѣ должно сказать, что девятая тетрадь интересной «Санктпетербургской Флоры», издаваемой нашимъ искуснымъ литографомъ, И. И. Семеновымъ, вышла еще въ мартѣ мѣсяцѣ.

— Но вотъ давно жданный гость! «*Большой французско-русскій словарь, Ольдекопа*! Сколько лѣтъ, сколько зимъ.... Наконецъ, вотъ онъ! Одно уже имя Е. И. Ольдекопа служить ему полною похвалою и лучшею рекомендаціей. Этотъ словарь, столь нужный публикѣ, семействамъ, училищамъ, изданъ А. Ф. Смирдинымъ. Первый томъ уже поступилъ въ продажу; второй поступитъ въ скоромъ времени.

=

VII.

СМЪСЪ.

=

ПРЕПОДАВАНІЕ И ПРАКТИКА МЕДИЦИНЫ ВО ФРАНЦІИ.
Французскій Университетъ. Въ Лѣтописи была рѣчь о небольшомъ сочиненіи, которое подъ этимъ заглавіемъ издалъ въ Петербургѣ ученый русскій врачъ, докторъ Демонсѣ. Здѣсь мы изложимъ главнѣйшія подробности предмета.

Съ давняго времени сословіе французскихъ врачей пользуется въ Европѣ вполне заслуженною славою обширныхъ познаній по своей части, знакомства съ разными науками, общей образованности и хорошаго воспитанія. Всѣ согласны въ томъ, что это—первое врачебное сословіе во всемъ образованномъ мірѣ. Преимуществомъ своимъ французскіе доктора медицины и хирургіи, потому что они только одни—настоящіе члены этого сословія, обязаны особенному устройству преподаванія врачебныхъ наукъ въ государствѣ. Германія, раздѣленная на множество мелкихъ владѣній, которыя болѣею частью имѣютъ каждое свой университетъ, не представляетъ ничего подобнаго. Университеты эти независимы одинъ отъ другаго; каждый слѣдуетъ своей системѣ или своимъ обычаямъ, и каждый приготовляетъ и производитъ врачей по мѣстнымъ обстоятельствамъ. При заведеніи университетовъ въ Россіи, мы имѣли въ виду германскіе, и приняли ихъ за образецъ. Но бесспорно то, что для всякаго государства обширнаго, гдѣ, подобно тому какъ во Франціи, принята въ основаніе

правительства благотворительная система централизація, несравненно выгоднѣе французская университетская система, которая позволяетъ министерству управлять каждою наукою какъ-будто отраслью администраціи и, имѣя всю науку въ одномъ мѣстѣ, въ центрѣ, подъ рукою, развивать и совершенствовать преподаваніе ея согласно съ потребностями страны цѣлою массою своихъ средствъ вдругъ. Нѣтъ сомнѣній, что наука много выигрываетъ отъ такого сосредоточенія ея подъ глазами просвѣщеннаго и усерднаго министерства, и мы надѣемся, что мнѣніе наше въ пользу французскаго устройства преподаванія не покажется приверженцамъ германской университетской системы пристрастіемъ къ обскурантизму или къ учебному самовластью. Много говорятъ многіе о пользѣ и необходимости предоставить наукамъ свободу; изъ этой мнимой «свободы» обыкновенно выходятъ только ученія противорѣчія, вавилонская безладница понятій, и для науки мы не видимъ ровно ни какой пользы, если подъ пятидесятымъ градусомъ широты преподаватель какого-нибудь предмета увѣряетъ своихъ слушателей въ одномъ, подъ пятьдесятъ-пятьмъ въ другомъ, а подъ шестидесятымъ въ третьемъ, слѣдуя каждый своей любимой теоріи. Для слушателей же отъ этой прославленной «свободы»—явный убытокъ: если три преподавателя думаютъ и говорятъ разное объ одномъ и томъ же предметѣ, то вѣрно, одинъ только изъ нихъ правъ, а два горючатъ вздоръ и на умъ своихъ слушателей надѣваютъ дурацкіе колпакъ подъ именемъ «философіи предмета» или подъ другимъ подобнымъ. Причѣры этого естественнаго послѣдствія слишкомъ многочисленны въ германскихъ независимыхъ другъ отъ друга университетахъ и слишкомъ растительны для всякаго непредубѣжденнаго наблюдателя. Когда дѣло идетъ о преподаваніи, объ ученіи, то и въ наукѣ, какъ во всемъ прочемъ, одна отлична устроенная голова лучше десяти сработанныхъ какъ-нибудь. Если вся наука въ одномъ центрѣ, одну гениальную голову найти для ней не трудно; если она разбросана въ десяти мѣстахъ, десяти Платоновъ для этой науки не припасемъ ни за всякій деньги. Природа не производитъ такихъ головъ для жизни. Ученыхъ людей для каждой науки — бездна: да

какой отъ нихъ польза въ преподаванні? Онъ тамъ не глѣ. Свѣтъ бросаетъ вокругъ одинъ только геній и отъ него только льется настоящее просвѣщеніе. Пусть лучшіе таланты гениальнѣйшіе по своей части человѣки настаиваютъ въ немъ явное покровеніе, чѣмъ тысяча ученыхъ, повторяющихъ съ безднѣю цитаты то, что другіе выдумали и что имъ самимъ не выдумать.

Было ли это соображеніе въ виду у тѣхъ, которые составили планъ для учебной Франціи, или нѣтъ, вопросъ не стоитъ даже разбору: дѣло въ томъ, что этотъ планъ, эта централизація наукъ, основанная на тѣхъ же правилахъ какъ и централизація правительственныхъ властей, произвела удивительный результатъ: какъ университетъ для всего государства—одинъ, а областныя высшія заведенія, существующія по важнѣйшимъ городамъ подъ именемъ коллегій, факультетовъ и академій—только приготовительныя школы и ступени къ этому единственному университету, то почти всѣ его кафедры заняты людьми гениальными, въ члѣхъ почти каждой отрасли преподаванія, или отдѣльной науки, стоитъ колоссальная слава, возбуждающая въ слушателяхъ рвеніе, трудолюбіе, энтузіазмъ, и Парижъ—первый ученый городъ во всемъ мірѣ. Повѣстуютъ, будто этотъ чудесный учебный планъ былъ начертанъ съ глубокими видами всепоглощающаго деспотизма. Пусть ихъ повѣстуютъ. Когда деспотизмъ производитъ такіа блестящія послѣдствія, такіе благотворные плоды для просвѣщенія, для успѣховъ науки, для умственной силы народа, то деспотизмъ—славное дѣло. Умный деспотизмъ очень полезенъ для наукъ. Безъ деспотизма онъ не сдѣлалъ бы даже ни одного шагу впередъ. Спрашивается: что такое, въ ученomъ мірѣ, геній, на какой бы то ни было части? Первый деспотъ въ поднебесной! Показите мнѣ турецкаго султана самодѣйствіемъ надъ правовѣрными чѣмъ Ньютонъ надъ учеными. Геній—страшный деспотъ. Онъ—султанъ, а вся ученая толпа—его рабы, кулакъ. Разсуждать—то они, помахавъ, разсуждаютъ, герарды знаютъ своимъ умникомъ, не критиковать, не возражать, но уклониться изъ-подъ власти генія—законодатель не смѣетъ: его слово—для нихъ فرمانъ, мете-

рый, послѣ всѣхъ разсужденій, они таки-дѣлають съ колѣнопреклоненіемъ и благоговѣнно прикладываютъ ко лбу. Послѣ этого, что же значить «свобода» въ наукахъ? Въ чемъ она заключается? Въ томъ ли, чтобы каждый могъ въ своемъ уголку считать себя гениемъ, потому что онъ такой же ординарный профессоръ какъ и гений, уродовать науку по мѣркѣ своей головы, наполнять ее туманами своего оффиціального мозгу? Очень благодарны за такую «свободу»! Гению ни какая централизація наукъ откажется въ свободѣ его свѣтлыхъ мыслей; она не можетъ стѣснять его торжественнаго полету; не въ такомъ живемъ мы вѣкѣ, чтобы она рѣшилась предложить Галлею: «Скажи, что солнце ходитъ около земли, нето я сожгу тебя!» А если она предложитъ ученымъ посредственностямъ отпраиваться въ провинціальные заведенія, гдѣ готовятъ слушателей для гениевъ, такъ въ этомъ не будетъ ни какого деспотизма, вреднаго для науки: это—чистая справедливость! Прямой интересъ централизація наукъ — окружиться гениальными людьми по всѣмъ частямъ, собрать ихъ отовсюду около себя и самой сіять среди ихъ блеску. Посмотрите на расхваливаемые вами германскіе университеты: славу каждого изъ нихъ составляютъ одинъ или два гениальные преподавателя; возлѣ нихъ всѣ прочіе исчезаютъ во тьмѣ, не принося дѣйствительной пользы ни своей части, ни слушателямъ, ни заведенію. Молодые любовники науки ѣздятъ отъ одного университета къ другому, чтобы отыскивать знаменитыхъ профессоровъ, чтобы послушать—здѣсь великаго химика или анатомика, —тамъ великаго физика или хирурга, —въ третьемъ мѣстѣ великаго историка, естествоиспытателя или геллениста. Такъ не лучше ли же соединить всѣхъ великихъ въ столицу и сдѣлать изъ нихъ что-нибудь превеликое? Вся отборная молодежь пріѣдетъ къ нимъ, и дѣло наукъ и просвѣщенія пойдетъ успѣшнѣе. Но скажутъ: зачѣмъ лишать отдаленныя провинціи выгодъ мѣстнаго университета? Это возраженіе болѣе человѣколюбиво чѣмъ основательно. Тѣ, которые обучаются въ провинціальныхъ университетахъ, рано или поздно пріѣдутъ въ столицу, если у нихъ есть большія способности или природныя да-

рованія, потому что одна только столица — приличное для нихъ поприще. Но если они находятъ средства пріѣхать послѣ, то могутъ пріѣхать и прежде, чтобы окончить въ столицѣ свое ученіе и получить степени. Для тѣхъ, которые суждено весь вѣкъ оставаться въ провинціи, достаточно и свѣту приуготовительныхъ заведеній. Человѣчество ничего не потеряетъ, если они не будутъ называться докторами правъ или магистрами философій. Для умственныхъ потребностей провинцій слишкомъ достаточно удовольствія состряпать себѣ на-мѣстѣ нѣсколько человѣкъ порядочныхъ студентовъ или кандидатовъ по одному какому-нибудь факультету, какъ это и дѣлается во Франціи.

Университетъ тамъ одинъ, въ столицѣ, но медицинскихъ факультетовъ три, въ Парижѣ, въ Монпелье и въ Страсбургѣ. Два послѣдніе только — дополненія перваго, главнаго, и совсѣмъ незначительны. Въ Монпелье, древнемъ университетѣ, нѣкогда соперникѣ парижскаго, профессоровъ при медицинскомъ отдѣленіи вполнину меньше чѣмъ въ парижскомъ, а слушателей только двѣсти сорокъ. Страсбурга и считать нечего: тамъ не болѣе двѣнадцати преподавателей, у которыхъ — около шестидесяти слушателей. Хотя, изъ уваженія къ старинѣ, этимъ двумъ факультетамъ, находящимся на двухъ противоположныхъ оконечностяхъ государства, сохранено право признавать высшія ученія степени, но почти никто имъ не пользуется: всѣ слушатели, по-даровитѣе, отправляются въ Парижъ, чтобы тамъ окончить курсъ подъ руководствомъ знаменитыхъ въ наукѣ людей и получить послѣднюю врачебную степень. На-мѣстѣ остается только умственный бракъ, балластъ медицины, и факультеты монпельёрскій и страсбургскій сдѣлались, собственно, приготовительными школами для парижскаго, въ которомъ двадцать шесть ординарныхъ профессоровъ, множество адъюнктовъ, преподавателей, доцентовъ, и тысяча семь сотъ пятьдесятъ слушателей.

Для образованія лекарей, *officiers de santé*, необходимыхъ въ арміи, есть во Франціи нѣсколько второстепенныхъ врачебныхъ заведеній, но лекарямъ дозволена весьма ограниченная практика, вообще, только наружная и

непомогательная. Въ шарлатаны обыкновенно выходятъ изъ этого класса, и потому учебное начальство вслѣдствіи ограничиваетъ производство въ лекари и стѣсняетъ другъ дѣйствію этихъ полу-докторовъ для полу-болваней. Девять имѣютъ право одни доктора медицины и хирургіи. Мы замѣтили, что французское врачебное сословіе отличается между всѣми образованнымъ умомъ и хорошимъ воспитаніемъ, двумя качествами столь существенными для успѣховъ и нравственнаго блеску науки. Это замечетъ отъ двухъ инстинктовъ: во-первыхъ, никто не можетъ получить французскихъ врачебныхъ степеней, не получивъ напередъ степени кандидата по факультету словесныхъ наукъ и степени кандидата по факультету физико-математическому; въ вторыхъ, науки сомнѣній и протозъ, приносятъ люди уже съ умомъ просвѣщеннымъ и нравственнымъ и точными науками, и всякой согласится, что эта жѣра очень мудра и спасительна; во-вторыхъ, молодому человеку безъ всякаго состоянія нельзя тамъ быть докторомъ, если отсутствіе фортуны не замѣняется у него необыкновенными умственными способностями. Полученіе докторской степени стоить дорого; самая крайняя сумма расходовъ по этой части — триста рублей серебромъ (1,100 франковъ); предвѣрительное полученіе кандидатскихъ степеней по двумъ другимъ факультетамъ сопряжено также съ денежными вѣнцомъ, и цѣльный курсъ обходится въ нѣсколько тысячъ франковъ одиной учебной пошлицы. Отъ этого налога освобождаются только слушатели съ отличными дарованіями, за большіе успѣхи и примѣрное повеленіе, когда начальство факультета удостовѣрится, что они дѣйствительно очень бѣдны: безъ этихъ условій, никому не дѣлаютъ изъятія, и бездарныя бѣдныя должны удалиться. Очень справедливо! Не посылать же бѣдныхъ, съ нищетою и съ ограниченнымъ умомъ, кормиться на людскомъ здоровѣ, по тому только уваженію, что они — бѣдныя! Медицины, потому, могутъ предназначать себя заранѣе только для молодыхъ людей, которыхъ родители подымаютъ бѣднѣйшимъ состояніемъ и, слѣдовательно, имѣютъ средства поставить имъ сперва хорошее домашнее воспитаніе. Обществу германской университетской системы имѣетъ въ

иѣру несноснѣмъ аристократическимъ притѣсненіемъ; но они и тутъ будутъ не правы. Въ медициѣ немножко аристократіи необходимо. Родоначальники нынѣшнихъ врачей, Асклепіады, Эскулаповичи, были ужасные аристократы: выводили они свой родъ, не отъ воеводъ и стольниковъ, а прямо отъ боговъ, почитали себя и почитались «священными мужами», очень хлопотали de descenti ignati, о важности и почтенномъ видѣ своего сословія, и въ него не легко было попасть. Изъ этого сословія вышелъ Иппократъ, первѣй докторъ всѣхъ вѣковъ, отецъ медицины: онъ же крѣпко не жалуется, въ своихъ сочиненіяхъ, бѣдняковъ изъ профановъ, которымъ медицина нравится только какъ прибыльное ремесло и почетное званіе. Нынѣшнимъ людямъ, тѣмъ, чье сердце расположено къ врачеванію челоѣчества, конечно, трудно доказать происхожденіе свое отъ греческихъ боговъ; но у насъ, нынѣшнихъ, есть свои боги, — деньги, — и когда бъ новѣйшіе доктора вели родъ свой отъ денегъ, именно родительскихъ, это было бы чрезвычайно полезно для достоинства ихъ сословія и для пользы науки. Французская фискальная мѣра относительно къ производству во врачевныя степени — совершенно иппократическая. Благодаря ей, молодые врачи, будучи сыновьями семействъ, имѣющихъ средства доставить имъ этотъ ученый чинъ и еще содержаніе на первые годы послѣ полученія его, не бросаются надѣвъ докторскую шапку, тотчасъ, прямо съ факультетской скамейки, къ практикѣ, не ловятъ пациентовъ, не изобрѣтаютъ болѣзныхъ, не унижаютъ врачевнаго сана, шарлатанствуя по гольской необходимости, — для того чтобы лечить и жить: они могутъ еще совершенствовать свои познанія, пока практика не прійдетъ сама собою съ болѣе зрѣлымъ умомъ и извѣстностью, пожалованною обществомъ за трудъ, терпѣніе и повзепенные усилѣнїи; а не приходитъ практика, такъ могутъ обратить тѣ же познанія и предварительную образованность свою на что-нибудь другое, полезное для общества, себя или науки. Оттого-то сословіе французскихъ врачей пользуется большимъ уваженіемъ у публики, и масса заключающагося въ немъ знанія весьма выгодна для лѣтъ отраслей просвѣщенія. Разумѣется, въ болѣзной

семьѣ не безъ уродовъ: но это — фактъ, что огромное большинство французскихъ докторовъ медицины и хирургіи — люди отличные, и по уму, и по познаніямъ, и по нравственнымъ правиламъ своимъ, и множество изъ нихъ, особенно изъ числа тѣхъ, которымъ практика не далась, приобрѣли громкую извѣстность по разнымъ другимъ наукамъ.

Быть членомъ Французскаго Университета — большая честь. Въ глазахъ публики, и даже въ глазахъ всей Европы, этотъ титулъ равенъ славѣ и, почти, геніальности. Причина проста: потому что почти всѣ кафедръ заняты знаменитѣйшими людьми въ наукѣ. До кафедръ добиваются люди, вовсе неимѣющіе нужды въ жалованьѣ, люди, приобрѣтшіе уже, вмѣстѣ со славою, независимое состояніе, иногда люди богатые и люди государственные, единственно изъ чести принадлежать къ такому блестящему сословію. Профессоры, вышедшіе въ министры, не оставляютъ университета. Часто человѣку, знаменитому умомъ и познаніями, ученостью или открытіями, приходилось побывать министромъ прежде чѣмъ получить ученыя кресла. Понятно, что это внушаетъ публикѣ благоговѣющее уваженіе къ наукѣ и служитъ сильнѣйшимъ двигателемъ просвѣщенія. Для многихъ иностранцевъ удивительно, что такъ часто члены французскаго университета (Институтъ заключается тутъ же), занимаютъ первыя должности въ государствѣ: но чтобы объяснить себѣ загадку, довольно вспомнить, изъ какихъ людей составленъ университетъ: большая часть ихъ славны на весь міръ и, гдѣ бы они ни были, вездѣ правительства старались бы воспользоваться, для администраціи, ихъ необыкновеннымъ умомъ и разнородными дарованіями. Когда во Французскомъ Университетѣ дѣлаются вакантными кафедръ или академическія кресла, не только Франція, но и вся Европа, съ любопытствомъ смотрятъ, кто изъ знаменитыхъ соперниковъ займетъ мѣсто знаменитаго покойника. О какомъ другомъ университетѣ, о какой академіи, столько заботится вниманіе просвѣщеннаго міра?

Жалованье ординарнаго профессора (*titulaire*) во Французскомъ Университетѣ — три тысячи франковъ, но закон-

ными доходами оно умножается до одиннадцати тысячъ. Слушателей, посѣщающихъ курсы для полученія ученыхъ степеней, не спрашиваютъ о непремѣнномъ присутствіи при лекціяхъ: они могутъ ходить или не ходить, могутъ слушать ординарныхъ знаменитыхъ или ихъ вольныхъ соперниковъ, часто не уступающихъ въ знаменитости оффиціальнымъ «безсмертнымъ» и преподающихъ тутъ же, потому университетъ, олицетворенная централизація наукъ, не только не стѣсняетъ «свободы ученыхъ теорій», но даже даетъ имъ свои залы: всѣ соперничающія ученія развиваются рядомъ, въ общихъ зданіяхъ, всѣмъ талантамъ открыто одно общее поприще, въ центрѣ народонаселенія и наукъ. Несогласныя ученія могутъ сравнивать взаимно основательность своихъ идей и повѣрять себя другъ другомъ, не бранясь за глаза черезъ сотни верстъ и не мороча пустыми умозрѣніями слушателей, лишенныхъ возможности сличить головы, дарованія и доказательства противорѣчащихъ мудрецовъ. Но ходятъ ли или не ходятъ, слушаютъ ли тѣхъ или другихъ или вовсе никого не слушаютъ, ищущіе степеней должны заплатить университету, въ пользу ординарныхъ профессоровъ, по положенію, за всѣ курсы, какъ-будто ходили и слушали: иначе, ихъ не принимаютъ къ экзамену на степень, за который тоже надо заплатить ординарнымъ, равно какъ и за право защищать передъ ними избранные тезисы. По медицинскому факультету, для полученія докторской степени, нужно внести:

Поплины университету за пятнадцать курсовъ (inscriptions) по пятидесяти франковъ.....	750 фр.
Шестнадцатую прибавочную долю, за залу..	35.
За пять экзаменовъ, по 30 франковъ.....	150.
За позволеніе защищать тезисы.....	65.
За печать къ диплому.....	100.

Итого: 1,100.

Экзаменъ на званіе лекаря стѣитъ 300 франковъ.

Всѣ вообще экзамены очень строгі.

Иностранные слушатели не платятъ ничего.

Ординарные профессеры избираются университетомъ пожизненно и утверждаются въ своемъ званіи импстромъ,

который въ то же время Grand-maitre de l'Université, «коберъ-университетъ-мейстеръ» и председатель университетскаго совѣта, состоящаго изъ осьми членовъ, въ видѣ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Экстраординарные (agrégés), или адъюнкты, избираются на известное число годовъ. Начальство учебной централизиціи не входитъ въ учебныя теоріи преподавателей: они только обязываются церель нимъ, соблюдать въ своихъ чтеніяхъ вся должное уваженіе къ религіи, къ начальству, къ установленнымъ властямъ, къ кореннымъ законамъ государства и, въ чтеніи, вести жизнь благопристойную и добропорядочную. Деканъ — председатель факультетскаго совѣта и, такъ сказать, попочитель факультета: онъ дѣлаеть предложенія, относится къ высшему начальству, въ случаѣ несоблюденія правилъ преподаванія можетъ своей властью останоить курсъ члена факультета и запретить итеціе въ университетскихъ залахъ постороннему ученому; за подобныя нарушенія прилицій, и даже за неблагородные поступки въ факультета и службы, деканъ съ совѣтомъ въ правѣ отрѣшить отъ должности всякаго изъ своихъ соученовъ.

Наружней медицинскій факультетъ состоитъ изъ двадцати-шести ординарныхъ кафедръ, кромѣ дополнительныхъ чтеній, въбранныхъ экстраординарнымъ преподавателямъ, и кромѣ соперничающихъ курсовъ, читаемыхъ вольными учеными въ факультетскихъ залахъ. Частные доценты или репетиторы не входятъ въ счетъ, и преподають гдѣ кто можетъ. Для клиники факультетъ имѣеть осемь профессоровъ, для патологіи — четырехъ. Клиническихъ заведеній пять: господинъ Демонсей въ-особенности возхощается той клиникою, гдѣ преподаеть профессоръ Rostan. Сверхъ-того, клиниками для многихъ членовъ факультета и для постороннихъ ученыхъ служатъ главѣйшіе госпитали и больницы городскія. Два анатомическіе амфитеатра: одинъ изъ нихъ зависитъ отъ факультета, а другой, amphitheatre Clamard, преимущественно цесѣщающій, состоитъ въ вѣдѣніи главнаго управленія госпиталей и больницъ. Анатомія преподаеться только въ зимніе мѣсяцы. Ибогъ, анатомическіе амфитеатры; превращаются въ практическія школы

хирургіи. Здѣсь-то преподають въ различныхъ видахъ и объемахъ курсы анатоміи и хирургіи оффиціальныя и по-стороннія знаменитости, и сюда же приходятъ городскіе *спеціалисты* излагать свои открытія или наблюденія, съ труппыми доказательствами въ рукахъ. Кромѣ факультетовъ монпельёрскаго и страсбургскаго, парижскому университету принадлежать въ разныхъ городахъ Франціи двадцать *приготовительныхъ* училищъ медицины. Такимъ образомъ, въ вѣдѣніи университета считается до трехъ тысячъ семи сотъ кандидатовъ на врачебное искусство. Въ прошедшѣмъ году было двѣ тысячи шесть сотъ семьдесятъ осемь человекъ. Изъ этого видно, что, несмотря на прецѣдствія, предположенныя вицеи толпѣ, выгоды врачебнаго званія привлекають къ этой наукѣ болѣе любителей чѣмъ нужно. Въ одномъ Парижѣ, въ 1843 году, считалось 1,443 человека докторовъ, да еще 169 лекарей, которые не что иное во Франціи какъ ученые цирюльники: слѣдовательно, приходится по 1 врачу на 700 человекъ жителей, не считая шарлатановъ. Такая гѣна исцѣлителей производитъ то важное неудобство для врачующаго средовія, что многіе бѣднѣйшіе собратья, въ бѣднѣйшихъ частяхъ столицы, дечатъ аң гагаіа: кто меньше заплатитъ, тотъ скорѣе выздоровѣетъ! Учебное начальство серьезно думаетъ затруднить еще болѣе производство въ званіе доктора медицины и хирургіи.

Заклучимъ замѣчаніемъ о выборахъ профессоровъ. Во французскомъ университетѣ, прежде, профессоровъ избирало министерство: оно приглашало всегда на эти мѣста самыхъ знаменитыхъ людей. При централизациі наукъ, когда университетъ—одинъ для всего государства, этотъ порядокъ — самое спасительное дѣло: выборъ долженъ быть вицеи власти, какъ чуждой учебыхъ страстей и соперничествъ. Съ пѣкотораго времени, введены факультетскія выборы на вакантныя катедры, по германскому обычаю. И что же вышла? Знаменитѣйшіе въ наукѣ люди стали уклоняться отъ соискательства, не желая подвергать своей славы случайностямъ баллотировки, которыми могутъ управлять тайная вражда соперника, исключительность степеней, личныя связи и многочисленныя избраны

телей или происки зависти. Хотя до-сихъ-поръ, вообще, факультеты избирали на вакантныя мѣста тѣхъ, на кого общее мнѣніе ученой публики заранѣе указывало, однако жъ факультетскіе выборы явно вредны для блеску французскаго университета, и когда не вредны, такъ со- временно бесполезны.

ОТКРЫТІЯ ГОСПОДИНА ФОРБИСА НА ДНѢ МОРСКОМЪ.

О счастливой идеѣ господина Forbes'a заглянуть прежде въ дно морское чѣмъ строить геологическія системы и о предпринятыхъ имъ изслѣдованіяхъ была уже однажды рѣчь въ этомъ отдѣленіи. Вотъ нѣкоторые общіе результаты, обнаруженные имъ на первый случай:

1. До нынѣ въ разныхъ глубинахъ моря находятя весьма многія животныя породы, которыя почитались въ геологіи исключительною принадлежностью той или другой древней эпохи міра.

2. Различія многихъ ископаемыхъ породъ съ нынѣ извѣстными ихъ типами показывають, не эпоху земнаго слоя, въ которомъ мы ихъ открываемъ, но только глубину морскаго дна въ томъ мѣстѣ при жизни этихъ породъ.

3. Каждой породѣ и каждому ея измѣненію присвоена извѣстная глубина жилища въ морѣ: этотъ законъ такъ постояненъ, что, поймавъ животное въ какомъ-нибудь мѣстѣ на морѣ, можно безъ ошибки опредѣлить глубину водъ въ томъ мѣстѣ по одной формѣ этого животнаго.

4. Отсутствие всякаго слѣда животной и растительной жизни въ слоѣ, не можетъ служить, ни доказательствомъ, что въ то время еще не было органической жизни, ни мѣриломъ относительной древности или новости слоевъ. Глубже ста сажень растительная жизнь прекращается совершенно, а глубже двухъ-сотъ семидесяти-пяти въ нѣкоторыхъ моряхъ не водится ни какого животнаго. Дно морское подвержено частымъ возвышеніямъ и пониженіямъ. Мѣсто, долго бывшее безъ всякой жизни, можетъ подняться, и на немъ тотчасъ разведутся животныя, со- отвѣтствующія новой глубинѣ его; потомъ оно опустит- ся немножко, жизнь снова исчезнетъ, и дно въ этомъ мѣ- стѣ нарастетъ слоемъ безъ ископаемыхъ; поднявшись

онять, лишь бы только не на прежнюю высоту, оно получить третій слой, уже съ другими породами, или съ видоизмѣненіями прежнихъ породъ: такъ, что нѣсколько земныхъ слоевъ съ различными породами ископаемыхъ животныхъ и слоевъ нежилыхъ могутъ принадлежать къ одной и той же эпохѣ.

5. Распредѣленія ископаемыхъ животныхъ по странамъ — несбыточное усиліе. *Раковистыя животныя переходить изъ одной страны въ другую.* Породы живутъ на своихъ морскородныхъ высотахъ всегда цѣлыми полями, сплошь, подобно растеніямъ на нашихъ плоскихъ возвышенностяхъ и горахъ; яйца ихъ скопляются въ значительныя массы, и вода переноситъ эти семена животной жизни на большія разстоянія отъ ихъ родины. Переносныя яйца могутъ, подобно семянамъ растеній, попасть и на высоту, несвойственную своей натурѣ, между породъ другой глубины, и, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, тутъ же развиться: пришедшая изъ-дала порода будетъ здѣсь жить нѣсколько времени, но наконецъ погибнетъ, перемѣшавъ свои останки съ останками мѣстныхъ породъ.

Словомъ, геологія, заѣхавъ такъ далеко на своихъ системахъ въ глубь земли и время, должна воротиться назадъ и начать свою ископаемую мудрость съ азбуки, о которой она и забыла, съ изученія подводной поверхности земнаго шара. Разсуждать о томъ, какъ составила его внутренность, будетъ еще довольно времени, узнавъ лучше наружность.

СТОРНАЯ КИСЛОТА ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ТѢЛѢ. Человѣкъ — самая ядовитая змѣя въ природѣ. Всѣ страшнѣйшіе яды были извлекаемы изъ его тѣла. О синеродистородородной кислотѣ и говорить нечего. Нѣкоторые находили, что онъ набитъ мышьякомъ. Другіе открыли въ немъ сторную кислоту. Это интересное открытіе было оспариваемо Ries'омъ, Girardin'омъ, Прейссеромъ. Господинъ Daubeny, чтобы убѣдить, что человѣкъ въ самомъ дѣлѣ — гремучая змѣя, извлекъ этотъ ядъ прямо изъ его зубовъ, только что выдернутыхъ изъ челюсти. Полученная такимъ образомъ сторная кислота мгновенно съѣдаетъ стекло, и

кускіи такого стекла господи́нъ Daubeny представить Ашмолейскому Ученому Обществу въ Оксфордѣ.

КОРОВОЕ МАСЛО ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ТѢЛѢ. Господинъ Вюрцъ находитъ, напротивъ, что человекъ состоитъ весь изъ чухонскаго масла: извѣстно, что такъ называется въ Петербургѣ лучший сортъ коровьяго. Человѣкъ разлагается на фибрину, бѣлковину и творожину; эти три вещества превращаются одни въ другія и, собственно, всѣ три — одно вещество; фибрина превращается въ летучее масло, которое, какъ господинъ Вюрцъ удостоверяется, не что иное какъ чистое коровье масло, соединенное съ кислородомъ, или *коровье-масляная кислота*, *acide butyrique*. *Коровье-масляная*.... выходитъ не хорошо по-русски: не называть ли этой кислоты *чухонскою кислотою*? Оно было бы глаже. Но, избѣгая неблагозвучія и досаднаго родства съ коровами, можно наткнуться на другое неудобство: финляндскіе корнесловы, пожалуй, скажутъ, что, состоя изъ чухонской кислоты, всѣ люди явно и очевидно — Чухны, Право не знаешь что дѣлать съ этимъ открытіемъ господина Вюрца! Онъ сообщилъ его парижской академіи наукъ черезъ господина Дюма. Дѣло относится всё къ тому же спору между химиками о коровѣ.

ОТРАЖЕНІЕ ОБРАЗА СОЛНЦА НА ОБЛАКАХЪ. Въ одномъ изъ ученыхъ англійскихъ журналовъ помѣщено описаніе этого рѣдкаго оптического явленія, котораго господи́нъ Hennessy былъ свидѣтелемъ въ коркскомъ графствѣ. Въ февраль мѣсяцѣ, въ пятомъ часу по-полудни, примѣтили тамъ на нижней сторонѣ большаго лежачаго облака ясно отраженный образъ солнца, приближающагося къ закату. Образъ сначала былъ слабый; но, постепенно, яркость его усилилась до того, что онъ освѣщалъ предметы, лежащіе подъ облакомъ. Край этого свѣтлаго круга были обведены красными и оранжевыми бахромками. Величина образа казалась та же, какъ и видная величина солнца. Когда солнце болѣе приблизилось къ горизонту, образъ исчезъ.

НОВАЯ ГАЛВАНИЧЕСКАЯ БАТТАРИЯ; ГОСПОДИ́НЪ ШТЕЙНДОРФЪ. Этотъ ученый электрикъ изобрѣлъ въ

бы, въ завлекъ; читанной въ Берлинской академіи наукъ, съ открытіемъ «новаго начала, по которому можно умножать произвольну силу гальваническаго тока». Надо взять простой Вольтовъ столбъ и банку Грова; всѣ мѣдныя пластинки Вольтова столба соединить проволоками съ цинкомъ банки, и всѣ цинковыя съ ея платиною; въ этомъ положеніи нѣтъ тока, но каждый разъ какъ разрывается сообщеніе между столбомъ и банкою, является сильный токъ, хотя и не продолжительный. Чѣмъ больше пластинокъ въ столбѣ, тѣмъ сильнѣе токъ, который тогда идетъ въ обратномъ порядкѣ полюсовъ, какъ и во «второстепенныхъ» баттарейхъ Риттера. Кажется, «новаго начала» тутъ нѣтъ: та же Риттерова баттарей; только съ банкою Грова. Чтобы употребить этотъ непродолжительный токъ въ дѣло, нужно поминутно разрывать и возстановливать сообщеніе между банкою и столбомъ. Рукою, разумеется; этого нельзя дѣлать довольно быстро и ловко. Господинъ Поттендорффъ устроилъ особенный механизмъ, который производитъ операцію съ отличнымъ успѣхомъ, двѣ-три-четыре-пять разъ въ минуту, но который, какъ видно изъ описанія, нужно вертѣть. Но если вертѣть, такъ ужъ лучше взять магнито-электрическій снарядъ Фарседе: тамъ крайней-мѣрѣ рукъ марать не приходится и токъ любой силы всегда готовъ, потому что его можно усиливать и ослаблять посредствомъ особеннаго расположенія магнитовъ и спиралей. Ученый контактистъ, въ пылу войны, своей съ господиномъ Де-ла-Ривомъ за *второстепенные токи*, кажется, не примѣтилъ, что то же самое прещенство представляетъ и новая банка врага его, банка съ движущимся мѣднымъ язычкомъ и спиралью или спиралями; и съ нею еще та выгода, что вертѣть не нужно.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРИВРАЩЕНІЕ ЗООЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДНАГО МУЗЕЯ. По донесенію, представленному парламенту, зоологическое собраніе этого заведенія получило втеченіи прошлаго года *двадцать два тысячю* нумеровъ новыхъ предметовъ. Это огромное число годоваго приобретенія показываетъ, какія *ученыя богатства* накоплены въ Англійскомъ Народномъ Музеумѣ

и какими средствами оны располагаетъ. Въ числѣ 22,000 новыхъ номеровъ показано 750 млекопитающихъ животныхъ, 3000 птицъ, 1000 рыбъ и пресмыкающихся, 11,000 насекомыхъ и болѣе 6,000 мягкотѣлыхъ и лучистыхъ.

ДѢВЪ НА ІОНИЧЕСКИХЪ ОСТРОВАХЪ. *Разоказъ миссъ Гертъ.* Прошло шесть лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ сэръ Джорджъ Гарнортъ сдѣлался губернаторомъ, одного изъ маленькихъ острововъ іоническаго архипелага, куда оны отпросился послѣ смерти жены своей; наскучивъ одиночествомъ, оны отправился въ Англію, чтобы привезти отсюда двухъ дочерей своихъ, воспитывавшихся въ пансіонѣ, подъ надзоромъ своей тётки. Миссъ Марта, такъ звали послѣднюю, какъ истая старая дѣва, ненавидѣла военныхъ и сначала никакъ не могла свыкнуться съ мыслью, поселиться въ военной колоніи; но, истощивъ самыя краснорѣчивыя убѣжденія и не успѣвъ отклонить брата отъ его намѣренія, она покорилаь необходимости и рѣшилась сама послѣдовать за племянницами, чтобы не оставить ихъ безъ покровительства и защиты отъ опасностей, угрожавшихъ имъ въ ихъ новой жизни.

Путешествіе было, какъ-нельзя болѣе, счастливо; и молодыя дѣвушки, восхищенные мѣстоположеніемъ и восточною оригинальностію новаго жилища ихъ, объявили, что островокъ ихъ—настоящій земной рай. Тётушка Марта была очень далека отъ того, чтобы раздѣлять мнѣніе ихъ; для нея барабанщики и флейтчики, смотры и парады, утренніе и вечерніе пушечные выстрѣлы, словомъ, всѣ шумные признаки военнаго правленія, были непрерывной причиной досадъ, жалобъ или негодованія. Особенно положеніе племянницъ ея, безпрестанно окруженныхъ ловкими офицерами, заставляло ее жаловаться и представлять генералу необходимость удалить дочерей его отъ опасныхъ искусителей и отправить на виллу его Санта-Кира; но сэръ Джорджъ не соглашался на ея требованія.

— Что это, всё одни офицеры, говорила миссъ Марта: вездѣ офицеры, только офицеры!....

— Велика бѣда! Я самъ офицеръ.... Развѣ вы можете

пожаловаться на котораго-нибудь изъ мѣнхъ молодыхъ подчиненныхъ?....

— Неужто вы не боитесь, что Софія и Эмма....

— Онѣ дочери военнаго и потому могутъ себѣ избрать мужа между товарищами отца.

Тѣтушка Марта наконецъ поняла, что должно покориться тому, чего нельзя отвратить. Впрочемъ ничтò не оправдывало ея опасеній. Софія и Эмма были молодыя дѣвушки, замѣчательныя по граціи и красотѣ своей, слѣдовательно, офицеры всего гарнизона были отъ нихъ безъ пафосу; но такъ какъ онѣ были очень хорошо воспитаны, то скоро замѣтили, что большей части этихъ господъ недоставало того свѣтскаго обращенія и той благовоспитанности, которою отличаются люди хорошаго общества.

На второй годъ, лѣтомъ, когда семейство губернатора удалилось въ Санта-Кіара, съ пароходомъ, принадлежавшимъ правительству случилось несчастіе въ то самое время, когда онъ входилъ въ главную гавань острова. Капитанъ Орлъ, адъютантъ сэръ Джорджа, докладывая ему объ этомъ происшествіи, не могъ хвалиться присутствіемъ духа и мужествомъ какого-то капитана Сетона, находившагося на пароходѣ, потерявшаго весь багажъ свой и спасавшаго жизнь нѣсколькимъ пассажирамъ.

— Онъ молодой человекъ весьма пріятной наружности, прибавилъ адъютантъ: но робокъ и сантименталенъ какъ молодая дѣвушка.

— Это значить, что онъ скромнень и любезнень, замѣтила тѣтушка Марта.

— Хотя онъ лишился всего, чтò у него было съ собою, и гардеробъ его находится въ жалкомъ состояніи, однако жъ никому изъ насъ не удалось заставить его принять хотя какой-нибудь услугу, продолжалъ капитанъ. Онъ, по видимому, не обращаетъ ни какого вниманія на очень непріятное ощущеніе отъ новыхъ своихъ парусинныхъ рубашекъ....

При послѣднемъ словѣ, миссъ Марта чуть не упала въ обморокъ; но генералъ даже не замѣтилъ негодованія ея и равнодушно продолжалъ разговаривать съ своимъ адъютантомъ:

— Не привезъ ли объ-мисель въ чинъ?

— Ни къ кому, отвѣчала мистерь Орль. Объ немъ са-момъ мы знаемъ только то, что онъ человекъ храбрый и образованный.

— По послѣднему онъ будетъ рѣдкость въ здѣшнемъ гарнизонѣ, проворчала миссъ Марта.

Сэръ Джорджъ отиравался въ городъ и былъ такъ восхищенъ подробностями, рассказанными ему про дѣя-ствія капитана Бетона, при крушеніи парохода, что при-гласилъ его на нѣсколько дней въ свою виллу; этой чести не удостоиваеца еще ни одинъ офицеръ изъ всего гарни-зону, исключая адъютанта. Несмотря на то, молодой чело-вѣкъ вѣжливо отказался отъ приглашенія генерала подъ предлогомъ, что состояніе гардероба его не позволяетъ ему явиться передъ дамами.

Въ отсутствіе сэра Джорджа, которого долгъ службы заставлялъ часто отлучаться изъ Санта-Клеара, молодой дѣвушка; иногда очень рано утромъ, прогуливалась въ хомъ по окрестностямъ, въ сопровожденіи старата англий-скаго грума, двадцать лѣтъ уже находивагося въ услу-женіи у генерала. Послѣ нѣсколькихъ дождливыхъ дней, сестры, наскучивъ затворничествомъ и прельщеніемъ свѣ-жестью атмосферы, онѣ велѣли осѣдлатъ лошадей и поѣхали къ неточинку минеральныхъ водъ, находившемуся въ шести миляхъ отъ виллы, въ прелестной Вокоттской доли-нѣ. Прибывъ туда, онѣ сошли съ лошадей возлѣ хижинны пастуха, въ которой уже нѣсколько разъ останавливались и пили молоко; пройдя киртовую аллею, онѣ подошли къ хижинѣ и востучались.

Дѣвушка чрезвычайно испугалась и смутилась, увидѣвъ въ хижинѣ незнакомаго молодого человека, который она не узнала; онѣ хотѣли уже удалиться безъ шума, когда дверь застуха, замѣтивъ ихъ, громко и радостно встрѣ-нула. Восклищеніе ея разбудило молодого человека: **Кто** онъ былъ одѣтъ очень просто, но въ немъ не трудно бы-ло узнать чело-вѣка, принадлежавшаго къ хорошему об-ществу; сушка, лежащая у ногъ его и нѣсколько чело-вѣ-ческихъ обрашковъ, разбросанныхъ по столу, въ кото-

рамъ молодой дѣвочки думая позитрахать, объяснати причину присутствія ея въ хижинѣ;

— Между тѣмъ какъ гестры готовились удалиться, молодой прюсъ, несвѣдущій и неосторожный, вѣжливо поинтересовался имъ. Вокоръ занялся между ними разговоръ и Софія сказала незнакомцу, что въ деревнѣ, лежащей въ двухъ миляхъ отъ Вейстета, близъ морскаго берега, онъ могъ бы имѣть гораздо удобнѣе пристанище.

— Я провела прошедшую ночь въ Пестромѣ, отвѣчала, съ замѣшательствомъ молодой человекъ: впрочемъ, прокума моя имѣетъ цѣль почти ученую и я мало забиваюсь объ удобствахъ пристанища. Эти добрые люди приняла меня какъ-велья лучше.

Почтительный тонъ, съ которымъ были произнесены эти слова, дала понять молодой дѣвушкѣ, что несомненно знала кто онъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, она была такъ смущена присутствіемъ ихъ, что Софія рѣшилась удалиться; когда Эмма, улачившая обычную глаголю живостью, сказала улыбаясь:

— Вы, вѣроятно, очень недавно прибыли на наши берега; иначе вы не могли бы не знать Виллеттохой дошпы, которую всѣ прибывающіе сюда иностранцы прежде всего посѣщаютъ. Слѣдовательно, прѣся у васъ извѣстія за несомнѣнностію мою, я полагаю, что вы ищемъ удовольствіе поворота съ капитаномъ Сетовомъ.

— Незнакомецъ утвердительно кивнулъ головою, но вмѣстѣ съ тѣмъ лицо его приняло выраженіе, которое заставляло сказать Софію, когда она осталась одна съ сестрой, что капитанъ былъ болѣе удивленъ, нежели обрадованъ тѣмъ, что его узнали.

— Отецъ мой, прибавила Эмма, обращаясь къ капитану теперь въ городѣ, но она вернется къ общу въ Санктъ-Кларѣ и ему будетъ очень прискорбно, когда онъ узнаетъ, что вы были такъ близко отъ нашей вилагои не посѣтивъ насъ.

— Капитанъ отвѣчалъ, что сумка его не была снабжена необходимыми для разложенія доми, который въ то время былъ бы для него большимъ удовольствіемъ; однако жъ, когда не было въ двухъ миляхъ отъ Вейстета до-

лины, когда онѣ раздѣляли съ нимъ хлѣбъ и молоко пастуха, когда старшій Робертъ сталъ взнудывать лошадей, Артуръ Сетонъ согласился наконецъ, что при помощи партикулярнаго платья, которое адъютантъ всегда оставлялъ на выгнѣ, ему можно будетъ представиться въ семьѣ генерала.

— Если бѣ вамъ угодно было проводить насъ до Ньюстрона, сказала Эмма: то вы могли бы взять лошадь Роберта, которому мельникъ одолжитъ своего лошака, чтобы воротиться домой.

Какъ ни отказывался сначала Артуръ, но наконецъ долженъ былъ согласиться; его кроткая любезность такъ расположила къ нему молодыхъ дѣвушекъ, что онѣ сдѣлались разговорчивыми; умъ и образованность ихъ являлись во всемъ блескѣ и онѣ вполне предались удовольствію разговаривать на родномъ языкѣ подъ прекраснымъ небомъ Греціи.

Видъ высокихъ кипарисовъ, окружавшихъ виллу, напомнилъ имъ, что возвращеніе ихъ въ сопровожденіи незнакомца, крайне оскорбитъ чувство приличія тѣтушки Марты; первый человѣкъ, поклонившійся имъ, когда онѣ вѣхали на дворъ, былъ адъютантъ сэра Джорджа, который и увѣдомилъ ихъ, что генералъ воротился.

Хотя услужливость Роберта Орда и дала товарищу его возможность явиться къ столу въ довольно приличномъ видѣ, однако жъ ясно было, что несмотря на военную откровенность и искреннее прямодушіе генерала, Сетону пріятнѣе было бы остаться въ своей квартиркѣ въ казармахъ или въ книжнѣ пастуха, въ Бокеттѣ. Больше и больше очарованный разговорами и скромностію своего гостя, сэръ Джорджъ объявилъ ему рѣшительно, что не такъ скоро отпуститъ его отъ себя. Желаніе его, выраженное такимъ образомъ, было закономъ для молодого оштрафованнаго. Артуръ поселился на нѣсколько дней въ Санта-Кіара.

— Молодой человѣкъ не глупъ, сказала миссъ Марты, оставшійся одна съ племянницами: онъ очень хорошо понимаетъ, что ему нельзя быть въ короткой пріиманнѣ съ своимъ генераломъ.

— А не согласна съ вами, тѣтушка, возразила съ улыбкой...

востію Эммы: по манерамъ и обращенію его видно, что онъ привыкъ посѣщать лучшія общества.

— Онъ прекрасный музыкантъ, продолжала старая дѣва: искусство, съ которымъ онъ проигрѣлъ партію свою въ трио Россина, удивило меня; но можеть-быть родители хотѣли посвятить его музыкѣ.

— О! Этого быть не можетъ, возразила Эмма: развѣ вы не слышали, какъ разговаривая о знакомыхъ своихъ, онъ называлъ людей болѣею частію извѣстныхъ и между прочими нашего кузена, Гаркорта, у котораго онъ нѣсколько разъ обѣдалъ.

— Это ничего не доказываетъ, милая моя, вскричала миссъ Марта: по несчастію, въ Англии часто случается, что знатнѣйшія особы приглашаютъ къ столу своему молодыхъ пѣвцовъ!....

Эмма крайне обидѣлась этими словами и упрекнула тѣтушку въ строгости, съ которою она судила о молодомъ человѣкѣ, ни чѣмъ не заслужившемъ несправедливыхъ ея обвиненій.

Однако жъ чрезвычайная робость капитана была, въ самомъ дѣлѣ, довольно непонятна, особенно въ человѣкѣ его званія; хотя робость эта нѣсколько не походила на неловкость человѣка, перенесеннаго не въ свою сферу. Эта робость придавала ему иногда даже нѣкоторую прелесть, однако жъ ее невозможно было приписать одной природной дикости и живые отвѣты и проблески свѣтской ловкости и смѣлости, какъ-бы неволью проявлявшіеся, дѣлали всегдашнюю скромность его еще болѣе загадочною. Однимъ словомъ, можно было подумать, что онъ разыгрывалъ принятую роль или опасался радушія, которое всѣ ему оказывали. Если онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ цѣлюю отклонить отъ себя пріязнь генерала и семейства его, то тактика его не удалась ему.

Исключая миссъ Марты, во всей виллѣ не было ни кого, кто бы не полюбилъ капитана. Сэръ Джорджъ объявилъ ему, что онъ всегда найдетъ готовый приборъ за столомъ его и постель въ его домѣ, и наконецъ, онъ обѣщалъ сдѣлать его адъютантомъ своимъ, когда получитъ ожидаемое со дня на день производство капитана Орда въ высшій

милъ. Расположеніе генерала къ Артуру было особенно пріятно Эммѣ.

Артуръ Сетонъ разстался въ семействѣ генерала, но не провѣдалъ двухъ недѣль, какъ онъ опять поднялся на владѣ, гдѣ его не забыли. Генералъ по-прежнему осыпалъ его ласками; сестры опять избирали его кавалеромъ въ прогулкахъ своихъ и тогда Эммѣ казалось, что дѣлѣты были думистѣе, вечерній вѣтровокъ пріятнѣе, вѣжливѣе. Миссъ Марта была въ отчаяніи.

— Я увѣрена, думала она, что братъ мой предложитъ ему руку одной изъ дочерей своихъ—вѣроятно Эммы—съ тридцатью тысячами фунтовъ стерлинговъ.

Боязнь почтенной дѣвы была не совсѣмъ безъ основанія. Эмма только и мечтала о прекрасномъ молодомъ капитанѣ. Артуръ не былъ нечувствителенъ къ привязанности молодой дѣвушки, полной граціи и невинности. Несмотря на то, любовь его была такъ же странна, какъ и робость. Эмма цѣнила любовь его потому что онъ смущался, какъ-скоро она появлялась по краснорѣчивой выразительности его взору, по радости, которую онъ изъяснялъ при малѣйшемъ признакѣ благосклонности. Но ни одно признаніе, ни одно слово, вырвавшееся изъ сердца, не подтверждали сладостной ея увѣренности. Еще хуже: едва Артуръ могъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что происходило въ сердцѣ его, какъ онъ внезапно сдѣлался по-прежнему робкимъ, несообщительнымъ; избѣгалъ случая остаться наединѣ съ Эммой, не старался встрѣтить взору ея и сдѣлавшись, наконецъ, адъютантомъ сэра Джорджа, онъ пріискалъ себѣ столько занятій по службѣ, которыя предшественнику его и въ голову не приходили, что не могъ почти ни одной минуты посвятить семейству генерала. Эмма была очень несчастлива; правда, тайный наставникъ говорилъ ей, что мнимая холодность капитана служитъ только доказательствомъ любви его, но она не могла объяснить себѣ, зачѣмъ онъ, какъ казалось, страшился привязанности, которою она столько дорожила и горестъ только увеличивала любовь ея.

Однажды, когда генералъ вышелъ гулять съ сестрой и старшей дочерью Сетонъ, прибывъ въ Санта-Клара по дорогѣ

службы, нацѣль тамъ одну Эмму, которая оставалась дома, и долженъ былъ почти цѣлый часъ пробыть съ нею наединѣ.... Въ разговорѣ Эмма упомянула объ одномъ изъ людей, спасенныхъ капитаномъ, во время крушенія стимера.

— О! вы благородно поступили, прибавила она; и всякая женщина сочла бы себя счастливой, имѣя право называть братомъ того, который оказалъ столько неустрашимости и великодушія.

— Ради Бога, миссъ, дощадите меня, вскричалъ молодой человекъ: я боюсь вашихъ похвалъ, я страшусь самой дружбы вашей! Опасно привязываться къ благамъ, которыхъ можно лишиться.... Воспоминаніе, остающееся объ нихъ, слишкомъ мучительно.....

— Что вы хотите сказать? спросила Эмма поблѣднѣвъ.

— Ахъ, простите мнѣ, миссъ: забудьте слова мои, проговорилъ Сетонъ.

Молодая дѣвушка, не говоря ни слова, пристально посмотрѣла на капитана; потомъ съ живостію отвернула голову, чтобы скрыть слезы, выступившія на глазахъ ея.

— О, Боже мой, вскричалъ Артуръ, какъ я несчастливъ! Я бы долженъ былъ это предвидѣть, я бы долженъ былъ отказаться отъ этого мѣста.....

И онъ пошелъ къ двери, но остановился на порогѣ и досрѣдно воротился.

— Богъ мнѣ свидѣтель, миссъ, сказалъ онъ, что я смѣло могу посмотреть всякому въ глаза, но—наружность часто обманчива, и свѣтъ жестокъ въ судѣ своемъ! Все, что есть страннаго въ поведеніи моемъ, скоро объяснится и вы поймете, сколько я страдалъ. Позвольте мнѣ видѣть хоть то утѣшеніе, что вы не повѣрите тому, въ чемъ будутъ обвинять меня, что вы не лишите меня вашего уваженія, котораго я достоинъ во всѣхъ отношеніяхъ, кланусь вамъ. Прощайте, миссъ, я долженъ удаляться отъ васъ.

Съ этими словами Артуръ вышелъ изъ комнаты. Съ тѣхъ поръ онъ еще рѣже сталъ появляться въ Санта-Клара и разговаривалъ съ Эммой только въ присутствіи сэра Джорджа, когда приличіе того требовало.

Такимъ образомъ прошло два мѣсяца; осень приходила къ концу и хотя миссъ Марта употребляла всѣ усилія, чтобы заставить брата остаться еще за городомъ, однако жъ сэръ Джорджу надоѣли безпрестанныя поѣздки изъ Санта-Кіара въ городъ и обратно, и онъ рѣшился оставить виллу. Въ городѣ только и говорили о зимнихъ увеселеніяхъ, о предстоящихъ балахъ, о карнавалѣ, и въ продолженіи семимѣсячнаго уединенія сельская жизнь потеряла всю прелесть свою въ глазахъ старшей дочери генерала. Что же касается до Эммы, которую таинственныя слова капитана ввергнули въ глубокую меланхолю, то намѣреніе отца, казалось, возвратило ей жизнь и сэръ Джорджъ сталъ надѣяться, что городская жизнь излечитъ ее отъ грусти, которую онъ приписывалъ скукѣ. Однако жъ де надежда па зимнія увеселенія вызвала оттѣнокъ румянца на щеки и оживила взоръ Эммы, отуманенный печалію: танцы и музыка болѣе не радовали ее — она надѣялась, что будетъ чаще видѣться съ Артуромъ и что, живя съ нимъ въ одномъ домѣ, ей удастся, можетъ-быть, проникнуть тайну холодности, переменъ и полу-довѣренности, которая такъ испугала ее. Она по-прежнему была увѣрена въ благородствѣ капитана, но странности и таинственность его устрашали ее; она надѣялась однако жъ, что видя печаль ея, онъ, увлеченный любовью и состраданіемъ, измѣнитъ себѣ въ глазахъ сэра Джорджа, который слишкомъ любилъ дочь свою, чтобы пренятствовать ея счастью.

Эмма не ошибалась въ послѣднемъ; не-разъ генералъ самъ съ удовольствіемъ думалъ о бракѣ между любимцемъ своимъ и Эммой и по этому самому написалъ въ Англию, чтобы получить подробнѣйшія свѣдѣнія о молодомъ человѣкѣ, котораго онъ ввелъ въ семейный кругъ свой.

Наканувъ дня, назначеннаго для отъѣзду изъ виллы, миссъ Марта вошла къ племянницамъ своимъ съ грознымъ видомъ; но дурное расположеніе ея относилось не къ молодымъ дѣвушкамъ; единственною причиною этого былъ непостижимый капризъ сэра Джорджа, который прежде такъ торопился переѣхать съ семействомъ своимъ въ городъ, а теперь прислалъ нарочнаго съ приказаніемъ, чтобы

сестра его и дочери ни подъ какимъ видомъ не выѣзжали изъ Санта-Кіара впередъ до разрѣшенія его. Впрочемъ, письмо генерала было весьма коротко и безъ всякихъ объясненій; онъ писалъ еще, что черезъ день или два самъ воротится въ Санта-Кіара.

— Что случилось, Боже мой! вскричала Эмма: можетъ быть какое-нибудь несчастіе. Съ послѣднимъ пароходомъ батюшка получилъ письма изъ Англій!....

Предчувствія Эммы не обманули ее. Артуръ былъ причиною того, что сэръ Джоржъ отложилъ переездъ семейства своего изъ виллы въ городъ. Лордъ Ольгернонъ, молодой капитанъ, прибывшій изъ Англій, сходя съ парохода изъ-дали увидѣлъ Артура Сетона и обратившись къ нѣкоторымъ офицерамъ, окружавшимъ его, вскричалъ съ изумленіемъ и презрѣніемъ:

— Какъ! Этотъ человекъ въ вашемъ гарнизонѣ! Я думалъ, что его совсѣмъ выключили изъ службы.

Сетонъ былъ любимъ всеми товарищами своими и тѣ изъ нихъ, которые услышали восклицаніе лорда Ольгернона, довольно грубо спросили его, что онъ хотѣлъ сказать этими оскорбительными словами; но лордъ, не обращая вниманія на негодование ихъ, рѣшительно отказался отъ всякихъ объясненій. Дурныя вѣсти обыкновенно распространяются очень скоро и на слѣдующее же утро, всѣ подробности этого неуряднаго происшествія дошли до слуха капитана Сетона, благодаря двумъ или тремъ добрымъ товарищамъ, завидовавшимъ милости къ нему генерала. По обычаямъ англійской арміи, жестоко оскорбленному офицеру оставалось только одно средство защитить честь свою. Артуръ послалъ двухъ пріятелей своихъ къ лорду Ольгернону, съ тѣмъ, чтобы они потребовали у него объясненія.

— Скажите капитану Сетону, возразилъ лордъ Ольгернонъ, что я былъ на Бермудскихъ Островахъ въ то самое время, когда онъ вышелъ въ отставку.

Тщето офицеры повторяли, что они желаютъ знать въ какой степени должны они принять участіе въ ссорѣ пріятеля ихъ и что потому имъ нужны подробнѣйшія объ-

ясненія: лордъ Ольгернонъ молчалъ и они должны были удалиться, не получивъ болѣе яснаго отвѣту.

Артуръ Сетонъ, взволнованный, прохаживался по комнатѣ. Шумъ шаговъ, послышавшихся на лестницѣ, заставилъ его придать лицу своему холодное, равнодушное выраженіе и когда офицеры вошли въ комнату, онъ, не говоря ни слова, ожидалъ, чтобы они передали ему отвѣтъ лорда Ольгернона.

— Господа, сказалъ онъ, выслушавъ разсказъ ихъ: вы считали меня дружкой вашей и я считаю долгомъ доказать вамъ, что я не недостойнъ ся. Но теперь я не могу открыть вамъ несчастныхъ обстоятельствъ, которыя навлекли на меня оскорбленіе лорда Ольгернона. Чтобы вы могли повѣрить оправданію моему, я прежде всего долженъ встрѣтиться лицомъ къ лицу и съ оружіемъ въ рукахъ съ Ольгернономъ; теперь же я только поклянусь передъ Богомъ и людьми, что я невиноватъ, и что никогда не преступалъ правилъ чести, несмотря на то, что надо мною тяготѣютъ, признаюсь, важныя обвиненія. Теперь вамъ остается сказать, вынуждено ли вамъ поведеніе мое доволно довѣренности къ мнѣ и можете ли вы быть моими секундантами въ дуэли, теперь неизбежной?

Офицеры протянули къ капитану руки, сказали, что они могутъ располагать ими.

— Благодарю васъ, друзья мои, продолжалъ Сетонъ; благодарю за это доказательство уваженія. Я заслуживаю его и вы не расклетесь въ довѣренности вашей. Сходите жъ опять къ лорду Ольгернону, потрудитесь переговорить съ нимъ и постарайтесь, чтобы дѣло было окончено сегодня же. Дайте мнѣ только два часа времени; я хочу написать нѣсколько словъ къ генералу, которыя вы передадите ему, въ случаѣ несчастія. Оставляю на произволъ противника моего выборъ оружія, но настоятельно требую, чтобы дуэль окончилась смертію одного изъ насъ. Прощайте, друзья мои, прощайте; будьте уверены въ моей признательности.

Офицеры немедленно исполнили это печальное порученіе.

— Сегодня вечеромъ я буду къ услугамъ капитана Се-

тоща, холодно отвѣчалъ лордъ Ольгернонъ. Я имѣю полное право отказаться отъ этой встрѣчи и никто, а въ томъ увѣренъ, не могъ бы обвинить меня; но я не привыкъ отказываться отъ вызова, тѣмъ болѣе, что самъ далъ поводъ къ нему своею вѣтренностью, необдуманностью; и судя потому, что я *здѣсь* узналъ о пріятелѣ вашемъ, мнѣ пріятно доставить ему случай снова приобрести общее уваженіе, котораго онъ — я теперь готовъ вѣрить тому — несправедливо лишился.

— Ваше оружіе, капитанъ? спросилъ одинъ изъ секундантовъ.

— Мнѣ всё-равно; уговоритесь съ моими секундантами.

— Время?

— Въ пять часовъ, если вамъ угодно.

.....

Въ шесть часовъ сэръ Джорджъ получилъ письмо, присланное солдатомъ. Онъ сорвалъ печать и прочелъ слѣдующее:

«Несчастныя обстоятельства, присоединившись къ неопытности моей, лишили меня добраго имени. Приготовляясь къ участи, не говорю, которая ждетъ меня, но на встрѣчу которой я долженъ идти, я хочу дать небольшому числу людей, уваженіемъ которыхъ дорожу, возможность спсходительно судить о короткой карьерѣ моей.

«Я единственный сынъ покойнаго адмирала сэра Артура Сетона. Такъ какъ мать моя вскорѣ послѣ смерти отца, вступила во второй бракъ, то я былъ воспитанъ въ домѣ опекуна моего, почтеннаго настора, дальняго родственника нашего. Я получилъ въ наслѣдство двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ и такъ какъ я готовился вступить въ военную службу, то мистеръ Отвѣ счелъ за нужное послать меня на нѣсколько лѣтъ въ Сандерстъ. Семейство мистеръ Отвѣ состояло изъ двухъ дочерей, почти однихъ съ мною лѣтъ и, вѣроятно, это была одна изъ главнѣйшихъ причинъ, заставлявшихъ его удалить меня изъ своего дому; хотя онъ любилъ меня какъ сына и живѣйшее желаніе его было соединить меня съ одною изъ дочерей своихъ, но онъ былъ слишкомъ благороденъ, чтобы позволить мнѣ связать себя честнымъ словомъ, не познакомивъ

ишишь съ свѣтомъ. И такъ, на шестнадцатомъ году я оставилъ домъ опекуна, и посѣщаль его только во время вакацій. Доброму и почтенному пастору однако жъ нечего было страшиться. Молодые люди, воспитанные вмѣстѣ и въ такихъ родственныхъ, братскихъ сношеніяхъ, рѣдко влюбляются другъ въ друга. Люси и Марія замѣнили мнѣ сестеръ и я даже не замѣтилъ бы красоты ихъ, если бы не слышалъ о томъ сужденій постороннихъ людей.

«Достигнувъ семнадцати-лѣтняго возраста, Марія умерла отъ жестокой горячки и врядъ-ли отецъ и сестра ея были огорчены болѣе меня ея смертію. Такъ какъ Люси осталась одна, то приличіе еще менѣе прежняго позволяло мнѣ жить въ домѣ пастора и вслѣдствіе этого я рѣшился провести послѣднія вакаціи въ Сандѣрстѣ; но одинъ изъ товарищей моихъ, старшій сынъ ирландскаго баронета, предложилъ мнѣ посѣтить съ нимъ вестморлендскія озера и я охотно принялъ предложеніе его, съ тѣмъ однако жъ условіемъ, что испрошу на то согласіе моего опекуна. Чтобы не терять напрасно времени, я отправился къ пастору, тотчасъ по закрытіи курсовъ, взявъ съ собою Пенкегема, моего товарища. Увидѣвъ Люси, онъ такъ былъ плененъ красотой и невинностію ея, что придумывалъ разные предлоги, чтобы отсрочивать предположенную поѣздки нашу; онъ такъ хорошо умѣлъ поддѣлаться ко всѣмъ, что самъ пасторъ просилъ его провести еще нѣсколько времени въ его домѣ. Однимъ словомъ, въ самое короткое время онъ сумѣлъ пріобрѣсти дружбу пастора и любовь дочери его. Будучи несовершеннолѣтнимъ, онъ уговорилъ Люси согласиться на тайный бракъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что отецъ никакъ не дастъ ему своего согласія. Добрый пасторъ, незнакомый съ обманомъ, ничего не подозрѣвалъ и просилъ гостя своего не забывать его и посѣщать, когда только будетъ время и возможность.

«Мы уѣхали. Нѣсколько времени спустя я окончилъ курсъ и до отъѣзду въ Коркъ, гдѣ стоялъ полкъ, въ который я былъ опредѣленъ, я пріѣхалъ проститься съ моимъ опекуномъ. Послѣ родительскихъ совѣтовъ, вырвавшихся изъ души добраго пастора, онъ, со слезами на глазахъ, умолялъ меня, торжественно обѣщать ему, быть по-

кровителемъ его дочери, если она будетъ имѣть въ томъ нужду. Я поклялся быть ей братомъ....

«Нѣсколько мѣсяцовъ спустя, я узналъ, что Пекенгемъ уговорилъ неопытную молодую дѣвушку бѣжать съ нимъ, и что нѣсколько недѣль спустя добрый пасторъ умеръ съ горя; тогда я понялъ, что пришло время привести въ исполненіе клятву мою, тѣмъ болѣе, что во время близкихъ сношеній моихъ съ Пекенгемомъ, я узналъ его съ весьма невыгодной стороны. Я нѣсколько успокоился, получивъ извѣстіе о томъ, что онъ женился на Люси.

«На всѣ письма свои къ ней я, однако жъ, не получалъ отвѣта. Впослѣдствіи я узналъ, что Пекенгемъ задерживалъ ихъ, вѣроятно для того, чтобы заставить Люси думать, что я забылъ объ ней; я же, съ своей стороны, въ этомъ молчаніи видѣлъ только доказательство того, что она не нуждалась въ моей помощи и что была принята и признана отцомъ своего мужа. Нѣсколько времени спустя, полкъ нашъ былъ отправленъ на Бермудскіе Острова и желая получить повышеніе, я не сталъ хлопотать о переводѣ въ другой полкъ.

«Прошло три мѣсяца съ-тѣхъ-поръ, какъ мы прибыли въ колонію, когда однажды утромъ, слуга мой разбудилъ меня, и сказалъ, что на послѣднемъ пароходѣ пріѣхала сестра моя.

— Ты ошибаешься, Петръ, сказалъ я ему, и хотѣлъ уже прибавить, что у меня нѣтъ ни брата, ни сестры, когда онъ подалъ мнѣ письмо, говоря, что сестра моя, мистриссъ Отвѣ, сама ждетъ меня съ сыномъ своимъ, въ гостинницѣ.

«Я поспѣшилъ къ Люси, не дочитавъ даже письма. Первые строки были, впрочемъ, довольно ясны:

«Я была обманута самымъ недостойнымъ образомъ, писала она: бракъ мой недѣйствителенъ. Эдуардъ поклянувшись, прогналъ меня и бѣднаго малютку моего, расточивъ все состояніе, которое оставилъ мнѣ отецъ. Одна надежда моя на васъ, добрый Артуръ; но, чтобы не подать повода къ клеветамъ, я назвалась настоящею сестрою вашею. Позвольте мнѣ сохранить это имя, умоляю васъ».

«Расстроенный до глубины души, я спрашивалъ въ го-

сѣдѣнцѣ-мистриссъ Огъ, *гостру мю*; и такъ изъяснивъ наложилъ на себя обязанность; отъ которой уже трудно было отказаться. Узнавъ о прибытіи сестры моея, главнѣйшія фамиліи колоніи, къ которымъ я привезъ рекомендацiонныя письма, посѣщали посѣтить Люси и осмысли ее ласками и приглашеніями. Только тогда вошло въ голову мою осторожность свою; хотя я уступилъ ей квартиру свою и самъ нанялъ другую, чтобы не подать повода къ обидчивымъ толкамъ и догадкамъ, несмотря на то, я однако жъ долженъ былъ играть довольно невыгодную для меня роль, представляя Люси какъ сестру людямъ, къ которымъ я не имѣлъ довольно довѣрія, чтобы разсказать исторію несчастій бѣдной женщины.

«Желая помочь ей, я обратился къ одному изъ извѣстнѣйшихъ лондонскихъ адвокатовъ, чтобы узнать, въ какой степени можно было отвергать законность ея брака. Я получилъ въ отвѣтъ, что Пекенгеъ принималъ всевозможныя предосторожности съ ловкостью закоренѣлаго негодяя и что не было никакой возможности вывести Люси изъ несчастнаго положенія, въ которое онъ ее ввернулъ. Жесточайшимъ мученіемъ было для меня зрѣлище страданій и отчаянія бѣдной Люси, которая все-еще любила виновника всѣхъ своихъ бѣдствій. Привязанность ея къ этому человѣку была такъ сильна, что она часто оскорблялась замѣчаніями моими насчетъ гнуснаго поведенія его, такъ что я потомъ и не думалъ, чтобы кто-либо могъ усомниться въ невинности отношеній нашихъ, хотя бы тайна наша и была открыта. Мы были недовольны другъ-другомъ и, вѣроятно, разстались бы, если бы меня не удерживала клятва, данная отцу Люси, и ея чувство признательности и зависимости. Мы условились однако жъ, что въ началѣ весны она воротится въ Англію и что я самъ отпущусь въ отпускъ мѣсяца на два, чтобы проводить ее, потому что здоровье ея было разстроено и она не могла ѣхать одна.

«Въ Англіи она жила въ совершенное изнеможеніе; чувствуя приближеніе смерти, страдала уверена бракомъ и дружественной помощью и оказаны ей все возможные вспомо-

кихъ людей, она умоляла меня, не покидать ее, безпрестанно повторяя:

— У насъ съ сыномъ въ цѣломъ мірѣ только и есть одинъ другъ вы, Артуръ; вспомните объ отцѣ моемъ.

«И рѣшился выйти въ отставку и въ продолженіи цѣлаго году видѣть, какъ медленно угасала несчастная жертва; болѣе году жилъ я съ нею въ маленькомъ городкѣ на южномъ берегу Англіи. Въ послѣдніе дни жизни своей, она съ горестію должна была еще замѣтить, что передала сыну своему зародышъ чахотки, которая скоро должна была убить и его! Она умерла, препоручивъ сына моимъ попеченіямъ и умоляя меня, пьемемъ своего покойнаго отца, заботиться о ребенкѣ какъ о родномъ сынѣ. Такимъ образомъ, съ самаго начала жизни моей, на меня были возложены обязанности отца семейства, но безъ удовольствій и радостей, доставляемыхъ ими.

Нѣсколько времени послѣ смерти Люси, я получилъ письмо, которое поразило меня подобно громовому удару; на Бермудскихъ Островахъ узнали о томъ, что я былъ не братъ мистриссъ Отвѣ и всѣ считали меня любовникомъ ея и отцомъ малютки. Если бы я воротился въ колонию послѣ двухъ мѣсяцевъ отпуску, какъ я сначала и намѣревался поступить, то не одинъ оскорбленный отецъ, не одинъ мужъ вызвали бы меня на дуэль, за то, что я измѣнически воспользовался гостепріимствомъ ихъ, и ввелъ къ нимъ въ семью женщину опозоренную; а когда увидѣли, что я вышелъ въ отставку, то никто не сомнѣвался въ томъ, что я поступилъ такимъ образомъ изъ низкой трусости, чтобы избавиться отъ справедливаго мщенія тѣхъ, которыхъ я обманулъ. Когда до меня дошли слухи объ этихъ обвиненіяхъ, то, къ несчастію, было слишкомъ поздно чтобы оправдываться. Клянусь честью дворянина и офицера, что только двадцать мѣсяцевъ спустя послѣ отъѣзду моего, я узналъ объ этихъ оскорбительныхъ обвиненіяхъ. Первою мыслью моею было воротиться на острова, чтобы вызвать перваго, который усомнился бы въ благородствѣ и мужествѣ моемъ; но я понялъ, что этимъ плохо отплатю за оказанныя мнѣ ласки, что вся вина была съ моей стороны, что во всякомъ случаѣ

долженъ былъ признаться въ обманѣ и что такое позднее оправданіе будетъ сочтено отчаяніемъ труса, ожесточеннаго безчестіемъ, которому онъ не побоялся однако жъ подвергнуться.

«Мнѣ казалось, что я долженъ былъ другими способами искупить вину свою и потому старался по-скорѣе вступить въ службу, чтобы какимъ бы то ни было средствомъ сбросить съ себя безчестіе, котораго я, однако жъ, ничѣмъ не заслуживалъ.

«Вотъ обстоятельства, въ которыхъ я находился, представъ къ этому острову. Благосклонность, съ которою меня приняли, уваженіе, которымъ меня почтили, дѣлають ударъ, постигшій меня, еще болѣе жестокимъ.

«Я тысячу разъ готовъ былъ открыть сэръ Джорджу Гаркорту несчастную исторію мою; тысячу разъ прибѣгалъ я къ мужеству своему, чтобы объяснить все дочери. Никто не пойметъ какъ мучили меня болѣзнь и даже раскаяніе! Я зналъ, что основа чести моей могла каждую минуту рушиться; я упрекалъ себя въ дружбѣ, въ уваженіи и довѣренности, которую мнѣ оказывали; съ ужасомъ ожидалъ я той минуты, когда люди, которыхъ я уважалъ и любилъ болѣе всего въ мірѣ, оттолкнуть меня съ презрѣніемъ. Не обвиняю лорда Ольгернона въ поступкахъ со мною. «Не осуждай другихъ, если не хочешь чтобы тебя осуждали», вотъ правило, которымъ руководствуются немногіе, а въ прошедшей жизни моей все говоритъ противъ меня. Я не боюсь смерти, но надѣялся иначе встрѣтиться съ нею. До какой ужасной крайности я доведенъ! Только моя кровь или кровь противника моего, можетъ смыть пятно, лежащее на добромъ моемъ имени. Убіиство должно быть совершено.....

«Если сэръ Джорджъ Гаркортъ не перемѣнилъ еще мнѣнія своего на мой счетъ, то я умоляю его, сообщить содержаніе этого письма тѣмъ изъ моихъ товарищей, которые удостоивали меня именемъ друга и особенно тѣмъ двумъ офицерамъ, которые имѣли довольно довѣренности къ слову моему, чтобы принять участіе въ челобѣтѣ, на которомъ тяготѣло такое ужасное обвиненіе.

Артуръ Сетонъ.»

Пробѣжавъ это письмо, генераль поспѣшно ѣхалъ изъ дому, чтобы освѣдомиться о послѣдствіяхъ дуэли и первый человѣкъ, котораго онъ встрѣтилъ, былъ лордъ Ольгернокъ, окруженный группою офицеровъ....

Въ тотъ же день, въ десять часовъ вечера, миссъ Марта и племянницы ея готовились удалиться въ свои покои, когда услышали топать лошади, примчавшейся на дверь виллы. Минуту спустя, сэръ Джорджъ вошелъ въ комнату съ такимъ разстроеннымъ видомъ, что дочери его невольно вскрикнули:

— Боже мой, что случилось?

— Не получили ли вы дурныхъ вѣстей изъ Англии? прибавила Софія.

— Нѣтъ, отвѣчалъ генераль, поцѣловавъ дочерей, бросившихся къ нему, между-тѣмъ какъ тѣтушка Марта неподвижно остановилась у своего стула.

Не поздоровавшись еще съ сестрой, сэръ Джорджъ, приказалъ подать себѣ, противъ своего обыкновенія, вина; и рука его дрожала, поднося стаканъ къ губамъ. Невыразимое безпокойство овладѣло тогда старой дѣвой. Что же касается до Эммы, то смертная блѣдность разлилась по лицу ея и она должна была ухватиться за стулъ, чтобы не упасть.

— Я привезъ вамъ печальную новость, сказалъ губернаторъ прерывавшимся голосомъ: но, вѣроятно, сержантъ Ганзонъ приготовилъ васъ къ ней.....

Эмма судорожно схватила руку отца, а миссъ Марта отвѣчала, что солдатъ вручилъ имъ только письмо и немедленно усккалъ.

— Точно, я и забылъ, что приказалъ ему не говорить ни слова, продолжалъ сэръ Джорджъ. Слѣдовательно, я первый долженъ объявить вамъ о несчастной дуэли.

— Дуэль, праведное небо! вскричала Софія.

— И бѣдный Сетонъ.....

— Убитъ! пронзительнымъ голосомъ вскричала Эмма.

— Онъ еще не умеръ, но нѣтъ никакой надежды..... Бѣднякъ палъ жертвой своего великодушія..... По идеямъ свѣта нельзя было отклонить этого поединка, но по законамъ здраваго смысла.....

Глухой шумъ заставилъ генерала оглянуться, и онъ увидѣлъ, что Эмма бѣсъ чувствъ упала на полъ.

— Дочь моя! дитя мое! вскричалъ онъ, поднимая ее; и такъ, божень мой была сноватильна,.... она любить его!.... О! я никогда не прощу себѣ своей неосторожности.

Были употреблены всѣ средства для приведенія въ чувство молодой дѣвушки, которую отецъ осторожно положилъ на диванъ, но пришедъ на минуту въ себя, она опять упала въ обморокъ.

Между-тѣмъ какъ Софія и тѣтушка хлопотали около Эммы, сэръ Джорджъ взялъ руки ея и говорилъ:

— Бѣдное дитя..... Теперь я вижу, что вы были правы, сестрица..... Эмма! Эмма! приди въ себя; не надо терять надежды—его, можетъ-быть, спасутъ еще!

— Неужели не было никакихъ средствъ разстроить эту дуэль? спросила миссъ Марта съ глазами, полными слезъ.

— Нѣтъ, сестрица, отвѣчалъ генералъ; если бъ я былъ секундантомъ моего адъютанта, то я самъ бы требовалъ поединка. Послѣ словъ, произнесенныхъ лордомъ Ольгернономъ, дуэль сдѣлалась неизбѣжною и необходимою.

— Возможно ли? лордъ Ольгернонъ! спросили вмѣстѣ тѣтушка и Софія.

— Лордъ Ольгернонъ! отвѣчалъ генералъ. Бѣдный Сетонъ! его могли обвинить въ недостаткѣ мужества! Онъ не только рисковалъ жизнью, онъ хотѣлъ лишиться ея. Немногіе офицеры умѣютъ такъ искусно владѣть шпагой, а между-тѣмъ онъ, какъ-бы нарочно, подставлялъ грудь свою подъ сталь противника, такъ что тотъ долженъ былъ кричать, что онъ не хочетъ быть убійцей человека который не защищается; Артуръ требовалъ продолженія поединка и бросился на шпагу Ольгернона, которая проколола ему плечо. Потомъ онъ захотѣлъ еще стрѣляться; секунданты увѣряли меня, что онъ только притворно прицѣливался въ противника своего, чтобы принудить того въстрѣдять. Наковонецъ онъ упалъ, пораженный пулей въ грудь..... раны такъ опасны, что доктора не надѣются спасти его. Я видѣлъ Сетона въ госпиталѣ, онъ ужасно

страдалъ. Видный молодой человекъ Онь, вѣроятно, утѣшился нѣсколько, увидѣвъ что послѣ письма его, я жаль ему руку съ большою привязанностью и большимъ уваженіемъ, нежели когда-либо. Я сказалъ ему, что былъ бы счастливъ, если бѣ имѣлъ такого сына. Это тронуло его до слезъ. Ущреть ли онъ или останется въ живыхъ, я, во всякомъ случаѣ, беру на себя воздать должную справедливость его возвышенной душѣ!

Предсказанія докторо въ не сбылись. Сетонъ вылечился отъ ранъ своихъ. Нѣсколько мѣсяцовъ спустя, исполнились желанія Эммы. Генералъ, для возстановленія чести своего адъютанта, не нашель лучшаго средства, какъ отдать ему руку дочери, сердцемъ которой Артуръ самъ давно уже овладѣлъ.

САМООТВЕРЖЕНІЕ МОЛОДОЙ ИСПАНКИ. Во французскомъ журналѣ, la Patrie, нѣкто marquis de Foudras рассказываетъ, что въ началѣ 1817 года, онъ былъ подпоручикомъ въ конномъ полку, стоявшемъ въ главномъ городѣ одного изъ южныхъ департаментовъ Франціи.

«Мнѣ было, говоритъ онъ, шестнадцать лѣтъ и какъ всѣмъ офицерамъ прошедшаго вѣку, мнѣ казалось, что я буду плохой офицеръ, если къ качествамъ, свойственнымъ молодежи, не присоединю недостатковъ, неразлучныхъ съ юнымъ званіемъ. Я былъ вѣтренъ какъ пажъ, неблагоприятенъ и дерзокъ какъ мушкетеръ 1750 году; не выпускалъ изо рта огромной трубки, чтобы придать себѣ видъ стараго слугаки, что очень не согласовалось съ моею школьничьей физиономіей. Я чрезвычайно забавлялъ товарищей, поглаживая пушокъ, надъ губами моими или употребляя не совсѣмъ приличныя выраженія.

Я былъ счастливѣйшимъ и самымъ взбалованнымъ офицеромъ всего нашего полка. Да и нельзя было не любить мальчика, который готовъ былъ сѣсть на дикую лошадь; который дурно исполнялъ должность свою, но всегда готовъ былъ услужить товарищамъ; который потѣшалъ всѣхъ пушкѣмъ, самъ не будучи въ состояніи стрѣлять имъ, наконецъ; который дрался на дуэли съ товарищомъ за шалость; въ которой онъ былъ невиннымъ; въ

чемъ признался однако жъ не прежде, какъ по окончаніи поединка.

Городъ, гдѣ мы стояли, о названіи котораго я умалчиваю, потому что не имѣю прежняго воинственнаго духу, находился въ самомъ скучномъ, несносномъ мѣстѣ. Представьте себѣ маленькій городокъ, съ осьмью тысячами жителей, построенный на южномъ скатѣ голой горы и окруженный коварной рѣкой, которая разъ десять въ зиму заливала наши казармы, между-тѣмъ какъ лѣтомъ въ ней не было довольно воды, чтобы напоить лошадей. Ни одного мѣста для прогулки въ окрестностяхъ, исключая большихъ пыльныхъ дорогъ, близъ которыхъ не было ни деревца, гдѣ бы усталый путникъ могъ бы защититься отъ палящаго солнечнаго зною; ни какихъ публичныхъ собраний и обществъ, исключая того, которое разъ въ недѣлю собиралось въ префектурѣ. Слѣдовательно мы, военные, нисколько составили свое общество, что мнѣ было весьма пріятно, потому что я не любилъ большихъ собраний и въ то время находился еще въ пылу первыхъ вѣрованій въ дружбу; сладостныхъ заблужденій, которыхъ ничто такъ не поддерживаетъ, какъ военная жизнь. Я проводилъ время въ довольно плохомъ исполненіи своихъ обязанностей, въ чтеніи нѣсколькихъ дурныхъ романовъ, никогда не появлявшихся въ отцовской библіотекѣ, въ вечернихъ праздникахъ на маленькой эспланадѣ, гдѣ насажены были сорокъ осемь жалкихъ деревьевъ, и въ дождлихъ засѣданіяхъ въ кофейной, гдѣ, съ своей огромной трубкой въ зубахъ, я слушалъ какъ старыя наполеоновскіе служаки грустно вспоминали о гомерическихъ подвигахъ своего времени.

Прошло около шести мѣсяцовъ, какъ я наслаждался этой жизнію, довольно пріятной, несмотря на однообразіе, когда мы узнали, что по требованію Фердинанда Седьмаго, французское правительство приказало испанскимъ эмигрантамъ, приверженцамъ короля Іосифа, переселиться изъ По, гдѣ они были слишкомъ близки къ Паренсамъ, въ городокъ, гдѣ стоялъ нашъ полкъ, По причинѣ бездѣйствія, въ которомъ мы находились, мы обрадовались этой новости и Богъ знаетъ, сколько сладост-

ныхъ надеждъ родилось въ насъ, потому что мы знали, что многіе эмигранты были люди семейные. Тѣ изъ насъ, которое въ душѣ сохранили воспоминаніе объ испанской компаніи, часто рассказывали намъ о смуглыхъ андалузакахъ, о мстительныхъ кастильянкахъ, и мы только и мечтали о серенадахъ при лунномъ свѣтѣ, о букетахъ брошенныхъ изъ-за занавѣсокъ оконъ, о кинжалныхъ ударахъ, нанесенныхъ во мракѣ, и, о сеньорахъ, закрытыхъ воалами и набожно преклоняющихъ колѣна на церковныхъ плитахъ. Цравду сказать, всѣ эти вещи не имѣли для меня еще особой прелести, но та же причина, которая заставила меня взяться за трубку и употреблять неблагопрістойныя выраженія, внушила мнѣ мысль казаться болѣе другихъ восхищеннымъ прибытіемъ прекрасныхъ и несчастныхъ чужестранокъ.

Однажды вечеромъ, когда мы, по обыкновенію, сидѣли на скамьяхъ эспланады, подъ которою проходитъ дорога, ведущая въ По, мы увидѣли вдали множество экипажей различныхъ формъ, подъѣзжавшихъ къ нашему городу. Мужчины, въ длинныхъ и широкихъ плащахъ шли передъ поѣздомъ, имѣвшимъ какой-то печальный и вмѣстѣ торжественный видъ.

— Вотъ эмигранты, сказалъ нашъ маіоръ: меня увѣрили, что они должны прибыть сегодня.

Едва слова эти были произнесены, какъ мы сошли съ эспланады и встали на сторонѣ дороги съ почтительнымъ видомъ; участіе заступило мѣсто любопытства и я самъ въ то время невольно вспомнилъ, что родился въ изгнаніи. Когда поѣздъ приблизился къ намъ, мы сняли шляпы; мужчины, шедшіе пѣшкомъ, поклонились съ выраженіемъ признательности и достоинства; женщины же находились въ каретахъ; ни одинъ нескромный взглядъ не старался проникнуть до нихъ. Потомъ каждый изъ насъ воротился домой, полный непривычныхъ, грустныхъ ощущеній.

Я жилъ противъ казармъ, въ нижней части города, въ верхнемъ этажѣ хорошенькаго домика, низъ котораго былъ занятъ хозяиномъ и женой его; эти добрые люди поступали со мною какъ съ сыномъ. Мужъ ходилъ со мною на

охоту; когда я сидѣлъ подлѣ арестомъ, жена приходила ко мнѣ съ вѣзцомъ и рассказывала о благотворительности и другихъ добродѣтеляхъ архіепископа А....; оба доверяли мнѣ всѣ домашніе секреты свои, не вышнываясь къ моему дѣлу и не спрашивая о моихъ секретахъ, которыхъ у меня, впрочемъ, и не было; не мудрено: я былъ подпоручикомъ и только семнадцать лѣтъ! Возвращаясь домой, я встрѣтилъ мадамъ Дельпекъ у самыхъ дверей. Она ласково пожелала мнѣ добраго вечера и спросила:

— Какъ вы сегодня рано возвращаетесь домой! Ужъ не подлѣ арестомъ ли вы?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я. Я возвращаюсь рано домой, потому что мнѣ грустно: я видѣлъ бѣдныхъ испанскихъ нагнаниковъ.

— А, вы видѣли ихъ? Мужъ мой пошелъ къ нимъ на встрѣчу, чтобы предложить имъ свои услуги. Вы знаете, что у насъ на дворѣ есть маленькій флигель, очень удобный для помѣщенія небольшого семейства.

— Но вы требуете за него, можетъ-быть, слишкомъ дорого?

— Если люди, которымъ онъ покажется, бѣдны, то мы съ нихъ лишняго не возьмемъ. Вы знаете, что мы съ мужемъ не жадны къ деньгамъ. Даровавъ намъ состояніе и лишивъ счастья имѣть дѣтей, Господь Богъ видно пожелалъ, чтобы мы могли быть полезны нуждающимся.

— Вы напоминаете мнѣ добрую тѣтушку мою, которую я люблю всей душою. Добрый вечеръ, мадамъ Дельпекъ. Нѣсколько минутъ спустя у дому остановилась карета и я услышалъ голосъ почтеннаго хозяина, которой звалъ жену свою. Потомъ мнѣ послышалось, что перенесли дѣткъ на дворякъ, гдѣ находился флигель. Я заключилъ изъ этого, что Дельпекъ достигъ цѣли своей и я очень обрадовался тому. Я уснулъ съ этой, утѣшительной мыслию, лишь только шумъ пересталъ. На слѣдующее утро, слуга разбудилъ меня, объявивъ, что пора идти на ученье; и подтвердилъ догадки мои рассказавъ, что флигель нанятъ старымъ испанскимъ генераломъ, который поселился къ немъ съ дочерью.

— Ты какъ видѣлъ? спросилъ я.

— Видѣлъ, сударь; я даже помогаль имъ переносить вещи. Они очень несчастны. Попробуйте ли, сударь, старикъ-то слѣзть, а дочь его шима.

— Услуживашъ имъ сколько можно будетъ и если они предложатъ тебѣ какое-нибудь награжденіе, то не отказывайся: Обдѣлян считаютъ себя богатыми, когда нѣкому дасть случай быть щедрыми; не надо лишать ихъ этого удовольствія.

Сказавъ это, я сѣлъ на лошадь и поспекалъ на учење. Я былъ увѣренъ, что слуга исполнитъ мои приказанія. Возвратясь съ учења, я разговорился съ ховяікой и она подтвердила все то, что я уже зналъ о обдѣльхъ когнанникахъ; она прибавила, что уставъ съ дороги и послѣ устройства новаго жилища своего, они заперлись въ квартиру своей, чтобы нѣсколько отдохнуть. Мадамъ Дельпекъ очень заботилась о положекии жельцовъ своихъ и приписывала уже средства, какъ бы смягчить ихъ участь. Почтенная женщина!...

Квартира, которую я занималъ, состояла изъ двухъ комнатъ; одна, гдѣ была спальня моя, выходила окнами на улицу; другая, которую я называлъ своимъ салономъ, была обращена во дворъ, тотъ самый гдѣ находился флигель. Дворъ, покрытый деревьями и кустарниками, служилъ вмѣстѣ и общимъ садомъ; тамъ могли сходиться обитатели обоихъ домовъ.

Прошло нѣсколько дней, и мнѣ не удавалось встрѣтиться съ новыми своими сосѣдами. Правда, я старался удалиться отъ оконъ залы, а они боялись обезпекнуть меня; выйдя прогуливаться въ садъ. Узнавъ объ этомъ, я писалъ Дельпека, чтобы онъ немедленно далъ имъ знать, что я крайне огорченъ мнѣніемъ ихъ и прошу, чтобы они нимало не заботясь обо мнѣ, гуляли бы сколько имъ угодно. Они отвѣчали, что церемонятся со мною потому только, что имъ кажется, что и я стараюсь не беспокоить ихъ, но что они охотно откажутся отъ всѣхъ церемоній, если я покажу имъ примѣръ, сойдя въ садъ. Часъ спустя послѣ того, какъ я получилъ этотъ отвѣтъ, я сидѣлъ уже съ трубкой въ зубахъ и какими-то скучнымъ романомъ въ рукахъ, подлѣ тѣнью маленькой бесѣдки, находившейся на-

чти въ центрѣ двера. Я просидѣлъ тамъ нѣсколько минутъ, чтобы показать эмигрантамъ готовность мою быть имъ пріятнымъ; потомъ отправился въ кофейню. Тамъ засталъ я лучшихъ пріятелей моихъ за пушкеновою чашкою, съ ними были два испанскіе офицера, съ которыми меня и познакомилъ. Когда мы сблизились, то я заговорилъ съ ними о старомъ генералѣ, моемъ сосѣдѣ, и спросилъ, правда ли то, что онъ слѣпъ, а дочь его нѣма.

— Это не дочь его, отвѣчали они, это ангелъ, сошедшій съ неба, потому что никто не знаетъ, кто она и откуда. Впрочемъ, бѣдный старикъ больше насъ нуждается въ помощи, онъ несчастіе всѣхъ: никто изъ насъ не ходитъ къ нему.

— За что же это двойное изгнаніе? спросили мы всѣ.

— Это ужасная исторія и мы, сколько можно, стараемся не вспоминать объ ней; однако жъ если вы непременно хотите знать ее, то мы сдѣлаемъ для васъ исключеніе.

Мы услышались около обоихъ Испанцевъ; старшій изъ нихъ разсказалъ намъ слѣдующее:

«Кавалеръ де Коломбресъ былъ губернаторомъ Толосы, когда армія, предводительствуемая великимъ герцогомъ Берескимъ вторглась въ Испанію. Претерпѣвъ нѣкоторыя несправедливости, онъ одинъ изъ первыхъ призналъ новое правленіе и предался ему со всѣмъ рвеніемъ измѣнника по убѣжденію. Такъ какъ онъ былъ храбръ и имѣлъ большое вліяніе, то примѣръ его увлекъ многихъ, бывшихъ въ равныя времена его подчиненными и онъ могъ составить значительную партію гверильясовъ съ которою наводилъ ужасъ на всѣхъ жителей мѣстъ, гдѣ появлялся. Навлекши на себя презрѣніе всѣхъ соотечественниковъ и будучи принужденъ безпрестанно давать доказательства вѣрности французскому правительству, онъ заслужилъ славу и извѣстность равную славу знатнѣйшихъ нашихъ партизановъ. Наша необузданная чернь, на которую появленіе войскъ величайшаго и счастливѣйшаго полководца нашего времени, не произвело ни какого дѣйствія, трепетала при одномъ имени того, котораго бы она обожала, если бъ онъ употребилъ дарованныя качества

свои на защиту отчизны. Мы бы не кончили до завтра, если бы захотѣли рассказывать вамъ всѣ отчаянные подвиги, всѣ страшныя мщенія этого человѣка, котораго Испанія и понынѣ проклинаетъ; я выберу одинъ изъ поступковъ его, который болѣе другихъ сдѣлалъ его предметомъ общей ненависти и за который мы сами, такіе же низверженники какъ и онъ, избѣгаемъ встрѣчи съ нимъ.

У кавалера де-Коломбреса былъ старшій братъ, депутатъ и человѣкъ способный, рѣшительный. Юнта, образовавшаяся въ Кадисѣ, думала, что пославъ старшаго брата усмирить возмущившихся Испанцевъ, заставитъ тѣмъ младшаго лишиться болѣе части приверженцевъ своихъ и удалиться въ другую провинцію, гдѣ онъ будетъ имѣть менѣе вліянія и, слѣдовательно, легче будетъ уничтожить его шайку. Намѣреніе это было приведено въ исполненіе, но результатъ его былъ совсѣмъ не тотъ, какого юнта ожидала. Графъ де-Коломбресъ, старшій братъ, также составилъ партію гверильсовъ, но не переманилъ къ себѣ никого отъ кавалера. Завязалась страшная битва. Братья боролись съ безпримѣрнымъ въ эту войну ожесточеніемъ и постоянствомъ, которыя представили свѣту цѣлый рядъ преступленій и героическихъ подвиговъ. Послѣ нѣсколькихъ встрѣчь, въ которыхъ побѣда оставалась то на одной, то на другой сторонѣ, кавалеръ сталъ ослабѣвать, но хитростью, выдуманною съ адскимъ искусствомъ, ему удалось овладѣть братомъ.

— Что бы ты сдѣлалъ со мною, если бы я попался къ тебѣ въ плѣнъ? спросилъ младшій братъ старшаго.

— Я велѣлъ бы тебя повѣсить какъ измѣнника.

— Я поступаю съ тобою великодушно, возразилъ кавалеръ съ звѣрской улыбкой: потому что ты умрешь какъ волкъ.

Пять минутъ спустя послѣ этого ужаснаго разговора, двѣнадцать гверильсовъ разстрѣляли графа де-Коломбреса, за изгородью въ двадцати шагахъ отъ роднаго брата его....»

Дѣйствіе ужасу, которое мы не могли удержать, прервало Испанца; потомъ онъ продолжалъ рассказъ свой:

«Во время этого ужаснаго происшествія французскія

войска готовились выступить изъ Миссони и въ самое время снуетя кавалеръ де-Коломбресъ долженъ былъ навсегда удалиться изъ отчизны. Никто изъ насъ не знаетъ, что было съ нимъ въ первые два года его изгнанія; но когда мы опять встрѣтились съ нимъ въ По, въ началѣ 1816, то онъ былъ уже слѣпъ и велъ самую бѣдственную жизнь. Не имѣя средствъ, чтобы содержать служанку, и будучи слышимомъ ненавидимъ, чтобы кто-либо изъ соотечественниковъ смѣлся надъ нимъ, онъ долженъ былъ вступить въ военный госпиталь, гдѣ страшное преступленіе его сдѣлалось вскорѣ всѣмъ извѣстно. Тамъ прожилъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ въ совершенномъ уединеніи, покинутый всѣми, когда ему пришла сказать, что молодая нѣмая дѣвушка, проситъ чтобы онъ согласился послѣдовать за нею, что она будетъ заботиться о немъ и отдастъ въ полное распоряженіе его маленькое свое состояніе. Никто не зналъ кто и откуда эта молодая дѣвушка и самъ Коломбресъ, согласившись принять самоотверженіе ея, долженъ былъ покериться условію—не стараться узнать кто она. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ она съ нимъ и мы всѣ удивляемся нѣжности и заботливости ея попеченій. Благодаря ей, кавалеръ не можетъ жаловаться на бѣдность и одиночество. Вы видите, господа, что мы имѣли право назвать эту молодую дѣвушку ангеломъ.»

— Да, вскричалъ я съ живостію; но вашъ кавалеръ де-Коломбресъ чудовище! Я въ отчаяніи, что живу съ нимъ въ одномъ домѣ и не хочу видѣть его.

— Не говорите этого, молодой человѣкъ, сказалъ серіозно капитанъ нашего полка: междуособныя войны ужасны, они придаютъ ложный оборотъ идеямъ, такъ что величайшія злодѣянія кажутся обязанностями; непреклонность, жестокость, принимаютъ звучное названіе чести.... Будемъ молить Бога, чтобы онъ избавилъ насъ отъ новыхъ революцій и чтобы усладить воспоминаніе о прешедшихъ, будемъ прощать, чтобы и намъ простили.

— Я согласенъ съ вашими великодушными идеями, отвѣчалъ я вполонину убѣжденный; но разстрѣлять брата!

— Вы забываете, что этотъ братъ велѣлъ бы его похвѣять.

— Не признайтесь, по-крайней-мѣрѣ, что кавалеру предстала прекрасный случай, показать свое великодушіе!

— Прекрасно, другъ мой, ненавиьте этого человѣка, если думаете что имѣете на то право; жалѣйте объ немъ— это будетъ, лучше.

Эти слова произвели на меня нѣкоторое впечатлѣніе; несмотря на то, возвратившись домой, я не перемѣнилъ на мѣренія своего не знакомиться съ кавалеромъ де-Коломбесомъ и сѣлъ на бадковъ своемъ, чтобы показать сосѣдямъ, что я отдаю имъ маленькій садикъ въ полное распоряженіе.

Разсказъ Испанца мрачно подѣйствовалъ на мое воображеніе. Я приискивалъ себѣ самую страшную идею объ непреклонномъ человѣкѣ, который не побоялся пожертвовать братомъ изъ угожденія политическому своему убѣжденію. Мнѣ казалось, что онъ долженъ быть высокаго росту, худощавый, согбенный, съ плоскимъ лбомъ, желчнымъ цвѣтомъ лица, хриплымъ голосомъ, звѣрской улыбкой; однимъ словомъ, какъ всѣ преступники въ мелодрамахъ. Я былъ такъ убѣжденъ въ вѣрности составленнаго мною портрета, и думалъ что непременно узнаю кавалера, гдѣ бы его ни встрѣтилъ; такъ же какъ и молодую дѣвушку, которую воображеніе мое надѣляло всевозможными прелестями. Я былъ выведенъ изъ размышленій своихъ шумомъ шаговъ, вошедшихъ въ сосѣдней комнатѣ и почти въ то же время кто-то постучался въ дверь. Я просилъ войти и каково было мое удивленіе, когда вошли двѣ особы, въ которыхъ я узналъ сосѣдей своихъ, хотя они на сколько не походили на портреты, составленные моимъ воображеніемъ.

Кавалеръ де-Коломбесъ точно былъ высокаго росту, но вся наружность его была благородна и внушала неважное почтеніе. Высокій лобъ, придававшій ему видъ мыслителя и человѣка съ спокойной совѣстью, былъ покрытъ въ верхней части длинными, сѣдыми волосами, етъ которыхъ фizioномія его принимала очаровательное выраженіе крепости и достоинства. Глаза его сохраняли въ недвиж-

ности своей нѣкоторый блескъ, заставлявшій надѣяться, что свѣтъ не навсегда покинулъ ихъ. Большой, но смѣтый ротъ его, выражалъ настойчивость, а выступавшій подбородокъ, рѣшительность: эти двѣ послѣднія характеристическія черты однѣ нѣсколько согласовались съ мнѣніемъ, которое я составилъ себѣ о бывшемъ губернаторѣ Толосы. Онъ приближался ко мнѣ, ведомый молодою женщиною, не имѣвшею ничего замѣчательнаго, исключая граціозной талии и прелестнѣйшаго взгляду, какой я когда-либо видывалъ.

— Извините, сказалъ мнѣ генералъ голосомъ, нѣжность и пріятность котораго заставила меня вздрогнуть, потому что я ожидалъ услышать грубый голосъ: извините, что я осмѣлился прійти къ вамъ безъ вашего приглашенія, но я спѣшу изъяснить вамъ благодарность за добрые поступки ваши.

Это начало нѣсколько разстроило всю рѣшимость мою; я проговорилъ нѣсколько вѣжливыхъ словъ и безъ особой поспѣшности просилъ ихъ садиться. Молодая дѣвушка посадила генерала, а сама стала у его стула.

— Если ты хочешь удалиться, продолжалъ старикъ, то я надѣюсь, что господинъ офицеръ не откажется проводить меня, если только я не беспокою его, и онъ хотѣлъ встать.

Невозможно было отказаться, а потому я сказалъ кавалеру, что я считаю его посѣщеніе за честь для меня. Между-тѣмъ молодая дѣвушка удалась.

— Я пришелъ къ вамъ, сказалъ генералъ, не только для исполненія долга вѣжливости: этого недостаточно, чтобы извинить мою нескромность; но мнѣ сказали, что вы выразились на мой счетъ съ участіемъ, и я счелъ долгомъ открыть вамъ причину одиночества, въ которомъ оставляютъ меня товарищи изгнанія.

— Я знаю эту причину, генералъ, отвѣчалъ я, признаюсь вамъ, что она внушила мнѣ намѣренія, которыя благородная откровенность ваша сильно поколебала. Васъ, можетъ-быть, оклеветали?

— Нѣтъ, — если вамъ сказали, что я разстрѣлялъ брата;

но сказали ли вамъ, что съ того дня я не имѣю ни минуты покою?

— Это очень понятно.

— Благодарю васъ, молодой человекъ, продолжалъ генералъ съ чувствомъ. Я пришелъ сюда не для того, чтобы оправдываться въ поступкѣ, который я считалъ долгомъ, пока былъ военнымъ; но который я оплакиваю какъ преступленіе, съ-тѣхъ-поръ какъ я изгнанникъ.... Миѣ кажется, гораздо уважительнѣе подвергнуться ненависти людей, нежели незаслуженнымъ образомъ владѣть уваженіемъ ихъ.

Тогда кавалеръ де-Коломбресъ, не дожидаясь отвѣту, сталъ рассказывать миѣ всѣ подробности, не только ужаснаго происшествія, но и другихъ, въ которыхъ судьба заставила его играть главную роль. Жизнь его, впродолженіи пяти лѣтъ, наполнена была страшными событіями, бывшими слѣдствіемъ непостижимаго стеченія обстоятельствъ, въ которыхъ онъ не имѣлъ даже возможности обдумать предпринимаемыя намѣренія. Онъ описалъ миѣ живѣйшими красками господствующій характеръ Испанцевъ, у которыхъ мщеніе признано добродѣтелью, а умеренность, слабостью. Съ одной стороны, говорилъ онъ: меня, можетъ-быть, по справедливости назвали и мѣнникомъ; съ другой, безпрестанно сомнѣвались въ вѣрности моей къ царти, къ которой я присталъ. На полѣ битвы, взоры умирающихъ устремлялись на меня съ выраженіемъ ненависти; между товарищами моими, въ самыхъ вѣжливыхъ словахъ ихъ проглядывала безпрестанно недоувѣрчивость. Сказать ли вамъ все? вскричалъ онъ: да, это было началомъ безчисленныхъ моихъ страданій! На другой день послѣ смерти несчастнаго моего брата, миѣ столько же не довѣряли какъ и прежде и съ горестію услышалъ я слѣдующія слова: «Это ничего не доказываетъ! Онъ Испанецъ.»

Рассказъ кавалера продолжался уже болѣе двухъ часовъ и я не думалъ прерывать его. Я принималъ живѣйшее участіе въ этой исповѣди, и отъ участія перешелъ къ состраданію, когда, послѣ минутнаго молчанія, кавалеръ продолжалъ:

— Я хотѣлъ, чтобы вы все узнали для того, чтобы и вы могли покинуть бѣднаго изгнанника, если не считаете его достойнымъ вашего состраданія. Теперь я вернусь домой, прибавилъ онъ вставая. Угодно ли вамъ проводить меня? Въ противномъ случаѣ, потрудитесь указать мнѣ дверь вашу и я ужъ какъ-нибудь самъ доберусь домой.

— Ни то, ни другое; отвѣчалъ я, усаживая его: вы, вѣроятно, не откажетесь пробыть у меня еще нѣсколько минутъ; я воспользуюсь этимъ, чтобы побесѣдовать съ вами о вещахъ менѣе печальныхъ.

Живое и вмѣстѣ благородное удовольствіе его, выражало признательность несчастнаго, которому дѣлають милость и вмѣстѣ благодарность, съ какою свѣтскій человѣкъ отвѣчаетъ на приглашеніе, которое ему пріятно и которое онъ въ правѣ принять.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ, отвѣчалъ онъ, что приглашеніе ваше трогаетъ и радуетъ меня, но не удивляетъ; вы должны быть добры, потому что вы еще такъ молоды! Въ ваши лѣта только подозреваютъ зло и прощаютъ; но уже, вѣрять въ зло и не прощаютъ: можно подумать, что люди не умѣютъ иначе искупать собственныя слабости, какъ дѣлаясь нежilosердыми къ недостаткамъ ближнихъ. Но поговоримте лучше о васъ, потому что вы хотѣли занять меня разговоромъ болѣе пріятнымъ.

Тогда кавалеръ де-Коломбресъ съ очаровательнымъ умомъ и рѣдкимъ тактомъ сталъ спрашивать меня о родныхъ моихъ, о роднѣ, о карьерѣ моей, словомъ, о всемъ, что до меня касалось. Я отвѣчалъ на всѣ вопросы его съ откровенностью, свойственною моимъ лѣтамъ и, наконецъ, въ свою очередь рѣшился спросить о молодой дѣвушкѣ, его спутницѣ.

— Я ничего не знаю о ней, отвѣчалъ онъ: вамъ, вѣроятно, рассказали, какъ я познакомился съ нею. Мнѣ казалось, что Богу угодно было усладить мои горести. Наката взяла меня изъ госпиталя къ себѣ и съ тѣхъ-поръ я съ нею не расставался.

— Неужели вы не употребляли никакихъ средствъ, чтобы узнать кто она?

— Какія средства? Я всегда одинъ съ нею, а она не мо-

неть отвѣчать на вопросы мои. Впрочемъ, зачѣмъ стараться проникнуть тайну благодѣяній Провидѣній? Я счастливъ тѣмъ, что имѣю ангела-хранителя.

Мы поговорили еще нѣсколько минутъ какъ старые знакомые и когда генералъ всталъ, чтобъ удалиться, то крѣпко пожалъ мнѣ руку. Пакига дождалась его въ саду. Разумѣется, я воротился къ себѣ съ идеями, противоположными мнѣнью, которое я прежде имѣлъ о кавалерѣ.

Я всё болѣе и болѣе сближался съ кавалеромъ де-Коломбесомъ и, наконецъ, бывалъ у него каждый вечеръ. Разговоръ его имѣлъ непреодолимую прелесть; благородство, не покидавшее его въ несчастіи, искренность раскаянія его внушали мнѣ участіе, которое незамѣтнымъ образомъ превращалось въ сердечную привязанность. Пакига всегда исчезала, когда ей казалось, что присутствіе ея не нужно старику, такъ что и я сталъ смотрѣть на нее не иначе, какъ на ангела-хранителя.

Въ началѣ зимы кавалеръ сдѣлался нездоровъ, влѣдствіе простуды и такъ какъ я видѣлъ, что онъ былъ съименно равнодушнѣе къ страданіямъ своимъ, то считая долгомъ привести доктора нашего полка, не предупредивъ его о томъ. Онъ сначала не хотѣлъ-было принимать его, но я умолялъ именовъ дружбы и врачъ былъ введенъ. Это было вечеромъ: маленькая лампа слабо освѣщала комнату, такъ что медикъ потребовалъ свѣчу, чтобы внимательнѣе рассмотреть больного. Пакига принесла свѣчу и когда ее поставили передъ кавалеромъ, то мы замѣтили, что свѣтъ имѣлъ довольно сильное дѣйствіе на глаза его, которые мы считали угасшими на вѣки. Благодаря попеченіямъ доктора Деривьера, старый другъ мой скоро поправился. Когда генералу можно было выходить, я пошелъ однажды вечеромъ къ нему, чтобы пригласить его къ себѣ на слѣдующій день къ завтраку; онъ охотно согласился и въ назначенный часъ я самъ пошелъ за нимъ. Завтракъ, къ которому я съ позволенія генерала, пригласилъ и Деривьера, прошелъ самымъ пріятнымъ образомъ. Никогда еще не видалъ я бѣднѣе сосѣда своего такимъ спокойнымъ и любезнымъ.

Такъ какъ онъ безпрестанно благодарилъ доктора за попеченія его, то послѣдній сказалъ ему:

— Генералъ, я вылечилъ васъ отъ простуды, и очень радъ тому; но есть еще одно, что доставить мнѣ еще болѣе удовольствія и чести—мнѣ бы хотѣлось возвратитъ вамъ зрѣніе. Я увѣренъ, что успѣю въ томъ, если бы только вы согласились на небольшую операцію, не представляющую никакой опасности и которая не причинитъ вамъ ни малѣйшей боли.

— Я не боюсь ни опасностей, ни боли, любезный докторъ, отвѣчалъ кавалеръ, но я привыкъ къ немощи своей, и не видать свѣту, для меня, бѣднаго изгнанника, даже нѣкоторое утѣшеніе.

— Подумайте, сказалъ я, что изгнаніе ваше можетъ кончиться, и тогда, какой радости вы будете лишены, не имѣя возможности увидѣть родину, которую такъ любите!

— У меня нѣтъ родины—вы это знаете, молодой другъ мой, и поэтому самому я не имѣю нужды въ зрѣніи. Хотя бы я получалъ помилованіе, то не ворочусь въ Испанію, потому что добровольно удалился изъ нея, не дождавшись закона, которымъ осужденъ на изгнаніе.

— Не буду настаивать, отвѣчалъ докторъ: но если вы когда-либо переимѣните это намѣреніе, то не забудьте, что я къ услугамъ вашимъ.

Генералъ поблагодарилъ и старался дать другое направленіе разговору. Когда докторъ ушелъ, то я спросилъ кавалера, зачѣмъ онъ отказывается отъ блага, къ которому, какъ бы ни былъ онъ равнодушенъ, обрадуется меня и доставитъ большое облегченіе доброй Пакигѣ.

— Такъ какъ немощь моя наказаніе Божіе, слѣдовательно, люди не имѣютъ права распоряжаться ею. Вотъ уже три года какъ я ослѣпъ; я знаю, что болѣзнь моя излечима и благодарю Провидѣніе, пославшее на меня добровольное искупленіе грѣховъ моихъ.

— Генералъ, вскричалъ я, тронутый величіемъ этого раскаянія: испытаніе ваше продолжалось довольно долго и теперь вы должны бы посоветоваться съ священникомъ; не желая воспользоваться помощью, предлагаемою вамъ докторомъ, вы оскорбляете милосердіе Всевышняго и не-

хоть-быть удовлетворяете только чувству человеческой гордыни.

— Молодой человекъ, сказалъ онъ съ чувствомъ: убѣжденія ваши поколебали мою рѣшимость. Если Господь простилъ мнѣ, то я не имѣю права противиться помощи, посылаемой мнѣ Его милосердіемъ.

— Вы не должны болѣе сомнѣваться въ милосердія Божіемъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ Провидѣніе ниспослало вамъ ангела, самоотверженіе котораго улаживаетъ жизнь вашу.

— Но если, съ возвращеніемъ зрѣнія, я лишусь этого ангела?

— Это будетъ новымъ доказательствомъ воли небесной.

— Послушайте, молодой другъ мой, съ живостію произнесъ кавалеръ де-Коломбресъ: Богъ мнѣ свидѣтель, что собственно для себя я не желаю видѣть этой земли, на которой я пролилъ кровь брата; но я согласенъ на испытанія, если ангелъ мой подтвердитъ мнѣніе ваше, то не стану болѣе противиться. Сходите за Пакитой; объявите ей мнѣніе доктора и если оно осчастливитъ ее, то я согласенъ на все.

Пять минутъ спустя, Пакига стояла возлѣ генерала, и я наблюдалъ ея физиономію.

— Милая моя, сказалъ старикъ: докторъ, который такъ заботился обо мнѣ во время моей болѣзни, говоритъ, что можетъ возвратить мнѣ зрѣніе. Что ты мнѣ посоветуешь?

Пакига, упала на колѣни, протянула руки къ небу и открыла ротъ; я думалъ, что она заговоритъ.

— Она въ восторгѣ, сказалъ я кавалеру.

— Не покинешь ли ты меня, если меня вылечатъ? продолжалъ онъ съ безпокойствомъ. Пакига схватила руку изгнанника и покрыла ее поцѣлуями.

— Другъ мой, сказалъ онъ мнѣ: скажите доктору, что онъ можетъ прійти, когда ему будетъ угодно. Я готовъ.

Докторъ пришелъ и было рѣшено, что послѣ нѣсколькихъ дней приготовительнаго леченія, операція будетъ сдѣлана въ слѣдующее воскресенье, до котораго оставалось четыре дня.

Генералъ соглашался на все съ нѣсколько печальною необходимостью. Въ присутствіи Пакиги, онъ былъ молча-

люди; но когда вы были одни; эта личность соматична; немощи своей и почти желалъ, чтобы операція не удалась.

— Вы увидите, говорилъ онъ, что я получу доказательство того, что Господь не проститъ еще меня.

— Вы, напротивъ, узнаете, возражалъ я, что вы давно помилованы милосердіемъ Всевышняго.

— Преступленіе мое ужасно!

— Милосердіе Господа неограниченно!

— Но люди, увидѣвъ меня почти счастливымъ, усомнятся въ справедливости судьбы.

— Злые люди; но добрые будутъ благословлять ее.

— Да будетъ воля Божія, другъ мой!

Наступилъ день, назначенный для операціи; я, какъ всякой поймешь, ожидалъ его съ невыразимымъ нетерпѣніемъ и былъ уже у кавалера на нѣсколько часовъ до времени, назначеннаго врачомъ: Генералъ сидѣлъ въ обшитыхъ креслахъ, возлѣ окна. Сложенныя руки, задумчивость, все говорило, что умъ его былъ погруженъ въ размышленіе, которое было не иное что, какъ молитва. Пакита стояла возлѣ него на колыняхъ, лицо ея сіяло нѣжностью и надеждой.

— Это счастливый день для любящихъ васъ, сказалъ я Коломбресу.

Онъ взялъ руку мою и пожалъ ее, не говоря ни слова.

— Вы знаете, продолжалъ я: если операція удастся, то вамъ закроютъ глаза повязкой, которую каждый день будутъ дѣлать прозрачнѣе; чтобы постепенно пріучить васъ къ свѣту.

— Когда я увижу Пакиту, васъ и солнце, то буду ждать терпѣливо, отвѣчалъ онъ съ кроткой улыбкой.

Потомъ лицо его нахмурилось; протянувъ руку надъ головою Пакиты, лежавшей у ногъ его, онъ сказалъ:

— Мнѣ пріятнѣе было бы услышать голосъ Пакиты; нежели увидѣть дневной свѣтъ.

Молодая дѣвушка бросила на меня выразительный взглядъ, значенія котораго я не понялъ. Въ это время вошелъ докторъ и все вниманіе, всѣ способности мой сосредоточились на готовившейся сценѣ. Такъ какъ всѣ пре-

готовленія къ операции были сдѣланы предварительнѣ; докторъ усадилъ больного и давъ ему держать нѣкоторыя инструменты, которые должны были находиться у него подъ рукою, приступилъ къ дѣлу....

Прошло пять или шесть минутъ: онъ показались ему чужестрѣцъ. Генераль не произнесъ ни одного слова; ни одной жалобы.

— Кончено! вскричалъ докторъ. Видите ли вы?

Генераль опустилъ глаза, встрѣтилъ взглядъ Пакиты, громко вскрикнулъ и лишился чувствъ.

— Онъ узналъ меня! вскричала въ то же время молодая дѣвушка: Боже всемогущій, благодарю!

Докторъ оглянулся, не вѣря своему слуху. Что касается до меня, то я совсѣмъ растерялся.

— Въ этомъ скрывается какая-то тайна, сказалъ докторъ; пока она не объяснится, воспользуйтесь обморокомъ генерала, чтобы надѣть на глаза его повязку, которую онъ долженъ носить нѣсколько дней: Потомъ мы увидимъ, что надо будетъ дѣлать.

Когда мы стали прикрѣплять повязку, то кавалеръ деркоморесъ пришёлъ въ себя.

— Снимите повязку! вскричалъ онъ. Я хочу еще разъ рассмотреть на нее и потомъ умереть!

— Успокойтесь, генераль, сказалъ Деривьеръ: вы опять увидите ее, будьте только покойны: иначе я ни за что не отыщу.

— Это не ангель со мною, это святая, продолжалъ изгнанникъ. Это Вернадетта, единственная дочь моего брата!! Теперь я вижу, что Господь помиловалъ меня.... Но гдѣ ты, дочь моя! дай прижать тебя моему сердцу!

— Я у ногъ вашихъ и благословляю провидѣніе, исполнившее мѣны мои. Простите мнѣ, дѣлущка, продолжала она, обнимая кавалера: я пришла къ вамъ съ намѣреніемъ отомстить за смерть отца моего; но раскаяніе ваше внушило мнѣ болѣе великодушныя мысли. Господь сжалился надъ нами.... я болѣе не сирота, а вы не изгнанникъ между изгнанниками!...

Въ 1822 году постановленіемъ кортесовъ изгнанникамъ дозволено было возвратиться въ Испанію. Въ 1823 году, ког-

да король Фердинандъ ѣхалъ въ Мадридъ, Бернадетта де-Коломбресъ именемъ заслугъ отца своего, просила помилованія дядѣ.

— Просите лучше чтобы я помиловалъ его изъ уваженія къ вашимъ добродѣтелямъ, отвѣчалъ король. Съ этимъ условіемъ, я назначаю дядю вашего губернаторомъ Коруньи.

Кавалеръ де-Коломбресъ умеръ тамъ въ глубокой старости, нѣсколько лѣтъ назадъ. Бернадетта никогда его не покидала.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Jane Grey, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, господина Soumet и мадамъ d'Alteinheim.

Іоанна Грей была правнучка Генриха Седьмого короля англійскаго; мать леди Іоанны, Марія, вдова французскаго короля Людовика Двѣнадцатаго, вышла замужъ за герцога Суффолкскаго; отъ этого брака родилась дочь маркиза Дорсетъ, а маркиза Дорсетъ тоже прижила дочь, ту самую Іоанну Грей которой печальная исторія послужила господину Александру Сумѣ и его дочери, мадамъ д'Альтегеймъ, для вышиванія трагическихъ узоровъ. Такимъ образомъ леди Іоанна Грей, хотя и королевскаго происхожденія, была однако жъ далеко отъ трона Генриха Осьмаго и Эдуарда Шестаго. Настоящею англійскою королевою, послѣ брата своего Эдуарда Шестаго, была Марія, дочь Генриха Осьмаго и Екатерины Аррагонской. Да она и не мечтала о тронѣ. Она занималась науками и любила; въ ту самую ночь, когда начинается трагедія, леди Іоанна должна выйти за Гильфорда, сына лорда Нортomberлендскаго, но этотъ бракъ, по волѣ лорда, долженъ оставаться тайнымъ.

Пажъ возвѣщаетъ леди Іоаннѣ, что къ ней сейчасъ будетъ королева Марія. Королева является. Она влюблена въ Гильфорда и ввѣряетъ тайну этой любви своей родственницѣ, Іоаннѣ. Іоанна блѣднѣетъ и трепещетъ: она боится такой могущественной соперницы. Марія угадываетъ ея тайну и осыпаетъ несчастную упреками, подавляетъ ее презрѣніемъ; но Гильфордъ вступаетъ за нея. — Ваше величество, говоритъ онъ, леди Іоанна жена моя.

Конечно, это очень естественно: какъ мужу не вступиться за жену, которую онъ любитъ; но между-тѣмъ слова его производятъ на сценѣ большой эффектъ. Гильфорда берутъ подъ стражу.

Марія царствуетъ, но вокругъ ея трона лордъ Нортomberлендъ возмущаетъ всѣхъ приверженцевъ реформы. Онъ предъявляетъ актъ подписанный Эдуардомъ Шестымъ передъ смертью, актъ, которымъ обѣ дочери Генриха Осьмого, Марія и Елисавета, устраняются отъ наслѣдія престола и законною наслѣдницею признается леди Иоанна Грей. Но леди Иоанна не добивается этой мести, она не хочетъ быть королевою, она боится смуть и преступленій этой кровавой эпохи, она говоритъ, что законная наслѣдница престола Марія, и что дочь графини Дорсетъ не имѣетъ никакого права на английскую корону. Но Гильфордъ настаиваетъ, не для себя, а для Иоанны, въ любви къ ней; онъ проситъ, умоляетъ, наконецъ говоритъ: «Я хочу!» И леди Иоанна повинуется мужу, а онъ отцу своему. Возвдвигаетъ тронъ, возводитъ на него Иоанну и у подножія этого новаго трона является Марія. — Точно ли я королева? спрашиваетъ Иоанна. Всѣ отвѣчаютъ утвердительно. И она возвращаетъ свободу сверженной королевы Маріи.

Но народъ возстаетъ въ пользу Маріи; парламентъ боится ея такъ же какъ боялся отца ея, Генриха Осьмого. Несчастливая Иоанна Грей, королева по-неволю, свергнута съ своего минутнаго престола и заключена въ темницу. Начинается судъ. Иоанна Грей не защищается; напротивъ, она посягнула, хотя и по-неволю, на корону; она виновна и сама признается, что заслуживаетъ казнь. Она даже умретъ съ радостью, зная что мужъ ея спасенъ. Но Суффолкъ является; онъ не хочетъ жить одинъ, онъ умретъ вмѣстѣ съ Иоанною.

Тутъ былъ бы прекрасный случай для декламаций, для пылкихъ фразъ о рано погибшей юности, о тщетѣ величія; но господинъ Сумѣ, большой охотникъ до декламаций, воздержался: все у него просто и естественно и потому прекрасно. Видно, его удерживала дочь.

Иттиій актъ былъ очень затруднителенъ для автора.

Судьба королевы уже известна. Что жъ остается сказать! Конечно, семнадцатилѣтняя королева, готовясь къ смерти, могла бы въ послѣдній разъ поцѣлиться, проститься съ своими вѣрными слугами, раздать имъ свои вещи; это было бы очень естественно, и мы, зрители, плакали бы; но мы, зрители, также вспомнили бы, что эта сцена уже стоила намъ много слезъ въ Шиллеровой Маріи Стюартъ. А этого воспоминанія надобно было избѣжать во что бы то ни стало. Вотъ что придумали Александръ Сумо и мадамъ д'Альтенгеймъ.

Въ темницу Юанны Грей приходитъ королева Марія. Юанна можетъ быть спасена, если она согласится подписать свой разводъ съ Гильбердомъ. Спаси и себя и его, Гильберда! Но нѣтъ, любовь для нея дороже жизни. Но если этого хочетъ Гильбердъ, она согласна.—Она не надвинетъ! говоритъ она съ торжественъ смелымъ на Марію. Приходитъ Гильбердъ. Онъ уже подписалъ разводную бумагу. Юанна спасена, но она прирешена въ самое сердце. Гильбердъ подписалъ разводъ, чтобы спасти жену и вмѣстѣ съ тѣмъ принять яду, чтобы не жить безъ нея.—О, я знала, что мы умремъ вмѣстѣ! говоритъ Юанна и раздираетъ бумагу.

Юанна съ торжественъ идетъ на казнь, а Марія плачетъ надъ трупомъ Гильберда. Но Гильбердъ приходитъ въ себя; жизнь на минуту къ нему возвращается, а вмѣстѣ съ жизнью и любовь къ Юаннѣ. Онъ спрашиваетъ, гдѣ жена его; у ногъ Маріи онъ умоляетъ о помилованіи; и умираетъ. Теперь Марія готова простить, но въ предсмертныхъ мукахъ онъ ухватился рукою за платье Маріи. Королева кричитъ, зоветъ.... никто не слышитъ.... а между-тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ совершается казнь и вы видите вдали Юанну: трепещущими ручками она ищетъ плахи — какъ въ известной картинѣ Делароша.

Новое произведеніе Сумо, превосходно разыгранное въ театрѣ Одессѣ, имѣло большой успѣхъ. Роль Маріи исполнила мадамъ Жоржъ, памятная еще многимъ въ театрахъ Петербурга; до 1812 года она была украшеніемъ французскаго театра.

2, Louise et Louise, драма-подвергъ къ пяти дѣйствіяхъ, господина Dureux.

Лиза и Луиза дочери стараго наполеоновскаго сержанта Морена; по-крайней-мѣрѣ онъ обѣихъ выдаетъ за дочерей своихъ; но между-тѣмъ Луиза побочная дочь полковника Гаркура, который вѣрилъ ее своему сержанту, падая на полѣ битвы. Моренъ достойнымъ образомъ исполнилъ закъщаніе: онъ воспиталъ Луизу какъ дочь свою и еще лучше, училъ ее больше, чѣмъ свою собственную дочь. Но гдѣ старому, израненному солдату усмотрѣть за молодой дѣвушкой! Луиза полюбила Проспера и не безплодна; плодъ изъ любви воспитывается въ деревнѣ у кормилицы, и уже отнять отъ груди. Къ-несчастью, добрый Моренъ узнаетъ объ атомъ: рана сердца раскрывается идогробленныя раны его тѣла; онъ умираетъ.

Между-тѣмъ, съ Просперомъ случилось то, что обыкновенно случается съ обольстителями. Та, которую онъ обождалъ, теперь для него несозна, она ему надоѣла; да правду сказать и не досело слушать вѣчныхъ жалобы и видѣть только слезы. Ты выманивалъ свиданія нѣдѣль: вотъ тебѣ триста шестьдесятъ пять свиданій въ годъ. Ты радъ видеть когда едвинется, какъ бриллиантъ, блестя на прекрасныхъ глазахъ твоей любимицы; вотъ тебѣ потоки слезъ; ты добивался клятвъ, теперь тебѣ клянутся каждую минуту. Да тебя это уже не возвеситъ, потому что ты имѣешь полную привычку не вѣрить этимъ клятвамъ; ты вырешивъ, вѣтъ вѣтъ строгія руки обожаемой женщины, чтобы врать эти слова къ своему сердцу, къ своимъ губамъ—вотъ тебѣ нѣдѣле темъ нисемъ, да какихъ? съ добрую тетрадь! Чтѣ дѣлать! Съ отчаянія Просперъ надѣлалъ долговъ, надавалъ векселей на свое имя, на имя дяди своего, полковника Гаркура, на чтѣ, разумѣется, не имѣлъ никакого права. Брокъ векселямъ наступаетъ: надобно платить,—нечтѣтъ; если итти въ тюрьму, да еще подѣ сулъ—это и того хуже. Съ отчаянія, уже другаго, Просперу приходитъ се жалитъ на богатой. Кстати, дядя Гаркуръ предлагаетъ ему руку своей дочери Лизы, съ огромнымъ приданымъ.... Но позволите; дадите оне разсказать вамъ какъ-кимъ образомъ Лиза сдѣлалась дочерью полковника Гар.

кура, когда настоящая дочь его не она, а Луиза, что доказывается золотымъ крестикомъ, который, для отлички, надѣли ей на шею при самомъ рожденіи. Отличка, конечно, не вѣрная: но не въ томъ дѣло.

Умирая, Моренъ подозвалъ къ себѣ Лизу, обнялъ, благословилъ ее; потомъ кликнулъ Луизу.... но Лиза не рѣшилась сказать умирающему отцу, что сестра ея бѣжала съ своимъ любезнымъ въ деревню, къ своему больному ребенку. Найдя крестикъ, который Луиза забыла, Лиза подходитъ съ другой стороны къ отцу, который уже ничего не видитъ. — Луиза, говоритъ олъ, я долженъ открыть тебѣ тайну твоего рожденія: ты не дочь моя; твой отецъ полковникъ Гаркуръ.

Только-что Моренъ умеръ, какъ пріѣзжаетъ полковникъ Гаркуръ и добрая Лиза опять въ прежнемъ затрудненіи: какъ сказать отцу, что дѣвушка, дочь его, уѣхала съ своимъ любезнымъ въ деревню посматрѣть своего большого ребенка? И Лиза говоритъ, что она Луиза, дочь полковника Гаркура и тотъ хочетъ выдать ее за своего племянника Проснера. Но между-тѣмъ Проснеръ, чтобы выбраться по лѣстницѣ женитьбы изъ пропасти, въ которую попалъ по своимъ денежнымъ вродѣнамъ, увольняетъ Лизу за вѣчистую. Несчастная хочетъ умертвить себя, но Лиза ее спасаетъ и тутъ открываетъ все полковнику. Гаркуръ хочетъ посматрѣть до чего дойдетъ безсовѣстность Проснера: рѣшится ли онъ жениться на другой, бросивъ ту, которую лишилъ добраго имени и которой причинилъ сѣньшу. Проснеръ готовъ, но при подписаніи договора, раскаяніе щемитъ его сердце, перо выпадаетъ у него изъ рукъ и онъ объявляетъ, что не можетъ жениться, потому что уже не свободенъ.

— Полковнику это-то и нужно; онъ признаетъ Луизу своей законной дочерью, и выдаетъ ее за Проснера. Само собою разумѣется, что для доброй Лизы авторъ пришесть другаго жениха, котораго она любитъ, за котораго полковникъ и выдаетъ ее съ приличнымъ приданымъ. Такимъ образомъ добродѣтель награждается бракосочетаніемъ, порокъ наказывается угрызеніями совѣсти и муками отчаянія.

Драма нравственнѣйшая съ куплетами и не слишкомъ скучная.

3. Le Lazaroni, *Ладзарони, или Добро во снѣ приходитъ*, опера въ двухъ дѣйствіяхъ, слова господина *Saint-Georges'a*, музыка господина *Halévy*.

Добро во снѣ приходитъ! Какъ бы не такъ! Этого не думаютъ и ладзарони, самые лѣнивые изъ смертныхъ. Ладзарони сначала идетъ ловить рыбу, потомъ бѣгаетъ по всѣмъ улицамъ и площадямъ Неаполя, чтобы продать ее, кричать, суетится, хлопочетъ, проситъ, уговаривается, умоляетъ, пресеріозно предлагаетъ свой лишиій товаръ даже разряженной Пареманкѣ въ бѣлыхъ перчаткахъ, которая садится въ коляску, чтобы ѣхать на *villa Reale*, даже англичскому денди, который, весь подъ лакомъ, отправляется на балъ къ своему посланнику. Потомъ уже, распродавъ товаръ, онъ кладетъ свою корзинку на солнце, свертывается въ ней клубкомъ и спитъ какъ сурокъ; но уже тогда, когда деньги у него въ карманѣ, когда добро пришло.

Какъ бы то ни было, молоденькій ладзарони Бенпо охитъ еще не переработавши. Въ это время въ него влюбляется хорентенькая цвѣточница Батвота, которую и онъ на-досугъ любитъ. Чтò жъ и дѣлать какъ не любить, человекъ, который ничего не дѣлаетъ! Во время сна Бенпо, выходитъ, что Батвота не простолюдинка; любить своего Бенпо, какъ-будто и теперь еще цвѣточница. Бенпо-просывается и женится на знатной и богатой дѣвушкѣ.

Попробуйте-ка поспать и вы.

Музыка Галэви, говорить, прелестна. Онъ не спалъ, когда писалъ ее.

4. *L'Oncle à succession*. *Дядя съ наследствомъ*: водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ (будто бы) господина *Durantin'a*.

Если вы принадлежите къ поколѣнію, не юному, а уже переходящему, то вы процвѣтали, или по-крайней-мѣрѣ существовали въ видѣ распухлой въ то время, когда комедіи и слезныя драмы Коцебу были въ страшной модѣ, слѣдственно, знаете его комедію «наслѣдникъ», слѣдственно знаете и водевиль, который жось *Durantin* называетъ своимъ; потому что это одно и то же. Если же у васъ нѣтъ

оно ни размечивать, ни гладкой бели, ни бодание въ печени, ни, колыми наче, подагры; если волосы на голове дамой оне свѣтаеся ижекъ, зема до яркѣйшаго яркѣйшаго аэосо дѣла въ бѣлый — дакъ лавиновости (во-во-во-во-во-во), то вы не знаете комедіи Комабу и ны разсказываю-вамъ въ двухъ словахъ преданіе господина Дугавіи'а.

Диромъ старикъ богатый и сарантый. Памлинна оне, Клара, вѣчила бѣвъ сироту замукъ и оне павалова сироты ея наследства. Но богатыхъ стариковъ бѣвъ наследниковъ не бундуть. Наслѣдниковъ давало множество, Старикъ Диромъ волюкъ объявлять, нѣво оне умира. Наслѣдники по-чуть въ-зауеки, плавутъ на-варылъ, чуть волосы на го-лоуѣ на рууть, хотя мало покойника и андывалъ, Томро Клара и мужъ въ сарантыи покрываю. Но воуъ старыи-юуъ завѣщаніе покойника: окарывавося, нѣво же андыва-ства его востало въ большомъ, но помывавося: анды-ла, и, слѣдственно, наследовать покуи нѣво. Наслѣдники перестаютъ плавать, прануть плати въ черноты, за оне очень невыгодно отзываются на счетъ покойнаго. Но тутъ Клара и мужъ ея объявляютъ, что они не позавалъ оскорблять память почтеннаго Диромъ. А Диромъ тутъ какъ-тутъ: оне слѣлъ за кулесаи и оне омыкаеъ. Дѣла-ныхъ наследниковъ разгоняюуъ. Клара и мужъ ея паву-чаюуъ огромное имѣніе длаи и дѣлаюуъ ея старость.

Всего, разу и бѣво, прелетавало кулесаи, оне омыкаеу, которое, нѣво по-крайней-мѣрѣ, ужасно нѣво.

5. Une Separation, *Цѣлѣбный разводъ*, волавиъ въ ои-номъ дѣйствіи, господъ *Satrouche*'а и Соуссу.

Мосье и мадамъ Кокуро — придверникъ и придверница какого-то дому. Она любитъ конекъ; онъ скорноу; но какъ первыи душахъ наследникъ, то между супругами происходятъ безпрерывныи ссоры, Дѣло доходитъ до того, что они рѣшаются разойтись полюбовно; но какъ ни таму ни другой итти некуда, то они разгораживаюуъ свою каморку по-поламъ и уговариваюуъ дежуритъ по операмъ. Къ-несчастью, мадамъ Кокуро не знаетъ, нѣво дѣлаица при-кажилаъ мужу, а мосье Кокуро, по-мадуеъ свободныиъ пре-чонанъ. И дѣлаеуъ въ итепіа, *Mysteres de Paris*, да нѣ-трѣи: оне и не-вѣрѣноуъ помагаеу дѣлъ. Нѣво-нѣво-

Было плохо. Концерты нынѣшней зимы рѣшительно обложены были льдомъ: публика охолодѣла къ этому удовольствію; италіанскій театръ поглотилъ весь энтузіазмъ и всѣ деньги; солисты съ трудомъ находили себѣ небольшое число слушателей. Многіе таланты, пробующіе и отдающіе, являлись передъ увлеченною публикою: она ихъ не примѣтила, или почти не приняла. Въ убыткѣ ли она отъ этого? Мужья могутъ быть различны; но дѣло въ томъ, что если ужъ ты съ такою страстью ударился въ нѣміе, исключительно въ нѣміе, то намъ бы слѣдовало обратить полное вниманіе свое, какъ для упражненія себя въ искусствѣ судить о вокальномъ дѣлѣ, на одну превосходную пѣвицу, которая была здѣсь и уѣхала на лѣто, кажется, въ Москву. Синьора Фиякъ-Лоръ — истинная, полная артистка: такихъ пѣвицъ немного видится въ сей юдоли фальшивыхъ ноуъ. Некогда лѣтъ тому, она была прима-донною въ Лондонѣ, а въ послѣднее время въ Миланѣ. Въ Лондонѣ раздѣляла она рукоприкладіа видѣть съ Рубини, который отзывался объ ея талантѣ съ полнымъ уваженіемъ: онъ говоритъ, что въ Италіи трудно съискать нѣмче что-нибудь по-лучшее. Лондонскіе журналы до-сихъ-поръ вспоминаютъ о госпожѣ Фиякъ-Лоръ; особенно, когда рѣчь идетъ о «Семирамидѣ», ставя или ея въ ряду всѣхъ знаменитыхъ пѣвицъ, которые тамъ пѣли въ послѣдніе годы. Она дала здѣсь только одинъ концертъ, передъ немногочисленною публикою, которой это имя было извѣстно прежде, и получила полный, безусловный успѣхъ. Голосъ ея (сопрано) свѣжъ, звученъ, полонъ, обширенъ, вѣрно установленъ, отличнаго качества и отлично образованъ въ музыкальномъ отношеніи. Хромотическія гаммы, которыя обыкновенно пѣвицы и пѣвицы только *начкаютъ* (*barbouillent*, техническое выраженіе), дѣлаетъ госпожа Фиякъ-Лоръ такъ легко, чисто, вѣрно, что привела ими весь оркестръ нашъ въ удивленіе: одно это показываетъ, что голосъ ея вполне обработанъ. Вокализація у ней отменная, музыкальная и вѣрно безукоризненна, метода совершенно артистическая, пѣніе исполнено чувства, ума и тонкости. Такое именно значительнѣе оставила она во всѣхъ смѣхъ слушателей. Мару-

ность синьоры Финкъ-Лоръ, пріятная и умная, кажется на двадцать семь или осемь лѣтъ: самый выгодный возрастъ для пѣвицы. Для Петербургскаго италіянскаго театра такая артистка была бы вождѣльнинымъ пріобрѣтеніемъ, какъ вторая прима-донна, если первая будетъ лучше ея. Тѣ, которымъ не удалось слышать госпожи Финкъ-Лоръ, могутъ смѣло сожалѣть объ этомъ. Она, по-несчастію, проскользнула здѣсь среди другихъ пѣвицъ, которыхъ надо было слушать изъ уваженія къ прежней ихъ вокальной славѣ и которыя не поддержали ея въ Петербургѣ обломками своихъ голосовъ.

Равнодушіе дилетантовъ къ концертамъ было причиною, что даже и госпожа Шоберлехнеръ, у которой столько приверженцевъ въ Петербургѣ, не рѣшилась явиться вторично передъ публикою. Въ первомъ своемъ концертѣ, довольно счастливымъ, она возбудила энтузіамъ: голосъ ея значительно потерпѣлъ, не столько отъ времени, сколько отъ устава италіянскихъ театровъ, предписывающаго горланить во всю грудь, но что до искусства, то навѣрное никто, послѣ Пасты, не пѣлъ какъ поетъ госпожа Шоберлехнеръ.

Старинная слава синьори Ронци спаслась только тѣмъ, что ей удалось пѣть въ пустой залѣ.

Фанатики италіянской оперы встревожены до отчаянія: что будетъ съ нами зимою?... кто будетъ насъ восхищать? .. отъ кого станемъ мы съ ума сходить?... Самыя неблагопріятныя для ушей слухи ходятъ въ эту минуту по городу. Говорятъ, что природа, которой законы непереложны, намѣрена наложить запрещеніе на возвратъ госпожи Гарсія-Віардо въ Петербургъ. Нынче уже нѣтъ сомнѣнія, что нельзя имѣть скоро ни одной изъ знаменитѣйшихъ италіянскихъ пѣвицъ. Тадолини, Фреццоллини, Персіани, Грини, всѣ первые соловьи, ангажированы другими театрами на нѣсколько лѣтъ впередъ. Свободной прима-донны нѣтъ ни одной. Лучшую изъ всѣхъ, не связанныхъ контрактами, госпожу Даранкуръ, Россіи прислалъ сюда. Петербургъ заткнулъ уши, когда она запѣла. Монте-негро, которую столько расхваливали, испытала fiasco въ

О ужасъ! что это пишутъ Шенцы! Ихъ театральныя газеты утверждаютъ, будто Гарсиа-Віардо не имѣетъ успѣху въ Вѣнѣ! Возможно ли это? Вѣрить ли? Плакать ли?... Шестаго апрѣля дано было первое представленіе «Севильскаго цирюльника», и госпожа Гарсиа (произноси: *Garc-i-a*) неиможно поправила вокальныя дѣла свои чудесною игрою, которая напомнила собой игру госпожи Малибранъ и привела всѣхъ въ восторгъ. Въ этой оперѣ пѣла она вмѣстѣ съ Ронкони и Роверо.

Финкъ-Лоръ и Клара Вакъ (или госпожа Шуманъ), вотъ два самые примѣчательные новыя таланта, которые слышали мы въ продолженіи прошедшей концертной эпохи. Талантъ госпожи Шуманъ заслуживаетъ полнаго уваженія, хоть и не возбуждаетъ восторговъ. Ловкость въ исполненіи, сила, ровность и чистота игры, не могутъ простирается далѣе въ женщинѣ. Но, странно! эта солистка приводитъ въ восхищеніе—въ *тихомъ восхищеніи*, *stilles Entzücken* (завѣтное техническое выраженіе) — именно тѣхъ, которые терпѣть не могутъ солествовъ; которые не любятъ видѣть въ музыкѣ чловѣка, съ его умомъ, гениемъ, душою, сердцемъ, страстями; которые хотѣтъ слышать только инструментъ и нотную тетрадку. Отчего это? Оттого, что госпожа Шуманъ играетъ именно такъ, какъ играютъ артисты въ оркестрѣ: чисто, ровно, математически-аккуратно, совершенно, и результатъ всего этого — *stilles Entzücken*, *тихомъ восхищеніи*, высшая степень блаженства фанатиковъ симфоній и квартетовъ. Такой родъ игры неидетъ для солествовъ: назначеніе ихъ другое, гораздо возвышеннѣе; въ игрѣ ихъ мы желаемъ слышать вмѣстѣ инструментъ, искусство и самого артиста, его страстное и убѣдительно краснорѣчіе, его гениальный способъ излагать свои мысли, чувства, желанія, и дѣйствовать на массы. Солистка—ораторъ! Игра госпожи Шуманъ, напротивъ, въ точномъ смыслѣ слова, *оркестрнал*, то есть, такая, гдѣ чловѣкъ исчезаетъ и дѣлается исполнительною машиною, гдѣ можетъ быть только обогнъ въ игрѣ, но для души, для страсти, для гениа артиста мѣста не отведено. Въ своемъ родѣ, игра госпожи Шуманъ совершенна. Но она не можетъ исполнъ удовольствіе

творахъ публики, потому что на вселенной же человекъ родителю дитяго чтобы играть въ оркестръ; тянуть определенную себѣ ноту въ клатуоръ и вѣчно плавать въ stillen Entzückung. Оркестерные артисты позволяютъ себѣ отзываться съ презрѣніемъ о сужденіяхъ публики по части музыки: публика совершенно въ правѣ оказывать такое же презрѣніе, къ ихъ сужденіямъ, поставивъ ихъ на высь, что не она создана для оркестровъ, но оркестры для нея и она она—верховный судья музыки и воокента, пронаводящего целомленіемъ. Вообще, нѣтъ сужденій лажнѣ, одностороннѣ и ограниченнѣ какъ сужденія такъ-называемыхъ «ученыхъ» музыкантовъ. Со времени Наганаши и Листа вся европейская публика поняла; чѣмъ можетъ быть болѣе въ музыкѣ; и что есть на свѣтѣ музыка, выше всѣхъ музыкъ, музыка гениа, объясняющагося инструментомъ. Этой-то музыкѣ артистическая и учено-музыкальная толпа не понимаетъ и понять не можетъ, по одностороннему направленію своихъ идей. Для трехъ четвертей этихъ господъ Листъ непостижимъ; онъ имъ недоступенъ, и они презираютъ его ягру: это дѣлаетъ страшную честь тонкостныхъ чувства и понятій! Послѣдователи оркестернаго образа мыслей, при появленіи госножи Шумана, хотѣли произвести шумную реакцію; нанести ударъ Листу, удержать публику въ пользу этой артистки: они забыли даже о stillen Entzücken, бросались въ страшные восторги, и подиробали до растрескианія перчатокъ: Публика аплодировала вмѣстѣ съ ними; но осталась холодною. Госножа Шуманъ получила бы гораздо блистательнѣйшій успѣхъ въ Петербургѣ; если бы реакціонисты искренно признали за дѣло и; не сравнивая этого прекраснаго женскаго таланта съ самымъ необыкновеннымъ; съ самымъ величайшимъ мужскимъ талантомъ; не ставя госножи Шуманъ возлѣ или выше Листа, поставили ее на законномъ мѣстѣ, возлѣ древнихъ знаменитыхъ солистовъ, наприимѣръ возлѣ Фальды: Мнѣго прекрасное! Фальда—потому что его уже нѣтъ—хъ удивлялся теперь идоломъ всѣхъ недомыслиаго торжествамъ Листа: Память у нихъ; конечно, не блистательна; они забыли; что Карлъ Майеръ, въ свое время, съ Фальды перелѣ вынулъ же, что сами же они...

внѣ Майера выше покойнаго своего кумира. Но зачѣмъ напоминать прошедшее! Филдъ нынче у нихъ — первый пианистъ въ мірѣ, и госпожа Шуманъ играла бы гораздо болѣе во мнѣніи публики, если бы тѣ, которые старались поддержать ея посредственный успѣхъ, выдали ее съ самаго начала за возрожденіе пѣвца — тогда столь любимаго московскаго пианиста. Госпожа Шуманъ — древняя солистка. До Паганини и Листа всѣ солисты играли оркестерною игрою; артистъ рѣдко и мало выказывался и, въ старой школѣ, уничтоженіе внутренняго и наружнаго человѣка въ игрѣ сою сдѣлалось закономъ. Игра госпожи Шуманъ, по духу своему, и по роду, чрезвычайно сходна съ игрою Филда и пренною игрою Карла Майера. Она до того — оркестерная, что ни въ какомъ случаѣ госпожа Шуманъ не явилась болѣе совершенною, не возбудила полнѣйшаго *stilles Entzücken* въ тѣхъ даже, которые не большіе охотники до древностей въ молодой женщинѣ, какъ въ *maris de l'ensemble* и, именно, въ странномъ квинтетѣ своего супруга. Здѣсь весь успѣхъ, весь эффектъ, принадлежалъ совершенству ея игры, — потому что пѣса сама по себѣ — сочиненіе вымученное, изжасанное, немужьмальное. Къ истинной невыгодѣ своей, неумѣстныя сравненія съ Листомъ, эта отличная артистка какъ-будто принимаетъ въ буквальный смыслъ: она действительно, не подражаетъ Листу, а становится на одну ступень съ этимъ безпримѣрнымъ пианистомъ, играетъ тѣ же пьесы, которыя игралъ онъ, слѣдуетъ его концертной методѣ. Къ чему это соперничество женской слабости съ мужскимъ могуществомъ? Госпожа Шуманъ играла намъ, не только знаменитѣйшія пьесы самаго Листа, но и любимѣйшія его пьесы, Шопена, Баха, Гензельта, Тальберга, Вебера, и проч. Какой не расчетъ! Она играла намъ Листа: Листъ, безспорно, игралъ у насъ лучше своихъ сочиненій, не говоря уже объ этюдахъ Шопена и фугахъ Баха; играла Тальберга: и Тальберга мы слышали: онъ играетъ лучше свое; играла Гензельта: Гензельтъ играетъ намъ все это несравненно лучше. Веберовъ *Concert-Stück*, послѣ Листа, покарался сухими и тонкими пальцами солистки старой школы; Таль-

играли прежде, спору нѣтъ: но мы живемъ не «прежде», а теперь, въ наше собственное время, которое всё идетъ впередъ, въ музыкѣ какъ и въ другихъ дѣлахъ человеческихъ. Сравненій-то и надлежало избѣгать! Истиннымъ цѣнителямъ своего особеннаго таланта господжа Шуманъ принесла бы гораздо болѣе удовольствія, если бы дала имъ услышать по-больше піесъ мало-извѣстныхъ, хоть-бы на примѣръ куріозныхъ піесъ господина Шумана. Это такъ вѣрно, что самыя важныя успѣхи получила она именно въ пьесахъ, новыхъ для публики, — въ квинтетѣ, о которомъ мы говорили, въ маленькомъ, очень миломъ, сочиненіи Скарлатти, и въ неизданной «піесни безъ словъ» Мендельсона, подборѣ красивенькихъ аккордовъ къ довольно блѣдному мотиву.

Между инструментальными концертами, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ былъ музыкальный вечеръ Карла Майера, въ которомъ игралъ онъ свой новый концертъ, сочиненіе ученое, въ широкомъ и строгомъ стилѣ, сильно оркестрованное, важное, одно изъ тѣхъ сочиненій, которыми Карлъ Майеръ пріобрѣлъ славу свою какъ композиторъ. Чтобы судить о такомъ твореніи, необходимо выслушать его нѣсколько разъ и притомъ въ болѣе обширной залѣ.

Нѣсколько весьма пріятныхъ талантовъ тихо промелькнули среди всѣхъ этихъ музыкальных невгодъ. Господинъ Вартель прекраснымъ голосомъ и съ большимъ выраженіемъ пропѣлъ намъ три или четыре «піесни» Шуберта. Господинъ Эйзенеръ очень занимательно игралъ на хроматической трубѣ. Господинъ.... или госпожа.... право, не припомнимъ, кто еще, и чѣмъ именно, восхитилъ насъ въ особенностяхи. Только, не господинъ Гауманъ. Нѣтъ, господинъ Гаумана забыть нельзя. Великій корнесловъ! Теперь-то, благодаря его вторичному пріѣзду, совершенно объяснилось, почему скрипка названа *скрипкою*. Въ самомъ дѣлѣ, она въ состояніи *скрипеть* немилосерднымъ образомъ. Не возможно представить себѣ звуку непріятнѣе, суше, деревяннѣе: онъ разстраиваетъ нервы; нерѣдко, безъ церемоній, когтями подираетъ по кожѣ. Что это — родъ таковой.... Странный родъ! Господинъ Гауманъ, однако живъ, нѣсколько лѣтъ тому, возбудилъ здѣсь примѣчательный

восторгъ? Онъ ли, съ-тѣхъ-поръ, перемѣнился, или мы? Вѣроятно, мы. Съ-тѣхъ-поръ, мы слышали многихъ славныхъ скрипачей, издержали пропасть восторгу, и не мудрено, что господинъ Гауманъ не находитъ его теперь у насъ.

Сервѣ давалъ недавно концертъ въ Лейпцигѣ: и ѣдетъ сюда: какой-то оркестерный аристархъ пишетъ въ тамошней музыкальной газетѣ, что игра его болѣе *задна* (riquant) чѣмъ *гениальна* (geistreich), болѣе *изящна* (elegant) чѣмъ *тепла* (warm) или *исполнена души* (seelenvoll). Вотъ вамъ образчикъ суждений артистовъ! вотъ, какъ они понимаютъ «гений»! Оркестерный аристархъ прибавляетъ, что если Herr Servais хочетъ приобрести *душевное уваженіе* артистовъ къ своему таланту, то не долженъ шевелиться на стулѣ и они тогда только признаютъ его гениемъ, большимъ гениемъ, когда онъ будетъ играть какъ статуя. Къ прискорбію своему, оркестерный аристархъ принужденъ сознаться, что публика, *непосвященные*, die Laien, въ невѣроятномъ восторгѣ отъ Сервѣ. Въ концертѣ этомъ, игралъ, вмѣстѣ съ нимъ и Давидомъ, самъ Мендельсонъ.

— Листъ, въ эту минуту, въ Парижѣ. Приѣхавъ изъ Германіи, онъ далъ тамъ два концерта въ италіянскомъ театрѣ. Весь beau-monde прибѣжалъ слушать его: не только обыкновенныя мѣста, но и вся сцена, весь оркестръ, наполнились слушателями. Восторгъ былъ неописанный. Между прочимъ, Листъ игралъ свой *Венгерскій маршъ* вслѣдъ за *Маршемъ Черномора*, Глинки, изъ «Руслана и Людмилы»: публика требовала повторенія этихъ оригинальныхъ пѣснь, но Листъ, возвратясь къ инструменту, съигралъ ей фантазію на темы изъ Донъ-Жуана. Третій концертъ даетъ онъ въ пользу Берліоза, и тотчасъ уѣзжаетъ въ Стокгольмъ. Осенью онъ будетъ въ Петербургѣ; зимою въ Москвѣ.

=

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

(Цѣны во сребро.)

REVUE UNIVERSELLE DE L'ÉGLISE CATHOLIQUE, par l'Abbé Rottschäfer.
Paris (L. F. 60 s.)
L'ouvrage aura 20 à 24 volumes.

RECHERCHES SUR LA NATURE ET LES CAUSES DE LA RICHESSE DES NATIONS, par Adam Smith, traduction du comte Garnier, entièrement refondue et annotée par M. Blanqui. 2 vol. in-8. Paris, 1843. (5 r. 72 c.)

SUPPLEMENT AU DICTIONNAIRE DE LA CONVERSATION ET DE LA LECTURE, (52 vol. in-8.) Ouvrage publié sous la direction de M. Ducket, aura 15 vol. in-8.

AVENTURES DE TELEMAQUE, suivi des aventures des Aristonous, par Fénelon et précédées d'une notice biographique et littéraire par M. Vilmorin. Un vol. in-8. orné d'un portrait et de 20 vignettes, Paris, 1843. (4 r. 50 c.)

COURS DE LITTÉRATURE DRAMATIQUE, ou de l'usage des passions dans le drame, par St. Marc-Girardin. Un vol. in-12. Paris, 1843. (85 c.)

SILVIO PELLICO. Mes prisons.

DEVOIRS DES HOMMES, traduction nouv. par le comte de Mussy, édition illustrée de 80 grav. sur acier. Un vol. in-8. Paris, 1843. (3 r. 40 c.)

VOYAGE AUTOUR DU CALCARE, chez les Tcharkasses, etc. tome 6me et dernier in-8. Paris, (2 r. 28 c.)

DESCRIPTION DES MACHINES et procédés consignés dans les brevets d'inventions, etc., tomes 49 et 50, in-4, avec planches. Paris, 1843-44. (Le vol. à 4 r. 25 c.)

LA CHINE OUVERTE, par Old Nick, ouvrage illustré. Un vol. in-8, orné de nombreuses illustrations dans le texte et de 50 grands sujets à part. Paris, 1843-44. (4 r.)

HISTOIRE DE CHARLES-QUINT, par Robertson, traduction de Suard, 2 vol. in-12. Paris, 1843. (1 r. 72 c.)

HISTOIRE PITTORESQUE des voyages dans les cinq parties du Monde, RECUEIL DES DESCRIPTIONS pittoresques, des recits curieux, des scènes variées, des découvertes scientifiques, des moeurs et coutumes etc. par Hattin, 5 vol. in-8. Paris, 1843, (10 r.)

Romans.

LA PLUS HEUREUSE FEMME DU MONDE, par Ch. du Sorb, 2 vol. (1 r. 40 c.)

LA PYTHIE DES HIGHLANDS par W. Scott, ouvrage inédit, 2 vol. (1 r. 40 c.)

(Всѣ эти книги можно получить въ магазинѣ Я. А. Волкова, коммисіонера Библіотекъ гвардейскаго корпуса, въ С.-Петербургѣ, въ Гостиннаго Двора № 32.)

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

(Изданы на сѣверѣ.)

AUBER. Fra Diavolo, La Muette de Portici (à 3 r. 85 c.)
BELLINI. Beatrice di Tenda, I. Monterchi, Norma, Il Pirata, La Sonnambula, La Straniera (à 3 r. 43 c.)

DONIZETTI. Anna Bolena (1 r. 29 c.), L'Elisir d'amore, Lucia di Lammermoor (à 3 r. 43 c.).

HEROLD. Zampa (2 r. 85 c.).

ROSSINI. Cenerentola, La Donna del lago, Gazza ladra, Mosé, Otello, Tancred, Il Barbiere (à 2 r. 85 c.).

Оперы въ четыре руки.

(Новое красное издание.)

AMBER. La Muette, Bellini: Norma, La Sonnambula, Donizetti: Lucia, Mozart: La Flûte magique, Rossini: Il Barbiere, Herold: Zampa. (à 5 r. 15 c.).

MOZART. Don Juan, Figaro (à 5 r. 72 c.).

Пьесы для одного фортепиано.

ADAM. Six pièces favorites de l'opéra: La part du diable (94 c.).

— Mosaïque sur des thèmes de l'opéra: Le roi d'Yvetot, 3 cahiers (à 1 r. 15 c.).

ST. BENNET. Rondo piacevole, oeuvre 25 (86 c.).

BURGMUELLER. Deux polkas (à 94 c.).

— La montagnarde, Diana, deux valse brillantes (à 72 c.).

— Valse brillante et favorite du ballet: Peri (94 c.).

DREYSCHOCK. Six airs écossais en forme d'études (1 r. 43 c.).

— Andante inquietoso, oeuvre 23 (72 c.).

— Six airs Irlandais en forme d'études (1 r. 43 c.).

DUVERNOY. Petites pièces favorites sur des thèmes de Halevy, Meyerbeer et Weber, 3 cahiers (à 88 c.).

— Fantaisie mignonne sur Beatrice di Tenda (86 c.).

— Fantaisie et variations brillantes sur un thème de Capucetti, oeuvre 123 (86 c.).

— Bagatelle sur une chansonnette Napolitaine (86 c.).

HELLER. Les mélodies de Schubert transcrites, 38 numéros (à 1 r.).

MERZ. Les triomphales, contredanses variées (1 r. 15 c.).

— Polonaise favorite de Linda (1 r. 15 c.).

— Fantaisie et variations sur Parisina, oeuvre 133 (1 r. 72 c.).

— Trois airs de ballet de Charles VI (à 86 c.).

JUELLIG. Méthodes nationales hongroises (85 c.).

KULLAK. Fantaisie de concert, oeuvre 14 (1 r. 72 c.).

LECARPENTIER. Trois rondinos sur des chansons de Mlle Puget, oeuvre 47 (à 72 c.).

— Bagatelle sur des motifs de l'opéra: La Main de fer (72 c.).

LEMOINE. Bagatelle sur La Cachucha (58 c.).

— Bagatelle sur des motifs du ballet: Le Diable amoureux, oeuvre 40, 2 cahiers (à 94 c.).

LIST. Galop de Bulgakoff, transcrit (78 c.).

- Il m'aimait tant, mélodie transcrite (60 c.).
- Соловей d'Alabret (85 c.).
- Final de Lucia, transcrit (1 r.).
- Reminiscence de Robert le diable, grande fantaisie (3 r.).
- Grand galop chromatique (85 c.).
- Petite valse favorite (58 c.).
- Tarentelle napolitaine (60 c.).
- LOEWENSKIOLD.** Rêves d'Italie, improvisations caractéristiques (2 rb. 88 c.).
- ROSELLEN.** Fantaisie sur deux cavatines de Parisina (1 r. 15 c.).
- Caprice sur La reine de Chypre, oeuvre 46 (1 r. 48 c.).
- La milanaise, fantaisie brillante sur les plus jolis opéras de Donizetti, oeuvre 51 (1 r. 43 c.).
- L'aérienne, valse brillante, oeuvre 51 (1 r.).
- Fantaisie favorite sur Le rêve de Marie (90 c.).
- ROSENHAIN.** Grande valse brillante, morceau de salon (1 r.).
- Variations sur Belisario (1 r. 43 c.).
- Lutte intérieure, mélodie sans paroles (75 c.).
- Esquisses de l'opéra Italien, trois impromptu (à 1 r. 15 c.).
- SCHEB.** La gracieuse, grande valse brillante (72 c.).
- Deux ames, mélodies sans paroles (69 c.).
- MEYER.** Chanson de printemps (Frühlingslied) (50 c.).
- Gondellied (30)c .
- Chanson sans paroles, oeuvre 34 (30 c.).
- C. MAYER.** Valse-étude (85 c.).
- Troisième impromptu (75 c.).
- Caprice (75 c.).
- Trois études favorites, dédiées à la Comtesse Toll (1 r. 80 c.).
- Pensée fugitive (60 c.).
- KALKRENNER.** L'écho, scherzo (60 c.).
- LANGER.** C'est à vous que je pense, mélodie (50 c.).
- MÖCHERLES.** Rapsodie (30 c.).
- E. WOLFF.** Divertissement sur des motifs de Mercadante (1 r.).
- ERNST.** Élégie célèbre, transcrite par Czerny (60 c.).
- DOENLER.** L'adieu de Schubert, transcrit (50 c.).
- Souvenir de Florence, nocturne (60 c.).
- La Lontananza, romance sans paroles (60 c.).
- CHOPIN.** Deux mazurkas favorites, exécutées à St. Pétersbourg par Liszt. (60 c.).
- Mazurka favorite, op. 50 (43 c.).
- FESCA.** La mélancolie (60 c.).
- HEBERT.** «Бывало», romance du Ct. Wielhorsky, transcrite:

(Въ музыкальномъ магазинѣ Бергера, на Невскомъ Пресекѣ, на углу Большой Морской, въ домѣ Чаплина.)

Въ этомъ же магазинѣ раздается пятая тетрадь музыкальнаго журнала : «Нувелюсть», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія піесы:

MENDELSSOHN. Chanson de printemps (Frühlingslied). — HERZ. La polka, morceau de salon. — VOLLWEILER. «Любила я», du St. Wielhorsky, transcrit. — ДОКНЛЕР. A un ruscelletto, mélodie. — SCHUBERT. La berceuse. — ДЕРФЕЛЬДТЪ. Новый романсъ. Romance française. Литературное приращеніе.

Подписная цѣна 10 р. сар., съ пересылкою 11 р. 50 к. серебромъ.

МОДЫ.

— Въ шляпкахъ бастовыхъ, *raillé de riz*, поля бываютъ немного отвернутыя, убранныя газовыми лентами какого-нибудь цвѣту, и тремя маленькими бѣлыми перьями отънесенными на концахъ подъ тотъ же цвѣтъ. Шляпки сборчатыя, гроденаплевья, нашиваются въ нѣсколько рядовъ соломенными аграммантами; ихъ украшаютъ того же цвѣту клѣтчатыми гроденаплевьями лентами. Шляпки гладкія, тафтяныя, свѣтлыхъ цвѣтовъ, розовыя, голубыя, бѣлыя, совершенно покрываются гофрированнымъ крѣпомъ, газомъ или тюлемъ *voilaine*; ихъ убираютъ букетами мелкихъ полевыхъ цвѣтовъ. Соломенные шляпки очень благородны: форма ихъ вообще à l'Anglaise. Много видно рѣшетчатыхъ, прозрачныхъ; нныя подбиваютъ гроденаплемъ и убираютъ клѣтчатыми или трневыми лентами.

— Шарфы начинаютъ опять входить въ большое употребленіе: шелковые шарфы обшиваются бахрамой или кружевомъ съ трехъ сторонъ; верхняя, лежащая на шее, остается не обшитою; тамъ, гдѣ придерживается руками, бываютъ двѣ или три складки. Это очень удобно. Прекрасны шарфы бѣлые кисейные, вышитые тамбуромъ, съ кружевомъ. Очень милы также кружевные маршеты, бѣлыя и черныя, съ розетками изъ цвѣтныхъ газовыхъ или атласныхъ лентъ.

— Легкія платья должно убирать двумя или тремя широкими оборками и такими же широкими складками: рукава — гладкіе, безъ украшеній, очень свободные, чуть спущенные на кисти руки; корсажи — высокие, гладкіе.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

М. Д. Ольхина,

Коммиссіонера Министерства Финансовъ, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій и Коммиссіонерствъ Полицейской Газеты, на Невскомъ Проспектѣ, противъ арсенала Аничкова Дворца, въ домѣ Завѣтнаго, и въ Гостиномъ Дворѣ (по Суконной Линіи), подъ № 13-мъ,

поступили въ продажу слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро).

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

МОСКВА И МОСКВИЧИ.

ЗАПИСКИ ВОГДАНА ИЛЬИЧА ВЪЛЬСКАГО.

издаваемые М. Н. Загоскинымъ.

Москва 1844 года, изданіе М. Д. Ольхина. На лучшей веленовой бумагѣ (около 500 стр.), съ заглавною вишнѣткою, изображающей Петровскій Дворецъ. Цѣна 1 руб. 50 коп., вѣс. за 1 фунт.

Оглавленіе 2-го выхода:

I. Петровскій паркъ и воксалъ. II. Городскіе слухи. III. Англійскій клубъ. IV. Литературный вечеръ: V. Ванька. VI. Новорожденный. — Смѣсь: 1. Братъ и сестра.

2. Дешевые товары. 3. Первые театральныя представленія въ Москвѣ. 4. Русскій магазинъ. 5. Карты.

Тоже Москва и Москвичи, выходѣ первый. М. 1843 г.
Цѣна 1 р. 50 коп., вѣс. за 1 ф.

МОЛОДИКЪ

на 1844 годъ.

Выпускъ четвертый, или второй на 1844 годъ.

УКРАИНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

издаваемый П. Бецкимъ.

Напечатанъ великолѣпно въ большую 8-ю долю листа, на лучшей веленовой бумагѣ.

Къ сему четвертому выпуску приложены: 1. Портретъ Императора Петра I, рисованный г. Берже, съ оригинала, дарованнаго Петромъ Великимъ Своему духовнику, Т. В. Надаржинскому, отлично гравированный на мѣди художникомъ С. Петербургской Академіи Захаровымъ. — 2. Изображеніе Царскаго духовника Императора Петра Великаго, Тимофея Васильевича Надаржинскаго, въ иночествѣ Троицкаго Ахтырскаго монастыря Смирненнаго Старца Іеромонаха Товія, рисованное г. Охрименкомъ, въ Ахтыркѣ, съ подлинной картины, сдѣланной въ чужихъ краяхъ, ит. 3. Видъ странно-приимной Ахтырской пустынно-служительной обители, возобновленной въ 1843 году, рисованный съ натуры В. А. Корсаковымъ. — 4. Портретъ Гоголя, съ fac-simile изъ письма Гоголя къ П. А. Плетневу. — 5. Двѣ картинки, изображающія Малороссіянокъ въ ихъ національныхъ костюмахъ, рисованныя Княгиною Гл. А. Голицыною, отпечатанныя въ литографіи Поля. Спб. 1844 г. Цѣна 3 руб., вѣс. за 3 фунта.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

СЕНСАЦІИ И ЗАМѢЧАНІИ

ПОСЛОЖИ К У Р Д О В О Й
ЗА ГРАНИЦЕЮ, ДАНЪ ЛЕТРАНЖЕ.

ИТАЛІИ.

Тамбовъ, 1844 г., въ б. 8-ю д. л. (около 400 стр.) напечатано великоформо, на лучшей веленевои бумагѣ, съ множествомъ политическихъ рисунковъ. Цѣна 3 рубл. въсов. за 2 фунт.

Тоже части первая и вторая. Тамбовъ, 1841 и 1844 г. Цѣна каждой части 3 руб., въс. по 2 фунт.

ОЦЕРКИ

БЕРЕГОВЪ РЕЙНА И ШВЕЙЦАРІИ.

ИЗЪ ЗАПИСКОКЪ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

КНЯЗЯ А. МЕЩЕРСКАГО.

М. 1844 г. Изданіе М. Д. Ольхина, въ большую 8-ю д. л. На лучшей веленевои бумагѣ. Цѣна 1 руб. 75 коп., въсов. за 3 фунт.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава первая: Рейнъ. — Боннъ. — Гохрейцъ. — Голесбергъ; Юліанъ-Отступникъ. — Кенигс-Винтеръ. — Дракенфельсъ — Волькенбургъ. — Стромбергъ; вѣстия; Андрихъ Шварценекъ. — Глава вторая: Роландсъ-экъ. — Нейвиадъ; дворецъ; Моравское братство. — Кобленцъ. — Эренбрейтштейнъ. — Кенигштуль. — Сен Гоаръ. — Черная скала — Семь прекрасныхъ сестеръ — Фальцграденштейнъ. — Бивгенъ. — Рюдесгеймъ. — Бингерлохъ — Маусьтуртъ. — Асмансъ-гаузенъ. — Нидервальдъ. — Крейценахъ. — Манцъ; оудопроизводство; Гуттенбергъ; астрономическія часы. — Глава третья: Мангеймъ — Гендельбергъ; старый замокъ; Бочка; Вольсбруннъ, — Карлсру. — Ра-

штадтъ.—Баденъ; древніе замки; горы: Ибургъ; Меркуриусъ-бергъ.—Страсбургъ; соборъ; установленіе вольнаго каменшчества. — Фрейбургъ.—Адская долина.—Шварцвальдъ. — Шафгаузенъ. — Водопадъ. — Констанцъ; Константскій Соборъ. — Бодензее. — Линдау. — Брегенцъ. — Глава четвертая: Рортахъ.—Сен-Галленъ; Аббатство. — Гора Фрейденбергъ. — Ночлегъ у пастуховъ.—Гора Сентисъ. — Рапертвилъ.—Цюрихское озеро.—Гора Альбисъ. — Гольдау. — Гора Риги; историческія воспоминанія. — Глава пятая: Памятникъ Швейцарцамъ 10-го Августа. — Луцернъ; гора Пилать. — Озеро четырехъ кантоновъ. — Альторфъ. — Дорога до Сен-Готарда, — Чертовъ мостъ; преданіе.—Урниеръ-лохъ.—Гора Сен-Готардъ. — Апроло. — Обратный путь. — Бернъ; медвѣди. — Фрейбургъ. — Вевъ.—Лозана. — Глава шестая: Дорога въ долину Шамуни. — Шамуни. — Открытіе долины. — Ледяное море. — Ледники Швейцаріи.—Монбланъ. — Выходъ на эту гору.—Переходъ черной головы — Мартиньи. — Глава седьмая: Дорога отъ Мартиньи до Сен-Бернарда. — Долина смерти. —Вершина горы; обитель; монахи; способы, употребляемые для спасенія погибающихъ. — Переходъ Наполеона черезъ Сен-Бернардъ.—Кладбище (La Morgue).—Разсказъ монаха. — Глава восьмая: Обратный путь къ Мартиньи. — Перешеекъ Бальма. — Видъ Монблана.—Кретини.—Водопадъ Писватъ.—Дорога отъ Мартиньи до Сіона.—Сіонъ.—Тунъ. — Интерлакенъ. — Штауббахъ. — Иунгфрау. — Гринденвальдская долина. — Охотники. — Рейхенбахъ. — Гандекъ. — Возвращеніе въ Женеву. — Взглядъ на Швейцарію.

О ТОМЪ, КАКОЙ БЫЛЪ

САМЫЙ ДРЕВНѢЙШІЙ (?) ЗЫТЪ

Н Ы Н Ъ

Православнаго Государства Русскаго.

М. 1843 г. Цѣна 40 к., нѣс. за 1 ф.

v

ВТОРАЯ ЧАСТЬ
САМОУЧЕНІЯ
ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА.

ПО МЕТОДЪ А. ЛЕВИНСКАГО.

Изданный изобрѣтателемъ методы. Изданіе второе, Спб. 1844 г., въ 8-ю д. л., на лучшей бумагѣ. Цѣна 1 р. 43 к., вѣс. за 2 ф. Тоже часть первая. Спб. 1843 г., въ 8-ю д. л. Цѣна 1 руб. 43 коп., вѣс. за 2 ф.

ОПИСАНІЕ

ВОЛЪВШЕЙ СОВАКЪ

и

СРЕДСТВЪ КЪ ИЗЛЕЧЕНІЮ ИХЪ.

Составленное П. З. Спб. 1844 г. Цѣна 75 коп.,
вѣс. за 1 фунт.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО
КЪ МЕЖЕВАНІЮ.

Основаемое на первыхъ четырехъ дѣйствіяхъ архимедовки, съ изложеніемъ необходимыхъ при этомъ первоначальныхъ свѣдѣній въ геометріи, а также съ яснымъ домашняго устройства различныхъ, при межеваніи употребляемыхъ, инструментовъ, въ которыхъ французскія шѣры замѣнены Русскими. Съ приложеніемъ таблицъ и чертежей. Сочиненіе Герпена, члена разныхъ французскихъ ученыхъ обществъ. Въ пользу народныхъ школъ, сельскихъ училищъ и вообще лицъ, неимѣющихъ высшихъ математическихъ знаній. Москва 1844 г., изданіе М. Д. Ольхина. На лучшей веленовой бумагѣ. Цѣна 75 к., вѣс. за 1 ф.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Н. В. КУКОЛЬНИКА.

Въ двухъ томахъ, изъ коихъ первый содержитъ въ себѣ

ПОВѢСТИ ИЗЪ ВРЕМЕНЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Спб. 1843 г. Цѣна за каждый по 1 руб. 50 коп., на перес. по 2 фунта.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА: 1) Лихончиха. 2) Новый годъ. 3) Благодарный Андроникъ. 4) Капустивъ. 5) Сказаніе о Синемъ и Зеленомъ сукнѣ. 5) Прокуроръ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ТОМА: 1) Наденька. 2) Антоніо. 3) Аврора Гамганъ 4) Три оперы 5) Пенкея. 6) Корделія.

ОСКАЗКА ЗА ОСКАЗКОЙ,

ИЗДАНІЕ, ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ

СОБРАНІЕ ПОВѢСТЕЙ РАЗНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

РЕДАКТОРЪ Н. В. КУКОЛЬНИКЪ.

Четыре тома. Спб. 1841 и 1844. Изданіе М. Д. Ольхина, въ большую 8-ю д. л., на лучшей велесовой бумагѣ. Цѣна каждому по 2 руб. 50 к., всѣмъ на каждый томъ за 2 ф. Содержаніе перваго тома: I. *Сержантъ Иванъ Иванъ-овичъ Неаковъ, или голъ за одно*. Историческій разсказъ Н. В. Кукольника, въ 9 главахъ.—II. *Щагъ и Мата*; историческая повѣсть XIV столѣтія. Александра Грамотова.—III. *Дуняша*. IV. *Эдуардъ и Кунстаунда, или серебрянная свадьба*; Александръ Н. В. Кукольника. V. *Полковникъ Арлинъ*; историческій разсказъ Н. В. Кукольника, въ 10 главахъ.—VI. *Медальонъ 10-го столѣтія, или Русоніе, въ Чили*; повѣсть П. Кукольникова, въ 4 главахъ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ТОМА: *Савелій Грабъ или двойникъ*; Козака Луганскаго. II. *Позументы*, разсказъ Н. Кукольника, въ 6 главахъ. Глава 1) Какъ Богданъ Кирядовичъ не захотѣлъ быть Почтмейстеромъ и о Ѳедорѣ Ильичѣ. 2) Какъ Ѳедоръ Ильичъ захотѣлъ опять на службу и о Борисѣ Ѳедоровичѣ нѣчто. 3) Какъ Борисъ Ѳедоровичъ Шаплькинъ познакомился съ тѣми персонами, кои были ему нужны, и о тѣхъ другихъ нѣчто. 4) Какъ Борисъ Ѳедоровичъ потерялъ фамилію. 5) Какъ Борисъ Ѳедоровичъ безъ ведуга былъ боленъ. 6) Какъ Борисъ Ѳедоровичъ изобрѣлъ зрительную трубу домашняго устройства. III. *Мастерская и Гостиница*; былъ Фурмана. IV. *Жанъ Батистъ Люда*; повѣсть Кукольника, въ 8 главахъ. Глава 1) Триста ливровъ. 2) Римскій Стадій. 3) Заговоръ въ Жужу. 4) Великая новость и въ повѣсти и жизни г-на Людо. 5) Совершеннолѣтіе. 6) Генеральный приступъ. 7) Образцовая просьба. 8) Ораторская рѣчь.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА: Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ шесть повѣстей: I) СОЛДАТСКІЙ ПОРТРЕТЪ, сод. Грицька-Основьяненка. II) КАРОЛИНА, историческая повѣсть Н. Кукольника изъ временъ царствованія Императрицы Екатерины; въ 7 главахъ. Глава 1) Выгодная квартира 2) Кубышки. 3) Куртагъ. 4) Мамзель Берле. 5) Разрывъ. 6) Карусель 7) Эпиграфъ. III. ДВА НЕВЫМЫШЛЕННЫЕ РАЗСКАЗА П. А. Корсакова. 1. Нѣмая. 2. Страшный гость. IV. НИЩІИ, повѣсть, въ 9 главахъ. V. МОНТЕККИ и КАПУЛЕТТИ или Чернышевскій Миръ, анекдотъ Н. Кукольника. Глава 1) Какъ женихи жениховъ провожали. 2) Какъ Яша другъ и недругу сослужилъ службы. 3) Отъ чего Василій Семеновичъ ходилъ и не заходилъ въ Приказъ. 4) Какъ Василій Семеновичъ опасно занемогъ и еще опаснѣе выздоровѣлъ. 5) Какъ капитанъ Бломбергъ, не попавъ въ одинъ походъ, отправился въ другой. 6) Ратные подвиги и походы Василія Семеновича. 7) Какъ Василій Семеновичъ защитилъ одною своею личностію Кожуговскій городокъ отъ Генеральнаго при.

стѣна. 8) Какъ Шарлотта Богдановна съчасовымъ бѣсѣдовала. 9) Какъ кончилась моя повѣсть.

Третій томъ заключаетъ болѣе 20 печатныхъ листовъ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА: Въ этомъ томѣ заключаются пять повѣстей, болѣе 25-ти печатныхъ листовъ. I. Градскій Глава, соч. Н. А. Полеваго. II. Татарскіе набѣги, выдержки изъ памятника, соч. Грицка-Основайска. III. Свротка, отрывокъ изъ воспоминаній бывшаго провинтскаго комиссіонера, соч. А-ва. IV. Клятва. V. Максимъ Савонтовичъ Березовскій, историческая повѣсть, соч. Н. Кукольника.

Успѣхъ перваго тома подалъ поводъ къ заключенію, что подобное изданіе, по легкости и занимательности чтенія, можетъ быть пріятнѣйшимъ подаркомъ для бібліотеки каждаго. Журналы, всѣ безъ исключенія, отозвались съ особенною похвалою обо всѣхъ четырехъ томахъ, заключающихъ въ себѣ двадцать повѣстей, изъ коихъ нѣкоторые, по объему своему, справедливо могутъ почтаться небольшими романами. Къ такимъ повѣстямъ должно отнести рассказы: Полковникъ Лесли въ 1-мъ томѣ, Савелій Грабъ и Ж. Б. Людо во 2-мъ и Часовой въ 3-мъ. Четыре тома «Сказка за Сказкой», составляютъ уже небольшую бібліотеку самаго разнообразнаго и вполне занимательнаго содержанія. Каждый томъ книги «Сказка за Сказкой» можетъ быть пріобрѣтаемъ отдѣльно и всѣ вмѣстѣ. Цѣна полному изданію, состоящему изъ четырехъ томовъ 10 руб., всѣхъ прилагается за 6 •.

Печатать позволяется, С. Петербургъ, 30-го Августа
1844 года. Цензоръ А. Никитенко.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Іюль, 1844.

КОНТОРЫ ЖУРНАЛА

«БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ»:

ВЪ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ арсенала Аничковскаго Дворца, въ домѣ Завѣтнаго;

ВЪ

МОСКВѢ, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета и на Никольской улицѣ, подлѣ Казанскаго Собора, подлѣ № 4 и 5, въ нижнихъ магазинахъ Свѣшника и Базунова.

Всѣ сношенія и требованія по журналу адресуются въ одну изъ этихъ конторъ. Подписка принимается тамъ же, и сверхъ того въ Газетной Экспедиціи Санктпетербургскаго Почтамта. Подписка цѣна на весь годъ, безъ пересылки по почтѣ, и безъ доставки на домъ, въ обѣихъ столицахъ, 15 рублей серебромъ; съ пересылкою, или съ доставкою, 16 рублей 80 копеекъ серебромъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

Коммиссіонера Министерства Финансовъ, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, Великаго Энциклопедическаго Лексикона, Редакціи Полицейской Газеты и проч.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

М. Д. Ольхина,

Невскомъ Проспектѣ, противъ арсенала Аничковскаго Дворца, въ Завѣтнаго, и въ Гостиномъ Дворѣ по Суконной линіи подь № 13
поступили въ продажу слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро.)

АНТРОПОФИЗИОЛОГІЯ

или

ПРАВИЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ПОЗНАНІЮ ЖИЗНЕННЫХЪ ПРАВЛЕНІЙ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ОРГАНИЗМА ВЪ ЗДОРОВОМЪ СОСТОЯНІИ, ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ПОНЯТІЮ ОБРАЗОВАНЫХЪ ЛЮДЕЙ ВСѢХЪ СОСЛОВІЙ,

составленное Докторомъ Бредовомъ.

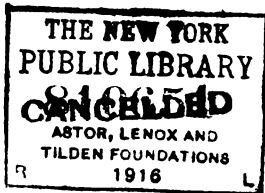
1844 года, въ-8 долю листа, на лучшей веленовой бумагѣ, цѣна 2 рубля, вѣсовыхъ за 2 фунта.

ПЕЧАТНЫЙ ВТОРОЙ ТОМЪ СОЧИНЕНІЯ ДОКТОРА ГРУММА ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

РУКОВОДСТВО

ВЪ ВОСПИТАНІЮ, ОБРАЗОВАНІЮ И СОХРАНЕНІЮ ЗДОРОВЬЯ ДѢТЕЙ.

отъ рожденія до совершеннолѣтія, заключающей въ себѣ физическое воспитаніе въ дѣтскомъ и отроческомъ возрастахъ. Этотъ второй томъ состоитъ изъ трехъ частей; въ первой части изложено употребленіе средствъ и способовъ, служащихъ къ удовлетворенію жизненныхъ потребностей, къ которымъ относятся: пища, питье, отдѣленіе испражнений

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

=

ИЗЪ АЛЬБОМА КАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ СУШКОВОЙ.

=

КЪ Е.... А....Ъ.

=

И такъ прощай!—Впервые этотъ звукъ
Тревожить такъ жестоко грудь мою.

Прощай!—шесть буквъ приносятъ столько мукъ!
Уносить все, что я теперь люблю!

Я встрѣчу взоръ ея прекрасныхъ глазъ,
И, можетъ-быть, какъ знать... въ послѣдній разъ!

1830.

==

КЪ НЕЙ ЖЕ.

=

Зови надежду—сновидѣньемъ,
Неправду—истиной зови,
Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Но вѣрь, о, вѣрь моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить:
Мой взоръ не скроетъ ничего;
Съ тобою грѣхъ мнѣ лицемѣрить
Ты слишкомъ ангелъ для того.

1830.

—

ЗВѢЗДА.

=

Въ верху одна
 Горитъ звѣзда,
 Мой взоръ она
 Манитъ всегда,
 Мои мечты
 Она влечетъ,
 И съ высоты
 Меня зоветъ:
 Таковъ же быдъ
 Тотъ нѣжный взоръ,
 Что я любилъ
 Судьбѣ въ укоръ.
 Мужъ никогда
 Онъ зрѣть не могъ;
 Какъ та звѣзда
 Онъ былъ далекъ!
 Усталыхъ вѣждъ
 Я не смѣжалъ,
 И безъ надеждъ
 Къ нему взывалъ.

1830.

ВЕСНА.

≡

Когда весной разбитый ледъ
 Рѣкой взволнованной идетъ,
 Когда среди полей нѣстами
 Чернѣетъ голая земля,
 И мгла ложится облаками
 На полуюжныя поля;
 Мечтанье злое грусть лелѣетъ
 Въ душѣ неопытной моей,

Гляжу: природа молодѣтъ;
 Не молодѣтъ душѣ моеи!
 Ланить спокойныхъ пламень алый
 Съ годами время уведетъ,
 И тотъ, кто такъ страдалъ, бывало,
 Любви къ ней въ сердцѣ не найдетъ.

1830.

РОМАНСЪ.

=

Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ звуки веселья,
 Они не отъ сердца бѣгутъ;
 Но въ сердцѣ разбитомъ есть тайная келья,
 Гдѣ черныя мысли живутъ.
 Слеза по щекѣ огневая катится,
 Она не изъ сердца идетъ.
 Чтò въ сердцѣ, обманутомъ жизнью, хранится,
 То въ немъ и умретъ.
 Не смѣйте искать въ сей груди сожалѣнья
 Питомцы надеждъ золотыхъ;
 Когда я свои презираю мученья, —
 Чтò мнѣ до страданій чужихъ?
 Умершей дѣвицы очей охладѣвшихъ
 Не долженъ мой взоръ увидать;
 Я бѣ много припомнилъ минутъ пролетѣвшихъ,
 А я не люблю вспоминать!
 Намъ вѣнчать иждеть ужасныя тѣни
 Кровавыя былаго призракъ,
 Онъ вновь призываетъ къ оставленной сѣни,
 Какъ въ бурю надъ моремъ маякъ,
 Когда ураганъ по волнамъ веселится,
 Смѣется надъ бѣднымъ челномъ,
 И съ крикомъ пловецъ безъ надеждъ воротится
 Жалѣть о краѣ родномъ.

КЪ Е.... А.....Ъ.

=

У вратъ обители святой
 Стоялъ просящій подавня,
 Безсильный, блѣдный и худой
 Отъ глада, жажды и страданья,
 Куска лишь хлѣба онъ просилъ,
 И взоръ являлъ живую муку;
 Но кто-то камень положилъ
 Въ его протянутую руку.
 Такъ я просилъ твоей любви
 Съ слезами горькими, съ тоскою,
 Такъ чувства лучшія мои
 Были обмануты тобою.

====

КЪ НЕЙ ЖЕ.

=

Я не люблю тебя! Страстей
 И мукъ умчался прежній сонъ;
 Но образъ твой въ душѣ моей
 Живетъ—хотя безсиленъ онъ.

Другимъ предавшись мечтамъ,
 Я всё забыть тебя не могъ,
 Такъ храмъ оставленный—всё храмъ,
 .....

.....

.....

.....

.....

.....

**ДВА ИВАНА,
ДВА СТЕШАНЫЧА,
ДВА КОСТЫЛЬКОВА.**

=

РОМАНЪ.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Губернія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КОНТРАБАНДИСТЫ.

=

Кланяюсь тебѣ, первопрестольная! Кланяюсь золотымъ
веркамъ твоимъ; кланяюсь дворцамъ твоимъ, и крыль-
цамъ, и ланитамъ, и землѣ! Потериѣла ты за дѣтей своихъ,
оттолкну ихъ съ материнскою любовію, страданіями, му-
ками, кровію. И свято имя твое, святъ единый образъ,
который не изгладится изъ памяти каждаго, будь онъ ба-
сурманъ, кто только видѣлъ тебя! Теперь ты опять полна,
дородна, досела, а были времена печали разные; то въ-

рогъ, то язва; было для тебя и такое время, когда и безъ враговъ и безъ язвы, томилась ты грустію, подобно вдовлицѣ; и было о чемъ грустить: не видала ты государя и государева семейства долго; именовъ и дѣломъ не была уже столицей; называли тебя губерніей и была ты, безъ лести, точно губернскимъ городомъ, не больше. Случайные пожары обнесли твое сердце, Кремль многоглавый, печальнымъ пепелищемъ; почти всѣ важнѣйшіе сановники и присутственныя мѣста переселились въ новый Петербургъ, гдѣ деревянные соборы Исакія и Троицы замѣняли всю твою многовѣчную святыню. **Д**есять пожаровъ и отъ переселенія, Москва пришла въ великое опустѣніе; но бѣненіе въ этомъ сердцѣ Россіи не прекращалось; кровь не изсохла, и сравнительно съ другими городами, Москва еще сохраняла видъ столицы. Только свидѣтель прежняго ея величія могъ замѣтить, что эта важность похожа была на горделивое притворство. Новые порядки хотя и не нравились жителямъ, однако жъ возбуждали въ нихъ энергію отрицательнымъ образомъ и никогда Москва столько не болтала и не сплетничала, какъ въ описываемое мною время. Да и предлоговъ въ тому было не мало: много указовъ выслашала дворцѣ, но не двинулись съ мѣста. Стольникъ Степанъ Колычевъ напрасно ждалъ дворянъ и служилыхъ людей; являлись три отсрочки, никто не являлся. Грянулъ указъ грозный; ослушаніе стало опаснымъ; и въ сентябрѣ Москва вдругъ сдѣлалась многолюднѣйшимъ въ мірѣ городомъ. Черезъ всѣ ворота цѣловальники и солдаты едва успѣвали пропускать приѣзжихъ; въ домахъ Китая и Блага Города гости съ трудомъ помѣщались; русская смѣтка умѣла пользоваться обстоятельствами и дороговизна возрасла до высокой степени; стеченіе народа было причиною и другихъ неудобствъ, которыхъ не могла унять губернская власть даже для того времени. Вотъ и въ этотъ день, какъ мы уже увидимъ, взята въ Москву съ Иваномъ (уже Степаномъ) зарю давно пробилъ, а на улицахъ противъ унуса — ланье, да и полно; кабаки, нарчванъ; — всѣмъ — стверты; толна народу не расхлебала отъ риннаго; словомъ, никто в не думалъ о покой. На Сивомомъ Шороу

у маркитантской лавочки, которую смѣло можно было назвать ходячею харчевнею, сидѣли два гостя на деревянныхъ складныхъ стульяхъ и тихо между собою бесѣдовали. Миловидная, хотя уже и не молодая, маркитантша подливала имъ настойки въ небольшія заорленныя чарки изъ зеленой посуды, и въ то же время ловко и проворно управлялась съ другими покупателями. — Одинъ изъ собесѣдниковъ былъ одѣтъ въ синій суконный зипунъ съ стоячимъ класенымъ козыремъ; старинная шапка прикрывала густую сѣдну; по описанному платью можно уже догадаться, что у него была и борода соответственнаго возрасту, размѣру и цвѣту. Другой былъ одѣтъ довольно странно. — Исподнее платье было у него изъ черной обьяри; камзолъ пестрый, а кафтанъ съ желтыми обшлагами, какъ у военныхъ. Шляпа круглая довершала его костюмъ. Борода была сбрита, но по щетинистому виду можно было догадаться, что эта хирургическая операція имѣла мѣсто тому назадъ съ недѣлю.

— Право, не ладно, Никитка! сказала Борода: не знаю что про тебя общество скажетъ. Волосъ коротокъ и умъ коротокъ станетъ. И кто тебя въ соблазнъ вселъ!

Никитка лукаво улыбнулся.

— Хорошо тебѣ, Савва Андренчъ, бороду носить; пятьдесятъ рублевиковъ въ приказъ что годъ отдавать; у меня далъ бы то Богъ, чтобъ и всего прихода до пятидесяти набралось. Все за бороду отдай, а самъ что ѣсть будешь? А на ту мѣдную пуговицу, что за бороду на кафтанъ нашиваютъ, и калача не купишь, да и продать нельзя; вдругорядъ взыщутъ....

Савва вздохнулъ.

— Да! признательно сказать, со мною былъ тотъ случай. Пошелъ я въ приказъ, говорю: я изъ Нижняго, мнѣ подайте вольный значокъ. Вотъ ваши деньги. Выложили пятьдесятъ; всё новаго чекану, знаешь, реди приказной привязки вымѣнилъ: одинъ кружокъ къ другому на подборъ; а нето привяжутся. Старая дѣньга. Не указано. И серебро отымутъ, и другое пойдѣт. Псы жадныя! То есть, я говорю, что княжна Ан-

Фимья Кирилловна вчера тутъ у насъ на мосту правду бавля. Конецъ свѣту приходитъ. Только, что мы, христіанъ и осталось; а то всё Нѣмцы!

Савва запилъ настойкой горькую рѣчь и посмотрѣлъ на всѣ стороны. Никитка умильно глядѣлъ на него и по лицу его нельзя было никакъ догадаться въ какую онъ сторону думалъ.

— Ай да времячко, сказалъ Савва, отершись рукавомъ: вездѣ сыщики и чиновные и военные. Терять и тебѣ и товаръ. Намѣднн всю лавку изшарили; обобрали рублевъ на сто товару. Баютъ: въ казну, да что казнѣ изъ крашеной бумаги за прибытокъ! Понадобились челдн приказной, а съ насъ и товаръ и пеню слуди, язычники этакіс. И еще поди въ приказъ, да въ нѣмецкой черной книгѣ роспишишь, поставь въ богомерзкомъ черномъ книжищѣ, и свое и отцово имя и прозвище; вотъ такъ съ-дуру и ступай въ кабалу къ нечистому. Да не на таковского напали! Не поддѣли, сатанинскіе слуги. Я отъ той книги отступилъ, перекрестился, да на книгу и плюнулъ.... Поднялась кутерьма, заплакали рабы бѣсовы; завопили: штрафъ! штрафъ! Въ тюрьму. Подъ судъ!—Съ нами крестная сила, сказалъ я: да расточатся! Они, знаешь, такихъ словъ не любятъ, притихли. А я имъ: жъ чего ко мнѣ привязались, господа приказные?.... Роспишишь въ книгѣ, что у тебя найдены въ лавкѣ на Спаскомъ Мосту листы разныхъ изображеній, противъ государева указу.... Смотрю я на нихъ, думаю, али шальные, али взятки добиваются.—Нѣтъ, господа приказные, молвилъ я, не во гнѣвъ скажу, врѣте. Никакихъ листовъ противъ указу у меня не было и нѣтъ; а какіе есть, такъ всѣ добротные, лучшей суздальской печати и отиѣнныхъ красокъ. На мой товаръ охулки класть не извольте.—Не твое дѣло разсуждать! Росписывайся!—Росписаться, я пожалуй роспишусь, только на особомъ листѣ, а въ черную книгу изъ-подъ пытки не затащите...—Ну, врагъ тебѣ побори! Этакую неуча не уломаешь! Всѣ-равно, росписывайся особнякомъ... Я съ-дуру и черкнулъ: Савва, Андреевъ сынъ, Мотковъ...—Ну, ступай, да гляди, чтобы тѣхъ листовъ, о которыхъ по столбамъ и по веретамъ будетъ объявлено, не держалъ

ни въ лавкѣ, ни на дому, а нето батоги, а по винѣ и торговая казнь.... Смиѣаемъ, думаю себѣ; дудки; это только одно пристрастіе, потому-де, что листы имъ не нравятся. Поглядимъ, по праву ли придется вонъ этотъ. Про него на воротахъ ничего не указано... Мотковъ вытащилъ изъ-за пазухи въ нѣсколько разъ сложенный листъ. На немъ сверху, въ клѣткахъ, судальскимъ манеромъ нарисовано было не мало фигуръ, а внизу отпечатано толкованіе.

— Погляди, Никитка, вотъ и съ тобою то же будетъ. И указывая на каждую клѣтку, Мотковъ толковалъ: Вонъ былъ добрый русскій человекъ, не изъ подлыхъ, гляди: у него женакакая дородная, красавица, видишь, краснойкрасной вся измалевана, а это у него прикащики серебро считаютъ, ну, а тутъ, по-дальше, видишь, собака бѣжитъ: это самъ сатана собачью шкуру надѣлъ, да къ нему ласкается, а тотъ, филля, и не смиѣкнулъ, гладитъ бѣса; а вотъ третья клѣтка, несть-то уже на дыбы поднялся, ноги обулъ въ нѣмецкіе башмаки, кафтанъ напялилъ, а въ томъ кафтанѣ, видишь, и для хвоста мѣсто есть, гдѣ прятать.... Гляди, гляди. Бѣсъ-то ему подноситъ заморскихъ питей, а въ томъ питьѣ чары; проглотилъ, голова кругомъ пошла; а бѣсъ вонъ тутъ взялъ зелья заморскаго, зри, курить, а тотъ одурѣлъ и свалился. Бѣсы изъ преисподней, видишь, прыскавъ въползли, одинъ тому въ карманъ, другой въ рукавъ; третій въ сапогъ, а вонъ тотъ за пазуху пробирается, раздѣли дурня, серебро растаскали, жену переименовали въ нѣмецкую бабу, да и давай съ ней по-нѣмецки, а тѣ вонъ тутъ бороду съ обмершаго сдираютъ, содрали, отъ боли проснулся... Глядитъ, нѣтъ жены, серебра, ослыши, все съ бородой ушло....

Никитка не могъ глядѣть дальше на ужасы, какія съ героемъ картины послѣдовали отъ лишенія бороды; стиснулъ губы, зажмурился и только слушалъ....

— Вотъ, гляди! продолжалъ Савва, болѣе и болѣе одушевляясь: Былъ человекъ, а у него осличьи уши выросли; жена ему щенковъ народила; самъ-то онъ, увидитъ крестъ, отъ креста бѣжитъ; онъ, было-хотѣлъ у пустышника попросить снадобья какого противу ереси, видишь, идетъ, а

за нить стал исбъвъ; свалили съ ногъ, поволокли въ тьму проклятую; глады, какъ черно; огонь подъ нимъ подложенъ, да его же бородой его и поджариваютъ... А тутъ....

— Не могу; Савва Андреичъ! завопилъ Никитка и вскокалъ.

— Чтѣ, нѣ бѣйся, пропало! съ удовольствіемъ сказалъ Мотковъ и въ то же время замѣтилъ, что съ нимъ во все время толкованія картины былъ и третій собесѣдникъ, который негнущимся слушалъ и съ любопытствомъ разсматривалъ расчерченный листъ. Незнакомецъ тотчасъ отъвернулся и сказалъ, «знатное изображеніе», пошелъ къ посту и пропалъ въ толпѣ....

— Надо бѣжъ шитное, прикинулъ Мотковъ самодовольно и припѣлъ на свое мѣсто: Присла, Никитка! Покажись усидишь; покажѣтъ серебра; за пятьдесятъ рублей продай душу; оно и то правда, въ этомъ году обомлѣла нѣтъ бородавка въ сетю, да то ужъ такой случай....

— Прелѣ, правда, подхватилъ Никитка: ты чтѣ-то началъ связывать, что въ приказъ пришелъ, да серебра выдашь...

— Говорю же тебѣ — рублевникъ къ рублевнику. Приказъ, записали имя в мое и отцове и презвице, и губернію, и провинцію, и уѣздъ, и волость, да и выдали мнѣ иѣдаль, такой знаешь великій значокъ, чтѣ хочешь къ комуу приказу, качены такъ его въ мошнѣ носи: покажѣрай только, когда спросить. Ну, вышелъ я изъ приказу, держу иѣдаль въ рукѣ—мнѣ и встрѣлся какой-то пѣшецкій оборытъ, поглядѣлъ на меня сурово, да и спросилъ:— Съ бородашки пошла ли вѣста? Я показалъ ему значокъ и пошелъ дальше. Тамъ опять идетъ объѣздный, спросилъ, показалъ, иду дальше; тамъ третій, десятый, то и дѣло: покажи значокъ. Ну, подумалъ, нажилъ себѣ бѣду... Ужъ недалече отъ моихъ воротъ встрѣлся не то пономарь, не то дѣлчекъ, чудище такое отвратное; покажи значокъ! Нечего дѣлать: показалъ, онъ взялъ въ руки, поглядѣлъ и такъ и нѣ изнанку, отдалъ значокъ и пошелъ. И скорѣе дѣмой, испотѣлъ весь; измучился, хочу, чтобы раздѣться скорѣе, поломить значокъ за икону, анъ его и въ рукахъ нѣтъ. Обронилъ. Бѣгу на уличку; всю грязь вытерѣлъ и

судя, знача нахъ не бѣвали. — Нечего дѣлать. Пришлось еще полсотнѣ въ приказъ нести, другой значокъ закупить; сказанъ, будто для бѣлаго брата, а у меня и брата нѣтъ, да приказныхъ побоялся... Слажи: потерѣлъ, — водили бѣ; нутерну. Запихали бѣ: въ тюрьму, штрафъ, подѣ суды! Другое бѣ доправили. Согрѣшила; солгалъ, да ужъ зато стого значка не обрешу: кричала къ зипуну; вѣтъ онъ. Ахтъ!

Некоее лице Моткова приняло выраженіе ужасу. Онъ поблѣдѣлъ и стучивалъ грудь судорожно обѣими руками: значка не было; только оборванна нитокъ сандвѣса-ствонка, что значокъ не самъ собою соскочилъ съ зипуна, а съ помощью посторонней руки. Но когда и какъ это могло случиться?... Передъ тѣмъ какъ они ушли у маршантской лавочки, значокъ былъ, потому что Мотковъ, стѣдась позини, закрывалъ его рукою и чувствовалъ его присутствіе. — Восмищеніе Моткова, его испугъ, движенія, все обратило на него вниманіе проходящихъ; кружокъ эввакъ образовался около собесѣдниковъ въ одно мгновеніе. Одинъ утѣрял Моткова, что у него значка, видно, не было; другіе убѣдительно доказывали, что онъ уворованъ и оченъ ловко; третьи утѣшали, что найдется. Замѣчаніе одного недоуздательнаго лица въ нѣмецкомъ платьѣ, что Мотковъ притворится будто значокъ былъ, навело на него такой ужасъ, что онъ выскочилъ изъ толпы и благимъ матомъ пустился бѣжать черезъ мостъ. Эвваки нѣсколько времени забавлялись надъ чужою бѣдою и тѣшились бы еще долѣ, если бы не полцался объездный и не разогналъ ихъ по домамъ; но бѣги, труда и толчковъ. Чтобы не оставалъ читателя въ заблужденіи, я долгоиъ считаю довести, что объездный былъ не какой-нибудь казакъ, а такъ тогда называли кибартальныхъ надзирателей. Разогналъ объездный всѣхъ, и указалъ заирать лавки: Никитка одинъ считалъ себя въ правѣ не слушаться объезднаго, и, вѣроятно, имѣлъ на то законныя причины.

— Чтѣ ты это, Родичиниъ, сказалъ онъ: такъ рано сегодня день кончанъ?

— Экъ, Никитка, плохое время приходитъ. Новое начѣло прѣхало изъ Питера. Никогда такого и не слыживали;

и уми выповорить, не наговорю. Знаю только, что большаго чину человекъ и прибыть извонять на Москву, чтобы заводить тутъ у насъ какую-то полицію.

— Полицію? А это что такое?...

— Не вѣдаю. Должно быть какой нѣ-есть новый порядокъ. Нынче того только и гледи: что шагъ, то новая задумка. Позвали къ нему всѣхъ бурмистровъ и всѣхъ всѣхъ, объѣздныхъ. Много онъ толковалъ, да я отъ страху ничего не слышалъ. Благо еще, что не заговорилъ до лихо-редки; только и пошло, что на-последѣхъ сказалъ: «Ступайте же; зорю когда пробля, а Москва на улицахъ почивай вся бражничаетъ! Пошли вой!» Мы и пошли вой, да вотъ и васъ гонимъ.... Ну, запирайте же лавки, гонятъ васъ; того гледи самъ придетъ....

На этотъ разъ кунцы и не упрямались, потому что и купателей уже не было; лавочки постоянныя закрылись; подвижныя уѣхали; сторожъ улегиню на мосту, держа на веревкахъ собакъ; объѣздный пошелъ домой, съ нимъ и Никита...

— А что, Родичкинъ, спросилъ онъ: ты ничего не слышалъ, оптеки велѣно ему вѣдать, али нѣтъ?...

— Эхъ какой ты право, Никита! Сказано тебѣ—важная особа, изъ Питера, изъ самаго сената; указано ему всю Москву вѣдать....

— Гмъ! Оптека не Москва, Москва не оптека. Пусть онъ себѣ Москву вѣдаетъ, а оптеку не замай. Стороннее дѣло. Какъ нашъ зеленый рядъ разорили, лавки съ травой всякой поломали, сколько людей перемерло? Оптека на Москвѣ всего-то шесть, седьмая государева верхняя; ну гдѣ имъ всякаго снадобья напасть на такое городище! А цѣны-то какия заломили! Поди-ка на прикладъ въ Новоиѣмецкую слободу къ Ягану Григорію къ оптеку; а еще жалованная грамота у него есть; и въ грамотѣ написано, чтобы цѣны были безъ надбавки, а купи ревеню нусокъ, такъ что за пудъ заплатишь; а всей-то пономнны Нѣмецъ вѣтъ сѣмковъ заплатилъ; а бывало къ зеленому ряду сколько душъ угодно можешь ревеню безпономиннаго задушить по вольной цѣнѣ вочитай за-дарма. Купай себѣ на зоренья!...

— Такъ отъ чего же тебѣ хочется, чтобы онъ оптекъ не вѣдалъ?

— Миѣ? Да миѣ какое дѣло! Зеленоую лавку свою гуртомъ въ приказъ продалъ; сохотѣь семь убавку; остатки, какіе не принялъ въ приказъ, гниютъ. Миѣ-то что! Я теверь красками торгую.... Плохіе барыши. А до оптекъ, Богъ съ ними, ни знать ихъ, ни вѣдать не хочу. Миѣ какое дѣло, что Никитки морочиваются; водку продаютъ хуже всякаго кабака, перху подливаютъ да и говорятъ — мелодушнае лешарство. Поди, ховь теверь погляди: увидишь сколько здорово жару тамъ лечится; а по какиимъ цѣнамъ! Только разореніе отъ нихъ. Въ зеленоомъ нашемъ ряду цо малой мѣрѣ водкою не торговали....

— А продавали только отравы, да темныхъ людей подъ рукой морочили. Полно, Никитка, у меня у самого племянница объѣлась вашего зелья, да и померла. А продаютъ ли въ оптекѣ водку, поглядимъ. На то и чинъ объѣздный. Пойдемъ!...

— Да миѣ какое дѣло до оптеки! Ступай себѣ одинъ. Еще, пожалуй, скажутъ, что я донесъ. А мое дѣло сторона. И спать пора. Плохіе барыши съ красокъ. Почитай за дарма сегодня въ ряду просидѣлъ. До зори лавку заперъ, да вотъ и пошелъ на Спасскій Мостъ горе мыкать. Прощай, Родичкинъ. Богъ съ тобой, добрая душа! Коли для дѣтокъ твоихъ ревеню будетъ нужно, зашли. У меня есть остаточки. Всѣ-равно гниютъ.

— Кого ты надуваешь, Никитка? За посулъ спасибо, а что остатки, такъ видно не малые: вотъ ужъ почитай гдѣтъ десять какъ зеленый рядъ разорили, а остатки у тебя не переводятся....

— Да все выходитъ по-малости. Да вѣдь и то скажу, лѣшкому не продаю, а изъ своего запаса уступаю.... На это вѣтъ указа. Только гляди, Родичкинъ, ты въ оптекѣ самъ не пей. Отравлять. Намѣднн умерла на улицѣ баба отъ оптекарской водки.

Объѣздный завернулъ въ оптеку, а Никитка побрелъ домой. Черезъ ворота Кремля, Китай и Бѣлаго Города пропускать свободно; но въ воротахъ Землянаго Города Никитку остановилъ цѣловальникъ.

— Куда, Никита Андреевич? спросил он серьезно....

— Пеналобойсь, Игнашка, на городъ въ вѣденье....

— Охъ, Никита Андреевич!

— Что съ?

— Новый порядокъ....

— Какой новый порядокъ?...

— Да вотъ не будь уже тѣсно, вы бы на воротахъ сами прочитали. Въ городъ-то можно, а изъ городу нельзя. Пошли отъ того, какъ его зовутъ: лѣвъ съфрансъ, а не въговорили, отъ Обера новаго—механи пропуска....

— Какой пропуска?

— Не вѣдаемъ. Послѣ вѣря указъ сталъ. Никто еще отъ такимъ пропускамъ не приходилъ....

— Вотъ тебѣ разъ!

Никитка крѣпко призадумался.

— Послушай, Игнашка, сказалъ онъ наконецъ: да будто ты меня не знаешь....

— Какъ не знать, да вѣдь я не одинъ; насъ цѣловальниковъ-то здѣсь шесть, да два солдата, да одинъ драгунъ; донесутъ, вздуютъ.... Да еще и на новый порядокъ надо посмотреть, что оно такое. Приходи завтра.

— Да вѣдь я часа черезъ три, четыре выйду; не въ первый же разъ....

— Не могу. Новаго порядку еще не знаю; да и аресту такого приставили; неговорчатый....

Въ уныніи Никитка присѣлъ на скамью, на которой обыкновенно сидѣли цѣловальники и солдаты.... Игнашка собиралъ въ своемъ умѣ утѣшительныя слова, но не успѣлъ ихъ вымолвить. Къ воротамъ вѣдь за городской стѣной подъѣхали приважіе. Игнашка отперъ калитку; драгунъ, солдаты и цѣловальники выслази изъ стѣны и осматривали повозку, а Игнашка разспрашивалъ:

— Кто вѣдетъ?

— Иванъ Степановъ Костыльковъ, дворянинъ, на своемъ къ стольнику Степану Колычеву. Осторожъ! И такъ гонятъ; да и что-то нездоровится....

— Нездоровится! вскрикнулъ Никитка: молъ какой еще

...ской милости сказать, что какъ рукою снимешь, а ты болятъ!

— Подъ ложкой такъ и душишь....

— Батюшки свѣты! Скажешь, честной господинъ, на всю Москву спасибо. Отвори же, Игнашка! Что же ты проѣзжихъ дворянъ задерживаешь!...

— Эхъ, Никита Андрейчъ!... Новый паролокъ. Пожалуй, честной господинъ, вонъ этому драгуну проѣзжес письмо; пусть пропишетъ, кто и откуда.

Костыльковъ отдалъ драгуну паспортъ. Между тѣмъ отворили ворота. Цѣловальники, обнявъ и обнюхавъ колымагу и еще двѣ повозки, пропустили ихъ черезъ ворота. Игнашка толкалъ Никитку и шепталъ ему на ухо: вотъ теперь подъ шумокъ удептывай. Но Никитка и не думалъ уже о походѣ за городъ; онъ присталъ къ Страннику и тихо объяснялъ объ удивительныхъ враньихъ свойствахъ ревеню.

— То есть, батюшка, вотъ недавно какъ сегодня, говорилъ онъ: недугъ было совсѣмъ олодѣтъ; свѣтъ я не мало правды, вато здоровъ сталъ. У меня у самого нѣтъ, а если прикажешь фунта два или три достану у знакомыхъ уступать; только цакажи, куда занести. Гдѣ позволишь на жительство стать?

— И самъ еще не знаю. Пока на постояломъ дворѣ, гдѣ ни есть....

— Ну, ужъ если на постояломъ, такъ я тебя, честной господинъ, уважу; на всей Москвѣ для знатныхъ цѣтъ никакого пристанища. У другихъ по укладу одна большая свѣтлица да двѣ каморы, а у этого совсѣмъ иначе; гдѣ покой, а гдѣ два, ходъ особый въ сарай, и на дворъ, а окна въ улицу и въ садъ; хозяинъ въ Нѣмечинѣ былъ, тамъ в домъ свой перенялъ. Только правду сказать, ничего тактъ не дешево.

— А какъ?

— Да какъ пожелаешь, два рубля или олодѣтъ!

— Три!

— Три? Видно, жевать дѣлать много. Три, такъ три. Придется по пяти админъ въ день, рубля въ неделю, чотыре въ мѣсяцъ, сорокъ осемь въ годъ, а на годъ раз

жестъ рубль за уступитъ.... И мѣсто какое!—У самыхъ у Варварскихъ воротъ. Все подъ бокомъ. Коли изволишь, провожу.

— Спасибо. Ну, что, все? спросилъ Степанычъ у драгуна, который съ подобающей воинской аттенціей подалъ ему паспортъ.

— По этому письму все, да холонскія письма прописать нужно, коли есть....

— А коли нѣтъ?

— Такъ проинимать не указано, а велѣно отсылать въ канцелярію или на Москву не пускать.

— У меня прислуга наемная; пусть каждый за себя отвѣчаетъ. Гей! Подавайте у кого какой видъ есть.... Только ты, любезный, по-проворіе поворачивайся. И поздно, и невдорѣвится....

— Про здорье не изволь беспокоиться.... Какъ рукой сниметь. И знакомые-то живутъ у меня тамъ у того постоялаго двора по соедѣтву; душкѣмъ сбѣгаю.

Драгунъ, видно, ужъ въ очень скоро писать, или не удостоилъ холоней подробной выпиской; только очень проворно вынесъ паспорта и подавъ, остановился въ позиціи, какъ-будто ожидая приказанія или чего либо. Степанычъ догадался и подалъ ему полуполтинникъ. Драгунъ такъ былъ тронутъ этою милостью, что не утерпѣлъ и поцѣловалъ у шедродателя руку. Поѣздъ тронулся въ путь, Никитка бѣжалъ впереди и указывалъ дорогу. Хотя и бѣжали шагомъ, однако же скорохождение наводило на Никитку одышку; онъ задыхался. Присталъ бы, если бы злой духъ корысти его не поддерживалъ. — Наконецъ доползли до Варварскихъ воротъ. Степанычъ осмотрѣлъ покомъ, убранные наивнѣйшій мѣдъ, приказалъ три номера соединить вѣвѣтъ и расположился на ночлегъ. Никитка все время торчалъ у дверей и поджидалъ когда-то начнутъ носить вещи. Самое невинное любопытство къ тому его побуждало. Но вещей не было, а Степанычъ, растянувшись на постели, не обращалъ никакого вниманія на присутствіе Никитки. Но когда, желая напомнить о себѣ, Никитка сталъ покашливать, Степанычъ, молча вынувъ патлатый носъ и прощупавъ въ Никиткѣ руку....

— Окорно благодарствую, сказалъ Никитка, хотя плата за путешествіе показалась ему обидною: такъ теперь прикажешь ревеню достать?

— Спасибо. Мнѣ что-то стало лучше! Видно, отъ дороги не смогло, а высплюсь, такъ и совсѣмъ пройдетъ. Прощай! Спать хочу. Позови дордогой Сергѣя.

— Какъ, прощай! Такъ ревеню не возьмешь?

— Да на что мнѣ онъ?

— Какъ на что! Боленъ, жаръ такой, что изъ-дали слышно; горячка, а не хочетъ лечиться....

— Коли нужно будетъ, пошлю въ аптеку, вымечать.

— Отравятъ, да еще вдесятеро за отраву сдуютъ. Какой у нихъ товаръ! Знаешь: по три года въ гниломъ погребу лежитъ. Такъ ужъ отъ такого снадобья какое тутъ здоровье.

— А у тебя?... ..

— Ну, ужъ не аптекарскій.... Самый свѣжій..... перваго разбору, лучше нѣмецкаго.... Нѣтъ и трехъ дней, какъ привезли....

Степанычъ всталъ и, посмотрѣвъ пристально въ трѣтья, спросилъ:

— Скажи пожалуй, ты изъ военныхъ?

— Боронилъ меня Богъ отъ такого зла, я изъ купечества нижегородскаго. Въ Москву, такъ, ненарокомъ захалъ, да вотъ и прожилъ годковъ десять и больше. Полюбилось. А что у меня окладки, да выпускн желтые, такъ я тебѣ, кормильцу моему, правду объявлю, что нскупилъ послѣ одного покойника всякую ветошь: тамъ и этотъ кафтанъ нашелъ. Послѣ указа и платья себѣ не дѣлалъ. Вдѣлалъ кафтанъ, какъ разъ. Я и иошу; а оно пришлось и сподручно; темный народъ поглядитъ на кафтанъ и уважительно обходится. Не изволь глупыми рѣчами моими обижаться.

— Долженъ быть продувной! подумалъ Степанычъ и сказалъ громко: Радъ твоему знакомству. Я умныхъ людей жалую. Ревеню пока не нужно, а заходи завтра, можетъ, понадобится....

— Право, хоть фунтикъ возьми сегодня. Цѣлый день

прямался, ничего не продалъ. Право, во своей цѣль отдамъ.

— А ты зелёнйный торговецъ?

— Былъ, коринилецъ, да зелёнйный рядъ по указу разорилъ; остаткн продаемъ.... И то вотъ добрымъ людямъ такимъ, что доносить не станутъ. Господинъ честной, и не только что ревоень, какой товаръ ни выдумаешь, въ пол-цѣны поставлю. Прикажи тодько. Да я пол-фунтика таки-принесу; отвѣдай, полюбится, а я тебѣ готовъ служить до конца живота моего. Ты меня, горемыку, не выдашь; у меня жена, семеро дѣтей, другой разной роденьки на рукахъ моихъ не мало. Всѣхъ кормлю, а ужъ охрою, батюшка, такой семьи не прокормишь. А товаръ, только задумай, достану. Почитай, что и подъ землею въ Москвѣ, и то знаю.

— Находка! подумалъ Степанычъ: помню я васъ этихъ; про жидовъ рассказываютъ: тотъ же жидъ, да въ кафтанѣ. А мнѣ пока такой жидёнокъ нуженъ....—Спасебо, продолжалъ онъ громко: товару всякаго мнѣ будетъ нужно не мало, да не сегодня, а теперь мнѣ нуженъ слухъ: не вѣдаемъ ли изъ Москву лейтенантъ двѣнадцатаго класса Карамзина полка Семенъ Романовъ Лукомкинъ, и гдѣ стоитъ?

— Изволь, отецъ родной, черкнуть на бумагѣ, такъ не уомянишь, а добыть, добуду языка, коли только на Москву пошалоवालъ. Вотъ я сейчасъ за снарядомъ сбѣгаю.

— Не ошибся я, подумалъ Степанычъ: такъ и есть. Что хочешь, на все готовъ.... Запретнымъ товаромъ торгуешь, по рядамъ и за себя и за другихъ плутуешь; на посылки прѣтче собаки, захоти, въ свахи поидеть, женить и похоронить. А!... Молодецъ!... а какъ зовутъ тебя?...

— Не люблю я своего имени, честной господинъ! Окрести ты меня для себя по-свѣдому, такъ съ тою кличкой и останусь....

— Какъ же тебя назвать? спросилъ Степанычъ, подавая ему записку....

— Да ужъ не нашему глупому уму выдумывать....

— Знаешь какъ бы я тебя назвалъ?

— А какъ?

— Тараканомъ. Во тѣмъ живешь, а все видишь....

— Хитро, право хитро. Спасибо, кормиленецъ, да не пора ли таракану за печку? Съ дороги нокой нуженъ.... а я завтра до обѣдень вѣсточку приѣду....

— Правда твоя! Да еще провѣдай гдѣ живетъ стольникъ Кольчевъ, что дворянъ разбираетъ.

— Этого-то гуся кто не знаетъ! Живетъ онъ, батюшка, не далече отъ тебя, въ Кремль, въ царскихъ палатахъ, да разборъ-то дворянамъ чинить въ новомъ приказѣ, и приказъ тутъ же, только въ нижнемъ жильѣ, почитай, въ подвалѣ.

— Ну, ладно, прощай!

— Да не прикажешь ли завтра тебѣ нѣмецкаго платья принести? На Москвѣ въ твоихъ золотныхъ портищахъ и въ бархатномъ зипунѣ не показывайся. Въ приказъ потащить....

— Принеси!

— Счастливо оставаться.

И Никитка, онъ же и Тараканъ, какъ ни былъ измученъ, довольно быстро пошелъ за Москву рѣку, и полтора часа медля, въ туманѣ и грязномъ переулкѣ, переулочекъ въ высокомъ парота.

— Кто тамъ? спросилъ кто-то.

— Добыча, Климы! Новичекъ есть! Отворяй....

— Да, ты кто?

— Эхъ ты, Климы, Климы, змѣя подколотная, не узнала свою ящерницу!

И Климы молча впустилъ гостя, заперъ калитку и пошелъ въ длинныя хоромы; тамъ еще горѣли огни, и не безъ дѣла. Въ большой палатѣ посреди стояло чучело, въ средній мужской ростъ, съ деревянною размазеванною головою. На немъ былъ парикъ, кафтанъ безъ шитья, обшлаговъ и вышущекъ, камзолъ цвѣтной, исподнее нѣмецкое платье, чулки и башмаки; въ одной рукѣ чучело держало нѣмецкую шапку, въ другой шляпу. Вокругъ, на большихъ и малыхъ столахъ, сидѣло до двадцати разного возраста парней; всѣ шили весьма прилежно разное платье.

Климы молча шелъ и черезъ эту палату, но Никитка нѣсколько разъ успѣлъ вдохнуть, пока вошелъ въ пе-

большую горенку, гдѣ хозяинъ обыкновенно бесѣдовалъ съ друзьями и людьми нужными.

— Видишь, Климы! Чуть только гдѣ заслышу ноживу, сейчасъ слухъ къ тебѣ несу.....

— Ну!

— Приѣхалъ, братецъ, дворячичкѣ изъ провинціи, на двѣнадцати лошадахъ и въ колымагѣ; дорогое на немъ платье, да старое.

— Ну!

— Чего, ну! Извѣстно что! Нужно его одѣть. Можно ему и неклеименую одежду продать. За клеймо деньга въ карманѣ останется, а на такомъ богатомъ парнѣ, кто станетъ клейма доискиваться.

— Хорошо.

— Тѣ-то же. Вотъ твоя ящерица высмотрѣла да и принесла слухъ. Да и цѣну-то можно содрать важибующую. Драгуну подворотному полуполтинникъ пожаловалъ: такъ видно что мотовское племя.

— Ладно

— Тебя, все ли ладно? Дѣтки-то что? Чай ремень. Не прикажешь ли завести фунта три, четыре?

— Можно.

— Такъ пускай завтра, да надо бы по-раньше на мои руки платье прислать.

— Ростъ?

— Какъ твой образцовый Нѣмецъ, — что я ему рожу размазывалъ.

— Дородень?

— Точь-въ-точь Нѣмецъ.....

— Военный?

— Какой же онъ военный, когда только-что изъ деревни притащился. Завтра мы ему спустимъ ординарную одежду; онъ и пойдетъ къ столярнику; его зашишутъ въ полкъ, а ты опять сошьешь ему платье и опять безъ клейма продашь.

— Изрядно!

— Ну, знаешь ли, Климы: вѣдь я по твоему долгу ноги

откажись; ушлава; позволь у тебя ночному переспать. Въдь не близко къ дому; и перекусить бы.....

— Ладно!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СМОТЪРЪ.

Степанычъ былъ уже совершенно одѣтъ, когда явился Никитка съ Климомъ. Сергѣй доложилъ. Кушцовъ впустили.

— Милости твоей великаго счастья и долголѣтїя! сказалъ Тараканъ, низко кланяясь. Домошу тебѣ, что Луконкина на Москвѣ еще не было, то есть было, да изъ послѣдняго наряда не вернулся; къ Покрову долженъ быть неотмѣшено. Пока нѣтъ, а платье есть, какое важной и богатой персонѣ носить пристойно. Вотъ кафтанъ великодушскаго сукава, камзолъ изъ цвѣтной парчи, исподни, и чтѣ къ нѣмецкой одеждѣ принадлежитъ, все по самой сходной цѣнѣ и лучшей доброты, перваго нашего суконнаго торговца: почитай пол-ряду — его. Такъ ужъ тутъ какому быть обману.

— Некогда мнѣ съ вами торговаться. Постою, примѣрю, а вы погодите меня такъ. Эй, Сергѣй!

Кушцы вышли, оба довольные. Степанычъ переодѣлся. Платье какъ-будто было на него шито.

— Зови Таракана! сказалъ Степанычъ. Ну, ладно! А чтѣ стоитъ?

— Только для твоей милости, отвѣчалъ Климъ: можно взять за все осемьдесятъ пять рублей.

— Возьми серокъ.

Климъ замоталъ головой, а Тараканъ отвернулся, чтобы скрыть смущеніе. Платье, конечно, не стоило больше, да и барышей-то приходилось рубля два, не больше.

— Ну, чтѣ же? берешь? Я въдь цѣну даю, а не такъ зроста торгуюсь.

— И осемьдесятъ-четырехъ не возьму.....

— Возьмешь, пустяки. Сергѣй, подетка клякни сюда пошлешь.

Кушцы были приведены въ большое недоумѣніе, но оно скоро разрѣшилось. Кешухи остановились у дверей, а Степанычъ сказалъ:

— Вы, ребята, этикъ барышничковъ придержите; а ты, Сергѣй, поди спроси объѣдлага: пусть съ шикъ за мѣсячно пеню доправитъ.....

— Батюшка, государь, не погуби! повалился въ ноги возопилъ Климъ.....

— Пустяки, не разжалобись! Неклейменое продаешь, да еще вдвое цѣну ложишь.....

— Батюшка, възвну сорокъ.....

— То-то же! На! Я цѣны-то знаю: Пошлежь вонъ, да гляди, не попадайся; въ другой разъ не прощу. А ужъ клеймо я самъ приставлю: Пошлежь.....

— Вѣчное спасибо, говорилъ Климъ, откланиваясь.

— Незачто, незачто! Отваливай! Ну; а ты, Тараканъ, решеню принеешь?....

— Не достааъ, честной господамъ дрова отбѣжать: Никитка: ни у кого не нашель.....

— То-то же, Тараканъ! Служи въриво; тамъ прибытокъ будетъ, а если все такъ сходно будешь покупать какъ эту одежду.....

— Не буду, Иванъ Степанычъ, не буду. Я Почемъ зналъ, что не клейменое, и что оная такую цѣну заложитъ! Не и шилъ, не и торгуилъ; я и себѣ платья никогда не справлялъ. Чужую ветошь донаниваю.

— Ну, теперъ я поеду къ Нольгчеву, а ты, Тараканъ, поиди мнѣ въ городъ небольшой домъ. Не стану я въ харчевнѣ убыточкаться, да еще въ такіхъ конурахъ тѣспиться.....

— Видишь, мало ему иѣста! подумалъ Тараканъ.

— Миѣ надо гостей принимать, на большую обгу жить.....

— А отмошеничалъ соронъ пять рублей.... подумалъ Никитка.

— А тамъ что Богъ пошлетъ. Да! шляпамъ пятьдесятъ, Тараканъ, рубль; поди купи, только гляди, клейменую вѣмецкую шляпу; да проворшѣ; тутъ рады заделачи.....

— Бывалый! подумалъ Никитка, и съ удивительною быстротою воротился съ покупкой.....

Степанычъ отправляясь въ Кремль. Никитка по своимъ вѣстнымъ причинамъ не рѣшился совершить дальнѣйшаго.....

пройналъ въ трактиръ, между нумерами и челядью. И хорошо сдѣлать, потому что трактиръ, дѣйствительно походившій на нѣмецкія заѣзжія гостиницы, заключалъ въ себѣ много гостей, съ которыми и легче и прибыльнѣе было обходиться, чѣмъ съ Степанычемъ; но, къ-сожалѣнію Никитки, онъ нашелъ почти во всѣхъ нумерахъ только слугъ; дворяне уже пошли въ канцелярію, и въ пріемной, какъ сельди въ бочкѣ, ожидали стольника. Степанъ Яковлевичъ Колычевъ былъ занятъ и дѣлами и бесѣдой. Въ пазатъ у него сидѣлъ первый московскій оберъ-полицеймейстеръ, генералъ, командиръ московскихъ гарнизонныхъ войскъ и еще нѣсколько московскихъ высшихъ сановниковъ..... Бесѣда продолжалась, хотя Колычевъ и сидѣлъ за письменнымъ столомъ съ перомъ въ рукѣ.

— Сегодняшній рапортъ принесетъ Его Величеству сатисфакцію. Принято и поверстанъ вчера два ста дворянъ, царедворцевъ и служимыхъ людей; сегодня чай номеръ будетъ еще по-больше.

— Только мнѣ отъ этихъ гостей истинное бѣдствіе; замѣтилъ начальникъ полиціи. Вчера вступилъ я въ должность и первая ночь со счетовъ долой. То и дѣло, что гдѣ-нибудь оказалась проказа непристойная. — Я и наблюсти и взискать ничего не могъ, потому что и мнѣ и имъ все вновь. Да и черезъ-чуръ много. подно. Обѣздные—плутяги, а бурмистры—купцы, народъ тихій: сами отъ всего бѣгаютъ; куда же имъ за другими смотрѣть! Отпусти, Степанъ Яковлевичъ, хоть половину по-скорѣе. Легче будетъ управиться.

— Отецъ ты мой родной! Вѣдь не огурцы же разбирать, а людей: надо съ оглядкой; иной калѣжкой притворяется; другой заправду калѣка; иной себѣ меньше лѣтъ показываетъ; иной подлогомъ за другаго лвился; объ нѣвнхъ есть секретныя инструкціи и повѣстки. Про каждаго справку наведи, не обидь, и себя не дай доурачить. Впрочемъ, которые уже по статьямъ поверстаны, тѣмъ я памяти сегодня къ тебѣ посылаю; за тобою станеть дѣло. Отправляй по статьямъ, кого въ сенатъ, къ гражданскимъ дѣламъ, кого въ военную коллегію, а негодныхъ по домамъ. Всѣмъ имъ виды готовы, пусть только берутъ; а

сегодняшнихъ вечеромъ по статьямъ распишемъ, а памяти объ нихъ завтра пришлемъ. — Скажи, пожалуй, ты вчера лишь изъ столицы: что про Шведовъ слышно?

— Замиряются, да подъ рукой плутуютъ. Агленцаго флота поджидаютъ.

— Ну, такъ еще въ этомъ году не конецъ, а признаюсь, и мнѣ война надоѣла. Ежечасно возьсь съ наборомъ, да съ смограми. А матушка-государыня?

— Благодаренье Богу, здорова. Хотятъ вояжъ учинить въ лифляндскія земли. Въ рижскую губернію уже и указы посланы.

— Ну, а наши-то госиода большіе, всѣ здравствуютъ?

— Да что имъ дѣлается. По ассамблеямъ ъздать, меморіи пишутъ; дѣла много, да какъ-то нынче стало весело, не то что прежде. Я и въ маломъ чинѣ былъ, да изблизил все видѣлъ. Бывало всё не по нихъ.....

— Оттого, отецъ мой родной, стало весело, что стали больше понимать; видятъ гдѣ польза, тамъ и трудъ не тяготитъ. Вотъ тутъ въ Москвѣ поживешь, такъ увидишь: тутъ еще слѣвота; есть такіе, которымъ когда писано, чтобъ быть ко двору, на сто ладовъ уклоняются.

— Будьте благонадежны. Выкурю я ихъ изъ Москвы по регистру.

— Тутъ, батюшка, есть окольникій Словцевъ. Повѣришь ли, заурядъ съ раскольщиками, бороду что годъ окупаетъ; значокъ себѣ на свои деньги золотой сдѣлалъ и на фезези пришилъ; а на однорядкѣ другой серебряный. Старикъ зажился, да дурной примѣръ. И то сказать надо, внукъ у него добрый малый, вышелъ бы по службѣ, да взять нельзя: умереть старикъ. Такъ ужъ сквозь пальцы гляжу; больно старъ: не сегодня, завтра умереть, такъ я его у государя на годъ выпросилъ. Хочу ему сегодня послать царскую амиссію.

— Дворянинъ Иванъ Степанычъ Костыльковъ на смотръ пришелъ.....

— Пришелъ, такъ пускай и сидитъ въ канцеляріи. Срокъ не приспѣлъ; сказано, въ десять.... Костыльковъ, Костыльковъ... Погоди, погоди! Эй, Ефимъ Андреечъ, подай сюда память подъ литерою К. Такъ и есть, тотъ са-

мый, о комъ отецъ Пафнутій меморію подасть.... Объ немъ же тутъ и губернаторскій отазытъ. Пожалуй, зови, однимъ будетъ въ присутствіи меньше. А долженъ быть разбойникъ и сутяга; отъ десяти смотровъ ускользнулъ. Поди-ка сюда, угорь-рыба....

— Здравія и долгоденствія желаю вашему превосходительству. Имѣю счастье предстать на дворянскій смотръ. Куда благоизволите, по разборѣ, поверстать и на службу назначить. Радъ буду кровь мою пролить за государя и отечество, и малую какую ни есть пользу интересамъ царскимъ оказать. Ожидаю вашего превосходительства указу.

Колычевъ совершенно смутился и вмѣсто отвѣту махнулъ рукой. Степаньчъ повернулся и хотѣлъ идти.

— Стой, молодець! закричалъ стольникъ: кто тебя, какъ сорѣку, такому изрядному комплименту выучилъ?

— Богъ—и уваженіе къ персонамъ, кои трудами службы царскую довѣренность благопріобрѣли....

— Чтѣ за оказія! Словно по писаному говоритъ. Поди-ка сюда по-ближе! Экой молодець! А сколько тебѣ лѣтъ?

— Послѣ Покрова двадцать шесть сполна будетъ....

— А длячего изволилъ ты отъ службы отнѣкиваться и отъ смотровъ уклоняться?

— По дурному внушенію провинціальной чиновности, понеже они взятками съ меня противууказными пропитаніе имѣли.

— А кто именно?

— Юма Галунчиковъ, земскій комиссаръ, и Семенъ Водопаевъ, земскій секретарь, съ жены и домохадцы....

Колычевъ записалъ.

— Ну, а теперь кто надумилъ пожаловать?....

— Отецъ Пафнутій, воевода Буруновъ, и собственная совѣсть....

— А отецъ-то Пафнутій....

— Не извольте продолжать, ваше превосходительство! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Кто съ-молоду не былъ молодъ. И вы изволили въ свое время пошалить. Таковъ чинъ міра сего. И теленокъ прыкастъ, а волъ смиренно свою службу править....

Кольчѣвъ окинулъ взоромъ предстоящихъ, — какъ-будто на лицѣ у него былъ написанъ вопросъ: Каковъ?

— Грамотѣнь? спросилъ Кольчѣвъ.

— На иждивеніи деньги учился у городского школяра. Уповаю на Москвѣ, а паче въ Питербурхѣ доучиться, когда въ службѣ время останется.

— Ну, на это всегда хватитъ времени. А какую ты имѣешь диспозицію?

— Не могу въ толкъ взять.... Слово пѣмецкое....

— Ну, куда хочешь быть приписанъ: въ подъячій или въ воинскую службу?

— Моя воля не указъ. А если спрашивать изволите, такъ да не будетъ тайно, что мнѣ всякая приказная челядь хуже горькой рѣдки. Та еще хотя въ постъ пригодна, а ужъ эти и богатаго въ малый срокъ поститься посадятъ.

— Э, да ты и шутникъ!

— Не дерзнулъ бы я передъ такой персоной мой веселый нравъ показывать, да по вопросу отвѣтъ. Половина сказана; а другая половина нижайшая, рабская просьба приписать меня къ ратному дѣлу. Смерть люблю драться.

Кольчѣвъ опять посмотрѣлъ на всѣхъ и спросилъ:

— А, можетъ-быть, въ гвардію ты бы хотѣлъ?

— А мнѣ какъ знать что такое гвардія.

— Гвардія—надворное, прибочное войско царское.

— Не хочу.

— Почему?

— Отъ Шведы далече.

— Такъ ты хочешь въ полевые полки, въ конные, итѣше.....

— Въ конные! У меня лошадей много и всѣ своего заводу. Въ пѣхотѣ что проку? Лошади ноги отстоятъ, а я ноги отхожу. Такъ ужъ коли милость....

— Въ кавалерію?

— Куда угодно, только въ конные.

— Благо, благо. Только прямо въ полкъ нельзя. Надо прежде артикулку научиться.

— Пожалуй, я учителя найму, только укажите....

— Благо, благо, Костыльковъ! Ступай теперь въ канцелярію.

вспышку и явку свою въ книгѣ запиши, а назначеніе получишь по своему желанію.

— Душевно благодарствую.

И Степанычъ ушелъ.

— Позвать ко мнѣ штабъ-фурьера! сказалъ Колычевъ и всталъ съ мѣста. Всѣ гости также поднялись:—Наступаетъ время: пора въ присутствіе; а этотъ молодецъ меня ярвѣе занялъ. И бумагъ не покончилъ. Такъ что же, господа? Вѣдь обѣдать гдѣ ни есть, а надо. Такъ не пожалуете ли ко мнѣ? Наслушаюсь я на смотрѣ диковинокъ, а вамъ за трапезой и передамъ. Посѣдемся.

— Будемъ, будемъ, Степанъ Яковлевичъ! отвѣчали почти всѣ и разбрелись. На ихъ мѣсто явился штабъ-фурьеръ.

— Кто у насъ по драгунскимъ полкамъ рекрутъ править?

— Нѣмецъ Браксе и плѣнный Шведъ Кофъ.

— А вѣтъ ли Русскаго?

— Фендрихъ Кусточкинъ, да онъ младшій.

— Благо, благо, ступай за мной!

И Колычевъ отправился въ присутствіе, по внутренней лѣстницѣ; за нѣсколько комнатъ слышно было жужжаніе дворянскаго улья; и по множеству и по хлопотливости слышно можно было сравнить этихъ новослужившихъ съ пчелами; но шумъ утихъ какъ-только по явочному списку въ присутствіе былъ позванъ первый дворянинъ. Секретарь, вѣроятно, не безъ умыслу оставилъ двери незапертыми. Почти большая половина могла видѣть Колычева, который въ кафтанѣ, богато зашитомъ золотыми цвѣтами, и въ парикѣ всѣмъдалѣ прямо противъ дверей.

Первый объявилъ себя калѣкой.

— Гдѣ же у тебя изъязнь?....

— Во рту. Хлѣбной мякоти глотать не могу. Кашицей живу. Съ дѣтства испорченъ....

— Благо, благо! Мы однихъ на службу беремъ, а другимъ службу служимъ. Отъ насъ болѣзнь; куда бы ни спрятаешься, не уйдетъ; найдемъ, а кто на здоровье свое вретъ, в тотъ обличится. Вонъ, погляди въ зеркало. Улыбка на лице! Предвѣстель ты отъ одного пристрастія.... Гдѣсь!

въ Питербурхъ! къ явкѣ подлежить въ военную коллегію. Пиши!—Зови другаго. Ну, а ты что? тоже калѣка!...

— Калѣка, кормилецъ.

— А въ чемъ изъяснѣ....

— Сна нѣтъ, ѣсть не хочется.

— Мало движенія. Годенъ! Туда же! Зови! Ну!

— Отецъ-командеръ! Былъ я на всѣхъ на шести смотрахъ, отпустилъ ты меня за плохимъ здоровьемъ; а теперь, отецъ родной, самъ-то я здоровъ, да мать умираетъ; некому за бѣдною присмотрѣть; глаза моею родной закрою, самъ на службу явлюсь, гдѣ приемъ будетъ.

— Ты откуда?

— Здѣшній городской дворянинъ....

— Ну, такъ ступай съ Богомъ!... Да гляди, слово сдержи. Заниши резонъ почему отпущенъ. Дальше. Ну, а ты изъ какой губерніи?

— А?..

— Да что ты, глухъ, что ли? тихо спросилъ Кольчезъ.

— Глухъ!

— Годенъ! Пиши въ первую статью! Дальше! А ты, братъ, кажется совсѣмъ охромѣлъ.

— Отъ ушибу, государь-генераль. И не такъ, чтобы и давно.

— Помню, помню, на прошломъ смотре у тебя другая болѣзнь была. Да и эта не лучше. Къ чему хромой годенъ? Ни для маршу, ни на часы. Такъ что мнѣ въ тебѣ? Вотъ тебѣ бумага и перо. Распишись, когда и какъ охромѣлъ, чтобы слѣдъ и резонъ по дѣламъ остался. Ну, подай-ко сюда писаніе. Почеркъ хороше, въ словахъ толкъ и связь есть. Годенъ! Пиши его въ московскіе приказы для письменныхъ дѣлъ.

— Батюшка-генераль....

— Ступай! Ты видно не слыхалъ про меня. Слово мое твердо. Дальше!

И вереницей тянулись дворяне, одинъ за другимъ. Съ необыкновенною скоростью Кольчезъ версталъ дворянъ по статьямъ; но эта скорость была слѣдствіемъ, не дѣян или опрометчивости, а многолѣтней опытности столькихъ и необычайной его памяти: въ нѣсколько секундъ онъ со-

вершено познакомился съ истинно негодными къ службѣ, и съ поразительною быстротою, а нерѣдко и остроуміемъ обличалъ притворство. Боже ста дворянъ поверсталъ онъ такимъ образомъ, и наконецъ запнулся. Передъ нимъ сталъ веселый, румяный, дородный, голубоглазый дворянинъ, лѣтъ двадцати-трехъ.—Ну, по обыкновенію спросилъ Кольчевъ: ты что?...

— Ну, ты что? отвѣчалъ дворянинъ и разсѣялся такъ простодушно, что никакъ нельзя было подозрѣвать его въ притворствѣ.

— Ты дурачокъ, что ли?

— Ты дурачокъ, что ли?

— Послушай, если доказано будетъ, что ты глупъ съ притвора, то наказаніе будетъ жестокое. Тутъ мѣсто не до шутокъ....

— Тутъ мѣсто не до шутокъ.... И дворянинъ расхохотался.

— Съ кѣмъ ты пріѣхалъ?

— Съ кѣмъ ты пріѣхалъ?...

Кольчевъ призадумался. Ни глаза, ни что не позволило думать, что дворянинъ полоумный.... Но какъ онъ пришелъ въ присутствіе, какъ записался въ явочной книгѣ, какъ вышелъ по кличкѣ?

— Какъ его зовутъ? спросилъ Кольчевъ у секретаря.

— Помѣщикъ московской губерніи, костромской провинціи, недоросль Иванъ Григорьевъ Котѣлкинъ.

— Иванъ Григорьичъ! крикнулъ Костыльковъ, не глядя на дворянина.

— Иванъ Григорьичъ! повторилъ Котѣлкинъ, и опять сталъ смѣяться.

— Да развѣ никто не видалъ, какъ онъ расписывался? спросилъ Кольчевъ тихо.

— Помилуйте, ваше превосходительство, отвѣчалъ секретарь: да какъ же на нихъ тутъ смотрѣть. Благо что расписываются; сегодня и такъ больше трехъ сотъ по явочному списку, и этотъ насъ только задержать. Отписать его полоумнымъ, да и дальше.

— Нельзя, братецъ, тутъ притча!

— Ужъ точно притча, подхватилъ Степаньичъ, который

съ некоторыми дворянами успѣлъ влѣзть въ присутствіе, Кольчезъ оглянулся и съ улыбкой посмотрѣвъ на Степаныча, сказалъ:—Вотъ тоже молодецъ, тоже Божіе твореніе, а что въ немъ проку. Пристрастія побоями иди пыткой щипать не указано; они это знаютъ—и до правды трудно добратъся. Да если онъ такой дуракъ, то какъ онъ изъ Костромы сюда пожаловалъ? Что значитъ въ описи воеводской? Погляди....

Секретарь очень долго отъискивалъ, наконецъ нашелъ и прочелъ: «О семъ ходятъ слухи, что временно одержимъ безумною болѣзнію».

— Такъ видно припадокъ пришелъ къ нему отъ исмугу. Выморочъ! Негодень!

По сосѣдству, въ лицѣ одного дворянина Степанычъ замѣтилъ сильное судорожное движеніе радости; другое обстоятельство также показалось Степанычу подозрительнымъ: секретарь съ особенною скоростью записалъ Котѣлкина въ статью негодныхъ и крикнулъ къ стоявшей у дверей военной командѣ....

— Корпораль! Выведи бережно его изъ присутствія! Оцисимъ, Иваиовъ сынъ, Котреинъ, пожалуй въ присутствіе....

Кольчезъ занялся смотрамъ, а Степанычъ по-тихоньку выползъ изъ присутствія въ приемную, вслѣдъ за сосѣдомъ, который изъяснилъ такую сильную радость при словѣ: «Негодень». Изъ приемной за нимъ же прошелъ на площадь, гдѣ дурачокъ стоялъ уже одинъ и глядѣлъ на золотые верхи московской святыни. Означенный дворянинъ схватилъ дурачка и проворно пошелъ къ воротамъ. Степанычъ догналъ ихъ и сказалъ:

— Поздравляю, Иванъ Григорьевичъ, отъ души поздравляю....

Дурачокъ шелъ дальше, но проводникъ оглянулся.

— Неужто, Иванъ Григорьевичъ, продолжалъ Степанычъ, не изволишь меня признавать? Правда, гдѣ тебѣ меня и помнитъ! А ужъ хитрость чудная, по-лучше моя-то еще не знаю какъ съ рукъ сойдетъ, а твоя сполна удалась. То-то обрадуются домашніе. Ай-да Иванъ Григорьевичъ!

Дворяншица, блѣдный какъ полотно, уменьшившаго голо-
сомъ сказала Степанычу:— Да чего ты горлаишишь! Заслы-
шать! Все къ чорту пойдетъ. Мало ты думаешь стоять?

— Да ужъ и секретарь-то не промахъ. Добра бы была,
а то стольника Кодычева цодъ носомъ обмануль. Вадно,
не одна-то мелкіе плутуютъ?...

— Да тѣ-то по малости берутъ, а ужъ эти нѣтъ алыше
и рукъ марать не стануть...

— Чай сотня, другая....

— Нѣтъ, товарищъ....

— Ну, а я такъ за сотню, и то не сводна, едѣлась.

— Охъ! Секретарю двѣ сотни; писарю, что у явочной
книжки, двадцать рублей. Этого болванъ негр мнѣ стоять!
Пускай лакомства за рубль на годъ искупишь, да возня-то
съ нимъ какая! Того гляди на колокольню влѣзеть, да отъ-
туда соскочить; или домъ подожигать; а взялъ я его у
матери на отвѣтъ; и за услугу заняли. Чортъ знаетъ,
сколько денегъ пошло ...

— А то ли дѣло, пошелъ бы служить! Самому бы жале-
ванье царское шло. И знаешь ли, Иванъ Григорьевичъ,
хитрость твоя не удалась...

— Что?..... А?.....

— Говорю, не удалась! Вѣдь я за тобой отъ стольника въ
сыскъ и присмотръ посланъ.

— Владыка живота моего, что такое?... въ толкѣ не
возьму! Голова кругомъ пошла....

— Опаматуйся, Иванъ Григорьевичъ! Да и пойдемъ къ
стольнику съ новинкою, а нето опельмуютъ. Не уйдешь!
Въ воротахъ, видишь, драгуны; придержатъ; не оглады-
вайся: куда бѣжать? Не пуцну! Самъ я дворяншица и стѣ-
жусь, что позана на службу ядцлся. Да не я виновать:
пусть тѣ и отвѣчаютъ. А ты не уйдешь!

— Да какъ же ты меня узналъ?

— Я царскій драгунъ. Царю служу. Долженъ его ува-
жать слушаться. Поглядѣлъ на ваши предѣлы, смѣкнулъ
и на чистую воду и вывелъ. Пожадуй въ палату....

— Отецъ ты мой родной! Возьми денегъ....

— Свои есть! Пожадуй! Не отцатнишься, не отцат-
луешься!

— Прощай мой конекъ! Прощай моя Дуна! Прощай и ты....

— Такъ и есть, сказалъ Степанычъ съ горькою усмѣшкой: для своихъ дѣвокъ отъ службы бѣжалъ; а, можетъ-быть.... О, нѣтъ! Ступай, ступай! Слушай, Иванъ Григорьевичъ, всѣхъ бы васъ я изловилъ и уличилъ; есть у меня свое горе, да есть и жалость. Если я тебя приведу на снгу и передъ стольника, какъ поимку, доставлю, третья часть твоихъ волостей — моя. Да мнѣ твоего добра не нужно. А если ты самъ придешь, покаешься, повиную пригосеши, и казни не будетъ, и деревень не отышутъ. Пойдемъ!

И взявъ за руку Котѣлкина, Степанычъ почти тащилъ его въ канцелярію, а Котѣлкинъ тащилъ дурачка, какъ-будто хотѣлъ удержаться за него, чтобы не повалиться въ пропасть. На порогѣ канцеляріи дурачокъ какъ-то вырвался и убрался на площадь. Присутствіе дворянъ привело въ стыдъ Котѣлкина. Онъ выпрямился и вошелъ ровно къ дверямъ присутствія, но Степанычъ всё-еще не оставлялъ руки его. Въ самыя двери они услышали возгласъ секретаря:

— Не явился!

— Не думаю. Повтори еще разъ!

— Иванъ, Степановъ сынъ, Ко.... Секретарь зашнурълъ пригѣтивъ входящаго Котѣлкина.

— Костыльковъ, что ли? сказалъ Степанычъ: если такъ, вотъ я на лицо, да и не одинъ, съ товарищемъ....

— Съ какимъ товарищемъ? спросилъ Кольчевъ.

— Его дѣло, не мое, пусть самъ о себѣ объявитъ....

Котѣлкинъ повалился въ ноги стольнику.

— Что такое? Что съ тобою? Что выходишь безъ оклику!

— Жди очереди....

— Батюшка, отецъ родной, спаси и помилуй. Нечистый попуталъ.

— Говорятъ тебѣ, ступай на мѣсто и жди пока позовутъ по регистру, а порядка не нарушай. Очередь!

— Да его очередь уже была, замѣтилъ Степанычъ; да ошибка случилась. Какой-то дуракъ замѣсто его передъ твое превосходительство выскочилъ, да напуталъ; а

Иванъ Григорьевичъ Котѣлкинъ, по случаю, въ пріемной не былъ. Обидѣлся, за что ваше превосходительство указали его занисать въ негодные.

— Да и воеводскій отзывъ есть, замѣтилъ секретарь.

— Иванъ Григорьевичъ говоритъ, продолжалъ Степанычъ: что и воевода на него написалъ по злобѣ, тогда, что ревность его къ царской службѣ зналъ и хотѣлъ ему противность только и безчестіе учинить. А Ивану Григорьевичу смерть служить хочется, какъ дворянину пристойно.

— Такъ ли? спросилъ лукаво Кольчевъ....

— Сущая истина! отвѣчалъ дрожа Котѣлкинъ.

— Да не изволь тревожиться! опять началъ Степанычъ: за чужую ошибку ты не будешь отвѣчать, и гнѣву на тебя нѣтъ.

— Какой тутъ гнѣвъ, похваляю. Выморочъ его изъ негодныхъ, въ первую статью запиши.... Ну, а ты, молодець, ты уже записанъ; вотъ тебѣ штабъ-фурьеръ, въ науку отведетъ; да послѣ ученья, такъ, передъ вечернями, зайди ко мнѣ на домъ.

— Слушаю. Счастливо оставаться. Штабъ-фурьеръ, пойдешь.

Кольчевъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на расторопнаго новобранца и опять занялся смотрамъ.

— Ну, отвѣсь столынику спасибо, сказалъ дорогою штабъ-фурьеръ: что отдалъ тебя на руки Фендриху Кусточкину, а не заморскимъ учителямъ.

— А что?

— Всѣ-таки свой....

— Э, мнѣ всё-равно. Лишь бы человекъ. А далече ли?

— Да не близко. Подъ Лафертовскимъ дворцомъ.

— Такъ зачѣмъ же намъ пѣшкомъ ходить? Зайдемъ ко мнѣ, перекусимъ, а тѣмъ мѣстомъ колымагу заложить ...

Штабъ-фурьеръ почтительно посмотрѣлъ на Степаныча и учинилъ ему воинскій респектъ. Богатство въ иныхъ глазахъ стоитъ чину.

Во время закуски, Степанычъ спросилъ: — А гдѣ Таранъ?

И Тараканъ всольтъ.

— Послушай, Таракашка! Поди, приведи ко мнѣ кушачъ съ драгушскою одеждою и что къ драгушской службѣ принадлежитъ. Помни только, что я цѣны знаю и про рубли вѣдаю. За усердіе награжу, за плутовство взыщу. Пошелъ.

— Отецъ родной, тутъ Нѣмецъ часы закъсъ, да и оставилъ на мои руки; продасть. А тебѣ такой вахшюй, бригадой и служилой персонѣ непристойно и несмодручно безъ часовъ.

— А чтѣ стоятъ?

— Всего десять рублей....

— Не дорого, да краденый! Сергѣй, возьми часы, а какъ Нѣмецъ придетъ, возьми и Нѣмца и ступай къ ебъядному и часы покажи и заяви, что не воровское покушаемъ, тогда Нѣмцу и заплати. А вотъ тебѣ и деньги. А ты, Тараканъ, ступай куда указано....

Никитка съ кислою миною почесался въ затылкѣ, но прекословить не смѣлъ и ушелъ. Подали колымагу; штабъ-фурьеръ отъ избытка почтительности хотѣлъ сѣсть на козлы, но Степанъ пригласилъ его въ колымагу; конюхъ заперъ дверцы, вскочилъ на коня и поѣхалъ за каретой. Въ казармахъ не нашли Фендриха Кусточкина; онъ былъ на полковомъ полѣ и училъ команду артикулу. Штабъ-фурьеръ побѣжалъ впередъ.

— Юрій Петровичъ, кричалъ онъ изъ-дали еще поманивая рукою: Юрій Петровичъ! Прислалъ къ тебѣ стольникъ въ науку какого-то знатнаго господина, чай князя, помалости....

— Понимаю, сказалъ Фендрихъ: принять въ ежовыя рукавицы, да выколотить. Подай его сюда!

— Нѣтъ, Юрій Петровичъ! Богъ свидѣтель, сама видѣлъ: Степанъ Яковлевичъ съ этимъ баринномъ страхъ въ кой ласковый. Чего! Въ присутствіи изволялъ съ нимъ за-панибрата рѣчь вести....

— Знаемъ мы Колычева! Мягко стелетъ, жестко спитъ.

— Вѣс-равно: Поддай....

— Да вотъ его сіятельство и самъ.

— Какое сіятельство! перебилъ Степанъ: простой дво-

рания. Имъю охоту къ воинскому дѣлу и по благодети его превосходителемъ ставъ въ науку присланъ....

— Да, какъ же я тебя учить буду, когда ты еще не солдатъ?

— А отъ чего жь я не солдатъ?

— И безъ мундера и безъ ружья....

— Учиться можно и безъ мундера, а ружья велию носить, да и показывай какъ надо имъ вымахивать добрымъ драгуну....

— Такъ ты конный?...

— Конный, по милости стольника, дай Богъ ему здоровья; и коня своего верхового съ собою привелъ....

— Ну, маркизъ, сегодня не конный день. А приходи завтра по-раньше, часу въ пятомъ или шестомъ утра, а теперь некогда....

— Послушай, Фендрихъ, не знаю какъ тебя титуловать....

— Юрій Петровичемъ, подхватилъ штабъ-фурьеръ.

— Ну, такъ слушай, Юрій Петровичъ! Въ какой срокъ ты меня выучишь?

— Гляди, какой таланъ; много въ мѣсяцъ знатнымъ служивцемъ ноставишь, а съ инымъ и годъ безъ проку провозишьса.

— Ну, а если въ мѣсяцъ перейму, что благодѣтельница?..

— Да что ты врешь? Развѣ я школяръ какой? Изъ царскаго жалованья служу.

— Да ты себѣ бери царское жалованье, а за то, что меня скорѣе выучишь, за то и моею щедростью не брезгай. Ты себѣ домайся какъ хочешь, а я тебѣ объявляю; если въ мѣсяцъ выучишь, подарю, сколько дней, столько и рублей; если въ три недѣли, десять рублей прикину; если въ двѣ недѣли, окромъ денежнаго, подарю знатнаго заводскаго коня; если въ одну недѣлю....

— Въ одну недѣлю недѣля....

— Ну, такъ въ двѣ. Помни же уговоръ. Прощай. Штабъ-фурьеръ, пойдешь.

Фендрихъ изумленными глазами провожалъ страннаго солдата, который прѣехалъ въ колымажѣ и слушалъ за то, что Фендрихъ сдѣлать обязанъ, чуть не полное его голо-

вое содержаніе.—А солдатъ съ подобающею важною, оставивъ ногу въ колымагу, сказалъ:

— Штабъ-фурьеръ! Мнѣ хочется на Москвѣ осмотрѣться, до вечерень далеко; а тебѣ надо быть по-скорѣе на своемъ мѣстѣ: такъ не съизволишь ли отправиться на моемъ верховомъ, а конюха я на козлы возьму. Копя же отдашь на постояломъ Сергѣю....

— Очень радъ и благодаренъ!

И Степанычъ отправился на городской выгъздъ; остановился у обширнаго огорода, и наказавъ людямъ тутъ его обождать, побрелъ между капустныхъ грядъ къ небольшому, но опрятному, свѣтлому домику. На крыльцѣ играло двое дѣтей, отъ которыхъ однако же нельзя было добиться никакого порядочнаго отвѣту, потому что хотя они уже и разговаривали, но на языкѣ не принадлежащемъ ни одной націи; это языкъ хотя и дѣтскій, но общій, языкъ чудный, языкъ счастливецевъ; и кто разучится этому языку, какъ-будто въ наказаніе начинаетъ испытывать разныя непріятности, горе, болѣзни и прочее и прочее, что все вмѣстѣ называется *жизнію*. И по-дѣломъ, если уже нельзя всегда быть дѣтми, то по-крайней-мѣрѣ всегда будьте яко дѣти. И глядя на нихъ Степанычъ вздохнулъ глубоко и сказалъ: година незнаній, гдѣ ты? Огородъ ты мой, колыбель моя, школа! промѣнялъ бы я твои тихія грядки на все, на все, да, ба! Антонъ ты мой, отецъ-слуга, гдѣ ты? И молодость ушла, и старикъ спрятался; найду я и тебя, да когда, и гдѣ?

Дѣти, глядя на человѣка, который почти по-ихнему изволилъ самъ съ собою разговаривать, перепугались, сползли съ крыльца и убѣжали, а Степанычъ вошелъ въ покои. Немного ихъ было; но и тѣ стали грязны, не такъ какъ бывало; шкафъ гдѣ была посуда, безъ стеколъ торчалъ впусѣ. Иконы заволокло паутиной; столы, полы и прилавки, правда, были чисты, но потолки и стѣны будто состарѣлись. Недолго разсматривалъ ихъ Степанычъ: грусть одолѣла. Онъ вышелъ на крыльцо, куда пришелъ дюжій, ражій мужикъ съ разными поговорками; но, увидѣвъ Степаныча, остолбенѣлъ и не успѣлъ сдернуть шапки.

— Плохо вы держите мой домъ! сказалъ Степанычъ:

на-дняхъ буду за оброкомъ; такъ гляди, Евсей, чтобы и деньги и изба были въ-чисто. Нето я съ тобою по-свои-ски раздѣляюсь. Не взыскивалъ я съ тебя почитай полтора года, пора разсчитаться. Ну, Евсей, прощай. Ты оторо-пѣлъ, теперь мнѣ съ тобою говорить и нечего и некогда.

Степанычъ ушелъ. Евсей остался на своемъ мѣстѣ и въ изумленіи глядѣлъ на преобразованнаго хозяина огоро-довъ.

— До вечера еще далеко еще. Ступай на Спасскій Мостъ! Поглядѣть, да чего имъ есть испробовать для забавы!

И колымага потащилась къ Спасскому Мосту, который для тогдашней Москвы замѣнялъ нынѣшній Кузнецкій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СПАССКІЙ МОСТЪ.

Изъ-дали еще колымага должна была остановиться, по-тому что толпа на мосту была ужасная; за разнаго роду экипажами не было проѣзду, за многолюдствомъ проходу. Степанычъ вышелъ и, взявъ конюха съ собою, пѣшкомъ сталъ пробираться на мостъ; но чѣмъ далѣе подвигался онъ, тѣмъ труднѣе становился путь; наконецъ не стало возможности сдѣлать шагу. Благодаря росту, онъ могъ замѣтить, что причиною такой тѣсноты была женщина, одѣтая въ разноцвѣтныя лохмотья, простоволосая и ска-редная; она странно разводила руками и кричала такъ громко, что Степанычъ могъ слышать каждое ея слово.

— Не плюй! кричала она: видишь по небу уже хѣдьба кошла. Стрѣльцы небесныя! Тамъ и нашихъ много; муче-ники мои, помогайте дѣлу! А гляди, вонъ ссаулъ къ солн-цу подходитъ; пилу тащить; на чемъ солнце виситъ, то онъ станетъ подпиливать; а луну уже совѣмъ подрубилъ, да ниткѣ виситъ, да при солнцѣ не видно. Только не бой-тесь, православныя, на Москву свѣтила небесныя не попа-даютъ. Другой имъ будетъ путь; косякомъ упадутъ одно на новый городъ, другое на Нѣмецвъ. Живые погорятъ. Конецъ міру, конецъ свѣту красному. Молитесь и кай-тесь, ковецъ пришелъ....

И клякуши не стало видно; толпа зашевелилась; было тихо, а отъ рѣчей такой шумъ пошелъ, будто бури отъякъ. Передъ носомъ Степаньича стояло нѣсколько дворянъ; только что поверстанныхъ въ службу....

— Петръ Иванычъ, а Петръ Иванычъ! А что если клякуша и заправду на небесахъ все видитъ?....

— Какъ же ей не видѣть! Не рассказывала бы. Видъ это, братецъ, не въ деревнѣ, а въ Москвѣ. Тутъ передъ цѣлою сходкою врать нельзя. Лжи не потерпятъ. Тутъ только сущую истину объявляй. Нисумнительно, все видѣть, а какъ видѣть такъ и рассказываетъ....

— Тьфу ты страсти какія, солнце упадегь!... Вотъ чай множество народу раздавить....

— Пустяки! Куда ему! Что оно? Дерево доброе когда упадегь, больше придавгь, а вамъ погляди: все-то оно съ тарелку, а ужъ много, много, съ колесо телѣжное. А вотъ то страшно, что оно неугасимое, ничѣмъ не зашьшь, развѣ моленомъ. Да еще не пыталомъ случашъ такой не было. А вотъ какъ грѣшь ударить, такъ пожаръ мѣшею лувшиномъ молока заалтъ; только надо, чтобъ жаромъ было. Такъ вотъ въ чемъ страсть: землю зажечь.

— Не выгорить же вся земля! Чай земли на свѣтѣ не мало.

— Да куда же ему всю землю сжечь! Оно же, видишь, вокругъ земли себѣ-вертится; а упадегь—станетъ по землѣ бѣгать; гдѣ пройдетъ, слѣдъ останется, да вѣдь нѣтъ другой порядокъ. Ухитряется. Поймаютъ, да на мѣсто и поставятъ. Луну новую сдѣлаютъ;—а звѣзды—теперь на кафтанахъ посятъ. Убей меня Богъ. Сегодня въ Успенскомъ самъ видѣлъ. Одно только хорошо. Отъ такого припадку, суматоха станетъ; засуетятся; имъ не до насъ будетъ; войну пока отложить; а мы со службы и уйдемъ.... Тыше, братъ, перестань болтать. Кажись опять клячегь...

И дѣйствительно, молчаніе распространилось съ быстротою.

— На разспрашивай! кричала опять клякуша: такое скажу, что заплачется не одинъ человекъ.... А вся Москва, все царство.... Будутъ всѣхъ въ чужую шкуру рѣзать....

— Сбылось, сбылось! раздалось со всѣхъ сторонъ, и опять наступила тишина.

— Человѣческій видъ отынуть.... Что лошадиныя головы у васъ будутъ, потомъ и за другое примутся.

— Раздайся! закричалъ Степанычъ: генераль ѣдетъ!

И не обмануль Степанычъ. Оберъ-полиціймейстеръ въпервые объѣзжалъ городъ. Онъ ѣхалъ верхомъ, возлѣ шли пѣшкомъ бурмистры и объѣздные, за ними драгунская рота; за нею пушка, за пушкой рота пѣхотныхъ солдатъ. Разбѣжался бы народъ, если бы съ другой стороны совершавшійся крестный ходъ не удержалъ бѣгущихъ....

— Раздайся, говорятъ тебѣ, повторилъ Степанычъ громгласно, и народъ разступился и устроилась дорожка, по которой, и то съ трудомъ, могла пройти одна лошадь. Степанычъ пошелъ впереди оберъ-полиціймейстера и растакивалъ народъ. Поровнявшись съ клякушей, онъ остановился и такимъ образомъ загородилъ дорогу.

— Вотъ, матушка, сказалъ онъ кланяясь старухѣ:—Зачѣмъ ты бѣду такую гадасишь, да разсказывасяшь простому народу. Если что такое печальное проиѣдала, такъ за чѣмъ темныхъ и подлыхъ смущасяшь; вотъ ты главному городскому начальству съ рукъ на руки бѣду передай. Авось придумаешь, какъ горю помочь.

— А что же разсказываетъ? спросилъ оберъ-полиціймейстеръ.

— Слышь, удостоилъ генераль тебя вопросомъ. Изволь разсказывать....

Клякуша дрожала отъ страху, но съ тѣмъ вмѣстѣ поглядывала съ бѣшенствомъ на Степаныча, который, не боясь ни порчи, ни волхвованій, тащилъ ее на авансцену.

— Полно, старуха, чиниться! Не такой твой чинъ, чтобы земныхъ властей бояться! Старымъ костюмъ твоимъ ничего застѣха пугаться. Перетлѣли отъ лѣтъ! И какой страхъ тому, кто видитъ все что на небѣ творится....

— Вотъ что! сказалъ оберъ-полиціймейстеръ: ну, клякуша, еще разъ говорю, разсказывай, нето доорляешь прав-

ду сказалъ: поведуть въ застѣнокъ, не для одного пристрастія, а для того, чтобы изъ тебя бѣса выгнать....

— Батюшка, воевода, помилуй меня беззубую! завоняла старуха, повалилась на землю.

Сильный ропотъ негодованія за обманъ послышался въ народѣ. Многіе, которые не были закоренѣлыми поклонниками кликуши, подхватили камни изъ мосту и готовились заплатить за свою обиду. Примѣтивъ это опасное движеніе, оберъ-полиціймейстеръ крикнулъ:—Смирно! и все утихло.

— Ну, продолжалъ онъ: зачѣмъ же ты, бабушка, глупости такія рассказываешь? Какая тебѣ отъ того польза?...

— На бѣдность, отецъ-воевода, щедродатели жалуютъ; имъ такія рѣчи любви....

— Дурной промыселъ! Старуха! Ты повинна суду и казни; но на первыхъ порахъ не хочу начинать строгостью. Ступай домой и сиди смирно. За второй разъ — сожгу, по уложенію. Ступай!

Кликуша, низко поклонясь, вошла; народъ не охотно давалъ ей дорогу; многіе толкали ее съ придачею красныхъ словъ, какія въ то время на Снасскомъ Мосту были въ модѣ; нѣкоторые отшлеивались. Наконецъ путь сталъ свободенъ. На мосту народъ рѣдѣлъ больше и больше; пока прошла команда, стало совсѣмъ пусто; осталось постороннихъ человѣкъ десять не больше. Савва Мотковъ, слыша оберъ-полиціймейстерскій приходъ, ловко примкнулъ свою лавку съ лубочными картинками; а по отшествіи кортежа опять отворилъ лавку и пестрые листы привлекли вниманіе Степаныча. Онъ подошелъ и спросилъ:—А есть у тебя книги?

— Есть. Вотъ тебѣ книга, глаголемая космографія. Тутъ всѣ народы, моря, острова, то есть, весь кругъ земной.

Степанычъ взялъ въ руки большой листъ, то есть Книгу Космографію, посмотрѣлъ и сказалъ:—Ладно. Это можетъ быть пригодно.

— Какъ же не пригодно! По малой мѣрѣ знаешь, что Москва посреди всей земли стоитъ, и что больше ея на всемъ свѣтѣ города нѣтъ. Видишь, какая здоровая!

— А Питербурхъ тутъ есть?

— Какъ же нѣтъ. Вонъ въ болотѣ, что куликъ сидитъ. Щедушный такой: почитай, не видно.

— Ну, а другіе народы?

— Всѣ тутъ, вонъ кругомъ насъ по островамъ сидятъ. Вонъ тѣ, что людей ѣдятъ, вонъ которыхъ философи зовутъ, вонъ что половина пса, а половина людская, оттого такая и кличка: «Песьи острова». А тутъ вонъ арапское царство, гдѣ люди дѣ-черна изгорѣли. Родится бѣлый, вынесутъ его, обмоютъ, масломъ обмажутъ, да въ печь и засадятъ. Обжарится, и готовъ. Зато ужъ ни холодъ, ни жаръ его не пройметъ. Тутъ все прописано вразумительно. А вотъ другая книга, то же съ изображеніемъ. Вотъ тутъ научишься какого святаго о чемъ просить.

Степанъчъ посмотрѣлъ на Моткова съ улыбкой и спросилъ:

— А нѣтъ ли у тебя математической арифметики?

— Что такое?

— Цифирнаго обученія?

— Вотъ тебѣ и цифирь въ лицахъ! На однихъ листахъ до милліона досчитаться.....

— Да цифирь-то я знаю....

— Такъ какого же ты хочешь еще обученія? Вотъ коли хочешь господскіе и царскіе праздники въ лицахъ, есть, самое новое, на этотъ годъ, и какаѣ доброты, погляди, на тридцать лѣтъ хватитъ.

— Пожалуй! а что за все?

— Да что лишнее запрашивать, пожалуй гривенникъ, и спасибо:

— Изволь!

Мотковъ въ свою очередь посмотрѣлъ умильно на Степанъча, душевно восхищаясь простотѣю его, потому что онъ за всѣ за четыре книги, то есть, листа, заплатилъ втрое.

— Господинъ! а господинъ! сладостно сказалъ Мотковъ: сказочекъ не извольшь?

— Да на что онѣ?

— Для забавы....

— И своихъ забавъ довольно. Вотъ ученя сколько хочешь подавай, все куплю.

— Эхъ, честной господинъ, школьная-то мудрость глупа; что у нихъ за книги; видѣлъ я въ типографіи ихнія книги, что кличутъ гражданскія, будто знаешь для горожанъ писаны.

— Въ типографіи?

— Да. Кто ихъ держать станеть? Вѣдь онѣ церковнымъ въ обиду сдѣланы. У кого толкъ въ головѣ есть, тотъ часть смѣкнетъ. Безъ всякаго изображенія; посмотришь, посмотришь и уснешь. Одурь возьметъ. Пускай красить не умѣютъ, ну, черню отмалюй что ни есть, а то хоть бы одно рыло, хоть бы деревцо или какое ни есть быліе: ровно ничего. А печать-то, печать!... Читаешь—будто по-нѣмецки. Русской настоящей буквицы, почитай три четыре; и цифирь не буквицей, а крючками, да палочками. Помора, да и только. Я попросилъ приказнаго одно этакое книжище почитать. Вокъ отъ сибѣху заболѣли. Такія всё слова, что ихъ никогда и не бывало; сами повывдумывали. Потомъ я уже узналъ, отъ одной бывалой старухи, что то у нихъ нарочно такой колдунской языкъ придуманъ, что кто тѣхъ словъ по той печати, а нуща цѣлуетъ, почитаетъ хоть съ недѣлку, къ ереси и приворожится. Ну, а ересь-то какаѧ, самъ знаешь, толковать нечего. Охъ! (Савва снялъ шапку и перекрестился.) И вотъ до чего православный народъ доведуть. Погляди. (Савва изъ подъ прилавка вытащилъ листъ, съ которымъ въ первой главѣ мы имѣли случай познакомиться и подалъ Степану.) Вотъ то же и съ тобою будетъ. Вотъ что и читать надо, а не еретическія гражданскія сѣти. Вотъ оно гдѣ наука настоящая сидитъ. Были и не такіе листы, да, ба!

— Куда же дѣвались?

— Были, да сжыли. Въ казну забрали. Ценю доправили.... Да еще по воротамъ написали такую нечестивую торговлю хулу, что, право, противѣль....

— И ужъ теперь нѣтъ тѣхъ листовъ?....

— Какъ не быть, да продають не на мосту и не въ рядахъ, а такъ, стороною. Кто будетъ въ лавкѣ держать!...

— Экая досада, а я заплатилъ бы въ три-дорога....

Савва поглядѣлъ опять на Степаныча и рука невольно потянулась въ сапогъ; добылъ онъ свертокъ....

— Ну, послѣдній, больше ни одного не достанешь, вонъ въ этомъ пучкѣ двѣнадцать изображеній, да ужъ тутъ на мосту нельзя пересматривать: такъ съшишки и шныряють. Давай полтину и забирай, только пока домой не придешь, никому не показывай и не развѣртывай. Скажу тебѣ подъ-рукою, что первыя три, деверь кликуши, монахъ Марко, съ другими разумными людьми придумывалъ, а толкъ писалъ Семень Разстрига....

— Экіе люди, право, на Москвѣ живутъ! Надо правду сказать, многіе грѣшатъ по невѣдѣнію, того-дня, что учителя нѣтъ. Вотъ пришелъ я на Москву; деньги у меня есть, а дядьки себѣ не найду, того гляди....

— Эхъ, честной господинъ! Видно, сынъ богобоязливыхъ людей....

— Да сиротой остался....

— Такъ и есть, я угадалъ....

— Въ деревнѣ съ холопскими дѣтьми выросъ.

— А большая деревня?

— Которая? У меня ихъ не одна. Да что толку, дуракъ-дуракомъ....

— Эхъ, честной баринъ! Вотъ какъ шумъ на мосту сталъ, въ лавкѣ у меня спрятался большой мудрецъ. Спасибо, помогъ онъ мнѣ лавку запереть; мы съ нимъ и присѣли, не видали, что на мосту и дѣлалось. Вотъ не хочешь ли его къ себѣ взять для ученья?

— Почему жъ! Да кто онъ?

— Загадка. Онъ у насъ на сходкахъ, вотъ когда соберемся о нынѣшнемъ послѣднемъ времени потолковать, онъ то у насъ всѣмъ порядкомъ и управляетъ.

— А какъ бы мнѣ его послушать?

— Эхъ, овда, не будь ты дворянинъ, можно бы, а наши дворянина сейчасъ зазрятъ....

— Отъ чего же?

— Отъ того, что на службу влутъ не охотно; до смотра,

старинны, что есть силы, держатся; чуть ногой въ полкъ или въ приказъ, будто съизнова родились, такъ и нападутъ на старину, что коршуны. Пуще Нѣмцевъ Русь разоряютъ и у себя и у другихъ. Такъ на томъ у насъ и стало, чтобы не пускать и монастырскихъ дворянъ, не то ужъ городскихъ, али помѣщиковъ.

— Жаль.

— Да что жаль! Знаешь, вотъ сегодня, сходка будетъ на моемъ дворѣ; я тебя засажу въ такое мѣсто, что никто не увидитъ; только ты....

— Эхъ ты, а еще борода съ просѣдью! Я не въ службу, а въ монастырь наровлю.... Что мнѣ въ сластяхъ міра сего, когда послѣдній день, не сегодня, такъ завтра.

— Правда твоя, правда! Такъ приходи, коли хочешь нашего мудреца послушать, послѣ вечерень, какъ лавки запрутъ.

— А гдѣ живешь?....

— Да не близко: оттого у меня и сходится честная братія, что по-дальше ото всякой чиновности. Въ Кожевникахъ, на самомъ Живодеренномъ Мосту; вотъ такая же лавочка у самыхъ воротъ моихъ стоитъ.... Найдешь?....

— Найду! А вотъ пока полтина за изображенія, а полтина за добрый совѣтъ.

— Ради стараться, отвѣчалъ Савва приподнявъ шапку и кланяясь....

Отошелъ Степанычъ отъ лавки и посмотрѣлъ на солнце. Эти часы никогда его не обманывали. Свѣтъ въ колымагу онъ поспѣшилъ въ Кремль къ Кольчеву. Стольничъ давно уже отобѣдалъ и легъ отдыхать. Солдатъ на часахъ не хотѣлъ впустить его.

— Я пришелъ по указу, господинъ солдатъ, сказалъ Степанычъ: если его превосходительство спроситъ, ты будешь отвѣчать.

Солдатъ поднялъ ружье и Степанычъ вошелъ въ приемную. Тамъ нашелъ онъ только одного секретаря, который писалъ памяти. Примѣтивъ Степаныча, секретарь всмыкнулъ отъ досады.

— Ты зачѣмъ пожаловалъ? спросилъ онъ гнѣвно.

— Указано, а указъ ты самъ слышалъ.

— Такъ поди на крыльцо, тамъ и дождайся.

— Миѣ не на крыльцо приходитъ указано. Я не какой ной. Ослушанія не люблю.

— Да чего ты горлавишь? Степанъ Яковлевичъ почивать изволить.

— Ты секретарь, такъ твое дѣло о томъ и остеречь, а миѣ какъ знать, что господинъ твой исправляетъ. Постой. Погодимъ.

— Да ты тутъ дѣлу помѣха. И такъ про тебя говорятъ: выскочка, выслужиться хочеть; не въ свое дѣло вступается.

— Точь-въ-точь, ты, господинъ секретарь; по твоему прикладу поступаю. Тебѣ указано за правильностью дворянской явки наблюдать, а ты въ казначей лѣзешь.....

— Что ты тутъ врѣшь, озарникъ! Гляди, ты солдатъ, а тебя велю.....

— Руки коротки. Я солдатъ, да царскій, меня не достанешь: я не воровское серебро. Обождешься.

Секретарь никакъ не предполагалъ, чтобы Котелькинъ обнаружилъ и эту тайну и смѣшался, а Степанычъ продолжалъ:

— Ты на сколькихъ подводахъ въ Москву пріѣхалъ? Чай пѣвшій пришелъ, а изъ Москвы обозомъ поѣдешь, на счетъ негодныхъ къ службѣ. Нынче негодность въ цѣнѣ. По двѣ сотни съ головы; знатная поголовная подать!...

Секретарь поблѣднѣлъ и не могъ выговорить ни слова.

— Что же ты, господинъ секретарь, памятей пнестъ не изволишь, али я тебѣ помѣха?

— Нѣтъ, нѣтъ, Иванъ Степанычъ.... кажется, Иванъ Степанычъ?

— Такъ.

— Вѣдь это окаланный Котелькинъ на меня нагалялъ. Я его и не видалъ. Писарь взятку вѣрно царпанулъ, да и допустилъ Котелькина расписаться и дурака за себя поставить.

— И писарь взялъ; да его плутовство въ десять разъ меньше твоего, такъ онъ въ десять разъ меньше и денегъ взялъ.

Секретарь совершенно потерялся и перелистывалъ памяти туда, сюда, самъ не зная, что говорить, что дѣлать.

— Ну, вблмырнмсь! Сказалъ онъ наконецъ покраснѣвъ до ушей и потупивъ глаза.

— Да мы съ тобою ссорились, что ли? И съ чего ты взидь, что я обидѣлся? Я дворянинъ, а изъ какихъ ты, про то мнѣ подлинно не вѣдомо. Не вижу повода брататься. На тебѣ царскій чинъ, какой, тоже не знаю, да ты чинъ опозорилъ, такъ на тебѣ и чина нѣтъ.....

— Кто тамъ? раздался голосъ Кольчева.

— Послушай, Иванъ Степанычъ, съ умоляющимъ видомъ началъ секретарь....

— Слышишь, зовутъ! Не будь ослушникомъ!.....

— Гляди, не проговорись....

— Да ступай, куда зовутъ, громко сказалъ Степанычъ.

— Кто тамъ? раздалось во второй разъ.

— Я, Костыльковъ, по твоему укаву.....

— Поди сюда! Извини, молодецъ, сказалъ Кольчевъ, лежа на софѣ въ нарядномъ халатѣ: утомились за обѣдомъ. Сонъ одолѣлъ. У меня къ тебѣ есть дѣло. Принялъ я сегодня Котѣлкина безъ разспросу, да сказкѣ его не повѣрилъ; расскажи какъ дѣло было.

— Прикажете, ваше превосходительство, подать памяти.

— Эй, Ефимъ Андренчъ, подайка сюда всѣ сегодняшнія памяти.....

— Не готовы!

— Подай, какъ есть..... Это что? Что у тебя, лихорадка, Ефимъ?

— Такъ, ломаеть.....

— Ну, вотъ и памяти. Рассказывай!

— Поглядите, записанъ ли въ своей статьѣ Котѣлкинъ.

— Поглядимъ..... Не записанъ, а регистръ до литеры Тверло, доведенъ..... Не ладно. Ну, что же дальше?.....

— А дальше пусть Ефимъ Андренчъ рассказываетъ, а что пропуститъ, я добавлю. Иное онъ, иное я лучше знаю.....

— Ефимъ! закричалъ Кольчевъ громовымъ голосомъ, вскочивъ съ софы: кого ты вздумалъ обманывать? И въ какомъ дѣлѣ! Холопы поганый, за уши въ чинъ втѣпалъ; до какой стыда меня доводишь?—Какъ я въ Рязань

взгляну Государю Великому! У меня на глазахъ, моя же люди чинятъ подлогъ и воровство. Садись, иди, къ оберъ-полицеймейстеру; садись; ты меня знаешь: какому молотчи. Иди: «По нѣкоторымъ экстраординарнымъ развѣдамъ покорнѣ прошу статейную память о негодныхъ, что сего чина къ вамъ послана, въ дѣйство на производяго и колѣнъ возвратитъ, а подателя сего, старшаго дѣла, моего мажоранта, Ефима Андреева Павлиничова, подъ строгій арестъ посадить и держать его тамъ до того, пока не потребуетъ». Ну, вотъ я подписалъ! Стулай, безстыдникъ, самъ стнеси и отдай въ руки.... Пошелъ!

— Не удивляйся, сказалъ Кольчевъ въ сильномъ волненіи: что я такую поспѣшную диспозицію учинилъ. Видно, по его милости, въ этомъ году много стало негодныхъ. Надо всѣхъ докладно пересмотрѣть и перевѣрить, чтобы службѣ Его Величества черезъ такую мою оплошность не учинилось какого ущерба.... Мѣра ни чему не повредитъ, а ты теперь мнѣ подробно разскажи, какъ все было и какъ ты про такое воровство сыскалъ.

Степанычъ разсказалъ. Кольчевъ то смѣялся, то досадовалъ.

— Достоянъ еси награды и вотъ тебѣ десять рублей, сказалъ Кольчевъ, вынимая деньги.

— Не извольте меня позорить платою за то, чѣмъ я Богу и государю обовязанъ. Если въ глазахъ моихъ видимо обманъ чинится, неужели я долженъ молчать и не объявлять? Не могу. Не такъ родился.

— Знатно разсуждаешь! Съ такими регулами пойдешь далеко.

— Ваше превосходительство! Нынче люди, вотъ что разсказываютъ. Не одинъ разъ слышалъ. Говорятъ: служба, охъ служба! Что оно.... не суду правда, а судьямъ лести; не то, что должно, а то, что ходятъ. Дѣла не дѣлай, съ дѣломъ въ глаза не встрѣчайся, а старшимъ лести, дари, услуживай, да большой станицы дождешь. А если правдой пойдешь, каждаго гнилушка тебѣ подъ ноги подкатится, а ты и ну спотыкаться, пока до большихъ бревенъ не дойдешь, тамъ

сноткнешься, такъ ужъ и не встанешь..... И многое всё на тотъ же ладъ говорить.....

— Вадеръ! Моментъ-быть, такъ бывало, только не теверь. Не такой царь и не такая мысль царская. А бывать, бывало. Понедѣльный отецъ мой рассказывалъ, что въ принаѣ скинвали безбородые недоросли, знатности ради. Дали за нихъ правши и дѣло не шло, а если шло, то съ великимъ стыдомъ. Взятчиковъ было во всѣмъ приказанъ строго, спалко и самой чинности. Родимъ и мѣстами считались, а за то, что одному боярину жидецъ ставилъ лучшихъ соколовъ и кречетовъ, такихъ, что и въ государственой охотѣ не было, такъ въ жильцовъ въ спалничисъ попалъ. Теперь не то. Теперь изъ однихъ заслугъ гдстваца знатности устроена. Ты вотъ и богатъ, чай родами до Нод доходимъ, а ступай въ солдаты.....

— Въ драгуны.....

— Всѣ-равно, тотъ же чинъ, да конскій. Хочешь дальше, изволь, дорога гладкая, да на ней чины въ ретраннаментяхъ сидятъ; хранить ихъ пушки, вражье войско сторожить; возьми коменданта, то есть, тотъ чинъ, съ бою. Ты ли, богатъ, или другой, нищій твой товарищъ, всѣ-равно. Деньги твои при тебѣ, а способности — государственное добро. Чинъ тому добру клеймо. Какой сортъ заслуги, такой и штемпель.

— Все такъ, только, не во гдѣвъ будъ сказано, взятчиковъ теперь, говорить, не меньше прежняго.

— Твоя правда; не меньше. Потому что взятчики моль; въ темнотѣ дѣйства свои производятъ; кругомъ ихъ — тьма; имъ и сподручно. Эту моль, какъ и натуральную, только свѣтомъ выживешь. Оттого и пошло теперь на Русь всякое учение, школы, училища, семинари, духовныя заведенія, а теперь въ Питербурхъ и академїа наукъ устроится. Вотъ этотъ свѣтъ поѣстъ моль; стыдомъ истлеть, а пока ихъ гдснить въ которое пристрастїе строго наказанїа.

— А зачѣмъ же ваше превосходительство на Москвѣ ничего такого не устроить?....

— На Москвѣ? Эхъ, братъ, тутъ еще такая тьма, что сами учителя ослѣпнуть. Вотъ какъ ихъ проинутъ

въ пяти, шести кампаніяхъ, какъ пропацируютъ по чужимъ государствомъ, какъ приглядятся чужому разуму, такъ и свою глупость разсудятъ.....

— Не возьми, ваше превосходительство, во гнѣвъ, что я съ такою дерзостью мысли мои объявляю.....

— Напротивъ! Очень радъ и надѣюсь изъ тебя сдѣлать человѣка. Говори безъ опасу и церемоніи.

— Да вотъ что у меня всегда на умѣ вертѣлось. За что это дворянъ со всѣхъ угловъ съ такимъ принужденіемъ на службу сгоняютъ?....

— А ты сгоняешь своихъ тяглыхъ на пашню? Государство—нива Божія, отъ Бога царю передава; гдѣ же на харей достанешь, если вы, лучше и родомъ и разумомъ и достаткомъ въ царствѣ на работу ходить не станете? Кто будетъ сѣять, кто будетъ жать, а не отъ нея ли и вы всѣ кормитесь? Не огороди поля, смотина придетъ, все истопчетъ и потравитъ; не огради царства, разберутъ тебя и земли и людей твоихъ сосѣди; а кто защититъ тебя?

— Все такъ, да плохой работникъ безъ доброй воли....

— Воля ребенокъ, какъ разумъ..... Тѣломъ человѣкъ какъ дерево, отъ однихъ лѣтъ выростеть; а разумъ и волю, надо учить; это серебро; положимъ рубль; не трогай его, оно навсегда такъ рублемъ и останется; а пусти его въ промыселъ, рубль одинъ можетъ умножиться до такого нумера, какого и въ цифри нѣтъ. Для этого серебра, на ростъ ни мѣры, ни конца нѣтъ.

— А много ли у царя такихъ слугъ, какъ ваше превосходительство?....

— К чему этотъ вопросъ?

— Да мудрость твоя меня вроняла.....

Кольчезъ улыбнулся.

— Какая жъ тутъ мудрость! Такой же разумъ, какъ и того дурачка, что сегодня за Котѣлкина стоялъ, да разумъ эдукованный, то есть, нѣкимъ образомъ обученный, строгими регулами снабженный, при нѣкоторомъ карактерѣ, чтенія и странствованія. Могъ бы я его и болѣе, укомплектовать нужными знаніями, но служба отрываетъ

меня отъ Петербурга, тавъ есть еще какое-нибудь ученымъ трудомъ похвалить.

— А ужъ на Москвѣ равно нечему научиться? Тамъ, говорить изволишь?

— Нѣтъ! То сказано въ другомъ сень (смыслѣ). А для охотника есть въ Москвѣ весьма важное училище, славно-греческая школа.

— Чему же тамъ учать?

— Разнымъ знапіямъ.....

— А развѣ надо знать еще что-нибудь окромя указовъ царскихъ?

Колычевъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на Степаныча, отъ котораго ни какъ не ожидалъ подобнаго вопроса.

— Вотъ видишь, можно быть и не глупымъ — талантомъ, а круглымъ идиотомъ, невежей. На этотъ вопросъ и тебѣ отвѣчать не буду, а напишу записку къ тому преемству: пусть онъ потрудится дать тебѣ учителя, съ которымъ, до отъѣзду моего въ Петербургъ, ты бы могъ познаться ученикомъ.....

Къ особенному радостному удивленію, Колычевъ увидѣлъ у ногъ своихъ Степаныча.

— Что съ тобой!

— Только о томъ и сплюсь мнѣ, какъ бы поучиться. Сердце у меня захватило, тебя слушал. Все знаешь, а еще и не старъ, — а я такой пенъ въ двадцать пять лѣтъ, только и знаю, что азъ, а что буки! Вѣчное спасибо!.....

— Похвально, любезный, похвально!

Въ самое это время, когда Степанычъ не успѣлъ еще подняться съ полу, вошелъ безъ доклада оберъ-полиціймейстеръ. Увидѣвъ Степаныча на колѣняхъ, онъ сказалъ:

— За этого, Степанъ Яковлевичъ, позволь ужъ мнѣ заступить. Оказалъ мнѣ сегодня услугу: обличилъ на Спасскомъ Мосту нелицебезную шлюшу, которая, какъ и ты, чай, слышала, страшила полный народъ страшнымъ судомъ, и противъ царскихъ указовъ водворала. Да какъ обличилъ, право, хитро, такъ и посадилъ голышомъ на лодку. Помилуй его, Степанъ Яковлевичъ, я, пожалуй, его на до-руки возьму,....

— И я тоже, сказалъ съ улыбкой Колычевъ: съ него

ты это взял, что я съ него възыскиваю? Нѣтъ. Это онъ-то
~~хитрецъ, сегодня на смотру обидннлъ, что я разыскиваю.~~

— Онъ!

— И онъ же вывелъ на чистую воду и Ефима моего,
 что я къ тебѣ прислалъ.

— Да я за тѣмъ персонально и пришелъ, чтобы спро-
 сить, что случилось?

— Негодай неблагодарный, вотъ и всё-тутъ. Пожалуй
 мнѣ изъ какого ни есть приказа дьяка по-глуше, только
 бы четко писалъ, да вели по указу ко мнѣ въ разыскищи-
 ки прислать солдатовъ съ Краснаго Крыльца, со стѣннаго
 караула, человекъ три, четыре. Право, команда мала, не
 удралось. Только объ одномъ попрошу, пусть они, по обы-
 чаю, за ~~леда и хворона~~ ничего не берутъ; я имъ отъ кан-
 целярскихъ доходовъ награжденіе опредѣлю. А куда же ты
 Ефима сослалъ?

— Бидать въ канцелярши и влается.

— Словы-роде... Разыскъ я учиню завтра, а сегодня
 носки переверну много мысля, не-важнѣе Бадня.

— Ну, Бадня, Венюкъ, а за нѣмъ же вѣсть у тебя въ
 ногахъ валялся?

— А затѣмъ, что учиться хочеть, а я ему обѣщала
 протекцію къ отцу-префекту.

— Полно такъ-ли? Хочеть учиться, а гуляетъ по Спас-
 скому Мосту, гдѣ только развратъ и соблазнъ всякій...

— Потому, господище начальникъ московскій, что на
 Спасскомъ Мосту всякое изображение съ печатнымъ тол-
 кованіемъ продають. Противу запрету вотъ этакими ли-
 стами торгуютъ, гдѣ намалевана всякая хула на сподруч-
 никовъ царскихъ и на его царскіе указы! Извольте смот-
 рѣть.

— Гдѣ ты достала?

— Лавку-то я знаю, а хозяина нѣтъ....

— Сейчасъ забрать подъ караулъ и его и лавку...

— Не въ прокъ будетъ поспѣшность. У нихъ есть тай-
 ныя складища, гдѣ они стараго порядка охотники, душу
 отводятъ въ свободныхъ рѣчахъ. Хочу я тѣхъ рѣчей по-
 слухать и складища разорить. Гнусно подумать, нѣтъ они,
 онъ ~~можеть~~ ~~амод~~ ~~отр~~ ~~умоли~~ ~~саме~~ ~~ох~~ ~~аъ~~ ~~блннн~~ ~~стѣ~~

яко змѣи подкоلودные, отравой можетъ-быть и великое имя обливають, а на нихъ ни суда, ни управы нѣтъ....

Сановники съ довольною улыбкою взглянули другъ на друга. Степанычъ съ возрастающимъ жаромъ продолжалъ:

— Пусть себѣ безъ пошлнны ремень продають, пусть не клейменымъ платьемъ торгуютъ, бѣды большой нѣтъ; никому важнаго подрыву, пнымъ пропитаніе, но тутъ ужъ зло; этого покрывать нельзя, напротивъ, весьма разъискывать надлежить....

— Послушай, братецъ! сказалъ начальникъ полиціи: не хочешь ли я тебя короннымъ бурмистромъ сдѣлаю?

— Государь-генералъ! Вы сражались и честь добыли, за что же вы хотите изъ меня сыщика сдѣлать?

— Да вѣдь ты самъ....

— Я чиню это по долгу совѣсти, потому что зря зло, молчать не могу, и по охотѣ на воровъ тѣшусь, а нѣтъ найма на такую службу не пойду.... Тутъ есть разница....

— Истинно такъ! сказалъ Кольчезъ, вставъ съ нѣста и потрепавъ его по плечу: браваый малый! Будешь большимъ человѣкомъ! Пойдемъ нашимъ путемъ....

— Хорошо! А скопцаще?

— Я его сыскалъ, я его и доправлю.

— Безъ команды?

— У меня своя есть! Позвольте откланяться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРЕЗУСЪ.

Степанычъ проворно откланялся, сѣлъ въ колымагу и отправился въ Кожевники; не доѣзжая до Живодереннаго Мосту, приказалъ остановиться и оставя тутъ экипажъ пошелъ къ лавочкѣ лубочныхъ изображеній, которая издали красовалась уже своею пестротой. Мотковъ уже поджидалъ гостя и сидѣлъ у воротъ своего дома.

— Опоздалъ? спросилъ Степанычъ.

— Какъ-разъ въ пору; уже звонили на вечерню, скоро стануть собираться. Пойдемъ, чтобы сосѣди не подѣтили.

Вошли. Мотковъ калитку на ключъ, а самъ повелъ Степаныча въ хоромы, потому что домъ Моткова не

могъ называться иначе по обширности, чистотѣ и убранству. Образная одна чего стоила! Лампадь сколько, и всѣ серебряныя, а иконы крѣпко золоченыя. Въ большомъ покоѣ не было такъ нарядно; по всему протяженію комнаты возвышались до самаго потолка кипы лубочныхъ картинокъ. Между ними оставалась узкая дорожка, такъ, чтобы одному человѣку пройти.

— Это чтó у тебя?

— Дрянн! Листы буднишніе. Прибаутки въ лицахъ. Никакого ученія и толку въ нихъ нѣтъ: суздальскіе. Для дѣтей подлый народъ покуцаетъ. Ихъ мы наружу держимъ....

— Господи, какое злое время! И съ ученіемъ наволь таятся. А много этой дрянн расходится?....

— Бездѣлица! Тысячъ до шести, до семи: а тѣ, такъ не бумага крашенная, а золото. Тысячъ до ста уже искупили. Лубки больше ста разъ перемѣняли. Куда! И счету нѣтъ. И до указа шли они не дурно, а ужъ послѣ указу, вотъ хоть и сегодня, больше сотъ трехъ продано. Нѣтъ, ересь окаянная, не маломашь! Иной не только для себя, для знакомцевъ и для родныхъ искупить. Вѣдь доброму христіанину и ближняго спасеніе дорого. Не знаю почему, я такъ боюсь, чтобы ты въ типографское ученіе не попалъ. Пусть они, мудрецы, толкуютъ, что дворянъ не надо. Нѣтъ, кормильцы, намъ-то отъ того и трудно, что всѣ дворяне заколдованы. Пускай бѣдняки, у кого и на харчи не хватаетъ, а то богачи!.... Самъ къ ереси пристанеть, да и волости за собой тащить; разомъ нечистому душъ много число закабалить. Оно, конечно, надо съ оглядкой, не всякаго пускай....

— Правда твоя, правда! Да много ли и такихъ разумныхъ и старинъ вѣрныхъ какъ ты?

— Ну, такъ не мало....

— Да чтó они? чай ты одинъ всю Москву отъ соблаву изображеніемъ спасаешь?....

— Не хочу солгать, насъ не мало торговцевъ. Вотъ Трифоновъ и Коскинъ въ рядахъ, Бабличекъ на Спасскомъ Мосту, да Отеря на Никольскомъ.... Есть и другіе, да у тѣхъ тайниковъ и производства нѣтъ. У нихъ только сув-

дальшее изображение. Правда, и тамъ есть обитрое; да такъ-себѣ, илюкошь; а московскихъ дубовъ листы, обитые у насъ и есть; мы на свое издѣлье пройдемъ чинить безъ бѣды — а Богъ честивый промыселъ благословляетъ!...
 Дивно, какъ еще новые порядки до производства не доберутся.

— Подъ землей, честной господинъ, у котораго нѣтъ ни съ чѣмъ есть, такъ и челядь не знаетъ, какъ въ тайнѣ ходить. Вотъ тутъ у меня бесѣдная палата. Богу изволѣвшу всю оклемавъ священныя изображенія. Тутъ батюшка, въ этой палатѣ много ума-разума. Не одна голова придумывала. Вотъ столъ. Видишь, на немъ символы вырѣзаны. Кто символъ рукою прирѣжетъ, да учесть душою думать, оущую правду увидитъ. А вотъ стулъ на четырехъ золоченыхъ голубихъ стоятъ. Кто начало держитъ, тотъ на немъ и сидитъ. Вотъ тутъ кругъ старецъ Кирилъ поному проведъ. Ставъ посреди круга, никакое воинство тебя не возьметъ; если чары на тебя или заговоръ положитъ, отвядутъ. Только этотъ кругъ за старца Кирилу ставъ, а то все что видишь мудростью нашего прѣзуса избрѣшено....

Странно показалось Степанычу, что Мотковъ, незнакомый всего новаго и заморскаго; употребилъ слово; несомненно чужеземное, но онъ боялся прерывать нововысказанное славянѣе ультра-фанатика и продолжалъ внимательно слушать.

— Мудрѣйшая голова! говорилъ Мотковъ: да вотъ какъ жетса и онъ; раньше всѣхъ приходитъ. Пора тебѣ въ садъ; тутъ у меня никто не ходитъ; комната пуста; тамъ и крошечка есть; запишись, только въ окно не смотри; увидать — бѣда; а потомъ сами спасибо скажутъ. Ну, сидись.... Видишь, какъ стучитъ. Никто въ моемъ дому, кромѣ прѣзуса, такъ не вольничаетъ.

Степанычъ вошелъ въ сосѣднюю комнату и къ удовольствію замѣтилъ, что не только слушать, но черезъ порядочную щель въ двери по-нуждѣ и видѣть все можно: издававшая мимо окна мелькнула не одна панка; прѣзусъ и красавица, и женская прѣзусъ; но въ комнатѣ еще никого не было. Наконецъ дверь растворилась и въ

валату вошелъ отвратительной наружности человекъ съ рѣдкою, дурно обросшею бородою, въ старинномъ платьѣ, на которомъ торчалъ мѣдный значокъ; за нимъ вошло еще нѣсколько человекъ, изгорбленная старуха подъ фатой, и хозяйинъ, послѣдній.

Рука моя дрожитъ. Не сказку сказываю. Знаю, что работа—моя лубочная картинка съ тѣхъ печальныхъ подлинниковъ, которыми такъ обиловало Петрово время; но эти подлинники—подлинно были въ отвратительной существенности; ихъ нѣтъ, и писатель, изображая бывшее, по уже не существующее, терлетъ половину силы впечатлѣнія, какое произвесть старался. Зачѣмъ же, скажутъ досужие люди, — писать? Право, на это и отвѣчать не стѣмью. Соберется компанія такихъ оригиналовъ, я съ ними сведу знакомство по-ближе и не могу утерпѣть, чтобы не описать ихъ, какъ умью... Но тутъ лицо лицу, рѣчь рѣчи рознь; глупость и невѣжество забавны; ихъ изображеніе позволительно, и, можетъ-быть, не бесполезно: и старина можетъ имѣть примѣненіе. Но тѣ же и глупость и невѣжество злонамѣренныя — уже едва-ли забавны; изображеніе ихъ не можетъ быть полно, по многимъ поводамъ, а полнота и отчетливость не позволяютъ на холстѣ оставить пустыя черныя пятна съ надписью: здѣсь имѣлъ быть образъ злонамѣреннаго невѣжи, здѣсь дерзкаго глупца. И вотъ почему я не рѣшился изсѣчь изъ моей лубочной картинки пасквилянтовъ того времени.

— «Никого же любить Богъ, токмо сего, иже съ премудростію пребываетъ», говоритъ царь Соломонъ. Такъ возгласилъ презусъ и голосъ его заставилъ Степаныча вздрогнуть и посмотреть черезъ щелку; но презусъ сидѣлъ въ очарованномъ кругѣ, на голубиныхъ креслахъ; рука его покоилась на столѣ и покрывала символы...

— «Сію возлюбилъ, — продолжалъ онъ: и поискахъ отъ юности моея, и зыскахъ невѣсту привести себѣ и любителя быхъ красоты ея»....

— Полно, учитель, сказалъ довольно рослый, и не старѣйшій мужчина. По его одѣвлю; можно было догадаться, что онъ нѣкогда принадлежалъ къ духовному сану; полно отъ

священнаго писанія рассказывать. Знаемъ, что ты искусень и въ томъ и въ гражданскомъ письмѣ, чему изъ ревности къ старинѣ ты зѣло поучился. Не о томъ рѣчь. О томъ разсудить надо, что сегодня на мосту было. Уронила ты насъ, Анфимья Кириловна, больно уронила. Пагубно твое отреченіе. Народъ охолодило.

— Эхъ, Семень! отвѣчала женщина: застѣнокъ не свой братъ; тебя вотъ разстригли, такъ тутъ костямъ никакого изъяну нѣтъ, а какъ поднимуть на дыбу, да встряхнуть: повиннись въ томъ, въ чемъ безгрѣшенъ.

— Эхъ, Кириловна! У тебя ума не хватило честно отойти, словами отдѣлаться....

— Да, выскочилъ бы ты изъ рукъ этого ражаго Нѣмца; ростомъ онъ показался съ колокольню; да и правду молвить, оглянулась я, поддержки ни какой.... Презусъ ушелъ....

— Я чинилъ наблюденіе изъ лавки Саввы Андренча.

— Тебя, Семень, я то же не видала....

— Я присѣлъ, чтобы тотъ съ коня не подмѣтилъ....

— Деверь Марко торчалъ одинъ, да не близко и то отъвернувшись.

— Не хотѣлъ на слугъ богомерзкаго дѣла взирать....

— Про другихъ не говорю: всѣ отъ кликуши отвернулись, отреклись отъ меня; мнѣ духъ и сталъ шептать: отрекись и ты, Анфимья; Богъ тебя проститъ, а ты еще нужна и народу и дѣлу....

— Такъ тебѣ духъ и сказалъ? спросилъ презусъ.

— Такъ и сказалъ.

— Ну, такъ духу нельзя прекословить. Отложите про о мостъ. Потребно придумать нѣкое новое возбужденіе, по-неже на мосту опасность и страхъ велий. Семень, на тебя исподить всякая письменная хитрость. Что придумалъ еси?

— Да что придумалъ. Надо въ народѣ новое начало, что на Москву прислано, охаять. Вотъ у меня такъ набросано: ѣдегъ верхомъ; сго четыре бѣсенка на вервяхъ за носъ держать; въ рукѣ у него огонь геэпы; изъ рта такое же подымя; пзъ-подъ трехконечнаго брыля, рѣж-

ки пробиваются; изъ-подъ сѣдла хвостъ; а тутъ онъ одной рукой кабакъ запираетъ, а другою самъ водку къ своимъ губамъ подвоститъ; а здѣсь тоже одною рукою вора держитъ, а другою самъ изъ кошмы чужой доску добываетъ; а тутъ домашнее упражненіе: пляшетъ съ женами бурмистровъ и объѣздыхъ, а тѣ, дурни, плачутся; а тутъ онъ голубей жретъ, да табакомъ грѣхъ закуриваетъ; а тутъ, видишь, подростка, двѣнадцати-лѣтнюю ласкаетъ, а она у него въ рукахъ сорокой стала... Ну, и еще, что придумается. Какъ окончу, такъ все это зло на лубокъ, тиснуть, да по воротамъ по всѣмъ, и поприклеивать. Придетъ онъ всему граду въ омерзѣніе; каждый пуце къ старинѣ прижмется..... Вотъ какъ оно перевернется, да веремелется въ народѣ, тогда уже пустимъ писаніе. Въ монастыряхъ нынче ни чернила, ни перьевъ чернцамъ по келліямъ держать не указано; а хочешь, пиши въ трапезѣ, подъ окомъ настоятеля. И правда, подметныхъ писемъ стало меньше; знатную выдумку подшепнулъ лукавый, и мало кознямъ его обличенія. Такъ надо тѣхъ подметныхъ писемъ сочинить не мало, а вездѣ говорить, что съ неба падаютъ. У кого голуби ученые, такъ ихъ такъ обучить, чтобы письмо надъ Москву вынесъ и бросилъ; пока письмо на землю упадетъ, птица улетитъ: ну, кто скажетъ, что не съ неба упало?...

— Знатно, Семень! закричали всѣ. Одинъ презусъ молчалъ: положивъ обѣ руки на символы, онъ поднялъ глаза горь: — Вижу правду, вижу истину; замыселъ похвалится.... Но, Семень, вижу, что на душѣ твоей лежитъ еще одна мысль: вскую кроешься? И велика та мысль, и много опасу, но да исполнится писаніе.

Семень оглянулся не безъ страху и вынулъ доскутокъ бумаги.

Ко всеобщему ужасу двери отворились и въ палату засѣданія вошелъ Степанычъ. Семень Разстрига, поблѣднѣвъ какъ полотно, сползъ съ кресель... Савву ударила лихорадка. Кликуша, узнавъ своего обличителя, затряслась и завопила. Другіе по невольному чувству схватили съ головъ шапки, крестились и читали молитвы; но больше всѣхъ

перопугался презусть. Онъ не выдержалъ, вскрикнулъ: — Степанычъ! и бросился въ двери. Степанычъ боялся потерять добычу, швырнулъ за нимъ на дворъ, но презусть уже не было; а когда Степанычъ увидѣлъ, что ялитка заперта на замокъ, отодвинулъ засовъ, отверлъ ворота и вышелъ на улицу, — презусть былъ еще видѣнъ на концѣ улицы; но вотъ онъ повернулъ въ переулокъ и провалъ.... Воротиться въ палату было весьма опасно; обличенные могли рѣшиться на страшную мѣру, чтобы спасти себя. Но Степанычъ объ этомъ и не подумалъ; возвратясь, онъ нашелъ всѣхъ членовъ скония въ прежнемъ ужасѣ; только одинъ Семень Разстрига поднялся съ полу и жевалъ что-то; увидавъ Степаныча, онъ съ усиленіемъ проглотилъ тайную пищу, и казалось сталъ покойнѣе.

— Презусть вашъ не уйдетъ! сказала Степанычъ торжественно, стараясь придать какъ голосу, такъ и всѣмъ движеніямъ своимъ трагическую важность. Онъ какъ-будто выросъ и вступивъ въ очарованный кругъ, и прикрывъ рукою спиволы, сѣлъ на председательское мѣсто: — Изжену духа нечистаго, возгласилъ онъ: и будетъ мѣсто свято. Горе вамъ, грѣшники! Сѣкира у древа лежитъ! Покайтесь и прощено вамъ будетъ беззаконіе, за которое грозить вамъ застѣнокъ съ мучительной пыткой, батоги, торговая кань, на семь свѣтъ, а на томъ огонь геенны! — Знаете ли, слѣпцы, кому служили? Вору и разбойнику; пойманному на промыслѣ; онъ бѣжалъ изъ темницы, какъ бѣжалъ отъ меня. Власть имѣю надъ вами и покажу ту власть, заблудшимъ — помилваніемъ, скареднымъ — обличеніемъ. Хотите ли помилванія или обличенія?....

— Помилуй! помилуй! закричали всѣ, кромѣ Марка и Семена. Послѣдній засучилъ рукавъ, подъ которымъ былъ намотанъ кистецъ. Степанычъ, примѣтивъ это, съ необычайною ловкостью бросился на него, одною рукою схватилъ его за рукавъ, другою за бороду и въ одно мгновеніе Семень очутился на полу.

— Нѣсть въ тебѣ покаянія, не уидеши и отъ князя Веряку.

Всѣ бросились за веревкой, не исключая и Марка. Всѣ

ились съ веревками, не вернулся одинъ Марко. Свя-
 — Семена, Степанычъ опять съѣлъ на мѣсто.

— Сей не раскаялся, сказалъ онъ: хотѣлъ убить ме-
 ня, безумный, не вѣдая того, что я все вижу. Чернецъ
 ушелъ. Далеко ли? — Приведутъ его войны въ монастыр-
 ской приказъ и тамо снимутъ съ него, недостойнаго, и чинъ
 ангельскій и одежду. Вы же, дѣти мои, творя по невѣдѣ-
 нію принесите покаяніе и въ явь и въ тайнѣ! Въ тайнѣ —
 Богу трисвятому; въ явь — властямъ Его земнымъ. Горе пи-
 шущимъ лукавства, говоритъ Исаія, и сему Разстригъ не
 будетъ помилованія. Лестію его, презуса, и чернца, вы
 были уловлены, овцы заблудшія. Разрѣшу мракъ — и бу-
 детъ утро праздничное. Запретъ его здѣсь и пойдемъ въ
 путь, который я вижу ясно. Пойдемъ! Мотковъ, предше-
 ствуй!....

Съ страннымъ смиреніемъ повиновалось скопище, ли-
 шенное трехъ главъ своихъ. Заперли Семена въ палатѣ.
 Заперли домъ, калитку, ворота. Шествіе отправилось на
 Живодеренный Мостъ. Висреди шелъ Мотковъ, за нимъ
 кликуша, а тамъ члены одинъ за другимъ съ поникшими
 головами. За мостомъ, въ переулкѣ, была харчевня и по
 слову Степаныча Мотковъ повернулъ туда, за нимъ и все
 стадо. Степанычъ по пути кликнулъ свою колымагу, по-
 слалъ куда-то конюха, а колымага слѣдовала за шествіемъ.
 Въ харчевнѣ Степанычъ объявилъ имъ страшный указъ.

— Первымъ знакомъ вашего покаянія да будетъ жертва
 бородами!....

— Господи, владыко живота моего! возопилъ Мотковъ.

— Молчи! тихо сказалъ ему Степанычъ: нето завтра
 же будешь нищъ и голъ, яко палець. А вотъ и брадо-
 брей. Садись. Съ тебя, Мотковъ, и начало. Говорю и по-
 вѣряю: кто ослушается, того прямо въ застѣнокъ!

Начался плачь и скрежетъ зубовъ; брадобреи съ необык-
 новенною быстротою косили длинныя бороды закоренѣ-
 лыхъ любителей старины, доведенныхъ до такого позору
 опасностью своего положенія. Степанычъ, разчисливъ, что
 операція, при всемъ искусствѣ цирюльниковъ, можетъ
 продолжиться болѣе получаса, приказалъ себѣ подать хо-
 лоднаго поросенка подъ хрѣномъ, травнику и солянку съ

огурцами. Обѣдая, онъ удостоилъ разговоромъ одну кликушу, которая была, по причинѣ пола, свободна отъ экзекуцій.

— Ну, матушка, сказалъ онъ, съ тобою-то что мнѣ дѣлать?

— У тебя всякая власть есть, родимый, отпусти меня.

— А куда же я тебя отпущу?.... Знаю, что тебя не помянутъ генералъ. Вторично попалась, а попалась по родству и связямъ; да всё-таки отпустить не могу; а вотъ что, коли хочешь, могу сдѣлать. Есть у меня здѣсь на Москвѣ огородъ. Хочу на томъ огородѣ въ память сегодняшнихъ дѣлъ поставить часовню, да при ней богадѣльню, на шесть недужныхъ. Ты, матушка, еще здорова, работать можешь, такъ я тебя къ той богадѣльни для послугъ большымъ поставлю. Хочешь?

— Твоя власть! Ты и презуса изгналъ, и Семена скрутилъ, и кругъ перешелъ, и символы разрушилъ. Только одна глупость не уразумѣетъ, что вся власть у тебя.

— Ну, хорошо! Вотъ тебѣ, старуха, рубль, проживи на этотъ рубль сколько можешь, а выйдетъ, приходи на Антоновъ огородъ, что на выѣздѣ. Ну, а вы, бритые! Подымайтесь! Пойдемъ!

И опять, кромѣ кликуши, всѣ пошли на дворъ Моткова, взяли Семена и повели черезъ всю Москву прямо въ Кремль къ оберъ-полиціймейстеру. Степанычъ слѣдовалъ занимивъ колымагѣ. Толпа народа возрастала больше и больше, по шѣрѣ-того какъ шествіе приближалось къ Кремлю. Оберъ-полиціймейстеръ, замѣтивъ изъ окна такую толпу, послалъ за командой, а самъ вышелъ на крыльцо. Степанычъ также выскочилъ изъ колымаги и принялъ начальство надъ своею арміей.

— Вотъ моя команда, ваше превосходительство! сказалъ онъ, указывая на бритыхъ. Богъ помогъ мнѣ убѣдить ихъ въ преступномъ неществѣ. Повинились, покаались, кромѣ трехъ. Одинъ ушелъ, другой спрятался. Захочешь, същещь, но самое зло — вотъ оно. Этого возмутителя обманутые люди передаютъ тебѣ съ рукъ на руки. Въ карманѣ у него найдешь свое изображеніе съ ругательными толкованіями, а хулу на великое имя, онъ съѣлъ.

Оберъ-полвѣдмейстеръ не могъ безъ смѣху смотрѣть на обрѣтыхъ, которые въ старинныхъ своихъ платьяхъ не подходили ни на старыхъ, ни на новыхъ Русскихъ.

— Не задержи насъ, господинъ генералъ! сказалъ Степанычъ. Намъ еще много дѣла. Ряды еще не заперты, хотимъ уже сегодня все покончить; платье въ рядахъ испунить, да людьми стать, какъ пристойно богатымъ и честнымъ торговцамъ.

— Хорошо! ступайте, да помните, что если по сыску кто окажется къ свидѣтельству или очной ставкѣ нуженъ, являйся безотговорочно; нето пощады не будетъ. А этого молодца, обыскавъ, отведите въ сторожку....

— Ну, ребята, сказалъ Степанычъ, отходя съ своими бритыми отъ крыльца: ступайте и закупайте себѣ платье пока не смерклось, и рядовъ не заперли. У меня свое есть, мнѣ не нужно. А ты, Савва, прибавилъ шопотомъ Степанычъ: воротись домой всякое дурное изображеніе или пошги, или отнеси самъ къ генералу, а нето какъ Семена въ застѣвкѣ встряхнуть, такъ онъ про все расскажетъ. Хуже будетъ! Ну, прощайте! Спасибо за потѣху....

Степанычъ вѣхалъ домой очень не покоенъ. Несмотря на то, что презусъ былъ съ бородой, нельзя однако же было не узнать въ немъ Пахомыча, стараго нашего знакома.— Тайна Степаныча, про которую въ дневныхъ своихъ подвигахъ онъ совсѣмъ было забылъ, стала его беспокоить. На всей Москвѣ только одинъ Пахомычъ и могъ обличить подлогъ, и отъ страху пытки и казни, несомнительно объявилъ бы государево слово и дѣло.... Грусть закралась въ сердце Степаныча, но была пріятно разогнана, какъ только онъ вошелъ въ свои покои.... Не успѣлъ онъ отворить дверей, какъ на шеѣ у него повисла Малаша, а Семень Романычъ съ отверзтыми объятіями шелъ ему на встрѣчу. Радость свиданія была не продолжительна. Нѣсколько словъ Меланьи возбудили прежнюю грусть.

— У самого приказа, куда Семень Романычъ пошелъ справку взять, гдѣ ты присталъ...— такъ говорила она: сижу я въ повозѣ и на Москву люблю; глаза у меня такъ и разбѣжались; и зѣваю на соборы, на меня люди зѣваютъ; поглядѣла я на каменное строеніе, думаю себѣ: тутъ и люди долж-

Вѣ бытъ итакѣ, поглядѣла: Богъ такъ, возгъ меня, у самой повозки, стоить. Пахомычъ, только съ бородой; а тазъ и вскрикнула, да и спрятазась.... Онъ къ повозкѣ и подождъ: Меланья Ивановна, говоритъ: какъ Богъ сюда занесъ? Видно, съ Иваномъ Степанычемъ пожаловали; а гдѣ пристаи? Я молчу, не знаю, что сказать; на мое счастье Семенъ Романычъ изъ приказа вышелъ; Пахомычъ видно завидзъ его, отскочилъ и пропалъ въ толпѣ....

— Такъ и естъ! Не ладно.... Не хорошо, когда узнаеть; да Богъ милостивъ; надо изъ этой харчевни, куда ни естъ по-дальше переѣхать. Тутъ того и гляди на бѣду наткнешься. Ну, да говорю, Богъ милостивъ; на него все мое упораніе; не за себя плачу; не за себя на опасное дѣло пустился. Авось Пахомычъ сторонить отъ насъ будетъ; ушелъ онъ отъ меня, ушелъ отъ Семена Романыча, не уидеть отъ вислицы.... Ну, Малаша, ну, Семенъ Романычъ, каково-то вы поживаете?....

— Эхъ, Иванъ Степанычъ, наградилъ ты меня не женой, а золотомъ; клалъ, не баба! Окончился воровской сыскъ; до пяти сотъ издрвилъ; чай отдохнуть дадутъ хотъ на мѣсяць; хотѣлось бы на Москвѣ пожить, дѣлшки поустроить, и тогда уже въ полкъ. Воровская война только опасна, а никакого отличія. Да какъ укажетъ губернаторъ. Завтра пойду къ нему на явку.

— Дѣлишки! прервалъ Степанычъ: денегъ я тебѣ не мало далъ, надо передать и огороды, да не хочеть; возми ты за нихъ деньгами, а огороды оставь мнѣ. Хотчу да нихъ часовню съ богадѣльней поставитъ въ память моего дѣтства и добраго Антона....

— Какія еще деньги! Ты мнѣ больше далъ, чѣмъ обещалъ. Что за счеты! Я объ нихъ и думать забылъ....

И въ такихъ и подобныхъ разговорахъ доболталась она до полуночи.

Поутру чуть свѣтъ, Степанычъ на красномъ Оранжъ былъ уже на цоковомъ площади. Фендрихъ Юрій Петровичъ Бусточкинъ доболался на сего молоденкуу явку....

— Знатно, кричалъ фендрихъ: ты замщи не по науку, но будешь важнѣй драгуна. Три, четыре цоковыя уиселы и готовъ.... Только знаешь ли, тебѣ надо и цохотнуу

службу пройти. Въ такомъ солдатѣ, что пѣхотный артиллеристъ, два года. Скоро же ты офицерскимъ делом падешь. Довольно тебѣ горючать. Снайпай-ка, бери ружья и выдрахивай. Эй, капитанъ, подай мушкетъ.
— Дали ружье. Фендрихъ уставлялъ Степаныча въ позицию и сказалъ:

— Индентерская служба, почитай, нѣсколько труднѣе всякой другой экзерциции, того-де, что требуется смелость и адрессу. Когда начальникъ перель фронтомъ стаетъ и скажетъ: «Слушай!» того-де, чтобы команда слушала, какое будетъ командованіе и приказаніе, тогда держи на меня уставъ, и держи себя всемирно тихо, ни гуку, зоть бы у тебя зубы болѣли... Ну! Приказано! Слушай!

Съ минутой фендрихъ сохранилъ молчаніе и Степанычъ тоже.

— Ну, теперь дальше. Клади на мушкетъ руку! Молодцы мушкетъ! Мушкетъ на караулъ!

— Вотъ ужъ этого не знаю, послѣднато, что оно значить...

— Само по-себѣ оно такъ-себѣ, то есть, на караулъ, а дѣлать этого темъ такъ надо. Вотъ есть стрелы темъ и есть караулъ. Понялъ?

— Понялъ.

— Ну, дальше: Мушкетъ впередъ сѣй! Хорошо, такъ! Бери за дуло... Тихо, да прививайся въ тѣнь дерева! Мушкетъ къ ногъ! Хорошо. Дальше! Отпусти руку до мушкету! Выступи прямою ногою! Проложи мушкетъ! Молодецъ! Ну, первой такція конецъ! Прикажи фавра, какъ я тебѣ съ солдатами да пѣхотн строй составлю-дасю отъ первой экзерциции на дѣль проведу. Бездѣла-дѣла скажу, что я имѣю удовольіе, что ты въ недѣлю все это экзерцицію будешь доклатно разумѣть. Ну, повторить-ка еще рѣчь...

Повторили беззащобно. Фендрихъ былъ въ восторгѣ.

— То есть, я тебѣ говорю, скажалъ онъ, нѣтъ предѣла во всей арміи не будетъ такого солдата. Коли-какимъ протѣкати, порокъ въ менишковъ и-и ширемославскій конной полковъ. Самые умные люди; весь полкъ дѣтъ-дѣтими

.....

и дьявола въ дѣтѣхъ сооривранъ; простытъ драгуновъ, что за охота служить. Ну, прощай, до завтра.

Возвратясь домой, Степанычъ не засталъ Семена Романчы: онъ пошелъ на яву къ губернатору и воротился очень довольнымъ....

— Правда, опять дѣло, да по-малой-мѣрѣ въ Москвѣ, слышалъ онъ: губернаторъ говоритъ, что онъ, объ своихъ заслугахъ въ губерніи, нисалъ и въ полкъ и къ военную коллегію, и часть для меня награды, а тѣмъ временемъ приказалъ открыть, изловить и въ новую канцелярію представить воровъ и мошенниковъ, конхъ должна быть большая шайка на Москвѣ и притонъ ихъ сыскать... Тяжело, статья-кажется и не успѣю, да время на Москвѣ проволочу.... Признаюсь, я больно бы желалъ теперь поимать Пахомыча. Не я буду, если онъ не презусомъ иу воровъ, такъ какъ у бородъ. Что ему безъ такого промысла на Москвѣ дѣлать?...

— Вѣроятно, Семень Романчычъ, а я тебѣ въ подногу дамъ знатнаго сыщика. Что, Тараканъ не бывалъ?

— Какъ же бывать! отвѣчалъ Сергѣй, да еще и не одинъ.

— А съ кѣмъ?

— Помомарь кѣмъ-то приходилъ съ нимъ, стагъ про сестрицу вашу разспрашивать, и про васъ.

— Ну!

— Говорить: кто тутъ оставившлся?... Я и говорю: Иванъ Степанычъ Костыльковъ.—Онъ только руки себѣ потеръ. А это съ нимъ женщина какал?... Сестра, говорю.... Знаешь, знаешь! и опять потеръ руки. А на-долго? Надоѣлъ онъ мнѣ съ разспросами, я и говорю: завтра чуть свѣтъ въ Питербурхъ ѣдемъ. Сказано укладываться.... Завтра, ну, такъ звать нечего, мы еще сегодня зайдемъ.—И схватилъ за руку Таракана, да и потащилъ за собою.

— Слышите, Семень Романчычъ, это былъ Пахомычъ. Тутъ сумѣнія быть не можетъ. А Тараканъ и самъ изъ ночныхъ гостей, такъ держи только ухо остро. Съ! Кто-то идетъ. Потрудись съ сестрою въ тотъ покой отойти. Должно быть Тараканъ ползетъ....

И Степанычъ не ошибся. На лицѣ Никитки было написано умиленіе.

— Ну, Таракашка, видно пожару-то не бывать, коли тараканы покойно ползають....

Тараканъ поблѣднѣлъ въ одно мгновеніе, какъ полотно и затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Чтò бы это могло значить? подумалъ Степанычъ. А съ кѣмъ ты былъ сегодня здѣсь, Таракашка? А?...

— Гдѣ здѣсь?

— У монхъ покоевъ....

— Съ знакомцемъ, батюшка; говоритъ, будто тебя назусть, какъ свои пять пальцевъ знаетъ....

— Такъ отъ чего же ко мнѣ не зашелъ?

— Тебя дома не было.

— Ну, а какъ же твоего знаконца зовуть?

— Да какъ его зовуть. Не то, чтобъ имя у него было, а такъ, кличка: «Горячая Лапа», а иной его по-нѣмецки называетъ «Сенька Фитиль», а на рынкахъ «Юлой» зовуть, а гдѣ «Буравчикомъ»....

— А гдѣ же онъ живетъ?

— Да нигдѣ. Гдѣ придется, переночуетъ, а гдѣ у него домъ, не вѣдаю.

— Сергѣй, ступай-себѣ, да пріудержи двери, чтобы Тараканъ не ушелъ....

— Государь, честной господинъ, чтò ты хочешь дѣлать? съ ужасомъ спросилъ Никитка.

— Да чтò? Ты купецъ, хочъ съ тобой поторговаться. Продай мнѣ Буравчика; знатно заплачу....

— Право, честной господинъ, въ толкъ не возьму.

— Послушай, Тараканъ! Говорю съ тобой не для шутки. Будешь ломаться, самого взломаю, хуже всякаго застѣника. Говорю не для пристрастія токмо, а истинную правду. Вотъ чтò. Этотъ Буравчикъ—по-нашему Пахомычъ и я его знаю, онъ воръ, тать ночной, изъ ученыхъ; сорвался изъ острога; бороду отпустилъ и бородачей дурачить; на Москвѣ воровской промыселъ держитъ; теперъ и на насъ злое дѣло умыслилъ. Ты, Никитка, тоже воръ; всякимъ запретнымъ товаромъ торгуешь. Приказано мнѣ всѣхъ

вась воровъ сыскать и гдѣ кого поймаю на дѣлѣ, того не вязать, а вѣшать. И я съ тебя перваго начну.

— За что, государь, отецъ родной?...

— За ремень, что у тебя въ сапогахъ и за пазухой. Улика на лицо. Подавай его сюда. Семенъ Ромаповичъ, пожалуй! Для суда судьи и свидѣтели нужны.

Увидѣвъ сыщика, котораго зналъ въ лицо, и про котораго не мало всякихъ ужасовъ слышалъ, контрабандистъ повалился въ ноги и возопилъ: «Насталъ мой часъ послѣдній!»

Степанъичъ, не изъясляя ни малѣйшаго признаку жалости, обратился къ Лукѣмкину и сказалъ:

— Какъ же, Сергѣй Ромавычъ, его вѣшать? Тутъ въ конатѣ на мѣстѣ уличенія, или передъ рядами?

— Можно и помиловать, Иванъ Степанъичъ, если по доносу, на него учиненному, подастъ истинную сказку; если же нѣтъ, вѣшай гдѣ угодно; только ремень и другой запретный товаръ, какимъ торгуетъ, въ ротъ и въ руки вложи. Тогда ужъ и вѣшай!....

— Батюшки, отцы родные, помилуйте: всю правду сущую скажу....

— Ну, такъ цѣлуй икону и рассказывай! сказалъ Лукѣмкинъ; снялъ небольшой деревянный образъ изъ угла и поднесъ къ Никитѣ. Контрабандистъ поцѣловалъ икону дрожащими устами, стоя на колѣняхъ и перекрестился.

— Ну, сказали судьи и усѣлись.

— Я никакимъ запретнымъ товаромъ не торгую....

— А ремень?....

— Только жъ ремесль. Да про ремень въ указѣ ничего не сказано. Тамъ говорится, что запретный товаръ: каламенки, полукаламенки, стамеды, полотна, что ниже рубля аршинъ, да карты всякихъ рукъ; вотъ запрещенный товаръ, а ремню въ томъ указѣ нѣтъ.

— Да въ другомъ есть....

— Въ другомъ есть.... виноватъ, никогда не буду..... позабылъ про тотъ указъ; и грамотѣй я плохой.... право, не буду... только помилуйте!

— А кто же на Москвѣ тѣмъ запретными товарами торгуетъ?....

— А мнѣ какъ знать?

— Постарайся, кони не хочешь на ярчкѣ болтаться...

— Докладно не знаю, а слышать слышалъ, что за Рогожской Заставой, на валу, есть подземный складъ, да какихъ купцовъ, право не вѣдаю.....

— Послушай, Семень Романычъ! Такъ мы съ нимъ толку не добьемся. Послать его лучше въ застѣнокъ: память у него пришибле, а встряхнуть разокъ на дыбѣ, все вспомнитъ.....

— Пожалуй!

— Не надо, не надо. И такъ все расскажу, что знаю....

— Ну.....

— Голый Хвостъ, Бануневъ и Яблочкины оба; у нихъ въ рядахъ въ лавкахъ нѣтъ, а продаемъ мы подъ-руной....

— Кто мы?

— Мелкіе торговцы.....

— Кто именно?....

— Да вотъ я.... Всѣхъ не перечесть.....

— Ну, хорошо, этихъ мы перечтемъ и послѣ. А твой ремень гдѣ?....

— Далече, подѣ Всесвятскимъ, у мызника.

— Много ли?

— Пудовъ шесть, не больше. Остатки отъ зеленой лавки: въ оптекарскій приказъ не взяли, куда же мнѣ дѣвать?

— Врешь.

— Вру..... виноватъ, не буду.....

— Ну, а гдѣ же ты его покупаешь?

— Бабушка, немногосердуй, не допытывайся, этакъ ты весь торгъ разоришь.....

— Не умничай, а рассказывай. Гдѣ ты покупаешь?

— Мешковщина есть! Въ Сибири одни помунуютъ, другіе въ Нижній привозятъ, а мы ужъ изъ Нижняго беремъ, да по городамъ и развозимъ.....

— Ну, эта статья кончена, сказалъ Лупоманъ. Тебѣ скажи наизъ, гдѣ воры и разбойники московскіе притонъ ищютъ?

— Да я развѣ верь какой!

— Воровской торговцы—тотъ же воръ, и ворамъ при-

держиваться долженъ; однимъ безъ другихъ быть нельзя; кто запретный товаръ умѣетъ сбывать, тотъ и краденому мѣсто примцетъ.....

— Вотъ, перебилъ Степанычъ: хотъ бы эти часы у кого ты укралъ?....

— Да не я укралъ.

— А кто же?

— Не знаю, а Горячая Лапа отдалъ мнѣ ихъ продать богатымъ людямъ, потому что онъ между дворянами не торгуется, а я всегда, дурень, съ ними лкшаюсь. Вотъ и попался!....

— А гдѣ же Горячая Лапа живетъ?

— Вотъ ужъ про это и повѣсите, ня слова не скажу. Этого онъ и самъ не знаетъ. Иной день на рынкѣ нечуетъ, чаще въ торговыхъ баняхъ, а иной разъ въ вольныхъ домахъ, гдѣ првлучится. А когда до него дѣло у кого есть, такъ у него на стѣнѣ у самой типографіи кружка свѣа есть; кому нужно его видѣть, приди и кинь туда серебряную дсягу, и ступай часу въ третьемъ ночи за Донской къ Климу на дворъ, гдѣ платье стряпаютъ, тамъ ужъ онъ и сидитъ. Тамъ у него воровская сходка.— А если ему надо товарищей собрать — такъ онъ всю Москву долженъ обѣгать и въ урочныхъ мѣстахъ, больше на рынкахъ, деревянные кресты навѣситъ; послѣ вечерень, всѣ до единого соберутся въ Лаковскія торговыя бани; будто парятъ, а ужъ о своемъ дѣлѣ переговоры неотмѣнно.

— Ну, а сегодня гдѣ у нихъ сходка?

— Какая сходка?....

— Послушай ты, Тараканъ, теиерь ужъ не веришь словъ своихъ, такъ лучше до-чиста рассказывай: скорѣе помилуемъ.....

— На васъ сходка чай уже была. Вчера еще новѣстля; да и не такъ, чтобъ и повѣстка нужна была. Огонь увидать, сами набѣгутъ.....

— Огонь! вскочивъ, сказалъ Степанычъ.....

— Видишь, милостивецъ, только не выдай меня: Горячая Лапа, отъ того и прозвище такое. Самъ-то онъ мнѣ ничего не сказалъ; мы съ нимъ не на воровской, а на торговой ногѣ; а встрѣлся мнѣ Зелайкинъ, самый страшный

изъ нихъ. Отъ него я свѣдалъ, что быть сегодня послѣ вечерень на этой улицѣ большой кутермѣ. Безъ огня, чему же быть?....

— Допросъ конченъ! сказалъ Лукомкинъ: Сергѣй, позови моихъ деньщиковъ.

— Чѣмъ меня помилуешь, батюшка кормилецъ!

— А вотъ увидишь! Возьмите-ка, ребята, этого молодца, да проводите въ полицейскую канцелярію, гдѣ сыскной приказъ былъ. Да потомъ кликните ко мнѣ сержанта Лукича. Ступай, Тараканъ! Не трусь! Тамъ только посидишь, а тебѣ ничего худаго не сдѣлаютъ. За твою правду помилуютъ; я ужъ на томъ настою. Вотъ я только сдѣлаю распорядокъ, сейчасъ самъ въ приказъ буду; повѣрь моему слову и не трусь; авось еще и награду выхлопочу, коли все безъ обману объявишь. Ну, ступайте, да путь держите такъ, будто каждый особнякомъ идетъ по своему дѣлу; съ встрѣчными не говорить, а привяжется кто, объяви: некогда, извини, за дѣломъ спѣшу!.... Ступайте!

— Дѣло не легкое! сказалъ Лукомкинъ: бѣда какъ подмѣтять; надо обману поддаться, да страшно пожару; тутъ мѣсто людное, строенье тѣсное, пол-Москвы можетъ охватить, а огнегасительныхъ машинъ не таскать же теперь днемъ: тогда не поймаетъ вора на дѣлѣ; только испугаешь. Про Таракановъ арестъ завтра свѣдаютъ; не безъ того, чтобы у Пахомыча своихъ людей въ приказѣ не было; изъ Москвы уйдутъ. Деньгу ему бросить, тоже опоздаешь, пол-Москвы выгорить. Будь, что будетъ, надо принять мѣры.....

Вскорѣ пришелъ и сержантъ Лукичъ, получилъ подробныя наставленія и отправился за командой. Лукомкинъ вошелъ въ приказъ и вернулся уже во время вечерень, когда по расчету его все было готово къ принятію вожделѣнныхъ гостей. Не успѣлъ онъ рассказать, какъ все расворяжено, по всему трактиру поднялась суматоха и бѣготня. Раздавались крики: «Огонь, пожаръ!... Лукомкинъ и Степаныхъчъ поспѣшили къ своимъ засадамъ; въ корридорѣ уже почувствовали сильный запахъ дыму; по счастію, у обонхъ вещей не много было, Сергѣй и конюхи проворно схватили свою рухлядь и съ Мелашей поспѣшили выйти

на улицу. Тутъ они увидѣли, что дымъ уже подымался густымъ столбомъ; огонь огромнымъ языкомъ выскакивалъ изъ середины строения, такъ что къ гашенію пожара и приступить было трудно. Народъ, всегдашній любитель подобныхъ зрѣлищъ, густою толпою тѣснился на улицѣ... По распоряженію, еще заранѣе сдѣланному, Машу посадили въ колымагу и повезли-было въ Кремль, но тогда такъ загрозила дорога, что невозможно было проѣхать, и не далѣе какъ шагахъ въ пятидесяти, колымага должна была остановиться. Маша съ ужасомъ глядѣла на картину, которая росла на ея глазахъ: въ нѣсколько мгновеній цѣля восторжествовало надъ сухимъ деревомъ, и освѣтило людской муравейникъ. Всѣ шесть московскихъ гарнизонныхъ полковниковъ присѣли съ своими командами. Топоры, вѣра, кошело, лопаты, крюки, багры, трубы, щиты, паруса, ломы, всѣ тогдашніе пожарные инструменты деслись въ огромномъ числѣ мимо колымаги. Губернаторъ, вице-губернаторъ, оберъ-полиціе-мейстеръ, стольникъ Кольчевъ, полковники гарнизона, всѣ проѣхали мимо Меланьи и очистили путь колымагѣ. Вдругъ послышались крики сзади и спереди; кто-то упалъ и съ козелъ, и съ запятокъ. «Раздайся!» закричалъ кто-то съ козелъ неизвѣстнымъ голосомъ, и колымага поѣхала, смотря по многолюдству, довольно быстро. Меланья лишилась чувствъ—и очнулась въ душной комнатѣ, и лохо освѣщенной ночникомъ или столикомъ на полу свѣтильникомъ.

— Гдѣ я? спросила она, съ трудомъ переводя дыханіе.....

— Не изволь беспокоиться.... Исторжена еси изъ когтей геенны.

По голосу она узнала Пахомыча и чувства снова оставили се.....

— Охъ, Мапа! сказалъ грубый голосъ: всегда я толковалъ тебѣ, что не доведетъ насъ до добра твое женское лакомство; вотъ тебѣ и добыча. Всѣхъ людей перетратили, а добыли дѣвку и пустую повозку. Чай и ту унесли вѣрные кони.

— Люди воротятся, Зелейкинъ, только повозку убрать

надо. А то такъ и набѣгутъ на нее; словно фонарь торчатъ.

— Ну, такъ ступай ты, Лана, и отъѣзжай куда по-дальше, а если можно проберись за городъ. Лошади важныя, продать можно.....

— Ужъ лучше ты, Зелейкинъ. Миѣ вотъ хочется съ любовишкой моею перемолвить.

— Нѣтъ, ужъ не на дурака попалъ! Я изъ засады не вылѣзу, того гляди наткнуся на сыщика; видѣлъ ты команда какая высънала, а съ дѣвкой и я толковать съумѣю.

Стукъ у дверей заставилъ смолкнуть обоихъ; но такъ какъ стукъ раздался по условію, то оба и бросились отворять двери.—Третій вскочилъ запыхавшись и съ трудомъ могъ вымолвить: «солдаты!»

— Гдѣ солдаты?

— За мной!....

— За чѣмъ же ты ихъ на бани навелъ?....

— А куда же миѣ было дѣваться. Я чайлъ, что васъ тутъ много, а солдатовъ-то всего трое съ офицеромъ; прочіе на пожарѣ.

— Трое! закричалъ Зелейкинъ и схватилъ за горло Пахомыча: Стрѣлка, распутай кушакъ!....

— Чтò ты хочешь дѣлать?

— Повѣсить Лапу! Мы пробьемся, а его, труса, захватятъ. Всѣхъ выдасть. Слышь, идуть! поясъ!...

Пахомычъ только мычалъ и моталъ руками, но не могъ вырваться изъ дюжихъ лапъ Зелейкина.—Страшный замыселъ Зелейкина исполнился сугубо. Ножъ и веревка.... двойною смертью погибъ Пахомычъ, но и убійцы не ушли отъ казни; Зелейкинъ задулъ ночникъ. Мелашья сподзла съ прилавка и спряталась. Напрасно Зелейкинъ шарилъ и искалъ еще одной жертвы, которая, не хуже Пахомыча, могла обличить его; Мелашья нигдѣ не было. Шаря въ потьмахъ, Зелейкинъ не могъ видѣть, что люкъ, который открывался для спуска воды, когда чистили баню, былъ открытъ, оступился, и упалъ въ яму; правда, онъ удержался на рукахъ, но вылѣзть никакъ не могъ... Стрѣлка, Стрѣлка! закричалъ онъ и этотъ крикъ погубилъ

его въ-доставь. Отъ сильнаго удару двери соскочили съ петель и фонари освѣтили страшную картину злодѣйства. Зелейкинъ и Стрѣлка были схвачены, и связаны въ одно мгновеніе. Но каково было изумленіе Лукомкина, когда изъ-подъ прилавка выползла испачканная, блѣдная женщина и когда въ этой женщинѣ онъ узналъ жену свою!

— Ты какъ попалъ сюда? закричалъ онъ: ты не въ Кремль? Значить..... Но гдѣ же Пахомычъ?....

Меланья отвернулась и указала въ ту сторону, гдѣ болтался Пахомычъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

долги.

Пожаръ продолжался. Присутствіе начальниковъ, отличное дѣйствіе гарнизона, тихая погода, все это помогало унимать пламя, которое видимо смиралось. Оно какъ будто удовольствовалося постояльимъ дворомъ и не обидѣло ни одного сосѣда. Степанычъ, отправивъ въ колымагѣ сестру, сталъ совершенно покоенъ и бросился помогать сосѣдямъ, которыхъ онъ вовсе не зналъ и не намѣренъ былъ съ ними знакомиться. Бѣгая по нумерамъ, онъ замѣтилъ, что всѣ уже пусты; можетъ-быть, вещи были обречены на жертву, но люди успѣли убраться. Въ самомъ только отдаленномъ покоѣ, откуда дымъ валилъ облаками, слышался глухой стонъ, и хрипѣніе; не думая о себѣ, онъ вбѣжалъ въ комнату и сквозь дымъ, выѣдавшій глаза, замѣтилъ человѣческое тѣло, которое издавало предсмертные звуки. Степанычъ бросился, схватилъ умирающаго и не безъ труда вытащилъ, не на улицу, а на дворъ, тяжелое бремя. Тутъ, въ суматохѣ, онъ примѣтилъ, что дѣйствіемъ гарнизона, высокая деревянная стѣна отдѣлявшая постояльій дворъ отъ чужаго огорода, — сломана, и собравъ всѣ силы, онъ понесъ свое бремя прямо на чужой территоріумъ. Оглянувшись, онъ примѣтилъ скамейку и положилъ на него бездушное тѣло. Тутъ только увидѣлъ онъ, что ноша его была молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-двухъ трехъ не больше; онъ былъ, какъ говорится, въ бѣльѣ. Ноги у него были обмотаны суконками и

перевязками.—Хотя погода стояла тихая, но не забудьте, что въ исходѣ сентября, ночью, въ Москвѣ, не такъ-то бываетъ тепло—и Степанычъ бросился искать, чѣмъ бы на первый случай хотя прикрыть больного. Увидавъ, что въ концѣ этого огорода стоитъ довольно опрятный домикъ съ стекольчатымъ крыльцомъ, Степанычъ безъ церемоніи вбѣжалъ на лѣстницу и попалъ въ довольно большую компанію. На крыльцѣ сидѣлъ старикъ лѣтъ шестидесяти, но свѣжій и бодрый, въ стеганомъ халатѣ и визаномъ кошака, и курилъ трубку; возлѣ, на скамьяхъ придвинутыхъ къ стѣнамъ дома, рядомъ сидѣло нѣсколько женщинъ. Степанычъ замѣтилъ, что старикъ былъ въ сильномъ негодованіи; одушевленная бесѣда была прервана неожиданнымъ появленіемъ Степаныча.

— Зачѣмъ сюда! закричалъ старикъ: не входи на лѣстницу, нето мы тебя кочергами и всякимъ дреколѣмъ.....

И въ самомъ дѣлѣ, въ правой рукѣ у старика показалась кочерга; дамы также приподняли какое-то домашнее оружіе, котораго Степанычъ не заблагоразсудилъ разсматривать.

— За что? спросилъ Степанычъ.

— За то, что мѣсто наше свято! Огонь во власти Божіей, да у меня крыша желѣзная, и домъ кирпичный. Вотъ развѣ на крыльцо головня упадетъ; отстоимъ..... Такъ огня не боюсь, да и ночныхъ гостей также. Отойди! Ступай, откуда пришелъ!

— Дивно, что при такомъ огнѣ не изволишь расловнать, кто воръ, а кто честной человѣкъ; кто дворянинъ, а кто изъ подлыхъ.....

— Дворянству твоему честь, да насъ не тревожь, изволь отваливать.....

— Не для себя пришелъ я, честной господинъ! Товарищъ у меня больной; я его изъ пожара вынесъ; если и не задохся, такъ замерзнетъ; нѣтъ ли у тебя одѣяла какого?....

— Мало ли чего нѣтъ, да себѣ нужно. Поди, потомъ същещь!

— Да я твоей милости пять рублей закладу оставлю, да за прокатъ, пожалуй, себѣ рубль вычти.....

— Тодковый! Вотъ такъ бы съ-разу и сказалъ. Давай деньги.....

— Вотъ твои деньги.....

— Постой, постой, на лѣстницу не изволь ходить, положи деньги вонъ на ту половицу. Вотъ такъ. Груша, принеси свое одѣяло.

— Да у меня, батюшка, не совсѣмъ дѣло....

— Лишь бы тепло. Ступай, Груша, а нето дворяннѣ замерзнуть. Надо быть челоѣколюбцемъ. И то сказать, погорѣлый. Экая притча, право! Такъ нынче стада часты пожары, что не приведи Боже. Зажигальщики по уложенью не казнятъ, берутъ въ каторгу, они себѣ и тѣшатся.

— Зато же сегодня и наловятъ злодѣевъ, что рыба въ добрый ловъ.

— Ой ли? Что ты, батюшка, говоришь....

— Да, ужъ мой зять не промахъ. На этомъ промыслѣ добылъ себѣ многу ю честь и славу....

— Вотъ тебѣ разъ, говоришь: дворяннѣ, а у зятя у твоего такой дурной промыселъ.

— Какой промыселъ? Зять мой сыщикъ Карамзина полка, лейтенантъ Лукомкинъ....

— Лукомкинъ! Батюшки свѣты! Опомнясь, такъ, зашелъ въ приказъ по привычкѣ, сталъ куранты питербургскіе прочитывать; чудеса про Лукомкина отпечатаны.... Мавруша, поди принеси перину. Не возьми во гнѣвъ, честной господи, все всего вижу, что ошезнался....

Старикъ проторно пригнулся, будто кланяясь, подобралъ рубли, да въ карманъ въ исподнее платье и упряталъ.

— А гдѣ же твой больной?....

— У тебя въ саду....

— У меня въ саду?.... Да какъ же вы пробрались?....

— Дорога гладкая.... Заборъ сломавъ....

— Заборъ сломавъ! закричалъ старикъ и уронилъ трубку: Заплатятъ! И за трубку заплатятъ! Не на таковскаго цапади! Кто сломалъ? Кто смѣлъ сломать?

— Оберъ полицмейстеръ приказалъ....

Это замѣчаніе охладило нѣсколько гнѣвъ старика.

— Всѣ-равно! сказалъ онъ: казна богата! Да вы-то какъ смѣли въ чужой дворъ вносить заразу?....

— Какую заразу?

— Больной — и кончено. Я почему знаю какая у него болѣзнь!....

— По всему думаю, у него ноги отнялись. Да впрочемъ какъ изволишь, давай мои деньги; я моего больного дальше понесу.

— Да отчего же ему и въ моемъ саду не лежать! сказалъ старикъ, опомнясь: Вотъ одѣяло, вотъ и перина, за тѣ же деньги....

— То-то же, старикъ. Изъ драни сталъ торговаться. А помогъ бы, я не пятью рублями наградишь бы твое усердіе....

— Ночное время, честной господинъ, тати, пожаръ, сумнительство и разоренье. Одурѣешь; вотъ какъ я теперь въ толкъ взялъ, да смѣкнулъ, такъ самъ бѣгу на помощь ближнему....

И старикъ дѣйствительно послѣдовалъ за Степанычемъ. Воздухъ ли, или натура спасли больного; онъ уже открылъ глаза и вдыхалъ въ себя чистый, свѣжій воздухъ. Увидавъ Степаныча, который покрывалъ его теплымъ одѣяломъ, молодой человекъ спросилъ тихо:

— Что такое? Гдѣ я? Кто меня спасъ? Гдѣ этотъ разбойникъ?

— Какой разбойникъ?....

— Слуга Прохоръ....

— Чей слуга?

— Трактирный!— Приѣхалъ я въ субботу; дорогою у меня ноги испортились; послалъ я Прохора за лекаремъ; онъ мнѣ привелъ аптекаря; тотъ окрутилъ мои поги травой и водой какой-то; хуже стало; совсѣмъ отнялись. Лежу сегодня; стали къ вечеру звонить; Прохоръ и пришелъ. Ну, что слышно?—«Все, слава Богу, хорошо слышно, говорить. Сейчасъ пожаръ будетъ. Уже подожгли огонь. Тебѣ теперь денегъ не надо, ты себѣ сгоришь; такъ я ихъ возьму, прощай!» И ухвативъ изъ-подъ подушки кошель, ушелъ, я и крикнуть не успѣлъ, дымъ такъ и повалилъ

изъ сосѣдней компанты; тамъ никто не стоялъ; тамъ-то они и пожаръ затѣли....

— А много было денегъ? съ живостью спросилъ старикъ.

— Какія тамъ деньги; не даль же какая; и ста версть вѣтъ. Взялъ съ собою сущую дрянъ, сотни три съ небольшимъ, пока назначать на службу; а тогда мамсенька пришьетъ, куда укажу. Чтò деньги—плѣвое дѣло, да ноги....

— Деньги—дрянъ!! Деньги плѣвое дѣло!!! Да чтò у тебя—серебро въ землѣ, чтò ли?.... вскричалъ старикъ.

— И то сказать, продолжалъ молодой человекъ: совѣстно. Въ прошлый смотръ Степанъ Яковлевичъ отпустилъ меня за глазами, болѣли сильно; а въ этотъ смотръ—опять недугъ. Еще пожалуй, подумаетъ....

— Стольникъ Кольчевъ, чтò ли?

— Да!

— Не бойся! Ничего не подумаетъ. Миѣ онъ повѣрить....

— А ты кто?

— Такой же, какъ и ты, дворянинъ и помѣщикъ, и за тѣмъ же въ Москвѣ. Только я уже на службѣ, въ драгунахъ. Не успѣлъ себѣ пошить формы, а уже служу. И ты не печалься! Выздоровѣешь, только не лечись. Объ деньгахъ не думай, пока изъ дому пришлютъ, у меня бери; все это трынъ-трава....

— Деньги трынъ-трава!! опять воскликнулъ старикъ.

— А вотъ чтò не ловко. У меня теперь не малая семья, ты, да сестра, да зять. Гдѣ теперь по ночи пристанище отыскать?

— Богатые люди, а о пристанищѣ думаютъ, сказалъ старикъ. А мой-то домъ на чтò? Велика у меня семья, не мала и свѣтелка на верху; пока помѣстимся.

— А чтò возьмешь, только до завтра?....

— Богатые люди, а торгуются! Видно, что деньги не плѣвое дѣло, не дрянъ, не трынъ-трава.

— Видишь, съ инымъ и безъ торгу поладишь, а другой и для умирающаго рванаго одѣяла безъ пяти рублей не дастъ.

— Простите великодушно. То была притча, случай, тати, пожаръ, сумнительство, зазоръ, подозрѣние....

— Полно, полно! Помоги мнѣ лучше товарища на одѣлѣ въ покон перенести.

Старикъ съ охотою исполнилъ приказаніе. Больнаго уложили на хозяйской постелѣ и оставивъ одного, чтобы дать ему покой, сами вышли на крыльцо, гдѣ весь женскій гарнизонъ, въ полномъ вооруженіи, будто изваянный, не трогался съ мѣста.

— Вотъ, дорогій постоялецъ, имя, отчества не имѣю счастья вѣдать — такъ началъ старикъ указывая на бабій regimentъ: вотъ моя семейка съ дѣти и домочадцы.... Вотъ старуха Лукерья Пахомычна, матушка моя: старый грѣбъ да здоровый, отъ-роду считаетъ столѣтній вѣкъ, а чай обочлась, полтора есть. Вотъ супружница моя, сегомѣ третья, Анфиза Карловна, изъ Нѣмокъ; тѣ двѣ первыя были изъ Русскихъ, да и эта не хуже; только бить себя не даетъ, а подъ случай, сама дерется.... Вотъ дочка моя старшая, замужня, то есть, вдовица горькая, Анна: мужа се, молодаго приказнаго, въ солдаты взяли, подъ Нарвой подстрѣлили; до сей поры не могу ее вторичнымъ бракосочетаніемъ утѣшить. Она сама себя кое-какъ утѣшаетъ; имѣетъ много гражданской мудрости и домъ въ Кожевникахъ; въ наймы отдаетъ, а у меня на хлѣбахъ живетъ. Вотъ это номеръ третій, а втораго нѣтъ. Исключенъ изъ списка смертныхъ: Богомъ принята покойница въ горнія селенія по шестнадцатому году; стосковалась по невѣдомымъ резонамъ, а было доброе, бережливое дитя; сарафанъ, что я ей пошилъ, три года проносила; еще бы три года обходилась, да умерла, и сарафанъ оставила сестрамъ въ наслѣдство. А третій номеръ, Нимфодора, замужемъ была за нѣмецкимъ человѣкомъ, большимъ мастеромъ денежнаго дѣла; да по злобѣ и клеветѣ подъ извѣтъ попалъ; и не умеръ, а вдовой жену оставилъ; оправдится.... Тутъ уже хотя бы и показывать свое добро не приходилось, да отцу ли утерпѣть? Дѣвки идутъ, вотъ Мавруша, подростокъ, Глафира, почитай невѣста, и дѣти малолѣтніе, Груша и Соня.... А вотъ, честной постоялецъ, боковыхъ линий женскій полъ: свекровь, золовки, невѣстки и другіе чины.... Наградилъ меня Богъ семьей не по состоянью,

такъ не диво, что иной разъ объ деньгахъ скаредное слово скажешь. Самъ досадуешь, да сорвалось....

Пожаръ въ это время достигъ всей красоты своей; постоялый дворъ, охваченный со всѣхъ сторонъ пламенными потоками, представлялъ изъ себя одну цѣльную массу огня. При такомъ освѣщеніи Степанычъ могъ свободно разсматривать семейство старика и высмотрѣлъ, что Глафира «почти невѣста» и Мавра «подростокъ» были уже зрѣлыми дѣвами; но зато дѣти, Соня, и особенно Груша, были, что называется, на самой порѣ, во всей прелести дѣвственной весны....

Грушѣ было лѣтъ семнадцать, не больше, но ростомъ она превосходила даже вдовицу Пимфодору. Одѣтая въ ситцевое нѣмецкаго покроя платье, весьма узкое, по неизвѣстнымъ причинамъ, она не могла скрыть роскоши своихъ развивающихся формъ и казалась въ толпѣ этихъ женщинъ царицей въ цѣпяхъ. Лицо ея не совсѣмъ согласовалось съ прелестью формъ: глаза у нея были сѣрые, и довольно злобнаго выраженія; улыбка обѣщала однако же кротость и терпѣливую покорность; изрѣдка только мелькали въ чертахъ ея признаки коварства, но кто замѣчаетъ ихъ въ чертахъ семнадцатилѣтней красавицы? Красавицы, говорю я положительно, потому что сѣрые глаза были и есть у самыхъ первостатейныхъ историческихъ красавицъ и въ изысканіе не поставляются. Груша съ перваго взгляду замѣтила, какое она сдѣлала на Степаныча впечатлѣніе, и надулась. Это придало ей большой интересъ и Степанычъ; тотчасъ послѣ окончанія рекомендаціи, спросилъ у нея, о чемъ она такъ надулась....

— Ничего. Такъ-себѣ. Не ваше дѣло, отвѣчала она.

— Отчего же не мое, Аграфена,... какъ величать слѣдуетъ.....

— Киряловной.....

— Такъ отъ чего же не мое, Аграфена Киряловна?....

— А отъ того, что не ваше.....

— Видно, жаль тѣхъ, что горять.

— А я ихъ почему знаю.....

— Хоть и чужіе, да всѣ ближніе.....

— Содомъ горить, туда ему и дорога.....

— Какъ Содомъ?....

— Кабакъ, кружало! Когда ни пойдешь по саду гулять, тамъ всегда плясъ, да шумъ, да непристойныя пѣсни....

— А почему же знаете, что тамъ плясъ?.....

— Черезъ щелку видѣла.....

— А зачѣмъ же вы смотрѣли?....

— Да куда же мнѣ глаза спрятать..... Не одна я смотрѣла.....

— Рѣзвый ребенокъ! перебилъ старикъ, объясъ, чтобы дитя не рассказало чего не дѣтскаго: не усмотришь, да еще въ лѣтнее время. И то сказать, вотъ у насъ, ченька, всё стараго порядку люди! нѣмецкаго обычая не любятъ; ужъ и за то сѣрдятся, что по-нѣмецки одѣваю. Ну, скажи самъ, честной господинъ, какое надо имѣть состояніе, чтобы въ старое платье рядить цѣлый полкъ! Безъ золотого позумента, безъ аксамиту, по малой мѣрѣ безъ обьяри, что за сарафанъ?! Безъ жемчугу на повязкѣ въ церковь пойти нельзя. Кисей на рукава цѣлую лавку надо: такъ какъ же ихъ въ старой кожѣ держать? А ужъ въ нѣмецкомъ платьи надо бы по-нѣмецки и жить; да ба, загрызутъ! Отъ того и никакого обхожденія не имѣютъ. Такъ ты уже, честной господинъ, за глупость съ нихъ не взыскивай; не отъ рожденія глупы, а отъ стараго обычая.....

— Будеть тебѣ обычай, сказала дряхлая золовка: погляди, какъ ты Соню и Груню удержишь.....

— Въ убыткахъ не буду..... Да не о томъ рѣчь: надо для господина помѣщика нижнее жилье опростать. Подымайтесь-ка. Эй, Мавра, Нимфодора, Глафира, уберите, что по-нужнѣе, да въ свѣтлицу наверхъ отнесите. Господа у насъ ночевать будутъ.....

— Пускай тѣло въ теремъ, домъ пстятъ..... опять прокаркала золовка.

— Въ убыткахъ не будемъ.....

— Пожаръ унимается, хозяйнѣ! Прибереги много больнаго, а я пойду своихъ некатъ; чай по Москвѣ едутся безъ пристанища.....

— Будь покоенъ, честной господинъ: какъ за роднымъ сыномъ смотрѣть будемъ.

Первая встрѣча на улицѣ—былъ Сергѣй.....

— Нашли, закричалъ онъ, увидя Степаныча: нашли, отняли, воровъ захватили!!...

— Кого нашли? Кого отняли?

— Меланью Степановну! Въ Лаковскія бани тати проклятые завезли, да Богъ помиловалъ.

И Сергѣй разсказалъ, какъ Зелейкинъ столкнулъ его съ запятокъ, а Пахомычъ съ другимъ товарищемъ конюха съ повелъ; какъ онъ былъ ушибенъ неизвѣстнымъ оружіемъ до безпамятства. Другіе конюхи отстали и потеряли колымагу, такъ что неизвѣстно гдѣ они теперь съ повозками и лошадьми, и гдѣ теперь колымага, потому что Меланья Степановна съ Семеномъ Романычемъ изъ банъ гѣшкомъ пришли, остановились въ монастырѣ, а его встрѣли и послали за Степанычемъ..... Степанычъ не шелъ, а бѣжалъ, какъ услышалъ, гдѣ его дорогіе; по дорогѣ Сергѣй досказывалъ что видѣлъ и слышалъ, но эти разсказы столь же мало были интересны для Степаныча, какъ и для васъ, высокопочтенный читатель. Гораздо пріятнѣе для него было узнать отъ Семена Романыча, какою страшною смертью казнило небо Пахомыча. Будто камень упалъ у него съ сердца; невольно взглянулъ онъ на небо, и благодарная мысль его пронеслась между звѣздъ быстрѣе молніи къ неведомому престолу. Меланьѣ нельзя было оставаться въ монастырѣ, потому что здѣсь было назначено сборное мѣсто для всѣхъ сыскныхъ командъ, подъ начальствомъ Лукомкина, тушившихъ не пожаръ, а воровство. Лукомкинъ не могъ оставить поста; болѣе сорока татей уже сидѣло на монастырскомъ дворѣ; передъ ними лежалъ трупъ Пахомыча. Благо ему, что онъ не могъ уже слышать проклятій, которыми осыпали его товарищи! Одинъ только Зелейкинъ сидѣлъ покойно и насвистывалъ пѣсню удалую. Вся эта картина не могла быть пріятна для женскихъ глазъ, а рѣчи — назидательны для слуха Меланьи, и потому Степанычъ посидѣвши съ сестрой и Сергѣемъ на новую квартиру. Не добрались бы они до старикова дому, если бы Сергѣй не выманилъ у солдатъ фонаря. Пожаръ смирился, пламя улеглось, только дымило, а безъ запаснаго освѣщенія въ Москвѣ того времени по ночамъ была тьма

крестьянская. Даже въ Кремль горѣлъ только одинъ фонарь у крыльца полиціймейстерской канцелярш. Фонари освѣтили Москву уже въ царствованіе Анны Іоанновны. Помѣстивъ и успокоивъ сестру, Степанъчъ навѣдался къ больному; тотъ сналъ сладить съ сномъ; нечего было дѣлать больше такою позднюю пору и Степанъчъ улегся спать въ большой вѣкъ у дверей, которая вели въ комнату Маланн.....

— Хорошо! сказалъ Сергѣй, выходя въ садъ съ фонаремъ: а я-то куда дѣнусь.....

— Неслушай, пріятель, ты зачѣмъ тутъ съ огнемъ ходишь? сказалъ старикъ, схвативъ его за руку.....

— Иду иѣста гдѣ бы прілетѣть, хозяинъ.....

— Пойдемъ въ домовую баню, пріятель! Тамъ по указу все лѣто не топили. Жарко не будетъ, а мнѣ теперь и самому во всемъ домѣ иѣста нѣтъ.....

— Хоть въ конюшню; и такъ отъ ушибу голова трещитъ. Чѣмъ это онъ меня хватилъ. Хорошо еще, что душу не вышибъ.....

— Кто это?

— Да разбойникъ на ножарѣ.....

— Ахъ, расскажи, пожалуй, смерть люблю сказки.....

— Хороши сказки.....

И оба улеглись въ банѣ на прилавкахъ, подложивъ подъ головы сухіе вѣшники. Хозяинъ разспрашивалъ, но Сергѣй отвѣчалъ лѣнливо, безпрестанно засыпая; наконецъ заснулъ на вѣшникъ и на всѣ вопросы старика отвѣчалъ храпѣніемъ.

Ни свѣтъ, ни заря старикъ уже поднялся и вышелъ въ садъ, обошелъ всѣ закоулки своего небольшого двора и отправился на слѣдствіе, какой убытокъ учинило ему градское начальство. Заборъ, правда, былъ сломанъ саженьхъ на десяти, доски немногія расколоты, нѣсколько молодыхъ деревъ и съ полгряды капусты потоптаны; но весь убытокъ, вѣроятно, не превышалъ пяти рублей. Старикъ не могъ не изъявить особеннаго удовольствія и расхохотался. Обративъ вниманіе на печелище постоялаго двора, старикъ замѣтилъ, что на улицѣ стоятъ колымага, люди и лошади; при нихъ торчалъ объѣздный и ходя взадъ и впередъ грѣлся.....

— Кудимычъ! кликнулъ старикъ: чѣ ты тутъ дѣлаешь?

Т. LXIV. — Отд. I.

— Ахъ, батюшка, Кирилло Алексеевичъ, служба нынче плохая, на дослоскихъ на оубѣйшъ неслѣдствѣхъ; самъ за всѣмъ присматривай....

— А-га! Не то, что за насъ!

— Куда! За насъ съ приказомъ у насъ вседа миръ стоялъ; по всей Москвѣ говорили, что какаѣ-то люди Соколь-де подъячій Кирилло Алексеевичъ Челушничъ, такъ просто на диво...

— То-то же.... А нынче?

— Что нынче! Еще какъ стояло бурмистерское управленіе — туда-сюда: съ кушанья можно было залты! И то сдѣзять, пробудеть годы бурмистеромъ, къ намъ же нѣтъ начало попадетъ, такъ и побивается, ивобатъ него нѣтъ насъ не обидѣть; ну, а товарище такой знатный чинъ; кроме царя никого не боится. Караульничъ разсыльничкомъ, преле не такъ гоняютъ какъ насъ. Вотъ тутъ въара дворяничъ какой-то стоялъ; съ номеру лошадей съ колымагой убѣжали. Чего конюхи смотрѣли! По-нашему и колымагу и лошадей взять въ приказъ и помпнай какъ звалъ; умеръ бы, не доказалъ, что его; а теперь холемъничъ пошарили; они признали лошадей и колымагу; розорять: Ивана Степаньича Костылькова..... Отвести колымагу и лошадей и сдать на руки Костылькову.... Да его уже такъ нѣтъ; дворъ сторѣтъ... Все-таки, не гдѣ шдѣ, а у того двора Иванъ Степаньичъ отправиться будетъ....

— А знаешь ли, Кудыничъ, гдѣ эта знатная деревня жительство имѣетъ?

— А мнѣ какъ знать!...

— У меня, Кудыничъ, у меня! На досда шдѣръ бѣжитъ...

— Такъ пусть же беретъ свое добро....

— Э, братъ! Какъ я буду въ стаку такого знатнаго рече-дина!

— Да что онъ за знатный такой? Бодатъ.

— Э, братъ, государь великій шдѣла Петръ Петровичъ тоже солдатъ. Служба — роду не помѣла; шдѣтъ будеть шдѣ раломъ, а ужъ вы съ тобой, Кудыничъ, и въ табель о ра-гахъ не попадемъ. — А это нововини чдѣ!

— Тоже его.

Старикъ почесался.

— Тѣсно вато, сказали онъ подумавши: да знаешь что, Кудимычъ! У тебя всей семьи ты, да жена! Возьми-ка на время къ себѣ мать мою, да двѣ пары дочекъ.

— А что?

— Прочую роденьку по домамъ разгону. Полно имъ гостить. Заживаются. Пора имъ убираться; а у кого своего дома нѣтъ, пускай къ роднымъ шествуютъ. А я себѣ останусь съ женой, да съ дочками, что еще дѣти. Малышей безъ матери на чужіе руки отдавать не пристойно. Тѣхъ прочихъ ты на харчи возьми, а на чемъ условимся, заплачу, а домъ со всѣми службами отдамъ господамъ. Не долго на Москвѣ пробудеть, а я деньгу зашибу.

— А самъ-то гдѣ жить будешь?

— Въ банѣ, Кудимычъ; и сегодня тамъ ночеваль. Удобно.

— Экой разумъ, подумаешь! Изъ лыка домъ постройтъ. Ну, быть по-твоему. А что за безчестье?

— Да ужъ, Кудимычъ, воронъ ворону глаза не выключить. Сосчитаемся.

— Благо. Такъ присылай своихъ.

— Я ихъ такъ пошлю, будто за дѣломъ, а ты уже имъ указъ мой объяви. И указъ строгій, подъ пристрастіемъ штрафа. Я имѣю на то резоны... Да постой-ка, изволь у меня въ огородъ освидѣтельствовать, какой моему достоинію отъ пожарнаго случая ущербъ учинился, и разореніе стало не отъ огня, а отъ команднаго поведенія и огнегасительнаго производства. Я тебѣ столбцы пришлю готовые, а ты только руку приложи.

— Нѣтъ, Кирилло Александровичъ, не примуть!

— Какъ не примуть?

— Подавай на клейменной бумагѣ. Нынче скоро и наши объѣздныя доношенія прикажутъ на клейменной подавать.

— Что жъ? И для казны, и для частныхъ людей изрядный доходецъ.

— А для людей-то какой доходъ? Одно разореніе; для приказныхъ — сущее зло. Бывало, отколетъ челобитную не то, что столбца три, четыре, а книгу цѣлую, а теперь на клейменной бумагѣ больно не распишешься: дорого обойдется.

— Конечно....

— Такъ какой же доходецъ для людей?...

— Конечно, конечно.... Я обмолвился, а для казны большой доходъ. Вотъ я схожу въ ряды; искупию бумагу и машишу; ты только подмахни....

— Въ ряды! Нѣтъ, братъ, и не достанешь. Прежде, правда, подъ-рукой продавали, да еще противъ казенной въ пол-цѣны; а нынче и купца и продавца ошельмуютъ. Ступай къ бурмистерамъ; окромѣ бурмистеровъ ни у кого бумаги нѣтъ; и сколько листовъ возьмешь, столько и въ книгѣ роспишисъ.... Плохія времена! Ни гдѣ поживы!

— Конечно, конечно! Ну, такъ прощай. Кольмагу и повозки и людей, и все что ни есть, на мой дворъ тащи, а я пойду ворота отопру.

Возвращаясь, Чевушкинъ увидѣлъ, что Иванъ Степанычъ стоялъ уже на крыльцѣ и какъ-будто кого поджидалъ.

— Ну, спасибо, хозяинъ, за ночлегъ, сказалъ онъ: жестка была моя верина, половица холодная, да соснулось послѣ трудовъ сладко. Спасибо! Сестра еще спитъ, больной тоже; бѣдный Сергѣй, дай Богъ ему здорово встать; а конюхи мои, а лошади, а повозки!...

— Все цѣло и все на моемъ дворѣ будетъ. Наслу отвскалъ. Всю Москву объѣгалъ, по всѣмъ переулкамъ кричалъ, не видалъ ли кто добра твоей милости; ужъ на возвратномъ пути, у пожарища нашелъ: объѣздный привелъ; не прикажешь ли объѣздному что пожаловать за труды?...

— И не слѣдуетъ: онъ свое дѣло дѣлалъ; да можешь дать ему полтину. А гдѣ они?

Радостно встрѣтилъ Степанычъ своихъ людей; недоставало кольмажного ямщика, котораго на пожарѣ съ козелъ столкнули....

— Видно, ушибли больно, подумалъ онъ и приказалъ сдѣлать своего любимца, Орлика. Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія, Степанычъ уѣхалъ къ Фендриху на ученье. Чевушкинъ, размѣщая лошадей и повозки въ разныхъ зданіяхъ своего двора, непреминулъ распросить людей порядкомъ и получивъ всѣ дополнительныя свѣдѣнія, которыхъ вчера не могъ добиться у соннаго Сергѣя, отпра-

вился въ большую избу, вынулъ половицу и досталъ изъ-подъ полу десть клейменной бумаги. Отобравъ два листа подъ среднимъ гербомъ, Чевушкинъ усѣлся у окна и душкомъ исписалъ четыре столбца, въ которыхъ съ подробностію поименовалъ всѣ убытки, повнесенные имъ отъ пожараго случая. Кончивъ, Чевушкинъ раза два перечиталъ выемку или осмотръ объѣзднаго, и сталъ писать челобитную. Въ это самое время вошелъ Лукомкинъ.

— Здѣсь остановился Иванъ Степаньичъ?

— Совершенно здѣсь и нигдѣ нидѣ.

— А гдѣ же моя жена?

— Почивать изволить....

— А зять?

— Уѣхали на муштры къ Лафертовскому, къ сендриху Кусточкину: сегодня будутъ въ конской службѣ упражняться. Обѣщали скоро вернуться....

— Экой онъ! Степанъ Яковлевичъ спрашивать его изволить.

— Не послать ли верховаго?...

— Авось скоро вернется....

— Ты здѣсь! раздался голосъ Малаши, и Лукомкинъ пошелъ къ женѣ....

— Степанъ Яковлевичъ спрашиваетъ, бормоталъ Чевушкинъ, продолжая писать:—А можетъ онъ и съ губернаторомъ знакомъ, не дай Боже.... Хорошо бы, чтобы и этотъ новый большой чинъ ничего не провѣдалъ.... А важное челобитье... Пусть разберуть. О чемъ челомъ бьетъ? Прочестъ нельзя. Да за чѣмъ читать? Изъ выемки явствуетъ. То объѣзднаго писарь писалъ, такъ и четко, а челобитную я самъ, калѣка, старецъ шести десятковъ, такъ гдѣ уже мнѣ бойко строчить!.. А бумагу гдѣ взялъ? Отъ старыхъ дѣлъ осталась, оттого и пожелкла, оттого и клеймо на ней старое.... А принимать указаю до перваго марта... Охъ! Какъ бы Богъ благословилъ сбыть остатки!..

Въ такихъ и подобныхъ размышленіяхъ Чевушкинъ дописалъ челобитную и отправился наверхъ, въ свѣтлицу, гдѣ покоемъ покоился бабій легионъ.

— Вставай, моя команда! сказалъ онъ тихо: дѣла много! Слушать и слушаться! Матушкинъ мой, кунно съ доче-

рѣши Анной, Ницефодорой, Мареей и Глафирой идти на-
дня къ Пелагеѣ Сильвановнѣ, и писаніе это вручить Куд-
мичу, чтобы подписью справилъ и съ разсылщицкѣю
сюда прислалъ. А что вамъ дѣлать, онъ объявить. Дѣло
важное; не мѣшчайте. Отъ вашей мѣшкоты мнѣ и вамъ
ущербъ учинится!

Старикъ, видно, приучилъ дожодадцевъ къ повинованію.
Старуха и за нею четыре дородныя внучки проворно ушли
съ бумагой.

— Ну, сказалъ Чевушкинъ, теперь ваша очередь! По вѣ-
конимъ резонамъ, крайне важнымъ, не могу, окромѣ родной
фамиліи, никого у себя держать на харчахъ и постоя; поне-
же указомъ начальства ко мнѣ и воинская и гражданская
команда на цѣлый мѣсяцъ поставлена; а что вы внесли,
любезные родичи, въ казначейство мое наличностию, въ
харчи и постоя впередъ, то частію платю означенную въ
отстояли и откушали, а что остается, то будетъ зачтено
вамъ, когда, по минованіи казенной нужды, въ домъ мой
вернетесь. Сегодня немедля собирайтесь въ путь и очи-
стите пристанище царскимъ людямъ....

— Ты намъ деньги подай, такъ мы еще спасибо ска-
жемъ, что развязались съ такимъ скаредомъ; полмѣсяца
прійдетъ, онъ и просить съ насъ деньги за другой мѣ-
сяцъ; а не заплатишь, ѣсть не дастъ; тѣмъ и держатъ насъ
у себя противъ воли.... Такъ подай деньги....

— Деньги?—Я у себя денегъ на дому не держу; воору-
ской и пожарной опасности ради. Деньги въ чистыхъ ру-
кахъ; радъ бы, да никто не въ терминъ не отдастъ. Да что,
развѣ ваша денга пропадала? отъѣдите и отстояте ея....

— Подавайся ты, скаредъ поганый! сказала воловка; и
послѣ небольшихъ преній, родственницы, захвативъ узду-
ки, разбрелись. Каждая, на прощанье, оставила хоблану
грубое словечко, но широлубивый Чевушкинъ только от-
кланивался.

— Ну! разнесла ихъ нелегка! Ну, теперь ты, Анна-
ва Карловна, и вы дѣтки мои, малолѣтки, собирайте всю
мягкую рухлядь отсюда и несите въ баню....

Тутъ ужъ никакого прекословія не было. Въ полчаса
фамилія означенная перебрала въ баню; и вносимыя

столъ съ шаридомъ пошѣтилъ въ переднюю..... Сергѣй, обезпокоенный переѣздомъ гостей, долженъ былъ съ ужасною головою болью такъ перескочить на стеновалъ, гдѣ впрочемъ стѣна не была. Когда Степановичъ возвратился отъ Федрика, его встрѣтили на крыльцѣ Лудомкинъ съ женою и Чевушкинъ. Узнавъ о приглашеніи Кольчухина, Степановичъ изъявилъ досаду.

— Ты-оу ты, какъ не кстати! сказалъ онъ: хотѣлъ пойти, поискать хорошъ какникъ пухлыхъ, да напять, да поустроиться.....

— А на что милости твоей хороша, когда моя ость? Я тебѣ весь домъ обросталъ. И развѣщенье самое удобное. А мы съ семьей потѣвемся. Не на вѣкъ же наймешь. Стернится.....

Степановичъ сомнительно посмотрѣлъ на Чевушкина и сказалъ:—А что на мѣсяць?....

— Богатыя люди! деньги дрянь, деньги нѣкое дѣло, деньги трънь-трава, а еще торгуются!....

— Не боюсь я никакого плута изъ свѣтъ и гонѣвъ у тебя жить, да отъ плутовства себя ограждаю. Говори напрямки, а нето сей часъ съѣду.....

— Самъ положи цѣну, милостивецъ! ирмословить не буду....

— Десять рублей.....

— За-глаза довольно! Клянусь и благодарствую. Можетъ-быть, мнѣ вѣрить не изволишь, такъ задѣтвекъ пожелаешь.....

— Художникъ, нечего сказать: умѣешь перепарнуть дѣло.....

— Навыкъ, батюшка, на службѣ. Всякое случалось. Родъ людской такой сталъ, что и мой старости не вѣрять.

— Вотъ тебѣ за мѣсяць впередъ, только не забудь, что я тебѣ нуждъ и самъ не хуже иной приназой пивки.....

— И не диво! съ такими умомъ! Всея я твой и по гробъ свой готовъ служить твоей милости....

— Перестанешь ли ты? сказалъ Лудомкинъ. Поидежь на Кольчуху.....

Чевушкинъ съ нѣкими поблѣдами провожалъ до воротъ

постояльцевъ и занялся заготовленіемъ прованту и суражу.

— Груня! сказала она дочери: постояльній слуга господина нашего боленъ, такъ ты пока за него будешь на послугахъ; вода-ка убори все къ столу не-чище, а ты, Анюша, пошла съ Солей на кухню, разведи огонь, а я сбѣгаю въ обжорный радъ, достану енадобья по-лучше.

Чевушкинъ отправился, въ воротахъ принялъ отъ рассыльника выемку или свидѣтельство объѣдцаго и побѣжалъ къ Кремлю. Почти въ одно время съ своими постояльцами вошелъ онъ въ ворота и давъ имъ отойти впередъ, опять разсѣю пустился въ канцелярію. Тамъ была такая толпа, что только одно искусство Чевушкина могло пособить горю и Чевушкинъ пробрался къ самому верцагу.

— Тебѣ что надо? спросилъ оберъ-полиціймейстеръ, допрашивавшій какого-то смоловинника Пахомыча.

— Милосердія и жалости великаго государя, отъ нея же идетъ всякая помощь погорѣлымъ.....

— А что у тебя погорѣло?

— А вотъ тутъ прописано.....

— Подай и приходи за отвѣтомъ послѣ завтра... .

— Дворъ мой нынѣ не имѣетъ никакого огражденія. Буде ждать три дни, хищники и тати разнесутъ добро мое. А безъ указа герольдъ не смѣю, да будетъ въ лѣтъ весь ущербъ мой.....

— Пустяки! Городи-себѣ; тутъ есть выемка: такъ другой разъ свидѣтельствовать нечего.

— Истинно и премудро. Кланюсь и благодарствую. Иду ограждаться.....

— Ступай, старикъ, ступай!

И съ тѣмъ же искусствомъ Чевушкинъ вынырнулъ изъ канцелярскихъ волигъ.

— Простовать! сказала она съ улыбкой уже на площади: и не спохватился, какъ надуан. Ну, это уладилось. Теперь что имъ къ обѣду искупить такое, чтобы и дорого было и дешева?... Ну, этого такъ не придумаешь; надо на мѣстѣ резолюцію учинить.....

И Чевушкинъ отправился въ обжорный лавки.....

Между-тѣмъ Лукомкинъ и Степаньчъ вошли къ столынику. Объ нихъ доложилъ уже не секретарь, а разсылный солдатъ.

— Милости просимъ, сказалъ Кольчевъ: все знаю. Попались воры. На самага сыщика набѣжали.

— Видно, перебилъ губернаторъ, который сидѣлъ возлѣ Кольчева, въ богатомъ золотомъ кафтанѣ: видно, хотѣли поздравить Лукомкина съ царскою милостью. За прежніе труды и подвиги пожалованъ ты въ капитанъ-лейтенанты и въ унтеръ-лейтенанты гвардіи въ семеновскій полкъ.—Поздравляю!

Лукомкинъ не вѣрнулъ своему счастью. Изъявленія его благодарности такъ были не ловки, что заставили губернатора сказать:

— Полно, полно! себя благодари; ты и досказать мнѣ не далъ. Жалованье тебѣ пойдетъ по новому чину, а ты останешься при сыскныхъ дѣлахъ, дотѣлѣ, пока не прииму тебя достойнаго на твое мѣсто.....

— А ты, молодецъ! сказалъ Кольчевъ: слышалъ я и о твоихъ проказахъ. Такъ шалить можно, да съ оглядкой! Федрихъ также мнѣ хорошо аттестовалъ тебя; я и вспомнилъ, что обѣщалъ тебѣ грамотку къ отцу иррефекту. Вотъ она! Ступай! Тамъ есть чему поучиться, только гляди, чтобы служба отъ ученія не потергѣла. Я ирробуду здѣсь почтай мѣсяць. Учись и уму и службѣ; а какъ-только синусь въ Питербурхъ, и ты за мной; хочу слѣдовать за твоими форшритами, то есть, уснѣхами. А пока, чѣ нужно, двери мои открыты.

Лукомкинъ побѣжалъ домой обрадовать жену, а Степаньчъ, почтительно держа въ рукахъ дорогое письмо, пошелъ въ Греко-Словено-Латинское Училище..... Отецъ иррефектъ принялъ его весьма милостиво и назначилъ ему въ наставники ритора Теофраста Квинтиліануса, который въ дѣйствительности назывался Федькой Краснобаемъ. Квинтиліанусъ былъ изъ поновскихъ дѣтей; съ володу обученъ хорошо грамотѣ и въ училищѣ въ короткое время ученіемъ иробрѣлъ первое мѣсто между риторами. Ученіемъ, говорю, потому что доведеніемъ, онъ также занималъ первое мѣсто между пописами и син-

такиса и риторики и философии. Но геній проказъ умѣлъ всегда скрыватьсѣ отъ зоркаго ока префекта, такъ что Квинтиліанусъ и по кодаутнымъ спискамъ отмѣчался: отличнаго поведенія. Квинтиліанусъ чрезвычайно обрадовался порученію, потому что оно подавало поводъ къ частымъ изъ училища отлучкамъ; которыя префектъ даже философамъ разрѣшалъ съ большими затрудненіями.— Условились, въ какое время Квинтиліанусу навѣщать ученика, и разстались. Степанычъ поспѣшилъ домой, чтобы раздѣлить радость супруговъ, но увы, горе съ веселіемъ сосѣди. Въ воротахъ еще Степанычъ повстрѣчалъ разсыльщика.

— Ну, господинъ унтеръ-лейтенантъ гвардіи семеновскаго полка.... сказалъ Степанычъ, входя въ комнату: Давай-ка и тебя еще разъ поздравлю....

— Ужъ правду сказать, есть съ чѣмъ! Никогда отъ службы не отпѣкивался. Видитъ Богъ, и въ сраженіяхъ былъ, и отъ пуль не откланивался, и на штыки шелъ. Да хотѣлось отдохнуть маленько. Вотъ тебѣ и отдыхъ! Лукомкинъ указалъ на бумагу, лежавшую на столѣ.

— А что такое?

— Нарядъ! И вѣсть туда же! Въ другое время съ какою бы великою радостью полетѣлъ я на Старую Усадьбу; гдѣ мое благополучіе возымѣло начало; а тебѣ перъ хотѣлось бы въ столицу....

— Да вѣдь разбойники изловлены.

— Правду говорила Евдокимовна: рыбій притонъ болѣе выгоденъ для разбойниковъ; перебралось туда опять много чело; большіе два купецкіе обоза ограбили; подъ городокъ подходили; изъ указа вижу, что ихъ не мало. Приказано взять вдвое больше команду и пушку. Губернаторъ не скрываетъ опасности и возлагаетъ надежду на меня одного. Лестно. Онъ имѣетъ право отъ меня требовать всего и я, хоть и горько, вѣду завтра же....

— А Маша?

— Что за вопросъ! Я безъ него не останусь! Я хоть и люблю брата, дороги вы мнѣ оба, да тебѣ тутъ въ Москвѣ скучно не будетъ; а Семенъ стоскуется.... И вѣдь съ Семеномъ....

— Я это зналъ, Малаша, дорогая супружница и половина бремени съ плечь долой....

— Постой! закричалъ Степанычъ. Видно и моему замыслу приспѣло время.... А вотъ кстатн и хозяйнн!

Чевушкинъ, отвеся на кухню провизію, шелъ съ Груней на послуги дорогимъ своимъ гостямъ.

— Изо всего вижу, сказалъ Степанычъ Чевушкину: что ты приказная птица....

— Служилъ, да ничего не выслужилъ.

— Мнѣ до этого дѣла, а вотъ что: у меня много отчинъ, да на Москвѣ расхотѣ ведики; въ Питербурхѣ еще больше будетъ; надо денегъ; такъ я вотъ и ваялъ у капитанъ-лейтенанта и гвардіи унтеръ-лейтенанта Сена на Романовича Лукомкина, три тысячи рублей золотомъ, которые и обяуюсь уплатить ему въ усадьбѣ моей, въ Костыльковкѣ, черезъ прикащика моего Ваньку Домжнина, а буде не уплачу въ мѣсяць, то воленъ онъ за тѣ деньги, безъ суда, взять отчину мою Старую Усадьбу въ вѣчное и потомственное владѣніе со всѣми угодьями, какъ она отцу моему досталась отъ бывшаго той усадьбы владѣльца Степки Петрова сына Полюскова; а буде Ванька чинить препятство будетъ въ уплатѣ моего долга или въ отлатѣ по условію волости, то воленъ онъ, Лукомкинъ, того Ваньку, а не иного кого изъ людей моихъ, въ приказъ взять и съ правеза искъ свой доправить. Ну, понялъ?

— Понять-то я понялъ, да не возьму въ годкъ, что двоей милости угодно. Дома можно только заемную крѣпость начернить, а писать надо на площади у служилыхъ подъячихъ, и такъ одному нельзя, надо по малой мѣрѣ пять послуховъ съ собой взять. Сумма изрядная; не вачнутъ подъячіе безъ послуховъ. Не изволь безпокоиться. За нѣкоторую плату я тебѣ послуховъ оставлю; клейменую бумагу тоже искуплю; къ вечеру крѣпость будетъ готова....

— Ну, доворачивайся! Надо успѣтъ....

— Что ты хочешь дѣлать? спросилъ возмущенный Лукомкинъ.

— Нужна тебѣ изъ лесо? Простой случай еще чебре

веротить безъ всякой тяжбы; ни пикнуть; а достояніе отца веротится къ Маланьѣ.

Сказавъ это шопотомъ Лукомкину, Степанычъ обратился къ Чевушкину:

— Ну, что же ты стоишь?

— Отъ чего это вы, умильно прервалъ старикъ: не volete по саду прогуляться....

— А за чѣмъ?

— А за тѣмъ, что погода ясная; тепло, будто лѣтомъ; а тутъ надо въ комнату и поубрать и къ обѣду приготовить то, другое. Вотъ и Груня за тѣмъ пришла.

— Мы не ждемъ. Вкусно пообедаешь, когда къ столу такая красавица все изготавитъ. Пусть она свое дѣло дѣлаетъ, а ты займись своимъ....

Старикъ почесался.

— А знаете ли, я вамъ забылъ сказать, что большой вѣсъ спрашивалъ, продолжалъ старикъ.

— Меня?

— Всѣхъ, и капитана, и Меланью Степановну, всѣхъ, всѣхъ....

— Пойдемъ....

— Да я-то изъ чего пойду? спросила Меланья.

— Желаетъ познакомиться, а встать ему не мочно.

— Пойдемъ, пойдемъ! Бѣдный, я про него совсѣмъ забылъ.

И взявъ за руку Меланью, Иванъ Степанычъ пошелъ въ другую комнату, куда за ними отправился и Лукомкинъ.

— Выжилъ! шепнулъ радостно старикъ: ты носишь вѣсъ, Груня. Погоди меня у дверей! Кликну.

И половица поднялась; пукъ клейменной бумаги вытященъ и сиртанъ подъ камзолъ; половица опустилась....

— Груня! громко сказалъ старикъ: что же ты стола не накрываешь? А? Чего зѣваешь! Скоро полдень!.... Поворачивайся, а я пойду крѣпость писать, послушки собирать....

И старикъ, впустивъ Груню, самъ выскользнулъ и прямо въ баню. Груня не заблагоразсудила терониться; подошла къ дверямъ и котѣла посмотритъ что тамъ дѣлается. Только-что придвинула глазокъ къ дверямъ, вскрикнула отъ испуга и отскочила; гнѣвъ же согладатайствомъ занимался и

Степанычъ, такъ что не будь дверей—ихъ головы непременно бы столкнулись. Степанычъ отворилъ маленько двери и сказалъ:

— Не пугайся, моя милая, это я.

Г.— Такъ что жъ, что ты? раскраснѣвшись отвѣчала Груша, перебирая посуду....

— А ты на кого же хотѣла посмотрѣть?

— Ни на кого. На двери. Хотѣла запереть.

— Ну, такъ я запру.

— Запирай....

— Право запру....

Груша молчала и Степанычъ дѣйствительно заперъ двери и занялся больнымъ. Молодому дворянину стало чувствительно легче; по совѣту Степаныча, онъ еще съ-вечера отвергъ аптекарскія травы и ноги на покое стали отходить замѣтно.

— Вотъ видишь, послушался и легче....

— И впередъ слушаться буду. Ты мнѣ второй отецъ. Хозяинъ мнѣ рассказалъ, какъ ты меня вынесъ изъ пожара, какъ дочери его покрыли и согрѣли меня....

— Плутъ....

— Какъ онъ всю ночь навѣдывался про меня....

— Лгунишка....

— И всѣмъ я обязанъ тебѣ Иванъ Степанычъ, и никогда добра твоего не забуду....

— Полно, полно....

— И маменькѣ напишу, и начальству объявлю, пусть въ курантахъ припечатываютъ....

— Да перестань же....

— Ну, ужъ ты себѣ какъ тамъ хочешь, а Евгений Николаевъ Жатый никогда неблагодарнымъ не будетъ....

— Хорошо, хорошо, а не хочешь ли закусить чего?

— Смерть ѣсть хочется....

— Отчего же молчишь?.... Аграфена Кириловна!

— Что тебѣ надо?

— А скоро ли обѣдать?

— Какъ подадутъ.

— А скоро ли подадутъ?

— Когда прикажешь.

— Я попросилъ бы сейчасъ.

— Ну, такъ сейчасъ и подадутъ....

Не прошло и минуты, Груня изъ другой комнаты закричала «готово»? и началась трапеза.—Къ концу обѣда, который нельзя сказать, чтобы очень былъ продолжителенъ, явился Чевушкинъ съ бумагами. Въ петлицѣ у него на снуркѣ висѣла чернильница, за ухомъ перо, подъ одной мышкой клейменная бумага, подъ другой черновая заемная крѣпость. И онъ, подобно дочери, сказалъ:—Готово, только требуются имена, для коихъ я пробѣлы оставилъ....

— Читай!

Чевушкинъ читалъ и тутъ же пополнялъ пробѣлы: Запись, которая легко могла умѣститься на одной страницѣ, была написана на трехъ листахъ, въ два столбца; почти вся десятая глава уложенія и болѣе десяти новыхъ указовъ помѣстились въ крѣпости во всей своей полнотѣ съ числами, заглавіями и заключеніями.

— Длинно, замѣтилъ Степанычъ.

— За то по указамъ, а гербовую бумагу я искупилъ...

— Видѣлъ, видѣлъ, улыбаясь сказалъ Степанычъ: ну, что же теперь надо дѣлать?

— За чѣмъ преждевременно милости твоей обезпечиваться? Я пойду на площадь, отдамъ подъячему Лизуну, самому бойкому; часа въ два перебѣлать.

— Да какъ же ты успѣлъ въ полчаса?

— Указы и прочія вещи что надлежитъ, у меня готовы есть, про случай; а заголовокъ и справа не большія; черкнулъ, и готово; ну, а подъячему надо на клейменной бумагѣ писать; такъ не диво, что провозится. Такъ я пойду; а часа черезъ два изволь приходить, руку приложить; а послухи безъ тебя приложить, чтобы не задержать... Только имъ надо заплатить. Нынче даромъ никто на алтынъ ничего не подпишетъ...

— А по сколько?

— Сегодня дешево удалось навять; по два....

— Что по два?

— По два рубля....

— Старикъ, видно, отъ старости у тебя памяти не ста-

лю. По два полуполтинника, то есть по полтиннѣ, туда-сюда; а по два рубля, гдѣ это видано!

— Какъ изволишь; мое дѣло сторона.

— Ну, а бумагу почему покупалъ?...

— Бумага? На бумагу такса, подѣ орломъ напечатано.

— Ну, да почему?

— Извѣстно почему... по указу.... деньги большія, такъ и бумага подѣ большіи гербомъ, по десяти копѣекъ столбецъ; придется столбцовъ двадцать четыре, такъ и денегъ два рубля сорокъ; да про запасъ взялъ; та пожалуй мнѣ останется; я за нее денегъ не возьму; другому у-служу...

— Нѣтъ, не хочу! дорого!...

— Да развѣ казенное клеймо не указываетъ?....

— Говорю тебѣ, дорого; и за что мнѣ деньги платить, когда я только нагнусь, да сколько душъ угодно листовъ изъ-подѣ полу вытащу....

И черновая и листы и перо разлетѣлись по комнатѣ отъ такой неожиданной рѣчи.... Старикъ присѣлъ отъ ужасу...

— Ну, Кирило Александровичъ! сказалъ Степанычъ подымаясь: подбери-ка листы, да бѣги на площадь; по-слухамъ твоимъ всѣмъ на братью жамую рубль, а что до бумаги принадлежитъ, разочтемся....

— Государь-господинъ....

— Молчи, хуже будетъ! Ступай и старайся заслужить мою милость.

Удивительно, сказалъ Степанычъ, когда старикъ дрожащими руками подобравъ листы, вышелъ изъ комнаты, давио ли мы на Москвѣ, а сколько зла; и сбоку и спереди и сзади и подѣ ногами, а это чистое небо все видить, все терпитъ, все покрываетъ. Самъ я... Но, право, у меня совѣсть покойна; знаю чего и я достоинъ, но, клянусь, не дрогну передъ казнью.....

Напрасно капитанъ-лейтенантъ успокоивалъ солдата; онъ не могъ развеселиться и съ тайною грустью пошелъ на площадь. Старикъ не обманулъ. Все было переписано и, къ удивленію Степаныча, умѣстилось на одномъ листѣ новаго клейма; послуховъ хотя и не было на лицо, но подѣса ихъ были на мѣстахъ. Степанычъ приложилъ руку

въ крѣпости и въ книгѣ; заплатилъ пошлины но такъ, даже ничего не прикинулъ за труды, и не мало удивился, когда площадной подъячій проводилъ такого скупаго барина низжайшими поклонами. Вечеръ провели они вмѣстѣ, у постели больнаго; но въ большой избѣ неотступно пребывалъ Сергѣй и не поддавался ни на какіе соблазны Чевушкина, котораго даже не впускалъ въ комнату, а переговоры съ нимъ велъ черезъ двери. Рано поутру на другой день Лукомкинъ откланялся начальству, получилъ подорожную и прогоны, отправилъ въ путь команду, а самъ уже ввечеру отправился съ женой въ путь-дороженьку, въ красивой московской кибиткѣ на помочахъ. Съ ихъ отъѣздомъ кончился періодъ дѣятельности Степаныча на поприщѣ публичномъ. Утро онъ проводилъ у Фендриха, вечеръ дома въ бесѣдѣ съ Квинтиліанусомъ и больнымъ товарищемъ. Хозяина не приказано было пускать на глаза постояльцамъ и всѣ хитрости Чевушкина не имѣли успѣху. Эта затворническая жизнь Степаныча даетъ намъ время также отправиться въ путь и носѣтить нашу Костыльковку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПРАВЖЪ.

Стало холодно. Русская осень хуже всякой иноземной зимы: дождь, снѣгъ, изморозь, слякоть, то есть просто не время, а Богъ знаетъ что такое; день на часахъ тотъ же, да на дѣлѣ втрое длиннѣе: конца нѣтъ. И дѣлать-то нечего, особенно не холопскимъ рукамъ. Ни охоты, ни катанья; будь разбогаты, ни чего не придумаешь. Книги.... Гм! Какія тогда были книги? А впрочемъ странно какъ это въ Русь, гдѣ была письменность, уложеніе, даже писатели, не было рѣшительно книгъ, потому что переводы, издаваемые по указу Царя, не могли еще интересовать деревенскихъ помѣщиковъ, и потому въ провинціи не доходили. Впрочемъ, такъ было скучно въ Костыльковкѣ отъ дождливой осени, что Иванъ Степанычъ рѣшился бы даже читать если бѣ умѣлъ, слушать, какъ другіе читаютъ; если бѣ были книги, но увы, книгъ, какъ сказано, не было. Сидоръ пересказалъ всѣ сказки какія зналъ, развѣ не

три; Груша не знала ни одной сказки, а та, что рассказывала, была нестерпимо скучна. Слезы, да попреки, да тоска, которую Иванъ Степаньичъ не могъ ни чѣмъ разогнать. И самъ—то онъ, какъ отпустилъ Степаньича, сталъ не тотъ, Пуганая ворона куста боится. Чуть заслышитъ стукъ колесъ, причется. Да и какъ радостнымъ гостямъ быть въ Костыльковку! Изъ городской чиновности ни одна душа не смѣла заглянуть въ прежнее Эльдorado. Только одна Меланья Ивановна почти регулярно разъ въ недѣлю навѣщала Костыльковку. Она заѣзжала сюда по дорогѣ въ монастырь, который стоялъ за Кудимовкой, и обыкновенно жаловала поздно ввечеру. Переночевавъ, отправлялась чуть свѣтъ на богомолье, а на возвратномъ пути изволила полдничать и къ вечеру появлялась въ провинціи. Такъ какъ мы находимся нынѣ въ губерніи, то по-настоящему, намъ и дѣла никакого нѣтъ до провинціальныхъ нашихъ знакомцевъ; но полнота того требуетъ, чтобы уведомить читателя объ одномъ весьма важномъ обстоятельстве, возмутившемъ нашу провинцію.—Въ послѣдній разъ, какъ воеводиха проѣзжала на богомолье, сообщила она Костылькову важную новость. Вчера, такъ говорила она, передъ вечерними, мы только-что встали ото сна; Максимъ спросилъ квасу. Принесли брусничнаго, моего издѣлія: то есть, не квасъ, а малина; Максимъ только-что нацѣдилъ кружку, гляжу: облизывается, сноровляется какъ бы по-вкуснѣе выпить; вдругъ—застучало что-то у окна. Драгунъ вошелъ. Я такъ и обмерла. Думаю:—Ну, что ни есть безъ меня дуракъ отпустилъ глупаго; вѣрно за Максимомъ.... Подалъ драгунъ указъ. Максимъ читаетъ покойно; ну, думаю, не объ немъ; онъ у меня такой трусъ, что руки бы задрожали. Прочелъ и сказалъ драгуну:—Ступай въ канцелярію и я туда приду. Драгунъ и пошелъ. Я кричу: Ну!—А онъ:—Попались, ребята! Галунчикова не жаль, такъ-себѣ мошенникъ, да и не надежный, а Лукичъ мастеръ своего дѣла; безъ него придется самому все справлять. — Да куда же ихъ?.. — Ни куда. Отставить и впредь ни куда во всей провинціи не принимать.... — За что?—Э, когда бы было написано, я бы и объявилъ. Ну, надо пойти въ канцелярію, позвать виновныхъ и губерна-

торскій указъ объявить. Одного не пойму, за что имъ опала, а мнѣ милость. Похваляетъ мое усердіе..... Къ чему? Я, признательно, только къ тому усерденъ, что моимъ интересамъ и супругѣ моей Меланѣ Ивановнѣ угодно.... Это онъ, знаешь, Иванъ Степанычъ, на тебя намѣкалъ....

— Ну, что жъ, перебилъ Костыльковъ, и оставили?....

— Оставили.

— Что жъ, больно огорчился?

— Куда! Перекрестились и сказали: слава Богу.

— За что?

— Видно, не одной отставки ожидали.....

— Что жъ они теперь дѣлать станутъ? Помрутъ съ-голоду?

— Э, какъ бы не такъ. Мало ли они на своихъ мѣстахъ сидѣли? Знали, что скользко. Что нужно, приберегли. Съ-голоду? Не таковскіе. Поѣдутъ въ другую провинцію, въ другую губернію, гдѣ ни ихъ, ни объ нихъ не знаютъ, поищутъ воеводу по-себѣ и одурачатъ. Ну, душоночка, пусть ихъ пропадаютъ, лишь бы ты былъ цѣлъ. Ужъ какъ мнѣ дорого обошлось уломать Максима! Больно хотѣлъ послать тебя на службу, да я какъ приняла его по-своему; до кочерги дошло; ну, да помогъ Богъ управиться: на своемъ поставила. Максимъ и теперь всё побаивается. То я дѣло вздыхаетъ, а тутъ еще и земскаго комиссара изъ губерніи прислали; сержантомъ былъ въ полку, такъ самъ подумай, какой съ нимъ трудъ будетъ. Да все трень-трава; сладимъ, лишь бы ты, мой голубчикъ, здравствовалъ.....

Костыльковъ вздохнулъ. И было изъ чего. Положеніе его становилось невыносимымъ; воеводиха одна чего стоила; Степанычъ не шелъ съ ума; и Маша не-разъ являлась ему во снѣ и что-то ужасное рассказывала; да и Груша явно ненавидѣла его; и воли-то прежней не было. Онъ не охотно оставлялъ хоромы свои, чтобы не повстрѣчаться съ предателемъ, и Сидоръ доносилъ, что люди по-своему всякой вздоръ толкуютъ. Откупился отъ службы дорогою цѣною Иванъ Степанычъ. Были у него и друзья, не безъ того: крѣпкій медъ, вино заморское, наливки и настойки; съ ними онъ мыкалъ свое горе; поутру спалъ до обѣда;

послѣ обѣда до ушняка, и въ короткое время красота Ивана Степановича стала жаловаться на позаварилыхъ друзей. Вино-вать. Понабалыгъ. Еще другъ былъ у Костылькова; но, по званію, Сидоръ не смѣлъ вступиться въ домашнюю жизнь барина. Люба его по приглашенію, сѣлъ одишо на ухниралахъ по-сабсему; затѣялъ карты, жмурки, веревочку; переселъ дуровымъ посидѣли на барскія хоромы. Ивану Степановичу больше всего нравились жмурки; сѣлъ посподне играть жгутемъ Дуняшкѣ, дочку Сидора, которая, надѣясь на заслуги отца, умѣла защищаться противъ постыльковскихъ замашекъ и однажды, назначивъ ему свиданіе за гуinea, чтобы отецъ не выдалъ, заставила его подъ дождемъ и холодомъ прогулять добрыхъ два часа. — Справное, бесочетное уваженіе къ старому Сидору спасло Дуню отъ законныхъ послѣдствій такой дерзости, но зато въ жмуркахъ никто такъ часто не понабался надъ заелоку и не получалъ такихъ искреннихъ ударовъ, отъ всей души и отъ всей руки. Дуня оттерывивалась и отмалчивалась, надѣясь когда-нибудь тѣмъ обезоружить мстителя.

Въ этотъ несчастный вечеръ мѣра терпѣнія ея, однако же, исполнилась. Неловкій ударъ жгута пришелся по рукѣ въ такомъ мѣстѣ, что Дуня не выдержала, сорвала платокъ и зарыдала.

— Богъ тебя накажетъ! сказала она, и въ то же время запыхавшись вбѣжалъ конюхъ.

— Разбойники! закричалъ онъ.....

— Гдѣ? вскрикнули всѣ.....

— Версты двѣ отсель, не больше.

— Ты какъ ихъ замидѣлъ?....

— Я былъ у тѣтки, у Бадюкиной, за недугомъ. И до-звѣтъ не успѣла. Нагрянули. Она въ оврагъ ушла, а я, на коня, да и отбѣжалъ. Глажу изъ-дали: собралось ихъ, при-мѣрно, больше сотни; куда! Пошли по нашей дорогѣ. Куда же имъ быть, какъ не въ Костыльковку?....

Костыльковъ совершенно растерялся, но Сидоръ немед-ленно распорядился; что по-дорожке, прибрали; казну, ко-торая отъ разныхъ растратъ поуменьшилась значитель-но, а осеннимъ доходомъ еще не пополнилась, частію забралъ самъ, частію передалъ дочери, и не слушая Ко-

жизни, которая, скончалась въ дѣвѣ, на провинцію!... Едва еще слышишь въ ушахъ, какъ въ вѣрѣ услышали орошенный выстрѣлъ, только никто изъ костыльковскихъ жителей не вышелъ своей не слышавъ. Только одно Сидоръ дождавъ не чужъ дѣла и закрылъ:

«... Смирно! это крикъ! Видно, концы съ болвоннширокихъ людей: разбойники пришли!... Нечего имъ слышать. Уши услышали людей изъ нѣде, а добычи. Женский полъ, спущенъ въ дѣвѣ. Старикъ Кирило пускай идетъ съ нами; а мы крикнемся въ плахи; разбойники, такъ спрячутся и когда войдутъ на усадьбуны увидятъ; а если они отъ воровскихъ людей бѣгутъ, дадутъ отпоръ; свероятъ и Москальковка увидятъ. Слышите! орать пушка! Не у воровъ же орматы водятся! А если бы и у воровъ, такъ въ чистоту видѣ бытъ нужды тѣмъ не будутъ. Слышите! пальба! и стрѣляютъ складно. Хватай колья изъ забора, становись на отпоръ. У кого вещи есть, передай бабамъ. Женский полъ! огарайся! Съ нами крестная сила! Смирно!»

Стало тихо, какъ передъ бурей. Вдали слышны были выстрѣлы и крики смерти, отчаянья, команды и тому подобныя звуки восстающаго. Густой толпой, хотя и въ безпорядкѣ, бѣжало до ста человекъ прямо на Костыльковку. Гарнизонъ Сидора съ бабами не простирается и до пятидесяти человекъ, хотя изъ конюшенъ, анбаровъ, кухни и сторожекъ пришли къ нему не малыя команды; но одна изъ нихъ была весьма важна. Это псарь съ своими ратниками. По его свистку высыпали псы авангардомъ и бросились на встрѣчу гостямъ; то были отлично обученныя гонимыя, которыя у страстнаго начальника и въ Костыльковкѣ исправляли дѣло службы.... Наперъ ихъ былъ такъ значителенъ, что удержалъ толпу на мгновеніе; тутъ псарь не выдержавъ; орать кричитъ и весь гарнизонъ, вмѣстѣ съ бабами произвелъ такой крикъ и гамъ, что разбойники, оглушенные пушечными выстрѣлами, и неожиданною встрѣчей военной команды, были увѣрены, что въ плетняхъ костыльковскихъ ожидала ихъ засада, но, не выждавъ сигнала, преждевременно подняла тревогу. Въ страхѣ толпа разбѣжнулась на обѣ стороны и побѣжала дѣликомъ по полямъ, кто направо, кто налево. Но военная команда,

видно, были хорошо знакомы съ известностью и драгуны успѣли отрѣзать бѣгущихъ отъ луговой стороны. Седьмь, угадавъ дивизию, вынесъ изъ плетней и вбѣгнулъ къ прудамъ, чтобы не впустить тазой въ усадьбу. Сраженіе было съобна такъ хорошо разамитрано, что изъ шайки разбойниковъ, въ которой, нацъ оказалось, было около трехъ сотъ человекъ, не ушло и двадцати. Много было нобито парочиво, много коведныхъ ружавъ; но большая часть взята военноопѣнными. Храбрось заравительна. Милеліко постыльковское парня, но даже бабы въ огородѣ захватили одного разбойника, большій изъ страху, чѣмъ изъ разной доблести. Какъ бы то ни было, сраженіе кончилось уже на улицѣ между плетней, Военная команда по сигналу стала собираться къ мосту, перекинутому черезъ ручей у самой усадьбы, и Костыльковъ успѣвалъ въ хоромы, чтобы по-спрѣе спрятаться отъ опаснаго глаза и спрятать женщину, который онъ считалъ въ не меньшей опасности. Но опасности его въ этомъ смыслѣ были совершенно излишніи. Вы легко догадаетесь, что начальникъ военной команды былъ унтеръ-лейтенантъ Лукомкинъ, а начальница Малаша. Они не могли не узнать Костыльковки и когда вагенбургъ, гдѣ въ московской повозкѣ своей находилась и капитанша, подошелъ къ мостику, и Лукомкинъ и Малаша, будучи условясь, закричали: — Стой.

— Ни шагу дальвше! сказалъ капитанъ. Господа офицера, ко мнѣ!

И къ нему подошли два лейтенанта, четыре унтеръ-лейтенанта, нѣсколько фендриховъ и артиллерійскій штыкьюнкеръ, — весь штабъ небольшого корпуса, составленнаго изъ разныхъ гарнизонныхъ остатковъ, тридцати драгуновъ, полу-роты карамзина нолма и вольницы, собранной по пути съ деревень и селъ.

— По нѣкоторымъ конъюнктурамъ, оказалъ капитанъ, мы не должны входить въ эту усадьбу. Почему рекомендую вамъ, перевязавъ какъ слѣдуетъ полоненныхъ, идти обратнo къ рѣкѣ, для того, что разбойники могутъ въ секунду своснѣ, одѣлать второй десантъ въ томъ же мунктѣ. Экспедиція требуетъ успѣшности. Служайте!

— Ну, душа моя, слагай онъ жемъ: ты слышала при-
казъ. Надѣюсь, одобришь....

Маланѣ скватила руку его и съ жаромъ, обливаясь слезами, стала дѣловать ее. — Сидоръ, несмотря на то, что уже порядочно смерклося, ушалаъ ее и не вытерпѣлъ, подбѣжалъ и спросилъ по-кривычкѣ....

— Ты ли это, Маланка?...

Сильная пощечина отъ капитанской руки была отвѣтомъ на шипящій вопросъ....

— За что ты его бьешь? сказала Маланка. Я, Сидоръ, я. Подожди по нѣмъ! Спасибо тебѣ за старое время. Только ты и любилъ меня въ этой Костыльковкѣ; только тебя, да твою Дуняшу любила я между этими дрянными народамъ. Что она, бѣдная?... Полно, старикъ, не отвѣчай! Боюсь твоего отвѣту. Скажи ей, что горемычная Маланка теперь капитанка, благодаритъ Бога за себя и молится за нее!...

— И Богъ спасаетъ ее твоими молитвами....

— Право? Постой, Сидоръ, можетъ-быть....

— Маригъ! Труби маригъ! закричалъ капитанъ: послѣ, Сидоръ, послѣ, можетъ-быть, завтра я доскажу тебѣ, что узнаеть Маланка... Прощай, старикъ, и я у тебя въ долгу. Поклонись барину.

Войско тронулось въ походъ. Сидоръ, забывшись, пошелъ велѣть повозки, разговаривая съ Малашей и если бы она ему не напомнила, гдѣ онъ, Сидоръ бы, вѣроятно, проводилъ Маланку до главной квартиры. Остановился Сидоръ; войско прошло, а онъ всѣ-еще стоялъ въ раздумьи.

Сидоръ, Сидоръ! раздавались крики по всей усадьбѣ....

— Здѣсь! громогласно гаркнулъ старикъ и поплелся на привычную службу. Въ коремахъ онъ нашелъ одного Костылькова, который съ примѣтною радостью прогуливался по комнатамъ и тянулъ медъ.

— Ушли! А? Ушли! Спасибо! Костыльковку отстояли, да и благодарности не требовали. Видно, что не приказные...—Ну, Сидоръ, на-радости хлѣбни-ка меду.

— Виновать. Не пью.

— Что ты, раскольникъ, что ли?

— Нѣтъ, съ-молоду матушка твоя, царство ей небесное, Марья Савишна, къ трезвости приучала....

— За то батюшка, Степанъ Оедоровичъ отъ чарки не отиѣкивался.... Мужское дѣло пить и любовь вести, а прочая—бабій промыселъ. Выпей!

— Не могу. И если бъ у меня былъ такой голосъ и чинъ, чтобы вамъ совѣтъ сказать, сказалъ бы я и вамъ, Иванъ Степанычъ: бросьте бражничать, наткнемся на бѣду. И Пафнутію мы тогда съ пьяныхъ глазъ попались. Сказалъ бы я....

Костыльковъ задумался; на лицѣ у него показалась кручина, которая вольно ходила по душѣ его и ничѣмъ не могъ онъ ни отогнать, ни заглушить ее. Душа человѣческая, ужъ въ который разъ тебя сравниваютъ съ міромъ Божіимъ; и правильно, ей-ей, правильно. Да и я еще разъ повторю это сравненіе. Какъ въ Божьемъ мірѣ быть бурѣ, замолкнутъ птицы, спрячутся люди и звѣри; нѣтъ веселья; въ воздухѣ тяжело и душно; а буря гдѣ еще! далече! Такъ и въ душѣ нашей. И завтрашнее горе, и завтрашнее веселье сказываются сегодня. Призадумался Костыльковъ. Сидора это молчаніе ободрило и онъ продолжалъ:

— Сказалъ бы я тебѣ, Иванъ Степанычъ: женись; уходишься; отъ зла отстанешь; пойдутъ дѣти; съ ними сладка и забота; пусть свѣтъ, а станетъ полонъ.

— Женишься! А! Женишься! (Костыльковъ будто воскресъ.) — Мнѣ жениться? Изъ чего? Чтобы жена у меня всякую забаву отняла? Чтобы за ея глазами, я уже и на другія не смотрѣлъ. Гдѣ такую невѣсту возьмешь?

— Невѣстъ нынче много, жениховъ мало: всѣ на службѣ. Вотъ только изъ костыльковскихъ дачъ выйдешь, пошли волости разныхъ помѣщиковъ. Красавицъ сколько! Ты знаешь, что нашъ край богатъ женской красотой. Ты знаешь, что въ подломъ народѣ у насъ ни одного урода нѣтъ; а дворянки....

— Дворянки? Ты, Сидоръ, изъ ума выжилъ. Была у меня такая, что будь ко мнѣ по-ласковѣе, женился бы; и теперь есть такая, да тоже не ласкова.... Дворянки!—Не я ужъ буду въ моемъ добрѣ хозяинъ; ты и меня воцводой Буруновымъ хочешь сдѣлать! Нѣтъ, Сидоръ! Пожалуй, коли ужъ безъ жены жить нельзя, такъ я женюсь, да на

своей, чтобы моей воли помѣхи не было. Жестокъ на твоихъ Дуняшѣ....

— Помилосердуй, Иванъ Степанычъ, что ты хочешь дѣлать?....

— Ужъ я знаю, что я хочу сдѣлать. Говорю тебѣ, такая моя воля, и кончено. Позови невѣсту....

— Не смогла она отъ твоихъ побоевъ.... лежить....

— Кого любишь, того и бьешь.... Пей, старикъ, за мою невѣсту. Ну!

— Ужъ если долженъ я вышить, изволь, только не за эту глупую свадьбу, а за мою добрую капитаншу, за Меланію Ивановну! Знатная вышла барыня! Многая ей лѣта!...

— Малаша, что ли? А? Гдѣ ты ее видѣлъ?

— На мосту костыльковскомъ, между ратными людьми....

— Развѣ этотъ офицеръ опять здѣсь?....

— Капитаномъ сталъ и всей командой заправляетъ. Приказалъ тебѣ кланяться. Наказалъ ждать его въ Костыльковку завтра.....

— Завтра!....

И Костыльковъ опять призадумался. Бурей метало мысли его. Рука сама собой хватала кружку съ медомъ. Сидоръ безпрестанно подливалъ и Костыльковъ охпьянѣлъ....

— Си...доръ... Ду...ня...шу.... бормоталъ онъ.

Сидоръ, поддерживая его, провелъ въ опочивальню и съ трудомъ могъ раздѣть. Костыльковъ уснулъ и Сидоръ вздохнулъ свободно. Недолго спалъ старикъ. Безпокойные сны тревожили его всю ночь. Утромъ онъ не приказалъ отворять ставней; запретилъ ходить возлѣ барскихъ оконъ; нѣсколько разъ собирався сказать Дуняшѣ, что задумалъ подъ хмѣлю Иванъ Степанычъ.... и не рѣшался. — Лукмыкинъ выручилъ старика. Онъ пріѣхалъ съ десятью драгунами.

— Здравствуй, Сидоръ. Что Иванъ Степанычъ?

— Почивать изволить!

— Поздненько. Мы и подождемъ. — Ну, что тутъ у насъ хорошаго дѣлается?....

— Да гдѣ тутъ у насъ быть хорошему!....

И Сидоръ разскабалъ, какъ Костыльковъ задумалъ овладѣть его Дуняшей.

— Не сможете, бѣдная; году не проживетъ; а ему это и съ руки будетъ. Такъ подумай, господиныхъ капитанъ, каково-то отцу....

— Авось горю поможемъ. Буди его и подай ко мнѣ. Я его приму въ руки по-своему.

Долго ждать пришлось Лукомингу; наконецъ Костыльковъ вышелъ, блѣдный отъ страха, но со всѣми привнаками вчерашнихъ излишествъ....

— Здравствуй, Иванъ Степановичъ!

— Здравствуй-те, не знаю какъ васъ кликать....

— Изволь, я, пожалуй, и титулъ мой повторю, коли ты въ мѣсяцъ съ хвостикомъ позабыть успѣлъ....

— Какъ мѣсяцъ! Да я васъ не видалъ почитай три мѣсяца. Въ августѣ изволили быть здѣсь, а теперь уже ноябрь....

— А на Москвѣ?

— Чтò на Москвѣ?

— Полно, Иванъ Степановичъ, какъ тебѣ не стыдно! Семень, Романовъ сынъ, Лукоминъ, капитанъ-лейтенантъ карамзина полка, а гвардiи семеновской унтер-лейтенантъ, ужь не такая опять ничтожная прѣшка, чтобы забыть....

— Да я васъ не забылъ....

— А забылъ только, видно, про долларъ. Денежки-то брать умѣли, а пришелъ терминъ, такъ и на Москвѣ не были....

— Деньги, какiя деньги?

— О, да это изъ рукъ вонъ! Ты кто такой?

— Да вѣдь вы, Семень Романовичъ, знаете кто я такой....

— Я, братъ, деньги и самъ беру, и другимъ даю, да никогда про то не забываю. Деньга счетъ любить. Кто не бережетъ копѣйки, говоритъ нашъ великiй государь, тотъ самъ не стоитъ рубля. Такъ вотъ и все-туть. Подай мои деньги, и кончено.

— Да какiя деньги! Ради Бога, чтò вы тутъ гордите?

Только страхъ нагоняете. Такія шутки непристойно шутить....

— Ахъ ты, скародъ этакой! Такъ ты и не знаешь какія деньги? Не сотня какая! Какъ на Москвѣ брагъ, такъ не торговался.

— Я! на Москвѣ! Да я на Москвѣ отродясь не былъ!

— Такъ ты не Костыльковъ?

— Тьфу ты притча какая! Да растолкуйте, пожалуйста, чего вы отъ меня хотите?

— Такъ ты не Костыльковъ?

— Нѣтъ; не Костыль.... только, право, вѣдь вы лучше меня знаете....

— Да кто васъ разберетъ! Такъ видно Иванъ Степанычъ съ Москвы не вернулся....

— Нѣтъ, не вернулся.

— А! Ну! Такъ дѣло другое! Мы и безъ него обойдемся! Деньги свои доправимъ. Ну, а ты кто?....

— Я?

— Ну, да....

— Я не я! Я другой! Сидоръ, какъ зовутъ того? Я, право, не письменный, въ столъ положилъ, такъ и жить....

— Чтò? Ты уже и не письменный! Пожалуй, не ты эту заемную крѣпость подписывалъ?

— Какую крѣпость?

— А вотъ эту.

— Не я!....

— Ну, не ты, такъ

— Право, незнаю

ся. Ну?

— Тамъ пр

Ванька Лом

— П

Се язъ, Иванъ, Степановъ сынъ, Костыльковъ, закладъ еси у капитана-лейтенанта, гвардіи семеновскаго полка унтеръ-лейтенанта, у Семена, Романова сына, Лукомкина на всякой нашъ расходъ, что намъ въ Москвѣ и въ Питербурхѣ живучи, чѣмъ сытнѣи быти, три тысячи рублевъ, денегъ московскихъ ходячихъ, примыхъ, безъ приписи, септемвріа отъ двадесять-осьмага числа, октобріа по двадесять-осьмое жъ число нынѣшняго семьсотъ-осемьнадесятаго году, до того срока безъ росту; а въ тѣхъ деньгахъ заложилъ еси, ему, Лукомкину, отчину свою въ.... уѣздѣ въ кудинновскомъ погостѣ Старую Усадьбу съ нашнею, и съ сѣнными покосами и съ лѣсомъ и съ рыбными ловли и съ бобровыми гоны и съ поровѣсьи и со всякимъ угодымъ, что изъ той отчинѣ бывало изстари по тѣмъ, куды водила соха и коса и товоръ, по старымъ межанъ, какъ было изстари, и какъ по мешевальской памяти досталася та отчина отцу моему Степкѣ, Федорову сыну, Костылькову, отъ врежняго тоя отчинны помѣщика Степки же, Петрова сына, Полоскова. А заплатитъ мнѣ тѣ деньги или прикащику моему Ванькѣ Ломкину въ срокъ нынѣшняго года октобріа въ двадесять-осьмое жъ число безо всякія волокиты. А будетъ я тое отчины на тотъ срокъ не выкуплю, которой въ сей записи писалъ, и на ту отчину будетъ ся закладная и купчая, безъ выкупу. А будетъ я, или Ванька Ломкинъ, учнетъ чинитъ сей закладной и купчей, каковую помѣху, то воленъ онъ, Лукомкинъ, съ того Ваньки Ломкина править сю записъ по уложенью, безъ подставы другихъ людей мнѣ. А та у меня отчина, окромя ему, Лукомкину, не продана, ни заложена и по душѣ ни въ которой монастырь, ни церкви, ни въ дамя, ни въ рядные, ни въ закладныхъ денежныхъ, и хлѣбныхъ, ни въ чемъ ни у кого не написана, ни въ какихъ крѣпостѣхъ не укрѣплена. А на то послухи: Кирилло, Александровъ сынъ, Чезушкинъ, да Семенъ, Михайловъ сынъ, Бузина, да Иванъ Григорьевъ, да Игнатой Патракиевъ, да Юрій, Антоновъ сынъ, Лошаковъ. А сю закладную записъ писалъ московскій площадной подъячій Анисимъ Абрамовъ, лѣта 1718, септемвріа въ 28 день. — Язъ, Иванъ, по сей закладной, деньги занялъ, и отчину заложилъ и руку приложилъ.

— Тутъ опять идутъ послусяи руки, заключилъ Лукомкинъ, и сложивъ бумагу спряталъ въ карманъ....

При объявленіи, что денегъ взято три тысячи, Костыльковъ возопилъ: «Три тысячи! Иуда!» Но при дальнѣйшемъ чтеніи онъ только по временамъ восклицалъ: «Господи! Боже праведный!» и тому подобныя молитвенныя выраженія. Когда Лукомкинъ кончилъ, Костыльковъ

схватить себя за волосы и кричалъ во все горло: «Подлогъ! Разбой!»

— Ванька! грозно сказалъ Луконкинъ: давай деньги! Или....

— Не дамъ, хоть зарѣжь, и усадьбы не дамъ, не сплутете, не удастся; обличать и тебя и Степанъича, по суду разьяшудь, казнить....

— Ужь только не меня. Я знать не знаю, кто изъ вась Костыльковъ, кто Ломжинъ, кто отчизникъ, кто приказникъ: мнѣ мои деньги всегда вернутся по законамъ, а ты объ какъ тамъ хочешь, хоть всю голову оборан, ничего не поможетъ. Ну, Ванька....

— Да я же не Ванька! Вотъ тебѣ! Я Костыльковъ....

— Можетъ-быть! За глаза деньги занимали. Приказные подъячье приносили мнѣ костыльковскія бумаги; тамъ и стольникъ Кольчевъ и губернаторъ руки приложили, такъ мнѣ вѣры не имѣть нельзя.... А если ты Костыльковъ, такъ ты и плати, или давай Старую Усадьбу, а не отдашь, въ судъ! Справимся! Впередъ не бери денегъ, не давай записей поди нечѣмъ платить....

— Провались ты....

— Тяжело! За безчестье и всѣми своими отчизнами отдѣлался, холоду ноганыи!

— Я холоду?

— А кто же ты? Коли ты Костыльковъ, покажи бумагу, а что ты Ванька Ломжинъ, въ томъ есть уже бумага. Ну, въ послѣдній разъ спрашиваю? Платишь?

— Нѣтъ!

— Ну, такъ не сердись, если тебя выведутъ передъ воеводскую канцелярію и побоями стануть мой долгъ давать. Другаго за себя не поставишь: такъ и въ записи сказано.... Прощай!

Луконкинъ уѣзжалъ.

— Чтò вы надѣлали! Иванъ Степанъичъ и мнѣ-то что не сказали? Не стыдно ли? Подумайте, чтò тутъ будетъ?

— Ничего не будетъ! Воеводиха выручитъ. Втюрилась въ меня по-уши. Пусть же теперь и отстаиваетъ. Баба проклятая! Ужь лучше бы я пошелъ служить!

— И точно лучше!

— Ты, хара, какъ съвѣешь разсуждать! Туда же лѣзешь съ совѣтами, животное! Стоять, молчать, а еще писемочку!

— Да какъ же мнѣ говорить, когда вы сами отъ себя отреклись....

— Опять уменьшать! Довольно! Чтѣ безъ времени тужить. Воеводиха уладитъ, а пока чтѣ будетъ, подавай сюда Дуняшу. Хочу съ нею перемолвить....

— Иванъ Степанычъ!

— Не могу! Сердце одолѣла, а какъ теперь раскоднелся, такъ ничѣмъ не уймешь. Ступай, а нето худо будетъ....

— Иванъ Степанычъ!

— Конечно, говорю, и немыслию своего слова!

— Ванька! сказалъ Сидоръ значительно: Иванъ Степанычъ на Москвѣ....

Костыльковъ оторошѣлъ.

— Вотъ въ этой бумагѣ, что у меня въ рукахъ, продолжалъ Сидоръ, вразумительно написано, что Иванъ Степанычъ поѣхалъ на службу царскую, а тебя, Ваньку Домжина, оставилъ свои отчины вѣдать. Онъ нашихъ животныхъ и тѣлесъ хозяйничать, а ты за нашей доброй службой смотри и господскихъ колопей обижать не изволь. А мы свою службу честно правимъ; и если ты отъ моей дочки не отстанешь, то я поведу всю дворню соберу и волю Ивана Степаныча всемъ объявлю. Почему мы знаемъ, что ты не Иванъ Степанычъ, а Ванька Домжина!

Костыльковъ сѣлъ на стулъ и безсмысленными глазами смотрѣлъ на Сидора. Старикъ съ бумагой стоялъ чинно и смирно поучивъ глаза въ землю....

— То-то же, Иванъ Степанычъ! опять началъ старикъ: попалось въ бѣду цѣнскоднубую, а бѣсовница отъ ума поидеть. Богъ казнить за Меданью. Не вѣривая все мнѣ, что она не крѣпостная ваша; не слушала, что матушка вамъ заповѣдала, умирая, беречь Малану, чтѣ сестру и отчий грѣхъ очистить.... Присъмыгъ! Такъ! Безъ рѣду, безъ племени. Принесли ихъ на усадьбу двоиныхъ; мальчишка и дѣвочку. Въ ту же ночь какъ принесли, мальчишкѣ пропалъ. Больно сердился Степанъ Федоровычъ, людей небилъ,

погоно разослать, не нашли и слѣду. Ужъ если бѣ въ этихъ дѣтихъ не сидѣла тайность, Степанъ Федоровичъ и не подумалъ бы заботиться объ нихъ. Видно, было не ладно. Матушка, кажись, знала правду, да память мужа берегла. Рано умерла Марья Савишна; не такъ бы пошло.... И вѣсто она съ Малашей какъ родныхъ вела; не ребенкомъ же беспомытнымъ васъ оставила: по семнадцатому году; можно было помчать завитъ. И въ тѣ проклятыя дожники, когда сломалъ васъ нечистый на грѣхъ, сколько словъ истратилъ глупый Сидоръ, сколько слезъ пролилъ и молился, ващей матушкѣ молился.... Не помогло.... Принимай казнь Божія!

— Сидоръ! Сидоръ! Чтѣ же намъ дѣлать теперь!...

— Покоритесь волѣ Божіей! И съ того начать, что послать кудимовскому нону указъ, чтобы пересталъ молотить на гумнѣ, крестьяне ему вымолотятъ. А то на чтѣ похоже, на Покрова въ церкви службы не было; ночь съ причетниками озвную сбѣлѣ. Много, много во весь годъ три службы отиравлено; люди безъ церкви живутъ, а отъ того, что баринъ туда никогда не ходитъ. По отходѣ Марья Савишны мы и у исповѣди не были!... а грѣховъ-то не мало накопилось. Ужъ развѣ мы расколениковъ тѣшишь!... Но-идему для церковниковъ укажи міру работать, а те правду сказать и имъ-то ѣсть нечего будетъ, когда-они должны и всначать и засѣять, и снѣтъ; а міру-то что дѣлать? Въ одинъ день больше сдѣлаютъ, чѣмъ ночь причетниками въ три мѣсяца. Погостъ большой. Такъ Иванъ Степанычъ, церковь открыть.... Вотъ, завтра воскресный день....

— Хорошо, хорошо, Сидоръ.... Все сдѣлаю.... Душаю, такъ ты меня не выразишь, хочу жонить....

— А я не хочу. Не пристойно. А если захоу свое жонить, такъ и простись съ Сидоромъ. На сеорамся.

— Ну, благо, благо! Вели заложить таратайку, въ Кудимовку, къ нону поѣду. Отслужу молебень, эта притча на другой бошь перевернется....

Поѣхалъ Костыльковъ въ Кудимовку. Вернулся довожно воедно и къ удивленію замѣтилъ, что на усальбѣ на-

кого не было видно: даже не кому было принять таратайки. Костыльковъ кричалъ, звалъ, напрасно. Нечего дѣлать; соскочилъ отъ съ таратайки, вошки отъ лошадей привязалъ къ крыльцу; вошелъ въ хоромы. Тамъ сидѣли Лукомкинъ, новый земскій комиссаръ, и еще два комиссара.

— Вотъ онъ, Ванька Ломжинъ! сказалъ Лукомкинъ.

— Ванька Ломжинъ! сказалъ земскій комиссаръ весьма покойно: закладная крѣпость господина твоего читана тебѣ или нѣтъ?...

— Читана! поблѣднѣвъ отвѣчалъ Костыльковъ.

— Подай межевальную память на отчину Старая Усадьба.

— У меня никакихъ бумагъ нѣтъ.... Я не отдамъ Старой Усадьбы; она....

— Послушай, Ванька, перебилъ комиссаръ: сего числа подана въ судъ заемная ея крѣпость, признана судомъ исправною, а мнѣ указано привести немедля въ исполненіе. А если ты хочешь долгу моему предшодить, такъ я поступлю по уложенію, по главѣ X, по пункту 204, который въ указѣ семь мнѣ данномъ, прописанъ. Тутъ сказано: «А на правожѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ бити до тѣхъ рублѣвъ, покамѣсть съ должники роздѣлаются». А какъ во указѣ той же главы 261, рѣчено, что имъ или людямъ своимъ стоять на правожѣ во стѣ рублѣхъ мѣсяць, а какъ указъ мой за себя указалъ на правожѣ поставить Ваньку Ломжина, безъ всякой подставы, то я и безъ Ваньку Ломжина, и представляю въ судъ, и тамъ судомъ прикажу бити немедленно, покамѣсть съ должники не росчитаеться, или до учету по сту рублѣвъ за мѣсяць.... Вотъ тебѣ указъ, и побѣдѣ. Да и чудно, что ты думаешь свое добро стоишь! Есть деньги, плати; нѣтъ денегъ, отдавай Усадьбу; а побоевъ, молокососъ, не много не платишь, и господинъ тебѣ не скажетъ спасибо....

— Да комулу!...

— Да что ты, судъ, что ли! Дѣло простое. Крѣпость на лицо. Толковать нечего. Указъ и написали. А я комиссаръ — не Галунчиковъ. Я солдатъ. Что приказано, то я чиню со всякою исправностью, какъ доброму солдату надлежитъ.

Ну, Ванька! Я съ тобою чинишься на буду. Поѣдемъ, а на-то повезу,...

— Да какъ же это воевода ничего не говоритъ на те-кее....

— Да что тутъ воеводѣ за дѣло? Не по его части. Онъ сторона. Судъ рѣшить, земство править....

Уныніе овладѣло Костыльковымъ. Онъ сталъ горько плакать. Коммиссаръ разсердился.

— Да ты видно продувной; думаешь разжалобить стара-го солдата! Говорю тебѣ, ѣдемъ. А господа коммиссары опечатають твои бумаги и доставятъ въ судъ, а потомъ и къ хоромамъ привѣсятъ печати, чтобы паче чаяніа добру хозяйскому, пока ты будешь стоять на правожѣ, не учини-лось какого ущербу. Ну!...

— Дѣлайте, что хотите! Я на все согласенъ, сказалъ Костыльковъ, рыдая и бросился въ пресла.

— Давно бы такъ! Давай деньги!

— Денегъ столько нѣтъ.

— Такъ давай бумаги....

— Спросите у Сидора.

— Коммиссаръ, спроси.

Сидоръ, утирая слезы и всхлипывая принесъ мешочекъ-ную запись.

— Ну, теперь, ты, плакса, старикъ, води прикажи-шадой подавать, и Ванька съ нами поѣдетъ.

— Увольте....

— Нельзя. Надо введъ справить. Ты доложишь на лицо и на отводной руку приложить, и отъ господина-питана и унтера-лейтенанта крѣпость съ пошитою за-нять.

— Я неумѣю писать....

— Такъ я за тебя расписшусь. Такъ ли, господа коммиссары?

— Совершенно такъ.... Только Ванькѣ надо сѣсть на лицо и между обойти....

— Лошади готовы, рыдая сказалъ Сидоръ, и всѣ по-шли въ путь.

Обѣхали всю границу, повѣрили межи, и наконецъ прибыли къ Старой Усадьбѣ поздно вечеромъ, когда сосе-

словно смерклося. Жизненный видъ представлялся глазамъ ихъ. У разложенькхъ во всему берегу рѣки огней, умна-ли команды. Въ кружалѣ шла музыка и нѣси, а въ хоренахъ всадѣ горѣли огни.... Въ главномъ покоѣ, весьма обширномъ, накрыто было къ ужину; штабъ корпуса давно уже собрался туда, но никто не прикасался къ ествамъ, ожидая командира.

— Ну, вотъ теперь распишемся на отводѣ и дѣлу ко-воцъ. Такъ ли, господа комиссары!...

— Совершенно такъ.

— А какъ писать?

— На отводѣ были, а потомъ руки....

— Кому прежде?

— Новому владѣльцу.

Лукомкинъ подписался.

— Ну, теперь за тебя, а какъ зовутъ?

— Право забьтъ.

— Ванька, Сидоровъ сынъ, Ломжинъ, подхватилъ Лу-комкинъ.

— Ну, вотъ я черкнулъ. Теперь кажется вамъ, госно-да комиссары.

И тѣ расписались. Лукомкинъ сдѣлалъ помѣту на крѣпос-ти и поднесъ Костылькову.

— Ну, Ванька, вотъ тебѣ крѣпость! Не хочешь ли за-нять горе заморскимъ?...

— Захлебнись ты, окаянный! съ бѣшенствомъ ссаялъ Костыльковъ, и уѣхалъ въ Костыльковку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ПРОМАХИ.

«Квинтилианусъ! Что, если бы ты читалъ нашу насто-ящую, не греко-славено-латинскую, а галло-германе-рус-скую литературу! Какимъ бы ты былъ ужаснымъ львомъ! Куда выгнаннымъ нашимъ брадатымъ, сквознымъ эссе-ромъ Нельсономъ Просекта, противу тебя, о Квинтилиа-нусъ! Ты ходилъ въ длинномъ черномъ зинурѣ, съ сто-лчымъ воротникомъ; въ двѣнадцати пуговицъ на груди твоей пребывало въ цѣлести иногда двѣ, а иногда и од-на; господей въ самоти вѣнчать было не укажено; даже

политикажами, любезными картинками вышивалого убька. А теперь, о Квинтилианусъ, ложись въ исторію!

Уже мѣсяць прошелъ съ-тѣхъ-поръ какъ Квинтилианусъ посѣщалъ Степаныча почти каждый вечеръ. Прошли они грамматику, которая хотя и называлась словенскою, но въ существѣ была латинская. Но этого Степанычъ не могъ замѣтить; и надо правду сказать, маго о-ю и занимался, а больше упражнялся въ чтеніи книгъ и рукописей, которыя учитель доставалъ ему разными средствами. И это было любимое препровожденіе времени Степаныча. Товарищъ его, Жатвой, вездерогль, являся на смотръ, признанъ годнымъ и отправлялся на окончательный смотръ въ Питербургъ въ военную коллегію. Не будь Квинтилиануса и книгъ, по вечерамъ пришлось бы умереть со скуки. Но въ мѣсяць чего не перечтешь и всѣ запасы Квинтилиануса, годные для Степаныча, истощились. — Дочитывалъ онъ послѣдній запасъ, «Театронъ или позоръ правоучительный», и съ горестію по-сматривалъ на свою библіотеку, которая по части исторіи, географіи и богословіи рѣшительно могла быть признана полнѣйшею. Всѣ книги напечатаны на русскомъ языкѣ до 1719 года, въ собачьихъ переплеткахъ, стояли на трехъ полкахъ въ той комнатѣ, гдѣ прежде жилъ Жатвой. Дочитывалъ Степанычъ; дочитывалъ и; наконецъ, дочиталъ.

— Кончено! сказалъ онъ со вздохомъ, и вѣзъ въ кабинетъ на свою библіотеку. Что бы почитать изъ стараго, что не такъ въ памяти удержалось? Самуила Пусендорфа или Боронія? Квинта-Курція или Деидерія Эразма?... Господи! Сколько на свѣтѣ твоемъ знанія и ученія, и одна память все то удержать можетъ. Все это прочелъ и въдаю, будто самъ изобрѣлъ, въ своей головѣ.... Дивно! А что должно быть въ Питербургѣ! Тамъ-то, я пай, книги вслѣднихъ!...

Пересматривая со свѣчей дорожки и шнурки собачьи-ковъ, Степанычъ вынулъ небольшую книжку и сталъ читать вслухъ;

«... и много-много, съ-вѣдѣннмъ днмъ...»
 «... и много-много, съ-вѣдѣннмъ днмъ...»
 Пречестнымъ въякомъ благоувѣчанымъ

Всѣмъ православнымъ яко солнце даешь
 Да намъ свѣтити яснѣ добротами
 Яко же солнце свѣтлыми лучами.
 Велий есть свѣтъ твой, тьмѣ одолеваетъ
 Мракъ безвѣрїя весьма отгоняетъ.
 Адамантъ въ златѣ нѣсть только красенъ,
 Яко вѣрою духъ твой свѣтло ясенъ.
 Бога во Троицѣ ты едина чтиши,
 И должный поклонъ любезно твориши,
 Подъ нозѣ главу ты сивряи,
 Со смиренїемъ крѣпость соблюдая.
 Что либо саму царству приличествуетъ,
 То святая ти душа державствуетъ.
 Доброты гнѣздо положиша въ тебѣ,
 Во сердцѣ твоємъ живутъ яко въ тебѣ.
 Навходоноссоръ не такъ живяше.
 Аще и скипетръ въ десницѣ держаше.
 Тьмою невѣрства бѣ онъ помраченный,
 Велиемъ чудомъ едва просвѣщенный.
 Къ тому гордости въ сердци исполнися,
 Всѣхъ боговъ наче самъ быти вознися.
 Образъ свой людемъ повелѣлъ бѣ чини,
 Не послушавшихъ въ нещи спалити.
 Три отрцы во огонь повержени,
 Но отъ ангела цѣло сохранени,
 Имъ же царь чудомъ къ вѣрѣ привелся,
 Честь же отрокамъ велика дадесе.
 Что комидійно мы хотимъ явити,
 И аки само дѣло представи,
 Свѣтлости твоей и всѣмъ предстоящимъ,
 Княземъ бодромъ вѣрно ти служащимъ,
 Во утѣху сердець, здравн убо зрѣти
 А насъ въ милости своей сохрани.

(Носить, да вранить.)

— Знатный предисловецъ; хореша и комидїя. Домашно
 быть въ лицахъ дѣйство весьма прїятно для глазъ.

Въ это самое время, послышалася обычный стукъ у
 двери. Въ большой комнатѣ Сергѣя кого-то обижали,
 и въ опочивальню вошелъ Квинтиліанусъ.

— Ивану Степановичу здравїя, долгодетельна и желанна
 книжной мудрости Особрасть Квинтиліанусъ нѣмалѣе
 власть....

- Нѣ тебѣ того же!
- Ну, ужъ мнѣ можно бы и еще пожелать кое-чего.
- А чего бы наприкладъ?
- Дешеть! Завалось у меня отъ твоей щедрости рублей пятокъ. Всѣ спустилъ....
- Потерялъ?
- Потерялъ, только не обронилъ.
- Украли?
- Украли, только на глазахъ подъ личиной честнаго кавиера.
- Да скажи толкомъ....
- Проигралъ.
- Какъ, проигралъ?
- А какъ деньги проигрываютъ? Или въ зерно или въ карты....

— Бога ты не боишься! Вѣдь это грѣхъ, во-первыхъ, а во-вторыхъ, на деньги запрещено играть у насомъ; для забавы, если нечего дѣлать, ну, пожалуй, поиграй, а то въ деньги....

— Господишь мой милостивый! Кто же безъ грѣха. А запретный плодъ слаще. Я, не хуже твоего, вѣстну іерополитику знаю, даромъ-что еще не философъ; но кого однажды въ жизни не соблазнить виномъ, игрою, а наче женщиною! Дивуюсь тебѣ зѣло.

Статень и пригожь,
Съ Аполономъ схожь;
По богатству Крезъ,
Силою Геркулесъ,
А тебѣ ничто
Жены, зерно, вино!!..

Убей меня, а не разумью такой жизни. И отчего такъ оно устроено? Отчего ты не на моемъ, а я не на твоимъ? Умѣлъ бы я управиться съ дарами Божиими. За-творникъ, схишникъ, наче инока въ трудахъ пребываетъ, а шачивъ? Чтобы состарѣться и пожалѣть о своемъ неразуміи. Проигралъ я послѣдніе пять рублей; не тужу; побѣждалъ къ портнихѣ Фемлѣ и утѣшился. Сладкой бо едеи кашаеетъ жена въ горечь жизни и усладить то, чего безъ сея помощи не проглотишь....

— Ты чудакъ, Квинтиліанусъ! Развѣ мнѣ суждено на свѣтѣ?

— А развѣ и весело? Отвѣчай по-прежнему, не мудрствуя! Видишь-ли бѣдъ ты всежъ такъ предвидѣшь, какъ теперь живешь?....

— Боже сохрани!

— Вотъ видишь.....

— Хотѣлъ бы я посмотрѣть на чужія царства; Хотѣлъ бы взойти на величайшаго изъ великихъ, какъ, благодаря тебѣ и твоимъ книгамъ, я разумѣю не по слуху узнаю, а сердцемъ и разумомъ; хотѣлъ бы поучиться ему на полѣ чести, какъ рыцарю пристойно, потому что Меропскій санъ есть не иное что, какъ чинъ рыцарскій; Хотѣлъ бы побѣдъ въ баталіяхъ отлучить, наукой славными учиться, оставить отчизнѣ о себѣ память добрую и умереть за нирра и отчизну.....

→ И только?

→ Кажется, только.

— Скажи лучше: только кажется, а на дѣлѣ еще многое бы поспѣвать, и поспѣвать. Батя не созданъ шаловѣлка, чтобы бѣды ему одному; тамъ ужъ мудрствуй, не мудрствуя, а подейди на тебѣ молодая, смелаяя баба, всѣхъ интриговъ бросишь, да за нее пойдеши. Я тебѣ рассказывала же притчу о знатномъ философѣ Аристотелесѣ: баба осѣдлала, а въ той комедіи о царѣ Навуходоносорѣ, что мы съ тобою читали, Олофернъ какой былъ воятель, никто его одолѣть не могъ; а пришелъ другой полкъ, и Олофернъ сталъ слабъ. И какъ глѣбо слабость его въ комедіи изображена! Помнишь ли? Олофернъ былъ врой и пиролюбекъ; такимъ случамъ что вино, когда я, слабый смертный, возмизаю косую и бодрости нимае не лишамся, а онъ, врой, вынулъ однимъ кулакомъ и ошальтилъ. Не отъ вина, Мишь Етчановича, чѣмъ красота будеса творить; и по мнѣ съ большимъ достоинствомъ гредѣ съ седьмого дѣйства по ладной прираженносна. Вынулъ кубокъ одинъ, а какъ дошла рѣчь до етчанова съ Юдмою, когда она на желанія его издѣлала и похвальною склонилась, что гласитъ Олофернъ?

«Не зриши ли, прекрасная богиня, яко сила правды твоея мя уже отчасти преодолеваетъ, истребляетъ, но

судя и ожидая мзды; хочу же говорить, но даяркамъ больше шепротрещи не могу; хощу, хощу, но не могу же; во тебе есть вина, же оны слыи прасоты твои азъ виднаиди.....»

Природно, весьма правда! Такъ и съ нами бывають....

— Ты, милне, поизбравъ другую компанію, которуя самъ избравъ еси, явилъ въ конвасідованіяхъ сластолюбивыхъ Лейнахъ.

— Которая комидія?

— А «Ужасная измѣна сластолюбиваго житія въ пироблажъ и Лейнаръ избранныхъ»?....

— И ты позабавь, что это зрѣлище дѣйствіемъ явлено при запустныхъ пированіяхъ отъ благородныхъ великороссійскихъ младенцевъ. Понимаешь ли, милостивый господино? Въ запусъ, то есть, о святцахъ; младенцевъ, тогда мы были младенцы. И зрѣлище было явлено іероглифически, то есть, обрамъ... Такъ-себѣ, притча—и тамъ. Да я же не разреть не знаю. Бываетъ, если любовнику какую упрощишь, такъ уже и разреть такъ; а когда дѣвственницу въ жену поять хочешь, до свадьбы тоже волочишься за нею на все время, а на свѣтъ, а за все-таки въ томъ нѣтъ. Молоко. Орудури и тудже. Дрещіе были по-умише насъ; въ нашихъ московскихъ Лейнахъ нѣтъ такой мудрости, некал прещасимъ. Лейнахъ, ехъ сарбедга признается. Рамлика полсвѣтомъ обладаніе имѣли, а у нихъ. Ата аманді, то есть, ирина любви была кивной представлена. Ондіусъ Назо, то есть, въ Цасомъ или Носатилъ, какъ, соблазнительна женское это дѣло описать, что я на память берушь, да жаль, что ты не-милнѣ не ревумьешь. На гражданскій руссійской языкъ еще нѣтъ тому дѣлу толкованія, но зато рѣшии такъ-что ивъ печати Меморандамъ того же аутора или превращенія въ лицахъ, дѣло, удивленія всакого дѣстольное. Не могу я тебѣ привести. Зерны спелебы мои прещасимъ... Пустьъ разра.м. Ну, прости милостивый господино, бѣсса издѣять: по рано; прещасимъ и такъ поидригъ, что я у тебя засиживаюсь....

— Жаль, кто не у меня, а у зержидивовъ.... И дѣлаги бѣса бы цѣны и нѣтъ было бы не такъ скучно. Нѣтъ и не прикладъ буди дѣлать

— Дага! Въгъ ивнннъ, будь любовника, такъ и поидеъ

бы на амуры; разогналъ бы скуку, осыбилизъ бы мозгу и съ новой силой принялся бы за работу.

— А сегодня, спросилъ Степанъчъ, нельзя уже той книжки искупить?

— Типографія заперта. Есть, правда, у товарища, да онъ безъ денегъ не отдастъ, потому что эмиссионныя ригерамъ не вѣрятъ.

— А что стóитъ?....

— Полтина.

— Ну, такъ вотъ что, Квинтилианусъ, я съ тобой пошла конюха, а ты искупи и отдай ему ту книжечку.... Вотъ тебѣ деньги!

— Да ужь дай и мнѣ полтину на расшиву....

— Изволь! Тебѣ я не жалю; ты же меня всякими добромъ усердно снабжаешь....

И Квинтилианусъ отправился. Степанъчъ, не имѣя что дѣлать, закинулъ себѣ руки на спину и сталъ ходить въ большомъ покоѣ взадъ и впередъ. Задумался онъ не на шутку.

— Охъ, Иванъ Степанъчъ, сказалъ Сергѣй, неотлучный стражъ тайника, въ которомъ хранилась гербовая бумага: Заучитесь вы дотога, что у васъ ужь за разумъ зайдетъ....

— Богъ помилуетъ. А что, Сергѣй, козлиныя перестали проситься въ покой?....

— Перестали, какъ я ему дверьми несъ врещеннѣ. Теперь только мнѣ со двора идетъ, такъ къ крыльцу своротить, да ошенился и поидетъ себѣ-дальше.

— А что, онъ всё-еще въ банѣ живетъ?

— Въ банѣ. Только ему нынче плохо приходится; какъ пошла холода, стали топить: дымно; у дѣвухонъ глаза разболѣлись.

— Право? Такъ ужь не охростать ли нѣтъ дома? Да жаль: Удобень, всторонѣ стоитъ, ни откуда никакова амура Никто чужой незабредетъ. Тепло.... Ну, да завтра ты мнѣ напомни....

Принесъ конюхъ Овидіуса. Съ жадностію схватилъ Степанъчъ за Метаморфозы, нѣсколько страницъ уже vorазилъ ли его сладостными впечатлѣніями.... Бросило его на жарь.... Глаза воспалились.... Онъ не могъ читать дальше.

О, Квинтилианусъ! Не смѣялъ бы Степанычъ описѣть за эту книгу, если бы зналъ.... Но не будешь шибать: шоррическому тѣну. Вспрады! Мечты зарылись въ разогрѣтый воображеніе.... Степанычъ не могъ ни учиться; не смѣлъ свѣту, хотѣлъ насильно уснуть; не тутъ-то было; еще хуже; нужно же было Метаморфозамъ пошесть въ руки ему, тогда, когда онъ уже проглотилъ тошноту и не могъ понимать языкъ боговъ, хотя и въ ужасномъ переродѣ. Но всему есть конецъ; и мечты устали, улеглись; Степанычъ заснулъ, но сны не отходили отъ его изголовья, потому что онъ въ этотъ вечеръ не поужиналъ, а пустота въ желудкѣ, какъ извѣстно, дича для сновидѣній. Одинъ изъ этихъ сновъ былъ вѣщій. Этотъ вѣщунъ до того растрожилъ Степаныча сладостными ощущениями, что онъ проснулся.—Проснулся; на дворѣ уже свѣтало; Сергѣй воздѣлся въ большой комнатѣ съ матерью; конюхи водили лошадей на водопой; а Чевушкинъ стоялъ у колодца и уныло глядѣлъ на окна своего дому.... Неизвѣстно, какая причина разжалобила Степаныча. Онъ кликнулъ Сергѣя и приказалъ позвать Чевушкина. Старикъ со всѣхъ ногъ бросился къ дому и не успѣлъ Степанычъ улыбнуться, какъ Чевушкинъ стоялъ уже передъ нимъ и кланялся.

— Давненько мы не видались, хозяинъ!

— Давненько, ваше высокоблагородіе!

— Лишній титулъ. Ну, а что, разсчелся ли съ тобою Сергѣй?

— До полушки.

— Безобидно?

— Щедрости твоей мѣры нѣтъ; одно меня убиваетъ и спать не даетъ: за что погрузилъ еси меня въ бѣду и немощь и на ясные глаза свои не допускаешь? Нетокмо я, жена и дѣти мои глаза себѣ выплякали.

— Врешь, лобезный! дымъ выѣлъ. Я и послать за тобой, но этой причинѣ. Домъ твой для меня чертъ-пуръ обширенъ. Съ меня двухъ этикъ покажетъ лаводило; а два другіе и свѣтлицу можешь получить въ свое распоряженіе...

— Чѣмъ велико благодарность мою? Хотѣлъ давно быть человекомъ, хотя объ одномъ некоемъ, да Сергѣй грубо не допускалъ меня и обращалъ въ болван.

— Проще, любезней, но о томъ лейбствѣ насъ, вѣдѣть не приходило; да всякая добродѣль имѣть нечего въ саамомъ. Ты еще принажились, такъ други мои знаешь. Ну, тогда съ Дерябины! Крестина такъ еще паритъ — тѣло. Крестина, что это садитъ — насъ. Добра для твоего здоровья, а здраву съ насъ здоровья, а такъ какъ здоровье!

— Въ благословеніи живи,...

— Переговори богатѣе! Ступай!

Челушкинъ съ навскими поклонами отретировался; въ столовой на одной мѣстѣ маленько остановился — было, да заслыша, что Степанычъ выходитъ, бросился вонъ.

Степанычъ вернулся отъ сендриха очень рано; въ карманѣ у него покоилось письменное свидѣтельство, что онъ, драгунъ Костыльковъ, окончилъ полный курсъ пѣхотной и конской службы и къ той и другой равно способенъ. Сергѣй уведомилъ его, что приходилъ разсылщикъ отъ стольника Колычева и задалъ его въ канцелярію. Радостно побѣжалъ Степанычъ въ Кремль, къ полной драгунской формѣ. Въ канцелярію нашелъ онъ большое собраніе всѣхъ ихъ чиновъ; всѣ они и даже самъ стольникъ почтительно стояли передъ высокимъ, статнымъ генераломъ, который имъ что-то рассказывалъ. Колычевъ, приметивъ Степаныча, обратился къ генералу и сказалъ:

— А! Вотъ мой рекрутъ. Костыльковъ, подожди.

Степанычъ со всею аккуратностью тогдашней выправки подошелъ къ Колычеву и подалъ свидѣтельство.

— Благо, благо! сказалъ стольникъ и передалъ бумагу генералу.

— Отъ вѣдь вѣдь вѣдь! сказалъ генералъ; въ душѣ своей. Наслышавъ, въ канцеляріи: было, тогда въ томъ числѣ при Степанѣ Яковлевичѣ до тѣхъ мѣстъ, какъ замѣтно было! Старый и трусливый! Ступай!

Дисциплина не позволила показать радости; хотя для его вырваннае спавшее удовольствіе, но сендриханъ урны были въ вѣдѣніи. Онъ оидея генералскому рещенію и отнесся въ обличіи несправности. Но зналъ какъ и въ-что его несправности, онъ и не любезничиствовалъ ему такъ какъ пустякахъ; побѣжалъ домой; сообщая свои радости бар-

сѣлъ; Сергѣй возмущаясь, пошла Чевушкину, Чевушкинъ домочадцамъ и за дверьми зашумѣла такая неслыханная рѣвня, что Степанычъ дотащился во-первыхъ, что сосѣдки уже перѣехали, во-вторыхъ, что сосѣдки очень жалуются себѣ востолыща и ни мало на него не сердятся за то, что онъ чуть-балго не солбилъ ихъ въ дынной банѣ. Степанычъ кричитъ, всталъ въ руки Мещерякова и сѣлъ между окномъ и дверью, за которою разговаривалъ Евзими внучки. Давите, разгадайте чаловѣка! Втора ему было такъ скучно; Овидіусъ совершилъ съ нимъ такое дивное превращеніе! Сегодня Овидіусъ сталъ скученъ, а на сердцѣ было несодо. Ковачко, чить тухъ много знаешь, но не мало утешивали и сосѣдки.

О Квинтиліанусъ!

Жоги двѣри шипралакъ очень клятво, но по свойству голосовъ ли сосѣдокъ или слуха Степаныча, онъ могъ разобратъ каждое слово,

— Да Внатно!.... (Эво балъ голосъ Анноны Карловны); Прекрасно! Одинъ мѣсяць и капраль! Этакъ одинъ годъ а запугавъ.... Ну, Груня, а пойду на кухню, а ты идѣсь уберя. Соня, ступай со мной....

— Она одна! идувалаъ Степанычъ, и странное волненіе захватило воинскую грудь новопомолованнаго капрала. Вдраняно, чить..... Нѣтъ, онъ забылъ, что онъ капраль, что онъ драгунъ, что онъ Костыльковъ; подверниъ въ это мгновеніе лонній смѣчикъ, безъ всякаго труда могъ бы анать съ себе личину, которую онъ носилъ такъ некусно и непринужденно.... И Богъ знаетъ до чего бы достигло это волненіе, если бы не вошелъ Сергѣй съ вланкией дровъ. Вскочувъ на барна и замѣтивъ, что онъ въ сильной краскѣ и страннаго виду, Сергѣй обступилъ на порогъ, упалъ и ушибся.....

— Чтѣ съ тобой?.....

— Ничего-съ. Чтѣ съ вами?.....

— Ничего. Не ушибся ли?

— Ничего-съ. Колякѣ кришавъ, да ребро. Вамъ не дурно ли колѣно?....

— Ничего.... Да какъ ничего? Ребро не свой братъ! Пошли.....

— Ничего..... Охъ! Да, право, у васъ жаръ въ лицѣ, и рука-то горитъ. Охъ!

— Пустяки..... А вотъ ты, Сергѣй! Истату, баня оспре-сталась. Эй, кто тамъ?...

— Я вѣдь, не всегдашнимъ услугамъ..... сказала Че-вущкинъ низко поклонясь: имѣю честь и счастье приве-сти достоудинное некайное и подѣйное похваленье....

— Вели истовать баню.....

— Сейчасъ..... воздраленію съ повывощеніемъ въ рангъ корпорала.....

— Баню.....

— Эй, Анфоса, баню!.... И желаю, чтобы столько же поспѣшно вы изволили пройти всю табель о рангахъ отъ четырнадцатаго вверхъ и до перваго.....

— Баню, говорятъ тебѣ! Видишь, Сергѣй бѣднѣйшій какъ ушибся.....

— Ей-Богу ничего-съ, только ребрышко.....

— Нѣтъ, ужъ я этого не позволю. За твою вѣрную службу, чтобы я..... Нѣтъ, Сергѣй! Нѣтъ ли у тебя, Че-вущкинъ, уголка по-теплѣе и по-спокойнѣе, гдѣ бы могъ Сергѣя уложить, пока баню истовать?....

— Помилуйте, какъ не быть! Въ кухнѣ на печи..... а тѣмъ временемъ баню истовать.....

— А въ банѣ вели моимъ конюхамъ водкой его выго-реть.

— Да, да, грѣтой водкой, да еще съ мыломъ.....

— А послѣ бани лежать смирно, до-тѣхъ-поръ, пока я самъ встать тебѣ не позволю.....

— И не трогаться, и не расирываться....

— Помилуйте! вопиеть Сергѣй: да я почитаю здоровѣ!

— Слушаться, Сергѣй!

— Воля ваша!

И Сергѣй пошелъ, насильно поддерживаемый усерд-нымъ Чевущкинымъ.

— О клейменная бумага! о Квинтиліанусъ!

Оба были чрезвычайно обрадованы ловкимъ удаленіемъ Сергѣя на покой. Чевущкинъ, упросивъ на-споро нехо-дѣ изотопить баню, побѣжалъ къ Степанычу. Ирой намъ хотя и былъ доволенъ своимъ одиночествомъ, но успѣлъ:

разсудить, что опрометчивость можетъ дотога испортить дѣло, что потомъ уже нельзя и поправить. Почему онъ хотя и протянулъ руку къ двери, куда влекли его домашняя скука, Овидіусъ и Квинтилианусъ, но слышавъ походку Чевушкина, онъ успѣлъ принять другую позицію и пустился въ ходьбу по комнатамъ.

— Не изволите беспокоиться, сказалъ Чевушкинъ: денъка два пролежать ему придется, но ушибъ не опасный.....

— Жаль мнѣ Сергѣя, да и те сказать надо; что и я остался безъ послуги.

— А мы на что? Дичери мои ко всякой работѣ приучены.....

— За чѣмъ же ихъ беспокоить.....

— Э, пускай привыкаютъ и къ услужливости и къ обращенію..... Будьте благонадежны.....

Не ожидая возраженій, Чевушкинъ отправился къ домочадцамъ и объявилъ Грунѣ нарядъ на службу. Къ-сожалѣнію Степаныча, онъ не могъ слышать какое на нее сдѣлало впечатлѣніе это порученіе; только не прошло минутъ пяти шести, какъ Груня, гладко причесавшая, одѣтая въ то же узкое платье, появилась у порога и стала подбирать дрова, разсыпавшія Сергѣешъ.

— Вотъ ужъ этого, убей меня, Груня, не позволю.....

— А кто же печку топить станетъ?.....

— Да, ужъ пожалуй, вибѣтъ!

И Степанычъ, въ щегольскомъ драгунскомъ мундирѣ подобралъ сколько могъ дровъ и перенесъ въ спальню; Груня дотанчила остальные, — и, вприсѣвъ, стала ихъ укладывать въ печку. Груня, какъ я уже догадывалъ, была больше хороша; а отъ скуки, она показала теперь Степанычу овидіанской красавицей, которая при малѣйшемъ содѣйствіи мимолетическихъ силъ, могла обратиться не въ дерево, не въ птицу, а въ богиню. Размѣры и соразмѣрность ея фигуры, представляли возможность для этой метаморфозы.....

— Чтѣ вы это, Аграфена Кирилловна, носите такое узкое платье! Оно вамъ должно быть тѣсно!

— А вамъ какое дѣло? Тѣсно такъ тѣсно. Не ходите же въ тобиѣ дичи.

— И те права.... А я чай....

Степанъичъ разинулся и покраснѣлъ. Ученость крѣпко заимчива его языкъ и даже характеръ. Отъ, что гонимъ, одиночель.... Однако же отъ те и дѣло поглядывающа на Груню такъ умильно, что другая бы просто растаяла, а Груня преспокойно сидѣла на полу и драга веру съ березы.

— Что бы мнѣ ей сказать такое; сладкое?... извѣстна Станцъичъ. Отъ чего-то вот такія надутыя всегда; Аграфена Кириловна?

— Такъ ужъ раздалась; да и веселѣть бы не шло чего....

— Что жъ, вамъ скучно?

— Отъ чего жъ мнѣ скучно? Работы довольно....

— Охъ! Отъ работы и станцъичъ скучна. Отъ без-то и надо чинить себѣ пріятный отдыхъ.

— Я и отдыхаю, нажманный рѣвъ, какъ цоушамъ.

— Какъ отдыхаете?

— Сплю....

— И долго?

— Часа два, пока не разбудятъ. Матушка-то еще дестя поспать, а ужъ бабка, такъ иной разъ чубукомъ будить....

— Что ты тамъ врешь, Груня! раздалась изъ другой комнаты. Степанъичъ выскочилъ и глазамъ его представилось занимательное зрѣлище. Старикъ вынулъ изъ-подъ полу уже нѣсколько листовъ клеймоной бумаги, и потянулся къ остальному. Услышавъ доносъ Груни, забился; не утѣхалъ и погубить себя.... Степанъичъ бросился на бумажъ, сгребнулъ ее ногой въплоть полъ полъ и оттащилъ ее къ Чепушкина отъ люка, опустивъ поволоку.

— Ахъ къ воръ отамой! скарлатъ Степанъичъ; горько притрадно; теперь мнѣ самому нужна эта бумага; а ты у меня воровать надумалъ. Вонъ отамой! Объявлено тебѣ, что если нора твоя брать въ этой комнатѣ, сейчасъ же до конюхамъ съехать и тебя и бумагу и вразоставяща канцелярію.

— Помилуй! Мне добра!

— Вонъ, говорить тебѣ....

— Да и дѣла, дѣла малость.... Присмотрѣть надо....

— И безъ тебя присмотрѣть. Этакимъ скарлатомъ! И вонъ!

не знаете дитяти какъ сдѣлать... И трубушкѣ башмакъ.

— Да откуда я денегъ возьму?... А трубушкѣ по башкѣ. Какъ разбила у меня трубка, и курить перестала. И табакъ сталъ дороже: куда намъ бѣднымъ людямъ до причесоты; такъ какъ же я ее могу бить, когда я не курю?

— Не волнуйся! Поди сейчасъ въ рынокъ и купишь въ себя торговца съ жемчужнымъ платкомъ... Мушкетерскія шапки, кунтуши, башмаки и юбки швейцарскія, итальянскія на ростъ Груни. У меня слышать, а отъ износима твоего воровскаго платья чуть дышетъ. Пойдешь же ты!..

— Иду! Иду! Груня, швейцарскія!

— А ей зачѣмъ по городу таскаться?

— А какъ же ей привадритъ?!

— Принесутъ. Дома примѣрять... А я денегъ возьму!..

— Срамъ какой! меня всѣ купцы знаютъ!

— Да ты же и заплатишь, а только малюшечко!..

Ну, пошелъ же, а нето бери свою Груню и продай; а себя слугу найми; а на такое мушкетерство сдѣлать не могу. Ступай!

— Смотри же, Груня! сказала старшій зрѣлѣе, какъ чебало и уходи... Становыхъ пошелъ въ Груню!..

— Видишь, Груня, какъ я объ тебѣ забочусь....

— Сивенбо. Только и отъ матери и отъ астронавъ до-рогачей; а набѣжитъ разсвѣтъ, раздѣлаться.

— Если позволю....

— Да тебѣ что за дѣло?

— Есть небольшое!..

— Гляди, не въ свой дѣлъ не лезай!..

— Хочу чтобы ты дѣла моя била!.. Ну, Груня, а ты издерожай, чтобы издѣлать мою!..

— Видишь, куда лѣзетъ!

И Груня выскочила изъ комнаты такъ прѣстро, какъ Становыхъ. Истала Фаниска. Ибо, та сей, съ собой; на это. еще лезни. какъ вѣкъ, сама Фаниска его мажорское дѣланье, и потомъ на мажоръ какъ извѣстно, вѣдѣнныиъ носомъ. Становыхъ: ну, ила, дракала; всемъ дракала; всемъ дракала; она не знала что дѣлать, чѣмъ занять себя; сама извѣстна всю фигуру Груни и ходила какъ лѣтъ секунды. По-

дальше Квантилянуса, столь для него отрадное во всякое другое время, навело на него досаду....

— Ты зачѣмъ? спросилъ онъ, не подумавъ.

— А зачѣмъ же я прихожу къ тебѣ каждый день? Сегодня у насъ воскресенье. Понялъ? Ученья нѣтъ; я съ обѣдней прямо къ второй милости; сегодня, что, по обычаю, дозорный и наводитъ, спать уложивъ, спохватываешь и отпустишь съ честью. Воскресный день весь твой!

— Жаль! сказать Степану.

— А что жаль?

— Прислалъ за мной столярный. Я весь день не буду дома....

— Такъ я и безъ тебя тутъ пробавлюсь.

— Ну, ну!

— Отъ чего жалко?

— Если рожны....

— Прощай....

— Государь тебѣ толкомъ, шельма. И вотъ что я тебѣ долженъ объявить: что я уѣзжаю въ Питербургъ и ученью напекну конецъ. Надо мнѣ тебѣ изградить за твое усердіе; вотъ тебѣ десять рублей, спасибо, и убирайся съ Богомъ....

— Да вер-таки я останусь проводить тебя. Я для тебя и напутственную рѣчь сконюмовавъ, да не успѣлъ выучить; такъ я тебѣ съ папира прочту.

— Не надо.

— Ну, такъ помогу твоимъ сборамъ.

— Не нужно. Все готово. Прощай, Квантилянусъ. А я отъ Калачева найду поблагодарить отца преемста.

— Иванъ Степану! съ чувствомъ сказать Квантилянусъ, ставъ на колѣни.

— Чѣмъ такое?

— Не погуби! Не ходи къ преемнику! Уѣзжай-себя; жаль, да жаль инако; а вѣдь-таки къ преемнику не ходи! Вѣдь беремъ: самъ будешь думать, что ты вѣдь-еще на Машень ушаешься; вѣдь буду кадить къ тебѣ на уроки, и не-мне дашешь чинъ-машинъ-вонъ тирость итд.; новосіирицкихъ сланскихъ-агитаскира Аурисъ!..

— П. Карповъ, только уходи!..

— Гонимое слово?...

— Вотъ мое слово....

— Прости, милостивый и всещедрый господине! Не забуду я тебя до скончанія свѣта, и какъ загадуть пѣтику, отколю въ честь твою похвальное стиховное слово, и надрукую въ типографіи и опубликую... Да будетъ съ тобою Аполлонъ и всѣ девять музъ. Прощай....

— Довольно бы и одной! подумалъ Степаньичъ, когда ушелъ Квинтиліанусъ. Только и одна-то.... Кто тамъ?

— Запрету ради, не дерзаю вступить въ обитель вашу, раздался голосъ Чевушкина: купецъ денегъ требуетъ, а у меня ни полушки.

— Надо прежде видѣть товаръ...

— Да онъ на Грунѣ.

— Такъ можно посмотреть и на Грунѣ....

Прошло нѣсколько мгновеній, вошла Груня, одѣтая въ красивое нѣмецко-венгерское платье. Долго и молча любовался ею Степаньичъ; Груня, потупивъ глаза, стояла посрединѣ комнаты, какъ вкопаная; Чевушкинъ глядѣлъ на нихъ въ-оба черезъ полу-открытыя двери....

— Ну, Груня!.... наконецъ сказалъ онъ: пора! купецъ дожидается....

— А сколько? спросилъ Степаньичъ.

— Пятнадцать рублей за все.

Безпрекословно отдалъ Степаньичъ деньги Грунѣ и когда она ушла, тоска глубокая захватила его сердце.... Дума за думой, и Степаньичъ забьмся; ему представился собственный домъ и Груня въ богатомъ нарядѣ, и дѣти малъ-мала меньше и крикъ и шумъ, а онъ уже офицеръ, онъ на службѣ и знатенъ и славенъ, и жену его зовутъ на ассамблею, о которой онъ уже читалъ въ книжкахъ. Простовата она, да онъ же въ мѣсяцъ съ небольшимъ какимъ чудесамъ успѣлъ научиться, а она, сама молодость, у нея ума природнаго не мало, поучится, станетъ въ Питербурхѣ первой барыней....

Стукъ тарелокъ разбудилъ Степаньича.

— Груня! сказалъ онъ тихо: буду обѣдать въ спальнѣ! Тутъ что-то свѣжо....

Груня стала накрывать въ спальнѣ, а Степаньичъ по-

шелъ на конюшни, взялъ конюха и посидѣлъ у дверей, научивъ въ чемъ будетъ заключаться его новая должность...воротясь онъ увидѣлъ, что стоишь накрытъ, а Груня ставила передъ его приборомъ какую-то горячую похлебку...

— Что, Груня, ты уже обѣдала?

— Нѣтъ, мы послѣ насъ....

— Чай, есть хочешь?

— Еще бы! Съ утра ничего во рту не было.

— Такъ садись со мной.....

— Какъ это можно!

— Да отчего же нельзя.....

— Батько увидитъ....

— Какъ бы не такъ! У дверей конюхъ; а на столѣ книги поставлю....

— Стыдно....

— И, полно, Груня! Вѣдь я тебя не слышу....

— Вы такіе добрые, да мнѣ, право, что-то не видно...

— А отъ того, что со мною чинишься: въ одномъ дѣлѣ живемъ, а будто чужіе. Простота: въ людяхъ не жила. А поглядыва бы ты у бояръ, у богатыхъ; теперь старую глупость выкурили; теперь поняли, что женскій полъ не ниже мужскаго, а напротивъ, выше и старше, и ему всю всякій почетъ оказывать. Что въ томъ, что въ ильменское платье нарядили, а ведешь себя будто деревенщина....

— Что же дѣлать, когда учить некому!...

— Да вотъ я тебя и учу, да не слушайся.

— Какъ же я не слушаюсь?...

— Ну, такъ садись, мой милый!...

— Какъ насъ не стыдно!...

— Что не стыдно?

— Да какая жъ я милый!...

— Это въ хорошеи компаніи, то есть, между порядочными людьми, и боярынями говорятъ!...

— Право? А насъ же какъ порядочной свѣдѣи считать надо?

— Мой милый!...

— Ну, мой милый, вотъ я и свѣдѣи. Я теперь дѣлать грѣшкать; больно вѣсть хочется....

— Вотъ ужъ грѣшкать не Козеринскъ, а азарты Кудмай

моя милая! вотъ тебѣ кусочекъ говядины по-лучше, ты себѣ жиду ввела.

— Спасибо, мой милый, я тебѣ угодить хотѣла....

— Вотъ это любовно, очень любовно....

— Какъ тебѣ не стыдно, мой милый!

— А что моя милая?

— Да о любви-то зачѣмъ говорить?

— Да объ чемъ же доброму молодцу съ красной дѣвушкой разговаривать? Вѣдь это не заправду, а такъ, ради веселія....

— Не заправду?

— А хочешь заправду, тогда не будетъ человека на цѣломъ свѣтѣ счастливѣе меня....

— Это отчего такое счастье?

— Отъ того, что ты красавица и умница. Между боярынями, ужъ сколько вотъ ея мною такъ обѣдали и бесѣдовали, и на любовь просиансь, ни къ одной сердце не легло....

— Ой, какъ стыдно!.... Груня закрыла глаза руками.

— Чего же стыдно? Правда твоя, милая. Стыдно по вашей деревенской глупости. А у насъ, между богатыми модями, гдѣ всякій разумъ живетъ, у насъ себѣ кто захочетъ съ кѣмъ, любись сколько угодно, только тайность держи, потому что у шынѣшной молодежи отцы и матери еще больно глупы....

Ты ли это, Степанычъ! Я не узнаю тебя, но зато узнаю учителя. О Квинтиліанусъ!

— Послушай, мой милый, сказала Груня, вскользя съ мѣста: я схожу на кухню; другое и третье кушанье принесу; а это подумаютъ....

Проворно вернулась Груня и съ улыбкой сказала:

— Батюшка спрашиваетъ, что ты мнѣ тутъ говоришь?

— Ну, а ты, моя милая, что сказала?....

— Стану я ему рассказывать! Говорю: Гиль несетъ про Сергѣя, да про тебя, да шутить, да смѣется....

— Умница, Груня! дай я тебя за это поцѣлую!

— А развѣ и это у богатыхъ водится?....

— Какъ же! Это главное. Ужъ какая безъ того дружба: бесѣду всегда надо подслащивать.

— Ну, ужъ извини, мой милый, сказала Груня съ достоинствомъ: не знаю какъ тамъ у васъ у богатыхъ, а я, окромѣ жениха моего, никого не поцѣлую....

Разговоръ прервался. Отвѣтъ Груни ошеломилъ Степаныча. Оба надулись и молчали. Ни тому ни другой не хотѣлось ѣсть. Оба не смотрѣли другъ на друга.... Само собою разумѣется, первый взглянулъ на Груню Степанычъ.

— Ну, что, моя милая?

— Ну, что мой милый?

— Ты не будешь кушать?

— Не хочется....

— И мнѣ то же!

— Ну, такъ я уберу....

— Постой!

— Что пустяки молоть! И такъ боюсь, не надѣлала ли я чего худаго, что съ тобою такія рѣчи завела....

— Простительно тебѣ, Груня, право простительно....

— То есть, хочешь сказать, что я деревенщина?

Степанычъ молчалъ.

— Пусть и деревенщина! сказала Груня съ сильнымъ вздохомъ и въ голосѣ отозвался плачь сердца.... Степанычъ не вынесъ.

— Что съ тобой, дорогая моя Груня?....

— Отстань, никому не скажу!....

И Груня ушла. Тарелки стояли на столѣ, кушанье также, но никто не приходилъ за посудой. Между-тѣмъ Степанычъ въ сильномъ волненіи сталъ разсуждать и обдумывать свое положеніе. «Если женюсь, такъ размышлялъ онъ: бѣды не будетъ: на службѣ прокормимся на счетъ Костылькова, а сойду со службы, у сестры найду пріютъ.... И проживешь-себѣ на покоѣ важно. Роденька!.... Да роденьку можно и отвадить.... А ужъ жены чего искать лучше. Сама невинность и краса, а умъ... умъ пустяки; теперь мнѣ извѣстно, что изъ него, будто изъ воску лѣпятъ что хочешь. Конечно! Женюсь!» Не успѣлъ онъ рѣшиться, какъ пошла Груня и съ особенною быстротою стала собирать посуду....

— Груня! послушай, Груня!....

Ни слова въ отвѣтъ.

— Я обдумалъ важное дѣло и хотѣлъ поговорить съ тобой....

Груня ушла съ посудой.

— Вотъ тебѣ разъ! Видно, не на шутку разсердилась, а признаюсь, какъ я переодѣлъ ее, какъ она на часокъ неволю свою отложила, да стала будто своя разговаривать.... Нѣтъ, пустяки! Женюсь!—Только, что это мнѣ сегодня такъ душно? Надо пойти прогуляться....воздуху захватить.... Или не поѣхать ли поглядѣть, какъ часовню на огородѣ строить? Или.... нѣтъ, пойду куда глаза глядятъ. Эй, мошохъ! Ложись въ этой избѣ. Никого не пушай! Никого! Славнншы! Хоть бы отъ меня сказывался. Никого, ровно никого!

И одѣвъ въ рукава красивую нѣмецкую шинель, Степаньчъ отправился. Съ крыльца садоваго надо было проходить мимо оконъ сосѣдокъ. Не утерпѣлъ Степаньчъ, поглядѣлъ: у окна сидѣла Груня, съ распухшими глазами; увидавъ его, она отскочила отъ окна. Степаньчъ хотѣлъ уже вернуться, но побоялся показать влннншю нѣжность и пошелъ дальше. Бродилъ онъ по Москвѣ, бродилъ въ думахъ; ничего не увидалъ онъ на улицахъ немощеныхъ, кромѣ грязи, и ужъ какъ стало смеркаться онъ сталъ думать о томъ не пора ли воротиться и кто принесетъ ему ужинать? Или лучше и не ужинать? А то еще вмѣсто Груни кушанье принесетъ Анфиза! Пуще только разобидитъ. И не поѣшь, и не уснешь спокойно! Да всё-таки пора.—И Степаньчъ пошелъ. Стало порядочно темно. Однако же у одного дома онъ узналъ Квинтиліануса, который съ товарищемъ пробирался въ калитку....

— Послушай, говорилъ онъ товарищу: ты хорошеенько осмотри зернь; на пальцахъ прежде свѣсь; а тогда уже въсковъ потребуемъ; а нето въ просакъ попадемся. Ну, Силенусъ, пустимся въ омутъ....

И Квинтиліанусъ нырнулъ подъ калитку, за нимъ Силенусъ; Степаньчъ, по невольному чувству вригнулся и вошелъ за ними въ подворотню.

— Такъ не пустятъ, сказалъ тихо Квинтиліанусъ: окликнуть. Ты и отвѣчай: Охотникъ. Ну!

Всѣ трое, одинъ за другимъ, въ той же подворотнѣ спустились въ подвалъ. Постучались. Кто тамъ? Охотникъ. Впустили. Свѣтъ такъ и брызнулъ изъ подвала. Кто тамъ? Охотникъ. Опять впустили. Кто тамъ? Охотникъ, и Степанычъ вошелъ въ подвалъ. Бутылки, штофы и запахи сейчасъ объяснили Степанычу, что онъ въ «виноградной лужкѣ», которыя уже въ это время завелись на Москвѣ.... Въ первой пещерѣ было мало народу, но много шуму: тутъ только жили. Но зато во второй пещерѣ, стекляной посуды совсѣмъ не было; много ящичковъ было сложено въ одно мѣсто и покрыто сукномъ. Свѣчи горѣли въ обилахъ и Степанычъ нисколько не взглянулъ на окна или двери и замѣтилъ, что они плотно были закрыты досками изнутри. За этимъ столомъ стояло и сидѣла чашовикъ за тридцать. Зершицкъ металъ кости, и груда серебра и золота возвышалась передъ нимъ въ видѣ верблюжьихъ карбона. Квинтиліанусъ не могъ видѣть Степаныча, который сталъ позади его.

Степанычъ осмотрѣлся. Тутъ были и въ старомъ платьѣ съ медалями; и въ новомъ нѣмецкомъ, и въ военномъ; болѣею частью молодые люди; стариковъ было однако же человѣка три, да и зрѣлаго возраста не мало. Но всему видно было, что люди богатые въ большемъ числѣ.

— Полтина! сказалъ Квинтиліанусъ и всѣ разсмѣялись.

— Есть изъ чего руки марать! замѣтилъ одинъ игрокъ.

— Намъ всё-равно, отвѣчалъ зершицкъ: ставъ хоть самую мелкую, только бы серебро; вотъ ужъ мѣди не принимаемъ. Проиграла полтина....

— Вотъ ты съ своей полтиной только счастье потеряешь....

— У всякаго свой счетъ и своя калькуляція. Полтина!

— Я пойду — я пойду.... раздалось нѣсколько голосовъ.

— Пожалуй! Намъ всё-равно, лишь бы деньги. И хорошо, что не пошли: выиграла полтина.

— Три полтины! сказалъ Квинтиліанусъ и выигралъ.

— Шесть полтинъ!

Выигралъ.

— Дефальдаты!

— И я иду, и я, опять заговорили многие и ставили се-
ребро и золото.

— Пронграли!

— А-га! Вотъ въ мое счастье испортили, сказалъ Квин-
тиануся, и опять поставилъ полтину.

— И я поставил! сказалъ Степанычъ, бросивъ неболь-
шой кошелекъ съ золотомъ на столъ.

— Милости просимъ.

Квинтиануся взглянулъ и вскрикнулъ....

— Сиди смирно! Десятая часть—на Аенны! сказалъ Сте-
панычъ....

— Выиграли! закричалъ Квинтиануся, схвативъ ко-
шелекъ:—А сколько въ ставкѣ!...

— Не трогай для счѣтатъ. Пусть это выиграетъ, тотъ и
считаетъ.

— Да что тутъ, багваща, сказалъ Степанычъ, вы-
сыпавъ на столъ золото; тутъ всего тридцать золотыхъ,
шестьдесятъ рублей. Пожалуйте! Вотъ тебѣ на Аенны три
золотыхъ, а двадцать семь идутъ дальше....

— А на Аенны?

— Жирно будетъ. Самому деньги нужны. Знатио: вы-
игралъ! пятьдесятъ четыре; вотъ тебѣ на философію четы-
ре; а пятьдесятъ пенни дальше. Выигралъ! Знатио! Сто
на сто!....

Непрасно перебивали жаръ; сдвинули кружку компаней-
щавшия. Сластоіе вертѣлось на одномъ мѣстѣ и горбы
верблюда нагмалались до того, что подъ ними стало сухо
и видно. Претому ставки Степаныча въ казѣ уже не
было счету. Отбравъ золотые двухъ рублевникъ, Степа-
нычъ сталъ улаживать ихъ съетомъ въ большую кожан-
ную сумку. Игра на время прекратилась. Казначей отош-
ли къ сторонкѣ, совѣтовались между собою, вынимали
деньги, складывались, спорили. Пока шла эта ярмарка,
Степанычъ съ помощью Квинтиануся уложилъ золото
въ кашалъ, складать шепотомъ просебя: тысяча триста,
дѣй тысящи шесть сотъ, обязалъ большой кошелекъ мадыкъ
в однушка за пазуху, застегнулъ мундиръ.

— Ну, товари, серебряшко! адалаъ еще.

Съ необычайнымъ проворствомъ подъ руками Квинтиліануса и Силенуса вырастали столбики въ двадцать рублей, и устанавливались рядкомъ: оказалось рублей серебряныхъ и сѣмковъ тысячу пять сотъ съ чѣмъ-то. Одинъ проигравшійся дворянинъ предложилъ Степанычу пустые свои кожаные мѣшки.

— Тутъ много моего серебра, скажешь онъ: пусть и мѣшки мои идутъ за рублевиками....

— Не беру даромъ!

— Пожалуй, дай что ни сотъ на разживу, авось отыграюсь....

— Бери сколько хочешь....

— Десять рублей. Больше не возиму...

— Какъ волишь! Ну, 2,600, да 1,530, всего 4,130! Ну, братъ, приходится счетъ уравнять; тридцать рублей на Аенны, а сто на ставку....

Квинтиліанусъ не выдержалъ и поцѣловалъ у Степаныча руку.

— Товарищъ, сказалъ онъ тихо Силенусу: не печалься! Твоимъ счастьемъ все это стало, такъ и все по-поламъ.

Между-тѣмъ у казначеевъ образовалась порядочная груда одного золота. Это были запасные капиталы содержателей зерна. Но увы, фортуна видно вазнула на плечахъ Степаныча. Сто рублей перетянуло въ его карманъ еще тысячу золотыхъ. Остальное забрали дольщики. Мелкій остатокъ отъ выигрыша, простирившійся до ста рублей, оилтъ помалованъ былъ на Аенны. Тутъ уже и Силенусъ сталъ шло-вать руки у Степаныча. Игра кончилась! Казначеекъ объявилъ, что они послали еще за деньгами. Но это не ударило игроковъ и компанейщики съ горестью видѣли какъ Аенны потащили за Степаныченъ мѣшки съ серебромъ.

— Ну, Квинтиліанусъ! Наказалъ я зерничиковъ куче полиціи....

— Да и плутятъ же! Фальшивыя кости!

— Какъ же я выигралъ?

— Да вотъ тотъ дворянинъ, что продался, взялъ въ кости, да и растолокъ ногами. Крику было вчера надѣлали да, ба; костей нѣтъ, а другихъ сдѣлать не успѣли, а тутъ и попались. И сегодня бы не попались, кабы ты игрой

нравъ, а то вломалъ вдвое съ такого гигантскаго нумера; семь, шесть, разъ прошелъ et consumati sunt. Зато спасибо и мы съ Силенусомъ богачами стали. Видь у насъ почитай по сту рублей у каждого.

У воротъ Степанычъ остановилъ ихъ. Позвалъ конюховъ, приказалъ принять мѣшки, простился и вошелъ въ свою комнату..... Но только-что вошелъ, какъ тяжкая тоска поднялась съ глубины души нуще прежняго. Робко приказалъ онъ спросить ужинать—и, къ удивленію, та же Груня принесла ему на подносѣ водки, холоднаго поросенка, и кашлуна съ огурцами. Странное противорѣчіе замѣтилъ онъ въ лицѣ ея. Глаза были заплаканы, а уста улыбались.

— О чемъ ты плакала, Груня?

— Я? Чего мнѣ плакать?

— А глазки-то?...

— Отъ дыму! Соня чуть насъ всѣхъ не уморила; чадъ такой....

— Ну, пускай и чадъ! Богъ съ тобою, Груня! Куда же ты?

— Чего же тебѣ еще? Кажется, тутъ все подано....

— Тебя мнѣ надо, Груня! Твоей любви.... твоей руки....

— Прощай! Мнѣ и слушать не пристойно. Если не останешь, такъ не увидать меня ни отецъ, ни мать....

— Чтò ты, Груня, чтò ты, моя милая! Я поутру еще хотѣлъ сказать тебѣ, что я уже порѣшилъ, если тебѣ не будетъ противно....

— Чтò ты тамъ выдумалъ такое? Полно бѣдную дурачить.

— Хочу жениться, Груня! Видитъ Богъ, хочу жениться!

— На конь? съ трепетомъ, едва слышно спросила Груня....

— На тебѣ, душа моя, Груня ненаглядная!

Груня занята была и ушла бы, если бы въ подобныхъ случаяхъ не подоспѣвали, и всегда кстати, услужливыя объятья....

— О, не еоди!... шептала она между безчисленныхъ и

страстныхъ нецѣлуешь: не убой меня, неосмѣстную; не цѣреживу....

Но страстный Степанычъ рѣшительно не давалъ ей говорить; она сама рѣшилась прекратить это звонкое объясненіе и не безъ труда вырвалась изъ рукъ его, спрятавшись и сѣла....

— Милый мой! Боже, что если я ослышалась....

— Нѣтъ, Груня! То моя крѣпкая и непреклонная воля! Но....

— Что но?.... И Груня затрепетала.

— Вотъ что.... Я жениюсь на тебѣ, это такъ вѣрно, какъ то, что мы здѣсь сидимъ съ тобой. Но твой отецъ и вся твоя роденка не должны знать объ этомъ. Ты не знаешь, кто твой отецъ; онъ выдастъ за меня Груню, но ограбить ея мужа; даромъ онъ не отдастъ тебя... Другое, хотя у меня денегъ пропасть, но вѣдь на одиѣхъ деньгахъ не далеко уйдешь. А по отчинамъ у меня идетъ теперь тяжба. Какъ только получу вѣсточку, что все благополучно кончено, тогда мы на вѣкъ спокойны... Еще, душа моя....

— Постой, мой милый! Намъ теперь не слѣдъ объ такихъ дѣлахъ говорить. Право, и такъ что-то на меня косо поглядываютъ.... Завтра я уйду врамечко, чтобы намъ потолковать безъ спашу... Проща!

Видно, фортуна всё-еще села на плечахъ Степаныча: и тутъ легкая побѣда, и тутъ неожиданная удача. Онъ схватилъ перо и бумагу и началъ высчитывать свадебные расходы и разныя издержки на обзаведеніе въ Петербургѣ. Поздно за-полночь бесѣдовалъ онъ съ цифрами и улесал въ самыхъ пріятныхъ мечтахъ и надеждахъ. Нерасчетъ на обаяніе всѣхъ чувствъ, онъ не забылъ уложить кошелекъ на люль, который теперь для него казался дороже и важнѣе выигрыша, потому что подъ этой половицей лежалъ магнитъ, могущій въ нужномъ случаѣ охладить въ Чесушкинѣ всякой избытокъ горячности и удержатъ его отъ великой опасной выходки... Потушивъ свѣчу, Степанычъ еще долго не могъ уснуть, какъ это всегда случается по слѣдствію строгихъ усилій и въ вѣрѣ и въ любви;

но зато утромъ, конюхъ почти насильно разбудилъ Степаньча.

— Что тебѣ надо?

— Барышня принесла закуску... Да ужъ скоро и обѣдать пора!

Можно себѣ представить съ какой поспѣшностью Степаньчъ вскочилъ и одѣлся.

— Проси барышню, сказалъ онъ приглашая голоса: Груня! Душа моя....

— Тише! Конюхъ! Сегодня... въ обѣдъ... Прости! врезалась Груня, поставила на столъ завтракъ и ушла.

День не шелъ, а тянулся безкопечно. Съ *Метаморфозами* въ рукахъ сидѣлъ Степаньчъ у дверей, которыя вели къ сосѣдкамъ, и загадочныя слова Груни разрѣшились. То было двадцать первое ноября, день, въ который празднуютъ Входъ во храмъ Богородицы, и множество именинъ. Въ тотъ же день были именины Марьи Ильинишны, жены бывшего дѣдка и начальника Чевушкина. И дѣдкѣ и подъячій долго служили виѣстѣ, дѣлили братски радость и горе; въ одно время построили себѣ дворы — и въ одинъ день пострадали отъ губернаторскаго указа: были отставлены отъ службы съ безчестіемъ. Казалось, служебное ихъ поприще кончилось; но не таковъ былъ дѣдкѣ, не таковъ и подъячій; оба находили занятіа, оба не только пропитывались, но и умножали въ-прокъ казну свою; зато и держались они въ мирѣ, любви и дружбѣ и по-крайней-мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ цѣлой семьей навѣщали другъ дружку; тогда скупость изгонялась изъ той обители, гдѣ даже домашніе нуждались въ необходимомъ. Шелъ пиръ горой дѣ-повдша и оба, и дѣдкѣ и подъячій, хотя и въ будни пили себѣ чарку, если она приходилась на чужой счетъ, но ужъ въ этотъ день доходили до излишества; жены подражали мужьямъ; и обыкновенно многочисленныя домощадцы приводили родителей домой не безъ успія. А ужъ въ именины, эти дружескіе пиры были еще богаче, хотя ни у дѣдка, ни у подъячаго никогда на именины не приглашались чужіе. Впрочемъ, надо и то замѣтить, что праздновались большимъ широкимъ именины только отца и матери, а дѣтскія изъ календаря исключались; да и зачѣмъ ихъ багаваты! Съ

тѣхъ-порѣ какъ дьякъ познакомился съ подъячимъ и обратно, не прошло ни однихъ именинъ безъ пирушки. И Чевушкинъ съ-вечера уже приготавлился къ празднику, то есть, не ужиналъ, не завтракалъ, постился, жилъ на-деждами; примѣру его слѣдовала и вся семья....

— Пора, пора! говорилъ онъ, одѣваясь въ самое лучшее свое платье.... *Свое*, это такъ только говорится, а оно Чевушкину вовсе не принадлежало, а состояло у него подъ закладомъ года два и по спискамъ числилось проданнымъ: — Ну, что же вы?...

— Да вотъ Груня что-то не хороша.... сказала Анфиза.

— Что съ нею?

— Да съ самаго утра, какъ встала, я сейчасъ подмѣтила, что плохо. Блѣдная такая. То въ жаръ, то въ холодъ ее бросаетъ. Еще на именинахъ надѣлаетъ хлопотъ.

— Экое дурище, право! Нужно тебѣ очень хворать. Что жъ для тебя варить особо, что ли? Матери стряпать въ именины Марья Ильинишны, дрябъ этакая!...

— Да это что? Я обѣдъ для господина капрала изготавила; только подать. Такъ пусть она прежде подастъ; что останется, покушаетъ, да и ложится въ постель....

— Не могу, маменька, ноги не держатъ! Пусть отнесетъ Соня, а я слягу. Совѣмъ изломало....

— Вотъ тебѣ разъ! закричалъ старикъ: этакъ ты и меня безъ обѣда оставить хочешь. Теперь себѣ ложись, а какъ капралъ ѣсть захочетъ и пришлетъ за обѣдомъ, изволь, сударка, встать, отнеси, что слѣдуетъ и тогда ужъ дрыхни. А намъ тебя не дожидаться....

— Кирило Александровичъ, сказалъ вошедшій конюхъ: пожалуй! баринъ спрашиваетъ....

— Сейчасъ! А что бы васъ всѣхъ не легкое! Того гляди еще пошлетъ куда-нибудь; опоздаемъ.... Ну, хоть вы проворнѣе одѣвайтесь....

Чевушкинъ ушелъ и воротился очень довольный. Удружилъ! Ай-да удружилъ! Ушелъ къ Кольчезу; говорить, тамъ и обѣдать будетъ, тамъ и вечеръ проведетъ. И ты то же, Анфиза! Право, не знаю изъ чего ты сибѣишнѣ всегда! Ну, за чѣмъ ты кушать ему не спросяся готовила? Спрячь

къ завтраму. А Груня, ты—больная; въ ротъ ничего не можешь взять; ложись; укутайся хорошенько и спи! Ну, пойдёмъ!

— Ложись, ложись! крикнула Анфиза, очень довольная болѣзнью дочки: а я твоимъ кунтушомъ и шапкою щегольну....

— Ужъ оно бы лучше Сонѣ, замѣтилъ старикъ.

— Да что она, невѣста что ли, али женихи тамъ будутъ?.. Ну, пойдёмъ! Прощай, Груня!

— Прощай, дочка!

— Прощай, сестрица!

Время было обѣденное. Степанычъ, прогулявшись въ ближнихъ улицахъ и примѣтивъ изъ-дали, что хозяева ушли, бѣгомъ пустился домой. Приказалъ запереть ворота и калитку и безъ спросу, не пускать никого на дворъ, хотя бы то былъ самъ хозяинъ.

— Это потому я дѣлаю, сказалъ онъ дежурному конюху: чтобы и вы могли всё отдохнуть ради праздника, да потѣшить больного Сергѣя. Вотъ вамъ денегъ. Купите себѣ вина или лакомства какого. Только глядите, чтобы ворота....

— Вѣтеръ не пройдетъ! Не изволь бояться, а за милость благодарствуемъ....

Степанычъ заперся изнутри и подошелъ къ дверямъ рая:

— Груня!

— Душа моя! Не знаю какъ быть! Не могу къ тебѣ выйти! Кунтушъ мать захватила....

— Какіе тутъ счеты между женихомъ и невѣстой! сказалъ Степанычъ и отворилъ двери....

— Ай, какъ стыдно!

— Когда ты перестанешь стыдиться?...

— Не могу, не могу! Подай мнѣ вонъ хоть этотъ платокъ, что виситъ на веревочкѣ.... Ну, теперь ступай-себѣ, я сейчасъ выйду.... Ну, вотъ и я.... Ахъ, душа моя! Мы одни! Теперь душѣ моей воля; теперь-то наговоримся, мой ненаглядный!

Гдѣ тутъ много говорить! Особенно въ началѣ свиданія.... Но я такъ неискусень въ изображеніи чело-

вѣческихъ слабостей, что и этотъ послѣдній промахъ Степаныча совершенно предоставляю воображенію читателя. Sapienti sat.

О Квинтиліанусъ!

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Конъюнктуры и концерты.

Дни точно дельги: бѣгутъ изъ-подъ пальцевъ, такъ что и не видишь; и не поймашь!—И давно ли, кажется, Степанычъ на Москвѣ? а уже въ Антоновыхъ огородахъ между Москвою и загороднымъ селомъ государевымъ встали три зданія, и чтобы не простудиться отъ наступавшей зимы, надѣли шляпы изъ дубья. Не удивляйтесь такой скорости. Кромѣ Кремля и Китая, по всей Москвѣ запрещено было каменное строеніе, потому что строили на Невѣ новый царскій домъ, цѣлую столицу, и каменщики были тамъ нужны. Москвѣ до времени позволено было тѣшиться деревянными постройками. Несмотря на то, дѣсь въ Москвѣ и плотники были очень дешевы. Всѣ поджидали разрѣшенія класть каменные дома и пепелища представляли странный видъ улицъ, составленныхъ изъ однихъ заборовъ.... Прошла недѣля съ-тѣхъ-поръ какъ Степанычъ сдѣлалъ послѣдній промахъ. Чевушкина съ ногъ сбили; онъ то и дѣло ѣздилъ на Антоновъ огородъ и дальше за разными порученіями. Чевушкинъ весьма былъ доволенъ довѣренностью Степаныча; покупалъ мебель для новаго дому и богадѣльни, утварь для часовни, замки, крючки, и такъ далѣе. Въ эту недѣлю около двухъ тысячъ рублей было издержано Степанычемъ, а двѣ тысячи не шутка въ тѣ блаженные времена, когда на рубль можно было прожить мѣсяцъ. Всѣ полученныя отъ Костылькова деньги, изъ которыхъ онъ двѣ трети отдалъ сестрѣ, израсходовались; изъ новопріобрѣтенныхъ также изшло не мало, такъ что у него осталось только одно золото, что, по расчету нашему, превышало еще четыре тысячи рублей. Крезово богатство! Для иного—капиталъ всю жизнь и значительный. За невѣстами повѣнчанъ давали тогда по тысячѣ, по пяти сотъ и это называлось знатнымъ приданымъ. Такъ при расходахъ въ двѣ тыся-

ли рубашей изъ чужаго кармана, конечно Чевушкинъ не могъ не быть весьма счастливымъ человекомъ; а старался прилаять трудамъ своимъ высшее значеніе, онъ за бездѣлицей пропадалъ всегда очень долго; а Степанычу и Грунѣ того только и нужно. Анфиза съ Соней на кухнѣ, а Груня те и дѣло услуживаетъ постояльцу, который съ нѣкотораго времени сталъ прихотливъ до невѣроятности. Десять разъ въ день ѣсть; то шуму не любитъ: Анфиза не смѣетъ говорить въ своей комнатѣ; Анфиза же не любила играть въ молчанку; возьметъ Соню и пойдетъ на кухню толковать съ Сергѣемъ, который никакъ не могъ понять, чѣмъ и зачѣмъ онъ боленъ. Позволялось ему отъ заботливаго барина вставать съ печи и прогуливаться по кухнѣ, но отнюдь не выходить никуда, подъ строжайшимъ гнѣвомъ и оштрафой. Только во всемъ домѣ и оставалась одна Груня; и то потому, что Степанычъ безпрестанно встречалъ надобность въ послугѣ; то пить захочетъ, то свѣчку затушить, то трубку закурить....

Трубку?

Да-съ! Трубку. Иванъ Степанычъ завелъ трубку, по совѣту Аграфены Кириловны, потому что она съиздѣства знала какъ эта вещь выгодна для частыхъ отлучекъ. Словомъ, весь домъ вверхъ дномъ пошелъ. А Груня также не хуже Степаныча раскапризничалась. Ни кому спуску не было; ни сестрѣ; ни матери; даже самому Чевушкину она изъяснила двукратно непослушаніе и ускользнула отъ трубка одинъ разъ крикомъ, возмущившимъ сонъ постояльца, а другой разъ бѣгствомъ въ его апартаменты. Чевушкинъ нашелъ бы случай для расплаты, но Степанычъ своими порученіями отнималъ у него почти все время... Не смотря на всю медленность дѣйствій будущаго теста,—домъ на огородахъ былъ конченъ и внутренней отделкой; котъ сѣмчасъ порѣзанный! Степанычъ такъ и располагалъ приступить къ свадьбѣ какъ-можно скорѣе, но поджидалъ письма отъ сестры и указа ѣхать въ Петербургъ. Чтобы не подвергнуться затрудненіямъ, онъ намѣревался даже не говорить ничего тестю, взять Груню, обвиняться и уѣхать въ Петербургъ. Аграфена Кириловна, не уважая и не любя сына, одобряла проектъ своего малаго мужа—

ка, какъ она уже называла Степаныча и, вѣроятно, шла на то свои причины.

— Видишь, жоночка моя! говорилъ Степанычъ, воейно объѣдая съ нею вмѣстѣ съ одной тарелки: думаю такъ сдѣлать. Переѣду на свой московскій дворъ. Теперь у меня тамъ все въ порядкѣ. Приготовлю все что нужно къ свадьбѣ, послуховъ, и все какъ водится; приѣду съ тестемъ проститься; сяду въ колымагу, да за уголь и отъѣду. Ты будто за дѣломъ какимъ къ сестрамъ пойдешь, да въ колымагу, и поминай какъ звали; а если намъ отсюда ѡбъехать, такъ что онъ скажетъ?... Я скажу: я не крадь, а она сама ушла, въ полномъ умѣ и возрастѣ. Я у тебя и не жилъ тогда. И еще, пожалуй, вотъ что можно сдѣлать: какъ обвиняемся, я тебя и спрячу въ Питербурхъ, никому не покажу. Онъ засуетится; доносъ подастъ, жалобу; а я скажу: я по чемъ знаю, куда дѣвалася! Да ужъ следишь, лишь бы онъ прежде времени не смѣкнулъ....

— Да ужъ какъ муженѣкъ съ твоей головой не сладить....

— Только гляди же, ни кому не говори.

— Да кому же я скажу? Ты знаешь, я и въ своей семьѣ, что чужая. Не знаю за что не любить....

— За то, что больно хороша....

— Ну, ужъ ты, шутникъ этакой! Такъ кому жъ я скажу? Былъ и у меня сердечный дружокъ, свояченица Вѣрочка; поплакала я объ ней не мало....

— А что, умерла?

— Нѣтъ. На харчахъ у насъ съ матерью жила; да какъ ты приѣхалъ, онъ, барыней ради, всѣхъ родныхъ со двора согналъ, и ногой не велѣлъ къ намъ. Въ одинъ день кругомъ осиретѣли....

— А не хочешь ли ты Вѣрочку съ собой взять? Будетъ себѣ жить приживаючи....

— Ахъ ты, ангелъ мой! Ну, наградишь же меня Богъ муженькомъ. Вотъ то живишь будешь!....

— Кто-то идетъ!.... сказалъ Степанычъ и Груша выпрыгнула изъ его комнаты въ свою, гдѣ никого не было. Кошечка за дверки возгласилъ: «Разсылщикъ!» И во-

шелъ огромный солдатъ съ приказаніемъ немедленно явиться къ Кольчеву.

— Сейчасъ буду!

Степанычъ потребовалъ квасу и по этому случаю успѣлъ проститься съ Груней....

— Ну, молодецъ! сказалъ Кольчевъ: давненько я тебя не видѣлъ. Чтò дѣлалъ хорешаго?

— Книжки читалъ....

— И чужія деньги считалъ.

— Я?

— Не запирайся. На всей Москвѣ только всего одинъ драгунъ изъ дворянъ и есть чтò ты. Богатый человекъ, а воровскимъ маниромъ хочешь богатство свое умножить! Былъ добрыхъ регулъ человекъ, самъ доправлялъ всякое зло, а теперь зернщикомъ сталъ. Стыдно!

— Ваше превосходительство....

— Молчи и слушай! Всякая игра на деньги Богу противна и указами запрещена. Двойное преступленіе. По доносу явствуетъ, что ты въ томъ поганомъ гнѣздѣ не былъ вина, велъ себя гоноровымъ образомъ. Это похвально и вину твою нѣсколько умаляетъ. Но всё-таки ты повиснешъ суду....

— Въ первый и въ послѣдній разъ!

— Я сказалъ: молчать и слушать! За этимъ-то я тебя и позвалъ, чтобы взять съ тебя шляхетское слово впередъ къ такому грѣху и криминалу не прилѣпляться.

— Охотно.

— Опять! Ты, видно, забылъ чему тебя училъ фендрихъ. Дисциплина не апробуетъ, чтобы ты рѣчь мою перебивалъ. Я тебя выручилъ изъ бѣды. Я поручился, что тотъ воръ и зернщикъ былъ не ты, хотя докладно зналъ, что ты.

Кольчевъ, покраснѣвъ, продолжалъ:

— Я солгалъ! Я!.... Понимаешь ли ты, неблагодарный, какое я имѣю еще упованіе на твою поправу!.... Чувствуешь ли ты, молокососъ, всю важность моего поступка. Кольчевъ солгалъ! Помни же это и храни втайнѣ. Тебя не тронуть! Но говорю тебѣ: чтобы это было въ послѣдній

разъ. Теперь объяви мнѣ, что могло тебя соблазнить къ такому ужасному грѣху? Отвѣчай! Теперь я спрашиваю.

— Скука, ваше превосходительство, твердо отвѣчалъ Степанычъ.

— Я такъ и думалъ. Недостатокъ добраго компанейства, затворническая жизнь не во вѣху; радъ я, что другаго мотива въ томъ не было. А развѣ у тебя на Москвѣ нѣтъ никого знакомаго?

— Какіе мои знакомые? Всѣхъ ихъ я передалъ въ руки господину оберъ-полиціймейстеру. Вѣкъ не забуду нашего великодушія, что самъ къ нему въ кагцелярію не попалъ...

— Помни, Иванъ! Я сслагалъ! Окупи мою ложъ достойными людьми. А чтобы въ тебѣ не слѣзть дурное семя, надо тебѣ познакомиться съ домами, гдѣ бы ты доброму образцу и хорошей компанейской манерѣ обучиться. Чтеніе одно безъ приклада бесплодно. Кстати, я иду въ гости теперь въ такой домъ, гдѣ тебѣ бывать можно, но помни и при семъ случаѣ, что домъ сей — отъѣнной важности и при добрыхъ качествахъ молодаго хозяина будетъ въ большомъ почетѣ. Подай мнѣ книжничъ: вонъ на столѣ лежатъ. Пофдемъ.

На Пречистенкѣ возвышались каменныя хоромы околичнаго Словцова. Ворота, которыя такъ недавно были заперты, раскрылись и цѣлый день пропускали искреникъ и дождныхъ утѣшителей. У крыльца стояла траурная колымага; цугъ лошадей, шляпы у кучеровъ, платье, все было покрыто трауромъ; на крыльцѣ встрѣтилъ Колычева и Степаныча придвратничъ, также одѣтый въ печальное платье.

— Дома Бора? спросилъ Колычевъ.

— Борисъ Петровичъ съ Ольгой Петровной только что съ прогулки вернуться изволили.

Вошли. Большая палата, загроможденная золотомъ мебелью, обита была чернымъ сукномъ отъ полу до потолка; поволока также была закрыта, но просвѣчивали сквозящій светъ.... Не успѣлъ Степанычъ осмотрѣться и подняться съ потолка компанейскаго убранства, какъ къ нимъ въ прѣддверіи въ мундирѣ вошелъ молодой человекъ съ грустною цѣлоулыбкою, но прекрасными глазами.

— Степанъ Яковлевичъ! Влагодѣтель! воскликнулъ онъ: сами извольте трудиться....

— Здравствуй, Боря! По лицу твоему вижу, что при- скорбень еси по дѣдушкѣ.

Слезы показались на глазахъ Бориса.

— Подумай ты самъ, умница, продолжалъ Колычевъ, положивъ руку на плечо хозяину: Чуть не столѣтній вѣкъ прожилъ; сына и двухъ дочерсѣй, да матушку твою схоро- нилъ. Въ натурѣ свой порядокъ есть, его же не преидеши, и смущеніе и скорбь излишнія—грѣхъ. Покойный со мной не ладилъ, за то, что я старину его конфузилъ, но я его душевно респектовалъ и любилъ....

— Это онъ всегда самъ говаривалъ. Правда, больно онъ противъ новостей возставалъ, но опять же и не учас- ни насъ не оставилъ....

— Знаю, знаю, Боря, и похваляю твою любовь къ не- му, но всаму мѣсто и время; вотъ ужъ четыре недѣли прошло; можно скорбѣть, да не надрываться. Ну, Боря, ко- гда же въ Питербурхъ?....

— Когда укажете!

— Странно это! Отчего, если любишь кого, безъ себя отпустить не хочешь! А мнѣ еще дѣла будетъ на недѣлю; а тебѣ....

— Я уже все исправилъ и готовъ ѣхать хотъ завтра. И признаюсь, желалъ бы въ путь по-скорѣе, потому что сестра въ этихъ хоромахъ изноеть съ тоски. А тамъ у насъ есть тѣтки двѣ; при нихъ и оставляю; забавы, праздники .. расчѣтса....

— Очень благоразумно и согласно съ указомъ. Динѣ ужъ вотъ ко мнѣ пишетъ: (Колычевъ вынулъ писемно,) что на последней ассамблеѣ у свѣтлѣйшаго, государь изволилъ за- мѣтить, что мало русскихъ дамъ, потому что Колычевъ изъ Москвы въ Питербурхъ только мужчинъ отправляетъ. Конечно, поручи мнѣ государь и дамъ по смотру отпра- вить, снялъ бы я сидней много въ Москвѣ. И право, уди- влюсь: какую тутъ онъ могутъ партію сдѣлать, когда все женихи въ Питербурхъ! Вотъ на лицо два молодца; Колычевъ ихъ забралъ, да и шлетъ въ Питербурхъ. Ре-

коменданту тебя, Боря: богатый помещицкъ Иванъ Степановъ Костыльковъ. Люби его и жалуй....

— Радъ знакомству. Милости просимъ хлѣба соли откушать, когда время....

— Покорно благодарствую! Ради стараться! смутясь отъѣзжалъ Степанычъ.

И Колычевъ и Боря улыбнулись солдатскому отвѣту. Степанычъ пуще и пуще приходилъ въ замѣшательство.

— Ну, Боря! Поди скажи Олинкѣ, что я хочу ее видѣть и проститься, потому что отъѣзду вашему не хочу долѣе прешкодить.

— Степанъ Яковлевичъ! Да будетъ ли пристойно?

— Видно, Боря, ты еще больно хорошо помнишь дѣдушкины забобоны. Какъ же ты это Олю въ Петербургъ повезешь съ такимъ предразсужденіемъ! Я не буду проновать, чего не слѣдуетъ....

— По мнѣ, пожалуй, только не знаю, какъ сестра....

— Скажи ей, что Колычевъ послѣднее время удѣляетъ, лишь бы повидаться съ дѣтьми своего друга, а гашего покойнаго родителя.

Борисъ ушелъ.

— Вотъ видишь, какъ надо быть человѣку шихетскаго рода и доброй эдукациі. Послѣднимъ Боря и Оля мнѣ обязаны. Я старика уломалъ обучить ихъ нѣкоторымъ знаніямъ. Я подъ-рукой ихъ умѣлъ склонить къ нынѣшнему времени. Остальное довершить практика. Вотъ и Оля.... Здравствуй, моя красавица!...

Красавица? Значитъ второй номеръ Аграфены Кирilloвны. Вотъ тутъ я ужъ совершенно въ-туникъ стану. Не знаю, какъ вывернусь. Помогли хоть ты, Квинтиліанусъ! Но увы, всѣ твои риторическія фигуры не годятся для истинно пштыческаго созданія. Ольга Петровна.... Конечно, она объемомъ и въ половину не была велика противъ Груни; это было какое-то пуховое, нѣжное существо; дунуть страшно: того гляди улетитъ; станъ, ручки, ножки, головка, все такого мелкаго калибру, а ростомъ не малая; но таково свойство стройной прелести; въ одной громадности нѣтъ изящества, вы меня извините! Но дайте этой громадѣ—соразмѣрность, тогда не отведете глаза!

точно такъ же, какъ вотъ теперь Степанычъ, потерялъ военный строй, языкъ, память и смотрѣль, смотрѣль, смотрѣль.....

— Чтò, дитя мое! сказалъ Колычевъ: подними глазки, обрадуй привѣтливымъ словомъ....

И поднялись дрянныя черныя рѣсницы, изъ-подъ нихъ выглянуло цѣлое небо голубыхъ глазъ. Право, это не фигура, а совершенная истина. Ангельскую кротость и доброту обильно проливали очаровательные взоры. Она взглянула и на Степаныча; краска легкая пробѣжала по бѣлому какъ мраморъ лицу, а Степанычъ, чтò называется, уpekъ рака и въ смущеніи полагая, что на обязанности его лежитъ сдѣлать привѣтствіе, вытянулся и отдалъ воинскій респектъ. Ольга Петровна улыбнулась;—по кротости улыбки Степанычъ принялъ ее за признакъ одобренія и плавалъ въ восторгѣ....

— Чтò вы, Степанъ Яковлевичъ, уѣзжаете? сказала она.—И бѣдному Степанычу показалось, что небесные глаза пронеслись въ воздухѣ....

— Нѣтъ, Олинъка, не я, ты должна ѣхать, потому что Борѣ нельзя тутъ долѣе оставаться: въ полкъ давно его требуютъ; да я защищала его.... Теперь уже нельзя и не должно отпѣкиваться.

— Мнѣ ѣхать? Отсюда, гдѣ жили батюшка, матушка, дѣдушка, добрый нашъ дѣдушка....

И Ольга расплакалась дотогò, что ей сдѣлалось дурно. Колычевъ простился съ нею на-скоро; обѣщавъ завтра заѣхать и вышлеть.

— Костыльковъ! раздалось изъ прихожей, и тогда только вспомнилъ Степанычъ, что онъ пріѣхалъ съ стольникомъ.

— Ну, чтò? спросилъ Колычевъ съ улыбкой, усѣвшись въ колымагѣ....

— Чтò-съ?

— Понравились тебѣ моя дѣтки?....

— Какъ же не понравиться!...

— Старайся походить на нихъ въ кондуктѣ, а разума и ученія у тебя не меньше. А чтобы ты тутъ въ этой Москвѣ не прилипъ опять къ какому грѣху, такъ я и тебя от-

правлю, какъ только изготовишься. Хоть завтра приходи въ канцелярію: подорожная будетъ готова. Пожалуй я тебѣ и цидулу дамъ къ Дивіеру.... Ну, теперь прощай! сказалъ Колычевъ уже на крыльцѣ, и Степанычъ отправился домой.

Страшный вечеръ, страшная ночь; за одинъ промахъ прогремѣла гроза изъ устъ Колычева, за другой прочелъ онъ казнь въ глазахъ Ольги и осужденіе на вѣчную, вѣчную муку. О! Не надо быть большимъ мудрецомъ, чтобы отличить признаки истинной, сильной любви, отъ горячки вождельней. Конечно, впечатлѣніе, произведенное Ольгой на Степаныча было окончательное: изъ-подъ этого ярма не выскакиваютъ; но въ началѣ тягость его не такъ замѣтна; надо постороннихъ обстоятельствъ, чтобы раздугъ это пламя, а ихъ было довольно; новыя подоспѣли ксгати. Конюхи проѣзжали лошадей Степаныча, чтобы не застоились, и поэтому случаю ворота были отперты; никѣмъ не замѣченный, онъ прошелъ на крыльцо; конюхъ, сторожившій клейменую бумагу, видно не выпался, и у порога на поповѣ спалъ сномъ сладкимъ. Степанычъ и его не разбудилъ; тихо вошелъ онъ въ покои; заслышавъ въ сосѣдней комнатѣ довольно громкій разговоръ, опомнился, и подкрался на цыпочкахъ къ замѣтнымъ дверямъ, сталъ прислушиваться.

— Ахъ, душа моя, Вѣрочка, какъ бы мнѣ тебѣ успѣть рассказать все, пока отецъ воротится!

— Да ужъ, кажется, Груня, ты все рассказала. Выходишь замужъ за богача, ѣдешь въ Питербурхъ, берешь меня съ собой, чего же больше? Тутъ все есть и для твоего и для моего счастья.

— Ну, не говори, все....

— Какъ не все? Вѣдь онъ же молодецъ собой!

— Такъ-себѣ! Конечно, не дурень, да ужъ куда ему противъ того красавчика, что мы черезъ щелку въ трактирѣ лѣтомъ видѣли.

— Ахъ, милаша какой! А, можетъ-быть, мы и его въ Питербурхѣ увидимъ....

— Угадчица! И у меня то же на умѣ. Я только молчу... А и мой, говорю тебѣ, ничего, такъ-себѣ. Ахъ, Вѣрочка,

если бы ты видѣла какъ я его ловила; какъ лукомъ глаза себѣ натирала; какъ.... Да что рассказывать!... На какую хитрость не пойдешь, глядя на старшихъ сестеръ; и безъ радости вѣкъ проживешь, и на рукахъ у такого отца останешься, что ни ѣсть, ни пить, ни одежды, ни постели, да еще побой, да попреки: зачѣмъ замужъ не выходишь! А какой дуракъ изъ такого гнѣзда жену возьметъ, и кому онъ насъ показываетъ? Ты вѣдь не чужая, сама все видѣла и слышала, каково намъ жить. А потомъ безчестіе только наживешь, вонъ какъ сестра Глафира. Съ суда, съ обидчика за нея отецъ деньги правилъ. Ты, Вѣрочка, знаешь, что въ нашемъ возрастѣ и безъ того замужъ хочется; да еще при такомъ житьѣ: такъ тутъ разбирать не станешь, за кого; лишь бы замужъ. И говорю тебѣ, что онъ такъ-себѣ. Любить его, не люблю, а терпѣть могу....

Вотъ что называется между небомъ и землею очутился Степанычъ. Ангелъ кротости и доброты явился ему сегодня, а теперь онъ понялъ какимъ пламенемъ сверкали сѣрыя глаза Аграфены Кириловны....

— Договаривайте, договаривайте! подумалъ онъ: разсчитаемся.

— Ну, Вѣрочка, какъ же ты думаешь, умно я эту кашницу заварила?

— Какъ расхлебаешь! А на разумъ твой у меня большая надежда.

— Хоть и сладко мнѣ быть съ тобою, да чтобы дѣла не испортить, уходи, Вѣрочка! Какъ намъ ѣхать придется, я тебѣ дамъ знать: вѣдь не за горами!

— Спасибо, душа моя!... А когда же ты думаешь?...

— Да чай на-дняхъ. Да и долго-то ждать страшно. Знаешь, нечего отъ тебя грѣха гантихъ.... Ахъ, Боже мой, кажется, отецъ пріѣхалъ. Зачѣмъ онъ, этотъ капралъ глупой, двери заперъ.... Постой, я впередъ пойду.... Нѣтъ, слава Богу, это не онъ! Уходи, Вѣрочка, проворнѣе.

Холодный потъ катился по челу Степаныча; но бывають и благодѣтельные удары судьбы: они будятъ въ насъ благоразуміе. Степанычъ горько улыбнулся и въ душѣ проклялъ Квинтиліануса. Ему сталъ ясенъ весь путь этой глупой страсти и онъ неволью радовался, что обманъ от-

крылся во-время. Одно его печалило и безпокою. Онъ сталъ на-ряду съ Костыльковымъ; онъ былъ соблазните-лемъ невинной дѣвушки, которую даже оправдывалъ и же-даніями молодости и положеніемъ въ такой семьѣ. Смер-калось. Степанычъ разбудилъ конюха и приказалъ подать огню. Груня съ веселой улыбкой прибѣжала со свѣчей. Степанычъ едва умѣлъ скрыть свое негодование.

— Когда ты успѣлъ воротиться, дорогой муженскъ?...

— Только лишь. Усталъ ужасно..... Принеси ужинать: намъ надо съ тобой слова два перемолвить.....

— Знаю, знаю, объ чемъ! Ахъ ты этакой право, точно смола.... Ну, ставь столъ; я сейчасъ вернусь....

Въ этомъ антрактѣ Степанычъ на скорую руку отсчи-талъ кучу золотыхъ, положилъ ихъ въ особый кошелекъ и спряталъ въ карманъ.... Конюхъ громогласно произнесъ за дверьми:

— Разсылщикъ! Письмо принеси!....

— Подай! Видно, указъ и подорожная.....

Но къ удивленію, и радости, распечатавъ, узналъ, что это письмо отъ Лукомкина.

«Посылаю въ губернію рапортъ о новомъ ловѣ, писалъ Семенъ Романовичъ: и ухватился за эту оказію, чтобы извѣствовать тебѣ, что я воровъ изловилъ многое число; съ Ванькой Ломжинымъ раздѣла-лся по-свѣду. Денегъ онъ мнѣ не выдалъ; такъ я по нашему концер-ту вошелъ во владѣтельство Старою Усадьбой, чему большой секурсъ учинилъ бывший у меня гендрихомъ — нынѣшній земскій комис-саръ. Спору было много, да все устроилось. Живемъ пока дома, по-тому что поджидаемъ воровскаго десанту. Хоромы холодны на-смерть; живемъ въ одномъ покоѣ всѣ, а въ большой избѣ офицеры; починаю, какъ по времени могу. Новостей никакихъ нѣтъ, только развѣ та, что Ванькѣ твоему смерть захотѣлось жениться. Прощай, коли хо-чешь, пиши съ этимъ же посланцемъ. Онъ долженъ къ Николаю лю вернуться. Твой преданный рабъ, Семенъ Лукомкинъ.

«Жена тебя обвиняетъ, благодарить и Богу за тебя молится. Что твой часовня? А жена хочетъ ту церковь опять поставить лѣтомъ, которая была на Усадьбѣ.—Пиши! Прощай, до свиданья!»

— Что это ты читаешь? спросила Груня, входя съ ужи-номъ.

— А то письмо, что я тебѣ говорилъ!....

— Ну, что?....

— Плохо! Надо ъхать не въ Питербурхъ, а въ деревню!

— На долго?

— Нѣтъ!

— Ну, куда не шло; поѣдемъ. А оттуда въ Питербурхъ?

— Разумѣется.

— А долго просидимъ въ деревнѣ?....

— Да съ мѣсяць....

— Ну, что дѣлать. А, можетъ-быть, тебя не отпустятъ....

— Не могутъ. Такая нужда. Меня же Колычевъ знаетъ...
Погоди маленько, Груня. Мнѣ надо отповѣди написать....

И Степанычъ сѣлъ къ столу, написалъ два письма, коротенькія; уложилъ въ одинъ конвертъ, запечаталъ и приказалъ позвать солдата.

— Здравствуй! Когда ты уѣдешь?

— Не уѣду, а пойду какъ укажутъ; чай завтра отпишутся.

— Ну, такъ вотъ, любезный, возьми-ка и это письмецо, да отдай его Семену Романовичу!....

— Слушаю-съ!

— А это тебѣ за труды.

— Покорно благодарствую.

— Ну, и все.

— Счастливо оставаться.

— Теперь мы одни, Груня. Сядемъ. Говорить не много. Ты ужъ почти все знаешь. Завтра я переѣду на свой огородъ. Послѣ завтра пріѣду проститься. А тамъ на мѣсяць въ деревню.... Вотъ и всё-тутъ. Ахъ, я хотѣлъ тебѣ попросить, Груня. Припрячь, пожалуй, гдѣ-нибудь у себя эти деньги. Я ихъ парочно отдѣлилъ для свадебнаго подарка; такъ всё-равно пусть у тебя будутъ....

— Что это, золото?

— Чистое....

— И такая пропасть?

— Пять сотъ золотыхъ, тысяча рублей....

У Груни духъ захватило отъ такого нумеру; она не могла смотрѣть на золото не прищурясь.

— И это мое?

— Будетъ. Ахъ, Боже мой, какъ я усталъ. Мнѣ не ѣсть,

а спать хочется. А завтра еще сколько хлопотъ! Тогда гляди не успѣешь.

— Такъ лучше ложись, муженѣкъ....

— Да, да, прощай Груня....

— Видно умаялся, что и поцѣловать меня забылъ.

— Ахъ, да, прощай! Богъ съ тобой! Прощай!

Груня ушла.

— На вѣки! Богъ да простить тебя — и меня грѣшнаго!

И Степанычъ повалился ницъ передъ образомъ и долго молился однѣми слезами, горькими, горькими.... Мало-помалу облегчалась грудь его; когда онъ легъ и потушилъ свѣчу, сонъ поспѣшилъ ему на помощь, но уже не тотъ лукавый сонъ, который смутилъ его послѣ Квинтиліануса и Овидіуса; не побѣда надъ Грушей снилась ему; — нѣтъ, онъ служилъ, какъ вѣрный рабъ, другой богинѣ и во снѣ понималъ, что онъ на яву неловко опознался и принялъ за Діану, дородную Вакханку.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

РЕЗОЛЮЦІЯ.

— Ну, Сидоръ, сказалъ Костыльковъ, такъ утвердительно, что несчастный слуга вздрогнулъ, предвидя къ чему клонится рѣчь: теперь уже не отмолишься. На праздникъ я хочу уже быть женатымъ. Нѣтъ другаго исхода моей зазнобѣ. Ты видишь, я совсѣмъ одѣтъ; въ Кулимовку къ попу уже посланъ гонецъ; все готово; лошади заложены; свадебный поѣздъ мой на тридцати лошадяхъ, ступай за Дуняшей....

— Иванъ Степанычъ! Пусть лучше не будетъ этой свадьбы....

— По-миѣ, пожалуй! На волѣ Дуняши; кажется, ужъ этой милости для тебя довольно. Ступай, потолкуй съ ней, сроку полчаса....

— Господи! Спаси меня и помилуй! сказалъ Сидоръ и хотѣлъ уже идти, какъ раздался стукъ экипажа и въ комнаты вошла воеводиха....

— Вотъ тебѣ разъ! воскликнулъ Степанычъ забывшись. Ему показалось страннымъ, что воеводиха, которая поутру еще, на возвратномъ пути съ богомолья, завтракала въ

Костыльковкѣ, успѣла къ ночлегу опять вернуться къ нему и разрушить сладостный сонъ его горячихъ надеждъ. Но удивленіе и ужасъ его возрасли, когда воеводиха объявила ему о причинѣ своего приѣзду.

— Пропали мы! завонила она. Сидоръ! Ступай вонъ. Пропали! Закатилось наше солнышко. Поручикъ твой погубилъ насъ всѣхъ.... Болванъ, мой Максимъ, глупое животное, безъ меня проболтался....

— Чтò такое?

— Ахъ, Господи! Я это и рассказать не сьумѣю докладно; пятое, черезъ десятое рассказала мнѣ Палашка. Вчера, какъ мы тутъ съ тобою ворковали, пожаловалъ къ Максиму старшій его знакомецъ московскій, закадышный. Обрадовался болванъ первому свосему злодѣю. Тотъ ему расскажи, чтò поручикъ твой на Москвѣ сдѣлалъ, а Максимъ, тетеря, давай дѣло маслять, чтобы концы въ воду свести, да и научилъ его на мою голову....

— Да чтò такое?

— Да ужъ я побила Палашку, зачѣмъ не докладно подслушала. Знаю только, что бѣда, потому что знаю этого крючка окаяннаго; сто Лукичей и Фомокъ его мизинца не стоятъ.... Это злодѣй мервой статьи. Сорокъ лѣтъ приказнымъ плутовствомъ занимался.... Господи, ѣдетъ кто-то! Чтò, если это онъ? Сирячъ меня, Ваньчка, самъ спрячься... Идетъ!...

— Дома ли господинъ Иванъ Степановичъ Костыльковъ? спросилъ кто-то на крыльцѣ....

— Дома! Отвѣчалъ хоръ конюховъ, которые должны были везти въ Кудимовку свадебный поѣздъ....

— А куда идти?

Видно, тѣ же конюхи указали дорогу, и въ большую избу вошли Чевушкинъ и Аграфена Кириловна.

— Здравствуй, дорогой зять!

— Здравствуй, муженѣкъ мой милый!

И Костыльковъ какъ мячикъ переходилъ въ объятія, то отца, то дочери....

— Стой! Погоди! Не души! Чтò вы ко мнѣ привязались? Чтò вамъ надо?...

— Батюшка! Да онъ, кажется, насъ не признаеть, а, кажется, свѣту довольно....

— Шутить! Шутить, дочка! Онъ это оторопѣлъ отъ радости; не думалъ, что мы такъ скоро по указу его явимся. Ну, Иванъ Степанычъ! Каково поживаешь?.....

— Да, мой ангелъ! Каково ты поживаешь?

— Да что вы, бѣлены обѣлились или отродясь уже такіе, что ли? Я васъ знать не знаю.....

— Ахъ, я несчастная! Батюшка, онъ не признаеть насъ! Измѣнникъ!

И Груня упала на софу, будто въ обморокъ.

Ну, пусть теперь отецъ раздѣлывается, подумала Груня: а этотъ куда лучше того поганого самозванца. Этотъ, просто, яблочко. Боже! Что если воеводская наука не удался. Я опять въ дѣвкахъ останусь! И тогда уже никто, никто не посватается. Шила въ мѣшкѣ не утаишь!.... Такъ думала Груша, а между-тѣмъ Чевушкинъ разыгрывалъ свою роль....

— Знать не знаешь! воскликнулъ онъ съ негодованіемъ: подумай, Иванъ Степанычъ, что ты это говоришь! Неужели ты думаешь, что ты въ Костыльковѣ, какъ въ нѣкой фортеціи, и что я тебя судомъ отсюда не добуду?...

Чевушкинъ взялъ свѣчу и поднесъ ее къ лицу Груши, которая всё-еще лежала на софѣ зажмурясь. Костыльковъ такъ и вспыхнулъ. Мы видѣли, что Аграфена Кирилловна могла и не Костылькова закабалить своею красотою. Больно понравилась она ему съ перваго разу; но всё-таки онъ не могъ понять въ чемъ дѣло.

— Что? продолжалъ Чевушкинъ въ рукахъ со свѣчей: такъ ты се не знаешь?

— Нѣтъ.....

— Ты не обѣщала на ней жениться?

— Нѣтъ!

— А это что? Посмотри. Это не твоя рука?

— Нѣтъ!

— По суду съищется. Это не ты писалъ?.....

— А что тутъ написано?

— Не помнишь? Изволь, изволь я прочту..... Груня, поддержи свѣчку: надо очки вынуть....

И Аграфена Кирилловна благоволила, отложивъ обмокъ, встать и держать свѣчку..... Само собою разумѣется, что слезы не придаютъ большой прелести самому прекрасному лицу: кислая физиономія искажаетъ самыя нѣжныя черты, но и улыбка была бы въ этомъ случаѣ не кстати. Все это Аграфена Кирилловна успѣла сообразить съ дивною быстротою; освѣтила себя весьма искусно, и устала свои сѣрые глазки на Костылькова съ такимъ милымъ выраженіемъ любви и нѣжнаго упреку, что Иванъ Степанычъ таялъ яко воскъ отъ лица огия, а Чевушкинъ читалъ тихо и протяжно:

Любезный Кирило Александровичъ! Поведовъ не объясняю, потому что некогда за дѣлами. Полюбилъ я красавику дочь твою всемъ сердцемъ моимъ и помышленіемъ. Полюбила и она меня не на-животъ а на-смерть. Далъ я ей слово жениться и хочу сдержать мое слово. Не могу съ вами и проститься за недосугомъ. Сейчасъ уѣзжаю въ Костыльковку, имѣніе мое, лежащее и прочее. Пожалуйте, прѣзжайте туда и вы съ дочкой. Хочу сыграть свадьбу, у себя дома, а на дорогу деньги я оставилъ Грунѣ. Покорный сынъ Иванъ Костыльковъ.

— Ну, что, понялъ?... заключилъ Чевушкинъ.

— Понять-то, я понялъ, только.....

И Костыльковъ почесался.

— Послушайте, Иванъ Степанычъ, сказалъ Чевушкинъ, кротко взявъ за руку Костылькова: присядемъ безъ горячности..... Что вы будто бы не Костыльковъ, такъ это сущій вздоръ. Мы на этотъ счетъ уже имѣли экспликацію съ моимъ стариннымъ другомъ и ученикомъ, Максимомъ Ивановичемъ. Сущность дѣла вотъ въ чемъ. Или вы Костыльковъ, или вы не Костыльковъ. Буде не Костыльковъ, то—есть другой Костыльковъ; — я такъ поверну дѣломъ, что у васъ ни одной души, ни одной пяди земли не останется. Если вы не женитесь на Грунѣ, то мнѣ ужъ пощады никакой и никому давать не пристойно. Груня останется всторонѣ, а я подамъ доносъ прямо въ Военную Коллегію. Чтò изъ того будетъ, извѣстно, а если не извѣстно, то доношу, что того самозванца обличать, объявлять по артикулу безчестнымъ; шшипрутеномъ и въ каторгу, а тебя лишать отчины, честнаго имени, да въ

придачу ошельмуютъ, какъ въ послѣднемъ указѣ изображено. Бude же ты и Костыльковъ, то по артикулу 176 и толкованію къ оному, хотя бы я о неявкѣ твоей и не до-несъ, то всё-таки подлежишь тюремному заключенію и церковному покаянію. То если бы того самозванца изду-ли и за мою обиду доправили, тогда уже ты никогда не можешь быть Костыльковымъ и ни въ какой судъ отъ тебя, будто отъ Костылькова, челобитья не примутъ. Тагъ вотъ, Иванъ Степанычъ, 'экспликація послѣдняя; я больно и настаивать не буду. Во всякомъ случаѣ мы съ Гру-ней въ убыткахъ не будемъ, тѣмъ паче, что у насъ есть нѣкоторое подозрѣніе, что буде откажешься отъ женитьбы, то окажется у насъ въ скорости и другое право на твою часть твоего достоянія. Если мы идемъ на мировую, то по челоуѣколюбію больше, а также и по пріязни моей къ Максиму, наконецъ и по несклонности моей къ суд-нымъ волокитамъ, конхъ какъ гражданинъ смиренный и добрый, отъ души не терплю. Ну, вотъ тебѣ все. Извольте объявить резолюцію.

— Вижу всю истину словъ твоихъ, Кирило Александ-ровичъ: самъ на себя наложилъ руки.

— Если будешь зятемъ моимъ, даю тебѣ слово, что съ нѣкоторымъ денежнымъ сикурсомъ, поѣду въ Питербурхъ, сдѣлаю тебя безо всякаго шума опять Костыльковымъ, и уволю благовидно отъ службы. Максимъ не умѣлъ дѣ-ла уладить. Самъ теперь кается. А тутъ уже будетъ намъ общій интересъ опустить отъ этой оказіи концы въ воду. И я это сдѣлаю такъ гладко, что поручикъ твой и не со-хватится. Онъ же будетъ одинъ въ отвѣтъ. А ты будешь правъ кругомъ. Вотъ моя рука! Ну, теперь объявляй резо-люцію.....

— Неужто ты меня вырочишь?

— Постой. Чтобы уничтожить всякое сумнительство, я тебѣ расскажу, какъ сдѣлаю. Ты подашь въ Военную Кол-легію доношеніе, что во время отсутствія твоего, нѣкто Ванька Ломжинъ, такъ, кажется, мнѣ Максимъ сказывалъ....

— Такъ.

— Снесъ у тебя фамилійныя бумаги и лаялъ въ про-

«Винцію къ воеводѣ», объявилъ себя твоимъ писемъ, и что по тѣмъ документамъ выдано ему, Банякъ, проѣзжее письмо и съ тѣмъ письмомъ пришелъ онъ въ Костыльковку, забралъ отъ имени твоего назву и то и другое, будто для твоихъ послугъ и ушелъ. Приписавъ сіе воровству и разбою, ты не искалъ виновнаго, но увѣдомляе нынѣ о нахожденіи его на службѣ подъ твоимъ именемъ, вѣсти такого безчестія не можешь, и прочая. За недороботомъ же не лаясь на смѣртъ, нынѣ отъ недуга получилъ воспаление, немедля на службу выѣзжаешь и прочая. А на службу не поѣдешь по другимъ поводамъ.... Его, голубчика, арештуютъ, а на справку пошлютъ къ воеводѣ, а Максиму я оставлю подробную инструкцію. Ты и шагу нѣтъ Костыльковки не сдѣлаешь. Я востую за моего зятя; а ты....

— А я — я ужъ не знаю, что со мною будетъ, когда у меня въ дому приметъ начало такая барыня, какъ твоя Аграфена Кириловна....

— Вотъ тебѣ и резолюція! Обнимитесь, мои дѣти любезные....

Въ объятіяхъ Аграфены Кириловны Костыльковъ былъ совершенно доволенъ своею резолюціей и приложилъ къ дѣлу огромную печать продолжительнаго поцѣлуя....

— Батюшка! Что медлить, что откладывать мое благополучіе! Лошадя готовы. По нѣкимъ причинамъ и пошь теперь въ Кудимовкѣ поджидаетъ молодыхъ....

— Явственное благословеніе свыше. Ну, однако же, одецъ-то у васъ есть, а надо бы кого за мать посадить....

— Чего же лучше. Воеводиха проѣздомъ на богомолье у меня остановилась....

— Меланья Ивановна! Экъ она нынче богомольна стала! Правда, у нея и грѣшковъ-то не мало....

— Не тебѣ считать, Кирило Александровичъ, сказала воеводиха, выходя изъ засады, и боясь, чтобы Чевушкинъ и на сей счетъ не пустился въ экспликацію.

— Не до счетовъ теперь, матушка Меланья Ивановна. Бью тебѣ челомъ, будь моимъ дѣтямъ матерью....

— Я всегда любила Ивана Степаныча какъ сына.... и готова услужить ему на послѣдяхъ....

— Спасибо за резолюцію....

Уѣхали. Обѣщались. Воротились... и нашли неожиданнаго гостя, Максима Ивановича.... Поднялся пиръ стараго костыльковскаго времени. Всѣ были довольны, даже Сидоръ и Дуныша.... Только одна воеводиха сидѣла, какъ на иглокахъ. Отойдя на покой и она утѣшилась, но зато Максимъ Ивановичъ больно опечалился, такъ что и на другой день видны были слѣды его тяжелой скорби. Утро вечера мудренѣе, говоритъ пословица. Вчера и Костыльковъ былъ веселъ, а сегодня.... Сегодня зато Чевушкинъ и Груня многиѣ были счастливы. И тестъ и новая хозяйка съ жадностью обозрѣвали достопримѣчательности резиденціи. Меланья Ивановна оказалась больною и утащила Максима Ивановича въ провинцію. На прощаньи, уже изъ колымаги сказала она Костылькову:

— Погоди, голубчикъ, положу я тебѣ другую резолюцію. — И уѣхала.

— Вретъ! сказалъ Чевушкинъ испуганному зятю: гдѣ таки бабѣ перевершать приговоры московскаго подъячаго. Съ нимъ и въ сенатѣ не сладятъ. Пойдемъ писать челобитную....

Чевушкинъ ушелъ. Иванъ Степанычъ, повѣся голову, стоялъ какъ вкопанный на послѣдней ступенькѣ крыльца и не чувствовалъ морозу.

— Барыня! кличетъ — доложилъ Сидоръ. Костыльковъ повиновался, но съ тяжкимъ вздохомъ.... Неизвѣстно почему, онъ былъ очень недоволенъ резолюціей второй части своей исторіи. Не знаю, какъ читатели?....

Н. КУКОЛЬНИКЪ.

=

СЕСИЛЬ.

=

РОМАНЪ ГРАФИННИ ГАНЪ-ГАНЪ.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

Молодые люди вообще всѣ болѣе или менѣе глубоко убѣждены, что имъ стоить только протянуть руку надъ земнымъ шаромъ, и счастье повиснетъ у нихъ на всѣхъ пяти пальцахъ. Но, съ-тѣхъ-поръ какъ существуетъ университетъ Гейдельбергскій, едва-ли бывалъ на свѣтѣ студентъ до такой степени самоувѣренный и отважный, какъ Сесиль Форстеръ. Съ малыхъ лѣтъ, съ-тѣхъ-поръ еще, когда въ немъ впервые пробудилось соревнованіе, желаніе обогнать въ наукѣ старшаго брата Сигизмунда, въ душѣ Сесилия подлѣ самонадѣянности, которую давало сознание способностей дѣйствительно необыкновенныхъ, поселилось пламенное честолюбіе. Его девизъ былъ — «Могу что хочу»; а первое правило при началѣ всякаго дѣйствія — предварительно разрѣшить вопросъ: «полезно ли это будетъ моему успѣху въ свѣтѣ, моей каррьерѣ, моему будущему?» Это правило было необходимо Сесилию тѣмъ болѣе, что ему приходилось самому устроить свое будущее: состоянія онъ не имѣлъ, наслѣдства ждать было не откуда.

Оставалась одна надежда на собственные силы. Онъ на нихъ и положился, Онъ на все и на всѣхъ смотрѣлъ съ высока, — на грубыхъ, неотесанныхъ невѣждъ, на лѣтяевъ и нахаловъ съ невыразимымъ презрѣніемъ, а на прележныхъ, спокойныхъ, дѣловыхъ людей — какъ на такихъ, которые только-что годятся въ его сферу. Со всякою превосходною силой онъ смѣло вступалъ въ состязаніе и, если не могъ превзойти, такъ по-крайней-мѣрѣ старался сравняться. Онъ не пренебрегалъ первенствомъ ни въ какомъ отношеніи. Нѣкоторые изъ товарищей распустили слухъ, будто онъ слабъ здоровьемъ и оттого убѣгаетъ вакханалій. Вдругъ онъ принялъ участіе въ нѣсколькихъ, самыхъ отчаянныхъ, и доказалъ насмѣшникамъ, что обладаетъ львинымъ здоровьемъ, а потомъ съ презрѣніемъ уклонился отъ нихъ. Другіе полагали, что у него долженъ быть недочетъ въ мужествѣ, когда онъ, при такой надмѣнности, никогда не имѣлъ стычекъ. Сесиль не могъ быть забіякой, потому что былъ слишкомъ гордъ. Но тутъ онъ раза два съ намѣреніемъ придрался, кончилъ блистательно, и такимъ образомъ прищемилъ языкъ и этой клеветѣ. Многие молодые люди академическую свободу свою употребляютъ во зло на тысячи глупостей именно потому, что очень долго жаждали ея. У Сесиль этой жажды не могло быть: въ домѣ тѣтки, у которой онъ воспитывался съ девяти-лѣтняго возраста и которую любилъ страстно, его приучили къ своей волѣ мало-по-малу и по-коонецъ уже обращались съ нимъ, какъ съ человѣкомъ совершенно самостоятельнымъ. Школьному педантизму, самому отвратительному недостатку или, лучше сказать, лѣвъ безбородыхъ всезнаекъ, Сесиль былъ совершенно непричастенъ, потому что рано вступилъ въ кругъ, гдѣ требуется не учиность, а любезность. Съ толпою своихъ хорошенькихъ, веселыхъ, милыхъ кузинъ онъ жилъ на такой ногѣ, какъ обыкновенно живутъ двоюродные братья, то есть, родственныя узы поддерживались маленькимъ, поверхностнымъ волокитствомъ и взаимнымъ желаніемъ нравиться. Настоящей любви не вышло: любовь вообще рѣдко рождается въ такихъ продолжительныхъ, привычныхъ отношеніяхъ. Молодое сердце требуетъ отъ любви

новыхъ, могучихъ, пламенныхъ ощущеній, а двоюродный братъ и двоюродная сестра знаютъ другъ друга такъ давно, что нѣтъ ни какой возможности увлечься и найти какую-нибудь таинственную, невѣдомую прелесть.

Въ обществѣ онъ всегда былъ очень почтителенъ ко всѣмъ, кто имѣлъ силу и вѣсъ, въ томъ числѣ и къ профессорамъ; только наравныхъ себѣ не обращалъ ни какого вниманія. Въ первыхъ онъ уважалъ лѣта, познанія, опытность, чинъ, — все, чего самъ не имѣлъ; въ послѣднихъ же не находилъ ничего такого, чѣмъ бы самъ не владѣлъ или противу чего не могъ бы положить свою гири на вѣсы. Поэтому всѣ пожилые люди благоволяли къ нему, молодые находили его несноснымъ, дѣвушки любезнымъ. Но при всемъ томъ онъ былъ не дурной товарищъ и нѣкоторые молодые люди охотно сближались съ нимъ. Сесиль братался со многими изъ нихъ, потому что въ студенческой жизни это необходимо, но никогда не заключалъ слишкомъ короткой дружбы, никогда не отдавался вслѣдствію: онъ считалъ это расточительностію. Посвятивъ себя политическимъ наукамъ, онъ изучалъ ихъ усердно, трудился съ величайшимъ прилежаніемъ, что чрезвычайно рѣдко при блестящихъ дарованіяхъ. Талантъ обыкновенно пренебрегаетъ трудомъ. По окончаніи университетскаго курса, Сесиль совершилъ путешествіе по Европѣ; наконецъ, снабженный всѣми необходимыми познаніями и рекомендательными письмами, отправился въ Берлинъ, гдѣ былъ принятъ въ домъ министра и въ ожиданіи вакансін, продолжалъ изученіе своего предмета и приготовленіе къ испытанію, для полученія мѣста.

Сынъ министра, Гунтрамъ, молодой человекъ изящно воспитанный, но не очень основательно образованный и порядочно вѣтреный, впрочемъ добродушный, прильпился къ Сесилію съ пламенною дружбой, которую скрывали одинакій возрастъ и одинакія занятія. Сесиль не могъ очень привязаться къ Гунтраму, потому что не находилъ въ немъ ничего достойнаго особеннаго уваженія, и только-что сносилъ его дружбу, однако жъ старался поддерживать союзъ, потому что желалъ удержаться въ домѣ министра. Тотъ, съ своей стороны, съ перваго шагу нашелъ

въ Сесилѣ дѣльнаго молодого человѣка, очень полюбилъ его за умъ, познанія и обращеніе и съ удовольствіемъ видѣлъ его связь съ Гунтрамомъ, надѣясь, что она окажетъ благотѣльное вліяніе на легкомысленный и поверхностный характеръ его сына. Министерша, напротивъ, нимало не раздѣляла образа мыслей мужа и сына въ-разсужденіи Сесили. Она, вѣроятно, была превосходная женщина, потому что объ ней только и слышно было: «какъ она добра! какъ она благотворительна! какаа чувствительная душа!» Только отъ этого превосходства мало было пользы самымъ близкимъ окружающимъ. Она дѣйствительно была благотворительна. Когда къ ней обращались просители и нуждающіеся, она, правда, не давала имъ ничего своего, но зато садилась въ карету, разъѣзжала по знакомымъ и незнакомымъ, собирала деньги, раздавала лотерейные билеты, ради богоугоднаго дѣла канючила, надѣдала, навязывала подписки, потомъ призывала кліентовъ и сообщала имъ плоды своихъ трудовъ, раздавала кому милостыню, кому заемъ, кому обѣщаніе мѣстечка или протекціи, и присовокупляла ко всему этому надлежащія наставленія и поученія. Она знала всѣхъ нищихъ, больныхъ, сиротъ и вдовъ великаго города Берлина и, казалось, жертвовала для нихъ собою на дѣлѣ и на совѣтѣ. Особенно на совѣтѣ она не скупилась. Она вполне понимала себя и свое назначеніе и не могла не считать священнымъ долгомъ въ отношеніи къ человѣчеству—подавать свой совѣтъ вездѣ, гдѣ нужно, и даже тамъ, гдѣ не нужно, гдѣ его вовсе не просили. То, что называла своимъ сердцемъ, она расточала чужимъ дотого, что у нея ничего не оставалось на своихъ. Мужа она терпѣть не могла за то, что онъ не поддерживалъ ея неистовой страсти къ покровительству, а обыкновенно помогалъ своими деньгами, гдѣ видѣлъ дѣйствительную нужду. Дочь свою она любила такъ же мало, потому что Нандина была слишкомъ робка и неспособна когда-либо итти по слѣдамъ маменьки, которой правило: «для добраго дѣла можно снести нареканіе въ навязчивости» приводило кроткую дѣвушку въ трепетъ: она скорѣе отдала бы послѣднее свое платье, чѣмъ итти просить у другихъ. Своего сына Гунтрама, въ дѣтствѣ, министерша

баловала съ самою слѣпою, безтолковою любовью, какая когда-либо доставалась маменькинымъ сынкамъ,—въ той надеждѣ, что потомъ будетъ имѣть право требовать такой же слѣпой преданности и безграничной признательности. Но Гунтрамъ вовсе не намѣренъ былъ имѣть такое ядро и, чтобы удалитъ его отъ себя, постоянно держался въ оппозиціи съ матерью. Особенно неистощимую пищу своему духу противорѣчія находилъ онъ въ страшномъ высокомеріи матери. Она, милосердая, челоуѣколюбивая благодѣтельница, видѣла во всѣхъ людяхъ не дворянскаго роду существа, которымъ можно покровительствовать, но которыхъ ни какимъ образомъ невозможно признать людьми себѣ подобными. Гунтрамова дружба къ Сесилию была ей дотога нестерпима, и она дѣлала сыну столько упрековъ за его плебейскій вкусъ, что дружба наконецъ превратилась въ истинную страсть, потому что принуждала Гунтрама отстаивать, хвалить Сесилья, превозносить его любезности и достоинства, окружать его такимъ уваженіемъ и ставить на такую высоту, чтобы онъ былъ недосыгаемъ парижаніямъ матери. Нандина слышала это каждый день и видѣла, что отецъ очень одобряетъ союзъ ея брата съ Сесилемъ. Нандина отъ души любила отца и брата, слѣдовательно и на Сесилья не могла смотрѣть глазами своей матери.

Сесилию Нандина сначала показалаь незначительною, обыкновенною дѣвушкой, очень хорошенькою, очень граціозною, но вовсе не привлекательною. Она говорила очень мало, всегда ласково и одинаково со всѣми. Она никогда не высказывала своего мнѣнія или сужденія, и никогда не приставала къ другимъ. Къ этой ровной ласковости и осторожности она привыкла между родителями, которые всегда были разныхъ мнѣній, изъ семейнаго круга она приносила ту же привычку и въ общество, чтобы и тамъ никого не оскорбить, ни съ кѣмъ не прійти въ неприятное столкновеніе. Иногда Сесиль думалъ про себя: «какъ жаль, что такая отрицательная природа дѣлаетъ ея хорошенькое личико такимъ бездушнымъ!» Но однажды Гунтрамъ, въ случайномъ разговорѣ о матери и сестрѣ, какъ-то замѣтилъ, что совершенно покорная, кроткая и добрая Нан-

дина, хотя во всемъ безусловно повинуется матери, которую любить больше нежели та ее, однако жъ обладаетъ твердымъ характеромъ и въ важномъ случаѣ ни передъ чѣмъ не оробѣетъ, и что къ замужеству, напримеръ, ей ничто на свѣтѣ не принудитъ, потому что она рѣшительно намѣрена вступить въ бракъ не иначе какъ по любви. Послѣ этого разговора Сесиль сообразилъ, что въ природѣ Нандины долженъ быть и положительный полюсъ. Онъ сталъ смотрѣть на нее другими глазами, и чѣмъ нестерпимѣе ему была мать, тѣмъ привлекательнѣе мало-помалу становилась дочь. Но онъ видѣлъ ее очень рѣдко. Съ Гунтрамомъ онъ проводилъ время ежедневно, почти ежечасно. На вечерахъ у министерши онъ являлся постоянно, потому что министръ пригласилъ его однажды навсегда, и потому что Сесиль самъ не хотѣлъ уступить ей надмѣнности. Она сначала не обращала на него ни какого вниманія, а онъ этого какъ-будто и не замѣчалъ.

На одномъ изъ этихъ вечеровъ Нандина была такъ печальна, что не могла прикрыться обыкновенною своей улыбкой. Сесиль очень вѣрно заключилъ, что она, вѣроятно, имѣла непріятность отъ матери, и, въ негодованіи за это или и даято чтобы развлечь Нандину, разговаривалъ съ нею долѣе и живѣе обыкновеннаго. Къ немалому удивленію его, Нандина также вышла изъ своей страдательной роли, даже бросила нѣсколько замѣчаній, которыя обнаруживали внутреннюю самостоятельность. Сесиль не зналъ, что Нандина сама, быть-можетъ, сегодня только сознала свои силы, потому что впервые, скромно, но рѣшительно, отклонила предложенную матерью партію. Сесиль вспомнилъ бѣглыя замѣчанія Гунтрама о прекрасномъ, глубоко чувствительномъ сердцѣ ея, и она была такъ удивительно мила, что его сердце тревожно забилося.

Съ этой минуты Нандина была вплетена въ его жизнь. Онъ уже давно составлялъ неотлучную ея мысль. Она знала его по краснорѣчивымъ описаніямъ Гунтрама; по благотвѣльному вліянію его товарищества на ея до того столь вѣтреннаго и мало развитаго брата; по похвалѣ, съ какою относился объ немъ ея отецъ; наконецъ, она видѣла его сама и не могла не замѣтить его ума, основатель-

ной и притомъ изящной образованности. Она тайкомъ отъ всѣхъ обратила на него все свое вниманіе и участіе.... «ради Гунтрама!» говорила она сама себѣ. И это въ началѣ было совершенно справедливо, но потомъ.... потомъ наступилъ порядокъ вещей не менѣе естественный.

На-утро послѣ того вечера, Сесиль, до обыкновенію, пошелъ къ Гунтраму. Онъ встрѣтилъ его и Нандину. Оба выходили изъ комнатъ отца. Нандина, увидѣвъ Сесиль, испугалась и убѣжала безъ отвѣта на поклонъ. «Отчего это?» подумалъ Сесиль.

— Чтò съ твоею сестрой? она, кажется, разстроена? спросилъ онъ.

— Она плакала, угрюмо отвѣчалъ Гунтрамъ. Теперь начинается исторія: ее хотять выдать замужъ; она не хочетъ. Вчера она объявила это маменькѣ, сегодня папенькѣ.... Чортъ знаетъ, чѣмъ это кончится!

— Она хочетъ за другаго? спросилъ Сесиль съ напряженіемъ.

— Не думаю. Теперь, покуда, нѣтъ еще.... ничего не замѣтно. Но, наконецъ, вѣдь каждая дѣвушка думаетъ же выйти замужъ: можетъ-быть, она и влюблена въ кого-нибудь, почему мнѣ знать: кто имъ въ душу влѣзетъ!

Сесилью очень хотѣлось разспросить, узнать по-больше, но у него въ первый разъ въ жизни не нашлось словъ и онъ промолчалъ.

И Сесиль и Нандина ежедневно слышали другъ о другѣ такія вещи, которыя ихъ сильнѣе завлекали. Слова Гунтрама производили тѣмъ сильнѣйшее дѣйствіе, чѣмъ меньше въ нихъ было умыслу. Онъ говорилъ съ другомъ о сестрѣ, потому что она была близка его сердцу, и съ сестрою о другѣ по той же самой причинѣ. Гунтрамъ и не примѣчалъ, съ какимъ глубокимъ участіемъ его слушали, а если и примѣчалъ, то простодушно относилъ вниманіе къ самому себѣ. Сесиль мало-по-малу сдѣлался для Нандины тѣмъ идеаломъ, который дѣвушки часто безъ всякой посторонней помощи составляютъ себѣ и который любятъ еще болѣе, если замѣчаютъ, что и другіе имъ милые находятъ этотъ предметъ достойнымъ. Нандина представлялась Сесилью прелестною, рѣдкою дѣвушкой, на которой съ

удовольствиемъ можно жениться, тѣмъ больше, что она дочь министра и что со стороны матери, вѣроятно, будетъ много препятствій. Это подстрекало; затрудненія, борьба, побѣда сулили много наслажденія. Молодые люди съ сильнымъ характеромъ, какъ бы честолюбивы они ни были, не любятъ того, что достается имъ безъ труда; они радуются тому, на что могутъ употребить свои силы. Глубокой, пламенной страсти не было ни у Нандины, ни у Сесилия. Но эта страсть могла быть возбуждена противорѣчьемъ.

Министерша была до крайности разгнѣвана непослушаніемъ дочери и начала строже присматривать за ея обращеніемъ съ молодыми людьми. Къ невыразимому ужасу своему она скоро примѣтила, что легкій оттѣнокъ прѣдпочтенія, какое можетъ оказывать такая молодая благовоспитанная дѣвушка, несомнѣнно на сторонѣ Сесилия. Мать насаждала ей рѣзкихъ упрековъ, которые острыми ножами пронзали сердце бѣдной Нандины, потому что она не знала за собой ни малѣйшаго кокетства, сознавала однако жъ свою склонность и была въ убійственномъ страхѣ, оттого что выказала ее передъ другими.

Когда, послѣ этого, Сесиль былъ у нихъ, Нандина приняла его съ такою ледяною холодною, что онъ не осмѣлился заговорить съ нею, какъ обыкновенно. Онъ безмолвно отошелъ и ждалъ рѣшенія загадки. Она не смѣла взглянуть на него и, продолжая разливать чай, разговаривала съ другими. Прошло около полу-часу, когда Сесиль, слѣдуя за дамою, съ которою разговаривалъ, опять подошелъ къ чайному столу и нечаянно очутился прямо противъ Нандины. Она была такъ рада видѣть его опять подлѣ себя, и сказать ему хотя нѣсколько словъ, что совсѣмъ забыла упреки матери.

— Ахъ, извините! сказала она подавая ему чашку чаю, такимъ тономъ, какой нуженъ, чтобы исправить ошибку невнимательности. Но нѣжный, печальный взоръ ея просилъ другаго прощенія, и хотя они ни слова больше не говорили, однако жъ обоихъ успокоила сладостная увѣренность.

Прошла зима. Весною Гунтрамъ долженъ былъ начать свой чередной годъ военной службы. Онъ вступилъ въ

уланскій полкъ вмѣстѣ съ Сесилемъ. Министерша была въ отчаяніи, когда увидѣла на сынѣ солдатскій мундиръ.

— Сдѣлай милость, одѣнься прилично, Гунтрамъ, когда, вечеромъ, прійдешь ко мнѣ, сказала она сухо.

— Въ солдатскомъ мундирѣ моего государя я, кажется, очень прилично одѣтъ, маменька. Впрочемъ я и не смѣю теперь одѣваться иначе, чтобы не подвергнуться наказанію.

— Наказанію? Бѣдный мой Гунтрамъ! Какому же наказанію?

— Не знаю.... я думаю, посадятъ въ колодки, сказалъ онъ, шутя.

Она взвизгнула и разразилась потокомъ брани на неслыханное притѣсненіе и варварство, которое принуждаетъ ея сына цѣлый годъ стоять на ряду съ разночинцами и мужиками.

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ не смѣешь снять этого чудовищнаго наряда? спросила она наконецъ, когда устала браниться.

— Право, не смѣю.

— Согласись, однако жъ, что онъ приличенъ только на вашей службѣ, но не въ обществѣ?

— Согласенъ.

— Такъ я же прошу тебя, мой другъ, не приводить ко мнѣ никого изъ твоихъ друзей, покуда вы носите это платье. Тебѣ я всегда рада, но всё-таки не желаю, чтобы моя гостиня превратилась въ казарму.

Гунтрамъ очень хорошо понималъ, что мать придумала этотъ запретъ единственно ради Сесили, но не вправѣ былъ жаловаться за своего друга, потому что это могло касаться въ то же время и другихъ троихъ или четверыхъ его пріятелей. Онъ только рѣшился посѣщать мать свою не чаще того, сколько требовала обязанность, и тѣмъ хотѣлъ доказать ей, что всякое усиліе оторвать его отъ друга будетъ напрасно. Нандинѣ это было очень прискорбно. Она не только не видѣла Сесили, но и не слышала ничего объ немъ, потому что рѣдко имѣла случай на свободѣ поболтать съ братомъ.

Мѣсяца черезъ два Гунтрамъ захворалъ. Докторъ объ-

являлъ, что у него горячка. Нандина каждый день навѣщала брата; Сесиль тоже. Тутъ они видѣлись, но всегда только на минуту: боясь матери, Нандина не смѣла оставаться, когда онъ приходилъ.

Гунтрамъ выздоравливалъ.

Однажды онъ сказалъ сестрѣ, что пойдетъ въ садъ и просилъ ее прійти туда же. Она тотчасъ побѣжала въ свою комнату за шляпкой и въ-минуту очутилась въ саду. Гунтрама еще не было. Въ-место его она встрѣтила Сесиль, который вдругъ явился передъ нею изъ-за куртины.

— Извините! сказалъ онъ смутившись, потому что она была смущена: мнѣ сказали, что Гунтрамъ будетъ сюда.

— Я ему скажу, что вы его ждете, отвѣчала она и сдѣлала шагъ назадъ.

— О, нѣтъ! сдѣлайте милость, останьтесь, хоть на минуту! возразилъ онъ съ живостью.

Она остановилась у куста и съ смущеніемъ водила рукой по цвѣтамъ. Сесиль взялъ эту руку и сказалъ:

— Нандина! милая Нандина!

Она не отнимала руки, но и не отвѣчала. На опущенныхъ рѣсницахъ задрожала слеза.

— У васъ нѣтъ ни одного ласковаго, ни одного ободряющаго слова для меня? спросилъ онъ тихо: скажите хоть *да* или *нѣтъ*?

Съ трепетомъ, мило и робко произнесла она «да!»

— Да! вскричалъ онъ въ восторгѣ и, сжавъ ея руку между своими, прижалъ къ губамъ: это рѣшительное и твердое «да»!

— Рѣшительное и твердое! сказала она торжественно, обративъ на него глаза, сіяющіе тихою радостью.

— Тогда вамъ нужно мужество, сказалъ онъ съ чувствомъ.

— А вамъ терпѣніе.

Они поспѣшно, почти шопотомъ помѣнялись этими словами. Послышались голоса. Нандина пожала руку Сесиль и обѣжала кругомъ куртины въ другую аллею, чтобы входящіе не примѣтили ея. Это были Гунтрамъ и его мать.

— Нандины нѣтъ здѣсь? спросилъ Гунтрамъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Сесиль. Я приѣду къ тебѣ послѣ, черезъ полчаса.

Сесиль поклонился министершѣ и ушелъ. Онъ почти испугался такой полной, неожиданной увѣренности въ счастье. «Ну, теперь готовься!» сказалъ онъ самъ себѣ; вышедши на широкую улицу, которая показалась ему покрытою коврами и цвѣтами, какъ для триумфатора: «Теперь начинается жизнь!»

У Гунтрама сильно пострадала грудь. Мать повезла его въ Эмсъ и была очень рада, что онъ не могъ служить урочнаго году. Нандина осталась у отца подъ особымъ присмотромъ строгой компаньонки. Сесиль она не видѣла вовсе, но будучи увѣрена во взаимности, не страдала отъ этого лишенія. Въ началѣ любовь чрезвычайно умѣренна; довольствуется очень малымъ; чѣмъ больше она растетъ, тѣмъ ненасытнѣе становится. И это очень естественно, потому что любовь — жажда безконечнаго.

Позднею осенью министерша съ сыномъ воротилась. Гунтрамъ пользовался винограднымъ леченьемъ, но всѣтаки на всю зиму остался хворымъ. У него Нандина изрѣдка, мелькомъ, видѣлась съ Сесилемъ. Она охотно отказалась бы совершенно отъ общества и посвятила бы себя исключительно попеченіямъ о братѣ, но мать не позволяла: она находила, что Нандинѣ пора замужъ, пора приступить приличную партію.

По истеченіи военно-служебнаго года министръ напомнилъ Сесилю, что пора ему подумать объ испытаніи и заняться практическимъ примѣненіемъ накопленныхъ познаній. Сесиль отвѣчалъ, что готовъ выдержать испытаніе, и ничего не желаетъ такъ пламенно, какъ опредѣленнаго мѣста, тѣмъ болѣе, что уже имѣетъ опредѣленную цѣль жизни.

— Я люблю Нандину..... прибавилъ онъ самымъ нѣжнымъ тономъ, сохраняя однако жъ спокойную и твердую осанку.

Министръ холодно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Очень сожалѣю.

Гунтрамъ, въ комнатѣ котораго происходилъ разговоръ, вскочилъ, обнялъ Сесиль и вскричалъ:

— Отчего же папенька?

— Отчего же? повторилъ и Сесиль.

— Оттого, что свадьбу должно будетъ отложить на неизмѣримую даль, отвѣчалъ министръ: у васъ, любезный Форстеръ, нѣтъ состоянія; у моей дочери тоже. Она не можетъ ждать, пока вы достигнете самостоятельнаго положенія.

— Но если она согласна ждать? робко спросилъ Сесиль.

— Такъ вы уже согласились съ моею дочерью, господинъ Форстеръ? спросилъ министръ холодно и надмѣнно.

— Сердца согласились, возразилъ Сесиль.

Министръ смотрѣлъ на него сначала сурово, потомъ, мало-по-малу ласковѣе, и наконецъ сказалъ:

— Любезный Форстеръ, я васъ люблю, вы это знаете, и люблю не только ради Гунтрама, но ради васъ самихъ. Поэтому совѣтую вамъ, не какъ отецъ, но какъ другъ: совершайте свой путь безъ моей дочери.

— Но я люблю ее! вскричалъ Сесиль.

— Что жъ изъ этого? Любовь хороша, но одной любви мало для счастья. Вамъ, пожалуй, и теперь уже эта любовь будетъ счастьемъ, двигателемъ, путеводительницей.... чѣмъ хотите..... вы станете трудиться, стремиться, станете въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ смѣшивать любовь съ честолюбіемъ и будете дѣйствовать для него, хотя и удержитесь за думу объ ней. А дочь моя между-тѣмъ должна ждать, ждать, да ждать, сложа руки, цѣлые годы, вдали отъ васъ, въ уединеніи, въ самую лучшую пору юности.... Увѣрены ли вы, что ея любовь довольно сильна для этого и что она не соскучится ожиданіемъ, не откажется отъ васъ?

Если бъ онъ спросилъ: «можетъ ли Нандина быть счастлива такимъ образомъ?» то, можетъ-быть, тронулъ бы Сесиль, но такъ онъ только оскорбилъ его и усилилъ противорѣчіе. Быть забытымъ, отверженнымъ дѣвушкою, Нандиною.... Противъ этого возстало самолюбіе пуще любви, и онъ сказалъ съ улыбкою увѣренности:

— На это пусть отвѣчаетъ Нандина, ваше превосходительство.

— Но, любезный другъ, какъ же молодой дѣвушка, ко-

торая не знаетъ ни людей, ни обстоятельствъ, ни самой себя, и которая сверхъ-того ослаблена минутною склонностью..... какъ же такой дѣвущкѣ судить о сомнительной будущности?

— Повтому молодая дѣвушка никогда не должна выходить замужъ: выходя она всегда идетъ навстрѣчу будущности болѣе или менѣе сомнительной, возразилъ Сесиль.

— Да, что касается болѣе или менѣе мѣры счастья, — конечно, такъ. Но жена вступаетъ въ вѣрныя, определенныя отношенія, которыя до самой могилы окружаютъ ее необозримою цѣпью обязанностей и такъ связываютъ, что она не можетъ выступить изъ круга даже тогда, когда остынетъ любовь и страсть. А что же будетъ связывать ее въ неопределенныхъ отношеніяхъ невѣсты, когда погаснетъ любовь? Ея слово? Развѣ этого довольно? И развѣ не можетъ случиться то же самое съ вами? Вы еще не знаете женщинъ.

Сесиль покраснѣлъ и сказалъ съ гордостью, которую юноши обыкновенно противопоставляютъ опытности стариковъ:

— Не знаю, нужно ли знать женщинъ, чтобы любить одну изъ нихъ.

Гунтрамъ снова кинулся на шею Сесилью и осыпалъ его упреками за скрытность.

— Развѣ Нандина не сестра моя? спросилъ онъ.

— Въ этихъ дѣлахъ нѣтъ сестеръ: есть только дѣвушка, которая хочетъ, чтобы ея тайна была сохранена, отвѣчалъ Сесиль.

Ему было безпокойно и тѣсно. Въ словахъ министра было слишкомъ много истины. «Что если она можетъ позабыть меня?» тайно повторялъ онъ самъ себѣ съ внутреннимъ трепетомъ. Онъ вовсе не подумалъ: «А что, если я позабуду ее?» Онъ считалъ себя непоколебимо твердымъ.

Министръ пошелъ-было прямо къ Нандинѣ, но встрѣтился съ посланнымъ отъ жены, которая просила его къ себѣ.

Она подала ему письмо, только-что полученное, со сватовствомъ. Мать писала отъ имени своего сына.

— Но они не знаютъ другъ друга, сказалъ министръ, прочитавъ.

— Нѣтъ; затѣмъ-то баронесса и приглашаетъ меня на лѣто къ себѣ на дачу. Тамъ познакомятся.

— Но надобно будетъ спросить Нандину.....

— Я дочь свою воспитала такъ, что она согласится, когда я рѣшительно потребую. А этотъ бракъ долженъ быть заключенъ; я этого хочу.

— А я сейчасъ только слышалъ другое объясненіе.

— Къ какому дѣлу? Отъ кого же?

— Ницѣ всего необходимо хладнокровіе, мой другъ, сказалъ министръ взявъ ее за плечо: съ гнѣвомъ и вспыльчивостью. Ничего путнаго не сдѣлаешь.

— Да что же это такое? кто? говори!.... вскричала она вскочивъ.

— Сдѣлай милость будь хладнокровна: иначе я не могу говорить съ тобою о будущности Нандины.

Когда она замолчала и усѣлась, онъ пересказалъ ей разговоръ съ Сесилемъ. Она окаменѣла. Потомъ вдругъ зашумѣла такъ, что оглушила мужа, осыпала его упреками, за то что онъ принимаетъ къ себѣ въ домъ, Богъ знаетъ какихъ людей, позволяетъ имъ обольщать своихъ дѣтей, и такъ далѣе.

Министру чрезмѣрно наскучили эти пустыя фразы.

— Лучше всего будетъ поговорить объ этомъ съ самой Нандиною, сказалъ онъ вставая.

— Да, сказала жена рѣшительно: я прикажу позвать ее.

Нандина пришла. Министръ между-тѣмъ заклиналъ жену, не пугать ея, и она молчала. Онъ отдалъ дочери письмо. Та пробѣжала его и потомъ сказала, что желаетъ остаться у родителей.

— Навсегда, Нандина? ласково спросилъ отецъ.

Бѣдная Нандина вспыхнула и молча тихо покачала головой. Мать съ трудомъ удерживала гнѣвъ. Нандина вытаращила глаза и, замѣтивъ негодование матери, онѣмѣла. Горячія слезы быстро покатались по пылающимъ щекамъ. Отецъ съ глубокимъ состраданіемъ смотрѣлъ на дѣвушку, которая стояла какъ осужденная преступница, хотя не сдѣлала ничего дурнаго. Онъ сказалъ нѣжно:

— Нандина, онъ былъ со мною откровеннѣе тебя!

— О! вскричала Нандина и подѣ гнетомъ чувствъ упала къ ногамъ отца: у него нѣтъ матери, которая бы за это прогнѣвалась!

Министерша молча пожала плечами. Министръ поднялъ дочь и, посадивъ подлѣ себя, сказалъ:

— Успокойся, Нандина! успокойся, и расскажи мнѣ, что у тебя на сердцѣ?

Она рассказала. Она откровенно рассказала ему повѣсть своей невинной любви, которая жила однимъ надеждами. Она не умолчала и про «да», сказанное въ саду.

— Теперь ты знаешь все, папенька! заключила она: но если ты будешь гнѣваться за мою любовь или за молчаніе, или за что другое..... я умру, милый папенька!

— Вздоръ! вскричала министерша, не бойся, не умрешь и оттого, что изъ твоей неприличной любви не выйдетъ свадьбы, а свадьбы не будетъ: она невозможна.

Нандина посмотрѣла на отца со страхомъ, какъ-будто ждала смертнаго приговору.

— Ну, ну! сказалъ онъ, чтобы успокоить ее: этимъ уже слишкомъ много сказано.

Нандина обвила руками его шею. У нея духъ занялся отъ восторгу. Министерша встала и холодно сказала:

— Нандина! моего согласія ты никогда не получишь, никогда! Замѣть себѣ это. Хотя бы отецъ и согласился, я..... никогда! Я въ послѣдній разъ говорила съ тобою объ этомъ предметѣ.

Она ушла въ свой кабинетъ и заперла за собою дверь на замокъ.

Министръ призвалъ Гунтрама и Сесиль. Они нашли Нандину у него. Онъ объявилъ молодымъ людямъ, что не можетъ признать ихъ женихомъ и невѣстой, потому что они еще слишкомъ молоды и не самостоятельны; онъ не хотѣлъ, чтобы и сами они считали себя такими, потому что это значило бы, можетъ-быть, отказываться отъ счастья изъ-за пустой мечты. Видѣться онъ позволилъ имъ не иначе какъ въ обществѣ. Черезъ годъ намѣренъ былъ спросить, остались ли они при настоящихъ своихъ мысляхъ.

Сесиль была несказанно счастлива. Онъ былъ увѣренъ въ любви Нандины, потому что, если бы она не призналась отцу, что эта любовь глубокая, страстная, тотъ не нашелъ бы нужнымъ испытаніе, а просто разомъ отказалъ бы.

Благоразумный отецъ, обезпечивъ такимъ образомъ свою дочь безъ лишней строгости и безъ необдуманнаго потворства, сообщилъ принятія мѣры женѣ и просилъ у нея снисхожденія къ Нандинѣ.

— Нандина дура, а ты безразсудный отецъ, который помогаетъ уничтожить счастье дочери! вскричала министерша: вотъ и эта партія пропадаетъ! Отнынѣ я уже не стану больше заботиться объ ея будущемъ. Какъ хотите, такъ и живите!

— И прекрасно! возразилъ мужъ: я только этого и желаю.

Съ-тѣхъ-поръ министерша пуще прежняго предалась благотворительности и на пользу человечества совершенно истощалась въ совѣтахъ и поученіяхъ.

Для Сесили наступила счастливая пора молодого человека, котораго дотолѣ неопредѣленные желанія приняли извѣстную, опредѣленную форму и цвѣтъ, вышедши изъ зѣира и спустившись на землю. Передъ нимъ словно разсѣялся утренній туманъ и раскрылась чудесная картина весны, ярко сіяющей въ лучахъ солнца. Широкая дѣржава къ счастью открыта и этого съ него довольно. Жизнь казалась ему наслажденіемъ: всѣмъ ея требованіямъ онъ былъ радъ и ни одно не казалось ему слишкомъ великимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать. Милой своей воспитательницѣ, тѣткѣ, съ которою постоянно велъ переписку, онъ съ восторгомъ разсказалъ про свои надежды, про свою любовь.

Объ этихъ надеждахъ, объ этой любви онъ ежедневно толковалъ съ Гунтрамомъ, который вмѣстѣ съ поклономъ и съ многими вѣжными вѣстями переносилъ все это къ сестрѣ. Нандина видѣла Сесилия ежедневно, но только на одно мгновенье, когда садилась съ матерью въ карету, выѣзжая гулять. Она успѣвала только слегка кивнуть ему головою и больше ничего. Недѣли въ двѣ, въ три разъ, они видѣ-

лись въ гостиной или на вечерѣ. Но тутъ мать строго наблюдала, чтобы Нандина не сказала Сесилью полу-словомъ больше нежели другимъ.

У Нандины не было работъ, которыя могли бы занять ея умъ и наполнить время такъ, какъ у Сесилья, который однажды сказалъ:

— Если бы во дню было двадцать четыре часа, то и тогда онъ мнѣ былъ бы коротокъ: я не успѣваю переработывать всего матеріалу, который нахожу въ немъ.

— А мнѣ каждый часъ слишкомъ дологъ, потому что пусть, говорила со вздохомъ Нандина.

— Вы даете мнѣ двойную душу, оттого-то я такъ богатъ и силенъ, возразилъ Сесиль.

Воспоминаніемъ о такихъ словахъ и надеждою на другіе подобныя, Нандина питалась и жила цѣлые дни и недѣли. Любовь Сесилья была тою почвою, изъ которой бѣдное, угнетенное существо ея почерпало жизненные соки. Кромѣ этого у нея не было ничего, такъ же, какъ растеніе въ знойную пору не имѣетъ ничего освѣжительнаго, кромѣ нѣсколькихъ капель росы.

Годъ прошелъ. Сесиль и Нандина явились къ министру съ увѣреніемъ, что образъ мыслей ихъ всё тотъ же.

— Хорошо, сказалъ министръ спокойно: отношенія остаются тѣ же. Черезъ годъ я опять спрошу васъ.

Это вовсе не соотвѣтствовало ожиданіямъ любовниковъ. Нандина была слишкомъ робка, чтобы высказать желаніе, которое таялось у нея въ сердцѣ. Сесиль былъ смѣлѣе. Онъ просилъ позволенія писать къ Нандинѣ, но отецъ не согласился.

— Это возможно только между обрученными, а вы еще не обручены, сказалъ онъ.

Нандина осмѣлилась замѣтить, что она всё-таки считаетъ себя невѣстою Сесилья. Отецъ возразилъ, что это отъ нея зависитъ, но что онъ самъ не можетъ еще считать ее такою.

— Но вѣдь это жестоко! вскричалъ Сесиль.

— Что жъ тутъ жестокаго? Годъ тому назадъ вы благодарили меня за то самое, что теперь находите жестокимъ. Что же измѣнилось съ-тѣхъ-поръ? Ничего. Вы уже

Т. LXIV. — Отд. II.

не стѣдентъ, правда; вы счастливо выдержали испытаніе, вы служите, по вы покуда всё-еще Сесиль Форстеръ, и только. Этого, конечно, довольно мнѣ, чтобы любить и уважать васъ лично, но не довольно для того, чтобы выдать за васъ дочь мою. Надѣюсь, вы согласны, что она не можетъ выйти замужъ за канцелярскаго чиновника, хотя бы и при посольствѣ?

Сесиль и Нандина чувствовали, что онъ говорить правду, но всё-таки старался склонить его на свои желанія. Министръ былъ непоколебимъ.

— Вы думали, что испытаніе уже кончилось, а оно только-что начинается, сказалъ онъ. Гунтрамъ по болѣзни пойдетъ на воды; мать и Нандина проводятъ его. Тогда ты, дитя мое, въ первый разъ будешь въ новомъ чужомъ кругу, а вы, любезный Форстеръ, тоже поближе нынѣшняго познакомитесь съ отношеніями въ свѣтѣ, въ который вступаете. Кто знаетъ, къ чему приведетъ васъ этотъ опытъ!

Они жарко противорѣчили, но ничего не измѣнили. Гунтрамъ, изъ состраданія къ предстоящей разлукѣ, устроилъ для нихъ короткое свиданіе, чтобы они по-крайней-мѣрѣ могли проститься. Потомъ Сесиль отправился по назначенію министра въ Верхнюю Силезію, гдѣ долженъ былъ пробить годъ. Нандина съ матерью и братомъ побѣжала въ Гайсъ.

Сесиль, конечно, неслыханно соскучился бы въ Ративоръ, если бы въ первые же дни не пришло къ нему извѣстіе о скоропостижной смерти отца. Тутъ некогда было скучать. Отецъ его, совѣтникъ правленія въ Магдебургѣ, былъ прекраснымъ мужемъ и отцомъ, любезнымъ собесѣдникомъ и вообще очень умнымъ человекомъ, но весьма дурнымъ хозяиномъ. Неожиданно скончавшись, онъ оставилъ множество долговъ и жепу съ кучею дѣтей въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Это огорчало Сесиль, особенно потому, что онъ тутъ ничего не могъ поправить, развѣ просить дядю, чтобы тотъ привелъ въ нѣкоторый порядокъ запутанныя дѣла безпомощной вдовы. Дядя, богатый фабрикантъ и отличный не только сельскій, но и домовый хозяинъ, исполнилъ эту просьбу самымъ благороднымъ образомъ. Но всё-таки Сесиль было непріятно: онъ до-

садоваль, что ни ему, ни брату его Спигизмунду обстоятельства не позволяли заняться этимъ и управиться самимъ. Въ двойномъ горѣ, о потерѣ и о несчастномъ положеніи семьи, онъ жилъ въ Ратиборѣ въ совершенномъ уединеніи и старался забыть въ занятіяхъ по службѣ и въ ученѣ. Къ Гунтраму онъ написалъ въ полгода одинъ разъ. Онъ не находилъ въ себѣ того расположенія, какое было нужно, чтобы развеселять больного друга. Отъ этого пострадала и Нандина: ее терзало безпокойство и томленія неизвѣстности. Она поблѣднѣла, исхудала, утратила здоровье, но не жаловалась: она этого не замѣчала; она чувствовала только, что сердце болитъ.

Наконецъ, уже зимою, Сесиль завелъ въ Ратиборѣ знакомство, которое пробудило его отъ оцѣпенѣнія. Подъ городомъ, на прекрасной дачѣ жилъ графъ Регенсбергъ, или, лучше сказать, жила его жена, потому что самому ему болѣе нравилась жизнь въ Вѣнѣ, Бреславлѣ и Берлинѣ, гдѣ онъ велъ себя совершенно какъ холостякъ и предавался всѣмъ удовольствіямъ этой жизни. Когда умерла его первая жена и оставила ему троихъ дѣтей, которымъ необходимы были попеченія матери, онъ рѣшился жениться во второй разъ, тѣмъ охотнѣе, что Діана Адлеркронъ была дѣвушка очень милая. Если ужъ мнѣ нужно бывать и дома, такъ по-крайней-мѣрѣ у меня будетъ тамъ хорошенькая жена, думалъ онъ, чтобы утѣшить себя за недостатокъ приданого у невѣсты. Самъ онъ былъ довольно богатъ. Діана вышла за него съ подобающею покорностью. ██████████ была воспитана именно такъ, чтобы безусловно повиноваться сначала волѣ честолюбивой матери, а потомъ быть рабою мужа. Уже около двухъ лѣтъ она жила въ замкѣ со своими пасынками довольно уединенно. Въ эту зиму у нея гостила старшая ея сестра, графиня Рената Доббенекъ. Этихъ двухъ сестеръ Сесиль встрѣтилъ на балѣ у своего начальника. Діана поразила его, потому что была прекрасна; Рената — потому, что была вовсе не прекрасна, а привлекала несравненно больше. Діана была очень занята и занимала другихъ, потому что много танцевала; Рената не танцевала вовсе и президентша не знала, что дѣлать съ гостью, которая не нашла себѣ нико-

го знакомыхъ въ новомъ обществѣ, и, по-видимому, странно скучаетъ. Отъ картъ она тоже отказалась. Президентша обратила глаза на Сесиль, который также не танцовалъ, потому что носилъ трауръ, но былъ слишкомъ изъясненъ на то, чтобы служить по нуждѣ подставнымъ въ какой-нибудь вялой партіи виста. Она просила Ренату о позволеніи рекомендовать его ей, познакомила ихъ и успокоилась.

Привычная увѣренность и ловкость чуть-чуть не оставили Сесиль совсѣмъ, когда онъ стоялъ передъ графиней Доббенекъ: такая смѣсь надмѣнности и суровости лежала на молодомъ ея лицѣ. Но она была слишкомъ горда, чтобы быть невѣжливою: она только не могла скрыть своей скуки. Она поклонилась ласково, но молча, потому что не знала, что сказать. Президентша ограничилась однимъ названіемъ имени и оставила обоихъ въ положеніи довольно затруднительномъ. Сесиль долженъ былъ рѣшиться начать разговоръ съ чего бы то ни было.

— Вы не танцуете, графиня? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— И не играете?

— Нѣтъ.

— Можетъ-быть, вы не любите и говорить? продолжалъ онъ съ улыбкою.

Она посмотрѣла на него во всѣ глаза, потомъ сказала:

— Однако жъ иногда говорю.

Она была изумлена, что здѣсь нашелся человекъ такой смѣлый.

— Я почелъ бы себя счастливымъ, еслибъ встрѣтилъ такое «иногда», продолжалъ онъ.

— О, это очень легко! возразила Рената: стоить только говорить мнѣ вещи, на которыя я могу отвѣчать.

— Прибавьте «и хочу», графиня.

— Натурально! Я нахожу всѣ разговоры о томъ, «какъ вы поживаете» и «какъ вамъ нравится этотъ балъ и этотъ кадриль» до крайности излишними. У Яковлевъ есть, говорятъ, машинки для поклоновъ, которыми они махаютъ вмѣсто привѣтствій; у Калмыковъ есть машинки, которыя они вертятъ вмѣсто молитвы. Намъ не худо бы

завести машинки для бальныхъ разговоровъ, которыми мы могли бы звонить или стучать, чтобы замѣнить цѣлые потоки пустыхъ фразъ.

Увидѣвъ, что Рената можетъ говорить съ живостью, Сесиль оживился и самъ. Онъ сталъ защищать фразы, какъ орудіе, посредствомъ котораго, при надлежащемъ искусствѣ, можно далеко уйти и безъ мыслей или съ скрытыми мыслями. Рената возразила, что не вѣритъ скрытымъ мыслямъ у тѣхъ, кто выражается фразами, или такія скрытыя мысли вовсе не заслуживаютъ этого названія.

— Мысли прорываются невольно, какъ свѣтъ, гдѣ только есть случай къ тому, сказала она.

— Тогда бы повсюду на свѣтѣ царствовала истина и разумѣніе, замѣтилъ Сесиль.

— Да, конечно, сказала она съ важностью: я дѣйствительно думаю, что такое разумѣніе существуетъ между благородными, высокими душами, между существами, которыя презираютъ пошлую жизнь въ обыкновенныхъ сборищахъ, называемыхъ обществомъ.

Они проговорили съ часъ. Тутъ подошелъ къ Ренатѣ хозяинъ. Сесиль, изъ учтивости, уступилъ ему свое мѣсто. Но Рената послѣ нѣсколькихъ «фразъ» опять впала въ прежнюю скуку и неразговорчивость. Съ Діапою разговаривать было гораздо легче: та не требовала ума и веселилась до упаду. Сесиль подошелъ къ ней въ промежуткѣ двухъ танцевъ и послѣ первыхъ трехъ словъ просилъ позволенія пріѣхать къ ней. Она была очень рада.

— Боже мой! какъ я устала отъ скуки! сказала Рената, зѣвая и усаживаясь въ уголъ кареты.

— А я отъ танцевъ; сказала Діана весело, и пріютилась въ другомъ углу.

Два дня спустя Сесиль былъ у графини Рёгенсбергъ. Тутъ уже ему трудно было замѣтить Діану подлѣ Ренаты: въ продолженіи бесѣды онъ обращался преимущественно къ старшей сестрѣ, хотя очень хорошо чувствовалъ, что неприлично было бы оставить хозяйку дома въ совершенномъ пренебреженіи. Съ обѣими вдругъ бесѣдовать онъ не могъ, потому что съ одною можно было говорить только поверхностно, а съ другою только серіозно: одна всег-

да бы скучала тѣмъ, что занимало бы другую. Діана обнаруживала беспокойную подвижность, жажду удовольствій, наслажденій, новостей и ощущеній свѣта; Рената—равнодушіе, почти презрѣніе ко всему этому. Она, казалось, считала всѣ эти цвѣтистые плоды содомскими яблоками, быть-можетъ потому, что въ лучшемъ, драгоцѣннѣйшемъ изъ нихъ нашла одну пыль, между-тѣмъ какъ Діана и въ содомскихъ яблокахъ простодушно восхищалась великолѣпными красками и не вѣрнула, чтобы они могли содержать въ себѣ негодный прахъ. Впрочемъ, въ домашнемъ быту у Ренаты исчезала отталкивающая строгость, которую она носила въ обществѣ какъ оборонительное оружіе: она казалась только тихою и важною, какъ человѣкъ рѣшившійся терпѣливо сносить глубокое горе. Сесиль тайнѣ удивлялся, что мужа могутъ оставлять такихъ привлекательныхъ женщинъ однихъ. Діана, въ разговорѣ, между прочимъ, сказала, что ждетъ своего мужа къ Рождеству. Рената не упоминала о своемъ.

Вечеромъ Сесиль поѣхалъ домой въ раздумьѣ. Передъ глазами его безпрестанно мелькала Діана; въ умѣ носилась мысль о Ренатѣ. О Нандинѣ онъ не думалъ вовсе. Онъ хотѣлъ жениться на Нандинѣ, основать съ нею домъ, семейный кругъ, пройти съ нею жизнь, да! но до всего этого было еще очень далеко, а настоящее опускало передъ этимъ будущимъ такія великолѣпныя завѣсы, что онъ по-необходимости не видалъ Нандины. Доселѣ онъ все жилъ только въ будущемъ и для будущаго. Теперь ему пришла охота пожить немножко и въ настоящемъ.

Когда онъ на другой день шелъ въ ~~жизнь~~ жизнь, мимо его прокатилась дорожная карета, запряженная четвернею. Онъ испугался, узнавъ сидѣвшую въ каретѣ Ренату. Она уѣзжаетъ?..... куда? къ кому? зачѣмъ? спрашивалъ онъ самъ себя въ уныніи. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ встрѣтился съ товарищемъ по службѣ.

— Видѣли вы? спросилъ тотъ: графиня Доббенекъ сейчасъ проѣхала, на почтовыхъ.

— Видѣлъ. Куда это она ѣдетъ?

— Во Франконію, къ своему сумасшедшему мужу.

— Къ сумасшедшему? Неужели?

— Хуже нежели сумасшедшій: полоумный; да, да! полоумный, юродивый, какъ хотите, назовите. Но, конечно, онъ всё-таки не столько полоумень, чтобы дать женѣ ту свободу, какою бы она могла пользоваться у сумасшедшаго. Что вы на это скажете?

— Да это ужасно! вскричалъ Сесиль съ негодованіемъ.

— Да, да! бываютъ такія вещи.... случается. И знаете ли, отчего и за что это случается? за деньги дѣлается, за звонкую монету, любезный другъ. Когда графъ Доббенекъ умретъ, жена его наследуетъ огромное имѣніе.... На подписаніе завѣщанія у него вѣдь станетъ же ума. Тогда она будетъ его законною наследницею, какъ теперь его законная жена. Какъ вамъ нравятся законныя права?... а? обыкновенная жена..... законная! законная! кричатъ одни. Утвержденная въ духовной наследница.... законная! кричатъ другіе.... и мы съ вами помогаемъ имъ кричать.

— О! да вѣдь это ужасная подлость! воскричалъ Сесиль съ отчаяніемъ.

Ему стало страшно Ренаты.

— Да, да! на этомъ свѣтѣ стоитъ, такъ онъ движется... Нѣкоторые утверждаютъ даже, будто онъ такимъ образомъ подвигается впередъ, совершенствуется.

— Вы горкій насмѣшникъ, Олець! сказалъ Сесиль, входя въ присутствіе.

Онъ не могъ подавить своего отвращенія отъ Ренаты, потому, что даже не въ состояніи былъ пользоваться позволеніемъ Діаны, навѣщать ее. Черезъ нѣсколько недѣль онъ однако жъ получалъ отъ нея и отъ ея мужа приглашеніе на вечеръ, который графъ Регенсбергъ давалъ, по обыкновенію, передъ своимъ отъѣздомъ.

Діана такъ ласково спросила Сесиль, отчего онъ не пріѣхалъ, что его ужасъ отъ Ренаты показался ему смѣшнымъ, тѣмъ болѣе, что сестры, очевидно, были совершенно различнаго нраву. «Кто знаетъ, можетъ-быть и эта тоже маленькое чудовище?» думалъ онъ. «Во всякомъ случаѣ, однако жъ, она очень миленькое чудовище». Тутъ ему пришло въ голову замѣчаніе министра, что онъ-де еще не знаетъ женщины. Онъ почти устыдился своей неопытно-

сти и прилежно принялся заниматься Діаною, частію изъ тщеславія, частію отъ скуки. Она принимала его поклоненіе съ замѣтною радостью. Это польстило его самолюбію и у него обнаружилась теплота чувства, которой прежде не было замѣтно. Таково начало тысячи тысячь склонностей.... можно сказать бѣльшей части.

Женщины серьезно принимаются за первую свою любовь; мужчины за послѣднюю. Тѣ полагаютъ въ нея все юное, свѣжее, дѣвственное чувство, всѣ свои надежды, лишь только она, новорожденная, пробудится; эти испытываютъ столько сумасбродныхъ любвей, потребныхъ для ежедневнаго обиходу и всѣ-таки не удовлетворяющихъ сердца, что уже очень поздно постигаютъ наконецъ, чего собственно желаютъ. На женщину любовь свѣтитъ какъ восходящее солнце безоблачнаго утра, между-тѣмъ какъ мужчина долженъ прорваться сквозь душныя, тяжелыя облака, чтобы увидѣть солнце и видить его тогда уже, когда оно стоитъ въ зенитѣ. Діана, правда, не обладала пламенно пылающимъ, а только быстродвижнымъ и воспримчивымъ сердцемъ, но всѣ-таки она принялась за дѣло несравненно живѣе нежели Сесиль. Въ тѣ дни, когда онъ пріѣзжалъ, она съ утра проходила всѣ степени ожиданія, безпокойства, напряженія, опасенія, между-тѣмъ какъ онъ спокойно и съ точностію занимался дѣлами до самой той минуты, когда садился на лошадь. Однажды онъ былъ нечаянно задержанъ. Онъ на это досадовалъ, скучалъ, но уснулъ спокойно, а Діана провела вечеръ въ лихорадочномъ трепетѣ и во всю ночь не смыкала глазъ. На другой день онъ пріѣхалъ живой и веселый, а она встрѣтила его блѣдная, съ трепещущими губами. Только ея волненіе наконецъ нѣсколько тронуло его. Она правилаъ ему, но не привлекала его. «Нѣтъ! влюбиться въ нея я не могу.... невозможно!» Вотъ заключеніе, которое онъ вывелъ однажды вечеромъ, изъ своихъ размышленій. «И я не думаю, чтобы она....» Тутъ онъ остановился, потому что наткнулся на ложь. Ему очень хотѣлось, чтобы она любила его, и онъ кокетничалъ съ нею, какъ, обыкновенно говорятъ, женщины кокетничаютъ съ мужчинами.

Діана, неразвита, неопытная, угнетенная бездѣтъ.

нымъ, неудовлетворительнымъ существованіемъ, свыклась, обжилась съ чувствомъ, которое давало ей воображенію полный разгулъ. Она страдала и надѣялась, пылала и страшилась, попеременно, а Сесиль начинала уже терзать мысль о склонности, которой онъ не могъ не понимать и на которую не могъ отвѣчать. Нечайное возвращеніе графа Регенсберга, который на ту пору проигрался, очень обрадовало Сесиль. «Теперь ей есть съ кѣмъ дѣлать время; она не замѣтитъ моего отсутствія», думалъ онъ. Когда онъ высказалъ ей это, она посмотрѣла на него съ такимъ простодушнымъ изумленіемъ, съ такимъ непритворнымъ прискорбіемъ, что ему стало жаль, зачѣмъ онъ игралъ этимъ бѣднымъ сердцемъ для препровожденія скучнаго времени. Письмо министра, призывавшее его въ Берлинъ въ это время, показалось ему истиннымъ избавителемъ. Онъ по формѣ откланялся графу и графинѣ Регенсбергъ и тайнѣ съ восхищеніемъ и гордостью воскликнулъ: «О! любезный тестюшка! если бы ты зналъ, какъ легко остаться вѣрнымъ милой Нандинѣ!»

Министръ захотѣлъ, чтобы Сесиль поработала нѣсколько времени на его глазахъ, въ его кабинетѣ, и тутъ скоро вполне убѣдился въ необыкновенныхъ способностяхъ и исправности молодого человѣка.

Подъ осень возвратилась министерша со своими дѣтьми. Гунтрамъ на водахъ поправился, но Нандина чрезвычайно измѣнилась, похудѣла, поблѣднѣла, увяла. Она была изъ тѣхъ нѣжныхъ, эфирныхъ блондинокъ, которыя свѣжи до тѣхъ-поръ пока ихъ укрываетъ прохладная тѣнь весны и утра, и которыя тотчасъ теряютъ цвѣтъ, лишь-только ихъ вынесутъ на слишкомъ яркій свѣтъ или жарь. Виродженіи трехъ лѣтъ сердце ея непрерывно кипѣло, огнемъ горѣло въ неизвѣстности, въ страхѣ, въ томленіи и скорби, въ надеждѣ и опасеніи. Тягостныя отношенія къ матери тоже терзали и убивали ее. Все это разстроило ея здоровье и уничтожило красоту. Сесиль ужаснулся, когда увидѣлъ ее. Отецъ былъ глубоко опечаленъ.

— О! папенька, какъ я страдала въ этой ужасной, жестокой разлукѣ! сказала она.

— И разлука еще продолжится, милая моя! печально возразилъ отецъ.

— Я знаю, милый папечка! Но.... намъ бы только увѣренность, твое согласіе и, отъ времени до времени, нѣсколько строчекъ, которыя бы передетали отъ одного къ другому.

Сесиль былъ глубоко тронутъ тѣмъ, что Нандина изъ-за него до такой степени изпурилась въ тоскѣ, а теперь, при немъ, опять оживаетъ. Онъ такъ убѣдительно, пламенно и краснорѣчиво представилъ министру условія счастья, спокойствія и даже жизни его дочери, что тотъ согласился обручить ихъ, но только требовалъ, чтобы это оставалось втайнѣ, куда онъ успѣетъ прискаты для Сесили надежное мѣсто. На это могло уйти два года.

— Два года, долныя радостныхъ надеждъ, не продолжительны! говоритъ Сесиль съ увѣренностью.

— Да, если бы ты остался здѣсь! печально возразила Нандина: но въ разлукѣ съ тобою они вычеркнуты изъ моей жизни.

Министерша вовсе не принимала участія въ этомъ дѣлѣ.

— Сдѣлай милость, пощади меня, говорила она мужу, который хотѣлъ склонить ее на ласковое согласіе: я никогда не согласусь! Нандина можетъ дѣлать, что хочетъ, когда она имѣетъ твое согласіе: она уже довольно взрослая. Я, съ одной стороны, считаю самымъ лучшимъ безпрестанными развлеченіями навезть ее на другія мысли.

На это мужъ не согласился: онъ находилъ, что Нандина слишкомъ слаба здоровьемъ.

Осенью министръ отправилъ Сесилиа черезъ Италію въ Константинополь. Сесиль распорядился путешествовать такъ, что могъ провести нѣсколько дней на Рейнѣ, у своей любезней воспитательницы. Тамъ онъ нашелъ двухъ кузинъ уже замужемъ, — одну съ двумя дѣтми, — а третью — невѣсту. Въ этотъ кругъ онъ принесъ и свою собственную радость, свои свѣтлыя надежды, и спрашивалъ себя и всѣхъ этихъ счастливыхъ людей: «Неужто въ самомъ дѣлѣ правда, что на свѣтѣ такъ много несчастія и горя, какъ обыкновенно говорятъ?» Смысла тѣмъ когда-либо бросился онъ въ волны жизни.

Онъ прибылъ въ Италію. Передъ нимъ открылся новый міръ, а въ немъ были всѣ способности понять этотъ міръ, насладиться имъ. Будучи изящно и основательно образованъ, онъ живо ощущалъ впечатлѣнія, производимыя всѣмъ окружающимъ челоуѣка на той почвѣ, которую издревле и до-сихъ-поръ обработывалъ геній. Сесиль читалъ Тацита, какъ читалъ Байрона и Данте. Стеченіе путешественниковъ всѣхъ націи привлекало его столько же, какъ и особенности жизни туземцевъ. Сношенія съ художниками и учеными занимало его не менѣе пестрой, цвѣтистой суеты общества. Онъ былъ принятъ во всѣхъ кругахъ и могъ не отказывать себѣ ни въ чемъ, потому что тѣтка обезпечила его и избавила отъ всѣхъ внѣшнихъ заботъ. Сесиль былъ баловнемъ счастья: онъ всегда отличался увѣренностью счастливица, а теперь сталъ думать, что весь міръ созданъ для него.

Обладая всѣмъ, что нравится женщинамъ, — одушевленной мужественною красотой, пріятнымъ умомъ, величавою осанкой, Сесиль нравился имъ. Но этого ему было мало: онъ хотѣлъ быть любимымъ. Онъ былъ такъ любезенъ, что въ немъ очень можно было предположить способность любить. Одна прекрасная молодая Италианка, невѣста почтеннаго челоуѣка, въ Римѣ, пламенно страстилась къ Сесилію. Онъ отвѣчалъ на ея пылкое увлеченіе, но не отвѣчалъ на любовь. Женихъ ея отступился. Сесиль это привело въ отчаяніе: вѣдь онъ уже былъ не свободенъ! Въ тотъ день, когда онъ уѣхалъ къ Анкону, прекрасная и несчастная Фіамма постриглась въ монахини. Это нѣсколько образумило его. Сесиль проклиналъ свое легкомысліе, котораго не могъ и не смѣлъ извинить недолимою страстью: онъ долженъ былъ сознаться, что удержался бы, если бѣ дѣло шло о потерѣ собственнаго счастья, и что почти съ полнымъ сознаниемъ погубилъ бѣдную Фіамму. «Но развѣ я виноватъ, что ни Діана, ни Фіамма не могли внушить мнѣ истинной страсти?» говорилъ онъ, чтобы сколько-нибудь успокоить свою совѣсть. Впередъ онъ рѣшился однако жъ не сокрушать больше ни чьего сердца для шутки.

Съ Нандиною онъ велъ переписку, но это приносило ему

мало ему удовольствія. Такая переписка можетъ быть пріятна только въ двухъ случаяхъ: или при неограниченной довѣренности или при живомъ, могучемъ возбужденіи. Этого Нандина не доставляла ему, а того онъ не питалъ къ ней. Чтобы дѣйствовать на Сесиля, Нандинѣ надлежало если не впередъ идти, то по-крайней-мѣрѣ въ ногу съ нимъ,—надлежало если не одушевлять, то по-крайней-мѣрѣ ободрять его, возбуждать не страдательнымъ участіемъ, а живительнымъ сочувствіемъ, и даже противорѣчіемъ; ей нужны были крылья, чтобы носиться надъ нимъ, а она отставала отъ него. Кромѣ-того она была слаба здоровьемъ и, въ расположеніи ея духа отражалась, та же слабость и бездѣятность. Нандина не желала ничего кромѣ возвращенія Сесиля. Сесиль желалъ тысячи вещей и между прочимъ возврата, потому что съ этимъ несомнѣнно сопряжено было обѣщанное министромъ секретарское мѣсто. Мысль о бракѣ задвинулась уже въ глубь сцены, какъ вещь второстепенная. Онъ начиналъ убѣждаться, что не созданъ для любви, и полагалъ уже, что для мужчины вообще это постороннее дѣло.

Обыкновенно говорятъ, что сплетни возможны только въ маленькихъ городкахъ. Странное заблужденіе! Вся разницца въ томъ, что въ маленькомъ городкѣ одинъ кругъ для сплетней, а въ большомъ двадцать или тридцать круговъ, въ которыхъ пересуждаютъ и порочатъ, сколько душъ угодно, и въ томъ, что въ маленькомъ, по-необходимости, довольствуются въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ одною новостью, тогда какъ въ большомъ каждый день въ разработку поступаетъ новый матеріалъ. И невозможно иначе, потому что участіе къ ближнему врожденно человѣку. Особенно же въ столицахъ и въ такихъ городахъ, гдѣ бываетъ много пріѣзжихъ, путешественниковъ, сплетни производятся въ колоссальныхъ размѣрахъ. Этому чрезвычайно благоприятствуютъ пароходы и желѣзныя дороги. Живите хоть въ Лиссабонѣ, хоть въ Петербургѣ: вашъ кругъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ постоянно имѣетъ васъ въ виду своего лорнета, и всегда знаетъ, что вы дѣлаете на берегахъ Таго или Певы. Нандина тоже узнала о приключеніи Сесиля съ Фіаммой. Какой-то пріѣзжій изъ Рима выдавалъ себя чуть не

за очевидца. Исторія пошла въ ходъ и достигла до министерши, черезъ короткую пріятельницу, которая почерпнула новинку, со всѣми подробностями, изъ самаго вѣрнаго источника. Министрша тотчасъ же безпощадно перенесла ее дочери. Нандина хотя не вѣрила, чтобы Сесиль въ душѣ могъ измѣнить ей, однако жъ была очень опечалена его вѣтренностью, столь противоположною ея собственному постоянству.

Сесиль не мало ужаснулся, когда, въ Константинополѣ, получилъ отъ Нандины письмо, которое ясно показывало, что она знаетъ больше нежели какъ бы ему хотѣлось. Она не жаловалась, не спрашивала, но писала въ такомъ подавленномъ раздражительномъ тонѣ, съ такою болѣзненною печалью оскорбленнаго сердца, которыхъ онъ не могъ не понять, потому что владѣлъ ключомъ къ загадкѣ. Онъ почти совсѣмъ уже успѣлъ погрузить воспоминаніе о Фіаммѣ въ волны Ионическаго Моря, и потому письмо Нандины поразило его двойною непріятностью. Онъ досадовалъ: это стѣсняло его свободу. «Что жъ будетъ дальше? спрашивалъ онъ самъ себя: когда уже и на такомъ неизмѣримомъ разстояніи, черезъ половину Европы, она хочетъ повѣрять всѣ мои шаги, всѣ мои поступки.... что жъ будетъ, когда я буду съ нею? Да вѣдь это будетъ нестерпимый полицейскій надзоръ!» Онъ отвѣчалъ Нандинѣ въ тонѣ, который считалъ шуточнымъ, но который былъ насмѣшливъ, и глубоко огорчилъ ее.

Послѣ двухъ-лѣтняго пребыванія въ Константинополѣ, Сесиль былъ отозванъ въ Берлинъ. Секретарское мѣсто при посольствѣ въ Копенгагенѣ было вакантно. Его искали еще двое другихъ молодыхъ людей, но Сесиль имѣлъ равныя съ ними права и также могъ состязаться.

Онъ былъ очень радъ, вырвавшись наконецъ изъ оковъ утомительно-скучной, полу-дикой жизни Востока, и съ жадностью наслаждался опять сношеніями съ образованнымъ обществомъ. Проѣздомъ черезъ Вѣну, въ одномъ изъ дипломатическихъ салоновъ, онъ имѣлъ встрѣчу, которая, несмотря на свою мимолетность, сильно подѣйствовала на него. Онъ опять увидѣлъ Ренату. Она какъ-будто только что расцвѣла; она была прекрасна. Холодная угрюмость,

прежде лежавшая на ея лицѣ какъ ночной иней на цвѣткѣ, растаяла отъ какого-то утренняго солнца и превратилась въ живительную росу, которая придавала всему ея существу необыкновенную живость, свѣжесть и прелесть.

Сесиль вспомнилъ, какъ ему рассказывали, что она продала себя полоумному, за деньги, и подумалъ: «Ну, если такая чудовищная низость можетъ скрываться подъ такою маской, то, по-крайней-мѣрѣ, искусство это — не послѣднее!» Онъ внимательно наблюдалъ за нею, захотѣлъ узнать по-короче, и для этого обратился съ разспросами къ своему сосѣду, который, казалось, зналъ больше его.

— Да! она истинно великолѣпна! сказалъ сосѣдъ на замѣчанія Сесили: она, вотъ уже другой мѣсяцъ, составляетъ солнце нашей планетной системы, между-тѣмъ какъ синьоръ Мальфатти напрасно истощаетъ свое искусство надъ ея бѣднымъ мужемъ.

— Такъ онъ еще живъ? почти вскричалъ Сесиль.

— Отчего жъ ему не жить? Ему едва тридцать лѣтъ, а такая безстрастная растительная жизнь, какую онъ ведетъ, удивительно продолжительна. Онъ вѣрнѣе доживетъ до ста лѣтъ, нежели мы съ вамп. Да и жаль было бы графини Ренаты если бы онъ умеръ.

— Эта насмѣшка кажется мнѣ больше жестокою нежели острою, замѣтилъ Сесиль равнодушно.

— Что за насмѣшка! Вовсе нѣтъ. Говорятъ, по смерти графа, если онъ не оставитъ дѣтей, — которыхъ, конечно, не будетъ, — все наследство перейдетъ къ какимъ-то двоюроднымъ или троюроднымъ братьямъ. Неприятно же будетъ женѣ, когда онъ умретъ прежде ея, и она, послѣ М-кого богатства, останется не при чемъ! Впрочемъ, никто хорошенько не знаетъ всѣхъ ихъ обстоятельствъ. Она играетъ роль неприступной, а съ графомъ нѣтъ возможности перемолвить толковое слово. Да его и не видать вовсе, — развѣ, когда ѣздитъ гулять съ женою.

Сесиль въ продолженіи этого разговора не спускалъ глазъ съ Ренаты. Онъ стоялъ слишкомъ далеко и не могъ слышать, что она говоритъ окружающимъ, но по ея осанкѣ и по всѣмъ движениямъ, ему казалось, что она облечена въ царскую мантию. Вдругъ лицо ея измѣнилось; просіяло

радостью; царица превратилась въ богиню. Онъ послѣдовалъ за направленіемъ ся взора и встрѣтилъ Венгерца изящной и важной наружности, который только-что вошелъ въ залу. Сесиль, не разсуждая, пошелъ прямо къ Ренатѣ. Венгерець говорилъ съ нею, и ему хотѣлось помѣшать этому разговору, онъ самъ не зналъ, длячего. Когда Сесиль назвалъ ее по имени, Венгерець спокойно отступилъ. Рената посмотрѣла на Сесиль печально и съ удивленіемъ, какъ-будто нечаянно упала съ неба на землю. Ему стало больно; онъ раскаялся, что лишилъ ее прекрасной минуты удовольствія, быть-можетъ счастья. Но было уже поздно раскаяваться: онъ долженъ былъ заговорить съ нею. Рената тотчасъ узнала его. Она была не столь молчалива, какъ прежде. «Она научилась жизни», подумалъ Сесиль съ тайнымъ вздохомъ, потому что и онъ ей научился довольно, чтобы видѣть различіе поры проведенной въ Ратиборѣ отъ поры настоящей. Онъ вскорѣ отошелъ отъ Ренаты, но во весь вечеръ слѣдилъ за нею глазами.

На другой день онъ уѣхалъ въ Берлинъ. Министръ принялъ его радушно, Гунтрамъ съ восхищеніемъ. «А Нандина?» спросилъ Сесиль съ трепетомъ: «здорова ли она? помнитъ ли обо мнѣ?»

Нандина вошла. На сердце Сесиль словно легла тяжелая ледяная рука. Онъ едва узналъ Нандину: она увяла, была блѣдна, худа; прежде столь прекрасныя, нѣжныя черты стали рѣзкими, жесткими, кожа сморщилась; глаза потускли и ввали. Сесиль какъ громомъ поразило. Два года съ половиною назадъ, до путешествія въ Италію, онъ, правда, нашелъ ее хворою и блѣдною, но въ нѣсколько недѣль, покуда они были вмѣстѣ, когда они были уже обручены, Нандина поправилась, начала снова расцвѣтать. Теперь онъ надѣялся увидѣть ее совершенно цвѣтущею, потому что уже насталъ срокъ испытанія, потому что пристань желаннаго счастья была уже близка. Вмѣсто-того онъ нашелъ совершенное разрушеніе! Въ водоворотѣ испугу, скорби и сожалѣнія, водновавшемъ его душу, не вдругъ всплыла мысль, что Нандина все это испытала изъ-за него. Онъ не думалъ вовсе, отчего она

стала такова; онъ думалъ только: «Боже мой, какъ она постарѣла! какъ она подурнѣла!» Онъ былъ смущенъ, разстроенъ, въ отчаяніи, слѣдовательно, не могъ дать той благодѣтельной теплоты, которая нужна была Нандинѣ. «О, онъ уже не любитъ меня!» говорила она сама себѣ на другой же день. И ей казалось, будто сердце ея отдѣляется въ груди и падаетъ въ бездонную, мрачную пропасть. «О, какъ я несчастна!»

И Сесиль тоже говорилъ самъ себѣ: «О, какъ я несчастенъ!» Жениться на ней казалось ему невозможнымъ, совершенно, совершенно невозможнымъ, потому что его жизнь шла въ-гору, а ея — подъ-гору. Астрологъ сказалъ бы, что они родились не подъ одною звѣздой. Почти то же чувствовалъ Сесиль. Вообще ему вдругъ показалось, что онъ еще слишкомъ молодъ, что ему еще слишкомъ рано жениться: ему едва минуло двадцать пять лѣтъ. Онъ началъ соображать обстоятельства, и нашелъ, что даже средствъ къ приличному существованію женатаго человѣка у него слишкомъ мало. Онъ не могъ взять жены безъ приданого, а приданого у Нандины не было. Теперь, когда онъ вполнѣ познакомился въ кругу; въ который вступилъ уже твердою ногой, то нашелъ, что ему нужна жена богатая, красавица, такая, въ которой бы позавидовали ему, которая бы могла торжествовать и побѣждать. Ему невольно представилась Рената. Но Нандина.... нѣтъ! Если Нандина будетъ его женой, люди скажутъ: онъ женился на ней изъ благодарности, потому что она открыла ему дорогу на секретарское мѣсто при посольствѣ. Это оскорбляло его самолюбіе. «Нѣтъ, говорилъ онъ рѣшительно: теперь жениться было бы сумасшествіемъ!»

Онъ работалъ въ канцеляріи министра. Чтобы занять мѣсто въ Копенгагенѣ, нужно было дождаться возвращенія посланника, который уѣхалъ куда-то мѣсяца на два. Сесиль былъ доволенъ этимъ. Онъ въ эту рѣшительную пору имѣлъ случай вполнѣ показать себя, свое знаніе дѣла, а между-тѣмъ страшная перспектива женитьбы еще оставалась въ отдаленіи. Чтобы развлечься и наполнить время, онъ работалъ съ непостижимымъ усердіемъ. «Какой неутомимый! дѣльная голова! далеко уйдетъ!» говори-

ли про него, и министръ начиналъ гордиться своимъ будущимъ зятемъ.

Сесиль и Нандина были не откровенны и не свободны въ обращеніи другъ съ другомъ, какъ бываютъ счастливые. Онъ страдалъ, потому что упрекалъ себя въ холодности, въ недостаткѣ любви, въ неблагодарности: онъ зналъ, что Нандина изъ-за него отказалась отъ двухъ выгодныхъ партій; онъ зналъ, что погубить ея жизнь, если не женится на ней. Но она страдала въ тысячу разъ больше, потому что видѣла, какъ погибаетъ ея идеалъ. Она съ исповѣднѣемъ истиннаго чувства постигала, что онъ въ ней любилъ собственно только себя и свое будущее, и что онъ теперь самъ пришелъ къ этому сознанію, въ ту минуту, когда достигъ своей цѣли. Ей казалось, что упорное несогласіе матери наложило на ея любовь проклятіе, которое теперь страшно осуществляется; ей казалось, что она сама совершила тяжкій грѣхъ, обручившись противъ воли матери. Она страдала подъ этими душевными пытками тѣмъ больше, что скрывала ихъ. За принужденіе, которое налагала на себя днесь, она платила страшными лихорадочными ночами. Докторъ прописывалъ ей лекарства, которые, конечно, не могли помочь отчаянію растерзаннаго сердца. Она день-ото-дня таяла какъ свѣча.

— Успи только спокойно, милая Нандина! сказалъ однажды Сесиль съ необыкновенною ласкою, потому что ему стало жалъ ея.

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ. Рука ея горѣла въ его рукѣ. Нандина съ печальною прязнательностію посмотрѣла на него, пожала ему руку и ушла въ свою комнату. Тамъ она упала на софу; всѣ жилы ея страшно бились, голова кружилась, грудь надрывалась; изо рта хлынула кровь. «Ахъ! я умираю! это хорошо!» думала Нандина, и лишилась сознанія въ глубокомъ обморокѣ. Въ такомъ состояніи нашла ее горничная, которая крикомъ подняла весь домъ. Сесиль былъ еще у министра, когда ему принесли эту вѣсть.

Горестна была сцена у постели умирающей. Видъ родителей, брата и жениха глубоко потрясъ доктора. Ахъ! онъ не зналъ, что только смерть можетъ водворить совершен-

цѣй миръ между этими людьми! Когда министерца увидѣла дочь въ такомъ положеніи, у нея пробудилась сестрица, такъ же, какъ у Сесили. Оба обвинили себя въ преступленіи; оба упали на колѣни предъ Нандиною. Министрша обняла Сесилия и утѣрила дочь, что она будетъ ей милымъ зятемъ. Нандина печально улыбнулась и думала про себя: «Напрасно! пооди!»

Докторъ подавалъ надежду, что ложившая жила можетъ быть заживлена. Онъ запретилъ болѣе говорить и шевелиться. Мать, братъ и женикъ наизрядно сѣдѣли у ея постели, чтобы наблюдать за неправою сядѣнью; отецъ во цѣлныя часы сидѣлъ у ея койки Нандина и по глазамъ старался угадать, жива ли ей. Она всегда любила ее нѣжно; Гунтрамъ тоже; какъ присутствіе было отрадно Нандинѣ. Но пожеланіе матери и Сесилия смущали ее. «Я должна умереть, а потому чтобы она получила нѣтъ много любви!» думала она. Она знала, что скоро умретъ, хотя не протриворжила доктору. И она умирала неслышно охотно, но даже съ радостью, потому что жила она была слишкомъ горяча въ прошедшемъ и не могла ни какой отрады въ будущемъ.

Сесиль страдалъ невыразимо. Онъ безмолвно сидѣлъ подлѣ нея, безмолвно смотрѣлъ на ея блѣдное лицо и ежедневно увеличивавшуюся слабость. Но сердце его не молчало: его обуревали тысячъ умереть. «Пять лѣтъ она любила тебя, говорило сердце, пять лѣтъ она перенесла всѣ страданія, лишенія и испытанія.... всѣ, всѣ даже твою невѣрность.... перенесла безъ рыдоту. А ты! какъ скоро утѣрился въ обладаніи ея рукою и сердцемъ, такъ пересталъ ее любить, — ты никогда не любилъ ее такъ, какъ она тебя любила; ты совсѣмъ забылъ объ ней у Фридриха... и какъ часто забывалъ почти совсѣмъ! Забылъ ты не расторгъ союза съ нею тогда же, въ Римѣ, у Фридриха? Забылъ не отречься отъ нея, когда была въ Константинополѣ? Забылъ, что она дочь министра, въ разговорѣ ты имѣлъ нужду до полученія мѣста! Когда ты подышалъ въ самой цѣли, ты думалъ: члену любить прекрасную, хорошую дѣвушку! Но ты думалъ это несправедливо; члену; у тебя не достало мужества совѣршить самому себѣ, какъ ты

дѣйствовала не ниному расчету! А оно такъ! Когда эта бѣдная дѣвушка, послѣ пяти-лѣтняго сомнительнаго ожиданія и надеждъ, наконецъ осмѣлилась приблизиться къ тебѣ съ своимъ робкимъ, растерзаннымъ сердцемъ, — ты холодною, ледяною рукою хотѣлъ вдавить это бѣдное сердце навздъ въ грудь; ты встрѣчалъ ее съ смущеніемъ; ты не находилъ для нея ни одного слова, которое бы могло ободрить, успокоить измученную душу знакомъ взаимности. Нѣтъ, ты только терзалъ и унижалъ ее своимъ притворствомъ. Цѣнь страданій, которыя опутываютъ ее изъ-за тебя, наконецъ задушаетъ ее; она гибнетъ, она умираетъ за тебя; ты ея убійца, Сесиль!»

Такъ неумолимо обвиняло его собственное сердце, — его, который до того былъ гордъ, что думалъ, будто не можетъ сдѣлать ничего несправедливаго. Теперь онъ начиналъ думать, что онъ несчастнѣе всѣхъ другихъ людей, тогда какъ онъ только самъ навлекалъ на себя несчастіе.

Однажды докторъ подалъ надежду, какъ казалось, съ полнымъ убѣжденіемъ. Первымъ движеніемъ Сесиль была радость: онъ чувствовалъ себя избавленнымъ отъ вины; вторымъ — отчаяніе: онъ снова былъ прикованъ къ несчастной дѣвушкѣ. Но на этотъ разъ судьба была милосерда.

— Сесиль! сказала однажды вечеромъ Нандина, когда онъ былъ при ней одинъ.

— Это было первое слово, выговоренное ею втеченіи десяти дней.

— Я здѣсь, Нандина. Но не говори, потеряи еще! возрешаю оны.

— Нѣтъ, я хочу одинъ разъ, только одинъ разъ погово- рить съ тобою. Теперь ты можешь мнѣ позволить это.

— Неподвижный страхъ стѣснилъ ему грудь. Онъ боялся упрямости, жалобъ; онъ чувствовалъ, что не вынесетъ этого; и робко замѣнилъ, что докторъ не видитъ ей говорить.

— Что мнѣ докторъ! сказала она съ пренебреженіемъ: если онъ не можетъ помочь, такъ не имѣетъ и права на- предѣлять мнѣ что-нибудь. Но ты, милый Сесиль, долженъ обидѣть мнѣ.

Она болѣзненно взяла его руку.

— Ты обещаешь мнѣ, продолжала она: что вперёдъ будешь любить, что забудешь себя хоть разъ, мой милый: любить значитъ жить въ другомъ и для другаго.

— Ты жестока, Нандина! возразилъ онъ чуть внятно: неужто ты думаешь, что я не любилъ тебя?

— О! я говорю это не ради себя, Сесиль! нѣтъ, только ради тебя самого. Мнѣ странно за твою будущность, когда сердце твое погибнетъ между ледяными глыбами свѣта. Затѣмъ-то мнѣ и отрадна смерть. Живая я никогда бы не растомила твоего сердца: на это у любви моей не стало могущества. Но по смерти я буду продолжать жить въ тебѣ въ видѣ печальнаго, кроткаго воспоминанія, которое, быть-можетъ, предохранитъ твое сердце отъ окаменѣнія. О, Сесиль! помни обо мнѣ, помни о слезахъ, которыя я пролила за тебя, и они пройдутъ по душѣ твоей какъ осенній дождь и вызовутъ изъ нея цвѣты. Помни о любви, которая жила въ моей груди какъ въ мрачной темницѣ, и не заглашай ея, когда тебѣ еще когда-нибудь встрѣтится подобная....

— Ты мстишь, Нандина? спросилъ онъ съ трепетомъ и поблѣднѣвъ какъ смерть.

— Умирающіе не мстятъ, а прощаютъ. Я умираю. Въ небесахъ живетъ одна любовь, а я вѣдь иду въ небеса. Я только хотѣла сказать тебѣ всю правду, хоть однажды, на смертномъ одрѣ, чтобы ты не забылъ ея. Не сердись на меня. Я люблю тебя. Я прощаю тебѣ. Да ты и не виновать. Я была дурною дочерью: такъ могъ ли ты ожидать, что я буду хорошею женой!

— Перестань, Нандина! вскричалъ Сесиль повелительно: перестань! Я не могу выносить этого.

Она испугалась и замолчала.

— Обвинилъ меня, Нандина, продолжалъ онъ шепотомъ: обвинилъ меня! я этого заслуживаю, но не обвинилъ себя. Ты не виновата передъ матерью: это доказывается тѣмъ, что она наконецъ исполняетъ твое желаніе. Еще меньше виновата передо мной. Я не стою тебя; я это чувствую и зато обвиняю себя.... Развѣ ты не видишь, что я въ отчаяніи?

Онъ упалъ на колѣни и скрылъ лицо въ одеялѣ, чтобы заглушить судорожныя рыданія.

— Нѣтъ, не такъ, не такъ! говорила она нѣжно: дай мнѣ видѣть твое лицо, твои глаза! и скажи еще разъ «милая Нандина!» Твой свѣтлый взоръ и этотъ сладостный звукъ я хочу взять съ собою.... туда! Больше мнѣ ничего не нужно, Сесиль.

Онъ приподнялся, взглянулъ на нея съ такою искренностью и произнесъ съ нея съ такою нѣжностью, что она глубоко вздохнула.

— О! какъ тяжка смерть! Если бы ты раньше такъ посмотрѣлъ на меня.... такъ говорилъ со мною.... можетъ-быть!.... Но.... благодарю тебя, милый Сесиль. Теперь я усну немножко, и всё буду видѣть во снѣ тебя.

Нандина нѣжно коснулась его лба, какъ-будто хотѣла благословить его; потомъ отворотилась и уснула. Она уже не просыпалась. Въ домѣ министра была скорбь неопиcанная. Можно было подумать, что у всѣхъ оставшихся, съ потерею Нандины оторванъ цвѣтъ существованія: такъ громко вошло отчаянiе. Но только одинъ чувствовалъ истинно глубокую скорбь, только сердце отца дѣйствительно онустью, съ-тѣхъ-поръ какъ онъ лишился дочери. Сесиль чувствовалъ угрызенiе совѣсти, раскаивался, но... не жалѣлъ. Гунтрамъ двѣ недѣли былъ очень печаленъ; потомъ утѣшился. Министерина страшно, нестово металась съ отчаянiя; потомъ, чтобы утѣшиться, зарылась по-уши въ обычныя занятiя. Черезъ шесть недѣль о Нандинѣ не оставалось другаго воспоминанiя, кромѣ траурныхъ платьевъ. Человѣкъ живетъ, чувствуетъ. Пройдетъ нѣсколько дней, и онъ забудетъ, что чувствовалъ. Человѣкъ умретъ. Пройдетъ нѣсколько дней и объ немъ забудутъ! А всё-таки онъ любитъ жизнь, въ которой нѣтъ ничего постояннаго, кромѣ непостоянства!

На секретарское мѣсто въ Копенгагенѣ нашлось четвероискателей. Сесиль былъ самый достойный и никто не сомнѣвался, что онъ будетъ избранъ, тѣмъ больше, что его поддерживалъ министр. Наконецъ посланникъ возвратился въ Берлинъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней, до отъѣзду на мѣсто назначенiя. Онъ привезъ съ собою племянника, блестящаго молодого человѣка, изъ знатной вестфальской фамилии, котораго усердно рекомендовалъ министру и 'же-

даль определять при себѣ секретаремъ министерства. Сесиль нацѣль опаснаго соперника. Посланнику Сесиль не по нраву; это очень естественно. Приступили къ обычному иезуитизму. Сесиль и племянникъ посланника выдержали его наравнѣ. Но Сесиль имѣлъ больше правъ, потому что двумя годами долѣ служилъ при министерствѣ. Несмотря на то посланникъ достигъ-таки своей цѣли, опредѣлилъ племянника, — быть-можетъ потому, что министръ не хотѣлъ слишкомъ настаивать на правахъ своего кліента, чтобы не обнаружить лицепріятія. Сесиль ужасно оскорбился. Таковъ человѣкъ: онъ дѣлаетъ зло и вовсе не удивляется, когда другіе черезъ него страдаютъ. Если же другіе къ нему несправедливы; онъ безпрѣдѣльно удивляется и выходитъ, что это дѣло чудовищное, неслыханное въ дѣлахъ человѣчества:

Министръ старался ободрить его, обещалъ въкѣрѣ доставить лучшее мѣсто при себѣ и, чтобы утѣшить, перечислялъ ему множество подобныхъ случаевъ. Но Сесиль остался хмуръ и золъ. «О! если бѣ Нандина была жива, тогда са мной не случилось бы!» восклицалъ онъ про себя. Тутъ онъ впервые отъ души пожалѣлъ о смерти Нандины.

Новому секретарю надлежало отиравиться на мѣсто. Наканунѣ отъѣзда онъ и нѣсколько другихъ молодыхъ людей; общихъ знакомцевъ, обѣдали у Гунтрама. Сесиль не хотѣлъ прійти; Гунтрамъ заклиналъ его не выставляйте такъ явно на показъ своей досады, потому что это могло показаться смѣливымъ, и не отставалъ отъ него, пока Сесиль не согласился прійти. Но скоро Гунтрамъ раскаялся, что спросилъ его. Сесиль былъ такъ извѣстелемъ, такъ злобенъ; что по каждому слову точно мечомъ рубилъ; а каждое его слово было острою, ядовитою стрѣлою, пушечною въ очастливаго соперника, да такъ, что трудно было отычать ему умѣрениѣе. Молодой секретарь удерживался; но-правней-мѣрѣ до обѣда. Впродолженіи стола, быть-можетъ отъ содѣйствія шампанскаго, онъ однако жъ потерялъ терпѣніе, и тутъ для равнодушныхъ была разблгража преизбавна смѣна вѣрестрѣлки двухъ враждебныхъ сектарей черезъ столъ. Только Гунтрамъ очень досадовалъ и не безрассудъ

ство Сесиль и на самого себя за приглашеніе. Каждая палая вина была ему противна, потому что онъ опасался худаго конца; но какъ воинъ, онъ не могъ показать своей досады, не могъ и укоротить времени обѣда. Сесиль съ нахренными вѣлъ очень мало, чтобы остаться господиномъ своихъ словъ, а не терять хладнокровія. Молодой секретарь не принялъ этой предосторожности и мало-помалу становился раздражительнѣе. Дошло до того, что другіе собесѣдники принялись унимать, объяснять, и ссора была готова. Сесиль услышала слово, которое могъ счесть обиднымъ, и вышла изъ комнаты. Всѣ могли представить себѣ, чѣмъ это должно кончиться, и разошлись съ безконфликтнымъ и любовительствомъ.

Въ тотъ же вечеръ секунданты условились. На разсвѣтъ другаго дня противники сошлись на уединенномъ мѣстѣ, за городомъ. Былъ выбранъ самый легчайшій способъ дуэли. Противная стрѣляла разомъ. По командѣ — разъ, два, три! секретарь былъ убитъ на мѣстѣ; Сесиль опасно ранена въ руку.

Министръ былъ очень разгнѣванъ и разбилъ сына за обѣдъ и за присутствіе на немъ Сесиль и за секундантство.

— Сесиль мнѣ другъ; возразилъ Гунтрамъ: слѣдовательно я не могъ не пригласить его къ обѣду, не могъ и не идти въ секунданты.

— Вотъ можете теперь отправиться съ нимъ въ крѣпость! вскричалъ министръ: какой нелѣпый, сумасбродный поступокъ! Онъ погубилъ себя. Какъ же онъ будетъ жить на свѣтѣ, когда для успѣха въ немъ, не знаетъ другаго способа кромѣ..... Неужто же онъ думаетъ стрѣлять всѣхъ своихъ противниковъ?

Сесиль страдала отъ раны и еще больше отъ развязки дуэли. «Я не этого хотѣлъ, говорилъ онъ: я хотѣлъ дать ему только урокъ, науку впередъ; я хотѣлъ только показать ему, что не сношу терпѣливо и безчувственно униженія и несправедливости». Проще Сесиль могъ бы сказать: «Я хотѣлъ только отомстить за оскорбленіе самолюбія и вовсе не обдумалъ послѣдствій». Онъ долженъ былъ сознаться, что на мѣстѣ его отнынѣ пали дѣла тѣны, — что

онъ убилъ его рукою, а ее — сердцемъ. «Я несчастливъ! судьба преслѣдуетъ меня!» сказалъ онъ въключеніе тѣлостной думы, завернулся въ одеяло и ни съ кѣмъ не говорилъ слова.

— Жалуйся же, или плачь, или бранись, но крайней мѣрѣ! всё же лучше нежели такое могильное безмолвіе! восклицалъ Гунтрамъ въ отчаяніи, когда видѣлъ, что утѣшенія и ободренія его ни къ чему не служатъ.

Но Сесиль молчалъ. Молча принялъ онъ и извѣстіе, что осужденъ на десяти-лѣтнее заключеніе въ крѣпость. Гунтрамъ, осужденный тоже на годъ, утѣшалъ друга тѣмъ, что приговоръ не будетъ исполненъ во всей строгости, что срокъ заключенія, вѣроятно, сократится на десять десятыхъ; но и это нисколько не оживило Сесиль. Онъ рѣшился тотчасъ же ѣхать.

Прощаясь съ министромъ онъ былъ въ такомъ уныніи, что тотъ не могъ не скорбѣть. Министръ любилъ Сесиль ради Нандины и за собственныя его дарованія; онъ въ нѣсколько лѣтъ привыкъ уже видѣть въ немъ сына и связывалъ съ мыслью объ немъ много милыхъ и горделивыхъ надеждъ. Теперь же на жизнь этого молодого человѣка былъ накинута такой мрачный покровъ! Онъ убилъ другаго и самъ былъ почти хуже тѣмъ убитъ. Министръ хотѣлъ-было дать ему наставленіе, замѣтить, что таково бываетъ конецъ тѣхъ, которые считаютъ себя за средоточіе міра; но видъ Сесиль и первое слово его обезоружило нарѣченнаго тестя.

— Подъ этой тучей отнынѣ я пройду жизни! сказалъ съ глубокимъ уныніемъ Сесиль, горделивый, самоодѣянный счастливецъ Сесиль.

Вмѣсто поученія, министръ возразилъ: ..

— Не отчаявайся, мой другъ! Авось, опять проглянетъ солнце!

И онъ продолжалъ утѣшать и успокоивать несчастнаго съ истинно отеческою любовью.

Сесиль уѣхалъ, простившись и съ министершею. Она отпустила его съ нѣжностью: такъ она была рада, что Форстеръ уже не можетъ быть ея зятемъ. Эта мысль окончательно утѣшила ее, даже въ интересѣ дочери.

Привлекая къ крѣпость Глогау, Сесиль приоткрыла какъ могъ въ указанной квартирѣ и старался свыкнуться съ необходимостью. Онъ ни кого не хотѣлъ видѣть, ни съ кѣмъ не хотѣлъ заводить знакомства: мысль сдѣлаться предметомъ любопытства приводила его въ ужасъ. Онъ не хотѣлъ выходить изъ комнаты, хотя получилъ позволеніе прогуливаться въ стѣнахъ крѣпости. Онъ хотѣлъ работать, заняться археологіей и языками, — какъ совѣтовалъ ему министръ, — чтобы успокоиться и употребить время ареста съ пользою. Онъ писалъ къ своей матери, къ брату Сигизмунду и особенно къ тѣткѣ, описалъ всѣ подробности послѣднихъ событій, и получилъ разомъ цѣлый пакетъ нѣжныхъ, утѣшающихъ и отчаянныхъ писемъ отъ всѣхъ своихъ милыхъ. Чѣмъ больше его пугало сношеніе съ равнодушными, холодными людьми, тѣмъ сильнѣе онъ мысленно привязывался къ тѣмъ, которыхъ любовь и участіе доставили ему отраду. Онъ просилъ писемъ у всѣхъ, у своихъ кузинъ и у сестеръ, съ которыми прежде никогда не переписывался. Онъ какъ-будто хотѣлъ искупаться, очиститься въ этой любви и дружбѣ, чтобы опять найти довѣріе къ себѣ и надежду на будущее.

— Сколько дарованій и какъ мало счастья! невольно говорили родные.

— Отчего же это? печально спросила его кузина, Долли, свою мать: отчего же онъ такъ несчастливъ?

— Богъ надѣлялъ его дарами на то только, чтобы онъ могъ всего достигнуть, дитя мое, но не далъ счастья, чтобы обладать всѣмъ достигнутымъ! отвѣчала мать со слезами на глазахъ.

Ей лучше бы должно было сказать: онъ во зло употреблялъ дары: откуда же быть счастію и какъ оно могло остаться при немъ?

Зиму Сесиль провелъ такимъ образомъ въ совершенномъ уединеніи, работая и писанно бесѣдуя съ милыми. Но когда настала весна, онъ не могъ сносить душнаго воздуха своей комнаты, воспользовался позволеніемъ прогуливаться и сталъ каждый день ходить на крѣпостной валъ. Онъ избралъ опредѣленный часъ, отъ одного до двухъ по полудни, и съ прихотливою точностью являлся

арма ходила всегда на одно мѣсто, черезъ одинъ ворота и непременно каждый день, какъ бы ни была погода: Подъ воротъ, черезъ который онъ выходилъ на валъ, стоялъ маленькій домикъ или хижина, гдѣ жилъ торшрейберъ съ женою и дочерью Луизой.

Человѣкъ улалиющійся, избѣгающій встрѣчь и съ умысломъ избирающій уединенныя мѣста для прогулки, бываетъ замѣченъ и въ большомъ городѣ, не только въ маленькомъ, особенно же въ такомъ, гдѣ проживаетъ въ качествѣ арестанта. Въ глогауской крѣпости, естественно, тоже говорили о Сесилѣ, знали всѣ подробности его души съ братомъ своей невѣсты, которая умерла съ-горя и испугу, когда женихъ въ неистовой ярости убилъ ея брата. Тема эта разпывалась еще далѣе и порождала различныя мнѣнія за и противъ арестанта; возбуждала состраданіе и ужасъ, отвращеніе и любопытство. Обо всемъ этомъ нельзя было не знать Луизѣ Мюллеръ, дочери торшрейбера, человека оффиціальнаго, которому были досконально извѣстны обстоятельства и біографія всѣхъ жителей города, постоянныхъ и прїѣзжихъ.

Когда Сесиль, завернутый въ черныя плащъ, съ чернымъ флѣромъ на шляпѣ, погруженный въ думу, въ первый разъ медленно прошелъ мимо ея окошка, когда она увидѣла его прекрасное, благородное лицо, которое бездѣлности и вражеское выраженіе очевидно были слѣдствіемъ тяжкихъ страданій душевныхъ, она несколько продолжала нѣсколько минутъ смотрѣть ему вслѣдъ; потомъ, взглянувъ на вырѣзанную изъ альманаха гравюрку, которая, въ простой бумажной оклейкѣ, висѣла у нея на предѣлкѣ окна; подъ клеткою съ канарійкой; и изображала Эдгара Равенсвуда, Луиза подумала себѣ: «Этотъ арестантъ точно-точно Эдгаръ Равенсвудъ! Недостасть только чернота шара на шляпѣ». И тогда она продолжала прїлежно шить. Черезъ часъ черныя, таинственный незнакомецъ опять прошелъ мимо; такъ же медленно, такъ же задумчиво. Онъ повторилъ на другой, третій и на четвертый день. Каждый разъ Луиза Мюллеръ опускала шитье на колѣни, чтобы взглянуть ему прямо въ лицо и потомъ сказать: «Точнѣ-

стигъ съ прежнимъ невниманіемъ, такъ, что она не успѣла разглядѣть ихъ. Сесиль увидѣлъ очень не красивую женскую фигуру, которая не только не могла привлечь, но даже оскорбила бы его взоръ, если бъ онъ остановилъ его надолго.

Да! бѣдная Луиза была дурна, даже безобразна! Мы съ умысломъ такъ долго умалчивали объ этомъ, чтобы и всѣ не отвернулись отъ ея неуклюжаго стану, отъ краснаго, толстаго носа и широкаго, скулистаго лица съ такою же холодною какъ Сесиль, между-тѣмъ какъ ее, бѣдную, возмужало совершенно противоположное чувство.

Сколько разъ потомъ становилась она на своемъ порогѣ, и чего она не придумывала, чтобы достигнуть своей цѣли, взглянуть ему въ глаза, — ничто не удавалось. Наконецъ она рѣшилась догнать его и предложить букетъ полевыхъ цвѣтовъ; онъ принялъ, поблагодарилъ и далъ ей серебряную монету, полагая, что это и было ея цѣлью. Луиза вспыхнула, оробѣла, но взяла монету, потому что она была отъ него и потому что въ это время наконецъ увидѣла его черные, задумчивые, но всё-таки блестящіе глаза. Воротившись домой она долго любовалась на монету и какъ-будто старалась увидѣть на ней его портретъ; потомъ тщательно завернула въ чистенькую, мягкую бумажку и спрятала въ свой швейный ящикъ.

Удовлетворивъ одно желаніе, Луиза пожелала такъ же страстно удовлетворить и другое: ей непремѣнно хотѣлось узнать какъ его зовутъ. Отъ своей пріятельницы, дочери городскаго почтальона, она узнала, что арестантъ очень часто получаетъ письма и даже по нѣскольку вѣдругъ. Она узнала имя и захотѣла узнать къ кому онъ и кто къ нему пишетъ. Для этого стала какъ-можно чаще посѣщать пріятельницу и всячески вывѣдывала у почтальона, который ничего не зналъ, кромѣ адресовъ и сверхъ-того былъ еще неразговорчивъ. Но Луиза не теряла надежды.

Однажды Сесиль, получивъ пакетъ писемъ, былъ удивленъ тѣмъ, что ихъ принесла какая-то женщина или дѣвушка, а не самъ почтальонъ, и особенно тѣмъ, что эта дѣвушка была чрезвычайно смущена и разстроена. Онъ спросилъ про почтальона и получилъ въ отвѣтъ, что ста-

рингъ болель. Сесиль удовольствовалась весьма объёмнымъ, специально отдалъ что слѣдовало за письмо и отпустилъ посланницу, которая во все время стояла передъ нимъ ни жива ни мертва. Занятый мыслями о письмахъ, онъ ни сколько не останавливался на странности той, которая ихъ принесла и воспѣшиль читать.

Нѣсколько дней спустя къ Сесилью вошелъ докторъ.

— Нариннива, милостивый государь, оказалъ онъ: кое до болышинство можете показаться вамъ неумѣстнымъ и непримѣчнымъ, но увѣрю васъ, что я дѣйствую по побужденію крайней необходимости. Позвольте часъ спросить, ваше имя — Сесиль?

— Такъ точно, отвѣчалъ тотъ.

— А кто... слѣжайте милость, скажите, кто — Лолли?

— Единственная Лолли, какую я знаю, моя кузина, отъначаль Сесиль съ изумленіемъ.

— Въ какихъ отношеніяхъ находитесь вы съ нею?

— Въ самыя дружественныя.

— И ведете перенциу?

— Я недавно еще получилъ отъ нея письмо.

— Сдѣжайте милость, покажите мнѣ конвертъ.

— Извольте. Но к чему же это?...

— Сдѣжайте милость, покажите!

— Извольте, извольте! говорилъ Сесиль, отъсѣвивъ конвертъ на столѣ между бумагами и стараясь сообразить, что бы такое могло значить любовничье дожде.

— Ну, чаша в есть! воскликнулъ докторъ, всмотрѣвъ конвертъ: и такъ и думалъ!

— Что такое?

— Конвертъ подрѣзанъ! Она его подрѣзала и прочитала письмо.

— Кто узналъ кто подрѣзалъ, кто читалъ?

— Луиза Миллеръ, моя болыная.

Докторъ разказалъ Сесилью, какъ онъ, три дня тому назадъ, былъ призванъ къ болыной дочери торговца, которая лежитъ досель въ безпамятствѣ, въ состояніи совершенно безчувственномъ, и отъ времени до времени повторять только слова: «письма! письма!» и «Сесиль! и Лолли! Лолли и Сесиль!» Физическая природа къ бы

дѣла не нашлось. Оказалось было, что она, вслѣдствіе какой-нибудь сильнаго душевнаго потрясенія, повѣшалась. Но романскій оказался, что Луиза, встрѣтая однажды кучера, не совѣсть адрянга, на улицѣ, въ дурную погоду; вызвалась ошестя шестю по пути, чему онъ былъ очень радъ, какъ нашей услугѣ. Узнавъ, что между прочими тутъ были и письма къ арестанту, докторъ пошелъ на слѣдъ, узналъ и то, что господинъ Фюрстеръ ежедневно ходитъ на прогулку мимо дѣчу герцогини: осмотръ криверга, съ одной стороны подрезаннаго и ошлѣ широкимъ выключеннаго, колодець привелъ все дѣло въ ясность.

Сосиль былъ прраженъ и глубоко огорченъ всѣмъ этимъ. Тутъ только онъ вспомнилъ, что письмо принесла ему та самая безобразная дѣвушка, у которой онъ уже купилъ однажды билетъ въѣздомъ, тотчасъ же и бременский тутъ; онъ понял и причину ея смущенія и тревоги, когда она отдавала письма. Ее терзала и совѣсть за невольнительный поступокъ и безумная ревность; ее мучила страхъ быть уличенною въ преступленіи и тайная верасть, долго воспитанная восторженнаго романтическаго воображенія.

Сосиль разсказалъ доктору весь порядокъ своей жизни, какъ вострага вѣра было видно, что онъ вовсе не зналъ, что былъ предметомъ такой страсти, и не могъ ни думать ни возбуждаться, ни поддерживать ся. Докторъ повѣрилъ, не купилъ гласиса не совѣсть адрянга. Развѣдывая алуки, вѣсти, сплоти, которыя долетѣли и до Берлина. Это терзало Сосиль до бѣшенства; Онъ страдалъ въ всѣхъ отношеніяхъ. Непорочное чувство его страдало оттого, что онъ хотя себѣ невидѣю, однако жъ тѣмъ не менѣе дѣйствительно, былъ причиною гибели нестерпимаго существа. Самлюбіе его страдало еще больше при мысли, что люди могутъ подумать и уже подумали, будто онъ, изысканный, образованный, небалованный въ свѣтъ молодой человекъ, унизился до любовной интриги самого послѣдняго разряда, не подготовивъ вскружить голову даже безобразной дѣчери герцогини. Онъ былъ такъ оскорбленъ этимъ, что гнѣвъ его на безумную дѣ-

вужку далеко превосходить сопоставленіе къ ея горестному положенію. Этотъ гибель вырвался въ самыхъ горькихъ укорахъ и сѣтованіяхъ на судьбу, такъ, что родные, которымъ онъ рассказывалъ свое приключеніе, не смутя начали считать его предъизбраннымъ на несчастіе, — человекомъ, котораго судьба надѣлила блестящими дарами только на бѣду и горе.

Конца приключенія съ Лунзою, Сесиль не дождался. просидѣвъ въ крѣпости почти годъ, онъ, по ходатайству министра, получилъ прощенье и воротился въ Берлинъ. Министръ не хотѣлъ выдать повела думны, будто онъ покровительствовалъ только будущему своему зятю, и заранѣе уже пригласилъ Сесилью мѣсто секретаря посольства во Франкфуртъ, устроивъ на этотъ разъ всѣхъ другихъ союзскихъ. Но дорогѣ туда Сесиль навѣстилъ всѣхъ своихъ родныхъ, которые были въ восторгѣ, вида его на свободѣ и у себя. Но онъ былъ уже не тотъ веселый и на все одаивающій счастливецъ, который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, заѣзжалъ къ нимъ на пути въ Италию. Онъ былъ уже измученъ; его порядкомъ растрясло на дорогѣ жизни. У тѣти онъ отдохнулъ, успокоился. Она ужьм затронуть струны въ его сердцѣ, которыя для всѣхъ другихъ оставались безмолвными. Онъ имѣлъ полное довѣріе къ ней, такое, что не болелъ предстать передъ нею со всѣми своими недостатками и ошибками.

— У тебя нѣтъ любви, Сесиль! сказала она печально, въ отвѣтъ на продолжительное и откровенное его повѣствованіе обо всемъ, что испытывалъ онъ втеченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ.

— Гдѣ же мнѣ взять ея, милая тѣтушка? Гдѣ мнѣ искать любви? спросилъ онъ.

— Не ищи тебя, Сесиль, должно ты искать любви, а въ себя самого, мой милый! Нужно имѣть теплоту, преданность; нужно быть готовымъ на самоотверженіе, чтобы не оледѣть въ эгоизмъ.... нужно любить другихъ. Твое сердце одѣво броней: оно никогда не страдало ни за Фіамму, ни за Нандину, которыя обѣ погибли за тебя.

— Такъ развѣ непременно нужно страдать отъ любви? воскликнулъ Сесиль.

— Быть-можетъ.... ддятого, чтобы совершенно развить-ся. Я не знаю навѣрно, нужно ли страдать. Но я знаю, что должно тщательно воспитать въ себѣ способность къ любви. Свѣтъ и искательство успѣховъ въ немъ охлажда-ютъ сердце. Чтобы предохранить его отъ этого, нужно любить кого-нибудь, любить истинно, всѣмъ сердцемъ, и эта любовь не дастъ сердцу остынуть. Ты, Сесиль, нц-когда не зналъ такой любви.

— Такъ пожалѣйте обо мнѣ, милая тѣтушка! мрачно воз-разилъ Сесиль.

— Тебѣ бы жениться, сказала она помолчавъ: тѣсный союзъ брака, заботы о женѣ и милыхъ дѣтяхъ иногда имѣютъ самое благодѣтельное вліяніе, даже на людей мало способныхъ къ любви.

— Вотъ новая педагогическая мѣра! воскликнулъ Се-силь съ живостью, но тотчасъ же прибавилъ серьезно: а вы, тѣтушка, отдадите ли за меня которую-нибудь изъ сво-ихъ дочерей?

— Объ этомъ надобно подумать, отвѣчала она съ улыб-кою.

— Нѣтъ, нѣтъ! подхватилъ онъ: не думайте и не да-вайте мнѣ своей дочери, какъ я говорить вамъ теперь уже невольное чувство. Женщины слишкомъ многого требу-ютъ въ любви и, кажется также, слишкомъ многое даютъ. У меня же нѣтъ столько любви, сколько нужно для же-нитбы. Любовь никогда совершенно не наполнала меня, такъ, чтобы я за нею забылъ отношенія къ свѣту....

— То есть, ты никогда не забывалъ своихъ отношеній! перебила тѣтка: а отношенія твоихъ любезныхъ? напри-меръ, Фанни! Про что же я говорила тебѣ сейчасъ?

Сесиль покраснѣлъ и сказалъ:

— Вы неумолимо-строги, тѣтушка! Кто же прошилъ вѣкъ своей, никогда не заслуживъ подобнаго упрёку?

— О! я знаю, печально возразила тѣтка: я знаю, что та-кой упоръ ложится на вашу мужскую душу пресчанкою, а на нашу женскую—горозо. Но потому-то именно, что свѣтъ васъ не наказываетъ, вамъ бы и должно было по-строже быть къ самимъ себѣ. Что жъ теперь будетъ съ тобою, Сесиль? Ты теперь совершенно независимъ, самостояте-

дощі в ньому жила і в'є самому собі; ты сорвався в'є штати і испытаніяхъ; ты многого достигъ, многого преодолявъ; обладаешь блестящими дарованіями, но... всё-таки я сомніваюсь в'є твоєй будущности.

— И справедливо! У меня в'єтъ счастья.

— Такъ говорятъ всѣ, кто не умѣлъ сохранить и воспитать небеснаго цвѣтка счастья.

— Какого же воспитанія ему нужно, когда всѣ труды и стремленія цѣлой моей жизни не могли развить его? вскричалъ Сесиль съ запальчивостью.

— Оно требуетъ любви, Сесиль! отвѣчала она нѣжно: любви къ созданію Божію. О, Сесиль! этой любви ты долженъ научиться. Люби Бога, люби людей, подумай одного человѣка, ... люби хоть что-нибудь кромѣ себя, мой милый.

— Развѣ тогда не будетъ большаго страданія, не будетъ сожалѣнія, разочарованія и смерти? Развѣ тогда сердце будетъ меньше страдать и не будетъ разбито?

— Нѣтъ, оно будетъ страдать, оно можетъ и разбиться... но в'є рукъ Божіей, Сесиль!

Спусти два года, Сесиль Фортаръ, прожидя попередъ по одной изъ лучинъ улицы Франкфурта, остановился передъ однимъ домомъ. Она была пріятна уличень, когда увидѣлъ освѣщеніе въ окнахъ. «Славо-было! в'єра-вѣ-Верденъ воротилась и уже приближається», подумавъ онъ, велѣлъ доложить о себѣ и бѣгъ промчалъ. Фрау фонъ-Верденъ была в'є траурѣ. Она была женщина г'єтъ нелъ-дорокъ и никогда не смѣла порочествовать. Она обладала такою условною граціей дамъ, приналежащихъ къ высшиму; которая повется хоробивши манерами и манерамъ очей пріятна в'є обществѣ. Того же окриво была у нея умъ и образованія. Все было развешено на гостиную и, не долговременной приващивъ при помощи такого кляку, сдѣлалась для нея второрою натурой, такъ что обращенія съ нею было легко и пріятно, хотя и не живительна. Она была бѣгата и, вдовѣя уже в'єсполнѣ г'єтъ, безвѣстна была во Франкфуртѣ. Сесиль посѣщавъ ее дворяне чаете и любилъ ее

общество, потому что оно было одно изъ лучшихъ въ городѣ.

— Вы въ траурѣ? Что случилось, Бога ради, скажите.... неужто ваша дочь?...

— Нѣтъ, моя дочь, слава Богу, здорова. Я въ траурѣ по братѣ.

— Такъ у васъ былъ братъ? вскричалъ Сесиль съ изумленіемъ: отчего же я никогда не слыхивалъ объ немъ?

— Тѣмъ лучше, потому что вы могли бы услышать только грустное. Легкая смерть однимъ ударомъ окончила безцвѣтную жизнь моего бѣднаго брата. Я получила вѣсть эту вмѣстѣ съ вѣстью о томъ, что невѣстка моя опасно занемогла; я тотчасъ же сѣла въ дорожную карету и третьяго дня только воротилась.

— И ни объ отъѣздѣ ни о возвращеніи никому не дали знать?

— Отъѣздъ былъ слишкомъ поспѣшенъ. Воротилась же я съ невѣсткою, а ей я не хотѣла тотчасъ же, на первыхъ дняхъ, представлять чужихъ людей.

— Смерть мужа и опасная болѣзнь, конечно, могутъ разстроить довольно, и даютъ право на уединеніе, но всѣ-таки вы могли бы подать намъ какой-нибудь знакъ о собственномъ своемъ существованіи, тѣмъ болѣе, что ваша невѣстка, вѣроятно, и теперь будетъ отвлекать васъ отъ нашего круга.

.. . Не думаю, возразила фрау фонъ-Верденъ: въ обществѣ мы, конечно, не можемъ дѣлаться, но мнѣ было бы вѣроятно, если бы я могла доставить моей невѣсткѣ нѣкоторое развлеченіе въ небольшомъ кругу, который бы со-отвѣтствовалъ ея склонностямъ. Она отчуждается отъ людей. Это не хорошо: это даетъ ложное направленіе чувствъ и приводитъ сердце въ напряженіе, отъ котораго оно можетъ пострадать.

Во время этого разговора Сесиль невольно составила себѣ образъ сентиментальной деревенской барыни и начала уже опасаться, что отъ присутствія такой особы домъ госпожи фонъ-Верденъ будетъ значительно скучнѣе прежняго. Тутъ отворилась дверь и, въ длинномъ, широкое платье, медленно вошла Рената.

— Моя невестка, графиня Доббенекъ, сказала госпожи фонъ-Верденъ, между-тѣмъ какъ Сесиль всталъ, чтобы поклониться.

— Мы уже знакомы, сказала Рената равнодушно, когда госпожа фонъ-Верденъ хотѣла рекомендовать Сесиль.

— Ну, тѣмъ лучше. Въ новомъ мѣстѣ ничто не производитъ такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ безпрерывныя появленія чужихъ лицъ.

— Правда, сказала Рената; скрестила руки на груди, прислонилась къ спинкѣ дивана, и опустила голову. Она казалась въ совершенно мысленномъ отсутствіи.

Сесиль былъ нѣмъ отъ радости и удивленія. Рената вдова! Онъ не говорилъ ни слова, но ему казалось, что блуждность его принимаетъ другой видъ. Такъ какъ она нисколько не обращала на него вниманія и не принимала участія въ разговорѣ его съ госпожею фонъ-Верденъ, то онъ почелъ за лучшее покуда не напоминать ей опрѣжнихъ встрѣчъ. Когда же вспомнилъ о красивомъ Венгерцѣ, котораго видѣлъ въ Вѣнѣ, то и совсѣмъ потерялъ охоту оживлять воспоминанія. Вдругъ Рената встала и вышла такъ же безмолвно какъ пришла.

— Отчего графиня ушла? Ей непріятно мое присутствіе? спросилъ Сесиль.

— Сдѣлайте милость, не безпокойтесь о моей невесткѣ, возразила госпожа фонъ-Верденъ: она въ уединеніи своемъ и послѣ разныхъ превратностей судьбы своей приняла нѣкоторыя особенности. Она дичится какъ лань, которую можно сдѣлать ручною тогда только, когда дашь ей полную свободу приходить и уходить, покуда сама не привыкнетъ къ новымъ окружающимъ.

Этотъ сравненіе показалось Сесилью вовсе не вѣрнымъ: онъ вспомнилъ, какъ видѣлъ Ренату у ея сестры и въ Вѣнѣ, и сказалъ:

— Вы, конечно, лучше меня знаете графиню, потому я и не смѣю возражать, но все-таки замѣчу, если позволите, что прежде она являлась мнѣ вовсе не робкою ланью, а царицею, которая однимъ мановеніемъ изъявляетъ свою волю, когда хочетъ быть одна, и когда хочетъ быть окружена толпою.

— Гдѣ вы такъ видѣли ее?

— Въ послѣднемъ случаѣ въ Вѣнѣ; въ первомъ въ Силезіи, у ея сестры.

— У Діаны? съ живостью перебила госпожа фонъ-Верденъ: о! такъ прошу васъ, ради Бога, не говорите при ней о Діанѣ! Это для нея ужасное воспоминаніе.

— Отчего же? чтó же это значить? спросилъ Сесиль съ удивленіемъ.

— Такъ вы не знаете? спросила госпожа фонъ-Верденъ таинственно: вы не знаете, что бѣдная Діана убѣжала отъ мужа?

— Можетъ ли быть! вскричалъ онъ съ ужасомъ, вспомнивъ свою собственную мимолетную склонность къ хорошенькой Діанѣ.

— Къ несчастію, это истина, всѣмъ извѣстная. Мелля удивляется только, что вы ничего не знаете, когда вы были знакомы! Она уже года три какъ ушла отъ мужа, и притомъ съ гувернёромъ своихъ пасынковъ, за котораго и вышла замужъ. Одни говорятъ, будто она сдѣлала это по страсти къ молодому человѣку, другіе, что просто скуки. Какъ бы то ни было, она теперь въ совершенномъ разладѣ съ роднею, которая упоминаетъ объ ней уже какъ объ умершей. Не говорите о Діанѣ съ моею невѣсткой: вы огорчите ее.

Сесиль самого эта вѣсть огорчила. Онъ вспомнилъ, какъ видѣлъ Діану въ Ратиборѣ, игривую, веселую, беззаботную, словно птичку; какъ она порхала въ большихъ, мрачныхъ комнатахъ регенсбергскаго замка, окруженная чужими ей дѣтьми и вдали отъ своего мужа. Какъ естественно, что это такъ случилось, и какъ жаль, что именно это существо попало въ такія обстоятельства!

Ревата жила у госпожи фонъ-Верденъ, но жила не съ нею. Она, правда, являлась въ гостиной, когда были чужіе, но не принимала участія въ разговорахъ, отѣчала, и то коротко, тогда только, когда непосредственно къ ней обращались съ вопросомъ. Она скучала и наводила скуку; ею перестали заниматься; она не примѣчала этого. Она отбывала подъ тяжестью скорби и, какъ всѣ привыкшіе къ уединенію, не умѣла носить маски, подъ которою

свѣтскіе люди такъ искусно скрываютъ свои чувства и расположенія. Госпожа фонъ-Верденъ безпокоилась за нее и за свое общество: ей было тягостно и неловко смотрѣть на принужденіе, которое овладѣвало всѣми въ присутствіи Ренаты. Она уговаривала и просила ее, не обнаруживать передъ людьми своего отвращенія, чтобы не прослыть странною и не подать повода къ пересудамъ. Изъ угожденія свояченицѣ, Рената рѣшилась принудить себя и при первомъ случаѣ заговорила сама. Она обратилась къ первому кто попался на глаза. То былъ Сесиль.

Сесилю очень польстило такое особенное отличіе. Онъ не зналъ, что со стороны Ренаты тутъ не было ни какого умыслу: она въ эту минуту заговорила бы и съ ребенкомъ, потому что рѣшилась заговорить. Она была ни прекрасна, ни любезна; такъ, что шой бы чувствовалъ, что она отталкиваетъ больше нежели привлекаетъ. Но Сесиль — напротивъ. На него гладкое, черезъ-чуръ гладкое свѣтское общество, въ которомъ красота раздвигается по модному журналу, грація движется по танцмейстерскимъ уставамъ, а умъ испаряется островами, также начинало наводить скуку и оставляло въ сердцѣ пустоту, которой ему чѣмъ было наполнить.

Съ-тѣхъ-поръ какъ Рената жила во Франкфуртѣ, онъ мысленно много занимался ею, такъ же какъ и прежде, когда имъ приводилось встрѣчаться. Она и судьба ея очень занимали его, хотя онъ не имѣлъ еще ни времени ни случая развѣдать объ этомъ. И теперь ему казалось неприличнымъ разспрашивать госпожу фонъ-Верденъ, которой воспоминанія о братѣ могли быть прискорбны. Онъ рѣшился самъ разгадать Ренату. Она, при совершеннѣйшемъ внутреннемъ равнодушіи, занималась однако жъ Сесилемъ по виду довольно ласково, потому что онъ болѣе другихъ занимался ею. Рената была вовсе не предупредительна съ мужчинами ни съ женщинами и обнаруживала совершенную невнимательность и безчувственность къ мелочнымъ интересамъ общества. Она была въ гостиницѣ, потому что невѣстка желала этого, и дѣйствовала машинально по ея указаніямъ, а сама не находила ничего соответствующаго себѣ ни въ мужчинахъ ни въ женщинахъ. Для

Большиней части окружающихъ она сама была такъ же неприятна какъ и ея рѣчи, ея выраженія и образъ мыслей. Когда она, напримеръ, говорила, что «притворство—основа свѣтскаго общества» или что-нибудь подобное, всѣ страшно возставали и старались опровергнуть ея мнѣнiе всеми возможными доводами; но тайно каждый чувствовалъ себя уязвленнымъ и приписывалъ ей злобный образъ мыслей, потому что она дерзнула подумать и высказать правду. Только Осипъ она не отталкивала. Она не то, чтобы нравилась или была ему приятна, она поражала его, потому что была необыкновенна. Онъ при ней чувствовалъ то же, что человекъ, который такъ долго пилъ сахарную водичку, что глотокъ чистой ключевой воды кажется ему нектаромъ. И когда Рената, бывало, отвѣтитъ ему однимъ сухимъ да или нѣтъ, то это удовлетворяло его больше цѣлаго ряду великолѣпныхъ фразъ, которыя можно принимать за да и за нѣтъ.

Но все-таки онъ былъ не совсемъ доволенъ ею. «Она слишкомъ заносчива, говорилъ онъ самъ себѣ. Возвышенность образа мыслей, чистота и благородство души, безпорочность жизни — прекрасныя вещи. Но они должны быть естественною истинною чертою человека, а не ходулями его. Тогда только они могутъ быть приятны другимъ».

Онъ сталъ разбирать причины, отчего она производитъ на него такое сильное впечатлѣнiе, что овладѣваетъ его мыслями; отчего она владычествуетъ надъ нимъ? Не красавица ли она? Онъ сталъ въ нее всматриваться и нашелъ что она вовсе не хороша: у нея не было даже того, что дѣлаетъ неподвижными самыхъ обыкновенныхъ женщинъ: лицо ея никогда не оживлялось ни подвижною мускуловою отъ одушевленiя, ни краскою. Она была очень худощава и оттого всѣ черты ея становились рѣзкими; въ нихъ даже не было правды. Глаза большіе и красивые, были однако жъ всегда полузакрыты тѣмными, утомленными, красноватыми вѣками; ротъ, очень большой, не имѣлъ приятности, потому что на немъ лежалъ цѣлый миръ скорби. Въ красотѣхъ втораго разряда, — въ волосахъ, зубахъ, цвѣтѣ кожи, — также не было ничего замѣчательнаго. Когда Сесиль въ такомъ разговорѣ съ ужа-

сомъ доходить до заключенія; «Да она дурна! какъ же это она такъ привлекаетъ?» то взоръ его останавливался на сл лбу, котораго удивительное величье, твердое и ясное спокойствіе придавали всему лицу духовно-высокое выраженіе. «Точно лунный свѣтъ на развалинѣ!» говорилъ онъ про себя и смѣялся потомъ надъ своимъ сентиментальнымъ сравненіемъ.

Но нравственная-то возвышенность именно и привлекала его. Изъ-подъ всѣхъ испытаній, разборовъ и наблюденій Рената всегда выходила такая, какова была, и это привело Сесиду къ заключенію, что онъ еще не видывалъ подобныхъ женщинъ. Онъ только не находилъ уже ея, такъ какъ прежде, странною: она была единственна. И это сознаніе ея единственности открылъ онъ въ душѣ своей, какъ алмазъ въ скалѣ: въ темъ просіялъ свѣтъ. Этотъ человекъ, пол-жизни растратившій для вѣншихъ успѣховъ, почувствовалъ неодолимое желаніе потратить другую половину ради женщины, въ которой не было ничего такого, что доселѣ казалось ему самымъ необходимымъ и драгоценнымъ. Это случилось не вдругъ. Онъ не преобразился съ третьяго разу, когда увидѣлъ ее; напротивъ, онъ мѣсяца два внимательно наблюдалъ ее, сначала съ любопытствомъ и изумленіемъ, потомъ съ участіемъ и восхищеніемъ.

Въ другомъ расположеніи духа, въ другое время, у Сесиды едва-ли бы нашлось времени для этихъ наблюденій. Въ стремленіи къ какой-нибудь цѣли, въ трудахъ и борьбѣ для исполненія какого-нибудь намѣренія, онъ, конечно, былъ бы слишкомъ занятъ самимъ собою и своими желаніями, и не обратилъ бы особеннаго вниманія на предметъ, не подвигающій его непосредственно къ той цѣли. Но теперь онъ боролся съ одною только скукою, потому что дорога впередъ надолго не представляла ему ничего новаго. Онъ скучалъ бездѣйствіемъ, и былъ радъ, что нашелъ хоть что-нибудь достойное искательства, стремленія. Любовь женщины онъ не высоко цѣнилъ. «Любовь дѣлаетъ ихъ только слабыми,» говорилъ онъ припоминая Фіамму и Діану; или она убиваетъ ихъ, какъ мою бѣдную Навдану, или ужасно разрушаетъ, какъ несчастную Лу

ду Мюллеръ». Но приобрести довѣренность и уваженію такой женщины, какова Рената; стать для нея чѣмъ-нибудь больше *кавалера*, — это желаніе мало-по-малу такъ усилилось въ немъ, что онъ наконецъ далъ себѣ слово исполнить его.

Досялъ однако жъ Сесиль не могъ похвастать себѣ особеннымъ успѣхомъ. Если Рената говорила съ нимъ больше нежели съ другими, такъ это было естественно, потому что онъ старался затрогивать струны, которыя соотвѣтствовали ея настроенію. Она видѣла его чаще другихъ: это было еще естественно, потому что онъ давно уже былъ почти домашнимъ человѣкомъ у госпожи фонъ-Верденъ.

Рената сама такъ мало думала о Сесиль, что ей и въ голову не приходило наблюдать его. Въ первое время по смерти мужа она была погружена въ глухую, мрачную безчувственность. Она была убита; она какъ-будто покончила всѣ расчеты съ жизнью. Надежды, желанія, любовь, были не мертвы, по хуже: они были поражены летаргіей и погребены. Подъ вѣшней неподвижностью и безчувственностью скрывались жесточайшія муки, и чѣмъ болѣе она пробуждалась отъ тяжкаго обморока души, тѣмъ яснѣе она видѣла, что жизнь и страданія еще не кончены, что она несчастнѣе нежели была когда-либо. Она долго, долго молила небо о свободѣ, какъ о высочайшемъ блаженствѣ, и когда наконецъ вымолила, эта свобода не только не обрадовала ее, но напротивъ, стала ненавистнѣе прежняго ярма.

Однажды утромъ она получила письмо, котораго видъ охладилъ всю ея кровь и медленно, по каплѣ, придвинулъ всю къ сердцу. «Но я не хочу больше писемъ!» сказала она глухо и положила письмо передъ собою, чтобы попытаться, можетъ ли привыкнуть къ нему. Горячія слезы повалились изъ глазъ ея. — Рука, написавшая адресъ, очевидно, дрожала: буквы были какъ-будто силою вдавлены въ бумагу. «Сколько онъ, должно-быть, страдалъ, когда рука его такъ дрожала?» Она сломала печать. Письмо было изъ Праги.

«Ну, чтò, Рената? довольно ли мы несчастливы теперь?

И не ваше ли каменное сердце сдѣлало насъ несчастными? Теперь вы свободны, а я — нѣтъ! Вы развѣсаны, а я въ бѣдѣ! Вамъ принадлежитъ мѣръ, будущность, долгая золотая жизнь, а мнѣ — моя жена! И все это потому, что вы того хотѣли! Потому, что вы не хотѣли больше страдать за любовь! Если бы у васъ достало силы потерпѣть еще нѣсколько нѣщцевъ.... что бы было теперь! О, Рената! я ненавижу тебя! У меня теперь только одно желаніе: никогда не видѣть тебя, никогда не слышать о тебѣ; уничтожить, выбросить изъ моего сердца память о тебѣ, какъ врага, который уничтожилъ мою жизнь. Вотъ мое прощаніе съ тобою. Я боленъ; врачи говорятъ, опасно. Я былъ въ Миланѣ и здѣсь; теперь только узналъ, что случилось уже три мѣсяца тому. Такъ-то мы теперь разлучены! Вы того хотѣли. Я хотѣлъ вамъ еще сказать въ послѣдній разъ, что вы погубили меня. *Эммерикъ.*»

— Онъ безумствуетъ, какъ больной горячкою, холодно сказала Рената сложивъ письмо: онъ несправедливъ.... какъ мужчина! помолчавъ прибавила она съ горечью.

.. Не любовь все-таки взяла верхъ надъ огорченіемъ и послѣднею всепоглотившею мыслью ея было: «О! лишь бы только онъ не умеръ! Пусть онъ сердится на меня.... пусть даже ненавидитъ.... только жизнь оставь ему, о, Боже!.... Еще одинъ разъ, одинъ только разъ увижу его, думала она далѣе, и потомъ я уйду далеко, далеко, туда, гдѣ никто меня не увидитъ; буду жить спокойно; спокойно умру.... но одинъ разъ еще я должна видѣть его!»

— Шарлотта! сказала она своей спяченицѣ: я поѣду въ Эбернакъ. Весна уже совсемъ настала и меня тоскуетъ туда.

— Возможно ли! вскричала госпожа фонъ-Верденъ: ты тоскуешь по своему врачному Эбернакъ, по своему удивленію? Полно! останься здѣсь, привыкни къ людямъ, сблизься съ ними; попытайся начать новую жизнь. Неужто ты въ двадцать шесть лѣтъ хочешь похоронить себя въ своихъ воспоминаніяхъ, которыхъ, быть-можетъ, и не останется тебѣ на весь долгій путь жизни....

— О! я и хочу еще воротиться къ жизни, только не

Теперь я не здѣсь. Теперь мнѣ нужно подышать свѣжимъ воздухомъ въ другой атмосферѣ.

Рената, быть-можетъ, тотчасъ же исполнила бы свое намереніе, если бы другія обстоятельства не овладѣли ея вниманіемъ. Это была печальная дуэль ея брата, графа Адлеркрона, съ Сесилевымъ братомъ, Сигизмундомъ. Игнатій писалъ къ ней изъ Гамбурга, старался объяснить причину дуэли своею дружескою и рыцарскою преданностью къ Тоскѣ, но нисколько не убѣдилъ Ренаты въ своемъ правѣ. Она находила непростительно-дерзкимъ такую навазчивость въ рыцари и непрошеное заступничество за женщину, которая была довольно независима и самостоятельна, чтобы самой отвѣчать за свои поступки.

Сесиль получала вѣсть о томъ же отъ своихъ. Сестра писала ему со словъ самой Тоски, что причиною дуэли были только зависть и козни графа Адлеркрона, который на будущи въ состояніи овладѣть вдовою своего дяди и ея имѣніемъ; хотѣлъ отомстить ей и отомстилъ ужасно. Это видямо Сесиль послала къ госпожѣ фонъ-Верденъ съ просьбою сообщить его и Ренатѣ, чтобы она не слишкомъ стояла за своего брата.

— Игнатій неправъ! сказала Рената прочитавъ и сравнивъ оба письма: Игнатій не честенъ и никогда честнымъ не былъ. Я его знаю! Онъ-то и сдѣлалъ меня правдивою: онъ всегда ходилъ кривыми путями; это казалось мнѣ унизительнымъ; оттого-то я и пошла прямымъ. Такъ мы шли будучи дѣтьми; такъ идемъ, вѣроятно, и теперь. Мы никогда не любили другъ друга. Мы отъ природы противоположны одинъ другому. Мнѣ въ самомъ начала ужасно не нравилось, что онъ такъ исключительно посвящаетъ себя большому дядѣ, у котораго прекрасное имѣніе и прекрасная молодая жена. Бѣдная женщина! Послѣ стольколѣтнѣго вѣрнаго исполненія не легкаго долга, въ ту самую минуту, когда любовь начинала оживлять ея безцвѣтную жизнь, — ее постигаетъ такое ужасное несчастіе!

— Жаль мнѣ нашего бѣднаго Форстера, говорила госпожа фонъ-Верденъ: онъ, я думаю, очень опечаленъ: онъ

еще говорилъ о братѣ съ такою любовью и уваженіемъ.....

— Поклонись ему, Шарлотта! скажи ему, что я желаю, чтобы мы остались друзьями! скажи ему, что въ этомъ случаѣ на его долю достается только печаль по уважаемомъ человѣкѣ, а на мою горькая скорбь о недостойномъ.

Госпожа фонъ-Верденъ тотчасъ же пошла и написала Сесию предлинное письмо, очень ласковое, очень утѣшительное и очень скучное, которое навѣрное утомило бы его, если бъ онъ не нашелъ тамъ словъ, переданныхъ отъ Ренаты. Эти слова утѣшили его. На нихъ онъ остановился.

«Мы останемся друзьями! сказала она. Стало-быть мы уже были друзьями? говорилъ онъ самъ себѣ: стало-быть это страшное происшествіе еще больше сблизитъ насъ!...» Холодная дрожь пробѣжала по его членамъ, когда эта мысль невольно родилась въ головѣ его. Ему показалось, будто онъ извлекаетъ изъ смерти брата пользу для себя; будто онъ радуется этому; будто опять впадаетъ въ холодный эгонизмъ, который въ чужой бѣдѣ видитъ только свои выгоды,—и онъ сталъ укорять себя за это и даже хотѣлъ-было отказаться отъ свиданія съ Ренатой.

Для Ренаты настала пора самыхъ насильственныхъ и жестокихъ потрясеній. Отъ третьей ея сестры, графини Басевин Штернфельсъ тоже пришли неприятыя вѣсти. Графъ Штернфельсъ былъ помѣщикомъ въ Мекленбургѣ и, съ порядочнымъ своимъ состояніемъ, хотѣлъ идти рядомъ съ богачами, между которыми жилъ. Хотя ему минуло уже шестьдесятъ лѣтъ и хотя онъ по-временамъ страдалъ подагрой, однако жъ обладалъ неистощимо веселымъ расположеніемъ духа и такою любезностью, что къ великому ущербу своего кармана слылъ чрезвычайно пріятнымъ собесѣдникомъ и былъ весьма любимъ въ кругу молодыхъ людей, которымъ состояніе позволяло исполнять всѣ возможныя прихоти. Покуда Штернфельсъ былъ холостъ, онъ могъ еще кое-какъ устоять на ногахъ; но женитьба на графинѣ Басевин Адлеркронъ ускорила неизбежное его разореніе роскошествомъ хорошенькой, тщеславной и неразумительной жены. Слѣдствія всего этого теперь обнаружидсь. Имѣніе было до того въ долгу, что оставалось

только продать его, чтобы расплатиться. Рената съ великодушнымъ безкорыстіемъ хотѣла-было тотчасъ же помочь имъ, но управляющій ся дѣлами и господа фонъ-Верденъ убѣдили ее удержаться отъ этого, доказывая, что графъ Штернфельсъ, оставшійся въ привычныхъ своихъ обстоятельствахъ, останется и при своихъ разорительныхъ привычкахъ. Если же онъ принужденъ будетъ выступить изъ этого круга, то легче будетъ помочь ему на пути менѣе опасномъ.

Когда Сесиль впервые разъ послѣ того пришелъ къ госпожѣ фонъ-Верденъ, то нашелъ Ренату одну. Собственное горе дотолъ дѣлало ее безчувственною и холодною, но состраданіе къ другимъ возбудило въ ней волненіе, которое разлилось по наружности какъ теплое дыханіе весны. Она съ живостью пошла на встрѣчу вшедшему, подала ему руку и сказала:

— Богъ надъ всѣми нами! не будемъ осуждать, не будемъ сердиться и ненавидѣть! Неправа ли, любезный Форстеръ?

Сесиль поцѣловалъ ея руку и не находилъ словъ для выраженія своего чувства.

— Надѣюсь, что въ васъ нѣтъ никакого тлостнаго и горькаго чувства при встрѣчѣ со мной? продолжала она.

Въ звукѣ голоса, во взглядѣ большихъ просвѣтлѣвшихъ глазъ ея было столько глубокой и чистой искренности, что Сесиль сказалъ съ такимъ же глубокимъ чувствомъ:

— Я знаю, графиня, что вы не подозреваете во мнѣ этого, и я желалъ бы только, чтобы и вы такъ же хорошо знали, какую отраду вы теперь доставляете мнѣ и какъ я удивляюсь вамъ.

— Отрада радуетъ меня сердечно, возразила Рената: это самое лучшее, что только можетъ доставить человѣкъ человеку. Но удивленія я не признаю: оно держится на слишкомъ слабомъ основаніи. Вы меня вовсе не знаете.

— Не знаю?... васъ? Помилуйте, графиня, я очень хорошо знаю васъ!

— Я думаю, однако жъ, что для этого нужно быть сколько-нибудь знакомымъ съ исторіею всей моей жизни, возразила Рената съ улыбкою.

— Я знаю исторію раннего сердца, грешна, а она одна только интересуетъ меня. Я знаю, что многіе не понимаютъ насъ, многіе называютъ насъ несчастною, между тѣмъ какъ мнѣ вы представляетесь самымъ счастливымъ существомъ на землѣ, потому что вы самое прекраснѣйшее, какое я когда-либо встрѣчалъ. Я знаю, что ваше приустройство, обращеніе съ вами, дѣйствуютъ на меня удивительно, какъ чистый, свѣжій горный воздухъ на тела низменныхъ долинъ. Я не знаю частныхъ обстоятельствъ, не знаю вещественныхъ событій вашей жизни, но я знаю ея оущность, ея истинное содержаніе, — въ безпрерывныхъ открытій вашей свѣтлой и возвышенной души.

Горячія слова быстро воструились изъ глазъ Ренаты, когда она покраснѣла:

— Одинъ Богъ знаетъ, такъ ли я счастлива, какъ вы думаете!

Сосиль хотѣлъ было продолжать, но она рывкомъ сломала знакъ, чтобы онъ молчалъ.

— Музыка доставитъ намъ облегченіе, сказала Рената послѣ продолжительнаго молчанія и, не дожидаясь отвѣта, вышла изъ комнаты.

Минута, бываешь, не возманилась къ нему милая божь сава, болѣе пламенная. Мысль о безпомощной бѣдѣ ея выказывалась съ рвениемъ чистой любви и съ истинно торжественною любовью; а подлѣ этого торжественнаго чувства искренне драматическое молчаніе о припадкѣ страдающей души въ царствѣ небесномъ. Взоры, и все лицо Ренаты болѣе и болѣе краснѣлось. Сосиль, стоя у стола, пренебрегалъ всѣмъ тѣломъ. Рената казалась ему Свѣтлою, чистой, прекрасною, могущественною и возвышенною, которой онъ не выказывалъ и не добровольно. Онъ не выказывалъ о смерти брата; онъ не выказывалъ даже намъ грѣшнымъ Никитамъ. Теперь онъ плакалъ и, какъ ему казалось, вслѣдствіемъ своей жизни. Когда въпрямь чуждымъ дѣйствительно отдѣлились отъ отяжелѣвшихъ вѣкъ, онъ вынулъ руку на руку Ренаты и сказалъ:

— Не расстраивайте! Вы расстраиваете меня въ смерти, второй я чуждъ, въ которой я чувствую себя живымъ.

отверженцы, потому что вы тамъ,.... Боже мена! Поможетъ ли, что я устремлюсь по вашимъ саблямъ?

Рената не поняла его. Прерванными словами еще изучали въ ея душѣ и, наполненная ими, она сказала задумчиво:

— Да, такъ! такъ всегда нарушаютъ наши стремленія къ небесному! И я должна воротиться на землю.

Она встала и сказала Сесилью:

— Какъ хорошо, что во всѣхъ естественныхъ и теплыхъ чувствованіяхъ есть нить, которая можетъ сблизить и связать людей въ одинъ часъ крѣпче нежели обыкновенныя сношенія связываютъ и сблизаютъ въ цѣлыя годы. Миѣ кажется, какъ-будто въ этой общей скорби о братьяхъ я нашла въ васъ друга себѣ. Благодарю васъ, отъ души, что вы не чувствуете ничего неприязненнаго ко миѣ.

Сесиль молча поцѣловала ея руку. Ему было больно, что она не понимала или не хотѣла понять его. При этомъ она казалась такою невыразимо доброю и внушала такое довѣріе, что ему казалось, онъ необходимо долженъ молить ее о любви, какъ молятъ Бога о дарахъ небесныхъ, и если бы не пришла въ эту минуту госпожа фонъ-Верденъ, онъ едва-ли бы удержался.

На другой день Рената уѣхала.

— Бѣгъ не можетъ! сказала Сесиль съ невѣріемъ и испугомъ, когда госпожа фонъ-Верденъ сообщила ему эту вѣсть.

— Право, уѣхала, въ Эбернахъ, повторила госпожа фонъ-Верденъ.

Сесиль наблюдая, какъ мчала у него подъ колеса. Она стояла прямо противъ господи фонъ-Верденъ, прислонясь къ столбу. Глаза ея отуманились. Она не вымчалась. Хозяйка посмотрѣла на него смачливо съ удивленіемъ, встала съ состраданіемъ и встала, приложивъ ему руку и сказала болѣе про себя какое-то слово:

— Оттого-то она, вѣрно, и уѣхала!

— Отчего? спросила Сесиль безоглядно.

— Она, вѣрно, забыла то, что я вижу.

— О, вѣтъ, вѣтъ! не думайте этого! вскричала Сесиль. Истинно-то пришла къ себѣ, она ничего не забыла, и

касается до меня; она не могла замѣтить. Повѣрьте, что я ни мало не причиною ея отъѣзда.

— Почему вы знаете? Она очень принципиальна. Она, можетъ-быть, уѣхала, чтобы избѣжать васъ.

— О! вы слишкомъ много дѣлаете мнѣ чести! воскликнулъ Сесиль съ горечью.

— Ну, да какъ бы то ни было, а Рената уѣхала въ Эбернахъ.

— Что же она тамъ дѣлаетъ, въ такомъ уединеніи?

— Она при жизни моего бѣднаго брата завѣдывала всѣми дѣлами по хозяйству и по огромному имѣнію, съ удивительною осмотрительностью и точностью. Она будетъ завѣдывать и теперь, потому что это ея собственность.

— Въ самомъ дѣлѣ! воскликнулъ Сесиль почти съ явнымъ презрѣніемъ: такъ она и вправду продалась за деньги?

— Такъ вы называете это продала себя за деньги, когда молоденькая дѣвушка, взрослая въ строгомъ повиновеніи, съ ангельскою кротостью и милосердіемъ принимаетъ на себя и съ твердостью выполняетъ обязанности, указанныя чужою волей? съ необыкновенною живостью возразила госпожа фонъ-Верденъ. Стыдитесь! Стыдно бы и тому, кто насаждалъ вамъ это! Но.... я вижу, что послѣ душъ, подобныхъ Ренатѣ, нѣтъ ничего столь рѣдкаго на свѣтѣ, какъ души, которыя бы способны были понимать ихъ.

Этотъ порывъ теплаго, сердечнаго удивленія былъ таинственнымъ Сесилю, что онъ почти утѣшился въ отсутствіи Ренаты. «Такъ не даромъ же я полюбилъ ее больше всего на свѣтѣ! сказалъ онъ самъ себѣ: теперь я буду любить ее съ полнымъ сознаніемъ».

Она позволила это намѣреніе и самъ удивился, выскочивъ въ себѣ такое новое чувство, однако жъ привѣтствовалъ его съ восторгомъ: оно указало ему новый видъ, новую грань жизни. Теперь ему казалось нестерпимымъ не видѣть Ренаты и не слышать объ ней. Когда она была тутъ, онъ иногда во вѣсколку дней не приходилъ къ господамъ фонъ-Верденъ; но увѣренность, что увидитъ Ре-

нату, когда пойдетъ, всегда была при немъ утѣшительницею, такъ точно какъ пасмурный день и тучи покрывающія небо еще не заставляютъ усомниться въ присутствіи солнца. Теперь же имъ овладѣло страшное безпокойство: онъ непремѣнно хотѣлъ знать, что она дѣлаетъ, какъ проведить время. Онъ пытался-было приписать это безпокойство другой причинѣ, но таковой не нашлось. Недѣлю онъ сносилъ это состояніе, но наконецъ лихорадочныя грёзы, томленіе и волненіе одолѣли его.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ: пусть это глупость! Я знаю, что это глупость и что я, быть-можетъ, даже сдѣлаюсь смѣшнымъ.... ничего! пусть! Я ѣду въ Эбернахъ.... я хочу ее видѣть, хочу знать, что она дѣлаетъ.... потомъ.... потомъ.... ничего больше.... покуда.

Онъ сказался больнымъ и не велѣлъ никого принимать, а самъ, въ полночь, одинъ поѣхалъ въ Эбернахъ, на лошадахъ, тайно приготовленныхъ заранѣе на каждой станицѣ. Въ семь часовъ утра онъ прибылъ въ мѣстечко, зашелъ въ гостинницу и назвавшись живописцемъ, объявилъ, что желаетъ списать съ натуры знаменитый замокъ Эбернахъ. Это чрезвычайно польстило толстой трактирщицѣ, которая въ мірѣ ничего не знала краше своего мѣстечка и барскаго дому. Сесиль спросилъ о владѣльцахъ имѣнія и трактирщица вывела ему всю родословную, разсказала всю подноготную и в заключеніе разсыпалась въ красногубыхъ похвалахъ графинѣ Ренатѣ Доббенекъ. Сесиль слушалъ ее съ величайшимъ вниманіемъ и ему казалось, что для одного этого разсказа уже стоило пріѣхать въ Эбернахъ. Позавтракавъ во время повѣствованія трактирщицы, Сесиль взялъ портфель подъ мышку и пошелъ въ замокъ. Онъ пламенно желалъ увидѣть Ренату такъ, чтобы она его не видала. Онъ почти покраснѣлъ при мысли, что она можетъ узнать его. Она была вовсе не такая женщина, которую бы такое романическое нападентіе тронуло или обрадовало, и такъ какъ она никогда не приглашала его въ Эбернахъ, то, встрѣтивши незваного, оказала бы, конечно, не больше самаго обыкновеннаго гостепримства и необходимой вѣжливости, которыхъ онъ вовсе не желалъ.

Онъ прошелъ черезъ большой паркъ въ садъ, съ оранжереями, гдѣ нашелъ нѣсколько человѣкъ работниковъ и садовники. Сесиль попросилъ позволенія осмотрѣть оранжерею, и садовникъ очень вѣжливо и предупредительно вывелъ его повсюду. Когда любопытный посетитель выразилъ свое удивленіе необыкновенно богатому собранію цвѣтовъ, садовникъ возразилъ:

— Далъ у покойнаго барина только и было страсти, что къ птицамъ, да къ цвѣтамъ: птицъ онъ самъ, бывало, кормилъ; самъ ухаживалъ за ними. А когда которая издохнетъ; велитъ чучелу сдѣлать и поставить въ стеклянный шкафъ. Тамъ въ замкѣ, ихъ тма. За цвѣтами онъ тоже все самъ ходилъ, поливалъ, пересаживалъ, подрѣзывалъ. А когда расцвѣтутъ, возьметъ все цвѣтки, оборветъ, засушитъ и наклеитъ на бумагу, подпишетъ званіе, потомъ велитъ перенести и поставить тоже въ шкафы. Такихъ гербаріевъ у него накопилась цѣлая библіотека, да жалъ, что толку-то мало, — прибавилъ садовникъ съ сострадательною улыбкой: — онъ дѣлалъ все это безъ всякаго ученаго порядку и безъ знанія дѣла, оттого у него все породы и классы переиѣшаны, альпійская трава лежитъ подлѣ тропическаго растенія, орхидея подлѣ ноготковъ.

— Такъ онъ былъ совсѣмъ помѣшанный? спросилъ Сесиль со страхомъ.

— Нѣтъ, нельзя сказать, чтобы совсѣмъ помѣшанный. Онъ былъ только слабоумный, отъ долговременныхъ и частыхъ припадковъ падучей болѣзни, такъ, что онъ не имѣлъ ни какого сужденія собственнаго, ни воли. А насъ-то онъ всехъ зналъ и каждого называлъ по имени.

Сесиль спросилъ словоохотливаго садовника, можно ли будетъ посмотреть замокъ.

— Да, сегодня можно будетъ, отвѣчалъ тотъ: сегодня въ одиннадцать часовъ графиня поѣдетъ въ ближнее село и воротится не раньше вечера. Вы можете обратиться къ кастеляну. Онъ вамъ покажетъ все комнаты. Онъ живетъ вонъ тамъ, въ лѣвомъ флигелѣ, внизу, окнами сюда въ садъ.

Сесиль поблагодарилъ садовника и окольными дорожками пошелъ къ аллеѣ, по которой Рената должна была

въѣхать изъ замка. Ровно въ одиннадцать часовъ легкая коляска подъѣхала къ большому крыльцу, вскорѣ потомъ промчалась по аллеѣ и исчезла на поворотѣ въ улицу мѣстечка. Сесиль сталъ за кустарникомъ, изъ-за котораго очень хорошо могъ разглядѣть проѣзжавшую. Она была, какъ обыкновенно, вся въ черномъ, и задумчиво сидѣла, прислонившись въ уголъ экипажа. Проводивъ ее глазами, Сесиль пошелъ въ замокъ. Кастелянъ, такъ же какъ и садовникъ, охотно удовлетворилъ любопытство посѣтителя и показалъ ему все расположеніе замка, шкафы съ птицами, шкафы съ сушеными цвѣтами, парадныя комнаты, библиотеку и, наконецъ, жилыя комнаты самой графини, до которыхъ Сесиль добрался подъ тѣмъ предлогомъ, будто госпожа фонъ-Верденъ, — отъ которой онъ показалъ кастеляну визитную карточку, — поручила ему, живописцу, снять копію съ портрета покойной графини. Кастелянъ снялъ шляпу, услышавъ весьма знакомое имя сестры своего барина и съ удовольствіемъ проводилъ художника, куда тотъ хотѣлъ. Тамъ, чтобы не мѣшать рисовать, старикъ оставилъ его одного, а Сесиль вмѣсто портрета принялся срисовывать перспективу самыхъ комнатъ, чтобы всегда имѣть при себѣ видъ того мѣста, гдѣ жила, и тѣхъ предметовъ, которыми была окружена царица его души. Сесиль, правда, успѣлъ набросать только очеркъ, надъ которымъ нужно было еще много поработать, но за то онъ такъ всмотрѣлся во всѣ подробности этого жилища, что унесъ съ собою два вида, одинъ на бумагѣ, въ очеркъ, а другой, совершенно отдѣланный, въ памяти. Онъ былъ въ восторгѣ отъ своего счастья и, давъ кастеляну червонецъ за услугу, поспѣшилъ въ гостинницу. Едва онъ вышелъ изъ сада, какъ воротилась и Рената.

Въ десяти часамъ вечера Сесиль приказалъ приготовить лошадей, а самъ еще разъ пошелъ въ паркъ, чтобы, какъ говорилъ, посмотреть на замокъ при лунномъ освѣщеніи.

«Все безмолвно и безжизненно вокругъ нея; у нея у одной жизни!» подумалъ Сесиль, когда сѣлъ подъ темною сѣнью акацій, на скамейку, противъ ея оконъ. Кромѣ этихъ, во всемъ замкѣ не было свѣту. Въ воздухѣ господствовала совершенная тишина. Сесиль погрузился въ глубокую ду-

му; изъ которой только по-временамъ порывала его мысль пойти въ замокъ, представиться Ренатъ. Онъ теперь по-прежнему отдалъ бы за то, чтобы провести съ Ренатою полчаса. Его удержалъ только страхъ, что она приметъ холодно, и онъ рѣшился лучше не видѣть вовсе, чѣмъ подвергнуться такой опасности.

— Прости! я увижу тебя! сказалъ Сесиль почти вслухъ; быстро всталъ и вышелъ изъ сада.

Черезъ четверть часа онъ уже скакалъ по дорогѣ во Франкфуртъ; утромъ прибылъ домой и легъ спать, а вечеромъ, за чаемъ, рассказалъ госпожѣ фонъ-Верденъ о томъ, какъ онъ захворалъ гриппомъ и какъ самъ вылечился, пролежавъ двадцать четыре часа въ постелѣ.

Десять лѣтъ назадъ, еще была жива старая графиня Доббенекъ, которой портретъ висѣлъ въ кабинетѣ у Ренаты. Тогда она съ материнскою вѣжностью и глубокою нечалью смотрѣла на своего двадцати-пяти лѣтняго сына, гулявшаго по саду съ маленькою Адольфиною фонъ-Верденъ, своею племянницей, но такъ, что, казалось, ребенокъ водилъ молодого человѣка и заботливо смотрѣлъ за нимъ. Тогда говорила она дочери со страхомъ и сокрушеніемъ:

— Шарлотта! Чтò будетъ съ Эгономъ, когда я умру? Кто будетъ любить его столько, чтобы не оставить на небрежныхъ рукахъ наемщиковъ? Чѣмъ богаче онъ, тѣмъ больше будетъ тѣсниться къ нему своекорыстіе съ притворнымъ участіемъ, для своихъ выгодъ. Въмѣсто того, чтобы внимательно слѣдить и помогать его развитію, его съ умысломъ будутъ удерживать въ ребячествѣ, подавать къ немъ всякую возможность къ умственному пробужденію или, по-крайней-мѣрѣ, не обратятъ на нее вниманія..... Онъ теперь совершеннолѣтній..... по годамъ, продолжала она помолчавъ: покуда жива, я никогда не позволю поставить надъ мимъ чужой опеки, но когда я умру.....

— Милая маменька! перебила госпожа фонъ-Верденъ, вы еще здоровы, крѣпки и духомъ и тѣломъ! откуда же вы берете мысли о смерти?

— Я устала, дитя мое. Ахъ! смерть, конечно, горька: утрата твоихъ старшихъ братьевъ и отца стоила мнѣ много горькихъ слезъ, но съ теченіемъ времени горе отстоялось и превратилось въ тихую печаль. Милыя воспоминанія о золотыхъ дняхъ прошедшаго сливаются съ памятью о мужѣ; прекрасныя надежды, быть-можетъ, никогда не осуществимыя мечты о возможномъ счастіи и величіи, носятя надъ безвременными могилами двоихъ моихъ сыновей. Въ душѣ моей удивительно спокойно и мирно, когда я вспомню объ нихъ; это воспоминаніе укрѣпляетъ и поддерживаетъ меня, а не сокрушаетъ. Но когда я оглянусь на двадцать лѣтъ моего вдовства, которыя посвятила Эгону..... тогда я бываю не только сокрушена, но убита. Двадцать лѣтъ исключительно посвятила я ему и не достигла другаго результата, кромѣ того, что теперь съ ужасомъ вижу приближеніе смертнаго часу, когда я должна буду оставить его одного на свѣтѣ..... Это страшно, Шарлотта! тѣмъ болѣе, что душа моя..... пойми меня, другъ мой: душа человѣческая, а не материнское сердце.... давно ужъ просится въ иной міръ.

Госпожа фонъ-Верденъ, молча, - со слезами, поцѣловала руку матери, между-тѣмъ какъ та повторяла:

— Чтò будетъ съ бѣднымъ Эгономъ, когда я умру?

— Его здоровье теперь вѣдь гораздо лучше нежели было, сказала госпожа фонъ-Верденъ помолчавъ: вы, маменька, никогда не думали о возможности женить его? никогда не говорили объ этомъ съ врачами?....

— Думала и говорила, другъ мой. Врачи отвѣчаютъ на да ни вѣтъ. Да и гдѣ же найти женщину, которая бы чувствовала довольно состраданія и участія къ нему, чтобы вступить въ этотъ союзъ не за одно имя и богатство?

— Я рассказывала вамъ про графиню Адмеркронъ, съ которою я провела лѣто въ Киссингенѣ. Ея старшая дочь, мнѣ кажется, способна на это. Я никогда не видывала такой важной и глубокомысленной дѣвушки.

— Да! молодость восторженна и способна къ пожертвованіямъ; въ ней гораздо меньше эгоизму и расчетливости нежели въ старости. Но если у этой дѣвушки и стаетъ духу, чтобы принять на себя такую трудную обязан-

ность, если она и согласится быть ангеломъ хранителемъ несчастнаго Эгона, то какая же мать позволить дочери вступить въ бракъ..... въ которомъ первое условіе—самоотверженіе?

— Не всѣ матери такъ нѣжны, какъ вы, и я думаю, мы можемъ быть увѣрены въ согласіи графини Адлеркронъ: она вдова, небогата, имѣетъ двѣнадцать не пристроенныхъ дѣтей и очень желаетъ найти партіи двумъ своимъ старшимъ дочерямъ, которыя уже подросли. Она непременно согласится, особенно, когда увидитъ, что дочь ея будетъ не только сама обезпечена, но даже не лишена возможности помогать своимъ сестрамъ.

— Ахъ! можетъ ли дѣвушка, воспитанная по такимъ правиламъ, быть нѣжна и ласкова съ Эгономъ, заботиться объ немъ, ухаживать за нимъ?

— Позвольте мнѣ попытаться, маменька. Я буду осторожно дѣйствовать.

Вечеромъ того же дня госпожа фонъ-Верденъ написала къ графинѣ Адлеркронъ, что намѣреваясь по дѣламъ пріѣхать на нѣсколько времени въ Аугсбургъ, она очень радуется случаю возобновить пріятное знакомство съ нею. Получивъ письмо, графиня Адлеркронъ отыскивала въ готскомъ альманахѣ фамилію графовъ Доббенекъ и нашла, что ихъ осталось единственная и послѣдняя отрасль въ лицѣ брата госпожи фонъ-Верденъ, графа Эгона-Курта-Серафима Доббенекъ, владѣльца Эбернаха, Бургейса, Мариенорта, и прочая и прочая,—таковъ стиль: сперва насчитываются всѣ владѣнія, а потомъ, когда уже нѣтъ больше, ставятся два или три «и прочихъ», для бѣльшей важности.

— Ну, это бы хорошо! говорила графиня Адлеркронъ про себя: правда, кажется, фрау фонъ-Верденъ въ Киссингенѣ, какъ-то, говорила немножко сомнительно о здоровьѣ своего брата. Ну, да что жъ за бѣда: поправится. Доббенекъ и Регенсбергъ..... Это были бы очень пріятныя партіи моимъ дочерямъ и я думаю.... онѣ устроятся.

Съ такимъ материнскимъ образомъ мыслей женихамъ

и сватамъ легко было помадить. Госпожа фонъ-Верденъ прїѣхала, тотчасъ же вступила въ дипломатическіе переговоры и нашла графиню очень сговорчивою. Графъ Регенсбергъ, съ которымъ она также познакомилась въ Киссингенѣ, послѣдовалъ за нею или, лучше сказать, за Дианою въ Аугсбургъ. Имъ овладѣла страстная любовь къ прелестной дѣвушкѣ, но разумокъ всѣ-еще удерживалъ отъ рѣшительнаго предложенія, соображая неравенство его срока-шести лѣтъ съ пятнадцатью годами невѣсты. Графиня Адлеркронъ воспользовалась присутствіемъ госпожи фонъ-Верденъ, и намекнула ему, что она прїѣхала сватать Диану за своего брата. Страсть одолѣла графа и заставила тотчасъ же рѣшиться. Спустя три дня Диана была невѣстою самою прелестною, самою цвѣтущею и самоев безпечною, какаѣ когда-либо была выдана замужъ.

Графиня Адлеркронъ воспитала дочерей въ строгемъ повиновеніи. «Вы бѣдны, вы знатны, говорила она имъ: вы должны стараться занять и удержать за собою мѣсто въ свѣтѣ, приличное вамъ и вашему воспитанію, которое я купила вамъ величайшими пожертвованіями. Вы мои добрыя дѣти; вы вѣрно, захотите наградить меня за труды и заботы послушаніемъ. Я этого только и требую отъ васъ». И дочери были такъ покорны и робки, что одно движеніе бровей матери могло заставить ихъ броситься въ объятія чудовища. Диана была безпредѣльно счастлива, что ей такъ легко было исполнить волю матери: она пріобрѣла мужа очень пріятнаго, любезнаго, изящнаго и страстно влюбленнаго, такъ, что она и не замѣчала разницы лѣтъ. Притомъ, кровь у нея была такая розовая, что она принимала жизнь не иначе какъ за шутку. Рената, напротивъ, была серьезна до угрюмости, покорна по разсудительности, а не по безотчетной слабости; кротость ея доходила до равнодушія. Она смотрѣла на жизнь такими печальными глазами, какими, конечно, рѣдко смотрятъ молодыя дѣвушки. Только одинъ Игнатій былъ старше ея годомъ: остальные сестры всѣ были моложе; меньшой братъ родился въ годъ смерти отца, послѣ чего въ домѣ около четырехъ лѣтъ было неможно спокойнѣе прежнему, по-крайней-мѣрѣ прекратились раздоры мужа съ женою изъ-за денеж-

ныхъ недостатковъ и разстройства хозяйственныхъ дѣлъ, по страсти къ роскоши, непомерному тщеславію обонхъ и по недостатку взаимнаго уваженія. Дѣти очень часто бывали свидѣтелями самыхъ непріятныхъ сценъ и терпѣли отъ этого столько же сколько и вообще отъ недостатку любви, которую, для поддержанія порядку, замѣнила деспотическая строгость. Мать очень часто поручала Ренатѣ, какъ старшей, надзоръ за другими дѣтьми, но она не умѣла по материнскимъ правиламъ вынудить такого страдательнаго повиновенія, какое сама оказывала, и за это подвергалась побранкамъ, укорамъ въ слабости и небреженіи, между-тѣмъ какъ Діану мать журила за лишнюю рѣзвость, Евсеію за лживость, которой она насмотрѣлась у нее же, — и такъ всѣхъ дѣтей, исключая Игнатія, который былъ любимецъ матери, совершенно похожій на нея по образу мыслей, и сверхъ-того — хитрый льстецъ. Эта вѣчная тревога, шумъ, несогласіе и совершенное отсутствіе любви дотогу утомили Ренату, что она при конфирмаціи призналась пастору въ своемъ желаніи перейти въ католическую Церковь, чтобы вступить въ монастырь. Пасторъ, конечно, употребилъ всѣ силы своего краснорѣчія, чтобы отклонить молодую дѣвушку отъ такого намѣренія. Ему удалось приобрести ея довѣріе и онъ, развѣдывая о побудительныхъ причинахъ, открылъ, что маленькое сердечко Ренаты утомлено жизнью прежде нежели стало жить. Онъ умѣлъ неопровержимо доказать ей, что ея жажда монастырскаго успокоенія, въ такія лѣта, — эгоистическое, недостойное малодушіе, потому что она ищетъ только собственнаго спокойствія, мира своей душѣ, и убѣгаетъ раньше времени отъ трудовъ и борьбы жизни, вмѣсто того чтобы перенести и преодолѣть ихъ. Рената отказалась отъ монастыря и рѣшилась жить, какъ Богъ велитъ.

Такимъ образомъ приготовленная и многими ранними страданіями переработанная душа, конечно, не могла утратиться трудной обязанности. Это госпожа фонъ-Вердегъ угадала въ Киссингенѣ, гдѣ Рената сблизилась съ нею гораздо больше нежели со своими подругами и сверстницами. Рената не любила шумныхъ увеселеній, баловъ и нарядовъ. Она танцевала, потому что этого требовала гра-

финя Адлеркронъ; она была со всѣми вѣжлива и ласкова, потому что этого требовало приличіе.

Когда госпожа фонъ-Верденъ пріѣхала въ Аугсбургъ, Рената чрезвычайно обрадовалась, потому что краткая ласковость и откровенная вѣжность этой женщины были ей отрадны и Рената часто вспоминала о времени, проведенномъ съ нею въ Киссингенѣ. Настоящаго повода ея посѣщенія она не знала. Когда, послѣ стовора Діаны, госпожа фонъ-Верденъ старалась вывѣдать у Ренаты ея желанія, надежды и ея понятія о брачномъ счастьи, она отвѣчала очень спокойно, что не имѣетъ ни какихъ надеждъ и желаній, потому что, вѣроятно, принуждена будетъ покориться волѣ матери. Когда же судьба ея будетъ рѣшена, то она постарается любить и приобрѣсть любовь мужа, и будетъ счастлива, потому что вѣруеть въ Бога, управляющаго судьбами тѣхъ, кто съ унованіемъ предается Его волѣ.

— Милая Рената, можете ли вы представить себѣ бракъ, въ которомъ бы вся сила, всѣ труды и власть были бы на сторонѣ жены, а вся зависимость и нуждающаяся въ попеченіяхъ слабость на сторонѣ физически страждущаго мужа? Можете ли вы себѣ представить эту жену правительницею дома и имѣнія, покровительницею немощнаго, который вознаградитъ ее только благодарною привязанностью? Можете ли вы вообразить въ этой женѣ любовь безъ взаимности, состраданіе безъ пренебреженія, снисхожденіе безъ холодности, твердость безъ жестокости, которыми бы она могла провести бѣднаго больного молодого человѣка по пути жизни, болѣе какъ ангельхранитель нежели какъ женщина? Можете ли вы представить себѣ, что эта женщина должна отказаться отъ чувства, которое одно составляетъ самое милое и самое богатое вознагражденіе за всѣ заботы, скорби и лишенія, — отъ чувства внутренняго, душевнаго согласія съ мужемъ; отказаться отъ всего, что привлекаетъ юное сердце, — отъ страсти, отъ удивленія, отъ сознанія, что она принадлежитъ человѣку, который составляетъ ея опору и ея гордость; отказаться отъ цѣлаго міра радостей, которыхъ

жаждетъ и проситъ сердце, и которыхъ цѣну мы узнаемъ тогда только, когда принуждены отказаться отъ нихъ?

— О! такая задача, кажется, слишкомъ трудна для меня! воскликнула Рената поблѣдивъ.

— Это только одна сторона, милая Рената, и я нарочно описала ее самыми черными красками. Для такого глаза, какъ вашъ, въ этой картинѣ найдется и другая, болѣе свѣтлая: это кругъ дѣятельности, который открывается вамъ и въ которомъ вы будете свободнѣе нежели обыкновенно бываютъ женщины. Позвольте же мнѣ откровенно признаться, что рѣчь идетъ о моемъ братѣ Эгонѣ.

— О вашемъ братѣ? прервала тронутая Рената.

— Да, о моемъ бѣдномъ, сожалѣнія достойномъ Эгонѣ, который до шестого году былъ самымъ милымъ, самымъ братьимъ надеждами ребенкомъ, быть-можетъ немножко слишкомъ зрѣлымъ, слишкомъ нервически чувствительнымъ. Тогда маменька поѣхала съ нами къ своимъ родителямъ. На ночлегъ, въ гостинницѣ, вдругъ сдѣлался пожаръ. Я спала съ маменькою въ одномъ этажѣ, а Эгонъ съ гувернёромъ въ другомъ. Этотъ молодой человекъ, — или для того, чтобы удостовѣриться въ опасности, или оттого что обезпамятѣлъ въ-торопяхъ, — выбѣжалъ одинъ. Хотя онъ тотчасъ же воротился и вынесъ ребенка, однако жъ минута ужасу при внезапномъ пробужденіи среди тревоги, дыму и пламени, такъ сильно потрясла бѣднаго, что съ нимъ въ ту же минуту сдѣлались страшныя судороги, которыя съ-тѣхъ-поръ не оставляли его втеченіи двадцати лѣтъ и возобновляются при малѣйшемъ поводѣ къ волненію и даже безъ всякой причины. Это разстроило его нервы и ослабило организмъ. И такъ какъ всякое напряженіе и физическое и умственное пробуждало недугъ, то его невозможно было принуждать ни къ ученью, ни къ мышленію. Его можно было исподоволь научать только тому, что было ниже горизонта его способностей и что онъ могъ, такъ сказать, руками брать. Отъ природы онъ былъ чрезвычайно любознателенъ, обладалъ острымъ умомъ и понятливостью; оттого онъ въ первое время по привычкѣ, такъ какъ и прежде, все хотѣлъ знать, всему

учиться, обо всемъ спрашивалъ, и тутъ-то мать мучительно, невыносимо было смотрѣть, какъ бѣдная головка старалась преодолѣть слабость, причиненную разстройствомъ физическаго организма. Наконецъ безпокойный духъ принужденъ былъ покориться, отъ утомленія, и теперь онъ уже не чувствуетъ своего недостатка, такъ, что если отсутствіе заботъ можно назвать счастіемъ, то и его можно назвать счастливымъ. Онъ остался пятилѣтнимъ ребенкомъ, какимъ былъ, когда его постигло это несчастіе; сохранилъ добрый, ласковый, благодарный нравъ и охоту къ непрерывнымъ занятіямъ, которыя, конечно, сообразны только съ его способностями, а не съ лѣтами. Оттого онъ возбуждаетъ только состраданіе, а не отвращеніе.

— О! я вѣрю! сказала Рената со слезами на глазахъ.

— Скорбь маменьки была невообразима! Ея сердце прошло черезъ такой рядъ отчаянія, томленія, пламенныхъ и разбитыхъ надеждъ, пожертвованій, тайныхъ и явныхъ страданій, что оно давно уже внутренно сокрушено и только съ-виду еще сдерживается нитями жизни, которыя налагаютъ на нее сознаніе, что потерявъ ее, Эгонъ лишится единственной опоры, если съ неба не сойдетъ ангелъ, которому она могла бы передать судьбу своего сына. Сознаніе быть этимъ ангеломъ, вѣстникомъ милосердія, орудіемъ въ рукѣ Божіей, развѣ не представляетъ свѣтлой стороны въ глазахъ вашихъ?... Притомъ, вы будете неограниченною владѣтельницей всего имѣнія, не будете имѣть нужды отдавать отчета въ томъ, чѣмъ распорядитесь, что устроите или сдѣласте. Вы свободны во всѣхъ своихъ поступкахъ и имѣете надъ собою одного только Бога, а не мужа и не общество, такъ, какъ другія женщины. Мнѣ кажется, что отъ Бога одного зависѣть легче, нежели отъ сложныхъ человѣческихъ отношеній...

— Конечно, правда! сказала Рената со вздохомъ, вспоминая о матери и отношеніяхъ собственнаго семейства.

— Я откровенно высказала вамъ все, Рената, продолжала госпожа фонъ-Верденъ: я ничего не утаила, ничего не прикрасила. Теперь ваша очередь подумать и рѣшить! Теперь

да уже я обращусь къ вашей матушкѣ съ рѣшительнымъ предложеніемъ, потому что это дѣло слишкомъ важно, слишкомъ священно, и я не могу принять вашего слова по одной волѣ вашей матери. Вы сами должны или согласиться или отказать по собственному убѣжденію.

Долго еще госпожа фонъ-Верденъ, проникнутая состраданіемъ къ своему брату, любовью къ матери и довѣріемъ къ молодому другу, говорила съ Ренатою, и та не пугалась суровыхъ картинъ, которыя развертывались передъ нею. Она въ званіи жены Эгона находила много сходства съ монастырскою жизнью, о которой мечтала прежде съ такимъ восторгомъ, и ей показалось, что принять на себя, прогнѣ лишеній и удаленія отъ свѣта, еще обязанности и труды для спокойствія и счастья ближняго; будетъ дѣломъ самымъ богоугоднымъ, назначеніемъ самымъ высокимъ. Она взялась за эту мысль со всею силою пылкой, восторженной и истинно безкорыстной души. Госпожа фонъ-Верденъ не убѣждала, не уговаривала ее больше и дала довольно сроку одуматься. Но Рената уже рѣшилась и была тверда въ своемъ намѣреніи.

Съ графинею Адлеркронъ госпожа фонъ-Верденъ говорила обстоятельнѣе и дѣлала меньше околичностей нежели съ молодою дѣвушкой; представила ей всѣ выгоды, какихъ могло ожидать семейство Адлеркроновъ отъ этого брака, тѣмъ болѣе, что по смерти Эгона жена его останется единственною наслѣдницею огромнаго имѣнія. На этихъ условіяхъ графиня Адлеркронъ согласилась, не безъ возраженій, — для того чтобы не показать слишкомъ большой радости, но въ душѣ она была чрезвычайно довольна, что такъ прекрасно пристроила Ренату.

Госпожа фонъ-Верденъ съ торжествомъ поѣхала въ Эбернахъ и принесла трепещущей отъ страху и радости матери извѣстіе, что черезъ мѣсяць вступитъ подъ ихъ кровлю ангелъ, который готовъ посвятить себя и свою жизнь попеченіямъ объ Эгонѣ. Графиня Доббенекъ опасалась, сомнѣвалась, спрашивала. Она не понимала дѣвушки, и еще менѣе ее матери.

— Дѣвушку вы скоро поимете; мать — никогда, отвѣчала Шарлотта.

Прошелъ мѣсяць. Графиня Адлеркронъ съ дочерью пришла.

— Дитя мое! дочь моя! Богъ благословить приходъ твой въ этотъ домъ! воскликнула графиня Доббенекъ и нѣжно прижала Ренату къ груди, посмотрѣла ей въ глаза, поцѣловала въ лобъ и опять прижимала къ сердцу съ такою любовью, какой Рената никогда еще не испытывала. Она была тронута до глубины души.

Потомъ хозяйка обратилась и къ графинѣ Адлеркронъ, чтобы изъяснить ей свою радость; наконецъ позвонила и спросила, не воротился ли графъ съ прогулки. Сказали, что сейчасъ идетъ. Рената затрепетала какъ передъ смертнымъ приговоромъ. Госпожа фонъ-Верденъ сострадательно взяла ее за руку. Эгонъ вошелъ.

Съ перваго взгляду въ немъ не было ничего отталкивающего. По узкимъ, боязненно сжатымъ плечамъ, не развитымъ рукамъ и тонкому, скорбленному стану, онъ казался высоко и быстро выросшимъ пятнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, а по лицу, еще менѣе развитому, совершеннымъ ребенкомъ. Черты его были не столько мягки, сколько вальды, хотя правильны. У него были большіе, прекрасной формы глаза, какъ у матери, но ихъ почти всегда до половины прикрывали тяжелыя, утомленныя вѣки, которыя отчасти скрывали и тупое, безчувственное выраженіе меланхолин. Красивыя, черныя; но очень рѣдкіе волоса бѣдно осѣняли узкій лобъ, на которомъ не видно было ни одной мысли.

Первымъ чувствомъ Ренаты было состраданіе. Глаза ея невольно наполнились слезами. Эти слезы усладительною росой упали на сердце матери, которая при входѣ Эгона съ боязливымъ ожиданіемъ обратила взоръ на будущую невѣстку.

— Вотъ твоя невѣста, милый Эгонъ, сказала она сыну.

Эгонъ поклонился робко, но пристойно и сказалъ медленно, съ разстановкою, какъ-будто припоминая каждое слово:

— Очень радъ.... очень радъ..... васъ видѣть.

Онъ вовсе не походилъ на обрадованнаго; на лицѣ же было ровно никакого выраженія и движеніе около губъ

можно было принять скорѣе за судорожную корчу мускуловъ, нежели за улыбку. И лицо и глаза его только тогда нѣсколько прояснились, когда его ласкала мать и когда онъ смотрѣлъ на нее. Въ остальное время онъ казался совершенно безстрастнымъ и не принималъ никакого участія въ томъ, что дѣлалъ окружающіе.

Графиня Адлеркронъ взялась составить контрактъ и распорядиться всѣмъ нужнымъ, потому что графиня Доббенекъ, за себя и за сына, объявила напередъ полное согласіе на всѣ условія. Хотя она смотрѣла на Эгона совершенно материнскими, пристрастными глазами, однако жъ не могла не видѣть и того, какую жертву приносить ей сыну Рената, соглашаясь отдать ему руку.

— Слава Богу! говорила графиня Адлеркронъ наканунѣ свадьбы: слава Богу! теперь я исполнила свой долгъ и могу умереть спокойно: я знаю, что старшая дочь моя пристроена, обезпечена, и въ случаѣ нужды можетъ замѣнить меня своимъ сестрамъ. Дѣти мои воспитаны по моимъ строгимъ правиламъ, въ примѣрномъ повиновеніи и благочестіи, и я надѣюсь, что вы, графиня, найдете въ Ренатѣ плоды этого воспитанія.

Графиня Доббенекъ никогда не дѣлала подобныхъ фразъ, однако жъ отъ души благодарила и тайнѣмъ радовалась, что Рената вовсе не походитъ на свою мудрую воспитательницу и не наследовала ея краснорѣчія.

Когда Рената увѣрилась, что ей нечего опасаться ни малѣйшей навязчивости и безпокойства со стороны Эгона, она начала приближаться къ нему и заговаривать о вещахъ, которыя занимали его. Эгонъ, какъ ребенокъ, по инстинкту различалъ, кто съ нимъ ласковъ, кто нѣтъ, и также по-дѣтски былъ спокоенъ съ одними и пугливъ при другихъ. Онъ предлагалъ ей прогулки по саду, показывалъ птицъ, дарилъ цвѣты. Далѣе не простиралась ни его внимательность ни разговорчивость. Но и это были уже такіе знаки благосклонности, какихъ онъ не оказывалъ никому кромѣ матери, и мать была отъ этого въ восторгѣ.

Свадебный обрядъ благополучно совершился въ домаш-

ней церкви. Эгонъ съ точностью сдѣлалъ и сказалъ все, чему его напередъ научили. Онъ сказалъ свое «да» вовремя; былъ спокоенъ и ласковъ и, казалось, понималъ, что приобрѣлъ съ Ренатою счастье. Она не плакала и не трепетала, однако жъ была блѣдна какъ ея бѣлое платье.

Вслѣдствіе ли обыкновеннаго напряженія или яросте потому, что иррично время, черезъ полчаса не выходя изъ церкви съ Эгономъ случился ужасный припадокъ. Его безъ чувствъ отнесли въ его комнату. Графиня Доббенекъ въ это время представляла молодой вѣстивъ всѣхъ домохозяиновъ и какъ-бы славала ей свою верховную власть надъ хозяйствомъ. Такъ какъ она не могла ничѣмъ помочь сыну въ этомъ состояніи и знала, что онъ на рукахъ врача и преданныхъ слугъ, то она обыкновенно пропускала первыя минуты припадка, чтобы не видѣть страшныхъ корчей, которыя разстраивали и ея нервы, а ходила къ нему уже тогда, когда онъ успокоивался. Рената, не обнаруживъ ни малѣйшаго испугу, поклонилась присутствующимъ, чтобы отпустить ихъ, и хотѣла пойти за Эгономъ. Графиня Адлеркронъ остановила ее.

— Останься, Рената! сама мать нейдетъ къ нему. Ты тамъ лишняя. Онъ въ хорошихъ рукахъ.

— Я должна убѣдиться въ этомъ, такъ же какъ убѣдилась его мать, возразила Рената и обратилась къ тѣщѣ, которая въ изнеможеніи опустилась на диванъ.

Рената поцѣловала ея руку и скрѣпя сердце пошла. На половинѣ дороги ее встрѣтилъ докторъ.

— Не ходите! не ходите дальше, графиня! Корчи заразительны.

— Для слабыхъ нервовъ. Мои крѣпки, докторъ! возразила она съ твердостью и вошла въ комнату, гдѣ лежалъ Эгонъ.

Глаза ея отуманились; нервическая дрожь пробѣжала по членамъ, но она укрѣпилась, сѣла недалеко отъ изголовья постели и хладнокровно смотрѣла на дѣйствія врача и слугъ. Когда пароксизмъ кончился, Эгонъ впалъ въ забытье, которое обыкновенно продолжалось нѣсколько дней.

Черезъ полтора часа, когда Эгонъ успокоился, Рената воротилась къ тѣщѣ.

— Не слишкомъ ли много ты полагаешься на свои силы, милое дитя мое? заботливо сказала та, обнимая ее.

— Не думаю, милая маменька, возразила Рената: лучше же мнѣ видѣть это не общественною волею, нежели быть принужденною нечаянно. Теперь сила перваго впечатлѣнія побѣждена.

На третій день послѣ этого графиня Адлеркронъ уѣхала, а вскорѣ потомъ и герцога фонъ-Верденъ.

Графиня Доббенкъ была такъ удивительно добра и такъ привадила въ жизни къ пожертвованіямъ, что эгоизмъ старости вовсе не могъ утвердиться въ ней. Всѣ обыкновенныя требованія и притязанія, которыя дѣлаютъ стариковъ притѣснителями молодаго поколѣнія въ семейномъ кругу, были ей совершенно чужды. Она всячески старалась поставить Ренату на первомъ мѣстѣ и хотѣла исчезнуть вездѣ, гдѣ прежде сама властвовала; такъ, чтобы предоста-вить молодой своей наследницѣ полную свободу привыкнуть и къ новому положенію и къ мысли о своемъ значеніи. Она только поддерживала и поощряла ее милою улыбкой и ласковымъ словомъ или кроткимъ и радушнымъ совѣтомъ, и Рената полюбила ее отъ всей души. Невозможно представить себѣ отношенія прекраснѣе того, какое существовало между этими двумя женщинами, которыя состязались другъ съ другомъ въ изъявленіи любви и уваженія и никогда не впадали въ приторную крайность, потому что всѣ дѣйствія ихъ происходили изъ глубины истиннаго чувства.

Зима прошла несравненно скорѣе и легче нежели Рената ожидала. Графиня Доббенкъ поручила ей все управленіе имѣніемъ, научала и объясняла, такъ, что занятій оказалось очень много. Кромѣ-того она такъ высоко цѣнила дальнѣйшее усовершенствованіе Ренаты въ музыкѣ, что той почти не ставало времени въ непрерывной смѣнѣ трудовъ по хозяйству и пріятныхъ отдохновеній за искусствомъ.

— Это счастливѣйшій годъ моей жизни! говорила Рената лѣтомъ, когда ей минуло семнадцать лѣтъ.

— Дай Богъ, чтобы и всѣ слѣдующіе были подобны ему! отвѣчала тронутая тѣща, цѣлуд ея.

Но вышло не такъ. Ренату постигъ самый чувствительный ударъ, и еще до совершеннаго минованія «счастливейшаго» году ея жизни. Воспаленіе въ груди втеченіи трехъ дней свело графиню Доббенецъ въ могилу. Безпредѣльная скорбь господствовала во всемъ кругу, который она оживляла и которымъ управляла болѣе сорока лѣтъ съ примѣрною заботливостью и любовью. Рената онѣмѣла отъ горести. Теперь только она начала вполнѣ понимать черную сторону своего положенія, теперь только она увидѣла свое ужасное уединеніе и ощутила въ сердцѣ пустоту, которой нечѣмъ было наполнить.

Съ минутою казалось какъ-будто сильное потрясеніе приподняло завѣсу тяготѣвшую на душѣ Эгона. Въ мысляхъ его стала обнаруживаться связь. Потеря такъ поразила его, что онъ по-крайней-мѣрѣ временно постигалъ ея цѣну.

— Теперь никто уже не станетъ любить меня! сказалъ онъ, когда стоялъ съ сестрою и Ренатою у гроба матери.

— И меня тоже! сказала Рената съ глухимъ отчаяніемъ, склонившись надъ милымъ прахомъ.

— Милые! Рената! Эгонъ! воскликнула госпожа фонъ-Верденъ со слезами: а меня вы развѣ ни за что не считаете?

— Да, ты добра, Шарлотта, возразилъ Эгонъ: ты меня любишь, я знаю. Но ты любишь своего мужа еще больше, а Адольфину еще больше.... столько же, сколько маменька любила меня. Я это знаю. Ты не можешь остаться здѣсь управлять домою и смотрѣть за мною, когда я боленъ.... кто же это теперь будетъ дѣлать?

— Я, милый Эгонъ! возразила Рената, изумившись правильности его порядка мыслей: единственное утѣшеніе мое то, что я теперь могу быть полезна тебѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ онъ со слезами на глазахъ: ты хочешь остаться у меня, Рената, покуда я живъ? Ты не оставишь меня? не умрешь?

— Я останусь у тебя, Эгонъ, отвѣчала Рената, положивъ руку на грудь покойницы: я никогда не оставлю тебя; я,

если Богу угодно будетъ, современемъ закрою и твои глаза; я буду любить тебя какъ твоя мать любила меня!

— О, мой ангелъ! вскричалъ Эгонъ съ одушевленіемъ, и лучъ сознанія просіялъ въ его глазахъ.

Но бѣдное тѣло не вынесло напряженія духа, нервы пострадали отъ сильнаго потрясенія. Эгонъ упалъ безъ чувствъ. Когда онъ черезъ нѣсколько дней очнулся отъ летарціи, мать была уже въ могилѣ; сестра воротилась къ мужу и дѣтямъ; Рената осталась одна, совершенно одна въ Эбернахѣ. Эгонъ сдѣлался слабоумнѣе чѣмъ былъ когда-либо.

=

ПОЛЬСКАЯ и ТУРЕНКАЯ ВОЙНЫ,

ВЪ ЦАРСТВОВАНІИ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ.

=

Послѣ севильскаго, вѣнскаго и нонингенскаго трактатовъ, спокойствіе можно было полагать, надолго утвержденнымъ въ Европѣ. «Прагматическая Санкція» императора Карла Шестаго, преобладаніе Англіи на моряхъ и Голштинія съ шведскимъ наследствомъ—вопросы, тревожившіе европейскую дипломатію, были рѣшены. Но едва кончились одни, уже возникли другіе поводы раздора европейскихъ кабинетовъ. Они явились тамъ, гдѣ нельзя было ожидать ихъ—участъ Польши сдѣлалась причиною обширной европейской войны.

Взаимная дружба Австріи, Пруссіи и Россіи казалась прочною. Отказъ прусскому принцу въ супружествѣ съ принцессою Анною не сопровождался ни какими неудовольствиями. Какъ-будто подтверждая преданность свою, король прусскій приежалъ двадцать тысячъ ружей для русской гвардіи, и нѣсколько офицеровъ прусскихъ въ учрежденной тогда въ Петербургѣ кадетскій корпусъ. Его отдарилъ сотнею великоросскихъ Малороссіянъ для его гвардіи. Лятя Барону, король подарилъ ему комѣстье Бугень въ Пруссіи. Когда вознигла несчастная ссора между королемъ прусскимъ и его наглядникомъ, будущимъ ге-

роемъ, российский посоль нѣтался примирить отца съ сыномъ, и именемъ Императрицы старался утишить гнѣвъ раздраженнаго короля. Отношеніемъ прусскаго министра Мардесельда извѣстили Императрицу, что «только ея ходатайство спасло наследнаго принца отъ неизбежной казни, какой подвергся другъ его Катте». Не менѣе дружественны были отношенія къ Россіи императора Карла Шестаго. Кромѣ пожалованія Барону княжескаго титула римскаго императора, ~~и баронства Вартенбергское въ Силезіи (за 375,000 талеровъ),~~ и возвелъ его въ имперскія ~~бароны~~.

Польша, разоренная двадцати-лѣтнею шведскою войною, и постепенно уничтожаемая политикою Петра Великаго, уже являла всѣ признаки царства, готоваго разрушиться. Властитель безъ власти, междоусобія знатныхъ, угнетеніе низшихъ званій, странная форма правленія, крайности народной, роскоши дворянства, власти езуитовъ, неограниченности развѣдочной, уныніе противленій и оборонности; всеи Царство въ необходимому члену. Младшій принцъ Ангустъ Вилхельмъ унаследовалъ престолъ и сдѣлался на его родѣ, вселъ началъ вѣдѣть на себя надѣлся быть королемъ ислѣ его смерти. Была объявлена война пруссамъ родомъ и вѣдѣть въ царстваніи Ангустъ. Ни одна сторона не рѣшилась согласіемъ, и многіе замыслились примиреніемъ. Уже въ 1798 году Ангустъ и Пруссія перевернулись о родѣ Польша. Русское правительство не соглашалось. При тогдашнемъ положеніи Польша, Русскія войска, вѣдѣть того, всегда могли вступити въ Польшу и лаво, не случивъ войны съ Турками, расположились тамъ. Польша вѣдѣть лаво назначенъ временнаго королю Ангусту, болшему, дѣльному, малому, ислѣднему въ лаво. Маломало набралъ такого властителя, который могъ быть вѣдѣть исполнителемъ политики ерѣдей, при соблазнахъ ерѣдичъ, уе дѣній правительства польскаго. Ангустъ, Пруссія и Россія были согласны въ существованіи дѣла. Общину, вѣдѣть дѣлать что не дѣлать вѣдѣть на малый престолъ, на сына Ангустова, на Силезію Лаво. Въ 1799 году, вѣдѣть ключенъ въ Берлинъ договоръ, который Пруссія и Ро-

сія обязались «всѣ прежнія учрежденія, вольности, привилегіи и права Польши поддерживать», и немедленно начать совѣты о томъ, «дабы на польскій престолъ таковой *сукцессоръ* возведенъ былъ, который польской вольности и собѣству онаsenzъ не былъ». Фрактатъ подтвержденъ императрицею Анною сентября тридцатаго 1730 года. Договоромъ 1732 года, заключеннымъ въ Берлинѣ, опредѣлено при замѣшательствѣ въ выборахъ короля придвинуть къ границамъ Польши двадцать тысячъ русскаго, и двѣнадцать батальоновъ и двадцать эскадроновъ прусскаго войска. Курляндія обѣщана прусскому принцу Августу Вильгельму. Избраніе кандидата останавливалось на португальскомъ принцѣ Эммануилѣ, прѣзжавшемъ въ Москву въ 1730 году, и лично извѣстномъ императрицѣ Аннѣ.

Король Августъ не могъ не знать о тайныхъ совѣщаніяхъ сосѣдей, и рѣшился самъ ѣхать въ Польшу и предупредить замыслы ихъ, предложивъ избраніе сына. Онъ готовъ былъ даже отказаться отъ избранія его, если Польша согласится на измѣненія конституціи. Но тщетно думалъ король Августъ убѣдить хотя на нѣкоторыя перемѣны несчастной формы правленія, отыгну пагубной свободы голосовъ, утвержденіе болѣе прочной власти королевской, и прекращеніе неуверенныхъ гоненій за вѣру. Принимая Польшу и другіе вельможи вопіали, просили защиты въ Петербургѣ и Вѣнѣ, называя требованія короля Августа беззаконными покушеніями на польскую свободу, и сами дѣлали предлогъ усилить въ Польшѣ преобладаніе Австріи и Россіи. Огорчаемый противорѣчіями и смятеніями поляковъ, король Августъ умеръ въ Варшавѣ, февраля перваго 1733 года — Геркулесъ тѣлесною силою, Пигмей умомъ и дѣлами. Съ Иоанномъ Собіескимъ кончилась воинская слава Польши — съ Августомъ Вторымъ кончилось ея самобытное политическое существованіе.

Смерть короля Августа привела въ движеніе европейскіхъ дипломатовъ, и расшевелила всѣ страсти поляковъ. Въ Варшаву явились агенты курфюрста Фридриха Августа, сына умершаго короля, и послы Станислава Лещинскаго. Восстающая, бѣдная жертва воли другихъ, Станиславъ КРАКОВСКИЙ по характеру, умѣренный въ желаніяхъ, силосою

по образованію, не могъ отказать зятю своему, и Людовикъ Пятнадцатый предъявилъ права Станислава на польскій престолъ. Дѣятельнымъ сподвижникомъ Станиславъ являлся другъ его, воевода мазовецкій, Станиславъ Понятовскій, нѣкогда сопутникъ Карла Двѣнадцатаго въ Россію и въ Турцію, спасшій его въ битвѣ подъ Полтавою и въ Стральзундѣ, и по смерти Карла Двѣнадцатаго, когда волненія утихли, мирно жившій въ Польшѣ. Опытный въ дипломатической интригѣ, подкрѣпляемый голосомъ Чарторижскихъ, на сестрѣ которыхъ былъ женатъ, Понятовскій надѣялся, что извѣстность Станислава, любовь къ нему Поляковъ, и помощь Франціи, дадутъ средства превозмочь интриги другихъ дипломатовъ, буйные вопли противниковъ, и подкушенные голоса. Безразсудное усердіе Понятовскаго навлекло только на Польшу разорительную войну. Сила рѣшила то, что начала политика.

Несмотря на согласіе избрать принца Эммануила, и равномѣрное несогласіе Австріи, Пруссіи и Польши на выборъ сына Августа, вскорѣ общимъ мнѣніемъ всѣхъ трехъ державъ Эммануилъ былъ устраненъ, и согласіе ихъ получилъ Фридрихъ Августъ, по кончинѣ отца наследовавшій Саксонію. Россію безпокоили справедливыя опасенія, что Эммануилъ будетъ орудіемъ Австріи. Храбрый, ловкій въ обращеніи, но ничтожный и непостоянный по характеру, съ 1719 года вступилъ онъ въ австрійскую службу, надѣялся быть русскимъ императоромъ, и возвратясь безъ успѣха изъ Москвы, при началѣ царствованія Анны, онъ жилъ въ Вѣнѣ, обремененный долгами, и готовый быть польскимъ королемъ, если только позволятъ, или укрыться въ монастырской келліи (дѣйствительно, впослѣдствіи, наскуча свѣтомъ, онъ удалился въ монастырь, и умеръ доминиканскимъ монахомъ). Нѣсколько времени императрица Анна колебалась, думая, не лучше ли согласиться ей на утверженіе Станислава, котораго сильно поддерживалъ Минихъ. Соображеніе другихъ выгодъ и голосъ Бирона рѣшили дѣло въ пользу курфюрста Саксонскаго.

Недостатки Августа Второго выкупались, по крайней мѣрѣ, блестящими качествами, храбростью въ битвахъ,

любовью къ искусствамъ и наукамъ, но сынъ его не имѣлъ даже и этихъ преимуществъ. Великорослый, какъ отецъ его, дожившій почти до сорока лѣтъ въ праздности и бездѣйствіи (онъ родился въ 1696 году), Фридрихъ былъ толстъ, неуклюжъ, лѣнивъ, нерѣшителенъ, подчиненъ волѣ другихъ. Неспособный ни къ войнѣ, ни къ государственнымъ занятіямъ, онъ любилъ искусства по привычкѣ, роскошь по навыку, и ввѣрился во всемъ хитрому и корыстолюбивому министру, графу Брюлю, потому что одна только страсть была у него, гдѣ онъ являлся еще самобытнѣйшѣ—охота. Брюль, надѣявшійся обогатиться въ Польшѣ, и честолюбивая супруга Курфирста (дочь императора Иосифа Перваго) уговорили Фридриха предъявить права на престолъ польскій. Императора Карла Шестаго легко уговорили на согласіе отреченіемъ супруги Фридриха отъ правъ на австрійскій престолъ (вѣнскій трактатъ шестнадцатаго іюля 1733 года). Россіи предложено согласіе Фридриха на совершенное подчиненіе дѣлъ Польши волѣ Императрицы, и отдачу Курляндіи Бирону, съ наслѣдственнымъ титуломъ владѣтельнаго герцога.

Уже до того возрасло въ то время честолюбіе любимца императрицы Анны. Недовольный почестями въ Россіи, человекъ за нѣсколько лѣтъ не допущенный въ сословіе курляндскаго дворянства, хотѣлъ быть властителемъ Курляндіи. Мысль, казавшаяся несбыточною при Меншиковѣ, являлась неудобносполнимою и теперь, хотя Курляндцы совершенно измѣнили свои прежнія отношенія къ Бирону, и еще въ 1730 году признали его дворяниномъ курляндскимъ. Предложеніе Фридриха осуществляло горделивую мечту временщика. Императрица Анна согласилась на желаніе любимца, когда ее увѣрили, что характеръ Фридриха, жадность Брюля и постановленія польскія совершенно обезопасятъ Россію съ восшествіемъ курфирста на престолъ польскій.

Въ іюль 1733 года заключенъ былъ съ Фридрихомъ договоръ, которымъ Россія не только соглашалась на его выборъ, но и обѣщала ему пособіе войскомъ. За то Фридрихъ отказывался отъ всякихъ требованій на Лифляндію, признавалъ императорскій титулъ Россіи, и отдавалъ Кур-

дядю Бироу. Оставалось убѣдить короля прусскаго на послѣднее изъ упомянутыхъ условій. Оскорбленный тѣмъ, что Курляндію отнимали у его сына, онъ угрожалъ союзомъ съ Франціею, потому что Людовикъ Пятнадцатый хотѣлъ не только подкрѣпить избраніе Станислава войскомъ, но грозилъ объявленіемъ войны Австріи, если она не согласится на избраніе Станислава. Полагая правдою политику: «чего не сдѣлалъ сегодня, то усильшишь завтра», Остерманъ убѣдилъ Императрицу не скрепитися короля Прусскаго, и не думать объ угрозахъ Людовика Пятнадцатаго, предоставляя ему сражаться съ императоромъ. Русское войско двинулось къ границамъ польскимъ, когда въ Варшавѣ приступали къ выборамъ.

Несмотря на согласіе примаса (князь Фодора Потоцкаго), старшіе Понятовскаго, адміраля Чарторижскихъ, и общій голосъ за Станислава, партія Фридриха явилась единою, родясь тѣмъ, что за вся готовы поступиться императрицѣ и Россіи. Мая двадцать-третьяго открылся сеймъ для назначенія кандидатовъ. Изъ иностранцевъ предложили донна Эммануэля, принца Фердинанда баварскаго, Фридриха курфюрста саксонскаго, и англійскаго пресвитера, Фрѣстмагъ молъ вѣдомъ канцлера Сенъ-Жоржа. За Станиславѣмъ не было сказано, но Понятовскій умѣлъ наклонить умы всѣхъ къ одной цѣли. Положили отвергнуть иностранныхъ кандидатовъ, утвердили присягою избраніе природнаго Поляка, устраненіе всякаго вліянія иностранцевъ. Бурный избирательный сеймъ собрался въ августѣ въ сядѣ. Великій канцлеръ литовскій, Михаилъ Вишневецкій, обвиненный въ призваніи русскихъ войскъ въ Польшу, епископъ познанскій, Малаховскій, и другіе, отлучившись отъ выборовъ и удалились въ Прагу. Безъ нихъ приступили къ избранію и единодушно выбрали Станислава, тѣмъ болѣе, что сопровождаемый французскимъ полкомъ Делло, онъ неожиданно явился въ Варшавѣ, двятаго сентября.

Съ грустью оставя свое мирное убѣжище, замокъ Шамборъ, переодѣтый пробрался Станиславъ черезъ Германію, гдѣ вердѣ по дорогамъ ждали его посланники императора. Вишневецкій являлся оспаривать президентскій постъ

боях. Отъ ссоры перешли къ саблямъ. Паны рубились на сеймѣ, тогда черни бросилась къ домамъ, запертымъ въ Варшавѣ послами саксонскимъ и русскимъ. Приезди даже пушки, разбила ворота обѣихъ посольскихъ жилищъ, и бодне сорока человекъ убито и ранено съ обѣихъ сторонъ. Вишневецкій, староста сандомирскій, епископъ краковскій, принуждены были снова оставить Варшаву, бѣжали, вмѣстѣ съ русскимъ посломъ, въ Прагу, не могли держаться здѣсь, и удалились въ Венгровъ, ожидая прибытія русскихъ войскъ. Приверженцы Станислава торжественно вѣдали. Шумныя конфедераціи, или сборы войскъ начались повсюду. Послѣдностію движенія Русскихъ предупредили начинавшееся волненіе.

Войско русское собралось въ Ригѣ, подъ начальствомъ генерала Ласси (три полка драгунскихъ и одиннадцать пѣхотныхъ; съ двадцатью-пятью орудіями), и въ Смоленскѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Загряжскаго (осемь драгунскихъ, семь пѣхотныхъ полковъ, съ двадцатью-тремя орудіями, и десяти тысячами казаковъ). Всего было до двадцати шести тысячъ человекъ. Августа двенадцатаго Ласси находился въ Ковно, двадцать-седьмаго къ Гродно, сентября двадцатаго занялъ Прагу. Войско польское не составлявшее даже двадцати тысячъ, и не готовое въ тоны конфедератовъ не могли противиться. Полабче тому, какъ въ 1705 году, немедленно по избраніи Станислава принужденъ былъ оставить Варшаву. Онъ удалился къ Данцигъ, съ французскимъ посломъ, маркизомъ Монти, принасомъ Потоцкимъ, Полятовскимъ, и множествомъ другихъ приверженцевъ. Послѣ небольшой перестрѣлки, Ласси занялъ Варшаву, куда Загряжскій пришелъ октября двадцать-девятаго. Еще до того времени и городъ Станислава былъ торжественно уничтоженъ. Вишневецкій и его сообщники собрались въ Каменѣ, гдѣ къ нимъ избранъ былъ Генрихъ Валов, открыли сеймъ, подъ председательствомъ Адама Цявлинскаго, и были тотчасъ съ часомъ пятнадцати сенаторовъ и шести сотъ дворянъ, дворянъ Фридриха. Онъ объявилъ разные выходы, побуждалъ ихъ, разбивать дробью, армякъ католическую вѣру, двадцатаго ноября приславулъ на востъ короля,

объявлялъ сохранять прежнія вольности и древнія постановленія Польши, и подъ именемъ Августа Третьяго былъ коронованъ въ Краковѣ.

Польша изволивалась всеобщить иттенемъ. Всюду собирались конфедерации, одни въ защиту Станислава, другіе въ защиту Августа, такъ, что Августъ не смѣлъ явиться въ Варшавѣ. Русскіе были отрѣзаны отъ границы вооруженными толпами конфедератовъ. Въ Данцигѣ собралось сильное войско станиславовыхъ приверженцевъ, съ весною ждали туда флотъ и войско французское. Данцигъ упорно стоялъ за Станислава, и не шелъ ни на какия предложенія. Еще неожиданнѣе было начало войны между Франціею и Австріею, рѣшительное и послѣднее, чего нельзя было ожидать отъ безпечнаго Людовика Пятнадцатаго и кроткаго министра его, кардинала Флѣри. Испанія и Сардинія соединились съ Франціею. Англія и Голландія отrekliсь отъ вмѣшательства въ дѣло, и Пруссія колебалась рѣшеніемъ; опасались даже, что она соединится съ Франціею. Императоръ успѣлъ убѣдить короля прусскаго на миръ обѣщаніемъ уступить ему Юлихъ и Бергъ. Занятіе Французами Келя, имперской крѣпости, оскорбило имперію. Король прусскій принужденъ былъ отправить къ императору свой участокъ войскъ. Въ Германіи только Баварія сохранила нейтралитетъ въ начинавшейся войнѣ. Французы вступили въ Италію и заняли Миланъ (декабри двадцать-девятого). Императоръ, не готовый на войну, просилъ помощи Императрицы россійской. Кажется, война будетъ всеобщая и упорная.

Императрица полагала, что прежде всего надобно уничтожить Станислава. Велѣно было Ласси немедленно осадить Данцигъ. Затрудняясь продовольствіемъ и движеніемъ войскъ между конфедератами, онъ дѣйствовалъ медленно, и требовалъ пособія войсками, потому что въ Данцигѣ находилось до пятнадцати тысячъ защитниковъ, городъ былъ укрѣпленъ, имѣлъ большіе запасы, свободное сообщеніе по морю, и ожидалъ прибытія французскаго войска. Съ шестнадцатью тысячамъ войска, и только шестью пушками, лезъ Ласси впередъ Данцигъ въ чернѣхъ числахъ осадилъ, и началъ осторожную блокаду, когда

предложеніе сдачи было горделиво отвергнуто нравитель-
ственному Дидриха. Недовольные дѣйствіями Ласси, при-
нуждены были обратиться къ Миниху, и ему поручить
окончаніе польской войны.

Отношенія Миниха при дворѣ тогда измѣнились. Въ-
место дружбы, между нимъ и Бирономъ началась неприязнь.
Причиною была тщеславіе и гордость Миниха. Едва успѣлъ онъ овладѣть довѣренностью временщика, какъ не
скрывалъ уже болѣе своего къ нему презрѣнія. Остерманъ
успѣлъ воспользоваться неосторожностью соперника, пе-
редалъ Бирону насмѣшливыя отозванія Миниха, и невнима-
тельный въ интриги, Биронъ возненавидѣлъ гордаго фельдмар-
шала. Старались отерять Миниха передъ Императрицею.
Средствъ къ тому было много. Отвсюду слышала она на не-
го безпрерывныя жалобы, даже вся нѣмецкая дворская пар-
тія возстала на Миниха, когда онъ уравнилъ жалованье
нѣмецкихъ офицеровъ съ русскими. До-тѣхъ-поръ, Нѣм-
цы, пріѣзжавшіе въ русскую службу изъ-за границы, полу-
чали вдвое болѣе жалованья, противъ Русскихъ, и не уравни-
вались даже съ урожденцами остъ-зейскихъ областей,
получавшихъ гораздо менѣе. Многихъ оскорбило уничто-
женіе чина гвардейскихъ капитанъ-поручиковъ, и пере-
водъ всѣхъ имѣвшихъ этотъ чинъ въ армейскіе полки. Не
менѣе возбуждала жалобъ, строгость Миниха по должности
петербургскаго полиціймейстера. Минихъ не внималъ ни-
чему, увѣренный въ довѣренности къ нему императрицы,
и въ томъ, что онъ необходимъ въ Россіи. Когда нача-
лось въ кабинетѣ разсужденіе о польскомъ дѣлѣ, Минихъ
стоялъ за Лещинскаго; осуждалъ требованіе Бирону Кур-
ляндіи, чѣмъ оскорбляется Пруссія, и говорилъ, что вмѣ-
сто внимательства въ дѣла Польши, гораздо лучше Россіи
воспользоваться неудачною войною султана съ Персіею,
прекратить набѣги Крымскихъ Татаръ и отнять Азовъ.
«Можемъ возстановить на султана всѣ христіанскіе наро-
ды Греціи, и даже угрожать Царьграду, перейдя за Ду-
най», говорилъ Минихъ. Естественное положеніе Россіи
есть положеніе государства военнаго. Только силою воен-
ною Россія можетъ властвовать въ Европѣ». Императри-
ца не согласилась съ Минихомъ. Онъ оскорбился, пере-

стать известна въ кабинетъ, и еще болѣе быть опасна для насъ, когда испарившему насъ Ласси изручили начальство надъ русскими войсками въ Польшѣ. Дѣйствительно предпринимались враги Миниха его неумѣстной корытливостью. Стараясь уловить его еще болѣе отъ Императрицы, предлагали отъѣхать домой; возмущенный имъ полковъ Замыска Дворца, пришедъ Антону Ульриху, а Миниха перенесъ въ дворянскій домъ на Васильевскомъ Островѣ, аудіенціи у Оскармента. Минихъ узнавъ опасность, овладѣвъ старыми обрѣзками съ Барономъ, и при первомъ предложеніи съ радостью воспринимая принять начальство надъ войсками въ Польшѣ. Отъ наглѣея военная рѣшиму войну, чинитъ Ласси, когда враги его думали употребить къ своему пользу его издевательствъ, и довершить гибель его.

Минихъ дѣлается полковъ Дачингъ марта пятая; съ помощью шведскаго орудія всѣ распоряженія Ласси, полковъ командиромъ отъѣхать горюетъ съ шведомъ, мачетъ осалу, и не гнѣтъ ни на преступитъ. Ему представляли неосторожно войска, артиллерию, принадлежн, невозможность идти въ рѣдъ, и не будутъ отъѣзжаню сообщенію моремъ, и шведскотъ отъ коннедсераго, которыхъ насчитывали до двѣдсати тысячъ въ разныхъ мѣстахъ Польши, когда дѣлится было, что французскій флотъ уже шелъ къ Дачингу, Минихъ отъѣзжалъ, что быстрота предупредить прихода Французскотъ, а сибирскій ударъ расчиститъ коннедсераго; проситъ Императрицу послѣднотъ высылкою русскаго флота, и въ Кроуццата, и короля Августа Третьяго, которотъ писалъ пресмыкою саксонскитъ войска и военной артиллеріи; отъѣзжалъ Ласси охранитъ осалу Дачинга отъ коннедсераго, и генералу Люберасу, назащитнотъ, чинотъ русскити войскама въ Варшавѣ, полковъ командиромъ, итти отътуда къ Дачингу, оставя въ польскотъ столицѣ полковъ отъѣзжалъ. Между тѣмъ дѣлательно распоряжался шведскотъ орденомъ.

Дачингъ находится на берегу Вислы, въ пяти верстахъ отъ береговъ Балтійскаго Моря. Укрѣпленія его состоятъ изъ двѣднотъ бастіонотъ, и были нецѣлостны отъ Вислы, съ восточной и южной стороны, гдѣ болѣеугодно дѣла лицама возможности рѣднотъ границей, и король зашнотъ

иногда еще двумя водными реками. Выступы, съ запада влеклись городомъ, были укрѣждены кронверкомъ, отъ Гельдсберга до Бишофсберга. Сообщеніе съ моремъ открывалъ рядъ укрѣпленій до правому берегу Вислы, до урѣвиста Вейхсельмюнде при устьѣ рѣки, закрытой съ другаго берега дюнетами Вестеръ-шанць.

Минихъ приступомъ взялъ нѣсколько укрѣпленій на Вислѣ, занялъ Эльбингъ, перевезъ оттуда къ Давицгу артиллерию, и повелъ работы противъ кронверка. Мартъ двенадцатаго прекратили сообщеніе Давицга съ Вейхсельмюнде и Вестеръ-шанцомъ, устроивъ батарею на Вислѣ. Генераль-лейтенантъ Загряжскій разбилъ отряды канцеляретовъ, подошедшіе къ Давицгу, а двятаго апрѣля Ласси разогналъ осьми тысячный отрядъ ихъ, шедшій на Торуня. Русскихъ было въ сраженіи не болѣе двухъ тысячъ, и вся потеря ихъ состояла въ одномъ убитомъ и четырнадцати раненыхъ солдатахъ. Въ началѣ апрѣля доставили осадную артиллерию; ее провезли черезъ Пруссію къ открытымъ новозакамъ, называя ихъ экипажами принца Саксонъ-Вейсесфельдскаго. Король прусскій не велѣлъ отнривать таннственныкъ дорожекъ. Апрель девятнадцатаго началось бомбардированіе Давицга. Пожары запылали въ городѣ. Ночью на двадцать-пятое, Русскіе овладѣли сильнѣйшій укрѣпленіемъ на Вислѣ, Зоммеръ-шанцомъ. Апрель двенадцать-осмага, ночью, Минихъ рѣшился взять приступомъ кронверкъ, на высотахъ между Гельдсбергомъ и Бишофсбергомъ. Въ полночь, когда сдѣланы были фальшивыя вылазки на самый городъ, три тысячи человекъ, подъ предводительствомъ генераль-лейтенанта Барятинскаго, и генераль-майора Бирона, устремились на кронверкъ; пяти-тысячный резервъ подкрѣплялъ атаку. Схватка была жестокая. Русскіе перешли рожъ и взобрались на валъ. По несчастію, почти всѣ начальники русскихъ колоннъ были убиты, и нѣмцамъ приниши въ безпорядокъ. Минихъ велѣлъ отступить. Солдаты не слушались и не шли съ вала, гдѣ непріятель порожалъ ихъ губительнымъ огнемъ. Сами Ласси явился среди волаговъ, и самъ убивалъ ихъ въ отступленію. Русскіе потеряли до осьми сотъ человекъ убитыми, до полутора тысячъ ранеными. Неудача раз-

дражва Миниха. Строго подтверждалъ онъ Люберасу необходимость присылкою войскъ изъ Варшавы, угрожая за медленность военнымъ судомъ, и снова прося короля Августа не медлить походомъ Саксонцевъ. Въ началѣ мая явилась небольшая французская эскадра, подъ начальствомъ капитана Барали; она высадилась въ Вейхсельмюнде тысячу пятьсотъ человекъ французскихъ войскъ — бѣдную помощь Людовика Пятнадцатаго послѣ громкихъ посуловъ. Приведенные въ уныніе, стѣсненные упорною осадой, предвидя неизбежное, несчастное окончаніе ея, правители Данцига требовали остановки осады для начатія переговоровъ. Минихъ согласился, но предложилъ условія тяжелыя: безусловную покорность, и выдачу короля Станислава, примака, французскаго посла, и всѣхъ бывшихъ при Станиславѣ Поляковъ. Просили снисхожденія. Вѣсто отвѣта, Минихъ усилилъ осаду. Между-тѣмъ явились остальные французскія войска. Число всѣхъ простиралось до двухъ тысячъ пяти сотъ, и состояло изъ трехъ полковъ, подъ предводительствомъ бригадира ла-Мотта-де-ла-Перуза. Французы заняли островокъ Лаплаттъ въ устьѣ Вислы. Къ Русскимъ пришли Саксонцы, до шести тысячъ человекъ, подъ предводительствомъ герцога Саксен-Вейсенфельдскаго. Ла-Моттъ видѣлъ невозможность избавить отъ осады Данцигъ, и не хотѣлъ бесполезно губить войска, но молодой, храбрый графъ Пелло, полковникъ Брегадон поджа, французскій посолъ при датскомъ дворѣ, находившійся при войскахъ, хотѣлъ сражаться съ русскими *свекрами*. «Вамъ хоро по говорить такъ въ вашемъ кабинетѣ!» отвѣчалъ ему ла-Моттъ. «Я докажу вамъ, что такое умѣю владѣть шпагою, какъ перомъ!» вскричалъ Пелло, взявъ на себя всю отвѣтственность, и мая одиннадцатаго *въ первый разъ* Французы сразились съ Русскими. Мужественно вѣдали они изъ Вейхсельмюнде, и смѣло напали на русскія укрѣпленія, когда изъ города сдѣлана была въ то же время вылазка. Поручивъ отбить данцигскую вылазку генералъ-майору Урусову, Минихъ самъ сталъ противъ Французовъ. Встрѣченные картечью, они принуждены были отступить, когда графъ Пелло, предводительшій атакою, былъ убитъ. Потеря Французовъ простиралась до

ста шестидесяти человекъ. Русскіе потеряли тридцать шесть человекъ. Юня перваго явился русскій флотъ, состоявшій изъ шестнадцати линейныхъ кораблей, шести фрегатовъ, и семи другихъ судовъ. При его приближеніи французская эскадра удалилась восвѣшно, не думая спастись остатковъ французскихъ войскъ. Минихъ началъ бомбардировать съ сухаго пути и съ моря Вейхсельмюнде и островокъ Лаплаттъ, и принудилъ Французовъ согласиться на капитуляцію. Положено, что ихъ перевезутъ, съ оружіемъ, на русскихъ корабляхъ, въ одну изъ балтійскихъ гаваней. Едва сѣли они на корабли, Минихъ объявилъ капитуляцію не дѣйствительною, и захватилъ французскій фрегатъ и два судна, пришедшія въ Данцигъ, съсылаясь на то, что французская эскадра, возвращаясь отъ Данцига, взяла на пути русскій фрегатъ и нѣсколько русскихъ судовъ. Французовъ объявили плѣнными, отобрали у нихъ оружіе, и отправили ихъ въ Кронштадтъ. Вейхсельмюнде сдана тринадцатаго мая. Данцигъ видѣлъ похищаемую гибель, и тщетно испрашивалъ условій болѣе снисходительныхъ, угрожаемый приступомъ. Рѣшился жертвовать всѣмъ, и только спасти короля Станислава. Ночью на семнадцатое мая, переодѣтый въ крестьянское платье, и сопровождаемый однимъ вѣрнымъ слугою, со слезами простился онъ съ своими друзьями, и навсегда оставилъ драгоцѣнную сердцу его Польшу. «Благодарю васъ, говорилъ онъ въ письмѣ жителямъ Данцига: моллю Бога о благоденствіи вашемъ, и горесть мою о разлуцѣ съ вами утѣшаетъ только мысль, что мое удаленіе возвратитъ спокойствіе моей несчастной отчизнѣ». Надлежало пробраться сквозь русскій лагерь, и пробѣжать до границъ Пруссіи. Никто не замѣнилъ тайнѣ бѣглеца, хотя во многихъ мѣстахъ узнавали Станислава, и Минихъ обѣщалъ за поимку его большую награду. На границахъ Пруссіи Станиславъ встрѣченъ былъ съ почестью. Въ Берлинѣ приняли его, какъ короля, несмотря на представленія русскаго и австрійскаго пословъ. «Забываю въ немъ врага вашего, и чту несчаствіе добродѣтельнаго старца!» отвѣчалъ прусскій король.

Ни о какой пощадѣ и уступцѣ не хотѣлъ слышать Ми-

дого рѣшалась война въ Польшѣ. Задержавъ военн. нарушителяго права свои участіемъ въ военныя дѣянія, Россія имѣла полное право; говорили еще, когда императрица Шонти находилась послать при Станиславѣ, королевичѣ Польскаго. Императрица оправдала Миниха, хотя императрица ему не была. Только король Августъ императрицу велимаршалу за завоеваніе королевства пршану и тасою обшашныя брилліантами. На представленіи послать въ Гнѣскаго и голландскаго о задержаніи французскихъ войскъ, вопреки капитуляціи, и нарушеніи правъ шела въ особѣ Шонти, Остерманъ отвѣчалъ обьясновеніемъ; овалъ слышнымъ, что вѣсего возраженіи Людовигу Наполеону тѣмъ велѣлъ немедленно возвратитъ русскій оротавъ и другія суда, и прислалъ въ Петербургъ дипломатическаго агента, Дегана (d'Estang), препоручая ему дружески поучить недоразумѣнія. Пѣвнымъ Французамъ оказаны были всевозможныя пособія. Пись отвели споконина Квиртары въ Парвъ. Французскіе офицеры даже изумлялись въ живности съверныхъ варваровъ, когда ихъ и ла-Мотта пригласили на придворный балъ, отпачавтиса великодушнымъ, и были въ восторгѣ отъ любезности дамъ и ловкости ихъ въ танцахъ. Императрица приказала фрѣйлямамъ возвратитъ пѣвнымъ шпаги, и сама ласково сказала ла-Мотту, что никогда не предполагая воевать съ Французамъ, она проситъ извинитъ ошибку, по которой она попала въ плѣнъ, и радуется, что можетъ теперь увидѣтиса въ самомъ ли дѣлѣ Французы такъ любезны, какъ говорили объ нихъ. — «Государыня!» отвѣчалъ ла-Моттъ — «мы были побѣждены вашими храбрыми войсками, а теперь все бѣтвы готовы признать побѣду надъ нашимъ сердцанамъ великодушной Монархини и съверныхъ красавицъ!» Пѣвныя были отпущены во Францію по прѣздѣ Дегана, но Шонти оставался въ плѣну до заключенія мира.

Минихъ не ошибался, говоря, что взятіемъ Данцига кончатся волненія Польши. Военныя дѣянія продолжались въ 1735 году, но не были важны, хотя число русскихъ войскъ усилено было въ Польшѣ до семидесяти тысячъ, кромѣ казаковъ. Войсками начальствовалъ Ласи, и съ нимъ были генералы принцъ Гессенъ-Голштарнъ

ский, Коицъ, Бисмаркъ (зять Бирона), Карлъ Вирохъ, Цейлихъ, Риницъ, Барятинскій. Консодераты были повсюду разбиты и разсѣданы. Многие изъ нихъ потеряли оружіе и разошлись добровольно. Важнѣе другихъ было дѣло надъ Буссовицкѣмъ, гдѣ воевода Люблинскій собралъ до двадцати-пяти тысячъ войска, но бѣжалъ послѣ авангардной сраженія, и распустилъ свою беспорядочную и худо вооруженную толпу. Король Августъ объявилъ общее прощенье, радостно принятъ былъ въ Варшавѣ и Данцигѣ, и на сеймѣ, надъ предсѣдательствомъ Венцеслава Радзускаго, всѣ несогласія преданы забвенію. Августъ далъ обѣщаніе, что русскія и саксонскія войска немедленно будутъ выведены изъ Польши. Саксонцы дѣйствительно вышли безъ замедленія, но Русскіе оставались. За то Императрица простила Данцигу половину контрибуціи, о чемъ униженно просили ея правители Данцига особенною депутаціею.

Часть русскихъ войскъ, остававшихся въ Польнѣ, приблизилась къ силезскимъ границамъ, а другая сосредоточилась около Кракова. Здѣсь цѣлью была уже не Польша. Когда столь удачно оканчивались дѣла въ Польнѣ, въ Италиі и Германіи вели войну кровопролитную и нерѣшительную. Маршалъ Берланъ былъ убитъ, осаждавъ Филиприсбургъ, но преемникъ его, маршалъ Дасфельдъ, принудилъ крѣпость сдать въ виду арміи, которою начальствовалъ семидесяти-двухъ-лѣтній принцъ Евгенийъ, и гдѣ находился король прусскій, и сынъ его Фридрихъ, въ первый разъ увидѣвшій здѣсь военный огонь. Юный принцъ былъ въ восторгѣ отъ смѣста дѣреть, и въ отчаяніи отъ бездѣйствія Австрійцевъ. Еще хуже шли дѣла императора въ Италиі. Французы и союзники ихъ, предводимые маршалами Вилларомъ, Майльбуа, Коанин и Бролю, разбили австрійскихъ генераловъ Мерси и Кёнигсека, и овладѣли Неаполемъ и Сициліею. Донъ-Карлъ былъ коронованъ королемъ Обѣихъ Сицилій, какъ-будто союзники хотѣли показать, что они хотятъ завоеваній вѣчныхъ. При началѣ кампаніи 1735 года начальство надъ исперскими и австрійскими войсками на Рейнѣ опять ввѣрено было принцу Евгению. Король прусскій отказался отъ союза съ императоромъ, видя, что его только проводятъ обѣщаніями.

Онъ опять готовъ былъ соединиться съ Франціею. Императоръ возобновилъ настоятельное требованіе пособія отъ Императрицы, въ силу трактатовъ. Миниху можно принять начальство въ Польшѣ, оканчивать обезоруженіе коннедатовъ, и выводить войскъ въ Россію, а Ласси съ отдѣльнымъ корпусомъ идти на соединеніе съ арміею императора. Медленность похода показывала, однако жъ, что Россія не относитъ себя за своего союзника. Русскіе выступили изъ Конецполя въ іюнь 1735 года, и шли на Прагу и Моравію тремя отрядами, двадцать верстъ въ день, отдыхая черезъ каждыя два дня. Съ Ласси были Бахмедявъ, Кейтъ и Карлъ Биронъ. Въ Силезіи осматривалъ русскій корпусъ австрійскій фельдмаршалъ Видичекъ, и едва не поссорился за нарушение этикета. Обращался къ Кейту, онъ благодарилъ его за несправедность и порядокъ, называя притомъ Императрицу *Царицею*. Кейтъ отвѣчалъ учтиво, увѣряя въ расположеніи Императрицы къ своему союзнику, *эриц-герцогю австрійскому*. Приведенные въ замѣшательство, австрійскіе генералы отправили въ Вѣну курьера узнать, какъ должно имъ титуловать русскую государыню. Титулъ императорскій былъ признанъ Россіи Англіею (1721 года), Пруссіею (1722), Швеціею (1723), Даніею (1732), Венеціею (1726), и употреблялся въ сношеніяхъ съ императоромъ, но не утвержденъ формально ни императоромъ, ни Турціею, ни Франціею, ни Испаніею, и — что всего страннѣе — Польшею, признавшею его послѣ всѣхъ другихъ государствъ (въ 1764 году). Забывая объ этикетѣ, Карлъ Шестой велѣлъ называть до времени царю русскую Императрицею. Русскіе солдаты удивляли Нѣмцовъ своею выправкою, бодростью и ловкостью. Весь корпусъ Ласси, около 14,000, собрался въ Пильзень, двадцатаго іюля достигъ Нюремберга, и шестнадцатаго августа присоединился къ австрійской арміи подъ Гейдельсбергомъ. До битвы не дошло. Искусными маневрами, Коавни не допустилъ принца Евгенія переправиться черезъ Рейнъ. Въ Италіи все уже принадлежало Французамъ, кромѣ Мантуи, и въ Вѣнѣ шли переговоры. Октября третьяго 1735 года заключенъ былъ миръ, хотя основательныя споры танулись до 1739 года. Слѣдст-

нестъ войны, назначенъ въ Станислава, было отрече-
ніе его отъ польскаго престола, съ сохраненіемъ титула
короля польскаго, и утверженіе Августа Третьяго на
польскомъ тронѣ. Ланчвическій подписалъ трактатъ о томъ
со стороны Россіи, въ Вѣнѣ, въ мѣсь іюльскій 1736 года.
Уступая мѣсь завоеванія, Людовикъ Пятнадцатый призна-
валъ Прагматическую Санкцію. Зато нареченный зпъ
императора, Францискъ, герцогъ лотарингскій, переда-
валъ Станиславу герцогство Барское, а по кончинѣ бодя-
наго герцога тосканскаго, получая Тоскану, уступалъ
Лотарингію, въ повиженное владѣніе Станислава съ тѣмъ,
что по кончинѣ его Вѣръ и Лотарингія навсегда присо-
единяются къ Франціи. За Домъ-Карлосомъ утверждалъ ко-
релевство Обѣихъ Сицилій. Императоръ получалъ Перу
и Піаченну, а Сардинію далъ небольшое возмездіе.
Станиславъ удалился въ свое герцогство, гдѣ сдѣлывалъ
остатокъ жизни благотвореніемъ и тихимъ занятіемъ на-
укамъ, забывалъ бурное поприще прежней жизни. Онъ до-
жилъ до ровныхъ сѣдѣній Польши, и какъ-будто судь-
бою заплаченъ ему за долговременный отдыхъ мучи-
тельною смертію; Станиславъ обгорѣлъ въ каминѣ, по-
скользнувшись въ него печально, и не имѣя силъ встать
отъ драхлости. Онъ скончался въ 1766 году, оставъ благо-
дарное воспоминаніе въ сердцахъ Польковъ и обяза-
тельствующихъ имъ жителей Лотарингіи. Черезъ пяти-
десять лѣтъ потомъ польскіе вѣсны, проходя черезъ Ни-
сен, гдѣ погребенъ Станиславъ, читли благоговѣйнымъ по-
клоненіемъ гробницу его.

Возведеніе на престолъ польскій короля Августа, и уча-
стіе въ окончаніи войны императора съ Франціей, какъ-
будто оживили воинскій духъ русскаго правительства, до-
толѣ помышлявшаго только о мирѣ. Вопреки мнѣнію Ми-
ниха, война съ Турціею была отлагана съ году на годъ,
какъ ни удобно казалось начать ее, когда Надиръ-Шанъ
громилъ Турцію въ Азін, а императоръ готовъ былъ по-
крѣпить Русскихъ, въ силу договоровъ. Въ 1732 году Ко-
ту велѣно осмотрѣть украинскую землю и готовить армию
въ Малороссіи, но дѣло кончилось переговорами русскаго
посла, Неплюева и Вишнякова, въ Шареградѣ. Россія

доставлять на хищения Крымцовъ и нападены Татаръ на Кардаганъ. Диванъ оправдывался, и не слушалъ внушений Франціи, сдержавшей увещанъ султана въ войну съ Россіею. Представляли вступленіе Русскихъ въ Польшу нарушеніемъ договоровъ, но султанъ не хотѣлъ вмешиваться въ польскія дѣла. Насрочно также возбуждали султана престопротенцы: Станислава, и графъ Бонневаль, отважный негодяй, человекъ знатнаго роду, искатель приключеній, бывшій изъ Франціи, и изъ Австріи, гдѣ дослужился до чина фельдмаршала-лейтенанта. Онъ явился въ Царьградъ, принялъ исламизмъ, получилъ чинъ наши, и училъ Турковъ европейской тактикѣ. Война обещала Бонневалою и товарищамъ его непоименной много выгодъ.

Когда Русскіе пошли на Рейнъ, неожиданная рѣшительность описана была Императрицею въ отношеніи къ Турціи. Продолжая переговоры въ Царьградѣ, она велѣла генералу Вейсбаку, начальствовавшему въ Малороссіи, идти съ 20,000 войскъ въ Крымъ, и оружіемъ наказывать дерзость Крымцовъ. Вейсбахъ получилъ повелѣніе, находясь въ дворахъ зрѣла (онъ умеръ въ августѣ). Мѣсто его приказано вступать генералъ-поручику графу Дугласу, но жестокая болѣзнь удержала его. Тогда препоручили начальство генералъ-поручику Леонтьеву, бывшему въ немилости со времени похода его въ Митау, но уцѣлѣвшему при переправѣ, по родству его съ Нарышкиными. Несмотря на приобщеніе осени, Леонтьевъ выступилъ съ войскомъ, болѣею частью конницей, и осью тысячами казаковъ, потому что ему препоручено было только разорить Крымъ и обуздать непокорныя вочевья, пользуясь отсутствіемъ Хана крымскаго въ Дагестанъ. Вступая въ степи черноморскія, Леонтьевъ дѣйствовалъ удачно, жегъ и грабилъ Жорайцовъ, но окончаніе похода было бѣдственно. Огромный обозъ, недостатокъ корма лошадямъ, болѣзнь въ безводной степи при наступленіи ранней осени, губили войско. У Каменнаго Затона ранній снѣгъ покрылъ поля, и Леонтьевъ рѣшился возвратиться въ Украину, не доходя до Крыма. Больше 9,000 человекъ Русскихъ погибло отъ недостатка и болѣзней.

Неудача похода не отвела у Императрицы желанія воз-

вать. Когда въ Царьградѣ съ удивленіемъ спрашивали у русскаго посла, что значитъ неожиданный походъ русскихъ войскъ, получено было письмо Остермана къ великому визирию, гдѣ излагая всѣ прежнія жалобы на Порту, онъ извѣщалъ, что не видя удовольворенія со стороны султана, Императрица принуждена защищать Россію и пользы ея оружіемъ, и потому русскія войска снова пойдутъ въ Крымъ, наказать крымскихъ хищниковъ.

Хотя войною съ Турками исполнялись желанія Миниха, однако жъ онъ сокрушался, видя начало военныхъ дѣйствій безъ него, и порадовался неудачѣ. Биронъ и Остерманъ допустили его до чести предводительствовать войскомъ русскимъ на Рейнѣ, и отдали начальство Ласси, который получилъ отъ короля Августа орденъ Бѣлаго Орла за дѣла въ Польшѣ, и портретъ императора, при пяти тысячахъ червонцевъ, за военную прогулку по Германіи. Миниху должно было между-тѣмъ укротить ничтожныя смутенія въ Польшѣ, когда старому Вейсбаху, осыпанному почестями (онъ получилъ титулъ графа отъ императора, и отъ Императрицы орденъ Святаго Андрея) препоручили походъ въ Крымъ, по смерти его отдали Дугласу, и даже переди Ласонтьеву, оставляя въ бездѣйствіи Миниха. Неудача Ласонтьева, преданнаго строгому суду, принудила по-новому обратиться къ фельдмаршалу. Надлежало защитить Малороссію отъ набѣга Крымцовъ, раздраженныхъ нападками Русскихъ, и приготовить средства для похода въ 1736 году. Надѣялись, что Ласси успѣетъ возвратиться къ открытію похода, и ему хотѣли передать все, что между-тѣмъ приготовить соперникъ его. Минихъ понялъ хитрость, и рѣшился перехитрить Остермана и его друзей. Онъ смиренно благодарилъ Императрицу за новое средство доказать усердіе на службу отечеству, и поспѣшилъ изъ Варшавы въ Малороссію.

Все закипѣло дѣятельностью и ожило надеждами на успѣхъ бытіи Миниха на мѣсто. Готовя войско и запасы, онъ собралъ двѣ арміи, одну расположилъ на Днѣпрѣ, близъ Дерлицынки, другую на Донцѣ, близъ Изюма, отразилъ Малороссію отъ набѣговъ Татаръ, поспѣшилъ въ Воронежъ и Брянскъ, велѣлъ строить въ обоихъ мѣстахъ суда, и дѣлать

взять ихъ по Дону и Днѣпру. Кромѣ обыкновеннаго оружія и артиллеріи, Минихъ приготовилъ множество рогатокъ, каждую въ сажень длиною, и длинныхъ копій въ двѣ съ половиною сажени. Рогатки назначались для огражденія карреевъ, конья для бѣльшей защиты отъ напора Татаръ при ихъ бѣшеныхъ атакахъ. Вторая линія карреевъ должна была держать копья на плечахъ первой линіи, встрѣчавшей непріятеля огнемъ и штыками. Между тѣмъ Минихъ располагалъ планъ похода. Армія отъ Изюма должна была идти къ Азову, осадить и взять его, когда другая армія спустится по Днѣпру и займетъ Крымъ. Планъ былъ одобренъ Императрицею, и не дожидаясь ни окончательнаго приказа, ни прибытія Ласен, Минихъ раннею весною спѣшилъ исполнить его.

Онъ явился въ войскѣ, близъ Изюма собранномъ, въ началѣ марта, и поспѣшно повелъ изъ него шесть полковъ драгунскихъ къ Азову. У крѣпости святой Анны (нынѣ святаго Дмитрія Ростовскаго), присоединилось къ нимъ три тысячи донскихъ казаковъ. Азовскій паша прислалъ спросить Миниха о причинѣ сбора русскихъ войскъ, какъ-будто не зная о войнѣ съ Турціею. Минихъ не отвѣчалъ ничего, и такъ внезапно явился передъ Азовомъ, что шесть сотъ пѣхотниковъ захватили двѣ каланчи на Дону (прежде бывшія крѣпости Сергіевскую и Никоновскую), почти безъ выстрѣлу. Апрѣля третьяго такъ же печально захватили крѣпость Лютинъ, съ потерей только четырехъ убитыми и двѣнадцати ранеными, и обложили Азовъ. По прибытіи генерала Левашева, съ однимъ драгунскимъ и тремя пѣхотными полками, Минихъ сдалъ ему начальство, и апрѣля шестаго отправился къ главной днѣпровской арміи. Апрѣля осьнадцатаго прибылъ онъ въ Царицынку. Полки безъ него собирались медленно, и еще медленно приходили обозы. Изъявивъ жестокой гнѣвъ свой генералъ-фельдцейхмейстеру, принцу Гессепъ-Гомбургскому, и генералъ-крюгсъ-коммиссару, князю Трубецкому, Минихъ выступилъ въ походъ съ тѣмъ войскомъ, какое успѣло собраться, и небольшимъ обозомъ. Ос- тальному войску и обозу велѣно идти сзади отдѣльно.

Войско состояло изъ пятнадцати пѣхотныхъ полковъ

(по 1575), двѣнадцати драгунскихъ (по 1231), десяти легионныхъ, десяти эскадроннъ гусаровъ, пяти тысячъ донскихъ казаковъ, четырехъ тысячъ украинцевъ, трехъ тысячъ запорожскихъ, такъ что число войска простиралось до пятидесяти тысячъ человекъ. Шли пять колоннами, которыми предвели генералы Шингелъ, принцъ Гессенъ-Гомбургскій, Измайловъ, Леонтьевъ и Теремновъ. Минихъ находился при первой колоннѣ. Кроме упомянутыхъ находились при войскѣ генералъ-маіоръ Рѣвницкій, Магнусъ Биронъ, Штоффельтъ, Гейне, Лесліи и Араччези. Войско везло съ собою запасы на два мѣсяца. Рогати раздѣлены были по полкамъ. Казаки шли впередъ, открывая неприятеля. На каждыхъ десяти верстахъ, Минихъ устраивалъ земляные окопы, и въ трехъ мѣстахъ учредилъ крѣпостцы (на Самарѣ, въ Бѣлозерскѣ, и въ Болкерменѣ). Оставляемые въ нихъ драгуны и казаки должны были поддерживать сообщенія съ Россією, прерывать обозы и курьеровъ, и запасать сѣно. Малъ двадцатаго показался неприятель, и девятнадцатаго 20,000 Татаръ окружили передовой отрядъ Шингела. Минихъ самъ кинулся въ атаку съ гусарами. Татары бѣжали. Малъ двадцать-перваго достигли Черной Долины, гдѣ все войско составило огромный карре, имѣя внутри его обозы. Малъ двадцать-шестаго десять тысячъ Татаръ окружили карре, но ихъ обратили въ бѣгство картечью, и двадцать-осямого Русскіе стали у Перекопи, узкаго въ семь верстъ длиною перешейка, простирающагося отъ Чернаго до Азовскаго Моря, и соединяющаго Крымскій полуостровъ съ материкомъ. Отъ одного берега до другаго перешеекъ защищенъ былъ землянымъ валомъ въ десять саженъ вышиною, и ровомъ, въ семь саженъ глубиною и двѣнадцать шириною. Шесть каменныхъ башенъ, съ пушками, расставлены были по валу. Все войско татарскбе стояло за валомъ. Почитая эту преграду недоступною, и зная, что замедленіе было здѣсь важно не менѣе пораженія, потому что войско русское должно было оставаться на истощанной, безводной, палимой солнцемъ степи, Татары помнили бѣдственный Русскимъ приходъ подъ Перекопъ князя Голи-

цыца, въ 1686 году. Минихъ былъ не Голицынъ, и русское войско было пересоздано Петромъ Великимъ.

Минихъ потребовалъ немедленнаго отвѣту отъ хана, требуя кромѣ-того покорности и отдачи Перекопи, безъ бою. Ханъ отвѣчалъ, что удивляется приходу Русскихъ безъ предварительнаго объявленія войны, и предлагалъ начать переговоры. Въмѣсто переговоровъ Русскіе двинулись къ перекопскому валу на разсвѣтъ, и когда Татары думали отбить ихъ пальбою изъ крѣпостей, устремившись отражать ложную атаку въ одномъ мѣстѣ, въ десяти другихъ мѣстахъ, подъ пушечными выстрѣлами, солдаты на штыкахъ взлѣзли на валъ. Раздалось громкое ура! и Татары бросили не только защиту вала, но даже лагерь свой. Въ одной изъ башенъ янычары хотѣли защищаться. Ихъ перекололи штыками. Весь уронъ Русскихъ состоялъ изъ тридцати убитыми и ста семидесяти ранеными. На другой день сдалась Оръ-Капы, крѣпость, находившаяся за перекопскимъ валомъ, и угрожаемая приступомъ; двѣ тысячи пятьсотъ пѣхотныхъ, наша, начальствовавшій въ крѣпости, шестьдесятъ пушекъ (въ томъ числѣ нѣсколько съ русскимъ гербомъ, взятыхъ Татарами у Голицыца, въ 1686 году), были трофеями побѣды.

На военномъ совѣтѣ, собранномъ послѣ того, многіе предлагали остаться въ Перекопи и только посылать для разоренія Крыма легкіе отряды. Минихъ не согласился. Лесняевъ былъ посланъ, съ десятью тысячами человекъ къ Кибурну, крѣпости, находящейся на длинномъ полуостровѣ, простирающемся къ Очакову, и составляющемъ южный берегъ Днѣпровскаго Лимана. Остальное войско русское вступило въ Крымъ, со временъ Іоанна Грознаго не слышавшій звуковъ русскаго оружія, гнѣздо хищниковъ, безнаказанно губившее Россію втеченіи столькихъ вѣковъ!

Походъ Миниха продолжался шесть недѣль, и повсюду былъ означенъ огнемъ и мечомъ. Сначала Татары окружали русскіе карреи, и нападали на нихъ, но порядокъ и устройство русскаго войска дѣлали безуспѣшными всѣ покушенія. Генералъ-маіоръ Гейне, по оплошности допустившій Татаръ, и погубившій отрядъ свой, былъ судимъ и разжалованъ въ солдаты. Юня пятнадцатаго Рус-

скіе заняли и разграбили Козловъ, откуда жители бѣжали въ Бахчисэрай, и турецкій гарнизонъ удалился на судахъ въ Царьградъ. Юня двадцать-седьмого захватили Бахчисэрай, столицу ханскую, столь неожиданно, что сильное войско татарское, защищавшее Бахчисэрай, бѣжало почти безъ битвы. Великолѣпныя дворцы ханскіе, мечети, сады, все погнбло въ пламени. Татары сами зажгли оставленный ими Акмечеть, и начали опустошать все на пути непріятелей, ничего не щадившихъ. Минихъ хотѣлъ ити къ Кафѣ, но принужденъ былъ воротиться.

Войско русское, столь побѣдоносно громившее Крымъ, находилось между-тѣмъ въ состояніи бѣдственномъ, и гнбло не отъ битвъ, потому что Татары нигдѣ не удерживались и бѣжали повсюду. Знойный климатъ, недостатокъ припасовъ, болѣзни отъ употребленія плодовъ, тяжелые переходы, и непрерывная осторожность днемъ и ночью, потому что непріятель пользовался каждымъ случаемъ нападать при малѣйшей оплошности, были причинами безмѣрной потери людей; треть оставшихся живыхъ войскъ составляли больные, и двѣ остальные трети здоровыхъ едва могли двигаться отъ изнеможенія и слабости. Юля семнадцатаго Минихъ возвратился въ Перекопъ, и солдаты обрадовались гнилымъ сухарямъ, привезеннымъ изъ Украйны, когда они не знали счета добычѣ, и видѣли передъ собою драгоценныя плоды въ роскошныхъ садахъ Крыма. Здѣсь получено было извѣстіе отъ Леонтьева: онъ занялъ Кинбурнъ безъ бою; двѣсти пятьдесятъ освобожденныхъ русскихъ плѣнниковъ, пятьдесятъ пушекъ, три тысячи лошадей, тридцать тысячъ овецъ были добычею.

Августа двадцать-осьмого сказанъ обратный походъ въ Россію. Шпигель оставался у Перекопи, охраняя отступление. Три дня разрушали перекопскій валъ, подорвали башни, сожгли Оръ-Капы, и двадцать-седьмого сентября благополучно достигли Самары, гдѣ соединился съ Минихомъ Леонтьевъ, оставя гарнизонъ въ Кинбурнѣ. Шпигель прошелъ отъ Перекопи степями прямо на Вахмутъ.

Такъ кончился крымскій походъ 1756 года. Громкая молва объ немъ разнеслась по Европѣ, и заставила удивлять-

ся смѣлости и искусству Миниха. Солдаты называли его *соколомъ*, генералы и офицеры величали *героемъ*.

Успѣхи Русскихъ не ограничивались Крымомъ. Ласси дѣйствовалъ также удачно. Награжденный за походъ къ Рейну чиномъ фельдмаршала, онъ спѣшилъ къ войску, но Минихъ уже велъ тогда войско русское въ Крымъ черезъ степи. По прибытіи къ мѣсту собранія войскъ на Днѣпрѣ, Ласси нашелъ приказъ Миниха, по которому долженъ былъ принять на себя осаду Азова. Строгий наблюдатель дисциплины воинской, онъ отправился по назначенію, едва не былъ захваченъ близъ Изюма Татарами, и прибылъ мая пятнадцатаго къ Азову. До прибытія его Левашовъ только отбивалъ вылазки осажденныхъ. Ласси началъ осаду упорную. Мая девятнадцатаго контръ-адмиралъ Бредадь привелъ по Дону пятнадцать галеръ, девять прамъ, и другія суда, на которыхъ находилась осадная артиллерія; войско усилено четырьмя пѣхотными и двумя драгунскими полками. Азовъ окружили со всѣхъ сторонъ. Турецкій флотъ явился близъ устья Дона, но не могъ обратиться къ крѣпости. Азовцы храбро защищались. При одной изъ вылазокъ едва не погибъ самъ Ласси, отважно бросившійся въ битву, и окруженный Турками. Бомбами взорвали въ Азовѣ пороховой магазинъ. Іюня двадцать-девятого паша прислалъ договариваться о сдачѣ, и іюля четвертаго вышелъ изъ Азова, съ тремя тысячами четырьмя-стами шестидесятью-тремя челоуѣками остальнаго войска и съ двумя тысячами двѣсти тридцатью-тремя женщинами и дѣтьми; пушкѣ и мортиръ найдено въ Азовѣ до ста-семидесяти-осьми. Оставя здѣсь Левашова, съ четырьмя тысячами, и исправя укрѣпленія, Ласси повелъ остальныхъ семь тысячъ къ Перекопи берегомъ Азовскаго моря. Дорогою встрѣтился съ нимъ отрядъ Шпагеля, и увѣдомилъ объ отступленіи Русскихъ изъ Крыма.

Отвлекая непріятеля, весною велѣли идти съ Волги на Кубань хану Дундуку-Омбо съ его Калмыками. Соединясь съ Донцами, подъ начальствомъ атамановъ Краснощекова и Ефремова, и имѣя до двадцати тысячъ Калмыковъ, Дундукъ произвелъ опустошительный набѣгъ на ногайскія кочевья; взял и сжегъ Копыль, погубилъ бо-

ше двадцати тысячъ человекъ, забралъ въ плѣтъ десять тысячъ женщинъ и дѣтей. Множество скота было добычею казаковъ и Калмыковъ. Многіе Ногайцы спасли себя заплатя окупъ, и общая подданство Императрицѣ.

Ласси и Минихъ отправились въ Петербургъ съ жалобами одинъ на другаго. Ласси наградили за Азовъ Андреевскимъ орденомъ. Миниха, напротивъ, ожидали большія неприятности. Побѣды его дорого стоили Россіи: тридцать тысячъ человекъ погибло въ походѣ, не говоря о потерѣ лошадей, и огромныхъ расходахъ на продовольствіе войскъ. Главнымъ обвинителемъ Миниха былъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій. Миѣніе его раздѣляли братъ Бирона и многіе другіе, такъ, что хотѣли даже арестовать фельдмаршала въ Крыму, и представить о поступкахъ его Императрицѣ. По прѣѣздѣ въ Петербургъ другіе отступились отъ согласія съ принцомъ Гессенъ-Гомбургскимъ, но онъ подалъ Императрицѣ доносъ. Обвиненія состояли въ томъ, что Минихъ бесполезно изнурялъ войско походомъ, не заботился о продовольствіи, держалъ всушную дисциплину, и вступилъ въ Крымъ, не имѣя возможности тамъ удержаться. Минихъ требовалъ суда, и судъ былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ Ласси. Благородный соперникъ совершенно оправдалъ Миниха. Биронъ согласился съ нимъ. Общее презрѣніе было наградою обвинителя, человека недостойнаго своею трусливостью и безнравственностью. Въ довершенію стыда, Биронъ отдалъ Миниху письма принца, писанныя изъ похода, и исполненные клеветъ. Подвиги Миниха награждены были послѣ того помѣстьями въ Украинѣ, и начальство надъ арміею снова ввѣрено было ему. Ласси назначено отдѣльно дѣйствовать въ Крыму, а Миниху поручено взять Очаковъ и идти въ Молдавію.

Зимой Крымцы мстили сильнымъ набѣгомъ на Изюмъ, разорили множество селеній въ Украинѣ и увлекли въ плѣтъ до тридцати тысячъ человекъ. Донской походный атаманъ, Краснощекъ погнался за хищниками, отбилъ у нихъ добычу и разогналъ толпы ихъ.

Извѣстіе о походѣ Миниха произвело сильное негодованіе въ Царградѣ. Народъ кричалъ о вѣроломствѣ Русскихъ и требовалъ войны. «Какъ дечистые вороны, сое-

длинныя войны и дуваства, налегъли въѣзды на побѣду шіи зловъ правокрїа», говорили мусульмане. Малъ малъ этого возмѣнена война Россіи выстоленіемъ подлѣ ея рая бунчуковъ и чтоніемъ ея. Съ третьяго іюня шіи зловъ выгодувать турецкія войска въ бабадатскій лагеръ близъ Дуная, обшчественное мѣсто сбарыща ихъ. Не кончатъ янъзветъ, а утиная тѣмъ народное волненіе, судятъ не только не хотѣлъ воевать съ Россією, но даже старался о мирѣ. Русскій посланникъ оставался на свободѣ, и былъ принимаемъ всюду съ почестью, вопреки обшчаву Турковъ, всегда начинавшихъ войну тѣмъ, что не саканка гребали и заирали въ Семь-башенную крѣпость царьградскую. Причиною уступчивости было затруднительное положеніе Турціи. Стѣсняемая Наполеономъ, доушкнута императора кончатъ войну съ Францією, и Россію уравнился въ Польшѣ, Турція въ одно время услышала о походѣ Русскихъ на Крымъ, и рѣшеніемъ императора соединившись съ Россією по снаѣ договоровъ, и начатъ войну немедленно. Угрожаемая Австрійцами, Турки боодѣйствовали противъ Русскихъ въ 1736 году, только услышавъ гарнизоны въ Очановѣ и другия крѣпости, и заняли Молдавію, предлагая начатъ переговоры. Вишняковъ близъ спущенъ изъ Царьграда съ почестью, и даже угговорилъ ѣхать въ Россію двухъ ренегатовъ, товарищей Бонневала, Меншеарѣя и Рамзе, искусныхъ въ военномъ дѣлѣ. Первый изъ нихъ умеръ дорѣгою; другой былъ принятъ въ русскую службу майоромъ, нохъ именемъ графа Дебаладена (онъ убитъ въ шведскую войну 1741 года). Императрица согласилась на переговоры съ Турцією, но не покидала оружія. Австрійскій посланникъ въ Царьградѣ, Баронъ Тильманъ объявилъ, что если въ первому мая 1737 года неагларія съ Россією не будутъ окончаны, австрійскія войска выеунуть въ походъ. Предложеніе посредничества Франціи, Англїи и Голландїи было отвергнуто. Спорили о мѣстѣ конгресса. Турки предлагали собраться въ Сорфѣ, Русскіе въ Бѣлой Церквѣ, и наконецъ избрали городокъ Немировъ въ Польшѣ. Сюда явились Тильманъ и турецкіе министры: рейсъ-эфенди Мустафа, Рузанае Ашик-Мухаммедъ, секретарь видира, Мухаммедъ Рагубъ.

секретарь ситовъ Мугимодъ-Сандъ; переводчикомъ былъ Александръ Гига, молдавскій господарь; секретаремъ Бушиль-осенди. Съ Тильманомъ пріѣхалъ графъ Вальчекъ. Съ русской стороны явились Шафировъ, Волынскій и Шеплюевъ. Съ ними прибылъ австрійскій посолъ въ Петербургъ, графъ Остейнгъ. Переговоры продолжались съ осьмнадцатаго августа до ноября. Русскіе требовали Крыма, Кубани, Буджака, независимости Молдавіи и Валахіи, и свободнаго плаванія по Черному Морю и Архивелегу. «Требованія должны основываться на законахъ справедливости—вы нарушаете ихъ, а это тяжкій грѣхъ!» говорилъ Турки. Нигъ отвѣчали насмѣшкою: «По корану вы должны предлагать христіанамъ только два условія: смерть или ислѣмизмъ. Начавши съ нами переговоры, вы нарушаете законъ Магомета, и грѣшите болѣе насъ». Умный Турокъ замѣтилъ, что повелѣніе Магомета касается только идолопоклонниковъ, а христіане не идолопоклонники, потому что молятся Богу, одному для нихъ и для мусульманъ.—«Да судитъ Аллахъ между нами и вами, и да падетъ мечъ возмездія на виновныхъ!» сказали турецкіе послы при разставаньи. Какъ можно было предвидѣть, конгрессъ разошелся даже и не начиная мирныхъ переговоровъ.

Между-тѣмъ, еще съ весны война свирѣпствовала на Днѣпрѣ, въ Крыму, и на Дунаѣ. Войско Минниха пополнено сорока тысячами солдатъ, снабжено артиллеріею и запасами. Наученный опытомъ, Миннихъ велъ за собою безконечный обозъ съ припасами, водою, даже дровами, до осьми тысячъ маркитантовъ ѣхали за арміею, такъ, что весь обозъ состоялъ изъ девяноста тысячъ подводъ, и двухъ тысячъ верблюдовъ, кромѣ-того, что часть занасовъ везли на судахъ, построенныхъ въ Брянскѣ, названныхъ дубль-шаюпами, и вооруженныхъ каждое четырьмя пушками. Русскіе двинулись въ началѣ марта, и въ исходѣ апрѣля перешли Днѣпръ тремя отдѣленіями, у Кременчуга, Орлика и Переволочны. Никогда прежде не являлась русская армія въ столь блистательномъ видѣ, и столь многочисленная. Принцъ Антонъ Ульрихъ былъ волонтеромъ при Миннихѣ, и множество знатныхъ молодыхъ людей слѣдовали его примѣру. Даже многіе во-

страшны явились служить волонтеры. Число войскатре-
стиралось до семидесяти тысячъ (шестидесять батальоновъ
пехоты, двадцать девять полковъ драгуновъ, два эска-
дрона конной гварадіи, полкъ кирасиревъ, полторы тысячи
гуляевъ, тринадцать тысячъ кавказовъ, три тысячи артил-
леристовъ и инженеровъ). Артиллерию составляли шесть-
десятъ два осадныхъ орудія, одиннадцать мортиръ, шестъ-
надцать гаубиць, сто шестьдесятъ пять полковыхъ пушекъ,
и триста девяносто двѣ граватныхъ мортирокъ. Миннихъ
былъ главнѣйшимъ командующимъ. При немъ находились: гене-
ралъ-фельдцейхмейстеръ принцъ Гессенъ-Гомбургскій;
генералъ-аншевъ, А. И. Румянцовъ, генералъ-поручикъ
Дюссельсъ, Кейтъ, К. Бранъ, Левендакъ (любимый
звукъ датскаго короля, отличнаго артиллериста), гене-
ралъ-майоры Таранановъ, Магнусъ Бронъ, князь Рин-
кингъ (сынъ фельдмаршала), Штофельтъ, Бакметовъ,
Арачесовъ, и другіе. Цѣлью похода былъ Очаковъ, одинъ
изъ важнѣйшихъ крѣпостей турецкихъ, на Днѣпровскомъ
Лиманѣ, снабженная двадцати тысячнымъ гарнизономъ.
До береговъ Буга войско шло колонною, но переправясь
за Бугъ, построилось въ три каррея, имѣя обозы и артил-
лерию внутри. Отъ Мертвыхъ Водъ Миннихъ быстро по-
вернулъ на Очаковъ, оставляя за собою обозы и артилле-
рию. Юля десятого казаки схватились съ Турками и Та-
тарами подъ Очаковомъ. Освѣщаемое пожаромъ; пред-
нѣствя, зажженнаго Турками, войско расположилось ла-
геремъ. На другой день былъ военный совѣтъ. Очаковъ
ограждался съ трехъ сторонъ высокимъ вѣномъ, двумя
рями и раскатомъ; четвертая, къ лиману, защищалась
только стѣною, но была обстрѣливаема съ флота, стояв-
шаго въ гавани. Миннихъ предложилъ взять городъ при-
ступомъ, потому что непрібытіе днѣпровской флотилии,
и выжженная кругомъ степь могли быть причиною на-
губы при осадѣ долговременной, тѣмъ болѣе, что видяръ,
какъ слышно было, снѣшнѣ на помощь Очакову. Совѣтъ
прервала сильная вылазка осажденныхъ. Показывая видъ,
что хотятъ предпринять осаду, и наиболѣе устремляются
съ слабой стороны, ночью десять тысячъ человекъ залю-
жили редуты по берегу моря и заняли сады преднѣствя.

обладатель, дѣлота новельниковъ турочинъ и штурмъ въ осаду христианъ, достигшихся въ плѣвъ, оставили все остатокъ многочисленнаго народонаселенія и сильнаго гарнизона очаковского. Въ крепости найдено осемьдесятъ осемь пушекъ, семь мортиръ и одна гаубица; триста снарядовъ, девять бунчуковъ, осемь булавъ, дополняли трофеи. Русскіе потеряли въ битвѣ и при занятіи Очакова убитыми десять штыбъ-офицеровъ, пятьдесятъ осемь оберъ-офицеровъ и девять осемьдесятъ семь рядовыхъ, ранеными сто тридцать три офицера и двѣ тысячи семьсотъ рядовыхъ. Подъ Минихомъ убили лошадей другую ранни. Онъ самъ велъ на приступъ немайловскій гвардейскій полкъ; Принца Антона-Ульриха не стучался отъ него, и подъ нимъ также была убита лошадь. Одинъ изъ пажей принца былъ убитъ, другой раненъ, и также поувѣченъ столбіи подлѣ него полковникъ Гомбургъ. Ранены были еще Кейтъ, Ловендаль, Круцовъ и Аракчеевъ. Желая загладить несправедливый упрекъ въ неудачѣ приступа, Минихъ посѣтилъ Кейта, и при всѣхъ сказалъ, что его мужеству обязанъ Очаковомъ.—«Извините, фельдмаршалъ, отвѣчалъ Кейтъ угрюмо: ни упрека въ неудачѣ, ни похвалы за успѣхъ не прилевою себѣ—я только исполнялъ ваши приказанія!»

Минихъ возобновилъ укрѣпленія Очакова, снабдилъ его сильнымъ гарнизономъ, и оставилъ въ немъ командантомъ храбраго Штоффельна. При удачливомъ сѣдѣствіи Ласси и Австрійцовъ, онъ предполагалъ взять Вендербъ, но неудачи въ другихъ мѣстахъ остановили его.

Ласси выступилъ съ береговъ Донца, съ сороча тысячами войска (двадцать пѣхотныхъ, тринадцать драгунскихъ полковъ, и шестнадцать тысячъ казановъ и Калмыковъ). Съ нимъ были генералы Левашевъ, Дугласъ, Шнигелъ, Брюль, Дебрини, Еропкинъ, Детицъ, и другіе. Начавъ было взять Кафу на южномъ берегу Крыма, и утвердивъ на Крымскомъ Полуостровѣ. Послѣ потери Азова и победы Минихова въ 1737 году, султанъ сѣвнилъ хана крымскаго, Капланъ-Гирея, и каудана-нашу, старца Джамуи-Хаджи. Мѣсто первого отдано Фотъ-Гирею, славному вождю въ Дагестанѣ, а другаго храброму Али-нашу. Ханъ сѣвнилъ защищать Крымъ упорно. Ханъ расположилъ вой-

сно за переправку валамъ, а канцеляръ-ваша ждалъ на Азовскомъ Морѣ флотилію русскую, нашедшуюся въ Азовѣ. Ласси, испытанный въ прошломъ году удачно прямиго пути на Калмиусъ и Берду, пропалъ здѣсь, неожиданно являясь на восточномъ берегу Крыма, и повелъ войско по длинной Арабатской косѣ, которая, простиралась поочерной волосою въ море на девяносто верстъ, раздѣляетъ Азовское Море отъ залива въ его, называемыхъ Сивашемъ, для Гидальмъ Моремъ. Ханъ отъишалъ перерѣзать путь Русскимъ у Арабата. Страхъ распространился между русскими солдатами. Всѣ генералы явились къ Ласси, и совѣтовали ему не подвергаться явной опасности, потому что не возможно было выбить Татаръ изъ дѣла ими занятого. «Господа! хладнокровно отвѣчалъ Ласси: на войнѣ всѣ предпріятія не безъ опасности, но что жъ вы думаете дѣлать?» — Воротитесь! былъ общій голосъ всѣхъ, кромѣ Шингеля. — «Я останусь здѣсь съ генераломъ Шинголемъ,» съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ возразилъ Ласси: «но не только позволяю воротиться каждому, кто хочетъ, даже для ирерождения въ Россію по степямъ дамъ конвой, если вы бонтеся Татаръ!» Пристыженные мужествомъ опытнаго вожа, всѣ повиновались безмолвно, и изумились, когда Ласси велѣлъ готовить плоты изъ бочекъ и регатокъ, и на нихъ переправляться черезъ Сивашъ. Считаая Сивашъ непроходимымъ, и испугавшись неожиданной смѣлости Ласси, Татары оставили свою крѣпкую позицію и разбѣжались. Русскіе вступили въ Крымъ.

Не менѣе отважно поступалъ Бредадь, начальствовавший азовскою флотилією. Оставя у Азова большія суда, потому что за мелководіемъ нельзя было провести ихъ въ устьяхъ Дона, Бредадь приплылъ къ Арабатской косѣ на пяти-стахъ мелкихъ шлюпкахъ и лодкахъ, нагруженныхъ вѣдасами, и вооруженныхъ небольшими пушками; отсюда спустился онъ обратно въ Азовъ капитана Дефремери, съ тремя-стами лодокъ и шлюпокъ. Вскорѣ явился капитанъ-ваша, съ двумя линейными кораблями, однимъ фрегатомъ, и осьмидесятью-пятью галерами. Бредадь стоялъ у берега; подъ защитою баттарей. Жестокая буря, июня двадцать-осьмого, разбила у него множество судовъ. На ос-

повѣ, Минихъ не только не посмѣлъ напасть на Бендеры, или на главную армию визвря, стоявшаго на Дунаѣ, но принужденъ былъ поспѣшать возвращеніемъ въ Россію. Это остановило нападеніе Турковъ на Очаковъ. Воняеваль не хотѣлъ оставить столь важной крѣпости въ рукахъ Русскихъ.

Гарнизонъ очаковскій состоялъ изъ осьми тысячъ чело-
вѣкъ. Работы надъ укрѣпленіями, непрерывное опасе-
ніе непріятели, заставлявшее Русскихъ быть безпрестанно
подъ ружьемъ, недостатокъ припасовъ, и осеннее время
при неудобствѣ помѣщенія, производили заразительныя
болѣзни. Умершихъ и больныхъ къ концу сентября было
на половину, когда явился турецкій флотъ и сухимъ пу-
темъ пришло двадцать тысячъ Турковъ и двадцать ты-
сячъ Татаръ. Гибель осажденных казалась неизбежною,
но Штоффельнъ не оробѣлъ. Русская флотилія, при по-
мощи кибурнскихъ баттарей, не допустила турецкаго
флота съ припасами. Съ двадцать-шестого октября до ось-
мага ноября, почти непрерывно производились приступы
непріятели, въдесятеро сильнѣйшаго. Храбро дрались
Рускіе, и искуснымъ дѣйствіемъ артиллеріи, смѣлыми
вылазками, взрывомъ подкоповъ и отчаянною защитою
валовъ, уничтожали всѣ покушенія враговъ, надѣясь, что
Минихъ освободитъ ихъ. Дѣйствительно, при первомъ
слухѣ объ осадѣ Очакова, Минихъ послалъ къ Очакову
Леонтьева съ десятию тысячами войска. Леонтьевъ воро-
тился съ половины пути: потерявъ на приступахъ, и отъ
болѣзней, отъ голоду до двадцати тысячъ, непріятель оста-
вилъ осаду и удалился. Славная защита Очакова восхити-
ла все русское войско. Штоффельнъ былъ пожалованъ чи-
номъ генераль-поручика, и награжденъ деревнями; солда-
тамъ очаковскаго гарнизона выдано не въ зачетъ годо-
вое жалованье. Отряды Турковъ и Татаръ преслѣдовали
Миниха за Бугъ. Запорожцы мстили за то разореніемъ
приморскихъ селеній, спускаясь по Днѣпру въ своихъ лег-
кихъ лодкахъ.

Несмотря на взятія предосторожности, походъ Мини-
ха стоилъ одиннадцати тысячъ строеваго войска, пяти
тысячъ казаковъ, и десяти тысячъ конвойныхъ Малорос-

сіянъ. Главною причиною гибели людей были тяжкіе переходы, климатъ и болѣзни, при недостаткѣ врачей и врачебныхъ пособій, такъ, что треть заболѣвавшихъ на вѣрное умирала. Засуха была необыкновенная, и недостатокъ травы и воды губилъ скотъ и лошадей. Только безопасность непріятеля давала возможность спасать артиллерию, часть которой принуждены были оставить въ Очковѣ, а другую въ Андреевскомъ укрѣпленіи, заложеномъ на Бугѣ.

Явясъ въ Петербургъ, Минихъ снова подвергся большимъ непріятностямъ. Врагъ его, принцъ Гессенъ-Гомбургскій, сказавшійся больнымъ при началѣ очаковского приступа, и выздоровѣвшій по окончаніи его, снова осуждалъ всѣ распоряженія фельдмаршала, доносившаго въ свою очередь объ упущеніи обвинителемъ его многихъ обязанностей. Опять упрекали фельдмаршала за строгость порядка и за трату людей. Оправдаться Миниху было не трудно, и гораздо болѣе оскорбило его донесеніе австрійскаго полковника Беренклау, бывшаго при немъ въ качествѣ чиновника императорскаго. Хвала храбрости русскихъ солдатъ, онъ говорилъ, что «русскіе генералы не годятся даже въ капитаны». Благосклонность Императрицы, ласковость Бирона, и согласіе ихъ продолжать войну, вознаградили Миниха. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій былъ оставленъ въ Петербургѣ. Ласки снова назначили въ Крымъ. Минихъ расположилъ новый планъ войны, надѣясь имѣть болѣе свободы и не сомнѣваясь въ успѣхѣ. Въ февралѣ 1738 года счастливо предупредилъ онъ набѣгъ Крымцовъ на Изюмъ.

Между-тѣмъ, не говоря Миниху, и даже Остерману, Императрица и Биронъ думали не о войнѣ, но объ мирѣ. Страннымъ могло показаться, что Остерманъ тайно отъ всѣхъ велъ переговоры черезъ очаковского пашу, бывшаго плѣнникомъ въ Россіи, но еще страннѣе былъ выборъ посредника, которому довѣрились императоръ австрійскій и императрица россійская. Огорчаясь неудачами, еще въ концѣ 1737 года императоръ соглашался на предложенное посредничество французскаго посла въ Царьградѣ, маркиза Вилльнёва, и далъ ему полномочіе вести тайные пере-

говору, хотя увѣдомилъ о томъ императрицу. Страхась заключенія отдѣльнаго мира между Австрією и Турцією; Императрица также посѣщила уполномочить Вилльиѳа. Остави всѣ прежнія требованія, одного требовала она — Азова. Императоръ ничего не требовалъ, желая только возобновленія прежнихъ трактатовъ. Такимъ образомъ, держава, недавно враждебная Австріи и Россіи; сдѣлалась рѣшительницею жребія войны съ Турцією, и посолъ, котораго прежде старались удалить отъ всякаго вмѣшательства, былъ представителемъ Австріи и Россіи. Турки могли понять, что отношенія къ нимъ Россіи и Австріи совершенно измѣнились, и они не только не хотѣли слышать о мирѣ, но даже предлагали оскорбительныя условія. Время тянулось. Открылся походъ 1738 года, самый несчастный для союзниковъ. Турки приготовились къ войнѣ упорной. Фетъ-Гирей былъ низверженъ. Старикъ Менгли-Гирей, находившійся въ ссылкѣ на островѣ Родосѣ, назначенъ вѣсто него. Великому-визирю причтена въ вину потеря Очакова. Его смѣнили, и кіая, или секретарь визиря, заплатилъ головою за Очаковъ. Планъ принять былъ прежній — не допускать Русскихъ вторгнуться въ Молдавію, и усиленно сразиться съ Австріяцами.

Минихъ предположилъ идти въ Молдавію, стать на Дунаѣ, ужаснуть быстротою движеній непріятеля, и захватить Бендеры и крѣпости на Дунаѣ. Препятствія явились неподолжныя. Миниха огорчилъ отказъ Императрицы успѣть русское войско. Съ пятидесятью тысячами, при недостаткѣ припасовъ, уже въ началѣ мая перешелъ онъ за Днѣпръ при Переволочнѣ. Съ нимъ были Румянцовъ, Загряжскій, оба Бирона, генералъ-маіоры принцъ Петръ Голштейнъ-Бекскій (крестникъ Петра Великаго, вступившій въ службу русскую изъ гессенскихъ полковниковъ), Вутурлингъ, Ливень, Кейзерлингъ, Ферморъ, Рѣпинъ, Философовъ, Аракчеевъ, Хрущовъ, Штокманъ. Левендавъ начальствовалъ артиллерією. Принцъ Ангонъ Ульрихъ, пожалованный въ генералъ-маіоры, и принцъ Гессенъ-Гомбургскій, графъ Изенбургскій (полковникъ гессенъ-кассельскій), графъ Кравфордъ, сынъ герцога Крансфурда, и многіе другіе Англичане, находились волонтера-

ни. Кейгъ, неоправившись отъ тяжелой очаковской раны, оставался съ резервами въ Украйнѣ.

Перейдя Днѣпръ, русское войско достигло Буга тринадцатаго іюня. Оно шло черезъ польскія земли, по теченію Сньюхи и Кодима. Здѣсь узнали, что сильный турецкій корпусъ стоитъ за Кодимомъ. Іюня одиннадцатаго начался набѣды непріятельскихъ отрядовъ. Безпрерывно сражаясь, и продолжая утомительный походъ, въ началѣ августа русскія войска достигли Днѣстра. Тогда Татары, подъ начальствомъ Сафа-Гирея, хана буджакскаго, окружили русскій станъ. На другомъ берегу находился Вели-паша, съ шестидесятью тысячами турецкаго войска, шестидесятью пушками и пятнадцатью мортирами. Крутой берегъ и присутствіе сильнаго непріятеля лишили Русскіе всякой возможности переправиться черезъ Днѣстръ; когда еще болѣе страшный непріятель угрожалъ идти за Днѣстромъ—чума, опустошавшая тогда Бессарабію. Слыша о неудачахъ въ Крыму и на Дунаѣ, Минихъ рѣшилъ отступать, и совершилъ обратный походъ столь осторожнѣе, что непріятель не смѣлъ напасть на него. Трудности похода превосходили всякое вѣроятіе. Окруженные непріятельскими войсками, Русскіе отряжали по десяти тысячъ для добыванія воды, вставая жаждою, и притомъ должны были безпрерывно идти карреемъ и огораживаться рогами. Минихъ не считалъ себя, и являлся повсюду. Бѣда только, уже идя къ Бугу, ослабили предосторожности, гибелью отряда русскаго, отправленнаго за припасами, оправдала предосторожность Миниха, казавшуюся излишнею. Татары сражались въ прибрежныхъ бусракахъ, напали на отрядъ, состоявшій изъ осьми сотъ человекъ, веревъали до четырехъ сотъ, захватили въ плѣнъ двѣсти, и отогнали до двухъ тысячъ воловъ и лошадей. Минихъ не хотѣлъ простить упущенія строгой дисциплины. Немедленно урядъ былъ военный судъ, и нашелъ виновными майора, в чолковника Тютчева, бывшихъ при отрядѣ, бригадира Кантакузена, уличеннаго въ оплошности, и генераль-поручика Загряжскаго, начальствовавшаго корпусомъ, съ котораго посланъ былъ отрядъ. Судъ строго рѣшилъ участь виновныхъ, и Минихъ утвердилъ приговоры: Тютчево

былъ разсѣлять; Запримскій; Кинтакузенъ и майора размалены въ солдаты, и служили въ строю до заключенія мира, когда возвратили имъ прежнiе чины. Минихъ самъ безпрерывно находился съ-тѣхъ-поръ въ аррьергардѣ. Въ концѣ сентября войска русскiя стали на зимнiя квартиры, въ Урайнѣ.

Ласси въ началѣ iюля былъ у Персковицъ, снова укрѣпленной и защищенной Менгли-Гиреемъ, съ сотною тысячами Турковъ и Татаръ. Не трата людей на взятiе вала, Ласси одвинулся влѣво къ Сивашу, обмелѣвшему отъ сильныхъ жаровъ; пользуясь отливомъ моря, обошелъ валъ по морю, не потерявши ни одного человека, и овладѣлъ крѣпостью Чываскула. Съ ужасомъ увидѣли себя Татары угрожавшiе имъ съ тѣмъ, бросили безцѣльные укрѣпленiя Персковицъ, и мгновенно разсѣлись всѣ ихъ многочисленныя толпы. Двѣ тысячи янычаръ, съ нашею, заперлись въ Оръ-Камъ, но нѣсколько выстрѣловъ и десятковъ бомбъ заставили ихъ сдаться. Больше ста пушекъ было взято Русскими. Ласси двинулся къ Кафѣ, но вскорѣ увидѣлъ невозможность исполнить столь отдаленное предпрiятiе. Слѣдствiемъ двукратнаго опустошенiя Крыма было то; что всюду представлялись тамъ, вмѣсто прежнихъ цвѣтущихъ обшчей, безплодныя степи. Города и селенiя лежали въ развалинахъ; поля и сады были брошены; жители скрывались въ горахъ, а между-тѣмъ толпы Татаръ, разбѣгавшiеся при первомъ отпорѣ, слѣдили заждымъ шагомъ Русскихъ, отбивали обозы, больныхъ и отставшихъ, не давая никому пощады, и отчаянно сражались вездѣ, гдѣ только было можно засѣсть въ засаду. Отвага ихъ при видѣ малочисленнаго войска русскаго (его было не болѣе тридцати-пяти тысячъ, но на половину находилось въ немъ больныхъ и слабыхъ) донесла наконецъ до того, что двадцатаго iюля, въ числѣ двадцати тысячъ, напали они на аррьергардъ, опрокинули казачiе отряды, и сняли азовскiй драгунскiй полкъ. Шпигель подослѣлъ на помощь съметыремъ драгунскими полками, бѣжалъ рывкомъ саблею въ лицо при отчаянной схваткѣ, и только нутыки пѣхоты заставили Татаръ бѣжать, потерявши до двухъ тысячъ убитыми. Русскiе лишилисьемъ и

соть человекъ. Но смѣлость нападенія ободрила неврѣтелей, явившихся послѣ того отсюду, и, къ довершенію затрудненій, Бредадь не могъ доставить припасовъ. На двухъ стахъ большихъ лодкахъ, съ сотнею донскихъ лодокъ, подъ начальствомъ атамана Петрова, онъ вышелъ изъ Азова, и присоединился къ арміи Ласси близъ Бердянской Косы, двадцатаго мая. Здѣсь явился сильный турецкій флотъ. Онъ не могъ вредить лодкамъ, стоявшимъ у берега подъ защитою прибрежныхъ батарей. Армія двинулась далѣе, Бредадь шелъ около берега, и у Генча, когда Ласси перешелъ за Перекопъ, русскія лодки снова были атакованы турецкимъ флотомъ. Подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, Бредадь свезъ пушки съ лодокъ на берегъ, увидя, что Турки готовятся напасть на него, перетянулъ свои лодки въ лиманъ за восою. Турки не отступали. Находя совершенную невозможность продолжать путь далѣе, Бредадь принужденъ былъ воротиться къ Генчѣ, куда пришли къ нему на помощь три тысячи Калмыковъ и Донцовъ. Подъ прикрытіемъ ихъ, безпрестанно отстрѣливаясь, русская флотилія достигла Азова. Турецкій флотъ обратился къ защитѣ Кафы. Ласси отступилъ къ Перекопу, еще разъ разорилъ тамешніе укрѣпленія, и въ концѣ августа достигъ Украйны, по тревожнѣйшій неврѣтелемъ. Императрица возвела Ласси въ графское достоинство.

Австрійцы медлили походомъ, хотя еще въ мартѣ Турки открыли военныя дѣйствія и турецкія войска осадили Мегадію. Послѣ слабой защиты, полковникъ Никколомини сдалъ крѣпость. Турки обратились къ Орсовѣ, одной изъ главныхъ крѣпостей пограничныхъ. Тогда только двинулся герцогъ тосканскій и фельдмаршалъ Кенигсекъ. Подъ начальствомъ ихъ были фельдмаршалы Валисъ и Нейпергъ, фельдмаршалъ-лейтенанты Филиппи, Сетюръ, Лобковичъ, семнадцать другихъ фельдмаршалъ-лейтенантовъ и тридцать пять генераловъ, хотя вся армія австрійская простиралась едва до тридцати четырехъ тысячъ. Юли четвертаго Турки напали на лагерь австрійскій при Корнѣ, были отражены, оставили Мегадію и сняли осаду Орсовы, но усиленныя новыми войсками, снова напали на

австрійскій лагерь при Мегалин (іюля пятнадцатаго). Послѣ жестокой битвы, Австрійцы отступили къ Бѣуграду. Орсова сдалась Туркамъ, и двѣ другія важныя крѣпости, Сосендрія и Палашка, слѣдовали ея примѣру.

Горделиво описывали Турки успѣхи свои, называя даже неудачную битву съ Ласси въ Крыму побѣдою. «Ты невѣрныхъ перешли въ адъ по мосту, устроенному изъ сабель нравовѣрныхъ сыновъ пророка!» говорили они, описывая битвы съ Минихомъ, и великолѣпно описывали сраженія съ Австрійцами: «Огонь нашъ подтвердилъ слова кона: «возблещутъ мечи ваши, яко молнія во мракъ и объятые ужасомъ, видя ее блистающую, и громъ гремящій, заткнуть уши невѣрные и обратятся въ бѣгство, но всюду найдете ихъ смерть, хотя убѣгутъ они въ крѣпкія твердыни свои!»

Минихъ понималъ, что не Турки побѣдили его, но тѣмъ не менѣе огорчался неудачею похода, стоившаго большой потери людей. Гибель лошадей и воловъ была такова, что принуждены были сжечь часть обоза и зарывать въ стѣняхъ пушки, ядра и бомбы. Враги Миниха торжествовали, когда онъ слышалъ притомъ о жалобахъ австрійскаго двора, утверждавшаго, что русскій полководецъ умышленно медлил на Днѣстрѣ. Всего горастивѣ было ему то, что чума захвачена была русскимъ войскомъ изъ Молдавіи въ Польшу и проникла въ Украину. Надлежало принимать строгія мѣры, стѣсняяшія Малороссію, и безъ того разоренныхъ трехлѣтнею войною, постыломъ войскъ, посылкою погонщиковъ въ армію, и поборами хлѣба и другихъ потребностей. Едва усиленными предосторожностями прекратилась чума, Татары вторглись въ Украину, и несмотря на быстроту и дѣятельность защиты, успѣли разорить множество селеній. Плѣнныхъ отбили у нихъ на обратномъ походѣ донскіе казаки.

Пора была расплатиться русскому полководцу за все свое неудачи, и онъ славно расплатился въ 1739 году, показавши дарованія превосходнаго полководца, умъ политика, и опытность въ дѣлѣ съ непріятелемъ.

Всего труднѣе было Миниху оправдаться при дворѣ, и испросить наконецъ позволеніе дѣйствовать одному уси-

женскими средствами. Увидишь далѣе, изъ описанія обстоятельствъ, въ какихъ находилась тогда дворъ, и изъ отношеній Барбона, что заставило его извинить неудачный походъ 1738 года, не слушать навѣтовъ непрителемъ Минниха, и не внимать жалобамъ Австрійцевъ.

Положено было Лассен охранять Украину, но предпринятая походы въ Крымъ, и даже вывести войска изъ Кибурна и Очакова, бывшихъ моголою Русскихъ, такъ, что во время обсаденія ими, отъ недостатковъ продовольствія, выгубнаго мнѣнствъ, гибельной вѣстности, и набѣговъ Татаръ, преслѣвавшихъ сообщенія съ Россією, а особливо отъ чумы, порѣбло тамъ до двадцати тысячъ человекъ. Миннихъ долженъ былъ вступитъ черезъ Польшу въ Молдавію, путемъ по которому шель въ 1711 году Петра Великій, и идти на Дунай, гдѣ должны были соединиться съ нимъ Австрійцы:

Когда онъ выколдлся еще въ Петербургѣ, длительно вѣдло было рѣшиться къ походу: Зимною пришли въ Украину гарнизоны изъ Очакова, Кибурна, и съ Буга, изъ Андреевской крѣпости. Въ концѣ марта явился въ Киевъ Миннихъ, и немедленно приказалъ войскамъ воеискамъ подняться съ кибурны въ двадцать четыре часа, и собираться у Киева къ двадцать-шестому апрѣля. Дальнѣе переконды, равняя всема в разливъ Днѣпра проткнули время; такъ, что едѣ седьмого іюня русская армія перешла Днѣпръ. Умо передъ самымъ переходомъ въ Польшу, Миннихъ извѣстля пограничныхъ польскихъ пачальниковъ, что въ силу дружескихъ трактатовъ, русскія императрица введеть свое войско за Днѣстръ черезъ Волынь и Подолію. Извѣстіе изумило и возолновало Польшу. Но слушая возраженій, и не дожидаясь конца переговоровъ, начатыхъ по-этому случаю, Миннихъ не только ввелъ всю свою армію въ Польшу, но и велѣлъ забирать зинисы у жителей. Нанрасно воніали въ Варшавѣ, кричали о сноволіи Минниха, о томъ, что востунокъ Русскихъ влечеть Польшу въ войну съ Турцією; хотѣли даже елою остановить походъ. Миннихъ шель не останавливался; перешель Бугъ въ Константиновѣ, Лигъинѣмъ и Медкибѣмъ, и двадцати-седьмого іюня сталъ на Сбручѣ, рѣкѣ;

впадающей къ Днѣстру выше Хотина, но боясь шибетидъ, что сто тысячъ Турковъ идутъ на него, и не ожидая, что русское войско отсюда окружитъ всевозможнѣю Польшею, усиливившися съ береговъ Днѣпра, такъ, что число ихъ простиралось наконецъ до сорока тысячъ. Минихъ наблюдалъ строгій порядокъ; но объявилъ, что при первомъ непріязненномъ движеніи на него польскихъ войскъ, они раскатятся битвою и оустошениемъ Польши: Русское войско состояло изъ шестидесяти-пяти тысячъ (три батальона гвардіи, сорокъ шесть батальоновъ пѣхоты, три эскадрона конной гвардіи, сто эскадроновъ драгуновъ, шесть эскадроновъ гусарскихъ, полкъ волынскій, три тысячи артиллеристовъ; и тринадцать тысячъ кавказовъ); въ артиллерию изъ шестидесяти-двухъ пушекъ осадныхъ, ста-семидесяти полевыхъ, одиннадцати мортиръ, шестнадцати гаубицъ. Кромѣ Румянцева, Левендала, обоихъ Вирховъ; принца Голштейнъ-Вексбургскаго, Круцина, Рибина; Бахметова, Филоосова, Кейзерлинга, Шилова, Штоциана, въ числѣ генераль-майоровъ были два будущіе полководцы русскіе—Ферморъ и Апраксинъ.

Средствъ за Днѣстръ казачковъ, и объявляясь къ Сбручу, Минихъ считалъ основни движущими непріятеля. Часть Турковъ подошла къ Сбручу; а кавкази, разграбившіе Сорочку и Могилевъ, заставили другую часть Турковъ сдѣлать Вандерн. Ночь двенадцати-осмого, отъѣхавъ на Сбручъ Румянцева, съ тяжелою артиллеріею и обозомъ, Минихъ взялъ двадцать тысячъ войска и на недѣлю припасовъ, въ два дня перешелъ къ Савновицямъ на Днѣстръ, тридцатого переправился на правый берегъ Днѣстра; и свѣшилъ пройти ваднѣстровскія дефилея. Къ досадѣ его проливные дожди снесли мосты. Румянцева не могъ притти къ Савновицямъ ранѣе седьмого августа. Только пятнадцатаго перешла за Днѣстръ вся русская армія; и шестнадцатаго расположилась между рѣкани Прутомъ и Валечкою. Минихъ увидѣлся, услышавши, что доселе не заняты Турками. Они разслабля повсюду отряды казачковъ и Волочковъ; распространяли въ лагерѣ страхъ; что нудъ Ясень прѣвѣжидъ въ Миниху бояре съ изъявленіемъ покорности; и непріятель беззащитенъ: Русскихъ толпы шлоими вѣнчаны. А-

Августа осьмнадцатого и девятнадцатого Русскіе прошли долиною, и расположились на долину, между Прутомъ и Гусою. Сюда начали отсюда сдвигаться турецкія и татарскія войска. Многочисленные толпы ихъ окружили русскіе карреи. Оставя обозы и тяжелую артиллерію, Минихъ тихо надавигался впередъ тремя карреями, до того стѣсненнымъ непріятелемъ, что невозможно было пробѣжать изъ одного каррея въ другой. Генералъ Штокманъ, отважившись на порывъ, былъ схваченъ турецкими наѣздниками въ виду всего войска. Августа двадцать-седьмого, девяносто тысячъ Турковъ и Татаръ отсюда заперли Миниха при селеніи Ставучанахъ. Сераскиръ бендерскій, Вели-паша, сталъ лагеремъ на возвышеніи къ вправо, Эліа-Калчакъ-паша, коммандантъ хотинскій, расположился влѣво, Гемма-Али, паша очаковскій, былъ во фронтѣ, а Исламъ-Гирей, ханъ буджакскій, съ тыла. Турки торжествовали побѣду, говоря, что такъ нѣкогда *Дели-Петро* былъ окруженъ на берегу Прута. Но Минихъ совершилъ черезъ двадцать осемь лѣтъ то, на что хотѣлъ отважиться Петръ Великій. Всю ночь наѣздки непріятельскіе подсаживали къ рогаткамъ карреевъ. Ихъ отбивали картечью. Утромъ, августа двадцать-осьмого, громъ пушекъ раздавался въ лѣвомъ русскомъ карреѣ. Левондакъ, съ тридцатью орудіями, двинулся на Вели-пашу; сильная канонада началась въ среднемъ карре, а между-тѣмъ самъ Минихъ перешелъ рѣку Шуланецъ и болота за нею, наступая на нихъ фашины и доски. Турки волагали здѣсь нѣчто непроходимымъ, и ужаснулись увидя Русскія въ тылу. Отважную атаку янычаровъ отбили картечью. Гренадеры ворвались въ лагерь Калчака-пашы, и ужасъ распространился между непріятелемъ. Въ безпорядкѣ бросились толпы Турковъ и Татаръ, одни къ Хотину, другія къ Бендерамъ. Русскимъ оставалось догонять ихъ. Множество непріятелей погибло въ Прутѣ, и четыре лагера турецкіе доставаны побѣдителямъ, съ сорока двумя пушками, шестью мортарами, артиллерійскими запасами, хлѣбомъ, знаменами, бунчуками. Болѣе тысячи непріятельскихъ труновъ найдено на мѣстѣ сраженія. Русскіе потеряли не болѣе осемьдесятъ часовъ въ убитыми и ранеными.

Никогда прежде не слыхивали о подобной побѣдѣ, и Миникъ умѣлъ вполне воспользоваться ужасомъ Турковъ и бодростью, какую внушило случайное сраженіе войскамъ. «Мы отмстили за позоръ Петра Великаго на Прутѣ!» горделиво говорилъ онъ, и повелъ на другой день свое легкое войско къ Хотину. Дорога была завалена пушками, новозками, оружіемъ, бомбами, ядрами. Все показывало беспорядокъ побѣга и непреодолимый страхъ непріятеля. Въ Хотинъ не дошло и тысячи человѣкъ изъ десяти-тысячъ хотинскаго гарнизона. Едва подошли Русскіе, Хотинъ, считавшійся ключомъ Молдавіи, охраняемый высокими каменными стѣнами, и двумя-стами орудій, сдался безъ выстрѣлу. Калчакъ-паша и эга янычарскій униженно вынесли ключи города, и сдѣлался военнопленнымъ, съ семью-стами-тремя человѣками янычаровъ—остаткомъ гарнизона. Августа тридцать-перваго Минихъ ввелъ въ Хотинъ гвардейскіе полки. Разговаривая съ побѣдителями, Калчакъ-паша приписывалъ все несчастіе замедленію Вели-пашинъ въ Бендерахъ и пропуску Русскихъ сквозь дефиле.

Слыша о стремительномъ бѣгствѣ Турковъ изъ Молдавіи, Минихъ не медлилъ въ Хотинѣ. Сентября четвертаго выступилъ онъ, осьмага перешелъ Прутъ, и одиннадцатаго былъ у Яссы, откуда бѣжали турецкій коммандантъ Булукъ-паша Катирджи-Оглу, съ осьюю тысячами войска, и господарь Гика, столь поспѣшно, что даже оставилъ бунчуки, и бросилъ знамена и пушки. Торжественно встрѣтили побѣдителей бояре молдавскіе. Минихъ потребовалъ сбора припасовъ, составленія охраннаго войска изъ Молдавіи, и платежа двадцати тысячъ червонцевъ на военныя издержки. Слыша, что Вели-паша едва не сдѣлался жертвою ярости янычаровъ, что Турки укрываются только въ Бендерахъ, Измаилѣ, Кишинѣ и Браиловѣ, а остальные ушли за Дунай, Минихъ отправилъ легкіе отряды впередъ, послалъ донскаго атамана Фролова, съ пятью тысячами на Дунай, и самъ готовился итти на Бендеры. Онъ такъ былъ увѣренъ въ успѣхъ, что мечталъ уже о походѣ за Дунай и вѣстимъ Царьграда. «Господь благословилъ вхожденіе твое, и благословитъ исхожденіе твое!» говорилъ Миниху метро-

политы владѣній при торжественной встрѣчѣ его. «Вѣ-
рженіе такъ, и извѣщенія моего вы не скоро дождетесь»,
сказалъ ему; улыбався, Минхъ. Среди такихъ торжествъ,
сентября двѣдцать-четвертого поразило его извѣстіе о ми-
рѣ съ Турціею и приказъ остановить военныя дѣйствія.

Минхъ не зная, что, стараясь его на битвы, въ Це-
тербургѣ нестерпимо ждали извѣстія о мирѣ, Разстро-
билось одержавъ: Императрицы, и болѣзнь, доводившая ее
до гроба; выставляли обвинять всѣ другіе расчеты, и думать
только о перемиріяхъ, какія должна была предпринять ко-
нчилась ей, когда впадала война съ Турками возбуждала
общій ропотъ, неудачи Австрийцевъ заставляли опасаться,
что императоръ заключитъ отдѣльный миръ, и вся сила
Турковъ обратится тогда на Россію. — Опытъ показалъ,
какъ близко достаются победы, и какъ невѣренъ расчетъ
на успѣхи оружія. Польша и Пруссія неъявляли негодова-
нія, одна страдала отъ безполезной войны Русскихъ, другая
возмущалась на нарушенный нейтралитетъ Польши. Все не-
пріязненное были отношенія Швеции, уже готовившейся
на войну. Новыя опасенія внушала Надиръ. Вѣсто на-
деждѣ на Турковъ, онъ предлагалъ Россіи посредничество
на миръ съ немъ, и даже грозилъ войною, если Россія не
уладируется съ султаномъ. Надиръ былъ тогда на вершѣ
славы и власти: послѣдніе подвиги его казались чѣмъ-то
баснословнымъ. Въ 1787 году со ста тысячами войска дви-
нулся онъ на Кандагаръ, полгода осаждалъ его, взялъ при-
ступомъ и «предалъ въ тру пустынь». И когда былъ еще
вѣсилъ Балхъ и занялъ Бухару, подъ предлогомъ укрытія
тальтова въ ней авганскихъ князей, Надиръ неожиданно
пошелъ въ Индію, покорилъ Кабулъ, перешелъ Индъ,
встрѣтивъ войска Великаго Могола, состоявшія изъ трехъ
сотъ тысячъ челоуѣкъ; двѣ тысячи пушекъ и три тысячъ
слоновъ было при нихъ. Съ тридцатью тысячами ударилъ
Надиръ, разбилъ Индійцевъ, и вступивъ въ Дели, ужаснулъ
свирѣпостью, плавалъ въ крови невѣрныхъ. Поцаловъ живъ
несчастнаго потомка Аурангъ-Зебова, онъ потребовалъ со-
кровища его, отнялъ у него даже тронъ, выкованный изъ
золота, осыпанный камнями, и столь огромный, что едва
могли поднять его семь верблюдовъ. Безчисленныя богатства

ства достались Надиру. «Видя ихъ,» писала самовласть, русскій резидентъ Калужкинъ, «мы повѣрили тому что читывали въ сказкахъ, побезумѣли отъ изумленія». Въ самомъ дѣлѣ, описанія силы и добычи Надировою войско было по чести за сказку, и война съ нимъ устрашала Императрицу. По окончаніи похода 1738 года, Вильгельму прешеручала, уже не тайно, мирить Россію и Австрію: съ султаномъ, согласная на все условія. Какъ полномочный: представителем Австріи и Россіи, Вильгельмъ началъ переговоры въ Беттерташѣ, въ ноябрѣ. Требования Турковъ были безмѣрныя. Переговоры тянулись всю зиму, и великій визирь, отправляясь въ походъ въ июнѣ 1739 года, объявилъ, что будетъ говорить о мирѣ съ императоромъ въ Вѣнѣ. Вилльгельмъ отправился за нимъ въ армію, и дѣйствительно, успѣхи Турковъ могли оправдать хвастливыя слова визиря. Вилласть, начальствуя Австрійцами, хотѣлъ освободить Кротскъ, осажденный Турками, отступилъ послѣ упорнаго сраженія, ушелъ къ Бѣлграду, боялся осажаться здѣсь, переправился за Дунай, и не смѣлъ двинуться съ мѣста, когда Турки осадили Бѣлградъ, и сильная крѣпость Бѣлградская, ключъ Венгріи, доведенная до крайности, готова была сдаться. Императоръ ужаснулся, послалъ въ турецкій лагерь генераль-фельдцейхмейстера, графа Нейперга, велѣлъ ему согласиться на все, уступать, чего бы ни потребовали, и мириться, уже не думая о Россіи. Такъ спѣшили отправкою, что забыли даже извѣстить визиря о посылкѣ Нейперга, и Турки, начавши переговоры, считали его не посломъ, но плѣнникомъ. Переговоры были однако жъ начаты. Первымъ условіемъ сдѣлалось соборное предложеніе Нейперга—уступить Бѣлградъ. Турки потребовали еще Сабача, Буковины, Орсовыя вѣсы было уступлено, и миръ подписанъ сентября перваго. Визирь не хотѣлъ ничего говорить о Россіи, и отправился въ Царьградъ. Только въ Ниссѣ, гдѣ остановился онъ, услышавъ о побѣдахъ Миниха, и приказывая собирать войска къ Бабадагъ, Нейпергъ, Вилльгельмъ, и русскій повѣренный, Маніони, убѣдили его мириться, и предварительныя статьи договора съ Россіею были подписаны сегодѣня третьяго. Едва можно было повѣрить условіямъ мира. Россія не

отдавала, правда, ничего, не ничего и не выигрывала. Положено было только уничтожить Азовъ, и не строить на мѣстѣ его крѣпости, прекратить разбой Крымцовъ, возвратити ялѣнскихъ, позволить свободу торговли. О границахъ не было ни одного слова. Остерманъ говорилъ, что главный выигрышъ состоялъ именно въ томъ, что ни о чемъ не было говорено: что не запрещено, то можетъ быть дѣлано. Слѣдовательно, миръ Россіи съ султаномъ велъ только къ новой войнѣ.

Негодование Миниха, установленнаго среди побѣдъ, и принужденнаго отдавать свои завоеванія, было безмѣрное, въ тѣмъ болѣе, что приказано было немедленно очистить Молдавію и сдать Хотинъ. Турки перешли черезъ Дунай столь поспѣшно, что Фроловъ не могъ уже прямо пройти въ Яссы, принужденъ былъ отступить въ Валахію, и перейти въ австрійскія владѣнія, спасаясь отъ преслѣдованія непріятелей. Въ Австріи встрѣтили его непріязненно, окружили стражею, и вели до русской границы, какъ непріятеля, даже не давали ему продовольствія, и тщетно требовалъ онъ удовлетворенія, когда въ нечаянной дракѣ убили нѣсколько казаковъ. Минихъ не хотѣлъ молчать. Онъ изложилъ мнѣніе свое о мирѣ въ письмѣ князю Лобковичу, возбуждавшему негодованіе вѣнскаго двора, такъ, что австрійскіе министры жаловались на Миниха Императрицѣ, и называли письмо оскорбительнымъ. Излагая свои успѣхи «какъ изумленъ и пораженъ я былъ, говорилъ Минихъ, услышавъ, что оружіе императора не знаменуется побѣдою, что Турки торжествуютъ; но могу ли высказать чувства мои при полученіи извѣстія о мирѣ, столь поспѣшно заключенномъ! Неужели не считаете вы мира вашего безславнымъ? Вы отворили Оттоманамъ ворота въ Вѣну, вы заключили такой миръ, котораго не должно было заключать даже тогда, когда непріятель разбилъ бы ваши арміи и стоялъ подъ Вѣною. И что же такое нашъ союзъ? Мы беремъ крѣпости—вы отдаете ихъ! Мы предпринимаемъ непріятелю законы—вы отъ него ихъ принимаете! Хоть подождали бы вы продолженія нашихъ побѣдъ, и тогда могли бы заключить миръ, гораздо выгоднѣе. Едва кончили мы войну въ Польшѣ, едва помогли мы вамъ за-

ключить миръ съ Франціею, какъ предприняли войну съ Турками. Воля ваша была принять и не принять въ ней участіе. Вы говорите, что на васъ были обращены главныя усилія Турціи, и что великій визирь сражался съ вами, но развѣ не противъ насъ были вся сила Татаръ и лучшія войска Турціи? Мы взяли Азовъ, Очаковъ, Хотинъ, три раза брали Крымъ, разбили сильную армию турецкую, и если бы великій визирь явился сражаться съ нами, увѣрю васъ, что ему не такъ легко удалось бы пройти до Кіева, какъ дошелъ онъ до Бѣлграда. Мы избавили бы его отъ дальняго похода, заставля обратится за Дунай, потому что, повѣрьте, русскіе солдаты не уступятъ ни одному въ мірѣ солдату мужествомъ и терпѣніемъ».

Подробно излагая Бирону дѣла свои, «не выдавшій ихъ лично,» говорилъ Минихъ, «не повѣритъ ни мужеству, Русскими оказанному, ни ужасу, на Оттомановъ наведенному».

Препоручивъ Левендаю сдать Яссы и Хотинъ, Минихъ повелъ войско въ Россію. Честолюбіе его могло утѣшиться торжествомъ похода. Слухъ о побѣдахъ и мирѣ гремѣлъ въ Россіи. Имя Миниха славилъ всюду. Польскіе вельможи являлись въ станъ русскій, и не только не спорили о проходѣ войска, но оказывали всѣ пособія, поздравляли побѣдителя, и просили его могучаго покровительства. Въ Кіевѣ встрѣтили Миниха радостными кличками и торжественнымъ привѣтомъ. Императрица звала его и Дасси въ Петербургъ, куда впередъ отправилась гвардія. Всюду на пути учреждены были Миниху встрѣчи. Онъ ввелъ въ Петербургъ гвардію при громѣ пушекъ, звонѣ колоколовъ, «увѣнчанную лаврами», потому что на шляпахъ офицеровъ были приколоты лавровыя вѣтви, присланныя отъ Императрицы. Февраля пятнадцатаго торжествовали миръ. «Война замѣнилась благополучіемъ мира, прекращены набѣги Татаръ, уничтоженъ стыдъ прутскаго трактата, тысячи невольниковъ возвращены отечеству изъ плѣну, охранена торговля и упрочена безопасность наша». Такъ говорила Императрица въ манифестѣ. Послѣ молебна въ придворной церкви, среди своего блестящаго

двора, явилась она, благодарить всѣхъ за усердіе, труды и подвиги, пока герольды ѣздили по городу и бросая медали, объявляли трубнымъ звукомъ о торжествѣ мира. Канцлеръ, князь Черкасскій, отвѣчалъ Императрицѣ рѣчью. На другой день угощали народъ и войско. Нѣсколько дней при дворѣ были обѣды, балы, ужины, маскарады и итальянская опера. Народу сложили за полгода подати. На придворномъ балѣ въ первый день торжества явились Качакъ-паша и другіе плѣнные Турки. Они жили въ Петербургѣ. Пашѣ пожалована была дорогая шуба, и онъ благодарилъ Императрицу рѣчью. Щедро раздавала она всѣмъ награды. Не зная, чѣмъ наградить Миниха, Императрица велѣла тайно узнать его мысли. Минихъ изъявилъ желаніе имѣть титулъ герцога украинскаго. «Фельдмаршалъ очень скромнень въ желаніяхъ,» сказала Императрица, улыбаясь: — «почему не требуетъ онъ титула герцога московскаго?» Миниху дали званіе подполковника преображенскаго полка, брилліантовые знаки андреевскаго ордена, и пять тысячъ рублей пенсін. Ласси получилъ шпагу съ брилліантами, и три тысячи рублей пенсін; Румянцовъ такую же шпагу, и званіе украинскаго штатгальтера (наибѣстника). Орденъ святаго Александра дали сыну Миниха и сыну Остермана. Слѣдующіе чины получили: генераль-поручики Левендаль, Кейтъ, Бисмаркъ и Густавъ Биронъ, генераль-маіоры Рѣпининъ и Хрущевъ. Сынъ Румянцова (будущій герой Задунайскіи), и сынъ Ласси (будущій фельдмаршалъ австрійскій) пожалованы генераль-маіорами. Не говоря о другихъ наградахъ, замѣтимъ, что принцъ Антонъ-Ульрихъ пожалованъ подполковникомъ еменовскаго полка и генераль-поручикомъ. Остерману дали перстень и пять тысячъ рублей пенсін; Черкасскому перстень, и «вмѣсто особенной награды» (по просьбѣ его, скупаго богача, имѣвшаго осемьдесятъ тысячъ душъ крестьянъ,) сложили ему казенную недоимку; Волинскому дано одновременно двадцать тысячъ рублей; Левенвольду пожалованъ перстень, и Ушакову портретъ Императрицы. Милости Бирону, тогда уже герцогу курляндскому, превосходили всѣ другія награды, и изъявлены были «весьма деликатнымъ образомъ». Ему пожалованъ золотой съ

бриллиантами бокалъ. Раскрывши его, онъ нашелъ въ немъ указъ о подаркѣ пол-милліона рублей. Жена Бирона получила бриллиантовые знаки екатерининскаго ордена, дочери портреты, и два сына его (старшему было шестнадцать лѣтъ)—андреевскій орденъ.

Императрица радовалась побѣдамъ, но еще болѣе окончанію войны, миру, не выгодному, по, по-крайней-мѣрѣ, не безславному. Апраксинъ, привезшій извѣстіе о взятіи Хотина, награжденъ былъ александровскимъ орденомъ. Миротворителю Вильнѣву послали, съ сыномъ Неплюева, въ Царьградъ, андреевскій орденъ и богатые подарки. Дозволили даже, по наслѣдству, носить андреевскій орденъ сыну бывшаго въ Царьградѣ посла французскаго, маркиза де-Бонака, получившаго андреевскій орденъ въ 1724 году отъ Петра Великаго. Въ маѣ отправился въ Царьградъ чрезвычайнымъ посломъ Румянцовъ, съ великолѣпною свитою, состоявшею изъ четырехъ-сотъ человекъ. Ему препоручили окончить всѣ недоразумѣнія, полагаясь на его умъ и опытность, потому что онъ былъ уже нѣсколько лѣтъ посломъ въ Царьградѣ при Петрѣ Великомъ, и заслужилъ любовь и довѣренность Турковъ при разграниченіи земель за Кавказомъ.

Такъ кончилась пятилѣтняя война, стоившая Россіи ста тысячъ войска, и многихъ милліоновъ капитала, не говоря объ опустошеніяхъ, которыми сопровождалась она, крови и слезахъ, отъ береговъ Адриатическаго моря до Кубани. Крымъ три раза опустошенный, и Малороссія, изнуренная набѣгами Татаръ, чумою, поборами, и наборами изъ жителей, были печальными жертвами ея. Польша, Молдавія и Валахія также много страдали отъ ея губельныхъ послѣдствій. Россія не получила ничего, но она приобрѣла сознаніе своей силы, и ничего не уступила—великое нравственное преимущество, особливо при потеряхъ и позорѣ Австріи. Война турецкая при императрицѣ Аннѣ вызвала на дѣятельность духъ народа, утѣшила въ бѣдствіяхъ внутреннихъ внѣшними побѣдами, и оградила русскіе предѣлы страхомъ, какой навели Минихъ и Ласси на Крымцовъ. За позоръ прутскій расплатились Русскіе подъ Ставучанами, въ первый разъ вступили въ недоступ-

ный дотолѣ Крымъ, и покорили непобѣдимый до того времени Очаковъ. Ласси и Минихъ явили дарованія полководцевъ, особливо, если соображать средства, какія они имѣли, и отношенія, въ какихъ находились. Переходъ Ласси черезъ Арабатъ, и дѣла Миниха въ 1739 году, навсегда поставили имена ихъ въ число достопамятныхъ русскихъ полководцевъ. Ставучаны родили Кагулъ, какъ Кагулъ родилъ Рымникъ, и отъ побѣды рымникской явилось взятіе Адрианополя. Суровый воинъ, строгій тактикъ, Минихъ былъ наставникомъ, у котораго учились Русскіе воевать, и подвиги ихъ доказывали, что они уже не могли измѣниться на старину послѣ перерожденія ихъ Петромъ Великимъ. Вспомнимъ наконецъ, что взятіе Хотина вдохновило Ломоносова первую одою на русскомъ языкѣ. Услышавъ о побѣдахъ Русскихъ, онъ воспѣлъ ихъ въ невѣдомыхъ дотолѣ, звучныхъ, сильныхъ стихахъ, и вынѣ не потерявшихъ своего достоинства.....

И. ПОЛЕВОЙ.

=

ОБЪЯВЛЕННЫЙ ВЗГЛЯДЪ

НА СЕЛЬСКОЕ ДОВОДСТВО РОССИИ.

==

НѢКОТОРЫЕ ЗАКОНОВЫЕ ЗАМѢСКИ БАРОНА АЛЕКСАНДРА ВОДЕ.

==

Мѣры умеренности въ сельскомъ хозяйствѣ. — Условія для достиженія этой цѣли. — Выборъ управленцевъ. — Управление имѣянн. — Выборъ приказчика и обходненіе съ нимъ. — Обязанности приказчика. — Притѣръ помѣщика на сельскихъ начальниковъ; вліаніе его на нравственность крестьянъ. — Вотчинная контора. — Сельскія библіотеки.

==

На благоразумномъ учрежденіи сельскаго доводства основаны сила и благоденствіе каждаго государства; это истина, которой еще никто не думалъ оспоривать; слѣдовательно, всякое правительство, понимающее истинную свою пользу, должно всѣми зависящими отъ себя мѣрами стараться привести сельское доводство въ возможно цвѣтущее состояніе, въ полной увѣренности, что человѣкъ сытъ, довольный, самъ ничего не затѣетъ дурнаго! Нищаго легче уговорить на воровство, нежели богатаго: такъ надобно приложить всевозможное попеченіе о томъ, чтобы не было нищихъ; а чтобы достигнуть этой богоугодной цѣли, нѣтъ вѣрнѣйшаго средства, какъ привести сельское доводство въ самое цвѣтущее положеніе.

Т. LXIV. — Отд. IV.

4

Безпрерывныя поощренія и значительныя пожертвованія, которыя наше правительство дѣлаетъ для достиженія этой цѣли, служатъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ того, что оно вполне постигло важность этого правила.

Для лучшаго успѣху въ этомъ дѣлѣ, надобно стараться какъ-можно болѣе его облагородить; и кто болѣе къ тому способенъ, какъ не помѣщики наши, въ деревняхъ живущіе?

Для усовершенствованія сельскаго домоводства требуется, чтобы помѣщики или сами въ отпускъ деревняхъ, и лично управляли хозяйствомъ; или имѣли бы вмѣсто себя благонадежныхъ, умныхъ управителей.

Чтобы они устраивали собственное хозяйство по улучшеннымъ правиламъ съ надлежащимъ благоразуміемъ и расчетливостію, принимаясь къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и потребностямъ своего края, просвѣщеніемъ и опытомъ удостовѣриться въ превосходствѣ нововводимой системы передъ прежней.

Чтобы они сами имѣли рачительный надзоръ за полевыми работами крестьянъ, по-крайней-мѣрѣ считали, пока они привыкнутъ къ улучшеннымъ приемамъ, и удостовѣрятся въ ихъ пользѣ.

Чтобы они были убѣждены въ неоспоримой истинѣ, что помѣщикъ, приводящій сельское домоводство въ лучшее положеніе, есть человекъ столь же почтенный и столько же заслуживающій признательность правительства и отечества, какъ и тотъ, который проводитъ свои вѣкъ на службѣ; потому что душа всякаго благоустроеннаго государства — цвѣтушіе финансы, которые при благо устроенномъ сельскомъ домоводствѣ будутъ всегда надежны.

Кто по личнымъ своимъ обстоятельствамъ не можетъ заниматься управленіемъ своего имѣнія, тому надобно стараться имѣть надежнаго управителя, не останавливаясь мелочными расчетами въ заключаемыхъ съ нимъ условіяхъ; потому что человекъ свѣдующій по части сельскаго управленія, и соединяющій съ тѣмъ благородныя правила, съ лихвою вознаградитъ помѣщику расходы на него употребляемые.

Весьма естественно, что добросовѣстный управляющій, радѣющій о пользахъ своего довѣрителя, не понравится многимъ изъ его крѣпостныхъ людей, которые привыкли обманывать и обкрадывать своего господина; они имѣютъ обыкновенно въ личномъ услуженіи при своихъ господахъ родныхъ или свойственниковъ, и черезъ нихъ стараются очернить тѣхъ, которые мѣшаютъ противозаконнымъ ихъ дѣйствіямъ; слѣдовательно, благоразуміе не дозволяетъ обращать вниманія на такое наущничество, унижающее самое достоинство господъ въ глазахъ слугъ, всегда столь охотно пользующихся ихъ слабостью.

Помѣщикъ долженъ судить о достоинствѣ своего управляющаго по его дѣйствіямъ, въ чемъ вѣрнымъ доказательствомъ должно служить благосостояніе крестьянъ, процвѣтаніе вѣреннаго ему имѣнія, и умноженіе, или по крайней мѣрѣ, не уменьшеніе доходовъ съ него.

Помѣщикъ долженъ принимать письменные доносы на своего управляющаго, и изслѣдывать ихъ основательность: если доносъ справедливъ, тогда онъ долженъ взыскивать съ виновнаго по закону; если же доносъ окажется ложнымъ, тогда собственная его польза требуетъ, осудя міромъ, строго наказать доносчика, въ примѣръ другимъ, — иначе ни одинъ порядочный человекъ не захочетъ у него служить, и тогда дѣла его дрийдутъ неминуемо въ совершенное разстройство; потому что управитель, не имѣющій честныхъ нравствъ, будетъ только стараться угодить доносчикамъ, и въ согласіи съ ними расхищать достояніе своего довѣрителя.

Совершенства мы ни отъ кого не можемъ требовать, зная, что въ мірѣ ничего нѣтъ совершеннаго: слабостями, исходящими отъ слабости того, кому мы вѣрили назло деспотизма, не причиняютъ намъ дѣйствительнаго вреда, но собственная наша польза требуетъ, чтобы мы смотрѣли на нихъ какъ на неизбежную принадлежность человеческой природы.

Обоюдно выгоднѣйшее условіе есть, безъ сомнѣнія, то, чтобы дать управляющему опредѣленную часть съ чистыхъ доходовъ; тогда собственная его выгода заставитъ его со всевозможнымъ усердіемъ стараться приводить

вѣренное ему имѣніе всё болѣе и болѣе въ идущее и прочное состояніе.

Въ счетъ расходовъ должно быть отнесено все, что касается до управленія имѣніемъ, содержаніе хозяйства, фабричное производство, и прочее; но прихоти помѣщика, какъ на примѣръ, постройки до экономической части не относящіяся, украшенія, и тому подобное, не должны входить въ счетъ общихъ расходовъ, и относятся на счетъ полученнаго помѣщикомъ дохода.

Одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ при управленіи вотчиною долженъ быть тотъ, чтобы улучшить благосостояніе крестьянъ, придерживаясь весьма основательнаго правила, что когда крестьянинъ богатъ, тогда богатъ и его помѣщикъ; это правило относится и ко всякому правительству: чѣмъ болѣе оно имѣетъ мощныхъ гражданъ, тѣмъ болѣе утверждается собственная его сила.

Богатый крестьянинъ можетъ содержать болѣе рабочаго скота, и имѣть въ лучшемъ видѣ земледѣльческія орудія и всякую деревенскую збрую; а потому онъ тогда болѣе владѣетъ средствами къ тщательнѣйшей обработкѣ полей своихъ и господскихъ; а чѣмъ тщательнѣе воздѣланы поля, тѣмъ болѣе они дадутъ доходу.

Естественно, что земледѣлецъ, живущій въ полномъ довольствѣ, охотнѣе примется за улучшенныя нововведенія въ хозяйствѣ, особенно если онъ имѣетъ передъ глазами удачныя опыты, произведенныя его же руками въ экономіи своего помѣщика; и тотъ, кто его научаетъ полезнымъ нововведеніямъ, навѣрное приобрететъ его довѣріе и признательность.

Когда крестьянинъ богатъ, онъ охотно и своевременно уплачиваетъ казенныя и общественныя повинности: эти самыя правительству обезпечиваются въ полученіи своихъ доходовъ.

Обратимся теперь къ управленію имѣніемъ. Если помѣщикъ управляетъ самъ, то это болѣею частію служитъ доказательствомъ, что онъ имѣетъ къ тому охоту и достаточныя свѣдѣнія; или по-крайней-мѣрѣ желаетъ ихъ приобрести. Какъ ему нельзя вездѣ успѣвать, то естественно, онъ захочетъ имѣть прикащика, и въ этомъ случаѣ на-

дбно быть весьма осмотрительнымъ и опытнымъ въ выборѣ, отъ котораго ббльшую частію зависить успѣхъ распоряженій старшаго.

Если у помѣщика есть воспитанникъ образцовой фермы, то это всего лучше; только не надобно его баловать; и для этого требуется большая сноровка: не возвышать человека выше той точки, на которой долженъ быть прикащикъ; но между-тѣмъ сдѣлать такъ, чтобы онъ всегда находился въ надлежащемъ разстояніи отъ тѣхъ, кому онъ долженъ приказывать отъ имени своего господина.

Онъ не долженъ имѣть повода забываться передъ своимъ господиномъ, но и не долженъ трепетать передъ нимъ; его надобно поставить на такую ногу, чтобы исполняя въ точности приказанія своего господина, онъ могъ всегда высказать ему свое мнѣніе свободно, не опасаясь грубаго отвѣту.

Прикащикъ можетъ имѣть неосновательное мнѣніе такъ же, какъ и всякой другой; въ такомъ случаѣ надежнѣйшее средство его вразумить есть то, чтобы ясно и со снисхожденіемъ доказать ему, что онъ ошибся: если же напротивъ того, мнѣніе господина ошибочно, и прикащикъ успѣетъ ему это доказать, то благоразуміе и благородство души требуютъ, чтобы не краснѣя и не досадуя, сознаться въ своей ошибкѣ, поблагодаривъ того, кто успѣлъ насъ вывести изъ заблужденія: такой великодушный примѣръ докажетъ подчиненному, что нѣтъ стыда сознаться въ ошибкѣ; и онъ самъ охотно признаетъ свою ошибку, когда его мнѣніе окажется неосновательнымъ, хотя бы и подчиненнымъ случилось доказать ему это. Кичливость господина къ прикащику возродитъ кичливость послѣдняго къ мужикамъ, и тогда многое дѣлается дурно, что при благоразумнѣйшемъ обоюдномъ поведеніи дѣлалось бы хорошо, съ соблюденіемъ вотчинной пользы. Вообще система подобострастія и лести никогда не поведетъ къ добру, а гораздо легче и вѣрнѣе достигается полезная цѣль, когда каждому дозволено быть усерднымъ по силѣ его разумѣнія, не опасаясь отъ старшаго недовольнаго взгляду или грубаго отголосковенія. Домъ для прикащика долженъ быть на господскомъ дворѣ, или по-крайней-мѣрѣ въ близкомъ раз-

стояли отъ него, чтобы не далеко было за ними скондись, когда господинъ имѣеть въ немъ надобность, и чтобы тотъ могъ лучше надзирать за его поведеніемъ: на этотъ случай господинъ долженъ иногда заходить къ нему неожиданно, будто о чемъ поговорить; если онъ тамъ найдетъ чистоту и порядокъ, то похвалить его; а ежели противное, особенно худую компанію, то наединѣ его стыдить и увѣщевать; смотря по обстоятельствамъ и побранивать; только не при людяхъ, чтобы не лишитъ его того уваженія, которое они должны къ нему имѣть, и не ругательными словами, изъ уваженія къ самому себѣ: строгая взыскательность, соединенная съ благосклоннымъ обращеніемъ, привязываютъ младшаго къ старшему, и заставляютъ его быть исправнымъ.

Содержаніе должно ему дать безнужное, чтобы избавить его отъ искушенія брать взятки съ крестьянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ лишиться ихъ уваженія, и быть вынужденнымъ имъ потакать. Мужики бѣльшею частію хитры и смѣтливы, и скоро открываютъ слабую сторону своего начальника; и лишь-только узнаютъ, что можно къ нему поддѣлаться подарками, или другимъ угожденіемъ, то не упустятъ воспользоваться его слабостью. Тогда начнутъ разныя несправедливости: прикащикъ будетъ поддерживать богатыхъ, имѣющихъ средства его дарить, противъ бѣдныхъ; отъ этого возродится справедливый ропотъ; бѣдные будутъ стараться открыть помѣщику глаза насчетъ прикащика. И какъ-скоро такіа дразги однажды заводятся, уничтожить ихъ ужъ трудно. Если помѣщикъ найдетъ и рѣшится его смѣнить, то у него останутся родственники и богатые друзья, которые всѣми возможными ухищреніями будутъ стараться отмстить бѣднымъ, лишившимъ ихъ подкупленнаго покровителя.

Если прикащикъ исправенъ, то помѣръ его ревности въ исполненіи своей обязанности, помѣщикъ долженъ отъ времени до времени давать ему награды, не увеличивая окладнаго его жалованья, чтобы не лишитъ себя средствъ награждать.

Что же касается до нравственности прикащика, то помѣщикъ, дабы собственнымъ своимъ выгодамъ, долженъ по-

оказале наблюдать за мною, и для того ему необходимо, какъ можно болѣе, имѣть прикащика при глазахъ. Молодой человекъ, только что вынужденный изъ земледѣльческаго училища, въ которомъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ житья съ товарищами одинаковаго съ нимъ простаго преподаванія, легко можетъ набаловаться на свободу, свободно въ такомъ положеніи, въ которомъ долженъ приказывать и управлять; и если помѣщикъ не возьметъ на себя предостереженія доложить нравственное его воспитаніе, то легко можетъ лишиться полезнаго помощника, которому въ случаѣ собственнаго отсутствія онъ долженъ вѣрять, всегда на продолжительное время, все свое имущество.

Если помѣщикъ не имѣетъ собственнаго человѣка, котораго безъ знанія опредѣлять въ должность прикащика, тогда онъ поневолѣ долженъ нанять сторонняго: въ этомъ случаѣ выборъ бываетъ затруднительнѣе. Опасно полагаться на рекомендаціи, и даже на аттестацы: рекомендаціи дикуютъ чинко изъ честолюбія, чтобы бѣднѣе изъ чуждыхъ пристрасть къ мѣсту, а зная ли онъ свое дѣло, оба званія не заботятся; или чтобы обуть съ ружья чуждыя, котораго дающій рекомендацію, или его пріятель, самъ не дозволяетъ; или по другимъ уваженіямъ.

Аттестаты также нерѣдко даютъ человѣку, отъ котораго хотѣвъ отдѣлаться благонадѣянь образомъ: если тамъ, у кого онъ прежде служилъ, былъ имъ доволенъ, то зачѣмъ не удерживать при себѣ.— Конечно, могло также случиться, что помѣщикъ, у котораго онъ прежде служилъ, былъ дурной человекъ, такъ что рекомендуемый самъ не хотѣлъ у него остаться; вообще, быть въ знакомствѣ у человѣка, который не только не имѣетъ цѣнить трудя и усердіе, а напротивъ того, дѣлаетъ еще разныя придраны и несправедности, должно быть несомно, и благо-родно выказавшій человекъ оставитъ такого кавалера при первомъ возможности.

«Если отъ необходимости собирать нужныя свидѣнія насчетъ жилищнаго званія вѣсто прикащика у бывшей того помѣшкни; у котораго онъ служилъ прежде, то не должно пренебрегать этимъ предосторожностью; впрочемъ, надобно только обращать вниманіе на опытность и особенно на

первое впечатлѣніе, которое сдѣлаетъ на васъ представляющійся кандидатъ. Мудрено дурныхъ нравовъ человѣку принять на себя благородный, открытый видъ; и сколько бы онъ ни былъ самонадѣянъ, но не выдержитъ прощательнаго взору внимательнаго и опытнаго испытателя.

При первомъ уговорѣ должно объясниться съ нимъ откровенно насчетъ будущихъ отношеній между собою, чтобы нищій мѣста могъ при первомъ приступѣ удостовериться въ томъ, что недолго проживетъ на этомъ мѣстѣ, если не исполнитъ въ точности принявшаго на себя обязанности, и не будетъ вести себя добросовѣстно; непринимать его въ эту минуту можетъ означать явныи помѣшкку, который его нанимаетъ.

Переманить къ себѣ челоѣка отъ другаго помѣщика, есть уже поступокъ неблагородный, и если это покушеніе удастся, то послѣдствія не надежны: челоѣкъ, который рѣшился оставить одного хозяина, чтобы перейти къ другому изъ прибавки жалованья, можетъ легко рѣшиться сдѣлать то же съ новымъ помѣщикомъ, если третій предложитъ ему еще прибавку: это называется санщикомъ много корыстолюбія; а корыстолюбивый челоѣкъ, какъ бы ни притворялся честнымъ, не можетъ быть надеженъ.

Я нарочно распространялся объ этомъ предметѣ, потому что удачный выборъ помѣщика рухнетъ уже въ продолженіи за успѣхъ кознейственныхъ распоряженій.

Прикащикъ принимаетъ приказанія отъ одного помѣщика, или его управляющаго; онъ, вмѣстѣ со старостой, или бурмистромъ, составляетъ записки для нарочнаго въ работу, соображаясь съ дѣйствительною надобностью, и въ надлежащее время представляетъ ихъ помѣщику на утвержденіе. Тотъ утверждаетъ записку, какъ она есть, или назначаетъ нужныя перемены, но и въ первомъ случаѣ передаетъ ее въ контору для записки въ книгу, оставаясь себѣ подлинникъ; затѣмъ онъ передаетъ приказанія старостѣ, и распределяетъ людей по разнымъ работамъ, за которыми онъ въ свое время лично надзираетъ при помощи старосты и рядчиковъ.

Каждый вечеръ онъ несетъ помѣщику обо всемъ,

что происходило по вотчинъ втеченіи дня, и сверхъ-того, какія сдѣлалъ онъ особыя замѣчанія и предположенія для будущихъ занятій; возвратившись домой онъ заноситъ нужное въ журналъ, и доставляетъ въ контору всѣ свѣдѣнія, которые надобно тамъ записать.

Приказчикъ долженъ быть человекъ неутомимый, который бы все видѣлъ, и все зналъ, что дѣлается по вотчинѣ. Безъ его видѣна никакой сторонній человекъ не долженъ нечестать въ вотчинѣ; почему для большей удобства надзира можно бы устроить постоянный дворъ недалеко отъ его квартиры. Этотъ постоянный дворъ можно отдать на откупъ въ помѣщичій доходъ, или поручить его надежному грамотному человеку изъ дворовыхъ, предоставивъ ему нѣкоторыя выгоды за его труды.

Приказчикъ долженъ распределять работы, сколько возможно, по-урочью: онъ долженъ удерживаться отъ телеснаго наказанія, сколько обстоятельства позволяютъ; если же необходимость того потребуетъ, то производить легкія наказанія, не горючае, но хладоборвно, доказывая виновному справедливость и необходимость наказанія.

Русскій мужикъ очень чувствуетъ, когда онъ действительно виноватъ, и не въ претензіи, когда его за то наказываютъ; но когда наказаніе производится съ зазнальчivosti и съ ругательствами, тогда онъ приписываетъ это личности, и считаетъ это обидою.

Приказчикъ не долженъ производить важныхъ наказаній безъ согласія міра или помѣщика, а по возможности стараться предупреждать причины къ наказанію, благоумными, умістными увѣщаніями. Дерзостное неповиновеніе и ругательная строптивость непремѣнно должны быть наказаны телесно, при собраніи прочихъ крестьянъ, чтобы это послужило примѣромъ для другихъ; и произведяшася два раза таковыя образцы, слѣдуетъ отдать въ рекруты при первомъ наборѣ; потому что такого человека поправить единственною дисциплиною.

Былъ между крестьянами возмущенъ споръ, то приказчикъ долженъ стараться изъ миритъ, доказывая имъ правоту, что онъ действительно виноватъ, и убѣждая правого къ satisfactionу; если же виновный останется

упорствовать, тогда отдать дѣло на судъ одной стороны, и наказать виновнаго по ихъ приговору.

Приказчикъ долженъ, какъ можно чаще, наблюдать и за дворянскими, и за крестьянскими, и руководствовать крестьянъ добрымъ совѣтомъ: такое наблюдение многимъ изъ нихъ съначала не понравится; они скажутъ: «какое ему дѣло до нашей пащи, пусть бы смотрѣлъ за господствомъ», — но мало-по-малу благодарныя изъ нихъ оцѣнятъ какой стесненной попеченіе, образумятъ остальныхъ, и наконецъ все останутся благодарными, видя въ немъ друга, что отъ него улучшается ихъ благосостояніе.

Приказчикъ, въ случаѣ надобности, долженъ оказывать крестьянамъ облегченіе, или помощь, дѣйствуя всегда именемъ помѣщика: крестьяне бываютъ обманутою или припрятанною до великаго скандала даже добрыми людьми, когда знаютъ, что это дѣлается не по обязанности, но по добродушному расположенію.

Въ предположеніи, что во всякомъ благоустроенномъ имѣніи находится болница, къ обязанности приказчика надобно еще присовѣтовать, что онъ долженъ стараться вести эту болницу одинаково хорошо; но не въ спеціальности врачъ съ одной стороны и то востановить санитарию болницы быть всегда исправною: въ исключеніи своей обязанности; а съ другой, такое попеченіе, доставляющее любезному помѣщику къ своимъ крестьянамъ, будучи болѣе или болѣе привязываетъ ихъ къ нему, и увеличиваетъ патриархальныя узлы, обвивающія ихъ взаимностию.

Приказчикъ и его семейство, если есть, должны имѣть крестьянскихъ прачихъ благонамѣренныхъ и честныхъ, имѣющихъ всякую обязанность свою въ чистотѣ, и въ упрямомъ крѣпкомъ таковомъ мужественномъ поведеніи со стороны приказчика, и имѣющаго господина, и быть всегда благонастроенными и въ нравственности крестьянъ, и въ суматошномъ и въ стѣнѣ обиды. Мнѣ не разъ случалось наблюдать много случаевъ, когда крестьянъ насчетъ своихъ господъ, вѣдывая прошивъ и сѣдывая, и въ одинъ товарищъ при власти, и при дѣлѣ дѣла богатой мамы, которая имѣла много дѣлѣтъ, и въ чинѣ своемъ имѣла свои долги, и въ гдѣ-то тамъ, разбиралась въ своемъ вѣдѣніи — дѣла, братья, — и въ имѣніи барина, и въ

благословенія отъ Бога; вѣдь онъ, говорятъ, фермавертъ, Богоотступникъ, поклонникъ антихриста; это не кончится добромъ, а намъ-то будетъ въ чужомъ царю похмѣлье! — Они услышали отъ дворовыхъ, что баринъ членъ масонской лжи, растолковали это по-своему, и всѣ неудачи своего помѣщика приписали его холодности къ религiи; а дворовые сообщали крестьянѣмъ сужденiя о масонахъ, такія имъ удавалось слышать въ столицѣ отъ разныхъ лицъ.

Другой помѣщикъ былъ добрый старичокъ, который уже давно жилъ въ своей деревнѣ, но деревенску обичаю усердно посѣщалъ церковь, наблюдалъ посты безъ лишнества, всегда говѣалъ въ Великiй Постъ; у него не только не было долговъ, но напротивъ того, онъ всѣ малые по-малу прикупалъ деревенскими, воспитывалъ бѣдныхъ сиротъ, заводилъ разные улучшения по хозяйству, и жилъ, какъ говорится, принимаючи: къ нему часто собирались сосѣднiе помѣщики и ихъ семейства, пировали у него на дровнiй ладъ, по-престу, безъ затѣи, безъ чванства и замерской роскоши, но сытно и весело; онъ не налагалъ на своихъ крестьянъ большого оброку и не только лишнего съ нихъ не требовалъ, но еще самъ помогалъ имъ въ нуждахъ, такъ что многiе сосѣднiе крестьяне имъ завидовали, говоря, что они живутъ, «какъ у Христа за пазухой»; зато и крестьяне любили его какъ отца роднаго, и говорили, — «дай Богъ еще много лѣтъ здравствовать нашему доброму барину, Панкратiю Михѣвичу; это не баринъ, а отецъ родной; онъ Бога помнитъ, за то и Богъ его не забываетъ». Надо было видѣть, какъ всѣ его крестьяне и дворовые, отъ мала до велика, рыдали, проложая гробъ доброму помѣщику, когда Богу угодно было принять его къ себѣ; это была горестъ не медлѣнная, но истинная скорбь чувствительныхъ дѣтей, лишившихся вѣжливаго отца.

Возвѣщая, что Панкратiй Михѣвичъ старался внушать и дѣтямъ свои тѣ же правила, которыми онъ слѣдовалъ самъ: вырощенiи долготѣишей своей жизни; и въ этомъ случаѣ обывалъ послѣднiца, что обложие не делало катити отъ обложие: Тихонъ и Николкариъ Панкратъевичи не слѣдовали завидательному примѣру отца, а благодѣтели;

затѣ понинѣ въ отцовскомъ наслѣдїи, которое они еще расширили, скушая по-немножку сосѣднія имѣнія, продавая съ публичнаго торгу за невозможность банковаго долга. Между прочимъ одно такое имѣніе поступило въ продажу, и тамошніе крестьяне пришли просить Тихона и Поликарпа Панкратьевичей, чтобы они ихъ купили. Тѣ обѣщали, что у нихъ нѣтъ запасныхъ денегъ; мужики въспомнились доплатить все, что имѣніе будетъ стоить свыше банковаго долга, чтобы только достаться въ руки добрымъ соседямъ. Господа приняли это предложеніе, и впоследствии возвратили мужикамъ добровольную ихъ ссуду, и съ процентами.

Живя скромно, и съ запасомъ, они не имѣли надобности продавать свой хлѣбъ безъ остатку для уплаты долговъ, процентовъ, и удовлетворенія разныхъ причудъ и затѣй; оттого-то запасныя магазины оказались у нихъ полными, даже сверхъ узаконеннаго количества; такъ что не только ихъ мужички не чувствуютъ недостатка въ неурожайные годы, но спасаютъ еще другихъ отъ голодной смерти.

Высокоушныя сосѣди, съ пустыми кошельками, забавляются иногда изъ-подъ тишка надъ этими добрыми пощипывающими за то, что они не слѣдуютъ модамъ вразсужденїи своего туалета, а ходятъ дома обыкновенно въ русскіе кафтаны; что за столомъ вмѣсто шампанскаго и другихъ иностранныхъ винъ и ликеровъ подаютъ у нихъ аюгаре (водичка изъ ягодъ, прїнятая какъ шампанское, и очень прїятная вкусомъ), хорошія домашнія наливки, разные меды, и вина крымскія, или донскія; что ихъ экипажъ не по послѣднему фасону; что прислуга ихъ одѣта— мужская въ русскіхъ кафтаны, а женская въ сарафаны; что они вредночтительно разговариваютъ между собою нерусски, а не по-французски; что они молитву творятъ сидя за столъ, и вставая изъ-за стола; что они дѣтей своихъ благословляютъ, отправляя ихъ спать; обѣдаютъ въ саду, и Богъ знаетъ, надъ чѣмъ они изъ свѣтскаго малодушїя не подѣваются! Однако же не могутъ имъ отказать въ искренномъ уваженїи, охотно ѣдятъ къ нимъ кушать ихъ разнузданную хлѣбъ-соль, и уважаются около нихъ, чтобы

получить отъ нихъ денегъ займа. Но эти добрые люди не мало зато не сердятся, говорятъ, перекрестясь: — «прости имъ, Господи, не вѣдать бо, что творить»; и попрежнему жалуютъ о безразсудныхъ дѣйствіяхъ своихъ знакомыхъ, которые, какъ они говорятъ, «растрясаютъ отцовское наследство; да наконецъ пустятъ своихъ дѣточекъ по-міру просятъ милостыню!».

При всемъ томъ наши почтенные старомодные помещики не научи; о, нѣтъ! они получали изысканное воспитаніе: кромѣ роднаго языка знаютъ хорошо французскій, нѣмецкій, и англійскій, имѣютъ достаточнымъ свѣдѣніи во всѣхъ русскому дворянину нужныхъ наукахъ; знаютъ хорошо музыку; порядочно рисуютъ; потолкались на бѣломъ свѣтѣ; лѣтъ по десятку служили въ гвардіи, были и за границею, и до-сыта тамъ наглядѣлись на все хорошее и худое, и не постыдились остаться — добрыми Русоками, потому что съ дѣтства было положено религиозное основаніе ихъ воспитанію, и что благоразумный отецъ, спасительнымъ примѣромъ и здоровою логикою, внушилъ имъ истинно патріотическія чувства. Онъ любилъ твердить, что кто стыдится русскаго языка, платья, и вообще русскаго патриархальнаго быта, тотъ не достоинъ русскаго хлѣба! Оба его сына служили также по дворянскимъ выборамъ: Тихонъ Панкратьевичъ былъ одно трехлѣтіе уѣзднымъ судьей къ совершенному удовольствію нѣлаго уѣзда; а Поликарпъ Панкратьевичъ служить уже второе трехлѣтіе уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Оба приветливостью и непоколебимыми честными правилами умѣли снискать уваженіе и довѣренность всѣхъ сосѣдей, до того, что обыкновенно прибѣгаютъ къ нимъ, когда возникаютъ какія-либо ссоры или споры, и большею частію имъ удается помирить ссорящихся, и не допускать ихъ до тяжбы.

Они оба сумѣли сдѣлать удачный выборъ въ супружествѣ: жены ихъ премысливы, добрыя, хорошія хозяйки, и вѣснотельныя матери; оба семейства живутъ въ одной дѣлѣ, и такъ согласны между собою, какъ-будто у всѣхъ только одно желаніе, одна воля.

Я пользовался еще благорасположеніемъ почтеннаго Панкратія Михѣевича, поддерживаю понынѣ дружескія отно-

нелюба съ соо-сыновьями, и съ сердечнымъ умилениемъ посвящаяю всегда прѣятные часы, которыя проводилъ въ обществѣ ихъ кругу. Другаго барина «фармазона», я такъ знаю; но не стану его описывать, потому что это никому не принесетъ пользы, и не принадлежитъ къ настоящему дѣлу; скажу только то, что въ управленіи его вотчинами вѣчное разстройство и безпорядки; крестьяне его не любятъ, и вѣрно скажутъ за что; долги у него неслыханные, а что достанется его дѣтямъ? Правило безопасности—послѣ меня ковы трава не растутъ!—Я выставилъ ему два приговора, чтобы показать необходимость уважать низкіи слезы крестьянъ, и стараться заслужить имъ любовь и уваженіе; въ противномъ случаѣ нельзя надѣяться на ихъ усердіе; а крестьяне стараются всегда узнать всѣ подробности, касающіяся до житія-бытія своихъ господъ; и хотя бы чѣмъ далеко отъ нихъ, но крестьяне ихъ все-таки добьются узнать свѣдѣній, которыя при худомъ расположеніи они вѣрно толкуютъ еще въ худшую сторону.

Мы уже довольно говорили насчетъ выбора помещика; выборъ управляющаго долженъ быть сдѣланъ на тѣхъ же земляхъ, съ тою разницею, что на этомъ мѣстѣ выгоднѣе имѣть челоука благороднаго происхожденія и съ твердымъ воспитаніемъ, чтобы онъ могъ съ большою ловкостью представлять лицо самаго помещика, какъ въ необходимыхъ отношеніяхъ къ должностнымъ лицамъ и присутственнымъ мѣстамъ, такъ и въ обращеніи съ сосѣдями: для челоука порядочнаго, члена общества, и, следовательно, равнаго въ обществяльномъ отношеніи, сдѣлать дѣло охотнѣе и скорѣе, нежели для челоука, котораго можно заставить дожидаться въ передней, и который не можетъ приблизиться иначе, какъ съ подобострастіемъ; первый будетъ имѣть свободный доступъ и голосъ, между тѣмъ, какъ послѣдній долженъ будетъ снискивать благорасположеніе камердинеровъ и докладчиковъ.

Первый легче имѣетъ нравственнаго отношеніе помещика къ крестьянамъ, и послѣдніе имѣютъ къ нему болѣе уваженія, нежели къ начальнику, близкому имъ по званію: даже обществяльныя, вѣрно дружескія отношенія управляющаго съ сосѣдними помещиками могутъ ему быть слу-

жить въ пользу по вотчиннымъ дѣламъ его довѣрителя; слѣдовательно, всѣ эти уваженія говорятъ въ пользу правила, чтобы для занятія мѣста управляющаго предпочитать человѣка изъ благороднаго сословія, человѣку низкаго происхожденія, если онъ, впрочемъ, имѣетъ потребныя для этой должности свѣдѣнія, при хорошей нравственности и дѣятельности.

Я опишу здѣсь вотчинную контору, какъ бы надлежало ей быть въ значительномъ имѣніи, для легчайшаго соблюденія должнаго порядку во всѣхъ частяхъ по экономіи; каждому помѣщику легко будетъ сообразиться съ этимъ очеркомъ, чтобы устроить свою вотчинную контору по частнымъ своимъ обстоятельствамъ.

Вотчинная контора должна находиться на господскомъ дворѣ, и быть устроена слѣдующимъ образомъ:

Сперва свѣтлыя сѣни; въ нихъ съ одной стороны мѣсто для кладки рубленыхъ дровъ для топки; тутъ же долженъ стоять боченокъ, или кадка, съ чистою водою, и съ ковшомъ: по другую сторону чистое отхожее мѣсто.

Далѣе, свѣтлая же передняя, изъ которой топится печь, нагрѣвающая контору; одна дверь поидетъ изъ передней въ контору, а другая въ жилище конторщика.

Контора должна быть просторная; посерединѣ большой письменный столъ съ ящиками, за которыми занимаются конторщикъ и письмоводитель, если по обширности вотчинныхъ дѣлъ имѣется надобность въ последнемъ; ящики въ столѣ должны запирались каждый особымъ ключомъ; сверхъ-того должны быть привинчены къ этимъ ящикамъ и въ ближайшей къ нимъ наружной досчечкѣ по колечку, чтобы можно было посредствомъ шнурковъ привѣсить къ каждому ящику воцанную печать. Конторщикъ и письмоводитель кладутъ въ эти ящики бумаги, документы, или деньги, за которыя лично отвѣтствуютъ.

На одномъ концѣ комнаты между двухъ окошекъ долженъ стоять особый письменный столъ съ такими же ящиками, для помѣщика, или управляющаго.

Вдоль стѣнъ должны стоять шкафы для храненія архивныхъ бумагъ, и разныхъ экономическихъ книгъ; въ переднемъ углу образъ; въ окошкахъ должны быть вѣданы

железные рѣшетки, для лучшей безопасности отъ воровства, если контора въ нижнемъ этажѣ.

Въ конторѣ же должны стоять шкафы съ выдвижными ящиками и съ наклеенными на нихъ ярлыками, для храненія образчиковъ всѣхъ продажныхъ продуктовъ; чтобы вокупщики, являющіеся въ контору, могли тотчасъ видѣть, какого качества продаваемый помѣщикомъ товаръ.

Денежные ящики должны находиться въ особой небольшой каморѣ, имѣющей входъ изъ конторы: тутъ хранится та часть доходовъ, которая по смѣтѣ должна поступать въ расходъ по вотчиннымъ оборотамъ, чтобы никогда не могло быть остановки въ предположенныхъ выдачахъ, для надлежащаго поддержанія вотчиннаго кредита.

Если имѣніемъ управляетъ управитель, то поступающіе доходы должны всегда храниться всѣ въ конторскомъ денежномъ ящикѣ, до законнаго ихъ употребленія, за печатями управителя и конторщика, изъ которыхъ первый оставляетъ ключъ отъ сундука у себя. Изъ сундука же вынимать, и оставлять у себя на мелочные текущіе расходы, управитель можетъ только небольшую сумму, соразмѣрную дѣйствительной надобности.

Въ денежной кладовой долженъ также храниться сундукъ съ мірскою кассою, съ принадлежащими къ нему приходо-расходными книгами: ключъ отъ этого сундука долженъ храниться у мірскаго расходчика, который, равно какъ староста, или бурмистръ, прикладываютъ къ нему свои печати.

Ключъ отъ кладовой хранится у помѣщика, или его управляющаго; ключъ отъ конторы у конторщика, на котораго и возлагается отвѣтственность за должный порядокъ и чистоту по конторѣ: въ передней же долженъ быть всегда денной и ночной караулъ, подъ начальствомъ конторщика.

Въ денежной кладовой должно также хранить купчія крѣпости, планы и межевыя книги, чтобы всегда имѣть ихъ подъ руками въ случаѣ надобности.

При вотчинной конторѣ должны быть заведены слѣдующія книги:

Ревизскія сказки.

Семейная опись дворовымъ людямъ, съ означеніемъ, кто въ какой состоитъ должности.

Подворная опись крестьянамъ, съ означеніемъ, кто состоитъ въ тяглѣ, или въ полу-тяглѣ, какъ мужчины, такъ и женщины; тутъ же означать, сколько каждое семейство имѣетъ разнаго скота.

Тягловая опись, съ означеніемъ, къ какому номеру пашни каждое тягло приписано.

Книга для записки наряда въ работу.

Въ правильно устроенномъ хозяйствѣ тяглы должны быть раздѣлены на двѣ половины, изъ которыхъ одна находится на господской работѣ первые три дня въ недѣлю, а другая остальные три дня: первымъ дѣлается нарядъ въ воскресенье съ вечера, а послѣднимъ въ среду съ вечера, и записывается въ книгу, сколько человекъ было наряжено въ какую работу. Хотя узаконено, что крестьянинъ долженъ работать на своего помѣщика по три дня въ каждую недѣлю, въ чемъ онъ и не посмѣетъ спорить, однако жъ у меня соблюдалось всегда правило, не вычитать табельныхъ и дождливыхъ дней, которые приходились втеченіи недѣли; а на какую половину упадетъ такой день, та имъ и должна пользоваться. Когда приходились два табельныхъ дня на одной недѣлѣ, то работа распредѣлялась такъ, чтобы каждая половина воспользовалась однимъ такимъ днемъ. Табельныхъ дней не такъ много въ году, чтобы помѣщикъ могъ значительно потерять отъ того, а крестьянамъ будетъ пріятно такое безпристрастіе помѣщика, и они взаменъ того будутъ усерднѣе работать въ прочіе дни. Какъ бы ни была нужна работа, но помѣщикъ долженъ соблюдать неизмѣнное правило, никогда не наряжать мужиковъ на свою работу въ ихъ дни; лучше нанимать, или дѣлать помощь: справедливость того требуетъ; а чѣмъ болѣе крестьяне увѣряются въ справедливости своего господина, тѣмъ болѣе они будутъ его любить и уважать. Есть еще помѣщики, которые въ нужную пору выпоняютъ всѣхъ мужиковъ и свою работу, пока она не кончена, напримеръ, пока хлѣбъ не убранъ; и послѣ ужѣ заверстаиваютъ имъ лишние забранные дни въ ненужное для него время; но чтѣ они этимъ выигрываютъ? Мужики будутъ работать съ неудовольствіемъ, все

какъ, и не сберегая господскаго добра; собственныи ихъ хлѣбъ, не снатыи съ поля, переснывая, высныдется на землю; они также потеряютъ значительную часть своего урожая, и помѣщикъ, или долженъ имъ оказывать нужную помощь, или они его обокрадутъ, или обнищаютъ сами, и пустятся въ чужество и равныи развратъ; и слѣдовательно будутъ наконецъ самыми ненадежныи работниками; до того, что нерѣдко придется помѣщику вносить за нихъ казенныи подати, чтобы не подыстъ подъ опску.

Денежныи приходныи и расходныи общиа.

Денежныи для записки выдачи жалованья, по алфавитному порядку. въ эту книгу записывается, сколько кому назначено оклада жалованья, и когда сколько выдано.

Для записки, сколько кому назначено мѣсчины, и сколько выдано, также по алфавитному списку: мѣсчину должно отпускать по-семеино въ началѣ каждаго мѣсяца впередъ: разумѣется, что это можетъ только касаться дворовыхъ или фабричныхъ, состоящихъ на господскомъ содержаніи.

Для записки, кому какое назначено платье, на какой срокъ, и когда что выдано.

Полевая книга, для подробной описи всѣхъ участковъ господской запашки, какъ выше было упомянуто.

Приходъ и расходъ по хлѣбной части.

Приходъ и расходъ по скотоводству и домашнимъ птицамъ, съ надлежащимъ раздѣленіемъ всѣхъ родовъ.

Приходъ и расходъ по пчеловодству.

Долговая книга, для записки ссудъ, дѣлаемыхъ своимъ крестьянами; также долги по вотчиннымъ оборотамъ.

Общая книга, служащая перечисвою по всѣмъ прочимъ книгамъ: въ нее вносятся одни лишь итоги по отдѣльнымъ статьямъ: она будетъ служить помѣщику, какъ бы отчетомъ самому собѣ; а управляющій составитъ по ней свой отчетъ помѣщику.

Настольная, приходная и расходная; въ нее вписывается немедленно каждая статья денежнаго приходу и расходу; а нѣтъ нея онъ въ тотъ же вечеръ, или въ слѣдующее утро переносится въ отдѣльныи книги по принадлежности.

Если есть мельницы, маслобойни, или какія фабрики, то по каждой части должна быть особая книга.

Книга для записки копій съ исходящихъ бумагъ.

Книга для записки краткаго содержанія входящихъ бумагъ.

Штрафная книга: въ нее записываются всѣ проступки крестьянъ, и чѣмъ они были наказаны: при рекрутскихъ наборахъ эта книга послужитъ руководствомъ для назначенія кандидатовъ въ военную службу.

Книга для записки всего, что касается до проживающихъ при вотчинѣ отставныхъ солдатъ, безсрочно-отпускныхъ, солдатокъ и каптонистовъ.

Если есть въ числѣ крестьянъ такіе, которые платятъ оброкъ, то должно имѣть для записки ихъ особую книгу.

Книга для записки уроковъ, задаваемыхъ тягловымъ крестьянамъ на-зиму. Зимнихъ работъ для женскаго пола весьма мало, особенно гдѣ заведены молотильныя машины; тогда выдаются бабамъ и дѣвушкамъ ленъ и посконъ для пряденія и тканья. Это дѣлается урочно, рассчитывая по мѣстности, сколько онѣ за немѣнимъ полевой работы могутъ спрядь и выткать въ это время безъ отягощенія: сперва дѣлаютъ пробу, сколько изъ фунта матеріала выйдеть пряжи, и по этому рассчитываютъ, сколько должно отпускать сыраго матеріалу на каждое тягло на-зиму. При этомъ надобно постановить правиломъ, чтобы въискать деньгами по опредѣленной цѣнѣ съ тѣхъ, которые, если онѣ все это время пользовались здоровьемъ, не выставятъ урокъ по лѣности, или выткуть дурной холстъ. Этимъ устранятся всѣ претензіи между хорошими и дурными, или лѣнивыми работницами; которыя же извѣстны нечистою работою, тѣмъ можно дать выткать мѣсячный холстъ, соразмѣря назначаемый урокъ по толщинѣ холста.

Тканье тонкихъ холстовъ и полотень, и пряденіе тонкихъ нитокъ поручается обыкновенно дворовымъ женщинамъ и дѣвушкамъ, также урочнымъ образомъ.

Дляощренія къ лучшей отдѣлкѣ издѣлія, можно уменьшить уроки тѣмъ, которыя представляютъ лучшее противъ прочихъ издѣліе; или если урокъ уже выполненъ, то дать такимъ, или денежную награду, или освободить ихъ на

опредѣленное время отъ господской работы; такими мелочными наградами можно гораздо вѣрнѣе успѣть возбуждать соревнованіе, нежели строгими взысканіемъ, или наказаніями.

Долговая книга по крестьянскимъ займамъ. Если свои крестьяне имѣютъ кредитныя отношенія къ стороннимъ людямъ, то должно имѣть въ вотчинной конторѣ особую книгу для записыванія въ ней, у кого свои крестьяне занимаютъ деньги, и на какихъ условіяхъ; а чтобы удержать своихъ крестьянъ отъ охоты дѣлать долги сверхъ своего состоянія, то должно повѣститъ всѣхъ сосѣдей, что при вотчинной конторѣ заведена долговая книга, въ которую должны быть записаны всѣ обязательства своихъ крестьянъ съ сторонними людьми, съ тѣмъ, что контора не будетъ входить ни въ какія разбирательства, или понужденія по долговымъ актамъ, въ той книгѣ незаписанными; поэтому всякій, желающій дать займы деньги, или отпустить товаръ въ долгъ крестьянину той вотчины, можетъ сперва справляться въ помянутой книгѣ, сколько уже долгу на желающемъ снова взять займы; при чемъ вотчинная контора объявляетъ настоящее положеніе дѣлъ заемщика. Если послѣ того заимодавецъ согласится кредитовать крестьянина, то сдѣлка ихъ записывается въ помянутую книгу, и вотчинное начальство понуждаетъ должника къ уплатѣ въ надлежащее время. Такимъ образомъ поддерживается вотчинный кредитъ, и контора знаетъ всегда настоящее положеніе дѣлъ своихъ крестьянъ.

Почтовая книга. Едва ли кто изъ почтмейстеровъ откажетъ помѣщику въ своемъ согласіи на веденіе такой книги. Порядокъ ея слѣдующій: чтобы не посылать каждый разъ мелкія деньги на почту для платы въсовыхъ или страховыхъ, почтмейстеру даютъ нѣкоторую сумму на этотъ предметъ впередъ; это записывается особою статью въ книгу, и почтмейстеръ подписомъ своимъ свидѣтельствуетъ о полученіи ихъ: на другой сторонѣ записываются всѣ отправляемыя письма и посылки, котораго числа отправлены, и кому, а почтмейстеръ приписываетъ, что за нихъ взято въсовыхъ или страховыхъ; такимъ образомъ нельзя опасаться, чтобы отвозящій пись-

ма на почту обманывалъ, и чтобы письма не дошли; вездѣ, гдѣ я жилъ, заведенъ у меня такой порядокъ и у меня впродолженіи сорока-пяти лѣтъ ни одно еще письмо не пропало.

Заведеніе такого множества книгъ при вотчинной конторѣ, можетъ-статься испугаетъ многихъ съ перваго приступа; но безъ этого не можетъ быть надлежащаго порядка въ большой вотчинѣ, и именно этотъ порядокъ необходимъ при вѣрной оцѣнкѣ имѣнія. Впрочемъ, эта многочисленность книгъ не такъ затруднительна, какъ, вѣроятно, многіе воображаютъ: нужно только приучить конторщика къ строгому соблюденію порядка, и въ этомъ ярлыки, наклеенные на выдвижныхъ ящикахъ, чрезвычайно облегчатъ работу; на примѣръ: въ ящикѣ съ ярлыкомъ — о скотоводствѣ — должны лежать всѣ счета, вѣдомости, и прочая, что до этой части касается, и сверху снуровыя книги; въ ящикѣ прихода и расхода по хлѣбной части всѣ документы къ ней относящіеся, и сверху снуровая книга; и такъ по всѣмъ предметамъ, слѣдовательно, нужно только конторщику взглянуть на шкафъ съ задвижными ящиками, и онъ тотчасъ увидитъ, гдѣ что найти.

Если въ вотчинѣ есть значительная фабрика, то она должна имѣть свою особую контору, съ принадлежащими къ ней снуровыми книгами; эта контора должна представлять подробныя мѣсячныя вѣдомости въ вотчинную контору, которая въ свою книгу вноситъ только итоги, извлекаемые изъ вѣдомостей; самыя же вѣдомости прилагаеть къ своей книгѣ въ назначенный для нея ящикъ.

Можетъ-быть, что инымъ читателямъ покажется излишнимъ, что я съ такою подробностью описалъ вотчинную контору; но я пишу не для тѣхъ, которые уже знаютъ, и можетъ-быть соблюдаютъ описанный здѣсь порядокъ, а для тѣхъ, которые его не знаютъ, и желаютъ научиться лучшему устройству по распорядительной части. Напрасно иные примутъ такой порядокъ за цеданство; напротивъ того, онъ чрезвычайно облегчаетъ труды по управленію имѣніемъ.

Не бесполезно будетъ имѣть при конторѣ маленькую библиотеку, составленную изъ Земледельческой Газеты, По-

средства, Эконома, разныхъ журналовъ и книгъ, до сельскаго хозяйства относящихся: слѣдовало бы также держать при конторѣ Сенатскія Вѣдомости, чтобы всегда имѣть въ виду всякія новыя узаконенія, и Коммерческую Газету, чтобы знать цѣны и требованія на всѣ продукты, и по этому соображать свои дѣйствія. Къ конторской библіотекѣ принадлежатъ также Сводъ Законовъ, чтобы можно было во всѣхъ частяхъ соображаться съ законными постановленіями. Часто можетъ случиться, что конторщикъ, или его письмоводитель не будутъ заняты дѣлами по конторѣ, то въ свободное время займутся чтеніемъ тѣхъ книгъ и вѣдомостей для удовлетворенія своего любопытства, и такимъ образомъ приобретутъ полезныя свѣдѣнія, которыя они потомъ передадутъ крестьянамъ, изъ самолюбія, чтобы выказать свое знаніе, а между-тѣмъ незамѣтно ознакомить ихъ съ порядкомъ вещей.

Воспитанники образцовыхъ фермъ, возвратившіеся въ вотчину по истеченіи учебныхъ лѣтъ, должны также имѣть право пользоваться этою библіотекою.

=

ЗАПИСКИ И ВОСПОМНЕНІЯ о путешествіи по Англїи, Франціи, Бельгїи и Германіи, въ 1842 году, профессора Симонова. Казань, въ тип. Университетской, 1844, въ 8, стр. 383, съ рисунками.

ОЧЕРКИ береговъ Рейна и Швейцарїи. Изъ записокъ русскаго путешественника, князя Алексѣя Мещерскаго. Москва, въ тип. Университетской, 1844, въ 8, стр. 342.

Не будемъ спорить о пользѣ путешествій. Надобно путешествовать. «Путешествуй, кто только можетъ», говорилъ Карамзинъ. «Кто видѣлъ только свою родную страну, тотъ читаетъ только одну страницу изъ великой книги природы и жизни», говорилъ Байронъ, а кому же дастъ толкъ о чемъ-нибудь одна страница изъ огромнаго сочиненія въ несколькихъ томахъ? Пошлите путешествовать всякаго кто недоволенъ дома, — пусть онъ увидитъ и убьется, что «тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ», пусть испытаетъ «тоску по родинѣ», и поспѣшитъ обратно, повторяя:

Довольно я скитался въ здѣшнемъ мірѣ,
Вдали моихъ отечественныхъ звѣздъ!
Я видѣлъ Римъ—волочія потогъ,
Венецію въ разодранной порогѣ,
Печальную—а Неаполемъ Могъ,
Миллѣй нѣтъ сталъ чемъ *romae dei sospiri!*

А что и говорить о тѣхъ странствователяхъ, которые полетятъ на чужбину, какъ пчелы, и принесутъ плоды странствованій въ своихъ наблюденіяхъ, въ

замѣткахъ о томъ хорошемъ чего еще нѣтъ у насъ! Путешествовать, путешествовать, милостивые государи, и посмотрите, какъ усердно слѣдуютъ нынѣ всѣ столь благому совѣту. Всѣ ѣдутъ, кто учиться, кто лечится, кто за полезнымъ, кто за тоскою по родинѣ, кто отъ отъ нечего дѣлать, но только ѣдутъ всѣ.

Съ невольной задумчивостью смотрѣлъ я, какъ забороздилъ по Невѣ гордый, самодовольный парохоль, и десятки рукъ замахали съ берега и парохода шипами и платками, и на десяти языкахъ раздавалось: «Счастливыи путь! До свиданья!» Мнѣ пришло въ голову что до-сихъ-поръ,

Не могъ, но силъ я судьбы устава,
Перешагнуть за русскій нашъ пороги.
Всю матушку-Россию слѣва, справа
Изъездивши, и вдоль и поперекъ.....

Что дѣлать! А, кажется, такъ легко—возвратиться и по-
каль! Много ли средствъ наобико теперь, съ парохо-
дами и шлюзовами, проехаться слѣва, справа, вдоль
и поперекъ по всей Европѣ? Лѣтъ на пятьдесятъ даже
изъ Москвы въ Харьковъ, или изъ Казани въ Тамбовъ,
труднее было проехать; теперь изъ Москвы
въ Царинъ, изъ Нернбурга въ Мадридъ! Судьба, судь-
ба! Когда-нибудь съ ливной пестраюся вознагради
за прошедшее, поѣду въ Цариградъ, посмотрю Иеру-
лимъ, взгляну на обломки Аѳинъ, полюбуюсь на Не-
аполь, преклонюсь передъ державнымъ старцомъ Ри-
момъ, перейду черезъ Сенъ-Готардъ, осмотрю ледники
Монблана, стану призывать имя Лауръ, при струяхъ
Воклюза, увижу Нарвиъ, съ его театрами и чудесами,
Лондонъ, съ его кораблями и богатѣйшею торговлею...
А Рейнъ, съ его воспоминаніями? А ты, Амстердамъ,
съ своими плотинами, патриархальная Германия, ро-
скошная Вѣна, шеголь Берлинъ, вы, скалы Скандина-
вскія, какъ не посвятить васъ! Daphn, Daphn! Туда,

туда!... Стой; воображеніе! Покаместъ мы идемъ вмѣстѣ съ тобою отъ Англійской Набережной къ Поцелуеву Мосту; и пока мы собираемся, время дѣлаетъ свое; также путешествуетъ, и считаетъ песчинки своихъ неумолимыхъ часовъ, и, можетъ-быть, досчитываетъ для насъ послѣднія, и велитъ намъ отправиться съ путешествовать—только не по Европѣ....

Выкупи же угрюмую дѣйствительность твоими мечтами, другъ и братъ нашъ, воображеніе, ты, отъ котораго пески и степи кажутся очаровательными садами, для котораго нѣтъ расстояній, не надобно ни пароводовъ, ни паровозовъ.

И оно, всегда услужливое, готово явиться на призывъ. Оно проситъ васъ спокойно сѣсть въ ваши кресла, подносить вамъ сигарку, если вы курите, и отъправляется съ вами..... куда? Куда прикажете! Вотъ сейчасъ проехали мы съ нимъ въ Лондонъ, повернули въ Парижъ, проплыли по Рейну, присутствовали на ученое собраніе Германцовъ, лазили по альпійскимъ ледникамъ. Не угодно ли и вамъ совершить такую же прогулку? Ничего нѣтъ легче: вотъ вамъ два новыхъ путешествія — читайте ихъ и сопровождайте мечтами путешественниковъ по сушѣ и по морю; они оба наши земляки, оба такъ мастерски рассказываютъ, что не тратя ни денегъ, ни времени; благодаримъ и воображенію, вы наглядитесь и наслушаетесь вдоволь. Вамъ угодно знать имена нашихъ путешественниковъ? Это господинъ Симонъ, профессоръ мюнхенскаго университета, и князь Метерский; котораго читали въ Гбландайнъ и Вельга, впрямую, вы уже знаете. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочитавши повѣсти о путешествіи, которае совершилъ онъ въ 1842 году въ Англию, Францію и Германію; и другаго въ прогулкѣ его по Рейну и Швейцаріи; вы хотѣли передать здѣсь нѣсколько очерковъ ихъ нашимъ читателямъ, и такъ возбудить любопытство прочи-

тать оба путешествія вполне. Трудъ не будетъ потерянъ.

Особливо такое указаніе необходимо для путешествія господина Симонова. Могутъ подумать, что путешествуя какъ профессоръ астрономіи, онъ думалъ только о своей наукѣ, глядѣлъ только на обсерваторіи, и потому записки его не могутъ имѣть общаго интересу для читателей. Напротивъ, записки господина Симонова принадлежатъ къ числу самыхъ занимательныхъ путешествій. Онъ опытный странникъ: въ 1820 году онъ объѣхалъ кругомъ свѣта, съ достопамятнымъ путешественникомъ русскимъ, *Ф. Ф. Беллинсгаузенемъ*, и съ нимъ подходилъ къ южному полюсу ближе Кука. Потомъ господинъ Симоновъ задалъ по Европѣ въ 1824 году, и прожилъ около года въ Парижѣ. Новое путешествіе было ему необходимо чтобы оживиться *европейскими* идеями, возобновить прежнія знакомства, завести новыя, обмѣняться своими открытіями на открытія ученыхъ собратовъ. Еще въ 1833 году Нѣмцы приглашали господина Симонова на съездъ свой. Въ 1842 году онъ имѣлъ главною цѣлью манчестерское собраніе англійскихъ ученыхъ, но задержанный обязанностями службы, онодалъ, и рѣшился замѣнить его собраніемъ нѣмецкихъ ученыхъ, бывшимъ въ Манницѣ.

Господинъ Симоновъ отправился изъ Кронштадта июня двадцатаго, достигъ на пароходѣ до Любека, осмотрѣлъ обсерваторію въ Гамбургѣ, и другую въ Альтопѣ, гдѣ познакомился, на возвратномъ пути, съ заслуженнымъ астрономомъ Шумахеромъ, бывшимъ директоромъ копенгагенской обсерваторіи. Мы не будемъ слѣдовать за нимъ ни на ту, ни на другую, и даже на Гринвичскую обсерваторію. Намъ гораздо любопытнѣе, когда господинъ Симоновъ знакомитъ насъ съ учеными, имена которыхъ произносимъ мы почтительно, какъ ученыхъ, знакомитъ и съ ними; какъ съ людьми. Онъ

видѣлся въ Лондонѣ съ знаменитымъ любителемъ астрономіи, графомъ Россомъ, узналъ славнаго путешественника Сабина, бесѣдовалъ съ Бебеджемъ объ его машинахъ, слышалъ отъ извѣстнаго астронома Соута подробности о жизни Фаредѣ, и передаетъ намъ свои воспоминанія о Гершелѣ. Выписываемъ все это въ сокращеніи, потому что здѣсь читатели увидятъ множество драгоценныхъ подробностей.

Юля пятаго, въ осемь часовъ вечера, обѣдалъ у графа Росса вмѣстѣ съ Морчиссономъ, капитаномъ Бофортомъ, Бебеджемъ, Соутомъ, Витстономъ, кенигсбергскимъ математикомъ Якоби, дублинскимъ профессоромъ математики Макъ-Кулохомъ, и миланскимъ астрономомъ Фризіани. Столъ былъ богатый, обѣдъ роскошный, а бесѣда столь извѣстныхъ въ ученomъ мѣрѣ людей весьма занимательная. Глубокая ученость перемежалась съ остроуміемъ самымъ приятнымъ образомъ. Графъ Россъ любитъ механическую и созерцательную часть астрономіи. Въ его ирландскомъ имѣніи дѣлаются исполнскіе рефлекторы, по правиламъ Ньютона. По словамъ графа въ его телескопъ съ зеркаломъ, въ три фута въ діаметрѣ, съ увеличеніемъ отъ 1,100 до 1,600 разъ, въ туманныхъ пятнахъ Лиры и рогахъ Тельца видны такія мелкія звѣзды, какихъ никто не видалъ ни въ рефракторы, ни въ гершелевы трубы. Теперь у графа Росса дѣлается телескопъ въ 56 футовъ длиною, съ зеркаломъ въ шесть футовъ въ діаметрѣ. Это будетъ самая огромная труба въ мѣрѣ; плоскость ея зеркала *въ два съ четвертью* раза болѣе площади самыхъ большихъ гершелевыхъ зеркалъ, и почти въ двадцать-пять разъ болѣе площади стеклупулковскаго рефрактора. Графъ Россъ увѣряетъ, что у него съ помощію паровой машины, вытачиваются и полируются правильныя параболическія зеркала изъ массы, составленной изъ четырехъ атомовъ мѣди и изъ одного атома олова. Такимъ образомъ механическія средства астрономіи беспрестанно совершенствуются. Главное неудобство металлическихъ зеркалъ состоитъ въ томъ, что полированная поверхность металла окисляется отъ прикосновенія воздуха и теряетъ отражательную силу. Графъ Россъ увѣряетъ,

что у него найдено средство содержать зеркала въ безвоздушномъ мѣстѣ. Это можно сдѣлать въ то время, когда не производится наблюденія, оставляя весьма малое пространство между зеркаломъ и его крышкой, и вытягивая оттуда воздухъ. Но во время наблюдений невозможно сберечь зеркала отъ прикосновенія воздуха и окисленія. По этой именно причинѣ *рефракторы*, или трубы со стеклами, предпочитаются *рефлекторамъ*, или телескопамъ съ металлическими зеркалами. Многія европейскія обсерваторіи имѣютъ гершелевы трубы самаго большаго размѣру безъ всякаго употребленія. Между-тѣмъ, какое великолѣпное зрѣлище представилось Гершелю, когда наблюдательное око его вооружилось въ первый разъ вновь сдѣланнымъ имъ, въ 1789 году, телескопомъ, увеличивавшимъ предметы въ 6,000 разъ! Онъ открылъ множество звѣздъ тамъ, гдѣ въ другіе очень сильныя телескопы едва примѣтны были бѣлыя пятна; вхожденіе Сиріуса въ поле трубы его предшествовалось, какъ-будто утренней зарей, и звѣзда являлась потомъ съ блескомъ восходящаго солнца; очень малыя звѣзды изливали въ трубѣ Гершеля свѣтъ, равный совокупному свѣту всѣхъ звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ, а пятно Ориона распространяло въ ней свѣтъ, равный дневному.

Говоря обыкновеннымъ языкомъ, металлическія зеркала скоро тускнутъ, но кромѣ этого недостатка, они поглощаютъ лучи свѣта несравненно болѣе, нежели чистыя стекла. Самъ Вилліамъ Гершель доказалъ это опытами, основанными на фотометрическихъ способахъ Бугера, и нашелъ:

1) если 100,000 лучей падаютъ почти перпендикулярно на плоское, совершенно гладкое зеркало, сдѣланное изъ смѣси металловъ, каковую Гершель употреблялъ въ своихъ телескопахъ, то оно отразитъ только 67,300 лучей.

2) если 100,000 лучей проходятъ сквозь обыкновенное стекло, толщиною почти равное глазнымъ стекламъ большаго увеличиванія, и почти перпендикулярно къ ея совершенно полированнымъ и параллельнымъ поверхностямъ, то черезъ это стекло пройдутъ 94,800 лучей.

Самая большая диоптрическая труба, или рефракторъ, находится нынѣ на Главной Пулковской Обсерваторіи, съ

предметнымъ стекломъ въ $14\frac{1}{2}$ дюймовъ, а длиною въ 21 футъ. Вторыя по величинѣ четыре такого роду трубы, длиною около 14 футовъ, съ предметнымъ стекломъ около $9\frac{1}{2}$ дюймовъ, находятся на обсерваторіяхъ дерптской, казанской, берлинской и мюнхенской. Всѣ онѣ сдѣланы въ заведеніи Уцшнейдера и Фраунгофера, въ Мюнхенѣ. Кошюа дѣлаетъ въ Парижѣ также большія стекла до $13\frac{1}{2}$ и до 14 дюймовъ въ диаметрѣ; но до-сихъ-поръ ни одной трубы съ такимъ большимъ стекломъ Кошюа нѣтъ въ употребленіи. Главное затрудненіе, дѣлать большія ахроматическія стекла, заключается въ составленіи массы стекла, называемаго *флинтъ-глассъ* (flint glass). Этотъ родъ стекла заключаетъ въ себѣ очень много свинцу, который, при охлажденіи расплавленной массы, по тяжести своей, неровно садится, почему трудно выточить изъ флинтъ-гласса, большую линзу, такъ, чтобы свинецъ расположился равномерно во всемъ ея объемѣ. Еще Шретеръ предложилъ раздѣлить флинтъ отъ кронъ-гласса, и поставить его внутри трубы, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сходящіеся лучи позволили бы употребить стекло изъ флинта въ меньшемъ размѣрѣ противъ предметнаго стекла изъ кронъ-гласса. Такія трубы, называемыя *диалетическими*, дѣлаются нынѣ, въ маломъ размѣрѣ въ Вѣнѣ, Пlessелемъ. Но до-сихъ-поръ онѣ не вошли еще въ употребленіе, думаю потому, что Пlessель дѣлаетъ ихъ очень мало, такъ, что заказавшя ему, за нѣсколько лѣтъ, диалетическія трубы для пужковской и казанской обсерваторіи, до-сихъ-поръ еще не сдѣланы. Если это искусство усовершенствуется, то можно будетъ дѣлать гигантскія диалетическія трубы, въ которыхъ стекло изъ флинтъ-гласса будетъ имѣть въ диаметрѣ до пятнадцати дюймовъ, а предметное стекло изъ кронъ-гласса въ соразмѣрности гораздо болѣе.

«Большія предметныя стекла имѣютъ тотъ недостатокъ, что, по толщинѣ своей, поглощаютъ много лучей. Мнѣ кажется, что этому можно помочь, дѣлая ихъ наподобіе френделевыхъ зажигательныхъ стеколъ, которыя, будучи въ три фута въ диаметрѣ, плавятъ платину. Если усовершенствуется способъ выгачивать стекла изъ кронъ-гласса съ параболическими поверхностями, имѣющими одинъ фо-

кусь, то отъ діалектическихъ трубъ, съ такими предметными стеклами, должно ожидать чрезвычайной силы свѣту, и предвидѣть невозможно, что съ помощію ихъ на небѣ и на поверхности септмилъ небесныхъ усмотрѣть будетъ можно.

«Осмотрѣвши гриничскую обсерваторію мы поѣхали въ Вуличъ. Намѣреніе мое было видѣться и познакомиться съ подполковникомъ Сэбиномъ (Edward Sabine), который съ неутомимою дѣятельностію и съ отличными успѣхомъ занимается изслѣдованіемъ земнаго магнетизма. Господинъ Сэбинъ, въ званіи артиллерійскаго капитана, совершилъ два путешествія въ Ледовитое Море Сѣверной Америки, одно подъ командою капитана Росса-старшаго (John Ross), другое подъ начальствомъ капитана Пэрри (Edward Parry). Нынѣ господинъ Сэбинъ, будучи артиллеріи подполковникомъ, занимаетъ мѣсто вице-президента Королевскаго Общества и главнаго секретаря Британскаго Общества для успѣховъ наукъ. Онъ завѣдываетъ въ Вуличѣ прекраснымъ и полнымъ собраніемъ инструментовъ, служащихъ къ изслѣдованію дѣйствій земнаго магнетизма, приучаетъ къ ихъ употребленію желающихъ заняться этимъ предметомъ, разсматриваетъ всѣ магнитныя наблюденія, производимыя подъ покровительствомъ англійскаго правительства, или британскихъ ученыхъ обществъ, выводитъ результаты изъ наблюденій, и публикуетъ ихъ въ запискахъ Лондонскаго Королевскаго Общества наукъ, издаваемыхъ ежегодно подъ названіемъ: *Philosophical Transactions*.

«Господинъ Сэбинъ, въ 1838 и 1839 годахъ, представилъ Британскому Обществу, пекущемуся объ успѣхахъ наукъ (British Association for the advancement of Science), доиссненія объ измѣненіи напряженія силъ земнаго магнетизма, и линіяхъ равнаго наклоненія (Isoclinal) и равнаго напряженія (Isodynamic). Они заключаютъ въ себѣ любопытныя свѣдѣнія объ изслѣдованіяхъ надъ земнымъ магнетизмомъ, карты, составленныя изъ многочисленныхъ наблюденій. Когда баронъ Александръ Гумбольдтъ, въ письмахъ своихъ къ герцогу Суссекскому, въ 1836 году, и къ графу Минто, въ 1839 году, изложилъ всю подлау, какой отъ

познанія законовъ земнаго магнетизма ожидать должно; и когда послѣ того англійское правительство и британскія ученые общества учредили въ мѣстахъ тропическихъ и въ умѣренномъ полѣхъ южнаго полушарія магнитныя обсерваторіи, то господинъ Сэбинъ составилъ для нихъ полную инструкцію о томъ, какимъ образомъ должно производить магнитныя и метеорологическія наблюденія. Россія приняла дѣятельное участіе въ этомъ полезномъ предпріятіи, и учредила, какъ внутри обширной имперіи до Америки, такъ и за предѣлами ея до Пекина, многія магнитныя обсерваторіи. Такимъ образомъ ученые заведенія Россіи и Англии, Санктпетербургская Академія Наукъ, Штабъ Горныхъ Инженеровъ, Казанскій Университетъ и Лондонское Королевское Общество, вошли въ тѣсное между собою отношеніе.

«Занявшись теоретическими и практическими изслѣдованіями земнаго магнетизма, и имѣя смотрѣніе надъ казанскою магнитною обсерваторіею, я желалъ познакомиться съ Сэбиномъ и войти съ нимъ въ ученое сношеніе. Мнѣ пріятно было найти въ немъ человѣка, страстнаго къ наукамъ по уму, добраго по сердцу и дружелюбнаго въ обращеніи. Никогда не забуду обязательнаго гостеприимства его любезнаго семейства.

«До пріѣзду моего въ Вуличъ, я не былъ знакомъ съ господиномъ Сэбиномъ лично, но спутникъ мой, Фризиани, познакомился съ нимъ въ Манчестерѣ, и предупредивъ Сэбина о своемъ пріѣздѣ, почему и выслана была ему на встрѣчу коляска; въ ней была госпожа Сэбинъ съ матерью. Когда я подошелъ съ Фризиани къ дамамъ, онѣ догадались, что это былъ я, потому что знали о моемъ пріѣздѣ въ Лондонъ, и о томъ, что я не замедлю посѣтить господина Сэбина. Едва мы подъѣхали къ дому, въ которомъ Сэбинъ занимается дѣлами по службѣ, онъ вышелъ на крыльцо, и увидѣвъ во мнѣ незнакомаго человѣка, такъ же какъ и его дамы, по догадкѣ, назвалъ меня по имени. Тутъ, въ отдѣленіи господина Сэбина, видѣлъ я полное собраніе прекрасныхъ инструментовъ, относящихся къ изслѣдованію земнаго магнетизма. Съ помощью ихъ господинъ Сэбинъ приготовляетъ наблюдателей, и дѣлаетъ свои опыты и изысканія;

но постоянныя, ежечасныя наблюденія производятся на гринвичской обсерваторіи. Семейство господина Сэбина живет недалеко отъ Вулича, въ мѣстечкѣ, называемомъ Кенткетичъ. Господинъ Сэбинъ пригласилъ насъ обѣдать, времени до обѣда оставалось довольно много, дамы предложили намъ видѣть арсеналъ и адмиралтейство, на что мы имѣли уже поворотеіе изъ Лондона. Осмотрѣвъ въ этихъ двухъ обширныхъ заведеніяхъ всѣ работы, относящіяся къ приготовленію артиллерійскихъ орудій, и все кораблестроительное производство, мы поѣхали въ Кенткетичъ. Желая видѣть окрестности Вулича, мы объѣхали кругомъ по прекрасной дорогѣ, гдѣ, между прочимъ, показали намъ замокъ времени Елизаветы, принадлежащій фамиліи Вильсонъ. Англичане дорожатъ такими родовыми замками, потому что они означаютъ древность фамиліи, и напоминаютъ старинныя британскіе обычаи и древній британскій языкъ.

«Во все время пребыванія моего въ Лондонѣ, часто бывалъ я въ Кенткетичѣ у господина Сэбина. Онъ простиралъ ко мнѣ свою дружбу до того, что будучи предувѣдомленъ о моемъ посѣщеніи, всякій разъ присылалъ за мною кляю въ Гринвичъ, куда я приѣзжалъ по желѣзной дорогѣ. Иногда госпожа Сэбинъ сама приѣзжала за мной къ гринвичской желѣзной дорогѣ, съ кѣмъ шибудь изъ своихъ знакомыхъ дамъ. Небольшое, но пріятное общество, которое я встрѣчалъ у господина Сэбина, и въ нѣкоторыхъ другихъ лондонскихъ домахъ, утвердило меня въ мнѣніи объ отличномъ воспитаніи Англичанокъ. Госпожа Сэбинъ въ юности своей прілежно училась математикѣ, и любила эту науку до того, что не пропускала уроковъ, несмотря на болѣзнь, если случалось ей быть нездоровою. Она помогаетъ мужу дѣлать магнитныя наблюденія, знаетъ нѣмецкій языкъ, и переводитъ для мужа статьи Гаусса, относящіяся къ магнитнымъ изслѣдованіямъ. Она перевела съ нѣмецкаго языка на англійскій, и напечатала путешествіе нашего контръ-адмирала Врангеля по берегамъ Ледовитаго Моря. Это напоминаетъ мнѣ госпожу Гершель (Miss Caroline Herschel), которая наблюдала комету Энке, и составила каталогъ двойныхъ звѣздъ изъ наблюденій брата своего Вильяма Гер-

цедя, госпожу Сомервилъ, которая перевела небесную механику Лапласа, и составила прекрасную книгу подъ названіемъ: *Взаимная связь физическихъ наукъ*.

«Положимъ, что Каролина Гершель и Марія Сомервилъ, посвятивъ себя исключительно наукамъ, вышли уже изъ круга сравненій, но вотъ другой примѣръ изъ обыкновенной семейной жизни.

«Въ 1816 году, Араго и Ге-Люссакъ пріѣхали въ Лондонъ. Френель, сочиненіемъ своимъ объ отклоненіи свѣта (*diffraction*), блистательно вступилъ тогда на поприще наукъ. Французскіе ученые почитали одинъ изъ опытовъ Френеля опроверженіемъ Нютоновой теоріи. Разумѣется, онъ былъ первымъ предметомъ ихъ разговоровъ съ докторомъ Юнгъ, который подобными трудами прославилъ Англию. Юнгъ объявилъ имъ, что этотъ опытъ былъ напечатанъ въ 1807 году, въ его разсужденіи объ естественной философіи. Араго и Ге-Люссакъ усомнились, изъ чего произошелъ продолжительный споръ. Госпожа Юнгъ, повидимому, не принимала никакого участія въ ихъ спорѣ, и вышла изъ гостиной. Французскіе ученые сначала думали, что она недовольна нескромнымъ споромъ гостей прѣтивъ ея мужа. Они начали уже извиняться передъ нимъ, какъ-вдругъ она входитъ въ гостиную съ огромною книгою. Это былъ первый томъ разсужденія объ естественной философіи Юнга. Хозяйка положила книгу на столъ, открыла ее на 787 страницѣ, и не говоря ни слова, показала то мѣсто, гдѣ теоретически было доказано явленіе, о которомъ спорили.

«Надобно отдать справедливость Англичанкамъ, что онѣ никогда не тщеславятся своими познаніями. Онѣ боятся прослыть *учеными женщинами*, и получить названіе *blue stockings*, а потому бываютъ осторожны передъ посторонними людьми. Госпожа Сэбинъ, при всей своей любезности въ обращеніи, никогда не выказывала своихъ знаній, никогда не говорила о своихъ ученыхъ занятіяхъ, и никогда не вмѣшивалась въ нашъ разговоръ съ ея мужемъ о магнитныхъ явленіяхъ. Но она слушала внимательно то, о чемъ мы говорили, и мужъ ея всегда спрашивалъ у ней о томъ, что онъ забывалъ. Изъ отвѣтовъ ея можно было видѣть, что она принимаетъ участіе въ

его наблюденіяхъ, въ чемъ я удостовѣрился въ Лондонѣ отъ тѣхъ, кто ее знаетъ. Въ Англіи воспитанію дѣвицъ даютъ такое направленіе, что вышедши замужъ сообразно съ своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, онѣ дѣлаются ближайшими помощницами во всѣхъ дѣлахъ и занятіяхъ своего мужа. Такія связи служатъ лучшимъ залогомъ для семейнаго счастья.

«Кенсингтонская обсерваторія Соута одно изъ самыхъ обширнѣйшихъ и богатѣйшихъ заведеній такого рода, принадлежащихъ частному человѣку. Осмотрѣвъ ее, долго еще бесѣдовали мы съ нимъ въ его кабинетѣ. Разговоръ нашъ, переходя отъ одного предмета къ другому, коснулся, наконецъ, знаменитаго химика Фаредѣ. «Это человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенный», сказалъ мнѣ господинъ Соутъ, и подвелъ къ столу, на которомъ стоитъ подъ стекляннымъ колпакомъ электрическая машина, самой грубой работы, съ маленькимъ стекляннымъ цилиндромъ. Посмотрите на эту машину, продолжалъ онъ, и послушайте:

«Родители Михаила Фаредѣ принадлежали къ классу бѣдныхъ работниковъ. Братъ его былъ мѣдникъ. Михаилъ Фаредѣ отданъ былъ въ услуженіе, безъ платы, къ переплетчику Ригу, или Рибо, не упоминая. Онъ получалъ только полтора шиллинга въ день отъ людей, которымъ разносилъ газеты. Бывши семнадцати лѣтъ, онъ увидѣлъ гдѣ-то электрическую машину, и возмѣлъ сильное желаніе сдѣлать себѣ что-нибудь подобное. Накопивъ, въ пять или шесть мѣсяцевъ, нѣсколько шиллинговъ, хотѣлъ онъ купить маленькій цилиндръ, но у него не достало одного шиллинга. Онъ попросилъ взасемъ у хозяина, который далъ ему шиллингъ, съ условіемъ уплачивать по четверти долга черезъ каждые три мѣсяца. Фаредѣ купилъ, вотъ этотъ цилиндръ, за нѣсколько пенсовъ; плотникъ сдѣлалъ ему вотъ эти деревянныя подставки. Фаредѣ выпросилъ у хозяина, вотъ эту доску, которая принадлежала нѣкогда къ какому-то ящичку. Доску онъ обрѣзалъ перочиннымъ ножикомъ. Желѣзнымъ раскаленнымъ прутомъ отъ камня прожегъ онъ дыры, и сдѣлалъ подставки. Братъ его продалъ въ цилиндръ мѣдную ось; другія мѣдныя части ма-

шины, очень дурной работы, сдѣланы были братомъ Фаредѣ, и куплены на пенсы, имъ сбереженные. Самъ Михаилъ Фаредѣ налилъ въ цилиндръ на оба конца по-немного сургучу, сдѣлалъ подушки, и покрылъ цилиндръ лоскуткомъ, вотъ этого изорваннаго галстука.—Сказавъ это, Соутъ показалъ мнѣ худую косынку, хранящуюся подъ тѣмъ же стекляннымъ колпакомъ. — Вотъ первое поприще Фаредѣ по предмету электричества, на которомъ онъ оказалъ столько услугъ своими важными открытіями.

— Какъ досталась вамъ эта машина? спросилъ я.

— Мы теперь друзья съ Фаредѣ. Однажды, рассказывая мнѣ свою жизнь, онъ жалѣлъ, что подарилъ первую свою электрическую машину бывшему пріятелю своему, съ которымъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, прекратилъ знакомство. Онъ не хотѣлъ просить ея обратно, и не хотѣлъ мнѣ сказать имени того, кому подарилъ ее. Но въ разговорѣ я вслушался въ имя Д....., нечаянно имъ произнесенное. Возвратившись домой, я справился съ книгою адресовъ, и между прочими подобными именами остановился, на-удачу, на имени: Д....*мебельный мастеръ, на Оксфордской Улицѣ.* На-удачу поѣхалъ я къ нему, подъ предлогомъ посмотреть мебель, и случайно нашелъ въ немъ человѣка, котораго мнѣ сыскать хотѣлось. По случаю открылось, что въ магазинѣ дѣлалась нѣкогда вся моя мебель. Д..... зналъ о томъ по своимъ книгамъ, но мнѣ это было неизвѣстно, потому что магазинъ помещался тогда въ другомъ домѣ, и управлялся другимъ хозяиномъ. Я началъ разговоръ съ мебели, и мало-по-малу привелъ къ Фаредѣ. «Нѣкогда мы были съ нимъ пріятелями,» сказалъ мнѣ Д..... «Онъ подарилъ мнѣ свою машину.»—Уступите мнѣ ее.—«Не могу, потому что я подарилъ ее двоюродному брату.»—Какъ его зовутъ?—«Д....., какъ и меня.»—Гдѣ онъ живетъ?—«Въ Страндѣ, №.....»

«Соутъ поѣхалъ къ другому Д....., съ намѣреніемъ купить у него машину Фаредѣ, но тотъ, видя, сколько онъ дорожитъ ею, подарилъ ему машину, а Соутъ отблагодарилъ его, подаривъ госпожѣ Д.... билетъ въ десять фунтовъ стерлинговъ, на шляпку. Онъ привезъ машину къ Фаредѣ, и поставилъ ее на столѣ во время его отсутствія.

Фаредэ очень обрадовался, увидѣвъ первый свой трудъ, хотя несовершенный, но давшій направленіе уму его, и тѣмъ составившій все его счастье, всю его славу. Онъ увидѣлъ ее, какъ стараго друга, съ которымъ не хотѣлъ бы никогда разстаться, но усердіе другаго друга, доставшаго ему эту радость, побѣдило его, и чувство благодарности заставило уступить машину господину Соуту.

— Это первая начала Фаредэ по части электричества, а вотъ первый шагъ его къ познанію химіи, сказалъ мнѣ господинъ Соутъ, доставъ изъ-подъ другаго стекляннаго колпачатри книги. Эти записки самимъ имъ составлены, переписаны, самимъ переплетены и рисунки самимъ имъ начерчены. Первые уроки получалъ онъ за малую плату, отъ частнаго учителя Дет..... Онъ ходилъ къ нему въ свободное время, а по ночамъ переписывалъ его уроки. Составивъ такимъ образомъ первую книгу, онъ посвятилъ ее своему хозяину. Въ одно утро приходитъ къ переплетчику членъ института (Royal Institution), основаннаго графомъ Румфордъ, и утвержденаго Георгомъ Третьимъ, гдѣ читаются курсы наукъ примѣненныхъ къ искусствамъ, промышленности, и вообще къ пользамъ общественной жизни. Записки Фаредэ попались ему въ руки.—Что это за рукопись? спросилъ онъ у хозяина.—«А! это мой Михайло охотился», отвѣчалъ хозяинъ.— Членъ института, узнавъ всѣ подробности; какимъ образомъ молодой служитель переплетчика учился химіи и составилъ записки изъ уроковъ учителя, выпросилъ ихъ на время себѣ, показалъ въ совѣтъ, и Фаредэ позволено было слушать лекціи знаменитаго химика Дэви (Sir Humphry Davy). Вскорѣ послѣ-того дано ему было ежегодное денежное пособіе; и съ этого времени началось поприще Фаредэ, столь славное для него и для Англіи.

«Фаредэ, сказалъ мнѣ Соутъ, необыкновенный человекъ, не только по уму, но и по сердцу. У него были сестра и совершенно бѣдные родители. Онъ хотѣлъ дать воспитаніе сестрѣ, и бывши слушателемъ въ институтѣ, улаживалъ на это столько изъ своей стипендіи, что нѣтъ дня въ недѣлю принужденъ былъ есть хлѣбъ и пить воду. Событиями своими воспитаніемъ обязанъ онъ себѣ само-

му, и столько успѣлъ въ общемъ образованіи, что на лекціяхъ своихъ говоритъ краснорѣчиво и безъ всякаго ошибки противъ правилъ языка.

«Фаредѣ первымъ однимъ давленіемъ привелъ нѣкоторыя газы въ жидкотекучее состояніе, открылъ, что химическое составленіе и разложеніе тѣлъ требуютъ равной степени электричества, доказалъ сходство между магнетизмомъ и электричествомъ, раздѣлилъ тѣла на три класса, относительно къ магнетизму: первое, на которыя дѣйствуетъ магнетизмъ въ покоѣ, второе, на которыя онъ дѣйствуетъ въ движеніи и третье, на которыя вовсе магнетизмъ не дѣйствуетъ. Многіе его опыты служатъ къ распространенію круга нашихъ познаній въ физикѣ и химіи».

Пропускаемъ описаніе лондонскаго тоннеля, Вестминстерскаго Аббатства, церкви Святаго Павла, Бедлама, Ньюгета, зоологическаго сада, и великолѣпнаго гулянья въ немъ, Парка Регентова, Виндзорскаго Замка, засѣданія Королевскаго Общества, но вотъ отрывокъ изъ посѣщенія господиномъ Симоновымъ дворца и садовъ въ Кью (Kew), славныхъ своими ботаническими сокровищами.

«Прогулка моя по садамъ Кью была неудачна; шелъ дождь и было грязно, но я вознагражденъ знакомствомъ съ господиномъ Гукеромъ (sig William Hooker), директоромъ всѣхъ королевскихъ садовъ въ Кью. Будучи предугаданъ о моемъ посѣщеніи, онъ ожидалъ меня, и познакомилъ съ своимъ семействомъ, которое приняло меня съ искреннимъ дружелюбіемъ; особенно потому, что я былъ въ рядахъ антарктическихъ, гдѣ единственный сынъ господина Гукера (Dr. Joseph Dalton Hooker, Aide-Chirurgien) путешествуетъ, въ качествѣ натуралиста, на кораблѣ «Вребуокъ», подъ командою Джемса Росса.

«Извѣстны открытія капитана Джемса Кларка Росса къ Южному Ледовитому Морю. До него честь открытія саянскихъ живыхъ осека принадлежала самымъ обширнымъ мореплавателямъ. Россійскій императорскій флагъ въ кар-

ствование императрицы Екатерины Второй развѣвался подъ 80° сѣверной широты, а въ царствованіе императора Александра, капитанъ Беллингсгаузенъ на шлюпѣ «Востокъ», въ 1720 году, достигъ до 70° южной широты, — до тѣхъ предѣловъ, гдѣ и предприимчивому Куку вѣчные льды положили непроницаемую преграду, и гдѣ онъ на картѣ написалъ *non plus ultra*. Кукъ распространилъ географическія познанія у антарктическаго полярнаго круга, до послѣдняго острова Южной Сандвичевой Земли (*) лежащаго подъ 58 градусомъ южной широты, а капитанъ Беллингсгаузенъ, обрѣтеніемъ острова Петра Перваго и берега Александра Перваго подъ 69° южной широты, перенесъ эти антарктическія открытія за полярный кругъ. Непроницаемые льды не позволили капитану Беллингсгаузену распространить свои многочисленныя открытія, далѣе къ югу. Нынѣ, по прошествіи двадцати лѣтъ съ того времени, обстоятельства перемѣнились: льды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разступались, и допустили капитана Росса открыть обширный берегъ Южной Викторіи, который простирается отъ 71° до 78°, а съ сосѣдственными островами до 79° южной широты. Такимъ образомъ капитану Россу оставалось пройти до полюса не болѣе 11°, или тысячи ста пятидесяти верстъ. Земля Викторія тѣмъ примѣчательна, что во внутренности ея, недалеко отъ берега, стирятаго Россомъ въ 76° южной широты и во 148° восточной долготы отъ гринвичскаго меридіана, находится южный магнитный полюсъ. Берегъ Викторія украшенъ огнедышащегорою, которую Россъ назвалъ по имени своего корвета — *Эребусъ*. Госпожа Гукеръ показала мнѣ рисунокъ этой горы; снятой съ натуры ея сыномъ. Картина великолѣпная. Гора Эребусъ, какъ гигантъ, возвышается на двѣнадцать тысячъ шесть сотъ футовъ надъ поверхностью океана. Она вся, отъ самой подошвы, покрыта снѣгомъ, и только на растаявшей вершинѣ, черная корона увѣнчивается

(*) Кукъ называлъ Южной Сандвичевой Землей острова, которые въ видѣхъ съ одной стороны. Капитанъ Беллингсгаузенъ обошелъ ихъ кругомъ и описалъ въ подробности. Эта группа небольшихъ острововъ и нынѣ слѣдуетъ считать, что должна состоять предполагать изъ безчисленнаго количества.

голову великана, а изъ середины вѣяли, подобно огромному перу, густой дымъ возвышается къ небу.

«Ему же, господину Джемсу Россу, суждено было открыть и положеніе сѣвернаго магнитнаго полюса. Во второе плаваніе дяди его John'a Росса, въ 1831 году, во льдахъ Баффина Моря, разбился ихъ корветтъ, и они скитались по снѣжнымъ берегамъ Сѣверной Америки. Въ этомъ отчаянномъ положеніи лейтенантъ Джемсъ Россъ нашелъ, что магнитная стрѣлка, — подъ сѣверною широтою $70^{\circ}5'17''$, и въ западной долготѣ отъ гриничскаго меридіана $96^{\circ}46'45''$, — была наклонена къ вертикальной линіи только на 1'. Этотъ пунктъ онъ принялъ магнитнымъ полюсомъ и водрузилъ на немъ знамя Великобританіи. — Необыкновенно было спасеніе ихъ изъ отчаяннаго положенія.

«Однажды увидѣли они купеческое судно китолововъ. Старшій Россъ велѣлъ снарядить лодки, на которыхъ пустились они въ море, на встрѣчу китоловамъ. — «Что за корабль, спрашиваютъ они? — Елизавета, покойнаго Росса, отвѣчаютъ имъ. — Россъ живъ и къ вамъ ѣдетъ, провозгласили съ лодокъ». Такимъ образомъ Россъ, съ племянникомъ своимъ и со всѣмъ экипажемъ, спасенъ былъ тѣмъ самымъ корветтомъ, которымъ онъ командовалъ въ первое свое путешествіе и который впоследствии времени проданъ былъ китоловамъ.

«Послѣ-того младшій Россъ (James Clark Ross), былъ губернаторомъ на Вандиміеновой Землѣ, а теперь, открывъ берегъ Викторіи, скитается, вѣроятно, въ Южномъ Ледовитомъ Морѣ, болѣе опасномъ нежели Сѣверное; потому особенно, что тамъ едва-ли кто-нибудь придетъ спасти ихъ, въ случаѣ несчастія, и едва-ли спасители найдутъ ихъ въ безпредѣльномъ лабиринтѣ лдяныхъ громадныхъ глыбъ, образующихъ необозримый архипелагъ лдяныхъ острововъ. Это не Баффиново море!... Я помню то время, когда нашіюль «Востокъ» матросъ, бывшій на *салниль*¹, считалъ окружающія насъ льдины. — Сколько? спрашиваютъ его. — На этой сторонѣ тысяча, а на этой не считалъ. — И что это за льдины, — мили двѣ длиною и футовъ двѣсти надъ

¹ Самая первая сѣлка на гротъ-мачтѣ.

поверхности океана. Помню увидѣе, которое увидѣло нами, когда забравшись въ чашу льдовъ во время тумановъ, мы оглянулись и не видѣли спутника нашего, шлюпа «Мирный». Мы обратились назадъ, и къ счастью встрѣтились съ нимъ на другой день. Очень непріятно было бы скитаться на одномъ шлюпѣ въ мѣстахъ столь опасныхъ, и не видѣть подлѣ себя спасителя въ несчастномъ случаѣ. Помню то мгновеніе, когда, въ день Рождества Христова, во время модебна, мы стояли на кофѣняхъ. Вдругъ шлюпъ «Востокъ» удержался о льдину и зашатался. Шлюпъ зашатался, а капитанъ Бедлинггаузенъ съ непоколебимымъ духомъ остался на кофѣняхъ, и предстоящіе молились не вставая съ мѣста, кромѣ капитанъ-лейтенанта Зарадовскаго, который вышелъ на шканцы, узналъ обстоятельство дѣла, доложилъ капитану, и опять сталъ подлѣ него на кофѣяхъ. Такимъ образомъ всѣ офицеры и матросы, кромѣ вахтенныхъ, оставались на кофѣняхъ до конца модебна—и молились.»

Вотъ нѣсколько изъ общихъ любезныхъ заботокъ господина Симона:

Въ 1842 году считалось въ Лондонѣ, кромѣ учебныхъ, семнадцать ученыхъ обществъ (Королевское Наукъ, Астрономическое, Геологическое, Медицинское, Медицины и Хирургіи, Минералогическое, Антикваріенъ, Френологическое, Математическое, Садоводства, Дитомологическое, Ливневое, Архитектурное, Философическое въ Сити, Философическое лондонское, Словоиспыт, Земледѣлія, и двадцать духовныхъ и благотворительныхъ (Библейское, Духовныхъ разсужденій, Для построения церквей, Для обращенія Иудеевъ, Для крещенія Негровъ, Библейское для солдатъ и матросовъ, Для распространенія религіи между бѣдными, Миссіонерское, Спифльское благотворительное, Филантропическое, Человѣколюбивое, Для истребленія нищихъ, Для освобожденія изъ тюремъ задолжавшихъ, Для воспитанія дѣтей преступниковъ, Для улучшенія тюремъ, Для воспитанія оставленныхъ родителями дѣтей, Благотворительное Вестминстерское; Для воспитанія дѣтей

свѣщенниковъ, для вспоможенія выдавъ в сиротамъ учителей, для воспитанія бѣдныхъ Ирландцевъ; для вспоможенія иностранцамъ). Кроме того заведено множество обществъ для поощренія изящныхъ художествъ, ремеслъ, промышленности и торговли.

Въ 1842 году ежедневно отправлялось изъ Лондона пять паровозовъ, по пяти дорогамъ: въ Бриджвотеръ, 228 $\frac{1}{2}$ верстъ, Бирмингэмъ, 179 верстъ, Соутамптонъ и Госпортъ, 116 верстъ, Брайтонъ, 76 верстъ, и въ Кембриджъ, до Спильбуна, 45 $\frac{1}{2}$ верстъ. Первое расстояние переѣзжали въ 5 $\frac{1}{2}$, второе въ 5, третье въ 3 $\frac{1}{2}$, четвертое въ 2, пятое въ 1 $\frac{1}{2}$ часовъ. Средняя скорость ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ въ Англии, вообще съ остановками на станціяхъ, полагается по 37 верстъ въ часъ. Причисляя всѣ соединительныя дороги, въ Англии считали, въ 1842 году, почти сорокъ дорогъ желѣзныхъ, которыми можно въѣздить всю Англию, и отчасти Шотландію и Ирландію. Самыми длинными изъ нихъ были: Great-Western, около 100 километровъ, бирмингэмская, около 181 километра, Соутамптонская, болѣе 149 километровъ. Для сооруженія первой изъ нихъ составленъ былъ капиталъ въ сто девяносто милліоновъ франковъ; для второй въ сто сорокъ четыре милліона, для третьей, въ три съ половиною милліона (считая фунтъ стерлинговъ въ двадцать пять франковъ). Первая изъ нихъ приносила акціонерамъ барышей по шести процентовъ, вторая около осьми, третья около десяти съ половиною. Барыши другихъ дорогъ доходили до двѣнадцати и даже пятнадцати; но большая часть не приносила шести, пяти и даже двухъ процентовъ.

Господинъ Симоновъ выѣхалъ изъ Лондона олдъ девятнадцатаго, и черезъ 3 $\frac{1}{2}$ часа былъ въ Портсмутѣ, проѣхавши 34 версту. Здѣсь въ ожиданіи переезда, онъ осматривалъ портъ, и вѣстивъ корабль Виктория, отпра-

исполненъ Англичанами, какъ памятникъ победы Трафальгарской и смерти Нельсона. Надъ адмиральскою каютою его вырѣзанъ послѣдній приказъ Нельсона: *Англія надеется, что каждый исполнитъ свою должность.* На шканцахъ надпись: *Здѣсь палъ Нельсонъ.* Въ одной изъ каютъ надпись: *Здѣсь умеръ Нельсонъ.*

«Получивъ въ Лондонѣ отъ лорда Гаддингтона позволеніе видѣть всѣ морскія работы въ Портсмутѣ, я представился къ адмиралу Кодрингтону. Онъ принялъ меня радушно, говорилъ о сношеніяхъ своихъ съ русскійскимъ флотомъ, въ то время, когда русскій, англійскій и французскій флоты были въ войнѣ съ турецкимъ и египетскимъ флотомъ, и съ удовольствіемъ вспоминалъ о М. П. Лазаревѣ, который со славою участвовалъ въ этой войнѣ.

«Мы обошли всѣ мастерскія, въ которыхъ выютъ веревки, длиною до одиннадцатитысячь футовъ, дѣлають блоки, жоря, мѣдныя вещи, варятъ и гнутъ дерево, составляютъ ячты и шпалы доски. Для каждой работы назначена особая мастерская. Особенно любопытно заведеніе, гдѣ приготавлиются блоки; оно устроено Брюкелемъ. Всѣ силы въ мастерскихъ приводятся въ дѣйствіе паровыми машинами; одна изъ нихъ, въ 30 силъ, выкачиваетъ тридцать девять тоннъ воды въ минуту.

«Вечеромъ, въ 5 часовъ, выѣхали мы въ лодкѣ на большой рейдъ, и ожидали парохода изъ Соутамптона. По одну сторону были въ виду Портсмутъ и Госпортъ, два города, отстоящіе одинъ отъ другаго менѣе версты, а съ другою, островъ Вайтъ (Wight). Это мѣсто мнѣ знакомо съ давняго времени. Здѣсь стоялъ на якорѣ шлюпъ «Востокъ», на которомъ я находился во время плаванія его около свѣта, подъ командою Беллинсгаузена. Въ то время мы были здѣсь не одни. На большомъ портсмутскомъ, или спиттедскомъ рейдѣ, сошлись тогда въ одно время пять русскійскихъ военныхъ шлюповъ: *Востокъ*, подъ командою капитана Ф. Ф. Беллинсгаузена, *Мирный*, подъ командою лейтенанта М. П. Лазарева, *Открытие*, подъ командою капитанъ-лейтенанта М. Н. Васильева, *Владимирский*, подъ командою лейтенанта Г. С. Шенникова.

и Камчатка, подъ командою капитана Головина. Первые два шлюпа составляли южную экспедицію, другіе два сѣверную; шлюпъ «Камчатка» возвращался въ Россію изъ Сѣверо-Западной Америки. Вскорѣ потомъ, принадлежавшее Россійско-Американской Компаніи, судно «Кутузовъ», бывшее подъ командою капитанъ-лейтенанта Гагенмейстера, возвращаясь въ Россію изъ Ситхи, бросило якорь на томъ же рейдѣ. Такимъ образомъ собралась тогда въ Портсмутѣ многочисленная компанія отличныхъ русскійскихъ морскихъ офицеровъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я объѣхалъ верхомъ бѣльшую часть острова Вайта, извѣстнаго по разнообразію и красотѣ видовъ, изобилію плодородія, богатству произрастеній, и превосходному для здоровья климату. Эти качества и красоты природы доставили ему названіе *Сада Анліи*, какъ Италия называется *Садами Европы*, а Неаполь *Садами Италіи*.

«Островъ Вайтъ въ длину 32 версты, въ ширину 18 верстъ. Рѣка Медина раздѣляетъ его на двѣ, почти равныя части, названныя Восточной Мединою и Западной Мединою (East-Medina, West Medina). Главный городъ острова называется Ньюпортъ. Сверхъ-того находятся тамъ города Коэсъ, Ярмутъ и Ньютоунъ (Cowes, Jarmouth, Newtown).

«Въ то время, когда я былъ въ этихъ мѣстахъ на шлюпѣ «Востокъ», портсмутскій рейдъ былъ оживленъ многими флагами и движеніемъ шлюпокъ, особенно въ тотъ день, когда прибылъ туда на прекрасной яхтѣ принцъ регентъ, бывшій послѣднимъ королемъ Великобританіи, Георгъ Четвертый. Онъ прогуливался по рейду, окруженный множествомъ ботовъ различной величины. Со всѣхъ судовъ, англійскихъ и русскійскихъ, гремѣли пушечные салюты, и люди, разставленные по реямъ, кричали: ура! Зрѣлище было великолѣпное. Нынѣ я не видалъ на большомъ рейдѣ ни одного бригга, ни одной шлюпки, и уединенный, ожидалъ парохода на маленькой лодочкѣ. Къ счастью, ожиданіе мое продолжалось не долго. Изъ-дали, за мысомъ, показался дымъ и черезъ нѣсколько минутъ пароходъ былъ на рейдѣ, а къ утру слѣдующаго дня мы были уже въ Гаврѣ».

Изъ Гавра господинъ Симоновъ шлыгъ на пароходѣ

по Сенъ до Сенъ-Жермена, люблюсь красивыми берегами рѣки, и дѣятельнымъ народонаселеніемъ прибрежныхъ мѣстъ.

Въ Парижѣ пробылъ онъ четыре недѣли. Многія подробности, отмѣченныя имъ, любопытны, несмотря на безчисленныя описанія французской столицы. Мы не будемъ повторять, что въ 1842 году, въ Парижѣ считалось болѣе девяти сотъ тысячъ жителей; что онъ занималъ въ длину до 8, и въ ширину до $5\frac{1}{2}$, верстъ; что Сена его шириною отъ 50 до 90 сажень; что въ Парижѣ тысячу сто сорокъ двѣ улицы, сто двадцать семь переулковъ, семьдесятъ четыре площади, осемнадцать бульваровъ, пятьдесятъ осемь заставъ, сорокъ три церкви, двадцать четыре театра, двѣсти одиннадцать фонтановъ, до тринадцати тысячъ лавокъ, и до двадцати-девяти тысячъ домовъ. Мы не пойдемъ также съ господиномъ Симоновымъ въ Тюильри, Палерояль, Королевскій садъ растений, даже на обсерваторію, въ географическое общество, и въ академію. Одно слыхомъ извѣстно, другое любопытно не всѣмъ. Но нельзя не заглянуть въ церковь Инвалиднаго Дома парижскаго — тамъ гробъ Наполеона.

«Нынѣтѣю Наполеона находится въ придѣлѣ святаго Іеронима; оно заключено въ шести гробахъ: *первый* жестяной, *второй* краснаго дерева, *третій* и *четвертый* свинцовые, раздѣленные между собою деревянными опилками, и деревомъ по угламъ, *пятый* чернаго дерева (bois d'ébène), *шестой* дубовый. Вложенные одинъ въ другой, гробы стоятъ на возвышенномъ подножіи и покрыты императорскимъ покровомъ, сверхъ котораго положены корона, шага и шляпа Наполеона. Придѣлъ богато драпированъ фиолетовымъ бархатомъ, съ золотымъ шитьемъ, и украшенъ трофеями. Между драпировкой вышиты золотомъ пчелы и вензеля Наполеона, окруженные лаврами. Между передними колоннами, передъ входомъ, знамена осядаютъ гробовую, а надъ входомъ отъ потолка свѣтъ паритъ

передъ гробомъ. Окна придѣла святаго Иеронима покрыты флюетовыми сторами, которыя едва пропускаютъ мрачный свѣтъ. Гробъ освѣщается повѣщенной надъ нимъ газовой лампой, а въ торжественные дни, напоминающіе важные эпохи жизни Наполеона, зажигаются древніе канделябры. Входъ въ придѣлъ запертъ позолоченной рѣшеткой, и по четыре инвалида, днемъ и ночью, охраняютъ памятникъ своего полководца и властителя».

Араго, всезнающій, хвалымый, бранимый, философъ, политикъ, депутатъ, академикъ, литераторъ, встрѣтилъ господина Симбова, какъ стараго пріятеля.

«Осемнадцать лѣтъ тому, Араго былъ президентомъ академіи наукъ. Одинъ разъ въ недѣлю, по четвергамъ, собиралась у него тогда по вечерамъ вся ученая знаменитость Франціи, а вмѣстѣ съ ними всѣ иностранные ученые, бывшіе въ Парижѣ. Тамъ видѣлъ я Лапласа, Гумбольдта, Кювье, Ге-Люссака, Тенара, Поассона, Ампера, герцога Рагузскаго и многихъ другихъ, и познакомился съ Соутомъ, берлинскимъ химикомъ Густавомъ Розе, гельсингфорскимъ профессоромъ математики Шульцекомъ; англійскимъ мореходцемъ Скорезби. Баронъ Гумбольдтъ, часто проѣзжая мимо меня по Дофинской Улицѣ, заѣзжалъ за мной. Можно себѣ представить, что такое общество пріятно для всякаго любителя наукъ. Въ-стѣ съ тѣмъ оно было блестятельно во всѣхъ отношеніяхъ. Тамъ были и дамы, принадлежавшія къ семействамъ наименованныхъ мною гостей. Молодая, прекрасная, любезная хозяйка дѣлала вечера свои необыкновенно привлекательными. Общество собиралось въ семь часовъ вечера; двое играли въ шахматы; двое попеременно, обыкновенно одна дама и одинъ кавалеръ, играли въ экартэ по самой маленькой цѣнѣ; въ другой залѣ двое играли въ биллиардъ; прочіе разговаривали. Умъ и ученость дѣлали бесѣды особенно занимательными; предметами ихъ были новыя открытія, новые опыты, о которыхъ извѣстія стекались въ парижскую академію наукъ изъ всѣхъ пяти частей свѣта. Ученые предметы перемежались съ любез-

пытными анекдотами, и полезное соединялось съ приятнымъ. Въ одиннадцать часовъ выходили въ другую залу, гдѣ на длинномъ столѣ стояли самоваръ и легкій ужинъ. Хозяйка сама разливала чай. Гости сѣдѣли вокругъ стола. Въ полночь разъѣжались.

«Тамъ видѣлъ я нашего російскаго ученаго любителя физики и китайской литературы барона Шиллинга фонъ-Канстадта. Когда въ первый разъ былъ онъ у Араго, въ тотъ вечеръ Поассонъ и Амперъ играли въ шахматы, баронъ Шиллингъ не былъ еще знакомъ съ гостями Араго, и бывши отличнымъ игрокомъ, стоялъ подлѣ стула Поассона. Хозяйка шутила иногда надъ Амперомъ, также искуснымъ игрокомъ въ шахматы, и желая занять воваго гостя, сказала ему:

— Не правда ли, баронъ, что господинъ Амперъ очень дурно играетъ?

— Очень дурно, сударыня, отвѣчалъ баронъ.

Амперъ взглянулъ на барона Шиллинга и продолжалъ играть.

— Вы его объиграете, баронъ? спросила хозяйка.

— Объиграю, сударыня.

Амперъ вторично взглянулъ на него.

— Сдѣлайте милость, объиграйте послѣ этой партіи, сказала хозяйка.

— Если позволить господинъ Амперъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Амперъ.

Онъ выигралъ партію, Поассонъ всталъ съ мѣста, баронъ Шиллингъ сѣлъ на его стулъ, и обратившись къ хозяйкѣ, сказалъ:

— Позвольте васъ попросить завязать мнѣ глаза.

— Для чего?

— Я и съ завязанными глазами объиграю господина Ампера.

Пока хозяйка завязывала глаза барону Шиллингу, Амперъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ; гости подошли къ столу, и съ любопытствомъ ожидали, что изъ этого будетъ. Изъ этого вышло, что нашъ соотечественникъ, съ завязанными глазами, въ нѣсколько ходовъ далъ матъ удивленному Амперу. Надлежало быть свидѣтелемъ шут-

ки, чтобы видѣть всю картину извѣстной ловкости барона Шиллинга, любезности хозяйки, и удивленія неожиданно побѣжденнаго Ампера.

«Черезъ осемнадцать лѣтъ послѣ этихъ блистательныхъ вечеровъ многихъ изъ собесѣдниковъ не стало, и между ними не было уже на свѣтѣ ни Поассона, ни Ампера, ни барона Шиллинга, ни госпожи Араго. Прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ, она скончалась въ пѣтъ лѣтъ, въ 1829 году. Баронъ Гумбольдтъ былъ тогда въ Казани, и сказалъ мнѣ, что горестъ Араго сдѣлала его неспособнымъ къ ученымъ занятіямъ. Впослѣдствіи времени онъ опять обратился къ наукамъ, но я увидѣлъ въ домѣ его большую перемѣну. Щегольской парижскій салонъ госпожи Араго превратился въ мрачный кабинетъ ученаго, и тамъ, гдѣ она принимала гостей своихъ, я нашелъ на столахъ книги, на стульяхъ книги, на диванахъ книги. Вся мебель загромождена была фоліантами, квартантами, и всѣми возможными форматами переплетовъ и брошюръ.

Любопытнѣйшіе предметомъ занятій парижской академіи, въ августъ 1842 года, были наблюденія полнаго солнечнаго затмѣнія, и самое любопытное въ нихъ было то, что ничего особеннаго не замѣчено, и «все обстояло благополучно». Наблюдатели разѣхались по разнымъ мѣстамъ, ожидали чудесъ, хотѣли провѣрить всѣ старинные рассказы о дѣйствіяхъ мраку, и узнали, что всѣ эти рассказы похожи на сказки, какихъ много передала намъ старушка древность. Забавно, что въ Перпимьянѣ, гдѣ наблюдалъ затмѣніе Араго, его окружало множество зрителей. Когда снова блеснули лучи солнца, зрители принялись аплодировать! Французъ вездѣ видитъ спектакль.

Господинъ Симоновъ былъ припятъ въ члены парижскаго Филоматическаго Общества, издающаго газету L'Institut. По этому случаю излагаетъ онъ свои замѣчанія о земномъ магнитизмѣ. Мы выпишемъ ихъ, какъ одинъ изъ главныхъ предметовъ занятій почтен-

наго профессора, и такой, на который обращается нынѣ вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ людей.

«Я введенъ былъ въ Филоматическое Общество господиномъ Массономъ, извѣстнымъ по сочиненію его: *Théorie physique et mathématique des phénomènes électro-dynamiques et du magnétisme*. Господинъ Массонъ вывелъ формулы, совершенно сходныя съ тѣми, которыя вывелъ и напечаталъ я въ сочиненіи моемъ: *Recherches sur l'action magnétique de la terre*. Такое сходство любопытно, потому что мы основали наши вычисленія совершенно на различныхъ началахъ. Господинъ Массонъ принялъ предположеніе Ампера, что дѣйствіе земнаго магнетизма происходитъ отъ электрическихъ токовъ, идущихъ во внутренности земли отъ востока къ западу, а я предположилъ, что внутри земли находится магнитный шаръ, дѣйствующій на магнитную стрѣлку притягательными и отталкивающими силами. Оба предположенія даютъ одинакія формулы для вычисленія явленій магнитной стрѣлки на земной поверхности.

«Въ первомъ засѣданіи общества познакомился я съ знаменитымъ французскимъ мореплавателемъ господиномъ Дюперрѣ, который, командуя корветтомъ «Раковина», съ 1822 по 1825 годъ совершилъ путешествіе въ моряхъ южнаго полушарія. Важными результатами его путешествія были многочисленныя наблюденія, относящіяся къ земному магнетизму, и точное опредѣленіе направленія и положенія *линій безъ наклоненія*, названной *магнитной экваторомъ*. Впослѣдствіи Дюперрѣ положенія магнитнаго экватора основалъ не на однихъ своихъ наблюденіяхъ, но присоединилъ къ нимъ также наблюденія другихъ путешественниковъ, а именно:

Фрейсинета	съ 1817 по 1820
Румкера	1821
Сабина	1822
Коцебу	1824
Кинга	съ 1826 по 1827
Буссинга	съ 1824 по 1832
Бичи	1827
Блоссвилля	съ 1827 по 1828

Литке	съ 1827 по 1828
Форстера	1828
Эрмана	1830

«Послѣ-того Дюперрѣ составилъ весьма любопытныя карты *линій равныхъ напряженій* (*intensité*) магнитной стрѣлки (*lignes isodynamiques*), и карты *магнитныхъ меридіановъ*, которыя указали ему мѣста сѣвернаго и южнаго *магнитнаго полюса*.

«Въ послѣднихъ изысканіяхъ своихъ Дюперрѣ много воспользовался путешествіями россійскихъ мореходцевъ Беллинггаузена и Лазарева, о трудахъ которыхъ выражается съ уваженіемъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ.

«Мы съ господиномъ Дюперрѣ сблизились не одними путешествіями около свѣта, но также сходствомъ нѣкоторыхъ занятій нашихъ, и согласіемъ выведенныхъ изъ нихъ заключеній. Господинъ Дюперрѣ писалъ ко мнѣ въ Парижѣ, отъ 21 августа 1842 года, между прочимъ, слѣдующее:

«Сегодня поутру я читалъ со вниманіемъ вашу записку *о дѣйствіяхъ земнаго магнетизма*. Горжусь, какъ я имѣлъ уже честь вамъ сказать, что вы показали, какъ и я, случаи, которые заставляютъ думать, что центры магнитныхъ дѣйствій земли находятся не совершенно въ центрѣ земнаго шара. Такъ же какъ и я, но другимъ образомъ, вы доказали, что не нужно прибѣгать ко многимъ магнитнымъ полюсамъ на земной поверхности, и предполагать болѣе двухъ центровъ дѣйствій внутри земли, чтобы объяснить взаимныя положенія *линій равныхъ отклоненій, равныхъ наклоненій и равныхъ напряженій*. Наконецъ вамъ, какъ и мнѣ, достаточно перенести центры дѣйствія *на одну двадцатую часть земнаго полуоперечника, къ Великому Океану*, чтобы рѣшить множество вопросовъ, которые до-сихъ-поръ оставались не рѣшенными».

«Эти немногія слова заключаютъ въ себѣ многое и требуютъ нѣкоторыхъ поясненій. Галлей первый вообразилъ, что на сѣверномъ и южномъ полушаріи земли находятся, по-крайней-мѣрѣ, по два магнитныхъ полюса *. Эйлеръ

* Поъ названіемъ *магнитныхъ полюсовъ* разумѣются такія точки

почиталъ это мнѣніе несообразнымъ съ ученіемъ здравой физики. Ганштейнъ вновь принимаетъ существованіе двухъ магнитныхъ полюсовъ на каждомъ полушаріи, и предполагаетъ, что на сѣверѣ одинъ полюсъ находится въ Сѣверной Америкѣ, а другой въ Сѣверной Сибири. Существованіе перваго доказано капитаномъ Джемсомъ Россомъ. Что касается до другаго полюса, то Дюперрѣ, основываясь на наблюденіяхъ русскаго контръ-адмирала Врангеля, рѣшительно утверждаетъ, что сибирскій сѣверный магнитный полюсъ не существуетъ. То же самое и я сказалъ, въ сочиненіи моемъ *Sur l'action magnétique de la terre*; будучи приведенъ къ заключенію à priori.

«Господинъ Біотъ предположилъ, что внутри земнаго шара находятся, на безконечно близкомъ между собою разстояніи, два магнитные центра, дѣйствующие на каждой концъ магнитной стрѣлки, одинъ притягательною, другой отталкивающею силою. Господинъ Дюперрѣ, принявъ теорію Біота, и опредѣливъ географическое положеніе магнитныхъ полюсовъ на земной поверхности, нашелъ, что центры магнитныхъ дѣйствій отстоятъ отъ центра земли на $\frac{1}{20}$ часть земнаго полуоперечника, который, будучи проведенъ между этими центрами, пересѣчетъ земную поверхность близъ острововъ Маркиза Мендозы. Я предположилъ, что внутри земли находится магнитный шаръ съ неопредѣленнымъ поперечникомъ, и примѣнивъ къ выведеннымъ мною формуламъ наблюденія Эрмана, нашелъ, что центръ магнитнаго шара отстоитъ отъ центра земли на $\frac{1}{18}$ земнаго полуоперечника, по радіусу земли, пересѣкающему ея поверхность близъ острова Фиджи, или Влуга. Судя по новости предмета, еще необработаннаго, по сложности явленій, по трудности вычисленій и разности принятыхъ нами наблюденій, сходство нашихъ выводовъ можетъ назваться удовлетворительнымъ, а сближеніе ихъ было тѣмъ любопытнѣе, что каждый изъ насъ, трудившись въ одно время почти въ противоположныхъ пунктахъ Европы, не зналъ о трудахъ другаго».

земной поверхности, въ которыхъ магнитная стрѣлка принимаетъ вертикальное направленіе.

рублей серебромъ, расходовъ употреблено 3.725,649 рублей серебромъ (считая франкъ въ $24\frac{1}{2}$ копейки серебромъ). Сила 126 машинъ простиралась до 6,000 лошадиныхъ силъ (единица лошадиной силы предполагаетъ такую силу, которая можетъ въ секунду поднять на $22\frac{1}{2}$ вершка (одинъ метръ) тяжесть $183\frac{1}{2}$ фунтовъ, (то есть 75 килограммовъ). Изъ двѣнадцати миллионъ человекъ, проѣхавшихъ по желѣзнымъ бельгійскимъ дорогамъ, было убитыхъ по собственной неосторожности осемь путешественниковъ и семнадцать работниковъ, раненыхъ четырнадцать путешественниковъ и пятнадцать работниковъ, и по ненабѣжнымъ случаямъ, относящимся собственно къ желѣзнымъ дорогамъ и паровозамъ, убитыхъ путешественникъ одинъ, работниковъ пять, раненыхъ путешественниковъ шесть, работниковъ семнадцать. *Сорокъ осемь человекъ, пострадавшихъ изъ двѣнадцати слишкомъ миллионъ человекъ, съ собою могутъ удостовѣрить, что желѣзные дороги и паровозы безопаснѣе всякой другой пѣзды.*

Съ господиномъ Симоновымъ былъ спутникомъ изъ Парижа до Майнца человекъ замѣчательный, Марціусъ, профессоръ мюнхенскій, четыре года путешествовавшій по Бразиліи.

«Господину Марціусу, говорить господинъ Симоновъ, около 55 лѣтъ. Онъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ ученившихъ ботаниковъ въ Европѣ, и особливо по своему путешествію въ Бразилію, гдѣ вмѣстѣ съ Спиксомъ, пробылъ около четырехъ лѣтъ (1817—1820). Мы были съ нимъ въ Бразиліи въ одно время, но я его тамъ не видалъ, потому что онъ путешествовалъ во внутренности Бразиліи для исследования ея естественныхъ произведеній. По возвращеніи своемъ онъ издалъ любопытное сочиненіе подъ названіемъ: *Путешествіе въ Бразилію, совершенное по повелѣнію его величества короля баварскаго въ 1817—1820, съ описаніемъ и теоріа физическимъ атласомъ, съ двумя листами музыкальнымъ*

Notiz, 3. Buch, 1838. стр. 7. Къ этому сочиненію присоединено описаніе естественныхъ предметовъ Бразиліи, царства растительнаго и животнаго. Господинъ Марціусъ соединяетъ въ себѣ глубокую ученость съ веселымъ характеромъ и любезностью въ обращеніи. Бесѣда наша началась въ дорогѣ и кончилась съ наступленіемъ ночи въ Брюссель, потому что мы въ первый день нашего туда прибытія не выходили изъ дому, и не видали, какъ прошелъ въ разговорахъ вечеръ. Господинъ Марціусъ смотритъ на ботанику философскимъ и математическимъ взглядомъ. Съ одной стороны онъ приписываетъ растеніямъ нѣкоторыя чувства, а съ другой видитъ въ нихъ правильныя, геометрическія фигуры и строгій порядокъ чисель.

«Въ самомъ дѣлѣ, если судьба растеній дѣйствительно такова, какъ мы обыкновенно объ ней думаемъ, то нельзя не пожалѣть объ нихъ. Они рождаются, питаются, живутъ и умираютъ. Трудно вообразить, чтобы они не чувствовали страданія, когда разсѣкаютъ ихъ нервы, и насильственно прекращаютъ органическую жизнь ихъ. Если мы допустимъ это страданіе, то можемъ ли отвергнуть и удовольствіе ихъ, когда они извлекаютъ изъ земли пріятную для себя пищу? Мы не прииѣчаемъ въ растеніяхъ чувства боли, но можемъ ли отвергнуть осязаніе? *Сенситива*, кажется, доказываетъ, что она его имѣетъ. Положимъ, что розовый кустъ не видитъ прекрасныхъ цвѣтовъ своихъ, но неужели онъ лишень и наслажденія чувствовать ароматъ ихъ? Неужели всѣ блестящія качества цвѣтка потеряны для самаго растенія, и украшаютъ его только для удовольствія другихъ существъ? По-крайней мѣрѣ, никто не можетъ доказать, чтобы растенія не имѣли трехъ чувствъ — вкуса, обонянія и осязанія. Это приводитъ къ заключенію, что всѣ существа, одаренныя органическою жизнью, различествуютъ между собою числомъ чувствъ. Понятія земныхъ существъ въ царствѣ животномъ ограничиваются пятью чувствами. Другія планеты занимаютъ въ солнечной системѣ степень мірозданія равную съ Зем-

¹ * Reise in Brasilien, auf Befehl S. M. Max. Joseph I, Königs von Bayern in dem Jahren 1817—1820 von Weiland Dr. J. B. von Spix und Dr. C. Fr. Ph. von Martius.

лею, но отличаются от нея величиною, разстояніемъ отъ Солнца, числомъ падающихъ на нихъ солнечныхъ лучей и свойствомъ планетной массы. Можетъ-быть, сообразно съ этимъ различіемъ, отличаются и понятія разумныхъ существъ, ихъ населяющихъ. Если жители нѣкоторыхъ планетъ надѣлены болышимъ числомъ чувствъ, нежели сколько дано въ удѣлъ человѣку, то, безъ сомнѣнія, передъ ними открыты такія явленія природы, о которыхъ мы не имѣемъ никакого понятія, какъ слѣдной отъ раздвиганія же имѣеть понятія о цвѣтахъ и несвязанныхъ формахъ, а родившіяся глумимъ—о музакѣ и тонахъ. Къ сожалѣнію, открывая новый міръ существъ въ каплѣ воды, мы не можемъ видѣть какъ и чѣмъ наполнена поверхность планеты Юпитера, которая въ 1,200 разъ болѣе Земли.

Vidi insieme l'uno e l'altre polo,
Le stelle vaghe e lor viaggio torto,
E vidi quanto il veder nostro è corto..

Мы заключимъ наши выписки (которыя могутъ, кажется, подтвердить сказанное нами въ началѣ о книгѣ господина Симонова) тѣмъ, что онъ оканчиваетъ описаніемъ сѣзда и порядка засѣданій ученаго германскаго конгресса. Это былъ уже двадцатый сѣздъ. Они начались съ 1822 года, и переходя каждый годъ изъ одного города въ другой, прежде были въ Лейпцигъ, Галле, Вюрцбургъ, Берлинъ, Гейдельбергъ, Гамбургъ, Вьенъ, и всюду встрѣчали радушный привѣтъ просвѣщенныхъ правительствъ, понимавшихъ пользу мирныхъ бесѣдъ, оживлявшихъ сѣзды. Императоръ австрійскій, король прусскій и баварскій сами угощали почтенныхъ гостей, число которыхъ на первомъ сѣздѣ не превышало четырнадцати, а на послѣднихъ возрасло до пятисотъ.

Господинъ Симоновъ не дождался окончанія маннцскаго ученаго конгресса. Онъ получилъ извѣстіе о бѣдствіи, постигшемъ Казань, и обязанность профессора, сокрушавшагося о гибели превосходной казанской обсерваторіи, и чувства семьянина и отца, трене-

тавшаго объ участи милаго ему семейства, ускорили отъездъ его. Октября десятаго, проѣхавши черезъ Франкфуртъ, Гёттингенъ, Лейпцигъ, Дрезденъ, Магдебургъ, Гамбургъ, и Любекъ, онъ былъ уже на Балтійскомъ Морѣ.

Не знаемъ, въ то ли время, или прежде, другой соотечественникъ нашъ, продолжая свое путешествие изъ Вильны, достигъ Рейна, и промѣлялъ путь до Швейцаріи. Объ Рейнѣ — едва ли скажете что-нибудь, чего не говорили бы другіе — Н. И. Надеждинъ, Н. И. Гречъ, В. Гюго, мадамъ Курдюкова, и сотни путешественниковъ, сентиментальныхъ, веселыхъ, печальныхъ и всякихъ. Разсказъ князя Мещерскаго и здѣсь любопытенъ и оригиналенъ; но онъ оживаетъ особенно въ Швейцаріи. Изъ Шафгауцена нашъ путешественникъ проѣхалъ и прошелъ въ Сентъ-Галленъ, Лудернъ, Бернъ, Женеву, переходилъ по слѣдамъ Суворова черезъ Сентъ-Готардъ, и по слѣдамъ Наполеона черезъ Сентъ-Бернардъ. Но желая познакомить нашихъ читателей съ оригинальными разсказами нашего путешественника, мы выбираемъ описаніе похода его на Гохъ-Сентисъ, знаменитую гору Сентъ-Галленскую. Путешественникъ запасся въ Роршахъ тяжелыми альпійскими башмаками, длинною палкою, съ желѣзнымъ наконечникомъ, и по наряду его узнали желаніе его прогуляться на Сентисъ. Эта гора, въ 7,671 футъ вышиною, славится особенно ужасами природы и опасностями, каковыя подвергается на ней путешественникъ. Прогуляйтесь туда, только, ради Бога, не испугайтесь.....

«Въ деревнѣ Апенцель мнѣ доставили необходимыя сѣдластые припасы и проводника, имѣвшаго письменныя аттестаты отъ разныхъ путешественниковъ въ совершенномъ знаніи всѣхъ тропинъ. На Сентисъ взойти и съ него спуститься однимъ днемъ невозможно. Дорогою къ намъ присталъ крестьянинъ, возвращавшійся въ свою деревню. По его словамъ, предстояло много опасностей и»

решовъ, и онъ предложилъ себя въ проводники. Я вѣлъ, быть некуда, и мы трое, поднявшись на высоту трехъ тысячъ футовъ, къ вечеру достигли хижины пастуховъ (chalets).

«Въ этой долинь, до которой надобно добираться крутымъ всходомъ, построено нѣсколько сараевъ и одна изба. Живели держать здѣсь коровъ во все лѣто, а при наступленіи глубокой осени, отвозятъ ихъ на деревню, оставляя пѣ-шиму страніе пустынь. Хижина зампиалась трава пастухами, которыми ввѣрено стало и жечь молоко: Маленькая кибурка служила имъ убивающимъ отъ иноселы и владовою, гдѣ они хранили все для нихъ потребное. Туда они собирались обѣдать и ужинать. Изъ пищи только для испривальнаго желудка. Не хотѣвшимъ трогать своего запаса, который могъ быть имъ очень нуженъ на горѣ, потому что на другой день предстояло четыре часа труднаго пути для восхода, и другіе три для спуска на ту сторону въ долину, я рѣшился, не развѣсивъа своего увѣка, приступить къ ужину пастуховъ. На столѣ, освѣщенномъ лампадою, были три блюда, колосокъ молока съ густыми отсыемъ, горячая саморотня и сметана, воровъ огонь превратовалъ въ какой-то густой кремъ, плававший въ масле. Этого чрезвычайно жирнаго кушона я съ трудомъ могъ я проглотить ложку. Пастуки мало знакомы съ хлѣбомъ. Они рѣдко варятъ картофели; п утверждають, что молочная пища такъ насыщаетъ иль, что они не чувствуютъ никакой нужды въ другой. Черная, жирная собака, сворочивъ у стола въ ожиданіи остатковъ ужина, корнитою однимъ молокомъ, и не удивительно, потому что питательность молока известна, но какая же нужна для той надобвычка! — По окончаніи пастушьеи трапезы, при которой я былъ болѣе зрителемъ, чѣмъ участникомъ, насъ пригласили въ общую спальню, на сѣнникъ, или чердакъ сараи, гдѣ на дучь сѣна помѣстились мы къ одной сторонѣ, а хранива удалили себѣ постель къ другой. Не вродѣ чужъ они улеглись, надобно было выслушать ихъ вѣжи. Задавая целной кормъ скоту, они имѣють обыкреніе пить. Горькимъ напиткомъ состоитъ изъ вбиривасей, изъ которыхъ выкачивается вся сила горькаго голоса. Коровы, странно-

душины къ молодѣи, столь не чуждой нѣтъ, или отъ истерична получить ожидаемую выигру, начинаютъ въ то же время рѣзвѣть особеннымъ образомъ. Концертъ продолжался около часу, послѣ чего коровы принялись за сѣно, а вѣстухи улеглись и въ малѣе все притихло. Въ полночь поднялась сильная буря. Она ужасна на альпійскихъ горахъ. Каждый гулъ, дробясь въ отголоскахъ, представляется могучимъ голосомъ, произносящимъ невнятные слова. Долго этотъ волканъ продолжалъ разговаривать съ нами. Къ-утру дождь утихъ, вѣтеръ сталъ перебиваться, и можно было отважиться на продолженіе пути. Общинъ со-вѣтомъ рѣшено, оставя прямое направленіе къ Сентису, гдѣ въ обнаженныхъ мѣстахъ порывъ вѣтру легко можетъ сбросить путника въ пропасть, идти боковой тропкою черезъ сосѣднія горы. «Здѣсь переходъ еще опаснѣе, сказалъ старикъ, но зато вы будете защищены отъ вѣтру, и если у васъ голова не подвержена круженію, могу вамъ поручиться, что проберетесь». — Я хотѣлъ уже отказать отъ такого милаго путешествія, но взглянувъ на свои тяжелые башмаки, на длинную палку, я немного улыбнулся. Мой нарядъ такъ худо согласовался съ моимъ расположеніемъ духа, что, въ своихъ собственныхъ глазахъ, я становился какимъ-то жалкимъ, комическимъ лицомъ. Пускай психологи, трудящіеся надъ отысканіемъ всѣхъ извилистыхъ вѣтвей душевной силы, растолкуютъ, что это такое? Сначала нѣтъ было смѣшно; потомъ стыдно, досадно, и наконецъ нестерпимо больно — я вскочилъ съ своего мѣста, взялъ палку въ руки, и выговорилъ «идеаль», такъ, что этому: идеаль, могъ бы позавидовать самъ Каратыгинъ — я сдѣлался человекомъ отважнымъ и рѣшительнымъ.

Вершина Сентиса раздѣляется на двѣ острокопечныя скалы, соединенныя между собою хребтомъ, но бокамъ котораго висятъ свѣзныя глыбы. Одно мѣсто тутъ столь открыто, и переходъ такъ труденъ, что при сильномъ вѣтрѣ нѣтъ никакой возможности пробраться. Не задолго передъ моимъ прибытіемъ четыре путешественника едва не сдѣлались жертвою своей неосторожности. Неопытный проводникъ повелъ ихъ, несмотря на худую погоду; но

къ-счастію, они не успѣли дойти до опаснаго перехода, когда порывъ вѣтру сбросилъ ихъ съ высоты, на такомъ мѣстѣ, гдѣ не было обрыва. Хотя они удачно удержались на уступѣ, но прокатились довольно далеко. Покрѣпленныя ранами, кое-какъ добрались они въ долину, откуда на лошадахъ доставили ихъ въ Сень-Галленъ.

Долго вабирался мы на высоту, и наконецъ пришли къ главному переходу. Посерединѣ отвѣсной стѣны, составившейся изъ нѣсколькихъ скалъ, простирается карнизъ, на сто шаговъ въ длину и шириною въ аршинъ — здѣсь пробираются жители горъ, когда хотятъ укрыться отъ вѣтру. Влѣво возвышалась стѣна обрубомъ на три тысячи футовъ, а вправо было на столько же отвѣсной глубины — ужасная пропасть, и на этомъ узкомъ карнизѣ, нѣсколько времени мы должны были, такъ сказать, висѣть между небомъ и землею! Приближаясь къ роковому мѣсту, проводникъ счелъ нужнымъ сдѣлать мнѣ наставленіе. Онъ настоятельно требовалъ, чтобы я не глядѣлъ ни внизъ, ни вверхъ — «а то съ вами сдѣлается альпійскій обморокъ», сказалъ онъ хладнокровно, «и тогда вы погибли. «На такомъ узкомъ пространствѣ не возможно обернуться, «чтобы подать вамъ помощь — да тутъ и каждому только «до себя». — «Но куда же глядѣть?» спросилъ я. — «Прямо «мнѣ въ спину, и больше никуда». — Стиснувъ зубы, я замолчалъ. Мы пошли. Куда я глядѣлъ, не знаю, и только помню, что сначала шелъ я бодро, но къ концу у меня сжалось сердце — невольно опустилъ я взглядъ къ ногамъ — онъ скользнулъ по утесу и — потерялся въ неизмѣримой пропасти. Въ то же мгновеніе я почувствовалъ, какъ-будто ударъ по шолому, въ ухахъ начался шумъ, и постепенно увеличивался. Мнѣ стали слышаться разные голоса, звукъ музыки — какой-то невыразимый юморъ въ безднѣ. Альпійскій обморокъ приближался, но въ ногахъ моихъ оставалось еще довольно силы. Не помню какъ перешагнулъ я остальное небольшое пространство, и упалъ на камень, покрытый густымъ мохомъ. Минуты три былъ я въ безднѣ. Когда открылъ я глаза, проводникъ стоялъ передо мною съ моею походною фляжкою въ рукѣ, и съ улыбкою сказалъ мнѣ: «Однако жъ вы хорошо прошли — признаюсь,

я боялся за васъ». — «Какъ, вскричалъ я, ты сомнѣвался, что я не могу безопасно пройти, и повелъ мнѣ этимъ кошачьимъ перелазомъ?» — «Что жъ мнѣ было дѣлать! возразилъ онъ холодно: — Вы, путешественники, не имѣя никакого понятія о нашихъ горахъ, хотите ходить тамъ, гдѣ мы, горные жители, съ трудомъ пробираемся! Наше дѣло сказать вамъ, что опасно, а беречь свою голову можете вы сами». — Глотокъ киршвассера возвратилъ мнѣ силы, и мы продолжали путь, направляясь къ вершинѣ Сентиса, бывшей у насъ передъ глазами. Поднявшись на самую высоту, мы приблизились къ великану на разстояніе 500, или 600 шаговъ, но пронасть отдѣляла его отъ горы, гдѣ мы стояли, и чтобы удобнѣе разсматривать, необходимо было подвинуться до самаго обрыва. Мы поползли до выдавагося впередъ утеса. Тутъ, лежа на самомъ краю, свѣсивши голову, свободно и безопасно смотрѣлъ я на 6,600 футовъ внизъ, и поднимая глаза вверхъ любовался двумя вершинами Сентиса. Острокопечныя, обнаженныя скалы его, какъ-будто выростали изъ свѣжныхъ глыбъ.

«Въ горахъ никогда нѣтъ тишины, потому что безпрестанно скатываются камни. Шумъ ихъ паденія со скалы на скалу, передаваемый отголоскомъ, сливается съ воемъ вѣтру, и производитъ неизъяснимый, безконечный гулъ.

«Обойдя вершину горы, мы пришли на другую сторону, и остановились надъ пространнымъ ущельемъ, набитымъ снѣгомъ. Далеко внизу разстилалась красивая долина. «Какъ проберемся мы черезъ этотъ снѣгъ?» спросилъ я у Швейцарца. «Не бойтесь, отвѣчалъ онъ, на немъ твердая кора». — «Но какъ спуститься съ высоты?» — «Увидите—у насъ на все свои способности», сказалъ онъ, улыбувшись. Мы сцепили руки, потомъ, просунувъ палки между ногъ, и упирая желѣзными концами ихъ въ снѣгъ, дали себѣ волю катиться на вогахъ. Желѣзо, врываясь въ снѣгъ, удерживало стремленіе. Я нашелъ этотъ способъ удобнѣмъ, безопаснѣмъ, и даже приятнѣмъ, но недостаткомъ привычки заставлялъ меня часто останавливаться. Упирая палку впередъ, я отдыхалъ по нѣсколькимъ минутѣ. Снѣгъ простирался не далѣе ста шаговъ. Тамъ были кам-

ни, послѣ опять снѣгъ, и такъ продолжалось около полуверсты, послѣ чего мы перебрались съ камня на камень, и наконецъ покатою, покрытою травою, достигли долины, находящейся на возвышенности 3,000 футовъ отъ другой, гдѣ проходитъ большая дорога, и расположена деревенька Вальдгаузъ, мѣсто, избранное мною для отдыха. Въ необитаемой долинѣ нашли мы родникъ чистой, свѣжей воды, утолили жажду, и отдохнули на пригоркѣ, покрытомъ прекраснымъ дерномъ. Отсюда надобно было опять спуститься, но уже не съ такими затрудненіями. Измученный прибылъ и въ Вальдгаузъ, и послѣ сельскаго обѣда взялъ кабріолетъ до Рейнталы».

Вы читали, а если читали, такъ вѣрно помните, державинское описаніе Сенъ-Готарда — такихъ описаній не забываютъ! Суворовъ ведетъ русскіе полки, ведетъ —

и нѣкая громада,

Гигантъ предъ нимъ возсталъ въ пути,
 Главой небесъ, ногами ада
 Касаяся, претить итти:
 Со ребрь его шумять внизъ рѣки,
 Предъ нимъ мелькають дни и вѣки,
 Какъ вкругъ волнующійся парь;
 Ничтѣ его не потрясаетъ,
 Омъ громъ и бури преизрастъ —
 Намурясь смотритъ Сенъ-Готаръ!

А тамъ волшебница сѣдала
 Лежить на высотѣ холмовъ,
 Дыханьемъ солнце отражая,
 Влеститъ вдали огниамъ льдовъ,
 Которыми одѣта зрится.
 Она на всю природу злится,
 И въ страшныхъ ледяныхъ скалахъ,
 Нарисованныхъ свѣговъ слоями,
 Готова задавить горами,
 Или въ холодныхъ задушить котлахъ!

А тѣмъ, невидимой рукою
 Простертое съ земли дѣло,
 Чудотворце, какъ постъ данное,

Рыгал дымъ и пламень ртомъ,
 Воздушну челюсть разверзаетъ,
 Въ единый мигъ нелки глотають!
 А тамъ нещера черна снить,
 И смертнымъ вракомъ взоромъ крестъ,
 Какъ бурею, гортанью воетъ —
 Предъ ней Отчаянье сидитъ!

Но что? Не духъ ли Оссіана,
 Пѣвца тумановъ и морей,
 Мнѣ кажется подъ луной Морвана,
 Какъ шелъ онъ на царя-царей?
 Нѣтъ!... То Массена подъ землею
 Съ Римшицкимъ въ тѣмъ сонлиси къ бою,
 Чело съ челомъ—глаза горять!
 Не громы ль съ громами дерутся?
 Мечами о мечи сѣкутся —
 Вкругъ слышють огнь—*жесточень ада!*

Ведеть туда, гдѣ вѣтръ не дышитъ
 И въ высотахъ, и въ глубинахъ,
 Гдѣ ухо льдовъ лишь гулы слышитъ,
 Катающихся на крутизнахъ —
 Ведеть....

Мы хотѣли припомнить нѣсколько стиховъ, а выписали невольно нѣсколько строфъ. Можно бы подумать, что воображеніе поэта преувеличивало ужасы дѣйствительные. Но читайте описаніе князя Мещерскаго, и вы увидите, что поэтъ ничего не прибавилъ—онъ только олицетворилъ мертвую природу. «Я видѣлъ ужасы Кавказа—они ничто передъ альпійскими—говорилъ Суворовъ, стоя на высотахъ Сень-Готарда. Для чего я не живописецъ! Дайте сюда Вернета, и пусть увѣковѣчитъ онъ эти мгновенія нашей жизни!»

Изъ Бехлинкомы, Суворовъ раздѣлилъ войско свое на двѣ части. Съ одною Розенбергъ пошелъ на Фогельсбергъ, Донгіо и Тавештъ. Авангардъ его велъ—*Милорадовичъ*. Съ другою Дерфельденъ, пошелъ на Айроло, мѣстечко на 3,700 футовъ высоты, находящееся съ италіанской стороны Альновъ, оттуда на высоты Сень-Готарда, Госписъ, и долженъ былъ соединиться

ми стѣнами скинающихъ рѣку Рейнъ. Черезъ нея надобно переходить во многихъ мѣстахъ. Дорога идетъ, то по правому, то по лѣвому берегу, смотря по тому, гдѣ было удобнѣе вѣсѣвать ее въ камни. Одинъ изъ мостовъ называется *Rafen-brung*, *скачокъ пола*. Этимъ названьемъ обязанъ онъ преданію, что какой-то священникъ, или монахъ, похитившій дѣвицу, убѣгая отъ преслѣдователей, слѣлалъ здѣсь невѣроатный прыжокъ. На горахъ не видно зелени. Рѣдко гдѣ голый камень покрытъ мохомъ. Длинные, слоистыя скалы, извиваясь по крутизнамъ, блестятъ отъ солнечнаго луча эмбиною чешуею. Матъ разсѣланъ какъ, какъ въ зѣвовъ, съ ревомъ несетъ скопившаяся дождевая вода. Гулъ, повторяемый отголоскомъ, приводитъ душу въ содроганіе. Тамъ, гдѣ встрѣчается небольшое пространство луговой земли, оно покрыто обломками скатившихся камней. Всюду стоятъ *кресты*, поставленныя въ память погибшихъ людей. Вездѣ слѣды ужаснаго разрушенія. Каждый предметъ говоритъ путнику о погибелѣ, на каждомъ шагу ожидаетъ онъ встрѣтить смерть — ему кажется, что изъ-за каждой навислой скалы, она смотритъ на него своими тусклыми *оловянными* глазами!

«Дорога привела меня къ горѣ, заграждавшей путь. Обогнувъ ее, я очутился въ каменномъ мѣшкѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ окружали меня утесы непомѣрной высоты. Здѣсь Рейсъ, съ грохотомъ стремись со скалы на скалу, образуетъ шесть водопадовъ. Послѣдній главнѣйшій—вода падаетъ съ высоты ста футовъ въ прямой линіи, но въ ея косвенномъ направленіи, конечно, будетъ до 300. Въ стѣны утесовъ вдолблены концы каменнаго моста, который, загибаясь крутою дугою, виситъ на 95 футахъ высоты надъ бездною—это *Чортваъ Мостъ*. Онъ 8 шаговъ въ ширину, до 56 въ длину, и поставленъ 27 футами выше стараго, полуразрушившагося арка котораго еще держится. Новая дорога, уничтоживъ древнюю, прервала всякое сообщеніе съ старымъ мостомъ. „Между утвердительно сказать, что тутъ представляется одна изъ ужаснѣйшихъ картинъ всего міра, и чтобы думать о ней понятіе, надобно быть тамъ—никакое описаніе не можетъ ее представить. Нетъ всѣхъ рисунковъ и вътѣ, и бытъ не можетъ, ни одного

вѣрнаго, потому что стоящій на мосту, или у моста, находится въ глубокомъ колодезѣ. Онъ можетъ видѣть одинъ бока горъ, водопады, мостъ, и закинувъ голову, перпендикулярно надъ собою увидитъ еще зубчатый кругъ остроконечныхъ скалъ, и надъ нимъ небольшой голубой шатеръ—это вершины горъ и небо. Какъ ни велико разстояніе новаго моста отъ рѣки, но паденіе воды столь сильно, что брызги взлетаютъ на эту высоту. При сильномъ вѣтрѣ можно намочнуть здѣсь, какъ отъ дождя.

«Въ живописномъ отношеніи новый мостъ не можетъ сравниться съ старымъ. Искусство и труды видны въ каждомъ камнѣ, но они показываютъ постепенное дѣло рукъ человѣка, когда старый представляется произведеніемъ волшебнымъ—одна накинутая арка соединяетъ двѣ остроконечныя скалы, а не видно гдѣ, и какъ она утверждена—мостъ виситъ на воздухѣ. Новый можетъ почитаться образцовымъ произведеніемъ искусства, но старый всегда будетъ однимъ изъ тѣхъ загадочныхъ предметовъ, передъ которыми посѣтитель охотно отказывается отъ изслѣдованій. Полагаютъ, что онъ былъ построенъ въ началѣ XII столѣтія, Жеральдомъ, аббатомъ Эйндельскаго монастыря. Народъ не хочетъ признавать его произведеніемъ обыкновеннымъ, и приписываетъ построеніе его сверхъ-естественному событію. Вотъ какъ говоритъ преданіе: Ландаманнъ кантона Ури былъ чернокожничекъ, и притомъ человѣкъ искусный, сдѣлавшій много полезнаго для своего края. Онъ развилъ торговлю, устроилъ дороги въ горахъ, и наконецъ увидѣлъ необходимость проложить путь до Сень-Готарда. Нѣсколько мостовъ было удачно построено на Рейсѣ. Оставалось сдѣлать послѣдній, самый трудный. Собранные матеріалы лежали въ горахъ на берегу. Строители не приступали, потому что не знали, какъ и съ чего начать. Ландаманнъ хлопоталъ, сердился, но помочь было нечего. Наконецъ онъ рѣшился обратиться къ своимъ таинственнымъ познаніямъ, и выпроводилъ къ себѣ духа тьмы для совѣту. — «Чего ты хочешь отъ меня?» — спросилъ чортъ. — «Твоего совѣту, отыскать Ландаманнъ: какъ утвердить концы моста». — «Я построю его въ одну ночь», сказалъ чортъ: но съ усло-

вѣсть, что душа первого, кто пройдет по мосту, принадлежить мнѣ». Ландаманнъ согласился, и въ одну ночь работа была окончена. Наутру собравшійся народъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на прочно сдѣланный мостъ, но никто не смѣлъ пройти по нему. — Ландаманнъ извѣстилъ всѣхъ объ условіи. Такъ продолжалось нѣсколько времени. Однажды Ландаманнъ пришелъ въ сопровожденіи своей собаки. Кусокъ мяса, переброшенный на другую сторону, заставилъ ее пробѣжать по мосту—«Условіе исполнено!»—воскликнулъ черношнурникъ, и съ той минуты мостъ сдѣлался удобопроходимымъ.

«На другой сторонѣ, на небольшой площади, покрытой гудами каменной, стоитъ часовня, востросная во имя какого то святаго. Среди общаго разрушенія, какъ горящая лампада посреди могильнаго склепа, ея надпись нинятольныиъ лучомъ вѣры согрѣваетъ сердце странника: Ога рго повіа (моли о насъ)! Тутъ я увидѣлъ кресты, какіе мнѣ часто встрѣчались на дорогѣ. Видѣ этихъ памятниконъ, воздвигнутыхъ челоуѣнолюбіемъ враху людей, столь жестоко пораженныхъ, наполнилъ мою душу неизъяснимою грустью. Здѣсь, думалъ я, несчастный, отлученный отъ своихъ кровныхъ, отъ друзей, застигнутый бѣдственныиъ случаемъ, напрасно обращалъ вокругъ себя блуждающіе взоры—никакого спасенія! Напрасно призывалъ онъ на помощь людей—они были далеко отъ него; онъ былъ одинъ въ этой каменной пустынѣ, стоялъ съ распростертыми руками, какъ-будто ограждая себя отъ удара, и на его поблекшихъ устахъ бродила безсвязная, несчастная молитва, и наконецъ дрожащій голось его: Ога рго повіа, замеръ подъ сокрушительныиъ камнемъ.

Далѣе ожидаетъ путешественника новое впечатлѣніе: каменная гора совершенно заграждаетъ путь, но сквозь нее вѣрить проходъ. Темная галлерей, въ 200 футовъ длины и 30 ширины, служитъ сообщеніемъ съ долиною Уизернъ. Въ самой серединѣ сдѣлано отверстіе для сѣту; оно загорожено рѣшеткою, чтобы предохранить любозытнаго отъ несчастнаго случая, потому что отверстіе находится надъ рѣкою, которая быстро несетъ съ камня на камень подъ стѣной. Путешественникъ, пробывшій

несколько часовъ подъ влияніемъ сильного ужаса, пригетившіи въ трѣхъ предѣлахъ еще болѣе поразительные, видѣть дорогу, загражденную каменное отливомъ; а въ то же неспрысканные утесы, широко несетъ Рейсъ — видѣть съ тѣмъ; его глаза представляется отсрѣченіе пещеры, загадочное прозябаніе которой терпится во мракѣ. Въ недоуванні онъ отшатывается, но гладкая, широкая дорога ведетъ туда. Съ невольнымъ одрогненіемъ онъ входитъ въ этотъ тѣнь, гдѣ бурный шумъ потока раздается подъ сводами. Ему кажется, что этотъ путь долженъ принадлежать ему къ чему-нибудь особенно ужасному. Ребромъ подвигается онъ впередъ, и съ близкимъ ожиданіемъ прощупывая все пространство, подходит къ устью — тутъ совершенно светло; можно переступаетъ онъ остальнымъ три шага, и останавливается, пораженный неожиданнымъ зрѣніемъ: красиво выстроенное селеніе Андерматъ заглублено дугой свода пространною, пушистою дуга, по которому разсыпалась постройками, и гдѣ тихо струилъ Рейсъ, какъ жемчугъ выливался между кустовъ и деревьевъ, тихо катилъ свою серебристую струю. Дорога, усыпанная желтымъ пескомъ, гладкая какъ доска, въ прямомъ направленіи прорѣзываетъ вѣтъ прелестный садъ, и примыкаетъ къ селенію Геснисъ или Воспиталь, расположенному у подножия Сентъ-Готарда. Сладки выдохнуть горько помыслился только вдаль. Здѣсь одинъ помогъ во всемъ и нѣтъ, возвративъ заданью. Парскадь отъ предместовъ ужасныхъ въ парижѣ, гдѣ парь оклеивать по нѣмъ стѣнамъ тѣной, сообщать душѣ какъ-то упоеніе — это переходъ отъ страданій къ наслажденію, отъ немощнаго запертія сердца къ жизни идеальной, пастушеской — одному изъ дѣлъ великаго вѣка.

«Отъ Анстера до Сентъ-Готарда дорога неслучайно поднимается въ гору, тамъ, где Андерматъ, съ его фруктовыми садами и роскошное селенію, находится на высотѣ 4,400 футовъ отъ поверхности моря, и на 2,800 футовъ выше Луцерна. Отъ него стелется гладкая дорога, которая принадлежит столько красоты въ виду, поразившему насъ при выходѣ изъ Луцерна».

«Въ селеніи Геснисъ я отдохнулъ, и опять собрался

на Сенъ-Готардъ. Сначала востокъ, довольно крутой, ведетъ узкими горными, но потомъ начинается пологость. Здѣсь нѣтъ никакихъ видовъ. На пространствахъ первыхъ двухъ верстъ, обернувшись, еще можно полюбоваться долиною съ ея селеніями, но далѣе самыя горы скрываются за утесами Сенъ-Готарда и во все время пути они одни передъ глазами. После нѣсколькихъ часовъ трудной ходьбы, поднявшись на высоту 6,000 футовъ, я достигъ площади, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими скалами—это вершина Сенъ-Готарда, гдѣ прервана дорога, но окончателености утесовъ возвышаются здѣсь еще на 2,000 футовъ. На этой площади образовались небольшія озера; ихъ можно насчитать до десяти, но только два замѣчательнаго объема. Изъ одного вытекаетъ рѣка Тессинъ, изъ другаго Ремаъ. Утверждаютъ, что въ сенъ-готардскихъ озерахъ водятся форели. Гостинница поставлена на мѣстѣ бывшаго здѣсь монастыря. Въ страннопріемномъ доми, содержавшемся по-прежнему, прохожіе принимались радушно. Они нѣмало безденежную пищу, а въ случаѣ болѣзни пособіе, но духъ разоренія, господствовавшій между Французами въ концѣ XVIII столѣтія, не пощадилъ благотворнаго заведенія. Единственнымъ его памятникомъ остались груды камней.

Дорога отъ вершины Сенъ-Готарда къ долинѣ Айрола расположена по горѣ винтовъ. Съ южной ея стороны передо мною простиралась долина съ селеніями, между которыми Айроло занимаетъ почетное мѣсто. Тутъ оно находится на высотѣ 3,700 футовъ отъ поверхности моря; но замѣтъ тамъ отъ него до вершины Сенъ-Готарда свѣтаютъ болѣе пятидесяти верстъ. Тамъ я нашелъ гостинницу для ночлега.

«Для обратнаго пути за осемь франковъ мнѣ доставили лошадь. Въ трудныхъ мѣстахъ я предоставлялъ ей пробираться самой, и не одинъ разъ имѣлъ случай удивляться ея инстинкту. Часто надобно было спѣшиваться, и перелезать черезъ большіе камни, которыми завалена дорога. Проводникъ обводилъ лошадь узкими боковыми тропинками около обрывовъ. Надобно было видѣть, какъ осмотрительно выбирала она мѣста, и какъ удачно пробѣгала съсучаго камня. Порода этихъ лошадей ведется только въ горахъ.

«Отъ Госпитала я предошлагъ путь вѣшкомъ. Расположеніе духа имѣетъ большое вліяніе на то, какъ какъ могутъ показаться предметы. Когда проходилъ я въ первый разъ черезъ *Чертогъ Мосты*, отъ желанія ли скорѣе достигнуть цѣли моего путешествія, или отъ ожиданія увидѣть новое, только я не испыталъ сильнаго ощущенія. И тогда ужасная картина поразила меня, но тотъ же видъ, представившись вторично, слѣлалъ на меня неизъяснимое впечатлѣніе. Нельзя себѣ представить ничего угрожае этого каменнаго мѣшка, куда дневной свѣтъ съ трудомъ проникаетъ. Я остановился на мосту, и долго стоялъ въ грустной задумчивости. У меня подъ ногами клубился водопадъ. Внизу, къ правой сторонѣ, показывались арка стараго моста и часть прежней дороги. Содрогаюсь осматривалъ я всѣ предметы, и припоминалъ славный переходъ Русскихъ. Они были у меня передъ глазами — гренадеры бросаются впередъ; деревья, связанные шарфами оенцеровъ, заминаятъ часть взорваннаго моста и непреодолимая препона уступаетъ рѣшительному напору храбрыхъ. Многие обрываются съ перекладинъ, и не одинъ разъ, слышю шумъ водопада, слышалось русское восклицаніе: *Господи, помилуй!* и на каждое былъ одинъ отвѣтъ товарищей: *Господи! помилли душу тво!* Твердо и хладнокровно шли они впередъ. Меня обдавала водная пыль — я принималъ ее съ благоговѣніемъ, какъ воду, священную памятью стодѣтихъ вѣрныхъ сыновъ православнаго отечества, нашедшихъ въ ней могилу!»

Тутъ есть чувство, есть память сердца, и кто нищетъ и мыслить такъ, на голосъ того отвзвутся сердца другихъ.

1844, 1844.

ОСОБИЯ КНИЖКА.

ГОРДЫЙ ОХОТНИКЪ. Поэма. Сп.-бургъ, въ тип. Военно-учебнаго Заряднаго, 1844, въ-8., стр. 53.

Есть два мнѣнія о ходѣ ума человѣческаго, оба чрезвычайно философскія, оба поддерживаются великими авторитетами, и за оба равно послѣдователи ихъ готовы стоять изъ всѣхъ силъ. Одно утверждаетъ, будто умъ человѣческій идетъ впередъ, долженъ идти, и будетъ идти, безостановочно. Другое мнѣніе говоритъ, будто рѣченный умъ идетъ, идетъ, а потомъ вдругъ поворачивается назадъ; погода нѣсколько столѣтій, онъ опять начинаетъ идти впередъ; а тамъ опять повертывается: словомъ, танцуетъ вѣчную польку, вертится какъ вѣшка въ колесѣ, подвигаясь всё на одномъ мѣстѣ. Которое изъ двухъ мнѣній основательнѣе? Доказательства есть за и противъ, на оба мнѣнія.

Защитники вѣчнаго ходу впередъ ссылаются на дикарей, увѣряя, будто умственное разстояніе отъ философа Новой Голландіи до Пьютона далѣе чѣмъ отъ Земли до Солнца: отсюда происходятъ невѣжество древнихъ въ гальваническомъ золоченіи и современное искусство нататься на паряхъ по морю и по сушѣ. Молодые люди рѣшительно всё держатся этого мнѣнія, потому что, вслѣдствіе его, они непремѣнно должны быть умнѣе стариковъ. Компаніи застрахованія домовъ отъ огня согласны съ ними: доказательство безконечнаго совершенствованія че-

и блѣтъ, истощающихъ глупостей. Страсти у перваго и послѣдняго чловѣка математически — однѣ и тѣ же: следовательно и умъ — тотъ же; чловѣкъ не можетъ быть ни злое, ни доброе, ни умнѣе того какъ былъ за пять тысячъ лѣтъ. Что касается до физическихъ, вѣщественныхъ открытій и изобрѣженій, то они, подобно глупостямъ, охватываютъ только — развитія и дополненія первоначальныхъ, первобытныхъ, инстинктивныхъ. Это, просто, обдѣлка стариннаго; а не обдѣлка новаго: выдумать телегу и лукъ было даже мудрѣе чѣмъ передѣлать телегу въ паровозъ и лукъ въ пушку. Люди, какъ говорятъ, уже нѣсколько разъ доходили до высочайшей степени образованности, и столько же разъ вслѣдъ за тѣмъ попадали въ глубочайшее невѣжество, следовательно свидѣствіе наводненія общества ученостію. Дреwnіе знамъ совсѣмъ не менѣе нашего. Посмотрите на чудеса провинціальности, неусудь, утонченности, вкусу, въ древнѣйшихъ подземельяхъ Помпей, гробницахъ Этрусконъ, въ петкопбахъ Египта, въ развалинахъ греческихъ городовъ. До совершенства древнихъ въ живописи, скульптурѣ, поэзи, мы даже и достигнуть не вдвемся. Тѣ, что удѣляло нѣмъ ничъ искусствъ и словесности, приводятъ насъ въ отчаяніе. Что можетъ сравниться съ этими величавыми ключами совершенства? Кака высокая, прекрасная иди умная модель не трепетала на струнахъ лиры древнихъ певцовъ? Что новаго выжали нѣмъ своего мозга провинціалы-сидѣльцы при всей помощи типографическаго обихода? Куда дѣвался даже эти чудныя жузвѣки слова; изобрѣтенныя первоначальными чловѣкомъ поды пѣваніемъ «шестъ», которую онъ такъ тонко чувствовалъ и которой на умѣ а существовать не состоянія: до такой степени «сфубило» даже ухо! Наша образованность съ гордою улыбкою на парикъ приверженцы безконечнаго совершенствованія! чловѣчества выставили парикъ какъ своего чловѣка въ изобрѣженіе, какъ improvement во все изобрѣтенныя древнему миру; а теперь оказывается, что Писсоловъ оловъ означенную «мудростя» носила не иначе какъ вода шарикомъ, три парика Фаронновъ висѣтъ въ столовой залѣ Английскаго Национальнаго Музеума, и то оловъ Писсолова доказывается, что парижскіе парикъ

махеры далеко еще не дошли до искусства веренихоростъ Оивъ и Мемфиса. Словомъ, человечество, какъ кошка, вѣчно ловить свой собственный хвостъ, кружась на одномъ мѣстѣ, а ученымъ и студентамъ кажется, будто хвостъ движется впередъ и оно бѣжитъ за хвостомъ. Эта теорія очень нравится старикамъ, потому что, на основаніи ея, старики выходятъ умнѣе молодыхъ.

Споры о прямолинейномъ и круговомъ движеніи человечества невольно приходятъ въ голову не только русской поэзіи. Если судить о ходѣ человечества по ходу нашей поэзіи, то приверженцы круговаго движенія рѣшительно правы. Было время, когда русская поэзія пераждала допотопныхъ чудовищъ, Тилемахиды и Россіады, Синавовъ и Триворовъ. Потомъ настала эпоха усовершенствованій, процвѣтанія, золотого вѣка. Помните ли этотъ золотой вѣкъ? Что были за рѣмы, что за стихи, что за оды! Какія трагедіи, комедіи, элоги, мѣсяц, басни, поэмы! Царство нашей поэзіи было размежевано, распредѣлено, укрѣплено за владѣльцами записями. Одинъ былъ признанъ русскимъ Шолье, другой Лагарпомъ, третій Лавонтеманъ, четвертый Вольтеромъ, пятый Пиндаромъ, и такъ далѣе. Однихъ образцовыхъ сочиненій являлось, у насъ, помнится, по осьмнадцати томовъ. И вдругъ все пошло задомъ напередъ: разстроились лиры, лопнули струны, пресали стихи, разлетѣлись рѣмы, разбѣжались вдохновенія, выскочилъ Иннокрена. Спустя немного возникаетъ Пушкинъ, посетуетъ туча Байроновъ, разверзаются гробы, выходятъ привидѣнія, въ лѣсахъ сверкаютъ ножи и кинжалы, падаютъ и падаютъ ступки бѣгутъ передъ торжественнымъ маршемъ цыганскаго табора: поэзія снова гудитъ, шумитъ, волнуется, и потопляетъ всѣ низменные мѣста ума человеческого. Альманахами хоть прудъ, бывало, пруди! И опять все исчезаетъ, — все, — кромѣ луны, мечты и дѣла. Начинается массовое фабричное производство луны, мечты и дѣла, доминиканскія; безцвѣтныхъ, безобразныхъ. Поэзіи какъ-будто не было. Теперь даже странно слышать, когда наредъ раздается хриплый голосъ русской поэмы, зашепчетъ рѣма, тремелькнетъ стихокъ! Да и что за стихи теперь, что за поэмы! что за поэты!.... Байроновъ какъ помаленьку...

ло. Романа въ стихахъ въ глаза не увидишь. Правда, въ последнее время, разделись у насъ Гомеры: но что за Гомеры?... Гомеры малороссійскіе! «И пошла мысль.....» Да что писать? Илиады «чортъ знаетъ какія!» Чувствительно благодаримъ.

Въ этотъ-то второй понятный періодъ русскаго стихотворства создалась поэма «Горный охотникъ». Она писана повѣстическою прозою безъ запятыхъ, и прозаическими стихами безъ рима и безъ мѣры. Изъ содержанія ея толкъ исключенъ нарочно: и вотъ почему она—*поэма!* А почему она *горный охотникъ*, это—тайна поэта.

Поэма начинается просьбою молодого человѣка къ матери, чтобы мать позволила ему идти въ военную службу. Мать не соглашается и, стихообразно, изображаетъ сыну ужасы войны, когда слабая, невинная женщина—

«*Сидитъ холодный, покрытый кровавою пѣною штыкъ....*

Въ груди у малютки, милого сына,
Увидитъ она, когда розовыхъ устъ своей дочери, кровью и пылью
покрытую,

Налезаю ясна стрелкою зарю!

О, тогда горе, горе несчастной! *Тогда салкъ Арій, боги брали свирѣлый,*
Въ спидьъ отворнется отъ адскаго, страшнаго дѣла!»

Сынъ возражаетъ. Говорить, какъ весело, когда полки идутъ съ музыкою. Мать споритъ. Сынъ рассказываетъ, что у него *усть пробивается на щеку.*

«*Усть темнорусый давно отгѣнилъ мнѣ румяную щеку!*
Жизнь молодая въ сердцаѣ кипитъ у меня, какъ горлчій источникъ,
Въ ндрахъ земли первобытной!»

Все это вздоръ, отвѣчаетъ мать.

«*Ты смотришь на вещи*
«Сквозъ призму лютъ молодыхъ и буйныхъ, кипучихъ страстей»
Увидишь ты много, много и крови, и зраза, и слезъ!»

Да что я стану здѣсь дѣлать? спрашиваетъ сынъ.—*Мало ли что!* отвѣчаетъ мать: поѣзжай въ театръ!

«*Тамъ, где стною ширекиа кулиа, Музы жилище свое основали,*
Тамъ Мольверша, съ кровавымъ кинжаломъ,
По Шиллеръ часто малютки творить!»

Сынъ не хочетъ въ театръ.

«Искья Эвтерпы не замѣнить красавицы-слѣзы!

Не держи ты меня!

До Николаина дня

Я не дальше останусь съ тобою!»

Мать совѣтуетъ ъздить на балы

«Гдѣ нѣжныя кудри красавицъ, темной волною, на стройныя плечи
ютъ плечи.

О! тамъ весело юныиъ счастливицамъ, отъ щедрой судьбы, получившимъ

Въ семнадцать лѣтъ, эпохеты.....»

Сынъ ничего слышать не хочетъ, и ъдетъ на Кавказъ.
Прощанье, слезы, etc.

Начинается проза, которою поэтъ доказываетъ, что шари и птицы говорятъ. Въ удостовѣреніе, онъ предлагаетъ стихотворный разговоръ двухъ вѣроновъ. Одинъ вѣроновъ дядя, другой вѣроновъ—племянникъ, оба разочарованы, непопаяты, и съ горя рассуждаютъ о вкусѣ человеческого жванья.

Однѣ проза: описаніе схватки съ Черкесами. Разумѣется, Черкесовъ перестрѣляли и прегнали, но *однѣ* молодой *корнетъ* гонится за ними, а вѣроновы летятъ за аерастомъ. «Луна смотрѣла съ неба, а смущалъ ночь—изъ-за кудрявыхъ дубовъ. Дубы, державные старцы, любимцы Сатурна, стояли неподвижно, безмолвно; только, широкія *альфы*, какъ руки, поднятыя къ небу, улетали высоко надъ облакомъ. Паръ клубомъ валилъ съ коня одного Черкеса, и *окружалъ фантастическимъ облакомъ конную статую садника* черною силуэткою, выходящую изъ полу-мрака подлны.»

Корнетъ начинаетъ драться съ конною статуею или черною силуэткою въ полу-мракѣ поляны, на *бездѣ фантастическаго облака*. Конная статуя убиваетъ корнета, и онъ падаетъ на землю, гдѣ, «покрытая *земнымъ одеяломъ* *мачи*, на *пышномъ ложѣ зеленыхъ листьевъ*, *отдыхала роза*. Длинный разговоръ розы съ соловьемъ, а томъ, какъ *вѣдала* Лезгинка —

«Юную розу, меньшую сестричку, съ зеленого *свѣтла* *астрала*,
Зажнула голову ея за *нодѣ* *изъ-за*, и *скривилась*.....»

Оставивъ *медь* *отъ* *въ* *свѣтлѣ*.....

Горло плакала я целый день об участи бедной вострицы,
И только-что къ ней успѣла тиснуть, —

говорить роза. — А между-тѣмъ «свѣ килитъ въ груди» умирающаго корнета. Онъ умираетъ, и разочарованные воровны начинаютъ его кушать.

Съ душевнымъ прискорбіемъ, послѣ этой занимательной поэмы, извѣщаемъ, что занимательнаго болѣе ничего въ виду не имѣется. Вотъ, напримѣръ, книга —

О ФОРТУНАТѢ, едѣ нестоицимаго кошелека и шляпы-самолета. Повесть отъ друга читателя. Введенъ отъ насъ. Москва, 1844, 64-12., стр. 287—400.

Развѣ это — книга! По складу, эта шакулетуа кажется передѣлкою съ «иностраннымъ». Гисторія идетъ о Fortunatѣ, чловѣкѣ въ высшей степени нехитромъ, которому Фортуна подарила кошелекъ съ нестоицимымъ сокровищемъ, и который сверхъ-того украдъ еще у египетскаго султана шляпу-самолетъ. Ни отъ того ни отъ другаго умѣе онъ не сдѣлался: творилъ во всю жизнь глупости, и умеръ. Дѣти наследовали кошелекъ, шляпу и умъ покойника отца. Одинъ влюбился въ принцессу. Принцесса сироворила у него кошелекъ, за что онъ окормилъ ее волшебными яблоками, отъ которыхъ выросли у нея длинныя козлиныя рога. Наконецъ, изъ состраданія къ читателямъ, какой-то благодѣтельный злодѣй убиваетъ одного изъ сыновей Fortunata, а другой умираетъ самъ собою. Съ ихъ смертыю, кошелекъ потерялъ свою силу, шляпу сожгли, и гисторія оканчивается. Нѣсколько лубочныхъ картинокъ украшаютъ это знаменитое прозаическое искусство чловѣческаго.

И отсюда мы должны перейти прямо — увы! — къ полезнымъ книгамъ:

МОДЕЛЬНОЙ РУЧНОЙ СЛОВАРЬ ФРАНЦУЗСКО-РУССКІЙ, заключающій въ себѣ все слова, употребительныя въ обществѣ, со пространною французскою; съ дирекціей техническаго, и прочаго (до?...) россійскаго языка и еудеоксима, и прочаго, и прочаго; составленный Евстафиемъ Фадеевичемъ ГИЛЬБЕРТЪ, въ Моск. Школе, 1844, 64-8. Часть первая, стр. XIV—706.

Относящіяся до?... неужь-то въ самомъ дѣлѣ—до?... Не рѣбитъ ли у меня въ глазахъ?... Но это — бездѣлица. Когда однажды спрашивали о Наполеонѣ, отчего онъ выигралъ такое блестящее сраженіе, каково послѣднее, одинъ изъ его генераловъ отвѣчалъ: «Оттого что для императора это уже сороковое сраженіе». Евстаѣій Ивановичъ Ольдковъ—словарный Наполеонъ! Онъ точно такъ же каждый годъ ходитъ войною на языки, какъ тотъ ходилъ на народы, и такъ же ловко выигрываетъ битвы на полѣ алафитовъ, какъ Наполеонъ выигрывалъ на полѣ брани. Не мудрено, что онъ послѣднимъ своимъ словаремъ одержалъ такую безсмертную побѣду, украсилъ чело такими неувидаемыми лаврами: это уже—сороковой словарь его! Со всѣмъ тѣмъ, онъ считаетъ необходимымъ оговориться: «При каждомъ новомъ сочиненіи выборъ приличнаго названья—довольно важное дѣло. Я не могъ рѣшиться назвать этотъ новый трудъ мой *полнымъ*. Это выраженіе заключаетъ въ себѣ немножко самонадѣянности, которой я всегда чуждался, потому что *отъ самонадѣянности къ смѣльному единъ только шагъ*». Такъ точно говорилъ и Наполеонъ; но Наполеонъ сказалъ это, когда ему не удалось русскій словарь 1812 года, а Евстаѣій Ивановичъ говоритъ послѣ побѣды при Маренго, побѣды надъ соединенными силами двухъ языковъ. Какой урокъ скромности императору Французовъ! «Только одинъ шагъ.... и *притомъ самый короткий*,» прибавляетъ Евстаѣій Ивановичъ. *Un pas très court,* прибавлялъ тоже съ своей стороны и Наполеонъ: но къ чему это ему послужило! Словарь его всё-таки утонулъ въ Березинѣ. «Издать *полный* словарь живаго языка».... это ужъ, право, не знаю, кто именно говоритъ, Наполеонъ или Евстаѣій Ивановичъ.... «издать *полный* словарь — вещь невозможная, потому что каждый языкъ, не только ежедневно, но и *еще* часно, умножается и обогащается». Но кто бы изъ нихъ ни сказалъ, дѣло въ томъ, что, вслѣдствіе такого разсужденія, вышелъ словарь, не *полный*, а *большой*. Къ похвалѣ, данной «Большому словарю» въ прошломъ мѣсяцѣ, нѣтъ нужды дѣлать на какихъ прибавленій... Давней Наполеонъ, не сражался, а *самъ* словарь.

никогда бы не принялось ему сидеть безъ облы. въ хитромъ Святой Елены.

АНТРОПОФИЗИОЛОГІЯ, или *Краткое руководство къ познанию жизненныхъ отправленияхъ человеческого организма въ здоровомъ состояніи, въ примѣненіи къ понятію образованныхъ людей всѣхъ сословій. Составлено докторомъ Вредовымъ. Сп.-бургъ, въ тѣмъ. Гинце, 1844, въ-8., стр. 504.*

Докторъ Вредовъ уже извѣстенъ нѣсколькими медицинскими сочиненіями: онъ, между прочимъ писалъ о Бугарской чотой болѣзни мозгу, о золотушной болѣзни, о стабильности. Въ этомъ сочиненіи хотѣлъ онъ примѣнить физиологію человека къ понятію образованныхъ людей. «Къ понятію образованныхъ», вѣроятно, значить—«толковыхъ». Физиологид удивится такому смѣлому предпріятію; потому что для сихъ-поръ она еще сама себя не понимаетъ. Источниками господина Вредова были французскіе и нѣмецкіе издатели. Онъ надѣялся безопасно процѣпить съ собою въ раблемъ между подводными камнями французскаго анализа и водоворотомъ нѣмецкаго синтеза, пользовался попеременно сочиненіями Рудольфи, Гадельма, Вертольда, Арнольда, Бурдаха, Каруса, Мюллера; Вагнера, Валентина, Мажанди, Филомаонцаго, придерживался, при классификаціи человѣческихъ породъ, стариннаго дѣленія Блюменбахова, чтобы не дѣлать людей; съ Основомъ, на *целлюдогъ, кусьлюдогъ, повѣлюдогъ, усюлюдогъ и околюдогъ*, или съ Карусомъ на *ночное, дневное, утреннее-сумрачное* и *вечерно-сумрачное* человѣчество, отбери *дѣла Бурдаховы* возрасты *дѣдушкины* и *прадѣдушкины*, но тѣмъ не менѣе написалъ книгу совершенно нѣмецкую: сухой, и довольно тяжелый сборникъ непереваренныхъ фактовъ и несваримыхъ гипотезъ; смѣсь болѣе или менѣе вѣрныхъ наблюденій съ темными и ничего не означающими опредѣленіями; наборъ разнородныхъ показаній, заимствованныхъ у самыхъ несообразныхъ взглядовъ на дѣло. Жизнь и возложенныхъ догматически, безъ оцѣнки достовѣрнаго, безъ единства между тѣмъ и другимъ, безъ сцепленія къ дѣлу. Читая эту книгу, изъ любопытства, можно, не примѣнить ея употребленію въ образованіи; то есть, толькоому дождно очень,

срочно, чтобы было, что она логично далеко отстоит сама от современного состоянія своей науки.

СЕРИИ КЪ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИХЪ СНИМКОВЪ СЪ ПОЧЕРКОВЪ ДРЕВНЯГО И НОВАГО ПИСЬМА *разныхъ періодовъ времени, изданный для воспитанниковъ Межеваго Вѣдомства. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1844, въ-8., стр. 84, и 102 листа снимковъ.*

Чтобы снабдить воспитанниковъ Межеваго Вѣдомства рукописями, по которому они могли бы научиться читать старинныя книги, начальство поручило П. И. Иванову собрать образцы старинныхъ почерковъ. Хорошо знавъ людей съ дѣломъ, господинъ Ивановъ исполнилъ порученіе съ отличными успѣхами. У насъ не было еще тогда такого богатаго собранія снимковъ. Господинъ Ивановъ потрудился съ древнѣйшей дѣль всѣхъ извѣстныхъ примѣры Метростала, дасть отрывки многихъ другихъ древнихъ актовъ, переходить отъ древняго уставнаго письма къ старославянскому, которое оно замѣнилось, и, предлагая съблизъ видѣть различія, оканчиваясь половинною XVІІІ столѣтія, когда образовалась нынѣшняя письменность. Все это имѣло реалю ста дѣлать. Кроме того, на отдѣльныхъ четырехъ листахъ помѣщены снимки съ почерка и почеркомъ тридцати пяти историческихъ и достопамятныхъ людей. Въ приложенной къ снимкамъ тетради напечатаны въ точности, съ акцентуаціею, гдѣ находится исторія русской сабры. Трудъ П. И. Иванова достоинъ особеннаго вниманія любителей отечественныхъ древностей.

ВЪВЕДЕНІЕ ГЕРМЕНЕВТИКА, или *Толковательное Введенеіе. Сочиненіе профессора Санктпетербургской Духовной Семинаріи, П. Саввантова. СПб.-бургъ, въ тип. Голандова, 1844, въ-8., стр. 171.*

«Ще радъ, и говорить господинъ Саввантовъ, снисхожденію великому слушать и читать Слово Божіе, но потому же еще и неудобобразумительное, что повидно онъ поубѣжденъ въ вѣрѣ толковать пророчества, то онъ старается воспримать читать его безъ руководства. Трудъ руководства слушать и читать пророчества, но»

уши прекраснаго самоотклоненiя при чтенiи и переводѣ священныхъ книгъ: въ кругу ихъ выходятъ все, что только языкъ новшине, древности, исторiи, критика и богословіе могутъ представить къ пониманiю библейскихъ текстовъ. Вся разработка происходила въ невѣжествѣ черезъ превратное понятiе развѣды и вѣсть и выраженiи Священнаго Писанiя. Одна изъ самыхъ отвратительныхъ сектъ основана, какъ извѣстно, на ложно истолкованномъ мѣстѣ Евангелiя (Мат. V, 29, 30), которому, съ очевиднѣе, по требованiю вѣраго смысла, говоритъ авторъ, надобно дѣлать значенiе перенесенное? Книга содержитъ въ себѣ только краткiй обзоръ герменевтики: цѣль автора—указать на важнѣйшіе матеріалы и пособiя къ приобрѣтенiю этого знанiя, которое требуетъ изученiя древнихъ и восточныхъ языковъ, исторiи, географiи, археологiи, правилъ критическаго чтенiя древнихъ текстовъ, и прочая, и прочая. Ни одна наука не представляеть такой обширной литературы; богословы и филологи всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ занимались этими важными для христіанства предметомъ; нѣрѣдко объ одномъ словѣ были писаны цѣлыя томы изслѣдованiй и споровъ, а одни каталоги герменевтическихъ и экзегетическихкихъ трудовъ составляютъ огромные фолианты. Сдѣлать хорошiй выборъ изъ этихъ трудовъ и указать молодому библейскому филологу на самые вѣрныя авторитеты, можетъ уже почтеться большою заслугою.

1. **ОЧЕРКИ ТЕОРИИ РИСОВАНІЯ, КАКЪ ОБЩАГО УЧЕБНАГО ПРѢДМЕТА. Съ приложеніемъ практическаго руководства для обучающихъ еяму искусство. Сочиненіе Густава Адольфа Гинніуса, учителя рисованiя во С.-Петербургскомъ Цирковомъ Институтѣ. Спб.-бургъ, въ тип. Восточн. учебнаго Заведенiя, 1844, в-8., стр. XIV и 500.**

2. **РИСУНКИ КЪ ОЧЕРКАМЪ ТЕОРИИ РИСОВАНІЯ. Г. Н. Гинніуса, листковъ, стр. X и 19.**

Теорiя господина Гинніуса принадлежитъ къ весьма высокимъ теорiямъ: онъ хочетъ, чтобы люди прежде рисовали умозрительно, а потомъ уже принимались за карандашъ. Основанъ объективнаго зрѣнiя, глаза, уши, обоняніе.

донныя, мучил учениковъ, новая теорія возмѣтила въ себѣ стремительно углубляться *из искусства очерка*, пріучать глаза къ схватыванію общности предметовъ, выискать въ основныя линіи, которыя облекаютъ формы, и рисовать съ натуры. Все это совѣтуетъ господинъ Гипсіусъ отъ лица своей теоріи, не отрицая сходства ея съ правилами руководствъ Брейера, Сапожникова, и другихъ. Сходство это, по мнѣнію господина Гипсіуса, ни сколько не мѣшаетъ его мнѣнію, что теорія эта совершенно самобытная, принадлежитъ исключительно ему, ученику Песталоцци, потому что онъ давно издавна слѣдуетъ ей въ своей практикѣ. О превосходствѣ ея приложены къ книгѣ свидѣтельства знаменитыхъ обществъ и людей, баварской академіи художествъ, брисселской академіи художествъ, копенгагенской академіи художествъ, господина Ваха, вице-директора берлинской академіи художествъ, господина Дистервега, директора берлинскаго педагогическаго училища, господина Брейера, учителя бреславльскаго училища, господина Эрихсена, директора Санктпетербургскаго Училища Святой Анны, адмирала Круазштерна, бывшаго директора Морскаго Кадетскаго Корпуса, господина Миддендорфа, директора Главнаго Педагогическаго Института, господина Ободовскаго, инспектора Сиротскаго Института при Санктпетербургскомъ Воспитательномъ Домѣ. Послѣ этого, теорія, метода и книга господина Гипсіуса безспорно прекрасны и полезны. Но ни въ одномъ изъ этихъ свидѣтельствъ не упомянуто, что книга *оно можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и энциклопедіей насчетъ о воспитаніи и ученіи дѣтей вообще*. Проникнутый чувствомъ благоговѣнія къ своему предмету, авторъ возводитъ въ рисованіи науку всемірную, науку великую. По его мнѣнію, на свѣтѣ собственно только двѣ науки, *математика и живопись*: одна способствуетъ къ внутреннему, другая внѣшнему созерцанію. Въ рисованіи заключается все, ваяніе, зодчество, оптика, навигація, военныя науки, механика, физика, географія, технологія, анатомія, физиологія, философія и, кажется, даже, римское право. Но съ ли создана для рисованія, или рисованіе для насъ? Господинъ Гипсіусъ не сомнѣвается, что — *носъ для рисованія*. А дѣлать, *напримѣръ, у насъ пальцы на рукахъ ирраціональны для*

«Колѣ съ я сте дѣтъ думалъ, никогда бы на дотыкало, что послужившии и послужившии, для какия простыя русскія слова сѣсны неогатидныи, даже невозможно вышлы, два слова, въ которыхъ, кажишь, ничего нѣтъ ни ученого, ни техническаго, могутъ означать какое-нибудь высшее искусство! Они однако жъ означаютъ — болѣзнику! — искусство: аускультации и перкуссии! Нельзя не отдать должнаго медикамъ и химикамъ справедливости въ томъ, что они обогащаютъ русскій языкъ удивительными техническими терминами; когда ужъ назовутъ вещь, такъ ея выкачь не забудешь: такъ весело она всегда бываетъ названа. *Послушавши и дослушавши!* Сколько разъ каждый изъ насъ въ шутку или съ насмѣлкой произносилъ въ разныхъ видахъ эти два глагола, но воображая, что говорятъ о вещи весьма ученой, не зная, что рассуждаютъ о медицинѣ! Нашему времени принадлежитъ честь великаго открытiя, что болѣзнь сидитъ всегда въ груди: стоитъ только, послужившии въ груди, спросить — кто тамъ? — и *послушавши*; болѣзнь тотчасъ отыщется! — Я! — Да кто же ты? — Я, такая-то, господишь докторъ, скажетъ болѣзнь, называя себя по-латыни, на природномъ языкѣ болѣзней. — Съ этой минуты человекъ издоченъ. Открытiе такого чудеснаго средства объясняется съ болѣзнями началось очень простымъ наблюдениемъ: послушавшиа хороненьки у груди, примѣтивъ, что сердце производитъ разные роды шума при разныхъ степеняхъ напряженiя бьющихся артерiй. Это, очевидно, была работа сердца; събѣдливые люди тотчасъ догадались, что если научиться отъ дiадектъ и составить для него болѣзней ручной словарь, то можно будетъ рассуждать съ сердцемъ такъ свободно, какъ мы теперь рассуждаемъ съ камнемъ. О чемъ сердце должно говорить? какой любительный предметъ его бесѣды? Разумѣется, медицина! Оно охотнѣе всего разсуждетъ о болѣзняхъ. Отъ предположенiя изъ полной формы — только одна шагъ, и при томъ самый короткий. Не надобно составлять словарь всѣмъ ступенямъ сердца, малымъ и большимъ степенямъ, и легкой и тяжелой, — наоборотъ, было бы достаточно для чужбоды слыть мудрецыи: докторамъ. Но слыть ничего еще не измѣрилъ, и наивнелодъ истинной рече

говора между докторами и пациентами. Впоследствии Шрайвер откровенно говорит, что пока неизвестно: была ли истинность да послушание, доктора просто переплаивали, они всегда ошибались въ настоящемъ названіи и значеніи болѣзней. «Въ воспаленіяхъ легкихъ, которые признавали за лихорадки, соединенныя со слабостью силъ, начинали обыкновенно лечить больныхъ средствами возбуждающими, предписывая для внутренняго употребленія киньору, корень зибеника, уксусъ-исполую щелочь, и прочая. Средства эти не только не ободряли силъ больныхъ, но ускоряли смерть ихъ, когда (если бы ушлы настоящую сущность болѣзни при помощи постукиванья да послушыванья) сдѣлались бы въ пору кровоупущанія окаянныя бы дѣйствія прямо на болѣзнетворную причину, и поддержали бы силы болѣзнаго.» Совершенный переворотъ производить постукиванье и послушыванье въ леченіи чахотки, удальства, и въ случаѣ другихъ болѣзней. Но увѣренію господина Яроцкого, на границу теперь ни одинъ лекаръ не приходитъ ни къ одному больному безъ стетоскопа. Въ концѣ книги приложена огромная таблица болѣзней, открываемыхъ послушываньемъ и постукиваньемъ. Но позвольте спросить: когда узнаете настоящее названіе или значеніе болѣзни посредствомъ послушыванія и постукиванія, что тогда выгезъ изъ сдѣлаете? Будете прописывать лекарства? Но знаете ли вы напередъ всѣ ихъ дѣйствія внутри организма, дѣйствія всегда эмпирическія, часто весьма сложныя, и почти каждыиъ разъ не согласныя съ замѣченными прежде? Нѣтъ! А по какой теоріи станете прописывать эти лекарства? Но той, въ которую вы вѣрите и въ которую между-тѣмъ не вѣрятъ другіе врачи, слѣдующіе другимъ, перѣдко противоположнымъ, ученіямъ о свойствахъ и способѣ дѣйствія лекарственныхъ веществъ? Такъ къ чему же служатъ постукиваніе и послушываніе? Какая польза отъ градусоваго стетоскопа? Самому господину Яроцкому навѣрное было очень грустно, когда онъ писалъ откровенное признаніе о медицинѣ, что, несмотря на прежнюю неизвѣстность послушыванья и постукиванья, на совершенное незнаніе настоящаго значенія болѣзней, врачи однако жъ лечили своихъ пациентовъ, и.... вылечивали! Какъ же могли они вылечить

даль! Да, гоним!—какъ, много въ свѣтъ дѣлается при помощи великаго слова *такса!*—и какъ всегда придется дѣлать, даже при поступкированіи и дослушиваніи. Стетоскопъ и медицинскіе мандала очень дѣрно сравнить съ барометромъ и психрометризмомъ; ртуть болѣе или менѣе повышается отъ какаго-то необъяснимаго давленія въ атмосферѣ; знаешь по вѣтлу, что будетъ гроза или засуха; наблюдать движенія инструмента *любопытнѣе*; строить теоріи о метеорологическихъ явленіяхъ, очень весело; даже занимательна записывать въ книгу градусы и получать за это жалованье, но если угрожающая бѣда не разсѣется—*такса!*—оная собака—отъ неопредѣленныхъ причинъ, какъ отъ неопредѣленныхъ собралась, барометръ, досматриваніе и вся метеорологическая мудрость нѣчего не помогутъ.

Долженъ напомнить гальваноддастникъ, и гальванической золоты и серебряныя, составленное по новѣйшимъ изобретеніямъ. Сдѣлано изобретеніемъ способа золоченія и серебрянія электро-химическимъ безъ посредства гальванической батареи. А. Г. С. П. Буръ, съ тѣмъ. Губерискаго Правленія, 1844, съ 12., стр. 122 и IV, съ рисункомъ.

Ответа уже на заглавію можно догадываться, что это за *золотое изобретеніе* и къ чему оно предназначено. Гальваноддастника теперь уже вовсе не служить къ лѣпкѣ металлическихъ предметовъ, гальваническое золоченіе и серебряніе ни мало не думаютъ золотить или серебрять что бы ни было; у него даже нѣтъ ни золота ни серебра. Гальваноддастникъ и гальваническое золоченіе сдѣлались нынче такою же дѣтскою книжною промышленностію, какъ поварскія книги, страдухи, хозяйки, самоучители, сонники, пѣсенники. При всемъ томъ, и при всей скукѣ, которую наводятъ уже подобныя сочиненія, въ этой *долгой* книжонкѣ—Евстаѣій Ивановичъ Олдекопъ, который чуждается самонадѣлности, назвалъ бы ее скорѣе *большою* книжонкою: *полная* книжонка, до его мнѣнію, вещь невозможная!—въ этой *полной* или *большой* книжонкѣ мы замѣтили нѣсколько болѣе толку чѣмъ въ другихъ компиляціяхъ по случаю гальванизма и его изобретенія. Способъ золоченія и серебрянія безъ гальва-

нической батареей *полная книжонка* приписывается господину Грекову. Этотъ способъ, состоящій въ приваиваніи куска цинку къ самому предмету, и еще другой способъ, производящій позолоту безъ всякаго цинку, посредствомъ простаго нагрѣванія раствору, извѣстны другимъ книгамъ какъ способы господина Бекреля.

ОПИСАНІЕ ВОЛЪЗНЕЙ СОБАКЪ и средствъ къ излеченію ихъ. Составлено П. З. Сп.—бурія, въ тип. Военно-учебныхъ Заведеній, 1844, въ-12., стр. 125.

Золотая книжка по собачьей части. И какая простая наука! Господинъ П. З. лечитъ своихъ четвероногихъ пациентовъ безъ послушванія и постукиванія, совершенно ипкратически. Напримѣръ, положимъ, что собака ваша *потеряла чутье*. Надобно только *припаривать ей чутье* овсяною кашею, потомъ *обтереть чутье*, и дать *нюхнуть крѣпкой махорки* (что такое махорка, смотри въ словарь господина Бурнашова)..... *чутье возвратится!* Отчего? отъ каши? Господинъ П. З. говоритъ—да! А я смѣю думать, что чутье у собаки не пропадало: ей только не хотѣлось обнюхивать; это ремесло ей надобно; когда господинъ П. З. станетъ лечитъ бѣдняжку по своей методѣ, она, чтобы не тыкать носа въ горячую кашу и не нюхать крѣпкой махорки, готова впредь служить ему чутьемъ своимъ до гроба. Медицина господина П. З., какъ вы видите, не затѣйлива. Но всякое дѣло боится мастера. «Не всякой *человѣкъ*,» замѣчаетъ господинъ П. З., «строго вспоминаетъ предписанія врача, касательно приема лекарствъ, хотя, нивѣразсудокъ, понимаетъ, что лекарства для него полезны и необходимы: *«что жъ осудили отъ собаки, не ильющей разсудка? Силы недостаточно для того чтобы собаки глотали лекарство. Для этого потребны умъ и ловкость. Собака, ощущая «противныйвкусъ, сопротивляется и готова кусаться».* Вотъ почему надо давать ей лекарства съ особеннымъ искусствомъ. Приемы собачьей терапевтики авторъ излагаетъ очень важно, съ полною вѣрою въ свою ветеринарную патологію и фармацевтику. Успѣхъ всѣхъ подобныхъ врачеваній, въ бѣльшей части случаевъ не подлежитъ сомнѣнію: чтобы не глотать противныхъ лекарствъ, собаки, у кото-

рыхъ три четверти мнимыхъ внутреннихъ болѣзней заключается просто въ лѣнъ и скуку, выздоравливаютъ въ одно мигновѣніе; а если собака действительно больна, то она умретъ: съ суждено было умереть! — и ветеринарная медицина всегда будетъ права.

О СЕМЕЙСТВѢ ВЕРЕСКОВЫХЪ РАСТЕНІЙ, съ особеннымъ изслѣдованіемъ свойственныхъ Санктпетербургской Флорѣ, и преимущественно употребительныхъ въ хозяйственномъ, медицинскомъ и врачебномъ отношеніяхъ. Сочиненіе Г. Александровича. СПб.-бургъ въ тип. Военно-Учебныхъ Заводовъ. 1844, 88-8., стр. II и 112, съ рисунками.

Вересковыхъ растений, которыхъ семейство заключаетъ въ себѣ болѣе тысячи видовъ, въ петербургской флорѣ считаютъ дошестнадцати: черника, голубика, брусника, клюква, верескъ, безплодица, былина, толокнянка, грушанка, зимолюбка, одноцвѣтъ, багульникъ. Господинъ Александровичъ собралъ объ этихъ растеніяхъ много старинныхъ свѣдѣній, и прибавилъ къ нимъ свои собственныя наблюденія. Сочиненіе его, писанное на задачу университета, удостоилось золотой медали.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

КОСМОГРАФІЯ, ИЛИ: УЧЕНІЕ О СОСТАВѢ ВСЯКАГО ЦѢЛЫЯ СОВМѢСТНО ЛИТЕРАТУРЪ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ, Владимира Петровича. Одесса, 1844. — Авторъ утверждаетъ, что его побужденъ къ труду ощущаемая въ нашей литературѣ потребность сочиненій, «служащихъ провозниками между догматическимъ для новоброжденныхъ святѣйшимъ наукъ, точнымъ «и со дня на день возрастающимъ во всеобщую славу общества «жандо повѣщаній.» Онъ вѣроятно не зналъ, что эта потребность уже удовлетворена переводомъ превосходной популярной астрономіи Гершеля, и сочиненіями въ томъ же родѣ господъ Перевощикова и Зеленаго.

СТАРИННАЯ СКАЗКА ОБЪ ИВАНУШКѢ-ДУРАЧКѢ, разсказанная москвитинѣ купчихою Николаевнѣю Полевиной. СПб.:

1844, съ великими трудами. Мысль господина Тимма, приложить свои мысли, придать имъ рисунки, создавшіеся въ минуту вдохновенія простонародными предметами, къ какой-нибудь русской сказкѣ, была мысль весьма счастливая. По желанію художника, Н. А. Полевой приладилъ къ его рисункамъ текстъ. Онъ только приладилъ, — потому что «Сказка объ Иванушкѣ-Дурачкѣ» не сочиненіе Н. А. Полеваго, и не модное подражаніе старинной сказкѣ опервогъ и самомъ любимомъ героѣ русской народной повѣсти. Господинъ Полевой не подстригалъ сѣи бороды à la moujik, а только умылъ ее, принарядилъ въ чистый кафтанъ и не велѣлъ чесать затылка: такимъ образомъ составилась проминая брошюрка, въ которой можно полюбоваться на русскій умъ, переданный во всей наипростѣйшей и игривости даровитымъ писателемъ и ловко объясненный карандашомъ наблюдательнаго художника. Стоитъ посмотрѣть, какъ хорошъ этотъ плутоватый мужичокъ-дурачокъ, когда онъ вродаетъ лошадь, или когда обманывается чорта, или когда идетъ верхомъ на палочкѣ: дурачокъ на-видѣ, а между тѣмъ — себѣ на умѣ!

юморстическій альбомъ, содержащій въ себѣ разныя любопытныя свѣдѣнія, собранныя съ 2182 году, въ городѣ Якутскѣ, студентами тамошняго университета, изъ новѣйшихъ газетъ и журналовъ, съ полтипажами заимствованными изъ древнихъ книгъ. Компактное изданіе Петра Машкова. С. Пб., 1844. — Плохо же будутъ шутить люди въ 2182 году, если шутки ихъ не будутъ умнѣе тѣхъ, которыя заранѣе приписываетъ имъ господинъ Петръ Машковъ! Къ числу плохихъ шутокъ будущихъ студентовъ будущаго якутскаго университета, гдѣ господинъ Петръ Машковъ собирается быть профессоромъ остроумія, принадлежитъ даже одна такая шутка, для которой у нынѣшнихъ людей еще и эпитета нѣтъ: подъ избитымъ, взтасканнымъ, пошлымъ рисункомъ, неизвѣстнаго рисовальщика подписано имя Тимма! У Якутовъ, это принимается за юморъ перваго сорту.

Практическое руководство къ правильному и строгому означенію словъ и безобразныхъ дѣлъ. Сочиненіе А. П.

Татарнинова. СПб., 1844.—Вролотно и это—юморъ, только не извѣстно какой... Авторъ брошюры какъ-будто сердится на русскихъ секретарей, судей, адвокатовъ; какъ-будто хочетъ сказать что-то очень колкое насчетъ ходу спорныхъ и безспорныхъ дѣлъ; но, въ заключеніе, предпочитаетъ кончить рѣчь не сказавъ ничего особеннаго, желая, какъ кажется, сберечь все любопытныя по этой части и свое собственное остроуміе для другой, болѣе удобной, okazji.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ, для любителей театра. Москва, 1844, две книжки.—Два передѣлки двухъ французскихъ водевилей. Одному изъ нихъ имя—«Зятушка», другому—«Павелъ Степановичъ Мочаловъ въ провинціи». При перевозѣ изъ Парижа въ Москву, ихъ хорошо посолили крупною русскою солью, за немѣніемъ аениской.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА для молодыхъ людей. СПб., 1844.—«Здѣсь, изъясняетъ авторъ, предлагаются, не медицинскія разсужденія и средства къ избавленію отъ одержимыхъ болѣзней, но простые *житейскіе* способы сохранять здоровье въ юности и быть благополучнымъ до глубокой старости, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ, какъ, тыльскихъ, такъ и душевныхъ немощей, отъ страстей и беспорядочной жизни происходящихъ, дѣлающихъ человека на всю жизнь несчастнымъ. Благонравная и солидная жизнь освѣщаетъ пути наши, и сводитъ начало съ концомъ благополучно, а каково начало, таковъ бываетъ и конецъ».

Руководство къ солидной жизни, которая освѣщаетъ пути, начинается статьей о нынѣшнемъ юношествѣ. Авторъ утверждаетъ, что нынѣшнее юношество гораздо лучше того, какое видалъ онъ прежде. «Загляните нынѣ куда угодно, въ гостиныя высшихъ и среднихъ обществъ, въ публичныя собранія, въ семейный бытъ, въ храмы Божіи: вы встрѣтите вездѣ благонравное юношество, когда юность прежнихъ, еще недавнихъ годовъ, была горда, самонадѣянна, мало нравственна, насмѣшлива, не знала никого себя лучше и умнѣе, была буйна въ собраніяхъ и безстыдна въ домашнемъ быту. Но все это вышло, и при-

«нихъ худыя привычки между немцами и въ помѣнѣ снѣтъ».

Несмотря на все совершенство вывѣшняго юношества, авторъ совѣтуетъ ему однако жъ, изъ предосторожности «содержать голову въ прохладѣ, желудокъ въ умѣренности, ноги въ теплѣ.» Особливо тому, кто хочетъ быть благополучнымъ до глубокой старости, должно всякой день хорошенько мыть голову. Далѣе, для солидной жизни, которая освѣщаетъ пути и сводитъ начало съ концомъ, не надо юношеству пить горячаго чаю, и вовсе не должно оно употреблять кофе и шоколаду. Чрезвычайно вредно благополучію и сведенію начала съ концомъ—носить ермолки и камзолы, ѣсть ветчину, бѣлужину, блины, слоеные пирожки, клѣцки, макароны, колбасы, и прочая. Весьма затруднилъ автора вопросъ: должно ли употреблять растенія и фрукты? Наконецъ онъ рѣшилъ, что растительная пища предпочтительнѣе и полезнѣе для солидной жизни, вѣрнѣе сводитъ начало съ концомъ, ярче освѣщаетъ пути, чѣмъ пища животная. «Въ растительной одна только неприятность, — излишній газъ; но это замечать отъ привычки: надобно только остановиться въ началѣ», не сводитъ его съ концомъ, и растительную пищу можно употреблять, «не боясь никакого развитія газа».

Въ заключеніе, авторъ совѣтуетъ добродѣтельному и совершенному юношеству нашего вѣка остерегаться пьянства. Для сохраненія совершенства, водки лучше вовсе не пробовать. Попробуешь, — понравится, — и прощай, солидная жизнь!

ВЕСЬДЫ РУССКАГО КУПЦА О ТОРГОВЛѢ. СПб., 1844, четыре тетрадки.—О «Бесѣдахъ» господина Вавилова было уже здѣсь упомянуто. Предпріятіе его заслуживаетъ всякаго одобренія. Онъ предполагаетъ издать, вышусками, десять бесѣдъ. Каждая его бесѣда дѣлится на двѣ части: въ одной господинъ Вавиловъ излагаетъ исторію и теорію торговли, въ другой помѣщены практическія свѣдѣнія о товарахъ.

ИЗСЛОВЬЕ СЛОВЪ ВЪ НАШЕИ НЕЗАВЕННАГО НАЧАЛЬНИКА, по сѣтлости, [и князя Дмитрія Владимировича]

из Галицкой. Сочиненіе г-на М. Н. Гаршина, почетнаго почетнаго Московскои Градскои Больниці, Большаго лекарскаго Градскои Больниці, и пруді акушерскою обшчинею по убоини ея основатель и мостовъ писатель. Москва, 1844.

РАЗНЫЕ СВѢДѢНІЯ.

— Профессоръ Педагогическаго Института, господинъ Лоренцъ, выдалъ вторую часть своего «Руководства къ Всеобщей Исторіи». Въ этой второй части заключается — преобразование древняго міра христіанствомъ, распространеніе Германцовъ, соединеніе Востока посредствомъ магометанской религіи, соединеніе Запада посредствомъ возстановленія императорскаго достоинства, и усиленіе папской власти, до начала престовыхъ переходовъ.

— Господинъ Бурнашовъ кончилъ свое безсмертное твореніе, съ котораго должна начаться новая эпоха въ техническомъ русскомъ языкѣ. Ученый авторъ, какъ всѣ мастера своего дѣла, во второмъ и послѣднемъ томѣ безцѣннаго «Опытъ терминологическаго словаря сельскаго хозяйства, фабричности, промысловъ и народнаго быта», превзошелъ самого себя. Невозможно вообразить, какой яркій свѣтъ разливаетъ этотъ томъ на все вокругъ себя, на всѣ техническіе предметы. Богатѣйшія свѣдѣнія текутъ тысячами рѣкъ въ четыре стороны: стонутъ только сдѣлать изъ своей головы ведро и черпать изъ всякую мудрость. Нужно ли умному человѣку узнать, что такое — архитектурный ордеръ? Онъ тотчасъ находитъ умное опредѣленіе: «Ордеръ архитектуры есть образецъ дѣланія колоннъ при постройкѣ зданій, основанный на подражаніи древнимъ.» Захочетъ ли онъ просвѣтитесь насчетъ щелочной соли? Мингомъ господинъ Бурнашовъ объяснитъ ему: «Щелочная соль есть та, которая съ кислотами кипитъ, имѣетъ вкусъ едкій и противный, и голубой сокъ прозябаемыхъ превращаетъ въ зеленый». Вздумается ли ему учиться зоологій? Вотъ и зоологія, самая чистая, самая полезная: «Совака. Савіа. Животное. Собака бываетъ различ-

ныя народы, подъ разными названіями. Таковыя, на-
 примѣръ, *соболяшскія, лопатки, или бѣлоросскія, крошкы,
 осеняки, или дужевы, шурпыя, мушкетерскія, мушкетерскія,
 караванскія, падуванскія, памичинскія, поларинскія*. Чего жъ бо-
 лѣе разнѣ это не объясненіе? не свидѣніе? не мудрость?
 Авторъ сказало, что мудрость, чѣмъ короче, тѣмъ мудрѣе.
 Господинъ Бурнаковъ твердо держится этого великаго
 правила, и спросите у него, что такое «Собачья голова»,
 онъ отидѣаетъ однимъ словомъ; *Трѣва!* А «Собачья го-
 лова?» — *Трѣва!* А «Облава»? — *Расщеп!* Коротко и ясно.
 Въ болѣе важныхъ для хозяйства, фабричности, и ремесль-
 случаевъ, онъ однако жъ позволяетъ себѣ распространить-
 ся приличнымъ образомъ. Такъ, на примѣръ, онъ съ особен-
 ной обстоятельностью излагаетъ, что *пить бычкомъ*, зна-
 чить пить въ одинъ духъ, но останавливаясь, что пра-
 вильная *потышка* состоитъ въ толчкѣ по самому затѣлку,
 что *подузка* технологически называется «небольшую чашку,
*лоскутъ голстыки, подкладываемый подъ мѣдн-
 ца*» и тому подобное. Кромѣ технологическихъ сокровищъ,
 этотъ словарь заключаетъ въ себѣ еще множество
 новыхъ открытій, принадлежащихъ ученому автору лично.
 Между прочимъ открытъ онъ, что *осею* можно превратить
 въ *рожь*, изобрѣтъ *собой родъ яблони, которая (яблони)
 растутъ довольно правильно, кудряво, ежидино и не слива-
 камъ высоко, и съ удивительною тонкостью первый при-
 мѣтилъ сходство между обльпидою и смородиною*. За такія
 книги, древніе воздвигали монументы.

— Богатое собраніе монетъ и медалей господина Рейхеля
 извѣстно всѣмъ археологамъ. Трудолюбивый владѣ-
 лецъ этого собранія предпринялъ самъ издать его описаніе,
 и уже выдалъ семь частей; подъ заглавіемъ «*Die Reichel-
 sche Münzsammlung in St-Petersburg*». Теперь вышли ось-
 мая и девятая части этого каталога монетъ, и содер-
 жать въ себѣ цумизматическія памятники Испанцевъ,
 Португальцевъ, Вандаловъ, Остъ-Готовъ, Лонгобардовъ,
 Норманновъ, Италіянцевъ, Мальтійскаго Ордена, царствъ,
 основанныхъ Крестоносцами, ново-греческіе, молдавскіе,
 волошскіе, сербскіе и другіе славянскіе, числомъ болѣе
 четырехъ тысячъ. Между ними есть нѣсколько медалей,

донныхъ неизданныхъ. Въ собраніи господина Рейхеля находится и знаменитая *Владимірова монета*, но онъ почитаетъ ее монетою, не кievскаго Владиміра Великаго, а какого-то неизвѣстнаго славянскаго князя Владиміра. Монеты съ надписью — *Святославъ, царь Болгарскій* — онъ также не признаетъ монетою нашего Святослава и пребыванія его въ Булгаріи: онъ относитъ ее къ одному изъ болгарскихъ князьковъ.

— Ученый издатель врачебной газеты «Другъ Здравія», докторъ Грумизъ, издалъ второй томъ своего «*Руководства къ воспитанію, образованію и сохраненію здоровья дѣтей*». Третій и послѣдній томъ этой превосходной книги долженъ выйти въ концѣ года.

— «*Сажочитель французскаго языка*», господина Явнскаго, вышелъ вторымъ изданіемъ.

— Вышла десятая книжка «*Санктпетербургской Флоры*», издаваемой господами Левинскимъ и Селезневскимъ.

— Въ прошломъ году явилось здѣсь нѣсколько тетрадокъ «*Исторіи Фридриха Великаго, тексты О. Коппа, рисунки Менцеля*», но, послѣ третьяго или четвертаго выпуска, изданіе, которое объявляло себя «великолѣпнымъ изданіемъ», вдругъ прекратилось. Теперь тѣ же самыя тетрадки являются въ видѣ книжки, но уже съ именемъ новаго издателя. Если это означаетъ возобновленіе предпріятія, то книжкѣ должно пожелать здравія, счастья и всякихъ благъ отъ подписчиковъ.

— «*Руководство для желающихъ опредѣлить малолѣтнихъ дѣтей въ Военно-учебныя Заведенія*» было напечатано двумя изданіями, но давно уже ни одного экземпляра этой необходимой для семействъ книги не находилось въ книжной торговлѣ. Начальство Штаба Военно-учебныхъ Заведеній удовлетворило теперь общее требованіе публики: книга выдана вновь, именно, третьимъ изданіемъ, исправленнымъ и дополненнымъ распоряженіями, состоявшимися по первое января 1844 года.

СОВЕРШЕНІЕ ВЕЛИКИХЪ ПЕРЕВОРОТОВЪ НА ЗЕМНОЙ ПОВЕРХНОСТИ ПРИ НАШИХЪ ГЛАЗАХЪ. Двѣ противоположныя теоріи господствуютъ нынче въ геологіи относительно къ происхожденію примѣчаемаго въ земной корѣ опрокинутаго и изломаннаго положенія слоевъ: одна утверждаетъ, будто эти великіе перевороты произошли внезапно, отъ вулканическихъ сотрясеній и подземныхъ огней, съ шумомъ, громомъ и страшными несчастіями; по мнѣнію другой, природа не употребляетъ такихъ насильственныхъ средствъ: всѣ вообще, даже и самыя важныя, измѣненія въ поверхности шара совершаются тихо, постепенно, непримѣтно; горы поднимаются и опускаются, моря переливаются и обходятъ всю планету, слои земной коры ломаются и опрокидываются, каменные породы превращаются однѣ въ другія, непрерывно, при нашихъ глазахъ, но такъ медленно и спокойно, что мы не видимъ этихъ великихъ преобразованій, которыхъ конечные результаты ужасаютъ насъ своей огромностью послѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій. Эта теорія, безспорно, согласна и со здравымъ смысломъ и съ общимъ ходомъ дѣлъ въ природѣ, чѣмъ фантастическое ученіе, которое, для объясненія каждаго подобнаго послѣдствія, расплавляетъ земной шаръ въ тигль, растворяетъ въ стаканѣ воды, приводитъ все въ хаотическое броженіе и играетъ въ потопаы, вулканы, взрывы, перевороты, какъ въ шашки. Съ-тѣхъ-поръ какъ допустили мысль, и убѣдились опытами, что чрезвычайно слабое, тихое, но постоянное дѣйствіе какой-нибудь силы можетъ, послѣ долгаго времени, быть причиною величайшихъ физическихъ измѣненій, вниманіе наблюдателей

обратилось на признаки подобныхъ явленій въ формѣ земной поверхности и многіе любопытные факты стали обнаруживаться въ подкрѣпленіе вѣчной тишины и безмятежности природы, на зло геологическимъ революціонерамъ. Одинъ изъ самыхъ примѣчательныхъ этого рода случаевъ замѣченъ въ началѣ нынѣшняго года въ гирфордскомъ графствѣ, въ Англіи, и описанъ въ Hereford Times. Въ доррингтонскомъ приходѣ, большое пространство земли, слишкомъ три англійскихъ акра, съ камнями, утесами и сорока огромными дубами, непримѣтно соскользнуло, съ холма *Dadnor's Hill*, въ лежащую возлѣ долину, саженъ на сто отъ прежняго мѣста. Въ нынѣшнемъ своемъ положеніи, этотъ пластъ земли, съѣхавшій отъ сырой погоды и дождей, представляетъ самое фантастическое зрѣлище переломанныхъ и на ребро поставленныхъ слоевъ, опрокинутыхъ утесовъ, темныхъ пещеръ, и такъ даѣе. Деревья, одни, кажется, растутъ внизъ, другія остались въ естественномъ положеніи, нѣкоторые вырваны съ корнемъ. Черезъ нѣсколько столѣтій все это будетъ занесено землею и, если тогдашніе геологи станутъ здѣсь рыться—какимъ торжественнымъ доказательствомъ страшнаго, внезапнаго, всеобщаго сотрясенія планеты сдѣлается для нихъ темная *деднорская* долина! Между-тѣмъ окрестные жители слышали только легкій трескъ въ почвѣ за нѣсколько времени до этого происшествія, когда пластъ, подмытый водою, начиналъ терять разновѣсіе и медленно отторгаться отъ своего основанія.

НАДИСЬ ЖРЕЦА ЭЛЕВСИНСКИХЪ ТАИНСТВЪ, *найденная въ потребальныхъ подземельяхъ Фараоновъ*. Египетъ былъ для древнихъ путешественниковъ тѣмъ же, что для новѣйшихъ нѣкоторыя мѣста Швейцаріи, гдѣ каждый старается оставить слѣдъ своего имени или своего остроумія въ память того, что онъ тутъ былъ, гулялъ и наслаждался. Примѣчательнѣйшіе египетскіе памятники покрыты надписями этого рода, и многія изъ нихъ любопытны даже въ историческомъ отношеніи. Одною изъ самыхъ интересныхъ надписей можно почесть ту, которую господинъ *Летронъ* обнаружилъ недавно въ *Journal des Savans*. Она была списана

тремъ новѣйшими путешественниками, Солтанъ, Шапю-
леномъ-Младшимъ и господиномъ Вилькинсомъ, кото-
рые отырыли ее въ одной изъ египетскихъ сиренихъ, или цар-
скихъ погребальныхъ подземелій, вытѣченныхъ въ гранитъ
западныхъ горъ, въ ущельѣ, известномъ теперь у окрест-
ныхъ Арабовъ подъ именемъ *Вади Бибалъ эль мулюкъ*,
«Долины царскихъ дворцовъ». Подземелія эти или, какъ
древніе Египтяне сами называли, *дворцы для другой жизни*,
состоятъ всегда изъ нѣсколькихъ комнатъ, украшенныхъ
барельевами или расписанными сюжетами изъ обрядовъ
жизни и частной жизни. Въ послѣдней комнатѣ, или са-
мой маленькой царя, обыкновенно находится каменный гробъ,
саркофагъ, въ которомъ помещалась мумія, то есть, бал-
самированное тѣло владѣльца подземнаго дворца, запертое
въ три деревянныя, расписанныя и вызолоченныя ящики,
съ крышкани, изображающими барельефныя портреты по-
койника. Надпись, которую мы хотимъ привести, начертана
на стѣнѣ одной изъ комнатъ красною краскою.

Ο ΔΑΔΟΥΧΟΣ ΤΟΟΝ ΑΓΙΟΟΤΑ
ΤΟΟΝ ΕΛΕΥΣΙΝΙ ΜΥΣΤΗΡΩΟΝ ΝΙΚΑΓΟΡΑΣ
ΜΙΝΟΥΚΙΑΝΟΥ ΑΘΙΝΑΙΟΥ ΙΣΤΟΡΙΣΑΣ
ΤΑΣ ΣΥΡΙΓΓΑΣ ΠΟΛΛΟΙΣ ΥΣΤΕΡΟΝ
ΧΡΟΝΟΙΣ ΜΕΤΑ ΘΕΙΟΝ ΠΛΑΤΟΝΑ
ΑΝΘ ΤΟΟΝ ΑΘΙΝΩΟΝ ΒΘΑΥΜΑΣΑ ΚΑΙ ΧΑΡΙΝ
ΕΣΧΟΝ ΘΕΟΙΣ ΚΑΙ ΤΟΟ ΕΥΣΕΒΕΣΤΑΤΟΟ
ΒΑΣΙΛΕΙ ΚΟΟΝΣΤΑΝΤΙΝΟΟ ΤΟΟ ΕΝ
ΤΟΥΙΟ ΜΟΙ ΠΑΡΑΣΧΟΝΤΙ

«Я, дадухъ свѣтѣйшихъ Элеусинскихъ Таинствъ, Никаторъ Минукиановъ, Афинянинъ, посещая сирени много вре-
мени спустя послѣ божественнаго Платона, афинскаго
гражданина, удивлялся имъ и благодарность возсылалъ къ
богамъ и къ благочестивѣйшему императору Константину,
въ томъ мнѣ пособившему».

Въ другомъ мѣстѣ, въ томъ же подземельѣ, тѣмъ же
почеркомъ и также красною краскою написано:

ΙΛΕΟΟΣ ΙΜΙΝ ΠΛΑΤΟΟΝ ΚΑΙ ΕΝΤΑΥΘΑ

«Будь ——— Платонъ, и здѣсь!»

Этотъ Никагоръ, сынъ Минукіана — лицо известное въ греческой литературѣ. Пурпурій, описывая пиръ, данный Лонгиномъ въ праздникъ *божественнаго* Платона, говоритъ, что знаменитый хозяинъ назвалъ на это религиозно-эпическое увеселеніе: Никагора Софиста, Амоллодіа Грамматика, Дамитрія Геометра, Пресена Перепатекса и Калиста Стоика. Филостратъ, въ біографіяхъ софистовъ, упоминаетъ объ немъ дважды: разъ, приводя его мнѣніе, что *«мама весьма софистовъ — трагедія»*, другой разъ по случаю рѣчи о своихъ ученыхъ друзьяхъ: *«Никагоръ Авилянскій, который теперь занимается, и да позволено ему божъ занимать долгое время, сынъ священнослужителя Элевсинскаго Таинства»*. Отецъ этого Никагора Минукіанова, Минукіанъ Никагоровъ, известенъ, изъ Свидаса, тоже какъ знаменитый ученый и авторъ многихъ сочиненій о литературѣ. Дѣдъ его, риторъ Мнисей, былъ депутатомъ отъ города Аевы къ императору Филиппу и представилъ ему записку о состояніи Греціи. Даже имя Мнисеева отца, Минукіана, современника Адріанова, сохранилось въ исторіи греческой литературы. Такимъ образомъ, въ катакомбахъ Фараоновъ мы встрѣчаемся со старымъ знакомцемъ и членомъ известной ученой фамиліи. Въ надписи, Никагоръ Минукіановъ называетъ себя *дадухомъ Элевсинскихъ Таинствъ*, тогда какъ Филостратъ знаетъ его только *священно-глашатаемъ*, *hieroglyph*: значить, на старости лѣтъ онъ былъ повышенъ чиномъ, потому что, въ этихъ таинствахъ, первый греческій санъ принадлежалъ іерофанту, или священно-дѣйствователю; вторымъ духовнымъ сановникомъ былъ дадухъ, преемщикъ, посвятитель въ тайны; а священно-глашатай занималъ третье мѣсто: за нимъ уже слѣдовали *алтарный* (*epibothios*) и казначей. Изъ Филострата видно, что въ это время іерофантомъ былъ софистъ Аноллоній, тотъ самый, который вмѣстѣ съ Никагоромъ Минукіановымъ обѣдалъ у Лонгина въ Платоновъ праздникъ: слѣдовательно, тутъ были іерофантъ, дадухъ, священно-глашатай и весь причетъ Элевсинскихъ Таинствъ, и это сближеніе лицъ и обстоятельствъ служитъ доказательствомъ, что прилагательное *«божественный»*, котор...

Платону, вовсе не литературное отличие, но чисто религиозный титулъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что въ Элевсинскихъ Таинствахъ Платонъ былъ причтенъ къ ряду боговъ: уличные поклонялись ему какъ настоящему божеству, почитали его своимъ стражемъ и вступникомъ, отчего онъ и получалъ у нихъ званiе θεῖος, δῖος, «божественный»; наравнѣ со всѣми, внесенными въ списокъ жителей Олимпса. Слова Цицерона въ письмѣ къ Аттику—*deus ille potest, Plato*—объясняются этимъ совершенно: это не метафора; но намекъ другу на заповѣдный догматъ ученой вѣры, принятой, вѣроятно, вмѣстѣ съ нимъ въ Элевсисѣ подъ клятвою глубочайшей тайны. Въ другомъ мѣстѣ, въ книгѣ, назначенной для публики (*De divin.* II, 12), Цицеронъ выражается гораздо осторожнѣе: *audiamus Platone, quasi quendam deum philosophorum*, «послушаемъ Платона, какъ-бы мѣлкогого бога философовъ». Что какъ-бы и мѣлкогого только—оговорка, введенная нарочно для неосвященныхъ, это доказывается припискою дадуха Никагора Минукіанова на другой стѣнѣ: «*Будь намъ милосерденъ (θεὸς ἡμῖν), Платонъ, и здѣсь!*» Такія точно воззванiя находятъ на египетскихъ памятникахъ къ официальнымъ богамъ, Серапису, Озирису, и прочимъ.

Страннымъ можетъ показаться титулъ, который языческий жрецъ даетъ Константину Великому, называя его «*благодѣтельнымъ императоромъ*» и благодаря за пособіе, оказанное для набожнаго путешествiя по Египту; но, во-первыхъ, Константинъ Великій, принявъ христіанскую вѣру лично, долго не переставалъ оказывать официальное покровительство язычеству какъ древней государственной религіи и до 320 года самъ употреблялъ на своихъ монетахъ титулъ—*pontifex maximus*; во-вторыхъ, путешествіе дадуха Никагора Минукіанова по Египту не позже могло случиться какъ въ первые годы царствованiя Константина: если Никагоръ Минукіановъ находился на знаменитомъ философскомъ обѣдѣ у Лонгина и при Филостратѣ уже занималъ должность священноглашатая, то уже и около 306 года ему было лѣтъ за семьдесятъ.

Гораздо важнѣйшее затрудненіе представляетъ надпись въ отношенiи къ самому дадуху: изъ Лукіана и другихъ

источникомъ известно, что тремъ перваимъ сочинителямъ Элементарныхъ Таинствъ, именно, іерофанту, дадуху и священноглашателю, строжайше запрещено было объявлять свои мірскія имена: они должны были называть себя только условными именами, принятыми при посвященіи. Одинъ только «алтарный», ерѣбот'ос, не обязанъ былъ скрывать своего настоящаго имени. Какъ же дадухъ, посѣщавшій гробницы Фараоновъ, позволяеть себѣ расписывать по стѣнамъ монументовъ, что его зовутъ Никиторомъ, а отца его звали Минукіаномъ? На это мы не можемъ представить ни какаго объясненія. Развѣ ужъ предположить, что дадухъ Никиторъ Минукіановъ, при императорѣ, исповѣдующемъ другую религію, сдѣлался самъ кемъ-либо вольнодумцемъ, или не считалъ нужнымъ строго соблюдать въ чужой землѣ предписанія своего храма, или, наконецъ, хотѣлъ передъ Египтянами похвалиться своимъ чинамъ?

КУРСЫ НЕВОЗМОЖНЫХЪ НАУКЪ ВЪ ПАРИЖѢ. *Продованіе египетскихъ іероглифовъ.* За совершеннымъ отсутствіемъ новыхъ открытій, изобрѣтеній и важныхъ происшествій въ наукахъ, надо по-необходимости читаться маленькими учеными анекдотами. Расскажемъ, что намъ рассказываютъ журналы. Извѣстно, что всѣ возможныя и невозможныя литературы, существующія и несуществующія науки, имѣють профессоровъ во Французскомъ Университетѣ. Въ аудиторіяхъ Королевской Библіотеки преподаются, не только всѣ извѣстныя восточныя языки, но даже и многіе неизвѣстныя: профессора этихъ рѣдкихъ знаній обыкновенно не находятъ себѣ слушателей, и однажды случилось, что два профессора, одинъ карагенскаго языка, а другой руническихъ надписей, три года не являлись въ классы. Разумѣется, что между-тѣмъ они пользовались всѣми правами и преимуществами званія и, въ достоинства, не позволяли отдавать своихъ залъ подъ другіе, болѣе посѣщаемые, предметы. Для прекращенія сего великаго неудобства, начальство университета положило правиломъ, что курсъ тогда только считается дѣйствительнымъ и профессоръ имѣеть право на выгоды, присвоен-

вые кресла, когда для его науки есть по-крайней-мѣрѣ одинъ постоянный слушатель и когда самъ онъ регулярно ходитъ въ аудиторію. Это поставило нѣкоторыхъ профессоровъ въ необходимость приносить себѣ слушателей, и богатѣйшіе стали нанимать, по франку за часъ, любознательныхъ юношей изъ уличныхъ ротозѣевъ, для слушанія своихъ предметовъ. Посѣтители курсовъ обязаны оставлять шляпы и валки у входа въ аудиторію: какъ-скоро инспекторъ, обходя корридоры, видитъ хоть одну шляпу у дверей залы, онъ записываетъ, что профессоръ исправно не исполняетъ свою должность и курсъ его дѣйствителенъ. Господинъ Станиславъ Жюлиенъ, профессоръ китайской литературы, долго употреблялъ это средство, но примѣру другихъ; но, сообразивъ наконецъ, что для дѣйствительности курса, собственно, нужна только одна шляпа, чья бы то ни была, онъ нашелъ гораздо экономнѣе — вѣшать у дверей залы собственную свою шляпу, и курсъ его, говорятъ, идетъ съ тѣхъ поръ какъ-нельзя дешевле и лучше. Для полноты невозможныхъ учебныхъ предметовъ не доставало только курса египетскихъ іероглифовъ; но, нѣсколько лѣтъ тому, господинъ Camille Duteil вызвался объяснять свѣту сокровенное знаніе покойныхъ египетскихъ жрецовъ. Для перваго начала, онъ не смѣетъ вѣшать своей шляпы въ сѣняхъ залы, отведенной ему подъ іероглифы въ нижнемъ этажѣ, на дворѣ Королевской Библиотеки, и вотъ уже четвертый годъ нанимаетъ себѣ въ слушатели разорившагося водоноса, у котораго разбился боченокъ, дюжаго овернского парня въ длиннополномъ сюртукѣ. Слушатель господина Дютеля, который говоритъ по-овернски и французскаго языка почти не знаетъ, любитъ рассказывать посѣтителямъ другихъ курсовъ: «Мы уже прошли всего ихневмона. Ихневмонъ—дрянь. Просте сказать — кошка! Но вотъ былъ смѣхъ, когда въ прошломъ году пришлось возиться съ ибисомъ. Этакая проклятая птица: самъ мосьё Дютель не разберетъ, на чтѣ она была похожа! Въ нынѣшнемъ году, слава Богу, мы приступимъ къ уткѣ: это — понятнѣе.»

И такъ, двадцать осьмага мая 1844 года, ровно въ полдень, мосьё Дютель торжественно всходитъ на креслу и

пристѣпаетъ къ объясненію утки, но-египетски *оромасъ*. — Милостивые государи, начинается онъ, обращаясь къ своему единственному слушателю, который съ перваго слова зѣваетъ и, почесывая затылокъ, собирается сомкнуть кѣжды: чѣмъ глубже проникаемъ мы въ тайны іероглифическаго языка, тѣмъ сильнѣе убѣждаемся въ той неоспоримой истинѣ....

Погода была прекрасна, окна залы раскрыты, дверь полу-притворена, и въ аудиторію со двора вошла утка, по-египетски *оромасъ*. Профессоръ, занятый высшимъ взглядомъ на свой предметъ, не примѣтилъ этого пресмыкающагося іероглифа, но слушатель обратилъ на него должное вниманіе и, протянувъ руку, ловко поймалъ его за шею. Въ одно мгновеніе утка, по-египетски *оромасъ*, исчезла въ пропастьяхъ его праваго кармана.

— Чѣмъ глубже проникаемъ мы въ тайны іероглифическаго языка, тѣмъ сильнѣе убѣждаемся въ той неоспоримой истинѣ, что письмо посредствомъ образовъ или, такъ сказать, образное письмо или, если для новой идеи позволено создать новое слово, образописьменность, составляетъ первый и самый естественный алфавитъ человѣка. Каждое животное, каждый предметъ, поражающій его зрѣніе, образуетъ для него новую, рѣзкую, отдѣльную, самостоятельную, такъ сказать, непреложную букву, въ значеніи которой нельзя ошибиться. Удивительно, съ какой легкостью образованный человѣкъ постигаетъ этотъ натуральный, такъ сказать, первоначальный букварь! Такъ, мы видѣли, что въ образописьменности древнихъ Египтянъ икхневмонъ означаетъ иногда *б*, иногда *р*, иногда *х*, *о*, *ш*, *т* или *л*. Это самый простой іероглифъ. При изученіи ибиса во всѣхъ отношеніяхъ, мы убѣдились, что образъ этой загадочной птицы выражалъ то *а*, то *ц*, то *з*, то *ш*, то *с*, *д*, *а*, и прочая, и прочая. Теперь мы увидимъ, что утка, по-египетски *оромасъ*, можетъ попеременно означать двѣнадцать четыре буквы. Утка, *оромасъ*—основаніе всего іероглифическаго языка. Кто поймалъ утку, которую мы отнынѣ будемъ называть не иначе какъ *оромасъ*....

Другая утка, ища первой, вступила въ аудиторію: слушатель египетской мудрости по-тихоньку прикрючилъ и

этотъ второй іероглифъ и запрягалъ его въ свой лѣвный карманъ.

— Кто понялъ утку, которую мы отнынѣ будемъ называть не иначе какъ *оромасъ*, тотъ проныкъ одну изъ глубочайшихъ тайнъ древняго міра. *Оромасъ* — лучъ яркаго свѣту въ этомъ мрачномъ хаосѣ непонятныхъ письменъ невѣдомаго языка и неизвѣстнаго времени, который ужасалъ прежнихъ ученыхъ и котораго египетскіе жрецы сами уже разбирать не могли около начала нашей эры. Генію Шамполіона-Младшаго и Франціи принадлежитъ нетлѣнная слава разоблаченія *оромаса*....

Вдругъ дверь настѣжъ отворилась и въ аудиторію вошла толстая жена швейцара Королевской Библиотекы, преслѣдовавшая тотъ и другой іероглифы. Профессоръ полагалъ, что, привлеченная его славою, эта колоссальная представительница прекраснаго пола пришла слушать его знаменитыя лекціи, о которыхъ каждый годъ помѣщаетъ онъ блестящій отчетъ въ журналахъ. Никогда еще господину Дютелю не было ниспослано судьбою неслыханное счастье видѣть кисейное платье въ своей аудиторіи: онъ вскочилъ, покраснѣлъ, потерялся отъ радости, наслажденія, восторгу.

— Гдѣ же утки? спросила швейцарша, оглядываясь.

— Вы пожаловали очень кстати, рече мосьё Дютель: именно, мы здѣсь разсуждаемъ объ уткахъ.... Но мы уже сказали, что утками называть ихъ не станемъ. Благоволите садиться. Слѣдуя примѣру Египтянъ, мы будемъ постоянно называть ихъ *оромасъ*....

— Куда дѣвались утки? повторила швейцарша, съ безпокойствомъ вертась посреди залы и заглядывая подъ скамейки.

— Куда дѣвались *оромасы*? рече мосьё Дютель: мы только-что приступаемъ къ этому великому вопросу! Извольте садиться. Милостивые государыни и государи! утка, *оромасъ*, въ нѣкоторой степени уподобляется ибису, но между ними существуютъ многія, чрезвычайно важныя, различія. Во-первыхъ, *оромасъ* былъ таинственною птицею Изиды, тогда какъ ибисъ, посвященный Озирису и символъ мужской воспроизводительной силы.... Куда вы уходите? спро-

силъ профессоръ многогласа своего единственнаго слушателя, получившаго деньги за лекцію впередъ.

— Кто спроворилъ меня утокъ? сердито вскричала швейцарша. Я видѣла сама, что онѣ вошли сюда. Вотъ еще мокрые слѣды ихъ лапъ....

— Да у васъ теперь есть слушательница, отвѣчала Овернецъ профессору: позвольте на-минутку.... то есть, такъ.... по своей надобности.... съ позволенія сказать, удалиться.... Я сейчасъ буду назадъ.

Оромасы, скрытые въ бездонныхъ тайникахъ длиннополаго кафтана слушателя, узнавъ голосъ хозяйки, вдругъ единогласно заквакали въ обоихъ карманахъ. Съ этой минуты великій вопросъ объ оромасахъ не представлялъ швейцаршѣ ничего іероглифическаго.

— Да онъ укралъ моихъ утокъ и хочетъ улизнуть съ ними! закричала она и бросилась на слушателя господина Дютеля.

Швейцарша ухватилась за его карманы. Овернецъ сталъ защищаться. Завязалась борьба въ сѣняхъ, но супруга привратника храма наукъ одержала побѣду. Она отняла своихъ утокъ у любезнательнаго похитителя и испарнала ему лицо ногтями такъ, что оно, какъ двѣ капли воды, походило по окончаніи сраженія на разрисованный іероглифами обелискъ.

Нынче курсъ іероглифовъ въ Королевской Библіотекѣ приостановленъ на двѣ недѣли, по нездоровью слушателя.

НАЧАЛО НАЗВАНІЙ РАЗНЫХЪ ОБЛАСТЕЙ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Colonial Magazine такъ объясняетъ происхожденіе этихъ названій: Штатъ *Мейнъ* названъ въ 1638 году отъ уѣзда *Maine*, во Франціи, котораго англійская королева Генріетта-Марія была тогда владѣтельницаю. Нью-Гемпшайръ получилъ свое названіе по тому случаю, что капитанъ Джонъ Месонъ, которому Плаймутская Компанія уступила эту землю въ 1639 году, былъ губернаторомъ Портсмута, главнаго города графства *Hampshire*, въ Англии. Названіе *Вермонта* составлено при учрежденіи Соединенныхъ Штатовъ, въ 1777 году, изъ

двухъ французскихъ словъ *Vest* и *Mont*, «зеленая гора». *Массачусеттс* было имя одного индѣйскаго помощника, кочевавшаго въ окрестностяхъ Бостона: въ языкѣ этихъ индѣйцевъ оно означало «Синіе холмы». Названіе *Нью-Йорка* происходитъ отъ герцога Йоркскаго (*duke of York and Albany*), которому этотъ край былъ пожалованъ. *Родъ-Айлендъ* названъ въ честь греческому острову Родосу. *Коннектикутъ* было индѣйское названіе главной рѣки этого штата. *Пенсильванія* названа по имени перваго владѣльца, Вилліама Пенна, съ прибавкою латинскаго слова *sylvia*, «лѣсъ». *Delaware*, въ 1703 году, по имени лорда De La War, которое осталось названіемъ смежнаго залива, гдѣ онъ умеръ. *Maryland* — по имени Маріи, англійской королевы, супруга Карла I, который самъ такъ окрестилъ эту землю въ грамматѣ, данной лорду Балтимору, въ 1632 году. *Виринія*, въ 1584, отъ латинскаго слова *virgo*, «дѣва», очень пріятнаго «дѣвъ-королевѣ» Елисаветѣ. *Каролина* — отъ имени Карла IX, французскаго короля, въ 1564. *Георгія*, въ 1772, названа въ честь англійскому королю Георгіу III. *Алабама*, въ 1817, отъ главной рѣки этого новаго штата. *Миссиссиппи* значитъ въ языкѣ мѣстныхъ индѣйцевъ «многорѣчность», то есть, большая рѣка, составленная изъ соединенія многихъ малыхъ: штатъ учрежденъ въ 1800 году. *Луизиана* дано названіе въ честь Людовику XVI, французскому королю. Штатъ *Теннесси* такъ называется съ 1796 года отъ своей главной рѣки: это слово значитъ «кривая ложка». *Индіана* «Земля Индѣйцевъ»: названіе и штатъ утверждены въ 1802 году. *Огайо*—мѣстное имя рѣки, составляющей западную границу штата, основаннаго въ то же время. *Мичигенъ* (1805), имя озера. *Аркансасъ* (1819), *Кентукки* (1782), *Иллинойсъ* (1805), *Миссури* (1821)—имена рѣкъ. *Флорида* названа донъ Хуаномъ Понсе-ле-Леономъ въ 1572 году отъ дня своего открытія: въ испанскомъ языкѣ *la Florida* значитъ — Обинно воскресеніе.

МУЗЕЙЪ СКАНДИНАВО-АМЕРИКАНСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ КОПЕНГАГЕНѢ. Въ послѣднемъ засѣданіи Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ, президентъ общества, его вы-

сочество наследный принцъ датскій, объявилъ собранію, что принять икры къ постройкѣ *Скандинаво-американскаго музея*, куда будутъ перенесены всѣ памятники открытія Америки исландскими Норманнами около 1002 года, найденныя на берегахъ Соединенныхъ Штатовъ и Мексики. Число такихъ памятниковъ простирается уже до ста сорока осми. Кажется, что датскіе ученые ни мало не сомнѣваются въ ихъ подлинности.

ПЕРЕКРОДЪ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ ЧЕРЕЗЪ БЕРЕЗИНУ.
Матеріалъ для исторіи Отчужденной Войны. Донесеніе, которое мы здѣсь сообщаемъ, написано двумя французскими штабъ-офицерами, которые строили мосты черезъ Березину, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Eblé. Оригиналь донесенія сланъ въ то время въ архивъ военнаго министерства барономъ Desmées, который былъ нѣкогда генераломъ по части инспекторскихъ смотровъ. Говорятъ, что этотъ документъ и теперь тамъ хранится. Онъ обнаруженъ недавно газетою *Constitutionnel* и, конечно, покажется любопытнымъ для многихъ изъ нашихъ читателей, которые были свидѣтелями этихъ достопамятныхъ событій и занимаются ихъ исторіею. Они разберутъ справедливость показаній этого донесенія. Надобно замѣтить, что знаменитую переправу французской арміи черезъ Березину многіе описывали; но никто не былъ ей очевиднымъ свидѣтелемъ. Это не парадоксъ. Переправа продолжалась четверо сутокъ; но всякой бѣглець видѣлъ ее тогда только, когда самъ бѣжалъ черезъ мостъ сколько силъ было. Русская армія пришла на мѣсто, когда французская уже переправилась. Поэтому любопытно послушать разсказъ людей, которыхъ обязанностию было строить, чинить и ломать мосты и которые во все время, съ начала до конца переправы, были тутъ, на мѣстѣ. Въ этомъ разсказѣ нѣтъ ни одного слова о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ: сочинители реляціи исключительно занимаются тѣмъ, что происходило у Французовъ во время постройки моста и переправы черезъ рѣку; но, во всякомъ случаѣ, намъ любопытно знать, что дѣлалъ непріятель для своего спасенія въ отсутствіи нашей арміи, которая не

могла достигнуть Наполеона въ его отчаянномъ побѣгѣ.

25 ноября (7 декабря). Постройка мостовъ на Березинѣ поручена была командиру понтонныхъ экипажей арміи, генералу графу Эблѣ и начальнику инженеровъ графу Шасселур. Они прибыли въ Борисовъ двадцать-пятаго ноября въ четыре или пять часовъ утра. Генералъ Эблѣ привелъ семь ротъ понтонеровъ, въ которыхъ было до четырехъ сотъ человѣкъ; эти роты были въ большомъ порядкѣ и всѣ люди сохранили свои ружья. При нихъ было шесть ящиковъ съ разными желѣзными и деревянными инструментами, скобками, гвоздями, топорами, заступами и желѣзомъ; двѣ походныя кузницы; двѣ повозки съ углемъ.

«Всѣ материалы, необходимыя для постройки, отъ которой зависѣло спасеніе французской арміи, собраны были по распоряженію генерала Эблѣ. Онъ приказалъ каждому понтонеру взять въ Смоленскѣ по рабочему инструменту, по пятнадцати или двадцати большихъ гвоздей, по нѣскольکو скобокъ, и они все это принесли въ сохранности на мѣсто, назначенное для переправы.

«Подъ командою генерала графа Шасслѣ, было нѣсколько ротъ саперовъ и остатки дунайскаго баталіона (морскихъ мастеровыхъ).

«Двѣ роты понтонеровъ и одна или двѣ роты саперовъ оставлены были въ Борисовѣ, впредь до новыхъ приказаній и имъ велѣно было дѣлать видъ, будто намѣреваются восстановить разрушенный мостъ или устроить переправу нѣсколько по-ниже его. Остальная часть отряда выступила въ походъ съ ящиками и кузницами около полудня, и отправилась въ деревню Веселово, гдѣ положено было устроить переправу. Разстояніе отъ Борисова до Веселово составляетъ около шестнадцати верстъ. Отрядъ прибылъ туда къ пятому часу. Тамъ находился король неаполитанскій, герцогъ Реджіо, генералъ графъ Эблѣ и графъ Шасслѣ. Положено было построить три моста на козлахъ; постройка двухъ мостовъ была поручена артиллеристамъ, а третьяго—инженерамъ.

«Второй французскій корпусъ уже два дня занималъ деревню Веселово; по близости сдѣлано было около двадца-

ти козловъ, но нѣтъ такого тонкаго дѣсу, что эти приговаренія, на которыя генералъ Эблѣ надѣялся, ни къ чему не послужили. Наполеонъ, не зная объ этомъ, приказалъ нанести мостъ въ десять часовъ; но это было совершенно невозможно. Въ пять часовъ постройка еще не была начата, а времени оставалось немного. Тотчасъ принялись за работу: разобрали нѣсколько домовъ и употребили этотъ дѣсъ на постройку моста. Между-тѣмъ ковали гвозди и скобки, работали во всю ночь, съ величайшею дѣятельностью. Выбсто лодокъ построили три небольшихъ плота; но бревна, которыя принуждены были употребить на это, за неимѣніемъ другихъ, были такъ коротки, что на каждомъ плотѣ могли помѣститься не болѣе десяти человекъ.

«26 ноября (8 декабря). Двадцать шестаго числа утромъ, Наполеонъ отдалъ приказъ наводить мосты, и тотчасъ начаты были два моста, саженьхъ во ста одинъ отъ другаго. Въ то же время нѣсколько кавалеристовъ переправились вплавь; за каждымъ изъ нихъ сидѣлъ вольтижеръ; потомъ переправили на плотахъ триста или четыреста человекъ пѣхоты. Ожидали сильнаго сопротивленія со стороны неприятелей: ночью въ ихъ лагерь видне было много огней. Однако жъ Русскіе не принимали ни какихъ рѣшительныхъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать постройкѣ мостовъ. Только три или четыре часа продолжалась слабая перестрѣлка. Появились казаки, и въ довольно большомъ числѣ; но ихъ удерживали французскіе конные и вѣшніе стрѣлки и батареи, расположенная на дѣвомъ берегу.

«Ночью генералъ Эблѣ не могъ изслѣдовать ширины рѣки; говорили, что она составляетъ не болѣе сорока сажень. Днемъ, когда строили мостъ, онъ убѣдился, что она простирается до пятидесяти сажень. Генералъ Шасоа, который утромъ еще объявлялъ, что инженеры не въ состояніи построить третьяго моста, отдалъ въ распоряженіе генерала Эблѣ саперовъ и козлы, которые они уже приготовили. Но козловъ было еще мало на два моста; притомъ надобно было имѣть нѣсколько запасныхъ, на случай поправки, и потому ихъ дѣлали цѣлый день. Въ часъ по полудни правый мостъ былъ готовъ. Онъ состоялъ

чался только для пѣхоты и кавалеріи, потому что для настѣлки употреблены были однѣ плохія полудюймовки.

«Прежде всѣхъ перешелъ черезъ мостъ второй корпусъ, подъ командою маршала Удино, герцога Реджіо. Наполеонъ, который съ самаго утра не покидалъ береговъ Березины, сталъ при вѣздѣ на мостъ, чтобы видѣть какъ проходитъ второй корпусъ. Всѣ полки были въ полномъ порядкѣ и смазываютъ большіе роки (къ бѣгству?). Съ пѣкоторыми предосторожностями перевезли черезъ мостъ осьми-фунтовое орудіе и одну гаубицу съ ихъ ящиками, и сверхъ-того нѣсколько ящиковъ съ патронами.

«Герцогъ Реджіо пошелъ прямо на лагерь русской дивизіи. Она отступила. Надобно полагать, что Русскіе были обмануты движеніями французскихъ войскъ и приготовленіями къ переправѣ около борисовскаго моста. Сначала они, повидимому, не знали, гдѣ французская армія переправляется; но подъ-вечеръ они возобновили наступательныя дѣйствія. Однако жъ Французы удержали за собою позицію, которая господствовала надъ переправою.

«Лѣвый мостъ былъ назначенъ для артиллеріи и повозокъ. Постройку его надобно было пріостановить часа на два для того, чтобы скорѣе окончить правый мостъ, и потому лѣвый былъ готовъ не прежде четырехъ часовъ. Артиллерія втораго корпуса тотчасъ начала переправляться. За нею послѣдовали гвардейская артиллерія, большой артиллерійскій паркъ и постепенно артиллерія всѣхъ другихъ корпусовъ, и обозъ. Въмѣсто брусевъ или толстыхъ досокъ, для настѣлки моста употреблены были кругляки, въ пятнадцать или шестнадцать футовъ длиною и въ три или четыре дюйма въ діаметрѣ.

«Повозки, проѣзжая по этой неровной настѣлкѣ, производили сотрясеніе, тѣмъ болѣе сильное, что погонщики, несмотря на всѣ увѣщанія, ѣхали болѣею частію, рысью. Козлы вдавливались неровно въ тинцетый грунтъ; это производило на мостахъ ухабы, отъ которыхъ потрясенія еще усиливались и подставки козловъ раздавались. Эти важныя неудобства, которыя предупредить не было ни времени, ни средствъ, сдѣлались причиною трехъ разрывовъ.

«Въ восемь часовъ три козла лѣваго моста сломались. Генералъ Эблѣ былъ въ отчаяніи отъ этого несчастнаго происшествія. Зная, что понтонеры до крайности утомлены, онъ не надѣялся скоро собрать столько людей, сколько нужно для производства поправокъ, не терпѣвшихъ ни малѣйшаго отлагательства. Однако жъ порядокъ былъ сохраненъ. Офицеры со своими людьми расположились на бивуакахъ. Потребовали только половины отряда; но людей, измученныхъ усталостію, не легко было оторвать отъ огня, вокругъ которыхъ они спали. Послѣ трехъ-часовой работы, мостъ былъ починенъ, и въ одиннадцать часовъ переправа повозокъ началась снова.

«27 ноября (9 декабря). Двадцать-седьмаго, въ два часа утра сломались три козла того же моста, въ самомъ глубокомъ мѣстѣ рѣки. Поправка этого поврежденія возложена была на вторую половину отряда понтонеровъ, которой графъ Эблѣ далъ прежде отдыхъ. Работа производилась съ величайшей дѣятельностію, когда пріѣхалъ на мостъ генералъ графъ Lauriston. Предаваясь нетерпѣнію, впрочемъ весьма естественному, онъ жаловался на медленность работы, которая никакъ не могла итти скорѣе, и съ живостію описывалъ безпокойство Наполеона. Между-тѣмъ какъ разбирали обрушившуюся часть моста, графъ Эблѣ самъ выбралъ лѣсъ для новыхъ козловъ и наблюдалъ за ихъ постройкою. Генералъ Лористонъ пошелъ къ нему, оставался тамъ до-тѣхъ-поръ, пока козлы были готовы и потомъ оба шли передъ солдатами, которые несли ихъ. Въ это время у моста собралась уже толпа народу. Послѣ четырехъ-часовой чрезвычайно трудной работы, сообщеніе было возобновлено, въ шесть часовъ утра. Въ четыре часа по полудни переправа по лѣвому мосту снова была остановлена часа на два, потому что опять два козла сломались. Это было третіе и послѣднее поврежденіе.

«На правомъ мосту, по которому проходили только люди и лошади, козлы выдержали во все время; но зато безпрестанно приходилось чинить настилку, потому что она состояла изъ плохихъ кровельныхъ досокъ; ихъ не успѣли порядочно укрѣпить и онѣ непрерывно раздвигались.

Притомъ лошади проламывали ихъ ногами, такъ что доски часто надобно было пережбывать.

«Несмотря на всѣ эти неудобства и препятствія, переправа производилась довольно скоро, потому что до этихъ поръ переходили только корпуса, сохранявшіе нѣкоторый порядокъ. До вечера двадцать-седьмого числа большой тѣсноты не было, потому что отсталыхъ было еще не много. Но они начали появляться въ большомъ числѣ ночью съ двадцать-седьмого на двадцать-осьмое число (съ 9 на 10 декабря); съ ними было множество лошадей и повозокъ. Они произвели такую тѣсноту и такой беспорядокъ, что добраться до моста было чрезвычайно трудно и даже опасно. Графъ Эблѣ и многіе другіе генералы и офицеры не разъ тщетно пытались возстановить порядокъ. Люди, которые уже съ мѣсяцъ сбросили съ себя спасительное иго дисциплины и бѣльшею частію совершенно одурѣли отъ страданій, рѣшительно никого не слушались. Повозки подъѣзжали къ мосту по тридцати, по сорока въ рядъ; при въѣздѣ на мостъ начинались ссоры, драки и переправа останавливалась.

«28 ноября (10 декабря). Въ этотъ день утромъ русскія войска начали совокупныя дѣйствія на обоихъ берегахъ Березины, и беспорядокъ на мостахъ дошелъ до высочайшей степени. Это продолжалось цѣлый день. Всякой хотѣлъ переправиться какъ-можно скорѣе, никто не уступалъ, непрерывно происходили драки, переправа часто прерывалась на долгое время, и производилась съ величайшими затрудненіями. Люди, лошади и повозки, находившіяся въ хвостѣ колонны, были съ самаго начала сраженія осыпаны ядрами и картечами; само собою разумѣется, что эти несчастные направили на передовыхъ; такимъ образомъ у мостовъ образовалась сплошная масса въ шесть или семь сотъ сажень шириною и сажень въ двѣсти въ глубину, такъ что поде между мостами и деревнею Веселово, покрылось безчисленнымъ множествомъ людей, лошадей, повозокъ, которыя были обращены въ разныя стороны и потому не могли тронуться съ мѣста.

«Ретираду прикрывалъ съ самаго утра девятый корпусъ французской арміи. Въ часъ по-полудни Русскіе устроили

несколько батарей, которая могла действовать по мосту. Ядра и бомбы, попадая въ сплюснутую массу людей и лошадей, производили ужаснѣйшее кровопролитіе. Тутъ начались страшныя бѣдствія. Офицеры, солдаты были раздѣлены, смиты, задохнуты людьми и лошадьми; многіе попадали въ Березину и потонули; другіе выплыли на берегъ или взобрались на мосты, наработавъ по кельямъ. Множество лошадей было загнано въ рѣчку и погнано между льдинами. Многіе потонувшіи бросили свои повозки, и порядка возстановить было уже невозможно; лошади, выкинутыя на собственный призыволь, собрались въ кучу и стѣснились въ такую плотную массу, что пролѣзнуть въ нея не было никакой возможности.

«Часовъ въ пять по-полудни, когда уже стемнѣло, огонь съ обѣихъ сторонъ прекратился; но переправа, непрерывно затрудняемая безчисленными препятствіями, производилась съ величайшей медленностью. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, генералъ Эблѣ рѣшился сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы открыть доступъ къ мостамъ и очистить путь для девятаго корпуса, который долженъ былъ переправляться ночью. На это употреблены были полтараста понтонеровъ: надобно было сдѣлать родъ траншеи, прорыть въ массѣ человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ и опрокинутыхъ, разломанныхъ экипажей. Эта операція производилась слѣдующимъ образомъ. Понтонеры, прочистивъ дорожку, встакивали покинутыя экипажи на мостъ и оттуда отталкивали ихъ въ воду. Лошадей, съ которыми желье было справиться на большой дорогѣ, гнали небольшими партиями на мостъ. Направо и налево отъ большой просѣки сдѣланы были отвѣткія, для прохода людей и прѣзда экипажей, которые еще были заложены. Лошадиныхъ труповъ накопилось такое множество, что стиснуть ихъ съ дороги не было никакой возможности и потому люди и экипажи принуждены были съ величайшимъ затрудненіемъ пробираться по трупамъ.

«Девятый корпусъ французской арміи покинулъ свою позицію часовъ въ девять вечера, оставивъ на лѣвомъ берегу нѣсколько вѣстовъ и артиллерію. Они выдвинулись мосты въ величайшемъ порядкѣ се востокъ своей артиллеріей.

29 ноября (11 декабря). Въ часъ по молушени весь девятый корпусъ, за исключеніемъ слабаго аррьергарда, переправился уже на правый берегъ и на мосту уже никого не было. Ночью переправились также двѣ батгарен по шестнадцати орудій; каждая колъ командою полковника (Charis и Seguz er).

«Между-тѣмъ на лѣвомъ берегу еще оставались раненые офицеры и солдаты, разные чиновники, женщины, дѣти, казначей съ своими фургонами, маркитанты, солдаты, еще съ оружіемъ, но изнемогающіе отъ усталости, и множество отсталыхъ, со своими провіантомъ и лошадьми. Всѣ эти люди, за исключеніемъ только большихъ и раненыхъ, могли бы, покинувъ лошадей и повозки, перейти черезъ мосты ночью; но какъ-скоро огонь Русскихъ прекратился, эти несчастные съ неостыжимой беззаботностью расположились бивуаками. Генералъ Эблѣ нѣсколько разъ посылалъ сказать имъ, что мосты скоро будутъ сожжены; но офицеры, чиновники, солдаты, однимъ словомъ, всѣ эти люди не слушались никакихъ увѣщаній и разлегшись во кругъ огня или въ своихъ повозкахъ, преспокойно ждали рассвѣту, чтобы переправиться тогда. Маршалъ Викторъ, герцогъ Бельюнскій, который провелъ большую часть ночи въ бивуакѣ генерала Эблѣ, нѣсколько разъ самъ напрасно пытался поднять эту безпечную и упрямую толпу.

«Часовъ въ пять утра, генералъ Эблѣ велѣлъ съечь нѣсколько повозокъ, чтобы принудить людей, которые ихъ окружали, двинуться вперёдъ; эта мѣра произвела нѣкоторое дѣйствіе. Въ половинѣ седьмого, маршалъ Викторъ снялъ свои посты и перевелъ ихъ черезъ мостъ. Это движеніе пробудило наконецъ безпечныхъ. Убѣдившись, что скоро попадутся въ руки непріятеля, они бросились со своими повозками и лошадьми къ мосту и еще разъ началась страшная суматоха. Генералъ Эблѣ получилъ приказаніе разрушить мостъ въ семь часовъ утра, но онъ сколько можно долѣе откладывалъ эту операцію, для которой всѣ нужныя приготовленія сдѣланы были ночью. Уже въ половинѣ девятого, когда невозможно было терять ни минуты, онъ приказалъ разломать и поджечь мостъ. Въ эту минуту лѣвый берегъ Березины представилъ ужаснѣйшее

врѣмя. Мужчины, женщины, дѣти испускали крики отчаянія. Многіе пытались переправиться на другой берегъ, бросаясь на мосты, уже обхваченные пламенемъ; другіе пускались вплавь черезъ рѣку, по которой шелъ сильный ледъ; иные пошли-было черезъ ледъ, остановившійся между мостами; но ледъ былъ еще не довольно крѣпокъ, подломился и всѣ они погибли. Наконецъ, часовъ въ девять, прискакали казаки и взяли въ плѣнъ всю эту толпу, которая, большею частию, сдѣлалась жертвою своего ослѣпленія.

«Разрушеніе мостовъ продолжалось; въ половинѣ десятого оно было совершенно окончено. Тогда генералъ Эбл собралъ свой отрядъ и пошелъ вслѣдъ за армію по дорогѣ на Зембинъ. Русская артиллерія только въ это время открыла огонь; но отрядъ вскорѣ былъ уже внѣ ея выстрѣловъ.

«Мы уже говорили, что огонь съ обѣихъ сторонъ прекратился двадцать-осьмого числа въ пять часовъ по полудни; съ этого времени и до половины десятого слѣдующаго дня, когда мосты были уже разрушены и понтонеры выступили, не было сдѣлано ни одного ни пушечнаго, ни ружейнаго выстрѣлу. Казаки, производившіе рекогносцировку, приблизились наконецъ и взяли въ плѣнъ всѣхъ тѣхъ, которые остались на лѣвомъ берегу. Число плѣнныхъ, со включеніемъ женщинъ и дѣтей, простиралось до четырехъ или пяти тысячъ. На лѣвомъ берегу Березины оставлено было до трехъ или четырехъ тысячъ лошадей и отъ пяти до шести сотъ разныхъ экипажей; но вся артиллерія перебралась на правый берегъ, за исключеніемъ только нѣсколькихъ отсталыхъ или разбившихся ящиковъ и трехъ или четырехъ орудій, которые запутались далеко отъ моста между экипажами.

«Арриергардъ французской арміи занялъ позицію верстахъ въ двѣнадцать отъ Березины, для прикрытія дефилея верста въ восемь длиною, въ болотистомъ мѣстѣ, по которому проходила дорога такая узкая, что два экипажа не могли бы разѣхаться. Этотъ дефилей, по бокамъ котораго нельзя было ни проѣхать верхомъ, ни даже пройти пешкомъ, оканчивался тремя большими мостами, устроен-

выми изъ сосноваго лѣсу, одинъ вслѣдъ за другимъ, черезъ ручьи и болота, еще не замерзшіе. Въ интервалахъ между ними, каждый сажень во сто, шла гать, сдѣланная изъ фашины и глины.

«Маршалъ Ней, который принялъ начальство надъ арріергардомъ, поджидалъ при входѣ въ лѣсъ генерала Эблѣ и сообщилъ ему повелѣніе Наполеона сжечь эти три моста, какъ-скоро армія перейдетъ черезъ нихъ. Маршалъ прибавилъ, что разрушеніе ихъ есть дѣло величайшей важности. Прибывъ къ мостамъ, генералъ Эблѣ сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія. Понтонеры занимались этими приготовлениями во всю остальную часть дня и мосты положены были въ десять часовъ вечера, какъ-скоро послѣдніе отряды арріергарда перешли черезъ нихъ. Нѣсколько казачковъ и стрѣлковъ показались-было при входѣ перваго моста, но бѣглый огонь одного изъ арріергардныхъ баталіоновъ заставилъ ихъ удалиться.

«30 ноября (11 декабря). Понтонеры выступили въ походъ тридцатаго числа въ четыре часа утра, разрушивъ всѣ три моста такъ, что поправить ихъ не было никакой возможности.

Примѣчаніе. Ширина Березины близъ Веселово, гдѣ происходила переправа, составляетъ пятьдесятъ четыре сажени; наибольшая глубина отъ шести до семи футовъ; въ то время по ней шелъ ледъ. Теченіе этой рѣки не быстро; грунтъ неровный и тинистый. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ производилась переправа, правой берегъ очень болотистъ; но холодъ скрѣпилъ почву; иначе экипажи не могли бы приблизиться на сто шаговъ къ рѣкѣ.

«На постройку мостовъ употребленъ былъ, какъ мы уже говорили, лѣсъ домовъ, въ деревнѣ Веселово, разобранныхъ ночью съ двадцать-пятого на двадцать шестое ноября. Вышина козловъ простиралась отъ трехъ до девяти футовъ, а длина покрышекъ до четырнадцати футовъ. Подъ каждымъ изъ двухъ мостовъ было по двадцати-шести козла, слѣдственно, двадцать четыре прохода. Длина проходовъ, то есть, разстоянія между двумя покрышками, составляла отъ тринадцати до четырнадцати футовъ. Бревна, служившія балками для устройства проходовъ, были

въ шестнадцать или семнадцать футовъ длиною и отъ четырехъ до пяти дюймовъ въ діаметръ. Обтесывать некогда было ни этихъ бревенъ, ни тѣхъ, изъ которыхъ сдѣланы были подножки и покрышки козловъ. Подробности, которыя мы здѣсь сообщимъ, показываютъ, какія затрудненія надобно было преодолѣть, чтобы *въ одну ночь* и притомъ съ людьми, которые были измучены дневными и ночными походами, и недостаткомъ провіанта, разобрать дома, выбрать лѣсъ, сдѣлать козлы; потомъ съ тѣми же людьми, набросать мосты, поддерживать и починивать ихъ продолженіи трехъ сутокъ.

Понтонеры и саперы съ величайшимъ усердіемъ производили эту постройку. Одинъ понтонеры работали въ водѣ; иногда они входили въ воду по самую грудь, чтобы ставить козлы и поддерживать ихъ, пока балки будутъ прикрѣплены къ покрышкамъ. Одушевляемые присутствіемъ и примѣромъ генерала Эбл', понтонеры выказывали большую дѣятельность при трудной починкѣ мостовъ. Изъ сотни человекъ, которые входили въ воду при постройкѣ и починкѣ мостовъ, въ живыхъ остались весьма немногіе, прочіе погибли на берегахъ. Березины или дна черезъ два перестали сдѣлывать за отрядомъ и пропали безъ вѣсти.

«Мы избыли бы всѣхъ этихъ трудовъ, работъ, безпокойствъ, несчастій, если бы имѣли средства навести повозочный мостъ. А эти средства у насъ были за нѣсколько дней до переправы черезъ Березину, но ихъ уничтожили. Въ Оршѣ былъ понтонный экипажъ въ шестьдесятъ судовъ, со всѣми принадлежностями; его сожгли 20 ноября (2 декабря), за шесть дней только до прибытія къ Березинѣ. Нужны были только пятнадцать изъ этихъ судовъ, чтобы въ какой-нибудь часъ навести мостъ, подлѣ котораго можно было бы построить другой на козлахъ, для ускоренія переправы. Этотъ экипажъ въ пятнадцать судовъ можно было сдѣлать очень легкимъ, назначивъ для каждаго понтона по двѣ повозки, одну подъ самое судно, другую подъ балки и бревна. Тридцать повозокъ можно было бы скоро перевезти на трехъ-стахъ лошадей, которыхъ добыть было не трудно, оставивъ или продать всюю въ Оршѣ нѣсколько изъ тѣхъ безчисленныхъ эки-

нажсѣй, которые черезъ нѣсколько дней послѣ того надобно же было бросить.

«Если бы предложеніе генерала Эблѣ взять изъ Орши часть понтоннаго экипажа, было принято, то переправа черезъ Березину, въ-отношеніи къ наведенію мостовъ, была бы операцію очень обыкновенною, которой успѣхъ не подлежалъ бы ни малѣйшему сомнѣнію и тогда не случилось бы ужасныхъ несчастій, которыя могли бы быть еще важнѣе.

«Мы сказали, что на лѣвомъ берегу Березины осталось только три или четыре орудія, которыя запутались между повозками. Это противорѣчитъ бѣльшей части сочиненій о кампаніи Двѣнадцатаго Гола, въ которыхъ говорится о многочисленной артиллеріи, покинутой при переправѣ черезъ Березину. Между-тѣмъ достоверно, что вся гвардсѣйская артиллерія, равно какъ артиллерія втораго и девятаго корпусовъ и большой паркъ, въ которомъ находилось отъ сорока до пятидесяти орудій, переправились черезъ рѣку; что небольшое число орудій, оставшихся отъ другихъ корпусовъ, также были перевезены; что, наконецъ, двѣнадцать орудій съ ящиками, принадлежавшихъ къ этимъ корпусамъ, были перевезены черезъ мостъ еще въ ночь съ двадцать-осьмага на двадцать-девятое ноября.

«Французскіе писатели, занимавшіеся исторіею кампаніи 1812 года, всѣ сообщаютъ о переправѣ черезъ Березину подробности не полныя и не точныя. Ихъ ошибки въ числахъ и молчаніе насчетъ генерала Эблѣ, ясно показываютъ, что они не останавливались у мостовъ и видѣли ихъ только на бѣгу. Поэтому они могли знать только самую малую часть событій, происходившихъ на Березинѣ съ пяти часовъ вечера двадцать-пятого ноября до половины десятаго утра двадцать-девятого числа (7—11 декабря). Находившись, по обязанности службы, во все это время при покойномъ генералѣ графѣ Эблѣ, мы долгомъ почли замѣнить сколько возможно донесеніе, которое, конечно, онъ, если бы остался въ-живыхъ, составилъ бы самъ объ операціи, которою онъ одинъ распоряжалъ съ начала до конца.

«Графъ Lariboissière опасно захворалъ, и генералъ Эблэ, который тоже былъ нездоровъ, назначенъ 9 (21) декабря въ Вильнѣ, командиромъ артиллеріи французской арміи. Онъ тотчасъ принялся съ обыкновенною своею дѣятельностію за исполненіе обязанностей, которыя были возложены на него въ такую критическую минуту. Но онъ не выдержалъ всѣхъ этихъ трудовъ и скончался въ Кёнигсбергѣ, 30 декабря (11 января) черезъ нѣсколько дней послѣ генерала Ларибоассіера.

«Баталіонный командиръ артиллеріи, командовавшій въ кампаніи 1812 года вторымъ понтоннымъ экипажемъ и вторымъ баталіономъ понтонеровъ,

Подписано:

«Th. Chapuis.»

Полковникъ артиллеріи, бывшій въ кампаніи 1812 года начальникомъ штаба понтонныхъ экипажей,

Подписано:

«A. Chapelle.»

НАСЛАЖДЕНІЯ И ВОЛШЕВСТВА ПУТЕШЕСТВІЙ ПО АМЕРИКѢ. *Доль ночи въ Мексикѣ. Изъ записокъ страстнаго любителя природы.* Я обожаю красоты природы, и въ прошломъ году нарочно ѣздилъ въ Мексику, чтобы вполне насладиться ими. Со мною путешествовалъ Джонатанъ Роли, молодой виргинскій Геркулесъ, лѣтъ двадцати-шести, ростомъ слишкомъ въ шесть футовъ и очень соразмѣрно сложенный. Я много слышалъ и читалъ о красотахъ Мексики и ожидалъ чудесъ отъ тамошней природы. Мы прибыли въ городъ Мехико, не открывъ ничего подобнаго нигдѣ, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ частей провинціи Вера-Крусъ, достойныхъ невѣроятныхъ похвалъ, которыми осыпаютъ четвертую часть подлуннаго міра. Но въ округахъ, лежащихъ на югъ отъ столицы, природа тотчасъ начинаетъ принимать характеръ самый величественный. На каждомъ шагу являлись лѣса пальмъ, банановъ, акажѣ, апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ и допотопные кустарники, ростомъ съ добрыя деревья. Вся природа принимала колоссальные размѣры, начиная съ горъ и ваггасасъ, разсѣлинъ въ нѣсколько тысячъ футовъ глубиною, и до роскошной растительности почвы. Даже самое небо приводило насъ въ изумленіе; со своей тропической лазурью, оно казалось блестящимъ сводомъ темно-синяго цвѣту, подернутымъ лакомъ изъ расплавленнаго золота.

Подъ-вечеръ мы прибыли въ мѣсто, дѣйствительно восхитительное. То была миниатюрная долина, большая ложбина между горами, осыпанная величественными акажу и покрытая самой пышной растительностью. Съ вершины одной изъ высокихъ скалъ, окружающихъ эту прелестную долину, падала каскадами рѣчка, которая журча пробиралась и змѣилась между высокою травою, а потомъ образовала водопадъ въ пятидесяти саженахъ подъ нами, на наклонной плоскости, спускавшейся къ равнинѣ.

— Какое прелестное мѣсто! Не худо бы перепочевать здѣсь! вскричалъ я, соскакивая съ своего мула.

Товарищъ мой кивнулъ головою въ знакъ согласія и тоже слѣзъ съ мула. Наши гнѣвные Мексиканцы, аггегос (погонщики муловъ) и слуги, начали машинально готовить намъ бивуакъ. Эти люди одарены пренесносной безпечностью: если бъ мы собирались лечь спать въ болотѣ, положивъ голову на спину аллигатора, они и тутъ не раскрыли бы рта, чтобы предостеречь насъ; эти мексиканскіе метисы, полу-Индѣйцы, полу-Испанцы, иногда съ примѣсью негритянской крови, дотога сроднились съ опасностями своей родины, что имъ и въ голову не приходитъ, чтобы довѣрчивая неопытность иностранца могла подвергаться какой-либо опасности отъ пига, мускиговъ, vomito prieto (такъ называютъ они свою адскую лихорадку), не говоря уже о змѣяхъ, скорпіонахъ, крокодилахъ и другихъ подобныхъ тваряхъ, которыми Мексика такъ богата. А все это существа очень непріятныя. Напримѣръ, *нига* есть насѣкомое очень опасное: она забирается въ ноги, протыкаетъ кожу и кладетъ яйца свои между кожей и тѣломъ. Если этихъ яицъ не вынешь тотчасъ (а, замѣтимъ мимоходомъ, это очень больно), то сначала отъ нихъ нестерпимо чешется, потомъ образуются вередъ и раны такія злокачественныя, что иногда ногу, въ которую забралась проклятая нига, приходится отрѣзывать.

Такимъ образомъ, подлѣ обворожительныхъ красотъ этой дивной земли, природа щедрою рукою разсыпала разнаго рода непріятности. Низменныя земли осемь мѣсяцовъ въ году необитаемы, потому что въ нихъ свирѣпствуютъ всевозможныя насѣкомыя, гады всѣхъ извѣстныхъ и неиз-

вѣстныхъ сортовъ и национальная лихорадка, которая хуже всего этого. Есть впрочемъ нѣкоторыя мѣста, которыя сравнительно не подвержены этимъ неудобствамъ, зато они такъ прекрасны, атмосфера тамъ дотога прозрачна, что дышать этимъ воздухомъ есть уже счастье.

Знаменитѣйшая изъ этихъ благословенныхъ провинцій есть долина Охака, а лучшіе въ ней округи Мистекка и Тсапотеха. Мы путешествовали по этому огромному гористому бассейну, длиною верстъ въ осемь сотъ и окруженному самыми высокими въ Мексикѣ горами. Мы часто принуждены были почевать на открытомъ воздухѣ и, правду сказать, надъ нашими головами раскидывался великолѣпнѣйшій пологъ, какой только можно вообразить себѣ. Звѣзды, видимыя сквозь дивную атмосферу, которая окружала насъ, принимали размѣры столь же гигантскіе, какъ ростъ всѣхъ тамошнихъ растений. Мы видѣли еще нѣкоторыя изъ нашихъ сѣверныхъ созвѣздіи; но ихъ почти узнать было невозможно, а Южный Крестъ величественно владычествовалъ на темно-синемъ небѣ, по которому распростирался его блестящій дворъ. По мексиканскому обычаю у насъ было множество муловъ, toris, или проводникъ, двое аггигоз, поваръ и двое или трое слугъ для исполненія всякихъ другихъ обязанностей.

Одинъ изъ этихъ слугъ прищиплялъ наши койки къ нижнимъ вѣтвямъ какого-то дерева, потому что въ Мексикѣ на землѣ спать не безопасно, по причинѣ множества змѣй, а между-тѣмъ какъ американскій поваръ, Томъ, развелъ у подошвы скалы большой огонь и черезъ нѣсколько минутъ на немъ уже вертѣлась и жарилась игуана. Надобно сказать, впрочемъ, что этотъ звѣрь, полу-драконъ, полу-ящерица, представлялъ довольно гадкое зрѣлище, когда судорожно кружился надъ огнемъ, прихотливо освѣщаемый его отблесками. Но мы уже знали, что, несмотря на свою отвратительность, игуана чрезвычайно вкусна. Поужинавъ съ величайшимъ удовольствіемъ и запивъ нашу лакомую пищу, мы вскарабкались на свои койки. Мексиканцы разлоглись на землѣ, подожгли головы на выюхъ муловъ, и вскорѣ господа и слуги заснули крѣпкимъ сномъ. Около полуночи я проснулся, потому что мнѣ было невы-

разимо душно. Воздухъ, казалось, былъ уже не воздухъ, а какія-то удушливья испаренія, выходявшія изъ зловонной пещеры. Изъ глубины долины, къ которой примыкало ущелье, гдѣ мы расположились, поднимались къ намъ густыя тучи паровъ, которыя всё болѣе и болѣе темнѣли. Это была сама *tomito grieto* въ видѣ вонючаго туману. Въ ту же минуту, когда я всѣми силами старался произвести въ моихъ легкихъ пустоту, чтобы не задохнуться, на меня спустилась другая туча и тысячи жалъ, подобныхъ иголкамъ, раскаленнымъ дѣла, проникли въ мое лицо, руки, шею и всё частн моего тѣла, которыя не были защищены тройными покровами. Я, по какому-то инстинктивному движенію, сжалъ кулаки и поймалъ каждою рукою штукъ по пятидесяти огромныхъ мустиковъ. Воздухъ былъ, во всей силѣ слова, наполненъ этими страшными насѣкомыми. Сжавшись плотною массою, они ударились между-собою крыльями и производили нестерпимый шумъ. Невозможно выразить какое мученіе производятъ жалы мустиковъ: меня точно будто посадили въ раскаленную печь.

Роли, котораго койка висѣла шагахъ въ тридцати отъ моей, тоже проснулся; онъ вертѣлся, ворчалъ и ругался такъ усердно, что въ другое время я расхохотался бы, но тутъ было уже не до смѣху. Ужасные рожки, наставленные мнѣ мустиками и зловонныя испаренія, проникавшія меня насквозь, произвели во мнѣ страшную лихорадку: я то горѣлъ, то дрожалъ отъ холоду, языкъ мой совершенно высохъ, вѣки ужасно отяжелѣли, и мнѣ казалось, что мозгъ мой кипитъ. Внизу на землѣ послышался глухой стукъ: это мой товарищъ выскочилъ изъ своей койки.

— Боже мой! Чтò это съ нами? Гдѣ мы? кричалъ онъ. Эй, арріеросы! Павло, Матео!

Въ эту самую минуту раздался поблизости крикъ ужасу и отчаянія, крикъ, раздирающій душу, каковаго я отъроду не слыживалъ, и какой только женщина можетъ произвести при видѣ невыразимой опасности. Я бросился на землю и увидѣлъ въ темнотѣ два бѣлые призрака, которые быстро пронеслись мимо меня, повторивъ съ выразе-

нѣсмъ отчаянія, отъ котораго кровь застывала въ моихъ жилахъ:

— Помогите! помогите! Ради Бога, спасите насъ!

Несмотря на свое разстройство, я тотчасъ догадался, что это женщины бѣгутъ отъ кого-то, а за ними гнались, прыгая и дѣлая гигантскіе шаги, три или четыре какія-то темныя формы, которыя я въ первую минуту, готовъ былъ принять за существа съ того свѣту. Силузъ ихъ походилъ нѣсколько на человѣческій, но видъ у нихъ былъ такой страшный, отвратительный, чудовищный, что появленіе такихъ фантастическихъ существъ въ этой таинственной долинѣ, посреди мраку, могло потрясти хоть какіе нервы. Мы оба какъ-бы окаменѣли, но новый крикъ вывелъ насъ изъ оцѣпенѣнія. Одна изъ женщинъ или поскользнулась или упала отъ изнеможенія, только она бѣдѣлась на землѣ. Платье ее подруги было уже въ когтяхъ одного изъ привидѣній, демоновъ, звѣрей или чудовищъ, которые ихъ преслѣдовали. Еще минута, и онѣ бы погибли; но Роли, испустивъ крикъ ужаса, бросился на одного изъ нападающихъ и изо всей силы ударилъ его ножомъ; въ то же время, самъ не зная какъ это случилось, я уже вступилъ въ рукопашный бой съ другимъ изъ нашихъ таинственныхъ противниковъ; но бой былъ слишкомъ неравный. Напрасно мы кололи и рубили: чудовища были покрыты броней, непроницаемою для стали. Мускулистыя руки страшно сжимали насъ и на пальцахъ этихъ рукъ были когти, которыя ни въ чемъ не уступаютъ орлинымъ. Эти страшныя когти впились въ мои плеча, привлекли меня на мохнатую грудь и мнѣ казалось, что я очутился въ объятіяхъ медвѣдя. Тутъ полу-человѣческое, полу-скотское лицо приблизилось къ моему лицу и передъ самымъ носомъ у меня заблѣлись длинныя зубы, которые щелкали отъ ярости.

— Роли! Роли! помоги! Меня грызутъ! закричалъ я.

Но Роли, несмотря на свою геркулесовскую силу, былъ въ сравненіи съ нашими ужасными противниками, нѣтъ слабый ребенокъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, онъ защищался противъ двухъ чудовищъ и тщетно дѣлалъ

отчаяннымъ усиліи, чтобы схватить свой ножъ, которій у него вырвали изъ рукъ.

Все это продолжалось минуту или двѣ и происходило на пространствѣ нѣсколькихъ шаговъ, при блѣдномъ свѣтѣ звѣздъ и слабымъ отблескѣ нашего догорающаго огня, который былъ довольно далеко отъ насъ.

— А, теперь попалъ! вскричалъ я, воткнувъ ножъ въ бокъ моего противника; но этотъ подвигъ чуть не обошелся мнѣ слишкомъ дорого. Испуская страшный ревъ отъ боли и ярости, чудовище еще сильнѣе прижало меня къ своей мохнатой груди, и когти его, раздирая мою спину, причинили мнѣ такую ужасную боль, что глаза мои закрылись и я готовъ былъ упасть безъ чувствъ. Вдругъ, у самыхъ ушей моихъ, раздался выстрѣлъ, потомъ одинъ за другимъ съ дюжину ружейныхъ и пистолетныхъ выстрѣловъ; все это сопровождалось яростнымъ ревомъ, отчаянными воплями и сверхъестественнымъ хохотомъ. Демонъ, который держалъ меня, сталъ давить типсе; передъ лицомъ моимъ мелькнула черная рука; ослѣпительный свѣтъ проникъ въ мои закрытые глаза; раздался выстрѣлъ, послышался ревъ и я, освободившись изъ объятій своего противника, повалился на-земь. Вотъ все что я помню изъ этой страшной сцены. Усталость, страхъ, боль и зловредныя испаренія, преодолѣли мои силы: я лишился чувствъ.

Возвратившись къ жизни, я увидѣлъ, что лежу на одеялахъ, въ какой-то бесѣдкѣ изъ цвѣтовъ и зелени. Солнце ярко блистало на голубомъ сводѣ; воздухъ былъ наполненъ благоуханіями; медососы летали передо мною взадъ и впередъ, какъ живые обломки призмы. Подлѣ моей постели стоялъ мексиканскій индѣецъ, незнакомый мнѣ; въ рукахъ у него была кокосовая чаша; я схватилъ ее и съ жадностью наполнился воды съ лимоннымъ сокомъ. Это сдѣлало мнѣ большую пользу. Я съ трудомъ приподнялся, облокотился и посмотрѣлъ вокругъ себя. Вокругъ меня царствовало движеніе, котораго я сначала никакъ не могъ объяснить себѣ. Бесѣдка, гдѣ я лежалъ, стояла на скатѣ холма; вокругъ былъ обширный лагерь. Лошади и мулы бродили на свободѣ или были привязаны къ деревьямъ и

бли траву, положившую передъ ними. На одной были богатые сѣдла; на другихъ вѣски; на третей множество мѣшковъ, чемодановъ, сундуковъ. Нѣсколько ружей было приставлено къ деревьямъ. Изъ людей одни укладывали вещи, иные лежа на травѣ курили, или сидѣли вокругъ огня, на которомъ готовили кушанье. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моей постели была другая такая же; тамъ лежалъ, спиною ко мнѣ, человекъ, закутанный въ одеяла. Лица его было не видно.

— Что это такое? вскричалъ я: гдѣ мы? гдѣ Роли? гдѣ нашъ проводникъ?

— Non entiendo (не понимаю), отвѣчалъ мой одинокій Гандимель, покачивая головою и ласково улыбаясь.

— Abonde estamos (гдѣ мы?).

— In el valle de Chibuatán, in el gran valle de Oxcas y Guatimala (въ долинѣ Чиватанъ, въ большой долинѣ Олака и Гватимала) верстахъ въ сорока отъ Тарифы.

Тѣло, лежавшее на другой постели, повернулось и обратилось ко мнѣ. Лицо его походило на сырую говядину, изсѣченную и покрытую кровью: тутъ не было никакихъ признаковъ человѣческаго лица.

— Кто это? вскричалъ.

— Роли, отвѣчало мясо: по-крайней-мѣрѣ былъ Роли, а теперь эти демоны, можетъ-быть, сдѣлали изъ меня другого человека.

— Боже мой!..... Если ты Роли, такъ они, вѣрно, содрали съ тебя кожу..... Но нѣтъ, быть не можетъ, это не Роли!

Мексиканецъ поподчивалъ это странное существо лимонадомъ, потомъ досталъ изъ чемодана зеркальцо и подаль мнѣ. Тутъ только я вспомнилъ что съ нами случилось и понялъ, что туша, которая лежала на сосѣдней постели, точно, можетъ-быть, Роли. Я былъ еще болѣе его обезображенъ. Глаза мои совсѣмъ слѣпились, носъ, губы, однимъ словомъ, все лицо, ужасно распухли: родная мать не узнала бы меня въ этомъ видѣ. Ужасная ночь, которую провели мы въ ложбинѣ, зловредныя испаренія болота, отчаянное нападеніе мушкетеровъ и слѣдствіе всего этого, лихорадка, которыя такъ жестоко отдѣляли насъ, снова пришли

нѣ на память; но что касается до бѣгущихъ женщинъ, до битвы нашей съ чудовищами, дикими звѣрями, индѣйцами или чѣмъ-то такимъ, то это оставалось для меня непостижимою загадкою. Однако жъ это странное происшествіе было не мечтой моего разгоряченнаго воображенія, не лихорадочнымъ бредомъ: доказательства, что оно дѣйствительно случилось, были на лицѣ. Плеча и бока мои часто напоминали мнѣ, что по нимъ гуляли чьи-то когти и я замѣтилъ, что тѣло мое во многихъ мѣстахъ обложено мокрыми ветшками. Я хотѣлъ только просить Мексиканца, чтобы онъ объяснилъ мнѣ всѣ эти чудеса, какъ-вдругъ въ лагерь началось сильное движеніе и всѣ побѣжали навстрѣчу людямъ, которые показались изъ сосѣдняго лѣсу. Новоприбывшіе, въ числѣ которыхъ были наши арріеросы и слуги, окружали какую-то безобразную массу, которую они тащили по землѣ. Пять или шесть женщинъ, закутанныхъ въ широкое мексиканское гевохо и въ красивыхъ *frázada*, шли впереди и по временамъ оборачивались, поглядывая назадъ съ выраженіемъ ужасу и торжества. Онѣ были большею частію молоды и стройны и у трехъ были прелестныя головки. У всѣхъ были въ рукахъ четки и онѣ прворно перебирали ихъ между пальцами, цѣловали по временамъ крестикъ, которымъ четки оканчиваются, а потомъ набожно крестились.

— *Un zambo muerto! un zambo muerto!* кричали онѣ, подходя къ моей постели.

— *Нап matado un zambo* (самбо убили) повторилъ съ восторгомъ Мексиканецъ, который за мною ухаживалъ.

Пришедшіе остановились неподалеку отъ нашего госпиталѣ. Женщины стояли всторонѣ, крестились, смѣялись, прыгали и безпрестанно кричали: «*Un zambo, un zambo muerto*». Когда толпа разступилась, мы увидѣли, что на землѣ лежитъ одинъ изъ нашихъ ночныхъ противниковъ, мертвый.

— Это что такое? вскричали мы вмѣстѣ съ Роли: чортъ?

— Нѣтъ, *señores*, отвѣчалъ нашъ прислужникъ: не чортъ, а обезьяна *самбо*.... Эти *самбо* страшные звѣри.

— Обезьяна! вскричалъ я съ удивленіемъ.

— Обезьяна! повторилъ Роли, вскочивъ и усѣвшись на своей постели.... Обезьяна! Такъ это мы дрались съ обезьянами?... Какъ тебѣ это нравится, Роли? Приѣхать изъ Виргиніи, чтобы тебя здѣсь поколотили обезьяны!.... По-смѣются же надъ тобою.... Тебѣ нельзя будетъ показаться въ Соединенныхъ Штатахъ.... Поколотила обезьяна.... съ хвостомъ.... О, Боже мой, несправиться съ обезьяной!....

Это показалось ему дотога забавнымъ, что, забывъ свои страданія, онъ повалился на постель и хохоталъ какъ-только могъ при распухшемъ лицѣ и губахъ, превратившихся въ какія-то сосиски.

Миѣ не вѣрилось чтобы въ этомъ трупѣ, который лежалъ передо мною, не обитала нѣкогда душа человѣческая. Стыдно, унижительно какъ-то видѣть, до какой степени эта гигантская обезьяна похожа на меня, на васъ, милостивые государи; не будь хвоста, этого самбо можно было бы принять за какого-нибудь бульварнаго льва, за бородатаго франта въ зимнемъ тулупѣ. Лицо его выражало скорѣе дурныя страсти человѣческія, чѣмъ скотскій инстинктъ. Руки, ляжки, станъ, все туловище ничѣмъ не отличались отъ туловища хорошо сложеннаго человѣка; ноги были немножко кривы и безъ якорь, но это и у людей бываетъ. Жилы на рукахъ его выставлялись какъ веревки, а ногти не уступали тигровымъ когтямъ. Не мудрено, что въ борьбѣ съ подобными противниками, побѣда осталась не на нашей сторонѣ. Ни какой силачъ не въ состояніи совладать съ ними. Руки убитаго самбо походили на пукъ толстыхъ веревокъ и четыре ногощика съ трупомъ могли развести его сложенные кисти.

Остальное чтò еще казалось темнымъ въ нашихъ ночныхъ приключеніяхъ, вскорѣ объяснилось. Проводникъ нашъ, по незнанію или безпечности, позволилъ намъ расположиться на ночлегъ слишкомъ близко отъ одного изъ самыхъ вредныхъ болотъ во всей провинціи. Вскорѣ послѣ-того какъ мы заснули, пришелъ отрядъ Мексиканцевъ и расположился шагахъ во ста отъ насъ на мѣстѣ высокомъ, такъ что тамъ они были въ безопасности отъ зло-вредныхъ испареній болота и отъ мушкетеровъ, которые такъ немилосердно отѣдали насъ съ Роли. Ночью двѣ жен-

щины отонши немного в сторону; самбо перерезал ихъ дорогу; онѣ пустились бѣжать, въ ужасѣ не зная сами куда, и къ-счастію, попали на наше становище. Ихъ и наши крики, визгъ и дѣвольскій хохотъ обезьянъ разбудили Мексиканцевъ и тѣ подошли къ намъ на помощь. Выдержавъ первый штурмъ, самбо отказался отъ битвы и убѣжалъ въ лѣсъ. Впрочемъ, ранены были многіе изъ нихъ, но на полѣ битвы остался только одинъ убитый, тотъ, котораго теперь притащили.

Эти Мексиканцы были изъ Темотоки; они занимались собираніемъ конхиала. Мы оказали услугу не благодарнымъ и вообще они были самые добрые люди. Они не знали что дѣлать, чтобы доказать намъ свою признательность. Женщины и особенно тѣ, которыя мы избавили отъ обезьянъ, усердно ухаживали за нами и всячески старались намъ угождать. Последнія, конечно, были много намъ обязаны. Нельзя безъ ужаса подумать, какая судьба ожидала бы этихъ несчастныхъ, если бы онѣ попали въ руки самбо. Диверсія, которую мы предприняли, спасла ихъ, потому что дала время Мексиканцамъ подождать къ намъ на помощь. За эту услугу насъ съ величайшимъ стараніемъ лечили; перевязывали наши раны, прикладывали бальзамическія и смягчительныя примочки къ нашимъ ободраннымъ лицамъ, и двѣ прелестныя «сидѣлки» безпрерывно обмахивали насъ пальмовыми листьями, чтобы защитить отъ мушкетовъ. Матери наши не могли бы нѣжже заботиться объ насъ.

Благодаря этому пользованію, мы вскорѣ начали поправляться; могли уже сидѣть на постеляхъ и заниматься тѣмъ, что происходило вокругъ насъ. Но мы старались не видать другъ друга. Съ высоты, гдѣ мы находились, видно было все болото, которое надѣлало намъ такъихъ бѣдъ. Оно было подъ нашими ногами, и выпускало паръ, какъ огромный кипящій котелъ; поверхность его была покрыта густымъ туманомъ, изъ котораго мѣстами выставлялись маковки деревьевъ. Надѣво отъ этой лабораторіи заразы, возвышались скалы, которыя какъ, будто стояли на вонючемъ туманѣ. Коршуны вились надъ болотомъ или покачивались на вершинахъ пальмъ, которыя

выставлялись изъ тумана какъ огромные зонтики. Изъ глубины этой тьмы поднимались рожь, крикъ, визгъ, шепкъ, свистъ и шипенье, гармонический хоръ алыгаторовъ, индичихъ агучихъ и другихъ несчастныхъ обитателей этого горнила барана.

Воздухъ былъ тяжелъ и душныи. Не временною, издали слышались раскаты грома. Мексиканцы собрались въ кучку и, поглядывая, совѣтовались между собою; они совѣщались о томъ, какъ бы скорее убраться изъ этого мѣста и не знали что дѣлать съ нами. Изъ разговора ихъ мы поняли только то, что они никакъ не рѣшались покинуть насъ безъ боязни, въ опасеніи вѣнать, съ проводникомъ и служителями, на которыхъ положены были надежды. Съ другой стороны казалось, что арчины весьма нежелали принуждаться насъ отправиться далѣе. Наконецъ два старика, индичиху, начальнику барана, подошли къ намъ и спросили, какъ мы себя чувствуемъ и въ состояніи ли мы продолжать путешествіе; они прибавили, что по разнымъ приметкамъ надобно скоро ожидать бури, а ближайшее жилье мѣсто еще очень далеко. Благодаря усупному поведению Мексиканцевъ, мы чувствовали себя уже гораздо лучше и отвѣчали, что черезъ полчаса будемъ готовы ѣхать, если только они желаютъ нашимъ слугамъ водить насъ чего-нибудь поѣсть, потому что мы ужасно проголодались и намъ непременно надобно подкрѣпить свои силы.

Мексиканцы не хотѣли предоставить этого нашимъ слугамъ и сами принесли намъ часть жареного агуча и нѣсколько банановъ, испеченныхъ въ золѣ. Сверхъ того намъ подали въ кокосовыхъ скорлупахъ кое-что и мы съ радостью принялись заѣваться силами. Между тѣмъ наши погонщики и Тсанокеанцы продолжали намѣчать путь лавъ и особенно готовились къ отъезду. Мы еще не кончили своего обѣда, какъ увидѣли, что одинъ Мексиканецъ ѣхалъ во всю мочь съ горы, держа въ обѣихъ рукахъ во вѣтви. Какъ скоро онъ приблизился, всѣ прочіе бросились къ нему на встрѣчу.

— Семь часовъ, кричалъ онъ, семь часовъ, никакъ не больше.

— Семь часовъ! повторили Тсипотеканцы. Пресвятая Богородица! Сими и помилуй насъ! Намъ и въ дробь чашъ не добраться до деревни.

— Что это значить? спросилъ я продолжая ѣсть. Чего вы испугались?

— Чего мы испугались? сказалъ одинъ старшій Мокочинскій: черезъ семь часовъ начнется las aguas (воды) и ураганъ.

— Vamos por la Sanísima! (Поѣдемте, ради Пресвятой Богородицы!) закричала хозяйка двѣнадцать, а тотъ, который приближалъ съ горы, всё покачивалъ своими вѣтвями.

— Что жь это за вѣтви? спросилъ я.

— Деревя буръ, предвѣстника урагана, отвѣчалъ одинъ Мокочинскій.

Мужчины и женщины, арріеросы и Тсипотеканцы забѣгали во все стороны, съ величайшимъ ужасомъ, безпрерывно повторяя: «Поѣдемте, поѣдемте: нельзя терять ни минуты». Все собирали свои вещи, сѣдлали, вьсочили и садялись верхомъ. Мы не успѣли опампковаться, какъ насъ съ Роли схватили и посадили на сѣдло: Отъ-роду не выдѣвалъ я такой суматохи: то была крики, топотъ, ржаніе; мужчины, женщины, лошади, мулы, бѣгали во все стороны какъ-будто все обступили. Но между-тѣмъ никто не терялъ времени по-пустому и не прошло трехъ минутъ со времени морвой тревоги, какъ наша караванъ уже вытѣсненъ длинной линіею и пошелъ во все галопъ черезъ кусты и сараи, или и камни.

Эта страшная бѣда какъ-будто вымочила насъ: одоровавшие наши члены получили свою пречинную гибель; мы не чувствовали своихъ ранъ, не думали ни о саблѣ, ни о мускетарѣ; ни о своей ахоридѣ. Дѣло было не шуточное: рѣчь шла о нашей жизни; и даже лошади наши, какъ-будто чувствуя, что только одна быстрота можетъ спасти насъ, неслись во всю мочь. Въ-торопатѣ, насъ съ Роли, насъ посадили на лошадей, а не на муловъ, и это было величайшій счастьемъ для насъ. Горы и долины, батансаа, (питансаа) и болота, для нихъ было все-равно: онѣ неслись поволочу съ величайшимъ проворствомъ; съ бѣгави-

вой увѣренностью. Если почва была болотистая, онѣ скользили какъ кошки, какъ-будто и не касаясь до земли; при въѣздѣ на каменистыя высоты, карабкались извивающимися какъ ящерицы, а на ровномъ мѣстѣ неслись во всё лопатки, такъ что мы не чувствовали ни малѣйшаго потрясенія. На нашихъ широкихъ испанскихъ сѣдлахъ мы могли бы сидѣть спокойно, какъ на креслахъ, если бы къ несчастью камни и опрокинутыя деревья не перерѣзывали на каждомъ шагу тропинки, по которой мы ѣхали, и мы не принуждены были непрерывно увертываться отъ вьющихся растеній, которыя, вровень съ нашими головами, образовали частую сѣть, усѣянную иглами въ футъ длиною. Эти иглы, выставившіяся подъ прямымъ угломъ изъ вѣтвей, на которыхъ росли, походили на черныя штыки, готовые воткнуть на вертелъ всякаго, кто бы насунулся на нихъ. Несмотря на все это, мы быстро неслись всё впередъ и впередъ, вытянувшись въ длинную линію, смѣло пускались въ такія мѣста, куда бы дикая кошка не рѣшилась пробираться, ѣхали во всю рысь черезъ кустарники, мимозы и мактусовы, которыхъ лонастыя, футомъ въ десять длиною, казались огромными руками, которыя вытягивались, чтобы остановить насъ. По временамъ, на открытомъ мѣстѣ, мы могли окинуть взглядомъ весь поѣздъ, съ вожаками, которые скакали впереди, съ безпокойствомъ озираясь во все стороны, какъ колоновожатые въ непріятельской землѣ, и съ молоденькими дѣвушками, которыя, нагнувшись на шею своихъ лошадей, постепенно обнажались, потому что оставляли доскутки своихъ бѣлыхъ платьевъ на иглахъ и сучьяхъ лабиринтовъ, сквозь которые неслись всадники и всадницы, кони и вьючные мулы. Но тогда было невремя наслаждаться соверщаніемъ мексиканскихъ красотъ, потому что какъ-скоро кто-нибудь начиналъ отставать, всѣ другіе кричали «*Vamos por Dios, vamos!*» И этотъ крикъ какъ-бы придавалъ новую бодрость даже лоцаламъ и муламъ.

И мы всё неслись и неслись, съ холма на холмъ, черезъ долины и зловонныя болота. Долина Оахака заслуживаетъ названіе долины почти такъ же, какъ море во время бури названіе зеркала. На этой, такъ называемой, равнинѣ Оаха-

ка, на каждомъ шагу возвышаются крутыя горы, иногда въ нѣсколько тысячъ футовъ вышиною. Но эти возвышенія приплюсциваются и исчезаютъ, когда сравнишь ихъ съ гитантскими горами, которыя окружаютъ долину со всѣхъ сторонъ. И какую великолѣпную раму составляютъ эти неизмѣримыя стѣны со своими разнообразными линіями и цвѣтами! Здѣсь онѣ блестятъ такъ растопленное золото, тамъ какъ-бы покрываются бронзою; далѣе красуются всѣми оттѣнками зеленаго цвѣту, съ узорами изъ алыхъ, пурпуровыхъ, фіолетовыхъ, желтыхъ, голубыхъ, бѣлыхъ цвѣтовъ мелкихъ растений, между которыми величественно возвышаются пальмы, футовъ во сто, съ пышными зелеными турбанами. Чтò ни говори, а природа хороша. даромъ-что намъ пришлось провести такую ужасную ночь посреди ея чудесъ.

Мы еще только пять часовъ были на конѣ, а уже три раза переѣзжали изъ одного климата въ другой, изъ умѣреннаго пояса въ tierra muy caliente (землю болѣе горячую) и обратно. Въ это время мы были въ самомъ знойномъ поясѣ; потъ съ насъ такъ и лилъ; мы жарились и пеклись въ своей кожѣ, какъ въ песчаной ваннѣ. Въ чащахъ, черезъ которыя мы ѣхали, было множество черныхъ тигровъ, игуановъ, фута въ три длиною, бѣлокъ, пантеръ, дикихъ свиней, чакалокъ и особенно всѣхъ возможныхъ родовъ обезьянъ, которыя, сидя на высокихъ вѣтвяхъ деревьевъ, дѣлали гримасы, скалили зубы и кидали въ насъ чѣмъ попало.

— Чтò это за бѣлыя пятна тамъ направо, которыя такъ рѣзко отдѣляются отъ темной синевы неба и бронзоваго цвѣту сналь? спросилъ я.

— Это городъ Кидрикови.

Мы проѣхали верстъ тридцать и я начиналъ думать, что aguas (воды), которыми такъ пугали насъ наши пріятели Тсамотекинды, теперь уже не достигнутъ насъ. Роли ворчалъ, и утверждалъ, что не грѣхъ бы дать нашимъ лошадамъ минуты двѣ-три отдыха. По неровности почвы мы принуждены были ѣхать то вскачь, то рысью и это чрезвычайно утомляло людей, лошадей и муловъ; а разгонять дорожную скуку пріятными разговорами было рѣши-

только пероремки, потому что довольно работы было и так, чтобы не сломить себя нас, не наткнуться на камни и сучья, которые легко могли бы выколоть намъ глаза, зашибить зубы и навредить намъ безъ суда и расправы. «*Vamos, por la salvissima madre, vamos!*» вскричали проводники, забывъ, что мы поѣхали по-тише. И этотъ крикъ повторился по всей линіи съ ужасомъ, отъ котораго мы сами задрожали.

Дошли понесли еще скорѣе; земля потопала подъ нѣмъ ногами, дѣды удесятели насъ по линіи, кактусы обрѣзали наше платье. Если бъ это продолжалось еще нѣсколько времени, мы бы остались совсѣмъ безъ платья. Проводники безпрестанно нагибались, какъ дѣтскія игрушечныя Куклы, которые непрерывно качаютъ головами. За ними шли наши слуги; потомъ видѣлась сара одного изъ Театро кандегъ, потомъ женщины и остальные Мануэляны. Тутъ было уже не до учтивости, и такъ какъ мы съ Ролъ мѣхале всѣхъ горючили, пуститесь въ путь, то и оставили въ аррьергардѣ, и составляли крестъ колонны.

— *Vamos! por la salvissima, vamos! Las agnas, las agnas!* закричали опять голоса въ двадцать.

Будь они прокляты, подумалъ я: неужели они не могутъ не кричать *vamos*. Додерзави намъ останется навѣтъ-нибудь осемь веретъ, а опаснаго ничего еще не зѣбѣше. Конечно, воздухъ очень густъ, но тутъ вугахъ еще чего..... Это, вѣрно, отъ испаренія болотъ, потому что мы опять подѣжаемъ къ этимъ проклятымъ тонамъ: я уже слышу концертъ аллигаторовъ.... Да, кстати, вѣтъ два аллигатора высунули свои красивыя мордочки изъ тины, чтобы полюбоваться на нашу великодушный войско. Конечно, это сосѣдство не совсѣмъ пріятное; но, къ счастью, грязника хороша и тверда; видно, нель нѣмъ трудиться илѣйше, потому что только одинъ илѣйше въ-состояніи жить, работать и путешествовать посреди этихъ мѣхаловъ. Слава Богу, вотъ мы выбрались изъ этого грязнаго моря; почва стала по-крѣиче; мы опять вѣжаемъ къ дѣмъ аллигаторовъ великодушныхъ жалмъ и аматъ.

Вдвугъ глазами мащину предоможилося ерѣшше дѣше, прекрасное. Сквозь атмосферу непостижимо-прозрачную

показались двѣ цѣны горъ; лѣвая—покрытая густою тѣнью, правая—ярке блестящая, какъ будто-составлена изъ свѣтлыхъ пирамидъ. Долина, заключенная между ними, совершенно покрыта цвѣтами; convolvulus, paulinia, bigonia, dendrocinia усыпаются вокругъ стволовъ пальмъ, поднимаются до самыхъ ихъ вершинъ и убираютъ ихъ разноцвѣтными драпёръ, а потомъ, граціозно спускаясь, прижимаются къ мохлявымъ растеніямъ.

— Misericordia, misericordia, audi nos peccatores, misericordia, las aguas!

Мы спросили, чтобы посмотреть чего это такъ конукается наши Мексиканцы, но не замѣтили ничего необыкновеннаго, кромѣ только облака, которое начинало собираться между двумя горами, выдававшимся въ долину наподобіе ныреть.

— Что такое? что такое? вскричалъ я: гдѣ жъ вы видите опасность?

— Ради Бога, впередъ, впередъ! отвѣчали десятъ или двѣнадцать голосовъ: намъ еще далеко, а потомъ обрушится на насъ черная чаша, не бойтеся.

И немалыя еще молчались: Misericordia, audi nos peccatores, и прочая.

— Съ ума они сошли! вскричалъ Ролл. Экая бѣда, что дождь пойдетъ; ну, вымочить лишній разъ, и только. Вѣдь мы не сахарные. Въ Соединенныхъ Штатахъ меня не разъ пробивало до костей, да вѣдь мнѣ отъ этого, право, не хуже.

Однако жъ, посмотрѣвъ вокругъ себя, мы съ удивленіемъ замѣтили, что вѣдь небо вдругъ совершенно измѣнилось. Обыкновенный его темно-синій цвѣтъ съ отливомъ расплавленного золота, потону, и все небо сдѣлалось мрачно сѣрымъ. Атмосфера тоже стала совсѣмъ не та. Воздухъ былъ не холоднѣе и не теплѣе; но онъ лишился своей легкости и упругости. Онъ дѣлалъ легкія и тяготѣлъ, насъ какъ будто спускали шапка. Черезъ нѣсколько времени обдало. Я потеребилъ и говорилъ, стало подниматься цвѣтъ-за горъ, разсѣланы отъ ихъ вершинъ и мало-по-малу раступурали. Вѣдь: всей долиной наша-брате туманная-текущая-мѣль; которая отбрасъ волнами крыльцовъ на обѣ цѣны

горь. Справа еще видѣлись кровли и стѣны Квидрикови, и намъ казалось, что онѣ очень близки.

— Отчего же бы намъ не ѣхать въ Квидрикови? закричалъ я проводникамъ. Кажется, не далеко.

— До Квидрикови по-крайней-мѣрѣ пять legas (пятьдесятъ верстъ) отвѣчали Мексиканцы, печально покачивая головами и съ безпокойствомъ поглядывая на облако, которое становилось все чернѣе и грознѣе.

Справа и позади насъ лучи солнца, отражаясь отъ горъ, еще золотили края облаковъ, слѣва и впереди все было какъ-бы подернуто траурнымъ крепомъ. Мы видѣли въ одно время и самую темную ночь и самый ясный день: противоположность чрезвычайно поразительная и не обещавшая ничего добраго, и, кажется, животные чувствовали это такъ же какъ мы. Болтливыя попугаи, крикливыя, вертлявыя и драчливыя обезьяны, всѣ звѣри лѣсные и даже птицы небесныя испускали какіе-то жалобные звуки, перобѣгали съ мѣста на мѣсто и, казалось, искали убѣжища отъ предстоящей, неминуемой опасности. Даже наши лошади начали дрожать, жалобно ржали и не хотѣли идти впередъ; коршуны и другія хищныя птицы, которыя на мгновеніе минутъ передъ тѣмъ, вились высоко въ воздухѣ, тотчасъ прятались подъ вѣтви акажѹ и испускали страшные крики. Съ тигровъ и до насѣкомыхъ, все живущее, казалось, было поражено внезапнымъ, непонятнымъ страхомъ.

— *Vamos! Vamos!* закричали проводники: если ураганъ застанетъ насъ въ лѣсу, мы погибемъ.

И мы снова понеслись во всю мочь черезъ пни и суки, кусты и острия иглы. Страшный непріятель это чудовище, которое, какъ-бы вопиивъ ногами своей въ чашу горь, окружающихъ долину, устремляло на насъ всю черную, безобразную массу. Размѣры его становились все болѣе и болѣе колоссальными и все покрывавшее густою тканью его тѣни. Мы оглянулись назадъ и въ послѣдній разъ увидѣли багровый шаръ обаянія, который тотчасъ потомъ скрылось за тучею. Мы понеслись еще быстрѣе. Стада тигровъ, обезьянъ, чакаловъ и всѣхъ животныхъ приближались къ намъ, какъ-бы преслѣдуя насъ жалобнымъ рычаніемъ упрямаясь свата въ чашу.

не было ни сколько, а между-тѣмъ вся природа какъ-бы трепетала; огромныя деревья и мелкія растенія дрожали, такъ же какъ люди и звѣри. Лошади наши, раздувъ ноздри и выпучивъ глаза, елками, не какъ обыкновенно скачутъ лошадь, а отчаянными прыжками тигра, за которыми гонятся охотники. Нѣсколько минутъ вокругъ насъ господствовало глубокое безшуміе, странная тишина. Точно будто стихія собирались съ духомъ, чтобы потомъ забушевать съ бѣльшей силой. Но вскорѣ послышался глухой шумъ, похожій на стоны, которые какъ-бы выходили изъ нѣдръ земли. Предвѣстіе было очень ясное.

— Постойте! закричали мы проводникамъ: постойте! Поищемъ здѣсь убѣжища.

— Впередъ! Или мы погибли!

Взлетѣла Вега дорога расширилась, чаще стала рѣдѣть, мы начали спускаться съ возвышенія и выѣхали изъ лѣсу; деревья быстро удалялись отъ насъ. Если бы ураганъ засталъ насъ посреди палмъ и акажу, мы были бы измяты, изорваны въ куски, облюманными вѣтвями и пнями, вырванными изъ земли. Мы приближались къ рытвинамъ.

— Madre de Dios! (Матерь Божія!) вскричали Мексиканцы.

Да, тутъ надобно было призывать небо на помощь, потому что гигантское чудовище, которое преслѣдовало насъ, уже выпустило бѣлые языки свои, составлявшіе рѣзкую противоположность съ ирочною массою, откуда они выходили. Тутъ раздался страшный ударъ, отъ котораго, казалось, вся земля вздрогнула. Потомъ слова все смолкло и въ это время мы слышали только тяжелое, прерывистое дыханіе нашихъ лошадей. Туча опять разверзлась и секунды дѣйствія какъ бы горѣла. За этии фантастическими освѣщеніемъ послѣдовалъ второй ударъ грома и тутъ буря, какъ-бы выломавъ двери тюрьмы своей, страшная и всемоущая, устремилась съ неба на землю, испровергда, уничтожая все на пути своемъ. Деревья запылались. Казалось, будто они обратятся въ сѣмь, чтобы ускользнуть противъ бури; но слышишь! Съ грохотомъ; пошевелились камни, изъ тѣнныи орудій, дѣльные лѣса и тогда дошли до насъ.

кони. Виток разлетелся в дробь, сталом треском и падал на землю; корень разрывался и пролетел в сторону. Промыла буря — и лесу по слою. То была веселая, море, сучьость, корней, обломков и осколков, переплетен и прыгали как-то будто на разсвѣтѣшннхъ волнахъ. Воздухъ потянулся отъ извѣстна воздуха, ветеръ нахлынулъ въ коня.

Когда раздался второй ударъ грома, одинъ изъ Миссо-капцель закричалъ заглушающимъ голосомъ: «Довѣй се коней!» Я бросился на землю, но ураганъ нахлынулъ на меня, и опрокинулся нахлынуть и, въ-стастію, удержалъ немножко за узду; но поводъ оборвался и лошадь моя повалилась подлѣ меня. «Господи, нахлыдай меня! вскричалъ я. Рана, гдѣ ты? Гдѣ наши товарищи?» Отыскать ихъ было. Другой парылъ вѣтру, еще ужаснѣе первого, удержалъ въ дощину. Но я лежалъ на сплѣтѣ и притомъ съ неподвижной стороны, у подошвы холма, на которой забрался; когда опрокинулся. Между-тѣмъ земля дрожала подо мною; ураганъ потрясалъ холмъ, за который я уцепился, и казалось, готовъ былъ сорвать его съ земли. Воздухъ былъ нахлынутъ сѣрными испареніями. Я кашляла. Вокругъ меня все было погружено въ самый густой прахъ. Я ничего не видалъ, ничего не слышалъ, крохѣ слышанія бури, разлетовъ грома, и треску сломанныхъ деревьевъ. Вдругъ буря остановилась; совершенная тишина воцѣлила ее такъ внезапно, что, казалось, природа застыла отъ страха. Только трескъ вырваннаго съ корнемъ лесу доходилъ до моего слуха. То было какъ-бы случайная остановка во время спешенія, когда пальба вдругъ прекращается и къ себѣ вознесшая только стонъ; умиротвореніе. Я остался вполнаги сплѣтѣ лежалъ. Въ эту минуту послышался какъ-бы пистолетный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, десятый, сотый; выстрѣлы съ невыразимой быстротою слѣдовали одинъ за другимъ, сотнями, тысячами, это не стонъ, а не агресія не чѣ-мнѣ казалась пистолетными выстрѣлами, было во что шло; какъ шумъ, который произвелъ дымъ дождя; но нескончанный! Волнующая съ кураше-фиги! И онѣ ударилъ съ силой дикія, нахлынувшего съ волнами; былъ ослабленъ, оглушенъ, закрывалъ лицо руками и го-

порочился спицею къ вѣтру. Мгнѣ впередъ было невоз-
можно. Черезъ нѣсколько секундъ отдѣльныхъ канодъ уже
не было: хлаби небесныя разверались; Шиагара, потопъ,
море устремилось съ неба на землю. Чтобы присоединить-
ся къ своимъ товарищамъ, я сталъ задомъ набираться на
вершину холма.... но размокшая земля ускользала изъ-подъ
моща ногъ. Я сталъ на скалу; потрясенный ураганомъ,
поднятый дождемъ, камень занатался, покатился и увлекъ
меня съ собою. Сначала я скользилъ по крутой покатости,
потомъ кувыркался и, наконецъ, упалъ въ потокъ, отчего
кѣ-счастію не такъ сильно ушибся. Я былъ на днѣ рѣчи-
ны, которую буря превратила въ рѣку съ высокими берега-
ми. Я не зналъ куда дѣвалась моя лошадь, но ни въ какой
было о ней заботиться. Миѣ удалось встать. Подлѣ меня
былъ Роли, который то же свалился въ рѣчнину и, такъ
же какъ я, боролся съ теченіемъ. Вода доходила намъ до
грудъ и гнѣисный потокъ стремительно несъ толстыми рѣчи-
ни и даже нѣвдыя деревья, которыя легко могли увлечь
или разломить насъ о скалы. Однакъ Богъ знаетъ, какими
образомъ мы избавились отъ всѣхъ этихъ опасностей. Не
потому была сильнѣе насъ; мы едва могли удержаться на
потоцѣ и тѣмъ старались перерѣзать теченіе, чтобы до-
браться до какого-нибудь доступнаго мѣста береговъ рѣчи-
ницы. Мы удаляли усилия, прижились другъ къ другу. Но
къ чему вся эта борьба? Если бъ мы и достигли до берега,
то еще такъ крутъ, что выбраться наверхъ безъ вспомо-
решной помощи не возможно. А кто же бы могъ помочь
намъ? Мексиканцевъ мы не видали и даже не слышали го-
лосовъ ихъ. Во время урагана они были на самой верши-
нѣ холма и; слѣдственно, подвергались всей его ярости. Но
всей изрощности, ихъ сбросило въ потокъ и теперь отъ
нихъ остались одни труны. Та же участь, конечно, ожида-
ла и насъ. Измученная своей отчаянной скачкою, ослаб-
ленные ликерядкою и дракою съ самбо, мы не могли до-
лѣ противиться напору воды, которая доходила уже намъ
до плечъ:

«О Роли, свалилъ я, теперь смерть наша уже неизбеж-
на; но-прощай-вѣрнѣ упрости божь слабости, ницѣ прилече-
но мужчицамъ.

Роли былъ въ нѣсколькихъ шагахъ по-выше меня. Не отвѣчая ни слова, онъ повернулся ко мнѣ: лицо его было спокойное и холодно, но выражало однако жъ и нѣкоторое сожалѣніе; потомъ онъ пересталъ бороться съ потокомъ, сложилъ руки на груди и поглядѣлъ вокругъ себя, какъ-бы да чтобы простяться съ міромъ, который покидалъ. Быстро увлекаемый теченіемъ, онъ уже былъ почти подлѣ меня, какъ-вдругъ закричалъ «ура!» и снова началъ бороться съ волнами, стараясь удержаться лѣня на скользкомъ и неровномъ грунтѣ потока.

— Ловите! ловите! закричали голоса, которые какъ-будто спускались сверху.

Въ ту же минуту что-то свиснуло у самыхъ концевъ ушей и сильно ударило меня по лицу. Но какому-то инстинктивному движению, я протянулъ руку и схватилъ конецъ лассо (аркана). Роли тоже окатился за ровную веревку, которая свалилась къ намъ будто съ неба. Арканъ тотчасъ натянули и съ помощью его мы добрались до края воды и стали взбираться на крутой берегъ; но бока рывины состояли изъ острыхъ камней, на которые мы не могли поприлично упереться ногами. Мы боялись только, чтобы ремень не лопнулъ: ему приходилось поднимать огромную тяжесть. Роли въсѣмъ по-крайней-мѣрѣ въ штыкъ нудовъ, да и я не перышию. Иногда, въ этомъ опасномъ восхожденіи, намъ приходилось взбираться на камни, гладкіе и отвѣсные какъ стѣна: ни малѣйшаго выступа, ни одной трещины; мы принуждены были нилерать всюю своею тяжестью на арканъ, который — такъ по-крайней-мѣрѣ намъ казалось — вытягивался, трещалъ, дѣлался тоньше, и могъ оборваться. На тонкость ремня вносили мы надъ неизбежной и ужасной смертью; но ремень удерживалъ. Самое трудное было уже сдѣлано: ноги наши навалили спору, руки хватились за корни. Еще усиліе и мы свалились.... Судорожно согнули мы руки, чтобы проподнять тѣло.... Ура! Другія руки схватили насъ подъ мышками, приподняли и поставили на ровную землю.... Съ минутою нѣтъ поддержки, и мы стоимъ на потоцѣ... помощь оступили, и мы, съ помощіемъ, повалились на землю.... Тса...

летошницъ, аррьеросовъ и женщакъ, которые всѣ удержались отъ бури въ пещерѣ.

Передъ тѣмъ, какъ колѣя обдалаея подо мною и Ролл, Мелонканцы, отъ которыхъ мы довольно далеко отстали, добрались до каменнаго гребня, который шелъ по краю рѣкины у самой ея вершины; этотъ гребень, постепенно расширяясь, доходилъ до натуральной пещеры, не слишкомъ глубокой, но довольно длинной и защищенной высокими скалами. Оттуда товарищи наши видѣли какъ мы боролась съ голодомъ; они свезли нѣсколько аркановъ, спустили нутъ къ намъ и такимъ образомъ избавили насъ отъ неминуемой гибели; но еще неизвѣстно было въ-прямую ли они подошли, чтобы спасти насъ. Мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, казалось, что я умираю. Я не совсемъ лишился чувствъ, но все тѣло мое, какъ-будто омертвѣло; и не въ состояннн быть пошевелить ни однимъ членомъ и плохо понималъ чтѣ вокругъ меня происходить. Впоследствии я узналъ, что ураганъ недолго свирѣпствовалъ съ одинаковою силою; опустошивъ долину, онъ унесся далѣе. Мелонканцы снова пустились въ путь, за исключеніемъ только четырехъ, которые остались съ нашими аррьеросами и слугами при насъ: гапшо (деревня), куда они ѣхали, состояла только на нѣсколько верстъ отъ этого мѣста; но мы рѣшительно были не въ состояннн пробраться далѣе и столько. Великодушные друзья наши, снявъ съ насъ мокрое и изодранное платье, закутали насъ въ одеяла и дали намъ ланить воды съ ромомъ и корицею. Мы скоро вступили какъ убитые, проспали весь вечеръ и часть ночи. Это дѣтство подкрѣпило насъ, что за часъ до разсвѣту мы уже могли снова пуститься въ путь. Само-собою разумѣется, что мы принуждены были ѣхать какъ-можно тише и несмотря на эту предосторожность, при каждомъ поворотѣ движеніи нашихъ муловъ чувствовали жестокую боль въ своихъ ранахъ и ушибахъ; по-крайней-мѣрѣ мы могли держаться на сѣдлѣ.

По темнотѣ мы не могли замѣтить всѣхъ опустошеній, произведенныхъ бурей; но и то уже чтѣ мы видѣли, называлось какъ ужасно она свирѣпствовала. Какъ сильно раздѣлываетъ землю ураганъ! Почва была совершенно об-

нажена.... дѣлая скалы, вырванные изъ земли и отщепенныя на извѣстномъ пространствѣ, лежали надъ кверху свое основаніе, обломанное и замаранное грязью... на осмы были огромныя рытвины—слѣды потоповъ, и нѣсколько врсени мы не видѣли на одного дерева на горѣ: всё они были вырваны и сломаны; но вечеръ мы вобрѣлись изъ полей, опустошенной бурей, вѣхали еще съ челою горы холмы и долины, и наконецъ увидѣли другіе слѣды: проводники сказали намъ, что вверху находимъ наша обитовавшая земля, гавсба, къ которой стремились дѣла наша помыслились. Цена арріеросы подтягивали круги своихъ муровъ и уравнивали склоны, чтобы лучи были спуститься съ холма, мы съ Рели, сидя на обѣдѣ и задумавшись въ планш, смотрѣли, какъ утренняе зѣвае, приближалась къ горизонту, постепенно блѣднѣла. Вдругъ небо на востокъ начало свѣтлѣть и на западѣ появилась яркая точка небольшо зѣвады, но цѣлѣ онъ горало бѣды приближалась къ ровному. Волгдъ затѣла другіе искра замглась въ нѣкоторомъ растояніи отъ первой, а та разрослась уже долее, что образовала свѣтлую массу, которая сверкала на острой вершинѣ горы, прекраснѣйшій свѣтъ. Сначала двадцать горныхъ вершинъ украсились одна на другой подобными свѣтлыми султанами; потомъ шло изъ переломъ изъ ровнаго въ ярко-красный. Слѣднее люди просветились въ освѣтительныя облака, оруженныя вѣдочъ золотыхъ лучей и яркыхъ искръ, вторые какъ-будто перепрыгивали съ одной вершины на другую и постепенно закрывали ихъ какъ масса. Минуть на пять передъ тѣмъ, вершины горы алмазовъ еще густѣли и призраками серебристо-сѣрыя дѣла, потомъ разнѣнились на темно-синюю массу, угнѣнную свѣтлыми перы вся цѣль горла, какъ-будто радъ поднимая, вторые обвиваютъ свои вершины сверкающею массой, минутѣ какъ подошли ихъ еще возмущены въ самую рану.

День самый свѣтлый овладѣлъ вершинами и даже вѣдочъ; лишь еще царствовала ночь самая темная. Полеми лучи свѣту призраками сияли ущелья и пропастями горы, алмазовъ, какъ тѣмъ сосредоточивалась, чтобы увидѣли про-

тивостоятъ лучамъ, которые отсюда проникали въ ихъ толщину; но необходимо и свѣтъ спускалъ ихъ съ дѣланныхъ вершинъ и заставлялъ проворно спускаться въ глубину долины. Однако жъ не было ни какого постепеннаго переходу отъ ночи къ дню, ни какой-полутѣни; никакихъ утреннихъ сумерекъ. Казалось, что темный покровъ постепенно спускался, свертываемый рукою какого-нибудь волшебника. Сначала показались синеватые тамарины и *sisocarpus*; потомъ блестящій зеленый цвѣтъ сахарнаго тростнику, затѣмъ темно-зеленый цвѣтъ индѣйской смороковницы; нѣсколько ниже пестрый, бѣлый, золотистый и зеленый покровъ лимонныхъ и апельсиновыхъ деревьевъ; наконецъ величественныя слезоты пальмъ, финиковыхъ деревьевъ и банановъ; на нихъ какъ-будто было накинуто газовое покрывало, которое роса вышила алмазами и рубинами. И между-тѣмъ на днѣ долины еще лежалъ глубокий мракъ; но искорѣ солнца проникло въ него своими лучами и мы увидѣли, футахъ во ста по-ниже насъ, настоящій земной рай, садъ изъ хлопчатниковъ, кактусовъ и сахарнаго тростнику, усѣянный купами гранатниковъ, ежевики и перерѣзанный аллеями изъ фиговыхъ, лимонныхъ и апельсиновыхъ деревьевъ; и всѣ они были великаны въ своемъ родѣ, всѣ выше самыхъ огромныхъ дубовъ. Не было ни одного дерева, которое бы не походило на пирамиду цвѣтовъ, ни одного уголка, который бы не былъ изпещренъ самыми разнообразными цвѣтами; и эта роскошная растительность красовалась въ невыразимо-чистой атмосферѣ. Сначала мы не видали ничего что бы обличало присутствие человека; или только показывало, что онъ тутъ бывалъ иногда; но наконецъ, по указанію нашихъ проводниковъ, мы разглядѣли деревеньку, которая до того запряталась въ листьяхъ деревьевъ и подъ завѣсами лианъ, что только гдѣ-гдѣ видѣлся бѣлый камень и то не больше какого-нибудь фута. Даже церковь скрывалась между померанцовыми деревьями; безчисленное множество вьющихся растений совершенно покрывало ея квадратную колокольню и легкія ихъ пряди поднимались надъ самымъ крестомъ. Вдругъ синеватый дымокъ взвился спирально надъ одной

трубою и въ ту же самую минуту на колокольнѣ начал звонить къ утреннему angelus.

Мексиканцы наши стали на колѣна, перекрестились, и божно прочли три раза Ave Maria, потомъ поднялся и одинъ изъ нихъ, положивъ руку на уду моего мула, сказалъ, указывая другой рукой на деревню:

— *Vamos, señores, poďдемте завтракать въ гавань.*

И мы медленно спустились въ долину.

Добравшись наконецъ до деревни, я сказалъ своему товарищу:

— Ну, любезный другъ Роли, продай; полно путешествовать; ни за что въ мѣръ впередъ не поѣду и тотчасъ отправляюсь на тотъ свѣтъ, въ Европу. Будетъ съ меня красота природы и вашей Америки.

И точно, на другой же день я пустился въ ближайшій приморскій городъ, тамъ сѣлъ на корабль и благополучно возвратился въ Европу.

ВОСПОМИНАНІЯ О ШПИЦБЕРГЕНѢ. А вотъ вамъ красоты природы, совсѣмъ другаго сорту, совершенно противоположныя тѣмъ, о которыхъ говорено выше. Любопытно послѣ блестящихъ красотъ тропической природы, взглянуть на суровые виды полярнаго круга и его величественные ужасы. Вотъ нѣкоторыя подробности, извлеченныя изъ записокъ члена французской экспедиціи, совершившей плаваніе къ сѣверному полюсу на фрегатѣ *La Recherche*.

«Мы отправились изъ Дронггейма въ Гаммерфестъ и вышли оттуда 15 (3) іюля въ довольно хорошую погоду. Отъ Гаммерфеста до Шпицбергена считается триста морскихъ миль. Часовъ въ шесть земля уже исчезла у насъ изъ виду. Одинъ Богъ зналъ тогда, суждено ли намъ опять увидѣть эти печальные берега. На другой день погода была ужасная. Волны переливались черезъ фрегатъ; шлюпки наши совершенно наполнились водою. Вѣтеръ былъ чрезвычайно свѣжій, дождь такъ и лилъ. Черезъ нѣсколько времени у насъ сорвало шанць-кльтку праваго борту. Въ осемь часовъ вечера мы увидѣли слѣва ледяныя горы.

Чѣмъ далѣе мы шли, тѣмъ труднѣе было идти. Туманъ былъ такой густой, что мы ничего вокругъ себя не видѣ-

на вершине все умирало. Вдруг наступил страшный мрак; все было окружено густым туманом; на глубь ушло, была какою-то полусвѣтъ; послышались доходящие до вершины звуки музыки и зыбкая дѣла слышно. Часовой вскричал: — Всплыла моя привада из Шницбергену.

«Видишь этой страны всемирность и величавость; отъ величавости до вершины, дѣлаются и величавость зрителю души старѣются. Конечно, Сибирь, море; небо, море, и больше ничего! Но все это величественно и потрясает воображение; передъ этими гранями и туманами, передъ этими гранями, которые преобладаютъ другъ на друга, чтобы достигнуть до моря, когда подымается, и вѣлоба вѣлоба на насъ кажется чудеса творения моремъ и наша сонная иррациональность».

«И туманы разбѣгались, и мы стали видеть морские шхеры. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ больше встрѣчались гранитныхъ массивовъ; мы достигли своей цели. Наконецъ была видна, вершины изъ четырехъ граней и семени въ гранитныхъ массивахъ. Въ полдень, мы стали на моръ изъ бухты Вей-Бондъ».

«Где-то въ моръ, мы всемо удивлялись и восхищались. При видѣ этихъ величественныхъ ледниковъ которые свисаютъ на солнце, отъ нихъ вываливаются горы, которые бѣгущихъ и наклонъ покрываютъ сѣбѣ, маленькими лѣдами, мы забывали, что ледники, впрочемъ великими, могутъ соединиться за нами, и громадность и преградить нашу обратную путь: отъ него неразрушимое. Но чувство счастья и восторгъ пробудилось въ насъ и, воступили на эту страшную землю, мы познавали мракъ и тьму отъ окружающей. И берега стали русское судно, разсѣченное и вкрадчиво сѣбѣ, и вѣлоба была обломокъ большой шхеры, и на берегу киника съ бревна».

«Судно наконецъ была обыкновенная цѣба, которая вѣлоба не, освѣтъ срубленная привесена на судно. При видѣ судна была пачка, и пачка, поуразбитой в этой местности; мы тотчасъ подумали, что тутъ, вѣрно, случилось какое-нибудь несчастіе. Сѣбявъ на землю, мы пошли на сѣверный берегъ хивину. Она, такъ же какъ и судно, была вѣлоба и сѣбѣмы. Дѣлаются крестомъ, пружбой разбиты, стояли вершины этого печального мира».

вероятно были падены, но онъ почти совсемъ стёрлся; только на крестѣ, ближайшемъ къ движкѣ, можно было разобрать годъ, 1836. Слѣдственно, два года прошло съ тѣмъ-поръ, какъ несчастные плаватели сдѣлались жертвами единственнаго убійственнаго климата. Ясно было, что это русское судно, запертое льдами, принуждено было остаться здесь на зимовку, люди погибли отъ холоду, а на могилкахъ жекъ оставлены кресты.

Матросамъ велико было очистить первую комнату дена, въ которую мы не могли проникнуть. Подъ льдомъ лежало нѣсколько деревянныхъ дощечекъ ударей, грубой работы, в кости разныхъ животныхъ; все это издавало нестерпимый запахъ. Наконецъ мы нашли человѣчскій скелетъ. Онъ, вѣроятно, оказался въ томъ положеніи въ якомъ умеръ: сидеть на снѣгѣ, обратившись лицомъ къ окошечку, въ которое свѣтъ отъ трудомъ проницалъ. Ручныя кости были сжаты; челюсти судорожно стиснуты; все это показывало, какъ долженъ былъ страдать несчастный. Такимъ образомъ двѣнадцать человекъ, одинъ за другимъ погибли, одинъ другаго похоронили; одиннадцатый, послѣдній, остался безъ погребенія.

«Можно вообразить себѣ какое впечатлѣніе подобное зрѣлище должно было произвести на людей, которыхъ, можетъ быть, ожидала та же участь. Самые неустрашимые изъ насъ поблѣднѣли и отворотились. У насъ не доставало духу смѣть очистить вторую комнату; мы боялись увидѣть тамъ еще болѣе печальное зрѣлище. Для исполненія должнаго на насъ порученія, намъ нужна была вся наша нравственная сила. Надобно было избѣгать всего, что могло бы ослабить нашу энергію. Однако жъ мы вели искрыть дребни, которые при оттаиваніи остались наружъ. Трущы были почти совсемъ не повреждены; зубы еще не вывалились и нѣкоторые черепки оставались волосы. Кости были собраны и мы положили ихъ въ сиртъ, чтобы отвезти въ Нарвикъ.

«Такъ и Русскіе, люди, которые такъ легко переносятъ холодъ и страданія, не могли избѣгнуть смерти въ этой убійственной землѣ? Него же надобно было ожидать дена, когда надъ угрожать обратный путь? Слѣдующихъ приключе-

было у насъ на полтора фуда; но холода ужасный холод! Какъ защититься отъ него?

Но мало-по-малу это первое впечатлѣніе отъ страха разсѣлось. Спокойствіе членовъ коммиссіи внушило и намъ всѣмъ необходимую довѣрчивость, и я съ любовнымъ вниманіемъ наблюдалъ за приготовлениями къ нашему пребыванію на Шницбергенѣ. Многие изъ нашихъ ученыхъ заняли избу Русскихъ; всѣ другіе расположились вокругъ нея, въ палаткахъ. Морской офицеръ господинъ Вгачаіа избрался на одну изъ самыхъ высокихъ шницбергенскихъ горъ, и мы назвали ее по его имени. Онъ устроилъ на вершинѣ этой горы обсерваторію и намѣревался пребыть тамъ нѣсколко дней. Примѣръ его ободрилъ и насъ; мы отправились къ нему въ гости. Матросы вырубали ступеньки къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ гора казалась непреступною, и мы, безъ большаго труда, вообразились къ нашему естественному жителю. Съ этого возвышеннаго мѣста видно безчисленное множество блестящихъ пиковъ—страшное скопленіе льдовъ и снѣговъ, изъ которыхъ состоитъ Шницбергенъ. Я недолго оставался на горѣ; отъ холоду трудно было дышать, и я боялся, чтобы у меня голова не закружилась! Мы спустились на равнину и отправились на охоту. Мы убили нѣсколько гагачьихъ гусей, которыхъ здѣсь чрезвычайно много; какихъ-то черныхъ водяныхъ птицъ, черныхъ и бѣлыхъ голубей, и прочая. Мыъ посчастливилось больше всѣхъ: на самой вершинѣ горы я застрѣлилъ альпійскую курошатку и прекраснаго гуся: крылья у него были золотисто-зеленыя, спина черная, шея и брюхо бѣлыя.

«Погода, за исключеніемъ только нѣсколькихъ тумановъ; стояла довольно хорошая. Снѣгъ начиналъ таять; образовались ручьи и скоро превратились въ потоки. Снѣга сдѣлались уже не удобоустойчивы, а употребленнымъ трудомъ мы уходили по нимъ въ равнину снѣга. Великолѣпный ледникъ, который находился близко отъ насъ, совершенно загораниваетъ широкую бухту; море прокодить подъ нимъ. Въ отдаленіи отъ насъ видна масса огромные куски, выдающіяся въ море и вода обтекающая ихъ кругомъ на лѣтѣ. Просторъ вѣра шире въ сравненіи

съ шумомъ, производившимъ садствѣнныя звуки: гулъ его, повторенный во многихъ мѣстахъ охоты, продолжается въсвободно вступать.

«Мы всякой день высылали въ моротшлюдку, чтобы наблюдать за движеніемъ льдовъ. Боялись, чтобы они вдругъ не скопились въ бухтѣ и не загородили намъ обратнаго пути. Это поручено было лоцману, котораго мы взяли въ Гаммервествъ. Прислѣвъ несчастныхъ Русскихъ вставалъ на насъ быть осторожными; мы слишкомъ хорошо знали, какаю участь ожидаетъ насъ.

«Однажды мы ужасно перепугались: нѣсколько часовъ уже дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, льду появилось очень много и мы были совершенно окружены имъ; но это были отдѣльныя льдины. Однако жъ, лоцманъ, возвратившись изъ своей ежедневной поѣздки, объявлялъ намъ, что входъ въ бухту совершенно загороденъ льдинами. На насъ напалъ ванический страхъ. Мы тотчасъ стали готовиться къ отъѣзду и послали шлюпки за нашими учеными и ихъ инструментами. Эта перевозка продолжалась всю ночь, потому что многіе изъ членовъ комиссіи были довольно далеко отъ берега, а господинъ Браве на своей обсерваторіи. Онъ всѣхъ больше жалѣлъ о томъ, что принужденъ былъ покинуть свои занятія. Если бы мы дали ему сѣстныхъ припасовъ на годъ, онъ, вѣрно, остался бы на Шницбергенѣ, чтобы продолжать свои магнитическія наблюденія.

«Мы всю ночь не спали. Впрочемъ, такъ какъ въ это время на Шницбергенѣ, можно въ полночь замечъ туть на солнцѣ, то ночь трудно отличить отъ дня.

«Перваго августа, въ четыре часа утра, мы вытянули якорь. Капитанъ снова отправилъ лоцмана на развѣдки; онъ воротился въ пять часовъ: льду совсѣмъ не было; бухта наканунѣ совершенно очистилась. То была фальшивая тревога.

«Не стану говорить о всѣхъ нашихъ физическихъ опытахъ, ни объ нашей охотѣ, которая впрочемъ была довольно интересна. Между прочимъ мы убили лося. Видно, онъ забрался на Шницбергенъ, для какихъ-нибудь наблюденій надъ земнымъ магнетизмомъ: явче неизвестно,

зачѣмъ ему бѣль и чѣмъ корантиса на этомъ островѣ, который весь состоитъ изъ льду и камней.

«Стужа становилась всё сильнѣе. Матросы посланы были на берегъ для отирки бѣлья, и оно морзало у нихъ въ рукахъ. Нашъ норвежскій лодчанъ, который не-разъ бывалъ на Шпицбергенѣ, увѣрялъ насъ, что если зиме, на открытой водухѣ, взять въ руки кусокъ желѣза, то когда съ руки тутъ и останется то же самое дѣйствіе, какъ если бы прикоснуться къ желѣзу раскаленному. Небольшія русскія суда, которыя бывають здѣсь для промысловъ, приходятъ вначалѣ іюля и уходятъ вначалѣ августа. Надобно быть одарену необычайнымъ мужествомъ, чтобы нускаться въ такіа экспедиціи съ маленькими судами. Къ несчастію, многіе изъ этихъ отважныхъ промышленниковъ, погибають: доказательства были у насъ передъ глазами.

«Медвѣдей ны не видали; весьма вѣроятно, что льдомъ климатъ южнаго берега кажется этимъ господамъ слишкомъ жаркимъ и они удалились въ сѣверную часть острова. Дважды, утревъ, холодъ былъ такой, какого ны еще не испытывали; но мы совѣстились воротиться во Францію, не поохотившись на медвѣдей: нечего было бы и рассказывать. Несмотря на совѣты и увѣщанія товарищей, мы собрались въ-пятеромъ и пустились въ путь. Мы никакъ удовольствіе перейти нѣсколько рѣчекъ, не замочивъ ногъ. Море замерзло, а рѣки, можетъ-быть, совсѣмъ высохли. Идя шагахъ въ шестьдесятъ другъ отъ друга; мы смотрѣли во всё глаза, слушали во всё уши, но все напрасно: не встрѣтили ни одного медвѣжонка; зато видѣли двухъ прекрасныхъ лисицъ, одну бѣлую, другую черно-бурую, но объ нихъ не подпустили насъ къ себѣ и на дѣйстви шаговъ. Проходя нѣсколько часовъ пятнадцать, взмучившись ужасно, мы воротились къ своей лагерю и не принесли ничего, кромя нѣсколькихъ птицъ.

«На другой день начался снѣгъ и шелъ всё сильнѣе и сильнѣе. Холодъ былъ ужасный. Надобно было думать объ отъѣздѣ. Всѣ собрались на корабль; самою величайшимъ величественнымъ нустынямъ нѣсколькими выстрѣлами, а въ одиннадцать часовъ утра пустились къ вул-

Ладъ и не думала заграбъ насъ. Вечеромъ, насилье въ шестъ, мы выжили изъ боты Bell-Squad, и радостно распрощались съ Шиншбергономъ.

.. ВТОМЪ, КАКЪ ШИНШБЕРГОНЪ МАНДАНЪ ДУЖЕ СВОЕГО ЧОРКЪ ДРОДАТЬ, ЧТОНЫ УГОДНТЬ БЕЗПРИСТРАСТНОЙ КРИТИКЪ. «Странно, несносно, ни на что не похоже, хоть угодиться, хоть отравиться китайской киноварью, которая остается еще въ этомъ пузырьѣ», говорилъ самъ себѣ живописецъ Манданъ, въ бѣшенствѣ, въ отчаяніи, вперивъ наступленные глаза свои на картину, стоявшую передъ нимъ, на мольбертѣ. «Меня не допускаютъ на выставку! Да, не допускаютъ! Не принали моей картины, отказали мнѣ самымъ обиднымъ образомъ», говорилъ онъ съ яростию, запуская сжатые кулаки въ широкіе карманы своего пальто, и стуча ногами такъ, что всѣ модели и скелеты въ его мастерской, нехотя плясали. «А между-тѣмъ я во время работы совѣтовался съ знатоками, принималъ всѣ замѣчанія, передѣлывалъ свою картину, и не-разъ, тутъ, и тутъ, вездѣ, безъ-устали и безъ милосердія поправлялъ рисунокъ, перемѣнялъ колоритъ, соображался съ мнѣніемъ безпристрастной критики.... И что жъ? послѣ всѣхъ этихъ трудовъ, стараній, добросовѣстныхъ усилій, картину мою не принимаютъ на выставку, выкинули изъ залъ, говорятъ—дрянь! Завтра объ этомъ заговорятъ во всемъ городѣ, кредиторы мои нападутъ на меня съ остервенѣніемъ, хояинъ дому выгонитъ меня изъ квартиры, завтра.... но завтра меня не будетъ на свѣтѣ.

.. МАНДАНЪ УМОЛКЪ, И СЪ ГОРЕСТЬЮ СМОТРѢЛЪ НА СВОЮ КАРТИНУ, КАРТИНУ ОГРОМНУЮ, ВЪ СОРОКЪ ФУТОВЪ, И ВЪ ЗОЛОТОЙ, ВЕЛИКОДѢЙНОЙ РАМѢ, КАРТИНУ ЦЕОБРАЖАЮЩУЮ САМЫЙ ПОЭТИЧЕСКІЙ СЮЖЕТЪ ВО ВСЕЙ МИЕОЛОГИИ: «Время, обнажающее Истину!».—Да, сказалъ онъ: время откроетъ истину, достоинство моего великаго творенія будетъ признано справедливымъ потомствомъ; но.... тогда я буду тамъ, гдѣ живутъ великіе художники, которыхъ при жизни гнали не-вѣжество и зависть.

Тутъ Манданъ прочелъ наизусть длинный списокъ мучениковъ искусства и на утѣшился.

... — Възъ координатъ, обозначающихъ не напередъ сдѣланное доѣе. Онъ отыскалъ гдѣ-то въ углу такую парилку, какія обыкновенно бывають у извѣстныхъ м. въ которыхъ есть все, что вамъ угодно, кромѣ чернилъ. Однако же никому ему удалось написать слѣдующее на листѣ бумаги, на которомъ онъ началъ было рисовать карикатуру: «Я умираю невиннымъ, и завѣщаю мою картину «Время, обважающее Истину» ратушѣ моего роднаго города».

Онъ взялъ шляпу, чтобы идти со двора и утопиться на супротивъ Лувра, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тѣхъ залъ, въ которыя не попала его картина. Въ другомъ мѣстѣ онъ не утопился бы ни за что на свѣтѣ.

— Взглянемъ еще разъ на мое твореніе, сказалъ онъ самъ себѣ; безпристрастной критикѣ нечего сказать противъ моей картины: я сдѣлалъ все чего она требовала. Отчего же моя картина не нравится публикѣ? Оттого, что публика пристрастна, оттого, что публика не знаетъ толку въ критикѣ!

Онъ стоялъ передъ своимъ твореніемъ и со слезами на глазахъ на нея поглядывалъ. Заходящее солнце, бросая послѣдніе лучи свои въ мастерскую несчастнаго Мандана, озаряло двѣ единственныя фигуры его картины, и придавало имъ необычайную эффектность. Свѣтъ, по своему обыкновенію, придавалъ живописи достоинства, какихъ она въ сущности не имѣла. Покрывало, приподнятое Временемъ, и висящее на воздухѣ, казалось совершенно воздушнымъ; Истина была обворожительна по рисунку и колориту. Манданъ имѣлъ несчастье вѣрить полезности критики и ему все казалось превосходнымъ, величественнымъ, или восхитительнымъ: и голова Времени, и сѣдая борода его, и жилистыя его ноги, теряющіяся въ облакахъ, и фигура Истины, ея лицо, руки, ноги, и прочая, и прочая. Все это рафаэлевское, говорилъ онъ, чисто рафаэлевское, во тогу времени Рафаэля, когда онъ уже обогатился успѣхами теорій, идеями о классически-прекрасномъ и многими другими вещами, о которыхъ толкуеть намъ критика.

Манданъ задыхался отъ бѣшенства.

— Я бы радъ чорту душу продать, если бы только чортъ

существовать; сказать еще, отворил дверь своей мастерской, не чортъ, къ несчастію; не существуетъ..... въ критику я вѣрю, но въ чорта....

Мандашъ чуть-было не проназешъ нулу противъ чорта, не преступивъ на порогу; совсѣнулся лицомъ къ лицу съ какимъ-то франтомъ.

— Вы ошибаетесь, я существую, потому что движусь, сказалъ этотъ господинъ въ короткомъ сюртукѣ, съ подоломъ бородкой и въ желтыхъ перчаткахъ.

— Такъ вы?.....

— Такъ точно.

— Да кто жь?

— Тотъ, въ кого вы не вѣрите.

— Это невозможно!

— Не спорю.... Но мало ли чего есть невозможнаго на свѣтѣ! Возможно ли, напримеръ, не вѣрить въ чорта и простирать суевѣріе дитяго, чтобы вѣрить въ критику? Возможно ли бросаться въ рѣку не за какой-нибудь драгми.... творенія..... картинъ?

— Такъ она и вамъ не нравится?

— Этого я не говорю; я ничего не говорю. Вы жалели, чтобы я явился, и я къ вашимъ услугамъ. Я могу убѣдить васъ въ своемъ существованіи только тѣмъ, что докажу вамъ мое могущество. Требуйте чего хотите.

— Пусть параличъ разобьетъ всю парижскую публику, и тогда я вамъ повѣрю.

— Какая жь вамъ будетъ изъ этого польза?

— Никакой; но по-крайней-мѣрѣ я отпущу за свою картину.

— Лучше потребуйте чего-нибудь невозможнаго, но полезнаго, и тогда вы увидите мое могущество.

— Ну, такъ пусть моя картина совершенно измѣнится, такъ чтобы сюжетъ былъ совсѣмъ другой и публика, которая теперь оуждаетъ ее, пришла бы отъ нея въ восторгъ.

— Это пустяки, ребячество; ваша душа дороже стѣбитъ.

— Такъ вы хотите, чтобы я продалъ вамъ свою душу?

— Отчего же не рискнуть; когда я, по вашему мнѣнію, не существую?.... только повторитесь; не задерживайте

мане, потому что до десяти часовъ еще надобно кончить переговоры съ разными посланниками, а до двѣнадцати съ одной молоденькой дѣвушкой. Я угадно знаю.

— Манданъ, побѣднѣть.
— На если, благодаря вамъ, картинку мою принудятъ на выставку, дадутъ ли ей порядочное мѣсто?

— Самое лучшее.
— Вы меня соблазнили.

— Я на томъ стою. Не только вамъ дадутъ самое лучшее мѣсто въ большой залъ, но васъ будутъ расхвалять во всѣхъ журналахъ, у васъ будетъ множество заказовъ, вамъ дадутъ орденъ почетнаго легіона, вы будете въ силѣ, въ чести и богатствѣ, однимъ словомъ, что бы вы ни захотѣли, все исполнится.

— Сказалъ Манданъ, начиная притворяться къ шуту, котораго желанію произвелъ, сначала на него не совсемъ благоприятное впечатлѣніе: но договоръ нашъ заключенъ на всю жизнь и мы не имѣемъ права укоротить ея?

— Согласенъ.... но, въ минуту вашей смерти, я приду за вашей душою.

— Да на что она вамъ?
— Назначте: это мой секретъ.

— Ба! скажетъ Манданъ послѣ минутнаго размышленія: за одно имя за другое неастъ въ адъ, все равно.... Я согласенъ.

— Поклянитесь, что вы мой.

— Клянусь.

— Ну, такъ поднимите глаза и смотрите.

Манданъ взглянулъ. Онъ очутился въ Луврѣ, на выставкѣ. Тысячи людейки смотрѣли въблизи, издали, на превосходный портретъ одной извѣстной кокетки; имя портрета было написано: Манданъ. И, вотъ что говорилось поврху: картинка.

— Чудо, какъ походитъ! Какой огонь! Какая оригинальность! Посмотрите, какъ все это выпукло, нѣжно, мило! Ничѣмъ не хуже портретовъ Тициана и Ванъ-Дейка!

— А, помните, скажетъ кто-то въ то-же безобразнѣ художниковъ: Тицианъ и Ванъ-Дейкъ, недостойны обрѣчь участь нашего великаго Мандана.

Справедливость требует сказать, что Манданъ импрессионистъ.

Мнѣніе людей степенныхъ—что бываесть очень рѣдко—совершенно согласовалось съ мнѣніемъ безбородыхъ энтузіастовъ. Конечно, люди разсудительные не ставили Тициана и Ванъ-Дейка ниже Мандана, но они говорили, что со времени этихъ великихъ художниковъ, ничего подобнаго не видано.

— Кажется, однако жъ, скромно замѣтилъ Манданъ, что лобъ не довольно освѣщенъ, темень.

— Видно у васъ глаза темны, отвѣчала одинъ изъ юншей-художниковъ.

— Этого господина не худо бы вывести, сказалъ другой.

— Выбросить въ окно! закричалъ третій. Это гнусный завистникъ!

И Манданъ, за то что позволилъ себѣ скромное замѣчаніе на свой собственный трудъ, чуть-было не вылетѣлъ за окно въ ту самую рѣку, въ которой хотѣлъ утопиться. Онъ былъ въ большой опасности, но между-тѣмъ внѣ себя отъ восхищенія; онъ готовъ бы былъ обнять и расцѣловать своихъ злодѣевъ. Къ счастью, страшный приливъ публики отгѣснилъ его отчаянныхъ почитателей. Приливъ принесъ къ картинѣ Мандана другой, болѣе возвышенный разрядъ зрителей. Тутъ были члены всѣхъ четырехъ академій, придворные, дипломаты и между ними министръ внутреннихъ дѣлъ. Онъ обнялъ Мандана, рекомендовалъ его посланникамъ и обѣщалъ представить къ кресту. Можно вообразить себѣ изумленіе толпы живописцевъ-учениковъ, когда они увидѣли, что человекъ, котораго они хотѣли выбросить за окно, тотъ самый художникъ, за котораго они такъ горячо вступались. Но тутъ они тотчасъ переѣнили свое мнѣніе и заговорили:—Еще осель, котораго осьпаютъ вочестями, а между-тѣмъ забываютъ такихъ художниковъ, какъ Трильбарду, Шантфуль и великій Крауусень! Другіе однако жъ начали осѣпять его рукошлесканими, какъ плохаго актера. Но успѣніе перваго дня его славы этижъ не ограничилося. Вернулся домой, Манданъ нашелъ на своемъ столѣ два письма, одно болѣе съ огромной печатью, другое маленькое, ми-

личное, благовоиное и замечательное прелестное обиткомъ. Онъ схватился сначала за второе. Записка была сльдущаго содержания.

• Monsieur,

Стихи ваша достигла и до моего скромнаго удивленія. Если вы не считаете меня недостойною своей кисти, то потрудитесь пошлать мнѣ завтра въ часъ по полудни.

• Графиня Бургось •.

Я начинаю съ графинь, подумалъ Манданъ: чѣмъ же это кончится? Посмотримъ второе письмо.

То была казенная бумага:

• Господину живописцу Мандану.

Господиизъ министръ внутренннхъ дѣлъ, предложеніемъ своимъ отъ сего числа предписалъ выдать вамъ за ваше произведение двадцать тысячъ франковъ, почему съ полученія сего и имѣете вы явиться въ казначейство, которому вмѣстѣ съ снмъ дано по сему предмету надлежащее предписаніе •.

— Видно, однако жъ, что у меня душа первого разбору, подумалъ Манданъ.

Онъ положилъ казенную бумагу подъ голову, записку графини Бургось на сердце, легъ, и не васнулъ. Не мудро: онъ всё ждалъ, что чертъ придетъ спросить, доволенъ ли онъ. Но чертъ не приходилъ. Какъ порядочный нечистый, онъ уклонился отъ изъявленія благодарности; притомъ онъ является тогда только, когда его требуютъ по самонужнѣйшему дѣлу.

Наконецъ день занялся и никогда еще Манданъ не встрѣчалъ утра съ такимъ радостнымъ чувствомъ. Онъ могъ бы пожелать чего хотѣлъ; напимѣръ похорошиться, чтобы понравиться графинѣ Бургось; но это ему и въ голову не приходило, потому что даже человекъ, который можетъ имѣть что хотеть, не желаетъ быть лучше того какъ онъ есть. Объ этомъ чорта никогда не просить. Выбравшись, причесавшись, одѣвшись по послѣдней модѣ, какъ говаривали встарину, Манданъ пошелъ.... вы думаете, къ графинѣ Бургось?... Совсѣмъ нѣтъ. Надобно вамъ знать, что для артиста, для художника, для автора, есть нѣчто обворожительнѣе, привлекательнѣе красоты, сильнѣе всякихъ

другихъ желаній, даже галлду—это потребность знать, что говорятъ о нихъ журналы, хотя они и увѣряютъ, что никогда ихъ не читаютъ. Кабинеты для чтенія въ Парижѣ только и живутъ тѣмъ, что получаютъ отъ людей, которые кланутся, будто никогда тамъ не бывають, отъ литераторовъ, живописцевъ, актеровъ и всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ дѣло съ публикою. Магометовъ рай—дочужка въ сравненіи съ наслажденіемъ литератора, артиста или художника читающаго журналъ, въ которомъ его хвалятъ. Манданъ упивался этимъ наслажденіемъ, затрахая въ кофейной. Въ одномъ журналѣ говорили: «На выставкѣ и нынче такъ же мало хорошаго, какъ и въ прежніе годы; но будь превосходнаго, дивнаго произведенія нашего знаменитаго Мандана, такъ хотъ бы вѣды закралъ». Въ другомъ отзывались о немъ слѣдующимъ образомъ: «Превосходное твореніе Мандана возбуждаетъ всеобщій восторгъ. Это одно изъ тѣхъ дивныхъ произведеній, какия только на рѣдкя являютя въ художествѣ. Оно докажетъ націямъ, которая завидуютъ намъ, что Франція занимаетъ первое мѣсто и въ искусствахъ, какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Парижскіе журналисты имѣютъ обыкновеніе расхваливать себя такимъ образомъ, подъ предлогомъ помстить самолюбію своихъ соотечественниковъ».

Манданъ, совершенно упоенный своей славой, сбирался уже къ графинѣ Бургосъ, какъ ему попалась подъ руку, одна изъ тѣхъ маленькихъ, ничтожныхъ газетъ, въ которыхъ люди, которымъ ѣсть нечего, пишутъ за ничтожную плату и стараются унизить все, что выше ихъ сферы. Нѣсколько строкъ этого безвѣстнаго изданія, поразили его какъ кинжаломъ. «Да, говорила эта газета, да, Манданъ превосходный, удивительный портретистъ, но мы подождемъ когда онъ напишетъ историческую картину и тогда увидимъ, дѣйствительно ли талантъ его такъ великъ, какъ многіе утверждаютъ». Это легкое замѣчаніе безвѣстной газеты сдѣлало ему больше зла, чѣмъ сколько удовольствія принесли похвалы всѣхъ другихъ журналовъ.

— А, я не историческій живописецъ! Да кто жъ ищетъ

не исторический законщик? И буду историческим законщиком, какъ скоро вы вступите...

— И они развѣ глосачу повторилъ эти слова, пока не дошла до дому графиня Бургосъ. Тамъ его встрѣтилъ лакейный мальчикъ.

— Графиня не принимаетъ, сказала одна изъ нянь.

— Но я живоисещу Манданъ.

— А, такъ желаюте.

Манданъ пришелъ не наглымъ, какъ баряте, ковракъ доесть огрепныхъ комматъ, въ которыхъ царствовало му боже безомлие; наконецъ развѣра комматъ начали уменьшаться и перехода изъ одного вокра въ другой, всё нещичъ прекраснѣе, эти наконецъ дошла до будоара графини. Человѣкъ увидѣлъ. Графиня Бургосъ была въ кисейномъ платьѣ, тонкомъ легкомъ и возвращень, что, когда она принадлежала нещичю, чтобы поклониться художнику, шалкомъ чулия ея просвѣтивши еякъ эту шалкомъ. Французская шалкомъ съ золотой кистью и китайскія туал дощали нещичю, но восхищеннѣй кистью прелестней графини. Сама собою ралушется, что теплѣй воздухъ будоара былъ наполненъ благоуханнѣй шалкомъ, организернѣйшкъ цвѣтовъ и вахучикъ мышечковъ, разбросанныхъ не щичю изъ лимоннаго дерева.

— Хорошо ли я сижу? спросила она, не давъ художнику времени, которое люди незнакомые, встрѣтятся въ первый разъ, теряютъ въ томъ, что смотреть другъ другу въ глаза. Она положила одну ногу на другую, сдвинула шапочку на бокъ и прищиплила бенгальскую розу между рошенькимъ ушкомъ и прелестными своими волосами.

— Успѣете налюбоваться на меня когда станете рисовать, сказала она, потому что Манданъ, въ восхищеннѣй, очень медленно ставилъ свою раму на мольбертъ.

— Я полагаю, что графиня совсѣмъ не такія! подумалъ Манданъ. Боже мой! какъ она хороша! — Ваши волосы слишкомъ приглажены, сказалъ онъ.

— Пожалуй, я разстрою свою прическу, отвѣчала она, шаловливо приподымая свои волосы пальцами.

О, тогда она была настоящая Лейла! То былъ Востокъ! То была Иссидя! То была сина графиня Бургосъ!

папа, вздумалъ построить себѣ дворецъ по своему вкусу. Онъ выписалъ мраморъ изъ Греціи, гранитъ изъ Египта и употребилъ ихъ съ рѣдкимъ вкусомъ. Когда у живописца есть дворецъ, то какъ же ему не построить себѣ мастерской, достойной этого дворца? И Манданъ построилъ себѣ мастерскую такую обширную, такую огромную, что тамъ удобно можно было прогуливаться верхомъ.

Странное дѣло, однако жъ это совершенно справедливо, что живописцы, которымъ такъ нужны тишина и безмолвіе, прославившись пристращаются къ шумнымъ забавамъ, къ воинственнымъ прихотямъ; они снова дѣлаются дѣтьми: любятъ барабаны, охотничьи рога, трубы, ружья, луки, ятаганы. Если бъ не совѣстно было, то они заставляли бы своихъ людей называть себя генераломъ. Одинъ изъ нихъ выдастъ себя въ чужихъ краяхъ, если не за генерала, такъ по-крайней-мѣрѣ за майора. Утромъ онъ, въ ботфортахъ, ѣздитъ на гнѣдомъ жеребцѣ; вечеромъ на вороной кобылѣ и часто пишетъ, сидя въ кабриолетѣ, а грумъ, стоя сзади, держитъ ему палитру. Объ этомъ много говорили въ свѣтѣ. Но этого еще мало. Посѣтителей возвѣщаютъ у него барабаннымъ боемъ или батальнымъ огнемъ; а иногда, вдругъ посерединѣ разговора, вы слышите пушечный выстрѣлъ; это знакъ, что пріѣхалъ какой-нибудь важный человекъ. Завистливые журналисты немилосердно насмѣхались надъ этими дурачествами.

Манданъ, перейдя отъ извѣстности къ репутаціи, отъ репутаціи къ славѣ, пересталъ читать журналы, хотя получалъ ихъ всѣ, тогда какъ прежде читалъ всѣ журналы, не получая ни одного. Что могли они сказать ему? Онъ былъ славіе всѣхъ другихъ живописцевъ вмѣстѣ; за картины его платили что онъ хотѣлъ. Было ли ему время читать журналы, когда Пруссія призывала его къ себѣ, Россія заказывала ему двадцать картинъ за-разъ, Англія присылала ему сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ, чтобы только онъ вспомнилъ о ней въ свободное время?

Какую же роль играла во всѣхъ этихъ торжествахъ графиня Бургосъ? Она переходила всякой день въ разныхъ видахъ къ потомству, то есть, мужъ писалъ съ нея, то граціи, то вакханокъ; сегодня, дѣлая Венеру, онъ

дѣлала съ прекрасныхъ вѣчныхъ женщ. смѣсь, которую прелестное ея личико дѣлало въ группѣ, украшающей фонтанъ. Зато она никогда не получала записочки въ родѣ слѣдующихъ: «Графиня, я видѣлъ въ Брестѣ восхитительное ваше туловище и нарочно прѣѣхалъ въ Парижъ, посмотреть такъ ли хороша оригиналъ какъ копія», Или: «Графиня, я видѣлъ васъ сегодня въ прелестной статуѣ Венеры; позвольте мнѣ взглянуть въ обыкновенномъ костюмѣ на ту, которой изображеніе я востыцился купить при людяхъ». Манданъ безъ всякой осторожности выставлялъ ее передъ публику, то аллегорією, то эмблемою, такъ, что однажды другой живописецъ похитилъ ее у него какъ существо. Мандану осталось одно утѣшеніе: ходить по площадямъ и любоваться статуями, которыя онъ дѣлалъ съ нею. Онъ сгаралъ жаждою мщенія, но горсть его была не продолжительна. Притомъ сколько женщинъ старались его утѣшить!

Манданъ имѣлъ связь со многими и притомъ съ самыми дамами. Между прочимъ двѣ дамы знаменитыя и цѣлущественныя, мобили его въ одно и то же время. Эта двойная интрига не обходилась безъ бурь. Знатныя соперницы думали не о томъ, какъ бы убить другъ друга, а какъ бы обезславить одна другую, и обѣ уцѣли какъ-нибудь больше. Чорту и тутъ было пошито, какъ и слѣдуетъ. Манданъ готовъ бы былъ отдать ему самую дорогую душу, если бы таковая имѣлась, чтобы только избавиться отъ этихъ дамъ, которыя мучили его своей ревностью. Онъ докторе изтерзали несчастнаго, что онъ не тѣлѣ-было повѣнчался, но потому разсудила, что пора до лучше сдѣлаться посланинкою въ нуда-нибула рѣзанъ. Да и почему же Мандану не быть посланцемъ Чѣмъ не хуже Рубенса? Кроме этого, ему уже ничего было и писать. Онъ былъ членомъ академіи, предсѣдатель живописцевъ, кавалеромъ дворянъ ервановъ: оставался только сдѣлаться государственнымъ чиновникомъ.

Въ свѣтѣ толковали: смѣшно, что графъ Манданъ хотѣлъ сдѣлаться дипломатомъ, когда онъ всю жизнь былъ художникомъ, жидъ вѣчно въ своей мастерской и читалъ

серьезно не занимался кромѣ того, что обучалъ лошадей и дѣлалъ портреты и бюсты придворныхъ дамъ!

— Я говорю вамъ, что рано или поздно буду посланикомъ; отбѣчалъ онъ всѣмъ; для дѣлу отечества пладатель моего генія, не стану больше работать для него.

Такъ какъ посланикомъ сдѣлать его было рѣшительно не возможно, то онъ уѣзжалъ въ Германію и отстоялъ за себя тѣмъ, что изображалъ на полотнѣ побѣды, коварьямъ другія націи одержали надъ Французами.

Подобно многимъ другимъ гениальнымъ людямъ, ослѣпаннымъ всѣми благами фортуны, онъ началъ воображать, что все гонять и преслѣдуютъ и потому сталъ гнать своихъ собратій. Кто писалъ не по его системѣ, тотъ могъ быть уверенъ, что никогда ничего не получитъ. А между тѣмъ онъ всегда говорилъ, что любитъ окружать себя молодыми людьми и утѣждать ихъ трудный путь искусства и фортуны; утверждалъ, что единственными его наслажденіями ходитъ на цѣвѣтахъ и слушать какъ играютъ на флейтѣ.

Въ Германіи онъ случайно повстрѣчался съ женой своей, графиней Бургосъ, и ея любовникомъ. Если кто-нибудь обязанъ былъ извинить проступокъ, такъ конечно онъ, потому что вся жизнь его была долгой супружеской невѣрностью. Но снисходительности онъ не зналъ. Любовникъ жены его былъ тоже живописецъ и пользовался нѣкоторою репутаціею, хотя, конечно, уступалъ ему. Манданъ предался всей своей злобѣ. Пользуясь своимъ вліяніемъ, онъ сдѣлалъ такъ, что несчастнаго его соперника взяли подъ стражу, отдали подъ судъ, приговорили къ каторжной работѣ въ рудникахъ и, по утонченной жестокости, впрочемъ довольно остроумной, выхлопоталъ, чтобы его употребили на добываніе минеральной голубой краски. Онъ съ наслажденіемъ писалъ этой краской и всегда подписывалъ подъ своими картинами: «Работы Мандана; писано краскою, добытою изъ рудниковъ любовникомъ жены его».

Мы добрались теперь до самой блестящей, но и самой рѣшительной эпохи жизни Мандана. Онъ былъ любимцемъ одного принца и живя съ нимъ совершенно на дружеской ногѣ, забылся однажды до того, что нагрубилъ своему могущественному покровителю и тотъ запретилъ ему яв-

латься ко двору. Манданъ лишился чувствъ. Съ нимъ сдѣлался ударъ, онъ умеръ и чертъ двинулся за душой его.

Проснувшись, Манданъ не зналъ, точно ли все это съ нимъ было или онъ только видѣлъ это во снѣ. Но онъ очутился опять въ Парижѣ, въ прежней своей бѣдной комнаткѣ, передъ своей огромной картиной: «Время, обнажающее Истину». Одно только доказывало, что это не сонъ: ему было уже пятьдесятъ лѣтъ, на вискахъ у него появились сѣдые волосы и знаменитая картина его вся пожелтѣла.

— Такъ развѣ я не былъ первымъ живописцемъ своего времени? спросилъ онъ одного изъ своихъ товарищей и тотъ покачалъ головою съ печалью человѣка, у котораго сумасшедшій разспрашиваетъ о прошедшемъ. Какъ! развѣ я не былъ любовникомъ и потомъ мужемъ графини Бургосъ, любимцемъ принца, кавалеромъ десяти орденовъ и счастливымъ обожателемъ прекраснѣйшихъ женщинъ моего времени?

— Быть-можетъ, любезный другъ, отвѣчалъ художникъ: но тебѣ надобно работать и работать.

Манданъ вздохнулъ и сѣлъ къ своему мольберту. Но вмѣсто пылкости, увлеченія, которыми прежде не имѣлъ даже нужды управлять, онъ чувствовалъ въ себѣ благоразуміе и сомнѣнія; онъ не смѣлъ рисовать. Сдѣлавъ абрисъ, онъ тотчасъ спрашивалъ себя, хорошо ли это, такъ ли должно быть. Какъ всѣ робкіе люди, онъ не хотѣлъ вооружить противъ себя никакой системы и придерживался всѣхъ. И какъ онъ слушался совѣтовъ! Какъ повиновался критикѣ! «Рисовка, говорилъ онъ, рисовка, главное дѣло рисунокъ: посмотрите какъ рисовали древніе!»

Такое поведеніе, совершенно противоположное его прежнему образу дѣйствія, имѣло самые плачевные результаты. Онъ два года писалъ портретъ, который вышелъ не похожъ, пять лѣтъ поправлялъ свою картину «Время открывающее Истину» представлялъ ее на шесть выставокъ, и вездѣ получалъ отказы. Просилъ всѣхъ журналистовъ чтобы его похвалили и никто не сказалъ о немъ ни слова. Наконецъ шестидесяти лѣтъ отъ-роду онъ не составилъ

еще себя имени, не имѣлъ ни заказовъ, ни одной законченной картины, и рѣшился уѣхать въ Америку.

Тамъ онъ ходилъ по разнымъ странамъ и кормился тѣмъ, что останавливался на городскихъ площадяхъ или въ какой-нибудь индѣйской деревнѣ, и показывалъ свою картину. Ему давали горсть сорочинскаго пшена и онъ шелъ далѣе. Измученный усталостію, голодомъ, онъ однажды упалъ подлѣ своей картины и готовъ былъ умереть. Къ-счастію его, въ это время проѣзжалъ мимо одинъ европейскій путешественникъ. Этотъ Европеецъ былъ человѣкъ съ большимъ умомъ, потому что путешествовалъ по Америкѣ для того, чтобы не читать глупыхъ книгъ, написанныхъ объ этой части свѣта. Онъ поспѣшилъ на помощь къ Мандану, поднялъ бѣднаго старика, привелъ въ чувства, и вдругъ вскричалъ:

— Боже мой, неужели вы знаменитый Манданъ?

— Такъ я былъ знаменитымъ живописцемъ? вскричалъ Манданъ; такъ это былъ не сонъ, не мечта? У меня была мастерская величиною съ дворецъ, былъ дворецъ весь мраморный, были почести, поклонники и любовницы? Такъ я точно продалъ душу свою чорту? Такъ я не сумасшедшій?

Подкрѣпивъ силы Мандана добрымъ обѣдомъ, путешественникъ сказалъ: — Могу васъ увѣрить, что вы не продавали души чорту; но не могу утвердительно сказать, чтобы разсудокъ вашъ немножко не тронулся.

— Такъ моя слава, мое счастье....

— Счастье-то и помутило вашъ разсудокъ.

— Но какъ же я, пользовавшись прежде такой славой, такимъ богатствомъ, всеобщей любовью и уваженіемъ, теперь всѣми забытъ, живу въ нищетѣ, умираю съ-голоду.

— Вотъ какъ это случилось. Пока вы повиновались внушеніямъ своего генія, пока вы, работая, слушались только самого себя, не обращая вниманія на критику, вы востыпались, вы шли впередъ, васъ хвалили, прославляли; но съ того несчастнаго дня, какъ вы начали требовать совѣтовъ отъ всѣхъ и каждаго, когда вы начали строить системы, толковать о непреложныхъ началахъ искусства, заниматься критикою, преклонять колѣна передъ посред-

ственности, которыя судятъ о томъ чего не понимаютъ, преувеличивать уваженіе, которымъ мы обязаны прошедшему, вы свѣдѣлись работою, вы пали и другіе перешагнули черезъ васъ. Вся тайна въ искусствахъ, — жаль, что вы это не всегда понимали — состоитъ въ томъ, что художникъ долженъ полагаться на свой талантъ, если у него есть талантъ, слѣдовать своему вдохновенію и тулиться системъ.

— Но развѣ критика не существуетъ?... критика безпристрастная?

— Конечно, существуетъ, какъ чума; но ея и надобно беречься — какъ чумы.

— А чортъ?

— Чортъ, любезный Манданъ; чортъ — наше воображеніе.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. Признаемся откровенно: это заглавіе ставимъ мы только дѣятого, чтобы не измѣнить обычая, а то, право, рассказывать нечего. До театра ли тутъ, когда природа, кокетливо убранный, манитъ васъ своею свѣжей красотою, за горолъ, подышать свѣжимъ воздухомъ полей, отдохнуть отъ земныхъ удовольствій, набраться силъ и здоровья на новыя забавы, которыя иногда тягостнѣе трудовъ. Только для насъ, журнальныхъ тружениковъ, лѣто не существуетъ и круглый годъ — рабочая пора. Но не въ насъ лѣто. Театръ существуетъ не для журналистовъ, а для публики. Для кого жь давать новыя пьесы, когда публика слышать о театрѣ не хочетъ?

Два или даже и три новыхъ произведенія французской драматургии не стоятъ цѣлой статьи. Мы поговоримъ объ нихъ въ будущемъ мѣсяцѣ, вмѣстѣ съ другими.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. Не знаетъ, нужно ли и говорить, но, на всякой случай, изъ предосторожности, можно сказать, что мѣсто господина Сюа «*Revue des Paris*» заняли въ *Journal des Débats* господинъ Бальзакъ и «*Modeste Mignon*». Это также будутъ новыя новости. До сихъ поръ вслѣдствіемъ романовъ господина

Бальзака не представляетъ большой занимательности. Господинъ Сю между-тѣмъ началъ печатать свой новый романъ, «Le juif errant», въ le Constitutionnel: съ самаго уже начала замѣчаютъ страшное гуманитарное направленіе; авторъ рѣшительно надѣется преобразовать людей посредствомъ сказокъ. Романъ мысленно раздѣленъ на десять томовъ, потому что всего только два написаны, и обязанъ контрактомъ продолжаться не менѣе двухъ годовъ. Увѣряютъ, будто въ той же газетѣ появятся «Исторія Франціи подѣ управленіемъ Наполеона», господина Тіера, тоже въ десяти томахъ, и «Записки Шатобріана», въ двѣнадцати. Такъ вотъ, за романомъ, въ фельетонѣ нисходитъ и исторія! Успѣхъ господина Сю соблазнилъ не одного господина Бальзака: господинъ Александръ Дюма на-голову сочиняетъ свой тайны, которыя таинственностью должны превзойти все донынѣ известное, и ждетъ только окончанія «Модесты Миньонъ», чтобы завладѣть фельетономъ Journal des Débats. Мадамъ Дюдеванъ (Жоржъ Сандъ) также пишетъ романъ въ фельетонѣ. Заглавье тому роману «Jeanne»: начало его довольно интересно, но съ 25 апрѣля продолженіе приостановилось по неизвѣстной причинѣ.

— Виконтъ д'Арленкуръ, послѣ путешествія въ Россію и своей знаменитой «L'Étoile polaire», сдѣлалъ нападеніе на Великобританію: новая его книга, «Les Royaumes-Unis», не обратила бы на себя ни какого вниманія, если бѣ авторъ не придумалъ очень замысловатаго средства заставить говорить объ ней всѣ газеты. Онъ выпросилъ у О'Коннеля автографъ: уговорилъ написать что-нибудь въ его альбомѣ, на память. О'Коннель, въ-торопяхъ, написалъ нѣсколько стиховъ. Эти стихи остроумный виконтъ тотчасъ напечаталъ въ своей книгѣ, какъ образчикъ поэтическаго генія Великаго Смутотворца. О'Коннель—поэтъ! Какой сюжетъ для газетныхъ статей! Начались разборъ его *писсы*. Тотъ торжественно отрекается отъ всякаго прикосновенія къ стихамъ и стихотворству, забывъ о написанномъ въ альбомѣ. Виконтъ заводитъ съ нимъ полемику, тискаетъ въ англійскихъ газетахъ возраженія, наконецъ объявляетъ о готовности своей доказать Великому Смутотворцу документами, что онъ—поэтъ, что эти сти-

хи дѣйствительно—его, что они даже *писаны* собственною его рукою и подлинникъ ихъ хранится у виконта. Тогда только О'Коннелъ вспомнилъ, что онъ въ альбомѣ этого неотвязнаго Француза напечаталъ что-то такое—кажется, стихи—да! стихи миссъ Голькрофтъ—изъ поэмы ея Wallace!—Новая полемика: виконтъ возражаетъ, что это—не правда: миссъ Голькрофтъ никогда этихъ стиховъ не писала, и сочинительница поэмы Wallace не она, а миссъ Митфордъ, у которой тоже нѣтъ ни одного подобнаго стиха; господинъ О'Коннелъ спорить по-напрасну: онъ только не хочетъ признаться, что изподтишка кроааетъ стишки, но, въ душѣ, онъ—поэтъ, великій поэтъ, и пѣса его непременно перейдетъ къ потомству. На такія доказательства О'Коннелъ не зналъ что и отвѣчать: онъ уже готовъ былъ признаться что—виновать!—согрѣшилъ!—дѣлать нечего, сочинилъ стихи—видно сочинилъ ихъ самъ, когда автора нигдѣ имъ не находятъ!.... но это было въ такое время, когда человѣкъ за себя не отвѣчаетъ: послѣ *meeting'a*, въ тавернѣ давали большой обѣдъ—пили страшно—Французъ началъ приставать—напиши да напиши!—нечистый соблазнилъ—виновать!.... впередъ не буду—нить не стану—запишусь въ Общество Трезвости—когда, къ счастью, журналъ «The Athenaeum» открылъ какимъ-то чудомъ, что это были стихи Вальтера-Скотта, изъ его знаменитой поэмы «The Lord of Islands». Какимъ образомъ полемика могла производиться въ англійскихъ газетахъ цѣлый мѣсяцъ и никто изъ редакторовъ, пересмѣшниковъ, защитниковъ и критиковъ мнимой О'Коннелевой пѣсы не узналъ въ ней стиховъ Вальтера Скотта—почти не понятно; но дѣло въ томъ, что книга почтеннаго виконта, черезъ этотъ смѣшной споръ, который онъ очевидно поддерживалъ съ умысломъ, сдѣлалась извѣстною всей Европѣ.

— Виктору Гюгò или, точнѣе, à monsieur le comte Victor Hugo, хочется непременно, какъ увѣряютъ мѣстные биографы и журналисты, быть пѣромъ: поэтическая слава ему наскучила; онъ желаетъ политической, и отъ ораторскихъ успѣховъ Ламартина давно уже спать не можетъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ, рѣшился онъ спросить оракулъ о томъ, что ему предназначено: взялъ два листа бумаги, на

одномъ написалъ — *Росііе*, а на другомъ — *Ролітііе*, запряталъ ихъ въ цѣлую дѣсть чистой бумаги, и отправился къ знаменитому соннамбулу, Алексису, съ тѣмъ чтобы ясновидящій прочиталъ ему судьбу ~~жизн~~удкомъ. Лишь-только дѣсть бумаги была положена на подложечную область погрузившагося въ магнитическій сонъ пророчителя, онъ началъ читать: — *Ро..... ро..... ро..... ро!..... ро!.....* — *Tique!* вскричалъ нетерпѣливый поэтъ. — *Ош!..... тіс!.....* прошепталъ ясновидящій. Господинъ Викторъ Гюгъ былъ къ неописанному восторгѣ: онъ не позволялъ Алексису читать далѣе, и теперь судьбу свою считаетъ рѣшительно окончательно и невозвратно: если его скоро не слышатъ въ ромъ, онъ пойдетъ въ депутаты. За историческую истину этого анекдота отвѣчаютъ.

— Одиннадцатаго мая, въ театрѣ Одеонъ, играли Софоклову трагедію «Антигона», съ извѣстною музыкой Мендельсона и полнымъ подражаніемъ древней греческой обстановкѣ, дотого что даже партеръ и ложи превращены были на этотъ случай въ классическій амфитеатръ. Чего никакъ нельзя было ожидать отъ парижской публики — представленіе произвело на нее сильное и глубокое дѣйствіе! Она, послѣ всей этой искусственной путаницы ужасовъ, къ которой пріучила ее новѣйшая школа, послѣ долготѣяго поклоненія отвратительному и безобразному, послѣ Гюгъ и Дюма, еще поняла высокое прекрасное истинно художественной простоты. Антигону играла мамзель Бурбіе.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВЪ АНГЛІИ. Въ англійской литературѣ — рѣшительный застой: въ послѣдніе мѣсяцы не вышло ни одной книги, возбуждающей общій интересъ. Единственная новость, которая можетъ быть занимательною для нашихъ читателей, состоитъ въ томъ, что одно изъ лучшихъ произведеній нашего даровитаго романиста, И. И. Лажечникова, переведенное на англійскій языкъ господиномъ Томасомъ Shaw подъ заглавіемъ «*The Hege-jis*» и изданное зимою въ Лондонѣ, встрѣчаетъ у тамошнихъ критиковъ очень лестный пріемъ. Англичане увѣряютъ, что литература у насъ — чудесная!.. лучше, и быть нельзя!

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНИЯ.

(Ильмъ на сроднѣ).

Ассортиментъ для форменіана.

СЕРВАНУ. Grande sérénade concertante, avec clarinette, cor et violoncelle (ou avec violon, alto et violoncelle), en Es. (3 r. 43 c.)

— Deux quatuors, avec violon, alto et violoncelle, oeuvre 224, (à 2 r. 33 c.).

— Trois quatuors non difficiles, chaque (2 r.).

ЭБЛЕРИУСЪ. Quatuor très facile, avec flûte, alto et violoncelle (2 r. 73 c.).

ВОННА. Quatuor (n. 3). Oeuvre romantique (2 r. 30 c.).

КАЛЕНДЕРСКИ. Quatuor (n. 2). (2 r.).

ВЕРДОН. Quatuor, oeuvre 408; posthume (5 r.).

КУЛЕНКАМЪ. Quatuor facile (2 r.).

ИЗЕНДОРФЪ. Trois quatuors, № 1 (2 r. 15), № 2 (2 r. 73 c.), № 3 (4 r. 30 c.).

МОСЧЕЛС. Fantaisie et variations, avec violon et clarinette (ou alto et violoncelle) (3 r. 43 c.).

КРИСТОРН. Cinquième quatuor brillant, oeuvre 141 (4 r. 30 c.).

Trio для форменіана.

ИЗЕНДОРФЪ. Deux trios, avec violon et violoncelle, (à 2 r. 15 c.).

СРОПЪ. Premier trio, oeuvre 6. (3 r. 15 c.).

СЕРВАНУ. Quatrième grand trio, en la mineur (4 r.).

— Variations concertantes, avec violon et violoncelle, oeuvre 269. (1 r. 73 c.).

А. ПЕСКА. Deux grands trios, (à 3 r.).

ВЕНЗ. Grand trio, oeuvre 38. (4 r.).

БУХТЕН. Second trio brillant, oeuvre 91. (3 r.).

БЕНДЕНСОНЪ. Un quatuor grand trio, (5 r.).

ВОННА. Trois sonatas faciles, avec flûte et violon, (à 2 r. 73 c.).

ИЗЕНДОРФЪ. Grand trio, oeuvre 49. (5 r.).

ВОННА. Troisième et quatorzième trio, (à 3. 73 c.).

— Trio facile, oeuvre 164. (3 r. 73 c.).

Дуэты для форменіана и аинструмента.

БЕНДЕНСОНЪ И МАТТА. Duo sur Robert le diable. (2 r. 34 c.).

БЕНТИНИ И ФРАНШОНМЕ. Thème varié (1 r. 15 c.).

БЮРГМЮЛЛЕР. Trois nocturnes (2 r. 30 c.).

СРОПЪ И ФРАНШОНМЕ. Grand duo concertant sur Robert le diable (2 r.).

СЕРВАНУ. Trois sonatas concertantes sur les motifs de Schubert, avec violoncelle, ou violon, ou cors, (à 3 r. 43 c.).

BOZLAUKA. Six rondinos sur des mélodies d'opéras, trois cahiers, (à 2 r.).

— Amusement sur la Norma, oeuvre 155. (2 r. 50 c.).

CRÖSS. Duo brillant sur les Huguenots, oeuvre 37. (1 r. 75 c.).

KERZ. Fantaisie et variations sur des thèmes Russes. (1 r. 15 c.).

MENDELSSOHN. Arrangé par Czerny. 16 Liedet sans paroles, trois cahiers, (à 2 r. 15 c.).

REISSIGER. Grande sonate, oeuvre 152. (2 r. 73 c.).

TRALBERG. Divertissement concertant, avec violoncelle ou baryt. (2 r. 55 c.).

Дуэты для двух фортепиано.

KERZ. Variations et ronde brillant. (9 r. 30 c.).

— Second duo concertant. (2 r. 85 c.).

— Grand duo du couronnement. (2 r. 30 c.).

MÜNTER. Invitation à la danse (1 r.).

KALKBRENNER. Grand duo, oeuvre 128 (2 r. c. 15).

MENDELSSOHN. Grand duo d'après un quatuor. (6 r.).

MOSCHELES. Hommage à Händel, oeuvre 92. (2 r. 15 c.).

PIXIS. Variations militaires, avec orchestre ad libitum. (3 r.).

— Variations originales, oeuvre 119. (3 r.).

ROSENI. Ouverture de Guillaume Tell à 8 mains (6 r.).

SCHÖNBURGNER. Variations sur la Fiancée. (3 r. 30 c.).

SCHWENKE. Trois thèmes variés, à 6 mains (1 r.).

STRAUSS. Valse à 6 mains, oeuvre 113. (1 r. 73 c.).

— Cecillen-walzer, à 6 mains (2 r.).

Для фортепиано в четыре руки.

BERGMÜLLER. La fête aux champs, quadrille (1 r.).

CHOPIN. Quatre mazurkas, oeuvre 30 (1 r. 75 c.).

CZERNY. Fantaisie brillante sur le Duc d'Orléans, oeuvre 765. (1 r. 85 c.).

DÖHLER. Petite fantaisie sur la Norma. (1 r. 15 c.).

FISCH. Deux nocturnes. (1 r. 75 c.).

HUB. Polonaise favorite de Liszt. (1 r. 15 c.).

REISSIGER. Quatre airs de ballet de la Favorite; (à 1 r.).

LENT. Seconde marche hongroise (1 r. 50 c.).

MANN. Mosaïques d'airs favoris d'opéras nouveaux 24 cahiers, (à 1 r. 15 c.).

— Potpourris sur Fenella, sur La fille du régiment et La part du diable, (à 2 r. 29 c.).

ROSELLEN. L'aérienne, valse brillante (1 r. 43 c.).

ROSENHAIN. Trois petits duos, (à 85 c.).

STJUNKE. Bibliothèque du jeune pianiste dès et contenant: rondes, des variations sur des thèmes d'opéras, 7 cahiers, (à 55 c.).

(Объяснительные марширъ Шопана, на Россіонъ Шпендлера, на свойъ Маршесъ Шпендлера, на своиъ Танцевалы.)

Господа многогородные, выписывающіе нотъ не менѣе какъ на 10 р. асс., получаютъ уступки двадцать процентовъ; а на 30 р. асс., и болѣе, кромѣ процентовъ, не платятъ за пересылку. Всѣ требованія исполняются съ первой почтою.

Эти условія относятся впрочемъ единственно къ тѣмъ требованіямъ, которыя будутъ адресованы непосредственно въ выше сказанный магазинъ.

Здѣсь же вышла первая іюня, 6-я тетрадь музыкальнаго журнала: *Нувелистъ*, которая содержитъ въ себѣ слѣдующія піесы:

Tscherlitzky, thème de Rossini, transcrit. — E. Wolff, Bolero. — Thalberg, un soupir, mélodie variée. — Kontsky, Mazurka mélancolique. — Романсъ Гурилова. — Romance par M-me Viardot-Garcia. — Литературное прибавленіе.

Подписная цѣна 10 р. сер., съ пересылкою 11 р. 30 к. серебромъ.

=

МОДЫ.

— Три вещи нынче въ величайшей модѣ въ Парижѣ, полька, натуральные цвѣты на головѣ, и платья съ огромными клѣтками. Англійская мода утреннихъ весеннихъ баловъ, которые происходятъ по-поламъ въ комнатахъ и въ саду и продолжаются почти цѣлыя сутки, отъ часу по-полудни до семи и осьми часовъ по-полуночи, дѣлаетъ фугоге между Парижанами: никто не думаетъ уѣзжать въ деревню; всѣ танцуютъ, день и ночь, на утреннихъ балахъ. На этихъ балахъ, натуральные цвѣты, вмѣсто искусственныхъ, приняты съ величайшимъ одобреніемъ; они не выдерживаютъ такихъ продолжительныхъ нотѣхъ и къ концу бала совершенно ападутъ отъ жару въ комнатахъ, отъ блеску свѣтъ и отъ недостатку въ вѣнцѣ; пріѣзжаете на балъ съ гирляндами, уѣзжаете съ салатомъ на головѣ: но этотъ салатъ находятъ весьма интереснымъ, и мода на него распространяется. Польки безъ натуральныхъ цвѣтовъ танцовать нельзя, а безъ польки жить невозможно. Какъ въ Парижѣ, нынѣшнею зимою, былъ только одинъ учитель этого танца богемскихъ мужиковъ и каждая хотѣла брать у него уроки, то умѣть танцовать польку, принадлежало даже къ статьямъ роскоши: по увѣренію корреспондентовъ одного англійскаго журнала, мадамъ Т... жсна бывшаго французскаго министра, которая сечья нуж-

нымъ взять у этого художника маленькое наставленіе поутру, передъ баломъ, и, чтобы погаллопировать польку вечеромъ пять минутъ, должна была заплатить шесть сотъ франковъ за три часа урока, — по двѣсти франковъ за часъ, — цѣна обыкновенная. И теперь еще оказывается, что этотъ великій учитель самъ не умѣлъ танцовать польки, не имѣлъ объ ней ни малѣйшаго понятія, сочинилъ все въ своей головѣ: герръ Раабъ, богемскій учитель танцованія, узнавъ, какъ онъ портитъ такой прелестный танецъ, какія ложныя идеи распространяетъ между народами, пришелъ въ благородное негодованіе на самозванца и прискакалъ къ началу весны на берега Сены по почтѣ, переучивать Парижанокъ и Парижанъ. Объявленіе о пріѣздѣ настоящаго учителя польки такъ заняло публику, что она совершенно забыла политическіе споры о королевѣ Помарѣ: полька убила Тавти; герръ Раабъ спасъ министерство.

— Къ важнымъ новостямъ принадлежитъ еще то, что хорошими кружевами не обшиваются теперь ничего въ видѣ оборки: когда кружево прекрасно, то его пришиваютъ вгладь, плоско, на самой матеріи платья, капотѣ или мантильи.

— Въ Парижѣ теперь все клѣтчатое, и клѣтки — огромнѣйшія, обыкновенно двухъ цвѣтовъ, бѣлыя и красныя, бѣлыя и голубыя, бѣлыя и лиловыя, и такъ далѣе: это безобразно, но если въ Парижѣ находятъ такіа матеріи прекрасными, то векорѣ и у насъ онѣ будутъ господствовать повсемѣстно. Мужскіе жилеты, галстуки и напугалонны также всѣ — клѣтчатыя.

— Вотъ очень милая форма капотовъ: капотъ открытый, тафляный, двуличневый, убранный чернымъ кружевомъ, пришитымъ вгладь и отвернутымъ съ обѣихъ сторонъ, полы соснурованныя плоскимъ снуркомъ, снизу широко, а сверху всё уже и уже; корсажъ гладкій, высокій на плечахъ, открытый впереди до кушана, сверху шире, а къ низу уже и уже, и соснурованный такъ же какъ юбка: надо замѣтить, что снурованные юбки и корсажи — фасонъ самой щегольской нынче; кружево пришито вгладь, на плечахъ немного собрано и представляетъ кругомъ кружевной отворотъ; рукава — гладкіе, открытые на двѣ трети

всего передняго края книзу, обшитые по разну кружевомъ и роснурованные,

— Корсажи дѣлають вообще высокіе, амазонскіе, и убирають аграмантами, которые, спускаясь составляютъ уборку юбки. Но и корсажи драпированные, еще не совсѣмъ покинуты; они допускаются при платьяхъ, убранныхъ двойнымъ рюшемъ той же матеріи, обшитымъ по обѣимъ краямъ узенькимъ кружевомъ, съ рукавами, убранными вверху такимъ же рюшемъ въ одинъ рядъ, и съ юбкою, на которой впереди четыре ряда рюшу, или двойная оборка (капюше), верхняя узенькая, а нижняя широкая, или гофическія біаія; эти три уборы еще очень новы, и предпочитаютъ всѣмъ вышивкамъ и другимъ украшеніямъ.

— Шляпки бастовыя убираются двумя рядами широкаго кружева, одинъ покрываетъ тудю, а другой поля; полу-гирлянда изъ розъ придерживаетъ этотъ родъ воала, прикрепленная на концахъ легкими бантами изъ лентъ. Многія изъ такихъ шляпокъ бывають украшаемы большими перомъ, или яркой бенгальскою розой, или лиловыми марбутомъ, или гирляндой пестрыхъ цвѣтовъ, перемежанныхъ съ кружевомъ. Въ Лондонѣ бастовыя шляпки наводн расписывать акварелью: великолѣпныя гирлянды розъ и другихъ цвѣтовъ бывають нарисованы около туды и на краяхъ полей. Нѣкоторыя изъ такихъ шляпокъ достаютъ заимать почетное мѣсто на выставкахъ произведеній художества. Въ Парижѣ сначала смѣядась надъ этимъ шикомъ-мартини, но какъ онъ, по-необходимости, очень дорогъ, и къ дѣлу прикосновение имѣють молодые художники, герон вышивающъ романами, то вѣроятъ мало-помалу приминетъ другой оборотъ и уже нѣсколько живописцевъ вышитокъ наложилъ тамъ въ послѣднихъ концертахъ. — Шляпки креновыя убираются вообще марбутомъ, а шедювыя кружевомъ, належащимъ на поля съ правой стороны; на срединѣ—букетъ мелкихъ цвѣтовъ; приподнявъ кружево, онъ скрываетъ его такъ, что кружево покрываетъ дѣлаю сторону туды. На бѣлыхъ креновыхъ шляпкахъ бывають кружевные шарфы и три розы, походящія полу-гирляндой съ правой стороны.

ОГЛАВЛЕНИЕ
ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАГО
ТОМА.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

дѣнадцать стихотвореній *М. Ю. Лермонтова*. Изъ
альбома *Екатерины Александровны Суниковой*.

I. Черной	5.
II. Благодарю	6.
III. Въ альбомъ. (Подражаніе Байрону)	7.
IV. Стенъ	8.
V. Еврейская юдаиза	8.
VI. Къ Е. .... А.	129.
VII. Къ ней же	—
VIII. Звѣзда	130.
IX. Весна	—
X. Романсъ	131.
XI. Къ Е. .... А.	132.
XII. Къ ней же	—

ПРОЗА.

- ✓ Два Ивана, два, Степаныча, два Костылькова. Романъ Н. В. Кукольника.
Часть первая. Провинція..... 9.
Часть вторая. Губернія..... 133.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- ✓ Аристидъ Фроассаръ, молодой Французъ нашего времени. Романъ господина Леона Гозлана.... 1.
✓ Сесиль. Романъ графини Ганъ-Ганъ.
Часть первая..... 89.

III.

НАУКА И УДОЖЕСТВЛЕНІЯ.

- ✓ Кардиналъ Ришліе. Часть вторая и послѣдняя..... 1.
Польскія и Турецкія войны, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны..... 89.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

- Цель и польза постоянныхъ выставокъ въ Англіи.. 1.
Опытный взглядъ на сельское домоводство Россіи:
Изъ экономическихъ записокъ сэра Алксандра Бода..... 15.

V.

КРИТИКА.

- Описаніе Турецкой войны 1828 и 1829 годовъ. Составленіе Лукьяновича..... 1.

3
non

64
/

Записки и воспоминавія о путешествіи по Англіи, Франціи, Бельгіи и Германіи . въ 1842 году. —	
Очерки береговъ Рейна и Швейцаріи.	33.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Апрѣль, 1844. Новыя книги и брошюры.....	1.
— — Разныя извѣстія.....	43.
Май, 1844. Новыя книги и брошюры.....	47.
— — Разныя извѣстія.....	39.

VII.

СМѢСЬ.

АПРѢЛЬ

Преподаваніе и практика медицины во Франціи. Французскій Университетъ.....	1.
Открытія господина Форбиса на днѣ морскомъ.....	12.
Фторная кислота въ человѣческомъ тѣлѣ.....	13.
Коровье масло въ человѣческомъ тѣлѣ.	14.
Отраженіе образа солнца на облакахъ.....	—
Новая гальваническая баттарей, госпоина Поггендорфа	—
Послѣднее приращеніе зоологическаго отдѣленія англійскаго народнаго музея.....	15.
Дуэль на Ионическихъ Островахъ. Разсказъ мистриссъ Горъ.....	16.
Самоотверженіе молодой Испанки.....	35.
Французскій театръ въ Парижѣ: 1. Jane Grey, трагедія. 2. Louise et Louison, драма-водевиль. 3. Le Lazzaconi, опера. 4. L'Oncle à succession, водевиль. 5. Une Séparation, водевиль. 6. Le Peau du lion, водевиль.....	58
Музыкальныя новости.....	7
Новыя книги.....	
Новыя музыкальныя сочиненія.....	
Моды.....	

Совершенство великихъ переворотовъ на земной поверхности при нашихъ глазахъ.....	71.
Надпись жреца Элевсинскихъ Таинствъ въ погребальныхъ подземельяхъ Фараоновъ.....	72.
Курсы невозможныхъ наукъ въ Парижѣ. Преподаваніе египетскихъ іероглифовъ.....	76.
Начало названій разныхъ областей въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.....	80.
Музеумъ скандинаво-американскихъ древностей въ Копенгагенѣ.....	81.
Переходъ французской арміи черезъ Березину. Матеріалъ для исторіи Отечественной Войны.....	82.
Наслажденія и волшебства путешествій по Америкѣ. Двѣ ночи въ Мексикѣ. Изъ записокъ страстнаго любителя природы.....	94.
Воспоминанія о Шпицбергенѣ.....	118.
О томъ, какъ живописецъ Манданъ душу свою черту продалъ, чтобы угодить безпристрастной критикѣ.....	125.
Французскій театръ въ Парижѣ.....	140.
Литературныя новости во Франціи.....	140.
Литературныя новости въ Англіи.....	143.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	144.
Моды.....	146.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Дружески
М. Д. Ольхина.

Коммиссіонера Министерства Финансовъ, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій и Коммиссіонерствъ Полицейской Газеты, на Невскомъ Проспектѣ, противъ арсенала Аничкова Дворца, въ домѣ Завѣтнаго, и въ Гостиномъ Дворѣ (по Суконой Лѣнѣ), подъ № 13-мъ,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

(Цѣны на серебро).

ЗАПИСКИ И ВОСПОМИНАНІЯ

0

ПУТЕШЕСТВІИ ПО АНГЛІИ ФРАНЦІИ БЕЛГІИ И
ГЕРМАНИИ.

Въ 1842 году. Профессора Симонова. Казань, 1844; въ 8-ю д. л., на лучшей бумагѣ. Цѣна 3 р. всѣ., за 3 ъ.

Вышел и раздаются Гг. подписавшимся:

ПАМЯТНИКИ МОСКОВСКОЙ ДРЕВНОСТИ.

Тетради Седьмая и восьмая (въ in-4) М. 1844 года. Цѣна за обѣ 8 р., всѣ. за 3 ъ. тоже тетради 1, 2, 3, 4, 5, 6. Цѣна каждой 4 руб., всѣ. за 2 ъ.

ПОЛНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ
ГАЛЬВАНОПЛАСТИКИ
ГАЛЬВАНИЧЕСКОЙ ПОЗОЛОТЫ

СЕРЕБРЕНІЯ,

Составленное по новейшимъ источникамъ, съ присовокупленіемъ способа золоченія и серебрянія электро-химически, безъ посредства гальванической батареи. Съ чертежами и таблицю, показывающею отношеніе французскихъ метрическихъ мѣръ къ русскимъ. Спб. 1844 года въ 12 ю д. л. Цѣна 1 р. съ пересылкою 1 р. 25 к.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ВЪ ПАМЯТЬ НЕЗАВВЕННАГО НАЧАЛЬНИКА
ЕГО СВѢТЛОСТИ КНЯЗЯ
ДМИТРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ГОЛИЦЫНА.

Сочиненія князя М. Н. Голицына.

Почетнаго попечителя Московской городской больницы
М. 1844 года. Цѣна 25 коп. сереб. рѣс. за 1 р.

Печатать дозволено въ С. Петербургѣ, 1-го Июня
1844 года. Цифроръ. А. И. Шварцъ

FEB 24 1937

